

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии НАН Беларуси

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ТЕЗИСЫ ПЕРВОГО БЕЛОРУССКОГО
ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА

Минск, 18–20 октября 2017 года

Минск
«Беларуская навука»
2017

УДК 1(476)(043.2)
ББК 87.3(4Бел)я43
Н35

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института философии НАН Беларуси
(протокол № 13 от 20.09.2017 г.)*

Редакционная коллегия:

В. Г. Гусаков (председатель), А. А. Коваленя, В. Ф. Гигин, А. И. Зеленков,
А. А. Лазаревич, В. И. Чуешов, Я. С. Яскевич

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси
Л. Ф. Евменов,
доктор философских наук, профессор А. И. Осипов

**Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого
Н35 белорусского философского конгресса / Национальная академия наук
Беларуси, Институт философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др]. –
Минск : Беларуская навука, 2017. – 765 с.**

ISBN 978-985-08-2207-9.

Сборник содержит тезисы докладов и выступлений, включенных в программу Первого белорусского философского конгресса «Национальная философия в глобальном мире» (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 октября 2017 года). Материалы отражают многообразие теоретико-методологических подходов к решению актуальных проблем философского и трансдисциплинарного знания в структуре науки, повышению эвристического статуса философских дисциплин в социальной практике. Большое внимание уделено истории, сегодняшнему дню и малоизученным аспектам философской мысли Беларуси – самобытной и богатой философской традиции с многовековой историей, которая служит мировоззренческой и методологической основой социокультурного проектирования в современном белорусском обществе.

Предназначен для ученых в области философии и социально-гуманитарных дисциплин, специалистов органов государственной власти и управления, работников системы образования, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами развития философского знания в национальном и глобальном контексте.

УДК 1(476)(043.2)

ББК 87.3(4Бел)я43

ISBN 978-985-08-2207-9

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2017

К ЧИТАТЕЛЯМ

Перед Вами сборник тезисов докладов и выступлений участников Первого белорусского философского конгресса, который проводится в столице Республики Беларусь городе Минске 18–20 октября 2017 года в рамках мероприятий Года науки в нашей стране.

Идея проведения конгресса, как и его тематическая ориентация на выявление роли национальной философии в современном глобальном мире, были продиктованы назревшей необходимостью системно осмыслить миссию философии как важнейшего компонента духовной культуры современной Беларуси, выявить ее интеллектуальный и творческий потенциал. Основной задачей конгресса является всестороннее раскрытие роли и функций философии в напряженной и конструктивной деятельности белорусского государства, создающего свое суверенное будущее и утверждающего себя в качестве полноправного члена мирового сообщества. Разумеется, успешное решение этой задачи предполагает акцентированное обращение к тысячелетней философской традиции, уникальному духовному наследию белорусского народа, которым по праву может гордиться современная Беларусь.

Организаторы конгресса, заявив его тему – «Национальная философия в глобальном мире», рассчитывают на то, что силами белорусских исследователей, а также их коллег из других стран и регионов мира, будет достойно отражена роль белорусской философской школы в развитии современной мировой философии, а также ее глубинная связь с национальной культурной традицией; будет раскрыт и продемонстрирован потенциал философского знания в деле консолидации общества, совершенствовании процессов государственного строительства, упрочении духовно-нравственной сферы и этноконфессиональных отношений, продвижении инновационных преобразований социума.

Это, однако, вовсе не означает, что тематика конгресса ограничивается белорусской проблематикой. В полном соответствии с подходами, принятыми на больших международных философских форумах, программа Первого белорусского философского конгресса включает в себя основные темы и направления как теоретической, так и практической философии: от историко-философских исследований до онтологии и теории познания, философии сознания, философской антропологии, этики и биоэтики. Особое внимание уделено истории, сегодняшнему дню и малоизученным аспектам интеллектуальной традиции Беларуси и соседних государств, а также инновационным моделям

использования капитала философского знания в решении важнейших гуманитарных и социотехнических проблем современного мира.

Такая широкая панорама философских идей, гипотез и концепций находит свое отражение и в тематике данного сборника. В нем представлены свыше 600 материалов, авторами которых являются ученые и философы более чем 20 стран ЕАЭС, государств Европы, Азии и Америки.

Программа конгресса предусматривает обсуждение заявленных проблем в рамках трех отдельных научных конференций, ряда круглых столов и специальных сессий. Не следует думать, что это обособленные, «замкнутые в себе» мероприятия. Императив трансдисциплинарности, характерный для современного философского знания, отразился на тематике большинства докладов и выступлений. В программе конгресса преобладают работы, интегрирующие целый ряд философских, научно-теоретических и прикладных проблем гуманитарного знания в традиционных и новых, оригинальных, сочетаниях. Это делает распределение материалов по тематическим блокам отчасти условным. Чтобы отразить богатую проблемно-тематическую палитру конгресса и вместе с тем показать ее целостность, слитность, редколлегия сборника посчитала целесообразным структурировать все принятые к публикации тезисы в рамках двух крупных разделов: «Философское знание в науке и культуре: традиции, парадигмы, горизонты развития» и «Философия и цивилизационные перспективы постсовременности», каждый из которых дополнительно разделен на шесть тематических блоков, в пределах которых материалы размещены в алфавитном порядке имен авторов.

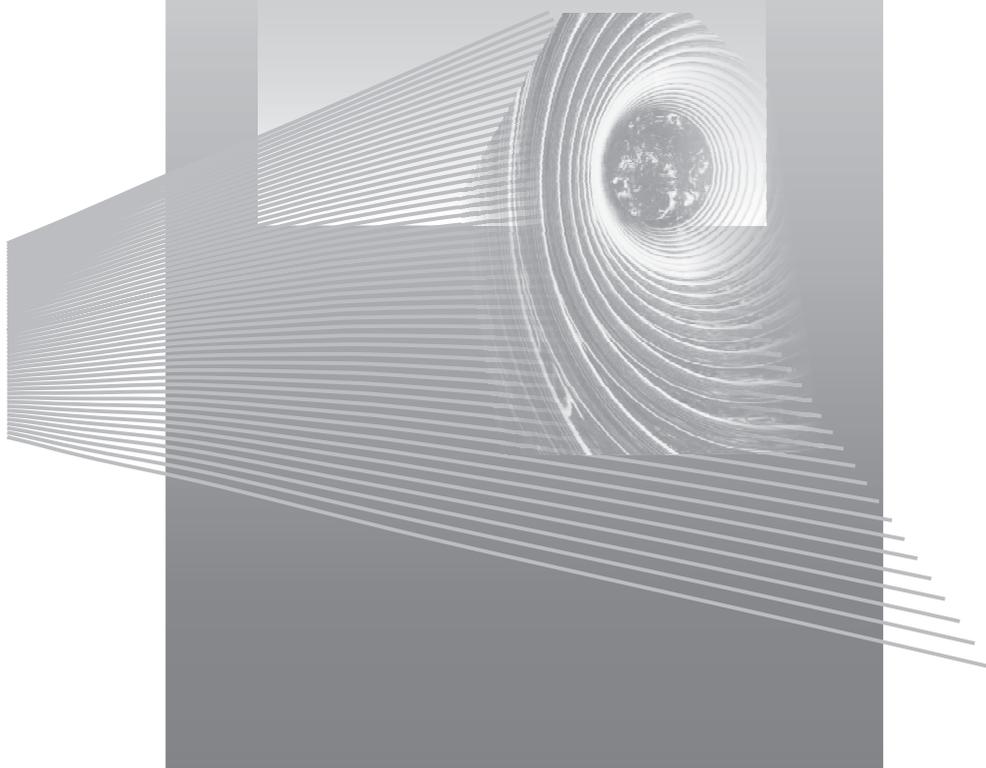
Безусловно, жанр кратких тезисов, принятый в этом сборнике, позволяет лишь приблизительно составить представление о подлинном разнообразии и содержательной глубине заявленных тем и их философской интерпретации. Данная книга подготовлена навстречу конгрессу: она носит во многом справочный характер и будет дополнена изданием важнейших трудов конгресса в развернутой форме, которое увидит свет по окончании мероприятия.

Организаторы Первого белорусского философского конгресса надеются, что атмосфера творческих, заинтересованных обсуждений будет сопровождать все его мероприятия и позволит сделать важные шаги в выработке стратегии дальнейшего развития философских исследований в стране, магистральных направлений межотраслевого и международного научного сотрудничества на базе актуальных философских знаний и методологии. Дискуссии в рамках конгресса позволят наглядно и убедительно раскрыть научно-теоретический и социально-практический потенциал представленных на нем философских идей и трансдисциплинарных проектов на благо прогресса национальных философских школ, во имя роста и содержательного совершенствования современного гуманитарного знания и для уверенного поступательного развития социокультурных систем Беларуси, региона и всего мира.

*Организационный комитет
Первого белорусского философского конгресса*

Раздел
1

**ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ
В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ:
ТРАДИЦИИ,
ПАРАДИГМЫ,
ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ**

1.1. ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

ЧЕЛОВЕК И СОЛНЦЕ – ДВА НЕРАЗРЫВНЫХ ПОЛЮСА В УНИВЕРСУМЕ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

Е. М. БАБОСОВ

Пятисотлетие белорусского книгопечатания – это знаковое событие не только в белорусской национальной философии, истории, культуре; оно широко отмечается народами – нашими соседями, да и во многих странах дальнего зарубежья.

Белорусский первопечатник Франциск Скорина занимает выдающееся место в восточнославянском просветительстве ренессансного направления. Сохранились свидетельства его встреч с Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэлем, Лютером. Центр его творчества – взаимосближение религиозно-трансцендентных и светских идеалов и ценностей. В творчестве Скорины органично сопрягаются онтологизация как процесс постижения и устройства сущего на уровне его бытия и социализация – процесс усвоения человеком социального опыта, идеалов, ценностей и норм культуры. Первый аспект символизируется солнцем, изображенным на гербе Скорины – источником света на земле, высшим полюсом просветительской деятельности. Выражением второго служит простой человек, центр социума: его полюс символизирует творческий стержень «народа посполитого» (в старобелорусском языке слово это употреблялось в значении «простой», «общенародный»).

В пятидесяти предисловиях к библейским текстам и в шестидесяти двух послесловиях к ним Ф. Скорина отчетливо демонстрирует свои антропоцентрические убеждения, основанные на твердой уверенности в том, что человек из народа, не обладающий ни богатством, ни знатностью, способен собственными усилиями возвыситься себя в духовном смысле. Просветитель провозглашает самоценность человеческой жизни, поэтизирует земное бытие человека, не отвергая в то же время и веры в потустороннюю жизнь. Его этическая доктрина нацеливает человека преимущественно на реальную общественно-полезную жизнедеятельность, служение «пожитку посполитому», овладение знаниями, нравственное совершенствование, «абы научившись мудрости», люди «добре жили на свете». «Без мудрости и без добрых обычаев, – утверждал Ф. Скорина, – не ест мощно, почастие жити людям посполите на земле». В комментариях к Екклесиасту он говорит: «О науце всех людей посполите

сущих в letech мужество... понеже в розмантных речах люди на свете покладают мысли и кохания свое». Для него высшая ценность – насыщенная знаниями, нравственно совершенная общественно-полезная жизнь человека: «Да совершенен будет человек божий и на всякое дело доброе уготован».

В творениях Ф. Скорины моральные проповеди органично сопрягаются с призывом соблюдать правовые установления. По его словам, «Закон прирожденный в том наиболее соблюдаем бывает, что самому либо ест от иных всех, и того же не чините иным, чего сам не хоцещи от иных имети... Сей закон прирожденный ест в сердце единого кажного человека». В качестве важнейшей этической категории Ф. Скорина выделяет понятие «согласия», в котором воплощено стремление людей к гражданскому и социальному взаимопониманию. По его словам, самоотверженное, даже жертвенное служение своему народу и Отечеству – важнейшая обязанность сознательных граждан; «чтобы всяческих усилий, и ценностей для общего добра, и Отечества своего никогда не жалели».

На уровне методологической рефлексии правомерно утверждать: сотворенная Ф. Скориной интегративная панорама социума – это предощущение, намечающаяся возможность создаваемого в наши дни в процессе сотрудничества науки, философии и церкви антропотеокосмического союза.

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ДУМКІ: ВЫНАХОДНІЦТВА, ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ, КАНСТРУЯВАННЕ КАНОНУ

І. М. БАБКОЎ

Хаця першыя агляды і ацэнкі папярэдняй філасофскай традыцыі паўстаюць у нас у часы Асветніцтва і Рамантызму, пачынальнікам інтэлектуальнай і культурнай гісторыі рэгіёна можна лічыць краёвага гісторыка канца XIX стагоддзя Петра Хмялёўскага. У сваёй працы «Лібералізм і абскурантызм на Літве і Русі» (1898) ён упершыню даў панараму інтэлектуальнага жыцця Беларусі і Літвы першай трэці XIX стагоддзя.

Яго працу працягнуў і перавёў у прафесійнае рэчышча Уладзіслаў Татаркевіч, які патрапіў у Вільню ў 1919 годзе. Татаркевіч друкуе артыкулы «Аб віленскай схаластыцы» (1922), «Матэрыялы да дзеяў навучання філасофіі на Літве» (1926), «Два класіцызмы, віленскі і варшаўскі» (1920) і значна пазнейшую працу «Два барока, кракаўскі і віленскі».

Уладзіслаў Татаркевіч па-сутнасці кладзе пачатак трактоўцы Віленскай школы філасофіі як рэгіянальнай інтэлектуальнай традыцыі, г. зн. закладае перспектыву разгляду, якую ў другой палове стагоддзя працягнулі беларуская, літоўская і польская гістарыяграфіі.

Ад 20-х гадоў XX стагоддзя традыцыя думкі становіцца аб'ектам аналізу беларускіх мысляроў. «Гісторыя крыўскай кнігі» Вацлава Ластоўскага,

«Западно-русизм» Аляксандра Цьвікевіча і «Адвечным шляхам» Ігната Канчэўскага «вынаходзяць» і «засноўваюць» традыцыю беларускай думкі, і што больш важна, пачаткуюць беларускую суб'ектнасць, з перспектывы якой такая традыцыя мае сэнс. Ад 1960-х гадоў яна робіцца аб'ектам акадэмічных даследаванняў і да канца 1980-х мы можам казаць пра беларускую гісторыка-філасофскую школу (Алексютовіч, Бірыла, Лушчыцкі, Іоська, Дарашэвіч, Майхровіч, Конан, Падокшын, Чарнышова, Шалькевіч, Цукерман і іншыя), у выніку працы якой паўстаў як агульны наратыў гісторыі філасофскай думкі Беларусі, так і манаграфічныя даследаванні асобных перыядаў і персаналіяў (В. Евароўскі, С. Падокшын, А. Цукерман, А. Бірала, С. Сокал, У. Дуброўскі, Э. Дарашэвіч, Ул. Конан, Н. Махнач, А. Майхровіч, І. Бабкоў).

Агульнай тэндэнцыяй усіх гэтых даследаванняў быў усё больш універсальны ахоп матэрыялу, улучэнне лацінамоўнай, польскамоўнай, а часам і рускамоўнай культурнай прадукцыі ў беларускі культурны архіў.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

А. С. БАРАНОВА

Работы просветителей выявляют влияние взглядов русских вольнодумцев Артемия и Ф. Косого на развитие просветительских взглядов С. Будного, В. Тяпинского, показывают значение деятельности белорусского просветителя С. Полоцкого на становление и развитие просвещения в России. Взаимовлияние взглядов русских и белорусских просветителей обусловлено общностью исторического развития русского и белорусского народов, единой для двух стран просветительской платформы. Идея взаимовлияния взглядов русских и белорусских просветителей актуальна и перспективна в плане взаимодействия образовательных систем, русской и белорусской культуры.

На развитие общественно-политической и философской мысли белорусского народа известное влияние оказали русские вольнодумцы Артемий и Феодосий Косой, бежавшие из России от преследований церковников и проживавшие в Беларуси много времени. Значительный интерес представляют просветительские взгляды Артемия. Белорусские просветители впоследствии воспримут и разовьют просветительские взгляды русского вольнодумца Артемия.

Под влиянием взглядов Артемия и Ф. Косого эволюция взглядов Будного завершилась тем, что он отверг основные догматы христианской церкви, ее обряды и установления. Развивая просветительские взгляды Артемия, Будный проявлял большую заботу о школьном образовании, требовал права на образование для всех сословий, всего народа. Он проповедовал мысли о перестройке образования молодежи, о совершенствовании системы образования, его форм и методов, выступал против иезуитских методов обучения и воспитания, боролся за всестороннее развитие человека, за процветание нации, за

развитие ее культуры, за выявление и воспитание талантов среди народа, которые безжалостно губили церковь и феодалы. Будный стремился использовать Библию как средство просвещения населения.

В. Тяпинский требовал, чтобы школы стали доступными не только для детей панов и духовенства, но и для простолюдинов. Симеон Полоцкий развивал идеи Ф. Косого, Симона Будного о распространении добрых нравов, просвещения. Ф. Косой, Симон Будный, Симеон Полоцкий критиковали духовенство, разоблачали его лицемерие и жадность, «вымогательство и тунеядство». Однако они не выступали против церкви в целом, так как считали, что церковь, открывая школы, может занять важное место в распространении просвещения, в искоренении существующих недостатков и зла.

Взаимовлияние философских взглядов русских и белорусских просветителей сыграло большую роль в становлении и развитии просвещения в России и Беларуси.

СОЛОМОН МАЙМОН И НЕОКАНТИАНСТВО

А. И. БАРХАТКОВ

Соломон Маймон относится к числу тех уроженцев белорусской земли, воздействие которых на философию и культуру в целом отнюдь не ограничивалось некоторыми локальными рамками, но имело поистине всемирное историко-философское значение. Его философские идеи сыграли решающую роль в истории послекантовской немецкой классической философии, указав основной вектор ее дальнейшего развития: через трансцендентализм И. Г. Фихте к системам абсолютного идеализма Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля.

Однако историко-философское значение С. Маймона не ограничивается влиянием его творчества на его непосредственных современников. Так, во второй половине XIX – начале XX века произошло новое возобновление интереса к идеям мыслителя в связи с возникновением и развитием такого философского направления, как неокантианство, особенно в его варианте, представленном мыслителями Марбургской школы (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер). Сходство многих идей маймоновской философии с соответствующими идеями неокантианцев дает основание рассматривать С. Маймона как предшественника этого философского направления, предвосхитившего ряд важнейших черт переосмысления кантовской философии в рамках Марбургской школы.

Одним из наиболее фундаментальных тезисов Марбургской школы неокантианства был тезис о необходимости интерпретации кантовского понятия вещи в себе не как существующей независимо от сознания данности, но в качестве имманентного процесса познания регулятивного принципа. Образцовый пример такой интерпретации дается, в частности, в книге Г. Когена «Теория

опыта Канта» (1871). Эта неокантианская интерпретация вещи в себе как идеи и пограничного понятия, как в целом, так и в частностях (например, касательно понятия бесконечно малых величин и их значения в познании), была предвосхищена С. Маймоном.

Другой важнейшей идеей Марбургской школы неокантианства была идея о необходимости устранения дуализма созерцания и мышления, т. е. устранения кантовской трансцендентальной эстетики за счет его трансцендентальной аналитики. Программным выражением этого аспекта неокантианской философии стала работа П. Наторпа «Кант и Марбургская школа» (1912). Но тот же самый дуализм рассматривался в качестве важнейшего противоречия кантовской философии и С. Маймоном. Разрешение этой проблемы П. Наторпом также осуществляется, по сути, таким же образом, как и у С. Маймона, – посредством сведения созерцания к мышлению.

Эти ключевые черты сходства между маймоновской и неокантианской философией не оставляют сомнений если не в прямом происхождении Марбургской школы от трансцендентализма С. Маймона, то во всяком случае в глубоком влиянии последнего на последующее развитие философской мысли.

КАНЦЭПЦЫЯ ДЗЯРЖАЎНА-ПАЛІТЫЧНАГА ЁЛАДКАВАННЯ Ў ТВОРАХ АНДРЭЯ ВОЛАНА

І. А. БОРТНІК

Адной з найбольш выбітных постацяў грамадска-палітычнай думкі Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XVI – пачатку XVII ст. з’яўляецца Андрэй Волан. Праблеме дзяржаўна-палітычнага ёладкавання прысвечаны яго творы «Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе» (1572), «Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага» (1573), «Пра дзяржаўнага мужа і яго асабістыя дабрачыннасці» (1608).

Дадзеная праблема дзяржаўна-палітычнага ёладкавання вырашалася ў творах А. Волана ў адпаведнасці з сацыяльна-філасофскай традыцыяй, укаранёнай у еўрапейскай грамадскай думцы XVI ст., якая сягала сваімі вытокамі да антычнай спадчыны. У рэчышчы названай традыцыі А. Волан сцвярджае, што «ўсякая чалавечая супольнасць, называная грамадствам, утвараецца дзеля таго, каб людзі праз агульнае паразуменне і ўзаемную падтрымку жылі памысна і шчасліва» [1, с. 20].

Асновай сацыяльных сувязяў і ўзаемаадносін, паводле А. Волана, выступае натуральнае права, а формай рэалізацыі апошняга ў грамадстве – дзяржаўнае права. Галоўнай мэтай дзяржаўнага права абвешчаецца забеспячэнне грамадзянскай свабоды, пад чым разумеецца стварэнне гарантый недатыкальнасці асобы і яе ўласнасці, без чаго немагчымае чалавечае шчасце [1, с. 19, 21–26]. Дзяржаўнае жыццё, у адпаведнасці з тагачаснай традыцыяй, разумелася

на аснове маральна-этычных катэгорый (агульнае дабро, справядлівасць, згода).

У творах А. Волана змяшчалася функцыянальна-арганізацыйная канцэпцыя станавага падзелу грамадства (шляхта, мяшчанства і сялянства) з прызнаннем адноснай фармальна-прававой роўнасці прадстаўнікоў усіх станаў. У той жа час усе шляхецкія прывілеі, манапольныя правы шляхты на ўдзел у кіраванні дзяржавай прызнаюцца непахіснымі [1, с. 30]. У гэтым рэчышчы А. Воланам распрацаваная канцэпцыя шляхецтва, акцэнтаваная маральна-інтэлектуальнымі сентэнцыямі.

Важнае значэнне мае разгляд А. Воланам тыпаў дзяржаўна-палітычнага ўладкавання. Сярод іх вылучаюцца манархія, арыстакратыя і дэмакратыя, якія прызнаюцца дапушчальнымі формамі дзяржаўнага ладу пры ўмове забеспячэння вяршэнства права (пры такой умове ў грамадстве забяспечваецца свабода) [1, с. 22]. Сярод адмоўных тыпаў дзяржаўнага ўладкавання вылучаецца тыранія. У творах А. Волана змяшчаецца ў цэлым апалагетычнае стаўленне да палітычнай сістэмы Рэчы Паспалітай з падкрэсліваннем асаблівага статусу сенатарскай эліты. Гэта дазваляе сцвярджаць пра падтрымку ідэі «змешанай манархіі» (спалучэнне манархічнага, арыстакратычнага і дэмакратычнага элементаў) з арыстакратычным ухілам. Характэрнай рысай выступае істотна выражаная інтэлектуалісцкая і прафесіяналісцкая трактоўка арыстакратыі.

Літаратура і крыніцы

1. Волан, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волан; пер. з лац. У. Шатон. – Мінск: Зміцер Колас, 2009.

БЕЛОРУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ О ПРОБЛЕМЕ ЕДИНЕНИЯ И ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Р. Н. ДОЖДИКОВА

Выдаючыся просветители и поэты земли белорусской – Николай Гусовский (ок. 1470 – ок. 1533), Симеон Полоцкий (1629–1680) и Афанасий Филиппович (ок. 1597 – 1648) не только прославили свою Родину, но и внесли заметный вклад в развитие ее культуры, способствовали и способствуют диалогу Беларуси, Украины, России, Италии и Польши. Идеи этих гениальных мыслителей актуальны и сегодня не только для философов, языковедов, историков и педагогов, но и политиков, экономистов, экологов и культурологов [1, с. 3].

В поэме «Песня о зубре» Н. Гусовский выступает как представитель ренессансного реализма, популяризатор истории и культуры Беларуси в мире. Поэт призывал к единению и дружбе разных по вере и культуре европейских народов перед угрозой чужеземного нашествия: «Вораг страшэнны адольвае

і зламисна рэжа пад карань наш род і вучэнне Хрыстова», «цэламу свету нахабна сцвяржае: ваюю не за прастору сабе, а за лад у прасторы» [2, с. 80], выступал за веротерпимость: «Караю боскай такіх не застрашыць, каторым іхняя вера дыктуе ненавісьць к другому» [2, с. 81]. Н. Гусовский показал свой край как европейский форпост борьбы с золотоордынцами, тевтонами и турками, выступал за единение соседских славянских народов, утверждал, что их раздоры выгодны их врагам, предупреждал об опасности подобной политики. В конце поэмы Н. Гусовский говорит, что раздор между соседями вызван «злачыннай рукою» внешних врагов [2, с. 115].

В XVI в. шел процесс становления национальных культур, проявившийся в формировании белорусского и литовского языков. Литературная деятельность Ф. Скорины, Н. Гусовского, В. Тяпинского, А. Филипповича и некоторых других писателей и мыслителей отразила начальную стадию становления белорусской нации. Вместе с тем их деятельность проходила в рамках Великого Княжества Литовского, объединенного унией с Польшей в составе Речи Посполитой. По существу, их культурно-политическая программа была направлена на возрождение и укрепление единства между народами – сонаследниками Древней Руси – единства русского, украинского и белорусского народа. Это первоначальное донациональное единство народов, родственных между собой по этническому, историческому, языковому и религиозному признакам наиболее отчетливо проявилось в деятельности Симеона Полоцкого (1629–1680), белорусского поэта, драматурга, философа, педагога, церковного и общественного деятеля, одного из зачинателей силлабического стихосложения в драматургии. Белорус по происхождению, уроженец Полоцка, получивший образование в Киеве, переселившийся во второй половине XVII в. в Москву, он писал о себе: «Писах я начал по языку тому, иже свойственный был моему дому». Симеон Полоцкий был сторонником воссоединения Беларуси с Россией, содействовал развитию русско-белорусского просвещения, литературы и книгопечатания.

Освободительная борьба белорусского и украинского народов конца XVI и первой половины XVII в. создала условия для возникновения и развития так называемой полемической литературы, которая на протяжении полувека была острым идеологическим оружием, направленным против политики ассимиляции и полонизации восточных окраин тогдашней Речи Посполитой. Исторические условия того времени выдвинули ряд замечательных деятелей, творчество которых стало национальной гордостью белорусского и украинского народов. Среди них выделяется преподобный мученик Афанасий, игумен Брестский, который сражался мечом духовным за православную веру, был гоним и жестоко убит за свои убеждения.

Известно, что в конце 1637 г. Афанасий Филиппович отправляется в Москву к царю Михаилу Федоровичу с целью убедить его в необходимости освобождения Беларуси и Украины от политической власти Речи Посполитой и воссоединения их с Русским государством. В своей «Истории путешествия в Москву»

он призывал русского царя взять под свою защиту православное население Беларуси и Украины: «В битве той каждого человека, мянующогося православным, здорово заховай». В своих публицистических статьях Филиппович затрагивает и вопросы отношения Речи Посполитой с другими государствами, в частности, с Москвой. Так, в «Новинах» он говорит королю Владиславу IV о необходимости разумной дружественной политики по отношению к Русскому государству.

Литература и источники

1. Дождзікава, Р. Н. Асветнікі Беларусі. Мікола Гусоўскі. Сімяон Полацкі. Афанасій Філіповіч / Р. Н. Дождзікава. – Мінск, 2017.
2. Гусоўскі, М. Песня пра зубра. На лацін., беларус., рус. мовах. / М. Гусоўскі. – Мінск, 1980.

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФЕРА ЗАРУБЕЖНЫХ ИДЕЙ В БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А. Ю. ДУДЧИК

Выступление посвящено анализу процессов трансфера европейских идей в белорусской философии второй половины XX в. Данный процесс рассматривается как существенный фактор развития философской мысли Беларуси послевоенного периода. При этом речь идет не просто о рецепциях и заимствованиях, но о сложном и разнонаправленном процессе культурного трансфера. Изучение культурного трансфера европейских идей в философской мысли Беларуси в данный период позволяет получить системную и многофакторную модель развития интеллектуальной культуры Беларуси. Исследование осуществляется на основе комплексного междисциплинарного подхода изучения процессов культурного трансфера.

В свою очередь, для послевоенного (1950–1980 гг.) периода была выявлена стратегия непрямого трансфера зарубежных философских идей. Как известно, для советской философской традиции была характерна определенная замкнутость по отношению к западной традиции, изначальное критическое отношение к «буржуазным» концепциям, что вполне объяснимо с учетом политико-идеологических ограничений. Тем не менее советская интеллектуальная среда не была вполне герметичной и определенные контакты и получение информации, конечно, имели место. Прежде всего это осуществлялось через механизм «критики буржуазной философии». Вполне очевидно, что работа с идеями зарубежных авторов велась в соответствии с определенными условиями и неявно предполагаемыми правилами. Например, исследование обязательно должно было исходить из «критической» позиции, содержать обязательные ссылки на классиков марксизма-ленинизма и т. д. Конечно, современному читателю следует помнить об этом при чтении текстов советского периода, которые требуют определенных герменевтических и интерпретативных процедур.

Исследование базируется на изучении ряда монографий и диссертационных работ данного периода как наиболее репрезентативных источников. Основной акцент делается на экспликации использования зарубежных имен, концепций, методологий в белорусских философских текстах и на анализе основных механизмов идейного трансфера. Наибольшее внимание было уделено следующим областям и направлениям философских исследований: история философии (как зарубежной, так и отечественной), критика современной «буржуазной философии», философия и методология науки, социальная философия, философия культуры, прикладная социология (как часть комплекса философского знания), философское обоснование экологической проблематики и др.

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ В XVII ВЕКЕ

В. К. ИГНАТОВ

К началу XVII в. традиционное христианское мироощущение Европы с горечью осознало, что бывшее ощущение единства Церкви омрачено не только расколотостью европейской цивилизации на две ипостаси – католицизм и православие. На христианском древе произросли новые духовные ветви, затмившие привычные для интеллектуального взора Средневековья ереси. Но едва ли не самые главные для грядущих судеб европейской цивилизации события разворачивались в центре Европы, в Великом Княжестве Литовском.

На протяжении столетий белорусско-украинские земли были местом встречи духовных миров православного Востока и католического Запада. К исходу Средневековья история Великого Княжества Литовского хранила повествования и о временах трагических религиозных конфликтов и межконфессиональной вражды, и об эпохах расцвета веротерпимости и разномыслия. Два знаковых события – заключение политической унии с Королевством Польским и церковной – с Ватиканом стали своеобразным символом завершения реформационного движения и провозвестником наступления эпохи барокко. Новое мироощущение усилило уникальность сюжета культурно-исторической драмы многовекового сосуществования идейно-конфессиональных направлений христианского вероучения в Великом Княжестве Литовском.

В эпоху барокко вспышка противоборства религиозно-доктринальных идей с небывалой остротой поставила перед мыслью Старого Света проблему будущего Европы. Срединное географическое и культурное положение Великого Княжества Литовского придавало интеллектуальным размышлениям о перспективах христианской цивилизации поистине гамлетовское звучание. На духовной авансцене белорусско-украинских земель в это время появляется целая плеяда мыслителей, связавших свою судьбу с поисками нового облика христианского мира – Петр Могила, Игнатий Иевлевич, Ипатий Потей, Иосиф Рутский, Иосафат Кунцевич, Мелетий Смотрицкий, Афанасий Филиппович, Симеон Полоцкий.

Бурное развитие конфликта вероисповеданий привело к возникновению в Великом Княжестве Литовском трех основных направлений мысли. Поклонники униатства в интеллектуальной схватке двух ведущих христианских конфессий пальму первенства отдавали картине мира, нарисованной теологами Запада. Их духовные оппоненты единственным хранителем истинной христианской веры провозглашали православную традицию. Сторонники третьего пути будущее белорусско-украинских земель связывали с перспективой создания общеевропейской культурной гармонии.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Г. И. КАСПЕРОВИЧ

В последние десятилетия вопрос национально-культурной самоидентификации белорусов приобрел наибольшую остроту. Это связано с теми глобальными изменениями, которые сейчас происходят в мире: расширением средств массовой коммуникации и информации, современными глобализационными процессами, особенностями культурной ситуации, изменением геополитического пространства, нарушением привычных культурных связей, проблемой интеграции и сохранения собственной культурной идентичности (самобытности). Эта проблема сегодня – стержень белорусской национальной идеи.

Суть национальной белорусской идеи заключается в осмыслении бытия белорусского этноса, исторического наследия и борьбы белорусского народа, его национальной идентичности и самости, генетических истоках исторического предназначения, идей сосуществования, основаниях уникальности, особенностях национального характера, геополитического положения и роли в глобализационных процессах современности. Становлению белорусской идеи способствовали ассимиляция духовного опыта западноевропейской и русской традиций в культуре Беларуси, социально-философские и гуманистические идеи в белорусской философии (Ф. Скорина, С. Будный, С. Полоцкий), развитие философско-белорусского самосознания в XX веке (А. Гарун, Н. Абдиралович-Канчевский и др.), философско-публицистические выступления и произведения (К. Калиновский, Я. Колас, М. Богданович, Ф. Богушевич, Я. Купала, В. Ластовский).

Сегодня мощная волна национального возрождения взламывает старые формы, раскрывает тайны о начале белорусской государственности, исторических событиях и личностях, «белых» пятнах национального самоутверждения и самоидентификации, утверждает величие нашего прошлого и обосновывает веру в будущее белорусского народа как уникального субъекта истории и органического компонента европейской и мировой цивилизации.

Особенности философской культуры и самоидентификации белорусов определяют пограничный характер нашей культуры, постоянный тесный контакт

с другими цивилизациями, особое положение белорусских земель, которые находились на перекрестке торговых путей, водоразделов Черного и Балтийского морей, в географическом центре Европы, наличие воинственных соседей и мощных военных государств, размещавшихся по всему периметру белорусских границ, поликонфессиональность белорусского этноса.

**СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ЗАПАДА
И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО БАРОККО**

М. С. КИСЕЛЕВА

Интеллектуальная культура восточнославянского православного мира второй половины XVII в. имела два книжных духовных истока: византийский православный и западноевропейский, как католический, так и протестантский. Именно к этому времени, можно с уверенностью говорить, фигура «интеллектуала Средневековья», названная так в известной работе Ле Гоффа, фигура важная и необходимая ранним западноевропейским университетам, стала востребованной и актуальной в широких пространствах восточнославянского мира. Почему так поздно? Объяснение этому факту – первый тезис предлагаемого доклада.

Каков он, интеллектual позднего средневековья на просторах окраинного европейского восточнославянского мира? В чем его отличие от европейского интеллектуала Средневековья? Отвечая на эти вопросы, следует иметь в виду не только более позднее время появления первых образовательных институций на восточнославянских территориях. Надо иметь в виду триединую структуру этих институций: университет–библиотека–типография. Надо принимать во внимание тесную связь монастырской, православной, книжной культуры с образовательными коллегиями, позже Академией (Киево-Могилянской), которые заимствовали структуру и образовательные курсы из иезуитских коллегий Речи Посполитой. Пути проникновения образования, обучение необходимым наукам (поэтике, риторике, философии и др.). Обретение ценности интеллектуального труда, не только книжного для знатоков, но и широкого, направленного на просвещение паствы – вот что принесла интеллектуальная элита в культуру восточнославянских земель.

Первым, кто взял на себя труд осуществления коммуникации между западными славянскими интеллектуалами и книжниками Московского Царства, был Симеон Полоцкий. Будучи приглашенным *по инициативе* царя Алексея Михайловича с целью образования и просвещения своего двора, он стал учителем царских детей. Иноческий сан с именем Симеон им был принят в 1656 г. в Богоявленском монастыре Полоцка, который уже два года находился под рукой Москвы: царь Алексей Михайлович с июля 1654 г. именовался

Полоцким и Мстиславским. В Богоявленский монастырь Симеон был принят на должность учителя («дидака») в братскую школу. К этому времени он завершил свое образование, которое получал в 1640–50 гг. в Киевской братской коллегии при ректоре Иннокентии Гизеле, а с 1648 г. – Лазаре Барановиче. Оба ректора также были выпускниками Киевской коллегии, продолжившими затем свое образование в Львовской академии (Гизель), Виленской и Калишской (Баранович). Симеон, как и его наставники, завершал свое образование в Виленской иезуитской академии и, как предполагают некоторые исследователи, возможно, в других европейских учебных заведениях.

В докладе будет показан вклад Симеона в русскую культуру книжными богословскими трудами, писанными им в келье московского Заиконоспасского монастыря («Вертоград многоцветный», «Обед душевный» «Вечеря душевная» и др.). Он, считая необходимым открытие в Москве первой Академии, обсуждал проект по ее учреждению со своим учеником Сильвестром Медведевым. Интеллектуальный богословский труд с необходимостью вел к расширению коммуникации, к вовлечению в образовательный процесс новых учеников, к утверждению прочитанного, понятого и осмысленного Слова. Философия, ставшая самостоятельным предметом в коллегиях, вдохновляла и Симеона; ей в «Вертограде многоцветном» он посвятил свои силлабические стихи.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: БЕЛОРУССКИЙ КОНТЕКСТ

А. А. ЛАЗАРЕВИЧ

Философия, будучи одним из важнейших инструментов познания и осмысления мира, выступает в то же время и формой фиксации основных принципов проявления менталитета и культуры той или иной нации. К примеру, древнегреческая и немецкая школы философии являются не только мировым достоянием, но и неотъемлемой частью, соответственно, эллинской и немецкой культуры, закрепляя в себе характерный для этих культурных миров тип мировоззрения. В силу этого осмысление путей становления национальной философии и влияния на нее общечеловеческого философского наследия в рамках академического дискурса является необходимым компонентом развития философско-культурной сферы каждого социума.

Учитывая всеобщий (говоря современным языком – глобальный) характер интеллектуального творчества, необходимо четкое понимание самого концепта «национальная философия». Как представляется, белорусскую и вообще национальную философию можно рассматривать, по крайней мере, с четырех сторон.

1. *Философия* как дисциплина, понимаемая сквозь призму своего генерализирующего определения, которое дается, например, в курсе университетского образования. В этом случае ее следует понимать как особую форму

познания мира, вырабатывающую систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности и познания, бытия человека и его отношения к миру.

2. *Философская культура* как совокупность особенных форм ценностных и познавательных ориентаций. Философская деятельность определяет направленность, уровень и тип духовности, показывает неискоренимое стремление человека к высотам разума. Например, мы говорим о Логосе древних греков или о характерном традиционализме Древнего Китая, о христианско-религиозной культуре Средневековья, о гуманизме культуры Возрождения и т. д. Философия с этих позиций выступает как выразительница ценностно-познавательных ориентаций, характерных для той или иной эпохи, локальной цивилизации. Данные ориентации, в свою очередь, демонстрируют типологические характеристики философской культуры в самом историческом процессе.

3. *История философской и общественно-политической мысли Беларуси* как специально ориентированная философская дисциплина, которая создала в рамках определенных методологических и идеологических подходов целостный нарратив, описывающий формирование и развитие философской культуры на территории Беларуси с периода освоения письменности до настоящего времени.

4. *Философия белорусской национальной идеи* – форма обоснования существования белорусов как нации, или национальная философия в узком смысле этого слова. В этом ракурсе понимание специфики белорусской национальной философии может базироваться на осмыслении опыта построения белорусской государственности и социально-политической модели, в особенности в последние двадцать лет.

Указанные четыре подхода раскрываются в рамках таких понятий, описывающих природу национальной философии, как *ментальность* – совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих белорусской нации; *идеологемы* или *идеологические клише* – такие образы национальной судьбы белорусов, истории страны и ее перспектив, которые употребляются в современном политическом дискурсе; *философское наследие* – т. е. элементы философской культуры Беларуси, которые являются наиболее значимыми в рамках государственной идеологии, а также национальной и интернациональной культурной политики. Перечисленные точки зрения детерминируют различные формы ответа на вопрос о том, что есть белорусская национальная философия.

Для стран Восточной Европы случай Республики Беларусь в определенном смысле исключительный. Здесь не проводилась тотальная десоветизация, не состоялось утверждение экстремального националистического дискурса, не был выбран евроатлантический интеграционный вектор. В своем регионе Беларусь – единственная страна, придерживающаяся такой линии модернизации, которая по своим типологическим характеристикам приближается к китайской модели.

Для того чтобы понять причины и перспективы такого выбора белорусского общества и государства, нужен особый теоретико-методологический инструментарий. Его разработка и использование для интерпретации белорусской социально-политической реальности может выступить уникальным продуктом белорусской философии, определяющим ее специфику в системе национальных философских традиций глобального мира.

Работа подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грант № Г16–КАО/006.

ПАМЯТЬ КАК ИКОНА: КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ

О. Т. ЛОЙКО

Икона, как окно в мир иной, духовный, для христианина всех времен была и есть памятью о вечном, рассказом о прошлом, которое всегда современно. Икона являла путь от за-бытия к со-бытию. Проповеди, содержащие глубокие евангельские истины, составляли ценностную основу бытия человека.

Епископ К. Туровский, любомудр нашего Отечества, первым осознал и в своих проповедях реализовал изобразительную иконописность памяти.

Святитель Кирилл, епископ Туровский (ок. 1169 – 1183 г.), почитаемый в мире православном как «златословенный учитель». Его внешний облик современниками представлен в таких выражениях: подобием надсед, волосы с ушей, брада с Николину, но не курчавате – проста, риза святительская, во омофоре. Святитель Кирилл стал проповедником, учителем славян. В четвертую неделю по Пасхе он произносит «Слово о расслабленном».

Проповедь содержит все основные сюжетные линии события, произошедшего в Иерусалиме у Овечьих ворот, где находилась купальня, называемая по-еврейски Вифезда [Иоан. 5]. Исцеление расслабленного в Слове Святителя дополняется новыми смыслами. На вопрос Христа: «Хочешь ли быть здоров?» расслабленный отвечает бесхитростно и просто: «Хочу, но не имею человека, который опустил бы меня в купель». И по слову Спасителя – стало так. Для Кирилла важен вопрос: «А кто этот человек?» Он 38 лет лежит в немощи, и нет у него богатства, «чтобы нанять кого-нибудь попещись о мне; ибо я расточил данное мне в раю богатство; змеем в Едеме похищено у меня одеяние чистоты, и здесь я лежу я, обнаженный Божия покров». Святитель обращает память своей паствы к Ветхому Завету, одновременно показывая в молитвенном Слове своем, как Христос, новый Адам пришел спасти всех верующих в него. Христос выступает как слуга, который «ради тебя оставивши скипетр горнего царства, Я обхожу здесь, служа дольним: так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» [Мат. 20, 28]. Служение Христа – в исцелении ближних, в отвращении их от дел греховных. Продолжая эту мысль, святитель

обращается к притче о добром Самарянине, напоминая, что Господь по своему милосердию обвязал раны уязвленного бесами-разбойниками, возлил на язвы его вино и масло, внес в гостиницу – святую Церковь, дал два сребренника гостиннику, Новый и Ветхий Завет. Исцеленный расслабленный – это постоянно оживающий в молитвенной памяти человек мира сего.

Христианство – это всегда новая Благая Весть, а постоянное молитвенное поминовение благой вести способно преобразовать нас в истинное человека, образ и подобие Отца Небесного. Кирилл Туровский, отечественный златоуст, понимал и на деле совершал помятование о великой миссии человека.

НАЦЫЯ І ЯЕ ФІЛАСОФІЯ

А. А. ЛЯГЧЫЛІН

Кожная нацыя, якая ўздываецца да самастойнага культурнага жыцця, мусіць мець сваю «нацыянальную» філасофію.

Найперш асэнсуем яе асновы. Улічваючы тапалогію месца, у прасторы якога фарміруецца беларуская нацыя, яе этнас, мы мусім адзначыць падвоенасць вытокаў яе філасофскай думкі. Гэта візантыйская культура з яе ідэяй разумення жыцця і заходнееўрапейская культура з ідэяй разумення свету. Нацыянальная філасофская ідэя Беларусі дваістая, у яе быццам два твары. Тут відавочна знаходзіць сабе месца любоў да велічы і сілы заходнееўрапейскага «*cogito*», але ёсць і пылкая любоў да «*sum*». У кантэксце вытокаў філасофскай думкі Беларусі прасвятляецца і праблема яе ўзаемасувязі і ўзаемазалежнасці ад сусветнай універсальнай філасофіі. Тэрмін «сусветная філасофія» выступае тут у якасці чыстай абстракцыі без факта сваёй гістарычнай рэалізацыі. У гэтым сэнсе можна казаць пра наяўнасць «беларускай філасофіі» як тэарэтычнага асэнсавання нацыянальнай рэальнасці, яе праблем і актуальных запатрабаванняў. Разам з тым неабходна адрозніваць тэрміны «філасофія на Беларусі» і «беларуская філасофія». «Філасофія на Беларусі» разгортвалася тоесна сусветнай філасофскай думцы.

Вынікі філасофскага ведання беларускіх мысляроў ва ўсе часы ўлучаліся ў рэчышча сусветнага (найперш еўрапейскага) філасофскага здумлення. А наслідаванне досведу сусветнага мыслення выяўлялася не толькі ў пераносе чужых ідэй і тэорый, не толькі ў перайманні іншага, але і ў творчым ператварэнні. Асабліва калі філасофскае веданне еўрапейскага паходжання выкарыстоўвалася для асэнсавання нацыянальнай праблематыкі. У гэтым сэнсе «беларуская філасофія» расла і развівалася на ўсіх этапах існавання «філасофіі на Беларусі» як жывая, дзейная, дынамічная плынь мыслення, непасрэдна злучаная з праблематыкай нацыянальнай рэальнасці. Але не прамінем увагай, што «беларуская філасофія» – гэта толькі адна з тэндэнцый філасофскага мыслення на Беларусі.

Важны напрамак – гэта тэма кампаратывісцкага аналізу беларускай культуры (яе асобных прадстаўнікоў) і мысляроў еўрапейскай філасофіі. На наш погляд, трэба прасачыць рэцэпцыю пэўных філасофскіх сістэм («модных» у сваю пару) у беларускай культуры. Тут істотна выявіць, як Іншае (Чужое) улучаецца ў наша цела, якія з гэтага адбываюцца трансфармацыі з Іншым і як на гэта рэагуе Мая культура, увесь духоўны арганізм беларускасці. Хаця ўжо наперад відавочна, што ў розныя перыяды можа быць зусім розная рэакцыя ўспрымання Іншага. У гэтым сэнсе трэба і разглядаць гісторыю філасофіі на Беларусі.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XX ВЕКА

В. А. МАКСИМОВИЧ

Осмысление литературного процесса XX в. через экзистенциально-онтологический компонент сознания открывает перспективу не только для нового прочтения художественной классики, но и для выявления специфики и динамики экзистенциализации духовного мира героя национальной литературы в контексте европейской и мировой культуры. Исследование эмоциональной доминанты произведений экзистенциальной традиции, принципов поэтики (экстремальная ситуация, ситуация-модель, граница жизни и смерти, рационального и иррационального, экзистенциально-психологический эксперимент, поток сознания, экзистенциальное слова) – одна из наиболее актуальных проблем философии литературы. Исследование структурообразующих элементов экзистенциального стиля, которые ведут к трансформации традиционных эстетических систем, – чрезвычайно важный аспект новейших научных изысканий. Но сегодня не менее важным становится исследование методологии экзистенциального мировосприятия, принципов отбора материала, определение типа отношений человека с внешним миром, эмоциональной доминанты произведений экзистенциальной направленности и основных принципов поэтики.

Интерпретация литературных явлений требует нового инструментария, с помощью которого можно максимально объективно дать оценку историко-литературному материалу, моделям и схемам, которые применялись при изучении белорусской литературы прошлого века. Очевидно, что выработанных категорий метода и стиля уже недостаточно для объективной оценки прежних и, в особенности, новых тенденций в белорусской красной словесности, сформированных под влиянием мирового литературного процесса, направленного в первую очередь на «индивидуальную каузальность», когда роль художника, автора как креативной личности, способной создать собственный и неповторимый художественный мир, возрастает. Современное литературоведение склоняется к мысли, что история литературы есть изменение типов художе-

ственного сознания. Изучение литературы через призму категории «экзистенциальное сознание» дает возможность рассматривать литературный процесс XX в. как единую взаимосвязанную систему в ее динамике и движении.

На вычленение экзистенциального сознания как самостоятельной парадигмы мышления XX в. повлияли техническая революция, кризис общественных идеалов, переоценка многих нравственных, этических, эстетических ценностей личности с большим творческим потенциалом. Экзистенциальное мироощущение свойственно белорусской литературе прошлого века. И это вполне закономерно и оправданно: настоящий творец всегда воспринимает жизнь не в одном измерении. Он пытается постичь сущность бытия, человека как его наивысшую ценность, а значит, экзистенциальное сознание неизбежно присутствует в художественном мире писателя. Следует учитывать тот факт, что мировоззрение писателя представляет собой довольно сложное переплетение различных доминант (диалогической, мифологической, религиозной, экзистенциальной и др.). Отсюда вытекают закономерные основания разговора об экзистенциальном сознании как одной из составляющих целостной системы писателя.

ФИЛОСОФИЯ КАК ЦЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В. И. МИСЬКЕВИЧ, Г. И. МАЛЫХИНА

Динамика социокультурных процессов имеет определенную логику. Чаще всего она обнаруживается апостериори – в виде тенденции развития системного объекта. Эволюция философской мысли – не исключение. Ее утверждение в духовной культуре античного мира положило начало новой – интеллектуальной – традиции человечества. Суть этой традиции – в ориентации на рациональное истолкование действительности и обосновании предназначения и места человека в мире.

Как система мировоззренческих знаний, философия принимает самое непосредственное участие в процессах трансформации национального самосознания и формирования духовных потребностей молодого поколения. Эту функцию философия реализует прежде всего через систему образования. Однако в современном быстро изменяющемся мире необходимо критическое переосмысление многих традиционных проблем философии, форм, методов и способов ее преподавания.

Чтобы ответить на вопрос «Какая философия нужна белорусам?», нужно вернуться к истокам исторической традиции, прежде всего к так называемым «эпохам возрождения», «точкам роста», подвергнуть анализу недавнее прошлое, осмыслить формирование новых европейских и постсоветских реалий. Сравнивая себя с соседями, мы видим, что немецкая, французская или английская философия занимаются в первую очередь исследованием собственных,

актуальных для того или иного времени проблем, а не комментированием или приспособлением «чужих» концепций к собственной культурной и философской традиции. В этих философиях, скажем так, выражен «дух» той или иной нации. Стало быть, белорусская философия в определенной степени также должна быть средоточием национального духа и «уметь выразить себя перед миром» (Р. Тагор). И немало в этом смысле уже сделано.

С обретением независимости Республики Беларусь отечественная философия является активной участницей формирующегося нового идеологического порядка на просторах СНГ и современной Европы. Будучи относительно самобытным опытом духовной рефлексии, она стремится быть связанной с мейнстримом развития мировой философии. Только так белорусская философия может подтвердить свою теоретическую и практическую значимость и стать неотъемлемым компонентом национальной культуры и идентичности, с одной стороны, и интегральным аспектом современных духовно-интеллектуальных процессов – с другой.

Однако для этого нужны коммуникации, общение, неформальные обсуждения, нужны площадки для свободного публичного дискурса. Нужна неформальная заинтересованность общества в развитии философии как одной из фундаментальных ценностей национального самосознания.

ИНТЕЛЕКТУАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ЭПОХИ РЭНЕСАНСУ Ў БЕЛАРУСІ

А. А. ПАДАЛІНСКАЯ

Напрыканцы XV ст. адбываецца кардынальная рэканфігурацыя ўсёй сістэмы духоўных і інтэлектуальных каштоўнасцей беларускага грамадства. Інтэлектуальная прастора Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) пачынае афармляцца пад актыўным уздзеяннем ідэй гуманізму, якія пранікаюць з Заходняй Еўропы. На месцы старой сістэмы каштоўнасцей з'яўляецца новая гуманістычная, арыентаваная на праблемы чалавека і яго сацыяльнага быцця. У новай гуманістычнай свядомасці першачарговую ролю пачынае граць сістэма адукацыі, кшталтаванне адукаванай, высокаразвітай асобы. Гуманізм запачаткаваўся ў Італіі як шырокі інтэлектуальны рух, у якім важную ролю гралі *studia humanitatis*. Італьянскае Адраджэнне падаравала беларускаму базавыя комплексы ідэй, культурныя артэфакты, светапоглядныя парадыгмы, стылі мыслення, якія арганічна ўпляліся ў тканіну айчыннай інтэлектуальнай культуры. Накладванне на рэгіянальную культуру спецыфічнага веера культурных, філасофскіх, рэлігійных і цывілізацыйных уплываў прывяло да секулярызацыі грамадскай свядомасці, павышэння цікавасці да культурных каштоўнасцей антычнасці, прыродазнаўчых навук, гуманістычнай думкі.

У часы Адраджэння мы назіраем кардынальную ломку светапоглядных арыенціраў, кумулятыўнае назапашванне агульнай адукаванасці соцыума,

а таксама ўзгадненне айчынных гуманістычных праграм з галоўнымі трэндамі еўрапейскага гуманізму. Рысы новай інтэлектуальнай прасторы вызначаюць наступныя канцэпты – антрапацэнтрызм, рэнесансны гуманізм, натуралізм, а таксама адраджэнне класічных антычных узораў. Становяцца вядомымі цэлыя накірункі і плыні філасофскай культуры антычнасці – арыстацэлізм, неаплатанізм, стаіцызм, эпікурэізм. Прызнаюцца магчымасці рацыянальнага (навуковага і філасофскага) пазнання свету, выкарыстанне логікі пры даследаванні біблейскіх тэкстаў.

Наступны феномен Рэнесансу – праватворчасць, якая стала ўвасабленнем выбітнасці прававой і інтэлектуальнай культуры ВКЛ. Гэты феномен складаўся з сінтэзу трох фактараў – непарыўнай традыцыі звычайнага права, рэнесанснай рэцэпцыі антычнага права і палітычных рэалій таго часу.

Яшчэ адной з’явай, якая аказала рэвалюцыйны ўплыў на дынамічнае развіццё інтэлектуальнай прасторы ВКЛ, было кнігадрукаванне. З’яўленне літаратуры, напісанай на роднай мове, пашырэнне кнігавыдавецкай справы спрыяла актывізацыі інтэлектуальнай творчасці, палемічнай рэфлексіі, а таксама садзейнічала павышэнню адукаванасці насельніцтва. Варта ўзгадаць і пра пашырэнне сеткі навучальных устаноў на тэрыторыі ВКЛ. Усе гэтыя з’явы грамадскага жыцця сведчылі пра новыя рэнесансна-гуманістычныя тэндэнцыі і пра пераўтварэнне інтэлектуальнай прасторы ў эпоху Рэнесансу.

ПОСТАЦІ ФІЛОСАФАЎ У БЕЛАРУСКІХ ШКОЛЬНЫХ ПАДРУЧНІКАХ 1920–1960-х гадоў

К. А. ПАРФЕНЮК

Змест школьных падручнікаў, асабліва ў гуманітарных дысцыплінах, рэгулярна рэдагуецца. Часам змены маюць значны,сэнсаўтваральны выгляд. У выніку пры супастаўленні матэрыялаў, рэпрэзентаваных у школьных падручніках розных гадоў, дастаткова выразна праяўляецца агульная лінія развіцця грамадства, дынаміка рэвізіі асноўных пастулатаў і ідэалагем.

Звесткі пра слаўтых філосафаў Старажытнасці, Сярэднявечча, Новага часу традыцыйна падаюцца ў падручніках па гісторыі, часам сустракаюцца падобныя згадкі і ў падручніках па літаратуры. Трэба адзначыць, што змест і форма падачы матэрыялу ў падручніках па гісторыі і літаратуры асабліва часта станавіліся тэмай для абмеркавання ў партыйных і дзяржаўных органах СССР, у выніку на свет з’яўляліся дырэктыўныя дакументы, насычаныя парадамі і рэкамендацыямі. Стваральнікам падручнікаў даводзілася імгненна відазмяняць школьныя праграмы, перапісваць тэксты, дастаткова часта цікавыя праўкі прыўносіліся і ў артыкулы, у якіх падаваліся біяграфіі і асноўныя дагматы вучэнняў слаўтых філосафаў.

Падобныя розначытванні, выяўляемыя пры супастаўленні рэдакцый аднаго і таго ж падручніка розных гадоў выдання, цікавыя і самі па сабе. Аднак

важна, што аналагічны матэрыял, сабраны і належным чынам сістэматызаваны, дазваляе зрабіць высновы, актуальныя і ў наш час, калі актыўна ідзе працэс перапрацоўкі і ўдасканалення школьных падручнікаў.

Рэльефна праяўляюцца таксама «балавыя кропкі» ў грамадскай свядомасці, тыя не зусім карэктныя ўяўленні пра філасофію і філосафаў, над выпраўленнем якіх беларускай філасофіі давялося працаваць у апошнія гады – падобныя аберыраваныя ўяўленні прыўносіліся ў светапогляд людзей у тым ліку праз адпаведным чынам адрэдагаваныя тэксты школьных падручнікаў.

Назіранні над зменамі падачы філасофскага кантэнтэ ў беларускіх школьных падручніках розных гадоў бачацца каштоўным і цікавым матэрыялам для гісторыкаў, культурологаў, палітолагаў, тут прыхованы добрыя ілюстрацыйныя патэнцыялы для спецыялістаў, якія вывучаюць гісторыю філасофіі.

ДЫЯЛЕКТЫКА ФІЛАСОФСКАГА ПОШУКУ. ДА ВЫХАДУ Ў СВЕТА ЗБОРУ ТВОРАЎ М. КРУКОЎСКАГА

А. У. РАГУЛЯ

У выдавецтве «Нестор-История» (Санкт-Пецярбург, 2014) пад рэдакцыяй расійскага філосафа, прафесара Н. Н. Аляксандрава (Ніжні Ноўгарад) і члена-карэспандэнта НАН Беларусі Л. Ф. Яўменава выйшаў Збор твораў у 5 тамах нашага суайчынніка доктара філасофскіх навук, эстэтыка і культуролога М. І. Крукоўскага (1923–2013).

Ініцыятарам і каардынатарам выдання выступіў беларускі пісьменнік Васіль Якавенка. Пераклад з беларускай на рускую мову зрабілі айчыннымі навукоўцы, прафесары А. С. Лапцёнак, А. У. Рагуля і культуролог, пісьменнік А. У. Астапенка.

Даследчая праца М. І. Крукоўскага разгортвалася ў напрамку актуалізацыі і развіцця класічнай традыцыі ў анталогіі і эпістэمالогіі. Кірунак гэты ўжо быў аформлены ў беларускай культурфіласофіі ў пачатку XX стагоддзя ў творчасці У. Самойлы, В. Ластоўскага, І. Канчэўскага, А. Бабарэкі. На гэтым жа напрамку ўпэўнена развівалася беларуская паэталогія з яе павышанай увагай да праблем універсальнай этыкі і філасофскай і феноменалагічнай эстэтыкі. Гэты кірунак і сёння існуе як інтэграваная форма дзейнаскага суб’ект-аб’ектыўнага адзінства, пазнання як перажывання і станаўлення, пераплаўкі і пераходу з фазы мімесісу (адаптацыі) у фазу *абвостранай цвёрдасці і здольнасці да пераможнай дзейнасці*.

Дзеля справядлівасці трэба адзначыць, што з’ява суб’ектывацыі і тварэння абноўленай аб’ектыўнай рэальнасці ў беларускай культуры навейшага часу найбольш поўна распрацавана ў мастацкім псіхааналізе.

М. Крукоўскі стаў, бадай, ці не першым пасля У. Самойлы і І. Канчэўскага, хто сумеў прадоўжыць на новым узроўні традыцыі некантантыянства і неаге-

гельянства. Яго папярэднікі прапанавалі рэформу рэлігійнай дзеі і засяродзілі ўвагу на светапоглядным комплексе *крытычнага аптымізму*. М. І. Крукоўскі адмовіўся ад жорсткай дуальнасці процілегласцяў – дыялектыку ён разглядае як працэс станаўлення адзінства ў форме дынамічнай сінэстазіі, дэтэрмінаванага рэфлексіяй прычынна-выніковых сувязяў і тэлеалагічнай матывацыі. Сваю практыку аналітычнага сінтэзу інтэлекту і духу М. Крукоўскі ажыццяўляе пераходзячы да пошуку топасу – агульнасці і іманенцыі культурных сэнсаў, аб'яднаных у эстафеце жыццёбудаўніцтва з часоў абшчыны, ранніх цывілізацый і сучасна-гандлёва-інфармацыйнага соцыуму. Так беларускі філосаф абагульніў вопыт дэдуктыўнай пазнавальнай дзейнасці, надаючы яе вынікам форму ведання, на аснове якога сучасная грамадская думка мае магчымасць перайсці да абноўленай трактоўкі эмпірычнага, інтэнсіўнага спосабу ў сацыяльным будаўніцтве.

ЭСТЭТЫКА НА БЕЛАРУСІ X–XIX стст.: СТАГОДДЗІ, ІМЁНЫ, ІДЭІ

В. А. САЛЕЕЎ

Элементы эстэтычнай свядомасці на зямлі Беларусі сустракаюцца ўжо ў старажытнасці. У IX–X стст. нашай эры нашчадкі крывічоў (палачан і смалян), дрыгавічоў і радзімічаў, якія пасяліліся на протабеларускай зямлі, ужо назапасілі не толькі пэўны вопыт жыццядзейнасці, але і вопыт духоўнага быцця, у якім даволі важнае месца аддавалася эстэтычнаму. Напрыклад, пакланенне выбраным паганскім багам. У крывічоў гэта былі Ярыла і Вялес, у дрыгавічоў, як у большасці усходнеславянскіх плямёнаў – Пярун, у радзімічаў – Макоша – давалі асаблівае адценне іх эстэтычным уяўленням, што дастаткова ярка выразілася ў творах матэрыяльнай культуры, якія дайшлі да нашых дзён.

Кропкай адліку эстэтыкі на Беларусі можна лічыць час паміж X і XI стст., калі з'яўляюцца першыя айчынныя помнікі пісьменнасці.

У «Жыцці Ефрасінні Полацкай» яе вуснамі сцвярджаецца, што «краса гэтага свету» згіне як сон, а «вечная і небачная у вяках знаходзіцца». На больш высокім узроўні хрысціянскае тлумачэнне прыгожага прысутнічае і ў творах Кірылы Тураўскага, які падзяляе боскае і рэальнае і узводзіць на вышэйшую ступень «красу духоўную».

У эпоху Вялікага Княства Літоўскага (дзе ад пастаноў сейма і да мастацкіх твораў выкарыстоўвалася старабеларуская мова), ад першапачатковага этапу фарміравання беларускай нацыянальнай культуры да вышэйшага яе узлёту (XVI ст.), назапашваліся эстэтычныя з'явы і ідэі ў спалучэнні старажытна-рускай спадчыны і ўплываў культуры Заходняй Еўропы.

На азначаным узлёце культуры Беларусі вядучымі сталіся жыватворныя ідэі Рэнэсанса; эпоха Адраджэння прынесла новае разуменне эстэтычнага на

Беларусь. Эстэтычная праблематыка асэнсавана канцэнтруецца ў мастацкай культуры Беларусі, асабіста ў такіх відах мастацтва, як літаратура (у мастацкай творчасці М. Гусоўскага – аўтара знакамітай «Песні пра Зубра» і Яна Вісліцкага; у яскравай публіцыстыцы С. і Л. Зізанняў, С. Буднага, В. Цяпінскага) і дойлідства (Мірскі замак).

Асобнае месца ў развіцці эстэтычнай думкі на Беларусі займае эстэтычная спадчына тытана беларускага Адраджэння Францыска Скарыны. Эстэтычнае (разам з этычным) пранізвае ўсе яго філасофска-пазнавальныя адносіны да свету. Яны выяўляюцца ў яго светасузіранні, у эстэтызацыі яго паліграфічнага мастацтва, насычанага каштоўнасцямі, у яго гравюрах (уключаючы знакаміты «Аўтапартрэт»), у яго «прадмовах» і «пасляслоўях».

У спадчыне Ф. Скарыны асобнае месца займае даследванне сутнасці прыроды мастацтва, уздзеяння мастацтва на чалавека (асабліва музыкі і спеваў). Ёсць меркаванні, што Апостал беларускай культуры тлумачыць Біблію не толькі як канцэнтрат Веры і Мудрасці, але і як вялікі мастацкі твор чалавецтва.

У познім беларускім Адраджэнні найбольш цікавай з’яўляецца эстэтычная дактрына Сымона Буднага; у першым «пратэстанцкім» перыядзе яго творчасці С. Будны ігнаруе пачуццёвыя аспекты прыгожага, але настойвае на існаванні рэальнай асновы мастацкай творчасці.

У XVII ст. (час ускладнення сацыяльна-культурнай сітуацыі на Беларусі ў выніку Люблінскай (1569) і Берасцейскай (царкоўнай – 1569) уній, Контр-рэфармацыі, укаранення ўніяцтва, распаўсюджвання каталіцызму) эстэтычныя дактрыны на Беларусі выражаюць сістэму поглядаў, прынятых у агульных рамках еўрапейскага барока і класіцызму.

Так, у дактрынах буйнейшых прадстаўнікоў барока ў культуры Беларусі С. Полацкага і М. Сарбеўскага па-рознаму трактуюцца эстэтычныя каштоўнасці, што прыводзіць да розных арыентацый на відавае дамінаванне мастацтва. С. Полацкі на першае месца выводзіць выяўленчае мастацтва, М. Сарбеўскі – «славесныя мастацтвы»; у паэтыцы М. Сарбеўскага (як і ў творчасці позняга С. Полацкага, які з’явіўся ў Маскве рэфарматарам рускага вершаскладання) выявіліся і эстэтычныя тэндэнцыі ўзыходзячага класіцызму.

Эстэтыка Беларусі XVIII ст. развівалася ў рэчышчы ідэй еўрапейскай Асветы. Дзеячы позняй Асветы (у рамках ВКЛ) К. Нарбут, Я. Снядэцкі, П. Галянскі, Э. Славацкі, Л. Бароўскі, А. Доўгірд у сваіх філасофскіх поглядах звярталіся і да эстэтычнай праблематыкі.

Так, арыгінальны філосаф, прафесар Віленскага ўніверсітэта, А. Доўгірд разумеў эстэтыку як навуку аб мастацкай творчасці і эстэтычным выхаванні. Ён спалучаў эстэтычнае з псіхалагічным успрыманням мастацтва, таму ў цэнтры яго эстэтычных поглядаў была праблема эстэтычнага густу, і крытэрыі густу выступалі ў яго дактрыне галоўнымі асновамі ацэнкі прыгожага.

Новы ўзлёт беларускай эстэтыкі пазначаны сярэдзінай XIX ст. Узнікненне новай беларускай літаратуры, уплыў рамантызму, які садзейнічаў абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці, творчасць выбітных пісьменнікаў –

А. Міцкевіча, Я. Чачота, В. Каратынскага, Ул. Сыракомлі, Я. Баршчэўскага – садзейнічалі станаўленню беларускай нацыянальнай культуры на прафесійным узроўні. Важным складальнікам эстэтычнай панарамы эпохі можна лічыць ананімную мастацкую творчасць, якая цесна звязана з фальклорам (беларускія паэмы першай паловы XIX ст. «Энеіда навыварат» і «Тарас на Парнасе»).

Тэатрэтычныя пастулаты рамантызму ў беларускай эстэтыцы маюць недастаткова дакладны выраз. В. Дунін-Марцінкевіч (родапачынальнік новай беларускай літаратуры), напрыклад, пастулюе перспектывы развіцця беларускай культуры на аснове сінтэзу двух напрамкаў у нацыянальнай культуры – шляхецкага і народнага. У эстэтыцы В. Дуніна-Марцінкевіча вызначальнай эстэтычнай катэгорыяй выступае эстэтычны ідэал.

У другой палове XIX ст. вядучае месца заняла філасофская дактрына беларускага рэвалюцыйнага дэмакратызму; у эстэтыцы гэта выявілася ў цесным перапляценні сацыяльна-палітычных і эстэтычных ідэалаў. Так, у газеце Кастуся Каліноўскага «Мужыцкая праўда» асноўнай ідэяй сталася ідэя сацыяльнага вызвалення, эстэтычны ідэал будаваўся на духоўнай велічы працоўнага народа.

Найбольш распрацаванай ідэалогія ў эстэтыцы рэвалюцыйнага дэмакратызму (і асноў рэалізму ў мастацтве) выявілася ў творчасці пісьменніка Францішка Багушэвіча і яго паслядоўнікаў – паэтаў Я. Лучыны і А. Гурыновіча. Стварэнне сапраўднага мастацтва спалучаецца ў эстэтыцы Ф. Багушэвіча з абгрунтаваннем катэгорыі народнасці; яго развіццё абумоўлена найперш дамінаваннем у культуры роднай мовы. «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі!» У эстэтычнай дактрыне Ф. Багушэвіча на першы план вылучаецца катэгорыя «праўды», якая абапіраецца на справядлівасць і ўключае ў сябе ў якасці раўназначных частак ісціну, дабро і прыгажосць.

Гэтыя ідэі знайшлі свой працяг на новым, вышэйшым узроўні ўжо ў XX стагоддзі. Менавіта тады і склалася канчаткова як асаблівая філасофская плынь эстэтыка на Беларусі ў развіцці сваіх галоўных раздзелаў: гісторыя, тэорыя, тэорыя дызайну і эстэтычнае вяхаванне. І, зразумела, з новым наборам імёнаў і ідэй.

ФІЛАСОФСКІЯ АСПЕКТЫ СТАНАЎЛЕННЯ ІДЭАЛОГІІ НАРОДНІЦТВА Ў БЕЛАРУСІ

Я. П. САКОЎСКИ

Па сканчэнні эпохі асветы філасофія канчаткова перастала быць «служанкай багаслоўя». Відавочнай была тэндэнцыя секулярызму, якая абумовіла з’яўленне мноства філасофскіх плыняў, уплывовых у сярэдзіне XIX стагоддзя. Хутка засвоіўшы прагрэсіўныя секулярныя погляды, інтэлігенцыя сутыкнулася з вялікай колькасцю супярэчнасцяў. Яны з’явіліся вынікам адказаў

на шырокі спектр пытанняў, пачынаючы з фундаментальных анталагічных праблем і заканчваючы пытаннямі пра быццё рускага народа і аб месцы Расіі ў свеце. Асноўныя пытанні тагачаснага парадку дня наступныя:

Які светапогляд з’яўляецца сапраўдным, рэлігійны або навуковы?

Які лад жыцця для чалавека правільны?

Што такое свабода для чалавека?

Што такое шчасце для чалавека?

Як задаволіць у роўнай ступені дамаганні людзей на свабоду і шчасце?

Якім павінен быць дзяржаўны і эканамічны парадак для забеспячэння найлепшага жыцця людзей?

Якія адрозненні Расіі ад дзяржаў Захаду?

Якая будучыня ў Расіі, і да чаго ёй неабходна імкнуцца?

Відавочна, што ў кожным з васьмі разгледжаных пытанняў ёсць розніца ў меркаваннях і ў разуменні іх вырашэння дадзеных праблем. У абагульненым выглядзе вынікі аналізу гэтых пытанняў можна прадставіць у выглядзе наступных тэзісаў:

1. Супярэчнасць ва узроўні і якасці інфармаванасці паміж рускай протанародніцкай інтэлігенцыяй і сялянствам стала адной з асноўных філасофскіх прычын узнікнення феномену народніцтва;

2. Свой светапогляд народнікі засноўвалі на навуковай карціне свету, але разам з гэтым былі ўспрымальныя да некаторых рэлігійных сцвярджэнняў;

3. У фундаментальных філасофскіх пытаннях народнікі спалучалі ў сабе традыцыі як ідэалізму, так і матэрыялізму;

4. Сацыяльна-эканамічная парадыгма народніцтва будавалася на ўтапічна-матэрыялістычных палажэннях аб больш хуткім пераходзе да сацыялістычнай эканамічнай мадэлі;

5. Палітыка-ідэалагічная парадыгма народніцтва будавалася на ўтапічна-ідэалістычных палажэннях, якія адносяцца да шырокага спектра ідэалогій, ад лібералізму да сацыялізму;

6. Народнікі разглядалі ўнікальнасць эканамічнага становішча Расіі ў сінтэзе з традыцыйнымі інстытутамі яе найбольш шматлікага сацыяльнага пласта, на аснове чаго рабілі заключэнне аб выключнасці не толькі пэўнай сітуацыі, але і ўвогуле рускага простага народа;

7. Пераважнае значэнне аддавалі ўнутрыпалітычным зменам, разам з тым не надаючы дастатковай ўвагі нацыянальным пытанням.

Трэба адзначыць, што пэўныя плыні народніцтва ўключалі ў сябе прагрэсіўныя дэмакратычныя тэзісы і лозунгі. Пад уплывам такіх дэмакратычных лозунгаў, а таксама дзякуючы ўсведамленню сябе і свайго месца ў гісторыі некаторыя нацыянальныя эліты, убіраючы ў сябе левыя народніцкія перакананні, у той жа час ўсведамлялі і падкрэслівалі важнасць нацыянальнага пытання. Менавіта гэта стала штуршком для развіцця беларускага нацыянальнага праекта.

ЭТНАФІЛАСОФІЯ І НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ФІЛАСОФІЯ: СУСТРЭЧА НЕПАЗБЕЖНАЯ

С. І. САНЬКО

Яшчэ ў сярэдзіне XX ст., найперш у амерыканскай культурнай і кагнітыўнай антрапалогіі, фокус цікавасці даследчыкаў стаў ссоўвацца ў бок вывучэння светапоглядных асноў народных культур, эксплікацыі няяўнай анталогіі, імплікаванай у катэгорыях мовы, народнай фразеалогіі, міфах і рытуалах, фальклоры. Для азначэння гэтага новага даследчыцкага поля былі прапанаваны тэрміны «этнаметафізіка», «этнаанталогія» і, зрэшты, «этнафіласофія».

На жаль, досвед узнаўлення такой імпліцытнай анталогіі ў дачыненні да еўрапейскіх этнакультур меў хутчэй негатыўны працяг у дэканструктывізме Ж. Дэрэыда і постструктуралізме, апантаных пафасам пераадолення «еўропацэнтрызму» і метафізікі наогул як спараджэнняў цывілізацыі Захаду і ўзятых на ўзбраенне шматлікімі прадстаўнікамі амерыканскай этнанавукі. Больш цвяроза настроеныя даследчыкі (такія як, напрыклад, Ф. М. Вімер) бачаць у «этнафіласофіі» тую рэальную альтэрнатыву, якая ў «полілогу» дазволіць пазбавіцца ад небяспечных крайнасцей «цэнтрысцкага ўніверсалізму і сепаратысцкага партыкулярызму».

Выглядае зусім невыпадковым і сімптаматычным, што два вядомыя даследчыкі гісторыі філасофіі Беларусі, якія спрычыніліся да таго, каб гэтая галіна ведаў набыла ў нашай краіне дысцыплінарны статус: У. М. Конан і Э. К. Дарашэвіч, у розныя часы і на розных асабістых падставах звярнуліся да сур'ёзнага вывучэння беларускай фальклорнай культуры. З другой паловы нулявых гадоў даследаванні светапоглядных, анталагічных і кагнітыўных асноў традыцыйнай культуры беларусаў пачалі праводзіцца ў Інстытуце філасофіі НАН Беларусі. Адметнай рысай гэтых штудый стала спалучэнне падыходаў, распрацаваных у такіх галінах сучаснай гуманітарыстыкі, як кагнітыўная (і кантрастыўная) культуралогія, семіётыка культуры і гісторыя ідэй і канцэптаў. Гэта дазволіла перафармуляваць задачу этнафіласофскіх даследаванняў: інкарпараваць этнафіласофію ў сучасны нацыянальны філасофскі дыскурс такім чынам, каб забяспечыць яе рэвіталізацыю праз развіццё аўтэнтчных форм філасофскага мыслення.

Гэта, вядома, запатрабуе радыкальнага перапрачытання па-беларуску (не проста перакладу, хаця і гэта таксама) існуючага гісторыка-філасофскага канона, прымусяць з новым «мікраскопам» угледзецца як у запазычаныя з іншых традыцый філасофскія канцэпты (а іх большасць), так і ў нерэфлексійна атрыманыя ў спадчыну свае ўласныя, бо створыць належную дыстанцыю, якая вызваляе ад маўленчых аўтаматызмаў і разам з тым робіць мову сапраўды сваёй.

Беларуская этнафіласофія можа стаць натуральным месцам сустрэчы нацыянальнай філасофіі з *уласнай* мовай і *ўласнай* традыцыяй і такім вяртаннем

да вытокаў, якое дае ўнікальны шанец беларускаму мысленню ў паскораным тэмпе прайсці тры эвалюцыйныя фазы, на якія грэкам спатрэбіліся стагоддзі (балазе, тут ёсць у каго павучыцца), і, перажыўшы іх нанова, больш упэўнена зірнуць у будучыню. Метадычна дэканструюючы ўласную традыцыю мыслення, этнафіласофія разам з тым расчыняе тры небакраі, у якіх будуць паўставаць новыя ўнікальныя паслядоўнасці падзей думкі, што і канстытууюць нацыянальную філасофію.

SAKRAT JANOVIC: INTERNAL AND EXTERNAL ASPECTS OF JANOVIC'S PHILOSOPHY OF IDENTITY

AGNIESZKA SZTAJER

Sokrat Janovic, Belarusian writer and philosopher (1936–2013), was the man of internally diversified identity. Born a Belarusian in Second Polish Republic, then a citizen of The Polish People's Republic, and the witness to the process of forming of Republic of Belarus, he developed his own philosophy of identity. On the one hand, he was a popularizer of the significance of Belarusian culture, history and literature for European cultural heritage. On the other hand, his literature cannot be described as «socially engaged» with the omission of individual character. On the contrary, his thought was remarkably self-reflexive; in his writings he repeatedly carries out self-scrutiny. What is more, according to him, the task of a writer in general is to «analyze not the facts, but a human – his existence».

This demonstrates clearly that Janovic presents twofold concept of literature, but also of identity: one of the aspect of identity is being a member of somebody's nation or ethnicity, in his case – a Belarusian. The second one is being a human, with all human features and ability to self-reflection. These two spheres unceasingly penetrate each other. Janovic believes that a Belarusian peasant does not need to struggle in creating any sophisticated, artificial, distilled 'culture' in order to save Belarusian heritage as for him [the peasant] – being Belarusian is being himself.

This phenomenon sets the example of the unity of two kinds of identity: national and individual, ontic one. This unity, however, cannot be achieved without any cost. The dangers to this harmonious identity can be, e.g., losing self-definiteness during mass exodus from the countryside to the city. At this point, Janovic's apologia of his hometown, Krynki, is worth noticing. He is not only a local patriot, but also a representative of the philosophy of local identity which combines ethnic factor as well as individual one – since this is nowhere that one can as fully and freely be himself as in his own place.

This combination of the internal and the external makes Janovic's philosophy of identity interesting and important for not only philosophers, but also for everyone who is concerned with maintenance and flourishing of Belarusian culture and sense of identity.

ВЛАДИМИР ИВАНОВСКИЙ КАК МЕТОДОЛОГ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ (МИНСКИЙ ПЕРИОД)

Т. Г. ЩЕДРИНА

Владимир Николаевич Ивановский – профессор Белорусского государственного университета (с 1921 по 1927 год), член БГУ Правления и заместитель ректора по учебной работе, председатель Научного общества БГУ, член редколлегии и технический редактор «БГУ Трудов» – известен в гуманитарных кругах как психолог и философ науки. Однако сам он считал себя прежде всего историком. Эта самоидентификация повлияла на его методологические идеи, особенно на концепцию исторической интерпретации философских терминов, сохраняющую актуальность для современной методологии гуманитарного знания.

Терминологическая работа всегда входила в сферу философских интересов Ивановского. Уже в 1900 г. для участия в I Международном философском конгрессе он заявил доклад «О возможности философской терминологии, общей для всех философов», а затем вместе с А. Лаландом работал над словарем «Vocabulaire technique et critique de la philosophie». О результатах своих терминологических исследований Ивановский докладывал и на II Международном философском конгрессе (Женева, 1904), о чем свидетельствует его письмо Э. Клапареду.

Особое значение Ивановский придавал методологии исторической науки. Он выделяет историю как «конкретную действительность» и действительность «социальную, взятую с известной стороны и изучаемой одною из социальных наук» [1, с. 18]. Он формулирует важнейший принцип терминологической работы, которого он сам придерживается, – конкретность: *определение должно устанавливать значение термина раз и навсегда в пределах работы*; «...теория основных понятий и методов исследования должна лежать в основе именно процесса исторического изучения; ...без такой предварительной канвы или схемы (или, если угодно, без определенного исторического мировоззрения) невозможно никакое действительно научное историческое исследование» [1, с. 22].

Ивановский формулирует методологические возможности исследования философской терминологии: 1) «установление *истории терминов* как таковых»; 2) «анализ истории *понятий* и их развития в ряде терминов, различных в разные времена и у разных народов»; 3) «выработка нормальной, так сказать, системы терминов, отбор из них наиболее подходящих»; 4) «изучение, которое исходило бы из фактически употребляемых терминов своего, родного, языка и устанавливало бы их происхождение и их связь с многообразием значений понятий у разных народов, в разные эпохи, в разных научных философских школах». Следовательно, каждый раз в зависимости от контекста исследователь может выбирать наиболее приемлемое основание для рассмотрения конкретных слов-понятий.

Ивановский раскрывает методологические возможности и пути исторического исследования философских слов-понятий и представляет конкретные образцы такой работы в статьях для «Словаря философской терминологии», а также в «Методологическом введении в науку и философию».

Литература и источники

1. *Ивановский, В. Н.* Логика истории как онтология единичного / В. Н. Ивановский // БГУ Труды в Минске. – Минск, 1922. – № 1.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А. В. ЩУКИН

Проблемное поле современной философско-правовой мысли Беларуси в целом находится в русле мировых тенденций исследования проблем формирования универсальных ценностей международного правопорядка, основанного на принципах равенства, справедливости соотношения позитивного права с моралью, формирования правовой культуры, правосознания, взаимоотношений власти и личности, обеспечения прав и свобод человека.

Вопросами философии права занимаются не только собственно юристы и философы. Так или иначе их затрагивают политологи, социологи, представители других наук. Большую роль в становлении философско-правовой мысли в Беларуси играют работы иностранных авторов. Вместе с тем современный этап в развитии философско-правовой мысли в Беларуси характеризуется переходом от безусловного заимствования западных правовых ценностей к их критике вплоть до отрицания. Причины этого носят социально-экономический и политический характер. Новейшие тенденции развития философско-правовой мысли связаны с критическим осмыслением цивилизационного выбора Беларуси, а именно, поиском основ национальной идентичности, особенностей белорусской культуры, оказывающих влияние на формирование правовой системы.

В целом, современное правовое регулирование в Беларуси строится с учетом стандартов, принятых в передовой международной практике. К ним относятся принципы демократии, законности, приоритета общепризнанных принципов международного права, гуманизма, защиты прав и свобод, а также законных интересов граждан, юридических лиц, государства и социальной справедливости. Нельзя говорить о том, что наше общество не воспринимает или неспособно принять их.

Современные препятствия на пути развития сотрудничества стран Запада и Востока в правовой сфере являются зачастую искусственными и связаны

с позициями отдельных политиков. Сотрудничество разных стран не только возможно, но и не имеет альтернативы, тогда как противостояние во многом создается искусственно. Снятие межстрановых противоречий в социально-экономической, политической и, что немаловажно, правовой сфере зависит от усилий ученых, политиков, экономистов разных стран.

**НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПАЭТЫЧНАЯ ФІЛАСОФІЯ
Ў ТВОРЧАСЦІ СУЧАСНЫХ БЕЛАРУСКІХ І РУСКІХ АЎТАРАЎ
(Р. БАРАДУЛІН, А. РАЗАНАЎ, А. КУШНЕР, Г. АЙГІ)**

Т. П. БАРЫСЮК

Тое, што нацыянальная паэтычная філасофія існуе, доказна аргументавана ў працах філосафаў і літаратуразнаўцаў М. Н. Эпштэйна, А. Бабарэкі, М. А. Мажэйкі, У. В. Гніламёдава і Т. А. Аляшкевіч. Мы знайшлі многія ідэі нацыянальнай мастацкай філасофіі ў творах сучасных беларускіх (Алесь Разанаў, Рыгор Барадулін) і рускіх (Аляксандр Кушнер, Генадзь Айгі) паэтаў. У вершах філасофскага напаўнення беларускія і рускія паэты выказваюць ідэі неабходнасці максімальнай самарэалізацыі і самапазнання, спасціжэння навакольнага свету, неабходнасці ўсведамлення сябе «тут і цяпер», а таксама ідэю неабходнасці ўспрымання прыроды праз прызму нацыянальнай ментальнасці.

**БЕЛОРУССКАЯ СТАНКОВАЯ ЖИВОПИСЬ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: СВЕТОНОСНОСТЬ И АНОМИЯ**

А. В. КОНОНОВА

На рубеже XX–XXI вв. в станковой белорусской живописи свобода художников в творческих экспериментах с содержанием становится самоценной. В поиске содержания получают приоритет религиозная символика в живописи, обращение к символическому, мистическому, иррациональному. И все чаще сюжетно-поэтическое, социально-патриотическое направления отступают на второй план. Это отражается на работе содержательной функции света. Желание обнажать новые законы экзистенции, выйти к границам мира – иногда любой ценой – порождает непринципиальное отношение к свету: явление полярной энтропии светоизображения приобретает кульминационный характер. Непринципиальность выражается в нарушении и профанации традиционного понимания базовых этических норм и ценностной цензуры. Такую аксиологическую дезориентацию в искусстве мы соотносим с понятием аномии (Э. Дюркгейм). Аномию содержания светоизображения характеризуют, с одной стороны, полярная энтропия, с другой – перспектива химерного этноса. Эти

явления диктуют искусствоведам осваивать эквивалентный язык анализа произведений данного периода.

В живописи Л. Щемелёва, Е. Батальонка, В. Товстика, Г. Кононовой, А. Задорина, А. Гришкевича, С. Римашевского, И. Кособуко, художников-светистов изображение света приобретает осознанный формат, становится целью. Развитие некоторых тенденций содержания света в живописи обретает новые черты. Связь содержания и физической природы источника света в современном искусстве реализуется через традиционные и знаково-символические стилистические приемы. Современный быт предлагает возможности выбора нестандартных для живописной поэтики световых источников: экраны телевизора, мобильного телефона, компьютера и т. п. (Л. Щемелёв). Символика света реализуется в соединении образного эквивалента света и текстуального смысла и утверждается в формально-знаковой пластике произведений (Г. Русак, С. Тимохов, Т. Кондратенко, В. Кожух, Д. Чубуков). При этом многообразие направлений развития содержательной функции света в белорусской живописи представляет собой систему, которую можно выразить в парадигме шести основных тенденций содержания света.

Картина является суммарным результатом действий всех функций света: этот результат – сверхсодержание, которое может быть носителем света истины либо мерой приближения к нему. В своих работах мы ввели и используем категорию светоносности, которая предлагается как критерий, призванный сохранить в аналитическом взгляде на искусство осмысление свободы совести художника. Поскольку сверхсодержание может быть несветоносным, нести разрушение личности художника и личности реципиента.

ФІЛАСОФІЯ ЯК ЭЛЕМЕНТ ПІСЬМЕННІЦКАЙ ПАЛІТРЫ ІВАНА НАВУМЕНКІ

А. М. ЛАПАТА-ЗАГОРСКИ

Галоўным героем многіх твораў Івана Якаўлевіча Навуменкі выступае «кніжнік» – чалавек, які шмат увагі аддае чытанню, які літаральна трызніць кнігамі. Гэта альбо малады хлопец, чыё сталенне адбываецца ў перадаенны перыяд і ў гады Вялікай Айчыннай, альбо інтэлектуал, які ў маладосці ваяваў у партызанах ці на фронце, а ў пасляваенны час няпроста звыкаўся з мірным побытам. Фактычна ў раманах і апавесцях даследуецца лёс пакалення «васямнаццацігадовых», тых хлопцаў і дзяўчат, для якіх тэрмін заканчэння школы супаў з датай пачатку Вялікай Айчыннай вайны.

Любоў да кнігі, да чытання, уласцівая большасці герояў твораў Івана Навуменкі, прадвызначана аўтабіяграфічнасцю сюжэтнай асновы многіх раманаў і апавесцей пісьменніка. Апісанне бяссонных начэй, праведзеных над томікамі класікаў, прысутнічае ці не ў любым больш-менш маштабным творы

пісьменніка, і гэта бясспрэчны прыпамін аўтара пра ўласнае жыццё, пра сваю маладосць. Відавочна, што згадкі пра філосафаў, пра філасофскія трактаты, якія даводзілася чытаць герою ці з якімі ён толькі збіраецца азнаёміцца, пры такім ракурсе асвятлення падзей так альбо інакш будуць патрапляць у тэкст.

Пасляваенны жыццёвы вопыт Івана Навуменкі цесна звязаны з навукай, навуковай практыкай. Ён прайшоў аспірантуру, выкладаў у ВНУ, потым узначалваў акадэмічны інстытут літаратуры. Асабістае знаёмства з беларускімі філосафамі таксама знайшло адбітак у апавяданнях і раманах пісьменніка.

Аналіз літаратурнага матэрыялу, у тым ці іншым выглядзе суаднесенага з паняццем «філасофія», засведчыў: у творах Івана Якаўлевіча катэгорыя «філасафічнасць» выступае не проста значным па аб'ёме субстрактам, гэта яшчэ і дастаткова выразны індыкатар унутранага свету герояў. Фактычна праз стаўленне персанажаў да ўвасобленых у філасофскіх трактатах здабыткаў тысячагадовай мудрасці чалавецтва пісьменнік «падсвечвае» светапоглядныя характарыстыкі сваіх герояў, паказ пісьменнікам узаемастановаў літаратурнага персанажа і філасофіі абарочваецца дадатковым сродкам мастацкай выразнасці. Дадзены прыём выкарыстоўваецца Іванам Навуменкам паслядоўна, мэтанакіравана і сістэмна.

Даследчыкі літаратуры, дэшыфруючы творы аўтара, павінны ўлічваць дадзеную ўласцівасць яго пісьменніцкай манеры, аналіз літаратурных матэрыялаў па лініі «персанаж – сфера суадносімага з філасофіяй» спрыяе больш глыбокаму спасціжэнню таямніц творчасці Івана Навуменкі.

ФЕНОМЕН «ІНШАГА» Ў МАСТАЦКА-КУЛЬТУРНЫМ ДЫЯЛОГУ

Ж. С. ШАЛАДОНАВА

Асаблівацю чалавечай жыццядзейнасці на сучасным этапе з'яўляецца інтэнсіфікацыя пазнаваўчых і інтэграцыйных працэсаў, якія ахопліваюць самыя розныя сферы. Узнікаючы пры гэтым «дыялагічныя адносіны», якія прадугледжваюць адкрытасць свядомасці і паводзін чалавека навакольным уражанням і стасункам, не толькі датычацца непасрэдных кантактаў паміж людзьмі, народамі, але і ахопліваюць тэксты і іншыя помнікі культуры. У агульную камунікатыўную плынь арганічна ўключаны дыялог культур, якія пры імкненні захаваць свой суверэнітэт ва ўмовах глабалізацыі, узаемна дапаўняюць адна адну і набываюць новыя імпульсы развіцця як вынік узаемапазнання. Такім чынам, суадносіны «свайго» і «іншага», асабліваці ўспрымання «іншага» і пазнанне, ідэнтыфікацыя, самавызначэнне праз гэтыя працэсы «свайго» ўтвараюць важнейшыя рычагі міжкультурнага ўзаемадзеяння. Важным фактарам у гэтых працэсах выступаюць традыцыйны досвед, агульначалавечыя духоўна-культурныя каардынаты, гісторыка-кантэкстуальная абумоўленасць і светапоглядная пазіцыя рэцыпіента (аўтара), яго

настроенаць на канструктыўны дыялог, здольнаць да жывога і зацікаўленага рэагаваньня на прэцэдэнт «інакавасці» (іншасці). Мастацкая літаратура здольная найбольш паўнакроўна і пераканальна ўвасобіць вобраз іншай краіны, перадаць быт і норавы яе насельнікаў, яскрава абазначыўшы пры гэтым аўтарскую пазіцыю, фарміраванне і развіццё стэрэатыпаў, іх дынаміку, а таксама ролю ў разгорнутых аўтахарактарыстыках успрымаючага боку. Розныя ўмовы жыццядзейнасці паўплывалі на спецыфіку светапоглядных ўяўленняў таго ці іншага народа, асаблівасці характару, паводзін, стасункаў, фарміраванне разумова-лагічных структур свядомасці. Усе гэтыя параметры могуць вельмі адрознівацца. Тое, што з'яўляецца вызначальным і запатрабаваным у адной гісторыка-культурнай традыцыі, можа падацца зусім неістотным у іншай. Традыцыі прадвызначаюць звычкі, манеру паводзін, прыярытэты жыхароў краіны, афармляюць і ўпарадкоўваюць нацыянальную карціну свету. У камунікатыўна-творчым акце аўтар, як правіла, абапіраецца на ўласны вопыт, асабістыя ўражанні, рэальныя факты і з'явы і калектыўныя памкненні іх успрымання і асэнсавання (у выглядзе стэрэатыпаў таксама) з тым, каб прадставіць каларытны, цэласны і запамінальны малюнак-прэзентацыю іншакультурнага, іншанацыянальнага асяроддзя. Іншанацыянальны мастацкі дыскурс уплывае на вобразна-тэматычнае поле беларускага прыгожага пісьменства, пашырае абсягі пазнання народаў свету і больш выразна акрэслівае беларускую нацыянальна-культурную прастору.

ЭКЗИСТЭНЦЫЯНАЛЬНЫ ВОБРАЗ ПАРТЫЗАНА Ў АПОВЕСЦЯХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕНнікаў XX СТАГОДДЗЯ

І. М. ШАЛАДОНаў

За нашай краінай, асабліва пасля трагічных падзей Вялікай Айчыннай вайны, даволі цвёрда замацаваўся эпітэт «*Беларусь-партызанка*». Гэтая прапазіцыя вельмі выразна акцэнтавана ў знакамітай песні «Белоруссия» А. Пахмутавай і М. Дабранравава ў выкананні ансамбля «Песняры». Такую ж высокую ноту высакароднага патэтычнага гучання ў раскрыцці гераічнай і трагічнай барацьбы беларускага народа з фашысцкімі захопнікамі прыўнесла і айчыннае мастацтва слова. Мастацкая спадчына І. Шамякіна, І. Навуменкі, В. Быкава вельмі яскрава і паспяхова ў мастацка-рэалістычным плане раскрыла экзистэнцыяльна-духоўны стан беларуса часоў нямецка-фашысцкай акупацыі, глыбінна пранікнуўшы ў свядомасна-ментальны, псіхалагічна-дрыготкі свет партызанскага змаганьня.

Само ж слова-паняцце партызан увайшло ў практыку ваеннага і міжнароднага жыцця толькі ў пачатку XIX стагоддзя і звязана найперш з народнай барацьбой іспанскіх патрыётаў (герыльё) з французскімі салдатамі, пад час калі войскі Напалеона разбілі рэгулярную армію і акупавалі іх краіну.

Экзістэнцыянальны стан існавання партызана ў час вайны характарызуецца выразнай праявай яго сацыяльна-псіхалагічнай няўстойлівасці. Гэта найперш звязана з тым, што пад час ваенных дзеянняў нявызначаным застаецца палітыка-прававы і жыццёва-ментальны статус партызана і ён шмат у чым апыноўваецца безабаронным, калі вырашае падняцца на барацьбу з захопнікамі.

Калі яго ранейшае становішча як мірнага жыхара ўтрымлівалася на ляльнасці і падпарадкаванасці ім пэўнаму суверэну – каралю, дэржаве, то ў часы акупацыі менавіта партызан свядома бярэ на сябе частку правоў былога суверэна, гэтым самым надзяляючы сябе эсклюзіўным правам несці адказнасць за лёс сваёй зямлі, за абарону сваіх правоў а таксама родзічаў і аднапляменнікаў.

Разам з тым будучы да канца не вызначаным у статусе «права вайны», ён ў нечым становіцца нявольным дэтанатарам жорсткага падаўлення супраціву народа з боку акупацыйных сіл. Працэс вядзення вайны, яго формы і спосабы супрацьстаяння паміж варожымі бакамі набываюць амаль бязмежны і татальны характар і спараджаюць вялікую лютасць і ахвярнасць сярод мірных жыхароў.

Шырокі беларускі партызанскі рух у гады вайны менавіта і выявіў высокі свядомасны патэнцыял нацыі, якая змагла ў форме бескампраміснага самаахвярнага народнага змагання зафіксаваць права на суверэнны статус свайго далейшага гістарычнага быцця. І гэта выдатна адлюстравала беларуская гуманістычная проза XX стагоддзя.

1.2. ФИЛОСОФИЯ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

ВРЕМЯ-ЦИКЛ В УЧЕНИИ ПЛАТОНА

АМЕРИ СИЯХУИ МОХАММАД АМИН АБДОЛХАМИД РА

В платоновском учении, в полной мере отображая традицию своей эпохи, понимание времени показано в рамках циклической его картины. Платон использует два варианта обоснования цикличности времени и, соответственно, истории: космологический и метемпсихический. Первый вариант он вкладывает в уста Тимея (диалог соответствующего названия [1, с. 400–480]), а второй – Сократа («Федр» [2, с. 195–254]).

Установочным тезисом космологического понимания цикличности является положение о том, что созидание Космоса осуществлялось Демиургом по подобию совершеннейшей формы – формы сферы. Добился он этого, запустив созданную Вселенную в движение вращательного типа. Создав тело космического целого, он оживил полученный продукт помещением в его центр души, ставшей Мировой по мере ее распространения внутри сферы и облачения оной извне. Заложенная в Мировую душу потенция движения устремила объекты мироздания сообразно их предназначению. Демиург организовал и более частные виды движения в рамках самодвижущегося целого. Эту миссию он реализовал через круговращение «семи светил», расположив их на разном отдалении от Земли. Частные виды движения формируют так называемое «полное число времени полного года», т. е. некую циклическую систему вселенского времени, находящую свою завершенность «...тогда, когда все восемь кругов, различных по скорости, одновременно придут к своей исходной точке, соотносясь с мерой единообразно бегущего круга тождественного» [1, с. 421]. Древнегреческий мыслитель полагает, что условный «парад планет» достигается через уравнивание скоростей их вращения – это, в конце концов, приведет небесные тела к отправной точке. Такое событие символизирует окончание одного цикла вселенского («совершенного») года и начало другого.

Второй вариант обоснования циклического характера времени и исторического процесса, метемпсихический, выводится из платоновских представлений о сущности души и круговоротах ее перерождений. Возвращение возвращенной на фундаменте безобразного и дурного («потерявшей крылья») души из брэнного мира в мир, из которого она явилась, – мир вечный и истинный,

невозможно ранее чем через десять тысяч лет. Исключением является душа философа – «человека, искренне любившего мудрость». Она способна завершить цикл своего совершенствования за три круговорота, каждый из которых насчитывает тысячу лет, причем, в случае если все три цикла будут посвящены этому – самому возвышенному в градации видов земной жизнедеятельности – образу жизни. Каждый тысячетный круговорот венчается судом, по решению которого одни души отбывают наказание в «подземных темницах», а другие получают более достойную жизнь, адекватную той, которую они провели в теле. Затем души входят в новый тысячетный цикл, который может быть и нечеловеческим, ибо таковую форму (людского бытия) необходимо было заслужить.

Литература и источники

1. Платон. Тимей: пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Избранные диалоги / Платон: сост. и коммент. В. В. Шкоды. – М.: АСТ, 2004.
2. Платон. Федр: пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Избранные диалоги / Платон: сост. и коммент. В. В. Шкоды. – М.: АСТ, 2004.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИБН СИНЫ В ТРАКТОВКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

А. А. АЗИЗКУЛОВ, С. М. РУЗИМУРДОВ

Ученые Запада и Востока вели множество исследований по поводу творчества великого мыслителя Ибн Сины, богатым естественнонаучным и философским наследием которого человечество пользуется в течение тысячи лет. Все его произведения переведены на многие языки мира. Особенно широко исследовано научное наследие Ибн Сины за рубежом. Хорошо известны его исследования в области медицины. О том, что медицинское наследие Ибн Сины более известно, чем его философское наследие, говорит тот факт, что с XII по XVII век, в частности в Европе, его произведения «Каноны медицины» служили основным источником для занимающихся медицинской практикой. Западные философы признают его величайшим философом Востока.

Английский философ Б. Рассел в своем произведении «История Западной философии», анализируя историю развития социально-политических и философских учений, одну главу посвящает теме «Мусульманская культура и философия» [1]. В данной главе Б. Рассел со своей точки зрения комментирует ислам и его историю, уделяет немного внимания Аль Кинди, затем излагает роль персов в истории ислама и науки. Интересно, что он считает Аль-Хорезми и Ибн Сину также представителями персов. Он говорит, что в Исламском мире существуют два величайших философа: один из персидского края, т. е. Ибн Сина, второй из Испании – Ибн Рушд. Рассел рассматривает их как ученых, оказавших огромное влияние на европейское Возрождение и развитие

философских взглядов в Европе. Б. Рассел подробно излагает биографию Ибн Сины, его личные качества, заслуги в философской и логической науке. Глубоко анализирует отношение Ибн Сины к учениям таких философов, как Аристотель, Платон.

Высокую оценку ученого можно встретить и в других исследованиях. В частности, в учебном пособии «История философии» для высших учебных заведений под редакцией И. М. Мапельман было особо подчеркнуто философское значение трудов Ибн Сины. В главе под названием «Арабская философия средних веков» утверждается, что первыми арабскими философами являются Аль-Кинди и Фараби, но самыми крупными представителями мусульманской философии – Ибн Сина и Ибн Рушд [2]. Отмечается, что Ибн Синой обосновано объективное существование природы, обосновано, что логические принципы, законы и категории должны соответствовать законам объективного мира, т. е. логика не должна быть искусством, не соответствующим жизни, она должна быть наукой. В учебном пособии указывается, что именно Ибн Сина обратил внимание на тесную взаимосвязь физики, логики и метафизики (философия). Авторы учебного пособия, называя Ибн Сину ученым-энциклопедистом и указывая, что «на Востоке ученого называли «Муаллимус соний», т. е. второй учитель после Аристотеля», ошибаются. Они здесь перепутали Ибн Сину с Фараби. Но в целом в учебном пособии подробно излагается философское наследие философа. Такая оценка философского наследия Ибн Сины присуща многим западным исследованиям.

Литература и источники

1. Рассел, Б. История Западной философии / Б. Рассел. – Новосибирск: Из-во Новосиб. ун-та, 1999.
2. История философии: Учеб. пособие для вузов. – М.: «Издательство ПРИОР», 1997.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ К. Г. ЮНГА: РУССКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ, ВЛИЯНИЕ, КРИТИКА

В. В. БАЛАНОВСКИЙ

Закладка философского фундамента аналитической психологии началась еще в процессе подготовки К. Г. Юнгом его программного произведения «Психологические типы», увидевшего свет в 1921 г. Наивысшей концентрации его теоретические изыскания достигают в трудах, вышедших в 8-м томе академического собрания сочинений Юнга («Структура и динамика психического»). В данных работах становится возможным проследить влияние на аналитическую психологию не только идей И. Канта, трансцендентализм которого был неплохо усвоен Юнгом, но и современников швейцарского психолога, например, Н. Я. Грота или Н. О. Лосского.

Так, энергетизм Н. Я. Грота лег в основу представлений Юнга о природе и законах трансформации либидо. В свою очередь, как отмечают Е. В. Черносвитов, Е. Самойлова, З. Фрейд полагал, что формирование понятий «интроверсия» и «экстраверсия» происходило под воздействием идей Н. О. Лосского, изложенных в одной из переводных версий его статьи «Обоснование интуитивизма».

Вместе с тем активное вовлечение Юнга в орбиту русской интеллектуальной культуры началось еще до того, как он обратился к трудам Грота. В качестве условной точки отсчета здесь можно взять поступление С. Н. Шпильрейн в клинику Бургхельцли. Ее лечащим врачом стал Юнг, который впервые опробовал на пациентке из России (ставшей впоследствии его ученицей и коллегой) методы, положенные в основу аналитической психологии. Взаимодействие это оказалось весьма результативным в интеллектуальном плане. В частности, разработанная Шпильрейн концепция деструкции повлияла на генезис юнговских представлений о шизофрении.

Затем во время Первой мировой войны Юнг познакомился с еще одним пациентом – Э. К. Метнером, который оказался своеобразным «катализатором» формирования аналитической психологии и стал первым популяризатором нового метода. Что касается идейного влияния, то, в частности, Метнер не дал Юнгу увлечься антропософией Р. Штейнера и мотивировал его в большей степени фундировать свои идеи на наследии Канта, что в итоге позволило аналитической психологии развиваться в большей степени в научном, а не мистическом и иррациональном русле.

В 1920-е годы Юнг знакомится с еще одним русским интеллектуалом, философом Б. П. Вышеславцевым, который стал адептом аналитической психологии, творчески переработавшим идеи создателя данной концепции. Вместе с тем он не только выступал реципиентом идей Юнга, но также оказал на него влияние. Доказательством тому являются как труды обоих авторов, так и переписка Вышеславцева и Юнга, хранящаяся в Бахметьевском архиве в Колумбийской университете.

Таким образом, первые три десятилетия XX в. прошли у Юнга под знаком русской интеллектуальной культуры, а ведь именно этот период является временем наиболее активного формирования аналитической психологии.

АКТУАЛЬНОСТЬ НИЦШЕ

В. А. БОЙКО

Кризис современного мира включает кризис парадигмы познания, ориентированной на факт, кризис гуманизма и антропоцентристских дискурсивных стратегий. Степень чистоты познания «природы» человека зависит от способности познающего субъекта выйти за пределы правил и норм социальной жизни, за пределы «человеческого, слишком человеческого». Во главу угла

должен быть поставлен не факт, в том числе факт знания, а способность выхода за пределы факта, творческий акт, а не его результаты. Все ставшее, устойчивое несовместимо с творческим актом. Стремление к определенности, к реализации привычных образцов поведения и мышления формирует негативное отношение к творческому движению, творческий акт выступает как угроза разрушения стабильности и порядка.

Для творческой личности, для человека, открытого возможности мыслить, потребность людей в устойчивой системе убеждений удивительна. (См., напр., размышления на эту тему Ч. С. Пирса.) Среди привычных ориентиров – образ человека, феномен *Я*. Попытки освобождения мышления из-под власти феноменального *Я* не редкость в истории философии (скептицизм Д. Юма, эмпириокритицизм и проч.). Борьба за свободу и чистоту творческой мысли, борьба против тирании *Я* – стержень философии Ницше.

Что отвращает взор познающего от самого себя? *Я* – субъект культуры, религии, морали. *Я* – фокусник пера, удивляющий читателей игрой словами, по сути дела, игрой предрассудками, ибо «всякое слово есть предрассудок». Может ли быть свободным «человек слова»? Вопрос риторический. Слово, убеждение, книга, культура и т. п. – ценности раба! Этот раб должен быть уничтожен в ходе длительной, изнуряющей борьбы во имя истины, скрытой в нем, ведь «человек не цель, но лишь путь, инцидент, мост, великое обещание...». Ницше готов расчленить человека ради торжества творца над тварью, противоречиво слитых в человеке воедино.

«Дух» индивидуализма и субъективизма чужд Ницше. За его размышлениями стоит интенция мысли вырваться за пределы привычного, за пределы языка, морали, культуры. Об этой интенции позднее скажет Л. Витгенштейн: «Смысл мира должен находиться вне мира. <...> В самом деле, существует невысказываемое. Оно показывает себя...». Творчество Ницше – напряженный поиск указаний на то, что скрывается за «человеческим, слишком человеческим». Подлинное не высказывается, подлинное – это то, что остается после тотальной деконструкции, тотального разрушения условностей. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Ницше молчит о подлинном, но его молчание носит демонстративный характер. Философия Ницше есть демонстрация возможности подлинного.

Стратегия выживания Ницше позволяла ему, выплачивая дань разным традициям письма и прибегая к различным дискурсивным стратегиям, быть неуловимым и находиться между разнообразными монстрами культуры: «Одно дело – я, другое – мои произведения». Где же Ницше? Он между образованиями, претендующими на устойчивость, он – отрицание исторически сложившихся систем координат, он – становление, творчество, жизнь.

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ С. ЗДЫБИЦКОЙ

В. К. БОРЕЦКАЯ

Сферой научных интересов польского философа, профессора, монахини ордена Уршулянок Софии Здыбицкой являются философия религии и метафизика. Научные изыскания представительницы польского философского сообщества посвящены исследованию феномена религии, его влиянию на реальность человека, а также феномену атеизма и его социальных проявлений. Определяя цели и задачи философии религии, Здыбицкая использует онтологическо-персоналистический подход. Философию религии она определяет как научную дисциплину о феномене религии в целом во всех его проявлениях. Данная дисциплина не может быть философией определенной религии, сферой ее исследований должны быть все исторические религии, с целью выделения существенных черт, характерных для феномена религии в целом.

С. Здыбицкая дает определение религии, характерное для философии персонализма, акцентируя внимание на релятивном характере данного феномена, обусловленном отношением, связью, диалогом человека с трансцендентным Абсолютом. Религия определяется как «реальная, личностная связь человека и личностного Абсолюта (Бога), которого человек познает как необходимый источник своего существования и Высшее Благо, который придает смысл его жизни» [1, с. 299]. Религия имеет определяющее значение для человека именно в личностном аспекте, а не во внешнем проявлении.

Различные формы религии имеют временной характер, обусловлены исторически и культурологически. Сам феномен религии, по мнению С. Здыбицкой, характеризуется статичностью и непосредственно связан с существованием человека. Внешнее проявление данного феномена изменяется, но существенные онтологические характеристики остаются неизменными. Религия в ее воззрениях предстает как многогранный феномен, проявляющийся как познавательно-эмоционально-мотивационное психическое явление, характеризующееся специфическим языком, как культовая практика, мораль и социальный институт.

Согласно воззрениям С. Здыбицкой, объектом философии религии являются эмпирически данные, факты о религии. Соответственно предметом данной научной дисциплины – реальность религии, факт ее существования. В качестве задачи философии религии она определяет поиск подтверждающих, непротиворечивых доказательств существования феномена религии. Фактически поиск ответов на вопросы, почему религия существует, каковы субъективные и объективные доказательства данного феномена, которые задают ценностные ориентиры, формируя мировоззренческий потенциал отдельной личности.

Литература и источники

1. Zdybicka, Z. Człowiek i religia: zarys filozofii religii / Z. Zdybicka. – Lublin: KUL. – 2007.

ТРАДИЦИЯ ОСОБОГО ОТНОШЕНИЯ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. В. БОРИСЕВИЧ

Еврейская культура традиционно придает особое значение не только содержательной стороне знаков языка, но и формальной. Отдельные графемы и весь графический облик слова нередко подвергаются тщательному и глубокому осмыслению в текстах различных жанров. Нередко именно внешняя форма знака служит стимулом для порождения дальнейших философских, теологических и иных смыслов в ходе интерпретации особенностей именно формальной стороны знака в тексте.

Свое начало эта традиция берет еще в Танахе, где особое внимание уделяется именам собственным. Форма знака, первоначально не наделенная смыслом, обретает значение в рамках этиологических сюжетов. Один из первых таких сюжетов – рассказ о создании человека – связан в древнееврейском тексте с очень тонкой лингвистической манипуляцией: слово Адам, имеющее в качестве нарицательного существительного значение «человек», неожиданно перестает употребляться с определенным артиклем. И именно это (и только это, поскольку еврейское письмо не предусматривает использования заглавных букв) сигнализирует о переходе этого слова в разряд имен собственных.

Этиологические сюжеты Танаха составляют значительную часть еврейской традиции по интерпретации имен собственных: к уже существующим именам собственным подбираются максимально близкие нарицательные существительные, которые создают каркас для отдельного библейского сюжета. Основная цель такого сюжета – объяснить, почему человеку или месту было присвоено то или иное имя. При этом первоначальный импульс для сложных сюжетных интерпретаций дает исключительно внешняя, формальная сторона знака.

В ходе дальнейшего развития еврейской религиозно-философской мысли глубокий смысл начинают приобретать не только отдельные слова из-за их особой формы, но и графемы. Буквы древнееврейского алфавита наделяются особой силой, в том числе и магической. Впервые каббалистический лингвистический дискурс ярко проявляется в Сефер Йецира, в которой именно буквы древнееврейского алфавита становятся одним из инструментов Божественного Творения.

Во второй части Сефер Йецира для анализа природы букв применяются разнообразные техники: им приписываются соответствия дням недели и созвездиям, и даже различным стадиям философского метода мышления – тезису, антитезису, синтезу. Философский анализ сопрягается с лингвистическим анализом, учитывающим физиологию звукоизвлечения.

Каббалист Авраам Абулафия [2, р. 25] в дальнейшем сопрягает древнееврейский алфавит и древнееврейский язык со структурой мироздания, полагая,

что лишь древнееврейский язык способен пролить свет на истинную сущность вещей. Он также утверждал, что существует определенное подобие структуры мироздания и древнееврейского языка.

Наконец, в книге Зохар содержится рассказ о том, как Создатель выбирал, из какой буквы древнееврейского алфавита сотворить весь мир. Буквы сами являются к Нему и рассказывают о своих достоинствах, но почти все получают отказ.

Литература и источники

1. The Zohar: Pritzker Edition, Volumes I, III / translated by Daniel C. Matt. – Stanford University Press, 2003.

2. עמעמ' אידל, מ. אברהם אבולעפיה. לשון, תורה והרמנויטיקה. הוצאת שוקן, ירושלים ותל-אביב, תשנ"ד.

3. ספר יצירה עם פירוש וביאור מאת אריה קפלן. תל-אביב, 2011. עמ' 312.

THE OVERHUMAN AS AN ACTUAL DIALECTICAL REALITY AND ITS EVIDENCE IN THE MYTH

HERMES VARINI

An existential condition regarded as dialectically opposite to the one we see in man cannot be, of course, but human itself, and yet be *of Power*, that is to say, superior in whatever conceivable respect. This is tenable respecting the intrinsic powerlessness of man and the ontological primacy and comprehensiveness embodied by the term and category *Power* as referred to the very nature of the Real respecting its overwhelming vastness in space and in time. Thus regarded, it is in a position to enhance, or rather to potentiate (referring to the Latin root *potentia*), the very definition and peculiarity of the human to the maximum conceivable level, a level which in order to be up to the task is to remain strictly dialectical in nature, and in these terms directly opposite to human powerlessness *in itself* as first empirically exemplified in man. Even though posited in the form of theory, this very presence results in everything thus far achieved being reduced in intensity with regard to Power itself, becoming *de facto* ontological impotence and a limit. Within the commonality of one single human nature, this exceeding human reality has been hitherto perceived under the garb of myths and so has remained latent for millennia until now in so far as never assigned to the rationale, as an actual possibility intrinsic to a view of the human extended far beyond the limits and epoch of man. Yet, on account of those very factors and since dialectically opposite, this condition results to be as ontologically real as that of man in the first place. And if we assume that the very nature of Being and indeed of the Real is referable, ontologically, to the primacy of the category and term *Power*, we derive the idea that it is even more so respecting the commonality of nature it possesses with Being and the Real precisely. In a word, this leads to one thing: the discovery and foundation of a necessarily opposite counterpart, or rather *antithesis*, of the intrinsic powerlessness of man as a result of a dialectical

necessity and rigor still at the core of thought and of the Real, these latter as in fact two sides of the same coin. In other terms, since there is evidence that human powerlessness does exist, and it is clear that it is man's own, there *must consequently be, somewhere else within the vastness of the world, a condition of actual human ontological Power*, singularly embodied, from an existential standpoint and as a personified concept, by a more than man, a beyond man, an actual *overman*. In thus attempting to define an alternative meaning of overhuman, a theme which is one of primary and universal interest, appealing to the spirit of man in all phases in the form of myths, and so omnipresent respecting his intrinsic status of impotence, this proposal is assuredly at variance with any preconceived notion of it, more especially with Nietzsche's own concept of *Übermensch* as still limited to the moral and non-ontological sphere alone.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДУХА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ПЕТКО ГАНЧЕВ

В моем понимании и в моих трудах я рассматриваю Философию как «дух эпохи», «квинтэссенцию культуры» данной эпохи (Г. Гегель, К. Маркс). В этом смысле главное в современной философии есть выражение духа культуры эпохи со всеми ее научными открытиями, формирующими новую картину мира, и технологическими достижениями, а также со всеми вызовами и угрозами социального, климатического и террористического характера. Коротко, это дух напряженности перед угрозой от новой глобальной войны и возможной катастрофы цивилизации.

Понимая, что как никогда раньше в своей истории человечество связано в целостную систему, нужно учитывать, что дух национальной философии в высокой степени выражает, вбирает в себя дух мировой философии и в известном смысле представляет фрагмент системы мировой философии, что сама эта система, выражающая дух мировой культуры, не является гомогенной, однородной во всей совокупности своих подсистем и элементов, поскольку они выражают дух разных цивилизационных и национальных культур, находящихся на различных этапах исторического развития и основывающихся на разных принципах и ценностях. В этом смысле национальные философии как выражение духа национальных культур не просто являются фрагментами мировой системы философии, но и представляют особые ядра ценностной сети.

Но когда мы говорим о том, что национальная философия выражает дух национальной культуры через восприятие духа современной эпохи, мы непременно должны учитывать, что сам дух национальной культуры является выражением не только ее нынешнего состояния, но и ее глубокой сущности, которая формировалась исторически как совокупность сущностных характеристик

национального психокосмоса в определенных географических, ландшафтных, климатических, социально-исторических и политических условиях. Поэтому она выражает национальную идентичность. Каждый народ должен понимать, что в наступившей глобальной эпохе сохранение и развитие национальной философии является важным фактором сохранения идентичности в наступающем «Новом Вавилоне».

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ПРОБЛЕМА

Н. В. ГУСЕВА

В современной философии наряду с широким распространением позитивистско-метафизических подходов к рассмотрению всего, что связано с пониманием человеческой реальности, перспектив общественного развития, статусом знания и мышления, чрезвычайно активизированы тенденции упадничества и нигилизма. В этом контексте вопрос о развитии самой философии становится «запредельным» или свидетельствующим о недопустимой доле социального оптимизма.

Цивилизационные формы, в которые по большей части облечено существование современного человечества, вполне соответствуют этим тенденциям и этой нивелировке смысла вопроса о развитии философии. Прерогативой цивилизационных форм организации общественной жизни, как и жизни отдельных людей, являются процессы тиражирования, воспроизведения, употребления, обмена, сохранения, применения, передачи и т. п. того, что создано в культуре и культурой. Процессуальное понимание культуры, то есть культуры как процесса, выражается творческой, социально-значимой, созидательной деятельностью. Результаты такой деятельности имеют статус предметов культуры, и их процессуальное существование возможно только при осуществлении соответствующего распредмечивания. Без него они остаются предметами, которые легко становятся объектами лишь манипуляций, тиражирования, применения и т. п., то есть объектами цивилизационных взаимодействий, теряя при этом свою суть и собственно культурный потенциал.

Философия как явление культуры возникает и развивается как сфера мысли, в которой отражается и развивается культурно-исторический опыт человечества во всеобщей форме. Преобладание цивилизационных форм существования общества, человека и его мышления делают реально проблематичным развитие философии как явления культуры и низводит ее до положения средства поддержания структуры обоснований различных социально-атрибутивных потребностей, характеризующих функциональное мироотношение и миропонимание. Это означает, что собственное развитие философии приобретает деформированную форму, что она сама начинает функционировать как

вполне цивилизационное явление, которое соответствует операциям манипулирования, употребления, использования во внешнем для нее социальном контексте.

Проблема сохранения и развития философии как явления культуры в цивилизационном пространстве заключается далеко не только в том, чтобы заниматься чисто мыслительными процессами, очищая их от метафизических, догматических и т. п. наслоений, а прежде всего в том, чтобы само социальное пространство-время, которое она и отражает, и развивает в сфере мысли, развивалось по логике культуры, то есть по логике, от которой и на основе которой человечество будет способно развиваться, преодолевая абсолютизацию функционалистского мироотношения и миропонимания.

О НАЦИОНАЛЬНОМ И УНИВЕРСАЛЬНОМ В ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. А. ДМИТРИЕВА

Трудности в решении вопроса о возможности национальной философии обусловлены проблематичностью смыслообразующих понятий: понятия философии и понятия национального. В современном научном дискурсе отсутствует конвенциональная определенность в дефинициях этих понятий, что существенно затрудняет их экспликацию.

Конкурирующие определения философии можно условно объединить в две группы: философия как наука и философия как мировоззрение. Первое определение предполагает универсальный характер философского знания. Второе связывает философию с личностным вненаучным «знанием» и, как следствие, с функционирующими в обществе идеологемами. Сложность в выборе между этими дефинициями обусловлена их тесной связью: наука (и философия как наука) составляет основу мировоззрений, а мировоззренческие мотивы неизбежно вторгаются в процессы научного творчества. Кроме того, наука – одна из форм культуры, которая, в свою очередь, участвует в процессах осознания человеком собственных и общественных интересов.

Не менее проблематичны попытки определить понятие национального, которое, с одной стороны, имеет политическое измерение, будучи неразрывно связано с такими понятиями, как нация и национализм. Так, нация всегда выступает в рамках того или иного государства как особая политическая сила, противостоящая тому, что маркируется ею как «чужое», «чуждое», «враг», и направленная либо вовне, например, против завоевателей, либо внутри государства, например, против компрадорской олигархии или политической оппозиции. Выражением социальных интересов в обоих случаях становится идеология. С другой стороны, национальное соотносится в обыденном сознании с понятиями культуры, языка, этноса, вовсе не обязательно имеющими политическое измерение.

Семантическая встреча понятий философии и национального возможна, но лишь за пределами сугубо научного дискурса – в сфере личных, групповых или общественных интересов, а также закрепленных в традиции «стилей» и тематических выборов. И если рефлексия о сути философии восходит к Античности, то проблема ее связи с национальным получает в Европе первое оформление в эпоху позднего Просвещения с рождением наций и философствования на национальном языке, а в России – в 1830-х годах с формированием западно-славянофильского дискурса. Возобновление артикуляции этой проблемы совпало с интенсификацией глобализационных процессов начала XX в. Многие европейские и русские философы (Г. Коген, П. Натторп, Р. Якобсон, Н. А. Бердяев, Н. Н. Алексеев, Б. В. Яковенко, Г. О. Гордон, Г. Г. Шпет и др.), признавая универсальное содержание философии как науки, искали ответа на вопрос о ее культурном своеобразии и национальных практиках.

Результаты этих поисков не утратили своего значения до наших дней, приобретая особую актуальность с расцветом «новых национализмов» в России и Европе.

L'ELLIPSE DE L'HISTOIRE: N. A. BERDIAEV ET L. I. CHESTOV FACE À LA RÉVOLUTION

EDOUARD GIRARD

La révolution de 1917 a été le lieu d'un questionnement intense sur le sens, sur la signification de l'Histoire. Mais la fracture dans le temps historique que représente cette révolution confronte la philosophie russe à un questionnement plus particulier encore, dont elle à la fois le sujet et l'objet.

Se présente donc un défi philosophique pour les contemplateurs de l'Ancienne Russie. Si l'État russe lui-même a changé de nature, si la terre est inaccessible, est-il encore possible de se faire le penseur d'une philosophie de la Russie? Est-il encore possible de concevoir un *народность* authentiquement russe? Ou l'éthique nationale est-elle, comme le pense Lénine, sujet à une altération radicale et à laquelle doit se substituer une nouvelle intentionnalité humaine?

C'est à ce refus d'une disparition d'un *русская народность* que se sont consacrés L. I. Chestov. Et N. A. Berdiaev. Tous les deux se sont fait, à Paris, les penseurs d'une continuité de l'Histoire de la Russie malgré la constitution du nouvel État soviétique. Le premier quitte Yalta sur le «bateau des philosophes» en 1922, l'autre pèlerine un an à travers l'Europe avant de rejoindre la France. Dès 1920, Chestov dénonce le «despotisme obscur», marquant la filiation du communisme russe avec l'autoritarisme de Nicolas Ier, refusant ainsi la nouveauté à l'ordre politique revendiqué par les Bolchéviques. Ce ne serait donc que l'un aspect de la vie politique russe qui serait exacerbé à ce moment tragique de l'Histoire.

Mais alors que Chestov théorise sa vision pantragique de l'Histoire héritée de l'existentialisme dostoïevskien, le projet philosophique de Berdiaev est autre. Dans

son investigation au plus profond de l'Histoire russe, son but sera de dégager une *signification*, une *logique*, capable de rendre compte d'un *type russe* de philosophie qui ne soit pas réductible ni à un irrationalisme ni à un orientalisme. Analysant les paralogismes de la doctrine morale de Vissarion Belinski, il décrète : «[par lui]. La dialectique fatale est déjà posée, par laquelle, en Russie, passera inéluctablement toute la pensée révolutionnaire-socialiste et athée. L'athéisme, sous cette forme, est un phénomène religieux qui a à sa base l'amour de la justice». Ainsi, s'esquisse une *logique historique*, continuant de signifier quelque chose dans sa reconnaissance par le sujet, malgré le terrible abandon d'une théodicée unitaire, rationnelle ou divine. Le dispersement du sujet qui en résulte, semble alors indiquer que l'Histoire ne s'exprime pas sous la forme d'une trajectoire, mais en ellipse.

Comment théoriser la subjectivité d'une nation dans le temps? Comment penser la continuité de ce même sujet malgré les brisures de l'Histoire? En quoi ces conceptions sont-elles universalisables, et non réductrice à la Russie en particulier? Nous explorerons ces questions à travers ces deux figures du déracinement que sont Chestov et Berdiaev.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Н. С. ИЛЬЮШЕНКО

Известно, что вплоть до недавнего времени история философии писалась преимущественно мужчинами. Имена мыслителей-мужчин, таких как Фома Аквинский, Пьер Абеляр, Уильям Оккам, повлиявших на мировоззрение своей и последующих эпох, хорошо знакомы не только узким специалистам, но и в целом широкому кругу образованных людей. Однако этого нельзя сказать об именах философов-женщин. И причина не в том, что таковых не было или их идеи не обладали должной глубиной и новаторством. Социальный статус женщин в средневековом обществе и отношение к ним как греховным и несовершенным созданиям не способствовали распространённости среди них интеллектуальных занятий. Тем не менее до наших дней сохранились работы женщин-философов, подробное и всестороннее изучение которых еще только предстоит осуществить.

В эпоху средневековья возможность размышлять, читать книги и писать собственные произведения открывалась перед женщинами, предпочтшими жизнь в монастыре светскому образу жизни. Именно поэтому женский голос в философии того времени представлен преимущественно именами монахинь, настоятельниц монастырей, святых.

Среди женщин, оставивших след в средневековой философии, необходимо назвать Хросвиту Гандерсгеймскую (935–1002), Хильдегарду Бингенскую (1098–1179), Герраду Ландсбергскую (1130–1195), Элоизу (ок. 1100 – 1164), Беатрису из Назарета (1200–1268), Мехтильду Магдебургскую (1207–1282), Хадевейх

Антверпенскую (Брабантскую) (ок. 1200 – ок. 1269), Биргитту Шведскую (1303–1373), Юлиану Норвичскую (Нориджскую) (1342 – ок. 1416), Екатерину Сиенскую (1347–1380) и других. Многие из них запомнились в большей степени как выдающиеся подвижницы, служительницы Христа, а также как писательницы и поэтессы. Но наличие в их работах глубоких философских смыслов позволяет говорить о них как о значимых мыслителях своего времени. Ряд идей, высказанных этими женщинами, имели поистине революционный характер. Так, например, Элоизе, гораздо более известной в наши дни в качестве ученицы Пьера Абеляра, нежели в роли самостоятельного автора, принадлежит ряд идей, которые сегодня могли бы быть отнесены к типу радикально феминистских. Ей приписывают определение брака как конечной формы проституции, где женщина «отдает» себя мужчине не из любви, но в обмен на его богатство, социальный статус и гарантию достойного будущего ее потомства.

Можно предположить, что введение в курс истории философии имен женщин-философов и более подробное изучение их идей позволит переосмыслить и значительно трансформировать общий образ средневековой философской традиции. Выведенные из тени женские голоса помогут по-новому расставить смысловые акценты и переопределить наиболее значимые концепции эпохи. Включение их работ в список текстов, обязательных к изучению студентами философских факультетов, будет способствовать развитию более широкого взгляда на проблематику, методы и сам стиль письма эпохи.

HISTORIOGRAPHY OF PHILOSOPHY AS THE PHILOSOPHICAL DISCIPLINE IN LITHUANIA

GINTARAS KABELKA

The approach of bibliometrics were applied in order to analyze the development of Lithuanian philosophical historical discourse (1960–2010). It determines the flow of the texts in the philosophical historiography in Lithuania and its dynamics (the growth rate). Historiography of philosophy (HP) is treated as the whole of evaluations of the philosophy in the past.

Bibliometrically constructed panoramic view of the HP demonstrates this philosophical discipline to be the most numerous in the soviet period (1960–1989; 43 % of all philosophical discourse), and still remaining such in the period of independence (1990–2010; 35 % of all philosophical discourse). The number of HP texts grew up quantitatively by 3,5 times, or by 6,1 % per year in the period of 1990–2010, hence it felt only little short from the exponential growth rates of the general Lithuanian philosophical discourse.

We should note particularly large differences in the development of subdisciplines of general history of philosophy (GHP) and history of Lithuanian philosophy (HLP): since 1990 there has been an impressive growth of the GHP (the number

of its texts grew up by 7 times or by 10 % a year) and respective stagnation of HLP – during the same period it only doubled, which made only 3 % a year.

Institutionally the absolute leader in the HP in the period of 1960–2009 is Lithuanian Culture Research Institute (LCRI), where more than a half of all HP researches are done. This institution was the only center of HLP, where two thirds of its texts has been composed.

The analysis of the flow of citations demonstrates that HP grows constantly (except from the period between 1990–1994) and fast (almost 50 % every 5 years), hence the HP discipline is viable and is developing constructively. The scientific communication of HLP is much higher than that of GHP.

The researches of HLP taken by historical periods are distributed very unevenly: a half of it is devoted for the Lithuanian Philosophy of the first half of the 20th century. Within the GHP the most popular period is the Antique (the fourth part of all researches); after 1990 there is a notable increase in the attention to the Medieval Philosophy. This period also demonstrates the big part of studies devoted for the Oriental Philosophy, and for the big syntheses overarching great periods of history.

The analysis of productivity of Lithuanian historians of philosophy reveals the stratification which confirms the well-known Lotka and Price Law: the greatest part of academical texts is produced by the minority of most productive authors. Bibliometric data demonstrate that the distribution of the productivity of Lithuanian historians of philosophy perfectly matches the proportions provided by this law: the minority of 5 % of the most productive authors (A. Uzdavinys, R. Pleckaitis, A. Andrijauskas, B. Kuzmickas, A. Sliogeris) produces 30–40 % of all texts, 10 % of authors give a half, and 20 % of authors – approximately 70 % of all texts.

ИДИОМАТИЧНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Т. А. КОЗИНЦЕВА

Идиома в языке отражает его уникальность и принципиальную неперево­димость, что обусловлено как особым, специфически организованным целым в виде этноса, нации, культурного сообщества, как специфическими контек­стами, в которые включены данные целостности, так и теми формами, в кото­рых их взаимодействие находит свое отражение (язык, литература, пластика, ритм и т. д.). Таким образом формируется уникальный идиоматичный текст, отражающий неповторимость и уникальность того пространства, которое им описывается.

Однако на определенном этапе своего развития данные сообщества нужда­ются в оформлении метафизического высказывания о себе. При этом данное высказывание нацелено на удовлетворение прежде всего внутренней нужды или заботы. Только в том случае, когда эта забота удовлетворена, появляется необходимость соотнести метафизические высказывания различных наций. Уникальность ситуации проявляется в том, что объединяются на этом этапе

то, что называется национальной идиомой и выражается в пределах лингвистических характеристик, и то, что можно назвать философской идиомой – и в том и в другом случае основная видимая характеристика – принципиальная непереводаемость.

Философская идиома предоставляет возможность рассматривать национально обусловленное философствование в пространстве формирования ментальных установок и принципов.

Философская идиома – национально определенный и конститутивный принцип целостного освоения действительности, в котором находит свое отражение своеобразие национального мировидения и мировосприятия, это система философов, через процесс эманации которых отражается реальный процесс национальной идентификации субъекта.

Признаками философской идиомы можно считать соборный характер отражения целостной природы определенной культуры, удержание в единстве уникально-национального и общечеловеческого, интеграция ее в формы духовной и практической жизнедеятельности индивида.

Ж. Деррида, говоря об идиоме, утверждает ее статус в качестве шанса для философии оформить высказывание и о себе. Однако это высказывание амбивалентно, поскольку, с одной стороны, предполагает замкнутость на себя, на то национальное пространство, которое послужило основанием для формирования философии, а с другой – это подготовка к взаимодействию с Другим. И именно в этом взаимодействии реализуется «универсальность философской сферы» (Ж. Деррида).

Баланс уникального и универсального в национальном целом через философию дает возможность как удержать потенциальное стремление уникального национального стать универсальным, так и воспрепятствовать воспроизведению чужеродных смыслов.

ВЛИЯНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО АСПЕКТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

С. А. КОЛДЫБАЕВ

Господствующей позицией в научном мире является точка зрения об объективном характере глобализации. Но для более полной картины важно учитывать и субъективный аспект в процессе глобализации, для чего целесообразно ввести новое понятие «глобализм». Если глобализация есть естественно-исторический процесс, то глобализм акцентирует внимание на субъективной стороне глобализации.

С этой общей точки зрения влияние субъектной стороны глобализма на будущее национальной философии, как представляется, проявляется в двух аспектах.

Во-первых, с футурологической точки зрения под влиянием глобализации национальные философии должны исчезнуть. Будущее – постепенный, под влиянием глобализации, процесс формирования единой, общей для всех людей философии. Но философия – мировоззренческая наука. Поэтому этот процесс не может быть безразличен для социальных сил и прежде всего господствующих, рассматривающих философию как духовный фундамент своей власти. А уже сегодня, как известно, называются конкретные адресаты этих сил, стоящих за глобализацией, – мировое правительство, совет трехсот и пр.

Во-вторых, субъективный аспект глобализма представляется необходимым учитывать и при футурологической оценке содержательной стороны общечеловеческой философии, идущей на смену национальным философиям. Сейчас в этом вопросе господствует своего рода «романтический оптимизм», согласно которому такая философия будет включать в себя лучшее из национальных философий. Но было бы правильнее сейчас говорить о будущем такой философии как весьма желательной, объективно необходимой цели в интересах подавляющего большинства людей. Хотя такой сценарий влияния глобализации на национальную философию не является отнюдь автоматически реализующимся. Будущее общей для всех людей земли философии в значительной мере будет определяться также субъективным фактором глобализма.

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НЕЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: «НА РОДИНЕ» И «В ЭМИГРАЦИИ»

А. А. КОСТРИГИН

К концу XIX в. сложилось несколько направлений в психологической науке, описание принципов разделения которых в настоящее время приобретает высокую значимость. На данный момент не существует общей классификации направлений психологии в России и в российском зарубежье (как продолжении традиций после революции).

Автор предлагает новое основание для классификации направлений отечественной психологии на рубеже XIX–XX вв., а именно: подходы психологов этого времени необходимо разделить по методу, который доминирует в их научных исследованиях, и предмету психологии как науки: умозрение (метод, использующийся в философии), интроспекция (самонаблюдение), а также эксперимент и измерение (собственно экспериментальный метод). Автор также выделяет два крупных общих интеллектуальных потока в психологии и философии: субстанциональный, признающий душу (психику, сознание) самостоятельной субстанцией, и функциональный, признающий душу частью материи, одним из видов материи, подчиняющимся законам физики, функцией мозга и нервной системы. Таким образом, подобные течения можно выделить

в каждом указанном нами психологическом направлении: 1) умозрительная субстанциональная психология и умозрительная функциональная психология; 2) интроспективная субстанциональная психология и интроспективная функциональная психология; 3) экспериментальная субстанциональная психология и экспериментальная функциональная психология.

Рассмотрим умозрительную и интроспективную психологию. Умозрительная психология:

а) функциональная: Н. Г. Чернышевский, М. А. Антонович, П. Н. Ткачев (и др.);

б) субстанциональная: П. С. Авсенов (арх. Феофан), Антоний (Храповицкий), С. П. Автократов, Н. А. Бердяев, А. А. Богданов, Н. М. Боголюбов, Б. П. Вышеславцев, архимандрит Гавриил, А. И. Галич, А. К. Гиляревский, Ф. А. Голубинский, П. Загорский, Ф. Ф. Зелинский, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин, В. Н. Карпов, А. А. Козлов, В. П. Кудрявцев-Платонов, В. И. Кутневич, П. Л. Лавров, И. И. Лапшин, П. И. Линицкий, Н. О. Лосский, О. М. Новицкий, В. В. Розанов, Ф. Ф. Сидонский, В. А. Снегирев, В. С. Соловьев, Г. Е. Струве, М. М. Тареев, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, И. П. Четвериков, Л. И. Шестов (и др.).

Интроспективная психология:

а) функциональная: Н. Г. Чернышевский, М. А. Антонович, П. Н. Ткачев (и др.).

б) субстанциональная: П. С. Авсенов (арх. Феофан), С. П. Автократов, Ю. А. Айхенвальд, Антоний (Храповицкий), А. П. Аристов, архимандрит Гавриил, А. И. Галич, А. И. Введенский, М. И. Владиславлев, Б. П. Вышеславцев, А. К. Гиляревский, И. М. Гобчанский, С. С. Гогоцкий, М. С. Григорьевский, Н. Я. Грот, Н. Г. Дебольский, П. Загорский, Ф. А. Зеленогорский, Ф. Ф. Зелинский, В. В. Зеньковский, Н. А. Зубовский, В. Н. Ивановский, И. А. Ильин, К. Д. Кавелин, А. А. Козлов, П. Л. Лавров, И. И. Лапшин, Л. М. Лопатин, Н. О. Лосский, О. М. Новицкий, Л. И. Петражицкий, В. В. Розанов, Л. Саломе, В. А. Снегирев, Г. Е. Струве, М. М. Троицкий, С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, И. П. Четвериков, А. И. Шпаковский, Г. Г. Шпет, П. Д. Юркевич и другие.

НОВИЗНА В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

А. Ф. КУДРЯШЕВ, О. И. ЕЛХОВА

Новизна в онтологическом аспекте. Если полагать бытие бесконечным, то и творчество онтологически бесконечно и разнообразно. Таким образом, актуализация онтологически бесконечного творческого потенциала зависит от предельных возможностей субъекта. Тем самым, определяются количественные рамки творчества. В качественном отношении онтологический смысл

творчества предстает в виде переходов в категориальных границах сущего. Какие же предпосылки имеет точка зрения творческого характера философии? Одна из них понимается нами как признание потенциально необозримого множества смыслов, соответствующих уровню философской всеобщности.

Новизна языковая. Исходным пунктом познавательных действий философа является его знание языка философии и ее понятийно-категориального аппарата. Научное исследование в области философского знания связано с использованием уже имеющихся дефиниций, их уточнением, а также введением новых понятий и определений. К новизне языкового плана мы причисляем и возможность появления новых жанров изложения тех или иных идей.

Новизна концептуальная и методологическая. Для определения новизны А. И. Ракитов предлагает использовать списочный критерий. Приходится констатировать, что в последние десятилетия все чаще наблюдается создание философских псевдосистем и псевдоконцепций. Примеры прямо противоположного типа в современных философских исследованиях тоже имеются. Методологическая новизна присутствует в работах тогда, когда к ранее исследованной предметной области применяются новые методы или средства познания, также одновременно может исследоваться новая предметная область с использованием новой методологии, что создает все предпосылки для обретения новой концепции.

Проблема описания результатов исследований является ключевой в определении новизны в науке в целом и в философии в частности. Необходимо решить задачу представимости результатов в виде, позволяющем их систематизировать и сопоставить с другими результатами.

Критерий экспертной оценки. В настоящее время для оценки новизны результатов философских исследований широко используется экспертный метод. В области философии данный критерий сводится к общему выводу философского «ареопага», в большем числе случаев сводящемуся к общему суждению двух-трех «авторитетов». Проблема даже состоит не столько в определении новизны, сколько в определении того, что уже известно.

Информационный критерий реализуется в виде поиска релевантного документа, содержание и результаты которого сходны с выводами анализируемой работы. На наш взгляд, в философии для предварительной оценки новизны работы должен также применяться критерий *предвосхищения результата*. Данный критерий вполне приемлем как предварительный.

Новаторским можно назвать *объектно-компонентный критерий*. Суть его заключается в том, что полученный результат описывается с помощью объектного, преобразующего и конкретизирующего компонентов предложенного метода. Он вполне применим в области философии.

ПОНЯТИЕ ТРАНСГРЕССИИ В ФИЛОСОФИИ Ж. БАТАЯ И М. БЛАНШО

С. Р. КУРОХТИНА

Трансгрессия является одним из основных понятий неклассической философии, поскольку обращает внимание на феномен непреодолимого, на феномен границы. Однако это понятие приобрело коннотации с нарочитой эпатажностью в смысле отрицания методологии классической философии.

М. Бланшо интерпретировал концепцию трансгрессии в рамках литературы, как «движение оспаривания, пронизывающее всю историю и завершающее себя в потустороннем». Согласно его пониманию трансгрессии мир очерчивает границу возможного и лишает перспективы новизны. М. Бланшо вводит термин «нейтральное» (*le neutre*) для объяснения края, границы: именно безликое, незначительное, безучастное, применительно к письму более всего выражает переход от *Я* к *Оно*, «нейтральное» – это промежуток и грань. Блуждающая мысль, внешняя, по мнению философа, ничего не означает кроме самой себя, будучи образом края, указывает на него и говорит: на этом крае что-то происходит.

Для Ж. Батая концепт трансгрессии был одним из ключевых. В своем труде «Теория религии» философ поясняет свою интерпретацию трансгрессии – всегда осуществляющаяся в чрезвычайных формах: поэзии, музыки, живописи, также является основанием религии. Новые горизонты, открывающиеся при порыве, даруемые трансгрессией, не выступают очевидным следствием устоявшихся схем. Главный критерий для философа – новизна ко всему предшествующему: трансгрессия проливает свет на существующее потенциальное, которое элиминирует все прежние состояния.

Метатеоретик концепции трансгрессии М. Фуко утверждает, что созданная трансгрессией «пограничная» ситуация создает задачу также и языку. Так как имеющиеся языковые средства не в состоянии выразить последствия трансгрессивного опыта, «трансгрессивному еще только предстоит найти язык»: «не доходит ли до нас возможность такой мысли как раз на том языке, что скрывает ее как мысль, что доводит ее до самой невозможности языка? До того предела, где ставится под вопрос бытие языка?» Ситуацию немощствования Ж. Батая назвал замешательством слова, а М. Фуко – обмороком говорящего субъекта.

Таким образом, согласно М. Фуко, неклассическая литература в лице М. Бланшо и Ж. Батая, приближенная к трансгрессивному опыту, должна в будущем стать новой философской парадигмой: трансгрессивный «жест, который обращен на предел; там, на тончайшем изломе линии, мелькает облик ее прохождения. Возможно даже, что та черта, которую она пересекает, образует все ее пространство». К этому пределу понимания бытия были попытки приблизиться со времен И. Канта и Г. Гегеля.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОСТНАЦИОНАЛЬНОМ МИРЕ

Г. Н. ЛЕБЕДЕВА, С. В. ЛЕБЕДЕВ

Мы живем в эпоху «пост...»: постмодернизм, постсоциализм, постхристианство и т. д. Понятие «национальное» также приобретает свою специфику. В странах, которые считаются метрополиями глобализации, само это понятие считается чем-то устаревшим. Это относится не только к нации как этносу, но и к нации-государству. Единая Европа (ЕС), единая Северная Америка (НАФТА) и многие другие международные интеграционные объединения привели к масштабным миграциям, в результате чего крупные, порой значительные части населения в этих странах не относятся к коренным жителям. И вместе с тем на глазах происходит распад многовековых государств. Каталония, Шотландия, Падания, Квебек, а также, вероятно, и Моравия, Гавайи, Бавария становятся субъектами мировой политики. Все это означает, что национальные движения не ушли в прошлое.

«Нация – это ежедневный плебисцит!» – говорил Эрнест Ренан. Надо признать, что нация действительно существует лишь тогда, когда ежедневно отстаивает свою независимость, свою идентичность и исполнена осознанием своей миссии. Нация есть не столько состояние, сколько процесс. Нация рождается, живет и стареет, как и отдельный человек. И когда нация отказывается от борьбы за свою идентичность, то она исчезает. Нет, редко когда в истории народы истреблялись поголовно (такое было только при распространении «европейской цивилизации» в колониях). Чаще всего «усталые» нации становятся «этнографическим материалом», как заметил Н. Я. Данилевский. Рим гибнет только тогда, когда исчезают римляне, исчезают не физически, но именно как представители того народа, который был способен стать великим. Когда в обществе нет духовных скреп, такое общество рассыпается. Вот и сейчас во многих странах Запада уже, в сущности, нет нации, есть только совокупность различных меньшинств – расовых, этнических, конфессиональных, гендерных, корпоративных, сексуальных.

Философия пока недостаточно отражает существующие реалии. В основном господствует довольно упрощенное представление о глобализации и рождении единого мира. И все же не будем забывать, что к числу мировых приоритетов русской философии относится славянофильское представление о множественности и уникальности региональных цивилизаций. В наше время эти представления представляются особенно актуальными.

Думается, что основными философскими направлениями XXI века станут противоборство между «универсалистами» (считающими, что существуют некие универсальные, общие для всех законы развития) и «самобытниками» (придерживающимися идее самостоятельного уникального развития каждой нации). Философия немецких романтиков, русских славянофилов, латиноамериканских философов

риканских мыслителей XX века становится основой философских воззрений Третьего тысячелетия. Национальные философии XXI века, скорее всего, не избегнут рассуждений о своем «пути» или «миссии» (чем грешат все восходящие нации и их философии), но на сегодняшний день теоретическое отстаивание самобытности нации может считаться сопротивлением глобализму. Думается, что на место глобального «общечеловека» придет «цветущая сложность» множественности культур и цивилизаций.

LA PHILOSOPHIE FRANÇAISE DANS UN «NOUVEAU MONDE»

XAVIER LE TORRIVELLE

L'expression de «nouveau monde» est le titre du dernier ouvrage de Marcel Gauchet, philosophe français de référence, directeur de rédaction de la revue *Le débat*, et auteur d'ouvrages majeurs sur l'histoire de la modernité. Cette expression renvoie à la transformation du monde liée à sa globalisation généralisée et à la montée de l'individualisme au sein de sociétés libérales ou en cours de détraditionnalisation. Dans un contexte qui voit triompher les logiques ultralibérales, qu'en est-il de la philosophie, et notamment de la philosophie française et de la «nouvelle philosophie». Foucault et Derrida nous aident ils encore à comprendre le monde tel qu'il va?

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФИИ

И. Р. МАМЕДЗАДЕ

На наш взгляд, вопрос об актуальности философии – один из важнейших не только для самой философии, но и для всех общественных и гуманитарных дисциплин, в принципе, и для культуры. К сожалению, сами философы в конце XX и начале XXI века неоднократно объявляли о «смерти философии», о необходимости ее заменить «грамматологией», структурализмом, лингвистикой и т. д., где-то недооценивая роль философии, а скорее всего, считая, что необходимо переосмысление того, что мы называем философией, то есть, по-своему подтверждая ее актуальность.

Философия многолика и многообразна, но она вся в диалоге: с наукой, культурой, религией, историей и политикой и еще много с чем. По идее только этот ее диалог есть путь к ответу на вопрос, в чем дух времени, или же – дух современности. Философия универсальна, но она и национальна, локальна, если хотите, то индивидуальна. Однако актуальность философских вопросов еще не означает, что философия способна на них ответить.

Для этого следовало бы понять, что означает быть в диалоге, когда философия, вступая в пограничные ситуации, зачастую стремится быть то наукой, то религией, а то и политикой. Надо подчеркнуть, что в диалоге нуждается не

только философия, но и вся современность. По существу это означает, что современность и философия вместе с ней несовременны.

Для того чтобы преодолеть данное несовпадение со временем, следовало бы переосмыслить очень многое. Но в каждом конкретном случае то, что «надо будет передумать», звучит по-разному. Для нас, к примеру, важно будет заново интерпретировать историю философии и философию истории, философию азербайджанского просвещения.

ЛИЧНОСТЬ ЗАРАТУШТРЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Г. Т. МАХМУДОВА

В научной литературе существуют два подхода в определении личности Заратуштры: согласно первому, Заратуштра – мифологический образ, олицетворяющий дух бога Ахура Мазды, согласно второму – он представляется исторической личностью, основателем религии зороастризма. Греки называли его «Зороастром», «Заратуштрой», Диодор именует его «Затраустером».

Многие ученые при рассмотрении вопросов, связанных с зороастризмом и Авестой, ссылаются на труды Геродота. Но в трудах Геродота не встречается ни имени Заратуштры, ни рассуждений о его жизни и деятельности. Если Заратуштра действительно жил во времена Ахеменидских царей, то есть был исторической личностью, то, безусловно, он должен был привлечь внимание Геродота, который интересовался зороастризмом и его историей до мельчайших подробностей.

В настоящее время нет сомнения в том, что Авеста была составлена и кодифицирована в различное время. Естественно, что при таких обстоятельствах возникли не только разные интерпретации содержания самой Авесты, но и различные толкования сведений о предполагаемом «авторе» священной книги.

Несмотря на существование различных гипотез и версий по поводу личности Заратуштры, А. Сагдуллаев считает, что Заратуштра предстает перед нами как талантливый мыслитель, философ и жрец-проповедник, личность, непосредственно связанная с социально-исторической ситуацией своего времени. Исследования, связанные с поиском места и времени жизнедеятельности Заратуштры, продолжаются. Но археологические, этнографические, лингвистические исследования, топонимическое изучение названий местностей, гор, рек и долин пока дают основание предположить, что Заратуштра родился в Средней Азии.

Как бы ни мыслилась личность Заратуштры, систематизация им зороастрийского верования в таком ракурсе, где на первое место ставится мечта о спокойной и счастливой жизни, о необходимости умножать народное богатство, призыв к созидательному труду, чистоте помыслов, слов и деяний и т. д., представляют образ Заратуштры как пророка, создавшего из многопластовых древнейших верований единую религию зороастризма, основанную на монотеизме, овеянную гуманистическим и оптимистическим взглядом на мир.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ: ОТ «РАННЕГО» МАРКСИЗМА ДО «ПОЗДНЕГО» НЕОМАРКСИЗМА

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ

В аксиологическом измерении марксизм представляет собой последовательный процесс развития ценности вовлеченности и ценности практики. Ценность вовлеченности была генерирована К. Марксом в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и заключалась в созидании жизни в свободном от физических потребностей труде. Эта ценность сохранила свое доминирование и в рамках неомарксизма. Исходя из широкой трактовки отчуждения и эксплуатации, а также следования марксистскому принципу не-обходимой исторической обусловленности теории, ценность вовлеченности была интерпретирована неомарксистами как созидание жизни в свободном от ложных ценностей социальном пространстве.

Выявленная ценность вовлеченности указывает на наличие марксистского концепта идеальной природы человека и уточняет понимание марксистского варианта антропосоциогенеза: обезьяна – труд – самосознание, воля, свобода, выбор свободы для «рода» – человек – вовлеченность. Ценность вовлеченности потребовала от марксистской мысли выработки способа ее реализации. В рамках марксистско-ленинской традиции ставка была сделана на ценность практики как активного насильственного действия. Однако кризис революционного стремления масс середины XX в. и первостепенное внимание к проблеме свободы сознания определил иную неомарксистскую интерпретацию ценности практики. Она свелась к практике социальной пассивности как культурной революции, как сознательному отказу от ценностей капитализма. Этот подход сохранился в неомарксизме XXI в. и был адаптирован философами М. Хардтом и А. Негри к условиям развитого информационного общества: ценность практики как сосуществование с капитализмом в свободном пространстве коммуникации.

Выявлена тенденция, согласно которой ценность вовлеченности будет воспроизводиться в марксизме как собственная ценностная самоидентификация, а ценность практики будет совершенствоваться путем адаптации к реальным историческим условиям.

Главное для марксистской мысли – это поиск пространства для реализации альтернативной социальной практики. В марксизме-ленинизме таким пространством были производственные отношения, в неомарксизме – образ жизни людей, в современном неомарксизме – пространство коммуникации. Наш прогноз в том, что новой темой марксистской мысли станет потенциал созидания жизни в виртуальном пространстве. Является ли это «капитуляцией» или актуализацией марксизма – вопрос преждевременный. Однако отме-

тим: в 1968 году студенты-математики не поддержали студенческие бунты, парируя толпе, что, разрабатывая компьютерные программы, именно они делают «настоящую» революцию.

Работа подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г16–КАО/006 «Современная философия марксизма в контексте теории и практики социальной модернизации».

ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КУЛЬТУРЕ XX–XXI вв. И ФИЛОСОФИЯ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗМА: НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ

М. А. МОЖЕЙКО

Эволюция культуры XX–XXI вв. может быть рассмотрена как фундированная переходами от одних моделей субъективности к другим и представлена этапами модерна, постмодерна и пост-постмодерна.

1. Транзитивность социокультурной ситуации, выступившая исходным фоном конституирования модернистской программы в философии, инспирировала акцент на проблеме самовыражения автора: от программы *выражения субъективных состояний* в экспрессионизме – через ауто-психоаналитическую экспликацию содержания сновидений в сюрреализме до художественной практики самоэкспонирования в концептуальном искусстве (С. Дан в авангарде новой волны, современный – Э. Гормли).

2. В отличие от модернизма постмодернистская философия констатирует парадигмальный поворот в интерпретации самого феномена субъекта: не только психологически артикулированный субъект фрейдистского типа, но и рациональный субъект типа декартовского уступают место деперсонифицированной презентации культурных смыслов, – субъект характеризуется как растворенный в формах языкового порядка. В рамках общей антипсихологической ориентации постмодернистской философии конституируется фундаментальная парадигма *смерти субъекта*.

3. Современная культура позволяет зафиксировать новый этап в эволюции самого феномена постмодерна (своего рода пост-постмодерн), который смягчает оппозицию классической традиции. Констатируя кризис *идентификации* как феномен, характеризующий современные формы субъективности, пост-постмодернизм формирует программу *воскрешения* субъекта, задавая философским аналитикам акцент на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивным практикам.

На основе стратегии *воскрешения субъекта* постмодернизм моделирует программы преодоления кризиса идентификации: а) *программу неоклассицизма*, предполагающую существенное смягчение критики референциальной концепции знака и отказ от элиминации означаемого в качестве детерминанты

текстовой семантики, что инспирирует идею «возврата утраченных значений» (Дж. Уард, М. Готдинер); б) коммуникативную программу, смещающую акцент с текстовой реальности на субъект-субъектную процессуальность и центрирующуюся вокруг идеи обретения субъектом самости посредством Другого (проблема механизмов взаимопонимания в рамках концепции языковых игр К.-О. Апеля).

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФОВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

О. А. НАУМЕНКО

В современном мире наиболее отчетливо проявляется грань между философией и философованием. Классическая философия, преподаваемая в высшей школе, зачастую превращается в простой пересказ учебников и учебных пособий, которых в любом современном книжном магазине бесчисленное количество. Следовательно, в вузах с наличием философского факультета выпускаются только философы.

С распадом СССР началось деление национального и общечеловеческого во всех сферах общественной жизни. Не обошло стороной оно и такую форму общественного сознания, как философия. В философии, особенно академической философии, сложившейся в центральноазиатских республиках, выявление национальных черт философского знания не дало должного эффекта, так как конкретизировать территориальную принадлежность восточных мыслителей не представляется возможным. Но что касается философования, то такая возможность была использована сполна. В философованием удалось провести дихотомию национального и общечеловеческого, сославшись на ментальность, присущую тому или иному народу. Однако вместе с этим была затронута и тематика общечеловеческого, начиная с культуры, цивилизации и философского мышления вообще. Отказ от достижений общечеловеческой философской мысли привел бы к некоему суррогату «культурной революции» и это не могло входить в планы молодых независимых государств. Тем самым была продемонстрирована идея толерантного отношения ко всем проявлениям духовного наследия Запада и других регионов Востока.

Отказ от идеологизированности в философии привел к плюрализму всех теорий, течений, тенденций, дискурсов, когнитивных концепций и т. п. в философском знании. Философование столкнулось с проблемой передачи такого широкомасштабного багажа историко-философского знания без наличия достаточного количества часов согласно учебному плану. Таким образом, значительная часть материала остается для самостоятельного изучения студентами.

Несмотря на то, что в нашей стране принят курс на развитие национальной идеологии Узбекистана, она не имеет характера государственной и не вмешивается в основную структуру учебного и научного материала по философии.

Попытки создать учебный курс по истории узбекской философии пока не увенчались успехом, так как работа в этом плане предполагает титанические усилия. На этом пути значительных успехов добился академик Саид Шермухамедов, но, к сожалению, его монография, посвященная узбекской философии, не успела увидеть свет.

В целом философование, сложившееся на постсоветском центральноазиатском пространстве, в основном идентичное, касательно всех основных философских дисциплин. Однако в историко-философском разделе очевиден процесс придания большей ценности истокам национальной философии и оценки ее вклада в мировую сокровищницу.

В перспективе может наблюдаться дальнейший рост национального в философствовании, что не означает, что в философской мысли будет намечен такой же подъем. Вероятно, развитие академической философской мысли будет находиться в состоянии затяжного анабиоза.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ж. Б. ОШАКБАЕВА

История национальной философии всегда имеет не только свою историческую протяженность во времени, но и научное осмысление как запись истории философии. Национальная философия определяется в постановке вопросов. Введение оценки в контекст – народный, временной – рождает путь объяснения национальной философии. Именно таким образом национальная философия также становится в ряд с философией как знанием в философии в целом. Исследователи национальной философии решают проблемы своей культуры через историю, следовательно, посредством исторического метода. А ход исторических событий задает движение философии.

Сложность изучения национальной традиции состоит как в ее многомерности, так и в том, что она вплетена в опыт повседневной жизни. Поэтому национальная философская традиция нуждается в специальной реконструкции. Философия становится неотъемлемой частью той или иной национальной культуры. Какими бы уникальными чертами не обладал «национальный» опыт философствования, отражая особенности культурно-исторического бытия народа, он уже изначально универсален, обращен к вопросам и проблемам в подлинном смысле общечеловеческим. Иными словами, философия может иметь свою, неповторимую судьбу в различных национальных традициях, но при этом остается философией, избирая и проходя собственный, философский путь постижения истины.

Казахская философия в широком смысле – совокупность философских идей, образов, концепций, присутствующих во всем контексте отечественной культуры, начиная с ее возникновения до сего дня. Традиционная культура

казахского общества имеет свои глубинные смыслы понимания мира и оценки человеческого бытия. По способу передачи своего содержания культура имеет временной срез, обращаясь к ней и возвращая традиционную культуру, мы предоставляем ей роль собеседника в диалоге культур и вопрошаем к ней в поиске первоначального смысла бытия человека в мире. Характерными чертами казахской философии являются: специфическая форма выражения философских мыслей, большая роль проблем морали и нравственности, конкретность, понятность простому народу. Развитие казахской философии всегда происходило в теснейшем взаимодействии с поэзией, устным народным творчеством.

Философ-жырау затрагивает важные общественные проблемы своей эпохи и стремится дать объяснение изменениям, происходящим в окружающем мире и в самом человеке, а также выражает свою позицию по вопросам морали и взаимодействия различных субъектов исторического процесса. Казахская философская мысль формировалась веками и имеет свою особую историю. Она прошла сложный путь становления от древних стихийных форм мышления до вполне зрелых современных философских концепций. Многовековые морально-нравственные ориентиры народа и утверждение определенных духовных ценностей в историческом процессе являлись основанием таких фундаментальных философско-этических полярных понятий в этническом миропонимании, как добро и зло, любовь и ненависть, благородство и подлость, и других этических и метафизических категорий.

ФИЛОСОФИЯ КАК ЦЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Ф. ПЕЧЕНКО

Философия существует на протяжении более чем двух тысячелетий, что свидетельствует о том, что люди настойчиво стремились осмыслить мир, бытие и себя в нем, а не просто жить в повседневности и оставаться невежественными, философски не образованными. Возникновение философии в Древней Греции подтверждает то, что произошло важнейшее событие в истории человечества – открытие и обоснование разума как человеческого качества, высшей способности человека к бытию. Именно это событие является водоразделом между мифологическим, сказочно-эпическим описанием мира и рационально-научным, дающим возможность увидеть в человеке силу и достоинство, красоту и мудрость, которые были присущи богам древних мифов. И если в мифологической картине мира господствующей силой был хаос, стихия, неподдающаяся обузданию и отражающая бессилие человека пред лицом природы, то античный разум явился именно той силой, с помощью которой древние греки противостояли хаосу и обретали свободу. На разрозненном географическом ландшафте Древней Греции, на котором распространялись

мифы, сказания, а также на островах Ионического и Эгейского морей возникли ареалы философствования, где все более отчетливо формировались идеи разума, учение о логосе, которые стали (как и сам разум) предметом философии. Это свидетельствовало о том, что греки, наряду с природой и ее явлениями, интересовались гносеологическими, социальными, политическими вопросами, жизнью в городах – полисах, которые возвышались над плоскогорьями материка как культурные маяки, поскольку там правил разум.

Таким образом, можно сказать, что в границах Древней Греции, на ее территории философы различных школ создавали культурный ландшафт, где они философствовали ради общего блага, и если философствование было признаком культуры, то понятно, что горожане, жители полиса, знали, что для них это способ образования, путь к самопознанию. Одновременно это давало возможность понять, как и зачем существует философия, а также признать, что среди людей есть философы, способные помочь каждому нуждающемуся в решении многих вопросов.

Через философствование древние греки постоянно обращались к поиску первопричин всего существующего, к тем основаниям, которые составляют вечное бытие, что и отражено в важнейших понятиях древнегреческой философии (архэ, алетейя, субстанция, логос). Поэтому философы были причастны к серьезному делу, за которое они отвечали, а философствование было их способом существования, укрепления их авторитета и почета. Всегда внутри нации стояли вопросы (что есть сущее? что есть бытие? что есть человек?), которые предваряли реальную деятельность, и поэтому философствование не являлось способом праздности и безразличия, а включалось в гражданское воспитание.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ФИЛОСОФИИ: ПРЕДМЕТНАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ

В. В. ПОЗНЯКОВ

Предметная форма культуры – содержательное образование, в котором творческие потенциалы субъекта выражены в определенном фрагменте культурной реальности. Если исследователь позиционирует ее в массиве культурологического знания, то он определяет ее категориальный статус. Задача усложняется по мере растущего осознания культурологии (включая и философию культуры) как науки, актуальная специфика которой пока еще состоит в недостаточной артикулированности культурологических понятий, претендующих на «звание» категориальных.

Своеобразие предметной формы культуры непременно должно учитываться при разработке категориального строя дисциплинарно организованного культурологического знания. Если принять то положение, что категория

выражает существенные внешние и внутренние отношения, связи, свойства объекта, то аналитик должен выявить такие отношения как основание, на котором будет теоретически и практически выстроено им здание культурной реальности.

Будем исходить из того аксиоматического положения, что предметная форма культуры как результат творческой деятельности субъекта неизбежно предполагает «тайное присутствие», т. е. пока недостаточно верифицируемое, базовых универсалий культуры. Они суть следующие:

область субъектов, творящих предмет культуротворческой активности и вовлекающих его в системы отношений людей, творчески осваивающих предмет на репродуктивном и особенно продуктивном уровнях, формирующих программы работы с созданными и создаваемыми предметами культуры;

субстратная выраженность продукта творческой деятельности. Она под-держивается качественной определенностью, соотносительностью результата с миром культуры в признаваемом аналитиком контексте, понятийно-категориальном содержании, физических и логических границах;

связь предметной формы культуры (к ней важно еще прийти в теоретическом рассмотрении) с категориальным миром деятельности, т. е. программой творческой активности субъекта, ориентированного на желаемый или проектируемый результат. На практике это предполагает осуществление субъектом конкретных видов деятельности, постепенно верифицируемых как культуротворческие;

ценностное содержание предметной формы культуры. В таком измерении она концентрирует в себе многообразие аксиологически идентифицируемых понятий и соответствующих им реалий: ценности, идеалы, нормы, ценностные ориентации и позиции субъекта культуротворческой деятельности;

семиотические – внутренние и внешние – контексты продукта творческой деятельности субъекта. Они предполагают способность субъектов – как «производителей», так и «потребителей» – к семиотическому прочтению потенциальной предметной формы культуры с привлечением семиологических категорий;

рефлексивные и нерефлексивные формы трансляции культурно-цивилизационного опыта, сфокусированные в предметно выраженных результатах творческой деятельности субъекта;

хронотопы культуры, в культуротворческом процессе ориентированные на формирование культурно обогащенного пространства ваяния «человека культуры».

Идентификация указанных измерений результатов творческой деятельности субъекта позволяет определить их принадлежность к миру культуры. Здесь принципиально значимым является признание аналитиком той концепции культуры, которую он признает в качестве исследовательской платформы, т. е. основания для философско-культурологических построений.

АКТУАЛЬНОСТЬ ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА Н. О. ЛОССКОГО

В. С. ПОПОВА

Атрибутивной чертой университетских философов начала XX века было владение особой логической культурой. Н. О. Лосский относился к тем мыслителям, которые преподавали логику и вместе с тем сами демонстрировали высокую логическую культуру в собственных ходах мысли и научных дискуссиях. Его труды, широко известные и исследуемые («Обоснование интуитивизма» (1908), «Гносеологическое введение в логику» (1921), «Логика» (1922), критические работы в адрес А. И. Введенского и др.), тем не менее оказались недостаточно учтенными в логико-методологическом и дидактическом планах. Сегодня, в свете современных методологических тенденций, они могут открыть новые перспективы в понимании роли логики для развития интеллектуальной культуры личности.

Логическая культура (ЛК) – это формируемое в процессе изучения логики качество мышления и его внешнее выражение, которое обладает ясностью и отчетливостью, рациональностью, рефлексивностью и отвечает внешним идеалам познавательной деятельности. ЛК – это часть личностной культуры, но она имеет и внешнее измерение. ЛК формируется и проявляет себя в общении, в интеллектуальной среде, среди тех «значимых других», с кем важно найти понимание. Поэтому логическая культура всегда контекстуальна, погружена в хронотоп, жизненный мир человека.

Логико-методологический опыт Лосского ценен для нас с точки зрения современного поиска путей развития ЛК по ряду причин:

1. Н. О. Лосский обладал логической культурой. Это выразилось, в частности, в его элегантном стиле ведения научных дискуссий.

2. Можно отметить выработанный им особый стиль мышления. Роль интуиции в познании – базовая, тем самым Лосский расширил представление о рациональности в познании, сохранив при этом значимость логики.

3. Н. О. Лосский расширил традиционные взгляды на логику, исходя из актуальных методологических задач. Это неклассический методологический подход, также обогащающий представление о рациональности.

4. Н. О. Лосский реализовал опыт перевода философского текста как опыт понимания и последующего критического преодоления. Опыт перевода тем самым выступил для Лосского как эвристический вектор познания.

5. Понимание причинности у Лосского можно связать с современной логико-эпистемологической проблемой контрфактуального мышления.

Н. О. Лосский мыслил логику комплексно, во взаимосвязи со стратегией развертывания философской системы, гносеологических, онтологических и даже ценностных ее аспектов. Представляется, что современные методоло-

гические, эпистемологические и образовательные задачи должны решаться с учетом специфики логической культуры как части национальной интеллектуальной традиции с погружением в логико-методологический опыт ее лучших образцов, в частности Н. О. Лосского.

УЧЕНИЕ О ФИЛОСОФСКИХ МЕНТАЛИТЕТАХ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Ю. В. ПОПКОВ, А. Е. ТЮГАШЕВ

Развитая П. А. Сорокиным концепция социокультурной динамики содержит развернутое учение о менталитете и его типах. Менталитетом культуры он называл внутренний опыт, существующий в виде ощущений и образов, эмоций и стремлений, а также в виде идей и систем мышления.

В хаосе культурных миров П. А. Сорокин выделил два основных типа культуры с особым менталитетом: чувственную и идеациональную. Одни исследователи полагают, что он использовал гносеологический критерий дифференциации типов культуры (И. А. Голосенко, Б. В. Джонстон). А. Дж. Тойнби наряду с возможностью гносеологической интерпретации различения идеационального и чувственного («догматизм» – «скептицизм») указывал на возможность его онтологической интерпретации – как духовного и материального. В любом случае это различие является философским.

Чувственный и идеациональный менталитеты предполагают комплексы тесно связанных с ними установок, ориентаций, идей. В чувственной культуре преобладают эмпиризм, материализм и натурализм, динамизм и темпорализм, детерминизм, номинализм, этика счастья, удовольствия и пользы. В идеациональной культуре доминируют рационализм, мистицизм, идеализм, статика и этернализм, индетерминизм, схоластический реализм, этика абсолютных принципов. Поскольку из истории философии известны различные комбинации этих и других переменных, то данные комбинации применимы для концептуальной схематизации эмпирических данных о той или иной культуре.

П. А. Сорокин не акцентировал философскую природу критериев выделения типов культур. Полагая, что философия – это только одна из частей интегрированной культуры, он все же подчеркивал, что принципы чувственности или идеациональности пронизывают все составляющие культуры. Таким образом, философия рассматривается как системообразующее основание культуры, и культура фиксируется именно в философском аспекте. Это дает основание согласиться с К. Х. Момджяном в том, что в объяснении общественного развития П. А. Сорокин исходит из точки зрения философского детерминизма.

Псевдоидеациональный менталитет является базовым, наиболее массовым и, следовательно, всеобщим типом менталитета. Он интерпретируется как генетически-практический, обыденный философский менталитет, поскольку

распространен в среде бедных и угнетенных слоев населения, а его фрагменты формируются методом проб и ошибок. Остальные типы менталитета элитарны, но они получают определенное распространение в массах, подчиняя себе псевдоидеациональный менталитет. Поэтому структура философского менталитета отдельного народа имеет сложную структуру, в которой различные подтипы менталитетов представлены в разных социальных слоях и в конкретных пропорциях.

КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ТРАДИЦИИ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА

Философская классика и пришедший ей на смену новый исторический тип философствования различаются между собой по целому ряду парадигмальных установок, определяющих как специфику задания проблемной сферы философского знания и способов его организации, так и стиль мышления и трактовку базовых философских концептов. Уже в философской литературе советского периода были предприняты попытки выявить и описать суть этих различий, а также предпосылки, приведшие к появлению нового типа философской рациональности. Однако и сегодня эта проблема остается актуальной, тем более что она является предметом рассмотрения академических курсов по философии.

Под философской классикой понимают определенную общую ориентацию и стилистику мышления, характерную главным образом для философии XVII – первой половины XIX в., для которой свойственны: традиционная приверженность метафизической проблематике; рефлексия в границах строго определенной системы категорий; претензии на систематическую целостность при конструировании картины реальности и завершенность знания; вера в естественную упорядоченность и разумность мира; специфический способ задания человеческой субъективности; особенности моделирования антропологической и социально-исторической проблематики и т. п.

Неклассическая философия, возникновение которой условно датируют с последней трети XIX – начала XX в., начинается с содержательно-аксиологического дистанцирования от классики, которое постепенно приобретает форму достаточно радикального отвержения всей предшествующей традиции.

В противовес гармоничным построениям классики в виде тщательно разработанных специальных систем дисциплин, наличию здесь «общего дела мысли» – т. е. преемственности тем и проблем, новейшая философия с самого начала своего возникновения представляла собой глубоко противоречивое духовное образование, состоящее из крайне разнородных, а порой и прямо противоположных направлений. В ней как бы размываются границы между

традиционными философскими областями, что делает почти невозможным произвести соответствующую демаркационную разметку между проблемами онтологии и гносеологии, этикой и социальной философией; а вся проблематика конституируется на стыке этих и многих других разделов, что называется «по краям». Все эти радикальные трансформации суммарно можно свести не только к простой смене предмета философской рефлексии, но и к «слому» традиционных представлений о наличии в философии «вечных тем» и фиксированного мета-словаря, а значит – к отсутствию единого логического пространства для философского дискурса. Господствующей здесь становится идея, согласно которой все философские учения являются исключительно оригинальными аутентичными текстами, неподвластными каким бы то ни было историческим трансформациям и потому представляющими собой независимые друг от друга вневременные духовные ценности. Отсюда содержание каждого учения являет собой неповторимую индивидуальность его автора, своего рода способ его самоутверждения, что крайне затрудняет саму возможность осмысленного диалога между философами.

ТЕМА ВРЕМЕНИ В «КОНКРЕТНОМ ИДЕАЛИЗМЕ»

С. Н. ТРУБЕЦКОГО

В. И. САВИНЦЕВ

С. Н. Трубецкой относится к хорошо известным и малоизученным философам России. Специалисты по истории науки (В. П. Зинченко) отмечают, что он стоял у истоков неклассического подхода в гуманитарных дисциплинах (философия и психология). В его работах по-новому раскрывается тема сознания, уделяется внимание специфике познавательного процесса в науке, философии и религии. В рамках учения конкретного идеализма, Трубецкой создал оригинальную эпистемологическую концепцию, восходящую, с одной стороны, к философии всеединства В. С. Соловьева, а с другой – к трансцендентализму И. Канта, в которой весомое значение имеют понятия пространство и время.

1. *Генезис темпоральных функций сознания.* Исходя из идеи, что время – это форма воспринимаемых сознанием явлений, Трубецкой (развивая трансценденталистскую концепцию Канта) утверждает, что все организмы находятся в «живой психологической связи» друг с другом, а потому время и пространство являются не индивидуальными, но трансцендентальными формами чувственности. От рождения каждый субъект, вступая в контакт с миром, начинает проявлять эти способности одинаковым образом.

2. *Проявление времени на чувственно-эмпирическом уровне.* Время и пространство на чувственно-эмпирическом уровне реализуются как структурирующие функции сознания. Немаловажную роль в чувственном познании

выполняет память. Во-первых, память предоставляет сознанию опыт прошлого, обеспечивая временную и логическую связь явлений в потоке; во-вторых, память – трансцендентальный источник общечеловеческих культурных достижений. Как и А. Бергсон, Трубецкой уверен, что прошлое не исчезает.

3. *Время и мышление.* Философ выделяет три взаимосвязанные когнитивные способности сознания: чувственность, мышление и веру. На уровне мышления субъект познания восходит над потоками явлений, преобразуя их содержания в понятия и суждения. Следует заметить, что на уровне взаимосвязи мышления и веры сознание удостоверяется в подлинности осмысливаемых процессов внешнего мира.

Литература и источники

1. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – М.: Языки славянских культур, 2010.
2. Трубецкой, С. Н. О природе человеческого сознания / С. Н. Трубецкой // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. – Т. 2. – С. 1–81.
3. Трубецкой, С. Н. Основания идеализма / С. Н. Трубецкой // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. – Т. 2. – С. 161–284.

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ Б. КРОЧЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. В. САЛЕЕВА

Философско-эстетическая доктрина выдающегося итальянского мыслителя Бенедетто Кроче стала для Италии, а позже и для всего мира, глобальным прорывом и попыткой вывести философскую мысль из кризиса конца XIX – начала XX века.

Философия Б. Кроче, сугубо практическая в своей основе (об этом говорит и разработанная им категория «витальности», которая дает более точное определение праксиса и утверждает необходимый паритет между «познанием» и «действием»), строится на цикличном преобразовании Духа, который на начальном этапе познавательного процесса всегда связан с интуицией – именно она обеспечивает живую конкретность познания. Впрочем, и другие формы познания (далее Интеллект и Единое и Всеобщее желание), поскольку они взаимосвязаны, привносят в общий процесс бытия духа свое специфическое качество, обеспечивая органичность его существования.

В ответ на мощную доктрину единства противоположностей Г. В. Ф. Гегеля как основы развития Б. Кроче предлагает теорию единства различий. Философ вводит понятие дистинкции, или различия, отметив в качестве методологической предпосылки, что «каждый философ мыслит корректно только тогда, когда различает».

Видение мира, согласно Кроче и его концепции «различий», организуется и циклично проходит различные фазы, мирно возвращаясь на новом уровне к первоначальному состоянию. Таким образом, возрастив свою доктрину из гегелевской диалектики, Б. Кроче показывает, что момент борьбы и противопоставления различий, свойственный самой структуре реальности, одновременно не исключает и постоянно присутствующих моментов ее гармоничного равновесия, а негативные стороны одного различия являются ничем иным, как позитивной стороной другого, которое приходит на его место.

Это представление реальности как постоянно изменяющейся истории, реальности как действия и является ключом к современности доктрины итальянского мыслителя, согласно которой философ должен воспринимать реальность как постоянно изменяющийся феномен.

Связь философии с жизнью выливается у Б. Кроче в постулирование механизмов движения (витальность) и оценки (эстетическое созерцание), которые находятся в постоянном движении. «В непрерывном творении, что есть мировая жизнь, происходит постоянный переход от чистой витальности к эстетическому созерцанию, к мысли, нравственному действию, постоянное движение вниз этой высшей духовности, ее погружение в новую витальность, чтобы подняться к более богатой духовности красоты, истины, добра. Это вечный ритм мира...» [1, p. 191].

Философско-эстетическая доктрина итальянского мыслителя являет собой одновременно и наиболее живое воплощение кантианской идеи, в интерпретации Кроче вытекающей из философских взглядов Дж. Вико и Де Санктиса. Как и у Канта, у Кроче эстетика строится на индивидуальной реальности, которая и составляет действительность. Именно в эстетической доктрине Кроче удалось воплотить наиболее органичное соединение идеализма и реализма.

Литература и источники

1. Croce, B. Dal libro dei pensieri / B. Croce. – Milano: Adelphi edizioni, 2002.

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Г. СЕВОСТЬЯНОВА

Философия русского зарубежья (диаспорная и апокрифическая) – пласт мировой интеллектуальной культуры, отмеченный идейным и концептуальным своеобразием. Запад в наибольшей мере узнал о русской метафизике, социальной философии и евразийстве в 20-е годы XX в. благодаря активной деятельности мыслителей-эмигрантов, вынужденных переселенцев из совет-

ской России, и вопреки их изгнанию с исторической родины, где они были известны трудами на ниве образования и науки.

«Философский пароход» – собирательное название для двух рейсов немецких пассажирских судов 29 сентября и 16 ноября 1922 г., доставивших из Петрограда в Штеттин (Германия) оппозиционных большевистской власти ученых, философов, писателей. Число их, по разным данным, колеблется от 160 до 200 человек, включая более двадцати профессиональных философов. В сентябре названного года из России поездом через Ригу в Прагу выехал П. А. Сорокин с женой. Пассажирами первого парохода были известные русские философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков, М. А. Осоргин, Ф. А. Степун, С. Е. Трубецкой, С. Л. Франк и многие другие. На втором пароходе в изгнание отправились Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин.

Первоначальная помощь вынужденным переселенцам была оказана Чехословацким правительством. Ученые получили возможность профессиональной самореализации: они публиковали свои труды, издавали газеты и журналы, читали лекции, создавали научные школы. Сменовеховство, евразийство, христианский социализм, религиозный экзистенциализм и персонализм, трансцендентализм, интуитивизм, православная апологетика – далеко не полный перечень направлений философии русского зарубежья, которая «в основном оставалась в пределах религиозного сознания» (А. Ф. Замалеев). Вынужденные эмигранты отличались высоким уровнем пассионарности, сохраняя в диаспоре коллективную память о родине и миф о возвращении, идентичность этнокультурную, национально-духовную, гражданскую.

П. А. Сорокин (1889–1968) оставил научному миру наследие в 60 томов, стал основоположником русской и американской социологии. Среди его трудов – «Социальная и культурная мобильность» (1927, 1959), «Социальная и культурная динамика» (в 4 т., 1930–1937), «Современные социологические теории» (1966). С. Л. Франк (1877–1950) синтезировал интуитивизм и трансцендентализм в работах «Духовные основы общества» (1930), «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» (1939). Н. А. Бердяев (1874–1948) разработал экзистенциальный персонализм: «О назначении человека» (1931), «Опыт эсхатологической метафизики» (1947). Издавал в Париже журнал «Путь». Н. О. Лосский (1870–1965), философ-интуитивист, прославился трудами «Условия абсолютного добра» (1931), «Бог и мировое зло» (1941), «История русской философии» (1951). И. А. Ильин (1883–1954), философ и правовед, рассуждая об эмиграции, писал: «Чего всем этим могли достичь? Падения нравственного и духовного уровня общества, обрыва соборной работы национального самоосмысления». Сегодня философия русского зарубежья досточтима в мировой интеллектуальной культуре.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК МАРКЕР КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Л. СЕЙТАХМЕТОВА, М. К. БЕКТЕНОВА

Известный ученый Ричард Рорти, обсуждая проблему дискурсивности национальной философии, отмечал, что «время от времени находят философы, утверждающие, что их страна или их религия требует особой философии; что каждой нации нужна философия для выражения их уникального опыта, так же, как ей нужны национальный гимн и свой флаг. Мы, философы, годимся для наведения мостов между народами, для космополитических инициатив, но не для разглагольствований в духе шовинизма» [1].

Означает ли это, что национальный способ философствования ограничивает возможности философии и может поспособствовать отходу от презумпции вовлеченности в культурные миры, где творится мировая философия? Или все-таки пространство философской коммуникации должно формироваться ресурсами национальных философий, в которых трансцендирование традиции философии придает уникальность универсальным образцам мысли? Значение национального способа философии связано с культурной идентичностью и разтождествлением от способов философствования, где деконструированы духовно-традиционные истоки.

Мировая философия современности представлена различными гуманитарными направлениями, создающими многообразную философскую палитру, тем не менее, как и прежде, популярны: постмодернистская философия, философская герменевтика, континентальная философия, историко-философские дискурсы Запада и Востока, именно в них приходится встраиваться национальной философии, чтобы быть релевантной философским трендам и не «выглядеть» в глазах современного, к примеру, неопозитивизма, философско-консервативной архаикой. Но нуждается ли современный мир в образцах национальной философии, когда осуществляется интеграция в глобальный философский дискурс, где национальной философии будет отведено очень скромное место?

Однако именно в таких условиях необходимо возрождение национальных способов философствования, в которых бытийствуют традиция, метафизика мысли, многотысячелетний опыт философской рефлексии, диалогическая интенциональность. Национальная философия – это квинтэссенция культурного бытия народа, в ней уникальность, универсальность, потенциал интеграции в мировой философский дискурс. Для Казахстана развитие национальной философии является приоритетным, поскольку необходимо не просто распремечивание мира в понятиях казахской философии, необходимо и другое – актуализация этического-духовного содержания в современности для формирования: морального сознания; толерантно-диалогического мышления; эстетизации обыденного сознания; культурно-интеллектуального потенциала; национальных образовательных парадигм.

Для казахстанской культуры значение философского вклада аль-Фараби, Ясави, Абая, Валиханова, Алтынсарина так же значительно, как для белорусской культуры вклад Ф. Скорины, С. Будного, М. Литвина и других. Национальные философии составляют метафизический фундамент общемирового философского дискурса Востока и Запада, своевременность и современность их вряд ли нужно доказывать.

Литература и источники

1. Рорти, Р. Философия и будущее / Р. Рорти // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 23–29.

«СВОБОДА ЕСТЬ НЕРВ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ»

Л. С. СОЛОВЬЁВА

В античной традиции философствовать означало иметь способность спрашивать о чем бы то ни было. Способность человека усомниться, не принимать уже господствующих догм – одно из проявлений свободы. В свободе мы полагаем коренную черту и самой философии. С. Н. Булгаков подчеркивал, что при философской разработке имеет значение не содержание, но качество, не тема, которая дана, но исполнение, которое задано [1, с. 79]. Свобода философского творчества выражается в том, что на одну тему возможны различные философские системы, и авторитета философии это несколько не подрывает.

Достоинство философии определяется ее творческим характером, бесконечностью познавательного потенциала, стремлением к неуклонному постижению истины. Последнее сегодня приобретает особое значение, поскольку современный человек усматривает прямую связь между прогрессом научного познания и улучшением форм жизни. Как отмечает Б. В. Марков [2, с. 95], в европейской метафизике освобождение связывается с рефлексией над понятиями. Поскольку институты общества рассматриваются как реализация идей, то первичной фигурой исторического процесса выступает мыслитель, подвергающий устаревшие понятия критике и создающий на основе диалектического синтеза новые мыслительные конструкции, которые затем должны быть воплощены в жизнь. Отсюда и проистекает, казалось бы, парадоксальное утверждение, что мыслящий человек даже в тюрьме оказывается более свободным, чем люди, живущие на воле, так как он располагает более совершенной идеей свободы.

Вышесказанное позволяет выделить одну из задач философии, приобретающую особую актуальность в современном контексте: «философия человека должна быть творческим, а не детерминистским гуманизмом, поскольку ей предстоит создать человека как творческое существо» [3, с. 85]. Однако творчество невозможно без свободы.

При всей личностной значимости свободы философами неоднократно отмечался присущий человеку страх перед ней, стремление избежать связанной с нею ответственности. Это ставит перед философией новые задачи. Конечно, людей нельзя заставить быть свободными, но можно попытаться убедить их быть таковыми.

На наш взгляд, такого рода задача, задача убеждения людей быть свободными, может рассматриваться в качестве одной из ведущих практических задач современной философии. При этом важно отметить, что для ее решения недопустимо использование силовых методов, навязывания каких-либо мировоззренческих установок, в частности, установки «будь свободным!». Мы полагаем, что конструктивным в данном контексте может быть только развитие философской концепции творческого многомерного диалога, «приглашение» человека к осуществлению свободы через осознание и внутреннее принятие им ее ценности.

Литература и источники

1. Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994.
2. Марков, Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории / Б. В. Марков. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997.
3. Раджу, П. Т. Понятие человека / П. Т. Раджу // Позиции современной философии. Вып. 1. Новые образы философии XX века. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 77–89.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

М. А. СОНГАЛЬ

Советская философия – противоречивый и сложный этап во всемирном историко-философском процессе. Она представляет собой рефлекссию и в то же время духовное выражение социального эксперимента – создания СССР.

В 20-е годы XX в. продуктивные идеи марксистской философии о социальной природе человека, о деятельностной основе познания, диалектическом единстве природы и человека послужили методологической базой для выдвижения новых оригинальных идей в области психологии, лингвистики, литературоведения. В 1930–50-е годы в советской философии обозначилась тенденция к упрощению и догматизации основных положений марксизма. Онтологизация диалектики и превращение диалектического материализма в натурфилософскую концепцию природы стали главными мишенями критического процесса десталинизации общества.

XX съезд КПСС, «оттепель» сыграли положительную роль в дальнейшем развитии советской философии. Основой реализации философии как критической рефлексии над процессом развития общества стал призыв о возвра-

щении к идеям аутентичного марксизма. У истоков этого движения стояли два выдающихся философа своего времени Э. В. Ильенков и А. А. Зиновьев. Именно они в начале 1950-х годов стали организаторами философских сообществ, в которые входили студенты и аспиранты философского факультета МГУ. Участниками этих кружков были впоследствии известные философы (Г. П. Щедровицкий, М. К. Мамардашвили, Г. С. Батищев и др.), определявшие облик советской философии в 60–80-е годы XX в. Были сформулированы основные задачи для нового поколения советских философов: преодоление сталинской версии марксизма и возвращение к аутентичному прочтению работ классиков марксизма, на основе чего предлагалось создать новую методологию познания. Опираясь на новую методологию, можно было бы построить теорию социализма, объясняющую противоречия социальной реальности СССР.

В рамках белорусской философской мысли советского периода развивались новые оригинальные идеи (школа методологии науки В. С. Стёпина), которые оказали значительное влияние как на философию СССР, так и на современную философию независимой Беларуси.

70–80-е годы XX в. стали противоречивым и драматическим периодом в развитии философии. А. А. Зиновьев после публикации «Зияющих высот» был выслан из СССР и лишен советского гражданства, в 1979 г. Э. В. Ильенков добровольно ушел из жизни, а М. К. Мамардашвили перешел к проблемам экзистенциального самопознания личности. В конечном счете, высшее руководство СССР, столкнувшись в середине 1980-х годов с кризисными явлениями в советской социально-политической системе, обнаружило, что (по словам Ю. Андропова) «не знает общества, в котором живет».

Современная история и социальная реальность постсоветского пространства, в том числе и Беларуси, во многом определяется историей советской эпохи. Именно поэтому в настоящее время одна из важнейших задач философской мысли Беларуси – осмысление опыта социальных преобразований в период существования СССР. Необходимо выявление альтернативных путей развития белорусского общества в условиях глобальной нестабильности.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И НАРОДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

М. Ю. СПИРИНА

Термин «традиционная культура» в научном мире применяют для определения культуры первобытного общества, тех архаических народов, что остаются на невысоком уровне развития, а также всех культур древности и Средневековья. Среди современных философов имеет распространение точка зрения, согласно которой этническая культура прошлого все больше переселяется в музеи. Ее надо знать и изучать, но жить – в современной культуре.

Исследователи отмечают, что сегодня представители так называемых «развитых» этносов испытывают своего рода ностальгию по тем качествам культуры, которыми обладают «отсталые» народы и которых не хватает им; которые наиболее полно соответствуют сущности человека, его неразрывной связи с природой, внутренней и внешней гармонии, но которые были утрачены в процессе «цивилизационного» развития.

Философско-социологический подход к рассмотрению традиционной культуры предполагает выделение двух ее аспектов – субстанционального (транслирующиеся элементы) и функционального (способ их передачи). Традиционная культура функционирует как система, обеспечивающая воспроизводство в системах современной культуры тех образцов прошлой деятельности, которые выдержали испытание временем и были апробированы в аналогичных социокультурных условиях.

Традиционная культура образует фундамент современной мировой культуры, корневую систему национальной культуры. Она содержит три базисные составные части: материальную культуру, культуру социального управления и духовную культуру. Последняя включает различные структурные элементы, в том числе народное мировоззрение или народную философию. Г. Виноградов так охарактеризовал ее: «Народная философия – это большая рукопись из неопределенно большого количества не пронумерованных листов, разнесенных ветром по земле».

Народная мудрость – это не романтическая метафора, а сложная и развитая философско-мировоззренческая система, отражающая важнейшие стороны жизни человека и этноса в их отношениях с природой и себе подобными, но выраженная не в форме философских трактатов, а в сложном комплексе мифологических, религиозных представлений, стиле мироотношения, многожанровом фольклорном творчестве. Для проведения системного, комплексного анализа этого феномена необходимо преодоление «ведомственной разграниченности» современного гуманитарного знания, что определяется синкретизмом народной философии. Народная философия должна явиться отдельным направлением научного поиска и практического применения в современной реальности. При ее анализе следует иметь в виду «мировоззренческие универсалии», о которых пишет В. С. Стёпин.

Традиционная культура, содержащая исторический опыт развития различных видов деятельности человека, в том числе духовная ее составляющая, играет огромную роль в противостоянии вызовам глобализации. Сегодня актуализируется духовное наследие народов Евразии. В новых государственных образованиях все чаще обращаются к возрождению традиционных ценностей и их включению в жизнь современного социума.

И. Г. ГАМАН И ФИЛОСОФСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ РЕФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

А. М. СТРЕЛЬЦОВ

Отмечаемый в настоящее время 500-летний юбилей Реформации, точкой отсчета которой считается представление 31 октября 1517 года монахом августинского ордена Мартином Лютером 95 тезисов, направленных против продажи индульгенций, имеет значение и для Республики Беларусь как места пересечения культур и религиозных традиций Востока и Запада.

В то время как Реформация явилась одним из наиболее значительных событий в истории Германии, она справедливо рассматривается в первую очередь не как философский, но как религиозный феномен. Исследователи, как правило, акцентируют внимание на теологической, политической, социальной и культурной составляющих данного движения. Попытка представить учение Реформации в философском ключе была предпринята уже в XVIII веке. Кенигсбергский автор Иоганн Георг Гаман в его дебютной работе 1759 г. «Сократические достопримечательности» попытался осуществить апологетику учения Реформации перед лицом критически настроенных деятелей Просвещения.

Основным объектом «метакритики» Гамана стал акцент просветителей на автономности человеческого разума. Показывая ограниченность разума и жизнеспособность христианского мировоззрения, Гаман ставит своей целью продемонстрировать необходимость внешнего агента для подлинного просвещения человека. Апеллируя к подходу Ф. Бэкона к природе, который усматривал в ней *vestigia Dei* (отпечатки Бога), Гаман пытается реабилитировать авторитет Библии и традиции в целом, предлагая оригинальную концепцию истории философии.

Против трудовой этики Просвещения, подразумевавшей обретение счастья в труде, даже тяжелом и бессмысленном, и не позволявшей человеку задумываться о насущных жизненных вопросах, Гаман настаивает на ценности досуга (*Lange Weile*), что служит для него философским аналогом реформационной доктрины спасения по благодати (*sola gratia*).

Наконец, Гаман использует сенсуализм Д. Юма, чтобы показать приоритет веры (фактически, философское выражение концепции *sola fide*, т. е., учения об оправдании одной верой) и отвергнуть таким образом претензии разума на арбитраж в делах веры. При этом он обращает свое расширенное понимание веры против агностицизма самого Юма, обвиняя его в непоследовательности. Гаман оперирует в рамках концепции дихотомии Закона и Евангелия, позаимствованной в теологии Лютера, но на место Закона ставит дискурсивный разум, который способен только открыть человеку глубину его незнания. Для реализации этой цели Гаман предлагает оригинальную трактовку понятий «незнания» и «гения» Сократа. Провозглашенный дельфийским оракулом самым знающим человеком его времени, Сократ обнаруживает собственное незнание

и нуждается во внешнем действии гения, восполняющем его незнание, что перекликается с опытом верующего человека, сознающего неспособность спастись своими силами и испытывающего нужду во внешнем просвещении.

Подход Гамана не только позволяет заново переосмыслить наследие Реформации, но и обретает новую актуальность ввиду наблюдаемого кризиса проекта модернизма в начале XXI века.

ИДЕЯ «ВЕЧНОГО НАРОДА» В ТЮРКСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Г. Т. ТЕЛЕБАЕВ

Для тюркской философской традиции идея «Вечного Народа» («Мәңгілік Ел») выступает в качестве одной из ключевых. В этой идее воплотилось представление тюрков об идеальном обществе, которое в силу своих качеств может существовать «вечно». Такое общество получало у них разные названия: «Мәңгі Ел», «Өтүкен», «Жерұйық», «добродетельный город».

Впервые слова «Мәңгі Ел» встречаются в орхоно-енисейских письменных источниках. На стеле, посвященной Култегину (685–731 гг.), выдающемуся тюркскому полководцу, высечены следующие слова: «Ötügen Yış olursar beŋgü el tuta olurtaçisin» (Если останетесь в горной долине Отукен, будете вечным народом).

Идея построения государства, которое соответствовало бы параметрам «Мәңгі Ел», была теоретически обоснована аль-Фараби и Жусипом Баласагуни. В трактате «О взглядах жителей добродетельного города» Фараби выделяет те особые условия, соблюдение которых делает город добродетельным. Это: отношения взаимопомощи между жителями города и главой города, которому должны быть присущи 12 «врожденных природных качеств». Жусуп Баласагуни в «Кутты билик» обозначает главные принципы, которые служат стержнем государства, соответствующего критериям «Мәңгі Ел»: справедливый закон; благоденствие граждан; мудрость правителя и стремление к знаниям народа; отрешенность, удовлетворенность.

В качестве идеального государства в тюркской традиции выступает и «Жерұйық». Философ кочевого ногайско-казахского народа Асан Қайғы определяет Жерұйық так: «Это место, которое защищено от врагов, где травы и воды так много, что скот всегда в теле. Здесь все люди равны, все живут в достатке и довольстве, нет неравенства и розни родов. Это место – рай на земле...».

В тюркской философской традиции идея «Мәңгілік Ел» не только имела значение идеального государства, но и в форме «Вечной Жизни» осмысливалась как противостояние Жизни и Смерти.

В таком контексте понимает идею Қорқыт Ата: избежать Смерти можно только двумя путями: во-первых, вернуться к себе на Родину, жить и умереть

в родных краях, где тебя все знают и все помнят; во-вторых, бессмертие – в творчестве. Коркут первым создает кобыз и первым исполняет на нем кюи, которые сделали его имя бессмертным.

Идея «Вечного Народа» была распространена среди тюркских народов. Выражение идей существования идеальной земли Жерұйық и вечной жизни как бессмертия человеческих деяний мы находим в башкирском эпосе «Урал-Батыр».

Таким образом, в тюркской философской традиции идея «Мәңгілік Ел» имеет следующие смысловые коннотации. Это сильное государство, для построения которого нужны такие условия, как мудрый правитель, отношения поддержки среди жителей, справедливый закон, стремление к знаниям и др. Это идеальное общество, «Жерұйық», в котором воплотились чаяния народа о мирной стране, с процветающим народом, живущим в комфортных природных условиях. Это стремление к «Мәңгі өмір», вечной жизни, которая в итоге не противопоставляется Смерти, а понимается как бессмертие добрых дел и славного имени, остающиеся навечно в памяти потомков.

STUDY OF INTELLECT IN THE AL-FARABI'S COSMOLOGY

A. C. ТУЛЕУБЕКОВ

1. *Al-Farabi's concept of epistemology*

Human beings are unique in al-Farabi's vision, because humans stand between two worlds:

- 1) the “higher”, immaterial world of the celestial intellects, and
- 2) the “lower”, material world of generation and decay.

Human beings inhabit a physical body, and so belong to the “lower” world, but they also have a rational capacity, which connects them to the “higher” realm.

Each level of existence in al-Farabi's cosmology (and then epistemology) is characterized by its movement towards perfection, which is to become like *the First Cause*; a perfect intellect. Human perfection (or “happiness”), then, is equated with constant intellection and contemplation.

This double type of knowledge consists “in knowing that entities exist, what they are, how they are and, if many, how they culminate in an orderly fashion, in a Single Being, who is the cause of those ultimate entities, as well as the lower proximate entities” [1].

A more systematic account of certain knowledge (*ilm yaqini*) is given in Al-Farabi's “Paraphrase of Aristotle's *Analytica Posteriora*”, known in Arabic as the “Book of Demonstration” (“Kitab al-Burhan”).

Here, he states that certain knowledge is threefold:

- 1) the knowledge that the thing is, called the knowledge of existence or the “knowledge that” (*ilm anna*);
- 2) the certain knowledge of the cause of the thing, called the “knowledge why”;
- 3) the certain knowledge of both together.

2. Al-Farabi's "four intellects" study

The problem of the intellect or reason, expressed in Arabic in one word – *‘aql* – was at the center of philosophical speculation from the earliest times.

In his own treatise, "On the Meanings of the Intellect" ("Fi Ma‘ani al-‘Aql"), Al-Farabi begins by giving a list of the meanings of the intellect or reason.

Al-Farabi divides intellect into four categories:

- Potential,
- Actual,
- Acquired,
- and the Agent/Active.

The potential intellect represents the capacity to think, which is shared by all human beings.

The actual intellect is an intellect engaged in the act of thinking. By thinking, al-Farabi means abstracting universal intelligibles from the sensory forms of objects which have been apprehended and retained in the individual's imagination.

This requires the Agent/Actual Intellect to act upon the retained sensory forms; just as the Sun illuminates the physical world to allow us to see, the Agent Intellect illuminates the world of intelligibles to allow us to think.

Because the Agent Intellect knows all of the intelligibles, this means that when the human intellect knows all of them, it becomes associated with the Agent Intellect's perfection and is known as the acquired Intellect. In other words, acquired Intellect is the Agent Intellect in a human. Or, acquired Intellect is a gift from the heaven in form the First Principle or Unmoved Mover.

References

1. Al-Fārābī. Fusul al-madani : aphorisms of the statesman / Muḥammad ibn Muḥammad Abū Naṣr Al-Fārābī; Ed. by Douglas Morton Dunlop. – Cambridge : University Press, 1961.

ФИЛОСОФИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Е. А. ТЮГАШЕВ

В социальной философии в последние десятилетия в качестве социокультурных феноменов исследуются различные явления общественной жизни. Одним из объектов социокультурного исследования могла бы стать сама философия, но познавательное отношение к ней именно как к социокультурному феномену остается на уровне установки, которая только обозначалась (А. И. Зеленков, А. В. Климович, А. А. Книгин, В. А. Степанович, Я. С. Яскевич), но в концептуальные разработки не воплотилась.

В то же время в философии общепризнанным стал подход, рассматривающий феномен философии в социокультурном контексте с точки зрения ее социокультурной детерминации и обусловленности, социокультурных предпосылок генезиса ее конкретно-исторических форм и типов, а также ее социокультурных функций. В рамках обсуждения проблемы социокультурного

генезиса философии поставлен вопрос о философии как феномене только европейской культуры (В. П. Визгин, В. М. Межуев). Точка зрения европоцентризма оспаривается с позиции широкого полицентризма, исходящего из существования ряда великих философских традиций. Но, тем не менее, ряду исследователей неочевиден статус философии как общесоциального феномена, то есть как функционально необходимого (а не цивилизационно специфичного) элемента в структуре общества.

Ввиду этого понятие философии как социального феномена (например, как формы общественного сознания) уступает место представлениям о философии как феномене культуры (например, в качестве ее самосознания). Дилемма социоцентризма и культуроцентризма в понимании философии разрешается в пользу социоцентризма на основании: а) антропологического аргумента, утверждающего, что как разумные существа «все люди – философы»; б) факта генезиса профессиональной философии в городах, расположенных на перекрестках культур; в) теоретической возможности спецификации философии в структуре социального организма (в отличие прежде всего от науки) на основе ее тесной и существенной связи с политикой.

Социокультурное есть социальное в его культурном разнообразии. Философия интеркультурна и благодаря этому выступает рефлексией культур, обеспечивающей социокультурную медиацию, примирение культур, посредничество между ними. Поскольку деятельность по социокультурной медиации повседневна и повсеместна, то в ее рамках формируется практическая, повседневная философия, опосредствующая взаимодействия социальных (включая этносоциальные) организмов. Для комплекса таких организмов, составляющих цивилизацию, специализированные субъекты философской деятельности (мудрецы, софисты, профессиональные философы) фиксируют в абстрактно-всеобщей форме универсалии цивилизаций. Поэтому профессиональная философия возникает как рефлексия столкновений и отношений лидерства мировых цивилизаций, предлагающих альтернативные модели мироустройства.

КЛАССИКА И ПОСТМОДЕРН: ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ У М. ФУКО

Е. С. ХАБЛОВА

Мишеля Фуко принято называть постмодернистским философом, историком, культурологом. Последние двадцать лет его творчества были посвящены вопросу о том, как в обществе конституируется субъект. Человек – такое существо, которое мыслит, мыслит человек и в древности, и в наше время, и, пока есть человек, есть и мысль. В классической традиции философия развивается из единого начала, логически разворачиваясь в ходе истории (тогда каждое явление связано с прошлым), оно заложило для нас непрерывный вектор развития. В постмодернистской мысли и в философии Фуко это восприятие коренным образом меняется.

и достаточную активность в области исследований театра, кино, литературы, эта сфера остается малоразработанной, особенно на эмпирическом уровне. Из классических примеров эмпирических исследований следует отметить количественный анализ произведений живописи и скульптуры П. Сорокина, содержательный классовый анализ живописи в историческом контексте В. Фриче, опросы посетителей выставок во Франции П. Бурдьё и А. Дарбеля и последующую мировую практику опросов публики музеев. Эмпирические исследования произведений изобразительного искусства, как правило, проводятся в двух направлениях: анализ объектов искусства (и связанные с этим сложности в интерпретации «изображения») и опросы основных субъектов художественной деятельности: художников, искусствоведов, менеджеров искусства, работников музеев, галерей и публики.

В докладе представлены результаты эмпирического исследования (количественного экспертного опроса), проведенного под руководством доктора философских наук, профессора, академика УАН А. Н. Семашко при участии Украинского Гуманитарного Фонда «Художественная жизнь в Украине и Ваше участие в ней» (2006–2007 гг.). Источником информации выступили ключевые субъекты художественной жизни Украины: художники, искусствоведы, менеджеры в сфере искусства, работники художественных галерей и музеев. Данный опрос продолжил цикл эмпирических исследований, проводимых А. Н. Семашко с начала 1970-х годов, и сконцентрирован на анализе проблем функционирования художественной сферы в современном украинском обществе. Результаты исследования позволили:

оценить уровень взаимоотношений художника с такими субъектами художественной деятельности, как публика, критики и менеджеры в сфере искусства, также – отношений «художник-власть»;

определить социально-психологический климат деятельности в профессиональных союзах;

выявить уровень профессиональной активности художников, их выставочную и презентационную (в СМИ) деятельность;

определить уровень развития современного художественного рынка, степень включенности украинского искусства в мировое сообщество.

В исследовании дается оценка художниками субъективного эмоционально-психологического состояния как фона творческой деятельности, факторов, влияющих на осуществление творческих замыслов и др.

Эмпирическая база, полученная в результате исследования, имеет познавательный потенциал для адекватного понимания тенденций развития художественной сферы как «зеркала общества».

当代中国哲学的现状、问题和使命
СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

崔唯航
ЦУЙ ВЭЙХАН

哲学是时代精神的精华。改革开放40年来，中国社会发生了巨大的变化，中国的哲学研究也呈现出新的形态。目前中国哲学界的研究架构主要由中国传统哲学、西方哲学和马克思主义哲学三部分组成，除此之外，伦理学、逻辑学、科学哲学、美学也是哲学学科的重要研究领域。当代中国哲学面临的主要问题是中西古今问题，也就是传统与现代，东方与西方的对话和综合创新问题。如何实现中国传统哲学的现代化转换；如何在与西方思想的对话中，构建中国自己的哲学体系；如何面对中国问题、总结中国经验、阐释中国道路，进而建构具有中国特色、中国风格、中国气派的哲学学科体系、学术体系和话语体系，是当代中国哲学研究的重要使命。

П. РИКЕР: ГЕРМЕНЕВТИКА,
ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Я. С. ЧЕРНОВА

Перевод – это тема, которая наиболее популярна среди профессиональных переводчиков и лингвистов. Тем не менее этот вопрос касается и философов, так как данная проблема никогда не переставала подвергаться сомнению со стороны самой философии, начиная с XIX века. Сегодня философские дебаты о переводе пересекаются с исследованием его этической силы, отсюда его определение как «парадигма лингвистического гостеприимства». Разве это определение полностью объясняет множественность языков, а также их специфику?

Французский мыслитель П. Рикер считает, что перевод дает возможность человечеству понять опыт иных культур. Межкультурная герменевтика ставит вопрос о понимании Другого в ином масштабе, который включает в себя и понимание произведений, текстов, но находится на уровне сообществ интерпретации и их практик.

Перевод осуществляется посредством изменения языков, а также и культуры, тем более что он всегда влиял на изменение и формирование словаря и культурной идентичности.

На вопрос о том, должен ли перевод касаться только языков, а не культур, Рикер отвечает, что задача переводчика заключается в нисхождении от текста и культуры к слову и фразе. Культура, таким образом, переводится еще до того, как это делает текст. С точки зрения французского философа, современное общество нуждается в переводчиках «с одной культуры на иную культуру, спо-

собных сопровождать этот процесс передачи другой культуры, учитывая ее обычаи, верования и основные убеждения». Рикер здесь говорит о «лингвистическом гостеприимстве» – об акте вхождения в Другого и параллельно об акте приглашения Другого к себе домой, в свой дом. Мыслитель не раз упоминает о таком понятии, как «этнический перевод», который предполагает «признавать и принимать Другого как Другого».

В целом к рикеровской последовательности «культура, текст, речь» следовало бы добавить «кто», а именно «субъективный компонент» через диалог с другими культурами.

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛИЗМЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. В. ЧЕРНЯЕВ

Постановка вопроса об универсализме русской философии подразумевает два аспекта рассмотрения: историко-философский, связанный с раскрытием внутреннего единства русской мысли, и современный теоретико-прикладной аспект, в ракурсе которого русская философия может быть представлена как универсальный актуальный тезаурус смыслов и ценностей как России, так и всего евразийского содружества наций. В курсах истории русской философии традиционно фиксируются ее идеологические полюса, выделяемые на основе противопоставления идеализма и материализма, теизма и атеизма, славянофильства и западничества, консерватизма и либерализма. Вместе с тем наряду с разнообразием, разноречивостью и противоречивостью русской философии не менее существенной ее характеристикой является многообразие в единстве.

Оно связано, во-первых, с общностью идейной базы, которой служили высшие достижения западноевропейской мысли, получавшие в рецепции русских мыслителей различную интерпретацию (как, например, философия Гегеля), а во-вторых, что более существенно – с единством глубинных интенций и экзистенциальных установок представителей разных направлений русской мысли. В частности, русская религиозная философия конца XIX – начала XX в. не может быть понята вне истории идейных исканий русской интеллигенции. Об этом фундаментальном единстве русской мысли на собственном примере свидетельствует Н. А. Бердяев: «Я наследую традицию славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мирозерцаний» («Самопознание»). Исходя из этого русская религиозная философия может быть рассмотрена как попытка синтеза славянофильства и западничества, религиозности и социализма, как первый русский опыт социального христианства, как попытка – опираясь на принципы христианского универсализма – разрешения противоречий личности и общества, нации и человечества, разделенных христианских

конфессий. В то же время русский мессианизм, выразителями которого были философы, имеет не узконациональный, а универсальный характер; русская идея адресована всему миру, это идея всечеловеческого братства и единения.

В истории русской философии нашли отражение все основные противоречия, с которыми сталкивалось российское общество (индивид и социум, свобода и ответственность, право и власть, национальное и общечеловеческое, традиция и модернизация). Несмотря на внутреннюю полемичность, русская мысль была и остается сущностно единой, конституируясь как целое в процессе диалога. Диалектическое единство русской философии в многообразии ее идей может быть представлено в качестве теоретической модели единства России, а также – возможно – стран, составляющих евразийское содружество наций. В то же время в наследии русских мыслителей заложен идейный потенциал, обладающий актуальностью для гармонизации контрадикторных тенденций, проявляющихся на современном этапе развития постсоветского общества, которые не могут быть сняты, но должны быть осмыслены и обращены в элементы социального синтеза.

中国马克思主义文本学研究对马克思思想的新理解
НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. МАРКСА
В РУСЛЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ В КИТАЕ

杨洪源
ЯН ХУНЮАНЬ

综观百余年来的马克思主义研究史,一些由所谓的时代问题而生发的对马克思思想的诸多解释,大都成为“过眼云烟”,反而是基于扎实的文献基础和严谨的理性态度而作出的理解,仍然具有恒久的价值。出于这样的反思,近年来中国马克思主义研究者已经意识到文本研究的重要性,自觉地将其作为研究重点,取得了一系列的成果。区别于MEGA编辑原则和“马克思学”,马克思主义文本学研究不只是作版本考证,而是研究思想;不只是复述原著思想,而是作理论建树;不是有意回避现实问题,而是揭示马克思主义的当代性。在文本学研究的基础上,能够实现文本、历史、理论和现实这四个马克思主义研究领域的统一。

1.3. РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В ДИНАМИКЕ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

М. Н. АБДУЛЛАЕВА, Г. Г. ГАФФАРОВА

Мы живем в сложном мире, для познания которого вырабатываются новые методы, подходы, принципы, теории. Сложные системы динамичны и внутренне связаны, «изменение одного фактора служит причиной изменения других, иногда очень многих факторов. До недавнего времени наука стремилась избегать исследования таких систем, сосредотачивая свое внимание на системах простых».

Впервые в кибернетике Н. Винером было дано определение обратной связи. «Устанавливая связь с другим лицом, я сообщаю ему сигнал, а когда это лицо в свою очередь устанавливает связь со мной, оно возвращает подобную для него, а не для меня» [1, с. 150]. Характеризуя эту связь, он пишет, «обратная связь есть метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения его своих задач» [1, с. 152].

Обратная связь обосновывает философскую интерпретацию круговой причинно-следственной связи. Она объясняет причину и механизм устойчивых состояний, а также механизм возникновения нового в процессе перехода от нестабильного к стабильному, от хаоса к порядку. Обратная связь в общении позволяет менять свое мнение, поведение до тех пор, пока не будет получена нужная реакция. Она позволяет изменять представление о процессах, происходящих в социальном мире, и способствует принятию решений, позволяющих устранить негативные явления.

Положительная обратная связь обеспечивает взаимную стимуляцию роста и развития в ответ на внешние воздействия. Отрицательная обратная связь компенсационная, система стремится сохранить свое состояние в процессе внешних воздействий. Правительство, получив информацию о реальном положении дел, принимает решения, которые в зависимости от решаемой проблемы могут основываться на отрицательной или положительной обратной связи. Самое существенное, что они должны служить интересам народа, чаяниям людей. Конечно, реализация результатов диалога связана со многими проблемами. Могут возникнуть непредвиденные случайности, неопределен-

ности, личностное сопротивление новому, которые должны быть преодолены в процессе совместной работы.

Совместный синергизм двух сложноорганизованных систем «государство и народа», постоянное обновление, введение коррективов на основе результатов диалога помогут и народу, и государству в понимании и реализации стратегии действий.

Литература и источники

1. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М: Издательство иностранной литературы, 1958.

ФИЛОСОФИЯ КАК ГЕРМЕНЕВТИКА БЫТИЯ

Е. А. АЛЕКСЕЕВА

Философия, несомненно, предприятие рациональное. Но что мы имеем в виду, когда говорим о «разуме»? Я бы, вслед за Кантом, связала понятие разума с регулятивными идеями. Бытие как идея, как нечто трансцендентно-имманентное (имманентное, поскольку способно в той или иной мере быть воплощаемым) – вечный полюс исканий философского разума. Поиск бытия, герменевтика бытия, следование бытию, попытка соответствия ему – вот о чем, на мой взгляд, идет речь, когда мы говорим о философии. Такая постановка проблемы, делая философски привилегированной исключительно направленность к бытию (оговорюсь, критически-ответственную направленность, стремящуюся к общезначимости), вне зависимости от возможных способов его данности, снимает вопрос об изначальной привилегированности конкретных дискурсов. Понятно, что разум нельзя заранее ограничить определенными и тем более завершенными, уже готовыми, сложившимися формами, иначе нам пришлось бы признать, что разум – только *прошлое*. И если мы признаем рациональность как попытку соответствия бытию, а бытие – это то, что, по определению, превосходит нас, то мы не можем быть ограничены уже сделанным. Одна из первых заповедей рациональности сформулирована уже Платоном: «если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и свойств данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным» (Тимей, 28 а–b).

Кроме того, когда мы имеем дело с попытками герменевтики бытия, то нельзя заранее сказать, какого типа опыт бытия может пойти в дело, как бытие может быть дано нам. «Взирать на неизменно сущее» – это быть *направленным* к нему, а направить нас может и чувство, и страсть, и впечатление и т. п. Хайдеггер справедливо заметил, что, «возможно, все то, что мы сейчас и в подобных

случаях именуем чувством или настроением, гораздо разумнее, то есть внятливее, и притом более открыто бытию, чем всякий разум, который, превратившись меж тем в *ratio*, претерпел свое лжеистолкование. При этом странную службу сослужило постоянное кивание в сторону иррационального, этого уродливого порождения неосмысленной рациональности» [1, с. 270]. «Неосмысленная рациональность», на мой взгляд, – попытка произвольно (из неизбежно историчной, конечной и ограниченной перспективы) создать шаблон, некое прокрустово ложе, вместо того чтобы принять рациональность как никогда не прекращающийся (и, конечно же, рискованный и не гарантированный в своей свободе) *путь*.

Отсюда вытекает необходимость внимательного критического пересмотра того, что в силу определенных традиций принято называть «иррационализмом». Иногда то, что близоруко воспринимается как «критика» и даже «отвержение» разума, является на самом деле (порой и вне зависимости от намерений автора) плодотворной «провокацией», расшатывающей интеллектуальные штампы, разбивающей «интеллектуальные окаменелости», поиском верного фокуса, дающего возможность уточнить и расширить понимание разумного.

Литература и источники

1. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М., 1987.

ДЫНАМІКА ФІЛАСОФСКІХ І НАВУКОВЫХ СТЭРЭАТЫПАЎ

М. В. АНЦЫПОВІЧ

Сітуацыя з інтэлектуальным станам чалавецтва ў сучасны момант робіцца асабліва складанай: ліхарадка навізны ўспрымаецца за дух прагрэсу. Праяўленнем масафікацыі навуковай дзейнасці выступае галоўным чынам яе дынамічная камерцыйналізацыя, якая падмяняе мэты навукі амаль цалкам асабістымі інтарэсамі яе прадстаўнікоў, знешняй імітацыяй сапраўднай навуковай актыўнасці. І, як вынік, дэфармуецца палажэнне, што свет не вычэрпваецца тым, што нам вядома аб ім: поруч з вядомым, спасцігнутым, пэўным – існуе невядомае, непазнанае, неакрэсленае як агульны фон і аснова ўсяго пазнанага. Паводле М. Крукоўскага: – «як ні спакуслівай здавалася мара аб стварэнні раю на зямлі *hic et nunc*, мара тая заўсёды канчалася пеклам, калі не ўлічваўся кантэкст гісторыі не толькі грамадства, але і цэлага сусвету» [1, с. 179]. І навука, і філасофія роўна складаюцца з ведаў і няведаў, сказанага і нясказанага. Невядомае не меней важнае, чым першае.

Дэміфалагізацыя філасофіі і навукі сродкамі інтэлектуальнай культуры можа выконвацца праз выяўленне і выкарыстанне асноўных характарыстык самога міфа і звычайнай свядомасці. Вучэнне Каперніка з'яўляецца класічным

прыкладам таго, як тэорыя можа быць выбрана па эстэтычных крытэрыях, без якой-небудзь эксперыментальнай доказнасці. Ідэальны аб'ект ствараецца такім чынам, што ён цалкам інтэлектуальна кантралюецца. Гіпотэза механічнага эфіра пакоілася на ўяўленнях аб эфіры як механічным асяроддзі, падобным пругкаму целу. Распаўсюджванне светавых хваль упадабнялася распаўсюджванню гука ў пругкім асяроддзі. У выніку спробаў пабудаваць мадэль эфіра была, напрыклад, надзейным чынам распрацавана механіка суцэльных асяроддзяў і яе апарат, але адэкватную мадэль эфіра пабудаваць так і не ўдалося. Навука аб прыродзе з'яўляецца гісторыяй аднаго адкрыцця, назапашваннем думак для пастаяннага ўдакладнення, праўдзівасць якіх больш ці менш канчаткова ўстаноўлена. Р. Арон адзначаў: «адкрыццё каштоўнасці ці маралі не падобна на адкрыццё навуковай ісціны. Адпаведнасць эксперыменту, верыфікацыя тут зусім адсутнічае» [2, с. 167]. Хоць любая тэорыя выразна скіравана на тлумачэнне аб'ектыўнай рэальнасці, тым не менш яна апісвае не акаляючую рэальнасць, а ідэальныя аб'екты, якія ў адрозненне ад рэальных характарызуюцца не бясконцай, а строга пэўнай колькасцю ўласцівасцей, напрыклад, масай і магчымасцю знаходзіцца ў прасторы і ў часе.

Літаратура і крыніцы

1. Крукоўскі, М. Бляск і трагедыя ідэалу / М. Крукоўскі. – 2004.
2. Арон, Р. Измерения исторического сознания / Р. Арон. – 2014.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ: ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, РАЗВИТИЕ

В. В. АФАНАСЬЕВА

Успехи естественных наук за последний век дали такую пищу для философского ума, что философия не может не осмыслять это новое знание. Настало время создания единой, по возможности полной онтологии, фундируемой современными естественнонаучными результатами. Мы будем называть такую онтологию постнеклассической, или нелинейной.

Открытия современного естествознания, феномены нелинейности, хаотичности, виртуальности, фрактальности изменяют представления о характере процессов развития и его законах, о возможных формах существования различных объектов мира, о пространстве, о времени. Нелинейность и хаотичность меняют представления о возможных взаимодействиях и возможном характере развития объектов мира; виртуальность приводит к пониманию полионтичности мира; фрактальность дает новое осмысление пространственных и временных отношений, заменяет классические иерархические схемы сетевыми.

Мы показываем необходимость и возможность создания постнеклассической онтологии и в общих чертах конституируем ее. Постнеклассическая

онтология существенно отличается от классической, ее взгляды на бытие, пространство, время, на существующие в мире объекты, на их онтологические формы и характер развития невероятно сложнее тех, что доминируют в философии и в гуманитарном знании сегодня.

Теоретическими основаниями постнеклассической онтологии являются представления:

- о полионтичности бытия, пространства и времени;
- о сущностных онтологических связях процессов развития с нелинейностью, хаосом, с постоянными бифуркациями;
- об особой значимости виртуальных объектов, определяющих существование множества виртуальных реальностей;
- о фрактальных пространственных, временных и причинно-следственных отношениях;
- об адихотомичности онтологических свойств различных объектов мира.

Фактическим фундаментом постнеклассической онтологии служат новейшие результаты современного естествознания, которые в принципе не могут быть интегрированы в классические онтологические схемы.

Подобные представления обобщают результаты целого ряда ранее опубликованных книг и статей автора: «Детерминированный хаос: феноменологическо-онтологический анализ» (2002), «Тотальность виртуального» (2005), «Онтология научной неопределенности» (2007), «Виртосфера» (2010), «Пространство: новейшая онтология» (2013), «Нелинейное развитие социума» (2013), «Нелинейная диалектика» (2014), «Постнеклассическая онтология» (2015), «Время: сложная онтология» (2016), «Полионтичность времени» (2016), «Время и хаос» (2016). Выражаем признательность Е. А. Пилипенко, А. Г. Лазерсону, К. В. Кочелаевской и Н. С. Анисимову, в соавторстве с которыми получена часть представленных результатов.

PHILOSOPHICAL MATHEMATICS AS A NEW SCIENCE

MOHAMMAD SEDDIQ AFGHAN

Academic Program for Presentation at the Conference:

1. Describing Basics of the New Philosophical Mathematics Science and how this science can analyze the historical process and the prospect of economic growth, socialization of countries and societies.
2. Analytical description of progressions' study in two-dimensional and three-dimensional forms with the application of general mathematical rules.
3. Analysis of the absence of infinite concepts in the material world based on research findings relying on the rules of philosophical mathematics science.
4. Analysis of the absence of philosophy in the concept of accident based on philosophical mathematics calculations.

5. Analytical description of the basic rule of philosophical mathematics or the receipt of several unknowns from a given in the dimensions of natural and social sciences.

6. An explanatory analysis of the philosophical concept of time, place, and that time is not the fourth dimension (according to the rules and researches of philosophical mathematics science).

7. Presentations of Genetic Indicators of Women's Pregnancy time according scientific research conducted on the basis of philosophical mathematics rules.

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ «PRIMA PHILOSOPHIA»

А. В. БАРКОВСКАЯ

Аристотель, полагая, что все люди от природы стремятся к знаниям, решил, как и его учитель – Платон, приобщить их к единственно свободной науке, существующей ради знания и понимания. Эта наука была названа «первой философией». Она действительно была первой практически во всех сферах знания, и не случайно, что у нее был статус «царицы наук». Затем ей дали другое, но еще более загадочное имя – метафизика, и до сих пор судьба «prima philosophia» зависит от этого случайно присвоенного ей нового имени.

Дорога метафизики никогда не была «усыпана розами», в немалой степени из-за того, что она всегда была достаточно сложной и принципиально отличной от других областей знания, при этом ее целевые установки и предназначение не всегда адекватно понимались и интерпретировались. Соответственно в ее жизни были и ренессанс, и забвение. В эпоху царствования критика в ее адрес была еще достаточно «мягкой» и требовала, скорее, корректировки ее претензий на статус законодателя истины, легитимацию модели знания «за другого» и «для другого» и т. д. В постклассический период милости ждать уже не приходилось, шквал критики обрушился на все бывшее величие метафизики, можно сказать, началась просто атака на все ее здание с целью разрушить все до основания, а потом – либо построить новую, либо вычеркнуть из памяти истории. В XX в. метафизике не могут простить то, что свои триумфы она справляла в пустом пространстве спекуляции и была собственным полем великих системных конструкций, которые все снова рухнули, едва лишь критика слегка затронула их фундамент (Н. Гартман).

Вместе с тем, несмотря на все эти перипетии, современный философский дискурс должен быть ей и благодарен за то, что она была первой и не шла по проторенной кем-то дорожке, отсюда и опыт был разным. Но негативность опыта, если верить Г. Гадамеру, имеет своеобразный продуктивный смысл: он позволяет приобрести новое знание. В этом случае сознание совершает поворот, познавая в другом, чуждом, себя самое. И, действительно, чем сильнее

критика, тем пристальнее внимание к ее опыту, к ее постановке вопросов и способам их решения, что позволяет уже другим мыслителям отфильтровать собственные ошибки и нащупать новые «болевы точки» в условиях тотальной нестабильности сегодняшнего бытия.

Метафизика не умрет благодаря методичной и скрупулезной критике. Чем больше критиков, тем длиннее ее жизнь. Любая ее инверсия не позволяет забыть о ней, она – «grīta», и об этом следует помнить. Праздник больших метафизик или одной единственно истинной, конечно, отшумел, однако сегодня модальность возможного стала нашей путеводной звездой и в интеллектуальном, и в повседневном мире. В этом контексте ответ на вопрос «Нужна ли метафизика сегодня?», скорее «Да», чем «Нет», поскольку и в настоящем и в будущем времени будет возникать потребность в метафизическом осмыслении опыта культуры, социума, человека и др.

ОСНОВАНИЯ И СПОСОБЫ УНИФИКАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Е. А. БЕЗЛЕПКИН

Одна из главных целей физики – сконструировать «теорию всего», которая сможет описать все известные взаимодействия.

С точки зрения философии науки, обоснование тенденции к унификации физических теорий возможно в силу следующих философских предположений:

онтологическое (представление о фундаментальном уровне, обуславливающем многообразие явлений мира, к которому мы можем свести все прочие уровни, или представление о нескольких взаимосвязанных уровнях);

эпистемологическое (представление о взаимосвязи между физическими явлениями, или, на языке физики, наличие интертеоретических отношений между физическими теориями, среди которых можно выделить обобщение, редукцию, синтез, предельный переход).

Объединяя оба аспекта, можно выделить три положения, обосновывающие теорию всего:

а) возможность описания мира на фундаментальном уровне (уровнях) с помощью обобщенной математической структуры (наподобие формализма Лагранжа-Гамильтона);

б) возможность описания мира с помощью единой сущности (например, кварки, струны);

в) возможность конструирования логически непротиворечивой картины реальности.

С точки зрения физики, можно выделить следующие способы объединения физических теорий:

математизация: объединение через математический формализм (например, обобщение алгебраических объектов от скаляра до тензора; тензорный фор-

мализм окончательно объединяет электричество и магнетизм); объединение через концептуальные структуры (например, объединение пространств физических теорий от евклидова пространства до пространства Гильберта);

простота: объединение через постулирование единой сущности (суперструны, инстантоны и так далее); объединение через обобщение физических принципов (например, обобщение принципа относительности от Галилея до Эйнштейна);

преемственность: объединение через аналогию (например, теория Максвелла строится на гидродинамических аналогиях, а теория Эйнштейна опирается на формулы электромагнетизма Максвелла); объединение через вывод физических констант (например, постоянная скорости света включает в себя относительные магнитные и электрические проницаемости, т. е. объединяет электричество и магнетизм).

сохранение: объединение частных законов сохранения (например, формула Эйнштейна для энергии является объединением двух законов сохранения классической физики – закона сохранения энергии и закона сохранения массы).

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-23-01012.

ГУМАНИТАРНАЯ СЛОЖНОСТЬ – НОВЫЙ ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ

Л. Н. БОГАТАЯ

Словосочетание «парадигмальный конструкт» в определенном смысле является новым, не устоявшимся, однако целесообразность его введения кажется вполне очевидной. За последние тридцать лет философы науки рассуждали о существовании очень разных парадигм: синергетической, голографической, сетевой, сложностной... Определенное упорядочивание представлений о парадигмальных сдвигах было осуществлено В. С. Стёпиным в его трехчастной модели классической, неклассической, постнеклассической парадигм.

Однако в современной познавательной ситуации незначительные парадигмальные подвижки происходят практически непрерывно, мы все находимся в ситуации повышенной парадигмальной сейсмичности, что и требует создания специальных методологических инструментов, позволяющих осуществлять оперативное реагирование. Отмеченная парадигмальная подвижность вызвана многими факторами, один из которых – активизация гуманитарных наук: когнитологии, дискурс-анализа, лингвистики, науки об искусственном интеллекте... Все эти дисциплины развиваются с невероятной скоростью и в определенной мере задают тон в современном исследовательском континууме.

В бесконечном корпусе текстов, формирующих выше обозначенные дискурсы, достаточно часто употребляются термины – парадигма, современная парадигма, парадигмальный сдвиг, однако при этом возникает естественный вопрос: о какой именно парадигме идет речь? И не оказывается ли при этом

само слово «парадигма» некоторой интеллектуальной заглушкой, за которой что-то стоит, но что именно – сказать достаточно сложно. В этой связи и актуализируется необходимость переосмысления представлений о парадигме, ее возможностях в ситуации сильного гуманитарного исследовательского крена.

В качестве достаточно элементарного и естественного шага видится схватывание парадигмальных изменений на уровне обнаружения ключевых исследовательских конструктов, формирующих текущие познавательные стратегии. Примером подобных конструктов являются хорошо знакомые концепты: синергетика, сложность, сеть... Каждый из них претерпел множественную рефлексию и породил своеобразные «гроздья» производных конструктивных терминов.

Конструкт «гуманитарная сложность» был предложен автором в контексте парадигмы сложности и отрефлексирован в целом ряде публикаций (к примеру [1]). Главное преимущество от его введения видится в том, что тема сложности перестает быть прерогативой естественнонаучных и социальных исследований сложных, аутопоэтических систем. Под новым «исследовательским зонтиком» появляется возможность взращивания принципиально новых концептов: к примеру – прозрачность, информопластичность, простота и множество других.

Литература и источники

1. Богатая, Л. Н. Гуманитарная сложность в контексте ближайших категориальных понятий / Л. Н. Богатая // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. – Вип. 10. – 2015.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

И. Л. ВАСИЛЬЕВА

Объекты современной науки характеризуются, как правило, системностью, комплексностью, а также нечеткостью или открытостью границ. Системный объект чаще всего не дается исследователю непосредственно в качестве системы. Его системность открывается ученым в результате сопоставления сложных, зачастую противоречивых свойств и может быть эксплицирована посредством создания теоретических моделей, выявляющих системное строение объекта. Необходимость построения таких моделей и корреляции с ними процесса научного поиска влияет на анализ объекта, проводимый в онтологической плоскости. При этом исследователь не замыкает границы объекта своего исследования, а, напротив, ориентирован на вовлечение в орбиту исследования все более широкого контекста. Кроме того, научное исследование системного объекта должно быть дополнено методологическими конструктами, позволяющими разработать средства для теоретического воспроизведения объекта как системы. Методологическая составляющая особенно важна для современ-

ного научного познания, которое ориентировано на инструментально-прикладное приложение. Методологическая рефлексия при изучении сложноорганизованных объектов является не просто средством систематизации и организации получаемых знаний, но прежде всего средством получения этих знаний. Методологию можно рассматривать как ту сферу самосознания науки, в которой фиксируется совокупность средств, обеспечивающих весь процесс научного исследования, причем эти средства оцениваются с точки зрения адекватности решаемой задаче. Такие результаты методологической работы, как конструкции, проекты, принципы, нормы и методы проверяются прежде всего на реализуемость. В данном случае вопрос ставится не об истинности полученного знания, а о реализуемости проекта или конструкции на практике. Классическая философия и основывающаяся на ней классическая наука исходили из представления об одном единственно истинном знании. Методология современной науки, которая может быть оценена как инновационная, обеспечивающая высокую эффективность организуемых процессов исследования, исходит из того, что одному и тому же объекту могут соответствовать разные представления и знания одновременно. И не имеет смысла проверять их на истинность относительно друг друга, потому что они просто разные, по-разному способны решить ту или иную задачу в зависимости от внешнего по отношению к науке контекста. Инструментом такой методологии является проектирование. Целью проектирования выступает разработка представлений о будущей деятельности, результаты которой предназначены для удовлетворения определенных потребностей.

Объект исследования трансформируется в проект, и проектирование позволяет методологии современных научных исследований маневренно взаимодействовать с объектом исследования, последовательно продвигаясь к заданным в проекте характеристикам и при этом отслеживая баланс между различными сторонами исследуемого или создаваемого объекта и внешним окружением.

ПАРАДОКСЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

А. Б. ВЕРЁВКИН

Средневековые схоласты считали бесконечность исключительно божественным атрибутом и не могли сообщить о ней ничего содержательного. Они не различали понятий бесчисленности, бесконечности, неограниченности и беспредельности, передаваемых одним греческим словом *αλειρος* или латинским *infinitus*. Прорыв в этой области совершил Больцано. Исследование множеств он изложил в посмертно изданных «Парадоксах бесконечного». Больцано определил бесконечные множества как эквивалентные собственной части. Это свойство актуальной бесконечности, замеченное Галилеем в 1638 г., считалось парадоксальным, противоречащим Аристотелю догмату «Целое

больше своей части» и считалось доказательством несуществования бесконечностей, которые рассматривались только в потенциальном смысле. Так, любое конечное множество натуральных чисел дополняемо до большего, и в этом смысле натуральные числа потенциально бесконечны. Такое мнение разделяли все классические философы и большинство математиков.

Теорию бесконечных множеств основал Кантор. Правомерность диагонального процесса, которым Кантор доказал несчетность вещественного отрезка, не была сразу общепризнана. На Парижском математическом конгрессе 1900 г. Гильберт предложил список 23 интересных проблем, решение которых, по его мнению, должно было определить развитие математики XX в. Первой из них была континуум-гипотеза Кантора. Но в его теории были обнаружены парадоксы, количество которых росло, а причина была неясна.

Вскоре было осознано, что известные противоречия возникали при произвольном собирании множеств из элементов определенной природы. У множеств, созданных таким образом, могут быть неопределимы элементы. Противоречия такого типа снимаются аксиомой вырезания множеств или фундированием. Другой источник парадоксов, впервые указанный Пуанкаре, – самоотнесение понятий при описании процедуры построения множеств. Его устранение обедняет классическую математику, использующую непредикативные определения. Иного рационального решения проблемы, чем логическая формализация теории множеств, не было видно. Изобретенное Кантором понятие множества уже легло в фундамент математики, возродив ее единство. Но теоретико-множественные противоречия делали всю математику логически несодержательной.

Первая попытка аксиоматизации теории множеств была предпринята Муром (1905). Различные аксиоматизированные теории множеств, избегающие начальных парадоксов, были построены Цермело, Френкелем, Сколемом, Нейманом, Бернайсом, Гёделем, Куайном. Гёдель доказал, что непротиворечивость стандартных теорий множеств недоказуема. Колмогоров доказал, что интуиционизм не может избежать возможных парадоксов стандартной теории множеств. Начальную теорию множеств Кантора называют «наивной». Тем не менее она успешно используется в алгебре и анализе при ограничении фиксированным универсумом.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ФЕНОМЕН НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ

Е. Е. ВОЗНЯКЕВИЧ

Многообразие изменений, происходящих в современной исследовательской практике, а также в способах включения научного знания в более широкий социокультурный контекст, обусловило развитие трансдисциплинарности.

Интерпретация в философии науки данного феномена идет по двум направлениям: интерналистскому и экстерналистскому. Ряд авторов склонны

описывать явление трансдисциплинарности как перенос когнитивных схем из одной дисциплины в другую без утраты дисциплиной своей определенности. Найссер говорит о формировании не новых дисциплин – того, что он, используя терминологию программирования, называет «формат» [3, с. 75]. Трансдисциплинарность оценивается как процесс расширения познавательных практик внутри дисциплины, которая оказывается ведущей за счет ведомой дисциплины, которая обеспечивает допустимый эпистемологический статус нового формата.

С другой стороны, есть те, кто придерживается экстерналистских позиций, указывая, что явление трансдисциплинарности вызвано к жизни легитимирующими практиками, представляя собой «конкретную кодификацию знаний и вывод из нее руководящих указаний для принятия решений» [1, с. 12]. В этом смысле можно говорить о появлении специфической области социокультурной деятельности, которую Агацци называет «инженерия знаний». Она не затрагивает собственно процесса производства знания, но меняет способы функционирования научного знания в обществе.

Снятие амбивалентности интерпретаций явления трансдисциплинарности возможно посредством апелляции к концепту неявного знания. Исследователь действует как своего рода агент социума, увеличивая некоторый совокупный опыт человечества или его отдельных групп. «Опыт связан с приобретением обоих видов знания – явного и неявного, однако неявное знание, которое является знанием взаимодействий, не может быть рационально трансформировано в явное знание» [2, с. 8]. Действительно, прояснение рациональным образом всей совокупности правил, определяющих деятельность исследователя в процессе получения нового знания, следует признать проблематичным после крушения новоевропейского идеала «прозрачности субъекта». Тем не менее увеличение могущества научного знания ведет к нарастанию потребности контроля над познавательными практиками не только как своего рода контроля качества самим научным сообществом, но и со стороны тех, кто является не производителем, а потребителем результатов исследований. В этом смысле трансдисциплинарность выступает способом выявления неявного знания путем специфической объективации когнитивных схем, которые до того существовали в тени, в сфере само собой разумеющегося, но посредством формирования «формата» и «экспертных систем» делаются видимыми, хотя и продолжают нуждаться в рационализации.

Литература и источники

1. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10.
2. Вольчик, В. В. Неявное знание, научное исследование и экономическое развитие / В. В. Вольчик, А. И. Маскаев // Вопросы регулирования экономики. – 2016. – Т. 7.
3. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер. – М.: Прогресс, 1981.

РОЛЬ ГЕРМЕНЕВТИКИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

А. Е. ГОРБАЧЕВ

С развитием герменевтики в XX веке (М. Хайдеггер, Х. Г. Гадамер, К. Апель, П. Рикёр) ее стали воспринимать как альтернативу уже сложившейся – традиционной теории познания, которая была полностью ориентирована на естественные науки. Возникла принципиально новая постановка вопроса о познании: если эпистемология в своей основе занята проблемой объективной истины или значимости высказываний, то герменевтика должна быть сконцентрирована на проблеме генезиса познания, на анализе и синтезе пути, который к нему приведет. Известно, что еще в первой половине XX столетия была выявлена несогласованность ОТО Эйнштейна и квантовой механики; позже появились принципиальные препятствия в создании единой теории (теория суперструн, М-теория), которая пыталась объединить известные типы физических взаимодействий. Появились и так называемые «специальные» картины мира. Как следствие, значение «научной картины мира» как «объединяющего знания» было сведено к концу XX века до минимума – и, т. о., позитивизм также обнаружил свою несостоятельность. Тем временем за весь XX век в качестве альтернативы попытки создания «научных картин мира» философия дала нам только гуссерлианский проект создания «региональных онтологий» и работу Хайдеггера, обозначившего фундаментальные мировые сущности (такие, как время) как экзистенциальные феномены – т. е. «человекомерные», бессмысленные без переживающего их субъекта. Т. е., на протяжении всего XX века разрыв между наукой и философией неуклонно и стремительно возрастал.

Философия же продолжала и будет продолжать нуждаться в своей «философской картине мира». На наш взгляд, ближе всех к пониманию этой проблемы подошли представители двух философских направлений – герменевтики и культурно-исторической эпистемологии. Самый видный представитель первого – Х. Г. Гадамер, считал, что мышление, вырванное из контекста предположения, невозможно. Понимание у него носит принципиально языковой характер – мир выразим в языке. И герменевтика превращается у Гадамера в универсальный аспект философии, так как структура бытия, лежащая в основе герменевтики, столь же универсальна по охвату, как язык и разум.

Сторонники второго направления – культурно-исторической эпистемологии – делают акцент на изучении исторической динамики научного знания как органичной части культуры в целом, так и отдельных ее типов – национальных и исторических культур. Следовательно, при построении моделей динамики развития знания тут придается огромное значение не только полученному опытным путем материалу, но и истории культуры, в рамках которой добыт этот эмпирический материал. Таким образом, показывается, что наука как являлась, так и является органичной частью культуры.

На наш взгляд, философский анализ и синтез этих двух направлений философии позволит выработать модели понимания, но не независимые друг от друга, а пересекающиеся, структурно объединенные общими принципами и отличающиеся не столько качественно, сколько количественными соотношениями приемов и методов понимания и объяснения.

НОВАЯ МЕТАФИЗИКА

Э. К. ДАРАШЭВИЧ

У наш час асноўныя праблемы метафізікі прынцыпова змяніліся. Зараз фантастычнае развіццё навукі, тэхнікі, зброі ставіць новую праблему – выратаванне Чалавека і планеты Зямля. Таму значна ўзрастае Адказнасць філасофіі перад Будучыняй. Прапануецца знайсці шляхі яднання філасофскага Розуму і актыўнай дзейнасці неэлітычнага насельніцтва па захаванні свету, прыроды, у прыватнасці, праз пашырэнне інтарэсу да народных традыцый, фальклору і наогул да шматгранных з’яў аўтэнтэнтыкі.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТЕЗА СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В РАМКАХ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Ю. В. ДЕДОЛКО

Процесс перехода современных развитых обществ на постиндустриальный этап развития, сопровождающийся трансформацией всех подсистем обществ, затронул в числе прочих и проблему капитала. Начиная с середины XX в. в социогуманитарном познании активно развиваются концепции нематериальных форм капитала, среди которых особое место принадлежит феномену социального капитала. В настоящее время концепция находится в транзитивной фазе разработки и конструктивного исследования. Отсутствует единое общепринятое определение понятия «социальный капитал»; более того, ряд исследователей ставит под сомнение уместность обозначения феноменов, включаемых в состав социального капитала, термином «капитал».

Феномены, включаемые сегодня в состав социального капитала, перманентно присутствуют в фокусе внимания представителей европейской философии и, позднее, социогуманитарных наук. Собственно концепция социального капитала зародилась в середине XX в. в социологии и получила развитие в ряде экономических дисциплин, что отразилось на методологии и результатах исследований. Ряд исследователей (П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма) обращают внимание на то, что в рамках социологии и экономики

существуют различные точки зрения на социальный капитал, присущие ему структуре и функции. Социологи рассматривают его как сеть социальных взаимодействий, включающую доверие, нормы, обязательства, упуская из виду необходимость стимула к действию в поведении актора и экономический эффект социального капитала. Экономисты, напротив, акцентируют ресурсный аспект социального капитала, рассматривают актора как идеальный объект, обладающий полнотой информации и действующий в условиях идеального рынка в отрыве от социального контекста.

И те и другие склонны к феноменологическому анализу социального капитала, упуская из вида его сущность, кроющуюся в глубинах эволюционного развития человека и общества. Большим эвристическим потенциалом в рамках философского осмысления социального капитала обладает использование данных исследований антропосоциогенеза в антропологии и современной биологии (в частности, этологии и социобиологии). Вторым актуальным направлением является применение системной методологии исследования, которая позволит заметно повысить степень репрезентативности концепта «социальный капитал». Философия позволяет произвести анализ феномена «социальный капитал» на принципах как междисциплинарной, так и метадисциплинарной методологии, предложенной И. Валлерстайном, а также реализовать онтологический подход, объединив данные социогуманитарных и естественных наук.

САМООРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ

И. А. ДОННИКОВА

В гуманитарной составляющей постнеклассических исследований особый интерес вызывает осмысление культуры и культурогенных оснований социальной самоорганизации. В постнеклассике выработаны теоретические обоснования культуры как процесса, направленного на сохранение и развитие человека и общества. Следовательно, вопрос о том, как возникает культура, предполагает осмысление того, как возникает и сохраняется собственно человеческое.

Сегодня в постнеклассических исследованиях происходит переход от изучения *сложности самоорганизации* к исследованию *самоорганизации сложности*. Соответственно, обновляется и проблемное поле. В частности, актуализируется проблема взаимодействия, коммуникации сложностей. Все, что имеет сложную природу, обязательно взаимодействует с другими сложностями, но совсем не обязательно объединяется, «складывается» с ними в новые сложности. Очевидно, существуют в принципе нескладываемые сложности, в том числе и в социокультурной реальности. А потому, важно выявить факторы, снижающие конфликтность и возможность разрушения при их взаимодействии.

Особенно актуальной такая постановка проблемы представляется в анализе человека и человеческого существования. По нашему мнению, продуктивной является экспликация концепта сложности в философско-культурологическое знание, которое осмысливает «вечный вопрос» о сущности культуры, обнаруживает связь культуры с человеческим существованием. На основе разрабатываемого в современной науке понимания сложности [1; 2] нами вводится концепт *антропологической сложности*, который позволяет рассматривать человека и культуру как взаимопорождающие сложности, создающие антропосоциокультурное бытие. Антропологическая сложность выражает экзистенциальную связь человека и культуры. Ее «складывание» осуществляется как взаимодействие «сложного со сложным» и «сложного в сложном». Культура является сложностью, в которую «вложен» человек (культурная среда) и которая сама «вложена» в человека (его творческий потенциал, усвоенный культурный опыт и т. д.). Антропологическая сложность возникает благодаря наложению и «переключению» различных моделей взаимодействия человека и культуры – сложностей, которые и нуждаются друг в друге, и в то же время являются недостаточными (или избыточными) по отношению друг к другу. Это определяет неустойчивость и нелинейность антропологической сложности, которая всегда «предрасположена» как к распаду, так и к становлению. Последнее возможно при создании, воспроизводстве и обновлении специфических человекоберегающих «технологий», представленных культурой, которую человек создает для неконфликтного существования с миром.

Таким образом, во взаимодействии человека и культуры выявляется самоорганизационный потенциал антропологической сложности.

Литература и источники

1. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен; пер. и вступ. ст. Е. Н. Князевой. – Изд. 2-е, доп. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
2. Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». – М.: Прогресс-Традиция, 2011.

КВАЗИЭМПИРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАТЕМАТИКИ И. ЛАКАТОСА

Е. А. ДУДКО

И. Лакатос (венгерско-британский философ и методолог науки, ученик К. Поппера), разделяя фальсификационную точку зрения и рассматривая историю науки как сферу приложения и проверки методологических построений, представил новый вариант постпозитивистской философии науки в концепции «утонченного фальсификационизма» или методологии научно-исследовательских программ.

Свою научную деятельность И. Лакатос начал как методолог математики: в области философии математики под влиянием идей Д. Пойа разработал квазиэмпирическую концепцию математики. Д. Пойа в книге «Математика и правдоподобные рассуждения» подчеркивает, что в своих результатах математика рассматривается как строгая доказательная наука. В то же время в контексте математического открытия развитие математического знания в принципе не отличается от опытных наук. По словам Д. Пойа, прежде чем доказать теорему, ее нужно угадать. Как и в эмпирических исследованиях в области естественных наук, так и в творчестве математика большую роль играют методы наблюдения, сравнения, аналогии. Эвристические функции выполняет квазиэксперимент (мысленное оперирование идеальными объектами геометрии, арифметики) [3, с. 56–58].

В контексте разработки квазиэмпирической концепции математики И. Лакатос критиковал кумулятивную модель развития научного знания, высказывая критическое отношение к формалистскому направлению, подчеркивая, что математику нельзя сводить к формализованным процедурам дедуктивного построения теорий. «Формализм», как писал И. Лакатос, «представляет собой крепость логической позитивистской философии» [2, с. 29].

И. Лакатос подчеркивал, что математика имеет содержательный аспект, ее развитие нельзя представлять как монотонно возрастающую последовательность увеличения количества несомненно доказанных теорем. В русле попперовской концепции развития научного знания он «предложил собственную модель формирования и развития понятий в «содержательной» математике XVII–XVIII вв.» [1, с. 534]. Согласно концепции И. Лакатоса, развитие неформальной или живой математики идет «через непрерывное улучшение догадок при помощи размышления и критики, при помощи логики доказательства и опровержения» [2, с. 34].

Литература и источники

1. Бабайцев, А. Ю. Лакатос / А. Ю. Бабайцев // История философии. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2002. – С. 533–535.
2. Лакатос, И. Доказательства и опровержения (как доказываются теории) / И. Лакатос // И. Лакатос Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. – М.: Академический проект: Трикта, 2008. – С. 27–198.
3. Пойа, Д. Математика и правдоподобные рассуждения / Д. Пойа.; пер. с англ. И. А. Вайнштейна; под ред. С. А. Яновской. – М.: «Наука», 1975.
4. Порус, В. Н. Между философией и историей науки: на пути к «гибкой теории научной рациональности» / В. Н. Порус // И. Лакатос. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. – М.: Академический проект: Трикта, 2008. – С. 9–24.

ВРЕМЯ ПОСТФИЛОСОФИИ

В. Б. ЕВОРОВСКИЙ

Сформулируем посылку, которая подчеркивает особенности современного знания. Логические конструкции, описывающие ту или иную проблему, не должны выходить за пределы экспериментальных данных. На этих основаниях картина мира является такой, какой ее можно представить через подтвержденные результаты. Тот факт, например, что не ясны связи между биологией мозга и богатством человеческих эмоций, означает, что они могут быть сведены к положению «supervenience». С этих позиций делается заключение о том, что процессы, происходящие на уровне отдельного человека, невозможные без функции нейротрансмиттеров, могут не только рассматриваться в качестве научного факта, но и быть предметом самостоятельного исследования.

Можно попытаться связать нейробиологию с человеческими ценностями. Сразу скажем, что с точки зрения философа связь такая кажется по меньшей мере странной, ибо не учитывает громадное число детерминант, которые помимо биологических структур мозга участвуют в функционировании как микрокосма, так и макрокосма человека. В качестве примера можно привести беседу французского нейробиолога Ж. П. Шанжэ с П. Рикёром [1]. Центральной проблемой для Ж. П. Шанжэ является достоверность философского знания, или же, попросту говоря, опасение о том, что случится, если включенное в научное исследование какое-либо умозрительное заключение затем будет опровергнуто уже с естественнонаучных позиций.

С этой точки зрения, более осмотрительно будет шаг за шагом распутывать загадки того «черного ящика», который называется мозг, и представлять научной общественности лишь то, что экспериментально доказано. Если, допустим, ученый убежден, что МРА показывает активность разных участков мозга в случаях, когда человек думает об общественном и индивидуальном благе, и публикует эти результаты, то он просто определяет то, что нейронауке на данный момент известно только это. Такая парадоксальная проекция явно неоформленного биологического знания на социальные реалии может быть рассмотрена (в частности с точки зрения социологических конструкций П. Бурдьё) как попытка экспансии нейробиологического знания на новые эпистемические территории.

То, что наиболее отчетливо бросается в глаза при рассмотрении связи нейробиологии и человеческих ценностей в рамках указанного выше эмпирического подхода, – это очевидный редукционизм (как когда-то давно не удалось объяснить характер человека по форме его черепа, так и теперь, видимо, данные МРТ смогут не много сказать о нашем функционировании во внешнем мире). Конечно, вслед за Ж.-П. Шанжэ мы можем надеяться на то, что это начало долгого опытного пути к научной истине в этом новом направлении. Не вдаваясь в долгие дискуссии, можно просто выразить здесь скептицизм отно-

сительно такой надежды. Очевиден простой тезис, что социальная жизнь, хотя и является продуктом деятельности множества биологических существ, обладающих головным мозгом, тем не менее развивается по своим собственным законам, являющимся продуктом межличностного взаимодействия, которое с некоторым упрощением можно приравнять к культуре.

Литература и источники

1. Changeux, J.-P. Ce qui nous fait penser / J.-P. Changeux, P. Ricœur. – Paris: O. Jacob, 1998.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА К. АЛЬВТЕГЕН «СТЫД»)

Н. А. ЖУКОВА

Процессы, происходящие в современном искусстве, довольно противоречивы. С одной стороны, можно наблюдать продолжение тенденций искусства так называемой «посткультуры», с другой – возвращение к субъектно-объектным связям, которыми определенное время сознательно пренебрегали, к отображению действительности в целостных, конкретно-чувственных, художественно-выразительных формах, к проблемам гуманизма, а также к проблемам бытия и сознания.

Одним из примеров такого искусства является роман Карин Альвтеген «Стыд», в котором искусство сочетается с философской концепцией ХХ в. М. Хайдеггера и психоанализом. В романе «звучит» тема инициации как осознание базовых принципов существования – телесности, смерти, одиночества, зависимости, выбора, ответственности, отказа от собственных чувств, желаний, разрушение «Эго» – растворение в «бесконечном». Разделение телесного и духовного «снимается» в хайдеггеровской онтологии. В рамках аналитики Dasein телесность человеческого существования не оспаривается, она рассматривается как «брошенность». Параллельно сосуществуют тема инициации, идея природной силы «Первозданной Женщины» – «Жизнь-Смерть-Жизнь» и понимание М. Хайдеггером человеческой жизни как одновременного проявления присутствия и здесь-бытия (Dasein) – «бытия-к-смерти». Одна из героинь – Май-Бритт – как онтическое сущее (das Seiende) «присутствует», страдает, любит, болеет, а как онтологическое – брошена в свое здесь-бытие (Dasein), в свою «судьбинность». Присутствовать – означает «находиться при сути», в широком смысле – иметь возможность рассуждать. Май-Бритт, анализируя свои страдания, рассуждает о Боге. Женщина приходит к выводу, что Бог, если и есть, то он жестокий, это не ее Бог, и лучше думать, что его совсем нет. Ей кажется, что в роковой ситуации приходит прозрение, после которого она замыкается в себе и постепенно озлобляется. Сущее и божественное, так сказать, не соединились, инициация не состоялась, и единственное чего она ждет – смерти.

Здесь необходимо вернуться к концепции М. Хайдеггера, согласно которой Бог есть сущее, и как сущее ничего не добавляет к онтологической проблематике, поскольку под видом ее решения через отсылку к высшему и изначальной сути только мистифицирует платоновское учение об идеях и аристотелевскую логику. Как справедливо замечает А. Руткевич, ницшеанство соединилось у Хайдеггера с христианским пониманием мира. Хайдеггер отвергает витализм и космологизм ницшеанства, «вечное возвращение» дохристианских мифологий у него заменяет «бытие-к-смерти» – христианский апокалипсис, свернутый в «экзистенциал» индивидуального «здесь-бытия». Но сохраняются пессимистическая героика, активизм Ницше. Индивид навязывает миру свой порядок.

Роман К. Альвтеген «Стыд» – значимое явление современного искусства, в котором на смену «пост-» приходит воплощение бытийности жизни, человека и его мира, обращение к душе и разуму, что, по выражению М. Эпштейна, является проявлением «прото» – «дебютным ощущением эпохи». Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что в романе К. Альвтеген «Стыд» искусство осуществилось.

УНИКАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Е. Б. ЗОЛОТЫХ

1. Еще древнегреческие ученые задавались вопросом: почему слои, похожие на те, что образуются на берегу моря и содержат раковины, похожие на современные, в то же время подняты высоко в горы. Для объяснения этого феномена необходим комплексный ответ не одной науки. Геология – это комплекс наук, каждая из которых изучает только одну сторону геологического объекта (один уровень организации вещества). В итоге же геологического исследования объект должен быть описан в своей целостности и уникальности, для чего геология выработала свою методологию трансдисциплинарности.

2. Уникальность геологических объектов задается прерывисто-непрерывным характером неоднородности Земной коры. Наблюдаемые неоднородности Земного шара объясняются общей неоднородностью материи Универсума, которые восходят к фундаментальной (Плановской) длине и имеют размерность $l_f * e_{ne}$. Неоднородности Земли укладываются в размеры от 10^{-8} см (радиус атома) до 10^{10} – 10^{11} см (размеры планеты). Поэтому в области геологии любое исследование должно отражать уникальность (целостность) объектов изучения, которые характеризуются данными разного уровня организации вещества от глобального (материк – океан) до атомарного (химический состав).

3. Геологическое знание по объекту является естественнонаучным, а по методу – историческим, поскольку занимается уникальным саморазвивающимся системным объектом – Землей и ее подсистемами. Каждая точка геоло-

гического пространства уникальна, так как является результатом миллионно- и миллиарднолетней истории существования Земли. Поэтому собственное время объектов геологического знания измеряется миллионами лет и нашему наблюдению доступны не течение геологических процессов, а только структуры геологических объектов, сложившиеся к настоящему времени. Наблюдая структуры, геолог расшифровывает историю их возникновения или преобразования. Таким образом, познание геологических процессов осуществляется путем создания цепочки мысленных геологических объектов, которые стоят на разных стадиях развития изучаемого геологического процесса. В акте наблюдения геологических объектов исследователь является субъектом наблюдения, но кроме того, еще и инструментом наблюдения. Другой исследователь данного объекта может по-другому оценить ситуацию, это связано не только с опытом и знаниями человека, но и с его психофизическими особенностями.

4. Геологическое знание постоянно должно согласовывать данные разных уровней организации вещества. Поэтому процедуры формирования геологического знания закольцованы. Знание, полученное изучением одного уровня, должно быть усвоено исследователями другого уровня, при этом происходит переосмысление и переопределение знаний, накопленных до этого. То есть, знания об определенном уровне организации вещества влияют на знания о других уровнях, и наоборот.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: РЕАЛИИ, ТЕНДЕНЦИИ

Э. М. ИЗЗЕТОВА

Современная наука отличается многообразием форм и методов познания. На настоящем этапе развития человеческой цивилизации сфера научной деятельности постоянно расширяется, а влияние науки на жизнь общества неуклонно возрастает. Активно развиваются технологии, связанные с конструированием окружающей реальности и вмешательством в природу самого человека. Современные способы производства материальных и духовных ценностей настолько сложны и высокотехнологичны, что их развитие и совершенствование может осуществляться только с использованием последних достижений научного познания мира. Возникла острая необходимость совместить неизменно высокий темп развития науки с этическими ценностями, в противном случае произойдет дальнейшее рассогласование мира человеческой жизни и мира культуры. Процессы интеграции и глобализации, происходящие в обществе, способствуют формированию системного взгляда на мир, осознанию того, что ни одна научная, социальная или техническая проблема не может быть решена без рассмотрения всех ее аспектов в их взаимосвязи и единстве.

Комплексность вопросов и задач, стоящих перед наукой и цивилизацией в целом, приводит к формированию новых форм научного исследования, обладающих так называемой проблемной ориентацией, то есть направленных на изучение своего предмета с различных позиций и точек зрения для создания целостного представления о нем. Этот процесс способствует развитию новых способов взаимодействия внутри науки, приводя к возникновению таких форм научного познания, как междисциплинарные исследования. Специфика ситуации в современном мире такова, что от науки требуется незамедлительное реагирование на актуальные потребности и запросы общества, что приводит к необходимости постоянного тесного взаимодействия научных исследований и области их практического применения. Вследствие этого в процесс междисциплинарного взаимодействия включаются не только теоретические, но и прикладные области науки. Тенденция к междисциплинарности, наиболее ярко представленная в исследовательских программах синергетики, когнитологии, когнитивной нейрологии, когнитивной этологии, теории сложности, порядка и хаоса, теории катастроф, клеточных автоматов и т. д. Особенностью когнитивной науки является то, что, охватывая чрезвычайно широкий круг проблем, связанных с познавательной и мыслительной деятельностью человека, она объединяет самые разнообразные дисциплины, так или иначе заинтересованные в изучении природы, сущности, функционирования и развития интеллектуальных способностей. В контексте постнеклассической междисциплинарности наиболее значимым оказываются взаимодействия социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, формирующие новые мировоззренческие перспективы.

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП И ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. О. КАРАСЕВИЧ

Существует несколько формулировок антропного принципа. Так, О. В. Бармина выделяет четыре формулировки антропного принципа: слабый антропный космологический принцип, предложенный Б. Картером: «Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием как наблюдателей»; сильный антропный космологический принцип, предложенный Робертом Дикке и Бренданом Картером: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей»; антропный космологический принцип участия Дж. Уиллера: «Наблюдатели необходимы для того, чтобы сделать Вселенную существующей»; финалистский антропный принцип Ф. Типлера: «Во Вселенной должна возникнуть разумная обработка информации, и, раз возникнув, она никогда не прекратится» [1].

Мы видим, что во всех версиях антропного принципа субъект предстает как наблюдатель, то есть носитель деятельности (психической и организменной) – он наблюдает окружающий мир, и его психическая деятельность сплетена из процессов ощущения, восприятия, мышления, памяти, эмоций, при этом задействованы не только психические процессы, но и знания индивида, его опыт, ценности и т. д. В целом, категория деятельности наиболее полно раскрывает активность «наблюдателя» антропного принципа. И деятельностный подход, разработанный выдающимися специалистами в общей психологии С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым, является тем парадигмальным полем, на котором, вероятно, наиболее полно можно отобразить структуру деятельности наблюдателя. Другие психологические парадигмы справляются с этой задачей менее успешно, рассматривая преимущественно лишь «свое» предметное поле. Так, когнитивная психология занимается изучением мышления, поведенческий подход – внешней активности индивида, глубинная психология – исследованием бессознательного, экзистенциальное направление – постижением жизненных смыслов и переживаний и т. д. Кризис в психологии до сих пор не преодолен, но именно деятельностный подход, обладающий большим философским основанием, оперирует наиболее удобными и просторными категориями, позволяющими постигать и объяснять психические феномены, при этом эффективно используя и накапливая знание других психологических парадигм. Особенно явно это заметно на примере рассмотрения антропного принципа.

Литература и источники

1. Бармина, О. В. Антропный принцип как возможность новой онтологии / О. В. Бармина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 1. – Т. 4.

ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: IN SPE

Д. А. КАЧЕЕВ

Проблема кризиса гуманитарных наук и ее следствия – интеллектуальная и духовная деградация человека и общества – является актуальной не только на постсоветском пространстве, но и во всем мире.

Основные признаки данного кризиса являются следствием процесса глобализации, объединившей всю планету в единый экономико-хозяйственный комплекс: происходит коммерциализация научной и образовательной сфер, стремительно падает уровень гуманитарного образования. На передний план выходят науки естественного и технического цикла, которые могут стать условием индустриально-инновационного развития, технологического прорыва и модернизации экономики. Грубо говоря, в фаворе сейчас то, что может приносить прибыль, и коммерциализация научных исследований полностью под-

тверждает это. С точки зрения обывателя, философ – это общественный иждивенец, бережно лелеющий мертвое знание.

С этим нельзя согласиться, ведь философ – это человек, обладающий самостоятельностью мышления и независимостью взглядов. В мире, где реальность конструируется массмедиа, а люди разучились мыслить самостоятельно, философия обретает все большую актуальность. Виртуализация и роботизация жизни каждого отдельного человека и общества в целом ставит перед человеческой цивилизацией новые задачи. И задачи эти не могут быть решены самопроизвольно, механически, а требуют философской рефлексии.

Философия развивается, сохраняя свое истинное предназначение – поиска истины и осмысление человеком бытия и самого себя. Каждая государственная идеология, каждый правящий слой пытались приспособить философию для обслуживания собственных интересов. Однако живое философское знание всегда сохранялось.

Почему же, несмотря на кризис гуманитарного знания сегодня, мы смотрим в будущее *in spe*? Казалось бы, все довольно просто предсказать – духовная и интеллектуальная деградация человечества будет возрастать, потребление и виртуальная реальность уничтожит остатки истины, добра и красоты, а мы останемся жить в мире симулякров – медийных конструкций, манипулирующих нашим сознанием. Однако уже сегодня происходит массовое осознание тупиковости общественного развития без гуманитарной основы. Глядя на коллизии современного мира, в котором главный бог человека – золотой телец, а судьбы людей вершат индивиды, обладающие иезуитскими моральными ценностями, у философа остается лишь надежда.

Человечеству необходима модернизация сознания, необходим возврат к истинным ценностям, и за все это несет ответственность именно философия. Современный философ должен соответствовать реалиям сегодняшнего дня и быть не только носителем знаний, мудрости, но и активным участником общественного развития. Это не значит, что нужно стать конъюнктурщиком и политическим приспособленцем, отнюдь. Быть живым примером интеллектуального саморазвития, носителем моральных принципов – вот миссия современного философа.

ТОТАЛЬНАЯ ПОГРАНИЧНОСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В. А. КОСТЕНИЧ

Размышляя над природой и спецификой философского взгляда на Мир (Бытие, Сущее, Универсум), приходится задаваться вопросом о «ментальных первопричинах» той мировоззренческой интенции, которая выступает в качестве «порождающей грамматики» собственно философских вопрошаний. Параллельно возникает естественная потребность придать этой ценностной

перспективе некие герменевтические артикуляции, созидающие нарративный словарь философского дискурса, его словесно-смысловую репрезентированность.

В качестве бытийных оснований философских вселенных (еще со времен экзистенциалистских изысканий) выдвигаются так называемые «пограничные ситуации», междометствующие в человеке перед лицом смятенных ужасов «безумствующей» повседневности; на стыках «суеты и скуки» гедонистических искушений; трясин отчаяния от поглощения китчеобразной вульгарностью массовой культуры. Именно они аккумулируют в себе «тревоги заброшенности» в неподлинное существование.

Общим же бытийным знаменателем этих критических аберраций человеческого присутствия в Сущем, «сторожем Истины» и «исповедью Абсолютным» была провозглашена наша неизбывная «смертность», отбирающая у человека-обывателя самомнение воинствующего временщика, ослепленного инфантильными упованиями длить свою праздношатающуюся безмятежность «до скончания веков». Акцентировав смертность как «бытийную» антитезу (казуистически отодвигаемому) «финалу смерти», философское сознание тем не менее «слегка не договорило» этот «потрясающий Смысл», не довело его до «духовного землетрясения» органического катарсиса.

Смертность была «выведена из тени», но не инкорпорирована во все иные «жизненности» бытия, не стала их светотенью и алмазной огранкой, застыла в статусе «одного из» пограничных сюжетов Сущего. Между тем, именно символическая и семантическая универсализация смертности как «пограничья» всех остальных «временностей бытия», в том числе и философски растиражированных в общественном сознании (таких как свобода, одиночество, угрызения совести, человечность и др.), позволяет осознать тот факт, что «абсолютно Всё» в налично Сущем «смертельно философично», ибо обременено и беременно своей «конечностью», взывает к актуализации своего предназначения и «права» на бытие.

Под этим углом зрения на авансцену философских концептуализаций Сущего может и должно быть выведено категориальное сказуемое «события бытия», свидетельствующее о том, что философские начинания Разума зарождаются там и тогда, где и когда тот или иной человек открывает для себя «вечную пограничность тотальной смертности» и, не отворачивая от нее своего взора и существования, обретает мужество и потребность быть «пограничником» собственной Судьбы и ее смысложизненных откровений. Событие (непрерывной аудиенции с предВечностью Всего) – это (сразу и совместно) отбытийная турбулентность души, духовная пограничная межа, смысловая оптика и родина философствования. Философствовать – значит мыслить «событиями бытия» (быта), балансирующего на вечных границах «единовременного».

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭВОЛЮЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

А. Ф. КУДРЯШЕВ

В биологии накопилось изрядное количество концепций, пытающихся объяснить эволюцию. Ориентации в концептуальной многообразии может способствовать выявление оснований, на которых строятся различные варианты эволюционного учения.

Среди всего множества оснований, представляющего собой их систему, выделим основания, называемые онтологическими в силу их наименьшей зависимости от субъективного фактора. Применительно к научным знаниям в понимании их оснований обычно следуют за В. С. Стёпиным, предложившим в качестве таковых научную картину мира, идеалы и нормы научной деятельности и философские принципы. Собственно говоря, список оснований можно расширить: к ним добавим аксиомы, не вошедшие в указанный перечень, которые, несомненно, принимаются научным сообществом за основания. Расположим основания эволюции в определенном порядке: собственно философские (философско-онтологические), общие онто-биологические (философско-биологические), био-онтические (собственно биологические). К третьей группе оснований – био-онтическим – мы можем причислить относительно неделимые единицы эволюции, выделение которых зависит от той или иной концепции. Это, например, привычные организм и популяция, или недавно предложенные в рамках симбиотического подхода их аналоги аутоценоз и демоценоз, а также ген как единица наследственности особи и считающийся терминологически устаревшим мутон, эквивалентный или одной паре нуклеотидов, или, что верно для вирусов, одному нуклеотиду. Поднимаясь по лестнице абстракций, мы переходим ко второй группе оснований – онтобиологическим. Здесь действуют, как известно, два основных фактора как основания эволюционного процесса: наследственность и изменчивость. Наверное, систему фундаментальных атрибутивных факторов эволюции надо расширить за счет включения в эту систему направленности изменений, активности соответствующих эволюционных единиц, их качественного разнообразия и высокой степени сложности образуемых ими систем. Наконец, на философском уровне основания (философско-онтологические) предстают в виде комбинаций определенных категорий, часть которых являются субстанциальными, а часть – категориями движения. При этом, конечно, нельзя забывать об их неразрывности, что выражается, например, в диалектическом материализме формулой: материя движется, а движение материально. Фиксирование двух указанных групп онтологических категорий в данном случае объясняется учетом действия двух основных факторов эволюции – наследственности и изменчивости. Не случайно к системе категорий онтологии принадлежат находящиеся в единстве категории устойчивости и изменчивости, т. е. одно из

свойств движения принято называть в философии точно так же, как свойство эволюции – изменчивостью. К онтологическим основаниям эволюции, несомненно, можно отнести принцип развития как направленного изменения, единство необходимости и случайности и, похоже, всю диалектику парных категорий. Среди последних особо можно выделить соотношение целого и части, структуры и элемента.

МОДУСЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В. К. ЛУКАШЕВИЧ

Праксеологическое осмысление осваиваемой реальности в идеале должно осуществляться в русле всех известных модусов человеческого мышления, составляющих в настоящее время предмет модальной, многозначной и вероятностной логик, а также на основе предметных знаний, так или иначе коррелирующих с ними. Это знания, выражающие ретроспективные, актуальные и возможные (виртуальные) состояния осваиваемой реальности, взаимодействие динамических и стохастических законов ее регуляции и саморегуляции, космо-, био- и антропогенные конститuenty, специфику социокультурного бытия. В русле традиций классической философии названные аспекты реальности квалифицировались как ее модусы, что дает основание использовать накопленную терминологию для характеристики особенностей трансдисциплинарных исследований, связывающих различные типы модальностей.

На первом плане оказываются модусы антропогенного и социокультурного характера, объединяющие круг явлений, объектов и процессов, сопряженных с потребностями, интересами и мотивами деятельности человека по практическому освоению реальности и преодолению возникающих при этом трудностей (решению проблем). Они редко изучаются в русле монодисциплинарных исследований, а в ситуациях, требующих междисциплинарных и трансдисциплинарных разработок, составляют их проблемно-мотивационное измерение, которое в свою очередь предопределяет наличие и рефлексивное осмысление телеологических аспектов практических действий. Их содержание достаточно жестко привязано к проблемно-мотивационным параметрам (во всяком случае на уровне витальных потребностей). Характер этой связи меняется при переходе к объектно-предметному измерению. Сходные цели могут быть достигнуты на различной предметной (субстрактной) основе. Однако далее ее особенности достаточно жестко определяют содержание орудийно-интерактивных аспектов целостного преобразовательного действия.

В итоге обозначается ключевая проблематика большой группы трансдисциплинарных исследований, а именно тех из них, которые объединяют параметры наук, наиболее тесно сопряженных с телеологическими аспектами

осмысления практического действия, с одной стороны, и с его интерактивными измерениями – с другой. Первые явно тяготеют к социокультурному модусу, вторые – к объектно-предметному и орудийно-интерактивному. Для их сопряженного осмысления требуется найти звенья, связывающие телеологичность и интерактивность практического действия в более фундаментальных модусах – видимо, в космо- и биогенных.

ОТ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ИСТИН К ГАРМОНИЧНОЙ МНОГОМЕРНОСТИ ИСТИНЫ

Р. Х. ЛУКМАНОВА

В когнитивном, религиозном, этическом и эстетическом опыте как будто обретается своя особая истина, выступающая в связке с не менее важными, экзистенциально значимыми для человека понятиями: знанием, верой, благом, красотой. На этом основании сторонники релятивизма утверждают относительность истины – зависимость ее от вида и конкретных целей человеческой деятельности, а постмодернисты – отсутствие всякой самостоятельной значимости понятия истины («сколько людей – столько истин») и, следовательно, возможности отказа от него. Мы не можем согласиться ни с той, ни с другой позицией, поскольку видим за кажущейся множественностью истин единую многомерную истину, и наша задача – доказать, что многомерность истины носит гармонический характер, поскольку целостность истины подобна целостности мироздания.

Истина не была проблемой для мифологического сознания. Истина была *истиной*, тем, что есть, бытием. Она не стала и отдельной проблемой для восточной философии, ориентированной на синтетическое мышление, видение единого во многом. Только с началом классической западной философии, с Платона и Аристотеля начинается проблематизация истины и ее анализ («расчленение»). Тогда же формируются два основных аспекта проблемы истины: онтологический и гносеологический. Дальнейшее развитие философской мысли, помимо продолжения исследований в онтологическом и гносеологическом направлении, добавили новые аспекты. Таким образом, по нашему мнению, общая характеристика западного мышления как аналитического (по К. Г. Юнгу) служит объяснением умножения образов истины в европейской духовной культуре.

Однако во все исторические периоды истина выступает как ценность – этическая, эстетическая, гносеологическая, экзистенциальная и т. п. Ценностный подход, особенно активно разрабатываемый в отечественной философской мысли, позволяет совершить разворот от множественности к единому. Отдельные слова благодарности заслуживают «минимизирующие» (дефляционные) теории истины и постмодернизм, обозначившие пределы употребления понятия «истина» в определенных сферах деятельности человека. Это вызвало

новую волну интереса к «старой» проблеме и позволило подняться на другой уровень осмысления.

Можно было бы пойти по пути утверждения, что истина – просто полисемантическое понятие, которое по-разному используется, облекается в различные смысловые оболочки при использовании в разных контекстах. В таком случае проблема истины остается в компетенции аналитической философии, и последнее слово здесь – «минимизация» (дефляция).

По нашему мнению, многозначность понятия истины, его полисеманτικότητα есть адекватная форма существования многомерного объекта. Множество определений истины свидетельствует не о множестве разных истин, а о многомерности единой Истины.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ВЫЗОВ

Г. Г. МАЛИНЕЦКИЙ

Нашу реальность на разных уровнях во многом определяют представления о будущем, ожидания, надежды, стратегии.

Технологии проектирования будущего сегодня являются стратегическим ресурсом стран, цивилизаций, крупнейших компаний. На наших глазах происходит «революция будущего» – изменение роли, смыслов и отношения общества к грядущему.

Предтечей происходящих перемен можно считать выдающего философа, математика, юриста, языковеда Г. В. Лейбница (1646–1716), который трактовал математику как «науку о возможных мирах». С не меньшим основанием эта метафора применима к философии и искусству.

Б. Наполеон говорил, что «опираться можно лишь на то, что оказывает сопротивление». Целостное, системное представление о будущем, на которое можно опираться, которое «оказывает сопротивление», требует широкого использования и междисциплинарных подходов. Одним из наиболее успешных и популярных среди них является теория самоорганизации или синергетика. Этот подход лежит на пересечении сфер предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии. Исходя из концепции постнеклассической научной рациональности, выдвинутой академиком В. С. Стёпиным, можно сказать, что именно синергетика будет находиться в ядре научной картины мира в XXI веке.

В докладе рассматривается российский и мировой опыт проектирования будущего, использование этой технологии для выработки государственных решений в научно-технической сфере, а также риски, нерешенные проблемы и перспективы, открывающиеся в связи с этим подходом.

Философия и методология в контексте проектирования будущего столкнулась с задачей, которую условно можно назвать «большим синтезом». Человек

живет в рациональном, эмоциональном и интуитивном пространствах. Для того чтобы представить один из «возможных миров», а затем отстроить его, рационального расчета недостаточно. Эмоциональное и интуитивное восприятие будущего, оценка потерь и приобретений, связанных с его конкретным вариантом, требуют и эмоций, и интуиции.

Последние три века огромные успехи были достигнуты в рациональном освоении мира, в философии науки. Об эмоциональной сфере мы знаем сегодня совсем немного, а интуитивное пространство в большой степени остается загадкой. Внутренняя гармония человека, общества и мира, в которой многие века мыслители видели идеал общества и человека, нарушена. Обретение целостности является одной из важнейших проблем и философии, науки, и всего общества, которое ищет пути в будущее.

Думается, что работа с проблемами такого уровня требует новых подходов к взаимодействию, постижению мира, поиску новых смыслов и ценностей. Одним из результатов синергетики является представление о неединственности будущего, о неизбежности сознательного или неосознанного выбора пути развития. Пришло время воплотить эти идеи ученых, философов, мыслителей в нашу реальность.

НА ПУТИ К МИКСЕОЛОГИИ

И. П. МАМЫКИН

Выдающаяся роль, которую сыграли натурфилософские учения Эмпедокла и Анаксагора в переходе от протофилософских и протонаучных взглядов к более совершенной картине мира, побуждает к обсуждению присущего им ключевого понятия – понятия *смеси*.

Существуют и дополнительные основания для обращения к этому понятию в связи с запросами современной науки и практики. Необходима систематизация разнообразных сведений о смесях, которая уже происходит в рамках существующих наук, преимущественно в химии. Но следует предусматривать также разработку специального научного направления – миксеологии (от греческих слов «миксто» – смесь и «логос» – учение). Оно требует аргументированной экспликации понятия «смесь», важность которого зачастую недооценивается, поскольку это понятие якобы и без того просто и самоочевидно. К недооценке понятия «смесь» привело его оттеснение на второй план более строгими понятиями атомистики, системно-структурными представлениями и пр. Сказалась и тенденция рассмотрения явлений в «чистом» виде. В настоящее время уже понятие «смеси» требует для своего прояснения привлечения категорий более позднего происхождения.

Следует возразить против бытующего противопоставления смеси порядку (организации) или отождествления его с хаосом. Для смеси характерно не

полное отсутствие порядка, чего просто никогда не бывает, но достаточно свободный порядок. Смесь представляет собой промежуточное состояние между рядоположенностью начал и их органической взаимосвязью. С точки зрения возможности и качества смесеобразования, следует выделять отношения совместимости, несовместимости и, вероятно, индифферентности между компонентами.

Пресловутый анаксагоровский принцип «панмиксии» («все во всем») зачастую представляется интуитивно ясным и может быть использован для конкретизации принципа всеобщей связи и взаимообусловленности явлений. Но это все же слишком сильная идеализация, не учитывающая сложности бытия. С учетом смесеобразования подвергаются существенным поправкам не только закон постоянства состава в химии, но и философское понятие меры. На очереди – раскрытие специфических закономерностей смесей.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

С. Н. МАРЕЕВ

Та версия философии науки, которая подается как наиболее адекватная современному состоянию научного знания, имеет явно выраженные методологические основания, связанные с традицией позитивизма. А позитивизм как традиция неклассической философии признает лишь *опыт* в качестве источника научного познания и абстрагируется от *практики* и *эксперимента*, что в наши дни нашло отражение в структуре учебных курсов по философии науки, где обычно первым идет раздел «Методы чувственного познания», а за ним следует раздел «Методы теоретического познания», и остается неясно, каков метод самого перехода от чувственного познания к теоретическому.

Но проблема перехода от эмпирического к теоретическому в научном познании была в центре всей классической философии. Вспомним «Критику чистого разума» И. Канта: «Мысли без содержания пусты, – писал он, – созерцания без понятий слепы» [1, с. 155]. Но как сделать так, чтобы наши мысли были содержательными, а созерцания не слепыми? Иначе говоря, как преодолеть противоположность эмпиризма и рационализма?

Принято считать, что родоначальник науки и философии Нового времени Ф. Бэкон заложил основы методологии эмпиризма и в этом смысле предварил линию позитивизма. При этом не видят различий между Ф. Бэконом и Д. Локком, который, собственно, и стал подлинным «отцом» английского эмпиризма. У Ф. Бэкона мы находим критику плоского эмпиризма, который преодолевается практикой и экспериментом. «Ведь хотя чувства довольно часто обманывают и вводят в заблуждение, – пишет он, – однако в союзе с активной деятельностью человека они могут давать нам вполне достаточные знания;

и это достигается не столько с помощью инструментов (хотя и они в известной мере оказываются полезными), сколько благодаря экспериментам, способным объекты, недоступные нашим органам чувств, сводить к чувственно воспринимаемым объектам» [2, с. 284]. Этот подход к решению проблемы перехода от эмпирического к теоретическому через инструментальную и экспериментальную деятельность и был почти сразу же утрачен английским эмпиризмом.

Парадокс современной философии науки состоит в том, что философ, которого воспринимают как родоначальника эмпиризма, дает нам ключ к его преодолению. Наука Нового времени с самого начала заявила о себе как об *экспериментальном* естествознании. По большому счету, именно в эксперименте и практике видел Ф. Бэкон тот мост, который связывает эмпирию и теорию. И это решение было дано задолго до И. Канта, хотя в немецкой классике принцип деятельности найдет свое специфическое развитие. Не потому ли мы не ценим критики эмпиризма у Ф. Бэкона, что господствующая в наши дни версия философии науки, в силу присущего ей позитивизма, не способна вывести на путь решения вопроса о переходе от чувственного познания к теоретическому?

Литература и источники

1. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М., 1964. – Т. 3.
2. Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах / Ф. Бэкон. – М., 1977. – Т. 1.

ПАРАДИГМА ОБРАЗОВ МИКРО- И МАКРОМИРА В СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ

Б. А. МЕДВЕДЕВ

Каким образом концепции детерминизма и индетерминизма, квантовый характер микромира и спектр квазиклассических реальностей в многомировой интерпретации Эверетта отражаются в структуре сознания? Не происходит ли это отражение уже по той причине, что сознание, согласно Юнгу, представляет дискретный феномен и «подобное познается подобным»? В этом контексте обсуждается проблема сообразности гипотетической модели сознания моделям микро- и макромира. Рассматривается подобие дискретно-континуальной структуры сознания квантовому спектру электрона в атоме. Дискутируется попытка согласования гипотезы отождествления сознания с разделением альтернатив в расширенной концепции Эверетта по М. Менскому с картой сознания В. Налимова и с антропо-космоцентрической моделью психологической структуры креативной личности, рассмотренной нами ранее. Следуя М. Буберу и положениям метатеории сознания М. Мамардашвили и А. Пятигорского, мы постулируем дуализм, обоюдность со-знания, которое разделяется как познающим, так и познаваемым, как субъектом, так и объектом.

И если согласно Хайдеггеру «мысль, послушная голосу бытия, дает ему слово...», то не следует ли из этого, что «Я» мыслит бытие только с его расположения? Взаимность между «Я» и «Ты», «Я» и «Оно» приводит к «перепутанным» состояниям сознания, аналогичным перепутанным состояниям в системе измерителя и измеряемого в квантовой механике. Постулируя, что одним из фундаментальных свойств сознания является когеренция – упорядочивание событий и образов, созидание порядка из хаоса, мы приходим к выводу – сознание есть то, что делает этот мир голономным. Но устойчивым, по нашему мнению, этот мир может быть только благодаря нравственным началам – сохранению великого малым – макромира микромиром, макрокосма микрокосмом. Поэтому, извлекая архетип древа познания добра и зла из коллективного бессознательного Юнга, мы вводим уровень нравственного сознания или совести в антропо-космоцентрическую модель сознания. С другой стороны, введение в нашу модель понятия космического бессознательного или космического забвения, скрывающего в «Я» всю историю вселенной, делает его соразмерным с вечностью. «Я» вынашивает в себе вечность, как ребенка. Структура сознания представляется метафизической, поскольку лишенное потаенности лишено самой жизни. Бытие противится не только завершенности, но и его образам в нашем мышлении. Чем ближе к сущности, тем дальше она от дефиниций. Полагая, что сфера сознания с увеличивающимся радиусом является образом расширяющейся вселенной, можно перейти к подобию сферы сознания сфере метафизического света Р. Гроссетеста. В этом случае метафизика сознания, как и метафизика света с механизмом его самоумножения – в символе творения, в символе бесконечности познания, символе нескончаемости повествования о человеке.

В заключение обсуждаются пространственно-временные контуры архитектоники сознания в коэволюции микро- и макрокосма.

АРХИТЕКТОНИКА ФОРМ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (КОГНИТИВНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ)

Н. И. МИНИЦКИЙ

1. Вербально-логические формы гуманитарного знания

Концепт «слово». 1. Модели знаний как форма представления знаний и инструментарий науки (Л. А. Микешина). Бинарная оппозиция (знание–познание, структура–процесс). 2. Тернарные модели (тринитаризм): «слово–образ–действие» (В. П. Зинченко), «рацио–эмоцио–интуицию» (Р. Г. Баранцев), «человек–природа–общество» (Е. Б. Черняк). «Долговременные структуры» (Ф. Бродель), «теории среднего уровня» (А. Я. Гуревич) и «мир фрагментов» постмодерна. 3. Реализация принципа «восхождения ко всеобщему» в конструировании моделей знания (Л. А. Микешина). Исходный, базовый и переходящий уровни моделей (Э. Рош).

II. Образно-символические репрезентации гуманитарного знания

Концепт «образ». 1. Философия символических форм (Э. Кассирер, М. Вартофский, В. М. Розин, Л. Ф. Чертов). Когнитивный инструментарий науки: принципы, методы, категории и визуальные формы их репрезентаций (В. К. Лукашевич, В. Ф. Юлов). 2. Когнитивные структуры: фреймы, гипертекст, тезаурус, кластер, ризома, фракталы, эннеграмма (М. Минский, Р. Шенк). Критика структур (У. Эко, Ж. Делёз). 3. Модель – звено, связующее реальность и идею. Плоскостные и объемные логико-графические модели знания (круги Л. Эйлера – Платоновы тела).

III. Представление знаний в информационно-когнитивных технологиях

Концепт «действие». 1. Теоретико-методологические основы репрезентации знаний в информатике (Л. А. Микешина, О. М. Медушевская), когнитивный инжиниринг (Л. И. Рыженко). 2. Типы и виды моделей в информатике (М. Минский, У. Найссер). 3. Превращение знаний в реальный продукт (Е. В. Воронцов).

IV. Репрезентации и когнитивный инструментарий образовательного знания

Концепт «действие». 1. Инструментарий науки и дидактики (Ю. В. Громыко, Т. С. Назарова). 2. Многомерные дидактические инструменты и технологии (Т. Бьюзен и Б. Бьюзен, В. Э. Штейнберг, А. И. Добриневская). 3. Обучаем, как исследуем (В. Н. Сидорцов).

V. Управление гуманитарными науками и образованием

Концепт «действие». 1. Системная структура науки (Г. П. Щедровицкий, В. С. Стёпин). 2. Инструменты управления информационно-коммуникационной средой (А. А. Лазаревич). 3. Управление качеством образования. Научные и образовательные компетенции (А. И. Жук). 4. Теория–правила–результат, т. е. знания должны работать (К. Аргирис, Дж. Ходкинсон, П. Сперроу).

Вывод. Фундамент многомерной архитектоники репрезентаций гуманитарного знания составляют универсальные концепты «слово», «образ» и «действие», а их смысловую связь отражает метафора «хочешь познать, научись действовать».

КОНЦЕПТ ИНФОРМАЦИИ В РАКУРСЕ КОРРЕЛЯЦИИ БАЗИСНЫХ СХЕМ ОНТОЛОГИИ И ИНФОРМОЛОГИИ

Ю. В. НЕСТЕРОВИЧ

Концепт информации – категория общенаучного уровня методологии, основа специфического общенаучного подхода (В. С. Готт, Э. П. Семенов, А. Д. Урсул) чрезвычайно разветвлено и продуктивно реализуется в системах знаний. Явление информации характеризуется «амбивалентным (идеально-материальным) феноменом», раскрывается «актом сознания». В качестве атрибута явления информация обосновывается новой философской категорией (А. В. Соколов). Оценим это наивысшим «онтологическим актом», пришедшим на смену тезису об информации – атрибуте материи (П. В. Копнин). Результаты методолого-научнозначимой корреляции базисных схем онтологии и инфо(рмо)логии (области знаний, обобщающей понятия и схемы теории

информации, кибернетики, теоретических основ информатики и др.) востребованы при построении теорий в качестве предпосылочных знаний и методологических установок. Своеобразие онтологического статуса информации проявляется в том, что его обоснование не укладывается в традиционную базисную онтологическую схему. Это показано нами в монографии: Ю. В. Нестерович. Труды по экспликации базисных понятий научных теорий. Т. 1: Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии (Минск, 2010). В ней мы обосновываем (*оригинальную* для мировой философии) схему, позволяющую непротиворечиво обосновать данный статус: с выделением трех типов действительности – материальной, мета- и трансматериальной (общественной) и способами их проявления. Материальные образования проявляются реально и виртуально, реальные трансматериальные – потенциально и актуально, intersубъективные трансматериальные – идеально. Метаматериальные («тонкоматериальные») образования – экстрареально и идеально (содержание психических процессов и пр.). Энергоинформация предстает экстрареальным (не идеальным, а эвентуальным) проявлением их, причем не только безэнергетическим, но и слабоэнергетическим. Социоинформация – вторичная интериндивидуальная трансматериальная действительность, содержание процессов и результатов знаковой деятельности. Следствием рассматриваемой корреляции выступает расширение реализации концепта информации в схемах информологии и коммуникологии, неограничение ее понятием распознанного киберсистемой сигнала (З. В. Партико), использованием в конструкторе канала передачи сообщений (О. И. Семенов). Развертывание положения онтологии: идеальность – форма проявления систем (Д. В. Пивоваров) через допущение семантического содержания знаков в качестве потенциальной информации. Универсализацию конструктора формы представления информации (Р. С. Гиляревский). Пересмотр тезиса инфософии: «информация существует лишь в виде кода, т. е. в форме сигнала как определенного носителя информации» (Д. И. Дубровский). Эта формула непригодна для описания явлений документационной деятельности. Для ее единиц формой представления «документированной информации» («документа» – Е. А. Плешкевич) выступают следы сигналов / знаки и носитель данных, записи, изделия, но не код.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОЙ КОСМОЛОГИИ

А. В. НЕСТЕРУК

В докладе обсуждается, как современная космология вносит вклад в экспликацию вечных проблем философии, связанных со смыслом существования мира и человека. Развивается положение, что смысл современной космологии состоит в том, что она вносит вклад в нескончаемую герменевтику мироздания, восходящую своими корнями к древним мифологиям и античной

философии. Обосновывается тезис о том, что космологическое исследование связано с экзистенциальной потребностью человека объяснить смысл своего положения во вселенной. Проводится экспликация тезиса о невозможности разрыва связи между субъектом и объектом в познании вселенной в целом, и развивается интуиция о взаимной дополнительности космологии и антропологии. Показывается, что космологии присущи черты гуманитарных наук, так что четкая онтологическая установка на природу вселенной не может быть осуществлена. Обосновывается, что неявной методологией теоретической космологии ранней вселенной, а также представлений об ее целостности служат когерентные теории эпистемологического обоснования. Как следствие, демонстрируется актуальность кантовской критики рациональной идеи вселенной в контексте современной космологии и исследуется, как современные модели возникновения вселенной пытаются преодолеть кантовскую антиномию о начале времени и мира с позиций учения Канта о телеологической способности суждения, вскрывая скрытую формальную целесообразность, присущую теориям объяснения происхождения Вселенной. Обосновывается тезис о том, что представление о Вселенной в целом, так же как и представление об исходном основании Вселенной («Большом взрыве»), является телосом (целью) космологического исследования. Предлагается феноменологическая интерпретация диалога между космологией и богословием.

ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ПРИВИВКА И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

И. В. ОЛЕЙНИК

Сближение дискурсов естествознания и социогуманитарных наук в неклассический и постнеклассический периоды развития науки и философии актуализирует такой значимый для современной науки феномен, как парадигмальная прививка. Именно механизм проекции научной методологии на сферу социальной реальности и принципов ее познания порождает новаторские и перспективные с точки зрения прогностического потенциала идеи в области современной социальной философии.

В работе «Теоретическое знание» В. С. Стёпин говорит о механизме парадигмальной прививки как об альтернативе научной революции. Он отмечает: «Научные революции возможны не только как результат внутридисциплинарного развития... Они возможны также благодаря междисциплинарным взаимодействиям, основанным на «парадигмальных прививках» – переносе представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую» [1, с. 51]. О парадигмальных прививках можно говорить лишь в контексте дисциплинарно оформленного естествознания и институализированных наук социогуманитарного блока. Ситуация конца XVIII – начала XIX в. привела к становлению дисциплинарного естествознания, что способствовало революционным изменениям в науке,

перестройке ее оснований, появлению новых форм ее институциональной организации и функций. Истоки сближения естественнонаучного и социогуманитарного дискурса заключены в той, казалось бы, далекой революции, в ходе которой механическая парадигма проецировалась на область социального познания и претерпевала в результате этого определенные модификации, которые означали разрыв с принципами механицизма. Впервые подобную проекцию можно заметить у О. Конта, для которого общество предстает сложнейшим объектом в ведомстве социальной физики, фундаментальной характеристикой которого является историческое развитие. Результатом подобных процессов станут трансдисциплинарные формы исследования, которые основываются на следующих постулатах:

1) существует несколько уровней реальности, каждый из них исследуется отдельной дисциплиной; реальность фрагментарна, а трансдисциплинарная стратегия стремится объять эти уровни одновременно, перешагивая границы конкретных дисциплин;

2) предпочтительна логика включенного третьего (трансдисциплинарность не противопоставляет, а объединяет по принципу дополнительности то, что рассматривалось как противоположное);

3) реальность сложно организована; трансдисциплинарность видится как необходимая стратегия синтеза автономных сфер знания о мире природной и социальной реальности [2, с. 194].

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин // Электронная библиотека по философии [Электронный ресурс]. – Москва, 1999. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/phil/library/stepin/theoretical_knowledge.pdf. – Дата доступа: 18.06.2017.

2. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестник ТГПУ. Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках. – 2011. – № 10. – С. 193–201.

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Р. В. ОНУФРИЙЧИК

Проблема реальности как проблема научная и философская возникает в различных модификациях на разных этапах исторического развития человечества. На наш взгляд, речь сегодня не идет о построении какой-либо единой теории – скорее требуется выявить тот набор смыслов, который несет в себе рассматриваемое понятие. Развитие науки неожиданным образом уточнило правило единства реальности с учетом существования в ней отдельных (резко отличающихся по содержанию и методике изучения явлений) пластов, в пределах которых замыкаются научно установленные факты. Речь идет о так называемых «квантовых ступеньках» Вайскопфа. Считается, что в строго определенных диапазонах энергий существуют замкнутые уровни структурно однообразных явлений, отделенных друг от друга энергетическими

порогами, которые образуют энергетическую иерархическую глобальную структуру Вселенной. Согласно метафоризованной онтологии квантовой лестницы Вселенной сама пирамида физических теорий подвергается трансформации. Поскольку от бесконечного разнообразия природных явлений, которые доступны для описания средствами классической физики, мы движемся к математически абстрактным теориям, которые феноменологически непосредственно не связаны с чувственным макромиром. Наряду с внутренним «расслоением» физики изменяются ее отношения с другими науками. Здесь важно отметить, что неудачи тех, кто стремился создать универсальную теорию, в которой все феномены получили бы исчерпывающее объяснение, послужили причиной рождения множества научных онтологий. Каждая наука поспешила обзавестись своей собственной реальностью. К физической реальности прибавилась химическая, биологическая и т. д., а распространение методологических идеалов естествознания на комплекс социально-гуманитарных наук привело к появлению в языке исследователей таких концептов, как «историческая реальность», «лингвистическая реальность» и т. п. Обусловленная развитием науки, эта новая ситуация нуждалась в философском осмыслении и интерпретации. Философы с энтузиазмом взялись за создание моделей, которые могли бы объединить различные реальности в единое целое. Представление о целостной реальности предусматривает то, что нам необходимо рассматривать Вселенную как целое, характеризующееся бесконечной длительностью, началом и концом развития которого наблюдать нам не дано. Метафора, на которой настаивает современная философия науки, заключается в том, что реальность бесконечно разнообразна и одновременно единственна в своей целостности. Итак, сегодня философами науки предлагается модель многомерной целостной реальности, которая служит той теоретической конструкцией, в рамках которой может быть реализована предложенная метафора и с помощью которой мы и будем строить наше познание во всех областях науки. Появление этой концепции вызвано наличием основных установок современной науки: многомерности, многофакторности и целостности, которые следует рассматривать в контексте современных установок холистической философии науки.

КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА: ОПЫТНАЯ МЕТАФИЗИКА?

А. Ю. СЕВАЛЬНИКОВ

Название доклада может вызвать некоторое недоумение как с точки зрения философии, так и с точки зрения физики. По своему определению «метафизика» предполагает выход за пределы физического, указывает на некоторое трансцендентное начало. О каком опыте тогда вообще может идти речь? Однако если под метафизикой понимать «знание универсальных принципов, из которых выводится все остальное, включая среди всего прочего и то, с чем имеют дело самые разные науки», то открывается возможность проверки та-

ких принципов. Единственной теорией, где открывается такая возможность, является квантовая механика (КМ). Все эксперименты по проверке оснований квантовой механики указывают, что здесь работает концепция так называемого «квантового реализма». Подтверждается вывод, впервые сформулированный Эйнштейном с сотрудниками (1935 г.), что если квантовая механика полна, то операторы, соответствующие двум физическим величинам, которые не коммутируют, не могут одновременно быть реальными. Значительно позднее Уилер, рассматривая мысленный эксперимент с отложенным выбором, сформулировал основной урок КМ: «Никакое элементарное явление нельзя считать явлением, пока оно не наблюдалось». На данный момент все опыты по проверке фундаментальных оснований КМ однозначно указывают на то, что необходимо отказаться от концепции наивного реализма. До акта измерения мы не можем говорить об актуальном существовании квантовой частицы. Изменяется понимание существования; понятия актуального бытия недостаточно, необходимо вводить как минимум понятие бытия возможного, связанного с волновой функцией. Переходя к категории возможного, мы оказываемся в области модальной онтологии. Утверждение о том, что КМ требует модальной онтологии и введения возможного как онтологической категории, не является новым, и является, скорее, общепринятым. Есть одна тонкость, на которую ранее практически никто не обращал внимания. Связано это с тем, как именно может пониматься это возможное. Уже Гегель в «Философии природы», рассматривая природу как систему ступеней, тесно связанных у него с понятием потенции, критикует понятия эманации и эволюции как двух возможных способов развертывания потенции. Диалектика движения у Гегеля тесно связана с понятием отрицания, восходящая к онтологии Аристотеля. Возможное при таком подходе рассматривается как иное по отношению как к бытию актуальному, так и к категории необходимого. Возможное должно рассматриваться в рамках понятия отрицания, и даже скорее самоотрицания, что ведет к радикально иной оптике рассмотрения квантовых явлений. КМ при таком подходе эксплицирует основные черты как метафизики Аристотеля, так и диалектики Гегеля. Такой подход открывает прямой подход к пониманию и описанию с единых позиций понятий движения, становления, причинности и времени.

МЕТАФИЗИКА, МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА

А. Л. СИМАНОВ

Математически мы можем описать пространство и время во всех их проявлениях, построив соответствующие модели. Но далеко не всякую математическую модель пространства и времени можно обосновать физическими методами (эксперимент и наблюдение), найти для нее соответствующую, скажем так, «физическую реальность». В свою очередь, сам физический мир настолько удивителен и порой противоречит здравому смыслу, что требует разработки и использования все новых и не менее «странных» математических представ-

лений, также противоречащих привычной для нас схеме видения и понимания мира, основанной прежде всего на том же самом здоровом смысле. И в том, и в другом случае именно это «несоответствие» заставляет нас обращаться к философскому осмыслению познания, так как именно философия, выступая мировоззрением и общей методологией познания, накладывается (вольно или невольно) «матрицей» на сознание естествоиспытателя, определяя его стиль мышления, методологию и специфицируя само обобщение результатов исследования.

Взаимодействие философии с конкретной наукой в процессе познания объектов, особенно таких фундаментальных, как пространство и время, является общепризнанным. Но специфика этих объектов исследования такова, что вынуждает (явно или неявно) использовать метафизические подходы и представления, поскольку как прямых, так опосредованных в той или иной степени эмпирических оснований для выбора какой-либо модели пространства и времени очевидно мало. Особенно это касается проблем выявления физической природы и сущности пространства и времени, в то время как математическое моделирование предоставляет нам (с разной степенью приближения) вполне удовлетворительные, внутренне логически непротиворечивые описания пространства и времени, точнее, их математические модели, соответствующие решаемым на том или ином этапе развития исследований задачам. В итоге выбор математической модели определяется соображениями, связанными с условиями задачи, но сама задача, ее постановка и варианты решения определяются фундаментальным образом метафизическими идеями, представлениями, соображениями.

Именно в данном случае далеко не всегда осознанные, осмысленные, но формируемые всеми процессами обучения ученого и его научной деятельностью методологические возможности философии вместе с методологическими возможностями самих теорий позволяют выдвигать (в случае недостаточной эмпирической базы) такие метафизические гипотезы, которые в ходе развития научного познания могут эволюционировать в научные гипотезы, предполагающие возможности если не непосредственного, то хотя бы опосредованного эмпирического обоснования. Это означает возможность выводимости конкретно-научных теорий на основе математических идей из умозрительного, метафизического истолкования природы.

АПОКАЛИПСИС В ФИЛОСОФСКОМ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ КОНТЕКСТЕ

А. А. СКУРЛЯГИН

В настоящее время огромное внимание уделяется антропогенным глобальным рискам. Представления о них в большой степени сходны с описаниями бедствий и катастроф, представленных в «Апокалипсисе». В докладе обсуждаются глубокие аналогии, между символьным (религиозным) и научным (естественнонаучным, философским, историческим) описанием подобных ри-

сков, обсуждаются их системные и естественнонаучные причины, формулируются проблемы и гипотезы.

Наука более 50 лет занимается изучением феномена эволюционной сингулярности, который в синергетике называют бифуркацией, то есть переходным процессом глобальной социальной системы к иному режиму бытия. Стало очевидным, что Апокалипсис, в своей сокровенной сути, описывает ту же бифуркацию, но на языке символов, смысл которых богословие 2000 лет рассматривало как проблемные аномалии.

С использованием эвристического потенциала синергетики дана (в достаточной степени убедительная) системная интерпретация этим проблемным аномалиям.

Вниманию конгресса предлагается математическая модель квазиустойчивости глобальной социально-экономической системы, демонстрирующая ее уязвимость от ряда критически важных факторов, описание которых в символическом виде дано в Апокалипсисе.

Известно, что в переходных фазах догмы этики или заповеди встают перед каждым человеком особенно остро, ибо ответственность каждого за сделанный выбор неизмеримо возрастает. Пассивность человека в такое время аморальна. Поэтому тема страшного суда особо актуальна в периоды бифуркации. То, что эта тема наиболее полно отражена именно в Апокалипсисе, видимо, не является случайным совпадением.

МЕТОДОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ («WOMEN'S STUDIES»)

А. П. СОЛОВЕЙ

В научной литературе можно встретить различные трактовки «women's studies»: от исследований, осуществляемых женщинами по женской проблематике, т. е. изучения женщин с точки зрения женщин, до изучения проблем угнетения женщин. Так или иначе, целью женских исследований является углубленное понимание общественной роли женщин в истории и современном мире, а также оценка их вклада в развитие человечества. Женские исследования характеризуются возможностью показать различия между мужчинами и женщинами, выявлением информации о женщинах для дальнейшего фундаментального теоретического анализа.

Следует разграничить такие понятия, как «гендерные исследования» и «женские исследования», которые зачастую употребляются как синонимы. Данные понятия выступают как отдельные самостоятельные исследования, которые имеют различные объект и предмет изучения, но общий методологический подход.

Гендерные исследования зародились в рамках женских исследований, специфика которых заключается в том, что они включают в себя не только «women's studies» («женские исследования»), но и «men's studies» («мужские исследования»).

В рамках женских исследований гендер понимается как субъективность, как идеологический конструкт, как набор отношений (сеть), как технология (процесс). Женские исследования в социологии в основном проводят женщины в отношении женщин. Так как исследование с точки зрения субъекта помогает достигнуть более полного понимания взглядов исследуемого. Гендерные исследования сконцентрированы на изучении различия и сходства полов, женские исследования сфокусированы исключительно на проблемах, связанных с женщинами.

Женские исследования чаще всего опираются на триангуляционный подход – сочетание и комбинирование множества методов количественных и качественных исследований, отдавая приоритет качественной методологии, что аргументируется необходимостью детального объяснения жизненного опыта. При использовании качественных методов широкое применение получил такой вид углубленного интервьюирования, как полуструктурированное интервью, в котором исследователь находится в ситуации неформального обмена информацией, что способствует выявлению мыслей, чувств, ценностей опрашиваемых женщин. Стоит сказать и о таких методах, как устная история, автобиографический и аксиобиографический методы. Особое место среди качественных методов занимают исследования культурных артефактов, в частности дневников, которые позволяют осуществить анализ личного жизненного опыта женщин.

Таким образом, методология женских исследований ориентирована на личную включенность познающего субъекта в исследовательский процесс. Это способствует упразднению между познающим и познаваемым и нивелированию эффекта навязывания исследователем своей позиции и повышает роль исследуемых в процессе производства знания. Тем самым позволяет осуществить анализ жизненного опыта женщин, феноменов ее самопрезентации и культурной самоидентификации.

РАЗМЕРНОСТЬ ФИЛОСОФИИ НЕБЫТИЯ

Н. М. СОЛОДУХО

Под «философией небытия» можно понимать несколько исследовательских подходов, в которых открываются различные размерности философии небытия.

Малый масштаб – изучение категории «небытие» и связанной с ней категории «ничто» так же, как это осуществляется относительно любой философской категории: бытия, материи, качества, меры и пр. Тогда возможно говорить о философии бытия (в узком смысле), как и о философии материи, качества или меры.

Несколько иной ракурс философии небытия обнаруживается, когда ее рассматривают в качестве значимой части в составе онтологии. В этом случае «небытие» обычно понимается как неравноправная с бытием категория – производная от «бытия» категория, как дополнительная, сопровождающая харак-

теристика бытия. Другой вариант – «небытие» и «бытие» выступают как диалектическая пара, как онтологически равноправные категории. Формально такой подход применялся в монографии автора «Философия небытия» (Казань, 2002). Но в этой работе есть и начала другого отношения к философии небытия.

Этот другой подход в понимании «философии небытия» разводит небытие и бытие по разным разделам философского знания, делает их центральными в различных философских учениях, в меру возможности противопоставить и соотнести между собой онтологию и метафизику. Тогда «бытие» – центральная категория учения о сущем, то есть онтологии в ее классическом философском понимании, в традиции, идущей от Парменида, в духе Гегеля или Гартмана. А категория «небытие» становится центральной категорией метафизики как учения о сверхчувственных основаниях мира, об основаниях бытия, выходящих за его пределы. Это уже ближе к Хайдеггеру.

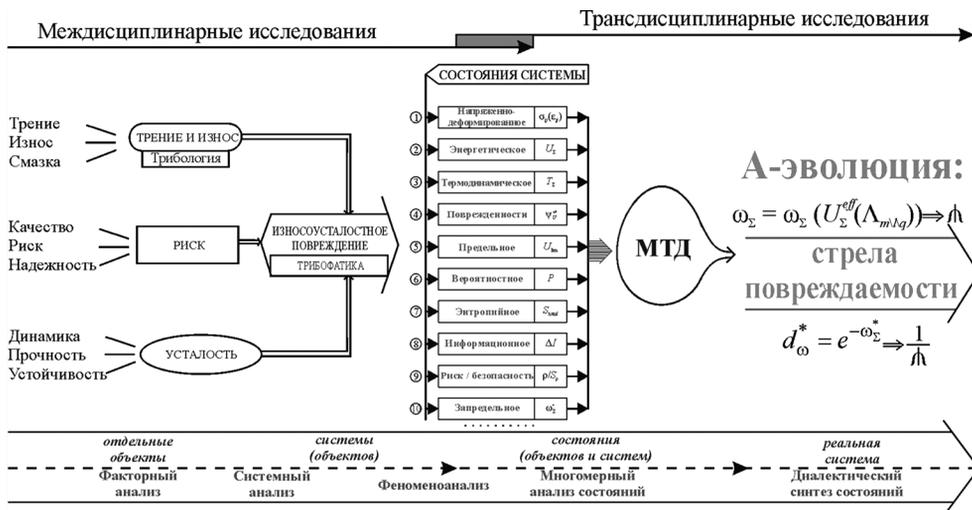
Но возможен и совсем иной подход – крупномасштабный, рассматривающий философию небытия как особое направление нетрадиционного философствования, отличного от философии бытия, в орбиту которой включены различные бытийные проблемы. Тогда и «Философия небытия» – это область разнообразных философских проблем небытийного подхода к действительности с категорией небытия в структуре других категорий. Это философское учение, дающее понимание мира в целом с позиции толкования небытия, ее роли в мире и познании. Здесь должна быть своя «онтология», «гносеология», «логика», своя «аксиология» и т. п. Это то, что поначалу отторгается даже как «не философия». Это «параллельная философия».

От такой трактовки философии небытия один шаг до эзотерических представлений о небытии. А далее возможен разговор и о действительно не философском значении небытия, скажем, теоретическом теологическом или обыденном – религиозном.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СИНТЕЗ В ТРИБОФАТИКЕ И МЕХАНОТЕРМОДИНАМИКЕ

Л. А. СОСНОВСКИЙ, С. С. ЩЕРБАКОВ

В прошлом веке во многих странах проведен большой комплекс *междисциплинарных* исследований, базовой основой которых служили сначала *факторный*, а затем и *системный* анализ. На рисунке показан один из частных случаев такого анализа в области *технических наук*, он завершился к началу века созданием *трибофатики*, нового и перспективного раздела механики (как это отметил академик РАН и АНБ К. В. Фролов, вице президент РАН). Дальнейшее развитие получили междисциплинарные исследования, которые базируются на *многомерном анализе состояний* весьма сложных систем. И здесь особое значение приобретает *феноменоанализ*, т. е. *взаимовлияние*

ФЕНОМЕНОАНАЛИЗ: *Исследование закономерностей и анализ результатов диалектического взаимодействия и взаимного влияния различных явлений как в природе, так и в сообществе людей*

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ: *представление множества событий, состояний, процессов, ситуаций (в природе либо обществе) как единого и взаимообусловленного совокупностью явлений обобщенного целого с характерными интегральными свойствами и функциями*

Путь к А-эволюции реальных систем: от трибофатики через механотермодинамику

и взаимодействие явлений, характерных для развития указанных систем. На его базе была, в частности, создана новая физическая дисциплина – механотермодинамика (МТД). Переход к исследованиям реальных систем приводит к необходимости диалектического синтеза их состояний (см. рисунок). Один из примеров такого синтеза – разработка обобщенной теории А-эволюции органических и неорганических систем.

В докладе более подробно излагаются основы феноменоанализа и диалектического синтеза.

К ПОСТРОЕНИЮ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ НЕОРГАНИЧЕСКИХ И ОРГАНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Л. А. СОСНОВСКИЙ, С. С. ЩЕРБАКОВ, А. А. ЛАЗАРЕВИЧ

Более 150 лет (1850–2000 гг.) в рамках механики и термодинамики разрабатывается теория эволюции мира. Теория эволюции, построенная в термодинамике, оказалась, по современным представлениям, неудовлетворительной: она прогнозирует грядущую тепловую смерть Вселенной, а к настоящему времени ученые осознали, что таковой не будет. В механике, как принято считать, общую теорию эволюции систем разработать не удалось, потому что в ее уравнениях не различается прошлое и будущее: они одинаково работают при замене времени $+t$ (будущее) на $-t$ (прошлое).

В начале нашего века в *трибофатике* была поставлена задача объединения двух великих конкурентов, чтобы более адекватно описать некоторые основные проблемы эволюционного развития мира, используя фундаментальные представления *философии* и, в частности, всеобщие (качественные) законы диалектики. Эта задача в первом приближении решена при рождении новой физической дисциплины – *механотермодинамики*. Такое случилось, когда были построены *два теоретических «мостика»*. Один – это *трибофатическая энтропия*, которая проложила путь от термодинамики к механике. Другой – это данное в трибофатике фундаментальное представление о *необратимой повреждаемости всего сущего*, которое «вымостило дорогу» от механики к термодинамике.

Эту дорогу пронизывают *диалектические* Λ -взаимодействия между повреждениями, обусловленными нагрузками разной природы (механической, термодинамической, электрохимической и др.), и характерными составляющими энтропии (термодинамической, трибофатической, химической и др.). *Механотермодинамическая мультисистема* как типичная и важнейшая *компонента реального мира* и ее эволюция становятся, таким образом, объектами для трансдисциплинарного изучения в *естествознании* и требуют *философского осмысления*.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ФИЛОСОФИИ

А. А. СПЕКТОР

Развитие фундаментальной науки как элемента социокультурной системы прошло через несколько периодов, соответствующих доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эрам. На этапе протонауки, классическом, неклассическом и постнеклассическом этапах ее социокультурная ниша постоянно менялась [1]. Менялась и ее структура. Если в древности имел место синкретизм философии и науки, то в дальнейшем произошла дифференциация наук. Более того, возникло разделение самой науки на прикладную и фундаментальную.

Наука, техника, образование и производство прошли путь от синкретичности к дифференциации, а затем к интеграции и взаимной синергии. Однако при этом наука оказалась в парадоксальной ситуации. Социокультурная ниша науки, став чрезвычайно широкой, стала пересекаться с социокультурной нишей техники. В результате к науке стали предъявлять те же требования, что и к технике – требования быстрого практического выхода [2].

Но если прикладная наука в основном отвечает этим требованиям, то с фундаментальной дело обстоит гораздо сложнее. В развитии базисных форм

культуры фундаментальная наука всегда играла роль основного интеллектуального ресурса, иными словами – фундировала прикладную науку, технику, технологию и производство, а также образование.

Сциентизация культуры, гуманитаризация, технологизация, технизация, а также коммерциализация науки создает проблемы для фундаментальной науки, требуя от нее быстрого практического выхода.

Знания, которые производит и накапливает фундаментальная наука, могут показаться избыточными. Но избыточность существует также и в природе. Можно привести такой пример, как вырожденность генетического кода. Следовательно, избыточность знаний оказывается полезной в настоящем и в будущем и служит основой для инноваций.

Избыточность знаний в науке является также основой для появления новых научных дисциплин и новых наук.

В настоящее время, на постнеклассическом этапе развития науки новые научные дисциплины неразрывно связаны с такими явлениями, как междисциплинарность и трансдисциплинарность. Особенно высок меж- и трансдисциплинарный потенциал у биологии. Но еще больший подобный потенциал имеет философия, которая может служить мостиком между различными науками, в том числе между естественными и гуманитарными, и играть объединяющую роль. Однако для этого необходимо привлечь как образовательные, так и технические ресурсы.

Литература и источники

1. Кравец, А. С. Социокультурная ниша науки / А. С. Кравец // Физика в системе культуры. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 5–20.
2. Старжинский, В. П., Спектор, А. А. Фундаментальная наука в социокультурном измерении / В. П. Старжинский, А. А. Спектор // Ученые записки УО «ВГУ им П. М. Машерова», 2012. – Т. 13. – С. 95–102.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК НОВАЦИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. П. СТАРЖИНСКИЙ, В. В. ЦЕПКАЛО

Трансдисциплинарность (ТД) – проявление глобализации в науке, новация в культуре, репрезентирующая постнеклассический этап развития и конструктивную методологию. ТД – выражение смены ориентаций в науке с аналитики как доминирующего подхода на синтез знания и философско-методологические установки, конституирующие целостность и гармонию мира как очеловеченной среды. Трансдисциплинарный подход не отрицает классический, дисциплинарный и использует его в инструментальной функции. Как междисциплинарность (МД), так и ТД представляют собой синтез знания, реализующий себя прежде всего в деятельности – когнитивной и материальной соответственно. МД – основан на трансляции методов из одной дисциплины

в другую, применяется при решении пограничных проблем на стыке двух дисциплин и представляет собой симбиоз методов смежных наук. Метафорой МД может служить горизонтальное направление исследований. ТД – представляет собой вертикальное направление не просто исследований, а освоения мира, в том числе практико-ориентированного. ТД использует дисциплинарные методы как инструменты решения проблем. Все проблемы центрированы вокруг человека и способов освоения мира через удовлетворение материальных и духовных потребностей. Методология ТД подхода – конструктивная (КМ). В отличие от когнитивной методологии, которая регламентирует познавательную деятельность, КМ задает программу решения инновационно-практических проблем. Расширенная программа решения проблем, которая содержит в себе ресурсную поддержку, представляет собой Проектирование (с большой буквы). Проектирование как основной способ решения теоретико-практических проблем представляет собой инновационную деятельность или культуротворчество как способ производства артефактов, удовлетворяющих потребности человека. Основным инструментом МД являются идеализации и абстракции как способы репрезентации реальности в теоретических построениях. Основным инструментом ТД являются метафоры и аналогии как способы переноса смыслов, а также схемы и модели – нормативное знание, которое задает идеалы и нормы Проектирования. ТД предполагает трансформацию науки (особенно постнеклассической) в культуру, когда Проектирование задает идеалы и нормы развития науки. Цель (начало, проблема) – средства (ресурсы: когнитивные – методы и инструменты, людские, финансовые, инфраструктура) – результат (востребованный продукт, заказчик, коммерциализация, внедрение в практику). Эти нормы должны стать обязательными для отечественной науки. Одновременно необходимо государственно-частное партнерство и создание соответствующей инфраструктуры поддержки науки и инновационного предпринимательства (нормативно-правовая, налоговая, финансовая, образовательная, научно-исследовательская, создание инновационной среды в целом.) Практико-ориентированная наука развивается в системе стандартов результата-продукта и представляет собой технауку, не просто совокупность абстрактных научных результатов, а технологии, гарантирующие получение качественного продукта, востребованного потребителем.

НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕНАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Л. Б. СУЛТАНОВА

Представляется, что концепция реально работающего современного критерия научности не может быть выработана без обращения к проблеме неявного знания. Общенаучная проблема неявного знания ставится как проблема экспликации элементов неявного знания в науке, что означает и постановку проблемы выяснения взаимосвязей явного и неявного знания. Феномен неяв-

ного знания в науке заключается в том, что невозможно зафиксировать в научно-теоретическом обосновании абсолютно все опорные утверждения, что требуется в соответствии с классическим пониманием научности. Некоторые такие утверждения представляются нашему мышлению очевидными настолько, что в процессе познания наше внимание «скользит» мимо них, не фиксируясь. При обосновании нового научного знания зачастую выясняется, что эти неявные утверждения не столь очевидны и требуют доказательства. В математике не существует рационального алгоритма выявления таких утверждений, хотя их обоснование способствует общему повышению уровня теоретической строгости в математике [1, с. 110–111]. М. Полани отвечает на вопрос о возможности эволюции неявного знания в явное отрицательно, ссылаясь на неспецифицируемость как на основное свойство неявного знания. Только базовые онтогносеологические неявные предпосылки не поддаются экспликации, а интерсубъективность нового знания в целом достигается в результате его исторического обоснования, возможно вследствие диалектики явного и неявного знания, например, для неявных лемм.

Это означает, что только с учетом роли неявного знания может быть выработан адекватный критерий истинности научного знания. Наличие неявных элементов в научной теории позволяет ей в перспективе продвигаться в направлении исследования «скрытой реальности», не вписывающейся в действующую научную картину мира. Именно такая, прошедшая проверку временем, научная теория и может быть названа объективно истинным знанием. Именно таков реальный исторический критерий истинности научного знания с точки зрения реальной истории развития науки. Научные теории могут «выжить» или «не выжить» в неизбежном столкновении с реальностью – но только в таком столкновении и заключается смысл научного познания [2]. Представляется, что критерий «выживания» научных теорий по К. Попперу необходимо принимать именно с учетом этих выводов. Только тогда этот критерий научности будет иметь смысл и сможет реально работать в рамках современной общенаучной картины мира.

Литература и источники

1. Султанова, Л. Б. Роль неявных предпосылок в историческом обосновании математического знания / Л. Б. Султанова // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 102–115.
2. Султанова, Л. Б. Роль неявных элементов знания в развитии науки / Л. Б. Султанова // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – С. 141–159.

РЕЛЯТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ГРАНИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

С. Л. ТЕРЕНЯ

Маркетизация современного общества во многом обусловила процесс дискредитации социогуманитарного знания, которое теряет убедительность в качестве жизненно востребованной духовной силы и зачастую воспринимается как знание второсортное, в силу того, что оно не приносит прямой коммерческой выгоды и отчасти скомпрометировано близостью к «досуговым» формам практики. Конститутивная для современного социогуманитарного познания проблема собственной значимости стимулирует критические дискуссии о специфике социогуманитарного знания, объективности его исследований и результатов.

Произошедший в XX веке переход от философии сознания к философии языка обосновал конститутивную роль языка/концептуальных каркасов в конструировании представлений о мире. В такой ситуации релятивизм как признание относительности, условности знания, равноценности всех форм знания кажется неизбежным, но в то же время недопустимым ввиду отказа от фундаментальных научных ценностей, таких как ориентация на поиск истины, научной рациональности и возможности критической дискуссии. Разрешить данное противоречие позволяет выделение сильного и слабого вариантов релятивистской установки.

Сильный вариант, абсолютизируя несоизмеримость, равнозначность и замкнутость любых систем, приводит к признанию невозможности любого диалога, совместного действия, ответственного принятия решения. Это «релятивистский тупик», как бесперспективный, так и недопустимый с моральной и интеллектуальной точки зрения.

Слабый вариант переходит от констатации соотнесенности познания с определенным языком/каркасом к разработке того, каким образом все-таки осуществляется исследование в этих условиях. Факторы индивидуальности (групповой, политической, исторической, личностной) становятся ресурсами интерпретации: объективное исследование имманентно включает субъективность исследователя, ценностные факторы входят в состав объясняющих положений. Противовесом субъективному произволу и идеологической инструментализации должно стать помещение социогуманитарного знания в координаты морального рассуждения. Объективность исследования задается следующими особыми требованиями к качествам исследователя. Во-первых, субъективной ориентацией («строгая самодисциплина» и «мужество») на поиск истины, при которой отстаивание своей позиции при признании ее интерпретативного характера предполагает этическую ответственность исследователя за произведенные смыслы. Качество репрезентации соотносится с тем, насколько она хороша, чтобы думать с ее помощью и использовать для действия.

Во-вторых, включением в традицию образования. Социогуманитарное знание отличает от мнения способ производства: наличие концепций, методов, которые не гарантируют привилегированный доступ к реальности, но позволяют отойти от «само собой разумеющегося» с целью увидеть новые возможности быть человеком. В-третьих, открытостью для критического диалога, сочетающего уважение к иным позициям с признанием их открытости взаимному изменению и воплощению.

О ЛОГИКЕ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИКИ И ЕЕ МЕСТЕ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

А. В. ТИТОВ

Возникшее в новое время разнообразие направлений, как в чистой математике, так и методах математического моделирования, ставит вопрос о поисках единой основы всего этого разнообразия, тем более что потребности моделирования все более сложных объектов привели к появлению тезиса о необходимости «новой», или «другой» математики.

В «Науке логики» [1] Гегель предлагает метод, который по его словам единственно способен сделать логику чистой наукой. Метод, предлагаемый Гегелем, предполагает, что форма, которую может обрести та или иная определенность, имея в самой себе отрицание, снимает себя и тем самым переходит в более высокую форму, в которой исходная обретает роль «момента».

Там же Гегель отмечает, что чистая математика имеет свой метод, и далее, что многие (Спиноза, Вольф) «впали в соблазн» применить его к философии, что, по его мнению, приводит к противоречию.

Следует отметить, что критика Гегеля направлена не на саму математику, а на желание распространить метод, используемый в математике, на логику.

Неприятие Гегелем такого подхода связано в первую очередь с тем, что математика рассматривалась им как наука о лишенных понятия количества. Таким образом, Гегель обоснованно предостерегает от переноса ее метода в область философии.

Однако за прошедшее время математика претерпела существенные изменения. Математика в ее современном виде вряд ли может рассматриваться только как наука о числах и тем более о количествах. Да и само понятие числа претерпело значительные изменения.

То, что математика вышла за границы «науки о числе» и занимается, по выражению Шафаревича, и «числоподобными структурами», что расширяет само представление о числах, что в своем выходе за указанные рамки она занимается и другими объектами, все это позволяет говорить о ее диалектическом развитии.

Это позволяет с единой точки зрения анализировать упомянутый вопрос о «новой математике», который в последнее время все чаще поднимается, причем,

как правило, в том смысле, что она должна прийти на смену традиционной с практически полным отрицанием ее методов и понятий.

В развитии самой математики можно проследить моменты развития с признаками самообновления, выхода за имеющиеся границы. В связи с приложениями возникают направления, которые не соответствуют критериям строгости, принятым в математике. К таким направлениям, в частности, можно отнести теорию нечетких множеств, эвристические методы.

Нарастающее разнообразие направлений в математике, их слабая связанность позволяют сделать вывод о том, что в самой математике назрела необходимость пересмотра ее методов, необходимость выработки метода, который позволил бы рассматривать ее развитие как саморазвитие в его необходимости. Т. е. все сводится не к необходимости новой математики, а к необходимости нового взгляда на развитие математики.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1997.

СПЕЦИФИКА ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Т. М. ТУЗОВА

Выявление указанной специфики предполагает сопоставление двух исходных методологических принципов анализа человеческого опыта: принципа свободы и принципа детерминизма. Второй, опираясь на образ человека как производного элемента более широкой системы факторов разного рода, позволяет выявить отношения обусловливания между ними. В современной гуманитаристике помимо понятий причины (основания, из которого нечто происходит, от которого зависит его бытие, состояние или действие) и следствия для определения этого типа связи используют также понятия системы, структуры, функции. Несмотря на существенные различия между причинно-следственным объяснением и структурно-функциональным анализом, в данном контексте их можно рассматривать в качестве принадлежащих «пакету» понятий детерминистского типа исследований человеческого опыта. Хотя смысл понятия детерминации в современной философии и науке претерпел существенные изменения, нелинейный тип детерминации, не связанный более с поиском внешней причины изменений познаваемой системы, вовсе еще не дает возможности на его основе ввести в структуру бытия (соответственно, в структуру теории и методологии) свободу в качестве бытийного и объясняющего принципа. А без этого субъективность лишена субъектности как способности инициировать движение элементов системы. В постмодернистских вариантах преодоления традиций мышления по правилам «внешней причины»

свобода как автономия оказывается исключенной, субъективность остается обусловленной структурами самоорганизующейся системы. Внутри этой системы нет места для автономного действия (мысли) человека. Субъект Делёза, попытайся он стать инициативным, самостоятельным, будет разорван динамизмами системы.

Детерминизм и свобода как фундаментальные методологические принципы социогуманитарного познания продолжают сохранять их принципиальную гетерономность. Все, что мы можем обнаружить в человеческом опыте с помощью и причинно-следственного, и структурно-функционального анализа, в равной мере представляет обусловленное, производное в этом опыте. Это – лишь эффект, будь-то эффект причинного ряда или эффект системных отношений. И в том, и в другом случаях человек задан как продукт обуславливающих факторами и структурами социально-экономического, социокультурного, телесного, языкового полей и др. Этот тип отношений структурирует, скрепляет дисциплинарные онтологии социогуманитарных наук. Из их картин мира исключена свобода в качестве автономной точки, полагающей собственное основание существования (действия) и развязывающей в мире новый ряд явлений и событий. И хотя в философии используются и свобода, и детерминизм как методологические принципы построения предметности, только первый из них специфицирует философскую картину мира. На его основе в структуре мира изначально задается и предусматривается возможность автономного свободного индивидуального акта. Именно из этой точки полагается онтологическая конституитивность сознания, самосознания и индивидуального акта.

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПОДХОД В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

А. Д. УРСУЛ, Т. А. УРСУЛ

Известно, что общественное сознание в принципе отстает от бытия, и это считалось одной из фундаментальных особенностей их взаимоотношения. Но в свете этой «аксиомы» как-то само собой получилось, что знания о прошлом заполнили почти все научно-образовательное пространство и даже то, что уместно было бы назвать «научно-образовательным временем». Осмыслению настоящего и происходящего досталось совсем немного, а будущему в силу сказанного выше – практически не нашлось достойного места в реальном исследовательском и образовательном процессе. В результате этого вся мировая наука и особенно образование предстают преимущественно в качестве консервативных социальных систем, которые не удовлетворяют потребностей современной жизни и, в основном, моделируют в существенно деформированном виде прошлое нашей цивилизации и ее науки.

Формирование сознания человека – причем такого сознания, которое может содействовать переходу к безопасному будущему, – оказалось тем самым

под угрозой. Отстающее от бытия сознание – это удел отдельного человека и всего мирового сообщества в модели неустойчивого развития. А другого пути перехода к будущему устойчивому развитию (УР), кроме как через «опережающее сознание», просто не существует. Необходимо сформировать сознание, опережающее бытие у «критического количества» населения планеты, без чего невозможен переход к УР. Это возможно сделать лишь с помощью науки и образования, которые повернут сознание отдельного индивида и подавляющего большинства населения планеты в сторону будущего, прежде всего в его нормативно-устойчивой и глобальной форме.

У науки, хотя и не в такой степени, как у образования, все же есть весьма существенные «привязанности» к прошлому. Ведь академическое сообщество во всем мире придерживается определенных критериев научности, научной рациональности и своих также уже устаревших ценностей, норм и стереотипов деятельности, «адекватных» в какой-то мере лишь для модели неустойчивого развития. Причем речь идет о самых фундаментальных принципах и основаниях научной деятельности и науки как одной из форм общественного сознания и важнейшей части культуры.

Ведь наука ищет знания в форме истин, а в будущем нет ни истин, ни фактов, однако есть какая-то информация, способствующая их прогнозированию и со временем появлению и освоению наукой и образованием. Будущее еще не подтверждено практикой, которая признана критерием истины, и не может столь же полноправно войти в науку. Как видим, если в науке, а затем и в образовании делается акцент на генерацию и освоение истинного знания, то акцент на прошлом оказывается вполне естественным и логичным. Информационное отставание (лаг) от жизни и от науки тем самым изначально было заложено в мировой научно-образовательный процесс. Изменение ситуации в «пользу будущего» потребует кардинальных трансформаций нашего понимания науки.

ЭЛЕМЕНТЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИ ФУНДИРОВАННОЙ МЕТАФИЗИКИ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУЩЕГО КАК СООБЩЕСТВА МОНАД

Д. Л. ЧЕРНЯК

Все реально существующее (т. е. существующее во времени) можно без остатка поделить на объекты (неодушевленные сущие) и субъекты (одушевленные или имеющие качество субъективности сущие). К субъектам в этом смысле относятся люди, животные и, возможно, растения. С точки зрения трансцендентальной феноменологии, существование субъектов абсолютно, а существование объектов относительно и производно от существования субъекта(-ов). Если исходить из того, что субъективность как качество присутствует только в сфере органического, тогда с точки зрения трансцендентальной феноменологии Вселенная не существовала до начала существования органической

жизни. Но этот вывод противоречит выводам эмпирической науки. Чтобы примирить выводы науки с результатами трансцендентально-феноменологического анализа, нужно или допустить, что качество субъективности присуще и неорганической природе, т. е. стать на точку зрения панпсихизма, или допустить, что основанием существования Вселенной является неданный нам в опыте (трансцендентный) субъект. В последнем случае Вселенная может мыслиться как интенциональный предмет воли этого субъекта.

Как известно, сущее трактуется Гуссерлем как сообщество монад. При этом отношение человеческих (как и животных) монад к миру рецептивно: мы его воспринимаем. В этой концепции Гуссерля остается неясным, почему мы вообще воспринимаем мир и почему мы воспринимаем его именно таким. Реалистическая философия ответила бы, что это происходит потому, что физический мир существует сам по себе и причинно воздействует на наши органы чувств. Для трансцендентально-идеалистической феноменологии такой ответ неприемлем, поскольку с ее точки зрения мир сам по себе существовать не может. Если для нее вообще возможно в каком-то смысле воздействие на субъект извне, то, надо полагать, только со стороны другого субъекта. Тогда то, что воспринимается как воздействие физического мира на субъект, в действительности должно быть воздействием чьей-то воли, внешним проявлением которой этот мир в этом случае является. Исходя из вышесказанного, в качестве субъекта этой воли может мыслиться мировая душа (панпсихизм) или трансцендентный субъект, постоянно созидающий (творящий и сохраняющий) этот мир (ср. с «порывом» в метафизике М. Шелера). Альтернативой тому и другому могла бы быть трактовка нас самих, человеческих и животных монад, как создателей Вселенной. Однако предположение, что мы сами бессознательно создаем Вселенную, которая, согласно данным эмпирической науки, простирается на миллиарды световых лет, представляется произвольным; к тому же данные науки указывают на то, что Вселенная существовала до появления органической жизни. Таким образом, представляется, что полное сообщество монад имплицитно должно включать в себя или мировую душу, или трансцендентного творца мира.

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Н. А. ШЕРГЕНГ

Исследование степени взаимного дистанцирования понятий «дух» и «система» составляет сегодня одну из основных задач развития классической философии. Ведь философия как форма самоопределения человека занята поиском не только новых источников существования, новых проблем, но и возобновления тех прерванных традиций, которые еще до конца не исчерпали своих эвристических и прогностических возможностей. Одной из них является

классическая традиция, которая нацелена на гармонию во взаимоотношениях между «системой» и «духом», на разрешение противоречия между все более усложняющимся социокультурным бытием и появлением привычки думать очень просто.

Важнейшими признаками классического мышления являются следующие: 1) поиск самоочевидных основоположений; 2) нахождение исходных фундаментальных принципов, доказывающих все иные утверждения; 3) опора на естественнонаучный разум; 4) ориентация на представление о достижимости абсолютно истинного знания, что в свою очередь предполагает в обществе существование некоего социально-этического инварианта (жизненной нормы).

Проведенное исследование соотношения понятий «трансцендентальный субъект» и «классическая философия» позволяет сделать вывод о том, что объем и содержание последней не сводится ни к чисто «трансцендентальной философии» с ее опорой на гносеологическое истолкование теоретико-познавательного или «трансцендентального субъекта», ни к одному только экзистенциальному способу философствования.

Классическая философия не должна игнорировать принцип трансцендентализма, но при этом следует учитывать и тот момент, что само понятие «трансцендентального субъекта» не лишено иррационального, а следовательно, и экзистенциального аспекта. Основное перспективное направление, которое исследователям предстоит, на наш взгляд, развивать в дальнейшем, заключается в осуществлении нового методологического поворота в сторону обнаружения глубинных мыслительных и мировоззренческих пластов «трансцендентального субъекта», выступающего в качестве важнейшего условия расширения горизонта теоретического и практического знания, условия движения этого знания к иной форме самообнаружения «Я».

ПОСТАНОВКА ПРЕДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ КАК ОСНОВА ДЛЯ СИНТЕЗА КОНКРЕТНО-НАУЧНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ ЗНАНИЙ

В. К. ЩЕРБИН

Наиболее характерной чертой современного общества является исключительно высокая роль в его жизни многочисленных экономических, политических, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь, препятствий, неопределенностей, неудач, структурных диспропорций, дисфункций и т. п. малоприятных явлений. Сам факт появления указанных негативных явлений обусловил постановку изучающими это общество представителями различных научных дисциплин (социальными философами и антропологами, социологами, социопсихологами, политологами, политэкономом и др.) ряда весьма специфических

проблем, которые в работах отечественных и зарубежных исследователей называются по-разному: фундаментальными научными проблемами (С. Г. Кара-Мурза), «трудными вопросами» (А. Азимов), психологическими проблемами (К. Г. Юнг), сложными проблемами (М. И. Демчук, А. Колесников, С. Сиренко, А. Т. Юркевич), экзистенциальными проблемами и вечными вопросами (В. Данченко), нравственными и этическими проблемами (Х. Лэйси, Б. Г. Юдин), мета-вопросами эпохи (Л. Млодинов), «проклятыми вопросами» (В. В. Михайлов, А. Г. Мясников), «висящими» вопросами (А. П. Дегтярев), принципал-агентскими проблемами (Р. С. Гринберг), предельными проблемами (В. Данченко, В. К. Щербин) и т. д.

В качестве обобщающего названия для указанного выше класса проблем, на наш взгляд, целесообразно использовать термин *предельные проблемы*. В пользу такого решения можно привести следующие аргументы.

1. Уже само содержание термина говорит о том, что обозначаемые им проблемы каким-то образом связаны с выходом за пределы соответствующих научных дисциплин или человеческого познания вообще, способствуя тем самым дальнейшему продвижению вперед переднего края науки или «фронттира» (термин В. Буша). Российский химик и философ А. А. Печенкин считает, что такие связанные с преодолением пределов познания проблемы следует относить к числу философских: «Поскольку обоснование какого-либо фрагмента знания, изучение его структуры и функций предполагает выход за пределы этого фрагмента, оно становится философской проблемой» [1, с. 8].

2. К числу философских относит предельные проблемы и украинский психолог В. Данченко: «*Экзистенциальные проблемы* – это лежащие на стыке философии и психологии «предельные» проблемы лично переживаемого существования человека, формулируемые обычно в таких вечных вопросах, как: *Кто я? Откуда я пришел и куда иду? Что мне делать и зачем? В чем смысл моей жизни?* Иными словами, это проблемы, возникающие в результате осознания или предчувствия человеком факта конечности, предела своего существования и поиска цели последнего, – «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» [2].

В качестве методологического базиса для рассмотрения предельных проблем в рамках различных научных дисциплин сегодня используются такие системы философских знаний, как синергетика, системология, феноменология, философия жизни и др.

Литература и источники

1. Печенкин, А. А. Введение / А. А. Печенкин // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд. – М., 1996. – С. 5–17.
2. Данченко, В. На подступах к Локайята Йоге (Эволюция сознания в документах: Часть вторая). / В. Данченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.psylib.org.ua/books/danch01/107/index.htm. – Дата доступа: 06.02.2017.

МОРФОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ЭВРИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ

И. Н. ЮДКИН-РИПУН

Восходящий к неоплатонизму и к наследию И. В. Гёте морфологический подход, объединяя традиции философии жизни и гумбольдтианства на основе биолингвистической аналогии, предполагает приоритет целостности (холизм), проявляющийся в интеграции текстов как самоорганизующихся систем. Универсальными свойствами текстов оказываются иерархичность, диссимметрия (в частности, между различными уровнями абстракции предикатов и субъектов) с анизотропией как ее особым проявлением, цикличность как воспроизведение замкнутых подсистем (в частности, синтагм, пропозициональных и лексических единиц), дистантные зависимости между элементами текста, определяющие общую перспективу и особенные аспекты этих элементов, неоднородность текста с его стратификацией. Они результируются в многомерности текста.

Морфологический анализ в эвристике (Ф. Цвикки), основанный на описании объекта через абстрактные атрибуты, использует свойство текстовой неполноты как условия когерентности (совместимости) его элементов описания, предполагая активность субъекта интерпретации. Морфологический подход предоставляет решение проблемы спонтанности и мотивировки (детерминации) текста как альтернативу первичности хаоса на основании недостижимости предельной рандомизации объектов. Спонтанные (немотивированные) события представляются как трансцендентные (в частности, театральные *deus ex machina*, чудо в миракле), а не хаотичные, что позволяет восстановить в правах категорию конфликта как источника текстовой интеграции. Проблема частей и целого, вытекающая из представлений о текстовой полноте, позволяет привлечь антитезы гармонии / дисгармонии и ритма / аритмии, предполагающие наличие меры. Обосновывается привлечение понятий морфизма (из алгебры) и морфога (из биологии), в частности, гоморфизма как основного свойства кодов (в том числе языковых), метаморфозы текстов и ароморфога (многофункциональности как источника абстрагирования).

Интерпретация представляется как основная форма существования текстов, а продуцирование текста – как предельный случай интерпретации, объектом которой является код. Предлагается общее понятие промежуточных транзитных текстов (например, писательских черновиков, театральных репетиций) как особого вида открытых форм, возникающих через опосредование в процессе интерпретации. Из опосредования как основы морфогенеза следует, что текст предполагает наличие медиума – имманентного тексту субъекта-интерпретатора, носителя и представителя целевой интенциональной нагрузки текста.

1.4. АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОГРАММЫ ИЗУЧЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОМПЛЕМЕНТАРНОЙ ЛОГИКИ

Л. Г. АНТИПЕНКО

1. В основе комплементарной логики лежит, с одной стороны, сформулированная Н. Бором идея дополнительности: *contraria sunt complementa*; с другой – фундаментальная онтология М. Хайдеггера. На этой основе проводится синтез экстенционального и интенционального аспектов современной математической логики. Синтез достигается посредством *привативного* перехода от экстенционального контекста логики к интенциональному (далее краткие выражения: экстенциональная и интенциональная логика). Привативный переход базируется на особой логической операции, названной Хайдеггером *привацией*.

2. Рассмотрение логики как логического исчисления начинается с постановки вопроса о том, надо ли в нем видеть исчисление понятий или исчисление предложений [1, с. 1–2]. Предпочтение отдается первому варианту, ибо он ближе к исчислению классов, которое опирается на *алгебру* логики, описанную в трудах Дж. Буля (1815–1864) и Э. Шрёдера (1841–1902). Алгебра логики дает основание тому, что исчисление понятий, исчисление классов (множеств) и исчисление предложений почти совпадают между собой. Совпадают в том смысле, что одна и та же алгебра интерпретируется трояким способом. А слово «почти» означает, что между ними все же имеется одно существенное несовпадение. Оно касается таких терминов, как *понятие* и *класс*. Классы отождествляются между собой по объему: если класс *a* имеет тот же объем, что и класс *b*, то *a* и *b* совпадают. Для понятия, выражаемого в логике одноместным предикатом, его значение зависит еще от его содержания или смысла. Обычно при определении интенциональной логики термины «содержание» и «смысл» используются как равноценные (не различаются). В комплементарной логике выделяется смысл понятия, который сводится к различию между единичным классом, содержащим объект *x*, и самим объектом *x*.

Чтобы освободить объект от объемной оболочки, в которой он функционирует в экстенциональной логике, как раз и используется логическая операция *привации*. Хайдеггер дает ей следующее определение: «Если мы нечто отрицаем так, что не просто исключаем, а скорее фиксируем в смысле недостачи, то такое отрицание называют *привацией* (*Privation*)» [2, с. 86]. Приваация,

примененная в отношении экстенциональной логики, вводит в логический оборот пустое множество, которое отличается *недостачей* индивидов (Образец применения приваации содержится в платоновском диалоге «Софист»: недостаха бытия, взятого не как целое, а как единое (единое во многом), приводит к ничто).

3. В интенциональной логике место множеств элементов занимают вероятностно-статистические ансамбли индивидов. Как целое такой ансамбль предстает в форме математического ожидания.

Литература и источники

1. Кутюра, Л. Алгебра логики (пер. с французского) / Л. Кутюра. – Одесса, 1909.
2. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары / М. Хайдеггер. – Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2012.

ПРАБЛЕМА ЁЗАЕМАДАЧЫНЕННЯЎ ТЁОРЫІ І ДОСВЕДУ Ё КАНТЁКСЦЕ СТАНАЎЛЕННЯ НАВУКІ СУЧАСНАГА ТЫПУ

А. І. БАБКО

Узнікненне навукі сучаснага тыпу, якое адбылося напачатку Новага часу, істотна трансфармавала і ўскладніла (у параўнанні з арыстоцэлеўскай навукай) узаемадачыненні структурных узроўняў пазнавальнай дзейнасці. Пэўны тэарэтычны сегмент навукі арыстоцэлеўскага тыпу (асабліва ў сярэднявечных паслядоўнікаў Стагірыта) знаходзіўся пад пільным філасофскім і тэалагічным кантролем. Іншыя тэарэтычныя яе аспекты былі строга і адназначна абумоўлены досведам. Арыстоцель надаваў ґрунтоўнае значэнне эмпірычным даследаванням; яго навуковыя пошукі пераканальна сведчаць пра гэта: эмпірычны іх складнік уражвае сістэматычнасцю, карпатлівасцю і выніковасцю. Як бы парадаксальна гэта ні гучала, аднак няўхільная і педантычная інтэнцыя Арыстоцеля не дапускаць у тэарэтычных пабудовах значных адхіленняў ад іх эмпірычнай асновы нярэдка прыводзіла яго да памылковых з сучаснага пункту гледжання вынікаў. Ён не прыняў, напрыклад, піфагарэйскую ідэю рухомай Зямлі і аддаў перавагу геацэнтрычнай і геастатычнай мадэлі Сусвету шмат у чым таму, што яна найлепш, на яго думку гледжання, стасавалася з досведам.

Навука сучаснага тыпу паўстала на ґрунце прынцыповага антыдагматызму: уласныя назіранні і эксперыменты, а не сведчанні знешніх аўтарытэтаў, разглядаліся ў яе абсягу як надзейны падмурак пазнавальнай дзейнасці. З іншага боку, яе стваральнікі паслядоўна выкарыстоўвалі матэматычныя метады тэарэтычнай апрацоўкі дасягнутых на эмпірычным узроўні вынікаў. Прыхільнасць да матэматычных працэдур і матэматычнай мовы запатрабавала

ад іх абстрагавацца ад якаснай разнастайнасці аб'ектаў пазнання як уяўнай і засяродзіцца на істотнай унутранай тоеснасці з'яў і працэсаў, што вывучаліся імі. Дадзены момант паспрыяў вызваленню тэорыі ад занадта жорсткага дыктату яе эмпірычнай асновы, што выразна выявілася, напрыклад, у актыўным ужыванні ў тэарэтычных пошуках метадаў ідэалізацыі і ўяўнага эксперыменту.

Такім чынам, сувязь тэарэтычнага і эмпірычнага ўзроўняў навуковага пазнання набывае ў Новы час гнуткі, рухомы характар. Разам з гэтым паўстала значна больш шырокая прастора для драматычных калізій паміж імі. Для апісання гэтых рухомах і часам драматычных ўзаемадачынненняў можна выкарыстаць (дастаткова гіпатэтычную, але вартую ўвагі) схему, што грунтуецца на аналогіі з тэарэтычнай канструкцыяй, на аснове якой здзяйсняўся марксісцкі аналіз гістарычнага развіцця грамадства. Эмпірычнае пазнанне выступае як найбольш дынамічны кампанент навукі. Менш рухомыя па сваім характары тэарэтычныя пабудовы ствараюць рамкі для яго развіцця і накіроўваюць яго ў пэўнае рэчышча. На пэўным этапе, аднак, згаданыя рамкі ператвараюцца ў перашкоду для далейшага разгортвання эмпірычных даследаванняў, што правакуе крызісную пазнавальную сітуацыю. У яе варунках асаблівае значэнне набываюць феномены метатэарэтычнага ўзроўню (своеасаблівай «надбудовы» ў сістэме навукі). Аднак з гэтым супярэчнасці вырашаюцца праз навуковую рэвалюцыю, у выніку якой ствараецца новая – спрыяльная для развіцця навукі – тэарэтычная (супер)структура.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ»

Н. Г. БАРАНЕЦ

В 1980-90-е годы в эпистемологических исследованиях возник термин «методологическое сознание». А. П. Огурцов вписал его в общепринятый тезаурус и применил в исследованиях по истории науки. Но, несмотря на новые открывающиеся возможности, эпистемологи почти не обратили на это понятие должного внимания. Укажу основные положения подхода Огурцова к анализу рефлексии ученых.

Методологическое сознание ученых направлено на осмысление логико-философских проблем собственной науки, на выявление основных путей и методов ее развития, на связи между ней и другими науками. В методологическом сознании ученых выделяются три уровня: философские концепции науки, конкретно-научная методология и представления ученых о развитии научного знания. Сами ученые редко интересуются философскими концепциями науки. Их рефлексия преимущественно направлена на систематизацию методов работы и на историю своей дисциплины. Рефлексия ученых помогает осмыслению регулятивов, определяющих систему предпочтений, которыми ученые руководствуются во время создания и оценки научного продукта.

Научная деятельность опирается на убежденность в реальности исследуемых объектов, в том, что они остаются одинаковыми во время исследований и независимы от ученого, не являются продуктом его фантазии и его личной конструкцией. Научный реализм сочетается с исследовательской установкой ученого на объективность, т. е. непредвзятость в анализе исследуемого объекта. Кроме того, в естественнонаучном знании большое значение имеет уверенность в том, что наблюдение и эксперимент играют решающую роль в признании или отбрасывании научных положений.

При анализе научной методологии следует прояснять то, как ученые осмысливали цели научного знания, возможность приложения его достижений, его дисциплинарную структуру, место своей дисциплины в составе научного знания, специфику методов научной дисциплины и ее методологические принципы. Но сами ученые обычно высказываются лишь об отдельных аспектах своей работы, что требует от исследователя реконструкции его идей через изучение его монографий, курсов лекций, публичных выступлений, частной переписки и воспоминаний о нем современников.

Методологическое сознание ученых формируется под воздействием реальных научных задач и поисков приемлемых способов их решения. Также важно воздействие на ученых стиля научного мышления, доктрин и принятых в научном сообществе идеалов и норм научной деятельности. Последние содержат представления об истинности, новизне, полезности научного знания и приемлемых способах его получения. Необходимо заметить, что современное понимание методов научного исследования сложилось в течение последнего столетия.

Возможно различие между тем, как ученый объясняет свою научную деятельность, и его реальной работой. Расхождение возникает при несоответствии осуществляемой практики сложившимся стандартам методологической интерпретации науки.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВИСТСКОЙ МЕТАДИГМЫ ПОЗНАНИЯ ЦВЕТА

О. В. БЕЛЬДИЙ

Неисчерпаемый интерес к цвету в самых разных отраслях науки подчеркивает значимость этого феномена в жизни человека. Немаловажную роль играет он и в контексте религиозной символики. Вопрос интерпретации религиозного цветосимвола является весомой частью не только познания другой культуры, но и самопознания.

Тема символики цвета в религии разрабатывалась в трудах В. Тернера, К. Леви-Стросса, А. Голан, Л. Н. Мироновой [2], Н. Серова и др.

Актуальность данного исследования объясняется недостаточностью глубокого и целостного анализа цвета в религии.

Ввиду заявленной проблемы, целесообразным будет обращение к философско-теоретическим выводам А. Исаева относительно рассмотрения феномена цвета в контексте бытия человека. Проанализировав весь спектр наук о цвете, ученый объединяет их в когнитивистскую метадигму познания цвета. В рамках этой метадигмы выделяются три парадигмы познания цвета: метафизическая, естественнонаучная и гуманитарная.

В русле гуманитарной парадигмы цвет рассматривается как феномен целостного субъективного восприятия человека, который живет в мире культуры как жизненно-смысловой (а не объективно-материальной) реальности. В силу содержательно-смысловой наполненности феномена цвета в методологических основаниях гуманитарной парадигмы лежит метод интерпретации – как смыслополагающая (наделение цветовых перцептов значениями) и смыслосчитывающая (установление, разъяснение скрытых значений-смыслов цветовых перцептов) процедуры истолкования «языка цвета» [1, с. 26].

А. Исаевым обозначаются следующие функции цвета: импрессивная, экспрессивная, символическая. Все три функции актуальны в контексте изучения темы значимости цвета в религии; интерпретации цветосимвола в религиозных верованиях и традициях; истолковании символики цвета в ритуальных практиках и религиозном опыте. Не ключевая, но важная роль цвета в религиозном ритуале объясняется также и физическими цветовыми параметрами, психофизическим и эмоциональным воздействием цвета на адепта.

Изучив материалы по религиозному изобразительному искусству (Ю. Рерих [3], П. Флоренский [4], М. ван дер Хорст и др.), по цветовой символике в архаических верованиях (В. Тернер, М. Элиаде, К. Леви-Строс и др.), по цвету в религиозном опыте (Д. Ареопагит, Э. Бенц, Говинда Анагарика и др.), приходим к заключению, что в символическом измерении религии обнаруживаются все три функции цвета (импрессивная, экспрессивная, символическая), которые взаимодействуют одновременно.

Литература и источники

1. Исаев, А. А. Феномен цвета в контексте бытия человека: опыт философского анализа: дис. ... канд. филос. н.: 09.00.01 / А. А. Исаев. – Магнитогорск, 2006.
2. Миронова, Л. Н. Поэзия гор. Заметки о живописи Николая Рериха / Л. Н. Миронова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mironovacolor.org/articles/article_07.
3. Рерих, Ю. Н. Тибетская живопись / Ю. Н. Рерих. – Самара: Агни, 2000.
4. Флоренский, П. Столп и утверждение истины (II) / П. Флоренский. – М.: Правда, 1990.

АРГУМЕНТ ОТ МОЛЧАНИЯ В ДИСКУССИЯХ О РЕЗУЛЬТАТАХ МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

М. А. БЕЛЯЕВ

Мысленный эксперимент предполагает, что, вообразив некое положение дел, можно сделать из этого выводы: либо о нем самом, либо о чем-то другом, но в связи с ним. Этот метод может давать прирост знания, как в науке, так и в философии. Но можно ли говорить о следствиях, если предлагается представить не наличие чего-либо, а отсутствие? Так, например, Чалмерс предлагает вообразить такое существо, у которого отсутствует феноменальный опыт (зомби), и формулирует далеко идущие метафизические выводы [1]. Возможен ли мысленный эксперимент, основанный на представимости отсутствия? Если да, то как вообще эта представимость достижима?

Если следовать доводам Маркуса, представимость отсутствия какого-либо события не достижима, поскольку на самом деле имеет место лишь отсутствие акта представления [2]. Мы представляем себе существо, физически и поведенчески тождественное нам, а когда дело доходит до феноменального опыта, наше воображение останавливается. Т. е. в данном случае эксперимент и соответствующее обоснование просто не состоялись. Этот довод заслуживает внимания и ему трудно что-то противопоставить напрямую.

Однако есть возможность косвенного возражения. В эпистемологии известен так называемый аргумент от молчания [3]. Он актуален для исторической науки, но имеет и общеполитическое значение. Звучит он так: если для какого-то события нет подтверждения, то при соблюдении некоторых условий это влечет подтверждение отсутствия данного события. В связи с этим возникает вопрос: можно ли перенести эту схему из плоскости исторических событий на продукты воображения, предположив, что отсутствие представимости влечет за собой представимость отсутствия? Если аналогия возможна, позиция Чалмерса легитимна.

Возможным доводом против подобной аналогии будет указание на то, что молчание в исторической науке имеет доказательную силу, только если автор не мог не обратить внимания на некое спорное событие и зафиксировать его. Когда мы формулируем это требование, мы исходим из некоей установки здравого смысла, подсказывающей нам, что люди при обычных условиях чаще замечают неординарные события, происходящие вокруг, нежели игнорируют их. Однако эта установка мало чем может помочь в разговорах о воображении, так как для него трудно отыскать соответствующее условие экстерналистского типа, исходящее из здравого смысла. Нет стандартных приемов воображения нестандартных объектов, так что никто не может с уверенностью сказать «всякий раз, когда я представляю себе зомби, я именно воображаю отсутствие у него феноменального опыта». В том же случае, если экстерналистские условия будут найдены, значимость доводов Чалмерса, безусловно, возрастет.

Литература и источники

1. Chalmers, D. Does conceivability entail possibility? / D. Chalmers. – Tamar S. Gendler & John Hawthorne (eds.), *Conceivability and Possibility*. Oxford Univ. Press, 2002.
2. Marcus, E. Why zombie are inconceivable / E. Marcus // *Australasian Journal of Philosophy*, 2004. – Vol. 82. – N 3.
3. McGrew, T. The Argument from Silence / T. McGrew // *Acta Analytica*. – 2014. – Vol. 29.

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ, НЕРАЦИОНАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЗНАНИИ

Н. С. БЕЛЯКОВ

Процесс познания является одним из атрибутов человеческой деятельности. Это сложный комплексный процесс, включающий в себя три основных уровня: иррациональное, нерациональное и рациональное.

Под иррациональным мы понимаем элементы познания, которые лежат за пределами *ratio*. Иррациональное в принципе невыразимо в логической и рациональной форме. В свою очередь, рациональное есть компонент познания, который представляет собой постижимое при помощи разума, то что может быть осмыслено и логически обосновано, вербализовано.

Уровни рационального и иррационального одновременно задействованы в процессе познания, поэтому возникает вопрос об их взаимодействии, переходе одного в другое, иррационального в рациональное, поскольку именно рациональное отвечает за логическую актуализацию познавательной деятельности. Подобный переход достигается при помощи нерационального. Нерациональное может быть охарактеризовано как потенциально рациональное. Оно представляет собой медиатор однонаправленного действия при переходе от иррационального к рациональному. Обратный переход от рационального к иррациональному невозможен. Нерациональное может быть актуализировано при помощи определенных мыслительных усилий субъекта. Таким образом, часть иррационального, трансформируясь посредством нерационального, может перейти в рациональное, а значит, его можно осмыслить, оно получает определенную логику и поддается вербализации.

При этом важно отметить, что свободного от иррационального рационального в принципе не существует. Вера, интуиция и иные формы иррационального являются неотъемлемыми спутниками любого знания. В то время как иррациональное является глубинным образованием и, в ряде случаев, может существовать обособленно, хотя при этом его практическая значимость для субъекта будет крайне низкой.

Познание включает в себя несколько видов: обыденно-житейское, мифологическое, религиозное, научное и философское, в каждом из которых можно выделить как иррациональное, так и рациональное начало. Из этого можно сделать вывод, что процесс познания универсален для всего человечества в целом.

Следует отметить, что ни один из способов познания мира не может быть назван единственно верным. Лишь вследствие того, что наука доминирует на современном этапе исторического развития, как ранее господствовала религия, а еще раньше мифология, научные изыскания считаются более истинными, чем, скажем, божественные откровения. Заслуживающие внимания результаты можно получить разнообразными способами: от научных экспериментов, до мистических практик.

Таким образом, можно подытожить, что познание есть целостный направленный процесс, в наиболее полном варианте реализации которого необходимо выделять иррациональный, нерациональный и рациональный уровни. Все они тесно связаны друг с другом и необходимы для получения полноценного знания.

РАЗРЕШИМ ЛИ ПАРАДОКС МЕНОНА ДЛЯ АРИСТОТЕЛЯ?

И. В. БЕРЕСТОВ

Доклад посвящен исследованию возможности для Аристотеля решить ту версию парадокса Менона, которая угрожает его проекту построения научного знания. Нами показано, что для реализации этого проекта необходимо обеспечить возможность поиска вида, о котором предварительно известно, что он подпадает под заданный род. Как мы установили, эта анализируемая нами далее версия Парадокса Менона отличается от той версии, которую он обсуждает в *Analitica Posteriora*, I, 1, тем, что в первой версии речь идет о поиске видов, которые, как мы показываем, достаточно естественно трактовать как абстрактные объекты в современной теории абстрактных объектов Э. Залты.

Мы доказываем, что холистический подход к объекту знания, вероятно, поддерживаемый Платоном и Спевсиппом, делает невозможным последовательное обретение знания, в том числе – о видах, подпадающих под заданный род. Однако, как мы показываем, у Аристотеля нет причин поддерживать холистический подход. Тем не менее нам удалось продемонстрировать, что поиск видов как абстрактных объектов сталкивается с другими трудностями. Во-первых, поиск такого абстрактного объекта, который кодирует родовое свойство, искать бессмысленно: он уже имеется именно таким, каким описан. Во-вторых, даже если бы было возможно искать такой абстрактный объект, то любой абстрактный объект, кодирующий какие угодно характеристики, если его характеристики дополнить поисковым условием, станет удовлетворять поисковому условию; это снова делает поиск бессмысленным. Это означает, что, если трактовать эйдос как абстрактный объект, то Парадокс Менона в той версии, которая действительно мешает Аристотелю – а именно, мешает поиску вида (эйдоса) заданного рода как абстрактного объекта, что, в свою очередь, препятствует проекту поиска и обретения научного знания через построение классификаций, – остается нерешенным даже при отбрасывании холистического допущения об объекте познания.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПЕРЦЕПТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК «ДЕМОНА МАКСВЕЛЛА»

И. М. БОЙКО, А. В. СЕВЕРИН, Г. В. ЛОСИК

1. Внешняя материальная среда, окружающая человека, многообразна и изменчива. Загадкой для науки остается то, почему на Земле возник и продолжается процесс, обратный возрастанию хаоса. Дж. Максвелл, чтобы объяснить способ повышения температуры материи в одном месте и понижения в другом – доказывает теоретически с помощью мысленного эксперимента, обозначаемого нами как «Демон-1», что для понижения энтропии нужно понятие *информации*.

Рассуждая аналогично, мы постулируем появление на планете «Демона-2», умеющего постепенно локализовать в разных пространствах химически одинаковые молекулы либо оптически одинаковые, кристаллически, кинематически похожие мелкие тельца, создавая из них более крупные тела. И в этом случае энтропия будет понижаться. Следовательно, без информационного компонента понижение энтропии материи невозможно. Демону нужно: а) уметь распознавать факт появления объекта-молекулы; б) знать информацию о скорости молекулы; в) знать местоположение мембраны.

Согласно нашей концепции, на Земле начал работать «демон», сквозь *информационную* мембрану которого мелкие частички, схожие по химическому, кристаллическому либо кинематическому свойству, начали группироваться в локальных местах пространства, образуя в том числе твердые скопления. В случае появления твердых объектов, на планете у «демона» возникает проблема их распознавания. Перед распознающей системой появляется проблема разделения «объект» и «фон». Это новая информационная задача, стоящая перед «демоном».

Наступает новый виток идеи «демона». У Максвелла – это «демон-измеритель», являющийся метрологически точным. В дальнейшем вдобавок к нему появляется «демон-распознаватель» («демон-Ψ»). Благодаря ему твердые сгустки материи, во-первых, не подвергаются обратному разрушению, во-вторых, с точки зрения нашего сегодняшнего сознания, приобретают «субъективный» мотив, т. е. смысл существования, цель сохраниться и «выжить», имея данную форму и вид. Именно в этом случае с информационной точки зрения «демон-Ψ» будет легко в дальнейшем распознавать физико-химический вид возникающих сгустков материи. «Демон-Ψ» становится информационной мембраной, позволяющей локализовать, «склеивать» однотипную твердую материю воедино. В результате прежде всего эта материя пропускается, «перекачивается» из сосуда «прошлое» в сосуд «будущее».

На планете могли возникнуть не один, а десять, двадцать новых «демонов» с десятью, двадцатью разными критериями нефизической близости физических тел. Однако оптимальным является накопление информации о не-

стабильном по форме объекте, если активно на него воздействовать и узнать закономерности его вариации. С вариативными объектами справлялся легче тот «Демон-Ψ», который их изучал с применением перцептивного действия.

Предлагаемый нами *кибернетический*, а не физико-химико-биологический критерий эволюции природы (оставить на планете только закономерное) означает «выжить ради того, чтобы узнать», а не наоборот, «узнать, чтобы выжить». Открытие новых закономерностей, научный поиск, риск – для человека является более важным мотивом, целью, нежели сама по себе материальная жизнь. Пассивно созерцать мир, существовать в нем подобно растениям, каким бы удобным, комфортным, предсказуемым ни было такое существование, – человеку недостаточно.

Перцептивные действия в широком гносеологическом значении имеют прямое отношение, согласно нашей гипотезе, к «демону Максвелла» и незримо управляют развитием цивилизации. Они обеспечивают на физико-химико-биологическом уровне реализацию некой кибернетической программы, информационного фильтра.

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАКУРСЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ КОНСТРУКТИВИЗМА

И. Э. ВАНСОВИЧ

В современном философском и научном дискурсе идентичность рассматривается как категория социально-гуманитарных наук, используемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Эксплицируя данное понятие, различные авторы зачастую представляют ее как состоящую из двух уровней: индивидуального и социального. Разумеется, что такая структура идентичности выглядит весьма условной, вместе с тем именно различие данных уровней отчетливо проявило себя в развертке проблемы конструирования идентичности в социальном конструктивизме.

Исходной идеей в истолковании феномена идентичности для представителей социального конструктивизма является идея о том, что индивид не рождается членом общества, им он становится. Следует отметить, что в данном утверждении просматривается отчетливая взаимосвязь между процессами социализации личности и формированием идентичности. И тогда, поскольку принято различать первичную и вторичную социализацию, весьма условно можно выделить два этапа в формировании и закреплении идентичности.

Первый этап формирования идентичности неразрывно связан с процессами первичной социализации. Во многом именно благодаря первичной социализации, которой индивид подвергается в детстве, он становится членом

общества. Важную роль в формировании идентичности на данном этапе играют так называемые «значимые другие» (родители, родственники, сверстники) и эмоциональный контакт с ними. Наличие эмоциональной привязанности к значимым другим делает возможным принятие ребенком как своих их установок и ролей, т. е. идентификацию. С течением времени в сознании индивида образ значимых других постепенно заменяется образом обобщенного Другого, т. е. отныне индивид идентифицирует себя не только с конкретными другими, но с обществом в целом, что позволяет утвердить самоидентификацию как стабильную и непрерывную. Стоит отметить, что на этапе первичной социализации проблем с идентификацией не возникает, поскольку ребенок не может самостоятельно выбрать значимых других.

Свое логическое продолжение процесс формирования и закрепления идентичности получает на следующем этапе – вторичной социализации, в рамках которой формирование идентичности сопрягается с интернализацией институциональных ролей, приобретением специфически-ролевого знания. На данном этапе значимые другие рассматриваются как институциональные функционеры, а не как посредники между ребенком и реальностью. Стоит отметить, что на данном этапе зачастую возникают проблемы с идентификацией, поскольку в силу «искусственного характера» вторичной социализации интернализируемая реальность является достаточно уязвимой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что индивидуальная идентичность в ракурсе исследовательской программы конструктивизма рассматривается не как нечто изначально заданное, а как формирующееся, закрепляющееся и трансформирующееся в процессе социальных взаимодействий.

HOW TO DEFINE LOGIC?

JAN WOLEŃSKI

We have two important distinctions concerning the concept of logic:

(A) *Logica docens* (logic as a theory) vs. *logica utens* (applied logic);

(B) Logic in the narrow sense (formal logic) vs. logic in the wide sense (semiotics + formal logic + methodology of science).

In what follows, I will concentrate on *logica docens* in the narrow sense, but also with some remarks on *logica utens*.

Perhaps the following words of Petrus Hispanus (13th century) are relevant as the starting point. He said: «Dialectics est art artium et scientia scientiarum ad omnium aliarum scientiarum methodorum principia viam habent». This description focuses on the universality property of logic (UPL). I will try to give a formal treatment of this feature of logic.

UPL has three aspects:

Logic is universally applicable;

Logic is universally valid;

Logic is neutral with respect to particular subject-matters.

The following definition of logic displays ULP as directly motivated by (2) and (3):

(*) $LOG = \langle Cn, \emptyset \rangle$

The definition (*) says that logic is the set of consequences of the empty set. Intuitively, it says that derivation of logic does not depend on specific (extralogical premises). By the weak completeness theorem, we have

(**) $A \in LOG \Leftrightarrow A$ is true in every model.

This last assertion says that logic is topically neutral.

Now, logic is applied via rules of inference. To simplify the issue, we can consider a rule R having just one premise, that is of the form $A \vdash B$. By the deduction theorem, we have

(***) $A \vdash B \Leftrightarrow \vdash A \Rightarrow B$

Thus, a rule R is a logical rule if the corresponding formula is a logical theorem. (***) establishes the parity between logical rules and logical theorems. Finally, we can prove that for every theory T defined as $T = CnT$, $LOG \subseteq T$, that is, logic is a part of every theory.

Two additional remarks are in order. Firstly, the above considerations apply to classical first-order logic with identity and depend on some setting in the metatheory, for instance the choice of the consequence operation or the cardinality of language. In particular, the proposed definitions assumed that our language is denumerably infinite and contains finite formulas only. The consequence operation Cn is as axiomatized by Tarski and based on classical understanding of connectives, quantifiers and identity. Consequently, this understanding of logic is rather restrictive and excludes higher-order logic, many-valued-logic, intuitionistic logic, modal logic, non-monotonic logic, etc. Thus, an additional considerations are required in order to show how extended logics are related to first-order logic. Secondly, some logicians worry that first-order logic has a very weak expressive power and propose so-called model-theoretic logic for capturing important mathematical contexts. On the other hand, it seems that UPL is reversely proportional to the expressive power.

АНТИЧНОЕ УЧЕНИЕ О ЛОГОСЕ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ

М. Н. ВОЛЬФ

Размещение учения Горгия Леонтийского в контекст предшествующей философской традиции – ранних ионийцев и элеатов через концепцию «логос-оформленного мира» и атрибутивную модель объяснения – позволяет сформулировать интертекстуальный аргумент для всех указанных философских учений (термин введен Скьяппа–Хоффман), т. е. такой, когда рассуждения двух и более последующих философов можно формализовать как единое

рассуждение при условии, что у каждого последующего философа будут наблюдаться определенные пробелы в его рассуждении (т. е. такие тезисы или высказывания, которые лишены смысла или кажутся надуманными, пародийными или необоснованными изнутри самого этого рассуждения, без привлечения внешнего контекста). Эти «пустые» тезисы будут приобретать смысл только в том случае, если учитывать предшествующие логические ходы внутри единой схемы рассуждения.

Как кажется, учение о логосе в античности может быть представлено как интертекстуальный аргумент, если последовательно проследить, как менялись представления о логосе в античной философии: от логоса как медиатора между структурами мышления и чувственно данным миром (Гераклит) к логосу как правильному логосу, корректно выражающему мыслительные акты (Парменид), далее – к логосу как инструменту лавирования в системе «и то, и другое» для обоснования только эмпирической познавательной парадигмы («отец риторики» Эмпедокл), и наконец, к Горгию, у которого логос – это исключительный и самостоятельный инструмент познания и изменения мира. Используя этот инструмент, Горгий, в отличие от ранних досократических философов, не искал такой исходный язык, на котором может быть выражена любая система мысли, но, мигрируя как кочевник от одного дискурса к другому, ни одному из них не отводил роли привилегированного в установлении истины о сущностной природе вещей. Кроме того, учитывая важность целевой аудитории как для изложения философских концепций, так и в области риторики, следует отметить, что в своем герменевтическом (номадическом) подходе Горгий не только использовал определенные стилистические протоколы в зависимости от аудитории, но также использовал язык как инструмент, организованный таким образом, что для любой аудитории адекватными ей средствами он мог донести специфическую мысль о познании реальности посредством языка. Тем самым, Горгий посредством стиля совершает такое воздействие на целевую аудиторию, что для нее космос («украшение») возникает, сплетается как кружево посредством украшенной речи в момент ее произнесения.

Наконец, у Платона концепция логоса как имени уже формируется в более строгом логическом ключе как проблема предиката, а сам принцип исследования из эмпирической сферы полностью переводится в сферу аргументированного рассуждения, что уже хорошо обосновано Горгием.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-ОГОН №17-03-00360 «Дескриптивная эпистемология Горгия Леонтийского в контексте философского понимания античной софистики».

ЛОГИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА КАК ФОРМЫ ПРИСУТСТВИЯ СОЗНАНИЯ В КУЛЬТУРЕ

С. В. ВОРОБЬЁВА

Логико-когнитивные исследования языка как формы присутствия сознания в культуре разработаны в контексте конструктивизма. Согласно конструктивной логике, не существует общезначимых подходов к пониманию действительности. С одной стороны, человек понимает мир посредством личностных конструктов, с другой, – язык возвышается над человеческой условностью в форме культуры, благодаря чему слова и имена являются социальными императивами, приходящими извне.

Язык как «неполное присутствие» позволяет воспроизводить те содержательные аспекты действительности, которые не порождены собственным бытием или опытом. В частности, использование стереотипных мыслей или действий, не являющихся составной частью собственной культуры и жизни, означает существование сознания в предлагаемых обстоятельствах (например, «одномерный человек» Г. Маркузе или «потребляющий индивид» Ж. Бодрийяра). Незнание источника собственных мыслей и действий, или автоматизм в мышлении как бессознательное наложение на мир чужой структуры языка, Э. Левинас приравнивал к неумению порождать свои свойства и качества, без чего невозможна «культурно-историческая идентичность» [1, р. 36–37].

Логико-когнитивный анализ языка включает в качестве ортогональных факторов формальные связи внутри языка (например, каузальные или родовидовые) и содержательные связи языка с реальностью (например, именование или иллюстрации как аллюзии). Образующие ими квадранты позволяют критически оценивать границы правильности / истинности и означающего / означаемого в языке как форме присутствия сознания в социальной, национальной, индивидуальной или иной культуре и выявлять их когнитивные переменные [2, с. 67]. Для любой культуры это означает рефлексии латентных структур языка как неполного присутствия, генерирующего, например, патологические формы жизненной активности (допустим, «наученная беспомощность» как зависимость от других людей или от государства) как неполноту бытия.

Логико-когнитивный анализ личностной аргументации включает три группы переменных. Имена, высказывания и выводы – переменные языковых конструктов, или когнитивных схем интерпретации событий [3]. Воля, эмоции и мотивы – переменные когнитивного стиля взаимодействия «внутреннего мира» с реальностью. Темперамент, характер и способности – переменные инструментальных структур взаимодействия, или способов внешнего проявления отношения к реальности.

Таким образом, логико-когнитивный анализ языка означает выявление не только формальных и содержательных (эпистемологических) констант присутствия сознания в культуре, но и когнитивных переменных.

Литература и источники

1. Lévinas, E. *Autrement que savoir* / E. Lévinas. – Paris, 1988.
2. Воробьева, С. В. Логические, эпистемологические и когнитивные аспекты системной модели аргументации / С. В. Воробьева // *Философия и социальные науки*. – № 1. – 2016. – С. 62–67.
3. Воробьева, С. В. *Логика и коммуникация: пособие* / С. В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2010.

СТРУКТУРНЫЙ РЕАЛИЗМ И МОДАЛЬНОСТЬ

Н. В. ГОЛОВКО

Каноническая формулировка онтического структурного реализма (Дж. Лэдимен) фиксирует связь структурного реализма и понятия модальности следующим образом: фундаментальными объектами (доступными изучению научному дискурсу) являются структуры, которые являются модальными и понимаются в свете концепции реальных паттернов Д. Деннета. И в данном случае вопрос о том, к чему относится понятие модальности, не является тривиальным. Ни Д. Росс, ни Дж. Лэдимен не дают какого-либо развернутого анализа понимания модальности, которое бы выходило за рамки принятых ими ограничений, равно как и Д. Деннет. Более того, эта тема довольно активно обсуждается, появляются интерпретации, например, утверждающие что «модальность», о которой рассуждает Дж. Лэдимен, – это «причинная сила» (М. Эсфельд) и т. д. Наша интерпретация следует за интерпретациями И. Хирвонена и И. Паттиниеми, которые начинают с важности разделения сильной (традиционной) и слабой (научно ориентированной) метафизики и приходят к заключению, что Дж. Лэдимен, опираясь на требование неисключимости «модального характера» научных утверждений (У. Куайн, Дж. Вудвард, Х. Прайс, Р. Брэндом и др.), не приводит достаточных оснований для обоснования тезиса, что «реальный мир имеет объективную модальную структуру». На наш взгляд, определенную ясность в эту дискуссию может внести понятие «укорененности» (Дж. Лоу, Д. Чалмерс и др.), раскрывающее суть онтологической зависимости постулируемых структур. Как следствие, обращение к понятиям «укорененность» и «модальная эпистемология» в рамках проекта мета-метафизики (Т. Тахко), позволит не только решить частные проблемы концепции Дж. Лэдимена (проблему обоснования необходимости модального реализма), но и выйти на новый уровень понимания метафизических оснований научной онтологии.

В докладе будет представлено современное состояние дебатов относительно «модальной составляющей» интерпретации теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена, а также приведены примеры, демонстрирующие преимущества проекта мета-метафизики в интерпретации современной научной онтологии.

СПЕКУЛЯТИВНЫЕ РЕАЛИСТЫ КАК PR-АГЕНТЫ И НОСИТЕЛИ «ТАЙНОГО ЗНАНИЯ»

Е. С. ГОНЧАРЕНКО

Что такое «бренд»? Брендом в современной философии можно считать ту или иную концепцию, или тот или иной взгляд, что в силу тех или иных причин возвысился над информационным хаосом и какое-то время занимает там лидирующую позицию. Бренды создают тенденции, которые, в свою очередь, выступают ориентиром для интеллектуальной общественности, которая пытается оправдать/отстоять или увидеть в очередной тенденции неиспытанные возможности. Довольно часто тенденция является всего лишь очередной рыночной уловкой или средством промывки мозгов. Современный же философ, который отстаивает ту или иную тенденцию – это *PR*-агент, философ-маркетолог, которой с помощью трендового направления маркирует и доказывает свою интеллектуальную респектабельность. У каждой тенденции есть свойство угасать, исчезать, «тонуть» (в этом плане тенденция схожа с «тредом» (от англ. *thread* «нить») – в социальных сетях/обсуждениях на форумах – последовательность ответов на сообщения, «ветвь обсуждения», выстроенная в цепочку: когда появляется новый ответ, «тонет» предыдущий, когда появляется новый пост, старый теряется в ленте, «уходит, опускается вниз»).

Одной из таких тенденций в современной философской мысли есть концепция «спекулятивного реализма». Такие спекулятивные реалисты, как Бен Вудрад («Динамика слизи: Зарождение, мутация и ползучесть жизни»), Грем Харман («О замещающей причинности»), являются на сегодняшний день достаточно модными, популярными и такими, что претендуют на «особенное знание». Концептуально это направление главным принципом существования реальности устанавливает тот факт, что все может коллапсировать: от деревьев до звезд, от звезд до законов, от физических законов до логических, а в конечном итоге еще и покрывается грибковой плесенью. Но мы не будем прояснять принципы, концепты и смысл этого явления в философии, а обратимся к изнанке спекулятивного реализма.

Представьте на минуту, что в привычном публичном месте кто-то оголяет зад именно в тот момент, когда вы смотрите в другую сторону. Любитель подобного развлечения автоматически приравнивается к носителю какого-то высшего тайного знания, никому кроме него не известного или понятного только «среди своих». Так происходит и со спекулятивным реализмом. Рей Брассье в «Спекулятивной аутопсии» говорит о том, что на сегодняшний день данное направление является темой «книжного бума» и включено в издательскую политику нескольких философских журналов. «Он стал техническим термином (*terme d'art*) в архитектуре, археологии, визуальных искусствах.

Он легко пересекает национальные границы и, несомненно, является основной темой для дискуссий в растущей блогосфере. Спекулятивный реализм стал предметом нескольких постдокторских должностей, предлагаемых в Соединенных Штатах в этом году. Он был предметом семестровых классов в университетах Парижа, а также темой дипломных работ там же.

«FOSTER PROBLEM» OF DAVIDSON'S PROGRAM – IN VIEW OF DAVIDSON'S PLANS FOR SOLVING THE PROBLEM

YIMIN LIANG

Convention-T schema to which Davidsonian Program resorts to provide an extensional theory of meaning for a natural language faces the conflict between extensionality and semantic interpretiveness and thus contains the abnormal T-sentences. This problem is called by «Foster Problem» for being criticized by Foster and others. To defend his principled position of theory, Davidson tries to resort to the semantic combination structure and canonical demonstration, standing the counterfactual conditional test, and the principle of charity in radical interpretation to eliminate the abnormal T-sentences. Davidson's efforts, however, have not eliminated this difficult problem his theory faces for lacking of enough cogency. It suggests that the use of the concept of truth across language hierarchy and the aim to construct a strictly non-circularity semantics are inadvisable, so the Ideal blueprint delineated by Davidsonian Program is difficult to come true.

ТРАКТОВКА КАТЕГОРИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПУСТЫМИ СУБЪЕКТАМИ В РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМАХ СИЛЛОГИСТИКИ

А. А. ИЛЬИН

Силлогистика обычно понимается как определенная теория дедукции, в которой выводы осуществляются из категорических высказываний четырех типов: «Все S есть P», «Некоторые S есть P», «Ни один S не есть P» и «Некоторые S не есть P». Начиная с Аристотеля, были выявлены определенные формы умозаключений, элементами которых являются высказывания указанных видов. В негативной силлогистике добавляется возможность использования терминных отрицаний и появляются новые типы рассуждений (в частности, выводы путем *превращения*).

Современные исследования силлогистики показали, что наряду со всем известной *традиционной силлогистикой*, вошедшей в базовые учебные курсы логики, существует довольно большой класс силлогистических теорий, различающихся между собой по классу законов и допустимых рассуждений.

Исторически самыми известными из них являются: *система Оккама* (предположительно совпадающая с теорией, построенной Аристотелем), *силлогистика Бернарда Больцано*, *силлогистика Льюиса Кэрролла* и *система фундаментальной силлогистики* (Лейбница), в которой категорические высказывания переводятся на язык логики предикатов стандартным образом.

В работах [2–6] построены аксиоматизации упомянутых систем негативной силлогистики и доказана их погружаемость в исчисление предикатов.

Согласно точке зрения Е. К. Войшвилло [1], причиной подобного «размножения» силлогистических систем является присоединение их авторами к классу допустимых категорических высказываний особой их разновидности – категорических высказываний с пустыми субъектами. И поскольку такие языковые выражения объективно не имеют истинностных значений (Е. К. Войшвилло считает их бессмысленными), авторы подобных систем приписывают им значения произвольно, согласно собственной (у каждого – своей) интуиции.

Так, получается, что в *силлогистике Лейбница* все общие категорические высказывания с пустыми субъектами истинны, а частные ложны. У *Оккама* все утвердительные высказывания с пустыми субъектами ложны, а отрицательные истинны. В *системе Кэрролла* истинными являются только общеотрицательные высказывания с пустыми субъектами, в *силлогистике Больцано* все высказывания подобного рода ложны.

В *традиционной силлогистике* категорические высказывания с пустыми субъектами недопустимы (согласно условию непустоты и неуниверсальности терминов).

Силлогистика Больцано содержательно наиболее близка *традиционной*, однако требование непустоты субъектов там внесено в условия истинности высказываний, а не в условия их осмысленности (как в традиционной силлогистике).

Варируя истинностные значения для четырех типов категорических высказываний с пустыми субъектами, всего можно получить 16 систем силлогистики.

Нами построена система силлогистики, двойственная по истинностным значениям силлогистике Б. Больцано [7]. И если Больцано считал, что «фикциям» ничего нельзя ни приписать, ни отрицать, то в полученной системе все высказывания с пустыми субъектами являются истинными.

Литература и источники

1. Войшвилло, Е. К. Проблема непустоты субъектов высказываний (суждений) / Е. К. Войшвилло // *Логика и ВЕК*. – М., 2003.
2. Ильин, А. А. *Негативная фундаментальная силлогистика* / А. А. Ильин // *Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института философии РАН*. Вып. 15. – М., 2000.
3. Ильин, А. А. *Негативная силлогистика аристотелевского типа* / А. А. Ильин // *Логика и ВЕК*. – М., 2003.

4. Ильин, А. А. *Силлогистика Б. Больцано / А. А. Ильин //* Аспекты. – М., 2003.
5. Ильин А. А. *Традиционная силлогистика с отрицательными терминами / А. А. Ильин //* Логические исследования. – Том 17. – М., 2011.
6. Ильин, А. А. *Силлогистика Льюиса Кэрролла с отрицательными терминами / А. А. Ильин //* Логические исследования. – Том 21. – № 2. – М., 2015.
7. Ильин А. А. Силлогистика, двойственная по истинностным значениям силлогистике Б. Больцано / А. А. Ильин // Десятые Смирновские чтения по логике. Материалы международной научной конференции. 15–17 июня 2017 года. – М., 2017.

ФУНКЦИИ ПОНИМАНИЯ

Э. Н. КАЛЕНЧУК

Понимание – мыслительный процесс, который направлен на раскрытие и усвоение смыслов и значений предметов и явлений объективной реальности и протекающий, как правило, в диалоговой форме.

Понимание может быть рассмотрено как способ реализации важнейших социальных функций. Выражением познавательной функции понимания, по мнению А. А. Брудного, выступает его способность проникать в суть вещей, систематизировать ранее разрозненное и неизвестное, а также обращать знание в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность в соответствии с требованиями практики.

Понимание в аспекте познавательной функции может быть рассмотрено, как полагает Г. И. Рузавин, не только как усвоение смысла чего-либо, поступка или поведения, цели или мотивации, но также и как способ выявления причинно-следственных связей, раскрытие происхождения и развития явлений и закономерных связей между данными явлениями и предметам действительности.

Одним из аспектов ценностной функции понимания, по мнению В. В. Розанова, является его способность быть формой движения интуиции к гармонии.

М. М. Бахтин говорит о невозможности безоценочного понимания, равно как и невозможности разделения понимания и оценки по причине того, что «они одновременны и составляют единый целостный акт». Он указывает на коммуникативные аспекты понимания. Понимание есть диалог: «при объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта». По мнению А. А. Брудного, «отнодь не случайна диалогическая форма многих классических трудов, в которых обсуждаются философские и методологически значимые естественнонаучные проблемы. Эта форма не только впечатляюще воздействует на читателя – она способствует углубленному пониманию сущности поставленных проблем».

Важной функцией понимания выступает его способность устанавливать и поддерживать субъект-объектные отношения. По мнению М. М. Бахтина: «Жизнь становится понятной и событийно весомой только изнутри, только там, где я переживаю ее как я, в форме отношения к себе самому, в ценностных

категориях моего я-для-себя: понять – значит вжиться в предмет, взглянуть на него его же собственными глазами, отказаться от существенности своей вне-находимости ему». Е. К. Быстрицкий говорит о направленности понимания на объективную реальность, а также на то, что оно является отражением чувственно-предметных характеристик мира. Однако, как полагает исследователь: «в отличие от знания в понимании отражаются и выражаются не всеобщие, но особенные и даже уникальные способы предметно-практической связи человека и мира».

ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ МЫШЛЕНИЯ МАХА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

С. Л. КАНДЕЛИНСКИЙ

Одной из ключевых функций мозга человека является отражение реальности через создание системы знаний с помощью мышления. Мышление как процесс может характеризоваться эффективностью, например, как отношение полезного выхода к факторам расплаты. Согласно принципу экономии мышления Эрнста Маха, «более или менее значительное знание достижимо только при величайшей экономии мысли. Поэтому сама наука может рассматриваться как задача на минимум, состоящая в том, чтобы возможно полнее изобразить факты с наименьшей затратой работы мышления» [1]. Махизм связывает принцип экономии мышления с требованием свести понятия к ощущениям и сократить число объясняющих элементов. Несмотря на то, что эта связь давно признана некорректной [2], обобщающий его принцип минимума становится все более актуальным.

Эффективность мышления зависит от качества управления им. Одним из фундаментальных достижений в отработке такого управления являются теория решения изобретательских задач Г. С. Альтшуллера (ТРИЗ) и ее понятие идеальной системы. Это «система, которой нет, а ее функция выполняется». В этом смысле предельное значение принципа Маха можно понимать как состояние системы-процесса «мышление»: его нет, а его функция выполняется. Но поскольку мышление является инструментом науки, то получается, что цель науки – «возможно полнее изобразить факты» без мышления. В обсуждении [3] этот тезис сформулирован несколько иначе: «цель науки – устранить человеческое мышление, а не развить его». Но так как здесь не указана первая функциональная задача науки – добыть и «изобразить факты», то проявляется противоречие, суть которого такова: мышление должно и быть, и не быть.

Можно привести ряд вариантов разрешения данного противоречия, которые связаны с переходом к системе из «мышлений», когда на одном системном уровне мышления «нет», а на другом оно имеет место. Например, возможно индивидуальное управление мышлением, когда человеку удается научиться не только думать, но и не думать. Или известный эстафетный механизм

«индивид-коллектив», когда одни люди добывают знания, а другие ими пользуются. Таким образом, «наука экономит много сил». Однако принцип экономии мышления не может работать, когда необходимо найти новую проблему или новое решение. В этом случае мышление действительно остановлено, но... продолжается на новом уровне. После этого принцип экономии работает опять.

Весьма интересным представляется выяснение того, как соотносится принцип экономии мышления Маха и интенсивно разрабатываемые в настоящее время системы искусственного интеллекта (ИИ), которые призваны выполнять функции мышления для дальнейшего «как можно полного» выявления и использования фактов. Сложность получаемых ИИ результатов часто такова, что человеку с его естественным интеллектом (ЕИ) приходится просто верить в их правильность. При этом ИИ вырабатывает собственные языки, которые сокращают время внутренних операций, повышая эффективность собственного «мышления», экономя его, но и снижая понятность для людей. То есть ИИ является новым фактором внешней среды. Цели ИИ и ЕИ не всегда совпадают. Возникает проблема, как согласовать свойства ЕИ и ИИ при всем их различии. Решение этих вопросов, безусловно, будет не только находиться в измерении точных наук, религии и морали, но и соизмеряться с принципом экономии мышления Маха.

Литература и источники

1. Мах, Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития, Раздел 4, гл. 4 / Э. Мах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.triz-ri.ru/management/?id=446&name=ekonomiya_nauki. – Дата доступа: 01.09.2017.
2. Канке, В. Философия / В. Канке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasialand.ru/txt/kanke/60.htm>. – Дата доступа: 01.09.2017.
3. Цель науки – устранение мышления? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.triz-ri.ru/forum/mess.php?ctg=38&tem=570>. – Дата доступа: 01.09.2017.

ПРОБЛЕМА КОНТИНГЕНТНОСТИ В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ, АСТ И НОВЫЙ РЕАЛИЗМ

Н. П. КНЭХТ

Когнитивный капитализм порождает новые формы господства, которые действуют через развертывание сетей, переустройство коммуникаций, стрессовое управление. Самые известные представители направления «исследования технонауки» – «technoscience studies» – считают, что «утрачивается трансцендентная авторизация истолкования, а с ней и онтология, обосновывающая западную эпистемологию». Объясняется это тем, что к концу XX века научная культура начинает трансформироваться из-за разрывов на границах, которые ранее считались незыблемыми, между человеческим и животным, природным и культурным, живым и неживым, социальным и несоциальным.

В то же время происходит перестройка всего проблемного поля философии науки. Как известно, эпистемологические проблемы возникают из дуалистической модели бытия. Дискуссия длится уже четвертое столетие, и в наше время приобретает новые обертоны. Следуя Канту, наши вопросы уместнее адресовать не к самим объектам, не к внешней реальности, а к тому, как мы ее репрезентируем, т. е. к нашим представлениям о ней. Тема бытия объекта, таким образом, подменяется вопросом о нашем знании об объектах. Представитель спекулятивного реализма Квентин Мейясу предлагают «вернуться к вещам», обрести картезианское понимание экспериментальной науки, т. е. уйти от понимания математики и физики, которые основаны лишь на априорных формах нашего опыта, и представить математику и математизированную физику в качестве средств воссоздания свойств мира, радикально не зависящего от мысли. Иначе говоря, в отличие от Р. Декарта и И. Канта он считает, что научная теория может воссоздать истинные свойства реальности независимо от существования субъекта, способного ее мыслить.

Кроме этого, в философии науки во второй половине XX в. утверждается представление о том, что «все наше знание пронизано теориями и в то же время (почти) все оно носит предположительный характер». В основном тезисе эпистемического релятивизма развивается мысль Канта о том, что объект – это «вещь в себе» и до тех пор, пока не созданы некоторая модель мышления о нем, язык описания, интерпретационные схемы и объяснительные ходы, про него ничего нельзя сказать. Дальнейшие исследования (Латура, Вулгара, Каллона, Пикеринга, Хакинга, Ло) показывают, что в процессе конструирования активно участвуют материальные объекты и явления природы. Латур создает новый теоретический язык – АСТ (акторно-сетевая теория – actor-network theory), где материальным объектам – актантам – уделяется особое внимание. Джон Ло распространяет арсенал АСТ на исследование социальной реальности, утверждая, что дело даже не в языке, а в том, что мы создаем объект (вместе с другими компонентами-актерами, участвующими в методе-сборке) в тот момент, когда производим его исследование. Развивая АСТ, Ло идет дальше, как бы предлагая новый реализм, представляющий нескончаемую череду одних и тех же комплексных, регулярно обновляемых программ, тем самым расширяя панораму альтернативных эпистемологий.

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО–ВРЕМЯ»

В. Н. КНЯЗЕВ, О. Н. КАДЕЕВА

Идеи современной науки и философии чрезвычайно мощно пронизаны представлениями о пространственно-временном континууме. В рамках онтологического подхода понятия пространства и времени выражают факт объективно-реального существования пространства и времени как фундаментальных свойств действительности, как атрибутивных свойств бытия. Специфика

использования термина «пространство-время» определяется необходимостью теоретического выражения свойств взаимосвязи пространственно-временных отношений. Эпистемологически понятие «пространство-время» есть познавательный конструкт, помогающий выражать связь пространственно-временных характеристик как единого континуума. Научный концепт «пространство-время» совершенно необходим в современной физике и более широко – в современной научной картине мира.

Эволюция науки XX века, создавая новейшие теории, раскрывая смысл их фундаментальных идей, привела к формированию постнеклассической научной рациональности. Осознание и анализ возникающих при этом трансформаций фундаментальных физических теорий требует основательного и последовательного рассмотрения статуса концепта «пространство-время» с позиций его нынешнего состояния и даже прогнозируемого будущего развития. Вследствие чего возникает потребность философско-методологического анализа данной проблематики.

Исторически понятие «пространство-время» появилось в начале XX века в рамках осмысления Г. Минковским только что появившейся специальной теории относительности А. Эйнштейна. Рождение четырехмерного пространства-времени реализовало чаяния многих знаменитых мыслителей (Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель, Э. Мах, А. Пуанкаре, Х. Лоренц и др.) о необходимой связанности свойств пространства и времени.

Своеобразным философским аналогом понятия «пространство-время» выступает в культуре и философии понятие «хронотоп». Философско-культурологическое понятие «хронотоп» выражает свойство единства места, времени и действия в многообразии культурных процессов. Разумеется, оно может изучаться философией и наукой через разработку общих понятий и категорий во многом на паритетных началах.

КОГНИТИВНОЕ КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

А. В. КОЛЕСНИКОВ

Особенности объекта философского познания предъявляют специфические требования к арсеналу его методов. Они эволюционировали в истории философии от традиционной метафизики к диалектике, феноменологии, анализу языка... По мере осознания релятивности аналитических метафизических построений, а также относительной бесплодности «вращения» философской рефлексии вокруг самой себя приходит понимание того, что актуальной задачей современной научной философии является расширение арсенала методов философского исследования, пополнения его современными новыми инструментами и технологиями.

Одним из таких новых перспективных методов может стать когнитивное компьютерное моделирование – подход, развиваемый нами уже в течение

ряда лет. Суть идеи когнитивного компьютерного моделирования именно как метода философского исследования базируется на теории парадигм Т. Куна, а также логике объектно-ориентированного подхода описания реальности, развитого в теории современного программирования и проектирования информационных систем. Кратко идея метода когнитивного компьютерного моделирования состоит в том, что в качестве основы, отправной точки исследования создается компьютерная программа, имитирующая функционирование некоторого идеального математического, логического или квазиграфического объекта, каким-то образом ассоциированного с объектом исследования. Далее происходит изучение свойств искусственного модельного объекта и их проецирование, перенос и трансляция на реальный исследуемый объект.

Научное и, в частности, философское мышление работает по схожему циклу с той разницей, что модельный идеальный объект, на который в действительности опирается исследователь, ищется им стихийно, часто скрыт за логическими построениями и текстом, не всегда до конца продуман и четко обозначен даже самим исследователем. Эту особенность научного мышления убедительно раскрыл Т. Кун в ряде своих работ, наиболее известной из которых является «Структура научных революций». То есть, научное мышление в своем функционировании опирается на парадигмы, состоящие из неких идеальных объектов, существующих в голове исследователя, свойства которых переносятся, «наследуются» в его построениях реальным объектом исследования. Таким образом, фактический смысл научной теории скрыт, «инкапсулирован» в тех самых ментальных идеальных объектах, свойства которых переносятся на реальный объект. В науке до настоящего времени не всегда принято показывать эти основные парадигмальные опорные образы (так как часто в этом качестве бытуют несерьезные, «ненаучные» аналогии) и делать вид, что теория выведена чисто аналитическим, логическим дедуктивным методом. Тем не менее познающее мышление работает именно так.

Суть предлагаемого метода когнитивного компьютерного моделирования состоит в онаучивании именно этого первичного, скрытого и наиболее важного этапа исследования – поиска базового идеального парадигмального образа. Нами предложен термин *когнитивный протоконструкт*. Вместо стихийного смыслопорождения на основе часто неясных образных ассоциаций метод когнитивного компьютерного моделирования очерчивает область и задает средства целенаправленного синтеза эффективных когнитивных протоконструктов в виде функционирующих компьютерных моделей.

Компьютерная модель, используемая в качестве когнитивного протоконструкта, имеет ряд радикальных преимуществ по сравнению с традиционными стихийными парадигмальными образами, так как представляет собой детально продуманную и функционирующую по определенным законам объективацию идеального объекта. Метод позволяет извлечь из тени подсознания важнейший этап исследования и сделать четким, понятным и видимым сам познавательный акт.

ЧЕЛОВЕК ЧУВСТВУЮЩИЙ И ЕГО СТАТУС В ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

С. Ю. КОЛЧИГИН

Разум в истории мысли считали важнее чувства и фактически отрицали специфику чувств. Чувственности по существу отказывали в сколь-нибудь значимой роли в познании и в целом жизни «человека разумного». Между тем чувственность – это «живая жизнь» человека и всей его жизнедеятельности, творчества и культуры. И общество – это в первую очередь система отношений между людьми по поводу друг друга.

Первичное отношение человека к миру и другим людям – именно чувственное. Не умственное и не экономическое, не опосредованное, а прямое, живое отношение. Более того, чувственность – это не только исходное отношение, но еще и перманентный феномен, без которого нет ни одного проявления человека. Следовательно, все прочие отношения вторичны. При этом в развитии чувственности имеется три типа-этапа: природный, психический, духовный.

Человек не сразу стал таким, каким ему надлежит быть. Он прошел путь развития, выдвигаясь из стихии природы, отделяясь и отдаляясь от нее. Поэтому и система чувственности иерархически выстроена от природных до специфически человеческих, духовных проявлений. К природным (природно-инстинктивным) чувствам относятся прежде всего *чувства физические*: зрение, слух, жажда, чувство гравитации, чувство пространства и времени и т. п. Но все эти и им подобные чувства неспецифичны для человека. Ближе к этой специфике *чувства психические*: гнев, обида, восторг, удовольствие и т. п. Впрочем, и эти чувства по-прежнему представляют собой инстинктивные реакции, неотъемлемые от природного естества (психика неотрывна от соматики), хотя в ходе истории несколько облагораживаются, смягчаясь под влиянием требований разума и общественного договора.

Только с возникновением *чувств духовных* можно говорить о возможности подлинно человеческого пути развития. Вся жизнедеятельность *homo sapiens* с появлением духовных чувств значительно меняет содержание и окраску, не говоря о неожиданных, совершенно новых внутренних движениях и созерцаниях. Сущность первозданной человеческой личности есть, по сути дела, способность видеть и привносить в реальность нечто новое, то, чего в дочеловеческой реальности нет. Высшая чувственность – духовная, сакрально-нравственная, которая делает человека существом высшим.

Из сказанного следует, что чувственное эквивалентно рациональному. Чувство и мысль, чувство и понятие параллельны друг другу как необходимые дополнения, переплетения или плотные соединения. Значит, их надо понимать и исследовать именно так, в качестве коррелятов. Задача состоит в том, чтобы показать их в собственной стихии, в собственном развитии, при этом указывая связи, мосты, которыми чувственность и мышление соединяются.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ

Е. Б. КУЗИНА

Исходным постулатом междисциплинарных исследований феномена понимания является положение, что понимание – совместный продукт полученной информации и имеющегося у субъекта знания. Понимание заключается в установлении отношений новой информации со всей системой знания воспринимающего субъекта, в согласовании ее со схемами, которые сложились в его сознании в результате опыта. Эти схемы, стереотипы истолкования воспринятой информации порождают определенные ожидания субъекта. И когда ожидания не оправдываются, он говорит (себе, по крайней мере) «не понимаю». Иллюстрацией может быть история: *«Они встретились в баре, где он предложил отвезти ее домой. Он вез ее по незнакомым улицам. Он сказал, что это был кратчайший путь.»* – Какой конец большинство из нас ожидает? – А конец таков: *«Он так быстро довез ее, что она успела на десятичасовой выпуск новостей»*. И кажется он весьма неожиданным (см.: [1, с. 18]).

Особенно существенно содержание фоновых знаний реципиента в понимании скрытых смыслов. Практически в любом речевом сообщении можно увидеть некоторый имплицитный смысл. В некоторых случаях отправитель сообщения, действительно, что-то в нем «зашифровал», иногда скрытый смысл только видится реципиенту. Например, текст: *«Мэтт унаследовал крупную сумму денег. Берта обожает бриллианты и меха. Берта вышла замуж за Мэтта.»* (см.: [2]). Содержит ли он скрытый смысл? – Многие читатели увидят в нем тот скрытый смысл, что Берта вышла замуж за Мэтта из-за его денег, чтобы иметь возможность покупать бриллианты и меха, потому что общепринятые схемы понимания, т. е. истолкования явной информации, предполагают, что если сообщение о замужестве Берты идет в ряду с сообщением о наследстве ее избранника, значит, между ними есть связь.

Можно назвать множество стереотипов, клише, истолкования скрытых смыслов речевых сообщений. Например, сообщение о чьем-то отказе от комментариев или участия в обсуждении какого-либо нарушения равнозначно сообщению о его причастности к этому нарушению. Упоминание, что некоторое негативное событие произошло после другого, равнозначно утверждению, что оно является следствием этого. И много других устойчивых рецептивных схем. Все они циркулируют в обществе, различных его слоях и сегментах.

Скрытые смыслы речи являются одним из основных способов создания юмористических произведений. *«Жена всегда относится с пониманием, если приходишь домой пьяным. Но никогда, если сытым»*. – Типичный, незатейливый анекдот, который поймет человек, владеющий соответствующими

клише для истолкования второго предложения. Анекдоты часто непонятны детям, носителям другой культуры, а некоторые истории вообще могут быть восприняты как анекдоты лишь в узкой профессиональной, возрастной или какой-либо другой группе.

Литература и источники

1. Фишер, Р. Путь к согласию, или Переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. – М., 1992.
2. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб., 2000.

WANG KUO-WEI'S ONTOLOGY OF ARTISTIC CONCEPTION AND KANTIAN THEORY

LAN GUO-QIAO

Wang Kuo-wei's ontology of artistic conception is closely related to Kant's theory. Wang Kuo-wei's original intention of thinking is obvious because his research of artistic conception is for the root of outstanding arts. Unspeakable is the most important features of art conception. Above two points can enough to prove the identity of artistic conception. Lots of Kant's theory including theory of antinomy, genius and idea is absorbed into Wang Kuo-wei's demonstration work. Wang Kuo-wei raises the artistic conception to the ontological height with his mass absorption of Kant's theory.

ПРОНИКНОВЕНИЕ «В ГЛУБЬ СОЗНАНИЯ»: ПРОБЛЕМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Т. К. ЛЕШКЕВИЧ

Выделившаяся в самостоятельную область философия сознания опирается на когнитивистику вкупе с междисциплинарным анализом. Однако есть еще один, весьма доступный и оригинальный инструмент, помогающий войти во внутреннюю лабораторию сознания со стороны художественного произведения. Если принять во внимание гипотезу, что продуцируемые сознанием базовые программы человеческого поведения отражены такими определенными сюжетами, как: из грязи в князи, туда и обратно, воскресение, победа над чудовищем, история о возвращении домой, история о поиске, золушка, Эдип, падение и взлет и пр., – то их число, согласно авторам (Ж. Польти, К. Буккер, Х. Л. Борхес), варьируется от 4 до 36. К вышеназванным базовым жизненным программам можно причислить сюжет об Орфее, Прометее, Одиссее, Фаусте и пр. У создателя исторической эпистемологии Г. Башляра состояние психики субъекта проецируются на образы, обладающие бытием стихий: огня, воды,

воздуха, земли (см.: «Психоанализ огня», «Вода и грёзы», «Грёзы о воздухе», двухтомник «Земля и грёзы о покое», «Земля и грёзы воли»). Онтология художественного ответственна за надэмпирическую трансляцию опыта (ибо человек в конечных пределах своего существования не может пережить все жизненные коллизии). Такой подход позволяет тематизировать сферы жизненного мира и мироотношения. Основной идеей становится привязанность к качественному выбору того, что индивид считает своей жизненной реальностью. Генерируемая сознанием та или иная базовая программа изменяется под конкретные условия существования человека, оставаясь при этом спонтанным продуктом сознания. Здесь уместна ссылка на геноцентризм, утверждающий, что во всем виновны «проклятые гены». Однако мощной оппозицией ему являются теории о деятельностной природе сознания и его социокультурной обусловленности.

Возникает ряд проблем: во-первых, насколько зависит сочетание событий от генерируемой сознанием базовой схемы жизневоплощения? Во-вторых, каково соотношение идеального и реального ряда событий? Если вести речь о целеполагающей деятельности сознания, то следует признать, что оно продуцирует события будущего и подчиняет настоящее детерминации будущим, т. е. активно «творит мир». Но если отталкиваться от отражательной природы сознания, то определяющим признается образ бытия, определяющий сознание. В-третьих, с учетом динамичности сознания и его стихийно-спонтанной природы, сосуществующей с иррациональными побуждениями, остается проблемной упорядочивающая роль рациональной рефлексии, ее возможности вносить параметры организующего порядка в сложную и многомерную реальность? В-четвертых, исследователи с креном в психоаналитику видят в архетипах «повторяющиеся модели человеческого опыта». В этой связи встает проблема предрасположенности к тем или иным моделям человеческого опыта. Сокрытые от разума глубины сознания делают наиболее важной проблему практического приложения знаний о сознании в целях его возможных модификаций в условиях современной постинформационной цивилизации.

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕПЦИИ Л. ПЕТРАЖИЦКОГО

Е. Н. ЛИСАНИЮК

Доклад посвящен наследию Л. Петражицкого (1867–1931) – российского правоведа польского происхождения, родившегося в Витебской губернии, на территории современной Беларуси. Свою научную и педагогическую деятельность Петражицкий начал в 1896 г. в Киеве, в 1897–1921 гг. преподавал в Петербургском университете, затем в Варшавском университете. Наиболее плодотворным был петербургский период; большинство рукописей варшавского периода утрачены во время Второй мировой войны.

Психологическая (эмотивистская) теория права Петражицкого изложена в трактате «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» [1], опубликованном в 1907 г. в Петербурге, ее идеи прослеживаются и в более ранних сочинениях петербургского периода его творчества. Мы рассмотрим некоторые положения этой теории, относящиеся к пониманию нормы в праве и морали (см.: [2]). Петражицкий трактовал норму как двухагентное императивно-атрибутивное отношение, структура которого различается в зависимости от того, идет ли речь о норме права или моральной норме. На основе своего понимания нормы Л. Петражицкий наметил классификацию норм права как особых нормативных отношений.

Американский правовед У. Хофельд в 1913 г. выдвинул свою концепцию систематизации нормативных отношений на основе идеи об их двустороннем характере [3]. Согласно Хофельду, нормативное отношение связывает двух субъектов определенным образом, и можно построить совместимые и взаимоисключающие пары таких отношений. Так, если субъект X обладает правом на что-либо – власть или привилегию, то для него всегда найдется другой субъект данного нормативного отношения Y, на которого возложена обязанность обеспечивать право первого субъекта. Если X наделен властью, то на Y возложена ответственность, закрепляющая власть X; если X имеет привилегию на что-либо, то у Y отсутствует право ее ограничивать.

Концепции Петражицкого и Хофельда были предложены независимо друг от друга, но их сближает понятие нормативного отношения как особой двусторонней связи субъектов. В зарубежной теории права концепция Хофельда занимает важное место, она породила традицию исследований под названием «хофельдов анализ»; в 1970 г. был построен деонтический формализм на ее основе [4]. В отличие от концепции Хофельда влияние идей Петражицкого в теории права и деонтической логике скромнее, несмотря на то, что понимание нормы у Петражицкого как совокупности особых отношений между парами субъектов и намеченная им классификация норм выступают, по сути, концептуальным основанием классификации нормативных отношений Хофельда. Понятие нормативного отношения как определенной социальной связи между его субъектами и идеи Петражицкого и Хофельда о строении нормы указывают на необходимость их разграничения. Природа нормативного отношения социальная и психологическая, а строение нормы, закрепляющей это отношение в праве или морали, связано с ее логическими особенностями.

Исследование поддержано РФФИ, грант № 15–03–00321.

Литература и источники

1. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000.
2. Лисанюк, Е. Н. У. Хофельд и Л. Петражицкий о нормативных отношениях и нормах / Е. Н. Лисанюк // Известия вузов. Правоведение. – 2015. – № 1 (318). – С. 112–134.
3. Hohfeld, W. N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning / W. N. Hohfeld. – Yale University Press, 1946.
4. Lindahl, L. Position and Change / L. Lindahl. – Dordrecht, 1977.

КОГНИТИВНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ

А. И. ЛОЙКО

Когнитивистика стала одним из ключевых направлений в развитии философии техники. Это обусловлено возросшей ролью в инженерной деятельности проблематики искусственного интеллекта. Одну из мотиваций создала NBIC-концепция, в рамках которой сформулирована перспектива разработки технических систем на основе методологии конвергентных наук. Среди этих наук важную роль играют наноматериаловедение, информатика, биология, когнитивистика. Объединение их ресурсов на основе информационных технологий создает новую конфигурацию проблематики философии техники. В этой проблематике возросла роль философской антропологии в концепции трансгуманизма. На уровне методологической рефлексии речь идет о стратегии научно-технического прогресса на основе человеко-машинной компоненты. Сторонники трансгуманизма надеются, что такая эволюционная основа позволит человеку освободиться от целого блока экзистенциальной проблематики. С точки зрения ближайших задач, речь идет о повышении эффективности процессов деятельности и коммуникации. С этой целью изучаются особенности сознания человека в части максимального сопряжения естественных и искусственных процессов, обеспечивающих достижение максимальной эффективности. В рамках трибофатики обнаружены уникальные параллели между интеллектуальными процессами. Они дали основание Л. А. Сосновскому разработать модель универсального эволюционизма, в рамках которой обнаруживаются общие процессы повышения эффективности систем на основе накопления повреждений, обратной связи с постоянно меняющимися условиями эксплуатации технических устройств. Эти результаты оказались созвучными процессам, обозначаемым как четвертая промышленная революция. Из них следуют содержательные аспекты технологической модернизации современного общества.

ОТЛИЧИЯ В ПОЗНАНИИ ОБЪЕКТОВ ТЕХНОГЕННОЙ И ЕСТЕСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ

Г. В. ЛОСИК, А. А. ДЕРЮГИН, И. А. БАЙДАКОВ

При изучении явлений и объектов окружающего мира человек проявляет особый, персональный стиль познавательной деятельности. В то же время техногенный объект, вошедший в обиход человека, можно изучить, обратившись информационным источникам (в частности, к Интернету). Такой объект существует не только как материальная сущность, но и как технология, система знаков, математическая модель, заданная теоретическим знанием в соответ-

ствии с категориальными, т. е. дискретными признаками. С одной стороны, дискретное кодирование информации об объекте является помехозащищенным. С другой стороны, в результате дискретизации утраивается информация о степени сходства / несходства одного математизированного (оцифрованного) объекта с другими. К примеру, мера сходства двух фигур, заданных полигонами, не будет объективной, ибо в конечном итоге определяется их антропологическими свойствами, *функциями* для человека, *целями* действий человека с ними.

Представляется актуальным показать не только с позиции психологии, но и с точки зрения теории информации, какие антропологические данные об объекте воспринимаются человеком при перцептивном воздействии на натуральный объект. На основе каких данных строится метрика различий и сходства? Для рассмотрения данного вопроса вводится понятие объекта с вариативной формой. Далее выстраивается строгая очередность изучения нового природного объекта познающим субъектом.

Природный объект отличается тем, что его агрегатное состояние изменчиво, число активно действующих факторов внешней среды у него велико. Поэтому его вариативность в психическом образе невозможно интериоризовать, т. е. запечатлеть в виде знака. Ибо при очередной его натуральной реализации от воспринимающего человека требуется нанесение новых перцептивных воздействий.

Объект из обихода человека – это не только метрическое явление, но и физическое. Его форма задана, с точки зрения математики, топологическим способом. Поэтому физическая модель прототипа, в отличие от математической, копирует топологию частей прототипа и их сочленение, их кинематические степени свободы, его баллистические свойства. Она копирует агрегатное состояние частей, особенно состояние внешней поверхности предмета, подвергающейся воздействиям извне. Физическая модель, то есть реальный образец объекта, будучи действующей, позволяет ее испытать, т. е. смоделировать внешнюю среду, весьма непредсказуемую и трудно математически формализуемую.

Сказанное позволяет сделать выводы как частного, так и общего характера, в том числе те, которые относятся к стратегии организации познавательной деятельности в системе обучения. Полагаем, что дистанционная форма обучения в вузах применима только по отношению к усвоению текстовых знаний, знаний техногенного происхождения. А формирование навыков, умений, знаний обращения с объектами натуральной природы, вариативными по форме, дистанционным способом априори невозможно. Формирование у человека знаний о свойствах натуральной природы требует обязательного проведения личного эксперимента с мягкими, гибкими, пластичными, вариативными объектами.

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО: ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА VS НЕКЛАССИЧЕСКОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ

Е. В. МАРЕЕВА

Классическая философия началась с поисков в душе человека идеального, где общее преобладает над частным. Сократ впервые признал способность индивида *самостоятельно* стремиться к идеалам – Истине, Добру, Красоте. Но когда Ф. Ницше в XIX в. констатировал, что «Бог умер», это означало, что умер платоновский Бог-Идея, Бог-Идеал. Сегодня мы продолжаем жить в ситуации исторического противоречия, когда идеалы высокой культуры и классической философии, выработанные аристократами духа прошлого, противостоят культуре масс, которой органична вульгарно-материалистическая философия, выражающая суть не общего, а частного бытия. Общеобязательности нравственного закона, заключенного в кантовском категорическом императиве, сегодня противостоит мир индивидуальных «ценностей», которые и в философии, и в жизни субъективны, относительно и корпоративны. Так обнаруживает себя суррогатность демократизма массового общества.

Первое проявление классической диалектики – *отрицательность*. И идеальное есть отрицание материального. Но в современном неклассическом философствовании чаще всего утверждается лишь одна сторона противоречия. «Вульгарный» материализм всегда стоит на том, что действительно лишь материальное. Подобное с точки зрения «философии повседневности» понятно: нынешний обыватель не верит в реальность идеалов, но спокойно признает «материальность» мысли.

За противопоставлением идеального и материального должно последовать второе отрицание, отрицание отрицания, когда материальное восстанавливается как особая форма материальности, представляющая идеальное содержание. И как раз диалектика позволяет теоретически воссоздать, каким образом материальное преобразуется (нем. *aufheben*) в идеальное. Э. В. Ильенков, который впервые в советской философии стал исследовать диалектику идеального, исходил из того, что противоположности идеального и материального нужно довести до обострения, чтобы увидеть их тождество в «третьем» – материальной предметной деятельности, где совпадают идеальный «проект» и материальное преобразование предмета, разведенные в современном обществе по полюсам физического и умственного труда [1, с. 6–62].

Идеал – это «симулякр», доказывали постмодернисты, окончательно редуцируя идеальное к материальному [2]. Так они проявляли свое ироническое отношение к реалиям массового общества. Но ирония как вызов самодовольству обывателя легко оборачивается цинизмом, что продемонстрировали ан-

тичные киники. Потому сегодня, как и в те времена, продуктивное развитие философии неотделимо от критики наличного бытия, если эта критика ведется от имени классического идеала, а не с позиции материализма – без идеального и релятивизма – без стремления к абсолюту.

Литература и источники

1. Ильенков, Э. В. Диалектика идеального / Э. В. Ильенков // Логос. – 2009. – Вып. 1.
2. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М., 2011.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛОГИКИ КЭРРОЛЛА: ОНТОЛОГИЯ ПАРАДОКСОВ

С. М. МАРКОВ

Загадки кэрролловских текстов стали разгадывать еще при жизни писателя. Но его персонажи все равно продолжают будоражить творческое мышление современников, доводя его до символизма и «психоаналитических заметок» в стиле В. Набокова, П. Шилдера, сюрреалистических иллюстраций «Алисы», выполненных С. Дали.

С философской точки зрения, и это мнение считается общепризнанным, Кэрролл (Доджсон) относится к направлению английских писателей-романтиков, воспринимавших мир через призму философского скептицизма и иронии. Для них мир – это хаос без закономерностей. Хаос выражается через причудливые формы ноуменов сознания Гулливера и Алисы. Мы их именуем модусами неформальной логики. В математике Кэрролл использует в доказательствах, как и Венн, метод диаграмм. Диаграммы позволили ему производить операции с вероятностными высказываниями и создавать невероятные парадоксы и головоломки внутри силлогистики.

В лингвистической философской литературе, например, в концепции философских парадоксов «кембриджской школы» Дж. Уиздома, а также Р. Сазерленда путешествия Алисы интерпретируются через анализ языковых форм, т. е. в философии постмодерна приключения Алисы как бы происходят в языковых формах: допустим, модального мышления Ж. Делёза. Смысл подхода Р. Сазерленда заключается в том, чтобы отдельные высказывания и рассуждения считать с точки зрения формальной логики правильными, но их комбинацию уже анализировать через законы символической логики.

Мы предлагаем использовать в интерпретации языковых игр Алисы методы формальной и модальной логики (см.: [1]). Для этого исследовать парадоксы Л. Кэрролла с учетом достижений воображаемой (в последующем конструктивной) логики русского ученого Н. А. Васильева.

В заключение отметим, языковая игра слов и их значений (концептов) в Зазеркальном (символическом) мире Кэрролла происходит по правилам как формальной, так и символической логики с элементами модальной, которая во времена чеширского мастера была неизвестна.

Литература и источники

1. Марков, С. М. Символическая логика в субъективной реальности Льюиса Кэрролла: головоломки и парадоксы / С. М. Марков // DIXI–2016: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: Сб. научных трудов / под ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. – Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2016. – С. 77–95.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

М. Г. МАРЧУК

Исследование процессов антропологизации научного знания предусматривает выявление определенных связей и отношений, которые имеют характер закономерных. Их наличие и позволяет говорить о существовании антропологических констант. Речь идет о существенных, неизменных характеристиках взаимодействия человека с миром и о понимании влияния этого взаимодействия на содержание и форму научного знания.

Ведущими антропологическими константами являются постоянные, устойчивые, сохраняющиеся параметры процесса научного познания, определяющие его антропологический потенциал, который по-разному проявляется и реализуется в исторически трансформируемом контексте познавательной деятельности, детерминируя последовательное изменение типов научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика).

Относительно человекомерности научного знания можно говорить о трех основных антропологических константах: 1) субъект-объектной когерентности, 2) социокультурной обусловленности, 3) аксиологической релевантности. Все они обуславливают процесс познания, но по-разному на каждом историческом этапе становления научной рациональности.

Субъект-объектная когерентность означает, что фундаментальные гносеологические категории «субъект» и «объект» неразрывные, неотделимые одна от другой, несмотря на вариативный характер их взаимодействия. Специфика исторических типов рациональности сводится, в конечном счете, к особенностям субъект-объектного взаимодействия. В классической науке в центре внимания был объект, а субъективная сторона считалась второстепенной. Рациональное познание понималось как более или менее «точное» отражение независимой от субъекта действительности, хотя конечный результат познавательной деятельности (знание) все более осознавался как опосредованный человеческими когнитивными возможностями, что и привело к становлению нового, неклассического типа рациональности.

Социокультурная обусловленность (следующая константа) влияла на познание даже в классический период, но была, так сказать, на втором плане. На первое место она вышла в процессе смены классической парадигмы науки неклассической. Неклассический тип рациональности характеризуется приоритетным вниманием к субъективным аспектам научного познания и, соответственно, его социокультурно-ценностной, исторической обусловленности.

Аксиологическая релевантность – третья важнейшая константа человекомерности научного знания, которая стала доминирующей в науке постнеклассического типа. Если на предыдущих этапах акцент в понимании субъект-объектного взаимодействия переносился с одной бинарной оппозиции на другую, то в современной науке и методологии произошло своеобразное «возвращение» к объекту, который стал человекомерным в прямом значении этого слова. Отсюда – новое субъект-субъектное понимание познавательного взаимодействия со всеми вытекающими философско-мировоззренческими, антропологически-ценностными и научно-методологическими последствиями.

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. В. МАСЛОВА

В докладе анализируется развитие научного познания, которое происходит в неразрывной связи со сменой способов существования и мышления. Реалии современного цивилизационного этапа развития указывают на ряд существенных изменений в осмыслении не только природы, но и мышления, самопознания человека в целом. Изменение самопознания происходит в связи с развитием технологий, которые меняют реальность. Сознание человека оказывается погруженным в технореальность, создание которой является следствием научных открытий, что выводит на ценностные основания и принципы, которые определяют дальнейшее развитие. Таким образом, необходимо прояснить взаимосвязь процесса научного познания, развития фундаментальной науки и того контекста, в котором она осуществляется.

Становление европейской науки, научного познания происходит под воздействием внутренних интеллектуальных преобразований каждой эпохи. Выделяют три различных способа существования и соответственно три этапа развития европейской рациональности. Это эпоха Античности, Средних веков и Нового времени. Для последнего характерно волевое преобразование мира. Предстоящее выступает как объект. Хладнокровие и сухость науки хорошо отражает эту скрытую установку времени. «Идти напролом ради цели, пренебрегая зачастую этическими, моральными принципами», – вот что характеризует эту эпоху. Именно с этого исторического момента наука приобретает свои четкие предметные границы; преобразуется из «рассмотрения действи-

тельного» как особой формы созерцания многообразного и сложноорганизованного мира в «сеть, которую мы забрасываем, чтобы уловить «мир», чтобы рационализировать, объяснить его и господствовать над ним», т. е. познать его.

На основании данного подхода к рассмотрению современной антропологической реальности становится необходимым поиск той точки неразличимости, в которой возможно наибольшее понимание каждого из этапов развития европейской цивилизации и мышления личностей, формирующих специфический модус бытия каждой из эпох. Таким образом, генезис технореальности указывает на неразрывную связь с онтологическим основанием мышления ученого современного общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17-23-01010.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ДИВЕРГЕНЦИИ И КОНВЕРГЕНЦИИ

И. В. МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН

В рамках выполнения проекта № 17-23-01017 РГНФ-БРФФИ «Дивергенция будущего человека: конвергенция технологий, их философское осмысление и этико-правовое нормирование» была поставлена задача: адаптировать модели нелинейной динамики к действительности социокультурных систем и представить концептуальные варианты этих моделей для выяснения парадоксов при проектировании конвергентных технологий и множественности гуманитарных реакций на них.

В центре внимания два парадокса: 1) детерминация будущего всегда оборачивается непредсказуемостью прошлого; 2) конвергенция траекторий социальной динамики вызывает дивергенцию культурных реакций, а конвергенция сценариев культурной динамики не вызывает аналогичной дифференциации путей социальной эволюции. Оба парадокса указывают на специфичность механизмов взаимозависимостей ценностей и целей, прошлого и будущего при самоорганизации социокультурных систем.

Акценты на прошлом, настоящем и будущем, а также характер взаимосвязей между этими временами, создают разнообразие социокультурных систем и восходят к их ментальным основаниям. Казалось бы, данное многообразие должно быть упорядочено и сглажено однообразием экономических принципов в процессах планирования при реализации технологий. Вместе с тем исследования практики экономического планирования выявляют воздействие восприятия времени, коренящегося в ментальности конкретной культуры, что создает разные «профили горизонта времени». Своеобразие «профиля» определяют два обстоятельства: а) существование приоритета одного времени над

другими или существование равенства всех времен; б) наличие тесной взаимосвязи времен, при которой постоянно происходит отслеживание запланированных переходов «вчера-сегодня», «сегодня-завтра», или наличие «разрывов» в этой взаимосвязи, при которых указанные переходы перестают быть объектом планирования. Специфика «горизонта времени» диктует отношение к инновациям и, следовательно, порождает особенности в организации экспертизы их последствий.

Социокультурные системы, всецело устремленные в будущее, являются «зоной комфорта» для разработки и реализации инноваций, поскольку цели, отнесенные в будущее, создают благотворную среду для селекции тех ценностей прошлого, которые способны ставить под сомнение содержание инновации. Разработка и реализация конвергентных технологий распределена по всем социокультурным системам, что оказывает деформирующее воздействие на селекцию ценностей в системах с иным горизонтом времени. В этих локусах возникает множественность гуманитарных реакций на образы инноваций. Моделирование процессов конвергенции и дивергенции должно учитывать: 1) социально-экономическую сущность конвергенции; 2) гуманитарную сущность дивергенции; 3) информационную природу процессов выбора и отбора. Концептуальным основанием данного моделирования служат «горизонты времени», позволяющие осуществить «сборку» перечисленных условий.

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. Ю. МОРОЗОВ

Нет смысла отрицать, что в наши дни под влиянием множества различных факторов формируется новое глобальное мироустройство, которое требует качественно иных познавательных средств. Бифуркационность современного этапа развития цивилизации вообще, и науки в частности, делает востребованными идеи нелинейности и неустойчивости, способствующие углубленному изучению процесса перехода от старого порядка через хаос к новому порядку. Усложнение мира, возрастание неопределенности, риска, нестабильности требует от современного исследователя не только внимательного отношения к глобальным цивилизационным трансформациям, но и философского их осмысления, поскольку на бифуркационном этапе не работает принцип аддитивности причин и следствия, и незначительные воздействия на систему ведут к весьма значительным последствиям.

В связи с этим, в конце XX – начале XXI в. актуализируются работы о принципах функционирования процессов, обладающих свойством существенной нелинейности, и делаются попытки изучать механизмы работы мышления с оснований трансдисциплинарной и синергетической методологии.

В работах отечественных методологов науки показывается, что в случае описания нелинейного стиля мышления речь не идет о задании на все времена исчерпывающего списка методологических принципов. Позитивистский идеал полного описания критериев научности не может быть осуществлен хотя бы потому, что границы научной рациональности, к счастью, расширяются. Это не означает, что наука вообще теряет отличие от других способов духовного освоения действительности. Ее границы существуют и могут быть обозначены, например, общими методологическими требованиями к теории как продукту научной деятельности способу фиксации научного знания.

В данной работе обозначаются некоторые философско-методологические принципы (принцип нарушения симметрии; случайность как дополнение необходимости; принцип дополнительности и другие), которыми руководствуется автор при построении синергетической модели мыслительной деятельности в процессах принятия решений со значительной долей неопределенности, а также раскрывается специфика их применения в данной предметной области.

Своеобразие работы в заданном аспекте вынуждает учитывать особенности подхода, как-то: невозможность экстраполяции законов без дополнительного исследования условий существования системы в иных пространственно-временных масштабах; необратимость развития самоорганизующихся систем; невозможность предсказания поведения целого лишь на основе исследования поведения его элементного состава. Но нелинейный стиль мышления ориентирует на готовность к появлению нового; соответственно, акценты делаются на исследовании условий неустойчивого состояния исходной системы и анализ альтернативных возможностей появления устойчивых состояний нового целого. Говоря точнее, в центре внимания – поиски симметрий и условий их нарушения для исходных систем, с одной стороны, и поиски условий когерентности вновь образующегося целого – с другой.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРАТЕГИИ КОГНИТИВИСТИКИ

М. А. НЕСТЕРОВА

Современное состояние когнитивных исследований можно описать как сеть, центрированную вокруг связанных между собой когнитивных наук и сопутствующих когнитивных практик и технологий, часть которых является реализацией когнитивных концепций, а часть еще не концептуализированы. Этот конгломерат когнитивных наук, практик и технологий в их единстве является феноменом постнеклассики и обозначается термином «когнитивистика» (М. Нестерова). В этом подходе когнитивистика выступает как сложная гиперсеть в коэволюционных процессах циклической обратной связи со сложной нелинейной гиперсетью человеческого мозга и сложной нелинейной когнитивной реальностью человека – как внутренней, так и внешней, социальной реальностью. Подобная модель позволяет прояснить определенные характе-

ристики когнитивистики – ее сложность, человекомерность, адекватность не только сложным объектам познания (мозг, психика, сознание, познание, мышление, социальное поведение и социальная реальность), но и сложной когнитивной системе человека. Общие тенденции концептуализации когнитивистики в качестве постнеклассического феномена характеризуют разворачивание ее в качестве гиперсетевого нелинейного образования, реализующего трансдисциплинарные стратегии когнитивистики в его разных узлах. Достаточно очевидно, что предметная область когнитивистики является довольно обширной и неопределенной. При этом мы можем говорить о ее трансдисциплинарности, ведь она характеризует такие исследования, которые идут «через», «сквозь» дисциплинарные границы, выходят «за пределы» конкретных дисциплин. Поэтому для когнитивистики целесообразно говорить о полидисциплинарных исследовательских полях, междисциплинарных исследованиях и трансдисциплинарных стратегиях исследования (Э. Морен). Отличительной особенностью трансдисциплинарных стратегий является перенос когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую в совместных проектах. Трансдисциплинарные стратегии когнитивистики требуют от исследователей наличия сложносистемного нелинейного мышления, которое отвечает как сложности познаваемых объектов, так и сложности самих процессов познания. Трансдисциплинарность когнитивистики и то, что она является феноменом постнеклассики, объясняет характерное отсутствие явных демаркаций не только между научными дисциплинами, но и между наукой, философией и культурой. Подобная целостность, в частности включенность культурных проекций, универсалий культуры (В. С. Стёпин), выдвигает особые требования не только к эффективности мышления, но и к ценностным установкам субъекта постнеклассической науки. Рассмотрение феномена когнитивистики с этой точки зрения требует по-новому задать вопрос о ценностных принципах современной науки не только в качестве определения статуса субъекта познания, значимости человеческих ценностей для полноценной реализации идеалов научного исследования, но и проявленности их в практической плоскости: в стратегиях деятельности, в том числе и в трансдисциплинарных стратегиях когнитивистики.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ

В. И. ПАВЛЮКЕВИЧ

Эффективность и значимость логической культуры в развитии познания отмечается со времен глубокой древности. В V веке до н. э. в Древней Греции мудрый Парменид в беседе наставляет молодого, находящегося в начале своего философского пути Сократа: «Твое рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно» [1, с. 358]. Далее Парменид рекомендует Сократу

побольше поупражняться в этом, отмечая, что «в противном случае истина будет от тебя ускользать» [1, с. 358–359].

Особо существенным является указание на роль рассуждения в поиске истины. Во времена Парменида логическое знание еще не достигло уровня научной теории, но важность для познания логической культуры в форме корректного рассуждения Парменид отмечает вполне точно и ясно. Теоретического статуса логическое знание достигает в исследованиях Аристотеля. Аристотель использовал свои определения законов непротиворечия и исключенного третьего как средства критики и опровержения определенных философско-методологических воззрений на познание, и прежде всего софистических спекуляций в этой области. К формулировкам этих законов Стагирит приходит в силу глубоко философских оснований. Аристотель отмечает, что «исследование начал умозаключения также есть дело философа, т. е. того, кто изучает всякую сущность вообще, какова она от природы...» [2, с. 125]. Формулировки законов непротиворечия и исключенного третьего имеют у Аристотеля логический, методологический, онтологический и психологический варианты.

Эпистемологические аспекты в трактовке предмета логики и ее законов прослеживаются в последующем в трудах всех известных логиков. Так, Антуан Арно и Пьер Николь отмечают, что «Логика есть искусство верно направлять разум в познании вещей, к коему прибегают как для того, чтобы обучиться этому самим, так и для того, чтобы обучить других» [3, с. 30]. И. Кант трактует логику как науку о необходимых законах рассудка и разума [4, с. 120]. Дж. Ст. Милль, характеризуя значимость логики в исследовательской деятельности, отмечает, что «Логика есть великий преследователь темного и запутанного мышления, она рассеивает туман, скрывающий от нас наше невежество и заставляющий нас думать, что мы понимаем предмет в то время, когда мы его не понимаем». В. Минто тоже подчеркивает практическую значимость логики в процессе познания как средства, удерживающего нас от заблуждений: «Именно существование заблуждений и вызывает потребность в логике; она имеет значение как практическая наука, предохраняя ум от заблуждений. Исторически она именно так и произошла» [5, с. 25]. Фундаментальное и универсальное определение логики, существенное для осмысления ее эпистемологической ценности, дал Готлоб Фреге: «Логика есть наука о наиболее общих законах бытия истины» [6, с. 307]. Это определение указывает на специфическую глубину целей логики и ее сущностную связь с философским познанием.

Литература и источники

1. Платон. Парменид. Собрание сочинений в 4 томах / Платон. – М., 1993. – Т. 2.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения в четырех томах. – М., 1976. – Т. 1.
3. Арно, А., Николь, П. Логика или искусство мыслить / А. Арно, П. Николь. – М., 1991.
4. Кант, И. Логика / И. Кант // Трактаты и письма. – М., 1980.
5. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – СПб., 1995.
6. Фреге, Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге. – М., 2000.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НЕАВТОРИТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ

И. Г. ПОДПОРИН

Одной из инструментальных задач философии является создание новых философских дискурсов. Эта вечно актуальная задача выступает предпосылкой получения результата, по которому можно судить о развитии философского знания в определенных социокультурных контекстах.

В прошлом веке сформировался ряд социально-философских традиций, создавших новые философские дискурсы, социальная имплементация которых была подчинена стратегиям и тактикам социальной эмансипации. Подобные проекты разворачивались в рамках критической теории, структурализма и постструктурализма, философской герменевтики, респонзивной феноменологии. В указанном смысле одним из подобных современных направлений является так называемый постмарксизм, активно использующий психоаналитический дискурс. Различные версии эмансипационных дискурсов содержат интенцию, которую можно обозначить как попытку реализовать неавторитарное мышление. В наиболее радикальных и репрезентативных формах эта интенция была выражена в попытках отказа от статичных универсальных концепций (М. Фуко), логико-дискурсивных бинарностей (Ж. Деррида), создании новых «логик», в частности, так называемой логики различения (например, у А. Бадью) и т. п. проектах. Несмотря на существенные различия указанных и иных эмансипационных дискурсов, представляет существенный интерес их логическое измерение. В этом ракурсе становится возможен ответ на вопрос, привносят ли подобные проекты нечто принципиально новое в мышление, его социальное продуцирование и применение.

Под неавторитарным мышлением предлагается понимать программу последовательной рефлексии с целью такого видоизменения дискурсов, при котором логические операции и грамматические конструкции помещаются в социально-эмансипационный контекст. Реализация указанной программы имеет свои эпистемологические предпосылки, среди которых можно выделить две группы, имеющие отношение 1) к «чистому разуму» и 2) к «практическому разуму». В первом случае речь идет об установках, снимающих имманентную авторитарность мышления. К ним относятся установки, предполагающие отказ от эпистемологической нейтральности, дескриптивности мышления, рефлексивность в отношении модальностей мышления, конструирование логико-грамматических модальностей через принцип отнесения к возможным мирам и др. Во втором случае – это установки, преодолевающие социально-авторитарную релевантность мышления. К подобным установкам относятся постметафизичность мышления, априорная социальная релевантность мысли, респонзивность субъекта мышления и принципиальная незавершенность процесса мышления в социально-утопической перспективе.

ОТ ОНТОЛОГИИ И ГНОСЕОЛОГИИ К ОНТОГНОСЕОЛОГИИ

М. М. ПРОХОРОВ

Раскрытие культуросозидающей роли философского знания в мировоззренческом и методологическом планах требует выявления основоположений перехода от онтологии и гносеологии к онтогносеологии. Оно содействует координации философских школ, совершенствует стратегию исследований, будучи принципом транспарадигмальной программы в философии и обеспечивая связь классики с современными трендами.

Тренд к единству онтологии и гносеологии автор обнаруживает в ходе анализа мировоззренческого развития – от мифологии к религии и, далее, к философии, в которой это единство становится основополагающим принципом, задающим *общее освещение в философии, выражая* специфику ее мировоззрения и методологии (мифологическое мировоззрение не разделяет и не противопоставляет базисных противоположностей – материального и идеального, объективного и субъективного, оно синкретично; религиозное, начиная с удвоения мира, заканчивает «двойственной истиной»).

Онтогносеологическое единство в философии выражает себя в постановке и решении основного вопроса философии: если есть бытие, то оно познаваемо, если мир познаваем, то познаваема суть и формы бытия (Парменид). И без этой «связки» философии не существует, ибо познание не может быть направлено лишь на самое себя, быть «самопознанием». Онтология предполагает гносеологию, а теория познания – онтологию; структура основного вопроса философии образует содержательно-логический каркас философии как особой формы знания, в ней резюмируется, по существу, все содержание философского знания (продемонстрировано Ф. Энгельсом). Основной вопрос философии предстает как область взаимоопределения, взаимовлияния онтологии и гносеологии.

Взаимосвязь онтологии и гносеологии остается проблемой и современной философии. Упрощенно говоря, в советский период философы разделились на онтологов (ленинградцы) и гносеологов (москвичи и киевляне). Наблюдалось сведение философии к онтологии либо к гносеологии. Редукция этих полярных позиций не преодолена и до настоящего времени. Одни говорят о мире в терминах эпистемологии или антропологии, отталкиваясь от познающего субъекта, его опыта и внутреннего устройства, другие в терминах онтологии, помещая субъекта внутрь мировой истории в качестве одного из ее моментов. Так, проф. О. Е. Столярова возводит их к учениям Н. А. Бердяева и А. Ф. Лосева.

Современная литература стремится преодолеть эти противоположности путем их синтеза. Например, проф. Э. А. Тайсиной предложена концепция «экзистенциального материализма». К сожалению, анализ концепции показывает, что она возвращает нас к мифологическим началам, к синкретической

«склейте» онтологического и гносеологического, объективного и субъективного, отрицающей их «расчлененность».

При отказе от синкретизма, согласно автору доклада, теоретически возможны три «образа» соотношения онтологии и гносеологии: дуализм, редукционизм и решающая проблему взаимного влияния онтологии и гносеологии диалектическая модель их взаимосвязи. Эти варианты обнаруживаются в истории философии.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ПОЗНАНИИ: ЕДИНСТВО СИТУАТИВНОСТИ И СИСТЕМНОСТИ

Н. М. СОЛОДУХО, М. Н. СОЛОДУХО

Ситуация амбивалентна: она способна существовать в двух ипостасях: системной и ситуативной. Ситуация может быть устойчивой и динамично меняющейся, длительной и скоротечной, структурированной и бесструктурной, целостной и дробной, определенной и неопределенной, с ясно очерченными и с размытыми границами.

Отсюда два подхода к пониманию ситуационного.

Первый – обыденное понимание понятия «ситуационности», когда ее отождествляют с ситуативностью:

- 1) случайность,
- 2) размытость границ,
- 3) неопределенность,
- 4) мобильность,
- 5) поливариантность,
- 6) плюралистичность,
- 7) факторная равнозначность.

Второй – понимание понятия «ситуационности» с учетом двух составляющих сторон: ситуативной и системной:

- 1) неустойчивость / стабильность,
- 2) краткость / длительность состояний,
- 3) неопределенность / определенность
- 4) безграничность / наличие границ,
- 5) бесструктурность / структурированность,
- 6) отсутствие детерминирующих факторов/ наличие детерминанты,
- 7) дифференцируемость / единство.

В настоящее время часто с ситуационным подходом соотносят: с одной стороны – единичность и уникальность, конкретность и историчность; с другой стороны, под ситуациями понимают как устойчивые, так и повторяющиеся состояния объектов. Именно так понимается контингентный подход в менеджменте (как сочетание системности и ситуативности). Другой пример ситу-

ации в экономике – это конъюнктура, которую анализировал Н. Д. Кондратьев в своих известных «Больших циклах Конъюнктуры». Это и есть ситуационный подход в его широком понимании.

Таким образом, ситуационность предполагает как неустойчивость, так и стабильность, как краткость, так и длительность состояний, как неопределенность, так и определенность, как безграничность, так и наличие границ и пр. В отличие от этого ситуативность несет в себе главным образом лишь один аспектный ряд: непредсказуемость, сиюминутность, уникальность, единичность и т. п.

Понятие «ситуационность» сводит понимание к ситуациям в их более широком смысле и граничит с понятием «состояние», вмещающим в себя противоречивое единство противоположностей – динамики и статики, случайного и необходимого, единичного и общего, сменяющегося и длящегося, и т. п. В первом значении ситуация может быть представлена сколь угодно долгой и сколь возможно общей так же, как и состояние.

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что понятие «ситуация» шире понятия «система». Поэтому: «Ситуация – это то, что создает систему и предшествует ей, а также то, что определяет состояние системы и наличествует в ней, кроме того, это то, что приводит к распаду системы или ее преобразованию. Ситуации – это то, что сопровождает систему от ее зарождения до ее исчезновения, что сопутствует ей и служит постоянным детерминирующим «фоном». Ситуация – сторона системы и она больше чем система, так как существует вне, до и после системы.

ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

А. Н. СПАСКОВ

Для того чтобы построить единую фундаментальную физическую теорию, необходимо преодолеть различия между уже известными научными теориями, такими, например, как общая теория относительности и квантовая механика, а это возможно лишь на общих, более глубоких основаниях. Но эти основания, как мы полагаем, находятся уже за пределами физического и механистического объяснения и выводят нас в область психического и на уровень психофизического единства.

В этом смысле мы и начинаем разработку нового подхода в рамках альтернативной физической теории суперобъединения и на основе принципа психофизического единства с космологической гипотезы происхождения Вселенной как свободного акта сотворения идеального первообраза и его объективного отображения в материальном воплощении и дальнейшего процесса их коэволюционного развития от простого к сложному. Это коэволюционное развитие предполагает активное сотрудничество и сотворчество всех индиви-

дуальных субъектов на всех уровнях иерархического возрастания сложности: от самой элементарной психической монады, воплощенной в элементарном физическом теле до абсолютной монады, созидающей всевозможные миры и все их субъективное и объективное разнообразие.

В основе диалектического развития системы понятий у Гегеля также предполагается некоторый системообразующий принцип генерирования идей и мыслеобразов на основе простейшего информационного кода, которые лишь на стадии декодирования и распознавания смысла принимают форму понятий, имеющих значение для нас. Мы имеем в виду, что необходимо должна существовать некоторая более фундаментальная допонятийная форма выражения идей. И эта форма мыслеобраза, согласно нашей гипотезе, должна непосредственно соответствовать ментальным состояниям нашего субъективного ума, в соответствии с принципом тождества бытия и мышления.

Следовательно, мы и должны найти тот универсальный язык, на котором говорит вся природа, тот фундаментальный информационный код, который понятен всем индивидуальным субъектам. Мы полагаем, что за каждым понятием должен быть какой-то простейший мыслеобраз, в котором закодирована выражаемая в понятии информация, имеющая определенный смысл и значение, которые становятся понятными воспринимаящим эти мыслеобразы субъектам благодаря отождествлению их ментального состояния с воспринимаемой идеей и, в конечном итоге, достижению взаимопонимания двух субъектов в процессе коммуникации на основе тождественности их ментальных состояний.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ НАБЛЮДЕНИЙ НА ЭТАПЕ ПОИСКА ЕДИНОЙ ТЕОРИИ

А. Ю. СТОРОЖУК

Теоретическая нагруженность наблюдений всегда была сложным критическим аргументом для философов позитивистского направления. Они либо отрицали ее вовсе, либо отстаивали хотя бы небольшую возможность прямого наблюдения. Почему? Потому что на карту было поставлено очень многое. Философы Венского кружка в своем манифесте объявили чистое наблюдение объективным и независимым источником знаний о мире. С ним связывались следующие эпистемологические значимые ценности:

1) объективность (в том числе понимаемая как интересубъективная проверяемость, так как органы чувств у разных людей анатомически устроены примерно одинаково);

2) познаваемость мира (в философии присутствуют учения подобные сетчаточным образам у Декарта, призванные обеспечить беспроблемный переход от мира физических вещей к *qualia*);

3) истинность (предложения наблюдения, выраженные в виде протокольных / базисных утверждений, обладали более высоким эпистемологическим статусом как свидетельства. Их истинностное значение принималось за достоверное, а истинность всех остальных утверждений теории определялась с помощью эмпирической редукции сравнением с протокольными);

4) значение терминов (значение научного термина определялось посредством эмпирических процедур наблюдения или измерения, теоретический термин должен был операционально сводиться к наблюдаемым);

5) демаркация науки и метафизики (термин, не получивший значения путем сведения к наблюдению, объявлялся метафизическим, следовательно, бессмысленным и подлежал элиминации из теории).

Также следует отметить лежащее в основе логического атомизма предположение об онтологической и эпистемологической возможности деления мира на отдельные фрагменты.

Однако позже концепция чистого наблюдения была раскритикована, и одним из значимых контраргументов стал аргумент теоретической нагруженности. Признать теоретическую нагруженность наблюдений эквивалентно тому, чтобы остаться без эпистемологии. Чистое наблюдение рассматривалось как независимый источник знаний о мире. Признание, что в его состав входит теоретическая компонента, лишало его привилегированного эпистемологического статуса и низводило его на уровень сомнительного свидетельства.

Причин тому было несколько. Так, если в состав наблюдения входит теория, вовлекаемая, к примеру, вместе с теоретическими терминами, используемыми для описания результата наблюдений, то возникает целый ряд проблем. Одна из них – опасность порочного круга. Если для интерпретации результатов наблюдения используется проверяемая теория, то сравнивается не теория и опыт, а проверяемая теория сама с собой. Другая трудность состоит в том, что сравнивается не теория и опыт, а две различные теории, которые могут быть ошибочны, и неверной может оказаться не проверяемая теория, а интерпретирующая, а также есть опасность фальсификации более истинной теории. Кроме того, ошибочность интерпретирующей теории может вести к накоплению ошибок в собираемых данных.

ОНТИЧЕСКАЯ И ЭГОЛОГИЧЕСКАЯ ПУСТОТА

А. С. ТУЛЕУБЕКОВ

Пустота (или, пустое) – в онтическом смысле представляет собой действительный ситуативный фон; в трансцендентально-когнитивном смысле – глубоко человеческая экзистенциальная свобода, допускающая онтическое местоположение человека и субъективную расположенность по отношению к конкретному наблюдаемому миру в определенной интенциональной перспективе. Пустота в отношении ситуации представляется свойством онтоса, а в отношении к трансцендентальному сознанию – признаком онтоса. Движение

от свойства к признаку в форме качества происходит в процессе познания. К примеру, онтические вероятности бытия всего как экзистенциальная возможность вариативности существования предполагают свободу в качестве онтической пустоты. Трансцендентальное (чистое) сознание рассматривается как внешнее, преходящее из действительности утверждение субъективно-мирского существования в человеке и возможное благодаря условиям действительности. Трансцендентальное сознание – это «окруженное изгородью поле», на котором растет та же растительность, что и за изгородью. Трансцендентальное сознание – это та же природа, что и действительность: в нем происходит те же процессы, что и вне его, он подчинен тем же законам, что и сама природа. Единственным его отличием от природы является то, что трансцендентальное сознание имеет рубежи, имеет свое чистое условное субъективное определение: им является человеческое свойство осмысления / мышления, или, иначе, язык. Само по себе сознание, интерпретируемое теперь как полагаемое в онтической пустоте человека, являет собой эгологический субстрат. Оно, сознание, субъектно предустановлено как внутренний человеческий мир, и оно полагаемо трансценденцией онтоэгологической пустоты. Иными словами, онтоэгологическая пустота и есть та внечеловеческая возможность человеческого, которая в то же время может всеохватно восприниматься человеком как человеческое. Ситуация, в которой находится человек, есть, по большому счету, развернутый вариант онтической пустоты, граничащий с онтологией хронотопса человека (или эгохронотопса). На данном этапе, ссылаясь на витгенштейновский концепт «факта бытия», есть все основания использовать данный концепт в описании природы ситуативной действительности человека, совмещающей (по-модернистски) и субъективный, и объективный миры, где субъективный мир близок по смыслу к эгологической пустоте, а объективный мир – к онтической пустоте и эгохронотопсу. Укажем лишь на то, что до проявления языка человек уже относится к действительности посредством заложенных в нем эгохронотопологических характеристик, предполагающих трансценденцию в модусе пустоты. Отмечу еще раз, что пустота (онтическая, переходящая затем в эгологическую) не означает конечного отсутствия чего-либо, но является чистой онтологией действительности с необходимым присутствием в нем человека вне всякой концентрации на человеке.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОДЫ ЭФФЕКТИВНОГО АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

О. А. ТУРКИНА

Основным средством формирования и воздействия на мировоззрение человека является язык. Он же является одной из сфер проявления когнитивных процессов [1]. Как конвенционально-знаковая система язык обладает способностью ситуативно актуализировать любую составляющую картины мира.

Эти составляющие эксплицируются через темы и представляют собой отраженные в сознании адресанта референты (объекты реальности или ее фрагмента). В широком смысле под «картиной мира» понимается совокупность представлений о мире и месте человека в нем, которые регулируют жизнедеятельность индивида определенным для данной культуры образом. Под дискурс-картиной мира (ДКМ) мы, проводя исследование в контексте каузально-генетического подхода (КГП) к анализу дискурса, понимаем предмет-ориентированное (референтное) содержание дискурсий соперников в их пересечении: о чем общение, как она репрезентирована в речи, с какими доминантами, какой номинативный ряд актуализирован [2, с. 17–28]. Таким образом, дискурс-картина мира выступает как своего рода метафорический термин, который демонстрирует многогранность «красок» репрезентируемого коммуникантами мира. Можно встретить в работах представителей данной школы следующее определение данного феномена: «ДКМ – это функциональная типобразующая дискурс-категория, характеризующая совокупность представлений о мире (его фрагменте), определенный способ концептуализации действительности, характерный для конкретного социального / коммуникативного феномена и отраженный в дискурсе его субъектов» [3, с. 116–117].

Исследовательская модель КГП сосредоточивает внимание на том, что в контексте дискурс-лингвистических исследований анализ неизбежно поддерживается синтезом, а реконструкция различных планов содержания – их целостным воплощением в коммуникативной деятельности. Изучение дискурса конфронтации-соперничества с позиции данного направления позволило нам множественно моделировать тот или иной тип дискурса и построить как прототипическую, так и функциональные модели участников этого типа дискурса.

Литература и источники

1. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: вступ. статья / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петров; под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989.
2. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр.: в 6 вып. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ: Технопринт, 1998–2009. – Вып. 4: Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Е. В. Савич, Н. В. Ефимова. – 2008.
3. La table ronde: сб. материалов / Белорус. гос. ун-т. – Минск: БГУ, 2013. – Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВЕРЫ И РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ

В. А. УТКЕВИЧ

Вопрос о том, что представляет собой безусловно сущее, явился тем самым краеугольным камнем, который лежал в основе всей древнегреческой философии. Один из вариантов ответа на него заключается в утверждении о вечности и неизменности этого сущего. Необходимо отметить, что мир как таковой в качестве своего «чистого» онтологического бытия вообще не может восприниматься человеком эмпирическим способом. С другой стороны, рациональное познание также имеет достаточно четко выраженные границы. Синтез же эмпирического и рационального дает позитивные результаты только лишь в рамках чисто научного познания. Не только в религии, но и в рамках философии необходим особый гносеологический акт – акт веры.

Безусловно, любое познание основывается на вере. Причем прежде всего на вере как доверии человека к своим собственным способностям адекватно познавать действительность. Однако философское познание, являясь не только познанием данной действительности, но и особым типом рефлексии над полученным знанием, тем самым одновременно представляет собой и рефлекссию над понятием веры как доверия. В принципе, философия в этом отношении во многом похожа на религию. Существенное отличие между ними заключается в том, что в последней истина носит ярко выраженный онтологический характер. Такая Истина в религиозном контексте называется Богом. Причем, она не просто познается человеком, она мистическим образом открывается в его душе. Соответственно, верующий человек доверяет в первую очередь не своему разуму, но и не своим органам чувств, а Богу.

В рамках же философского познания считается, что люди доверяют по большей части собственному опыту. Естественно, что, основываясь на таком доверии, они не нуждаются в предстоянии перед действительностью в качестве онтологически подлинных существ. С другой стороны, именно такое предстояние является важнейшим условием их подготовки к правильному восприятию истины. Если же истина не воспринимается человеком как нечто безусловно сущее, то его вера в данном случае будет носить субъективный характер. Конечно, многие философы стремились преодолеть данную субъективность путем придания философскому знанию подчиненного относительно религии характера. Так, например, о подобном соотношении религиозной веры и философского знания говорили в средневековой Европе, определяя философию служанкой богословия.

В заключение отметим, что в связи с актуализацией теологических исследований на постсоветском пространстве вопрос о взаимодействии философии и религии в настоящее время имеет не только теоретическое, но и практически важное методологическое значение.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЗНАНИЯ

Г. М. ХАЙДАР

В современном научном познании проблема соотношения материи, психики и сознания занимает особое место. Австралийский философ Д. Чалмерс предложил разделить проблему сознания на «легкую» и «трудную» [3]. К «легкой» проблеме сознания можно отнести реакции на внешние стимулы, их дискриминирование и категоризацию; отчеты о ментальных состояниях; интегрирование информации когнитивной системой; фокус внимания; контроль поведения; научение; различие между бодрствованием и сном. «Трудная» представляет из себя проблему субъективного опыта и решает вопрос, почему физический процесс переработки информации дает начало внутреннему чувственному опыту, квалиа.

Информационный подход к проблеме сознания определяет любое явление сознания как определенную информацию, присущую индивиду. Рассматривая различные когнитивные структуры, разработанные современными исследователями, следует отметить, что биологические системы представляют собой сложные механизмы взаимодействия сознания и окружающего мира. Знаменитый нейрофизиолог Экклс вместе с философом Поппером в книге «Я и его Мозг» представили Я как программиста, а его Мозг как компьютер [1]. Известны также теории, объясняющие информационный концепт сознания в рамках квантовой механики. В то же время сознание не выходит за пределы психологических процессов. В нейрофизиологическом процессе воздействие внешнего мира преобразуется в состояния и процессы нервных структур: импульс – реакция – возбуждение – торможение. На основе работы нейродинамического аппарата происходит преобразование, кодирование и перекодирование физиологических процессов и состояний, имеющих объективный, материальный характер, в психологические, субъективные процессы и состояния, дающие возможность человеку в доступных для живого организма формах осваивать содержание явлений и законов объективной действительности [2].

Мозговые процессы и психические явления могут быть представлены в едином концептуальном строе. Информационная концепция сознания включает в себя не только интеграцию биологических и физических путей к представлению сознания, но и синтез определенного методологического подхода к проблеме. Обращаясь к теории информации, возможно применение к теории сознания не реальных физических процессов, а и моделей в рамках теории вероятности. Изучение сознания не является лишь физиологической, психологической или социологической проблемой. Рассматривая сознание как информационный феномен, предполагается применение информационной концепции для изучения проблемы искусственного разума.

Литература и источники

1. Пинкер, С. Как работает мозг / С. Пинкер. – М.: Кучково поле, 2017.
2. Тугаринов, В. П. Философия Сознания / В. П. Тугаринов. – М.: Мысль, 1971.
3. Chalmers, D. J The conscious mind In Search of Fundamental Theory / D. J. Chalmers. – Oxford University Press, 1996.

TIERS OF ARGUMENTATION

И. В. ХОМЕНКО

The aim of my talk is to look at argumentation from a standpoint of its tiers. I consider various criteria for distinction of argumentation tiers. For example, I would like to specify such characteristics as ‘perspectives’ and ‘orientations’.

I begin with the approach proposed by J. W. Wenzel. It should be noted that his position has been considered by scholars as a standard view on debated issue.

He distinguishes three perspectives on argumentation: logical, rhetorical and dialectical. The first related to the argumentation product, the second – to the process of argumentation, the third – to its procedure.

However, in the last few years a lot of researchers have criticized the Wenzel’s approach about perspectives on argumentation. Based on these works, the ideas of other researchers and generalizing their results I propose to use such characteristic for distinguishing argumentation tiers as their orientations.

From my point of view logical tier is a textual-oriented tier of argumentation, which includes meta-arguments about inferential structure of object arguments, isolated from arguers, audience and context of argumentation.

Rhetorical tier is an audience-oriented tier of argumentation, which includes meta-arguments related to the audience reception of argumentation.

Dialectical tier is an opponent-oriented tier of argumentation, which includes meta-arguments related to object argument’s defense from possible criticism of other arguers and rules for the dispute procedure.

Additionally I add such tier as cognitive one. What is this tier? In order to answer this question let’s first emphasize on logical tier.

Until the middle of the 20th century, the dominant approach to the study of argumentation was a logical, or rather formal-logical one. Logic is concerned primarily with reasoning and its definition as the science of reasoning can be found in numerous text books on logic.

Within logical point of view, argumentation should be understood as a text with reasoning produced by some person and available for logical reconstruction.

One problem with the traditional picture is that many people in daily life not always argue like that.

Over the past half century in cognitive psychology, a lot of experimental data accumulated. They testify to the discrepancy of the logical theory with the practice of reasoning, namely conditional, counterfactual and even syllogistic.

Moving on, I am going to bring your attention to some situations confirming the fact that a person in daily life tends to be guided not only by the canons of logic, but by the context, cultural stereotypes and others effects. It could be pointed out that all of these points relate to human's mental (cognitive) presentation of the world.

For these purposes I present the second part of my talk: experimental investigations. I begin with consideration about the experimental results called «Suppression task». The author of this experiment is R. Byrne.

Then in order to justify the importance of taking into account cognitive tier in argumentation analysis I would like to show some application of my ideas based on the story called «Stag Hunter».

АНТРОПНОЕ ВРЕМЯ: ЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В. Б. ХАНЖИ

Предлагаемые тезисы посвящены проблеме насыщения особой формы темпоральности – антропного времени (Ханжи, 2014) – этическим содержанием. В сложной конструкции антропного времени выделяются две оси его конституирования: вертикальная и горизонтальная. Первая ось формируется как абстрактное соотношение более и менее масштабных временных единиц, выражающих темпорально-сущностные смыслы различных уровней человеческого бытия – от единично-личностного до общечеловеческого. Вторая ось образуется на основании соотнесенности однопорядковых «матрешек времени» в рамках общей для них более масштабной темпоральной единицы.

Исходя из того, что в качестве имманентного двигателя антропного времени рассмотрена свобода воли, мы задались вопросом о становлении антропного времени на основании таких ее векторов, как «свобода во благо» и «свобода во зло». Каждая единичная «временная матрешка», являющаяся самоорганизующейся системой, неизменно за счет такого своего свойства, как открытость (наличие способности обмена энергией, информацией с иными «ячейками»), начинает обрастать связями с «матрешками времени», формирующимися на основании деятельности других субъектов группы. Принятый в качестве концептуального начала экзистенциально-деятельностный аспект формирования и саморазвития системы антропного времени имплицитно несет в себе качественную компоненту информационно-энергетической адресованности на другие темпоральные единицы. Причем этот процесс осуществляется не только по горизонтальной, но и по вертикальной оси. А поскольку речь идет о взаимодействии самоорганизующихся систем, то выстраивающиеся связи оказываются обратными. Конечно же, взаимообмен (напомним, в данной работе рассматривается взаимообмен интенциями добра и зла) в обратных связях между временными ячейками потенцирует множество альтернатив его промежуточных и итоговых результатов. Однако мы хотели бы привлечь внимание

читателя к опасному (но, к сожалению, достаточно распространенному) варианту – варианту развертывания единично-личностной «временной матрешки» на основании интенцированной злом свободы. С одной стороны, определенный уровень потерь по критерию интенсивности развертывания смыслового начала может побудить временную единицу совершить, используя свои глубинные резервы, самомотивированный скачок (положительная обратная связь). В данном случае это будет способствовать приращению злых тенденций в самой «матрешке». С другой стороны, потери иных «матрешек времени» в интенсивности эманации изначально заложенного в них смыслового начала (к примеру, этически позитивной, благой свободы воли) нередко приводят их к необходимости поиска «донорской помощи» извне. И если таковую окажет именно фундированная «свободой во зло» темпоральная единица (отрицательная обратная связь), то в поддержанных «соседях» начнут доминировать пагубные устремления. Резонанс зла как между однопорядковыми, так и между разнопорядковыми образованиями антропного времени, таким образом, начнет ощущаться во все более значимых масштабах. В педагогическом языке подобное явление обычно именуют «распространением разлагающего влияния».

Решением данной проблемы видится изыскание оптимального принципа сосуществования единиц антропного времени, однако, в силу лимитированности объема тезисов, мы рассмотрим этот вопрос в последующих публикациях.

ON FODOR'S LANGUAGE OF THOUGHT HYPOTHESIS AND ANTI-LEARNING ARGUMENT

CHEN YUEHAN

Jerry Fodor's Language of Thought Hypothesis advocates that the thinking processes in language-like vehicle. Based on analysis in this assumption, this paper points out that the symbols of Language of Thought is undecomposable conceptual atomic representation in essence, and that conceptual atom is innate, which depends on three less than satisfactory anti-learning arguments: (1) learning concepts are a circulation; (2) empirical trigger is occasional; (3) learning stereotype is not the same thing as concept acquisition. After critical research on the connotation of Fodor's Innateness and anti-learning argument, this paper will analyze the metaphor of database and finally conclude that, in order to accommodate Innateness with Learning, it is necessary to distinguish Learning from Acquisition, and concepts have to be learned and remolded molecules.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

А. А. ШЕВЧЕНКО

Эпистемология добродетели (*virtue epistemology*) возникает как альтернатива двум конкурирующим концепциям обоснования научных теорий – когерентизму и фундаментализму с присущими им достоинствами и недостатками. Общая критика традиционной эпистемологии (и классической концепции знания) состоит в том, что споры о различении знания и мнения имеют смысл только в контексте воображаемого разговора со скептиком. Но вне такой полемики обсуждение проблем знания и обоснования по сути дела не имеет собственного позитивного содержания. Конечно, вообще избавиться от воображаемого скептика вряд ли возможно. И надежность, и ответственность, и само наличие добродетелей у познающего субъекта могут стать объектом новых скептических возражений. Однако помещение познавательной проблематики в более широкий контекст «правильного» практического действия открывает новые возможности для ответа на скептическую аргументацию. По мере развития и расширения дискуссий о возможности решить «проблему Геттиера» стало очевидно, что истинность или обоснованность мнения – не единственные его эпистемические характеристики. Другие важные характеристики включают, например, его рациональность, источник, надежность формирования и др. К этому ряду предлагается добавить и его сформированность на основе определенного набора познавательных добродетелей. Такое разнообразие характеристик в свою очередь приводит к мысли о том, что, возможно, сам фокус на знании как основной эпистемической характеристике не является вполне оправданным. Возможно, что знание ценно не само по себе, а как средство, способствующее пониманию мира, что, собственно, и является конечной целью всякого познания.

Сильная сторона подхода состоит в том, что такое расширение эпистемологии позволяет обогатить сам язык и проблематику споров о природе знания, перейдя от разговора о его необходимых и достаточных условиях к более насыщенной эпистемологической проблематике, которая включает уже вопросы о роли процедуры обоснования в процессе познания, соотношении между знанием, обоснованием и пониманием, необходимости учета поведенческой активности субъекта познания. Использование этического категориального аппарата в сфере эпистемологии вызвано схожестью ряда проблем, с которыми столкнулись как этика, так и теория познания и, прежде всего, необходимостью исключить роль удачи и случая как при оценке поступка на моральность, так и при оценке высказываний на истинность. Так как проблемы в теории познания в первую очередь связаны с ограниченным пониманием процедуры обоснования, то перенос акцента на характеристики познающего субъекта («добродетели надежности» и «добродетели ответственности») позволяет

обогатить язык и проблематику споров о природе знания, а также усомниться в некоторых догмах относительно связи между знанием и обоснованием. В то же время рассмотренный подход («эпистемология добродетели») вряд ли способен разрешить проблемы, выявленные Э. Геттиером, в силу неустраняемости случайности из процесса познания.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ

Д. И. ШИРОКАНОВ

В процессе развития и обогащения собственного содержания философские категории все отчетливее обнаруживают связь между собою и взаимные переходы. Лучший способ воспроизведения объекта в системе понятий представляет собой метод познания на основе движения от абстрактного к конкретному. Он позволяет теоретически раскрыть отражаемый объект в его существенных моментах, внутренних отношениях, связях и переходах, выявляемых на основе практики. Чтобы отразить эти связи, категории также должны быть взаимосвязанными. Следовательно, взаимосвязь категорий, их отношения и взаимные переходы обусловлены, во-первых, диалектическим характером отражаемых ими отношений, связей, зависимостей в самой объективной действительности, во-вторых, диалектическим процессом развития самого познания.

Абстракции – могучее средство теоретического обобщения опытных данных, практического овладения миром, познания сущности явлений. Однако они не даны человеку, его мышлению от природы, а являются результатом длительного развития человеческого познания на основе общественной практики.

На современном уровне научное познание оперирует различными по общности и глубине абстракциями, и каждая из них как понятие играет свою роль в отражении объективной действительности. Некоторые из этих понятий конкретизируют более общие понятия или отражают новые, ранее не известные объекты познания. Одни отношения и связи имеют сравнительно небольшую историю своего развития; другие же существуют на протяжении длительной истории познания и потому претерпели более или менее существенные изменения, так что анализ их как форм отражения требует учитывать историю развития познания, становление и формирование их как диалектических форм отражения. С категориями – основными и наиболее общими понятиями – связано становление и развитие научного познания как логически обоснованного знания о мире, его законах.

В ходе познания изменяются содержание, объем и у наиболее широких, общих понятий. С развитием научного познания логические категории, например, охватывают все более широкий круг явлений, связей, различных, ранее не известных науке, уровней организации материи; обнаруживаются области перехода, развития одних понятий в другие. Объем понятия оказывается при

этом не столь строго очерченным, как предполагалось раньше, а граница одного понятия, отделяющая его от другого, не столь жестко определенной. Отношения и связи более общих понятий находят свое выражение, преломление в менее общих понятиях, в том числе в понятиях специальных наук («масса» и «энергия», «вид» и «особь» и др.). В результате в определенной области научного познания образуется своего рода система, охватывающая понятия различной общности.

Формы и стили мышления в обобщенном, концентрированном виде отражают определенный уровень научного познания и подтверждают общую тенденцию развития познания в направлении от явления к сущности, от сущности менее глубокой к сущности более глубокой. В построении научных теорий эта тенденция находит свое выражение в движении по пути к более обобщенным идеям, теориям, глубже раскрывающим сущность исследуемых явлений на новых уровнях организации материи.

РОЛЬ КОММУНИКАЦИИ В НАБЛЮДЕНИИ СЛОЖНОСТИ

А. С. ШОХОВ

«Наблюдатель сложности» – концептуальный персонаж, введенный В. И. Аршиновым и Я. И. Свирским [3; 4] – одновременно предстает и как «конструктор» сложности [1]. Как конструктор, наблюдатель сложности оказывается под влиянием эпистемологического конструктивизма. По словам Е. И. Князевой, «наблюдение создает наблюдателя» [5, с. 135]. Наблюдатель как субъект познания в процессе наблюдения конструирует мир, привнося в него ту степень сложности, которая характеризует его собственное мышление. Когда сложность одновременно наблюдают несколько субъектов, каждый из них конструирует ее по-своему, как бы «ударяет по клавишам возможного» [2, с. 78], играет на своеобразном *рояле контингентности*.

Каждый наблюдатель, находясь в исследовательской позиции, испытывает притяжение со стороны различных парадигмальных конструкторов и эпистем и подпадает под влияние некоторых из них. В результате он начинает описывать сложность на специфическом языке и входит в сообщество других исследователей-наблюдателей, которые конструируют описания мира и описания сложности, находясь в тесном коммуникативном взаимодействии. Коммуникация в этом случае играет роль объединяющего «поля» общепринятых предписаний, в котором происходит согласование описаний мира с учетом принятых в сообществе алгоритмов мышления.

Что происходит, когда множество наблюдателей из разных сообществ и традиций одновременно нажимают «клавиши возможного», выступая в качестве наблюдателей-конструкторов сложности в одной и той же исследовательской ситуации?

Они говорят на разных языках, пользуются различными понятиями и терминологическими конструктами. Установление коммуникации между ними, если они захотят обменяться результатами своих наблюдений, само по себе будет сложной задачей. Но если она установится, тогда такая коммуникация начнет выполнять роль спасательного круга, освобождающего участвующих в ней наблюдателей от безусловного притяжения близких парадигм и эпистем, которые до этого момента определяли их мировоззренческий ракурс. Дискуссии о философии науки могут быть приведены как пример такой «освобождающей» коммуникации.

Литература и источники

1. Аршинов, В. И. На пути к наблюдателю-конструктору инновационной сложности / В. И. Аршинов // Инновационная сложность / Отв. редактор Е. Н. Князева. Санкт-Петербург: Алетей, 2016. – С. 15–37.
2. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2007.
3. Аршинов, В. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Философия науки и техники, 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 78–91.
4. Аршинов, В. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Философия науки и техники, 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 70–84.
5. Князева, Е. Н. Эпистемологический конструктивизм / Е. Н. Князева // Философия науки, 2006. – Вып. 12. – С. 133–152.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Е. В. ШУХНО

Творчество и личность творца-художника стали предметом психоаналитического рассмотрения еще в работах самого основателя психоанализа З. Фрейда. Основоположник психоаналитической традиции посвятил проблематике творчества, а также биографиям художников и отдельным произведениям искусства ряд своих работ. В частности, Фрейд рассматривает с позиции психоанализа творческое наследие Софокла, Шекспира, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Гёте, Достоевского, Ибсена и других. Кроме З. Фрейда к психоаналитическому анализу художественного творчества обращались такие психоаналитики и психологи, как А. Адлер, В. Райх, К. Г. Юнг, Э. Фромм, Л. Выготский и др.

При попытке приложения психоанализа к тому или иному произведению неизбежно возникает вопрос о применимости его вообще к анализу отдельных произведений и жанров искусства в более широкой перспективе. Иначе говоря, насколько исследователь (необязательно психоаналитик) может применять метод психоанализа к изучению произведений, созданных не просто

в том или ином стиле или жанре искусства, но сотворенных в достаточно явных рамках некоего философского течения? Ведь психоанализ представляет собой не только метод познания и исследовательскую парадигму психологического знания, но и в некотором смысле претендует на статус метапарадигмы, имеющей свое воплощение в рамках других наук, прежде всего социологии, культурологии, религиоведении, а также в философии, выходя за рамки собственно научного знания и претворяясь в мировоззренческом отношении. Понимая психоанализ как своеобразную философию, в какой мере его можно использовать для анализа, например, творчества Сартра, Камю или Быкова, творивших (и более или менее проговаривавших это) в рамках экзистенциализма? Каковы границы применимости одного философского течения (хотя и с определенной долей условности) к анализу, по сути, другого, другой философии?

Необходимо учитывать влияние самих идей психоанализа на личность автора и его творчество, иначе говоря, при анализе художественного творчества следует принимать во внимание своеобразный авторский контекст: испытал ли автор влияние психоанализа или нет. Поскольку не только ряд авторов, но и целые жанрово-стилистические направления искусства рассматривали и провозглашали психоанализ в целом и Фрейда в частности как свою основу, предпосылку возникновения (например, сюрреализм).

Кроме того, при изучении личности художника психоаналитическим методом необходимо наличие достаточной и достоверной информации биографического характера, особенно о детских годах творца, на основании которой исследователь смог бы сделать относительно обоснованные выводы о влиянии тех или иных биографических фактов, событий, переживаний, желаний на последующее творчество художника. Однако получение подобного рода данных сопряжено со значительными трудностями, а зачастую просто невозможно.

Таким образом, существуют значительные ограничения применимости психоаналитического метода к изучению личности художника и творчества в целом.

1.5. НАУЧНАЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

О. А. АЛАМПИЕВ

Роль Интернета в процессах, связанных с демократизацией и достижением социального равенства, не однозначна. Согласно результатам некоторых исследований, сеть Интернет может способствовать усилению социального неравенства. В докладе Всемирного банка «Цифровые дивиденды» 2017 г. говорится, что технологические изменения, вызванные Интернетом, не улучшили доступ к государственным услугам и не способствовали усилению равенства экономических возможностей, как ожидалось [3].

Использование Интернета уже само по себе подразумевает определенный уровень образования и дохода. Интернет предоставляет более широкие возможности тем, кто и без него лучше обеспечен, и, тем самым, содействует росту неравенства и закреплению социальной дифференциации. Социальный и культурный капитал, изначально предполагающий обладание некоторыми экономическими и социальными ресурсами, позволяет получить куда более широкие возможности в Интернете, тем самым также способствуя воспроизводству и укреплению неравенства. Как отмечается в упомянутом отчете, около 60 % мирового населения по-прежнему «офлайн» [3, р. 5], что оказывается заметным фактором воспроизводства и усиления неравенства во всемирном масштабе, закреплению и увеличения разрыва между наиболее развитыми и многими развивающимися странами.

Влияние Интернета неодинаково для разных социальных групп внутри отдельных, даже наиболее развитых стран. Интернет предоставляет больше ресурсов и возможностей для людей с более высоким социальным статусом [1, р. 46–47]. При этом он оказывает сегрегирующее воздействие и на наиболее вовлеченную в его использование социальную группу – молодежь, для которой также служит инструментом воспроизводства социальных различий и социального неравенства, хотя в этом случае связи не всегда однозначны и линейны, как показывает недавнее исследование итальянской молодежи [2].

Литература и источники

1. van Deursen, A. J. A.M. The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? / Alexander J. A. M. van Deursen, Ellen J. Helsper // Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10). – Emerald, 2015. – P. 29–52.
2. Micheli Marina. What is New in the Digital Divide? Understanding Internet Use by Teenagers from Different Social Backgrounds / Marina Micheli // Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10). – Emerald, 2015. – P. 55–87.
3. World Development Report 2016: Digital Dividends // The World Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf>. – Дата доступа: 05.09.2017.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Д. А. АНИКИН

Методология изучения социальной памяти прошла несколько стадий, выделяемых в соответствии с формулировкой основных вопросов и выделением определенных черт изучаемого феномена. На первой стадии французский социолог М. Хальбвакс, опирающийся на функционалистский подход Э. Дюркгейма, поставил вопрос о важности нерелексированных представлений о прошлом в контексте стабильности функционирования таких социальных институтов, как семья или религия. На второй стадии, представленной структуралистской и постструктуралистской методологией (прежде всего, П. Нора), в центре внимания исследователей оказалась проблема дробления единого пространства памяти на отдельные топосы.

В условиях глобального мира проблематика памяти приобретает все более острое звучание. Эпоха информатизации не только требует формирования новых механизмов обращения к прошлому, но выстраивает новые стратегии актуализации этого прошлого. На этой стадии исследовательская оптика смещается от множественности к возможности социальной памяти приобретать / терять свойства относительной целостности за счет включения в различные сетевые структуры. Поэтому главным вопросом третьей стадии становится вопрос о характере связей между топосами социальной памяти и их динамикой.

Сетевой подход, по сути, нивелирует принципиальность бинарных оппозиций между индивидуальным и коллективным, государственным и региональным, поскольку каждый из представленных типов воспоминаний становится лишь одной из возможных траекторий отношения к прошлому. Принципиально в данном случае то, что возможность описания данной траектории опирается лишь на анализ сопрягающихся с ней альтернативных траекторий. В этом смысле сетевой подход к социальной памяти позволяет не только по-новому осмыслить проблему сочетания личного и социального в процессе обращения к прошлому, но и переформатировать суть рассмотрения глобального и локального.

Подобная амбивалентность локального и глобального является отличительной чертой сетевой пространственности. Сеть принципиально не иерархична, она не приемлет вертикальных структур. Циркуляция ресурсов и трансляция ценностей в сетевых пространствах необходимо осуществляется посредством горизонтальной передачи. Поэтому гибкость, активность и поиск новых связей становятся приоритетными свойствами сетей. В отсутствие актуальности таких категорий, как «верх – низ», «локальное – глобальное», «прошлое – настоящее», «близкое – далекое» уничтожается привычная система координат, в которой мыслится мир. Микро – и макроструктуры становятся неразделимы не потому, что исчезают, а потому, что прежние описания теряют смысл в сетевом контексте. Поэтому говоря о сетевом пространстве памяти, мы имеем в виду не просто новый подход к определенной проблематике, а становление новой социально-философской методологии в неклассической парадигме, которая претендует на звание новой онтологии.

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУКИ

А. М. АБЛАЖЕЙ

Целый ряд общемировых трендов трансформации институционального устройства и практики проведения научных исследований, включая изменение традиционного этоса науки, которые можно обозначить обобщающим термином «неолиберальная наука», сегодня актуальны и для постсоветской системы организации исследовательской деятельности. Очевидно, что она стремительно утрачивает ряд характерных черт, роднящих ее с организацией науки, бытовавшей во временном интервале 1917–1991 гг. С другой стороны, организация и система управления фундаментальными исследованиями и высшим образованием в целом ряде постсоветских стран во многом продолжают сохранять (или сохраняли до самого последнего времени) те традиции и специфику, которые были характерны для советской науки. Перед исследователями науки стоит насущная задача проведения детальных исследований того, как именно неолиберализм трансформирует технологии и науку как на глобальном уровне, так и в рамках конкретной национальной модели науки. Такого рода исследования требуют не только нового набора исследовательских вопросов, методики и методологии в целом, но также более тщательного анализа того специфического политического, социально-экономического, историко-культурного контекста, в котором существуют как национальные научные сообщества, так и «Республика ученых» в целом.

Приступая к анализу постсоветской науки, следует с самого начала понимать, что это сложный социальный феномен, исследование которого требует принимать во внимание как особенности развития научной сферы в советское

время, включая углубленный анализ периода позднего («развитого») социализма и кризис научной сферы 1990-х годов, так и ее функционирование в последние годы, включая реформу Российской академии наук, стартовавшую в середине 2013 г.

Для «неолиберальной» научной политики в ее классическом виде характерно наличие ряда важнейших элементов. Первым по значимости, бесспорно, является снижение государственного финансирования. За этим стоит, как правило, факт того, что государство стремится максимально облегчить для себя бремя расходов на науку, предпринимая усилия по переводу ее на самокупаемость и поиск альтернативных источников финансирования. При этом увеличение удельного веса рыночных способов финансирования науки, как ни парадоксально, реально сужает пространство свободы научного поиска: как признаются сами ученые, сильно сокращается время, которое они могут посвящать собственно исследованиям. То есть, именно государство зачастую играет ключевую роль в расширении неолиберальной политики в области научной практики и управления. Стоит только запустить процесс коммерциализации, как науку становится все легче приватизировать путем расширения прав интеллектуальной собственности, корпоративной (и университетской) тайны, развития, в конечном счете, конкурентной, а не основанной на сотрудничестве науки.

ЧЕЛОВЕК И МЕДИАСРЕДА: КОНСЕНСУС (НЕ)ВОЗМОЖЕН

С. П. БАРМАТОВА

Научную рефлексию, сформировавшуюся к сегодняшнему дню по поводу проблем изучения и управления медиасферой, можно описать одним выражением – попытка детским сачком остановить торнадо. Медиасфера уже давно стала самодостаточным, самоорганизующимся социальным пространством со своей логикой – сетевой, потоковой, ризомной. Происходит определенный процесс «самонастройки» медиасферы, во время которого она еще только начинает проявлять свои возможности, создавать условия, при которых каждый участник может, например, стать организатором своего канала или узла информации и коммуникации, «организатором смыслов», мини-комьюнити (например, блог). Еще одним направлением этого процесса настройки является возникновение феномена «множественных правд», что совершенно изменяет традиционную логику функционирования медиасреды или пространства, реализующуюся доселе. Немаловажными для описываемого процесса являются изменения, происходящие в лингвистике: например, происходит стремительное изменение в самом языке, скорость языковой ассимиляции возрослакратно (для доказательства наличия такой ассимиляции достаточно посмотреть

даже данный текст), при тенденции к, скорее, не упрощению языковой структуры, но адаптации ее под структурные параметры медиасферы, медиапространства.

Необходима разработка комплексной, межотраслевой, международной стратегии медиаэкологии и управления медиасферой. Только при наличии такой стратегии, на наш взгляд, будет говорить о том, что консенсус между человеком и медиасредой – возможен.

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ВНУТРЕННЕЙ ДИНАМИКИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

Т. А. БИГАШЕВ

1. Сетевое сообщество – это группа людей, взаимодействующих на основе коммуникационных возможностей Интернета, проявляющих совместные формы активности, имеющих общие связи между собой, общие цели и интересы.

2. Для описания социальной динамики внутри сетевого сообщества мы используем понятие «главная страница». Под главной страницей мы понимаем самую посещаемую страницу сетевого сообщества, на которую выводится актуальная информация, связанная с интересами данного сообщества. Кроме того, на главной странице в определенной иерархии расположены результаты активности членов сообщества и прочая информация, ассоциированная с этой активностью. При этом степень актуальности или популярности рассчитывается по оценке администрации или членов сообщества.

3. Мы выделяем три типа сообществ по критериям, которые применяются для оценки актуальности: 1) *административно-одобряемые*, 2) *свободно-одобряемые* и 3) *смешанные*. В административно-одобряемых сообществах материалы на главной странице первоначально проходят процесс рассмотрения и одобрения администрацией сообщества, прежде чем быть перенесенными туда или появиться на ней. В свободно одобряемых сообществах члены сообщества самостоятельно могут определять актуальность и важность проявлений активности членов сообщества, свободно размещая материалы на главной странице в соответствии с механизмами сайта-платформы, на которой организовано данное сообщество. Третий тип – сообщества со смешанными правилами оценки актуальности, в которых администрация может допускать свободно одобряемый процесс влияния на главную страницу, но с определенными оговорками и исключениями.

4. Для членов сетевого сообщества характерен дух соперничества и конкуренции: они борются за место на главной странице, анализируя существующие правила и критерии актуальности в сетевом сообществе для коррекции своих усилий, которые направлены на привлечение внимания к результатам их активности. Среди пользователей сообщества выстраивается своя иерархия,

основанная на трех параметрах: 1) *частоте*, 2) *популярности* и 3) *длительности* отображения результатов активности на главной странице.

5. В сетевых сообществах все чаще появляется экономическая составляющая в виде способности покупки доступа на главной странице с целью продвинуть свое положение во внутренней иерархии сообщества или же для повышения уровня доверия среди его членов. Экономическая составляющая также позволяет образовывать новые уровни иерархии внутри участников сообществ, связанные с покупкой символических знаков отличия, привилегий и возможностей, ассоциированных с сайтом-платформой.

ПРИЧИНЫ И МОТИВАЦИИ ОБРАЩЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К СЕТИ ИНТЕРНЕТ

С. Н. БОРДАК

Интернет сегодня становится средством глобальной коммуникации, объединяющей мировые информационные ресурсы в единую систему. Одной из интересных проблем изучения Интернета является анализ причин и мотивов обращения людей к сети. Почему отмечается рост пользователей Интернета, увеличивается частота и время, проведенное в сети?

Среди причин обращения к сети Интернет как инструменту общения выделяют: недостаточное насыщение общением в реальных контактах; возможность реализации качеств личности, проигрывания ролей, переживание эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни.

Между тем существуют пользователи, которые приходят в сеть не ради многочасового общения, но ради поддержания деловых контактов и нахождения необходимой информации.

Среди пользователей существуют различные мотивы применения Интернет в деятельности:

1. *деловой мотив* (ориентация на конкретный деловой результат, поиск конкретной информации, контакты и взаимодействие с определенным человеком, организация работы какого-либо подразделения и т. д.);

2. *познавательный мотив* (получение новых знаний, новые сервисные возможности, новые люди, идеи и мнения, визуальные и слуховые образы);

3. *коммуникативный мотив* (обмен знаниями, мнениями, эмоциями с себе подобными, общение на форумах по интересам);

4. *корпоративный мотив* (разделение функций между людьми, сотрудничество, обмен результатами деятельности, совместное решение проблем по ходу работы);

5. *мотив самоутверждения* (может осуществляться в различных видах деятельности в зависимости от типа личностных ценностей субъекта – создание собственных сайтов, блогов, интернет страниц);

6. *мотив аффилиации* (потребность каждого человека принадлежать к определенной группе, принимать ее ценности и следовать им, занимать собственное место в структуре группы (сайты учреждений, членство в различных интернет сообществах);

7. *мотив самореализации и развития личности* (возможность проявить свои творческие способности, получить оценку своего творчества со стороны значимых и компетентных экспертов).

Интернет в своем развитии прошел путь от профессиональной среды общения программистов к среде свободного общения, реализующей более широкие, по сравнению с профессиональными, личностные интересы. Эти данные говорят об уменьшении веса мотивов делового и профессионального характера в деятельности пользователей Интернета. В системе мотивационной регуляции все большую представленность приобретают мотивы коммуникативного, рекреационного направления, мотивы личного общения.

СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СЕТЬ КАК ПАРАДИГМАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

В. В. ВАСИЛЬКОВА

Социальные коммуникации создают «ткань» социальной жизни, структура которой может быть описана различными метафорами. В истории социальной мысли наиболее влиятельной метафорой такого рода, фундирующей устойчивость и связность частей, являлась метафора общества как целостного организма, которая с позиций холизма описывала многомерную структуру общества в ее развитии. Однако начиная с 1980-х годов в социальном знании формируется новый гештальт социального мировидения – основным фокусом внимания становится новая социальная онтология «текучей современности» и соответствующие ей принципы описания социогенеза (динамизм, неустойчивость, стохастичность, нестабильность, конструктивистская роль социальных субъектов), т. е. принципы, фундирующие нестабильную и неустойчивую связность. Объединяющей, «зонтичной» метафорой для описания этих онтологических феноменов становится метафора сети.

Эта метафора оказалась наиболее адекватной и перспективной для описания новой социальной онтологии, на наш взгляд, по ряду причин.

Во-первых, образ сети отражает пространственную неравномерность ткани социальной жизни, а также динамику (и саму возможность) ее трансформации (возможность «переплести сеть»). Для сетевого анализа важно зафиксировать различную степень плотности сети, различную интенсивность связей в разных зонах взаимодействия, порождающую узлы, агрегации и комплексы разной степени устойчивости. При этом конфигурации сетей являются чрезвычайно динамичными – центр и периферия могут меняться, а точнее –

«перемещаться» по сети. Таким образом, метафора сети открывает перспективы для описания динамики социального переструктурирования.

Во-вторых, метафора сети несет в себе коннотацию разреженной ткани, что позволяет описать новый тип социальных отношений в современном обществе. Новая социальность – это социальность «ослабления связей», порождаемых, по выражению Зигмунта Баумана, новым типом неопределенности. Современная неопределенность создает мощную индивидуализацию – она не объединяет людей во имя защиты общих интересов (как это было раньше), а разделяет их. Нарушаются сами основы прошлой солидарности. В современном обществе мимолетные формы сотрудничества полезнее для людей, чем долгосрочные связи. В таких условиях исчезает потребность и необходимость «искусства диалога» как проявления стабильных, долгосрочных, сильных связей.

В-третьих, метафора сети ориентирована на созидание и социальное конструирование. Она чрезвычайно созвучна по смыслу постмодернистской (и герменевтической) традиции понимания творчества как ткачества. Слова «текст» и «текстиль» являются однокоренными, и по законам наложения смыслов в метафоре получается, что человек создает текст как ткань. Социальный актер также создает «ткань сети», выстраивая связи и отношения разной степени интенсивности.

И, наконец, в-четвертых, метафора сети – это, безусловно, метафора социального уровня, охватывающая всю совокупность социальных отношений, поскольку в качестве сетей можно представить социальную систему любого уровня, включая все общество в целом. При этом структура сети объединяет микроуровневые взаимодействия акторов и макроуровневые структурные конфигурации, что позволяет говорить об интеграционном потенциале теоретических моделей общества, базирующихся на сетевой метафоре.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ И КОНЦЕПТЫ

В. Н. ВАТЫЛЬ

Интернет-технологии играют все более значимую роль в осуществлении политических коммуникаций и оказывают существенное влияние на процессы управления общественным сознанием в широких масштабах, позволяя субъектам коммуникационного воздействия эффективно конструировать восприятие обществом политической реальности и формировать новые модели поведения.

Интернет как пространство политических коммуникаций прошел несколько стадий развития и на сегодняшний день трансформировался в глобальную коммуникационную среду, которая обладает мощным манипулятивным

потенциалом, позволяющим эффективно осуществлять транзит ценностей, символов и смыслов со стороны технологически развитых держав в национальные сегменты информационного пространства других государств и обеспечивать значительное снижение стабильности существующих национальных политических режимов в государствах-мишенях.

В современных условиях интернет-технологии стали своего рода информационным оружием, а взаимоотношения ведущих в технологическом аспекте стран начали носить характер информационного противоборства. При этом основной территорией осуществления информационных атак стали сегодня именно национальные сегменты интернет-пространства.

Манипуляционный потенциал виртуальных ресурсов, обладающих экстерриториальностью, мультимедийностью и интерактивностью, также обуславливает необходимость актуализации и переоценки роли интернет-пространства в процессе развития современного общества в глобальном масштабе. Существующие в настоящее время в Интернете технологии информационной работы активно применяются для разрушения традиционных символических и культурных пространств, создания и внедрения в массовое сознание новых общественно-политических символов и ценностей, а также для формирования политических мифов и стереотипов, непосредственным образом влияющих на стабильность национальных политических систем.

С развитием Интернета как пространства политических коммуникаций появились и новые формы сетевой пропаганды, в фундаменте которых лежит принципиально новая модель, основанная на принципе косвенной трансляции определенных ценностей, моделей мировосприятия и поведения в режиме интерактивного взаимодействия. Такого рода неявное пропагандистское воздействие охватывает сотни миллионов людей по всему миру, формируя выгодную субъектам этого воздействия картину современной действительности. Большинство стран на сегодняшний день оказались не готовы к противодействию таким технологиям сетевой пропаганды.

Виртуализация современного публичного пространства политики посредством активного применения интернет-технологий привела к значительному росту влияния информационных симулякров, имеющих высокий уровень доверия со стороны пользователей. При этом сетевые сообщества становятся виртуальным инструментом общественного давления на органы государственной власти, приходя на смену классическим институциональным формам, в рамках которых традиционно осуществлялось влияние гражданского общества на институты власти.

Разнонаправленные тенденции глобализации и универсализации интернет-пространства, с одной стороны, и фрагментации и все большей закрытости отдельных сетевых сегментов, которые в перспективе могут изменить существующий коммуникативный ландшафт, – с другой, приводят к необходимости пересмотра существующих представлений об Интернете, а также концеп-

ций и моделей коммуникационной деятельности в рамках современного политического управления.

Одним из вероятных сценариев технологической трансформации современных моделей политического устройства можно считать появление нового глобального политического режима в формате кибердемократии, ключевыми акторами которого будут являться контролирующие глобальную сетевую инфраструктуру субъекты политики.

В настоящее время значительную роль в информационно-коммуникационном воздействии в Интернете играют киберсимулякры – функционирующие в сетевом пространстве виртуальные псевдоличности, которые симулируют репрезентацию реальных интернет-пользователей, обеспечивая трансляцию пропагандистского контента для осуществления манипуляционного воздействия на массовое сознание.

Технологии интернет-коммуникации активно используются в последние годы в ходе проведения «цветных революций», которые в значительной степени представляют собой политические перевороты, осуществляемые извне с интенсивным использованием интернет-ресурсов и каналов интернет-коммуникации, подконтрольных интересантам внешнего воздействия. При этом происходит виртуальная перекодировка ценностно-смысловых пространств с последующим внедрением в массовое сознание протестных моделей поведения и мобилизацией масс для участия в оппозиционных акциях, направленных на подрыв стабильности суверенных государств и свержение существующих институтов власти.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ В ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

А. И. ВЕРЕЩАКО

Философская рефлексия над техникой появляется достаточно поздно. Первопроходцами в философии техники были мыслители рубежа XIX и XX веков. Начало данной предметной области обычно связывают с именами Эрнста Каппа и российского инженера П. К. Энгельмейера. На данном историческом этапе философия техники является динамично развивающейся и востребованной областью философии, которая за более чем столетнюю историю выработала целый ряд исследовательских подходов.

Инструментальный подход к исследованию техники был исторически первым. К мыслителям, относящимся к представителям данной стратегии, относятся: П. К. Энгельмейер, А. Хуннинг, Э. Хикель, Х. Закссе и другие. Техника здесь понимается как органон и представляется нейтральной силой по отношению к человеку.

Следующим подходом можно считать детерминизм. Его представители: К. Маркс, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Х. Ортега-И-Гассет,

Ж. Бодрийяр и др. Данный подход является некоторой антитезой инструментальному подходу, рассматривая технику и технологию как систему контроля над людьми. Таким образом, человек предстает в роли придатка машины, становится вторичным по отношению к ней и производным от нее.

Субстанционалистский подход – это ценностная интерпретация техники, представляющая ее как некую самодостаточную субстанцию. Ее представители (О. Шпенглер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Л. Мамфорд.) признают технику как особую реальность, не менее значимую, чем человек, и несущую в себе определенную угрозу. Будучи захваченным техникой, человек склонен видеть в ней некоторое подобие религии, в которую при этом и верить не нужно, так как ее «магия» очевидно работает в посюстороннем мире.

Акторно-сетевой подход (ANT), как следует из названия, вытекает из акторно-сетевой теории. Представители: Б. Латур, М. Каллон, Т. П. Хьюз, Д. Макензи и др. Техника и технология рассматриваются как «черные ящики» разнообразных сетей, являющиеся не только гарантом их существования, но также точками распространения и роста. Сами социотехнические сети состоят из акторов: «людей» и «нечеловеков» (сюда относится техника), которые признаются равнозначными игроками.

Интегральный подход является интегративной стратегией в современной философии техники. Он направлен на преодоление недостатков предыдущих подходов. Представители (Ж. Симондон, Д. Айд, Ю. Мурата и др.) вырабатывают способ минимизации негативного воздействия техники на человека и окружающую среду, вступают в конструктивный диалог с конструкторами, дизайнерами и инженерами.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБЩЕСТВА

В. Г. ВОРОНКОВА, А. В. СОСНИН

Актуальность исследования заданной проблемы состоит в том, что информационно-компьютерные технологии в последнее время стали формировать новый тип общества – информационно-коммуникационное, в основе которого лежит инфокоммуникационная система, начинающая продуцировать собственную культуру общения. Внедрение информационно-коммуникационных технологий позволяет сообществам и сетям быть гибкими, мобильными, содействует горизонтальной коммуникации между людьми.

По нашему мнению, обоснование механизмов функционирования и развития информационно-коммуникационного общества может содействовать информационному единству мира. Основой саморегуляции данного типа социума служит принцип аутопоэзисной системы (Матурана, Варела), заключающей

в себе механизм самоорганизации и выявления обратной связи. Доминантой глобализационных преобразований в современном мире должен стать переход на новый тип инновационного развития, в котором информационно-коммуникационная парадигма в соединении с принципами ноосферизма формирует информационно-инновационно-ноосферную стратегию развития общества. Решению сложнейших проблем перехода к этому типу социальности способствует нелинейно-синергетическая методология, которая отвечает стратегическим приоритетам развития нашей страны и всего современного мира.

В основе информационно-коммуникативного общества – взаимосвязь трех важнейших составляющих: технологического потенциала страны, качества культурных регуляторов и внутренней устойчивости информационной культуры, – благодаря которым происходит кардинальная перестройка всего социального организма [1].

Литература и источники

1. Філософія інформаційно-комунікативного суспільства: теоретико-методологічний контекст: монографія / В. Г. Воронкова, О. В. Соснін, В. О. Нікітенко, М. Ю. Максименюк, за ред. д-ра. філософ. н., проф. В. Г. Воронкової. – Запоріжжя: ЗДІА, 2016.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. С. ГОЛУБЕВ

В условиях информационного общества человек вынужден работать с огромными пластами информации. Сегодня индивид, не способный к анализу, осмыслению, не способен жить полноценно и в духовном плане. Информационные потоки видоизменяют нашу жизнь, превращая ее в нескончаемый процесс фильтрации. Именно (а возможно и только) философия способна выработать необходимые для существования «фильтры». Ведь что такое, по существу, представляет собой процесс фильтрации? Это – результат целеполагания и расстановки приоритетов, выраженный в отделении нужного от ненужного, важного от неважного, значимого от незначимого.

Наука в условиях информационного общества уже не может выступать в качестве основания «фильтра». Превратившись в информацию (= мнение?), научное знание сегодня во многом обесценилось. Сам факт существования феномена «британских ученых», выросшего из интернет-мема в мировоззренческую установку, является тому лучшим подтверждением. Поэтому самостоятельная постановка цели и определение приоритетов есть задача, посильная только философии, поскольку она способна научить человека мыслить в самом широком понимании этого процесса.

Однако роль философии сегодня недооценивается; бытует мнение о ее если и не бесполезности, то некоторой необязательности. И действительно,

зачем сегодня «уметь» мыслить? Главное, применять на практике полученную информацию, т. е. переводить теоретические знания в разряд практических умений. Однако данный трансфер невозможен без осмысления полученной информации. А осмысление – это не просто сознательная расстановка по полочкам полученного опыта, но, как отмечал М. Хайдеггер, мужество ставить под вопрос прежде всего истину собственных предпосылок и пространство собственных целей. А подобное мужество вырабатывается только философией.

Поэтому сегодня, когда на первое место выходит способность осуществления качественного системного анализа, системного видения проблемной ситуации, именно умение ставить под вопрос «истину собственных предпосылок» и «пространство собственных целей» позволяет индивиду адаптироваться к условиям, создаваемым информационным обществом. Соответственно должна быть пересмотрена и роль философии. Задача, стоящая перед философией сегодня, – формировать данное «пространство» и учить вопрошать об «истине собственных предпосылок», т. е. выпускать в социум «продукт», готовый к существованию в нем. В противном случае, в условиях информационного общества, существование духовной культуры социума, а значит и его самого, не просто ставится под угрозу, но может просто оборваться.

БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

М. А. ДЕДЮЛИНА

В последнее время мы все чаще участвуем в дебатах, посвященных новому статусу философии в современном цифровом мире. Одни утверждают, что философию нужно переосмыслить, либо перезагрузить, другие полагают, что чем активнее в нашу повседневность будет внедряться искусственный интеллект, тем активнее мы будем использовать философию для осмысления своего места в мире машин. Под воздействием информационных технологий и информационных наук существенные изменения происходят как в науке, так и в философии.

Как утверждает Клаус Шваб: «Мы стоим на пороге технологической революции, которая коренным образом изменит образ жизни. Первая промышленная революция использовала воду и силу пара, чтобы механизировать производство. Вторая использовала электроэнергию для создания массового производства. Третья использует электронику и информационные технологии для автоматизации производства. А четвертая промышленная революция характеризуется слиянием технологий, которые размывают границы между физическими, цифровыми и биологическими сферами» [1, с. 10–13]. В этой ситуации «философия может быть чрезвычайно полезной, ибо она сможет создать и совершенствовать интеллектуальные инструменты, которые необ-

ходимы нам для решения самых сложных проблем, которые стоят перед нами» [2, р. 7–16]. Информационные технологии не просто изменяют то, как мы действуем в мире. Они также глубоко влияют на то, как мы понимаем мир, как мы к нему относимся, как видим себя, как мы взаимодействуем друг с другом и как формируются наши надежды на лучшее будущее.

Фактически философия становится философией ориентирования в нестабильном мире высоких технологий. «Речь идет о простом факте, что во всем, что человек делает, думает и говорит, в повседневности или в науке и философии, он должен быть уже ориентирован – даже тогда, когда он перенимает ориентации других» [3, s. 16]. По мнению президента Ирландии Майкла Хиггинса, преподавание философии является одним из самых мощных инструментов, которые мы имеем в нашем распоряжении, чтобы расширить права и возможности детей в сложном и нестабильном мире. В мире будущего будет возрастать необходимость в людях, которые смогут ответить на вопросы, на которые не сможет ответить Google.

Литература и источники

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М: ЭКСМО, 2016.
2. Floridi, L. Why Information Matters / L. Floridi // The New Atlantis. – Number 51. – Winter, 2017.
3. Stegmaier, W. Philosophie der Orientierung / W. Stegmaier. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008.

ИНТЕРНЕТ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ

Зачастую Интернет рассматривается как технологическая основа и символ нового сетевого общества. Такого мнения придерживаются многие авторитетные зарубежные и отечественные исследователи: например, М. Кастельс, А. В. Назарчук и др. В таком случае сетевая организация – это осевой принцип, нечто первичное по отношению к сети Интернет, поскольку сетевые структуры существовали всегда, но ранее были подчинены иерархическим. По мере смещения акцента на сеть вообще Интернет становится лишь примером реализации сетевой технологии или материальным субстратом сетевого общества. «Однако, – отмечает А. В. Назарчук, – важно не терять из виду инфраструктурный, технический характер Интернета. Это – кабельная (или беспроводная) компьютерная сеть, подобная телефонным сетям, сетям дорог или воздушных сообщений. Интернет-сообщества, которые образуются в его пространстве, не являются Интернетом – это сообщества людей, использующих Интернет» [1, с. 74].

Следует ли воспринимать Интернет как специфическую предметную область? Учитывая значимость этого феномена для всех сторон жизни современного человека, общества и культуры, на этот вопрос следует ответить утвердительно. Можно анализировать онтологический статус сети Интернет, который будет обусловлен сложным, никогда ранее не существовавшим, сочетанием бытия материального (hard), идеального (soft), коммуникативного (бытие потоков информации), виртуального (человек в Интернете).

Возможно философское исследование аксиосферы Интернета с позиций системы ценностей, лежащих в основании деятельности людей в сети. При этом аксиосфера Интернета имеет автономный характер по отношению к национальным системам ценностей и выступает своеобразной моделью новых общечеловеческих ценностей, универсальный характер которых обусловлен универсальностью самой «мировой паутины». Классическая гносеологическая проблематика благодаря сети Интернет обрела новое звучание и актуальность. Одной из самых обсуждаемых тем снова стала проблема истины, ее критериев, новых форм (как здесь не вспомнить про феномен «постправды»). Снова звучат вопросы о возможности и методах достоверного познания чего-либо в условиях, когда единственным источником информации для большинства людей является Интернет.

Таким образом, Интернет может выступать предметом исследования для классических философских дисциплин (онтология, аксиология, гносеология). Однако перспектива философского осмысления сети Интернет связана прежде всего с тем, что Интернет становится связующим элементов всего современного мира, выступает контекстом рассмотрения множества социальных проблем, условием понимания происходящих процессов. Интернет – это не просто символ эпохи: это новая реальность, а значит, для философии пришло время осмыслить ее во всей многогранности.

Литература и источники

1. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7.

ТРИЕДИНСТВО ВИРТУАЛЬНОГО МИРА

О. И. ЕЛХОВА

На основе междисциплинарного синтеза философских, технических, социокультурных, психологических представлений о виртуальной реальности произведено построение интегральной онтологической концепции, в которой виртуальная реальность предстает как целостное образование, нерасторжимое единство объективного, субъективного и трансцендентного [1]. Виртуальная реальность находится в значительной корреляции со сферой человеческой

субъективности и не существует без воспринимающего ее человека, который играет ключевую роль в ее онтологии. Виртуальная реальность всецело не принадлежит ни сфере субъективной реальности, ни сфере объективной реальности, является порождением взаимодействия субъективных и объективных составляющих и формируется как процессуальное взаимодействие между человеком и некоторой искусственно созданной техническими средствами окружающей его средой.

Наличие в виртуальной реальности субъективных составляющих, неподдающихся объективации, объясняет присутствие в научном дискурсе множества ее интерпретаций, элементов неопределенности в ее описании. Наиболее репрезентативной формой познания этой стороны виртуальной реальности становится искусство, которое делает универсальные принципы бытия соразмерными и понятными человеку, воплощая их в конкретные формы. Трансцендентные основания виртуальной реальности недоступны эмпирическому наблюдению и требуют метафизического постижения. Они придают полноту, духовное наполнение виртуальной реальности, задают ее целостность, делают возможной онтологическую перспективу, когда человек, преодолевая власть наличного бытия, обретает новые возможности.

Существование человека обладает более высоким онтологическим статусом в сравнении с существованием других живых существ и вещей, поскольку его существование понимающее, трансцендирующее, выходящее за пределы себя. В своем влиянии на человека виртуальная реальность имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Виртуальная реальность не может быть зафиксирована в чистом виде, она может быть обнаружена только там, где свершается самораскрытие бытия сущему, т. е. в экзистенции.

В указанной выше концепции выделяются подлинный и неподлинный модусы экзистенции человека в виртуальной реальности. Подлинная экзистенция характеризуется переживанием целостности и полноты бытия, возникающим в результате соотносительности существования человека с окружающим миром в его открытости трансцендентному. Неподлинная экзистенция в виртуальной реальности означает отчуждение человека от целостности мира и от самого себя, утрату связи с трансцендентным, что влечет за собой потерю человеком идентичности, расщепление личности, его отстраненность от целостности мира. Трехединая концептуализация онтологического содержания виртуальной реальности способствует формированию и развитию общеметодологического основания ее научной рефлексии, позволяет максимально элиминировать элементы неопределенности ее описания.

Литература и источники

1. Елхова, О. И. Онтология виртуальной реальности: Монография / О. И. Елхова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.

ПОЛИТИКА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ INDUSTRY 4.0

Е. М. ИЛЬИНА, М. В. ИЛЬИН

В процессе перехода индустриально развитых стран к VI технологическому укладу четвертой промышленной революции (Industry 4.0) цифровая трансформация все чаще называется в числе важнейших условий успешного национального развития.

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 г. Президент А. Г. Лукашенко отметил: «Нам нужно более активно внедрять информатизацию... Следующим этапом развития будет строительство IT-страны. Всё, что реализуется в сфере высоких технологий в мире, должно найти применение в Беларуси: искусственный интеллект, дополненная реальность, беспилотные автомобили, технология блокчейн, цифровые валюты...» [1]. Одним из важнейших слагаемых в формуле роста национальной конкурентоспособности и повышения качества жизни населения согласно Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы является цифровая трансформация экономики (информатизация), направленная на изменение бизнес-процессов посредством применения информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности современного белорусского общества.

В Беларуси развитие высокотехнологического сектора экономики планируется обеспечить в рамках Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы посредством создания новых рабочих мест и производств, базирующихся на V и VI технологических укладах: индустрия информационно-коммуникационных технологий; атомная и возобновляемая энергетика; био- и nanoиндустрия; фармацевтическая промышленность; приборостроение и электронная промышленность; авиакосмические технологии.

По мнению отечественных экспертов, ключевыми инструментами развития отечественного высокотехнологического сектора станут: Парк высоких технологий, Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», планируемый к созданию Национальный научно-технологический парк «Бел-Биоград»; введение в строй первого энергоблока БелАЭС; развитие стартап-движения.

Промежуточные успехи нашей страны в сфере цифровой трансформации достаточно высоко оценены мировой общественностью. В рейтинге Международного союза электросвязи Measuring the Information Society Report 2016 по индексу развития информационно-коммуникационных технологий Беларусь занимает 31-е место среди 175 стран мира и 1-е место среди стран СНГ. Однако по оценке ООН по уровню готовности к электронному государственному управлению United Nations E-Government Survey 2016 Беларусь находится на

49-м месте в рейтинге из 193 стран, но при этом уступает России и Казахстану, что свидетельствует о недостаточном уровне использования созданной инфраструктуры для развития электронного правительства.

Таким образом, государственная политика цифровой трансформации в Республике Беларусь – это комплексный процесс совместной управленческой деятельности институтов государства с участием структур гражданского общества и бизнеса, основывающийся на общегосударственных приоритетах и направленный на оптимизацию политического процесса, повышение национальной экономической конкурентоспособности.

Литература и источники

1. Послание белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 года // [Электронный ресурс] president.gov.by. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059. – Дата доступа: 11.09.2017.

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ: СВОЙСТВА И ФОРМЫ

О. Б. ИСТОМИНА

Разрешенная в постмодернистском миропонимании амбивалентность морали, получившая дополнительную энергию в условиях социально-экономической нестабильности и политической напряженности, порождает новые формы дискурса, наделяет его специфическими свойствами. Наиболее типичной формой реализации современного дискурса является сетевая агрессия, которая получает яркое выражение через пранкерство, троллинг, буллинг, астротурфинг, флейминг и т. п. Сетевая агрессия как форма современного политического оппонирования способна не только менять расстановку сил на политической арене, определять характер динамики политической коммуникации, но и обуславливать манипуляции общественным сознанием. Распространение спекулятивных акций «инфекционных агентов», например, в виде фейковых публикаций способствует изменению характера политического и социально ориентированного дискурса. Подобные свойства «разрешают», легитимизируют в общественном сознании хеппислепинг в отношении оппонентов (прежде всего политических) как в прямом, так и в косвенном выражении. Деструктивный характер данных тенденций определяет значимость сохранения максимально возможной положительной коннотации политического дискурса и его ориентации на конструктивные формы взаимодействий.

Дискурсивный опыт является маркером социокультурного наследия акторов. Он обусловлен культурными традициями, историей, знаниевыми приобретениями, психологическими характеристиками, метастереотипами акторов.

Совокупность данных факторов редуцирует содержание сообщений на рецептивном и когнитивном уровнях. Эту редукцию, по сути, осуществляют закрепленные в сознании ментальные модели. Они же задают определенные фреймы и таким образом определяют коммуникативное поведение.

Современные информационные ресурсы обеспечивают оперативный контакт акторов и реципиентов через выстроенный по законам маркетинга и распространенный через телекоммуникационные системы текст. Полученный информационный продукт превращается в своего рода «товар», которому нужна привлекательная и вызывающая доверие «упаковка» (политический имидж). Медиатрансляция ориентирована на максимально эффективный способ достижения цели, что также способствует распространению сетевой агрессии, а также признаков социально-политической и лингвокультурной интолерантности. Ее нарастанию способствует и склонность политической элиты (власти) к однородности контента.

Интолерантный дискурс наделяет дополнительной энергией эмотивную, защитную и орудийную функции языка. Следует отметить, что в условиях нестабильности данные свойства языка одновременно являются результатом и условием конфликтов. Характер дискурсивных практик есть фактор межличностного, межгруппового и межпоколенческого диалога, который оказывает серьезное влияние на мировоззрение следующих лингвокультурных поколений.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЫСШИХ ВНУТРИНАУЧНЫХ УРОВНЕЙ РЕГУЛЯЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Э. Ю. КАЛИНИН

Систематизация и развитие концепций стиля научного мышления (СНМ) и научной картины мира (НКМ) состоялись в рамках прежде всего советской, а затем и постсоветской философии науки. Отдельно отметим вклад В. С. Стёпина и его российских и белорусских единомышленников.

Стиль научного мышления представляет единство методологических установок и принципов, благодаря которому происходит развитие собственных оснований теории и управление теоретической деятельностью. С помощью СНМ осуществляется координация деятельности научного сообщества при разделении научного труда. Как «духовная технология» СНМ является неподверженным внутринаучной рефлексии духовно-практическим образованием – механизмом внутренней регуляции сознания каждого члена научного сообщества. СНМ задает набор канонов мыслительного движения, стандартов ценностно-смысловой организации субъекта, обеспечивает объединение и конкретизацию различных методов научного познания в единый технологический комплекс.

Различие между СММ и НКМ можно зафиксировать при выделении либо функции отражения в научном познании как деятельности, и тогда предметом рефлексии становится НКМ как общее представление о структуре фрагмента объективной реальности, изучаемого данной наукой, либо функции регулирования, тогда предметом рефлексии выступает СММ.

Предметом методологической рефлексии естествоиспытателей НКМ и СММ стали в период революции в физике в первой трети XX в., когда происходила смена физической картины мира и физического стиля мышления. Выяснилось, что познавательное движение внутри научной дисциплины направляется с помощью целостного представления об изучаемом типе реальности и способах его изучения.

Особенности существования и функционирования НКМ и СММ обнаруживает методологический анализ процесса научного познания. Достаточно полно находят свое отражение в текстах теоретический и эмпирический уровни знания и научного исследования. Существование же НКМ и СММ выявляется в текстах только в критический период цикла теоретического уровня научного исследования.

Отличие НКМ от теории проявляется в квазионтологичности ее конструктов. Исследователь отождествляет эту теорию с исследуемым фрагментом реальности. Здесь теория выступает как сфера очевидного, нерефлексивного и потому в нормальный для теории период не фиксируется в явном виде в научном тексте. В критический же для теории период происходит метатеоретическое ее истолкование с помощью НКМ. Это возможно благодаря более высокому уровню общности конструктов последней.

Данное конструирование смысла собственных оснований теории находит отражение в текстах в виде особых определений, в которых признаки теоретических конструктов отображаются через признаки конструктов НКМ (по В. С. Стёпину). В этих определениях можно обнаружить отдельные компоненты НКМ в явном виде. Полностью же НКМ, как и СММ, фиксируются в научных текстах только при выходе рефлексии за внутринаучные рамки.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Е. Г. КИРИЧЕНКО

С развитием современных средств коммуникаций наступает период информационного управления обществом, господства кибернетических моделей и индустрии развлечений. Как утверждают многие эксперты, необходимый тип культуры, сознания детерминируется особым типом знаково-коммуникационной системы. Формируется новое социальное пространство, основными субъектами которого становятся средства массовой информации, приоритет отдается игровой деятельности и произвольному конструированию.

Такое состояние общества создает возможность для успешного внедрения и распространения мифов как инструмента моделирования окружающего мира, способа рефлексии и самоидентификации субъекта. Общественное сознание на всех этапах человеческой истории продуцирует различные виды мифов. Специфика же современного мифа заключается в распространении его во все сферы общества – искусство, политику, науку. Особенно широко в настоящее время миф используется в массовой культуре в целях манипулирования массовым сознанием. С помощью высоких технологий создается виртуальная информационная гиперреальность, в которой стираются различия между знаками и реальностью, прошлым и настоящим, подлинным и мнимым. Эта реальность дезориентирует человека и формирует так называемое «расколотое» сознание. В структуре современной коммуникации субъект теряет свою аутентичность, а средства и технологии информации превращаются в самодостаточную силу.

Коммуникативные технологии ориентированы в основном на визуально-аудитивные средства управления вниманием, вовлечение в процесс переживания вне постижения смысла. Представление о значимости того или иного явления, события возникает благодаря его демонстрации телевизионными каналами и информационными сайтами.

Мифологизация как целенаправленное внедрение в общественное сознание иллюзорных моделей действительности становится одним из самых эффективных приемов информационного воздействия. Мифы, основанные на устойчивых исторических символах и архетипах коллективного бессознательного, могут преследовать различные цели. Современные социально-политические мифы, транслируемые СМИ, используются различными субъектами геополитических процессов как метод борьбы за экономические и политические ресурсы и как средство ведения информационной войны.

Таким образом, с одной стороны, мифологизация сознания имеет реальные социокультурные основания, а с другой – в современном обществе создается мощная система внедрения мифов как средства манипулирования массовым сознанием.

ПОСТАКАДЕМИЧЕСКИЙ ТРЕНД В НАУКЕ XXI ВЕКА

Н. К. КИСЕЛЬ

На протяжении нескольких столетий новой и новейшей истории наука играла огромную роль в генезисе и развитии техногенной цивилизации. Непременной ценностью она является и в современном обществе. Вместе с тем процесс институализации науки приобретает на современном этапе социодинамики новую смысловую наполненность, демонстрируя вновь формирующиеся механизмы ее утверждения в жизни глобализирующегося мира.

Становление постакадемической науки влечет за собой внутреннюю структурную перестройку научного знания, проявляющуюся прежде всего в появлении технаучки. Известная контрверза фундаментальных и прикладных исследований дополняется дихотомией базисных и прикладных исследований. Будучи прямо ориентированными на разработку базы данных для специальных прикладных исследований, базисные исследования не совпадают с установками традиционной фундаментальной науки, озабоченной прежде всего решением своих внутренних задач.

Структурная организация науки тем самым все в большей степени демонстрирует синтагматический характер, решая заданные задачи, которые в большинстве случаев диктуются не столько чистой логикой развития науки, сколько потребностями экономической, социальной и политической практики.

Заинтересованность в конечном результате минимизирует градацию традиционно противопоставляемых результатов эмпирического и теоретического исследования. Актуализируется потребность в научной информации, «работающей» на получение желаемого продукта вне зависимости от ее квалификации в обозначенном выше аспекте. Научный результат становится товарным продуктом, капитализируется и монетаризируется, что в свою очередь содействует развертке многомерного процесса коммерциализации современной науки. Его проявления обнаруживаются в меняющемся характере научной коммуникации, перестройке норм традиционного этоса науки, формировании новой иерархии в научном сообществе. Наряду с традиционной в прошлом фигурой теоретика возникают и стремительно набирают силу новые ролевые статусы – кастомизатор, идентификатор проблем (*problem identifier*), их «решателя» (*problem solver*). Таким образом, наука стремительно меняется как важнейший социальный институт современного общества, о чем свидетельствует появление сетевой науки как своеобразной развертки Большой науки XX века.

Сетевая наука, инспирированная информационно-компьютерной революцией, демонстрирует растущую ангажированность по крайней мере сетевого сообщества миром интенсивно развивающейся и весьма авторитетной в обществе науки. Ареал сетевой науки – это обработка больших массивов информации или же сбор информации путем полевых наблюдений.

Подводя итог изложенному выше, следует подчеркнуть, что современная наука, как и наука прошлого, по-прежнему находится в процессе институализации, демонстрируя при этом удивительную способность к глубинным трансформациям, что, в свою очередь, делает ее своеобразным эталоном инновационных процессов в глобализирующемся мире.

НАУКА И ИННОВАЦИИ КАК ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

В. А. КЛИМЕНКО

В современных условиях углубления и диверсификации интеграционных процессов на пространстве СНГ, необходимости обеспечения устойчивого развития государств Содружества в контексте перехода к инновационной модели экономики многократно увеличивается значение науки, прежде всего фундаментальной, как основы процветания и благополучия будущих поколений наших стран.

Более того, на нынешнем этапе развития СНГ еще более актуальной является задача создания общего научно-инновационного пространства. Формирование его опирается на такие программные документы, принятые в последние годы в рамках Содружества, как «Основные направления долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере» и «Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года». Межгосударственная программа, в частности, заложила основу для формирования инновационного пространства Содружества. Цель Программы – создание условий для реализации приоритетов экономического развития в инновационной сфере на основе эффективного взаимодействия национальных инновационных систем в интегрируемом инновационном пространстве, утверждения международного авторитета Содружества как одного из мировых центров технологического лидерства.

Следует подчеркнуть, что мероприятия и проекты Программы планируются и реализуются с учетом согласования и координации с действующими национальными программами по поддержке и развитию инновационной деятельности, а также с другими программами, реализуемыми межгосударственными и международными организациями.

В настоящее время в рамках СНГ в целях сотрудничества в научной и инновационной сферах созданы и успешно функционируют Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах, Совет по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников Содружества Независимых Государств, Межгосударственный координационный совет по научно-технической информации. Каждый из этих отраслевых советов решает определенные задачи в научном сотрудничестве стран СНГ.

Вместе с тем в новых реалиях функционирования Содружества, на наш взгляд, в научной и инновационной сферах необходимо сделать акцент на следующем: активизировать усилия, направленные на формирование разносторонних, взаимовыгодных и эффективных форм межстрановых связей; усилить

взаимодействие государств Содружества в сфере трансфера инновационных технологий, в том числе информационных; активизировать работу по формированию целевых программ и фондов, финансирующих приоритетные межгосударственные исследования и инновационные проекты; создать условия для обеспечения свободного доступа ученых к научной инфраструктуре в странах Содружества; усилить популяризацию науки и научной деятельности среди молодежи стран Содружества и др.

Таким образом, в настоящее время наука и инновации действительно определены как приоритетные направления деятельности Содружества Независимых Государств.

МИКРОСОФИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Л. В. КРЫМЕЦ

Что есть современная философия? Как отвечает философия на вызовы современной реальности? В контексте современной виртуализации и интенсификации сетевых коммуникаций философия изменяет свою форму и адаптирует содержание научного поиска под влиянием интересов и потребностей нового поколения исследователей.

Согласно авторской концепции микрософия – новое направление социальной философии, микросоциальная методологическая основа формирования интересубъективного опыта, в контексте которой феномен коммуникации проявляется специфическим образом и актуализируется при помощи механизмов социальной объективации и субъективации, которые разрушают традиционную оппозицию субъект-объектных отношений.

Формы ее проявления сугубо контекстуальны. А в последнее время, благодаря интенсификации научно-технического прогресса, и виртуальны. Она проявляет себя в диалогах с непосредственным социальным окружением: в беседах с единомышленниками, в межличностной переписке, в общении в социальных сетях, в телефонных разговорах, в изображениях и фотографиях, которыми мы делимся, в ремарках и комментариях к публикациям, в наших мечтах, снах и грезах.

Микрософия – это микроментальное интересубъективное искусство, продуцируемое нами самими ежедневно ради нашего собственного эстетического и нравственного спасения в мире, где имеют место постоянные акты агрессивного воздействия на наше с вами сознание, воспринимаемое подчас как объект социальных манипуляций. В своем же микросоциальном мире мы неизменно являемся субъектами. Субъектами, определяющими сущностные основания для своей индивидуальной личностной этики и эстетики.

Понятие «микрософии» новое и вводится автором в научный дискурс впервые. Основанием для концептуализации микрософии как уникального

философского направления служат выводы Ю. Хабермаса и М. Фуко, которые понимают микросоциальный интерсубъективный дискурс как возможность для постижения в пределах коммуникации определенных фактов реальности.

Относительно современности следует заметить, что постнеклассическая социальная реальность видится автором как коммуникативная сфера, которая имеет динамическую структуру и проявляется в неустойчивости и непрерывности взаимодействия разных уровней развития. Однако человечество развивается направленно. Процессы социального управления в современном мире имеют непрерывный, интенсивный и латентный характер.

Микрософия – защитная реакция социальных субъектов на процессы интенсификации формирующего коммуникативного воздействия. Однако микрософия – не панацея от социоментальной агрессии. Это лишь своеобразный Золотой ключик, способный помочь каждому из нас определить свой собственный вектор философской рефлексии и отыскать в глубинах своего сознания неисчерпаемые источники вдохновения для продуцирования собственных новых светлых социально значимых смыслов.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

А. В. КУЗНЕЦОВ

В 2017 г. научная общественность отмечает два важнейших юбилея, обозначающих вехи мирового исторического развития: 500-летие со дня начала реформационного движения в Западной Европе и 100-летие со дня начала Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на то, что эти события мировой истории разделяют четыре столетия, между ними существуют глубинные социально-исторические связи.

Всю историю человечества, с точки зрения концепции коэволюции природы и общества, можно охарактеризовать как процесс постепенного превращения сил природы в силы самого человеческого общества. Так, на начальных фазах развития человечества (архаическое общество) человек социализирует, превращает в социальные силы биологическую и психическую энергию своего собственного, данного природой, организма. В результате этого процесса возникает как общество, так и сам социальный индивид. Второй этап развития человечества (традиционно-аграрное общество) характеризуется тем, что человек начинает контролировать и превращать в социальные силы энергию живой природы – биосферы Земли. В результате возникают такие виды хозяйственной деятельности человека, как земледелие и скотоводство, появляется прибавочный продукт и формируются первые цивилизации и государства. Но поскольку контролировать силы живой природы можно было только под-

чиняясь циклам и как бы вторя ритмам биосферы земли, данный тип общества характеризуется и повторяющимися циклами своей хозяйственной и социальной жизни, приверженностью к традиционализму в своем духовном развитии.

Наконец, в Европе XIV–XVIII вв. закладываются социальные и культурные предпосылки возникновения так называемого техногенного общества, когда человек с помощью новой техники начинает осваивать космические силы природы, то есть такие силы, которые связаны не только с функционированием биосферы земли, но определяются закономерностями, действующими во всей Вселенной: сила пара, электричество, химические реакции, ядерная энергия. После первого промышленного переворота конца XVIII – первой половины XIX в. этот тип общества окончательно побеждает. Процесс экономического, а следовательно и социального, развития ускоряется невиданными темпами. Именно в эту эпоху и появляется феномен научной и социальной революции.

Каждый новый этап превращения космических сил природы в энергию развития общества связан, с одной стороны, с глобальной научной революцией, меняющей научную картину мира и нормы научного знания, а с другой – с великой социальной революцией, радикально преобразующей социальные институты общества. Именно поэтому глобальные научные и великие социальные революции так синхронны по временам своего протекания. Таким образом, Реформация и Великая Октябрьская революция являются вехами становления и развития техногенного общества.

РОБОТЫ, КОМПЬЮТЕРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Г. Г. МАЛИНЕЦКИЙ, А. В. КОЛЕСНИКОВ, С. Н. СИРЕНКО

Центральной фигурой второй половины XX века был ученый. Нобелевские лауреаты, работавшие на переднем крае физики, создали атомную бомбу и заложили основу глобальной научной революции, изменившей мировоззрение и позволившей сформировать неклассическую научную рациональность. Однако активное развитие фундаментальных исследований в XX веке привело к «географическому парадоксу» – после того как все континенты были открыты, география, понимаемая в исходном значении как описание поверхности Земли, исчерпала себя.

После того как «континенты открыты», их надо осваивать, – центральной фигурой XXI века, вероятно, будет инженер, опирающийся на задел, уже созданный фундаментальной наукой. В этом контексте особую роль приобретают философия техники и методология технического творчества. Техника будущего – это роботы, цифровое производство, возможность переложить на машины не только тяжелую физическую, но и утомительную умственную работу.

Со времени публикации «Суммы технологии» Станислава Лема и работы Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить?» инженеры пытались смоделировать различные элементы сознания, «научить машину думать» и значительно преуспели в этом. Это открывает перспективы решения принципиально новых когнитивных задач – используя возможности роботов и компьютеров, разобраться, как же мыслит и действует человек. Это ключ к решению другой фундаментальной проблемы, которая очень важна для нашей цивилизации, – что из того, что мы считаем «человеческим», следует «оставить себе», – что можно передать машинам и чего не надо делать ни в коем случае. Сформулированные вопросы – это звено в цепи обсуждения целого круга актуальных междисциплинарных задач – от нового подхода к тесту Тьюринга, новой индустриализации и роботехнического образования до изменений личности, порождаемых социальными сетями.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В. И. МИЩЕНКО

Современная цивилизация выделяет свои приоритеты и систему стандартов, которые порождают новую культуру мышления, позволяющую формализовать отношение к реальности.

Технократы считают, что понятие ценности только вносит субъективный хаос в человеческую деятельность. Бытие становится иррациональным, неупорядоченным, неуправляемым. По их мнению, выявление четких законов общественного развития приносит больше пользы, чем туманные рассуждения о неких ценностях, истинность которых в силу их субъективности установить практически невозможно.

Сегодня происходит планомерное вытеснение высокой культуры псевдокультурой, которая, признавая доминантное влияние постмодерна, стремится к деструктуризации, отрицает необходимость ценностной системы, в результате чего нравственный релятивизм легко переходит в нигилизм.

В современном обществе отсутствует нацеленность социальных институтов на нравственное воспитание, что приводит к дезорганизации духовной сферы. Дезориентация человека в системе мировоззренческих и идеологических координат приводит к перемене ролей: доброе становится злым, прекрасное – безобразным, неэтичное поведение – этичным. При этом индивид утрачивает понимание того, что имеющаяся искаженная схема является производной, и это, несомненно, приводит к культурной деформации.

Процветание утилитаризма, вещизма, крайнего прагматизма – заслуга не так называемой «вестернизации», а сугубо личного выбора – сдвига в сторону

упрощенных канонов мироустройства. Человек становится меркантильным, социально отстраненным в силу не критичного отношения ко многим явлениям культуры только потому, что в кризисное время у него не оказалось доступных классических адекватных средств философской рефлексивной саморегуляции. Получается, что превалирующее большинство считает, что в бесконечном процессе конфронтации культур, этических концепций деформация философских призм восприятия происходит благодаря силе «агрессивной философии» нападающего, а не слабости нравственных оборонительных позиций, что, на наш взгляд, не является верным.

Впервые в истории человечество оказалось в условиях постоянно прогрессирующего технологического процесса. Техника предлагает особые условия для развития сознания – разделение на реальный и виртуальный срез бытия. Подобное деление вынуждает каждого к внутреннему монологу о том, пребывание в какой из сфер является наиболее осмысленным, ценностно адаптированным как к экзистенциальным, так и к духовным потребностям человека.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

С. С. МИШУК

В настоящее время сделан общий вывод о формировании глобальной системы информационно-коммуникационных технологий как принципиально новом компоненте современной цивилизации. Появление данной системы явилось закономерным и необходимым этапом в развитии человеческого общества. С ее возникновением ноосфера как планетарная оболочка Земли приобрела логически завершенный вид.

Формирование глобальной системы обмена информацией первоначально воспринималось как возникновение общецивилизационного инструмента, предоставляющего большинству людей колоссальные возможности непосредственного и быстрого доступа к духовным богатствам человечества. Однако реальные процессы демонстрируют существенно иную картину.

Происходит прежде всего экспоненциальный рост объемов информации, безответственно направляемой в систему информационно-коммуникационных технологий. В результате всемирная сеть переполняется сведениями, которые в большей степени искажают объективную реальность, чем отражают ее. Изменение языкового мышления в целом как феномен общения в виртуальной среде приобретает, очевидно, массовый характер. Результатом данного процесса является формирование противоречий на базовых, фундаментальных уровнях сознания и языковой культуры личности.

ТЕХНИКА КАК СЕМИОЗИС: КОНЦЕПЦИЯ Ф. ДЕССАУЭРА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ СЕМИОТИКИ

А. Ю. НЕСТЕРОВ

В посвященных понятию техники работах Ф. Дессауэра («Философия техники» 1928, «Спор о технике» 1958) последовательно развертывается платонистское понимание техники. Суть этого понимания в том, что то новое, которое впервые входит в человеческую жизнь с техническим изобретением, уже присутствует в «потенциальной части космоса»: сущность технического предшествует существованию технического артефакта. Альтернативное понимание техники формулируется в работах Г. Рополя и связано с конструктивистской критикой «четвертого царства» как мира предустановленных форм решений в технической деятельности.

В обоих классических случаях определения сущности техники она предстает как форма рефлексии, как проективный семиозис, в котором взаимодействуют фантазия, исчисление и законы физического мира. Семиотическое выражение контрверзы платонизма и конструктивизма показывает, что техника как проективная деятельность имеет дело с опытом (в смысле памяти), как он получен в рецептивных актах познания и сформулирован в виде «знаний» (как обоснованных истинностных убеждений), и с навыками фантазии, логического мышления (исчисления) и в целом рассудочного представления, с практической реализацией в физическом мире, доступном чувственному восприятию. Соответственно техника – это акт деятельности, обеспечивающий проективное взаимодействие трех сред семиозиса (разума, рассудка и восприятия) для решения некоторой проблемы, достижения цели, удовлетворения потребности.

В качестве формы рефлексии и деятельности техника представима в виде языка, то есть набора семантических, синтаксических и прагматических правил. Правила связывают фантазию, исчисление и физический мир. Если в реалистски определенном познании (например, по Н. Гартману) их взаимодействие носит рецептивный характер – сознание приспосабливается и трансформируется под воздействием «внешнего», то в случае рефлексии, то есть творческой и технической деятельности, их взаимодействие является проективным – сознание создает «новое» и трансформирует внешнее.

Техническое действие берет начало в фантазии, продолжается в мышлении и завершается построением объекта в чувственном восприятии. Каждая из этих трех сред семиозиса обладает собственным набором синтаксических, прагматических и семантических правил. Объективность и иерархическая сложность этих правил – это открытие платонизма; приведение правил разных сред в состояние проективного взаимодействия, способного изменить среду, реальность – это открытие конструктивизма. Представление техники в терминах языка (как семиозиса особого типа) – это претензия семиотического подхода.

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА

С. В. ОРЛОВ, Н. А. ДМИТРЕНКО

Концепция современного общества как информационного (постиндустриального) сформировалась в западной философии и социологии. Попытка оценить ее с точки зрения научной материалистической философии приводит к двум взаимосвязанным выводам. Во-первых, исследование информационного общества должно стать важнейшим направлением развития социальной философии. Во-вторых, отсутствие в подходах многих западных ученых последовательно материалистического понимания исторического процесса, разделения труда на абстрактный и конкретный и ряд других особенностей их методологии не дают возможности в полной мере осмыслить информационный «сдвиг» в социальных процессах.

Традиция марксистской материалистической философии дает возможность зафиксировать более глубокие и скрытые изменения, совершающиеся в обществе в информационную эпоху. В философии должно в какой-то мере измениться понимание даже таких фундаментальных категорий, как материя и развитие. Виртуальная компьютерная реальность (например, программное обеспечение и файлы) оказывается очень специфичным материальным феноменом, возможно – новой, искусственно созданной формой материи. Особенности этой формы материи, необычайно сходной с нематериальными, идеальными явлениями, мы предлагали описывать с помощью понятий квазиидеальности и квазисубъективности.

Развитие информационных технологий приводит специалистов по кибернетике к постановке фундаментального вопроса: является ли компьютер чисто человеческим изобретением, не имеющим никаких природных аналогов, или же какие-то отдаленные аналоги компьютера есть уже в природе? Их обнаружение могло бы сильно изменить и дополнить философскую концепцию развития.

В информационном обществе быстро эволюционирует особая форма труда, открытая К. Марксом, – всеобщий труд. Развитие всеобщего труда обычно сводят к возрастанию роли умственного труда и уменьшению значения физического, но эта точка зрения охватывает только внешние проявления происходящих процессов. Наиболее распространенной современной формой всеобщего труда является компьютерный труд, связанный с обработкой информации и производством абстрактных материальных структур. Труд программиста, внешне похожий на умственный, приводит к созданию материального программного продукта (никаких идеальных компонентов в компьютерной программе нет). Компьютерная программа участвует в процессах материального производства как своеобразный микроскопический материальный инструмент, контролирующий ход процесса без вмешательства человека. Труд программиста

особым образом, по-новому синтезирует, объединяет в себе материальный и умственный труд. Марксистская концепция свойственной информационному обществу особой формы труда, определяющей в конечном счете все новые социальные процессы и феномены, наиболее подробно разрабатывается представителями школы научной философии Пермского государственного национального исследовательского университета (В. В. Орлов, Л. А. Мусаелян, Т. С. Васильева, В. С. Гриценко и другие).

ИНТЕРНЕТ И ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОСТИ

Е. В. РАДЕВИЧ

В настоящее время информационная технология позволяет практически неограниченно взаимодействовать различным культурам, а их представителям осуществлять информационный обмен, оказываясь под влиянием различных информационных потоков. Это положительный процесс, способствующий оптимальному развитию глобальной инфокультуры, однако глобальная информационная технологическая культура неизбежно ведет к унификации, которая представляет непосредственную опасность для культуры малых народов. С другой стороны, сегодня, как никогда ранее, существует возможность представить широкой аудитории различные культурные творения. Главная проблема состоит в том, что способ предоставления слишком унифицирован, т. е. сама технология передачи культуротворчества подгоняется под единый стандарт, а все то, что не подходит под этот стандарт – игнорируется владельцами технологий, в том числе по причине материальной нерентабельности.

Такой новый тип глобальной информационной культуры характеризуется существенными сдвигами в коммуникативном пространстве социума. Это касается новых способов хранения и трансляции информации. Современные информационно-компьютерные технологии позволяют осуществлять поиск больших объемов информации в сжатые временные интервалы благодаря наличию электронных поисковых систем. Многие письменные носители информации – научная и художественная литература, печатные издания – уже давно оцифрованы и перенесены в электронные ресурсы. Объединенная в единую систему аудиовизуальная и вербальная информация воплотилась в технологии Мультимедиа, которая превратила процесс коммуникации между людьми в принципиально интерактивный процесс. Это, в свою очередь, создает возможности для повышения творческой активности человека.

ИНТЕРНЕТ И НОВЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ

А. В. РУБАНОВ

Первой из базовых основ формирования информационного общества является резкое возрастание объемов производства и использования разнообразной информации, ускорение темпов ее передачи. Второй – возникновение и интенсивное развитие на базе сети Интернет новых форм коммуникации.

В соответствии с двумя базовыми формами социальных сетей (универсальными и специализированными) возникли два типа сетевых интернет-сообществ. Отличительной особенностью универсальных сообществ является то, что общение в них не ограничено какой-то одной, четко очерченной тематикой. Направленность их деятельности состоит в увеличении числа участников виртуального взаимодействия и интенсификации контактов между ними.

В ситуации с межличностной коммуникацией это еще и свободный характер выбора участников общения, возможность одновременной коммуникации с широким кругом партнеров, более интенсивный поиск единомышленников, свобода творческого самовыражения и самопрезентации, т. е. представления себя другим людям, доминирование плюрализма мнений и диалогового характера взаимодействия и т. п.

Для деловых структур новые информационно-коммуникационные технологии важны, во-первых, для установления и поддержания эффективных взаимовыгодных связей; во-вторых, в целях рекламы, продвижения товаров и услуг; в-третьих, для формирования круга постоянных клиентов; в-четвертых, для осуществления практических коммерческих операций (электронная торговля, платежи, банковские операции, оперативный обмен информацией и подготовка документов, оформление договоров, предоставление электронных налоговых деклараций и др.).

В социально-политической сфере развитие виртуальных социальных сетей и сообществ создало новые условия для реализации разного рода политических и идеологических проектов, породило возможность ускоренной идеологической, организационной, морально-психологической и другой мобилизации участников социальных акций и движений. То, с какими целями и как реализуется этот потенциал, находится в прямой связи с намерениями и целями их инициаторов и руководителей.

Очевидны и негативные проявления новых форм коммуникации. Состоят они в их анонимном характере; фактическом отсутствии узаконенных правовых норм и ответственности за свои действия в сети; возможности сознательного обмана интернет-аудитории в коммерческих или политических целях. В межличностной коммуникации особо в так называемом процессе конструирования виртуальной личности (нередко вымышленной), ориентированной на идеальное «Я» взамен реального, чем чаще всего занимаются подростки и молодежь и др.

К ВОПРОСУ О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ПЕРСПЕКТИВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Е. А. РУДКО

Аналитики говорят об информатизации как о важнейшем атрибуте современности, утверждая, что в последнее время происходит становление информационных обществ с характерными признаками, которые отличают их от обществ прошлого.

В теориях постиндустриального, информационного общества (Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, О. Тоффлер и др.) в качестве основной движущей силы прогрессивного социального развития рассматривается научно-технический прогресс, внедрение научных технологий в производство и структуры социального управления. Телекоммуникациям и компьютерам отводится главная роль при обмене информацией и знаниями. На первый план выходят теоретические знания; создается новая интеллектуальная технология; растет класс носителей знаний; происходит переход от производства товаров к производству услуг; меняется характер труда.

Оценивая перспективы информационного общества, ученые приходят к выводу, что современная техногенная цивилизация амбивалентна, обладает как достоинствами, так и недостатками. К ее достижениям относят: повышение материального благополучия и качества жизни, расширение сферы занятости и возможности выбора профессии, улучшение условий труда, развитие средств массовой информации и коммуникации, использование результатов научно-технического прогресса в сфере здравоохранения, образования, бытового обслуживания, торговли и организации досуга и др. Однако проявляется и целый ряд проблем: недостаточный контроль со стороны общества над характером научно-технического прогресса, проблемы войны и мира, международного терроризма, экологические и демографические проблемы, проблемы дисбаланса в развитии стран Севера и Юга, кризис общечеловеческих ценностей, социально-психологический дискомфорт отдельной личности и др.

Таким образом, современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется расширяющимся использованием научных и технических достижений в самых разных областях социума и в связи с этим растущими возможностями. В то же время для нашего мира характерны состояние неустойчивости, текучести, иронии, нестабильности отношений. Сегодня мы имеем огромное пространство выбора и некоторую неуверенность в самом его процессе, сталкиваемся с ситуацией огромного количества соблазнов, которые предлагают нам СМИ.

НАУЧНЫЙ ГУМАНИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

АЯЖАН САГИКЫЗЫ

Научно-теоретический уровень мировоззрения определен тем, что он ставит человека перед фундаментальными вопросами, которые принято обозначать как «вечные»: имеет ли мироздание и человеческое бытие конечную цель, абсолютный смысл, объективное предназначение? И если имеет, то доступны ли они человеческому разуму? Тем самым наука вольно или невольно вступает в диалог с религиозными интерпретациями онтологических оснований гуманизма.

Наука рассматривает природу, человека, исторические события, язык и т. д. в их предметном противостоянии, и потому не в силах охватить всю сущностную полноту их бытия. По этой же причине наука не может собственными методами – т. е. научно – раскрыть для себя свое собственное существо: физика сама по себе никак не может стать предметом физического эксперимента; посредством математических расчетов никак нельзя выяснить, что такое сама математика.

В понятии научного гуманизма интегрированы два ряда ценностей, которые при абстрактном подходе к ним кажутся взаимно противоположными, взаимоуничтожающимися – ценности объективной истины и ценности автономии человека. С точки зрения гуманизма, человек не рассчитывает получить законы, ценности, нормы, смыслы своей жизни ни от Бога, ни от Природы, но учреждает их сам на основе своего разума и воли. Наука рассматривает как высшую ценность объективную истину, совершенно не зависящую от человека. Но именно провозглашаемая гуманизмом суверенность человека, его автономия и свобода могут быть основанием и условием возможности как достижения очищенных от всяческих антропоморфизмов, объективно-истинных положений того же естествознания, так и обретения человеком смысловых ориентиров в сфере безотносительных истин духовно-нравственного плана бытия.

Суммарный объем знаний, которыми располагает человечество, в современных условиях удваивается в среднем раз в десять лет. Этот информационный марш-бросок человеческого рода в целом становится непосильным для каждого его представителя в отдельности. Физиологические, психологические, интеллектуальные возможности человека не позволяют освоить даже ничтожную часть такого колоссального количества информации. Информационные технологии берут на себя решение задачи поиска нужной информации. Система замыкается в себе самой.

Важной чертой современной науки должна быть ее связь с проблемой человека, ее гуманитаризация и гуманизация. Современная наука столкнулась с трудностями в различении объективного и субъективного, она обнаружила зоны, где это различение невозможно. Первоначально это области педагогики,

психоанализа, социальной психологии, истории, других областей, являющихся предметом гуманитарных наук, но затем подобные вопросы встали и в естествознании. Таким образом, вновь встают фундаментальные вопросы, вызванные изменением понимания того, что такое разумность, что такое рациональность, понятие рациональности как бы расширяется за счет вопросов, поставленных методологией гуманитарных наук.

ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

В. С. САЙГАНОВА

В современной философии и методологии науки анализ научной рациональности репрезентирован двумя основными парадигмами: социокогнитивной и коммуникативной, которые в зависимости от актуализации субъект-объектных или субъект-субъектных отношений в научном познании представляют собой различное концептуальное видение норм научной рациональности.

Социокогнитивная парадигма, развиваемая преимущественно на стыке естественнонаучного и гуманитарного знания (В. С. Стёпин, Дж. Холлтон, В. Ньютон-Смит), исходит из субъект-объектного рассмотрения научной рациональности, необходимости ее выражения определенными нормами и критериями, которые призваны специфицировать научную рациональность в статике и в динамике. Например, развитая В. С. Стёпиным концепция оснований науки является базовой предпосылкой для понимания когнитивного измерения рациональности в современном обществе, так как позволяет детально исследовать научную рациональность в ее динамике. В западной философии науки социокогнитивная парадигма научной рациональности получила свое развитие в концепциях «тематического анализа науки» Дж. Холтона и «умеренного рационализма» В. Ньютон-Смита. Авторы обеих концепций также исходят из динамической интерпретации научной рациональности, но при этом выделяют устойчивые структуры – «тематы науки» либо критерии прогресса в науке. Коммуникативная парадигма интерпретации научной рациональности характеризуется совокупностью исследований, развивающихся преимущественно в рамках социально-гуманитарного знания и акцентирующих субъект-субъектную природу рациональности, не рассматривая при этом научную рациональность в нормативном аспекте. В рамках коммуникативной традиции исследования научной рациональности отличаются отсутствием выделения норм и критериев и дистанцированностью от эпистемологической проблематики. Рассматривая научную рациональность в рациональности человеческого действия и общения, во главу угла ставятся коммуникативные аспекты различных сфер человеческой деятельности, в том числе и науки.

Так, например, осуществляя сопоставление понятий «коммуникация» и «рациональность», Ю. Хабермас предлагает ограничить поиск новой рациональности сферой коммуникации, где новая рациональность возникает в процессе интеракции, вне ее не существует и, по сути, тождественна самим правилам коммуникации.

Парадигмальная трансформация норм научной рациональности в современной философии и методологии науки заключается во взаимодополнении социокогнитивных и коммуникативных их интерпретаций. Социокогнитивная парадигма научной рациональности обеспечивает возможность научного дискурса, а сам акт коммуникации репрезентирует его реальное функционирование и динамику в полилоге форм рациональности. В отдельности социокогнитивные и коммуникативные трактовки норм научной рациональности нельзя считать самодостаточными, ибо только в их сближении и сопряженности возможно свести к минимуму кризисные проявления при обосновании и утверждении нового типа рациональности.

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ

Р. С. САРТАЕВА

Феномен информации (наряду с феноменом знания) представляет собой одну из наиболее актуальных и фундаментальных проблем современного цивилизационного развития, становится мощнейшим ресурсом и конституирующей особенностью нового постиндустриального этапа в развитии мирового мегасоциума. Именно поэтому этот новый этап часто называют информационным обществом, или обществом знания. Однако основополагающая концепция информации, по мнению многих исследователей, остается непроясненной (Г. Бехманн).

Если же рассматривать феномен информации в контексте холономно-голографического подхода, имеющего огромное значение в современной науке и познании в целом, то информация выступает как фундаментальная сущность окружающего нас мира.

Суть холономно-голографического подхода составляет следующий базовый тезис: в любой самой малой части любой системы содержится информация обо всей системе (С. Гроф). Такое понимание соотношения части и целого не противоречит явлению эмерджентности, согласно которому у системного целого утверждается наличие свойств, не присущих его подсистемам и блокам. В преодолении своего рода антиномичности вышеуказанной ситуации важную роль играет введение в рамках холономно-голографического подхода понятий субстрата и информации, причем информация проявляется как сущность, а субстрат выступает как явление. Понятие информации в данном контексте

несет в себе более глубокое (в отличие от обыденного понимания), «онтологическое» содержание, а именно: имеется в виду та общая база, что лежит в основе всех явлений окружающего нас мира.

И тогда не информация становится путем и средством транспортировки знания (Ю. Миттельштрасс), а феномен знания представляется путем и средством постижения информации как сущности окружающей нас реальности.

Формирующаяся на основе современных научных исследований так называемая интегральная философия допускает соединение (логически обоснованное и доказуемое) изначально разных, как считалось ранее, позиций в пределах одной концепции. Исходя из этого можно утверждать, что феномен информации имеет и трансцендентный (сверхъестественный), и субъективный, и материальный характер.

Указанное выше понимание информации не является просто конвенциональным, а обусловлено развитием и достижениями современной науки, в первую очередь, физики и астрофизики (С. Хокинг, Л. Саскинг, М. Майлз, Б. Мандельброт и другие), формирующими новые представления об окружающей нас реальности.

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Г. Н. СОКОЛОВА

В XVII–XVIII столетиях наука обретает мировоззренческие функции, а научная рациональность начинает рассматриваться в качестве одной из важнейших ценностей человеческой жизнедеятельности. В системе мировоззренческих установок фиксируется ценность прогресса науки и техники, а также убеждение в принципиальной возможности рациональной организации социальных отношений. В этом контексте особую актуальность приобретает характеристика исторических типов научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический), разработанная В. С. Стёпиным. Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте. Неклассический тип учитывает связи между объектом и характером средств и операций деятельности, но игнорирует связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями. Постнеклассический тип рациональности соотносит полученные знания не только со средствами деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Научная рациональность становится одной из доминирующих ценностей культуры. Вместе с тем научно-технический прогресс сопровождается рядом проблем: экологических, выживания в ядерный век, человеческих коммуникаций. Выход видится не в отказе от научно-технического прогресса, а в придании ему гуманистического измерения [1].

В этой связи возникают вопросы: как возможно включение в научное познание внешних для него ценностных ориентаций? каковы механизмы этого

включения? не приведет ли к деформации истины требование соизмерения ее с социальными ценностями? Ответы на эти вопросы помогает найти разработанная Н. Д. Кондратьевым теория больших циклов конъюнктуры. Он доказал, что большие циклы можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода, посредством «реорганизации» не только производственных, но и социальных отношений в обществе, связанных с развитием социальных ценностей. Специфика метода Н. Д. Кондратьева заключается в том, что он учитывал все возможные связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликацию этих связей он рассматривал в качестве условий описания и объяснения мира, что характерно для неклассического типа рациональности [2].

Можно утверждать, что Н. Д. Кондратьевым создан алгоритм циклического развития производительных сил, ведущих к реорганизации производственных отношений и всей жизни общества. Алгоритм циклического развития производительных сил модифицируется в реальные процессы смены технологических укладов с выделением ключевых технологий: первый технологический уклад – текстильные машины; второй – паровой двигатель; третий – электродвигатель; четвертый – двигатель внутреннего сгорания; пятый – микроэлектроника, шестой – нанотехнология, гелио- и ядерная энергетика. В контексте формирования каждого технологического уклада возникает новое разделение труда и, соответственно, новые кластеры профессий, связанные с формированием рынка образовательных услуг. И одновременно возрастает необходимость социально-гуманитарной и экологической экспертизы крупных научно-технических проектов под углом зрения гуманистических ценностей и решения глобальных проблем [3].

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.
2. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры / Н. Д. Кондратьев // Вопросы конъюнктуры. – Т. 1. – М., 1925. – С. 24–69.
3. Соколова, Г. Н. Научная рациональность как ценность в формировании научно-технического прогресса / Г. Н. Соколова // Синтез философии, науки, культуры. – Минск: БГУ, 2014. – С. 154–164.

ОБЩЕСТВО «КОПИПАСТА»

Ю. В. СОЛОВЕЙ

Чтобы раскрыть феномен любого общества, необходимо выявить специфику составляющих его индивидов и обнаружить то, что объединяет их в единый общественный механизм. Для начала определимся, что же дает основания в качестве приоритетной характеристики говорить об обществе XXI века как обществе «копипаста»? Речь не идет об обществе повсеместно утвердив-

шегося плагиата, а рассматривается в ключе тардовской идеи о том, что любое человеческое действие имеет свои образцы. Для Тарда основой общественной жизни выступает сам факт того, что индивид мыслит или действует подобно другому, воспроизводя или копируя другого. Реалии XXI века таковы, что общественная жизнь «цифрового поколения», буквально не знающего жизни без информационных технологий и интернета, протекает в большей степени во всевозможных социальных сетях, т. е. в реальности, которую и реальностью в традиционном понимании назвать сложно, но которая так похожа на маклюэнзовскую «глобальную деревню» века «интернет-галактики». Быстрота клипового мышления, являющегося отличительной чертой «цифрового поколения», приводит к тому, что общение в социальных сетях строится по определенным правилам: в ход идут небольшие устоявшиеся выражения, слова и словосочетания, предлагаемые автоподстановкой, всевозможные смайлики и стикеры (приветствие, прощание, слова благодарности зачастую заменяются соответствующими стикерами), поздравления превращаются в ритуальный обмен открытками и роликами. Активная жизнь в социальных сетях немислима без языкового минимализма и предполагает овладение двумя последовательными операциями «сору» и «paste» как в узком смысле (копирование фрагмента текста), так и в широком (подражание более успешным участникам социальных сетей). К слову сказать, сочетание клавиш «CTRL+C» и «CTRL+V» даже считается священным действием в зарегистрированной в Швеции Церкви Копимизма. То обстоятельство, что, по сути процесс социализации в «глобальной деревне» сводится к умению более-менее успешно подражать действиям другого или пользоваться образцом, приводит к двум принципиальным моментам. Так, с одной стороны, происходит существенное снижение нижней границы вхождения во взрослую жизнь, с другой – остается открытым вопрос определения осмысленного овладения данной процедурой. Потому что, как говорил Ф. И. Гиренок, «клип заставляет сознание не продумывать мысли, а монтировать их». И научившись «копировать» и «вставлять», смонтировать можно всякое, а на упреки в отсутствии даже намек на смысл и логику гордо заявить об авторском взгляде, своей точке зрения. В целом же рассмотрение постсовременного общества как общества «копипаста» порождает целый ряд проблем. Это и проблема отказа от текстуальной культуры, поскольку текст и сам язык стоят на пути успешного общения в сети. Проблема и в том, что отыскать в хаосе копий оригинал весьма трудоемко. Проблематичным становится и усвоение скопированной информации. Истина, имеющая внешний источник возникновения, не так ценится, как рожденная самостоятельно.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Р. Д. СТАМОВА

Современный мир характеризуется чрезвычайно высоким, беспрецедентным темпом социально-экономических процессов, в которые уже вовлечена подавляющая часть современных государств и народов, в том числе кыргызский. Между процессом глобализации и информационным обществом существует прямая связь, заключающаяся в том, что процесс глобализации был бы невозможен без развитой материальной базы, которая возникла вследствие интенсивного развития науки и техники. Научно-технические, и не в последнюю очередь информационные, технологии являются основой как современного, так и перспективного производства. Более того, роль информационных технологий и сетей, как и всей информационной инфраструктуры в целом, в жизни мирового сообщества или, как сейчас принято говорить, мегаобщества, будет только возрастать. Соответственно, будет возрастать давление информационных систем, инфраструктуры и собственно информации на культуру во всех ее проявлениях. В условиях информационного общества интенсивно формируется глобальное информационное пространство, которое, выходя за пределы конкретных государств, тем или иным образом начинает влиять на различные сферы жизнедеятельности общества. При этом наиболее экономически могущественные государства получают через национальную и мировую информационную инфраструктуру дополнительные рычаги влияния. При этом одной из важнейших областей деятельности государства была и остается культура, особенно та ее часть, которая может быть легко представлена в виде информационного ряда. А это достаточно большой сегмент любой культуры, к которому относится любого рода информация – аудио, визуальная и в целом та, которая может быть представлена в цифровом формате и транслироваться в дальнейшем по различным информационным сетям.

Очевидно, что с изменениями в различных национальных культурах, часто носящими радикальный характер, происходят и существенные, глубинные, кардинальные изменения психологии, менталитета людей, испытывающих значительное внешнее культурное влияние, давление, исходящее от стран и групп государств, претендующих на мировое культурное доминирование.

В условиях информационного общества так называемая массовая культура, ставшая господствующей практически во всех индустриально развитых странах еще в прошлом веке, становится доминирующей во всем остальном мире, в том числе, конечно, и в Кыргызстане. Данная тенденция приобрела глобальный характер именно благодаря информационным технологиям, техническим средствам и сетям, всемирной информационной «паутине». Кыргызстан практически уже более десятилетия находится в пределах этой инфор-

мационной «паутины». Она, обеспечивая доступ к колоссальным мировым информационным ресурсам, оказывает все более возрастающее влияние на кыргызскую (и не только кыргызскую) национальную культуру, активно вытесняя из нее исконные и традиционные элементы и подменяя их инородными, «пришлыми» – по форме и сути своей массовыми.

ФЕНОМЕН МЕДИА: ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

И. И. ТАРКАН

Медиа (англ. *media*, от лат. *medium* – посредник) – совокупность средств массовой информации и коммуникации: прессы, радио, телевидения, фотографии, видео, кино, сотовой связи, Интернет. Термин «медиа» был введен в XX веке первоначально для обозначения любого проявления феномена массовой культуры. Благодаря бурному развитию цифровых технологий современное общество часто называют не только информационным, но и «медиатизированным».

В контексте философского дискурса о медиа необходимо учитывать два значимых взаимообуславливающих фактора: медиатизацию общества и социализацию медиа. Именно с учетом этих факторов строят свои парадигмальные исследования постмодернисты. Представители этого философского направления акцентируют внимание на проблемах медиапотребления и роли СМИ в конструировании современной реальности.

Постмодернисты убеждены, что за последнее время произошла трансформация социума: общество, где доминировало производство, трансформировалось в общество, где господствуют символы и знаки. Известно, что французский философ Ж. Бодрийяр является одним из авторов ключевого термина, используемого постмодернистами для описания действительности и лежащего в основе современной реальности – понятия «симулякра» (от лат. *simulo* – «делать вид, притворяться»). Ж. Бодрийяр описывал современный мир как «гиперреальность» – реальность, которая уже неотделима от образов.

Российский исследователь медиа В. В. Савчук формулирует предмет новой медиафилософии: «Предметом медиафилософии... является медиареальность, заданная новыми технологиями и включающая человека как условие, средство и цель коммуникации» [1, с. 206]. На наш взгляд, осмысление феномена медиа в современном обществе возможно в рамках философского дискурса с учетом следующих факторов:

- 1) противоречивой динамики информационного общества;
- 2) развития современных информационно-коммуникативных технологий;
- 3) динамики медиапроизводства и медиапотребления.

Методологической основой философского дискурса о феномене медиа являются исследования таких видных теоретиков массмедиа, как М. Маклюэна, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра, Р. Барта, Н. Лумана. Также важно опираться на основные положения теории полей П. Бурдьё, философские положения Ж. Бодрийяра, Г. Дебора.

Литература и источники

1. Савчук, В. В. Медиафилософия: приступ реальности / В. В. Савчук. – СПб.: Издательство РХГА, 2014.

ЭТАПЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК КОРРЕЛЯТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. М. ТВЕРДЫНИН

В развитии современного общества существует достаточно много противоречий, связанных с научно-техническим развитием. Происходит постоянное изменение и взаимодействие различного вида технологий как в производстве, так и в непроизводственной сфере. Под технологическим взаимодействием здесь понимается постоянное взаимное изменение содержания технических параметров как высоких технологий, так и других технологий, которые определяют существование социума: современных, традиционных и даже архаичных, хотя сегмент последних может составлять доли процента. Для социально-философской оценки современного наукоемкого мира информационные технологии оказываются крайне важными, поскольку, относясь к высоким технологиям, проявляют себя иначе, чем «высокие» технологии предшествующих эпох.

Исторически «высокие» технологии могут быть выделены для любой эпохи. Их возникновение всегда было связано с появлением определенного социального заказа, а развитие происходило в рамках отношений данного социального заказа. Примерами таких технических достижений, которые кардинально меняли жизнь социума, являются металлический плуг, огнестрельное оружие, паровой двигатель и множество других. С появлением новых научных достижений и технико-технологических разработок возникали новые высокие технологии, доля которых быстро возрастала, а прежние «высокие» технологии переходили последовательно в разряд современных, традиционных и даже архаичных. При этом следует отметить, что взаимодействие всех видов технологий носит диалектический характер и на новых этапах развития может происходить их взаимное обогащение. Примером могут служить самолеты типа Ту-114 или Б-52, которые остаются на вооружении более полувека, проходя модернизацию двигателей и полное обновление электронных бортовых систем. Данный пример отражает взаимодействие высоких и современных технологий.

Информационные технологии в процессе такого взаимодействия заняли несколько нестандартное место. С одной стороны, это безусловно высокие технологии. С другой – они практически не переходят на более низкие технологические уровни при появлении более совершенных аналогов, а просто перестают существовать. В качестве примера можно привести исчезновение дискет и постепенный отказ от CD дисков, исчезновение черно-белых дисплеев и т. д. Данные технологии, как и ряд других, становясь неэффективными, перестают использоваться не находя применения даже в бытовой сфере, а часто начиная исчезать именно из нее, что так же несколько необычно, если рассматривать данное явление с позиций истории техники.

Именно поэтому возникает значительное поле для исследования данного научно-технического феномена с позиций как философии науки и техники, так и социальной философии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЗАДАЧ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

А. В. ТИТОВ

Моделирование процессов управления сложными объектами и прогнозирование их развития сталкивается с трудностями, связанными с тем, что признанные классическими методы формального моделирования не всегда эффективны при описании динамики развития таких объектов. Методы формального моделирования таких объектов и процессов не систематизированы, их применение не базируется на единой методологии, что снижает эффективность их применения.

К способам повышения степени адекватности моделей сложных объектов и процессов, для которых не эффективно классическое «жесткое моделирование», можно отнести «мягкое моделирование».

Мягкие модели могут оказаться полезным инструментом для моделирования сложных объектов, поскольку на основе использования мягких моделей можно делать выводы для целого ряда жестких моделей, получаемых с помощью исходной мягкой модели путем вариации значений коэффициентов модели, что может отражать изменение степени весомости параметров, влияющих на оценку состояния объекта описания.

Эвристические модели применяются в задачах прогнозирования и управления развитием объектов при невозможности строгой формализации их описания и основаны на использовании интуитивных представлений специалистов-экспертов.

Эвристические модели основаны, в частности, на использовании интуитивно «ясного» критерия качества и правдоподобных рассуждениях о способах

достижения его максимальных значений. В своей экстремальной форме эвристики вообще отрицают необходимость математического моделирования.

Для описания динамики состояний сложных объектов и перехода их в новые фазовые состояния полезными могут оказаться фрактальные модели в их сочетании с нечеткими и эвристическими моделями. В частности, параметры модели развития $Z_{n+1} = K(t)Z_n + C(t)$ могут не только иметь сложную структуру и нечеткий характер, но и обладать динамическими свойствами, как в «мягких» моделях В. И. Арнольда.

Суть описания динамики развития состояний объекта управления заключается в их подобии некоему исходному эталонному образу, т. е. в описании процесса самоподобия и определения зоны его устойчивости.

При моделировании состояний сложных объектов мы можем сталкиваться с ситуациями, в которых нарушаются законы классической формальной логики с законами исключенного третьего и противоречия. Следовательно, моделирование объектов сложной природы требует привлечения формальных методов моделирования, основанных на разных типах логики. Адекватность выбранного метода формального моделирования во многом определяется пониманием взаимосвязи между формальными системами с различным типом логики.

Можно показать, что при определенных условиях тип логического исчисления связан со структурой, на которой принимает значение оценка формул этого исчисления [1].

Литература и источники

1. Титов, А. В. К проблеме математического моделирования задач управления и прогнозирования развитием сложных систем / А. В. Титов // Управление развитием крупномасштабных систем: труды VI международной конференции. – Т. 2. – М.: ИПУ РАН, 2012. – С. 298–307.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. В. ТКАЧЕНКО, А. А. НАЗАРОВ, И. В. БАЙДАКОВ, С. И. КЛЕНОВ

Ни одно техническое новшество на планете за последние 500 лет не изменило столь радикально психику человека, как информационные технологии. Философы и психологи не предсказывали такого всплеска изменений в человеческом сознании.

В докладе обосновывается ошибочность позиции, согласно которой информационные технологии рассматриваются как плод технической революции. В качестве альтернативы предлагается концепция техногенного витка развития психики человека. Компьютер в итоге техногенеза стал вынесенной вовне частью психики субъекта, где сугубо символные данные, обрабатываемые мозгом, на некоторый период размещаются на компьютерном цифровом

носителе, а не на носителе-нейронах. Вербально-логическое мышление, оперирующее символическими данными, получило при этом внешнюю память для данных в текстовом виде и поиск в базе по ключевому оцифрованному слову. Образное и предметно-действенное мышление, оперирующее конкретными образами, получило внешнюю память в виде систем виртуальной реальности.

Концепция предполагает расширительную трактовку науки психологии: она опосредует выводы кибернетики как науки об информации. Согласно новому определению, информация имеет компоненты: данные + смысл. В рамках концепции сформулирована гипотеза существования в природе как материи, так и нематериального субстрата – информации, компонент «смысл» которой рождается сугубо сознанием. Сознание человека, освоив законы бытия материи, смогло алгоритмизировать некоторые свои операции с информацией, чтобы вынести их вонне мозга, разгрузить его как носителя.

Вынос алгоритмизированных операций стал независимым от материального носителя. Этот процесс приспособления сознания к своему носителю-мозгу и материи компьютера как цифрового носителя, оказавшегося в распоряжении субъекта, демонстрирует, что в природе эволюционно идет «естественный отбор» когнитивных приемов, используемых сознанием: приемов добывать знания о природе «про запас», сохранять их, накапливать и передавать из прошлого в будущее в цифровом виде любой ценой.

РОЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ НАУКИ

К. Ж. ТУЛЕНОВА, Э. Х. РАСУЛЕВ

Научная школа как форма организации деятельности ученых занимала важное место в прошлом и продолжает занимать такое же место в современной науке. В науке еще не сложилось ясного представления о сущности научной школы, ее отличиях от близких по смыслу понятий, таких как «научное направление», «научный коллектив» и т. д.

При рассмотрении вопроса о возникновении и развитии научных школ в литературе постоянно подчеркивается решающая роль личности ученого, вокруг которого складывается школа. Основой научной школы является ее руководитель, обладающий своей специфической исследовательской программой, которая со временем становится детерминантой теоретической программы научной школы. Состязательность с другими школами предполагает постоянное повышение своего профессионального уровня членов школы, а это, в свою очередь, приводит к тому, что и внутри научной школы формируются индивидуальности со своим подходом к решению существующих проблем. Многовариантность становится важнейшим атрибутом современной науки, и это позволяет выразить идею о значимости научных школ как выразителей альтернативных путей в процессе выработки стратегии развития науки.

Наиболее существенными принципами и нормами, которые определяют преемственность и традиции научной школы, являются универсальность (научное открытие должно получить всеобщее признание и распространение, которое начинается с научной школы), критицизм (в науке недопустимо совершать ошибку, доверяя мнению признанного научного авторитета; все, что провозглашается истиной, должно быть проверено), бескорыстие познавательного интереса и др. Наиболее важным принципом является рационализм, составляющими которого являются ясность, точность (компактность), лаконичность и нейтральность изложения текста, логичность и эмпирическая обоснованность выводов и суждений.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ТРАДИЦИЯ В РАЗВИТИИ НАУКИ

Ф. Н. УСМОНОВ

При обсуждении проблемы рациональности мы, естественно, сталкиваемся с многозначностью этого понятия. С одной стороны, рациональность рассматривается в качестве методологического инструмента анализа, с другой, она выступает и как предмет анализа. Третий аспект проблемы состоит в том, что рациональность выступает в качестве ценности. Эти три разных определения и контекста рассмотрения проблемы влекут за собой как минимум три понимания рациональности.

Разум складывается исторически, поэтому рациональность можно рассматривать как одну из традиций. Он старше всех иных традиций и способен пережить любую из них. Разум универсален и охватывает всех людей, в то время как другие традиции ограничены не только во времени, но и в пространстве. Разум – самая гибкая из традиций, меняющаяся от эпохи к эпохе. Он представляет собой критическую, в частности самокритическую, традицию. И, наконец, разум имеет дело с истиной, стандарты которой не являются конвенциональными.

Традиция, как бы ее не определяли, не стала еще объектом систематического теоретического исследования, хотя с этим понятием мы сталкиваемся постоянно – как в общественных науках, так и в обыденной речи. Теоретические суждения о традиции, встречаемые в гуманитарных науках, свидетельствуют о растущем понимании важности проблематики. Как писали многие авторы, среди которых Р. Генон, М. Вебер, А. Дугин, Э. Шрилз, Ю. Эвола, Г. Гадамер – все это по большей части не теории традиции, а подходы к традиции. До сих пор остается открытым вопрос: имеет ли, и в какой степени, акт выделения традиции из совокупности общественного наследия сознательный характер. Вопрос этот до известной степени спорный. Позиция наиболее классическая – это трактовка: традиция как явление по самой своей природе иррациональное и предрефлектирующее. В глазах сторонников этой позиции

традиция в отличие от философии не является чем-то вымышленным, а образовалась сама; для рационалистов, наоборот, именно это обстоятельство отягчает традицию – ее не следует принимать, поскольку она возникла без помощи и контроля разума [1, с. 83].

Исторически первой формой рациональности является не наука, а философия. Парменид, древнегреческий философ, провозгласил принцип тождества мышления и бытия. Бытие в его понимании – это то, о чем можно лишь мыслить, поскольку оно не сводится к вещам чувственного мира, это своего рода мышление о мышлении, об идеальных объектах, моделях, не совпадающих с объектами повседневной жизни. Платон развил дальше эту идею, создав учение о бытии как мире бестелесных сущностей, который можно «узреть» только внетелесным путем – взлетом мысли. Таким образом, в Античности был провозглашен принцип рациональности, согласно которому истину можно узреть лишь умом, не прибегая к чувственным показаниям. Теоретичность, умозрительность была уделом философов – людей, которые, отвлекаясь от практически-жизненных интересов и проблем, постигали мир вечных, не уничтожаемых временем, сущностей – мир идей, понятий, их взаимосвязей.

В развитии науки и рациональности особое место имеет теория Т. Куна. Разделив существование науки на два периода – нормальный (парадигмальный) и экстраординарный, или революционный, он, как известно, указал на ряд существенных характеристик этих периодов. В рамках периода нормальной науки ученый работает в жестких рамках парадигмы, понимаемой как совокупность методов, знаний, образцов решения конкретных задач, ценностей, разделяемых всем научным сообществом. Другими словами, парадигма в данном случае тождественна понятию «традиция». Именно она помогает ученому систематизировать и объяснить факты, совершенствовать способы решения возникающих проблем и задач, открывать новые факты на основе предсказаний господствующей теории. Данный процесс поставил перед философами науки задачу – выяснить механизмы соотношения традиций и новаций в науке. В результате осмысления этой проблемы возникли две важные идеи: многообразия научных традиций и структуры новаций, их взаимодействия на основе преемственности. Так, в работах В. С. Стёпина и М. А. Розова говорится о многообразии традиций и их взаимодействии. Традиции различаются прежде всего по способу их существования – они либо выражены в текстах, монографиях, учебниках, либо не имеют четко выраженного вербальными средствами существования. Эту идею высказал в одной из своих наиболее известных работ «Неявное знание» Майкл Полани [2, с. 53]. Отталкиваясь от этих идей М. Полани и развивая концепцию научных революций Т. Куна, М. А. Розов выдвигает концепцию социальных эстафет, где под эстафетой понимается передача какой-либо деятельности или формы поведения от человека к человеку, от поколения к поколению путем воспроизводства определенных образцов. Применительно к философии науки эта концепция выступает как множество взаимодействующих друг с другом «программ», частично

вербализованных, но в основном заданных на уровне образцов, передающихся от одного поколения ученых к другому. Это позволяет сделать следующие выводы: новации в науке возможны лишь в рамках традиций (что подтверждает идею Т. Куна), однако существует многообразие традиций, что позволяет говорить о междисциплинарности (взаимодействии традиций) как важнейшем условии получения нового знания [3, с. 97].

В заключение можно сказать, что внедрение рационального начала в общественную жизнь обнаружило явные пределы, а критически-рефлексивная рациональность не исключает, а предполагает авторитет традиции.

Литература и источники

1. Романовская, Е. В. Рациональность и традиция / Е. В. Романовская // Рациональность и свобода. VI Тезисы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2005. – С.-Петербург, 2005.
2. Гайденок, П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденок. – М., 2003.
3. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации / Т. Г. Лешкевич. – М., 2001.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В РАЗВИТИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. В. ЦЫРА

Среди форм рефлексивного осмысления научного познания особое место принадлежит методологии. Пройдя этапы развития классической и неклассической рациональности, методология научного познания во второй половине XX века резко обогащает свое содержание на этапе постнеклассической рациональности. В современной постнеклассической рациональности методология представляет собой своего рода самосознание науки и выступает функционально-организаторской, направленно-регламентирующей исследовательской деятельностью.

В связи с возникновением новых естественных и технических наук разрабатываются новые методологические принципы объяснения и познания реального мира. К этим инновациям в содержании методологического инструментария можно отнести: системный и синергетический подходы; компьютерные методы вычислительного эксперимента, а также ряд частнонаучных методов, связанных с познанием человекообразных систем и конвергентных технологий.

Существует необходимость остановиться на системном анализе, поскольку он выступает базовой основой для прочих, вновь возникших методов. В этом подходе расширяется область познания по сравнению с уже освоенной наукой; допускается новая схема объяснения объекта; раскрывается архитектоника системы за счет объяснения сущности ее дескрипторов, а также классификации атрибутивных и реляционных параметров.

Новое содержание в исследовании системного подхода внесла и синергетика. Как методологическая новация в исследовании систем, синергетика представляет новые приоритеты в общей научной картине мира: выстраивая концепцию нестабильного, неравновесного мира, обращая внимание на феномен неопределенности, многоальтернативности развития системы, раскрывая идею становления порядка из хаоса. Это положение есть отправная точка формирования нелинейной методологии. Нелинейная методология направлена на освоение открытых саморазвивающихся систем, среди которых особое место принадлежит сложным социоприродным комплексам, познание которых имеет большое практическое значение для человека.

В современной науке, технике и экономике инновационность становится обязательным атрибутом в создании интегрированных корпоративных структур нового поколения – информационных кластеров. Эти информационные кластеры объединяют в единое целое органы власти, финансовые, научно-исследовательские центры, социально-экономическую среду, которые в единстве формируют ядро кластера, представляющего как система. Возможность применения кластерного подхода к конструированию смысловосоразмерного содержания позволяет стимулировать инновационную деятельность познающего субъекта.

Постнеклассическая рациональность не только обогатила современную методологию большим арсеналом вышеотмеченных методов и форм научного познания, но внесла особый вклад в становление и развитие систем природной и социальной реальности через репрезентацию системного анализа, синергетического и кластерного подходов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

И. В. ЧЕРНИКОВА

Цель данного исследования – показать, как изменяются стандарты знания и реальный познавательный процесс на новом этапе социальной динамики, обозначаемом как общество знаний, и в связи с формированием новой парадигмы научности – технонауки. Вопрос о том, меняется ли и как научное знание, является актуальным не только в контексте эпистемологии, ответ на него важен и для выбора адекватной стратегии социального развития, поскольку роль науки и научных технологий в современном обществе только возрастает.

Будут рассмотрены изменения в структуре науки, представленные ростом слоя междисциплинарных исследований, и что более важно, изменением стратегии познавательной деятельности, выраженной в трансдисциплинарных исследованиях и парадигме сложности. Парадигма сложности будет представлена в адекватном ей контексте постнеклассической рациональности. Постнеклассическая рациональность не является чисто познавательной рациональностью, претендующей на моделирование реальности «как она есть», она

выступает как форма социально-гуманитарной проектно-конструктивной рациональности.

Классическая методология науки являлась способом нормирования исследовательской деятельности, универсальным инструментарием исследования, приложимым к любым объектам (универсальность). Методология классической науки нацелена на соединение знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах этой деятельности и мышления.

Изменение установок научного объяснения и доказательности происходит в неклассической науке. Важное значение приобретает требование фиксации средств и операций наблюдения. Методологические принципы неклассической науки: принцип дополнительности, принцип неопределенности, принцип суперпозиции, связаны с пересмотром онтологических постулатов, представлений о природе реальности. Реальность неклассической науки не пустое пространство, заполненное веществом, а сеть взаимосвязей. Вследствие изменения представлений о мироустройстве меняется и структура научного знания: формируются междисциплинарные науки. Философский анализ оснований междисциплинарности представлен в двух основных аспектах. Первый аспект – изменение онтологических оснований: от картезианского каркаса мира к холистическому мировидению. Второй аспект – переход от дискретного, атомистического мировосприятия к системному.

Специфика методологии постнеклассической науки в трансдисциплинарных исследованиях. Трансдисциплинарность – это новый уровень интеграции, который не ограничен междисциплинарными отношениями, а размещает эти отношения внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами. Трансдисциплинарность – это современный тип производства научного знания, который представляет собой гибрид фундаментальных исследований, ориентированных на познание истины, и исследований, направленных на получение полезного эффекта.

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА, КУЛЬТУРА И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

В. В. ЧЕШЕВ

Ускоренное техническое развитие в индустриальный и постиндустриальный период порождает проблемы, которые касаются не только взаимоотношения социальных групп, но также этических оснований жизни общества. При этом сложно фиксировать прямое соприкосновение техногенных и культурных факторов. Их встреча происходит в социальной среде в условиях ее системной организации, поскольку культура и предметная деятельность являются основными системообразующими началами общественной жизни. При этом технический прогресс отражает развитие предметно-деятельного начала в обществе.

Вплоть до становления промышленной стадии технический прогресс совершался в локальных условиях тех или иных цивилизаций. Технологии, основанные на использовании свойств природной среды, обладают определенной

культурной амбивалентностью, что позволяло осуществлять технологическое заимствование в рамках торговых и культурных взаимодействий. Происходило взаимодействие и взаимообогащение локальных технических достижений. Это положение радикальным образом изменилось в ходе становления промышленной стадии развития. В названный период общество принимает установку на технический прогресс как основную опору социального развития. Техническое развитие начинает восприниматься как решающий фактор общественного прогресса, как средство достижения его основных целей. Можно утверждать, что в европейском обществе было достигнуто определенное соглашение (консенсус), согласно которому оценивалось общественное значение как самого технического прогресса, так и социальных групп (ученые и инженеры), способствующих его осуществлению. Названный консенсус опирался на соответствующие культурно-этические основания, отраженные в антропологической концепции европейского Просвещения. Этим определились культурные и социальные особенности эпохи европейского модерна, конечным результатом которого стало современное общество потребления.

Постиндустриальное технологическое развитие существенно изменило техносферу, в которой живет общество. Можно утверждать, что взаимоотношение технического и культурного развития запада достигло некоей критической черты и встает вопрос о новой оценке технического прогресса, его роли в общественном развитии, условиях его включенности в социальный процесс. Это обстоятельство требует переоценки этических оснований культурного консенсуса, определяющего цели, основания и следствия постиндустриального развития. Если антропология Просвещения исходила из концепции самодостаточного индивида, стремящегося к максимизации личной пользы, то необходимо новое мировоззренческое и историософское видение природы человека, согласно которому индивидуальный успех и индивидуальное развитие будут находиться в зависимости от общественной пользы, приносимой научно-техническим прогрессом. Становится актуальным поиск новых этических оснований синтеза культурного и технического развития, способного опереться на культурные архетипы Востока, Запада и славянского мира. Новая антропология может открыть путь такому поиску.

ОТ МЕДИАЗНАНИЯ К МЕДИАТВОРЧЕСТВУ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО АКТИВНОЙ МЕДИАСРЕДЫ

Г. М. ЮСТИНСКАЯ

В настоящее время в нашей стране наблюдается интенсивное развитие медиаинформационных технологий, развиваются современные социальные механизмы сетевого взаимодействия на всех уровнях. Меняется общество – меняется медиасреда, и наоборот, изменившаяся медиасреда создает новые условия для формирования медиакомпетентного общества. Эффективное медиа-

просвещение существенно влияет на медиаповедение граждан, повышает их уровень медиаактивности. Это обуславливает необходимость в медиаобразовании широких слоев общества.

Принимая во внимание, что медиасреда обладает специфическими характеристиками, выделим ее основные составляющие: массовые (телевидение, радио, печатная пресса, сетевые издания и др.), локальные (медиа формальных объединений: школьные, студенческие СМИ, дискуссионные клубы, киноклубы и др.) и индивидуальные медиа (межличностная коммуникация: электронные письма, телефоны, SMS-сообщения и др.). Сегодня традиционные печатные медиа с успехом адаптируются к online-функционированию и активно используют возможности размещения электронных версий своих изданий.

Встает вопрос: умеют ли школьники и учащаяся молодежь – основные пользователи медийных новинок – ориентироваться в информационном потоке, отбирать, сопоставлять и осознанно потреблять информацию, понимать письменный текст и электронный контент? Современным пользователям интернет-ресурсов необходим достаточный уровень медиаинформационной грамотности для осуществления сетевого взаимодействия с представителями различных медиасообществ. Бесспорно, система медиаобразовательных технологий и методик способствует не только развитию критического мышления, творческих навыков и коммуникативной культуры школьников и учащейся молодежи, но и ведет к повышению их общей медиаактивности.

В настоящее время медиаобразование интенсивно развивается как самостоятельная область знаний и практик. Оно помогает молодому поколению адаптироваться в сложных современных условиях, обучает правильно воспринимать информацию разных уровней и форматов, осознавать последствия ее воздействия, а также с помощью технических средств осваивать новые формы коммуникации. Ожидаемые результаты медиаобучения – это образовательные навыки, направленные на отбор оптимальных медийных ресурсов, поиск, критический анализ, использование полученной информации, а также производство и распространение уникального медиаконтента.

«ЖИЗНЬ В СЕТИ» И КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ СЕТЕВОГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Я. С. ЯСКЕВИЧ

Всякая культура, экономика, политика реализуется только благодаря своему источнику, средству и результату, в качестве каковых выступает личность. Вместе с тем современное рискогенное общество далеко от воплощения «радужных» сценариев своего будущего. Возникают вопросы, что происходит с личностью в условиях глобализации, виртуализации социального пространства, массовизации культуры, проблематизации национальной идентификации

человека и государства, запредельными очертаниями свободы и границ личности? Человеческое Я все больше превращается в точку бифуркационной сборки, нелинейную волну свободы и ответственности, своего рода странника в стихиях возможного бытия. В соответствии с новыми вызовами современности, которым есть реальные предпосылки в виде социально-экономических и технологических оснований, можно говорить о становлении транснациональной социально-политической картины мира.

В качестве оснований этого процесса следует назвать формирующиеся представления о сетевом обществе, сетевом человеке, его проектно-брендовой идентификации, корпоративной культуре и своеобразной неуловимости в условиях виртуального пространства. «Жизнь в сети» или жизнь в рамках «проектного града» способствует созданию особого дискурса менеджмента, новой идеологической конфигурации «интуитивного менеджера», постоянно рождая при этом новые коммуникационные барьеры при всей открытости сетевого пространства. Жесткая иерархия заменяется гибкими новаторскими субъектами управления, которые выступают в роли «вдохновителей», «координаторов команд» – лидеров, способных без применения силы обеспечить вовлеченность работников в процесс труда и наделить труд каждого определенным смыслом. Вместо иерархии разрабатывается система «доверия», вкладываются средства в развитие «корпоративной культуры» и «командного духа» с установкой на достижение гибкости и ухода от коммуникативного авторитаризма.

Чтобы научиться «жить в сети», необходимо собрать воедино самые разнообразные компетенции, научиться преодолевать коммуникационные барьеры и самосовершенствоваться через множество проектов под девизом «гибкость», «креативность», «реактивность». Проектно-брендовой идентификации личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. Одновременно в искусстве, политике, бизнесе мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов, в том числе построенных на преодолении расовых, гендерных, возрастных и коммуникационных барьеров.

1.6. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, ПРАВА И ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ПРИОРИТЕТОВ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Марксистская политическая философия в Китае ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В КИТАЕ

毕芙蓉

БИ ФУЖУН

Уже в 70-80-е годы политическая философия в западном академическом мире возродилась, и она продолжает развиваться; в то же время, развитие китайского общества постепенно привело к внутренним изменениям в социальной и политической областях; под влиянием этих изменений политическая философия в Китае постепенно возродилась. Марксистская философия, благодаря своему особому статусу и содержанию в Китае, способствовала возрождению марксистской политической философии. Марксистская политическая философия в Китае включает в себя три аспекта: во-первых, это исследование общих вопросов политической философии, в основном это исследование дисциплинарного позиционирования и ее отношения к марксистской философии; во-вторых, это исследование тенденций развития китайской социальной и политической структуры, например, исследование гражданского общества, общественной сферы и т.д.; в-третьих, это исследование политической философии в отношении китайских реалий, исследование отношений справедливости и эффективности и т.д.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРАВА: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ

В. А. БОЖАНОВ

Всеобщая Декларация прав человека утверждает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг к другу в духе братства». Достоинство и права являются собственностью человека, данной ему самим фактом рождения. Источники и природа прав человека не юридическая, а экзистенциальная (жизненная), нравственная, экономическая или социальная. Государство не регулирует сами права, но обязано обеспечить надежную их защиту силой власти и закона в особых криминальных обстоятельствах. Основная же забота о правах человека, их реализации возлагается на самого человека и окружающих его других людей и их сообщества. Государство всегда стремится к формализации своих функций, права же человека не могут быть формальными даже в мелочах, которые на весах Фемиды невозможно взвесить. Любовь, уважение, сострадание, бескорыстие, дружба и т. д. не могут быть формализованы. Милиционер необходим, если семейные отношения

дошли до криминала, но семейное счастье вне его возможностей. Главная роль в достойной реализации прав человека принадлежит гражданскому обществу, его многочисленным структурам. Многое здесь остается спорным, не вполне ясным, диктуется культурой населения, стереотипами мышления и поведения людей. Поэтому необходима широкая трибуна для дискуссий о путях, формах, методах реализации прав человека, их содержании с учетом истории и традиций жизни белорусов. Нужен акцент в этой проблеме на человеческих отношениях, а не на государственной опеке с точки зрения власти и закона.

Сложилось удивительное совмещение несовместимого: признание прав как личной собственности каждого человека и, одновременно, отчуждение их в пользу государства при попытке их реализации. Но если без государственной опеки права человека нереализуемы, тогда трудно поверить, что они «фундаментальные» «от рождения». Воплощенные в законе государства, они становятся волей чиновника, т. е. его произволом.

Опасность подчинения человека государству неоднократно подчеркивали разные авторы. Не вдаваясь в исторический экскурс философской мысли в этом плане, отметим, что после Второй мировой войны философское осмысление все же стало склоняться к рассмотрению прав человека через призму естественного права к проблематике соотношения правовых и моральных норм, права и справедливости.

Признавая права человека, необходимо идти в этом до логического конца: не перепоручать их выполнение как окончательный вердикт государственным органам. Проблема прав человека проходит через линию соприкосновения государства с обществом и личностью. И здесь важно, чтобы не происходила передача государству таких функций, которые оно выполнять не в состоянии, но которые успешно выполняют мамы, папы, бабушки, дедушки, родственники, друзья, знакомые, все другие, воспитанные откликаться на беды и проблемы окружающих. Мы никогда не поднимем права человека на высокий уровень внимания и обеспечения их реализации, если отдадим это на откуп сфере юридического права. На этом пути мы можем только укрепиться в формализме, равнодушии, а государство увязнет в огромной массе проблем, которые оно умеет решать формально, в угоду среднестатистическим показателям.

ФИЛОСОФИЯ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. А. БОРОДУЛЯ

В юриспруденции большое внимание всегда отводилось проблеме правотворчества. Важность качества закона, эффективность его действия на практике ни при каких условиях не утратят своей важности и актуальности.

В законотворческом процессе могут использоваться специфические понятия и категории синергетики. Это способствует более глубокому пониманию

ряда трудностей и сложностей, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для улучшения в процессе законотворчества.

Существование случайных факторов в праве, двоякое толкование норм права зачастую способствует возникновению разного рода случайностей, воздействие которых на законотворческий процесс нельзя оценить однозначно. В целом, их влияние может быть положительным, отрицательным либо вообще нейтральным по отношению к качеству принимаемых законов. Помочь получить относительно целостное представление о характере влияния случайностей на законотворчество может такое понятие синергетики, как бифуркация.

Те законы, которые принимаются, также могут содействовать не только снижению остроты социальных бифуркаций, но и, напротив, их обострению. Законотворчество также может выступать в качестве источника бифуркаций. Это может происходить в случаях принятия «некачественных» законов и законопроектов, при практическом применении которых теории и практики права могут столкнуться со сложностями.

Законотворчество выступает сценой столкновения, происходит борьба социальных интересов. Законодатель, который желает решить ту или иную проблему, как правило, оказывается в эпицентре столкновения противоборствующих социальных интересов, которые претендуют на законодательное признание и закрепление. Например, принятие Декрета № 3 Президента Республики Беларусь от 02.04.2015 года «О предупреждении социального иждивенчества» [1] вызвало достаточный интерес со стороны общественности, является до сих пор темой для дискуссий в политике, в праве, в средствах массовой информации.

Можно привести в виде примера ежегодное послание Президента Республики Беларусь к белорусскому народу и Национальному собранию. Формально, выступая в качестве политического документа, в котором Президентом было акцентировано внимание Национального собрания Республики Беларусь на наиболее острых, насущных и актуальных проблемах, которые стоят перед обществом и государством. В реальной же жизни послание получает черты источника права. Все самые важные акценты расставлены в Послании и они мгновенно находят свое отражение в будущих законопроектах.

С одной стороны, неустойчивость применительно к законотворчеству подчеркивает его нестабильность с точки зрения качества итогового результата – закона, а с другой – характеризует процесс принятия законопроекта.

Литература и источники

1. О предупреждении социального иждивенчества. Декрет Президента Республики Беларусь [Электронный документ]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135. – Дата доступа 15.02.2017.

2. Бранский, В. И. Теоретические основания социальной синергетики / В. И. Бранский // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 117–123.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ (ПРИЧИНЫ СЛАБОСТИ)

А. В. ГАВРИКОВ

Политические партии являются политическим феноменом Нового времени. Однако со временем они стали неотъемлемой частью любого демократически развитого государства. От эффективности деятельности политических партий порой зависит вообще эффективность политической системы. Практически невозможно представить себе США без республиканской или демократической партии или Великобританию без лейбористов и консерваторов. Эти партии играют важную роль в политической системе данных стран и просто инкорпорированы в нее. Однако партия не всегда может быть значимым политическим институтом. Так, например, многие политологи рассматривают современные белорусские партии как институт, который политически реанимируется только в период избирательных кампаний и исчезает после них.

Слабость белорусских партий может быть выражена в том, что они:

1. не имеют политического лица (подавляющее их большинство не имеет четко выраженной позиции по основным вопросам современности);
2. не имеют систематизирующего фактора, который отличал бы одну партию от другой;
3. не проводят теоретическую работу по изменению своих политических программ;
4. не выполняют свою главную функцию: представлять и защищать на высшем государственном уровне интересы своего электората;
5. не имеют запоминающихся лидеров, которые в трудные политические моменты способны принимать важные политические решения;
6. прошли несколько стадий законодательной регламентации, что значительно ослабило их положение в третьей политической трансформации;
7. электорат не видит значимой силы в политических партиях, по этой причине партии не имеют широкой группы интересов и давления;
8. относительно невысокий уровень политической культуры населения, слабая информированность о сути происходящих событий в стране и зарубежье, недостаточное знания особенностей и идеологической направленности современных политических течений. Негативное отношение населения к политическим партиям и движениям;
9. неустойчивость политических установок населения, повышенное влияние на их формирования иррациональных факторов;
10. интенсивное воздействие на субъектов политики внешних факторов (бытовых, экономических, этнических, межконфессиональных).

Таким образом, данные причины слабости политических партий в совокупности делают практически несостоятельными белорусские партии как социальный институт.

ЦЕННОСТНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ СУЖДЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА ГАНСА КЕЛЬЗЕНА

А. Б. ДИДИКИН

Философские идеи и взгляды Г. Кельзена имеют разносторонний характер, в его творчестве сочетаются интерес к историко-философской реконструкции (учения Платона, Аристотеля), философии права (учение о соотношении бытия и долженствования), политологии (теория демократии), теории права (учение о логической иерархии правовых норм) и аналитической философии. Оригинальность понятийного аппарата и методологии в нормативизме определяется тем, что само нормативистское учение получило название «чистой теории права» в трудах его автора. Отсюда стремление Г. Кельзена изучать правовую реальность как «автономную» от других социокультурных аспектов генезиса правовой системы и в то же время на основе комплексно разработанной методологии и метафизических оснований. В ранний австрийский период Кельзен находился под влиянием Марбургской школы неокантианства, в том числе философского учения Г. Когена. Это проявилось прежде всего в гипотетических конструкциях и метафизическом обосновании соотношения двух сфер правовой реальности – бытия и долженствования. Динамика правовой реальности состоит в том, что, по мнению Г. Кельзена, причинно-следственных связей, характерных для природных явлений, в правовой реальности не существует. Именно действия уполномоченных субъектов, их решения и интерпретация действующих правовых норм составляют то, что в теории права именуют правовыми отношениями. Вместо понятия «причинности» Г. Кельзен предложил использовать термин «вменение», опираясь на историко-философскую идею воздаяния за грехи и несправедливые деяния.

Учение о логической иерархии правовых норм является наиболее известным и разработанным элементом нормативизма. Предположение о существовании основной нормы как трансцендентально-логической категории и основы всей правовой системы способствовало дальнейшему обоснованию Г. Кельзенем логической иерархии взаимосвязанных друг с другом общих и индивидуальных норм. При этом государство как выражение правопорядка одновременно является продуктом всей правовой системы.

В рассуждениях Г. Кельзена проявляется акцент на оценке и интерпретации действий не только с позиции «должного» и «сущего», но и в контексте целевого и волевого характера действия. Направленность поведения человека на определенный результат может быть оценена с позиции позитивных и негативных ценностей. Ценности несводимы исключительно к моральным обязательствам и императивам, но в то же время выступают критерием оценки правомерных и неправомерных действий. Нормативность права, по мнению Г. Кельзена, проявляется в нормативных и ценностных суждениях. Разновид-

ностью таких суждений могут быть и судебные решения, когда судья анализирует фактическое поведение с точки зрения соответствия или несоответствия действующим правовым нормам. Такой анализ различных видов суждений позволяет Г. Кельзену прояснить наиболее сложные аспекты философско-правового учения нормативизма.

ПРОСТРАНСТВО ДЕМОКРАТИИ: УТОПИЯ И ФОРМАТ ТОТАЛИТАРНОСТИ

Д. И.-Т. ДУДИНСКАЯ

Кажущаяся победа в холодной войне на рубеже XX–XXI веков была приписана Западом – Старым и Новым Светом – самому себе. Распад социалистических республик в СССР и в содружестве соцстран произошел не от преимуществ и совершенства конкурентной капиталистической системы, но от «тройского коня» – иммалогической технологии захватывания сторонников на территории противника («soft power»). Горбачевская перестройка переформатировала «Железный занавес» в «сквозной проем арки доверия». Но не может быть победной такая мягкая мощь («soft power»), которая увлекает человека свободой несовершенства его природы, несопротивлением низменным порывам и власти инстинктов. Несмотря на это, мир (не только в массовом мышлении и мышлении толпы, но и в разных институтах руководства) охватила убежденность, что демократия совершенна и ее надо нести во все точки планеты.

Тем не менее вырождение «светлых» идей – неизбежный удел не только для строительства социализма и коммунизма. В исторической драме «Огни св. Доминика» Евгений Замятин пишет об инквизиции как о «невозможном, неправдоподобном», что могло возникнуть на теле христианства; но его слова, если немного заменить некоторые обозначения на дискурс внешней и внутренней политики ведущих *демократических* держав и их альянсов, будут вполне характеризующими нашу современность: «Вера в абсолютную непогрешимость своих догм, боязнь свободной (здесь – не политкорректной, не плюралистической) мысли и стремление пользоваться в борьбе уже не силою проповеди, а силою оружия, силою тюрем и казней. Этот террор, конечно, именовал себя Священным Террором (напр., бомбежка Югославии) и свой суд – Священным Трибуналом. Все учреждения по розыску и преследованию еретиков, монахи – следователи и судьи, целая рать шпионов, вооруженной стражи, палачей, – все это воинство составляло так называемую Инквизицию. И едва ли в средние века была какая-нибудь другая власть более могущественная и страшная, чем власть Инквизиции».

О неустранимом механизме превращения утопизма в террор писал С. Франк: «И, с другой стороны, сами водители жизни, долженствующие своей разумной и благой волей преодолеть ее злое неразумие, фактически, как люди, полны того же несовершенства человеческой природы, которое они

призваны преодолеть: злую и неразумную человеческую волю направляет и обуздывает не какая-либо высшая, более совершенная инстанция, а – в лице руководителей – та же самая человеческая воля, полная зла и неразумия. Спасаемые расплачиваются за слепоту спасителей, за ложность самого их замысла спасти мир новым его устройением, замысла, основанного на забвении истины о неустрашимом никакими внешними человеческими мерами греховном несовершенстве мира» [1, с. 94–95].

Демократия на сегодняшний день существует уже двадцать пять веков – науке, философской мысли пора выработать ей альтернативу.

Литература и источники

1. Франк, С. Л. По ту сторону правого и левого: Сб. статей / С. Л. Франк; под ред. В. С. Франка. – Paris: YMCA-PRESS, 1972.

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

А. П. ЖДАНОВСКИЙ

Взаимодействие сетевых сообществ и институтов представительной демократии выступает в качестве одной из важных проблем современной социальной теории (М. Кастельс, Ж.-М. Гуэнно, Ф. Анкерсмит). Эффективность той или иной национальной экономической системы напрямую связывается со степенью вовлеченности страны в международные финансовые, технико-технологические сети. Сетевые профессиональные сообщества обнаруживают высокую степень способности к саморегуляции, а главное – продуктивность при решении возникающих проблем. Фрагментируя стоящую перед ней задачу, сеть активирует процесс принятия множества решений на микроуровне, что является залогом эффективности самой сети. Следует указать однако на определенное противоречие социального функционирования сетей, заключающееся в локальном (предметно-профессиональном) характере их активности, с одной стороны, и тенденции к идеализации сетевых структур, когда сеть все чаще позиционируется в качестве универсального (или по меньшей мере – предпочтительного) способа институализации того или иного сообщества – с другой. Проблема заключается в объективных возможностях оценки результатов социального функционирования сети, соотнесения ее деятельности с принятыми в обществе ценностными ориентациями и целями цивилизационного развития. Ситуация усугубляется перемещением принятия социально значимых решений из сферы политики в ограниченные профессиональные сообщества, организованные на принципах сетевой анонимности.

Ряд особенностей политико-правового регулирования связан с рискованным характером современных обществ. Внешние риски проявляются во взаимо-

действию человека с неизменными культурными традициями или законами природы. Внутренние, рукотворные риски имманентно присущи практической и познавательной деятельности. И если традиционное общество характеризуется доминированием рисков первого типа, то современный социум, квалифицируемый как общество риска, выступает в качестве системы, более подверженной рискам второго рода. Перспективным направлением взаимодействия с современными рисками следует считать создание инновационных форм парламентского контроля за развитием технико-технологической сферы, биомедицинских исследований и т. п. Работа междисциплинарных групп, вовлечение представителей гражданского общества в процессы долгосрочного планирования снизит уровень рисков современного общества. А поэтому потенциал представительной демократии, ориентированной на регуляцию самых разнообразных форм социальной активности, едва ли будет исчерпан в обозримом будущем.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРГУМЕНТАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. В. ЖМАКИНА

Основная задача аргументативного политического дискурса состоит в том, чтобы оказать воздействие на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционально воздействовать на граждан страны, влиять на их политическую позицию и побуждать их к политическим действиям.

В политическом дискурсе ошибки аргументации, которые считаются нарушением правил ведения критической дискуссии [1, с. 24], являются намеренным ходом политических деятелей, цель которого – манипуляция народными массами. Так, в политической аргументации активно используются такие ошибки аргументации, как *argumentum ad hominem* (атака на личность), *argumentum ad populum* (аргумент к народу), *argumentum ad misericordiam* (аргумент к милосердию) и *argumentum ad baculum* (аргумент «к палке») [3, с. 124].

Суть *argumentum ad hominem* сводится к стремлению повысить собственный статус за счет понижения статуса оппонента. Абьюзивный (оскорбляющий) *argumentum ad hominem* характеризуется критикой таких качеств оппонента, как ум, характер и честность, и является самой распространенной аргументативной стратегией, активно применяемой политическими деятелями для дискредитации оппонента. Обстоятельный тип аргумента к личности указывает на некоторое несоответствие между аргументами оппонента и его жизненными обстоятельствами. Аргумент от предвзятости вскрывает истинный мотив, личную заинтересованность оппонента. «*Tu quoque*» (и ты

тоже) заключается в ответной критике оппонента по формуле «ты сам такой же плохой» [4, с. 84].

Подобно тому, как Дж. Серль выделяет первичную и буквальную иллокутивную цель речевого акта [2, с. 12], в политической аргументации выделяют первичную и буквальную цель акта аргументации. Искусно примененная скрытая угроза стимулирует принятие тезиса протагониста, ибо имплицитно он постулируется как единственный правильный выход из сложившейся опасной ситуации. Таким образом, косвенный аргумент *argumentum ad baculum* вытесняет прямо декларируемый аргумент *argumentum ad misericordiam* на периферию поля переживания.

Основная цель политического дискурса – завоевание и удержание власти – обуславливает использование в нем не только рациональной аргументации, но и приемов, апеллирующих к чувствам и эмоциям, которые являются приемлемыми ходами в аргументативном политическом дискурсе. Политические деятели активно используют различные приемы аргументации и манипуляции для оказания скрытого воздействия на сознание адресата с целью достижения необходимого им перлокутивного эффекта.

Литература и источники

1. Eemeren, F. H. van. Fallacies and judgments of reasonableness. Empirical research concerning the pragma-dialectical discussion rules / F. H. van Eemeren, B. Garssen, B. Meuffels. – Dordrecht: Springer, 2009.
2. Searle, John. Speech Acts / J. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
3. Walton, D. N. A Pragmatic Theory of Fallacy / D. N. Walton. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1995.
4. Walton, D. N. Arguer's position: A pragmatic study of ad hominem attack, criticism, refutation, and fallacy / D. N. Walton. – Westport, CT: Greenwood Press, 1985.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

З. Р. ЖУКОЦКАЯ, Е. В. КУНЕЦ

Актуальность обращения к проблеме правовой культуры обусловлена необходимостью пересмотра ряда теоретических положений в сфере права.

Анализ основ правовой культуры невозможен без философской рефлексии. Во-первых, уточнения содержания самих понятий «право» и «культура», характера их взаимосвязи, развития представлений о праве как феномене культуры. Во-вторых, необходимо осмысление тех факторов-явлений, которые «провоцируют» то или иное состояние правовой культуры, формируют ее характер.

В русской философии XIX – начала XX в., в связи с особой остротой поиска духовных основ общества и возможностей реализации общечеловеческих ценностей в социальной жизни, в том числе и в сфере права, проблемы право-

вой культуры рассматривались мыслителями самых разных направлений: Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, В. С. Соловьёв, Б. А. Кистяковский и др.

Наиболее общее представление о культуре развивается в философии культуры. Однако философы существенно различаются в своих подходах к пониманию и изучению культуры и, соответственно, в трактовках ее проявлений в разных сферах жизни, в том числе и в сфере права. Культура – это то, что делает «жизнь достойной жизни». Что касается права, то очевидна его противоречивая связь с культурой. С одной стороны, право в его исторических формах может выступать и нередко выступает как выражение ограничения свободы человека, в том числе и свободы духа. С другой стороны, правовые отношения и установления выявляют тенденцию к упорядочению жизни, преодолению в ней хаоса, произвола (а значит – несвободы), к гармонизации жизни, пусть относительной и неполной. Вопрос в том – для чего, в сущности, создаются, чему служат правовые установления? Одно дело, если они созданы и используются в интересах государства, общества, подавляющего, усредняющего индивидуальность. Если право представляет собой, например, «возведенную в закон волю господствующего класса». И совсем другое – если правовые установления защищают рядового гражданина, живущего в государстве, в том числе и от произвола этого государства. В последнем случае они могут рассматриваться в качестве феноменов культуры. Тогда правовая культура – это обработка, оформление, облагораживание жизни людей посредством и с помощью реализации правовых отношений, установлений, учреждений, развития правового сознания.

Правовая культура должна быть основана на таких ценностях, которые под общественным интересом признают соблюдение интересов каждого человека. Следовательно, реальная ценность права должна заключаться в том, чтобы создавать гармонию между индивидуальными интересами и ценностями и общественными интересами и ценностями, делающими общество стабильным и безопасным, а бытие личности устойчивым и социально адаптированным.

Трактовка правовой культуры русской философской мыслью начала XX века именно как вида духовной культуры, а ее ценностей как ценностей духовной культуры заслуживает самого пристального изучения для построения правового социального государства.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ

Е. И. ИЛИКЧИЕВА

В системе координат общегосударственных социальных ценностей обеспечение права на профессиональную юридическую помощь занимает важное место. Функция обеспечения такой помощи возложена, в соответствии со ст. 131–2 Конституции Украины, на адвокатуру Украины. Адвокатура как негосударственный самоуправляемый институт, обеспечивающий осуществление защиты, представительства и предоставления других видов правовой помощи на профессиональной основе, действует в сложной и разветвленной системе

правоотношений. Взаимодействие с клиентами, представителями государственных органов, органов правосудия и правопорядка, органами самоуправления адвокатуры, сохранение баланса между частными и общественными интересами, поддержание высокого уровня культуры общения и профессионализма требует от адвоката соблюдения общечеловеческих социокультурных и нравственных основ.

Как указано в Правилах адвокатской этики, соблюдение адвокатами особых деонтологических требований и правил рассматривается как необходимая предпосылка полноценного функционирования адвокатуры, выполнения ею важной социальной роли в демократическом обществе. Это обусловлено тем, что деятельность адвокатуры – это не только защита или представительство, но и влияние на уровень правовой и общей культуры в государстве.

Мораль общества и нравственность адвоката коррелируют и взаимосвязаны. Именно поэтому при определении моральных принципов деятельности адвокатуры нельзя ограничиваться только Правилами адвокатской этики. В фокусе внимания должны также быть процессы и среда социализации будущего адвоката, влияние социального и профессионального окружения уже взрослого адвоката, его профессиональные компетенции и уровень ответственности.

Учитывая вышеизложенное, становятся актуальными деонтологические, акмеологические, культурные и психологические аспекты деятельности адвоката в системе отношений и сотрудничества с другими адвокатами, помощниками и стажерами квалификационно-дисциплинарной комиссии, советами адвокатов, судами, прокуратурой, органами предварительного расследования, клиентами и обществом в целом.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что толерантность и моральность адвокатской деятельности зависят от гибкости или стойкости общества к нарушению этих принципов. Общество, в котором во главе угла находятся выгода и неприкосновенность интересов клиента адвоката, не может претендовать на высокоморальных адвокатов. Как, собственно, и полярная ситуация, где соблюдаются лишь интересы общества, не может быть этически оправдана. Этика должна стать весами, уравнивающими интересы всех сторон и создающими баланс в таких специфических отношениях, как адвокатская деятельность.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

А. С. КОМАРОВСКАЯ

Аналитическая философия права представляет собой направление аналитической мысли, анализирующее специфику современных социально-правовых процессов путем выявления сущностных характеристик категориально-понятийного аппарата юридического знания, затрагивающего сегодня различные аспекты человеческой деятельности.

По поводу конкретной формулировки задач аналитической философии права до сих пор нет единого мнения, это связано с тем, что на современном этапе развития аналитическое движение постоянно расширяет круг рассматриваемых проблем за счет динамичного взаимодействия со смежными дисциплинами. Вместе с тем можно выделить задачи, характеризующиеся универсальностью: неизменным остается стремление исследовать и получать фундаментальные знания о праве, его роли и значении на современном этапе развития общества. Также весьма важным видится анализ правового дискурса с соответствующим соотношением категорий «право», «справедливость», «закон», «принуждение» и др. И конечно, следует выделить задачу, имманентно присущую философско-правовым концепциям аналитиков и являющуюся ответом на важнейший запрос современности – это разработка и построение правового мировоззренческого каркаса, эффективного правового сознания.

В основе аналитической философии права находится логико-лингвистическая парадигмальная ориентация, которая отражает специфику аппликации методологического потенциала аналитической философии в сфере современного социально-гуманитарного познания и выражается в содержании следующих ее принципов:

Плюрализм. На современном этапе развития аналитической философии права сохраняется разнообразие подходов к анализу правового дискурса и пониманию природы права. Доминирующими идейными направлениями современной аналитической философии права являются: правовой неопозитивизм (Г. Харт, Дж. Раз), конституционизм (Р. Дворкин) и правовой натурализм (Дж. Ролз, Р. Нозик);

Аксиологическая направленность. Специфика неопозитивистского подхода к анализу права проявляется в понимании права как основного нормативного регулятора социальных действий людей (Г. Харт), вместе с тем обосновывается новое понимание функций государства, суть которого сводится не к нормотворчеству, но к удовлетворению потребностей большинства (Дж. Раз), что приводит к наделению правовых аспектов морально-нравственными и ценностными характеристиками;

Справедливость. Главной установкой теорий правового натурализма являются обоснование морального содержания правовых норм и утверждение приоритета права отдельного человека над «общим» благом. В результате констатируется факт относительно того, что современный человек является самостоятельным индивидом, обладающим неотъемлемыми правами и свободами, способным регулировать свое поведение в обществе на основе общезначимых правовых норм и системы моральных ценностей (Дж. Ролз, Р. Нозик).

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Н. В. КОНОВАЛЕНКО

Актуальность философской проблемы социальной справедливости как механизма социально-правового регулирования общественных отношений в системе государственного управления обусловлена необходимостью разработки теоретической модели «справедливого общества свободных и равных людей» с учетом онтологических, гносеологических, прагматических, аксиологических аспектов социального бытия. Требование социальной справедливости в его конкретных формах вписывается в структуру морально-нравственных норм, выработанных исторически, одобренных общественным мнением и регулирующих межличностную коммуникацию и поведение людей. Теоретически обосновано, что достижение социальной справедливости как естественного права человека укрепляет уверенность людей в правильности их самоидентификации, способствует стабильности социального и материального мира, в котором они действуют, является прочным основанием для формирования таких морально-нравственных ценностей, как патриотизм, гуманизм, свобода личности.

В связи с этим более пристального внимания заслуживает исследование противоречивого соотношения понятий общественного мнения как гражданского института и социальной справедливости как механизма установления согласия между членами общества по вопросам равенства и свободы в различных сферах общественной жизни. Представление о справедливости, господствующее в обществе, вырабатывается и подвергается внутренней коррекции при столкновении разных суждений, отражающих степень полезности для определенной социальной группы или общества. С одной стороны, в общественном мнении проявляется социальная активность большинства населения, непосредственно не участвующего в политическом и законодательном процессах. Отсюда следует, что чем больше в социуме людей, отстаивающих собственную точку зрения, обладающих активной гражданской позицией, тем сильнее воздействие общественного мнения на процесс государственного управления, а значит, более вероятна практическая реализация принципа социальной справедливости. С другой стороны, общественное мнение как многоуровневое состояние массового сознания стремительно меняется и становится неоднородным в периоды социальных перемен, когда усиливается уровень агрессивности и недоверия по отношению к «чужим» и поддержка «своих», отчуждение между социальными группами «имущих» и «неимущих». Следовательно, субъективный характер общественного мнения в наименьшей мере определяет критическое отношение гражданского общества к системе государственного управления.

Таким образом, четкая социальная политика государства, направленная на создание оптимальных условий для удовлетворения различных потребностей и интересов каждого индивида, соблюдение не только равенства прав, но и равенства возможностей граждан в реализации природных способностей, является необходимым условием для достижения принципа социальной справедливости и развития различных форм общественного мнения как выражения оценки экономических, политических, правовых явлений социальной действительности.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ

В. А. МЕЛЬНИК

Семиотическая сторона общественно-политических отношений (от греч. *semeion* – знак; семиотика – наука о знаках и знаковых системах) характеризуется сильной прагматической заряженностью. Применяемые участниками публичных политических акций знаки (символы), как правило, отражают их отношение к событиям прошлого либо выражают их позиции по поводу актуальных общественных проблем.

Вопрос о том, какая символика может рассматриваться как белорусская национальная или, что одно и то же, белорусская государственная, может быть решен убедительно после предварительного ответа на вопросы о времени формирования белорусской этнической общности и ее самооформления в нацию-государство. Согласно выводам отечественных этнологов и историков, белорусская этническая общность сформировалась к концу XVI – началу XVII в. на основе части русского населения Великого Княжества Литовского [1]. Ее самоорганизация в реальное собственное государство произошла 1 января 1919 г. в форме Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ).

Ни одно государственное образование, в состав которого до этого входили нынешние белорусские земли, не может считаться собственно белорусским государством. Создание ССРБ было легитимировано Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой (РСФСР) и решением Первого Всебелорусского Съезда Советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов (2–3 февраля 1919 г.). Провозглашавшаяся 9 марта 1918 г. так называемая Белорусская Народная Республика (БНР) не была легитимирована ни волей белорусского народа, ни РСФСР, частью которой являлась территория Беларуси, ни признанием БНР кайзеровской Германией, под оккупацией которой находилась в то время значительная часть белорусских земель. БНР была, в сущности, чисто виртуальным феноменом.

Не будучи преемницей реально не существовавшего государства, ССРБ не могла воспринять в качестве своих государственных символов ни герб Литовской Республики «Погоня», ни наспех придуманный деятелями так называемой БНР бело-красно-белый флаг. Нынешняя оппозиция вводит в заблуждение граждан Республики Беларусь, будто бы бело-красно-белый флаг имеет глубокие исторические корни, и потому называет его белорусским национальным символом.

Доктор исторических наук, профессор С. Е. Рассадин в книге «Государственные символы Беларуси: исторические истоки и судьбы герба и флага» [2] убедительно показал, что нынешняя государственная символика Республики Беларусь – она же и белорусская национальная символика (ни в одной стране мира не делается различий между понятиями «государственная символика» и «национальная символика») – действительно имеет глубокие исторические корни и отражает судьбоносные деяния и устремления предков и нынешних поколений белорусов. В своей книге С. Е. Рассадин воспроизводит цветную миниатюру из Радзивилловской летописи, иллюстрирующую освобождение в 1068 г. из киевской тюрьмы великого князя Всеслава (он же и полоцкий князь), где хорошо виден развевающийся над отрядом дружинников красный флаг. Свыше трех десятилетий – с 1919 по 1951 год – красный флаг являлся государственным в Советской Белоруссии. Затем его сменил также в своей основе красный, но дополненный снизу зеленой полосой и орнаментом у древка, флаг.

Современные национальные символы – Государственный герб и Государственный флаг Республики Беларусь – имеют прямую преемственность с символикой Советской Белоруссии, и их редакция легитимирована всенародным голосованием на Республиканском референдуме 1995 г. Они с высокой степенью эффективности выполняют свое общественно-политическое предназначение.

Литература и источники

1. Беларусы. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё / В. К. Бандарчык [і інш.]; рэд. кал. В. К. Бандарчык [і інш.]; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Бел. навука, 2011.
2. Рассадин, С. Е. Государственные символы Беларуси: исторические истоки и судьбы герба и флага / С. Е. Рассадин. – Минск: Беларусь, 2009.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАМЕТРИЯ: НОВАЯ ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА ИЛИ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ?

А. И. МИЦКЕВИЧ

Безусловным является тот факт, что прикладная дисциплина представляет собой совокупность знаний, которые имеют непосредственный выход на их практическое применение, а также учитываются при принятии управленческих решений. Соответственно, если согласиться с точкой зрения автора монографии «Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность

России» И. А. Николайчуком, что «политическая медиаметрия – это новая прикладная дисциплина» [1, с. 3], или с автором рецензии на вышеупомянутую монографию В. В. Карякиным, что «политическая медиаметрия – это научное направление, которое можно смело назвать новой областью научного знания» [2, с. 257], то возникает множество закономерных вопросов. А именно: Каково содержание данной дисциплины? Каков объект и предмет исследования? Что входит в категориальный и понятийный аппарат? Каковы методы исследования?

Считаем, что лишь на основе того, что политическая медиаметрия представляет собой совокупность методик для анализа и интерпретации информации массмедиа, нельзя однозначно утверждать, что мы имеем дело с прикладной дисциплиной. С другой стороны, ссылаясь на аналогию политической медиаметрии с такими научными дисциплинами, как библиометрия, наукометрия или инфометрия, также нельзя утверждать, что она является прикладной дисциплиной. Более того, нельзя путать политическую медиаметрию и политометрию, так как последняя, согласно точке зрения А. А. Гафурова, представляет собой раздел политологии, который занимается поиском и анализом однозначных понятий и определяющих, первичных и измеряемых характеристик общественного развития, на основе которого устанавливаются общие закономерности и метрики социально-политических процессов [3].

Соответственно, считаем, что на данном этапе политическая медиаметрия может рассматриваться как совокупность методик для получения знания в сфере политики и их практическом применении при принятии управленческих решений и, следовательно, представляет собой новое направление прикладного политического исследования. Такой же точки зрения придерживается и С. А. Антоненкова, которая также не определяет политическую медиаметрию как прикладную дисциплину, а указывает на то, что это «метод интерпретации дискурса СМИ» [4].

Литература и источники

1. Николайчук, И. А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России / И. А. Николайчук. – М.: РИСИ, 2015.
2. Карякин, В. В. «Политическая медиаметрия...» – книга о том, как четвертая власть правит миром / В. В. Карякин // Проблемы нац. стратегии. – 2015. – № 5(32). – С. 257–259.
3. Гафуров, А. А. Политометрия: анализ и оптимизация общественного развития / А. А. Гафуров. – Ташкент: Акад. наук Респ. Узбекистан. – 1997 [Электронный ресурс]. Современная литература. – Режим доступа: [http:// lit.lib.ru /g/ gafurow_a_a/ text_0010.shtml](http://lit.lib.ru/g/gafurow_a_a/text_0010.shtml). – Дата доступа: 29.05.2017.
4. Антоненкова, С. А. Политическая медиаметрия как метод интерпретации дискурса СМИ С. А. Антоненкова // Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского гос. ун-та. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.google.by/url?url=http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1459430384_3123.docx&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ved=0ahUKewiN1burldLPAhXG2ywkHUC-BOQQFggkMAM&usq=AFQjCNHfEBWIZTuPnaqyh7GcPhspoUeMAA. – Дата доступа: 11.10.2016.

RESURSELE DEMOCRAȚIEI PARTICIPATIVE

VICTOR MORARU

Procesul democratizării în Republica Moldova (ca și în alte țări post-sovietice) se află pe un făgaș, marcat de dinamism și, în cele din urmă, de devenire. Se produce, de fapt, integrarea acestui fenomen în procesul general al transformărilor care au cuprins societatea moldovenească. În acest context, stimularea atitudinilor participative ale cetățenilor se înscrie firesc în perspectivele dezvoltării societății, determinând imperativul trasării unor obiective precise și al formulării unor concluzii de rigoare, necesare și utile pentru aprofundarea proceselor transformatoare.

Reprezentând, cu adevărat, o inovație în viața societății și o expresie a desfășurării reale a proceselor democratice, noțiunea de democratizare vizează și promovarea inițiativelor locale, a creativității individuale și de grup, a cooperării, drept principiu diriguitor al vieții, întru valorificarea eficientă a potențialului uman și multiplicarea acestuia.

Punctele de reper ale acestui proces rezidă în implicarea cetățenilor în identificarea problemelor stringente ale comunității căreia îi aparțin; în participarea la luarea deciziilor; asumarea responsabilităților; eficientizarea aportului personal la soluționarea problemelor emergente; cooperarea eforturilor; utilizarea judicioasă a resurselor locale; crearea parteneriatelor; fortificarea societății civile; participarea la diferite tipuri de instruire; antrenarea în elaborarea, realizarea și asigurarea viabilității proiectelor și programelor implementate.

Astfel, în condițiile în care noțiunea de «proiect» devine o chintesență a acțiunii social-politice, fie la nivel național, fie la nivel local, populația comunității devine, prin antrenarea în așa-zisă «dezvoltare comunitară» (care este parte a democratizării), prin lansarea și antrenarea în diferite proiecte, sensibilizată la oportunitatea inițierii în procesele decizionale, își asumă examinarea problemelor stringente apărute în viața cotidiană a comunității, obține acces la stabilirea priorităților, se obișnuiește să argumenteze și să ierarhizeze necesitățile, să-și planifice activitățile, să-și coopereze eforturile, să utilizeze rațional resursele locale, să găsească finanțatori externi, să gestioneze proiectele respective. Există deja rezultate reale și exemple concrete ale desfășurării reușite a acțiunilor, menite să contribuie la reușita procesului de «dezvoltare comunitară» în cadrul localităților rurale din republică. Ceea ce contează, în primul rând, însă sunt nu atât realizările concrete, la nivel de sat sau raion, fără a subaprecia, câtuși de puțin palpabilitatea reală a rezultatelor, fie și de proporții mai puțin semnificative, deocamdată, urmările sociale ale fenomenului în desfășurare, efectele care pot fi întrevăzute dincolo de anumite rezultate concrete.

Câmpul democrației participative, circumscris construcției perseverente a cotidianului, nu este limitat prin anumite standarde riguroase, fiecare comunitate căutând propriile instrumente și mecanisme pentru afirmarea propriei identități, pentru conceperea, punerea în practică și aplicarea inițiativelor participative.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Ю. В. НИКУЛИНА

Глобальные перемены современности затрагивают все аспекты человеческой деятельности, что непосредственно влияет на роль и место государства в современном обществе. Чтобы ответить на многочисленные вызовы внешней среды, государство вынуждено реформировать административную систему, приспособив ее к происходящим изменениям. Административные реформы, охватившие большинство стран мира, являются отражением глобальной тенденции по переосмыслению природы и роли государства в жизни современного общества. В США, Великобритании, Франции, Швеции и других развитых странах обращается внимание на низкую эффективность государственного аппарата, его несоответствие требованиям современности.

Существенные изменения под влиянием глобализации происходят в системе политической власти и механизмах функционирования демократических институтов. В развитых странах все актуальнее становится и проблема гуманизации государственного управления, что связано с естественной реакцией социального организма на бюрократизацию и технократизацию социальной среды. Эти проблемы проявляются на фоне усиления неопределенности и нестабильности в мировом сообществе, при высоком динамизме происходящих перемен, росте значения фактора многовариантности развития. Свой вклад сюда вносит и современная научно-техническая революция, особенно в области информатики и телекоммуникаций.

Характеризуя процессы модернизации государственного управления в странах Запада, несмотря на все различия в их протекании, можно выделить ряд общих черт. Во-первых, хотя причины и условия начала реформ во многих странах различны, в целом выбранная стратегия и основные направления совпадают. Установка на современные административные реформы исходит из принципов рационалистического инструментализма, который подразумевает, что принципы менеджмента могут быть привиты на любой почве, независимо от социального и политического контекста и традиций. Во-вторых, модернизация государственного управления направлена на повышение эффективности и результативности работы государственных структур, усиление их ответственности за предоставление качественных услуг населению. В-третьих, интенсивно разрабатывается философия «нового государственного менеджмента», основанная на замене бюрократической машины гибкими автономными организационными структурами, несущими ответственность перед обществом и развивающими партнерские отношения с частным сектором, гражданами и общинами. Новый государственный менеджмент отдает приоритет ценностям свободы индивидуального выбора, использованию

материальных стимулов, созданию конкурентной среды и широкого применения рыночных механизмов в общественном секторе. Методологической основой нового государственного менеджмента стали утилитаристская логика, теория общественного выбора и положения неоклассической экономической теории.

ХРОНОПОЛИТИКА: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В. Т. НОВИКОВ

Социально-историческое время является атрибутом общественного развития, изучение которого составляет предмет хронополитики как системы знания и доктрины, предполагающих осуществление социальных действий – экономических, политических, культурных, исходя из гармонизации скорости, ритма и темпов их осуществления.

Концептуальную фундированность хронополитике придают философские основания, которые были заложены в творчестве Аристотеля, Аврелия Августина, Иоахима Флорского. В конце XIX – XX в. знаковым стало введение понятий «дление» А. Бергсоном, «переживаемая историчность» В. Дильтеем, «растянутость истории» О. Шпенглером, дифференциация феноменов космического, исторического и экзистенциального времени Н. А. Бердяевым. Этот феномен стал предметом специального рассмотрения также в концепциях «долгого» XVI века» И. Валлерстайна, «долгого XX века» Дж. Арриго, «короткого XX века» Э. Хобсбаума. Эти мыслители акцентировали внимание на социальной деятельности как факторе, определяющем не хронологические, а социально-исторические границы исторических эпох. Особое значение для экспликации философских оснований хронополитики имеет философско-историческая концепция Ф. Броделя, в которой автор, говоря о трех уровнях структуры исторического времени, «время большой длительности» определяет в качестве атрибута истории общества, связывающего его прошлое, настоящее и будущее. Это время характеризуется наличием *структуры* и *конъюнктуры*, синтез которых определяет линейно-волновую конфигурацию социодинамики.

Практические проекции *конъюнктуры* в хронополитике позволили Ф. Броделю выделить в истории четыре «вековых тренда», а Н. Л. Кондратьеву – охарактеризовать систему «экономических циклов». В политике они дали возможность отследить циклы смены элит и форм правления К. Мангеймом, Ф. Клинбергом, А. Шлезингером, а объективация *структуры* позволила установить закономерность перехода от «времени церкви» к «времени купца» в средневековье Ж. Ле Гоффу и «сдвига власти» в концепции Э. Тоффлера. Эвристичным для выявления возможностей хронополитики является предложенный А. С. Панариным анализ типологии акторов в зависимости от характера их социальных притязаний – субъектов эсхатологического, «срединного»

и ускоренного времени. В этой связи возникает возможность лучше понять сущность таких социальных явлений, как экстремизм, социальная инерция, маргинальность, геронтократия.

Анализ возможностей хронополитики приобретает особое значение в современном мире. Это проявляется в настолько убыстряющемся темпе социальных изменений, что у человека исчезает возможность, а с ним и потребность в рефлексии. В итоге возникает эффект «черной дыры», в темпоральном отношении означающей существование «вечного настоящего». Возникает реальная опасность исторического беспамятства, которое оборачивается манкуртизмом, а значит утерей духовности и, в итоге, утерей перспектив личного и общественного развития.

ДИАЛЕКТИКА ДОСТОИНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

В. Л. ПАВЛОВ

Достоинство и справедливость – близкие и одновременно во многом не похожие друг на друга характеристики человеческого бытия. Они тесно взаимосвязаны, но относятся к разным аспектам проявления субъектом своего Я. В достоинстве концентрируются его представления о себе как ценности, в подавляющем большинстве случаев безотносительно к другим людям и окружающей среде. Здесь ценность обретает статус самооценности и поэтому внутренне определяет «лицо» человека, задает те «верхние» и «нижние» параметры, за пределы которых он не должен выходить в различных житейских ситуациях. Достоинство позволяет индивиду сохранять себя как носителя конкретного духовного мира (мировоззренческих ориентиров, убеждений, взглядов, подходов, приоритетов и др.) и тем самым не терять идентичность. Оно в определенной мере «вневременно» и «внепространственно» – присутствует в субъекте постоянно, независимо от обстоятельств. Человек так устроен, что пытается не уронить достоинство даже тогда, когда окружающая действительность склоняет к недостойным поступкам. Это некий стержень, позволяющий быть самим собой, не унижаться перед другими, не подстраиваться под ситуацию, не прогибаться под ударами судьбы, вести себя так, чтобы впоследствии не было стыдно перед своей совестью. В формировании достоинства важную роль играют процесс воспитания и среда, в которой происходит социализация индивида.

Справедливость имеет больший объем, чем достоинство. Его основные проявления – внутренняя установка человека, правовая и моральная норма, форма общественных отношений. В отличие от достоинства справедливость предполагает наличие как минимум двух субъектов, между которыми существуют определенные отношения (семейные, дружеские, производственные, политические и др.). Суть справедливости – воздаяние каждому пропорционально его вкладу в общее дело. Справедливость имеет свои конкретные формы

и виды бытия. Основоположником европейской традиции понимания справедливости является Аристотель. Бытие справедливости детерминируется множеством факторов, два из которых являются основополагающими – это процесс оценивания и основание, на котором он зиждется.

Во взаимосвязи достоинства и справедливости ведущей стороной является справедливость. Она продуцирует социальное поле, способствующее утверждению и развитию достоинства. В свою очередь, достоинство объективно заинтересовано в справедливости и всегда негативно реагирует на различные ее суррогатные проявления. Особое место в структуре достоинства занимает должностничество. Оно заявляет о себе как требование бытия справедливости. Механизм влияния достоинства на справедливость во многом отличается от механизма влияния справедливости на достоинство. В первом случае к минимуму сведено количество опосредующих элементов. Во втором их довольно много. Важную роль в культивировании в социуме достоинства и справедливости играют государство, гражданское общество и общественное мнение. Тоталитаризм как форма правления, независимо от его видов, антагоничен обоим этим ценностям. Демократия создает условия для их торжества.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УМНОЖЕНИЯ (ПРАВО)ПОЗНАНИЯ

Е. В. ПЕРЕПЕЛИЦА

Сегодня меняются представления о философско-методологических основаниях научного познания. Одной из общенаучных стала тенденция полипарадигмальности знания, когда с исчерпанностью познавательных ресурсов одних (общенаучных и конкретно-научных) методологий открываются преимущества других. По-новому понимается природа знания, условия его истинности. Меняются не только язык и стиль науки, но представление о самой науке как сфере человеческого опыта. Для познания характерны разноплановость научных стратегий, методологическая «всеядность». Одним из императивов в механизме формирования знания стала диалогичность, дискуссивность не только смежных научных дисциплин, но и дисциплин с неродственными онтологическими корнями. Постнеклассическая наука создает новые подходы, основанные на меж-, мульти- и трансдисциплинарности.

Методология внутренне имманентна науке в целом и каждой ее отдельной отрасли. Она задает направление исследовательского поиска и показывает, какими путями можно достигать достоверного знания. Средства, используемые в научном творчестве, во многом определяют его плоды: либо это повторение азбучных истин, либо – решение задач и постановка проблем, которые прежде не решались и не ставились.

Глобализм, постмодернизм, экзистенциальные противоречия ставят перед наукой вопросы о новом формате фундаментальных оснований и ценностных

приоритетов развития современной цивилизации. Науки о духе, к числу которых, безусловно, следует относить и юриспруденцию, должны найти познавательный инструментарий для изучения таких феноменов, явлений и процессов, которых не существовало в прошлом.

Современная юридическая наука экстенсивно развивается. В ней идут процессы гуманизации, аксиологизации, деилогизации. Но наряду с ними наблюдаются дефицит подлинно новых идей и кризис, вызванный неспособностью господствующих правовых теорий ответить на вызовы меняющегося мира. Доминирующим в правопознании остается понимание методологии как в известном смысле конвенционального «свода законов» научного познания, в который, исходя из соображений удобства, эффективности и целесообразности, включаются по преимуществу апробированные, верифицированные исследовательские стратегии. Тогда как все, что лежит за пределами данной конвенции, подвергается критике и неприятию.

Но думается, методология не есть только нечто раз и навсегда установленное, защищенное от дальнейшего пересмотра или рассматриваемое как данность, но то, что может и должно быть предметом исследования. Умножение познания применительно к праву сопряжено с обращением к идеалу Истины в научных исследованиях, с изменением привычного стиля мышления, постановкой новых исследовательских задач, дополнением ракурса проблематики такими вопросами, которые прежде находились за рамками предметного поля, категориальным обновлением, пересмотром существующих критериев научности юридических теорий, активным диалогом с дисциплинами, имеющими иные онтологические корни.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА УПРАВЛЕНИЯ

Д. П. РЫБКА

В Республике Беларусь на сегодняшний день в целом сформирована отвечающая статусу независимого государства система работы с управленческими кадрами. Но для реализации новых задач, поставленных переходом на инновационный путь социально-экономического развития, необходим новый уровень управленческой работы. Уже сегодня в практике управленческой деятельности начинают находить применение комплексные технологии отбора, изучения, оценки и карьерного продвижения кадров. Вместе с тем эффективное решение кадровых проблем в значительной мере будет зависеть от научно-методического обеспечения государственной кадровой политики и механизма ее реализации, использования в практике кадровой работы прогрессивного отечественного и зарубежного опыта.

Формирование и реализация кадровой политики в области управления базируется, как правило, на группе *принципов*, которые понимаются как основополагающие нормы и правила, на которые следует ориентироваться в деятельности по управлению. В качестве *общих принципов* можно обозначить следующие: единый подход к формированию кадровой политики на различных уровнях иерархии; научная обоснованность; системность и комплексность; реалистичность (прагматизм); эффективность; гибкость и адаптивность; стратегичность; законность; преемственность; открытость и гласность при подборе и расстановке кадров; сочетание стабильности и ротации кадров.

Приоритеты социально-экономического развития Республики Беларусь в значительной мере определяют *приоритеты государственной кадровой политики* и обусловлены прежде всего необходимостью повышения эффективности формирования и реализации кадрового потенциала управления.

Высокие требования к управленческим кадрам и их подготовке диктуются происходящей трансформацией белорусского общества, переоценкой ранее доминирующих норм и ценностей. Отсюда актуализируется проблема *гуманитаризации современного управления*, которая в широком смысле охватывает всю проблематику человека: его общественное бытие, культуру, развитие, — и базируется на идее человека как высшей ценности и меры всех вещей, рассматривает отношение человека к миру. В этой связи объективной потребностью и актуальной необходимостью становится разработка *аксиологического* (ценностного) аспекта государственной кадровой политики.

Целесообразным представляется формирование в Беларуси национальной системы ценностей управленческих кадров. Это предполагает тщательное изучение самой природы ценностей, их разновидностей, роли в преобразовательных процессах, поскольку ценностные ориентации являются важнейшей составляющей нравственно-этических основ кадровой политики государства.

СООТНОШЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО И РАЦИОНАЛЬНОГО В ПОНЯТИИ «ДОСТОИНСТВО»

М. Ю. САВЕЛЬЕВА

Процесс формирования представлений о человеческом достоинстве берет начало в период распада мифологического мироотношения и становления рациональности.

Содержательно-предметное определение понятия «достоинство» исторически связано с развитием конкретных сфер общественной деятельности — экономики, религии, морали, права и политики, и находит подтверждение в терминологии этих сфер.

Формально-метафизическое определение понятия «достоинство» в каждый исторический период формируется как следствие взаимного согласования

интерпретаций достоинства в сферах экономики, религии, морали, права и политики. Способом такого согласования всегда является взаимное замещение логических связей, то есть *миф*.

Сущностью понятия «достоинство» является мифологическим образом объединенное рациональное содержание конкретных предметно-практических и духовно-практических способов освоения мира человеком и обществом с целью сохранения *ценностного* аспекта взаимоотношений индивида и общества.

В отношении индивида «достоинство» выступает *понятием* с превалированием того или иного содержательного аспекта в зависимости от места, роли цели индивида в обществе. Поскольку *феномен* достоинства подразумевает определенный исторический тип мировоззрения, осознание его в *понятии* наделяет индивида субъектными характеристиками в отдельных структурах общественных отношений.

В отношении общества в целом «достоинство» выступает мифологемой или идеологемой. *Мифологема* является следствием внутреннего стихийного общественно-психологического формирования представлений о достоинстве общества как «коллективного индивида» с целью добиться его признания со стороны. *Идеологема* достоинства формируется вследствие осознанного и отчужденного влияния на общество отдельных его структур – государства, экономических сообществ, церкви. В этом случае общество выступает «коллективным субъектом», реализующим посторонние цели как свои собственные. В любом случае, с применением к обществу понятий, сформированных в отношении индивидов, изменяется представление о структуре их общественных отношений.

THE FEDERALISM – BETWEEN BENEFITS AND DISADVANTAGES

RAFIQ SULAIMAN

Contemporary federalism as a political model is flexible and democratic, able to resolve the political problems between the central and local authorities, in a country of many cultures and nationalities.

Federal constitution, as interpreted by specialists, is a special agreement that explicitly admits the existence of conflicting interests among the component territorial communities and commits them to seek accommodation without outvoting the minority and without the use of force.

Federalism is not fixed. It is a process that is in perpetual negotiation: some issues are not currently recognized, some are soluble, some are currently insoluble and some need to more researches, analysis and accurate definition.

The nature and the structure and powers of the federal state or federal systems are various according to the following: privacy geography, privacy ethnicity, privacy

fusion. We can find this situation in the United States, Germany, United Kingdom, Spain, United Arab Emirates where their political system and the Federal Constitution granted the federal subjects constitutional powers to run their own affairs and active participation in issues of the country's internal and external. In addition to the mentioned rights the federal system grants the diplomatic representation and the right of criticism / veto about the crucial issues, cultural, trade exchanges and the right of legitimate defense under the criteria and international politics and international law.

The systems under the federal governance is not entitled to the central state to have a special federal army except in situations of wartime and ending the legitimacy of this army with the state of war. Because of the political and federal constitution, democratic systems see the danger in building a foundation of war and a private army in a federal country. Primarily, the federal political system and the nature and structural pluralism and local administrations are protected by international law and the federal judiciary does not need to build an army to the Federal Region.

Moreover, this situation may encourage the ethnic regions to move for building of its own army and this situation threatens the political system, federal and democratic constitution and therefore could cripple the mechanisms and the evolution of federal institutions and may also create serious dilemmas. Thus, federalism does not lend itself unequivocal, the problem of the real implementation of the principles of federalism is much more complex.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА

Е. Н. ТОНКОВ

Правовой реализм – философско-правовая концепция, основанная на актуализации правоприменительных процедур, психологическом восприятии фактичности права, отрицании избыточной догматики, вступающей в противоречие с эмпирическими наблюдениями исследователя. Правовые реалисты подчеркивают, что право является чем-то большим, чем просто логическая и закрытая система норм, закрепленных на бумаге, оно представляет собой праксеологический феномен, состоящий в том числе из превалирующих философских идей о сущности права и комбинации актов человеческого поведения.

Обращаясь к историческим предпосылкам возникновения правового реализма в североамериканских, скандинавских и социалистических обществах, следует отметить его интенсивное развитие в первой половине XX века. В указанных правовых культурах развивались как минимум три общих направления: доминирующее значение философско-правовой доктрины (в неодинаковых вариантах), сильная зависимость юриспруденции от неюристов, прагматизм юридических методов. Авторы философско-правовых доктрин

в названных территориях не совпадали: в США доктрины формировали высшие судебные инстанции и университетские теоретики, в Скандинавии – философские школы, в постреволюционной России – субъекты исполнительной власти.

В американской юриспруденции зависимость от неюристов проявилась через развитие судов присяжных, где обычные граждане принимали практически самые значимые решения о виновности или невиновности подсудимых на основании психологической интуиции и обывательского мнения. Скандинавское право оказалось подвержено влиянию неюристов через нижестоящие суды, в которых со средних веков активно действовали институты, состоящие из групп местных жителей, имеющих право коллективно голосовать вопреки мнению судьи по всем фактическим и правовым обстоятельствам дела. Советскую правовую систему преимущественно формировали люди, не имеющие фундаментального юридического образования. Источниками права для судебных инстанций являлись в первую очередь социалистическое правосознание и революционная целесообразность. Новое право после 1917 г. в социалистических государствах создавалось в парадигме «жесткого» правового реализма, частными принципами которого становились диктатура пролетариата, народность судов, революционная целесообразность, военный коммунизм, произвольное и насильственное перераспределение собственности и др. Юридическое образование для занятия места судьи или следователя в революционный период перестало быть обязательным.

Социалистический правовой реализм – сложившаяся в постреволюционных (1917 г.) государствах философско-правовая доктрина, согласно которой декларативные нормы справедливого порядка не обязаны совпадать с юридической практикой. Право существует в виде практического инструмента, являясь в большей степени опытом, нежели теоретической конструкцией. Философско-правовые доктрины, учитывающие значение финансово-политических стратегий развития общества, становятся способом обоснования сложившегося правопорядка.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ СОБЫТИЙНОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Д. Н. ТРОФИМОВИЧ

Методика анализа событий (ивент-анализ) разработана в рамках прикладного информационного анализа и прогнозирования развития политических процессов и динамики политических ситуаций. В основе данной методики допущение о том, что политический процесс – сложная система взаимоотношений, состоящая из первичных «клеточек»-событий.

Выделяют следующие гносеологические расхождения в рамках разработки исследовательских проектов событийно анализа:

1. *Проблематика определения события*. Под «информацией о событиях» в рамках ивент-анализа понимаются сведения о вербальных или физических (прямых или ответных) действиях, адресуемые субъектами международных отношений своей «внутренней» или «внешней среде». Суть событий рассматривают в рамках трех традиций, которые их представляют в качестве: а) актов давления, попыток использования влияния или уступок (в соответствии с взглядами Г. Моргентау); б) значимых сигналов или коммуникаций между нациями (в рамках подходов К. Дойча); в) части сложного потока исторической последовательности (в работах Ч. Маклелланда).

2. В рамках *проблематики измерения* в событийном анализе выделяются два подхода: 1) категоризация информации о событиях с привлечением номинальной классификационной схемы; 2) придание определенных шкальных значений информации о событиях по одному или нескольким конкретным измерениям. Сторонник первого подхода Ч. Маклелланд отказывается судить об относительной важности, интенсивности событий, предлагая агрегировать информацию, сортируя события по определенным нормативным категориям путем подсчета частотности их появления. Сторонник «шкалирования» Э. Азар исходит из самой по себе неравнозначности событий и их «взвешивания» по отношению друг к другу на основе определенной шкалы или набора шкал.

3. В рамках *проблемы учета контекстных характеристик событийной информации*, по мнению части исследователей, события могут быть достаточно глубоко изучены только в соотношении с той средой взаимодействия, в которой они происходят, а другая часть полагает, что события сами по себе достаточно контекстно насыщены, но в целях обогащения исследования внешнеполитического поведения не исключается возможность осуществления структурного анализа их взаимодействия. В настоящее время учитываются такие контекстные характеристики событийной информации, как:

1) основные организационно-структурные и процессуальные переменные, характеризующие процесс принятия решений, порождающих события;

2) обстоятельства, в которых первоначально появились сведения о событии (роль или статус оратора, использованные СМИ, непосредственная аудитория);

3) характер текущих отношений между участниками взаимодействия (союзнический, нейтральный, враждебный) и косвенными участниками взаимодействия;

4) проблемные области или типы используемых ресурсов (культурные, дипломатические, экономико-технологические или военные);

5) другие события, предшествующие данному конкретному событию или связанные с ним.

СИНЕРГИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРЫ И КОГЕРЕНТНОСТЬ ЗАМКНУТЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В. Л. ФЕДОРЕНКО

Глобальная проблема общества состоит в том, что общество находится в философском состоянии ожидания идеальных решений государства и муниципального управления в социально-правовом регулировании государственных и социальных процессов общества и страны в целом. Но реальность такова, если в замкнутой системе исключить общественные элементы самоопределения, самоорганизации и самоуправления, то система перестанет эффективно работать. Взаимосвязи между элементами структуры данной системы будут разрушены из-за самоустранения части структуры и подсистемы из общего процесса саморазвития целостной системы, а оставшаяся часть структуры в виде государственного управления будет перегружена не свойственными ей функциями локального тактического управления. В результате в современных государствах наблюдаются разобщенность, противостояние и противоречия в различных сферах социального бытия.

Актуальность проблемы эффективной организации системы местного самоуправления заключается в исследовании энтропии – разницы между идеальными и реальными процессами саморазвития общества и государства в целом.

Исходя из этого представляется необходимым изменение синергетических процессов самоорганизации элементов в открытых микросистемах и осуществление когерентности закрытых макросистем государственного управления и местного самоуправления в условиях неопределенности современного общественного развития.

В связи с этим следует разработать начальные параметры саморазвития для моделей открытых микросистем и закрытых макросистем, среди которых наиболее важными являются коммуникативность, полезность, рациональность, многополярность информационно-нелинейных связей и взаимодействий элементов сообщества, а также определить предел открытости и закрытости системы.

Таким образом, одна из задач философии управления – сформировать синергетическое мировоззрение в закрытых индивидуальных и открытых макросистемах, а также создание оптимальных условий для возникновения в закрытых микросистемах нового свойства – способности к самоорганизации. В связи с этим необходимо определить границы порядка и хаоса, сформулировать и описать механизмы трансформации динамического хаоса в порядок, принципы диссипации и взаимосвязи раннее закрытых субъектов для их объединения в открытые саморазвивающиеся подсистемы в закрытой макросистеме.

Безусловно, введение аттракторы – усилителя и генератора в обратной связи саморазвивающейся системы с целью корректировки результативности системы при возникновении флуктуации в замкнутой системе – будет способствовать прогрессивному саморазвитию и качественному улучшению процессов управления человеческим сообществом и, в конечном счете, самосохранению современной цивилизации в целом в условиях глобальных проблем и рисков.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. И. ЧУЕШОВ

В динамично изменяющемся мире для белорусского государства актуальны задачи улучшения качества его управления. На практике их решение, однако, нередко ограничено горизонтами исторического опыта и фрагментарными научными данными безотносительно философии государственного управления.

Философские поиски путей улучшения государственного управления могут идти по разным направлениям. В экономически развитых странах они нередко сводятся к реконструкции сути «минимального» («скромного», «компактного» и т. п.), а также «справедливого» государства.

В недавно состоявшихся государствах, чаще озабоченных поиском предельных оснований одновременно сильного и оптимального, а также разумного государственного управления, общее внимание привлекают вопросы о том, как скромное, компактное, а также сильное и оптимальное государство может быть «инновационно восприимчивым», «недорогим», «нравственным», «красивым», эффективным.

Сегодня специфика проблемного поля белорусской философии государственного управления раскрывается в дискуссиях о взаимосвязи так называемого ручного управления и государственного регулирования, качественно-количественных особенностях и противоречиях взаимодействия регулятивной «силы социально ориентированного рынка», с одной стороны, и воли, решительности, границах вмешательства государства в рыночную стихию – с другой. В белорусской философии государственного управления активно обсуждаются критерии эффективности государственного управления, особенности его оптимальности, своевременности, ответственности, нравственности.

В наши дни государственное управление в отдельно взятой стране невозможно отделить от эффектов глобального управления, механизмов наднационального управления, объективных и субъективных сторон глобализации, интеграции, глокализации, фрагментации.

Проблемное поле современной белорусской философии государственного управления, в основном совпадая с полями философии государственного управления в других странах, имеет свою специфику. Ее реализация, как

и в других странах, невозможна без понимания, что философия государственного управления – особая разновидность практической философии, со своим не только поучительным прошлым [1], но настоящим и все еще открытым будущим [2].

Следовательно, проблемное поле современной белорусской философии государственного управления включает в себя широкий спектр вопросов или предельных оснований национальной безопасности, государственного регулирования экономики, государственного управления наукой, здравоохранением и т. д., а также модернизации, оптимизации, совершенствования белорусской модели государственного управления в целом.

Литература и источники

1. Чуешов, В. И. Философия государственного управления в Древнем мире / В. И. Чуешов. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008.
2. Чуешов, В. И. Философские основания государственного управления / В. И. Чуешов // Государственное управление: от философских оснований до созидания сильного и процветающего государства / В. И. Чуешов и [др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – С. 10–50.

СТРАТЕГИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Т. А. ШЕНДИК

В политической системе консолидированной демократии достаточно высока роль становления и выработки устойчивых практик и форм взаимодействия органов государственной власти с берущими на себя различные политические функции общественными объединениями или общественно-политическими организациями [1]. Анализируя эти формы взаимодействия целесообразно использовать такие критерии, как: 1) наличие либо отсутствие государственной регистрации; 2) базовое отношение к существующему государственно-политическому устройству; 3) наличие или отсутствие практики сотрудничества общественного объединения с государственными органами; 4) многообразие форм этого взаимодействия; 5) равноправие сторон.

Исходя из представленных критериев особенностей взаимодействия государства и именно общественно-политических организаций, аналитически можно выделить следующие стратегии их взаимоотношений:

отношения тождественности, в соответствии с которыми у общественно-политической организации оказываются полномочия, идентичные с юрисдикцией государственных органов, и она может подменять функции государства по всему спектру решаемых им вопросов. Несмотря на то, что такие взаимоотношения создают устойчивый фундамент для политической системы,

они, очевидно, консервируют ее развитие, не имеют внутренних источников для эволюционного совершенствования;

отношения сотрудничества, характеризующиеся взаимной поддержкой общественно-политических организаций и государства, единством их взглядов на пути достижения целей развития государства и общества, наличием практики совместных организованных действий. Важной особенностью сотрудничества между общественно-политическими организациями и государственными органами является наличие определенного приоритета государства, который в свою очередь является гарантией успешной работы общественно-политических организаций;

отношения конкуренции, характеризующиеся высоким уровнем состязательности и соперничества общественно-политических организаций и государства, которые не имеют общей практики совместных действий, но находятся в процессе коммуникации и, в конечном итоге, заинтересованы в достижении одинаковых, но не общих целей;

отношения антагонизма, как крайняя форма конфликтных отношений, для которых характерна непримиримая борьба, в результате которой одна из сторон либо утрачивает свои функции в политической системе, либо обречена на маргинализацию.

Если отношения тождественности и антагонизма не способствуют совершенствованию политической системы, то у отношений сотрудничества и конкуренции такого недостатка нет. Общественно-политические организации, находящиеся с государством в отношениях сотрудничества, вступают в конкурентные отношения с другими общественно-политическими организациями, находящимися с государством в отношениях конкуренции. Это в свою очередь является предпосылкой не только формирования в будущем ответственных политических сил, но и источником совершенствования политической системы.

О СИСТЕМЕ ЭЛЕКТРОННОГО АДВОКАТА

А. Н. ШУМАН

Перспективной задачей последних лет является дизайн экспертной системы для автоматизации или полуавтоматизации правовых решений, названной электронным адвокатом. По нашему мнению, для построения правовых каталогов и создания базы данных электронного адвоката можно использовать ситуационную семантику, которая будет учитывать для каждой правовой статьи еще и судебную практику ее применения с набором типовых «ситуаций». Вместо алгоритмов и принятия решений на индуктивных деревьях в качестве логической модели правовой аргументации мы собираемся предложить использовать коалгоритмы и принятия творческих решений на бесконечных

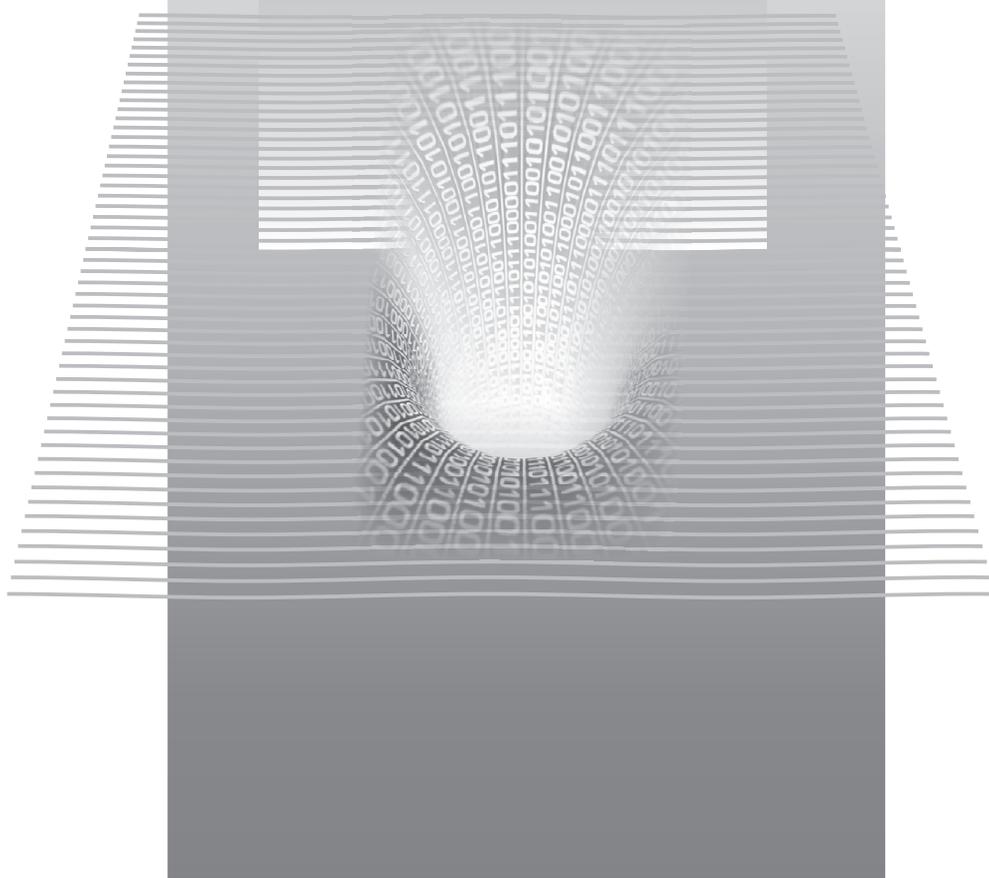
деревьях. Стратегии, используемые в суде, являются переменными и динамическими. Мы считаем, что возможна математическая формализация этих стратегий в рамках клеточных автоматов выплат. Благодаря этим автоматам можно моделировать динамику стратегий в зависимости от меняющихся контекстов, а также взаимовлияние стратегий оппонентов. Судебный процесс представляет собой рефлексивную игру, в которой оппоненты стремятся предсказывать стратегии друг друга, и мы предложили теорию рефлексивных игр, в которой побеждает тот оппонент, который переходит на более высокий уровень рефлексии. Судебный процесс может также протекать как рефлексивное управление, когда удастся навязать оппоненту интерпретацию событий через модификацию мотивов или модификацию информации. Таким образом, игровые сценарии судебного процесса нами рассматриваются в рамках математической формализации в виде клеточных автоматов выплат как рефлексивная игра с возможным рефлексивным управлением.

Мы предложили логическую сеть, в рамках которой игровой процесс множества судебных разбирательств будет надстраиваться над динамическими правовыми каталогами. Эта логическая сеть представлена искусственной сетью филаментов актина. Это математическая модель самопрограммируемой социальной сети. В системе электронного адвоката будет логическая архитектура искусственной сети филаментов. Это очень сильное расширение искусственных нейронных сетей. В частности, процессоры могут включаться и выключаться так, что сама топология сети сильно меняется со временем. В данной динамической сети реализуется массивно-параллельная игра. Именно в таком направлении можно реализовать искусственную сеть автоматического принятия судебных решений.

Мы показали, что создание работающей системы электронного адвоката возможно на базе ряда логических методов для проектирования новой социальной сети. На уровне аудитории с помощью теории случайных графов можно очертить основной пакет необходимых контактов для удержания пользователей в коммуникации внутри данной системы. На уровне единичного пользователя с помощью исчисления процессов можно задать юридическую домашнюю лабораторию, которая станет отслеживать все юридические аспекты деятельности пользователя. А на уровне запросов пользователя можно создать систему онтологии правовых документов, которая позволит формировать стратегию истца или ответчика на базе правовых актов и документации фактических состояний.

Раздел
2

**ФИЛОСОФИЯ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ
ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ**

2.1. ФИЛОСОФИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Л. АЙЗЕНШТАДТ

Человек – единственное существо, которое пытается осознать смысл своей жизни и делает его предметом размышления. По мнению Д. Пивоварова, смысл жизни – это эйдос индивида, умопостигаемая целостность всех проявлений его души, который понимается либо интуитивно, через совесть как орган смысла, либо в результате размышлений над серией поступков, вычитывается из событийного текста либо проявляется в «пограничных ситуациях». Существует множество интерпретаций этой проблемы в философии. Вместе с тем некоторые мыслители скептически относятся к выдвиганию смысла жизни в качестве одной из основных проблем философии. З. Фрейд даже приписывают фразу: «Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или ее ценностью, это значит, что он болен». С точки зрения А. Зиновьева, смысл жизни человек имеет как представитель массы, зараженной определенной идеологией.

Между тем наличие смысла жизни очень значимо для человека. Осмысленность существования находит свое выражение в интересе к жизни и людям, чувстве радости от жизни, наличии собственных значимых целей в жизни, единении с другими людьми, восприятию своего места в мире как необходимого, принятию реальности. В то же время отсутствие смысла в жизни человека создает проблемы, которые С. Мадди называет «экзистенциальным неврозом». Крайний случай – когда для человека ничто не имеет смысла. Вторая форма – «нигилизм», стремление агрессивно дискредитировать все, что может претендовать на смысл. Третья – «фанатизм»; в его основе – потребность постоянно действовать, чтобы не осталось времени на размышления о смысле жизни.

Опираясь на идеи В. Франкла, можно утверждать:

смысл жизни связан с ценностями, которые мы разделяем, и целями, к которым стремимся;

стремление человека к поиску и реализации смысла своей жизни – основной двигатель поведения и развития личности;

смысл находится в объективном мире; человек должен не выбрать или «изобрести» его, а найти путем реализации себя в жизни и деятельности:

смысл жизни уникален для каждого человека;

человек может сделать свою жизнь осмысленной через творческую деятельность, переживание ценностей, которые находит в мире, посредством позиции, занимаемой по отношению к судьбе и обстоятельствам своей жизни, которые он не может изменить;

обретенный смысл требует от человека своего постоянного осуществления, что ведет к самоактуализации личности;

человек свободен найти и реализовать смысл жизни, свободен взять на себя ответственность за свою судьбу, даже если его свобода объективно ограничена обстоятельствами;

не существует смысла жизни «вообще» – существует конкретный смысл жизни данной личности в данный момент, смысл жизни меняется от ситуации к ситуации;

человеку невозможно охватить «сверхсмысл» мира, но он осуществляется независимо от жизни отдельных индивидов;

субъективное представление человека о своем смысле жизни может существенно отличаться от смысла жизни, объективно складывающегося из его каждодневных поступков.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

А. М. БАГАУТДИНОВ

Духовность в своих проявлениях неоднозначна и имеет разные степени выражения у каждого человека. Мы полагаем, что осмысление сущности духовности позволяет рассматривать ее как диалектическое единство. Любое развитие, в том числе и духовное, предполагает существование противоречий. Противоречие изначально присуще бытию человека. Противоречивость проявлений духовности отражает концепт «амбивалентность». Сущность духовности заключается в ее внутренней противоречивости, выражающейся в сосуществовании противоположных по силе тенденций. Исходя из этого, выделяются позитивный и негативный типы духовности. Амбивалентность является внешним проявлением противоречий духовности, основанием которой выступает противоречие между сущностью и существованием человека.

Духовность не одна и та же в течение жизни, поскольку изменение внутреннего мира человека изменяет и духовность, характеризующую данный мир. Уровневый подход привносит в понимание духовности динамические (духовность как процесс) и статические характеристики (духовность как состояние, результат). Один из аспектов амбивалентной природы духовности заключается в том, что духовность есть одновременно и процесс, и результат.

Духовность – это форма активности, стремление к получению представлений о мире и результат становления человека, состояние динамическое, качественно изменяющееся во времени в направлении интеграции или дезинтеграции элементов внутреннего мира человека.

Природа духовной устремленности непосредственно касается концепта времени. Специфика времени отражает идею изменения. Для духовности идея изменения – одна из ключевых, это готовность измениться, расширить свои представления о мире, углубить понимание мира и себя в нем. Готовность измениться – это открытость как сущностный атрибут духовности. Открытость миру, готовность увидеть в нем то, что есть, одновременно означает и открытость времени как важнейшему измерению мира. Пространство духовности – это межличностные отношения и отношение человека к самому себе, это возможность диалога человека с самим собой. Духовность в отношениях качественно характеризуется через понятие «человечность». Полагаем, что духовность есть высшее выражение человечности, которая формируется и проявляется через осознание себя и своих отношений с другими людьми и посредством этого – осознание добра и зла, осознание своей выгоды и отказ от нее во имя блага другого. Человечность выступает сущностным основанием духовности. Духовная целостность личности является смысловой целостностью, а пространство и время – средством реализации его смысловой организации. Духовные отношения характеризуются в полной мере степенью сложности смысловой реальности: по вертикали и горизонтали. Вера – это внутреннее отношение человека к миру, при котором происходит построение духовной реальности.

КОНФЛИКТ И ДИАЛОГ МОРАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. В. БЕЛЯЕВА

Информационное глобальное общество столкнулось с проблемой конфликта различных социальных и культурных идентичностей. Для его разрешения не раз предлагалось обратиться к морали как фундаменту гуманизма, механизму сглаживания противоречий за счет обращения к общечеловеческим ценностям. Однако упование на мораль как таковую не решает проблемы.

Во-первых, в самой морали присутствует как универсальное, так и специфическое культурно-историческое содержание. Делая его основанием своей идентичности, позиционируя себя на языке морали, сообщества создают еще большие конфликты, обусловленные стремлением обосновать не только свою уникальность, но и нравственную правоту. Во-вторых, разговор на платформе общечеловеческих ценностей – это тоже не «универсальный», а вполне специфичный дискурс модерна, который подспудно навязывает категориальную

и ценностную базу дискуссии. В-третьих, моральный дискурс модерна сам по себе не является целостным. Дальнейший анализ возможностей морали как способа разрешения конфликтов связан с более тщательным осмыслением дискурсивного подхода к морали.

В когнитивном аспекте моральный дискурс характеризуется входящими в него концептами, фиксирующими определенные ценности, несущими в себе смыслы. В разных культурах наборы понятий морального сознания существенно отличаются друг от друга, а сходные моральные концепты наполнены различным значением и смыслом, что и становится предпосылкой конфликта. В моральном дискурсе решающую роль играют не столько ценности, сколько смыслы высказываний. При этом понимание смысла предполагает не только акт познания, но и коммуникативный акт, состоящий в практическом согласии исполнить должное, совершить добро. Моральное взаимопонимание – это практическое разрешение проблем морального дискурса, стремление совместно преобразовать действительность, наполнив ее моральными смыслами.

В коммуникативном аспекте моральный дискурс определяется качествами субъектов коммуникации, их способом выражения нравственных концептов, значимыми ситуациями общения и базовыми дискурсивными практиками. Моральный дискурс способен выполнить свою функцию урегулирования конфликтов в том случае, если участники коммуникации ориентированы на достижение именно моральных, а не каких-то иных, прагматических результатов. Еще важнее создание таких дискурсивных практик, структура которых предусматривала бы не монологическую проповедь морали, предъявление нравственных обвинений, обличение преступлений, а сопоставление ценностей, выражение сожаления о несправедливости, ознакомление собеседника с собственным моральным опытом. Важным средством смягчения конфликтных ситуаций выступает переводение их с глобального уровня в практику повседневности.

Таким образом, разрешению конфликтов современного мира способствует не мораль вообще, а специфически организованный моральный дискурс, постоянно проясняющий свои когнитивные и коммуникативные характеристики.

РОЛЬ ПАРАДОКСОВ В ВОСПРИЯТИИ И РАЗРЕШЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ РЕПРОДУКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

П. П. ВЕЛИКИЙ

Репродуктивность социальных процессов реализуется в рамках колебаний, присущих волновому порядку самодвижения материального и духовного мира. Спектр всевозможных ритмов жизни охватывает практически весь доступный восприятию дисплей масштабов бытия. Поскольку ритмы включают циклы, перемещение по кругу, то возвращение к исходной ситуации происходит в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Однако этот

круг каждый раз нагружен противоречиями, разрешение которых тянет за собой целый ряд проблем, прежде всего осознания субъектами их сути и способов разрешения. Так возникают парадоксы, или соединение несоединимой логики, в позиции: план и рынок, коллективизм и индивидуализм, любовь и ненависть и т. п., наличие которых в общественном сознании корректирует круги репродукции.

Возврат к исходной ситуации происходит с наращиванием либо позитивных, либо негативных элементов. Круг – поступление нового корпуса молодежи в вузы, обучение, выпуск их и заполнение кадрами какой-то отрасли вместо выбывших по естественным причинам – будучи нормальным порядком, зачастую оказывается парадоксальным, если новые специалисты менее квалифицированы или вообще отказываются работать в нужном месте.

Роль парадоксов как тормозов позитивного развития может быть сокращена, если полнее будет учтено влияние на возврат к исходной ситуации непреднамеренных действий участников. Никто не хотел, но так случилось, что в начале XXI в. вузы заполняются «необучаемыми» студентами, что половина выпускников уже при поступлении не сориентирована работать по специальности «ни при каких условиях».

Распространен и другой парадокс: созидание в одном секторе разрушает смежные сферы. Так, признание агрохолдингов наиболее эффективной формой функционирования аграрной сферы и слабая поддержка других укладов ведут к ускоренному исчезновению сел.

Неудачные попытки изменить данную ситуацию, а также непреднамеренные действия разных агентов этого процесса (и это относится не только к репродукции кадров) вызывают опривычивание парадоксов, что чревато стагнацией развития. Избавиться от парадоксов невозможно, но «сочетание несочетаемого» в познавательной и практической деятельности если не осмысливается и не преодолевается, то со временем становится опривыченным, воспринимается как неизбежность (например, фантом: «богатые богатеют, бедные беднеют»), что разрушает оптимизм, солидарность и сотрудничество социальных групп.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Г. В. ВЕРЖИБОК

Проблема риска разрабатывается сейчас во многих областях знаний – в философии, социологии, экономике, психологии, политологии, в юридических и технических науках. Каждая дисциплина имеет собственный взгляд, из-за чего понятие риска оказалось размытым и даже противоречивым, хотя до сих пор не создано всеобъемлющей концепции риска, позволяющей учитывать все аспекты его зарождения и функционирования. В связи с этим возникает необходимость в проведении теоретико-методологического анализа проблемы [3, с. 3].

Парадокс современности состоит сегодня в проблеме комплексного анализа общества риска (О. Н. Яницкий, U. Beck, G. *Bechmann*, N. Luhmann), где теории систем и общества взаимно соотносятся и взаимозависимы. Однако риск больше не рассматривается как свойство техники, а связывается с деятельностным потенциалом общества в целом, который изменяется в ходе истории. Риск анализируется в категориях перехода от индустриального общества к обществу риска, где феномен рождается в русле прогрессирующей модернизации и становится детерминирующим фактором среды жизнедеятельности. Риск считается одной из атрибутивных черт «высокой современности», которая характеризуется принципиальной неуправляемостью целого ряда ситуаций и процессов, угрожающих не отдельным индивидам и небольшим сообществам, а человечеству в целом [2, с. 109–111].

Риск есть не только деятельность, но и характеристика состояния личности, группы и социума. Люди все чаще принимают решения при наличии не одной, а множества альтернатив, значит, в таких ситуациях выбора возрастает и уровень риска. Именно человек в чрезмерно разросшейся систематике рисков, как утверждает Никлас Луман (1991), занимает новое положение по отношению к собственному будущему, но оно зависит от решений, которые должны быть приняты в настоящем. Степень принимаемого рискованного решения изменяется в зависимости от субъекта (индивид или группа), участвующего в выборе рискованной альтернативы [1, с. 95]. Риски выходят из-под контроля не только индивидов, но и огромных организаций, включая государства, возрастает сложность социальных систем и отношений [2, с. 274].

Если обобщить результаты многочисленных исследований, осуществляемых конкретными науками, то целостной картины общественного риска не получится. Она будет мозаичной, не дающей возможности реконструировать социальный механизм риска, и раскроет лишь его отдельные стороны, детали и элементы. Риск становится предметом междисциплинарных исследований и приобретает статус общенаучного понятия. Это позволяет выделить много различных аспектов, в которых рассматривается риск, но и создает очевидные трудности в выработке единой точки зрения.

Литература и источники

1. Альгин, А. П. Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Альгин. – М.: Мысль, 1989.
2. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
3. Зубков, В. И. Риск как предмет социологического анализа / В. И. Зубков // СОЦИС. – 1999. – № 4. – С. 3–6.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МИРООСВОЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. А. ВЛАДИМИРОВ, Л. А. ЗЕЛЕНОВ

Наше исследование проблем мировоззрения показывает не только обще-философское значение общей теории мировоззрения, но и компенсаторную социальную роль в современных условиях конституционного игнорирования «идеологии» и аморфного представления о «культуре» и «цивилизации» [1].

Мировоззрение мы рассматриваем как результат духовного освоения человеком отношений в системе «универсум – человек». Это духовное освоение, как отражение, представляет собой единство познавательного и оценочного отношений, которые исследуются гносеологией и аксиологией. Онтологическим результатом духовного освоения является модель мира.

На базе духовного освоения-отражения системы «универсум – человек» формируется практическое освоение познанного и оцененного мира в виде преобразования мира в практически освоенную среду. Среда является онтологическим результатом практического освоения мира. Исследование практического освоения-преобразования человеком системы «универсум – человек» составляет содержание методологии и праксеологии.

Понятие «мироосвоение» оказывается содержательно более богатым, чем «мировоззрение», так как оно охватывает как духовное освоение, так и практическое, являясь единством гносеологического, аксиологического, методологического и праксеологического отношений человека, в итоге формирующих онтологическую модель универсума как мира и среды.

Традиционное историко-философское исследование проблем гносеологии, аксиологии, методологии, праксеологии и онтологии дополнительно аргументирует не научный, а мировоззренческий или мироосвоенческий статус философии, усиливая эвристическое значение «11-го тезиса» К. Маркса о Л. Фейербахе. Более того, свой статус особых типов мироосвоения подтверждают философия, мифология, религия, искусство, наука и народное мироосвоение [2, с. 673].

Литература и источники

1. Зеленев, Л. А. Система диалога типов мировоззрения / Л. А. Зеленев, А. А. Владимиров. – Нижний Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2014.
2. Стёпин, В. С. Наука / В. С. Стёпин // Философия. Всемирная Энциклопедия / Ред. и сост. А. А. Грицанов. – Минск: Харвест, 2001.

МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СИСТЕМ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

М. Г. ВОЛНИСТАЯ

Фундаментальным исследовательским подходом к анализу сложных феноменов, какими, по мнению академика В. С. Стёпина, являются человекоразмерные системы, служит системный подход.

Системный подход (системное мышление) базируется на целостном видении сложных явлений. Главной его особенностью является доминирующая роль целого: система не только не детерминируется однозначно свойствами своих элементов или подсистем и не сводится к ним, но, напротив, сами элементы детерминируются целым и лишь в его рамках получают свое функциональное объяснение и оправдание, право на существование.

Системный подход включает методы и средства исследования, которые прилагаемы к любым системам или достаточно широким их классам. Он ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей и сведение их в единую (системную) теоретическую картину.

На метатеоретическом уровне системный подход опирается на общие теории систем, организации, управления и информации.

Общая теория систем – научное направление, связанное с разработкой философских, методологических, конкретно-научных и прикладных проблем анализа и синтеза систем произвольной природы. В качестве основы для их возможного единства рассматривается изоморфизм процессов, протекающих в системах различного типа: социальных, биологических, технических, экономических. В развитии общей теории систем возник ряд прикладных дисциплин: системотехника, эргономика, теория надежности, системный анализ и др.

Традиционное направление теории систем – построение обобщенных математических описаний (моделей). Принимается, что общность систем проявляется тогда, когда они описываются одинаковыми математическими выражениями. Однако математические модели, вполне приемлемые для искусственных систем, оказываются не только малополезными для исследования сложных систем, но и научно несостоятельными. Ограниченность формального метода для моделирования слабо предсказуемых систем вызывает некоторый скептицизм в отношении пользы самого системного подхода.

Общая теория организации – система научных знаний, обобщающая организационный опыт и отражающая сущность организационных отношений, их внутренние необходимые связи, законы функционирования и развития. Несмотря на заявленную теоретическую автономность, теория организации оказывается размытой между общей теорией систем и теорией управления.

Системный подход имеет свои парадоксы. Так, для описания системного мышления используются несистемные по своей сути представления, методы, понятия. Парадокс «целостности» системного подхода состоит в том, что познание системы как целостности невозможно без анализа частей. Парадокс «иерархичности» системного подхода состоит в необходимости описания системы как таковой и как элемента надсистемы.

Литература и источники

1. Сороко, Э. М. Структурная гармония систем / Э. М. Сороко; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск: Наука и техника, 1984.
2. Урманцев, Ю. А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития. Система, симметрия, гармония / Ю. А. Урманцев. – М.: Мысль, 1988.
3. Резник, Ю. М. Введение в социальную теорию: социальная системология / Ю. М. Резник. – М.: Наука, 2003.

CHRISTIAN CULTURE IN LITHUANIA: DO MORAL'S IDEOLOGICAL GROUNDING REALLY LINGERED?

JOLITA VVEINHARDT, REGINA ANDRIUKAITIENE

Christianity played and still plays one of the most important roles in formation of Lithuanian culture. With reference to Kvedaravičius and Krančiukaitė, Christian culture in Lithuania is supposed to be ideological grounding of country's moral as well [1], however, that does not compensate moral conformism in organizations. Values of Christianity while banishing of religiousness and spirituality from public life in occupational period, rapid capital growth over the past decades are perceived in business as a oxymoron or are treated in Machiavellian way. Kuznecovienė [2] notes that religious identity is irrelevant for Lithuanians. The main argument of rejection of Catholicism as sign of national identity corresponds the point of the process of drawing of boundaries very own / extraneous of group identity's construction – Catholicism is not what in many cases distinguishes Lithuanians from non-Lithuanians. According to Kuznecovienė [3], disbelief in God is not supposed as a feature of becoming non-Lithuanian. Lithuanians are very tended to be identified with a state as a civil state [4].

Deviation from spiritual values mentioned above shows dangerous disbalance. Religion is a carrier and developer of spiritual wisdom, universal values in all times and in different cultures. Experience of values goes downhill by losing a faith as well. Analysing spiritual situation of Lithuania, Mureika [5] targeted imperatives in different areas – professional training, family, organization, policy: delicate sensitivity, empathy, genuine compassion, attentiveness, altruism, love for neighbour and love for profession as well as experience and verification of other similar experiences. Substantially, these are values declared by Christian culture, which lose their topicality, become logical but nor experienced declarations.

According to Kasatkina and Leončikas [6], Taljūnaitė [4], Čiburienė and Guščinskienė [7], ethnic dependence that is related to culture and values affects their formation. While talking of national levelling, globalization, following problematic research questions are being raised more often: how relevant remains the nation with its ethnic, mental peculiarities? If Christian culture still is supposed as ideological moral's foundation? What role falls in Christianity during analysis of value aspects of Lithuanian culture?

Answering to these question is not simple. Even behind the iron curtain, Lithuanian nation was affected by particular globalist ideas named by declarations of soviet internationalism. Having announced independence, and especially after entrance into European community, these processes became very active [8]. However, as notes Čiubrinskas [9], in the world that experiences ecological threats, economic and political challenges, the need for stability, concentration on human values are highlighted and the search for them become more active. Since all cultures, as states Legkauskas [10], present institutional contexts for such underlying events in human's life as birth, impulses' control, learning etc., these contexts are culturally different.

Having analysed scientific studies of Lithuanian authors, it was determined that big influence on both society's and organizational culture, and going downhill of importance of spiritual values in individuals' consciousness was done by materialistic philosophy highlighted in the post-war – pre-independence period, which denied ontologic outlines of values. This philosophy established in developing market economy, in which spiritual values are disembodied from economical organizational goals.

References

1. Kvedaravičius, J. Decalogue's universality in business / J. Kvedaravičius, E. Krančiukaitė // *Management of Organizations: Systematic Research*. – 2007. – No. 41. – P. 83–97.
2. Kuznecovienė, J. Lithuanian national identity: features and types / J. Kuznecovienė // *Trajectories of Lithuanian identity*. – Kaunas, 2008. – P. 55–74.
3. Kuznecovienė, J. Components of (non)Lithuanianness: drawing of boundaries of very own / extraneous / J. Kuznecovienė // *Trajectories of Lithuanian identity*. – Kaunas, 2008. – P. 89–108.
4. Taljūnaitė, M. Construction of Lithuanians' national identity in sociological researches / M. Taljūnaitė // *Philosophy. Sociology*. – 2006. – No. 2. – P. 8–17.
5. Mureika, J. Spirituality and meaning / J. Mureika // *Spirituality in human's world*. – Vilnius, 2009.
6. Kasatkina, N. Adaptation of Lithuania's ethnic groups: context and process / N. Kasatkina, T. Leončikas. – Vilnius, 2003.
7. Čiburienė, J. Cultural values and development of knowledge society in Lithuania / J. Čiburienė, J. Guščinskienė // *Management of Organizations: Systematic Research*. – 2007. – No. 43. – P. 43–56.
8. Vveinhardt, J. Specificity of mobbing: features of Lithuanian mentality / J. Vveinhardt, P. Žukauskas // *Management theory and studies for rural business and infrastructure development*. – 2010. – Nr. 20 (1). – P. 173–181.
9. Čiubrinskas, V. Diaspora's Lithuanianness: identity of repatriates in post-social Lithuania / V. Čiubrinskas // *Trajectories of Lithuanian identity*. – Kaunas, 2008. – P. 135–149.
10. Legkauskas, V. Self-awareness in psychologists point of view / V. Legkauskas. – Vilnius, 2009.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И РЕИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

О. В. ГЕРАСИМОВ

В последние годы влияние и значение историографии в постижении прошлого неуклонно снижаются. Тому есть несколько причин. Во-первых, это постмодернистский поворот, следствием которого стали распад исторических метанарративов и «освобождение» историографии от «теоретической» нагруженности. Во-вторых, это распространение, связанное с появлением современных средств массмедиа, новых способов репрезентации прошлого, не укладывающихся в традиционные формы институциализированного знания. Наконец, в-третьих, это смещение истории от знания к памяти. Привлекательность исторической памяти как «живого» и более актуального, нежели академическая история, представления о прошлом, однако, не должна вводить нас в заблуждение. Именно историческая память становится сегодня ареной битвы за умы, о чем свидетельствует популярность таких понятий, как «историческая политика» и «мемориальные войны». Институциональные особенности исторической памяти с необходимостью порождают ее амбивалентность: с одной стороны, она вынуждена апеллировать к «достоверным» фактам, с другой – выстраивать историческую политику в интересах власти и/или социальных групп. Задачи исторической памяти не только в расстановке ключевых акцентов в национальной истории, переоценке и переосмыслении «величия» тех или иных событий прошлого, не только в актуализации «нужного» прошлого для решения тех или иных задач современности, но и в конструировании ложных исторических воспоминаний, что закрепляется такими элементами политики памяти, как «школьная» история и мемориальное законодательство. Этот аспект и выявляет отмеченную амбивалентность исторической памяти: политика памяти, манифестируя свою направленность на сохранение «исторической истины», в то же время блокирует все иные способы постижения прошлого, включая академическую историографию, другими словами – поиски той самой истины. Принимая герменевтическое понимание истины как конфликт интерпретаций, мы не можем признать историческую память удовлетворительным способом репрезентации прошлого, оставляя за ней функцию инструмента взаимодействия существующих форм исторического знания. Распространение новых способов репрезентации прошлого, функционирующих в интернет-среде, подрывает монополию власти и профессионального сообщества историков на «историческую истину». История фрагментируется, сосредотачиваясь в руках сетевых сообществ, и игнорировать этот процесс невозможно, поскольку он грозит разрушением самой историчности как условия осуществления опыта прошлого. Это делает академическую историю уязвимой перед экспансией многообразных форм исторической репрезентации, вызванных к жизни современными массмедиа. Такое положение тре-

бует реинституциализации научного исторического знания, установления новых эпистемологических принципов и норм, эстетических и этических идеалов. Тем самым может найти свое решение проблема легитимации исторического знания в условиях современности, а историописание вновь будет рассматривать историографию как свою наиболее полную форму.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В. Ф. ГИГИН

При анализе Революции 1917 г. представители различных отраслей научного знания находятся в определенном методологическом тупике. Используются, в основном, различные вариации классического историко-описательного или же историко-сравнительного метода. Исследования идут по пути ввода в оборот новых документов, а также авторских трактовок.

Выход видится в синтезе методов различных социально-гуманитарных наук, прежде всего философии и социологии. Сейчас используются классические работы П. Сорокина, Г. Маркузе, Э. Фромма и других авторов, однако преимущественно в качестве афористического дополнения основного текста, а не как методологическая основа для исследования.

В советское время изучение революционной эпохи находилось в центре проблемного поля гуманитарных наук. Историография, а равно и иные отрасли социального знания, занимавшиеся исследованием Революции 1917 г., в своем развитии прошли ряд этапов. Первый – пролетарский революционаризм 1920-х и первой половины 1930-х годов. Его основные принципы были разработаны в произведениях отцов-основателей советского государства и историка М. Н. Покровского. Для этого течения характерна упрощенная, подчас даже примитивная трактовка марксизма, общественных закономерностей и процессов.

В середине 1930-х и вплоть до конца 1950-х годов господствовал сталинский догматизм. Резко уменьшилось количество научных работ, факты для них подбирались крайне скупно и избирательно, аргументы и выводы зачастую подменяли друг друга.

С конца 1950-х и вплоть до начала 1990-х годов сложился советский академизм. Несмотря на полное господство марксистско-ленинской идеологии и фразеологии, для него было характерно использование сугубо научных методов исследования. Многие выводы, сделанные в то время, представляют ценность и по сей день.

После крушения СССР ученые стали более свободны в выборе методов своих исследований. Подчас это приводит к весьма противоречивым суждениям. Так, украинские ученые, вслед за политиками и публицистами, сформулировали весьма спорный тезис об «украинской революции», развивавшейся отдельно от общероссийской. Большое влияние стали оказывать произведения, созданные западными учеными. Советология там также отличалась наличием

различных центров и течений. Среди них особо выделялись ревизионисты, достаточно лояльно относившиеся к событиям и наследию Революции 1917 г.

В свою очередь, российская эмиграция в своем анализе революционных событий прошла ряд этапов, создав множество интересных школ: национал-большевики, сменовеховцы, младороссы, евразийцы и т. д. Из этой среды вышел уже упоминавшийся П. Сорокин.

Как представляется, в настоящее время необходимо сопряжение методов и достижений различных гуманитарных дисциплин. Так, социология дает в наше распоряжение весьма любопытный и перспективный метод социологической реконструкции событий прошлого. Он позволяет реконструировать общественные настроения на достаточном временном отдалении.

К сожалению, при анализе Революции 1917 г. практически полностью игнорируются принципы анализа социальной системы, разработанные Э. Дюркгеймом. Очевидно, значительный вклад в развитие исследования революционных событий может принести и структурный функционализм, прежде всего тезисы Т. Парсонса. Весьма продуктивным является применение при изучении Революции методологических принципов представителей Франкфуртской школы: Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма и их последователей, а также весьма своеобразной югославской «школы праксиса» и других. Применение этих принципов рядом западных исследователей позволило им, несмотря на скудость источниковой базы, сделать любопытные выводы, которые применяются и отечественной историографией.

Крайне противоречивым является применение методов психоанализа и синергетики к анализу событий Революции 1917 г. В уже имеющихся работах такого рода абсолютизация того или иного метода привела к односторонности, узости и определенной догматичности полученных выводов. Впрочем, это характерно для начального этапа любой методологической рефлексии.

Историкам, философам, социологам и политологам предстоит создать обобщающие труды на основе синтеза различных методологических принципов. Только таким образом сейчас, спустя 100 лет, можно создать максимально объемный и научно достоверный портрет Революции 1917 г.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРIT ФИЛОСОФИЯ?

А. А. ГУСЕИНОВ

*Каждый народ тем более цивилизован
и образован, чем лучше в нем философствуют
Рене Декарт*

Обдумывая вопрос, вынесенный в заглавие, необходимо различать: а) язык самой философии и б) естественные языки, в материи которых воплощается философская мысль. Проблема заключается в том, чтобы установить, как одно связано с другим.

1. Вопрос о языке философии, по сути дела, есть вопрос о природе философского знания. Подобно тому, как мысль заключена в слове, так философия включает в себе свой собственный язык. Нельзя думать, будто до философии существует готовый язык, который мы используем для выражения философских истин, возможности которого определяют глубину постижения этих истин. Невозможно говорить о поэтике философских произведений, подобно тому как говорится о поэтике литературы, и формулировать особые правила их построения, хотя, кажется, именно это пытаются сегодня сделать применительно к философским статьям в рейтинговых журналах. К примеру, существуют философские сочинения, которые исполнены в разных литературных жанрах (написаны в форме поэм, диалогов, эссе, афоризмов и т. д.), но, кажется, никому еще не пришло в голову группировать их по этому признаку и, наверное, было бы бессмысленным делать это.

На самом деле философия рождает свой язык. Она рождается вместе с языком. Достаточно хотя бы вспомнить, как мы в университете изучали философию, мы ее изучали вместе с новыми словами и речевыми конструкциями, которыми мы не пользовались в повседневности и которых не изучали в школьном курсе русского языка, такими как «апейрон», «логос», «бытие», «энтелехия», «субстанция», «модусы», «суждение», «силлогизм» и т. д. Сказанное не означает, будто философия придумывает свой особый язык. Напротив, она пользуется естественным языком и связана с ним, возможно, даже более органично, чем другие области знания, ибо философия в отличие от многих из них не может быть выражена на формализованном универсальном языке. Даже попытки гениев Нового времени построить философию по геометрическому методу не вышли за рамки внешнего подражания.

2. Философия, конечно, пользуется тем естественным языком, который она застаёт и на котором говорит философ. Обладает ли, однако, естественный язык потенциалом, достаточным для того, чтобы стать языком философии? Чтобы понять философский потенциал естественного языка, надо понять, в каком смысле он является естественным. Язык – не просто техническое средство, орудие мышления, предназначенное для передачи информации, сообщения, он в то же время формирует среду, которая нуждается в такой передаче и в которой она возможна. Он является способом бытия разумного существа; дело не просто в том, что люди умеют говорить, что-то сообщать друг другу с помощью знаков (звуков), а в том, прежде всего, что говорение становится неотъемлемой и существенной основой их жизнедеятельности, сама же способность к речи – своеобразной прижизненно сформированной частью их организма. Основой живого естественного языка является не слово, не предложение, а высказывание. Для языка как бытийного начала в первую очередь важен не абстрактный смысл, заключенный в словах и предложениях, не сама информация, а то, кто говорит, кому он говорит и в каком событийном контексте. Язык – это субъективно акцентированный, лично выраженный способ бытия человека в мире. Словом, язык естествен не в том смысле, что он

врожден: это не так – он естествен в качестве базового фактора человеческого существования. «Язык сегодня, как и две с половиной тысячи лет назад, имеет дело с бытием и небытием» – говорит В. В. Библихин [1, с. 16]. Далее он уточняет: «Чтобы быть языком, он не нуждается в выполнении каких-то предварительных условий. Ему «естественно» быть языком» [1, с. 63].

3. Философский потенциал естественного языка определяется естественным потенциалом философии, – ее включенностью в жизнедеятельность людей, живущих в соответствующем языковом пространстве, или, что одно и то же, тем, насколько философия говорит этим людям нечто новое о них самих и насколько сами люди желают услышать это. В Седьмом письме Платон сделал странное утверждение по поводу того, чем он занимается: «Это не может быть выражено в словах, как остальные науки» [2, с. 542]. Понимая скрытую за этим утверждением бездну, хочу предположить, что, возможно, имелось в виду, что философия возникает после всех возможных и закрепленных в языке ступеней познания, в силу чего в языке недостает нужных для нее слов.

4. Говорят, что существуют языки, наиболее благоприятствующие философии, как, например, греческий и немецкий. Так ли это? Если даже допустить, что эти языки более философичны, то не стали ли они таковыми как раз в результате развития философии? Почти два тысячелетия философия говорила на одном языке, первоначально греческом, потом латинском. В Новое время она перешла на национальные языки. В настоящее время наблюдается тенденция перевести ее на английский язык. Не знаю, существуют ли исследования того, как эти изменения повлияли на состояние самой философии. Но одно и, быть может, самое важное мы знаем: они не отразились на единой линии преемственного развития европейской философии. Именно этот фундаментальный факт является, на мой взгляд, самым важным при осмыслении национальных судеб философии.

Переходя на национальные языки, философия включалась в исторический поток буржуазно-демократического развития, уже самим фактом такого перехода теоретически санкционируя это развитие. Становясь национальной, философия брала на себя ответственность за интеллектуальное и нравственное развитие нации, подвергаясь одновременно риску деградации до национально ограниченного взгляда на мир. Это было реальное противоречие между философско-интеллектуальным возвышением нации и националистической деградацией философии, которое в каждой стране имело свою историю и не во всех случаях обернулось удачей для философии. Не случайно народы (англичане, итальянцы, немцы, французы), которые внесли наибольший вклад в развитие философии Нового времени, оказались также и исторически наиболее успешными в эту эпоху. Обобщая этот опыт, можно сказать, что вопрос о национальных судьбах философии прямо зависит от философской судьбы нации.

5. Философия в эпоху национально-государственного многоязычия (в широком, не только лингвистическом смысле), имеет национальную специфику (отдельный вопрос, в чем она выражается: чаще в особых собственно фило-

софских акцентах и предпочтениях, как, например, склонность немцев к метафизике, французов – к политической философии, русских – к морализму). Но она, эта национально обусловленная специфика, не превращает философию в феномен, ограниченный национальным самосознанием. Философия представляет не только от имени целого, эпохи, нации, – она представляет также, и даже в первую очередь, от имени личности, ее свободного развития и стремления к осмысленной жизни. В нормальном варианте национальный характер философии выражается в том, что самосознание соответствующей нации само оказывается под критическим прицелом в свете более широкой исторической перспективы.

Возвращаясь к исходному вопросу, можно сказать: философия остается философией и говорит на своем языке, в какой бы национальной оболочке она не выступала и на каком бы языке не говорила. Конечно, философия – не физика, она не везде одна и та же. Более того, она – разная от эпохи к эпохе, от народа к народу, от мыслителя к мыслителю, но разная именно в качестве философии.

Литература и источники

1. Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
2. Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3 (2) / Платон. – М.: Мысль, 1972.

К НОВОМУ ИДЕАЛУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

А. Н. ДАНИЛОВ

Мир теряет стабильность, устойчивость своего развития, недавние образцы для подражания буквально на глазах теряют былую привлекательность. «Сам идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, когда приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно ее трансформируют» [1].

Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы, где неизбежным компонентом выступает ценностный конфликт. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы. Многие трудности и недостатки видятся в возведении в некий культ фундаментальных принципов организации современной рыночной

экономики, которая напрямую сориентирована исключительно на потребление. Приоритет чаще отдается исключительно выгоде; главенствует прагматизм, экономический и военный потенциал, т. е. сила в современной геополитической игре.

В ситуации поиска будущего очень многое зависит от ответственности политиков и ученых-гуманитариев. Налицо симптомы глубокого мировоззренческого кризиса, что проявляется в недоверии, растерянности, парадоксальности проявления человеческого сознания. В ситуации, когда западные теории оказались бесплодными в объяснении и предвидении развития событий на постсоветском пространстве, следовало бы больше внимания уделять разработкам отечественных ученых. Без новых теоретических идей становится все труднее интерпретировать новый опыт государственного строительства, данные прикладных исследований, адекватно воспринимать и оценивать чужие идеи. Ощущается отсутствие единого, общепринятого научным сообществом методологического подхода к определению современной эпохи.

Относительно социологии происходит зачастую ничем не оправданное расширение предметной области, размываются четкие границы социологической науки, возникает большое число новых парадигм, изначально сконструированных в отрыве от действительности, хотя и предназначенных для понимания и прогнозирования процессов системной трансформации современного социума. Не используются в должной мере возможности междисциплинарного социологического знания, что нередко снижает возможности новых теоретико-методологических обобщений, обедняет полученные результаты для познания действительности, лишь дублирует общеизвестное. В этих условиях набирает силу процесс смены парадигм как закономерности развития науки. Мы подходим к очередной точке бифуркации, к потребности в новой эпистемологической реконструкции концептов и средств научного познания, соответствующей нынешнему состоянию науки и культуры, определенному типу рациональности.

После столь глобальных потрясений, вызвавших гигантские геополитические смещения, новый облик мир обретет нескоро. Трансформационные перемены должны были органически вписаться в новый облик мира, каким он рисуется воображению и прогнозам главных «архитекторов» перемен. Но насколько этот новый, возникающий мир органичен, покажет будущее...

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития. Доклад на XVII Лихачёвских чтениях / В. С. Стёпин; СПбГУП, Санкт-Петербург, май 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/StepinVS_plen_rus_izd.pdf. – Дата доступа: 19.08.2017.

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В. В. ДЕМИРОВ

Глобализация как процесс, развивающийся взрывообразно и с множеством неоднозначных аспектов, имеет корни в экономических реалиях. Производство информации, ставшее основой стратегии корпораций, опирающихся на формирование рынков при помощи информационных инструментов воздействия на потребительское поведение, является наиболее концентрированной частью данного процесса.

Главное требование к философии XXI века заключается в том, чтобы она содержала ответ на вопрос: что обязан делать и кем должен быть человек информационной эпохи, спасающий Землю от глобальных проблем. Основопологающим практическим инструментом, определяющим параметры указанного долженствования, сегодня являются социогуманитарные технологии. Они имеют тесную взаимосвязь с текущими технологическими укладами. Так, передовые промышленные технологии пятого и последующих укладов могут закрепить экономическое превосходство государств, обладающих ими, над другими странами на стратегическую перспективу, растворить в рыночном котле целые цивилизации.

В этом смысле все большую роль играют технологии информационно-психологического воздействия на население в целях формирования приемлемой системы ценностей и мотивации. Ценности потребительского общества оказываются привлекательными и легко усвояемыми для значительной части и современного общества. Так, к примеру, влияние, реализуемое США в отношении других стран, превратилось в технологию, разрабатываемую в том числе с использованием инструментов математического моделирования и адаптируемую «по месту».

В состав социогуманитарных технологий, соответствующих шестому и седьмому укладам, ученые и практики включают технологии «сборки» и «разборки» социальных субъектов. В этой связи одним из важнейших направлений для будущего отечественной философии должна являться разработка технологий защиты и развития гражданской и культурной идентичности, сохранения культурной традиции от смыслообразующих метафизических основ до уровня социализации и жизненного уклада.

К конкретным видам социогуманитарных технологий, которые необходимо изучать и развивать сегодня, относятся технологии формирования субкультур, дискурса, идентичности. Необходимо углубленное изучение Интернет-мемов как явления, получившего распространение в современной информационной культуре, построенной вокруг сетевых методов коммуникации. Возникновение такого рода мемов может внешне показаться спонтанным; однако технически возможна организация целенаправленной экосистемы вброса

и разгона, вплоть до возникновения так называемого «хайпа». Инструментом этого является широкая сеть оплачиваемых сетевых аккаунтов – как анонимных «ботов», так и работающих в формате фулл-тайм «лидеров общественного мнения», «сетевых личностей» и т. п. Использование социальных инстинктов человека в комплекте с современной коммуникационной интернет-средой позволяет из небольшого, но организованного «посева» в среде популярных в целевых категориях аудитории создать серьезную информационную волну.

ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Д. ДЕНИСЕНКО

Анализ современной социально-философской литературы свидетельствует об определенной переориентации представителей научного сообщества – с исследований процесса социализации личности на процесс ее индивидуализации в контексте изучения особенностей ее развития в XXI веке.

Основными особенностями процесса индивидуализации личности предлагают считать (например, Н. Эллиас) прежде всего: повышение уровня индивидуального самоконтроля и саморегуляции; ускорение процесса вертикальной мобильности индивидов; расширение социального пространства деятельности личности и возможностей ее выбора жизненных шансов; усиление тенденции к росту степени ответственности личности за свое положение в обществе (т. е., добровольного «снятия» уровня ответственности с государственных структур или общественных организаций за все ситуации, происходящие с индивидами в их жизненном пространстве в контексте их становления как личностей); усиление процессов осознания индивидом «Я-идентичности» и соответственно ослабления «Мы-идентичности».

В процессе «тройной индивидуализации личности» (в терминологии У. Бека) предлагается выделять три этапа:

попадание личности в амбивалентную ситуацию: с одной стороны, человек практически полностью «освобождается» от обязательств, формируемых определенными общностями, к которым он / она принадлежит в условиях традиционного общества, а с другой – «теряет» конкретные защиту и гарантию в безопасности и развитии, которые ему / ей может обеспечить эта же социальная система;

усиление выше обозначенной тенденции в направлении дальнейшего снижения уровня устойчивости и стабильности общественной жизни и осознание возникновения все большего количества рисков;

формирование у личности новых ориентаций, систем ценностей, жизненных приоритетов. Перечисленные элементы формируются в контексте развития двух встречных тенденций – стандартизации (существование традицион-

ной зависимости индивидуального поведения от стратегий в развитии моды в разных сферах жизнедеятельности общества, рекламы, функционирования средств массовой информации и т. д.) и инновации (воздействие на поведение личности, исчезновение классовой солидарности, отсутствие механизмов, гарантирующих справедливое распределение жизненных шансов, повышение уровня безработицы и т. д.).

Исходя из этого в социуме формируется новая предконфликтная ситуация, основанная на противоречии между механизмами, гарантирующими определенную стабильность в развитии личности, и ситуациями, основанными на распространении непрогнозируемых угроз, опасностей и рисков. Традиционные средства предупреждения возникновения и блокирования развития таких ситуаций в новом социокультурном контексте оказываются неэффективными.

Новым направлением в исследовании процесса индивидуализации личности предлагается рассматривать разработку разных вариантов эффективного механизма управления этими конфликтами (через триаду «наука – политика – социальная практика»).

ПОТЕНЦИАЛ ТЕРАПЕОЛОГИИ В ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ФЕНОМЕНА

П. Ф. ДИК

Этнорелигиозный феномен культуры может быть исследован в контексте определения религии как системы освящения творческого начала, включающей общение-преклонение. Преклонение перед высшим преобразуется в культ при условии веры в реальность прямого общения с духовно-творческим началом. Для религиозно верящих индивида и группы святое – это предельное ощущение достоверности непосредственной связи-превращения с запредельной основой бытия превращения.

Словосочетание «народная религия» имеет несколько взаимосвязанных смыслов. Народная религия, феномен и качество – религиозность, – есть способ бытия религии; вбирая миф и предфилософию, она доминирует в сознании, поведении и организации. Народная религия на уровне этноконфессионального феномена есть признание конкретной конфессии своей, органичной частью мироощущения народа, его культуры, истории. Наконец, народная религия понимается как альтернатива массы группам, являющим качество специализированной религиозности.

В исследовании народной / этнической религии можно выделить идеальные типы: конфессиональный, конфессионально-этнический, этноконфессиональный и этнический, которые выражают действительную и возможную динамику конфессии и этноса. Этническая религия в социуме выполняет функцию

интеграции / дезинтеграции, включая смягчение и / или обострение социально-культурных конфликтов. Подлинное разрешение конфликтов, то есть примирение сторон, видим в развитии идеи и реализации терапеологии.

В нашей концепции терапеология, в ее единстве теории и практики, есть философия целительного, понимаемого как свободное и творческое служение личности во благо человека согласно его высшим идеалам [1]. Человеческий гений формулирует принципы гармоничного образа жизни личности, а также моделирует осуществление идеала в здравом единстве тела, души и духа.

Религия как тип духовности и мировоззрения привязана к религии как социальной организации. Здесь сущностная двойственность – сила и слабость религии. Страстная полемика в религии наносит чувствительные удары высшим ценностям согласного общежития. Духовно исцеляющий потенциал философствования, как в религии, так и вне ее, кроется и в его относительной автономности. Поэтому философствование может быть оптимальным в общем деле духовного самоочищения высших ценностей. Применительно к религии может содействовать переосмыслению интерпретации догматов, что помогает конфессиям сохранять себя и находить точки соприкосновения с другими в деле совместного служения высшим ценностям человечества.

Основу путей гармонизации народно-религиозного феномена видим в духовном творчестве народа, осмысляемом и оформляемом на уровне позиции конфессии посредством жизненно-практического философствования.

Литература и источники

1. Дик, П. Ф. Терапеология как трансдисциплинарное знание / П. Ф. Дик // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 15–16 ноября 2012 г. – Минск, 2013. – С. 26–27.

ДУХОВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ПРОБЛЕМА ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Л. В. ДОВЫДЕНКО

Этические вызовы современного развития общества связаны с вступлением в антагонистические отношения или с игнорированием истории человеческой мысли, литературы, общественных устремлений, истории народов, истории искусства.

Скатывание к вещизму и моральному банкротству не предполагает обращения к духовным поискам человечества, к древнейшим источникам различных культур, свидетельствующих о глубинах человеческой жизни. Техногенное общество равнодушно к «томлению духа», «исканиям выхода», «поискам опоры в Вечном», «духовной жажде», которые могут быть актом волевого усилия.

Выход заключается не только в призыве, но и в служении «вселенскому духу любви»: «Свобода морального развития личности и вместе с тем любовь, объединяющая нас воедино с братьями в великий живой организм... есть смысл жизни и истории человечества» [1]. Эти заветы оказали воздействие на всю духовную традицию русской философии, найдя отклик и в западной мысли.

Не только русский народ стремится к абсолютному добру: «Религия и философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже все мировое бытие влечется сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх и каким соблазнам они поддаются при этом» [2, с. 72].

«Высший цвет человечества» – это святые, которые есть в каждом народе. Они – высший цвет нации, произведшей их, и вместе с тем они наднациональны, они – достижение человечества.

Важнейшие нравственные законы сформулированы в художественной литературе – это всечеловеческая ценность. Духовная глубина произведений литературы предстает во взаимосвязи индивидуального, национального и всеобщего. Именно литература конкретного народа в первую очередь дает представление о его духовной сущности. То, что глубоко национально, является всечеловеческим. Конкретно-индивидуальное и всечеловеческое неразрывно связаны, потому что духовное содержание ищет совершенную форму.

Какова роль духовной культуры в будущем? Немо ли для нас прошлое или есть живая связь? Не может поток течь вперед, если он отрезан от своих истоков, и не может расти ввысь дерево, лишенное корней. Жизнь есть одно органическое нераздельное целое.

Культура развивается и обогащается в диалоге с другими культурами, но, акцентируя внимание на национальных чертах характера, ищет и другой способ постижения мира, связывая его с возрождением своего народа. Перспективы национального развития, проблемы смысла жизни сочетаются с вопросом исторического призвания народа.

Познание духовных ценностей и оснований культуры начинается с усвоения и осмысления культуры «изнутри», через личную судьбу, историческую судьбу своего народа, своих национальных гениев, героев. Будущее и настоящее невозможно без осмысления исторических традиций и особенностей культуры.

Литература и источники

1. Арсеньев, Н. Духовные силы в жизни русского народа / Н. Арсеньев // Библиотека Гумер. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Ars_DuhSil.php. – Дата доступа: 07.09.2017.

2. Лосский, Н. Условия абсолютного добра / Н. Лосский // Электронная библиотека PROFILIB. – 2012–2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/106831/nikolay-losskiy-usloviya-absolyutnogo-dobra-72.php>. – Дата доступа: 07.09.2017.

РОЛЬ ЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

Л. Г. ДЬЯКОНОВА

Этика и эстетика составляют дуальную пару в понятии прекрасного в философии Аристотеля. В традиции античной философии познать прекрасное-космическое возможно, если человек сформировал свои взгляды в возможности восприятия такого прекрасного, когда его этические установки сопрягаются с законами прекрасного-космического. Отсюда и путь к калокагатии не прост, так как требует от человека огромных усилий в процессе контроля своих эмоций и чувств, преодоления превратности своих рассуждений, сформированных в функциональном мире. Осуществляя такую работу, человек приближается к познанию добродетели, которая является подлинно прекрасной. И эстетика, и этика могут являться средством познания человеком самого себя и общества, в котором он живет. Через связь прекрасного и единого в онтологии, через понятия меры и добродетели, которые присущи человеку сами по себе и в то же время являются независимыми от него целями, можно увидеть актуальный и в современном обществе запрос на понимание подлинно прекрасного. Увидеть на пути к прекрасному важность морально-этических представлений, сопрягающихся с законами прекрасного-космического и выражающихся в добродетельных поступках.

Отталкиваясь от различения Аристотелем благого и прекрасного и их определений: благого как действующей силы, прекрасного как чего-то неподвижного, можно интерпретировать термин «калокагатия» посредством представлений самого Аристотеля. Калокагатия, таким образом, представляет синтез добродетельного и прекрасного, выступающих в виде постоянных и неизменных величин прекрасного, и изменчивых и непостоянных величин добродетельного. Обе составляющие представляют собой единую диалектическую пару – они независимы друг от друга, но при этом могут дополнять друг друга. Когда человек находит способ воспроизведения прекрасного в практической деятельности благодаря своим добродетелям и разуму, тогда он и достигает калокагатии.

Эстетическое есть образное отражение действительности, форма которой, по Аристотелю, есть в душе. Эстетика – это философия художественного творчества по Г. Гегелю, о чем он пишет в «Лекциях по эстетике». К этому можно добавить, что этика – это философия мировоззренческого творчества. Развивая мысль от эстетического творчества к творчеству вообще, рассматриваемому как активность человека (гражданская, социальная, профессиональная и политическая), можно сказать, что все эти виды деятельности сопряжены с мировоззренческо-этической установкой, которая работает на добро или зло.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПОНЯТИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ, КОНТЕКСТЫ

М. Б. ЗАВАДСКИЙ

Систематическое разделение философского знания на теоретические и практические науки восходит к Аристотелю. По мысли «отца» современной науки, на вершине теоретических наук находится метафизика как первая философия. Метафизика не имеет практической ценности, потому что знание о предельных основаниях сущего, добываемое ею, самодостаточно. Практические науки вторичны, служат внешним по отношению к ним целям и направлены на постижение человеческой деятельности, явлений социального порядка. Практическая философия включает этику (учение о добродетельной жизни) и политику (учение о наилучшей организации социально-политической жизни). В истории философии эта классификация неоднократно воспроизводилась и уточнялась. Вплоть до сегодняшнего дня разграничение на фундаментальную и практическую философию полностью не утрачивает своего значения, хотя проводить его становится сложнее из-за углубления междисциплинарных связей.

Понятие практической философии употребляется также в контексте, связанном с фундаментальными изменениями и самокритикой, которые претерпела западная философская традиция на современном этапе. Преодоление монизма, субстанциализма, трансцендентализма, универсализма, идеологической ангажированности, «воли к власти» классического типа философствования принципиально меняет представление о самой философии. Понятие практической философии в этой трактовке применяется для уточнения постметафизического состояния современного философского мышления, диагностированного Ю. Хабермасом [1]. Когда философия не ограничивается постижением многообразия форм человеческой деятельности и действия, а рефлексивирует над своими предпосылками и осознает себя как составляющую практики. Некоторые авторы подчеркивают, что речь идет о «внутренней практизации» теоретической сердцевины философского мышления [2, с. 5] и переосмыслении жесткого разделения между теорией и практикой, теоретическим и практическим. С этой перспективы теоретическое знание опосредуется общественными, культурными, экономическими контекстами, а практическая жизнь во всем спектре социальных полей оказывается теоретически «нагруженной». В этой современной версии практическая философия определяется как междисциплинарное направление исследований, которое изучает ценностные основания действия человека в условиях изменяющегося жизненного мира.

Не только трансформация философской рациональности, но и парадигмальные изменения социально-культурного характера вызвали к жизни новые формы бытования философского знания, акцентирующие его практическую полезность. Философия как методически организованная практика мышления

получает систематические импульсы для актуализации в областях конкретного социального опыта, находящегося за пределами научно-образовательных институтов, в которых традиционно культивировалась философская мысль. Практическое устремление современной философии может быть раскрыто на примере философского консультирования, философии для детей и философии в бизнесе.

Литература и источники

1. Habermas, J. Motive nachmetaphysischen Denkens / J. Habermas // Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. – Frankfurt / M., 1988. – S. 35–60.
2. Борисов, Е. Практический поворот в постметафизической философии. Т. 1. / Е. Борисов, И. Инишев, В. Фурс. – Вильнюс, 2008.

ФИЛОСОФИЯ КАК АТРИБУТ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСКРИПЦИИ ОПЫТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. И. ЗЕЛЕНКОВ

Одной из актуальных проблем современной гуманитаристики является широко обсуждаемый вопрос о судьбах философии в изменяющемся мире, о ее самоопределении в современной культуре. Представляется небезынтесным рассмотреть эту проблему, исходя из амбивалентного статуса философии, который она обретает в эпоху постмодерна и радикального переосмысления важнейших целей и ценностей социокультурной динамики. Эту амбивалентность можно проранжировать по меньшей мере в трех основных измерениях.

1. Специфика функциональной природы самого философского сознания, соединяющего в себе две дивергентные интенции. Одна из них предполагает обобщение и интеграцию накопленного человечеством социокультурного опыта, благодаря чему философия всегда претендовала на особую генерализирующую миссию в культуре, являясь ее духовной квинтэссенцией. Вторая интенция проявлялась в установке на критическое, творческое мышление, постоянное переосмысление исторического опыта культуры и продуцирование социальных новаций. Эта интенция наиболее ярко обнаруживала себя в перманентном диалоге философии и науки.

2. Специфика языка философии и историческая динамика системы ее выразительных средств.

3. Третье измерение указанной амбивалентности философии проявляется в наличии двух существенно различных ее ипостасей. Первую можно определить как «философия в публичном пространстве социума». Вторая ипостась философии реализуется, как правило, в структурах академического сообщества и предполагает наличие специальных норм и правил профессионального

поведения, языка, методов и форм мышления и деятельности в соответствующих корпоративных структурах. Здесь особый интерес представляет философия как фундаментальный компонент гуманитарного образования, комплексной системы воспитания и социализации личности.

Во всех этих трех измерениях философия обнаруживала свое нетривиальное влияние на становление традиций и основные направления деятельности Белорусского государственного университета. Это позволило не только создать подлинно классический университет, функционирование и развитие которого в основном соответствовало аутентичному духу отечественной и мировой философии, но и внести свой посильный вклад в ее творческое развитие. Причем в полном соответствии с известной максимой, гласящей, что философия есть эпоха, выраженная в мысли, взлеты и падения философии в истории Белорусского государственного университета всегда были социокультурно обусловлены.

КОНФЛИКТ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЩЕСТВАХ XXI ВЕКА

В. Л. ИНОЗЕМЦЕВ

Современный мир с каждым новым этапом своего развития становится все более сложным для восприятия. Глобализация сделала его настолько взаимосвязанным, что традиционные для эпохи модернити «линейные» причинно-следственные связи уже плохо объясняют мир. Для понимания причин происходящего нужно обращать внимание на множество параллельно развивающихся трендов, не столько изучать «уроки истории», сколько пытаться исследовать то, как события самого разного порядка влияют на развитие общества. Это порождает неизбежный кризис гуманитарного знания, постепенно отказывающегося от «больших концепций» прошлого в пользу новых парадигм, которые для большинства граждан выглядят слишком сложными и не дающими ответов на возникающие на каждом шагу вопросы.

Особенно значимым этот кризис оказывается в условиях, когда большинство стран (по крайней мере ведущих держав, от которых во многом зависит ход истории) обладают демократической формой правления. Демократия в ее современном виде зародилась в условиях, когда только несколько процентов граждан имели право голоса, а всеобщее избирательное право в Америке и Европе стало современником развитых форм индустриального общества – наиболее массового, предсказуемого и рационалистически организованного общества в человеческой истории. Даже не обладая идеальным пониманием происходящего, граждане (объединенные в партии или политические движения) могли делать адекватный и рациональный выбор.

Однако разрушение основ индустриального общества в последние полвека, развитие глобализации и миграционных потоков, крах самых влиятельных

универсалистских идеологий и ренессанс религиозного самосознания, распространение новых интеллектуальных «штампов» и культ «политкорректности» – все эти, а также многие другие факторы обусловили крайний сумбур, в который погрузилось общественное сознание, не способное осознать всю сложность и разносторонность современного мира.

Следует отметить, что параллельно с усложнением общества и неспособностью гуманитарных наук «подтянуть» сознание большинства его членов к решению новых задач стремительно развились социальные технологии, которые сводят все богатство реальной жизни к простым дихотомиям, легко доступным пониманию масс. События начинают объясняться «столкновениями цивилизаций»; религиозными, этническими или национальными противостояниями; все чаще в оборот вводятся «теории заговоров», действия скрытых от глаз большинства сил и т. д. В результате самым значимым трендом становится примитивизация социологического дискурса и распространение в мозгах обычных граждан прямолинейных, но ошибочных схем, призванных объяснить современный мир.

Причиной такой примитивизации является, однако, не только желание правящих элит поставить общества под свой контроль, но и вполне рациональное стремление обеспечить их управляемость в условиях демократической политической системы. Иначе говоря, власти осознанно пытаются «отупить» массы, не ограничивая при этом их политических свобод, так как полное отсутствие ориентиров оказалось бы еще более опасным.

Таким образом, одним из самых грозных вызовов, с которыми сталкивается современное общество, является, на мой взгляд, исчерпанность прежней политической модели. Демократия становится все более опасной по мере того как поддержание ее требует все большей примитивизации картины мира для ее адекватного восприятия большинством (которое, замечу, имеет существенные побочные эффекты типа растущего экстремизма); диктатура оказывается невозможной ввиду неготовности граждан к ограничению собственных свобод (к тому же она не может гарантировать, что к власти придут более достойные люди, чем сегодня – скорее наоборот). Единственным, на мой взгляд, выходом из сложившегося положения может стать своего рода «инверсия» демократии, состоящая в сокращении числа (или категорий) допущенных к принятию решений граждан (вероятно, не на основе гипотетических «меритократических» принципов, а с помощью разного рода имущественных или образовательных цензов).

Сегодня было бы безрассудным рассуждать о том, каким конкретно образом общество может вернуться к системе самоуправления с участием людей, адекватно представляющих закономерности его развития. Однако можно с уверенностью утверждать, что противоречие между углубляющимся гуманитарным знанием и теми социальными технологиями, которые выполняют роль «переводчика» между элитами и массами, в течение жизни нескольких поколений должно найти некие варианты своего разрешения.

ОТНОШЕНИЕ ДУХОВНОГО К ДУШЕВНО-СЕРДЕЧНОМУ

В. И. КАРАВКИН

Духовная жизнь человека имеет известную закономерность – изменчивость. От изобразительной деятельности, фиксированной в наскальных росписях и скульптурных макетах зверя, до текстов священных писаний мы имеем возможность убедиться в достоверности и изначальной изменчивости духовного мира. Дух, согласно М. Шелеру, говорящий «нет» всему жизненно необходимому, с помощью знаков-символов запечатлевает свое постоянно меняющееся «нет», чем наглядно обнаруживает себя и сохраняет. В «Феноменологии духа» Г. Гегель сделал попытку проследить последовательность становления и развития, фиксированных в знаках-символах «образов», «образцов», «форм» («гештальтов») духа. «Гештальты» выстраиваются в ряд, который завершается «снятым» в понятии временем. История духа в контексте гегелевской феноменологии завершается «абсолютным знанием» – философией. Одним из «гештальтов» разума, по Гегелю, является «закон сердца». Это «есть закон самосознания, или сердце, содержащее в себе однако закон» [1, с. 293]. В истории философской мысли до Гегеля понятие «сердца» широко использовалось Б. Паскалем, но в значении, прямо противоположном гегелевскому. Как справедливо отмечает Шелер, в паскалевском *«le Coeur a ses raisons»* («у сердца свои доводы») концентрировать внимание следует на термины «ses» и «raisons» – «свои» и «доводы», к которым рассудок «так же «слеп», как слепой – к цвету, как глухой – к звуку» [2, с. 359].

В отношении культурных артефактов, свидетельствующих о сердечности, лишенной гегелевской разумности, можно указать на древнейшие захоронения, в которых обнаружены цветы. Понятие «сердца» указывает на отношение к Другому, причем если позитивная направленность при этом отсутствует, принято говорить о бессердечии, что согласовывается с самыми широкими представлениями обыденного сознания и в то же время с текстами священных писаний, скажем, Библии, а также с историко-философской традицией. Так, согласно Ильину, сердце является сущностным основанием исконно человеческого, «силой любви», но может «омертветь», и тогда культура превращается в «дурную цивилизацию», которая создает «гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь» [3, с. 296].

Таким образом, под сердечным есть все основания понимать со-страдание. Однако таковое возможно только в том случае, если имеется страдание. Подчеркнем, не боль, не ощущение отчаяния, а заданное самой жизнью позитивное (в отрицательном смысле и значении по отношению к буддизму) напряжение. Его можно обозначить термином «душа». Душевно-сердечное есть сущее бытия человека. Отношение к нему духовного можно представить отношением числителя к знаменателю. Лучший результат: единица. В истории прошлого и настоящего данный результат фиксировать не удастся. Остается не терять надежды.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Академический Проект, 2008.
2. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994.
3. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993.

КУЛЬТУРА ДОВЕРИЯ КАК ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

О. Н. КОЖЕМЯКИНА

Проблематизация доверия, учитывая системные и функциональные изменения в динамике и сложности современного мира, охватывает все сферы общества, стимулируя междисциплинарный научный интерес. Доверие как условие редукции социальной сложности является своеобразным атрибутом современности, что определяет концептуализацию доверия в терминах индикативности социального порядка, стабильности, упорядочения в условиях социальной нестабильности и слабой контролируемости. В целом феномен доверия может быть рассмотрен как в контексте трехуровневых ожиданий (*безопасности, компетентности, намерений*), так и в качестве специфического двойного отношения: *отношения-оценки*, что характеризует позитивно-селективное восприятие надежности социальных акторов, и *отношения-связи*, что отражает стимульно-императивное формирование ответственных взаимодействий на основе определенного набора доверие-производимых добродетелей (честности, компетентности, гражданской активности и т. п.).

Ценностно-нормативная природа доверия определяет силу социальной потребности в распространении неформальных ориентиров социально одобренного поведения, приемлемость и тиражированность которого на макроуровне определяется концептом «культуры доверия» (предложенного П. Штомпой), что отражает процесс не столько количественного, сколько качественного ценностного изменения, учитывая динамику становления постматериалистических ценностей современного мира. В целом культура доверия как переход от защитной к авансированной позиции восприятия Другого (как персонифицированного, так и деперсонифицированного) базируется на расширении локальной практики нормальности и надежности отношений доверия, регулируя систему взаимных проявлений и реализации ожиданий безопасности, компетентности, намерений как функционирования доверия соответственно на системном, институциональном и межличностном уровнях.

Таким образом, культура доверия представляет собой кодификацию в правила успешного опыта социальных взаимодействий, выявляя существенные преимущества самоорганизационной динамики современного общества как способ открытого упорядочивания потенциально неуправляемых сложных взаимодействий в сети разнообразных социальных ожиданий, иллюстрируя

процесс согласования мотивов деятельности с нормативными культурными стандартами. Высокосинергичный потенциал доверия определяется его социально-результативными эффектами – реципрокностью, транспарентностью, эмерджентностью, что и обеспечивает гибкую социальную упорядоченность, экономию социальных издержек, минимизацию рисков и т. п. Свойственные доверию интеграционные эффекты социальной экономики и стимульного сотрудничества способствуют существенной актуализации данного феномена в качестве ценностно-нормативного основания социального капитала, а нормативно-ориентативная концептуализация доверия обуславливает его императивную способность формировать ожидания и регулировать социальные взаимодействия соответственно интересам сообщества и заботы об общем благе.

МУДРОСТЬ КАК ДУХОВНЫЙ СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. А. КОЗЛОВЕЦ, П. Н. ЛИСОВСКИЙ

Процесс современного развития общества, получивший определение переходной эпохи, характеризуется глобализацией, изменением социокультурного пространства, сменой мировоззренческих и смысложизненных ориентаций. В эпохи, когда исчерпывают себя устоявшиеся принципы человеческой жизнедеятельности, особенно актуальным становится духовный капитал мудрости. Провозглашение мудрости важнейшим качеством деятельности людей является необходимым условием стратегии выживания человечества. Поэтому особое значение приобретает исследование феномена мудрости как общества в целом, так и отдельного человека.

Эвристичность понятия мудрость определяется актуальностью проблемы преодоления социальных кризисов, так как последние всегда являются кризисами устойчивых социальных практик и требуют выхода за их пределы благодаря актуализации фундаментальных достижений человеческого опыта. Понятие *мудрость* может быть инструментализовано как способность индивида или общности к социально-креативной деятельности, направленной на преодоление кризисных состояний и наработку новых социальных практик.

Мудрость (греч. – *sophia*, лат. – *sapientia*) – понятие, обозначающее высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия и достигаемое через духовно-жизненный поиск истины субъектом знания [1]. Как духовная конструкция понятие мудрости связано с определенной интеллектуальной деятельностью, с познанием истины. В процессуальном аспекте мудрость выступает как мудрая деятельность субъекта и проявляется на уровне определенных свойств личности (когнитивная гибкость, развитая децентрация, толерантность, способность к эмпатии, уважение к другим людям и т. п., а как онтологический феномен – находит

свое воплощение в деятельности при постановке и решении задач (как жизненных, так и научных) в самом широком из возможных контекстов. Мудрость работает при условии адекватной этому контексту ментальной модели мира субъекта, функционирующей как интеллектуальный и моральный интерпретационный фильтр. Как метакогнитивная характеристика субъекта, создающаяся в течение его жизненного пути и отображающая результаты функционирования интеллекта, мудрость направляет и оптимизирует личностное развитие и способствует успешности человека, предстает основой достойной его жизни. Как одно из свойств разума мудрость отличается способностью целесообразно использовать знания, учитывая конкретную ситуацию, находить способы решения проблем, опираясь на чужой и собственный (жизненный и подсознательный) опыт.

Жизнеспособность современного общества как духовно-ценностный способ осуществления мудрости, понимание смыслов безопасного бытия должно проявляется: в мудрых поисках источников творчески инновационных идей как способа духовной мобильности; в гуманизме как способе жизни и динамического самопознания; в геополитической стратегии мира и согласия, что строится на толерантности, взвешенности, умеренности, на императивах гуманистической нравственности и всечеловеческой солидарности.

Литература и источники

1. Эпштейн, М. Мудрость / М. Эпштейн // Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003.

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Г. И. КОЛЕСНИКОВА

Тайна достижения счастливой жизни волнует человечество давно. И столь же длительную историю имеют попытки ученых выявить объективные показатели счастья. Например, в рамках позитивной психологии были наиболее разработаны три теории счастья:

1. теория удовлетворения потребностей, или теория достижения целей: удовлетворение потребностей приводит к счастью. То есть, счастье – это результат: чтобы стать счастливым, необходимо понять, что нужно, и заполнить эти пустоты;

2. теория активности, теория процесса: вовлечение в активность, которая нравится, делает нас счастливыми. То есть, счастье дает сам процесс, а не результат. Делайте то, что нравится, и будете счастливы;

3. теория врожденной предрасположенности: уровень ощущения счастья является врожденным.

Кроме того, в начале XX века американским психологом Дж. Б. Уотсоном был проведен фактически первый анкетный опрос, выделяющий источники счастья. В начале 40-х годов XX века психолог Э. Л. Торндайк систематизировал факторы, которые, с его точки зрения, приводят к удовлетворенности жизнью: удовлетворение физических потребностей; удовлетворение потребностей в психической и физической активности; удовлетворение социальных потребностей; личные успехи. А в 1973–1974 гг. впервые в предметном указателе основных справочных изданий появились категория «счастье» и категория «субъективное благополучие» – своеобразный заменитель понятия «счастье». Также в истории науки были предприняты попытки создания формулы счастья.

Однако во всех исследованиях акцент фактически делался скорее на социально-биологические составляющие без учета духовно-душевного аспекта. И тем не менее именно гармоническое соединение в личности телесного и душевного создают уникальность человеческого бытия.

Счастье есть состояние гармонии. Гармония же возникает как результат единения субъективного и объективного, где под субъективным мы понимаем систему убеждений и устремлений личности, а под объективным – совокупность условий жизни личности. На наш взгляд, можно выделить четыре базовые составляющие в единстве идеального (внутреннего) и материального (внешнего) как делания, реализации, проявления идеального вовне:

- 1) «почему» / система убеждений: жизнь в соответствии со своими убеждениями;
- 2) «что» / способности: их реализация в профессиональной деятельности, то есть реализация познавательного интереса;
- 3) «где» / место реализации своей жизни, понимаемое как географическо-климатическое пространство;
- 4) «с кем» / общение с теми, кто действительно приятен личности и кому приятна она, с сохранением социально приемлемой дистанции отстраненно вежливого взаимодействия с остальным социальным пространством.

Таким образом, счастье есть гармония триединства: личности с самой собой, себя с миром и мира с собой.

КРИЗИС КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

И. Н. КОЛЯДКО

Проблемы нестабильных, переходных этапов в динамике социокультурного развития современных обществ всегда находились в центре внимания социально-философского анализа. Перманентные культурно-цивилизационные трансформации общества в начале XXI столетия задают новые стратегии и параметры осмысления противоречий социодинамики.

Кризисные периоды характеризуются нарушением устоявшихся *норм и стандартов развития общества*: возрастает интенсивность культурных, социальных и экономических конфликтов, нарушается социокультурное равновесие. В условиях глобализации локальных культурных идентичностей возрастает риск нестабильности и кризиса. Уже непосредственно в самих процессах глобализации, по мнению П. Бергера, заложен *конфликтный потенциал*: во-первых, локальные культуры не успевают адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям, во-вторых, эволюция глобализации обостряет конфликт разнородных по природе систем ценностей и целеполагания. В то же самое время, реализуя свой деструктивный потенциал, кризис, поскольку находится в тесной связи с *культурной традицией*, является управляемым процессом по преобразованию ценностно-нормативной иерархии и системы социальных отношений, конституируя новый социальный порядок.

Феномен кризиса в одном из своих фундаментальных измерений представляет собой процесс делегитимации социального порядка, понимаемого в свою очередь «как ансамбль упорядоченных отношений, конституирующих мир». В современных нестабильных обществах вопрос об основаниях легитимации порядка социального взаимодействия, а также анализ стратегий, выступающих формами его организации и реализации, являются весьма своевременными и актуальными. Определенный порядок социальных взаимодействий связан, как показал М. Вебер, с определенными представлениями о легитимности, ее смысле и, что существенно, с верой в существование легитимности как таковой.

В условиях кризиса, когда происходит деструктурирование системы социальных практик, взаимодействий, осуществляемых субъектами, а также системы социальных, политических культурных и иных представлений, разворачивается «символическая битва за производство и навязывание легитимного видения социального мира» (П. Бурдьё). Изменяющаяся, трансформирующаяся среда, взрыв социокультурной нестабильности делают проблематичным и в принципе препятствуют осознанию обществом самого себя как единого целого, консолидированного вокруг определенной системы мировоззренческих координат.

Кризис характеризуется ростом социальной аномии, когда происходит дивергенция основополагающих представлений и норм, которые обеспечивали устойчивую динамику развития и консолидацию единого пространства социальных взаимодействий. Очевидно, роль власти в переходные, т. е. кризисные, периоды социокультурного развития является фундаментальной, поскольку от ее умения направлять в определенное русло происходящие процессы изменений зависит настоящее и будущее общества, целостность его идентичности.

МЕЖПОКОЛЕННЫЙ ДИАЛОГ КАК РЕСУРС ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

В. О. КОНДРАШОВА

Межпоколенный социализирующий диалог рассматривается как взаимодействие в триаде «ребенок – родитель – прародитель», в результате которого происходит взаимосоциализация, предполагающая формирование общей культуры, взаиморазделяемой структуры ценностей, взаимосогласованных норм и моделей поведения, способов взаимодействия, соответствующих современному социокультурному контексту.

Межпоколенный социализирующий диалог предполагает взаимообогащающее и взаиморазвивающее межпоколенное взаимодействие, направленное на нахождение баланса предшествующего опыта и меняющегося историко-культурного контекста взаимодействия.

Межпоколенный социализирующий диалог предполагает разговор, беседу, совместные действия субъектов межпоколенного взаимодействия, поддержание обоюдного интереса, ненавязывание своего мнения собеседнику, умение не только слушать, но и слышать друг друга.

Понятие межпоколенного социализирующего диалога многоаспектно. В нашем исследовании оно рассматривается в историческом, психологическом, личностном аспектах.

Структура межпоколенного социализирующего диалога состоит в наличии диалогической ситуации; акта восприятия друг друга субъектами межпоколенного взаимодействия и переживания отношения друг к другу; рефлексии акта восприятия друг друга; акта понимания друг друга субъектами межпоколенного взаимодействия; рефлексии понимания друг друга; акта обратной связи субъектов межпоколенного взаимодействия.

Межпоколенный социализирующий диалог характеризуется тремя типами: продуктивный / конструктивный; ситуативный / вариативный; непродуктивный / неконструктивный.

Эмпирическое исследование показывает, что наличие межпоколенных связей дает возможность говорить о взаимодействии поколений, открытости в общении между поколениями, отсутствии социальной отчужденности, экзистенциального одиночества, преодолении проблем в общении, трансляции и передаче семейных ценностей, традиций от поколения к поколению.

Процесс межпоколенного социализирующего диалога в триаде «прародители – родители – ребенок» индивидуализирован, «развернут» во времени. Каждый этап межпоколенного социализирующего диалога может отличаться по психологической насыщенности элементами взаимосимпатии, взаимопонимания, взаимоуважения и т. д. Отсутствие межпоколенного социализирующего диалога ведет к нарушению межпоколенного баланса: затрудняет нормальное

психическое развитие ребенка, полностью разрушает нормы и ценности семьи, отрицательно влияет на воспитание и поведение ребенка.

Таким образом, *межпоколенный социализирующий диалог* можно рассматривать как ресурс для формирования ценностного потенциала личности.

IDEOLOGICAL TRANSGRESSIONS AFTER «THE END OF HISTORY»

VALERIA KORABLYOVA

The events of 1989–1991 in Eastern Europe changed drastically the ideological world landscape moving the latter away from the black-and-white picture of two opposing «camps» symbolically (and physically) divided with the Berlin wall. It discredited a lot of established theoretical approaches while paving way for others. Most importantly, it gave rise to a number of the «end of something» and «*post-X*» claims, thus strengthening both liberal supporters and postmodernist theorists. One of the most influential and widely quoted statements, the Francis Fukuyama's «end of history» based on the «end of ideology» assumption (Fukuyama 1989), celebrated the newly-born, supposedly homogenous world after the victory of «Western liberal democracy»: «What we may be witnessing is not just the end of the Cold war, or the passing of a particular period of postwar history, but the end of history as such: that is, the end point of mankind's ideological evolution and the universalization of Western liberal democracy as the final form of human government» [3]. Daniel Bell goes along the same lines (albeit some 30 years before) by claiming that ideas have exhausted their mobilizing potential, and people seized to dream of a better future, enjoying an infinite prosperous present instead [2, p. 370–372], implying that there are no viable alternatives to the political and economic liberalism.

This denial of futurity turned out to be a nightmare after the financial meltdown of 2008: once the present seized to be satisfactory, people had no utopian visions at hand, hence enacting retrotopias (Zygmunt Bauman), that is re-imagining the past instead. As Ken Jowitt insightfully wrote back in 1991: «the Leninist extinction of 1989 has hurled the entire world into a situation not altogether unlike the one described in the Book of Genesis. Central points of reference and firm, even rigid, boundaries have given way to territorial, ideological, and political confusion and uncertainty» [4, p. 12]. And this world is yet to be described. To this purpose, the language of ideological cleavages fits better that the one of fixed ideological markers and / or ideological spectrum. I would argue that the main ideological cleavage nowadays lies in the attitude to the project of modernity, which splits the political field on the pro-modern / proactive and anti-modern / retroactive forces. However, it may vary in different contexts: thus, the promotion of anti-liberal agenda provokes alliances between the right-wing and the left-wing forces, while stressing the need

for international integration might enforce the left-liberal alliances. Moreover, a lot of hybrid ideologies, like anti-multicultural left and liberal nationalism, emerge. Against this backdrop, different national and regional versions of modernity have to be evaluated, while no particular one having any moral prevalence herewith.

References

1. Bauman, Z. *Retrotopia* / Z. Bauman. – Polity Press, 2017.
2. Bell, D. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties* / D. Bell. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, New York: Free Press, 1960.
3. Fukuyama, F. *End of History?* / F. Fukuyama // *The National Interest*. – 1989. – Summer.
4. Jowitt, K. *After Leninism. The New World Disorder* / K. Jowitt // *Journal of Democracy*. – 1991. – Volume 2. – Number 1. – P. 11–20.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОГО СООБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П. П. КРУСЬ

Создание в 2017 году Белорусского философского общества – безусловно, значимое общественное событие в нашей стране. Тем не менее деятельность этой новой общественной организации еще предстоит наполнить реальным содержанием. Причем содержанием, заметным не только для узкого круга приверженцев философской рефлексии, но и, что особенно важно, положительно отмеченным представителями самых широких слоев современного общества. Разумеется, для этого понадобится много и творчески работать. На некоторые проблемные аспекты данной работы хотелось бы обратить внимание.

Поскольку философское общество – организация общественная, а основной состав ее участников составляют академические и педагогические кадры, то совершенно очевидно, что важнейшей проблемой деятельности данной организации становится преодоление рамок академизма и выход на более широкое поле созидательной социальной работы.

В указанном контексте перед членами общества возникают целый ряд новых для них и достаточно сложных для решения задач. В первую очередь, речь может идти о более решительном и действенном реагировании на злободневные вызовы нынешнего этапа социального и государственного развития. В этом направлении давно лидируют социологи и политологи, и самое время продемонстрировать свою практикоориентированность представителям иных цехов гуманитарного сообщества. Глубокий философский анализ актуальных проблем может и должен быть более широко представлен не только в средствах массовой информации, но и в культуре в целом.

Не менее важной представляется задача популяризации философских идей. К сожалению, несмотря на представленность философских дисциплин

в учебных заведениях нашей страны, богатейший потенциал философского знания обществом, скажем прямо, востребован недостаточно. Наверное, излишним здесь будет упоминание о той огромной роли, которую играет критическое философское мышление при решении сложнейших теоретических и практических задач во всех сферах деятельности современного общества.

Наконец, чрезвычайно актуальной и важной видится роль философии в преодолении многочисленных мифов, искажающих в сознании людей подлинную картину действительности и затрудняющих научное понимание проблем, стоящих перед современным человечеством. Философская культура всегда выступала прочным фундаментом научного и гуманистически ориентированного мировоззрения, – мировоззрения, позволяющего достичь необходимого уровня консолидации общества для реализации грандиозных планов устойчивого прогрессивного развития. Разумеется, реализация этих и других, не названных здесь, задач возможна только при условии активного привлечения в ряды философского общества представителей самых различных направлений общественной и государственной деятельности.

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. Л. КУИШ

Задачей данной работы является составление представлений о ценностях личности, которые лежат в основе ее индивидуальной, социальной и духовной деятельности. Практическим выражением этих ценностей являются, в частности, права человека, нашедшие свое отражение во Всеобщей декларации прав человека, которые определяют основные направления его деятельности (правовое, политическое, социальное, духовно-нравственное и др.) [1].

Права человека имеют свои философско-методологические основания, в которых мы выделим *базовые ценности личности*. Говоря о таких ценностях, лежащих в основе духовно-нравственного мира человека и напрямую связанных с правами человека, большинство авторов в первую очередь называют *достоинство личности* [2–4] и др. Так, В. В. Позняков считает достоинство той главной этико-нравственной категорией, которая лежит в основе формирования ценностей, составляющих сущность прав человека. При этом он опирается на глубокие исторические, анализирует морально-этические, общекультурные, философские его основания, связь этого понятия с категориями прав человека, ответственности. Автор отмечает, что права человека являются гарантом того, что достоинство становится «социально признанной объективной реальностью» [4, с. 112].

Будучи крупным специалистом в области исследований достоинства личности, Л. Ф. Евменов широко представляет традиции исследования этой

проблемы, прежде всего в философском аспекте, и дает о ней собственное развернутое представление. Он рассматривает основные духовно-нравственные категории в трех плоскостях: разума, категорических и нравственных императивов, и при этом указывает, что «...достоинство, права и обязанности человека следует отнести к главным, основным категорическим императивам, а все остальное следовало бы отнести к сопутствующим...» [2, с. 121].

В качестве качеств личности, выступающих в роли основных для формирования представлений о правах человека, И. И. Котляр называет *совесть, честь и достоинство*. «Внутренняя ответственность, сопрягаясь с внешней, образует ту часть духовного бытия, которая подчиняется долгу, действует по велению *совести, чести и достоинства*. Вокруг них вращаются сферы морали, традиций и правового регулирования» [3, с. 139].

Анализируя эти представления о базовых качествах личности, прежде всего отметим, что они должны выступать в *системной* форме. Какие это должны быть категории? Представляется, что наряду с *достоинством личности*, следует, согласно И. И. Котляру, ввести сюда категорию *совести*, так как именно она ближе всего находится и в практическом плане отражает духовно-нравственную составляющую личности. К этим двум категориям следует добавить еще одну, которая напрямую не упоминается авторами, по крайней мере как фундаментальная (Л. Ф. Евменов упоминает категорию «любви», участвующую в формировании духовно-нравственной сферы личности [3]), – это категория *гуманизма*, также имеющая непосредственное отношение к проблеме прав человека.

Таким образом, представляется, что система категорий – *достоинство, совесть и гуманизм*, лежит у основ формирования духовно-нравственной сферы личности и оказывает определяющее влияние на сущность прав человека, определяют его индивидуальную, социальную и духовную деятельность.

Литература и источники

1. Всеобщая декларация прав человека / Принята резолюцией 217 А (III). Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. – Дата доступа: 10.04.2017.
2. Евменов, Л. Ф. Достоинство, права и обязанности – социально-нравственные императивы: опыт современного философского прочтения / Л. Ф. Евменов // *Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Ин-та филос. НАН Беларуси*; сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск, 2016. – С. 118–133.
3. Котляр, И. И. Прав человека и высшая школа: концептуальные основы преподавания, изучения и воспитания: монография / И. И. Котляр. – Минск, 2007.
4. Позняков, В. В. Концепт достоинства личности в контексте прав человека / В. В. Позняков // *Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Ин-та филос. НАН Беларуси*; сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск, 2016. – С. 102–118.

ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

А. С. ЛАПТЁНОК

Понимание добродетели как соблюдения меры предполагает наличие в культуре четкой иерархии моральных ценностей, благодаря которой выстраивается жизненная стратегия личности, реализуемая в постоянном противоборстве добра и зла, порока и добродетели. В некоторой степени в традиционном социуме моральная жизнь человека предопределена конкретной системой ценностей. Его моральность опирается на силу внешнего авторитета, сомнение в котором может привести к отрицанию основополагающих основ культуры. Другой источник моральных противоречий может быть обусловлен внутренним протестом против формальности принятых правил, а в некоторых случаях ханжества самой официальной морали. Еще одним фактором девиаций или того, что можно назвать «недовыполнением» моральных норм, выступает выбор индивидом той жизненной ниши, где он чувствует себя комфортно и просто не видит никакой необходимости в саморазвитии и самосовершенствовании.

В современной культуре такие формы социального контроля теряют свою эффективность. Ускорение темпов развития общества, социальная мобильность, достаточная анонимность среды жизнедеятельности, возможности виртуализации приводят к возрастанию степени автономности личности. Традиционные методы регуляции поведения человека в обществе показывают свою ограниченность. Также меняется соотношение индивидуальной и общественной морали. Происходит определенная атомизация морального пространства, которая ведет к изменению традиционных отношений в системе «индивид – общество», что приводит к идее приоритета личности, ее прав и свобод.

Отсутствие четких паттернов поведения, их множественность приводят к аномии культуры и морали. Понятие нормы размывается. Это, с одной стороны, затрудняет процесс моральной самоидентификации индивида, а с другой – стимулирует поиск моральных ориентиров. При этом выборе подвергается даже то, что ранее обладало статусом безусловности. Если отрицание нормы становится нормой, то отпадает необходимость в самой морали. Однако если исчезает представление о норме, то, соответственно, некорректно говорить и о девиациях, ведь последние как раз и представляют собой отклонение от нормы.

Соответственно, идея добродетели теряет свою четкость и определенность. Однако в современной культуре намечается поворот к тем метафизическим основаниям бытия человека, которые в той или иной степени отвергались. Во-первых, моральная аномия и безудержная толерантность приводит к оправданию практически любых форм поведения, в том числе и откровенно асоциальных. Во-вторых, нынешний цивилизационный разлом стимулирует необходимость обоснования возможных путей развития социума. И здесь альтернативой региональным и иным конфликтам выступает идея нового нравственного мира без насилия.

ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В. А. ЛАТЫШЕВА

Сегодня очевидны темпы индустриально-технического прогресса, который очень быстро охватывает широкие слои населения, входит в повседневные практики, когда его плоды превращаются в обыденность, бесспорно повышая в том числе качество жизни, геополитическую динамику, социальную мобильность.

Вместе с тем актуализируется вопрос в отношении того, насколько эмоциональное, духовное, этическое развитие общества в целом успевают за промышленно-индустриальными, политико-социальными и другими новациями.

Безусловно, одним из индикаторов современности выступают такие категории, как ценности, и непосредственно те из них, которые доминируют в обществе, культивируются либо подвергаются дискуссии в нем, по тем или иным причинам реанимируются им из прошлого.

Внимание привлекает не только рождение каких-либо новых ценностей в обществе, но и процессы, которые происходят с теми из них, которые, казалось бы, имеют природу, устоявшуюся столетиями. Среди них любовь, семья, брак, жизнь, смерть, милосердие. Проистекающие процессы сегодня связаны как с попыткой поиска их нового смысла, так и проверкой на прочность уже устоявшегося наполнения этих «классических» ценностей.

Естественно, происходящее обуславливает многофакторность. Так, с одной стороны, причинность подобной данности можно видеть в возникновении целой «популяции антропогенно-антропологических рисков», когда возникает возможность воочию здесь и сейчас ощутить воздействие на суть природы человека и ее качественную трансформацию. С другой стороны, современность очень часто балансирует на уровне некой катастрофичности не только отдельно взятой личности, но и всего общества в целом, когда определенные процессы, которые зарождаются в отдельно взятом регионе или стране очень быстро имеют свое воздействие на глобальном мировом уровне.

Парадоксально, но при подобных условиях примеры истории теряют свою полноценную значимость и подвергаются полнейшему игнорированию. Сегодня эти тенденции имеют отношение не только к неким средневековым или античным историческим реалиям, а и к горьким примерам, которыми была наполнена совершенно близкая к нам по времени первая половина XX века: революции, мировые войны, а также такие ужасающие феномены, как Холокост, системы концентрационных лагерей, тоталитарные режимы в целом.

Тогда пережитый трагический опыт заставил обратиться к общечеловеческим ценностям, породив необходимость реальности отвечать стремлениям и потребностям всех людей вне зависимости от их взглядов, цвета кожи и иных черт; обратиться к бесконечному разнообразию форм социальной организации, предоставляющих максимальную возможность личного выбора. Сегодня не

следует как забывать цену, которую пришлось заплатить за подобную данность, так и подвергать забвению ее плоды.

Современная система ценностей – это моральная катастрофа, берущая свое начало еще в XX веке, или некий катализатор для нахождения достойного наполнения ценностей завтрашнего дня?

РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

И. И. ЛЕЩИНСКАЯ

Культурно-историческая память как механизм трансляции и актуализации культурных смыслов призвана сформировать у современного человека иммунитет против одичания и тем самым остановить процесс разрушения парадигмы человечности как таковой.

Формирование культурно-исторической памяти невозможно осуществить вне системно организованного образовательного процесса, в контексте которого осуществляется целенаправленное освоение наиболее значимых достижений человечества. В реализации этой задачи с образованием не могут конкурировать ни средства массовой коммуникации, ни интернет. При всей значимости средств массовой коммуникации в жизни современного общества они не могут быть представлены в качестве подлинных медиаторов культурно-исторической памяти.

Образование может быть рассмотрено как субстанциональное и функциональное пространство, в котором возможно существование культурно-исторической памяти. Культурно-историческая память и образование – это два имманентно взаимосвязанных онтологических события в жизни человека и общества, потому что они являются определяющими факторами их становления и развития. В первую очередь это имеет отношение к университетскому образованию, которое традиционно представляло собой содержательное и функциональное триединство, представленное гармоничным сочетанием науки, образования и культуры. Университет как уникальный социокультурный феномен культуры и его богатейшая история могут быть представлены как воплощенная традиция.

Однако классический университет не способен сохранить свою статусную позицию в обществе и выполнять свои статусные функции без философии как академической дисциплины. Философия как квинтэссенция результатов развития человеческого духа выступает в качестве наиболее важной и адекватной формы «образовательного знания».

Развитие философской мысли, представляющее собой более чем двухтысячелетнюю историю напряженного поиска истины в процессе непрерывного интеллектуального диалога, также может быть представлено в качестве своеобразной модели культурно-исторической памяти. История философской

мысли не просто архив усилий и достижений человеческого духа, но и открытое пространство постоянного взаимодействия прошлого и настоящего, где прошлое может выступать в качестве образца или предостережения для настоящего. Философия обладает необходимым интеллектуальным и ценностным арсеналом, позволяющим приостановить распространение «вируса беспамятства» и сохранить культурную идентичность человека.

Философия в тесном союзе с социально-гуманитарным знанием представляют собой субстанциональное основание культурно-исторической памяти и важнейший ресурс ее формирования. Они не только репрезентируют во всем многообразии историческую традицию, но и научают заботе о ней.

ДИАЛОГИЗМ – ЭТО ГУМАНИЗМ?

Д. В. МАЙБОРОДА

В отношении диалогизма напрашивается ряд упреков, не высказанных лишь постольку, поскольку он избег той шоковой популярности среди интеллектуального истеблишмента, которая заставляла дебатировать даже периферийные положения снискавших ее направлений в философии, таких как марксизм или экзистенциализм. Это избегание не случайно, ведь диалогизм принципиально чужд социальному отчуждению идей. Но с этим как раз и связан важнейший упрек, напрашивающийся сегодня. Не является ли диалогизм устаревшей системой идей в современном мире вторичных групп: институционализации и глобализации? И не является ли ложной сегодня и та форма гуманизма, которую представляет диалогизм? Особо важен этот вопрос в связи с тем, что идеи диалогизма в позднесоветской философии казались перспективной гуманизацией марксизма, тогда как в реальности они обманули эти ожидания, тем поспособствовав складыванию ситуации «философского вакуума» в обществе.

В ответ на это можно сказать, что диалогизм – такой гуманизм, который, говоря по-хайдеггеровски, не ставит «человечность» человека слишком высоко и, тем самым, диалогизм если и не является неметафизическим гуманизмом, то лишь в той мере, в какой метафизика вообще необходима для существования человеческого и осуществления философии. Иначе говоря, диалогизм действительно не может стать большой идеологией без потери собственного смысла, а потому и вряд ли способен существенно помочь в стратегических расчетах макросоциального развития или тем более в идейном менеджменте. Зато диалогизм хорошо справляется с последствиями краха больших идеологий и философской самоорганизацией межличностного общения. В мире социальных суперструктур человек склонен теряться, если его существование не поддерживается подлинными взаимодействиями, искусству которых и учит диалогизм.

Сказанное останется просто словами, если не указать конкретнее, как именно в диалогизме понимается человечность, что она оказывается ни ниспровергнутой, ни абсолютизированной как нечто вроде «ереси человекопоклонничества». Ключ к этому – диалогическое понимание Другого. Конечно, Другой тут – не познавательная структура и не аксиологическая инстанция, хоть Другой сущностно определяет познание и ценности. Но Другой – и не просто конкретный человек, открываемый в диалоге. Конкретный Другой раскрывает иным образом не данного абсолютного Другого (как бы он ни понимался – теистически или внетеистически). Конкретного Другого нельзя свести просто к чуждому, поскольку от этого удерживает абсолютное начало человеческого. Конкретного Другого нельзя обожествлять в той мере, в какой его конечность – необходимое свойство его человечности. Это и задает диалогические границы гуманизма, не позволяющие ему ни исчезнуть «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке», ни превратиться в «ересь человекопоклонничества».

ЗАКОНЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Г. А. МАКАРЕВИЧ

Индивидуальное развитие личности, как и всякое другое, имеет закономерный характер. Оно происходит в соответствии с законами, которые вырастают из сферы взаимодействия сущностных (жизненных) сил человека.

Основополагающим законом индивидуального развития является закон самости, суть которого состоит в том, что все, что происходит в человеке и совершается человеком, осуществляется действием его собственных сущностных сил. Внешние условия, социальная среда служат при этом материалом и средствами, за счет которых сущностные силы формируют себя. Получается, что они есть исходный пункт и конечный результат своего собственного развития. Пока условия, среда и человек взаимодействуют, возможно само развитие. Когда они прекращают самосозидание, организм умирает, жизненные силы затихают в нем. Отсюда следует, что источник индивидуального развития находится не вне человека, а в нем самом; все, что входит в человека извне (знания, умения, ценности и т. д.), приобретает форму его сущностных сил, и оптимальный вариант развития личности определяется не абстрактными схемами, а конкретными способностями и свойствами самого человека.

Закон обратного действия. Индивидуальное развитие осуществляется в процессе деятельности, которая имеет прямой и обратный результат. Прямой – предмет или духовный результат, в который включен труд человека, обратный (опосредованный) – приобретение новых знаний, умений, способностей в процессе деятельности. Воздействуя на внешнюю природу, изменяя ее, человек

в то же самое время преобразует собственную природу, развивает, совершенствует свои сущностные силы.

Закон содействия, который характеризует отношения личности и социальной среды, воздействующей на личность. Суть данного закона состоит в том, что внешнее воздействие неоднозначно: оно может помогать или мешать, усиливать или подавлять саморазвитие личности. Благодаря воздействию социальной среды человек адаптируется к обществу, усваивает необходимую информацию и профессиональные умения, превращается в общественное существо. Вне социальной среды формирование личности невозможно, но наряду с позитивным воздействием может быть и негативное.

Не следует преувеличивать роль социальной среды в индивидуальном развитии, так как внешнее воздействие всегда преломляется и перерабатывается во внутреннем, субъективном мире, «самости» человека и именно внутренняя работа приводит к саморазвитию его сущностных сил.

В процессе формирования личности действует также закон поступательного развития, в соответствии с которым всякое развитие совершается на основе предшествующего и оказывает воздействие на последующее.

Все эти законы действуют одновременно и представляют единый ансамбль. Закон самости характеризует саморазвитие личности посредством собственных сущностных сил. Закон обратного действия рассматривает деятельность человека как основание саморазвития. Закон содействия показывает роль социальной среды в формировании личности. Закон поступательного развития выражает целостность процесса индивидуального развития.

В подготовке тезисов использованы материалы, входящие в творческое наследие Григория Семеновича Макаревича (1932–1996).

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБСТАНЦИАЛЬНОГО ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АКСИОЛОГИИ

Д. В. МАЛАХОВ

1. *Постановка проблемы.* Современная аксиология стремится к формированию ответственности человека за действия в отношении мира сущих вещей, его сохранность и пребывания в нем блага. В значительной степени это связывается с необходимостью определения субстанциального основания для трансцендентальной теории гуманитарного знания в целом [1, с. 50] и ценностного действия в частности. Это предполагает определение субстанциального основания единства мышления, воли, действия и сущего, на сохранение и преобразование которого они направлены. Единство акта и предметного содержания представляется нам интенциональной структурой онтологического основания ценностного императива, в котором трансцендентальное и трансцендентное начала приобретают единство.

2. *Сущностно-экзистенциальное (феноменологическое) обоснование субстанциальности ценностного действия.* В наших исследованиях предпринимается комплексное рассмотрение ценностной проблематики, связанной с интенциональным сознанием, онтологической интерпретации интенциональности, историко-философским раскрытием понятий «Бытия», «Блага» и «Логоса», делается попытка установить субстанциальное основание трансцендентального субъекта в контексте метафизического и онтологического понимания единства имманентного и трансцендентного [2; 3]. Также обосновывается идея единства фундаментальной онтологии и метафизики М. Хайдеггера, в которых «Бытие» сопрягается с античной идеей «Блага», а «негативность» органически включается в императивно-ценностный компонент мышления и экзистенции. «Благо» при этом понимается в контексте действия, освобождающего мышление и сущее от не-сущего, или Ничто.

3. *Интенциональная структура «Бытия-действующего-как-Благо».* Истоком негативности признается состояние «нулевой интенциональности», при котором в мышлении возникает структура интенционального подобия Абсолюту: мышление оказывается неспособным своими силами отличить собственные представления от действительности, мыслимое содержание собственных актов от способов явленности сущих вещей как феноменов сознания. Вследствие этого, мир сущего, устанавливаемый мышлением как предмет познания, подвергается тотальному действию Ничто и оказывается в положении претерпевающего от интеллектуальной и практической деятельности человека. В данной «ситуации» Бытие, действуя в своей сущностной, или интенциональной, части – «Логосе» [4], освобождает мышление и мир сущего от власти Ничто [5, с. 350] и, тем самым, предстает как Благо. Указанное трансцендентное и трансцендентальное («имманентно-трансцендентное») отношение выступает субстанциальным основанием ценностного действия в отношении мира сущего. Мышление при этом рассматривается как исток праксиса и не противопоставляется понятию действия.

4. *Мышление как ценностное действие.* Обосновывая Благо как онтологическое требование, мышление действует ценностным образом. Субстанциальность эксплицируется посредством интенциональной, или сущностно-экзистенциальной, структуры сопричастности мышления Благо. Исходя из установленного единства фундаментальной онтологии и метафизики М. Хайдеггера предлагается придать структуре вид «Бытие-Логос / Dasein-Сущее» [6]. В горизонте аксиологического раскрытия указанной формы экзистенции складывается новая ценностно-бытийная парадигма мышления, для которого главным ориентиром становится внимание к онтологической нужде сущего. Таким образом, основание ценностного действия интерпретируется не в качестве внеположной миру субстанции классической метафизики, а в качестве направленно действующей субстанциальной связи, обуславливающей онтологию отношения человеческого мышления, сущего в целом и Бытия, действующего как Благо.

Литература и источники

1. Микешина, Л. А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания / Л. А. Микешина // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 49–67.
2. Малахов, Д. В. Бытие, человек и метафизика господства в герменевтико-феноменологической традиции / Д. В. Малахов // Известия ПГУ (серия «Е»: Гуманитарные науки). – 2014. – № 7. – С. 73–80.
3. Малахов, Д. В. Онтология и аксиология: современность истоков вопроса о «Логосе» у Хайдеггера и Плотина / Д. В. Малахов // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2015. – № 1. – С. 180–188.
4. Heidegger, M. Die ontotheologische Verfassung der Metaphysik / M. Heidegger // Gesamtausgabe. I. Abteilung. Bd. 11. – Identität und Differenz. – Frankfurt am Main, 2006.
5. Хайдеггер, М. Ницета / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник 1995. – М., 1996. – С. 347–353.
6. Малахов, Д. В. К истоку «негативности» в философии Мартина Хайдеггера / Д. В. Малахов // Вопросы философии. – 2016. – № 7. – С. 189–202.

НОВАЯ МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА: ХРАМ НАУКИ ИЛИ КОРПОРАЦИЯ

А. К. МАМЕДОВ

В последнее время в науке все чаще поднимается вопрос о кризисе Университета, системы образования в целом и его цивилизационных последствиях. Совершенно очевидно, что тезис об экзистенциальной ценности университета, его «вековечном» статусе стимулирует интеллектуальные разработки, в коих присутствует определенная тревога за судьбу «Храма науки». Вместе с тем известный социолог Р. Барнет утверждает, что «университет остается выдающимся социальным институтом, у которого есть масса возможностей. Определение и исследование этих возможностей должны вдохновляться удвоенной верой в то, что университет стоит того, чтобы за него бороться» [1, p. 15–16].

В целом, большинство современных авторов (в первую очередь отечественных) считает, что «университет будущего» можно смело назвать «университетом прошлого» в некотором отрицательном смысле, поскольку ведущая тенденция развития нового университета вновь будет направлена на то, чтобы стать центром социального престижа и власти, неравенства, почти монопольным социальным лифтом. Впрочем, этот вектор не исключает и «положительных» последствий, хотя и не столь очевидных. Более того, воображаемые сценарии «университета будущего» в той или иной форме возвращают ему или классическую просветительскую миссию (В. Гумбольдт), или социальную (Х. Ортега-и-Гассет), или современные модификации (И. Иллич). В ряду футуристических концептов представлена идея, когда университет может использоваться в качестве некоего гибкого набора ниш (матриц) для отраслей знаний и индивидуумов [2, p. 28–38]. При описании перспектив

классического института образования ставятся диагнозы самого широкого спектра: от эрозии и девальвации до краха, в том числе есть и апокалиптические прогнозы. Российский социолог В. Вахштайн отмечает: «После Второй мировой войны университеты в Европе перестают рассматриваться как нечто, «автоматически» имеющее право на существование. Университет заново должен отстаивать свою автономию. Больше не работают стандартные модели легитимации университетской самозаконности. И теперь уже самим университетам требуется новая стратегия самообоснования» [3].

Утрату «стандартных моделей легитимации университетской самозаконности» засвидетельствовал Б. Ридингс, который создал некую общую канву современных массовых сетований по поводу перспектив университета в работе «Университет в руинах», подтвердив его (и без этого очевидное) нерадужное состояние [4]. Классическая идея университета как основного института культуры, разработанная представителями европейской мысли эпохи Просвещения и сохранившаяся с определенными модификациями вплоть до середины XX в., не является уже сегодня для университетов легитимным источником самоопределения и самоописания.

Литература и источники

1. Barnett, R. Introduction. Believing in the University / R. Barnett // *The Future University: Ideas and Possibilities* / R. Barnett (ed.). – N. Y.; L.: Routledge, 2012.
2. Rothblatt, Sh. The University of the Future Is the University of Today / Sh. Rothblatt // *The Future University: Ideas and Possibilities* / R. Barnett (ed.). – N. Y.; L.: Routledge, 2012.
3. Вахштайн, В. С. Метафорика университета / В. С. Вахштайн // ПостНаука [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://postnauka.ru/longreads/13096?fb_action_ids=655923601089253&fb_action_types=og.likes&fb_source=timeline_og. – Дата доступа: 10.10.2014.
4. Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс. – М.: ВШЭ, 2010.

ГЕНЕЗИС НРАВСТВЕННОСТИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С. Г. МАСЬКО

Проблема происхождения нравственных норм как регулятора системы социальных отношений все более актуализируется, объясняется это усилением обратной связи влияния трансформирующегося общества на отношения к традиционным моральным нормам в плане их ослабления и даже полного отрицания права на их существование.

Социальная группа и индивид как ее часть на момент появления вида человека разумного руководствовались нормами добра и зла как формами проявления и реализации инстинкта самосохранения во взаимоотношениях с внешним миром. Все, что шло на благо их существования или представляло реальную (потенциальную) угрозу, закреплялось в исторических традициях

и становилось естественным для восприятия и, соответственно, руководства к действию. Этот принцип остается неизменным и в настоящее время.

Социальные группы, организованные в моно- (поли-) этнические государства, как и ранее, продолжают борьбу за ресурсы существования всеми возможными способами. При этом с неизбежностью возникает потребность обоснования нравственности своих действий, как для граждан своей страны, так и для международного сообщества. Поскольку ресурсы планеты сокращаются, а количество населения увеличивается, становится все труднее объяснить «правильность» реально существующего несправедливого распределения благ. Концепция «глобализации» не сработала. Как следствие, неизбежно возникает система «двойных стандартов», которая проявляется в различных формах. В Европе, как одном из центров развития мировой цивилизации, отрицание традиционных моральных норм проявилось в закреплении права на однополые браки и полиамории. Одновременно с дезориентацией населения в поиске нравственной опоры определения индивидуальных целей бытия несомненно потенциальная угроза сокращения численности населения при одновременной переориентации на мусульманскую парадигму развития.

В международном аспекте размывание традиционных моральных норм ведет к усилению позиций тех, кто настаивает на «праве сильного» в ущерб равенству всех.

Таким образом, мы видим усиление политико-экономического компонента социальной действительности за счет ослабления моральной.

Литература и источники

1. Артюхова, И. Ценности – цели подрастающего поколения: на первом месте – здоровье, а творчество на последнем / И. Артюхова // Директор школы. – 2001. – № 10. – С. 84–87.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М., 1991.
3. Гаврилюк, В. В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 96–105.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

А. П. МЕЛЬНИКОВ

Постмодернизм как завершение модернизма возник во второй половине XX в. как интеллектуальное течение, призванное осмыслить в основном культурологические проблемы, и вначале ассоциировался по преимуществу с архитектурными экспериментами. Позже он получил более широкое толкование, распространившись на все сферы общественной жизни. Ныне под постмодерном понимаются социокультурные изменения, происходящие в процессе трансформации индустриального общества в постиндустриальное.

Постмодернистское сознание направлено на отрицание всякого рода норм и традиций – этических, эстетических, методологических и других, на отказ от авторитетов любого уровня, начиная от государства, национальной идеи, моральных ценностей и кончая правилами поведения человека в обществе.

Если индустриальное общество в качестве главной цели видело физическое выживание человека, а именно максимальное производство и накопление материальных благ, то постмодерн ставит на повестку дня вопрос о качестве жизни и социальном комфорте, смещает акценты на потребительское поведение. Иначе говоря, ценности выживания замещаются ценностями самовыражения, что приводит ко все большей эмансипации людей от власти, снижаются потребность в сильных лидерах и даже доверие к церкви [1, с. 49–58]. Как отмечает А. Г. Дугин, «Постмодерн – это глобализм, ультралиберализм, доминанция однополярного мира, главенство сетей, отмена всех традиционных форм идентичности – государства, религий, этносов, даже семей и полов. Вместо государства приходит «открытое общество», вместо традиционных конфессий – сектантство и индифферентность, вместо народов – индивидуумы, вместо полов – клоны, киборги и продукты трансгенных операций» [2, с. 67].

Отличительной особенностью образа жизни общества постмодерна является информатизация как повсеместное внедрение комплекса мер, направленных на обеспечение полного и своевременного использования информации во всех социально значимых видах человеческой деятельности.

Таким образом, под понятием «постмодерн» подразумевается новая экзистенциальная ситуация в человеческом сообществе и ее отражение не только в науке, искусстве, типе ментальности и культуры, но и в сфере экономических и социальных отношений, способах решения моральных и политических проблем, в образе жизни в целом.

Литература и источники

1. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М., 2011.
2. Дугин, А. Г. Геополитика Постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики века / А. Г. Дугин. – СПб., 2007.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОВЕСТИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Е. Ю. МИКК

Несомненно, что как в историческом, так и в современном звучании проблема свободы религии остается актуальной, поскольку в демократических системах религия может выполнять социальные функции, удовлетворять религиозные потребности граждан. Следовательно, свобода религии может реализоваться как демократический принцип лишь в рамках таких правовых категорий, как «свобода совести».

На необходимость специального изучения данной проблемы указывают и политологи, и религиоведы, такие как З. Бжезинский, А. Зиновьев, Д. Белл, Г. Коке, Г. Оллпорт, Д. Поллак, Н. Л. Готье, С. Рамет, Г. Робберс и другие.

Однако требует дальнейшего изучения и философского обобщения вопрос соотношения категории свободы совести с широкой сферой духовного, нравственного бытия человека, в которой он свободно самоопределяется и самоактуализируется.

Целью исследования является выяснение роли свободы религии и свободы совести в современном мире именно в их глобальном измерении в конкретных проявлениях в том или ином государстве.

В современной науке существует несколько подходов к пониманию сущности феномена свободы совести в контексте ее философского осмысления – этикоцентрический, религиозноцентрический и нормоцентрический. В этическом аспекте свободу совести определяют как способность человека сознательно формировать и реализовывать в своем поведении собственное понимание моральной необходимости. В основе религиозноцентрического понимания феномена свободы совести лежит отношение человека к религии – возможность быть или не быть религиозным. Нормоцентрический подход основывается на нормативном определении свободы совести, то есть предполагает обеспечение соответствующих прав личности в сфере мировоззренческих убеждений.

Вместе с тем представляется возможным установить сущностное ядро рассматриваемого понятия, которым является отношение «человек – предельные, смысложизненные принципы его бытия». Исходя из этого, свободу совести можно определить как философскую категорию, отражающую способность человека самостоятельно формировать представления о мире, смысле и цели своей жизни, добре и зле, справедливости, других абсолютных смыслах, т. е. способность иметь собственную систему мировоззренческих принципов, ценностей, идеалов, верований и возможность действовать в соответствии с ними.

В этом аспекте свобода религии является свободой выбора определенного вероисповедания, а также возможностью свободной религиозной самореализации верующей личности в координатах своего выбора, индивидуально или вместе с другими.

Таким образом, философская категория свободы совести проявляется в единстве внутреннего и внешнего аспектов, первый из которых характеризует сложный процесс самоопределения личности в пространстве мировоззренческих парадигм, второй – ее проявление в процессе творческой самореализации личности.

ЦЕННОСТИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

И. Ю. НИКИТИНА

Знаменитая формула К. Маркса «общественное бытие определяет общественное сознание» отнюдь не означает отсутствие обратного влияния общественного сознания на социальную динамику. Как свидетельствует история, ценности различных социальных групп оказывают весьма существенное влияние на процесс общественного развития, ускоряя либо тормозя его. Таким образом, обоснованная стратегия общественного развития обязательно должна опираться на знание основных ценностных ориентаций населения. Согласно ряду исследований, для граждан развитых стран все большее значение приобретают ценности самовыражения – участие в принятии политических решений и членство в различных структурах гражданского общества, демократия, равноправие мужчин и женщин не только в возможностях построения профессиональной карьеры, но и в личной жизни. Для обществ эпохи постиндустриализма характерен рост доверия и терпимости как на микро-, так и на макроуровне: доверия к различным правительственным и общественным организациям – государству, милиции, армии, церкви. Материальный достаток утрачивает значение первостепенной ценности, но отнюдь не потому, что его наличие несущественно, а потому, что оно считается само собой разумеющимся [1]. Если принять гипотезу о том, что данные тенденции характеризуют практически все без исключения страны со стабильно развитой экономикой, то логично предположить, что, зная иерархию ценностных ориентаций населения, можно оценить потенциальные ресурсы общественной динамики. И, повышая уровень доверия населения к государственным структурам и общественным организациям, можно существенно увеличить данный потенциал.

В контексте такой необходимости встают две основных проблемы: первая из них связана с теми методами, посредством которых можно повысить доверие населения к правительственным и общественным организациям, вторая – с организацией мониторинга общественного мнения об отношении к различным структурам и изучения ценностных ориентаций населения Беларуси. Что касается первой проблемы, то она находится в компетенции специалистов в области государственного управления. Вторая же связана в том числе с деятельностью специалистов-обществоведов, занимающихся как научно-исследовательской, так и преподавательской деятельностью. Казалось бы, Беларусь вполне успешно интегрирована в пространство исследования «Всемирные обзоры ценностей» начиная с конца 80-х – начала 90-х годов XX в. Однако представляется, что, с одной стороны, результаты таких сравнительных исследований не используются в полной мере как теоретическая основа для принятия

государственных решений. С другой стороны, несмотря на важность сохранения преемственности основного инструментария исследования, следует заметить, что в XXI веке анкета должна быть дополнена многими важными вопросами, отражающими новые реалии глобального мира.

Литература и источники

1. Инглхарт, Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6–32.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ – ОСНОВА ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ

А. Т. ПАВЛОВА

В социально-философской литературе последних лет как самостоятельное понятие наряду с физическим и психическим здоровьем выделяют термин «социальное здоровье». Достаточно близким по значению к нему является термин «психическое здоровье», понимаемый как состояние психической сферы, основу которого составляет состояние общего душевного комфорта, обеспечивающее адекватную поведенческую реакцию. «Нравственное здоровье» – это комплекс характеристик мотивационной и потребностно-информативной сферы жизнедеятельности, основу которого определяет система ценностей, установок и мотивов поведения индивида в обществе. В общих чертах понятие социального здоровья связывают со здоровьем общества, здоровьем населения.

Маркерами социального здоровья личности мы называем ключевые показатели социальной стабильности. Перечислим их в порядке возрастания степени важности в личностном аспекте: адаптированность к социальной среде, проявляющаяся в развитом чувстве собственного достоинства и в готовности решать социально значимые проблемы; социальная активность, проявляющаяся в умении решать социально значимые проблемы и в умении привлечь для этого других людей; проявление креативной, творческой компоненты личности в решении социальных проблем; готовность к саморазвитию, проявляющаяся в способности познать самого себя как личность и в готовности изменить себя.

Исходя из концепции духовно-нравственного развития духовно здоровые личности занимаются самопознанием, изучают возможности самореализации и самосовершенствования. В 60-е годы XX века психологами была предложена концепция «позитивного психического здоровья». В центре этой концепции поставлен анализ здорового развития личности как позитивного процесса, содержательно описываемого через понятия самореализации, полноценного человеческого функционирования.

Значимым является социальный компонент здоровья, который можно рассматривать как состояние благополучия, удовлетворенности социальными отношениями, принятие и выполнение социальных норм общества, желание творчески созидать социум. Ценностные ориентации оказывают влияние на убеждения человека, его мировоззрение, самооценку. В поведении человека, в его отношениях с другими людьми на первый план всегда выходят его наиболее существенные, устойчивые черты характера. Но один и тот же человек в разных жизненных ситуациях проявляет себя по-разному. Социальное здоровье личности совместно с культурой общения предполагают умение активизировать в человеке положительные, добрые качества и приглушать отрицательные черты.

Сравнивая показатели психически здорового и социально здорового человека, отметим, что для психически здоровой личности неприемлемы идеи заброшенности, одиночества, пессимистические настроения. Всемирная организация здравоохранения рассматривает психическое здоровье как состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой потенциал, справиться с жизненными стрессами, продуктивно работать и вносить вклад в жизнь своего сообщества. Содержание этого понятия не исчерпывается медицинскими и психологическими критериями, в нем всегда отражены общественные и групповые нормы. Но социально здоровая личность обладает, по нашему мнению, достаточным запасом сил, позволяющих ему поддерживать духовную бодрость и придерживаться оптимистических общественных идеалов. Человек здоровый психически и социально адаптированный – это воспитанный человек, не совершающий действий, противоречащих принятым в обществе нормам поведения.

Таким образом, среди критериев психического здоровья личности следует выделить такие составляющие, как духовность, ориентация на саморазвитие, обогащение своей личности. Социальное здоровье находит отражение в следующих характеристиках: интерес к окружающему миру, адекватное восприятие социальной действительности, направленность на общественно полезное дело, ответственность перед другими, бескорыстие, демократизм в поведении.

МОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СОЦИУМА

О. А. ПАВЛОВСКАЯ

Во всемирной истории проявление духовно-нравственного потенциала личности в качестве движущей социальной силы следует расценивать как закономерное явление, но вопрос заключается в том, в какой мере и каким способом сам человек как субъект истории это понимает, принимает, осознает и использует, во благо или во зло обращает свои духовные силы. С этой точки зрения нельзя обойти стороной проблему конкретно-исторического развития

культурно-цивилизационных процессов, являющихся базовыми для духовного развития индивида.

Мораль (нравственность) как способ регуляции поведения людей присутствует уже в самых ранних формах социальности и государственности. Эволюционным путем, медленно, но неуклонно происходил процесс накопления духовно-нравственных сил людей, подспудно проявляемых в различных видах деятельности, скрытых под оболочкой ментальных структур, латентно присутствующих в комплексе общественных отношений. Во всемирной истории моральный фактор как определенная революционная сила, способная кардинально влиять на жизнь общества, изменять и направлять ход его развития, открыто заявил о себе в переломные исторические эпохи. И стало это возможным прежде всего благодаря раскрытию, реализации и совершенствованию личностного уровня в структурно-функциональной природе морального фактора.

На наш взгляд, в контексте вопроса о роли личности, ее духовно-нравственного потенциала в истории, можно условно выделить:

1. *эпоху духовно-нравственных революций*, которая явилась важнейшим рубежом в культурно-цивилизационном развитии человечества, когда миру была открыта ценность личностной природы человека, указаны пути ее нравственного совершенствования. Начавшись в глубокой древности, это революционное движение человеческого духа продолжается в настоящее время, его мощный творческий заряд направлен и в будущее;

2. *эпоху социально-мировоззренческих революций*, в ходе которой личностное начало в человеке не только отчетливо проявилось и продолжает в настоящее время проявляться в массовом сознании, различных структурах общественного бытия, но и открыто продемонстрировало и продолжает демонстрировать свою практическую силу в ходе кардинальных социально-культурных трансформаций (политических, научно-технических, индустриальных революций, народных восстаний, государственных переворотов, национально-освободительного движения и т. д.);

3. *эпоху информационно-гуманистической революции*, приближение которой все более и более ощущается сегодня с вступлением современного общества на путь постиндустриального развития. Определяя перспективы социального развития в контексте происходящих в настоящее время глобальных информационно-коммуникативных и научно-технологических процессов, и человеком и обществом в настоящее время уже отчетливо осознается роль духовно-нравственных ценностей как основы человеческого бытия, но, что особенно важно, все более возрастает и понимание того, что, только выступая вместе, в единении, в консолидации, в солидарности, люди могут стать той реальной духовной силой, которая позволит значительно продвинуться человеческому сообществу в своем культурно-цивилизационном развитии, целенаправленно и творчески реализовать на практике потенциал гуманистических ценностей.

ФИЛОСОФИЯ КАК ЭКСПЕРТИЗА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

М. А. ПРОНИН

Философия как экспертиза (термин Б. Г. Юдина), идея которой изложена в развернутой дискуссии Б. Г. Юдина и М. А. Пронина в цикле философских бесед «Реплики» Института философии РАН (по итогам последней подготовлена одноименная публикация «Философском журнале» [1]), может быть применена к проблемному полю «редактирование сознания».

Основные идеи такой экспертизы базируются на комплексном, междисциплинарном подходе, разрабатывавшемся в Институте человека РАН (1991–2004) не только на уровне программ исследований – полидисциплинарности – и не столько на уровне интеграции знаний внутрь дисциплины из смежных дисциплинарных областей – комплексности, – сколько на парадигматическом уровне. Речь идет не о «горизонтальной» интеграции научного знания вокруг научной или народохозяйственной проблемы, а об интеграции «вертикальной», что выходит далеко за рамки философии научного и философского мейнстрима.

Вертикальная интеграция комплексностей и междисциплинарностей начинается с мировоззрения исследователей, с философии дисциплин, которые они представляют, далее пронизывает организованности научных исследований, как технологических цепочек переделов производства / приращения нового знания, и завершается в новых продуктах, внедренных в практику жизни. Последняя силой новых продуктов в конечном итоге претерпевает коренные преобразования в виде развития, раскрытия, защиты человека, человеческого потенциала и человеческих будущностей. Однако в пределе инновация задевает, ставит под вопрос существования саму природу человека – достаточно для примера назвать клонирование человека и технологии его модификации. В общем виде они могут быть названы как «редактирование человека», поэтому вполне логичны постановки таких проблем, как «редактирование солдата» (М. А. Пронин, 2017) и «редактирование сознания».

Сознание – функция, продукт целостного организма, а не только и не столько головного мозга. Как сознание – «вершина айсберга» физического и социального организмов, – так и физический человек – «вершина айсберга» человека как такового.

Поэтому комплекс поли- и междисциплинарных научных областей, что вовлекаются в проблематику / задачи редактирования сознания, требует экспертизы их парадигмальных структур, этических установок, теоретических парадигматических конструкторов (эпистем), законов (антропологических констант) и пр. с целью разработки и формирования адекватной гуманитарной оболочки технологических инноваций и управления гуманитарными рисками в данной области.

Литература и источники

1. Философия как экспертиза / участники: М. А. Пронин, Б. Г. Юдин; вед. Ю. В. Синеокая // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. № 2. – С. 79–96.

ИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ «ВОПРОСОВ ФИЛОСОФИИ»

Б. И. ПРУЖИНИН

Научные журналы родились из переписки ученых, в которой они, помимо прочих дел и тем, делились друг с другом научными результатами. Они всегда были и остаются сферой общения специалистов. Это принципиально важно для положительной науки, но это трижды важно для философии.

Философия есть сфера непрерывного диалога, сфера живой интеграции непрерывно дифференцирующихся идей. Это поле, где объединяются разные подходы, взгляды, где в ходе общения рационализируются разные мироощущения. Как только философская концепция начинает претендовать на монолог, она перестает быть философией, она, в лучшем случае, трансформируется в идеологию.

Профессиональное общение, диалог, беседа, разговор и есть интегрирующий аспект философии. На этом основывается интегрирующая культурная функция философии. Это хорошо видно по историко-философскому прослеживанию процессов формирования философского знания. Философские концепции зарождаются в рефлексии над конкретным, национально оформленным опытом, но устремлены всегда к общезначимости, к общечеловеческому. Они вырастают, опираясь на национальный язык, но устремлены они всегда к пониманию человека как такового. Поэтому философия всегда консолидирует, объединяет. Она сохраняет общение даже в самых конфликтных ситуациях. И это очень ярко проявляется в деятельности философских журналов как площадок для общения.

ВФ возник 70 лет назад, в советское время с особой задачей, которую можно бы сформулировать как разработку особого рода мировоззренческой тематики, отличной от тематики партийных марксистских журналов. Эта установка воплотилась в философском названии журнала (по воспоминаниям Б. М. Кедрова название определилось в его беседе с Ю. Ждановым; я пытаюсь уточнить это, опираясь на документы). Но так или иначе, интегрирующая функция всегда присутствовала в работе журнала. Она реализовывалась в публикациях переводов, в дискуссиях, в рецензировании работ отечественных и зарубежных авторов. Даже в критике буржуазной философии был элемент диалога. Не случайно одним из моментов критики журнала со стороны идеологических органов было требование: «не предоставлять трибуну».

В Редколлегии журнала всегда были представители философских сообществ разных регионов, но особую значимость это приобрело после распада СССР. Журнал расширил представительство философов постсоветского пространства (ближнего и дальнего зарубежья) в Редакционном совете, видя свою задачу в том, чтобы сохранить это пространство общения. И сегодня в Редсовете

журнала работают ведущие ученые и философы – Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Украины, а также дальнего зарубежья – Великобритании, Германии, Италии, Канады, Китая. Это способствует выполнению журналом своих культурных интегративных функций, а стало быть, сохранению своего статуса философского журнала в мировом философском сообществе. Этому сообществу журнал представляет профессиональные работы, в том числе и белорусских философов.

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЬЮНКТУРА И СТАТУС ФИЛОСОФИИ В ОБЩЕСТВЕ

Н. Н. РЫБКА

Специфика философии такова, что ее статус всегда соотносится с политико-идеологической конъюнктурой. История философии множество раз доказывает данный факт: положение философа в обществе, отношение к нему властей зависит от лояльности / или же нелояльности к действующей идеологии. Безусловно, такая ситуация для философского сообщества весьма болезненна.

Опыт трансформации украинского образования последних лет может быть яркой иллюстрацией влияния политико-идеологической обстановки на статус философии, философских сообществ и философа в обществе. Дело в том, что в украинских университетах и вузах исключительный статус сохранялся благодаря традициям советского образования, в котором философские кафедры, как формирующие идеологию советского человека, имели первостепенное значение.

Однако с изменением политико-идеологической обстановки в Украине последних лет был принят ряд законов, которые в корне изменили статус философии. Идеология коммерциализации, маркетизации, иллюзия свободного духовного творчества, обусловленная диктатурой транснационального капитала, создает ситуацию, когда государство снимает с себя социальные и культурные обязательства, при этом разрушаются традиционные общественные институты (напр. университет, система образования вообще).

Так, новый Закон Украины «О высшем образовании» (2014) содержал в себе так называемое «наступление на философию»: лишение философии статуса обязательной дисциплины в вузах. Это имело огромный резонанс в философском сообществе и в обществе в целом. В результате обсуждений было признано, что решение это – ошибка в области реформирования системы образования и в государственной политике, и приняты дополнительные решения, в результате которых частично сохраняются нормы обязательности преподавания философии.

Но ситуация все же остается напряженной (руководители непрофильных вузов повсеместно урезают часы, отводимые на изучение философии и философских дисциплин, сокращая кафедры философии). То есть происходит

непосредственное наступление на профессиональное философское сообщество, а также опосредованное – на уровне практической деятельности, поскольку будущие профессионалы во все меньшей степени будут ознакомлены с философской проблематикой, ее принципами, возможностями, методами, задачами.

В полной мере осознавая свое предназначение и роль в обществе, с целью обеспечения полноценной реализации своих задач, мировое философское сообщество должно поставить перед собой глобальную цель – найти пути эмансипации мирового философского сообщества от политико-идеологической конъюнктуры и государственных структур, создать действенные механизмы сохранения независимости философских сообществ.

НЕОАКСИОЛОГИЯ: СФЕРА ЦЕННОСТЕЙ И ОЦЕНОК

В. А. САЛЕЕВ

Аксиология как философское учение возникла в 60–70-х годах XIX века благодаря работам Р. Г. Лотце. Отец аксиологии представлял ее как философское учение о ценностях. Это классическая трактовка данной области философского знания. Доктрина Р. Г. Лотце в центр аксиологии ставила ценностное отношение. Такую же позицию занял в середине XX века один из пионеров советской аксиологической школы В. Тугаринов, сделавший акцент на объективном характере как самих явлений, так и их свойств, равнозначимых в разряд ценностей. В аксиологической доктрине М. С. Кагана отношение между объектом как носителем ценности и оценивающим субъектом также строится на ценности и заканчивается оценкой. Однако начиная со второй половины XX века существовала и иная точка зрения на отношение между ценностью и оценкой. В постулатах представителей тбилисской школы, например В. М. Квачахия, ценность рассматривалась как результат оценочного процесса, представляла собой социально сложившиеся «общественные формы оценки и удовлетворения».

В 70-х годах XX века мы предприняли попытку дифференцировать ценностное и оценочное отношения. Так, при их определенной близости они сохраняют и известное различие, а оценочное отношение может обладать относительной автономностью, поскольку не всегда является откликом на ценность и исходит из внутренней мотивации субъекта. В 90-е годы XX века мы, развивая эти идеи, постулировали более объемное понимание термина «аксиология». В новом, «неоаксиологическом» смысле этот термин включает в себя не только теоретико-ценностный, но и практико-ориентированный оценочный подходы. Сегодня, после утверждения концепции неоаксиологии на ряде международных философско-эстетических форумов, выкристаллизовывается сущность методологии неоаксиологического подхода. Если в классическом подходе аксиологическая ситуация строится на ценностном отношении

человека, а оценка является ответом на ценность, то в неоксиологическом построении ценность и оценка присутствуют в равном тождестве, наличествует переплетение ценностно-оценочных связей. Именно эти связи наполняют аксиологическое поле, полюсами которого являются объектные структуры в качестве носителей ценности и человек как носитель оценки. Аксиосфера в зеркале неоксиологии принципиально отличается от классического аксиологического построения: в ней значительную роль играет «аксиологическое притяжение», которое определяет доминантную роль либо объектно-ценностного, либо субъектно-оценивающего начал. Культура, представляя мир ценностей и оценок, обуславливает высшие смыслы человеческого бытия и выступает в качестве центрального объекта неоксиологического анализа. Сквозь призму неоксиологии нам представляется возможным выявить ценностную значимость различных сфер культуры и их адекватную оценку в творчестве человека.

ПРОЕКТ МНОГОЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МИРА КАК ОСНОВАНИЕ ИДЕИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕГОДНЯ

А. В. СМИРНОВ

Основным противоречием современной эпохи, часто именуемой эпохой глобализации, служит противоречие между утверждением об общечеловеческом характере цивилизационной модели, выработанной одной, локальной (европейско-американской) культурой, и множественностью векторов культурного развития, представленных историей и настоящим других локальных культур (арабо-мусульманской, индийской, китайской, российской и т. д.), выдвинувших собственные цивилизационные проекты. Поэтому современную эпоху было бы точнее назвать эпохой борьбы за глобальное продвижение одного цивилизационного проекта.

Текущий момент современной эпохи характеризуется как закат однополярного мира, в котором роль гегемона в финансово-экономическом и военном плане играли США как ведущая держава Запада, и переход к многополярному миру. Утрата абсолютной гегемонии США и Запада в целом начинает проявляться и в финансовой (резервные валюты, иные, чем доллар), и в политико-экономической (союзы, не включающие страны Запада – БРИКС, ЕврАзЭС и др.), и в геополитической области (Россия и сирийский кризис, в целом Ближний Восток, крымский вопрос, позиция Китая и др.). Этот процесс далек не только от своего завершения, но даже от того, чтобы говорить о какой-то его стойкой инерции. Тем не менее данный вектор и его постепенное усиление налицо.

Основным противоречием текущего момента в этой связи становится противоречие между декларируемым проектом многополярного мира, в основе которого лежит вектор соответствующего движения в финансовой, экономи-

ческой, политической, геополитической и военной областях, и совершенным отсутствием проекта многоцивилизационного мира; даже, я бы сказал, отсутствием осознания его необходимости.

Это – противоречие потому, что многополярный мир возможен как устойчивый только в качестве многоцивилизационного. Если верно утверждение сторонников продвигаемого ныне глобализационного проекта о том, что выработанное западной культурой цивилизационное устройство является безальтернативным (демократия и свободный рынок как политико-экономическое лицо этого устройства), то идея многополярности теряет свою объективную обоснованность, превращаясь в не более чем выражение локальных амбиций сомнительного толка. Что идеологическое и пропагандистское обеспечение глобализационного проекта именно так трактует на практике самостоятельные устремления, ставящие под сомнение безальтернативность этого проекта, доказывать не приходится («странами-изгоями», «империей зла» объявляются именно и только те, кто своим существованием ставит под сомнение неизбежность абсолютной глобализации: Россия, Иран, КНДР и т. д. – список открыт). Точно так же не приходится доказывать, что внедрение «демократических стандартов» обернулось национальной катастрофой и утратой государственности в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, Йемене, Судане (список открыт), не говоря уже о разгуле беззакония, архаизации, многомиллионных человеческих жертвах и страданиях. Внедрение «свободного рынка» узаконило глобальную модель экономической эксплуатации периферии в пользу центра, когда весь мир вынужден обслуживать национальный долг США, относительный размер которого для любой другой страны означал бы дефолт («Доллар – наша национальная валюта, но это ваша проблема» – Дж. Коннелли, министр финансов США, 1971.).

Разработка проекта многоцивилизационного мира – многоуровневая работа, в которой следует различать как минимум теоретическую и идеологическую составляющие. Эта работа по сути еще не началась. Беззубые проекты типа «диалог цивилизаций», «альянс цивилизаций» могут рассматриваться исключительно как паллиативы в текущей политической конъюнктуре, нацеленные на частичное обуздание чьих-то претензий на гегемонию, но не как реальная разработка теории и идеологии многоцивилизационного мира. Такого рода проекты лишены главного – теоретического обоснования необходимости много-, а не моноцивилизационного устройства.

Таким теоретическим обоснованием может выступать только положение о логике культуры и ее определяющей роли в формировании цивилизационного проекта, развиваемого данной культурой или группой культур, сопряженное с принципиальным тезисом о множественности, равноправии и взаимной несводимости этих логик. Опять-таки не приходится доказывать, что и свободный рынок, и демократия как основные отличительные черты западного глобализационно-цивилизационного проекта имеют глубокую культурную обоснованность и коренятся в особенностях мировидения и мироощущения,

выраженных и философски-духовно зафиксированных в ходе многовекового развития греко-латино-европейской культуры. Исследование логики незападных культур в данном ключе составляет первейшую задачу теоретической разработки проекта многоцивилизационного мира. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны.

Важнейшим ресурсом в этой работе служит концепция всечеловеческого как логически обнимающая и преодолевающая ограниченность концепции общечеловеческого. Концепция общечеловеческого предполагает моно-, а не многологичность культуры и объявляет логику одной, определенной локальной культуры, безальтернативной и подлежащей воплощению в глобальном цивилизационном проекте. Концепция всечеловеческого предполагает самоценность и нередуцируемость логик локальных культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта. Концепция всечеловеческого была развита в русской мысли XIX–XX вв. (где предикат «русский» следует понимать в том смысле, какой он имел до Беловежского расщепления 1991 г.): Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, классическое евразийство составляют основные вехи развития этой концепции.

Развитие евразийской интеграции сегодня хотя и происходит неравномерно и темпы его не могут радовать, тем не менее стихийно, неотрефлектированно воплощает идеологию именно всечеловеческого, а не общечеловеческого. Евразийская интеграция исключает внедрение единого общеобязательного шаблона (который в данном случае был бы объявлен «общеевразийским» по аналогии с «общечеловеческим»). Вместо этого практикуется, пусть и не без сложностей, принцип консенсуса и сохранения локального многообразия.

Евразийский процесс может оказаться успешным только при условии разработки его теоретического основания – проекта многоцивилизационного мира. Этот проект, в свою очередь, может быть масштабирован, будучи применяем в рамках современной России (где он будет означать идеологию «все-российского», а не «общероссийского» устройства – единственно возможную и гарантирующую от дезинтеграционных процессов), в масштабе евразийского мира или в масштабе многополярного, многоцивилизационного мира.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ОБЪЕДИНЯЮЩИХ ЦЕННОСТЕЙ

В. С. СТЕПИН

1. При анализе современных цивилизационных изменений важно рассматривать их как сложную системную целостность. Стандартный цивилизационный подход здесь недостаточен. Необходимо его обобщение, которым является концепция типов цивилизационного развития.

2. В истории человечества можно выделить два таких типа: традиционалистский и техногенный. Каждый из них включает в свой состав соответству-

ющие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга спецификой культурно-генетических кодов, но вместе с тем объединяемые общими типологическими признаками. В качестве таких признаков выступают смыслы фундаментальных мировоззренческих универсалий (категорий культуры): «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Интерпретация этих универсалий, их смыслы, переживаемые в качестве фундаментальных ценностей, отличны, даже альтернативны в традиционалистских и техногенных культурах.

3. Техногенные общества после своего возникновения взаимодействовали с традиционалистскими цивилизациями. Обгоняя их в развитии, они оказывали на них возрастающее давление. Как результат, многие из традиционалистских обществ осуществили ряд догоняющих модернизаций, которые перевели их на путь техногенного развития.

4. Техногенный тип развития дал человечеству множество достижений, но он породил и глобальные планетарные кризисы: экологический и антропологический, создавшие угрозу самому существованию человечества. Резкое обострение этих кризисов на современном этапе ставит вопрос о поиске кардинально новых стратегий развития. Есть все основания полагать, что такого рода стратегии могут означать переход к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. А это в свою очередь предполагает формирование новой матрицы ценностей, соответствующей идеалу сохранения биосферы и человечества. Ее началом могут стать точки роста новых ценностей, возникающие в современной техногенной культуре.

5. Такие точки роста уже можно зафиксировать. Идея ускоряющегося прогресса сегодня трансформируется в идею устойчивого развития. Меняется представление о природе как о поле для преобразующей деятельности, своего рода кладовой ресурсов. Согласно современной науке, окружающая нас природная среда предстает как живой организм – биосфера, с законами развития которой мы должны каждый раз соизмерять свою деятельность. Можно зафиксировать также изменения в понимании рациональности. Я развил эту идею в связи с постнеклассической рациональностью в науке, показав, что, как только наука начинает работать со сложными человекообразными объектами, меняется тип рациональности как компонент духовной матрицы техногенной культуры.

6. Философия играет особую роль в формировании новых ценностных ориентиров цивилизационного развития. Выступая самосознанием культуры, она осуществляет рефлекссию над ее фундаментальными мировоззренческими универсалиями и конструирует их новые смыслы, адресованные будущему. В эпоху поиска новых стратегий цивилизационного развития прогностические функции философии обретают очевидную практическую значимость.

РИСКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

А. Л. СТРИЗОВЕ

Современная философия рассматривает общество риска в единстве его объективных и субъективных проявлений как закономерный результат социальной эволюции, неустойчивое равновесие конструктивных и деструктивных тенденций развития, а также как процесс антропогенного воздействия на связи и отношения людей, своеобразного конструирования особого социального порядка, порождающего риски. Сегодня мы можем говорить о единой глобальной цивилизации риска и о множестве локальных культур риска. Анализ рисков цивилизации и культуры учитывает различную роль самих субъектов в тех или иных социальных процессах. Несмотря на то, что приспособление и преобразование присутствуют и в цивилизационной и в социокультурной активности, в первом случае доминирует адаптивная, а во втором креативная ориентация субъектов.

В традиции, заложенной техницизмом, субъектные риски цивилизации рассматриваются как инструментальные, утилитарные риски освоения глобальных технико-технологических инноваций. Риски культуры – это риски избранных людьми макро- и микровариантов использования цивилизационных достижений. Опыт истории свидетельствует, что адаптация к технологиям идет быстрее, чем «открытие» оптимальных для общества форм их использования: субъект цивилизации опережает в своем развитии субъекта культуры. Кроме того, сегодня социально-технологическая волна цивилизационных рисков связана с попытками трансформировать образ жизни и социальные институты, ставит под угрозу основы сложившегося социокультурного порядка и судьбы конкретных обществ.

Несоответствие качеств субъектов цивилизационного и социокультурного выбора современным рискам и вызовам ставит вопрос о месте и роли философии в формировании элиты общества и субъектов, принимающих утилитарные и ценностно-целевые (неутилитарные) стратегические решения в обществе нарастающей сложности и неопределенности. Эта роль не исчерпывается заданием мировоззренческих ориентиров. Она предполагает переориентацию философского мышления с методологии познания на методологию практического действия – социально-технологического, проектно-конструктивистского, управленческого.

Праксиологически-управленческий поворот философского знания связан не только с появлением новых теорий, по своей сложности адекватных современности современного общества и культуры, но и с ориентацией философской теории на решение задач социально-гуманитарной экспертизы программ и проектов, медиации коммуникации, посредничества в разрешении конфликтов, обеспечения рефлексивного мониторинга экстремальных ситуаций

и социально значимых процессов. Философская рациональность призвана обеспечить согласование и взаимодействие рациональности здравого смысла, профессионально-прагматической, научной и управленческой рациональностей с логикой смыслов и значений культуры. Формируя у элиты общества и простых граждан соответствующие рискогенной реальности миропонимание, смысложизненные ориентации и стратегии действия, философия способствует гармонизации отношения человека, общества и природы, формированию иммунитета к деструктивным проявлениям цивилизации, деградации и дегуманизации культуры.

ПАССИОНАРНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л. Б. СУЛТАНОВА

Думается, что общественные настроения сегодня примерно таковы: накопилась усталость от решения бесконечных экологических проблем, порожденных научно-технической революцией. Глобализация и стандартизация, оказавшиеся ее неотъемлемыми атрибутами, породили страх утраты современными этносами своей социокультурной и национальной идентичности, за которыми неизбежно последуют спад пассионарной напряженности в этносах и затем общецивилизационный творческий спад. А ведь только пассионарии способны генерировать идеи, позволяющие преодолевать кризисные ситуации в развитии цивилизации [1]. Отсутствие пассионарного слоя в этносе приводит к его вырождению или гибели, что в итоге влечет за собой кризис всей цивилизации.

Возникают вопросы: каким же образом связаны культура этноса и пассионарность? И кем являются пассионарии по отношению к культуре этноса? Сегодня, в эпоху всепланетной глобализации, агрессивно утверждающей программы массовой культуры, ответы на эти вопросы жизненно важны для каждого мыслящего человека.

Представляется, что пассионарная личность должна быть тесно связана с культурой своего этноса, ведь выразительность этнической культурной специфики способствует формированию творческого мышления личности на уровне коллективного бессознательного и, следовательно, является основой ее дальнейшего развития [1]. Крупнейшие политики также являются пассионариями, призванными защищать свой этнос, сохранять и укреплять его культуру и развивать экономические и культурные связи своего этноса. Включенность пассионариев в культурные процессы, протекающие в этносе, не только естественна, но и необходима для нормального развития самого этноса в целом.

В современном мире глобализация подавляет этничность, вытесняя все, что с ней связано, на обочину культурной жизни. Каким же образом будет развиваться цивилизация, утратив пассионарность в этносах? Возникнет ли при этом некий общецивилизационный пассионарный уровень?

Л. Н. Гумилёвым вопрос о какой-либо пассионарности в рамках всей цивилизации даже не ставится, и само понятие пассионарности он связывает с отдельными этносами.

Действительно, для решения, например, острейших экологических проблем недостаточно просто активного вмешательства науки – для этого требуется мощный заряд пассионарности. По Л. Н. Гумилёву, «способность жертвовать собой ради иллюзии – это и есть проявление пассионарности» [1]. Здесь абсолютизируется тот момент, что пассионарии способны выявлять и ставить надындивидуальные цели, общие для всего этноса, представляющиеся в какой-то исторический момент нереальными, недостижимыми, и повести этнос за собой ради их осуществления.

Пассионарии сегодня необходимы прежде всего для сохранения культурного наследия и естественных для этносов природных ландшафтов. Представляется, что в этом и состоит специфика современного социокультурного и исторического момента в развитии как отдельных этносов, так и всей цивилизации в целом.

Литература и источники

1. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – Л.: Гидрометеиздат, 1990.

ДРУЖБА КАК ЦЕННОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭТИКЕ

Л. И. ТОГУЗОВА

1. Стремление к глобальной этике в современном мире не безосновательно и не является побочным продуктом процесса глобализации, так как совершенно очевидно, что человечество уже готово к принятию такой этики, которая будет опорой и поддержкой для международного права. Это стремление, так или иначе, всегда присутствовало в прежних философских учениях, ибо обращение к сознанию, к сердцу человека адресовалось всем людям и в потенции оно универсально. Согласно многим исследователям, человеку необходимо чувствовать, что его ценят, уважают, одобряют и любят. Человек думает, что будет принят другими, если покажет себя «хорошим», если сможет преодолевать свои слабости и сможет признаться себе, что в нем есть потребность в других людях, что и другие признают в нем личность, что если он будет проявлять заботу о других, к нему таким же образом будут настроены окружающие. Подобная модель общественного поведения занимает преимущественное положение в большинстве социально-этических, гуманистических исследований.

2. Следует отметить также, что мы живем в тревожное время. Всего за неполных два десятилетия XXI века мир захлестнуло насилие – в облике терроризма, нескончаемых войн и жестокого геноцида. Кардинально новое –

нарастание новых исторических вызовов, которые являются факторами геодивизиональных влияний во всем мире. Появились новые направления познания и новые термины, которые отражают новые объекты и явления. Разбираться с этим, безусловно, необходимо, но не пренебрегая знаниями и позициями этики.

3. Современные глобализирующие «проекты», не только философские, но и теологические, могут опираться на уже достаточно давнюю традицию. В области религии подобные глобальные устремления получают мощную поддержку со стороны межконфессиональных институтов, особенно в консолидации религий мира. Подобные программные действия относятся и к другим общественным организациям и движениям. Научно-философское сообщество, декларирующее о глобальной этике, указывает на новый глобальный порядок, основанный на базовых моральных принципах Добра. В этой связи в качестве нравственного мотива имеет смысл обратиться к категории дружбы как настроения на избирательные межличностные отношения. Дружба изучается многими науками, но в этическом толковании под ней традиционно понимались правильные, взаимоуважительные, бескорыстные отношения, основанные на заботе о другом. Если осмыслить все историческое и культурное содержание этого понятия, то можно отметить, что в дружеском проявлении решается сложный комплекс межчеловеческого общения, основанный на равенстве, внестатусности, заботе. Все фиксируемые образцы и формы дружбы для современности претендуют и на эмпирическое выражение. Так, уже известная всем «дружба в социальных сетях» – одна из форм дружбы в глобальном мире; именно этот образ дружбы отмечает новую эпоху избирательно-доверительных отношений.

ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А. А. ТКАЧЕНКО

Если мы хотим беспристрастно рассмотреть проблему значимости философии в современном обществе, необходимо учитывать реально существующие факторы. Выделим *некоторые* из них: 1. Постепенный переход обществ к информационному, сетевому типу, одна из особенностей которого – разрыв между онтологическими глубинами человеческой сущности и технологиями. 2. Современный кризис сознания: на социальном уровне это сознание толпы, которое М. Мамардашвили охарактеризовал «антропологической катастрофой»; на индивидуальном уровне у человека атрофируется стремление преодолеть «вульгарность среднемыслящего человека» (А. Пятигорский). 3. Политическая ангажированность (принятие решений в зависимости от определенной идеологической доктрины, политического курса). 4. Частые реформы

в сфере образования (хотя система образования – это та сфера, где не обязательно постоянно экспериментировать; она предусматривает традиционность и нужно быть осторожными, чтобы с мутной водой не выплеснуть и ребенка!). 5. «Специфическое» отношение к философии других профессиональных сообществ, особенно педагогического, которые избегают встречи с философией и правильным педагогическим мышлением.

Указанные обстоятельства, а их, конечно, гораздо больше, актуализируют такие очевидности: 1. Сегодня наблюдается безразличие к размышлениям, тотальная бездумность, в результате чего человек начинает отрицать и отвергать экзистенциальные вопрошания, которые, собственно, и являются его определяющей характеристикой. Молодежь с большим удовольствием убегает из реального мира в мир виртуальный, преимущественно ограничивая себя пустыми текстами, бессмысленными высказываниями, информационным шумом. 2. Современное общество, имея защиту от этих тенденций в системе образования, игнорирует такую возможность, постепенно сокращая в школах и университетах учебные дисциплины антропологической, экзистенциальной направленности, в частности, философию, заменяя их предметами практического направления. 3. Хотя только философская составляющая образовательного процесса, как единство веры и разума, может помочь сформировать особый, высший тип рефлексии – духовно-экзистенциальную рефлексию и поддержать человека на современных перекрестках цивилизации. 4. Тем более что в Украине, как и в Республике Беларусь, сформировалась глубокая философско-религиозная традиция, акцентирующая внимание на уникальности духовной сущности человека, значимости сердца в его жизни, на основании которой остается возможность сохранить этнические основы национальной культуры, ее органичность. 5. Сегодня как никогда возникла необходимость философского осмысления категориального каркаса педагогического мышления в его онтологически-экзистенциальных измерениях, в результате чего, убежден украинский философ В. Возняк, есть возможность радикально реформировать реальный способ построения педагогического пространства (общения) и способствовать ограничению давления негативных тенденций современной цивилизации на живую душу детей и учителей.

СЕМЬЯ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В. Н. УСОСКИЙ

Экономика исторически определенного общества – это сложно организованное целое, состоящее из субъектов экономики, вступающих в экономические отношения друг с другом в целях воспроизводства человека путем создания хозяйственных благ. *Объект экономической теории* – целостная совокупность явлений экономической и неэкономической подсистем общества (социальная, политическая, идеологическая, духовно-нравственная).

Экономика исследуется не обособленно, сама по себе, а в единой системе взаимосвязей со всей совокупностью общественных отношений, которые не являются собственно экономическими. Целостность взаимосвязанных экономических и неэкономических отношений представляет собой сложную ткань общества и является объектом экономической теории.

Междисциплинарные взаимосвязи между экономикой, историей, политикой, социологией, религией и культурой чрезвычайно важны для адекватного понимания поведения субъектов экономики. *Предмет экономической теории* сводится к непосредственно экономическим отношениям людей в сферах производства, распределения, обмена и потребления хозяйственных благ. Предмет по своему содержанию уже, чем объект. Излишняя концентрация экономической науки на предмете исследования, т. е. непосредственно экономике, приводит к нецелостному анализу сложной системы общественных взаимосвязей.

Например, семья обладает экономической составляющей, однако в первую очередь строится на любви как духовно-нравственном феномене, без учета которого понимание экономики семьи будет односторонним. Экономическая деятельность человека является подспорьем семьи для реализации цели по рождению и воспитанию детей. Экономическая деятельность человека взаимосвязана с духовно-нравственной сферой, при доминанте духовно-нравственного начала.

Принципы, на которых строится экономическая деятельность человека, и духовно-нравственные отношения в семье отличаются. Духовно-нравственные отношения в семье не могут строиться аналогично принципам экономического рационализма, широкая экспансия которого приводит к подмене сущности семьи. Если члены семьи видят друг в друге функциональную выгоду, что юридически закрепляется в брачном контракте, то происходит деформация духовно-нравственных отношений. Формализованная рациональность строится на выгоде и полезности, она исключает христианское милосердие и любовь. Экспансия формализованной рациональности на семью ведет к разрушению базовой ячейки общества.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ СОВМЕСТНОГО СОЗНАНИЯ

О. И. УТКЕВИЧ

Патриотическая социализация личности предполагает не только включение ее в некую общественную целостность или своеобразное «врастание» личности в национальные, этнические и другие общности (а также в государственный организм), но и определенный качественный скачок в развитии и становлении самого человека. Это происходит в результате внешнего воздействия на индивида, трансплантации в его «я» определенных социальных связей. Данное воздействие можно считать коммуникативным актом, а как следствие, оно предполагает обязательное наличие обратной связи между «отправителем»

и адресатом. Необходимо также отметить, что индивид в этом случае не просто механически повторяет этнонациональный стереотип поведения. В действительности такая социализация невозможна без радикальной перестройки важнейших структур человеческого мышления, через введение в них новых, так называемых «смыслообразующих» элементов.

Психологами установлено, что наибольший эффект внешней перестройки человеческого «я» достигается только в том случае, если человек полагает, что изменения, которые с ним происходят, ни в коем случае не являются результатом манипулирования, но проявлением собственной свободной воли.

Всякое сознание неизбежно базируется не просто на знаниях, а именно на совместных знаниях. Особую роль в этом процессе играет язык, посредством которого осуществляется совместное осмысление как истории, так и реалий современного бытия. Дело в том, что всякий язык представляет собой знаковую систему, которая способна как скрывать, так и проявлять смыслы. Таким образом, общество, осуществляющее процесс патриотической социализации, должно стремиться к со-раскрытию, проявлению через язык, фольклор, литературу того общего, что связывает народ и личность, но и одновременно упразднению того, что может помешать становлению единого народного целого.

Процесс патриотической социализации как феномен совместного сознания является простой, естественной и эффективной формой достижения социальной солидарности. Однако эта естественность возможна только при условии непрерывности исторического развития народов, наций, этносов. В тех случаях, когда социум переживает эпоху социальных катаклизмов, происходит не только разрушение фундамента его бытия, но и разрыв культурных традиций. Таким образом, непрерывность заменяется дискретностью, а человек, лишенный своего исторического прошлого, не способен без активного внешнего социального воздействия снова стать субъектом данных традиций.

В заключение необходимо отметить, что патриотическая социализация как становление совместного сознания позволяет объединить объективные и субъективные предпосылки формирования национального «я» отдельного индивида.

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: ЗА И ПРОТИВ

З. Н. ХАБИБУЛЛИНА

Бытие современного человека настолько тесно связано с информационно-коммуникационными технологиями, что проживать свою жизнь он вынужден в медиаперегруженной среде, которая вовлекает в себя весомую часть населения. Это школьники и бизнесмены, студенты и менеджеры, инженеры и гуманитарии, т. е. люди, которые хотят быть востребованными в современном обществе, сделать карьеру, добиться успеха и т. д. Человек разными путями, но обязательно попадает в сети большой информационной гонки: одни – за богатством, другие – за престижем, третьи – в погоне за удачей. В таком инфор-

мационном пространстве происходит формирование особого типа человека, зависящего от разных современных гаджетов, которые являются символической характеристикой потребительского общества.

Наука является мощным фактором, который влияет и на сознание научного сообщества, и на дальнейшее развитие общества в целом. Общество знания отражает возрастающее значение знания и связанного с ним труда для развития и воспроизводства общества. Используя знания, в течение столетий люди совершенствовали технику, чтобы обезопасить себя от случайностей природной среды, а в результате выросли опасности, связанные с технологическим и экологическим рисками.

Современные информационно-коммуникационные технологии служат не только средством хранения и переработки существующей информации, но и средством получения новых знаний и средством их внедрения. Существенно расширяются возможности человека в сфере познания и преобразования реальности. Однако же, знания не позволяют полностью решить многочисленные этнические, религиозные и иные социальные проблемы. Однако при этом многие принципиальные проблемы, такие как соотношение знаний и морали, знаний и рыночных отношений, знаний и умений, вписанные в сложный социокультурный контекст, оказываются обойденными.

Преодолевая стереотипные формы общественного сознания, современник должен бороться со всеми формами манипулятивной информации, создавая гуманитарные и социальные ценности. Такая жизненная позиция в деятельности адекватного человека должна оказывать влияние на осуществление им главного своего предназначения, поиск правильных путей развития, не застревающего только на материальном благополучии и карьерном успехе, а превращающего в жизнь реализацию ценностей более хрупкого, идеального, но так необходимого для сохранения гуманистических ориентиров.

В современном «обществе знания» возрастает потребность в ученых и инженерах, обладающих развитым эвристическим мышлением. Философия и другие гуманитарные дисциплины могут внести неизмеримо более значительный вклад в образование будущего путем обучения нынешнего и последующих поколений объективным основаниям нравственных принципов.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ: СУЩНОСТЬ И ПОДХОДЫ К ПРЕОДОЛЕНИЮ

А. Н. ЧУМАКОВ

1. Человечество как совокупное целое, как планетарное явление, впервые упомянутое в таком качестве еще в 30-е годы прошлого века В. И. Вернадским, полностью сложилось к началу XXI века. Однако в отличие от государственных образований, регулируемых посредством различных институтов, основанных на соответствующих морали и праве, человечество, обретая целостные

контуры, общие проблемы и общую судьбу перед необходимостью выживания, практически не продвинулось также далеко в формировании механизмов управления этой целостностью. Здесь заключено основное противоречие современной эпохи.

2. На фоне уже вполне развитого международного права, регулирующего отношения между отдельными государствами или группами государств, глобального права, которое было бы действительно в масштабе всего человечества, сегодня не существует: отсутствуют как механизмы принятия таких законов, так и инструменты их реализации в планетарном масштабе. Также отсутствуют объективные предпосылки для формирования исполнительной власти, например, мирового правительства (со всеми необходимыми атрибутами такой власти – соответствующими инструментами управления и принуждения).

3. Ненамного лучше обстоит дело и с общечеловеческой моралью – вторым (наряду с правом) важнейшим регулятором общественных отношений. Здесь хотя уже и обозначилась определенная система общечеловеческих норм поведения (не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и т. п.), а также соответствующих им общечеловеческих ценностей и неотъемлемых прав человека (право на жизнь, свободу, собственность), тем не менее ситуация далека от влечения времени.

4. Проблема преодоления основного противоречия современной эпохи усложняется и рядом иных обстоятельств, среди которых можно указать, например, на то, что скорость перехода человечества из состояния региональных отношений к отношениям глобальным намного превышает скорость культурных трансформаций (составной частью которых являются мораль и право). От все возрастающих темпов формального «взросления» человечества также существенно отстают и адаптивные возможности человека, равно как и трансформация его мировоззрения, которое хотя и наполняется все больше глобальным содержанием, тем не менее далеко не соответствует реальному положению вещей.

5. Преодоление основного противоречия современной эпохи лежит на пути признания культурного разнообразия и цивилизационного единства различных культурно-цивилизационных систем, а также адекватного понимания глобализации и ее последствий, что абсолютно необходимо для сетевого регулирования международных отношений в масштабах планетарной социосистемы как единого целого.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период» (проект № 15-23-21002).

ДОВЕРИЕ И РАЗНОГЛАСИЯ: НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Л. А. ШАШКОВА

Социальная эпистемология является одной из современных тенденций, которая позволяет пересмотреть традиционные эпистемологические понятия и проблемы. Можно утверждать, что в качестве направления в философии она находится на этапе формирования (если этот этап будет реализован) и ее характерной чертой является незавершенность. Социальная эпистемология тесно связана с широким кругом когнитивных, социальных, гуманитарных наук, которые изучают познавательный процесс с междисциплинарных позиций.

В проектах этого направления исследуется проблематика социальной природы и социальной обусловленности знания и познания. Подход социальной эпистемологии состоит в исследовании социальных практик (таких как право, демократия, образование) в терминах их воздействия на процесс приобретения знаний. Социальная эпистемология сохраняет преемственность по отношению к традиционной эпистемологии, но делает акцент на интересе к практической жизни. Такой подход включает внимание к фундаментальным философским проблемам, связанным со знанием, наукой, истиной, верой, нормативностью, справедливостью.

Социальная эпистемология описывает сценарии для сложных контекстов, где эпистемические субъекты взаимодействуют между собой, чтобы получить и накопить надежные и достоверные знания. Поэтому именно ценности знания, доверия, надежности, несогласия находятся в центре современных исследований. Подход социальной эпистемологии имеет отношение к пониманию эпистемологических, моральных и психологических особенностей любой области человеческого взаимодействия, где присутствуют разногласия.

Разногласия встречаются практически во всех областях жизни современного общества, например, в научной, политической, религиозной, моральной сферах. Естественно, что разногласия имеют место и значение для философской дискуссии. Вопросы заключаются в том, как определить, какой из представленных позиций или аргументаций можно доверять, а также как рационально реагировать, когда возникает ситуация несогласия с нашей позицией. Эти вопросы находятся в сфере исследовательских интересов социальной эпистемологии.

Политические, экономические, религиозные разногласия или даже конфликты имеют сложную структуру, в свою очередь определенную сложными социальными контекстами. Их агенты часто не только используют потенциал интеллектуальных или аргументативных ресурсов, а зачастую исходят из взаимных претензий и подозрений. Это показывает, что основанием является не

полученное обоснованное знание или аргументированная позиция, а скорее такие эпистемологические элементы, как вера, доверие или недоверие, нетерпимость. Исходная цель эпистемолога состоит в том, чтобы предложить критический и в то же время конструктивный анализ, чтобы оправдать возможность диалога между различными перспективами.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС РАСПАДА СССР

Ю. И. ШПИЛЬКИН

Заинтересованный читатель, вероятно, заметил, что после распада СССР почему-то не появилось более или менее фундаментального философского осмысления распада не только страны Советов, но и всей системы социализма. М. И. Туган-Барановский попытался понять, почему на Западе социализм уже давно стал реальной и очень серьезной угрозой интересам господствующих классов? И приходит к выводу, что внутри каждого класса сильное чувство классовой солидарности, побуждающее каждого отдельного представителя класса не только за страх, но и за совесть отстаивать интересы своего класса. Напротив, русский интеллигент был оторван от своей исторической почвы и потому выбрал себе тот социальный идеал, который казался более всего обоснованным с рационалистической точки зрения. В книге «Социализм как положительное учение» Туган-Барановский подробно рассматривает этот феномен, но не мог увидеть внутреннего врага социализма – появления нового класса или номенклатуры.

Милован Джилас, автор книги «Новый класс» и Михаил Восленский в книге «Номенклатура» попытались понять, почему в Советском Союзе и других коммунистических странах все вышло не так, как предполагали вожди: Ленин, Сталин, а также Троцкий и Бухарин. По их представлениям, государственная машина в СССР должна была ослабевать и со временем прекратить свое существование, а демократия расширяться и крепнуть. Случилось наоборот. В перспективе виделся быстрый подъем уровня жизни, но он вырос незначительно, а в восточноевропейских государствах даже упал: во всяком случае, рост жизненного уровня не соответствовал поступи индустриализации, последняя ушла в отрыв. Бытовала уверенность, что противоречия между городом и деревней, умственным и физическим трудом станут постепенно нивелироваться, – они лишь углубились. Программа КПСС ориентировочно датировала построение коммунистического общества в СССР 1980 годом и провозгласила: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Материально-техническая база создана. Дело осталось за малым – воспитать нового человека. Но, увы, не удалось воспитать не только нового человека. В рамках партии сформировался монополистический привилегированный слой советского общества. В ходе дальнейшего процесса, состоявшего из ряда

фаз, этот слой укрепил и узаконил свое положение. Он не только отгородил себя от общества, от народа да и от всего мира; даже внутри него самого была воздвигнута иерархия чинов и социальных барьеров так называемой номенклатуры, склонной к коррупции, к обогащению. Но некоторые исследователи утверждают, что перестройка в основном являлась почвой для захвата собственности советской элитой, или номенклатурой, которая была больше заинтересована в «приватизации» огромного состояния государства в 1991 году, чем в его сохранении. А другие исследователи видят в перестройке: западные спецслужбы, с помощью своей разветвленной сети «агентов влияния» и внешнего давления использовали недостатки и просчеты в экономико-государственном строительстве для разрушения Союза.

ДИАЛОГ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО КОДА БЕЛАРУСИ

Н. С. ЩЁКИН

В современном мире остро конкурируют два тренда: глобализация цивилизационно-культурных процессов и сохранение цивилизационно-культурного кода. Культурная глобализация, лежащая в основе многосторонней модернизации белорусского общества, в качестве ответной реакции вызывает стремление к сохранению и укреплению этнокультурной идентичности, своего цивилизационно-культурного кода. Формирование идеологии белорусского государства также способствует активному включению общественного сознания в постижение проблематики исторических традиций и феномена национального самосознания, в том числе и конфессионального. Белорусская православная церковь как доминирующая конфессия уже стала активным субъектом внутренней политики и важным фактором цивилизационно-культурной жизни белорусского общества. Так что диалог церкви и государства в контексте цивилизационно-культурного кода белорусского общества из сферы глубоко теоретической становится самой актуальной действительностью.

В этом плане для выяснения цивилизационно-культурного кода белорусского общества, а следовательно и имеющего практический смысл диалога церкви и государства, важное значение имеет правильная интерпретация Крещения Руси. Дело в том, что Крещение Руси осуществлялось для восточнославянских племен в органической форме кирилло-мефодиевской церкви и письменности, которая как раз и образует сущность цивилизационно-культурного кода белорусского общества.

Обычно, говоря о Крещении Руси, все сводится к узкорелигиозной трактовке данного события. Дескать, восточнославянские племена приняли православную христианскую веру. В формально-церковном плане, разумеется, такая позиция правильная. Но такого понимания феномена Крещения Руси для судьбы нашего народа, ограниченного лишь рамками церковного календаря,

будет недостаточно. Крещение Руси было не только важным религиозно-церковным событием, но оно имело фундаментальное цивилизационно-культурное значение для дальнейшей истории белорусского народа. Крещение Руси явилось завершающим этапом в формировании общерусской идентичности, выражавшейся в единой общерусской письменности, едином искусстве и архитектуре, образе жизни, единой древнерусской народности и древнерусской государственности. Языческие восточнославянские племена слились в единый древнерусский народ. Именно с Крещения Руси следует вести отсчет особого исторического времени для восточнославянских народов.

МОРАЛЕПАТИЯ ДОСТОИНСТВА И ЧЕСТИ

Н. К. ЭЙНГОРН

Проблема индивидуальных добродетелей и пороков все более переходит в социальный план. Этому вопросу посвящена работа Ф. Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию». Доверие к государству, общественным институтам определяет успешный путь их развития и процветания. Но доверие – финальная добродетель. Она возможна при наличии других добродетелей, стратегически выстраивающих жизненную позицию как единичного субъекта, так и субъекта-общности.

Достоинство – центральная, системообразующая добродетель морального мира личности, представляющая собой осознание и переживание ценности своего Я. От нормального, здорового достоинства зависит формирование таких добродетелей, как долг, ответственность, справедливость, мужество, совесть и т. д. Но реальность такова, что на одну добродетель приходится два порока: порок избытка и порок недостатка (Аристотель). Пороки – это не просто отклонения от золотой середины, нормы, это – деструкции добродетелей, причиняющие страдания, боль и носителям пороков, и тем, кто взаимодействует с ними. Повторяемость, продолжительность, устойчивость ощущения боли превращает ее в болезнь.

Устойчивые страдания, причиняемые пороками достоинства, превращаются в *моралепатию*, моральную болезнь, моральную инвалидность личности. Порок избытка достоинства, его *гипертрофия* (разрушение через превышение нормы), проявляется в завышенной самооценке, порождающей высокомерие, чванство, хамство, унижающие достоинство другого и причиняющие ему моральные страдания. А это уже подпадает под санкции не только морали, но и права.

Но от гипертрофии достоинства страдает и сам носитель этой моральной патологии. Не испытывая боли, даже испытывая удовольствие и наслаждение от унижения достоинства другого, других, он безболезненно морально болен, так как идет процесс разрушения человеческого в человеке, идет процесс

одичания, нарастает индивидуальная антропологическая и моральная катастрофа, в итоге может быть достигнута точка невозврата и моральная смерть субъекта.

Патологична и *гипотрофия* достоинства, его разрушение через занижение нормы. Заниженная самооценка при повышенной самокритичности постепенно приводит к тотальному комплексу неполноценности, к моральной, человеческой несостоятельности, к страданиям от унижений со стороны других. Так рождается виктимная личность, личность-жертва. Предел гипотрофии достоинства – тоже моральная смерть, а возможно и физическая посредством суицида.

Моралепатия чести – атимия, болезненная деструкция на основе ее гипертрофии и гипотрофии.

ДУХОВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ф. Х. ЮЛДАШЕВА

Проникновение глобализации во все сферы общества обостряет проблему национальной и культурной идентичности. В таких условиях происходит культурное возрождение, развитие самосознания, что и является ответом против негативного воздействия глобализации. Глобализация способствует расширению границ межнациональных и межкультурных отношений. Эта тенденция имеет положительные последствия, но затрагивает основы национальной идентичности и культуры, часто приводит к трансформации национальных ценностей.

В начале пути независимости духовная сфера наряду с экономической и политической была признана приоритетной и определяющей для будущего Узбекистана. Духовная жизнь издавна считалась важной и неотъемлемой частью жизни человека, духовность определяла национальную идентичность, ценности и нравственность общества. Духовность определяет ценностную и мировоззренческую ориентации, на основе которых происходит духовное обновление общества. Духовное обновление – этап в развитии, ориентированный на усвоение прогрессивных ценностей других народов и стран. Обновление означает изучение, переосмысливание, критическое и творческое развитие исторических идей, позиций, ориентиров, идеалов.

В условиях глобализации духовное обновление общества в Узбекистане происходит на основе соединения национального наследия прошлого и всего положительного, что с собой несет глобализация. Принимается то положительное, что способствует развитию социально-экономической жизни страны, поднимает уровень жизни народа, способствует развитию демократии и формированию гражданского общества.

Без духовности нельзя построить демократическое гражданское общество. Демократия является результатом духовного развития человечества. Высоко-развитая духовность является главной опорой и основой демократии.

Узбекистан избрал путь модернизации общества на основе соединения наследия прошлого и современных достижений. Традиции соединяются с общечеловеческими и демократическими ценностями современности. В этом смысле Узбекистан толерантен и открыт всему прогрессивному. Развитие духовности на основе возрождения и обновления рассматривается как необходимая основа прогресса общества.

«ПУБЛИЧНЫЙ ПОВОРОТ» И СТАНОВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

И. Н. ЯСНА

Со второй декады XXI века в Украине можно наблюдать две противоположные тенденции, связанные с философией. Первую можно обозначить как не востребованность университетской философии как учебной дисциплины, что наиболее остро дало о себе знать в 2015 году после законодательного исключения ее из списка обязательных дисциплин. Вторая тенденция связана с возрастанием социального запроса на философское знание вне университетской среды и развитием неакадемических форм философии со специфическими способами трансляции информации, функциями, методами, институтами, языком.

Примечательно, что подобные тенденции имеют место и в других странах западного мира, касаясь не только философии, но и других областей гуманитаристики. Это позволяет говорить о методологическом повороте, который по аналогии с такими устоявшимися выражениями, как «лингвистический» или «коммуникативный поворот», можно обозначить как «публичный поворот» («public turn»).

Процесс выхода философии в публичное пространство не ограничивается сферой неформального образования или досуга: сегодня можно говорить об институционализации «публичных» направлений социальных и гуманитарных наук. Пионерами тут являются «публичная социология» и «публичная история», которые на сегодняшний день обладают всеми признаками легитимных форм академической деятельности, среди которых, согласно критериям институционализации научных дисциплин, предложенным Р. Уитли, создание соответствующих подразделений при ведущих отраслевых организациях, издание специализированных журналов, проведение регулярных научных конференций, открытие магистерских программ (в том числе в украинских университетах) и др.

Философия же, которая со времен Античности была публичной практикой и сферой диалога, только ступает на этот путь. В то время как на практике представители академической философии все активнее включаются в публичный дискурс, теоретическое осмысление этого процесса заметно отстает от прак-

тики. В конце 2015 года создан первый центр публичной философии (при Калифорнийском университете), начато издание специализированного журнала «Public Philosophy Journal» (США); в 2014-м этой теме впервые посвящен тематический выпуск научного журнала – «Essays in Philosophy Journal».

В Украине эта тема впервые артикулирована на уровне научного диалога лишь в конце 2016 года и с тех пор остается предметом активных дискуссий. В частности, в начале 2017 года ей был посвящен круглый стол в Институте философии НАН Украины, а также тематический блок одного из ведущих отраслевых журналов «Філософська думка», где, в числе прочего, поставлены задачи системного развития этой темы в рамках специального исследовательского проекта. Текущие результаты, в том числе характеристика форматов, методов, целевых аудиторий, рисков и сложностей, связанных с освоением украинской философией публичного пространства, а также возможная стратегия легитимации статуса «публичной философии» в академическом дискурсе, где она по-прежнему остается маргинальной, представлены в данном докладе.

2.2. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК АКТУАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СОЦИОДИНАМИКИ

КОНВЕРГЕНТНЫЕ И ПРИРОДОПОДОБНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

О. Е. БАКСАНСКИЙ

Платой за развитие техносферы цивилизации является истощение биологических ресурсов Земли. Человечество создало слишком мощные инструменты воздействия на природную среду обитания, что в значительной мере исчерпало естественные биологические инструменты восстановления.

Но человечество не в состоянии отказаться от благ и удобств цивилизации. Один из перспективных путей разрешения возникшего противоречия состоит в создании *природоподобных технологий*, являющихся важным путем развития биотехнологий.

Порядка 60 % площади суши настолько активно задействовано в техногенной деятельности человека, что животному и растительному миру фактически не остается места.

Как следствие, происходит изменение климата, растет концентрация углекислого газа в атмосфере, растет парниковый эффект, из-за повышения средней температуры происходит таяние арктических льдов, что грозит затоплением значительных территорий, необходимых для антропогенной деятельности.

В чем видится перспектива природоподобных технологий?

Во-первых, они основаны на использовании возобновляемых ресурсов, включенных в кругооборот веществ в природе.

Во-вторых, такие технологии экономичны и эффективны. Если мы рассмотрим такой важный орган человека, как головной мозг, то с точки зрения эффективности энергопотребления он примерно в 1 триллион раз более эффективен, чем самые современные компьютеры. Суточная электрическая мощность человеческого организма составляет примерно 140–150 Вт. Если же попытаться создать робота, выполняющего функции человеческого организма, то ему для этого потребуются колоссальные энергозатраты, которые можно покрыть работой нескольких АЭС. Таким образом, природа в результате эволюции на протяжении миллиардов лет создала совершенные технологии, которые мы еще далеко не постигли. Созданная же нами техносферная цивилизация ведет к системному кризису развития человеческой цивилизации.

Анализ соответствующих технологий может осуществляться только междисциплинарным путем на стыке различных наук и их взаимодействия, если мы хотим понять принцип функционирования и устройства природных систем. Главные биологические процессы природы осуществляются на уровне сложных молекулярных конструкций, называемых молекулярными машинами, которые способны трансформировать энергию для реализации жизненных функций.

Что является источником энергии, необходимой для работы молекулярных машин? Как уже отмечалось, принципиальное отличие живых систем от созданных человеком технических устройств состоит в высокой энергетической эффективности. КПД современных генераторов электрической энергии достигает 30 %, 40 %, даже 50 %, а в биологических системах трансформация энергии осуществляется с коэффициентом полезного действия до 98 % (и даже выше). Фактически происходит весьма эффективная (бездиссипативная с физической точки зрения) трансформация энергии из одной формы в другую.

Фактически сегодня человечество пришло к коллапсу потребительского общества.

ОБ УРОВНЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИРОДЫ, ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Х. А. БАРЛЫБАЕВ

Британский ученый Р. Робертсон ввел категорию *глокализация*, где «гло...» означает глобализацию, а «...локализация» – местные, территориальные, локальные связи и отношения. При таком двухуровневом рассмотрении глобальных процессов за пределами анализа остается индивидуальное существование людей вопреки общепризнанному императиву: «человек – мера всех вещей».

Мы предлагаем новый трехуровневый методологический подход к анализу *глобализационных* процессов как *индиглобализационных*, сочетающих, во-первых, *индивидуализацию*, т. е. расширения и усиления индивидуально-человеческой природы (для отражения этого явления к термину «глокализация» добавляется частица «инди»); во-вторых, *локализацию* социально-экономических, общественно-политических, социокультурных процессов не только в территориальных, но и в различных функциональных формах (внутригосударственной и межгосударственной регионализации, транснациональной корпоративизации, общественно-политических объединений граждан и т. п.); в-третьих, собственно *глобализацию*. Глобализация трактуется как совокупность многомерных, объективно-субъективных процессов становления глобальной общности людей *в социоприродном единстве с окружающей средой*, замещения изолированных форм их жизнедеятельности общемировыми, формирования единства многообразия при сохранении уникальности отдельных стран, народов и людей.

Происходящая «глобализация» есть индиглокализация, коэволюционный процесс, круговорот взаимодействий субъектов. *Глобализация* определяет характер индивидуализации личностных качеств людей и локализации связей между ними; личностная *индивидуализация* обуславливает закономерности развития глобальных и локальных процессов; *локализация* отношений людей влияет на их индивидуальные качества и содержание глобальных процессов. Глобализация, индивидуализация и локализация реализуются синхронно как единый диалектический процесс. Между этими уровнями для устойчивого мирового развития должно быть оптимальное, гармоничное соотношение, не допускающее или неограниченного приоритета прав личности, или излишнего выпячивания интересов государств, или подавляющего доминирования мирового сообщества над личностью и отдельными сообществами. Требуются солидарные отношения людей как с природой, так и между собой во имя всеобщего блага, на основе принципов гуманизма и природосохраняющей жизнедеятельности. Нарушение указанного соотношения ведет к кризису личности, деградации природы, множеству нарастающих внутрисоциальных, региональных и общемировых социальных катаклизмов.

БЕЗОПАСНОСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В. П. БАРЫШКОВ

Проблемы безопасности рассматриваются сегодня как первостепенные на государственном уровне и все более оказываются актуальными на уровне личном. Основой общей заинтересованности выступает фундаментальная неопределенность, неравновесное состояние, самоорганизация и хаос в глобализирующемся мире. Действия в таком мире сопряжены с риском и требуют безопасности. Современникам придется учиться жить и действовать в условиях нарастающей неопределенности, учитывать при этом связь и сбалансированность риска и безопасности.

Трансформация современного общества связана с инновационной экономикой знания. Инновационная трансформация порождена глобальными цивилизационными вызовами, а значит, рисками несвоевременного локального ответа. Возникает дилемма: ничего не делать из соображений осторожности или делать хоть что-то из опасений неминуемой катастрофы при «охранительной» позиции.

Одновременно с принятием инновационной стратегии возникают риски инновационной трансформации. Любая инновация, способная повлиять на общество и его будущее, рискованна. Инновации в экономике порождают социальные риски (трансформации в сфере труда и досуга). Риски инновационной трансформации связаны с общественными, корпоративными и личными угрозами (в экономике прежде всего).

Существуют риски макроэкономической инновационной трансформации и микроэкономической инновационной трансформации. Особое значение, на наш взгляд, имеет разработка теории личной безопасности как составной части концепции национальной безопасности с практическими рекомендациями для граждан. Национальная безопасность включает в себя безопасность социальную, гражданскую. Главная заповедь гражданской безопасности – бдительность.

Следует различать три соотносимых понятия: личная безопасность – безопасность личности – безопасная личность. В этих понятиях фиксируются различные аспекты проблемы безопасности человека, которую можно представить, во-первых, как состояние его жизнедеятельности (актуальная или ситуативная безопасность), во-вторых, как комплекс свойств личности, характеризующих ее возможности в обеспечении своей безопасности и безопасности тех систем, в которые она включена.

Таким образом, логика, по которой формируются опорные пункты мышления при рассмотрении инновационной трансформации общества, разворачивается в следующей последовательности: социальные вызовы, социальные риски, социальные угрозы, социальная безопасность.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. В. БЕЙЛИН

Мир стоит на пороге новой технической революции, которая полностью изменит образ жизни человека. Уже сегодня происходит крупнейшая по масштабам и сложности трансформация человечества, связанная с цифровой революцией во всех сферах жизни. Человечество никогда не наблюдало столь быстрого технического прогресса, и глубина и широта вызванных им перемен требуют трансформации целых систем производства и управления. Технологии становятся все более взаимосвязанными, и границы материального, цифрового и биологического миров стираются.

Есть три признака, по которым можно судить о том, что сегодняшние изменения являются свидетельством нового технологического уклада: скорость, масштаб и системные последствия. Трудно переоценить увеличение возможностей миллиардов людей, постоянно соединенных друг с другом с помощью мобильных персональных устройств, которые обладают недоступной еще 10–15 лет назад вычислительной мощностью, памятью и дают доступ к огромному массиву знаний человечества в режиме онлайн. Вскоре эти возможности возрастут многократно, поскольку происходят все новые прорывы в таких отраслях, как искусственный интеллект, автономный транспорт, 3D-печать, нанотехнологии, материаловедение, разработка новых источников энергии,

квантовые компьютеры. Рост вычислительной мощности и емкости накопительных устройств позволили постоянно увеличивать объемы обрабатываемых данных и достигнуть существенного прогресса в создании искусственного интеллекта.

Четвертая промышленная революция существенно повысит эффективность производства и производительность труда. Она способна положительно сказаться на уровне жизни в развитых странах, но, несомненно, будет иметь и негативные последствия: нарастание разрыва между странами-обладателями прорывных технологий и периферией, закрепление межстранового разделения труда, а также дальнейшее снижение потребности в рабочей силе в реальных секторах экономики. Это усилит экономическое и социальное неравенство, создавая, вкуче с электронными средствами коммуникации, объективные предпосылки для распространения экстремистских идей и идеологий. Для эффективной нейтрализации новых угроз государства вынуждены будут осуществлять более полный контроль над цифровой инфраструктурой, совершенствуя существующие и разрабатывая новые инструменты контроля.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Б. БОГДАНОВИЧ, В. Н. СЕРГЕЕВ

Одной из важнейших функций философии является анализ стратегии развития самоорганизующихся компонентов социокультурной действительности. Второе десятилетие XXI в. входит в историю не только как период дальнейшего освоения мирного атома, космоса, научных инноваций, но, к сожалению, как время катастроф, стихийных бедствий, террористических актов и военных конфликтов. Очевидно, что успехи государства в предупреждении и ликвидации различного рода угроз чрезвычайного характера зависят как от качества философской рефлексии характера вызовов, так и от социальных практик, направленных на выработку так называемой резилентности – устойчивости с различным сложным ситуациям, – и важнейшей задачей в этом смысле является формирование культуры безопасности жизнедеятельности.

Культура безопасной жизнедеятельности – это совокупность правил, норм и действий по созданию, поддержанию и корректировке безопасных условий и результатов деятельности. Основными функциями культуры безопасной жизнедеятельности являются: защитно-адаптивная, нормативная и валеологическая (формирование здорового образа жизни).

Следует выделить основные компоненты культуры безопасной жизнедеятельности:

культура безопасности производственной деятельности;

культура безопасного и здорового быта, отдыха и межличностных коммуникаций в обычных и особенно опасных и экстремальных ситуациях;

культура инженерной деятельности, проявляющаяся в соблюдении правил и норм безопасной жизнедеятельности при мониторинге, проектировании, реконструкции инженерных объектов в техносфере;

транспортная культура;

педагогическая культура по обучению и воспитанию населения безопасному поведению и т. д.

В данном контексте необходимо осознавать, что наша страна, пережившая в 1986 году крупнейшую социотехнологическую катастрофу, будет неукоснительно соблюдать при строительстве и эксплуатации национальной АЭС все международные правила и нормы в области радиационной, промышленной и экологической безопасности.

Основа успеха в борьбе с чрезвычайными ситуациями – выжить, актуализировав морально-психологическую и физиологическую резилентность. Только тогда, когда человек обладает системой знаний о безопасности жизнедеятельности, системой умений (например, знает основы первой медицинской помощи), имеет систему отработанных на практических занятиях навыков, он сможет безусловно обеспечить личную и общественную безопасность в различных чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, на современном этапе развития белорусского общества становится чрезвычайно актуальным побуждение личности к безопасному поведению в социуме на основе формирования культуры безопасности жизнедеятельности. В свою очередь, культура и философия безопасной жизнедеятельности являются важными факторами стабильного социально-экономического развития общества и государства.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ

Е. В. БОЧАРОВА

С тех пор как существует общество, люди размышляли над вопросом, что значит быть человеком и в чем заключается его предназначение на планете Земля. Ответ на этот непростой вопрос – извечная тема философских размышлений. А. Печчеи в своей работе «Человеческие качества» писал, что с появлением человека природная среда в планетарном масштабе изменялась непрерывно. В настоящее время существование всех имеющихся форм жизни на Земле не предопределено, поскольку сейчас под угрозой находится большинство оставшихся высших видов растений и животных, а виды, избранные для удовлетворения потребностей, как правило, гибридизированы, приспособлены к его требованиям – производить как можно больше пищи и сырья. Не менее печальная участь ждет и нетронутую дикую природу, которая все еще нужна как естественная среда обитания самого человека, для его физической и духовной жизни. Однако поднятая человеком грозная волна, если ее не приостановить, неминуемо достигнет и его самого.

Экологические угрозы складываются в результате преднамеренных и непреднамеренных действий отдельных людей и организаций. Если первые прямо связываются с противоправным поведением отдельных индивидов, существующих в любом обществе, то вторые зачастую либо санкционированы соответствующей институциональной базой, либо укоренились в привычках людей (так делалось всегда, так поступают все). Тот и другой виды угроз имеют либо ситуативный, либо долговременный результат, складываются в определенные комбинации, постоянно разрушая ландшафты, поскольку происходят изменения в состоянии воды, воздуха и живых организмов и в конкретной местности, и часто далеко за ее пределами. Так, исчезновение лесов и болот в местах зарождения рек, питающих крупные реки, приводит к изменению природной среды на протяжении огромной территории. К этому следует добавить, что изменение одного из компонентов влечет за собой изменения других по схеме цепной реакции.

Сама мотивация непреднамеренных действий укладывается в логику, применяемую в уголовном праве для доказательства вины субъекта, совершившего действия, которые навлекли наказуемые последствия, что выражается в формуле «не желал, но сознательно допускал». Под эту формулу можно подвести несчетное количество действий, которые допускают в отношении природной среды и простые обыватели, и руководители, и собственники промышленных предприятий.

Таким образом, проблема сбережения природной среды является не узколокальной, более острой для одних территорий и незначительной для других. Любые сдвиги в изменении пространства, ухудшающие сейчас или в перспективе условия соответствия экологическому императиву, требуют сопоставления их с глобальным контекстом.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОЭВОЛЮЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ НООСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

П. М. БУРАК

Актуальность разработки методологических подходов к формированию коэволюционной стратегии как совокупности важнейших принципов и целевых задач стабильного социоприродного развития на современном этапе становления ноосферы и обеспечения ее безопасности в качестве надсистемной организации взаимодействия биосферы, социосферы и техносферы объясняется интересами общества в сохранении человечества и жизни в целом. В этом отношении ноосферу можно рассматривать как сферу производства метазнания, формирования общих коэволюционных механизмов регуляции взаимодействия социальной, природной и технической реальности с помощью адаптированных социальных институтов, в особенности науки и человеческой

деятельности, основным координирующим средством которой является соответствующая культура. В данной культуре ноосферный человеческий интеллект интегрирует одновременно три активных вектора разумной деятельности – как функцию биосферы, социосферы и техносферы.

Ноосферная безопасность рассматривается нами в двух основных вариантах:

1) в форме совокупности природных предпосылок, создаваемых человеком условий и реализации воспроизводства метасистемной организации взаимодействия социосферы, техносферы и биосферы;

2) как такое состояние активности ноосферы, которое не приводит к необратимой деградации биосферы или самоуничтожению общества, но обеспечивает возможности их коэволюционного развития и сохранение необходимой степени относительно автономного существования.

Выявляются две важнейшие тенденции взаимодействия биосферы и коэволюции, имеющие стратегическое значение для обеспечения регулируемого, гармоничного взаимодействия общества и природы. Во-первых, коэволюция социосферы, биосферы и техносферы есть объективная предпосылка и условие формирования ноосферы, обуславливающая содержание ноосферной деятельности человека по достижению устойчивого развития. Во-вторых, ноосфера выступает в качестве метарегулятора коэволюции названных сфер, обеспечивая необходимое для выживания человечества единство общества, природы естественной и искусственной. Сохранение ноосферы, понимание значения ее безопасности и роли в поддержании социоприродной стабильности связано с выявлением общих закономерностей коэволюции в обществе, природе и технической реальности. В результате исследований нами выявлены некоторые объективные тенденции или инварианты коэволюции, обуславливающие сохранение и устойчивое воспроизводство отмеченных выше сфер. К таким инвариантам относятся: фрактальная организация систем различной природы на всех их уровнях; полимодальность проявлений существенных свойств, отношений и связей; нейтрализм как способ сохранения природы в относительно автономном существовании систем; единство несамодостаточности, самоизбыточности и самодостаточности систем в отношениях и связях со средой и другими системами. Важнейшей проблемой коэволюционной стратегии и обеспечения безопасности ноосферы является также исследование коэволюции как противоречивого процесса упорядочения и разупорядочения в сопряженном развитии систем одной и той же природы, а также различных по характеру систем. Мы пришли к выводу, что коэволюция должна рассматриваться как единый процесс, включающий противоположные тенденции прогрессивных и регрессивных изменений. В этой связи еще одной важнейшей функцией ноосферы как метасистемы является регулирование на основе научного знания механизмов коэволюции в различных проявлениях сопряженного развития общества, природы и техносферы на пути к их гармоничному взаимодействию. Таковы некоторые результаты наших исследований коэволюционной стратегии.

ВЫЗОВЫ И РИСКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

П. А. ВОДОПЬЯНОВ, Р. РОСА

На ранних этапах истории удовлетворение человеческих потребностей всецело зависело от имеющихся природных ресурсов и способов их переработки. По мере рационального осмысления устройства природы и познания ее законов, определения места и роли человека в природе, его зависимость от природы приобретала все более автономный характер. Промышленная революция XVIII века открыла широкие возможности для покорения и преобразования природы и предопределила вектор экономического развития в целом (экономический рост и получение максимальной прибыли). Особого размаха этот процесс достиг в эпоху современной научно-технической революции, достижения которой открыли поистине безграничные возможности преобразования природы. Сугубо потребительский вектор экономического развития в промышленно развитой части мира породил комплекс глобальных проблем, представляющих угрозу для всего человечества.

Реальная угроза изменения климата планеты, сокращение биологического разнообразия как необходимого условия сохранения стабильности биосферы, истощение природных ресурсов, всевозрастающее загрязнение окружающей среды, сопровождающееся утратой ее качества, недостаток продовольствия – вот далеко не полный перечень глобальных проблем современного мира. Пропасть между богатыми и бедными, характер производства и потребления, который подрывает нормальное функционирование экосистем, взрывоопасный рост населения, наконец, безудержный экономический рост, не учитывающий экологические ценности, и ущерб, наносимый окружающей среде, вызывают необходимость коренного пересмотра устоявшихся представлений о месте и роли человека в природе, изменения его мировоззренческих ориентаций.

Преодоление этих негативных явлений приобретает в современных условиях особое значение, от которого зависит дальнейшая судьба человеческой цивилизации. Именно поэтому формирование новых мировоззренческих ориентаций во взаимоотношениях человека и природы через систему экологического образования и воспитания, главной задачей которого выступает не только усвоение сложившихся норм и форм деятельности, но и оценка будущих достижений в области науки и техники – необходимое условие для определения перспектив дальнейшего развития общества.

Новые ценностные ориентации в сфере научного познания, в различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства настоятельно диктуют необходимость перехода экономики на путь развития, основанный на учете процессов в природе и их влияния на человека. Речь идет о формировании установок нового экологически ориентированного мышления, основанного на принципах совместного, сбалансированного соразвития человека,

общества и природы. Достижение этой цели предполагает введение системы запретов на виды деятельности, которые ведут к утрате естественных свойств экосистем. Важную роль в достижении этого играет экологическая культура, которая предъявляет особые требования к определению путей дальнейшего развития цивилизации, поскольку техническое могущество, основанное на достижениях науки, привело к сокращению жизненного пространства человека до угрожающе малых размеров.

СИМБИОЗ ФИЛОСОФИИ И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК НА ПРИМЕРЕ «ЗЕЛеноЙ ХИМИИ»

К. С. ВОЛНИСТАЯ

В настоящее время в медиапространстве остро стоит вопрос об эволюции существующих наук и учений для соответствия требованиям нынешнего времени. Поднимаются такие темы, как этика исследований, потенциальный вред развития технологий, который может быть нанесен экологии и человечеству. Постепенно даже самые фанатичные ученые естественнонаучных дисциплин начинают признавать необходимость планирования и взвешивания любого открытия, думать не на один, а на два шага вперед – не только предугадывать последствия, но и строить прогнозы, что будет после наступления этих последствий. На данный момент в мире активно развиваются междисциплинарные учения. Одним из таких примеров является «зеленая химия» [1], отцом-основателем которой считается П. Анастас, который в 1998 году в своей книге «Зеленая химия: теория и практика» сформулировал двенадцать принципов «зеленой химии», которыми следует руководствоваться исследователям, работающим в данной области [2].

Последовательное использование данных принципов приводит к снижению затрат на производство, так как не требуется вводить стадии уничтожения и переработки вредных побочных продуктов и отходов – поскольку их просто не образуется. Сокращение числа стадий ведет к экономии энергии, и это тоже положительно сказывается на экологической и экономической оценке производства. «Зеленая химия» предполагает вдумчивый отбор исходных материалов и схем процессов, который вообще исключает использование вредных веществ. Это своего рода искусство, позволяющее не просто получить нужное вещество, но получить его таким путем, который, в идеале, не вредит окружающей среде на всех стадиях получения. Благодаря этому в настоящее время данное научное направление имеет большое число сторонников [3].

Исходя из представленных выше данных, можно сделать выводы, что симбиоз философии и технических наук не только возможен, но и имеет пример успешной реализации. Для последующего прогресса необходимы не только талантливые изобретатели, но и грамотные ученые, способные анализировать

и прогнозировать пользу определенных открытий для оптимизации работы и недопущения ухудшения текущей ситуации. Не менее важную роль играет и поддержка общества, мнение которого может быть той «мягкой» силой, которая окончательно развеет скепсис специалистов технических дисциплин, которые отрицают возможность симбиоза гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Литература и источники

1. «Зеленая» стратегия развития образования и промышленности в Беларуси / Т. А. Савицкая [и др.] // Свиридовские чтения: сб. тр. – Минск: БГУ, 2011. – Вып. 7. – С. 236–242.
2. Anastas, P. Green chemistry: Theory and Practice / P. Anastas, J. C. Warner. – N. Y.: Oxford University Press, 1998.
3. Введение в «зеленую химию»: Беларусь и страны Вышеградской четверки: учеб. программа для специальности 1–31 05 01 «Химия» / Т. А. Савицкая [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013.

ДИНАМИКА СТАНДАРТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Л. О. ВОРОШИУХО

Одной из актуальных проблем современного социально-экологического дискурса является проблема потребления. Модель общества потребления традиционно апплицируется к высокоразвитым современным обществам, успешно завершившим индустриальную стадию своего развития. В силу этого обстоятельства западное общество рассматривают как основного виновника экологических проблем. Однако необходимо учитывать то обстоятельство, что переход от индустриализма к постиндустриализму связан не столько с преодолением определенного временного рубежа, но прежде всего с кардинальными изменениями как институционального, так и ценностно-мировоззренческого характера. Первые попытки ревизии идеала потребительского общества на Западе имели место уже в 60–70-х годах XX в., однако им еще не был присущ экологический пафос. По мере назревания глобальных проблем и все большего осознания пределов роста этот тренд отчетливо обнаруживает себя в высокоразвитых обществах, вызывая существенные трансформации в присущей им культуре потребления. В русле данных тенденций в постиндустриальной культуре складывается новый тип человека, способного противостоять соблазнам общества потребления. Данный тип обозначен как «постматериалист» (Р. Инглхарт, Х. Гесер) или «культурный креатив» (Э. Ласло).

Подобную динамику общества потребления можно объяснить следующей закономерностью. Так, ряд исследований (Р. Инглхарт, К. Вельцель) позволили выявить наличие устойчивых корреляций между уровнем материально-экономического развития и благосостоянием общества и доминирующей в нем

системой ценностей, изменения которых, в свою очередь, обуславливают ряд трансформаций в культуре постмодерна. Достижение высокого уровня социально-экономического развития общества через модернизацию порождает у его членов чувство экзистенциальной безопасности. Это ведет к тому, что в смысложизненных ориентациях постиндустриальных обществ ценности материального успеха и потребительства девальвируются, вытесняясь постматериальными ценностями. В постиндустриальных обществах изменения в стиле потребления обнаруживаются как на микро-, так и на макроуровне. В то же время модель общества потребления все больше завоевывает пространство остальной части мира, еще не вступившей в постиндустриальную стадию развития. Современное белорусское общество в полной мере испытывает на себе все тренды культуры общества потребления, что следует рассматривать как неотъемлемый этап эволюции нашего общества. Достижение и стабилизация достаточно высокого уровня социально-экономического развития неизбежно приведет к формированию постматериальной культуры в белорусском обществе, выступающей в современных условиях важнейшим фактором социально-экологической устойчивости общества.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

М. В. ГОРБАТЮК

Характерной чертой экологического терроризма является территориальное несовпадение объекта террористического воздействия и предмета террористического шантажа. Если объектом выступает какой-либо природный компонент (атмосфера, гидросфера, отдельный экологический комплекс и т. д.), то предметом шантажа, как правило, является политика государства, социально-экономическая позиция страны или комплекса стран, их религиозная и моральная ориентация и т. д. Природная среда обитания не может быть предметом террористического шантажа в силу всеобщей жизненной ценности и своей нейтральности по отношению к политическим, идеологическим, ментальным, психологическим и другим факторам, но вместе с тем может оказаться специфической ареной его практической реализации из-за своей доступности, стать эффективным и потому привлекательным для террориста средством психологического воздействия на общество с целью изменить внешнюю или внутреннюю политику государства.

В структуре природной среды следует выделить наиболее значимые для нормальной жизнедеятельности человека и поэтому уязвимые в экотеррористическом отношении компоненты. Очевидно, что критерием их выделения может служить уровень опосредованности социоприродных связей с объектом террористического воздействия, т. е. степень социальной значимости природного компонента, подвергнувшегося акту воздействия. Так, например, целенаправленное

загрязнение лесного озера, даже представляющего большую эстетическую ценность, но при этом не включенного в систему трофических социоприродных связей, не может иметь тех социально-экономических последствий, которые возможны при отравлении трофически непосредственной аквасистемы, являющееся источником питьевой воды для жителей. Следовательно, террористический акт по отношению к разным по социальной значимости аквасистемам должен оцениваться на основе различных критериев. В процессе оценки основные приоритеты должны быть отданы медико-биологическим критериям, отражающим условия нормальной жизнедеятельности человека в окружающей среде. Другие критерии (экономический, эстетический, биогеоэкологический и т. д.) должны трактоваться как производные от основных, второстепенные по отношению к качеству окружающей человека природной среды обитания показатели.

В практическом плане такой подход, основывающийся на принципе иерархической взаимосвязи качественных характеристик объектов, может служить достаточно эффективным основанием для дифференциации экотеррористических актов по степени их социальной опасности и способствовать наиболее адекватной юридической и экономической оценке совершенных деяний.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ «ЧЕЛОВЕКООСТОЯНИЯ» И НБИКС-ТЕХНОЛОГИИ

А. А. ГОРДИЕНКО

В связи с развитием нано-био-инфокогнитивных и социальных технологий (НБИКС-технологий), в рамках которых трансформации может подвергаться биологическая составляющая природы человека и его идентичность, активно обсуждается ставшая глобальной проблема сохранения человеческой природы. Однако в поиске концептуальных оснований природы человека, его перспектив зачастую игнорируются духовные смыслы человекообразования, его истории. Они подменяются информационным отражением этих процессов, в результате утрачивается духовное содержание человека и его культуры. Чтобы понять происходящее и обрести ориентиры, надо «взглянуть на окружающее с высоты». Как представляется, эта высота связана с обращением к тому пространству и времени, в котором зарождалось человеческое в человеке.

Сформулированы представления о первичном человекообразующем процессе, в котором происходит конституирование и освоение человеком человеческого в себе, возникает первокультура. Предполагается, что предпосылки человеческого начинают складываться в трансцендировании, которое захватывает первобытных людей в предельном прорыве, когда под угрозой оказывается само их существование. Показано, что в прецедентах предельного прорыва первочеловеку приоткрывается нечто, что находится «по ту сторону» от внешнеощущаемой, т. е. макрозапечатленной, данности – трансцендентная

реальность. Прежде всего человеческое сообщество в постпредельном переходе утверждается как духовный коллектив, являя собой способ проникновения вечности в личность и личности в вечность. Возникает человекообразующий контур с ядром в духовном коллективе, который простирается в Мир, Природу Космос. Здесь и конституируются человекообразующие феномены: Добро, Правда (Истина), Красота. А первочеловек оказывается в состоянии соучастия, любви и одухотворения. По мере разворачивания контактов между внутренними ощущениями и трансцендентной реальностью разворачиваются внутренние структуры, которые имеют статус оснований человеческого в человеке.

Развитие человека в контексте современных вызовов связано с обращением и освоением, а значит, и наращиванием первокультуры. О совершенствовании человека можно говорить только как о самосовершенствовании, фундаментальным основанием которого является способность посредством трансцендирования преодолевать себя в гармонии с Другим. Предполагаемые трансчеловеческие преобразования в отсутствии этого контекста не только разрушают, но и исключают из бытия те инварианты жизненного мира человека, которые делают человека человеком. Технологическое улучшение человека должно рассматриваться лишь в контексте трансцендирования. Это означает, что биологическая составляющая природы человека может подвергаться трансформации, в таких формах и так, чтобы это не препятствовало развитию каждого конкретного человека.

ФИЛОСОФИЯ ЗДОРОВЬЯ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Р. И. ЖДАНОВ

Культура здоровья как философская категория. Продолжительность жизни как количественно-временная категория.

Активное долголетие – решение антитезы коротколетия и долголетия и философское единство качества и количества жизни. Условность границ между конечностью и бесконечностью существования. Понятия «трансдисциплинарность», «культура здоровья», определения здоровья, стресса и эустресса обсуждены в их взаимосвязи и роли в активном долголетии. Представлены возможности трансдисциплинарного подхода в вопросах формирования здоровья.

Сформулированы и проанализированы с точки зрения доказательной медицины и философии здоровья факторы, вносящие решающий вклад в феномен активного долголетия: 1) генетические особенности; 2) факторы окружающей среды, включая географическое положение, «голубые» и горные зоны и уровень загрязнения окружающей среды; 3) режим сбалансированного питания для поддержания активного долголетия, включая вегетарианство, ограничение калорийности, голодание, роль витаминов, биоантиоксидантов и микроэлементов; 4) важность двигательной и когнитивной активности и эустрессов:

физической активности, секса, практик йоги и цигуна, принятие возраста в жизнедеятельности и выживании; 5) уровень медицинского обслуживания и ранняя диагностика заболеваний; 6) мотивация к активному долголетию, которая значительно повышает шансы на долголетие, а также 7) медитация, психологические закалывание и настрои, как их используют для формирования здоровья в йоге и цигуне, в религии и в медицинской практике. Обсуждена роль этих факторов на протяжении десяти периодов жизни человека. Активное долголетие как государственная задача.

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНОСТЬ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПСИХОЛОГИЗМ

Н. Е. ЗАХАРОВА

Антропологические исследования второй половины XX века заставили посмотреть на психику человека через призму длящейся миллионы лет эволюции и привлечь психологические теории для изучения экономических феноменов, социальных явлений, сознания человека, в том числе экологического сознания.

С точки зрения эволюционной теории, главная задача любого сообщества – это обеспечение его выживания в постоянно изменяющихся условиях. Эволюция разрешила дилемму человеческого развития, создав существо, чей мозг развивается после рождения, проявляя способность к обучению. Другим удивительным результатом, компенсацией полной беспомощности человека в момент рождения, стала необходимость социальной организации. Сформировались такие важные качества, как альтруизм и взаимная помощь, обеспечивающие выживание человека как биологического вида; развилось чувство общности и доверия, позволяющее не только вместе работать и отдыхать, но также изобретать орудия труда и находить новое знание; установились такие способы взаимоотношений, которые позволяют без насилия и угроз жить вместе и действовать сообща, преодолевая личный эгоизм ради общего благополучия.

Эти качества определили условия выживания людей в социуме. Удивительно, но те же качества определяют благополучие и современных обществ. Сегодня их называют социальным капиталом страны, от величины которого зависит ее научно-техническое, экономическое и социально-экологическое развитие.

Интердисциплинарность методологии экологического сознания человека в контексте исследования системы «человек – природа» позволяет выделить психологию экологического сознания среди ряда смежных наук, изучающих различные аспекты такого взаимодействия. Всестороннее изучение субъективного отношения человека к природе является одной из ключевых задач психологии экологического сознания. Рассмотреть это отношение в качестве предмета

возможно в трех основных аспектах: структурно-содержательном, генетическом и функциональном [1, с. 80–84].

Наиболее важным с точки зрения разработки психологически обоснованной технологии и развития экологического сознания является именно функциональный аспект исследования отношения к природе. Процесс развития субъективного отношения к природе может быть рассмотрен по трем условно выделенным каналам: перцептивно-эмоциональному, когнитивному и практическому [2].

Повсеместная подмена духовного и нравственного социальным и рациональным в жизни современного человека сказывается на самом его типе, который можно охарактеризовать как социорациональный тип человеческой личности. Рациональный человек, являясь продуктом общества, в своих поступках следует внушаемым извне правилам поведения. Благодаря искреннему вживанию в миф о решающей роли социальной среды он получил целый ряд преимуществ, прежде всего – вытеснение всякой идеи личной ответственности за свои поступки.

В условиях становления постиндустриального, информационного общества существенно возрастает значение социально-психологических параметров качества жизни, где важную роль играет потребностно-мотивационное, ценностно-целевое, социально-личностное, социально-психологическое пространство личности, семьи, средовых условий жизнедеятельности [3].

Литература и источники

1. Ясвин, В. А. Психология отношения к природе / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2010.
2. Ясвин, В. А. Психологическая наука и охрана природы // Экоэтика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.ecoethics.ru/old/b19/304.html](http://www.ecoethics.ru/old/b19/304.html). – Дата доступа: 10.06.2017.
3. Субетто, А. И. Ноосферно-научные и духовно-нравственные основания выживания человечества в XXI веке. Научный доклад на V Всемирном научном конгрессе / А. И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2013.

ФИЛОСОФИЯ КАК СПОСОБ ПОНИМАНИЯ УСТОЙЧИВО-ДИНАМИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИУМА

В. Н. КАЛМЫКОВ

Общепризнанной считается сложившаяся в последней трети XX века и ныне совершенствующаяся концепция о необходимости устойчивого развития общества. Достаточно ли рассматривать общество только как устойчивое? Сторонники теории равновесия утверждают, что противоположности должны уравновесить друг друга и таким путем достигается устойчивое положение общества [1, с. 307–308]. Однако развитие возможно при условии постоянного

выхода системы из равновесного состояния. Если устойчивость трактовать как надежную, достаточно четко выраженную тенденцию, то абсолютизированная устойчивость, на наш взгляд, потенциально может превратиться в застой, в стагнацию. Видимо, термин «устойчивость» следует дополнять целым рядом значений, данных в английском, французском и немецком языках: совершенствование, эволюция, прочность, проявление, модернизация и пр. В обобщенном виде устойчивость можно представить как самоподдерживающиеся, достаточно четко выраженные изменения (развитие), предсказуемость последствий тех или иных инноваций, то есть применять словосочетания «устойчивая динамика» социума или «устойчиво-динамическое» преобразование общества, ибо изменчивость – залог устойчивости [2, с. 55].

Не совсем «вписывается» в устойчивость, понимаемую как четко проявляющуюся тенденцию, концепция «черных лебедей» или случайностей, сюрпризов, которую высказал Н. Талеб – один из последователей теории скептицизма К. Поппера. Наряду с белыми могут быть и черные лебеди. В этом же ключе находится «эффект бабочки». В точках бифуркации возможны самые различные флуктуации процесса. «Эффект бабочки» характеризует ситуацию, когда относительно незначительное влияние на систему, подобно взмаху крыльев бабочки, может иметь достаточно непредсказуемые последствия, так как любое новое образование имеет много вариантов развития. Еще в XIX веке возрастающую неопределенность А. И. Герцен выразил представлением о «растрепанной импровизации истории». Импровизация истории, с позиций современной философии, порождает рискогенность, «факторы икс» – явления, которые намечаются и последствия которых пока непонятны, но могут оказать серьезное влияние на мир в будущем.

Устойчиво-динамическое развитие общества возможно, если опираться на принципы: экологизации и гуманизации общественных отношений; разумного (в меру) вмешательства в естественный ход природных и социальных процессов; расширения механизма социального согласия, позволяющего преодолевать конфронтационное мышление и действие и обеспечивать конструктивный внутри – и межкультурный диалог; гармонии экономической эффективности и социальной справедливости, что благоприятствует утверждению социального комфорта и здорового образа жизни и т. п.

Литература и источники

1. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1980.
2. Калмыков, В. Навстречу жизни / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2008. – № 3. – С. 54–61.

АВТОТРОФНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

П. С. КАРАКО

В размышлениях о стратегиях развития современного общества определенное место стала занимать концепция автотрофной цивилизации. Она находит свое освещение даже в учебной литературе по курсам экологии, социальной экологии, философии науки. Причем авторы данной концепции ссылаются на известную статью В. И. Вернадского «Автотрофность человечества» (1925) как первоисточника идеи автотрофной цивилизации.

Анализ конкретных концепций автотрофной цивилизации, становление которой обосновывают Э. В. Гирусов, В. П. Казначеев, Н. М. Мамедов, А. Д. Московченко, Г. В. Стадницкий и другие авторы, свидетельствует об их антинаучной выраженности. В них преобладают голословные заявления о перспективности использования продуктов питания, произведенных химическими предприятиями, освобождения зависимости человека от природы и т. д. Авторы отмеченных концепций не увязывают свои рассуждения с положениями других работ В. И. Вернадского. Более того, ими игнорируется тот факт, что свои суждения о возможности достижения автотрофного бытия человечества Вернадский считал «утопическими». Он выражал уверенность, что химический состав пищи из живых организмов и синтезированной искусственным путем будет качественно различным и человек не сможет питаться последней. Современное научное знание подтверждает заключение русского мыслителя. Его современник К. Э. Циолковский еще в 20-е годы XX века говорил, что цивилизация, потребляющая «неестественные» продукты питания – это «неестественная цивилизация». Она очень быстро «выродится и погибнет».

Сторонники автотрофной цивилизации игнорируют и принятые современным мировым сообществом стратегии социоприродного развития (устойчивое развитие, охраны окружающей среды и т. д.), которые сориентированы на сохранение существующей цивилизации и природной среды ее обитания. В свете всего сказанного можно сделать вывод, что концепции автотрофности человечества и автотрофной цивилизации есть современная форма социального мифотворчества. Они несовместимы с научными и гуманистическими представлениями Вернадского о будущем природы и человека. Их мифологическая выраженность вполне очевидна. Наукообразная форма обоснования, использование авторитетного имени Вернадского для подтверждения данных концепций не убеждает нас в их разумности и необходимости реализации. Очевидна и антигуманная выраженность этих идей. Они не вселяют уверенности в сохранении человека и биосферы в будущем.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

В. А. КАРПИЕВИЧ

Человечество пришло к третьему тысячелетию с тяжелым социальным багажом. Общество по-прежнему противопоставляет себя природе, стремится господствовать над нею. Природа же отвечает на вызов общества различными катаклизмами. Глобальные проблемы современности порождают различные социальные катастрофы, губительные для всего человечества. Они разрушают среду обитания человека, его духовный традиционный мир. Под их воздействием меняется миропонимание и мироощущение человека.

Отношение общества к природе является одним из важнейших компонентов материального производства и исторического процесса в целом. На каждой ступени своего развития общество вынуждено корректировать взаимоотношения с природой, так как ни оно само, ни природные условия не являются неизменными. Современная экологическая ситуация носит глобальный, общепланетарный характер и является в самом прямом смысле порождением общества, превратившегося в фактор, способный причинить планете не меньшие изменения, чем стихийные природные силы. В целом, техногенные и природные катастрофы – это дань, которую платит общество за научно-технический прогресс. Именно благодаря технике, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, люди оказались в состоянии «моделировать планету в соответствии со своими пристрастиями». Но изменять природу оказалось не так-то просто, как создавать новые машины. Небывалый в истории уровень и размах научных знаний, ускоренное развитие НТР способствовали динамичному развитию отношений в системе «человек–общество–природа», которые далеко не всегда развиваются гармонично, а иногда способствуют обострению глобальных противоречий в данной системе.

Ход развития современной цивилизации демонстрирует усиления многих важных процессов и явлений во всемирном масштабе. Серьезной причиной обострения глобальных проблем является потребительское отношение к природе. Бесконтрольное и интенсивное использование природных ресурсов, усиление неблагоприятных последствий человеческой деятельности по отношению к природе поставили общество перед угрозой экологической катастрофы.

Для Республики Беларусь, как и для многих других индустриальных стран, существует риск возникновения катастроф техногенного характера. Мы уже имеем негативный опыт аварии на Чернобыльской АЭС. Кроме катастроф техногенного характера экономика страны ежегодно терпит от наводнений, лесных и торфяных пожаров, ураганов. Прогнозы специалистов неутешительны: в XXI веке количество катастроф, так или иначе связанных с производительной деятельностью человека, будет возрастать. При этом катастрофы

природного характера имеют определенную зависимость от деятельности человека. А это значит, что их социальные последствия будут по-прежнему негативными. Общество, несмотря на высокие темпы технического развития, не сможет их преодолеть. Но и отказаться от прогресса оно не в состоянии. Поэтому нужно планировать дальнейшее развитие человечества с учетом вероятных рисков.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

О. Н. КОЗЛОВА

Проблема взаимодействия общества и природы – одна из изначально ключевых философских проблем – сегодня становится центральной при определении направления развития общества. Фактически в идейно-мировоззренческих ориентациях людей, определяющих их практики в области культуры, политики, хозяйствования, все яснее проявляется разделение на два лагеря сторонников реализации концепции устойчивого развития (sustainable development) и индифферентных, т. е. буквально безразличных к идее фундаментальной социокультурной трансформации. Позиция «отрешенных» от проблемы оптимизации отношений природы и общества не случайна, определяется не только консерватизмом общественного сознания, уже не первый век сориентированного на рост и не желающего воспринимать ставшую очевидной благодаря докладу 1972 года перспективу достижения «пределов роста». В данной позиции отражаются также опасливость по отношению к новой утопии, метанаррации после «заката метанарраций», а также отсутствие воображения.

Однако, как показали У. Бек, Э. Гидденс, С. Лэш, современное общество развивается в условиях «рефлексивной модернизации», что увеличивает риски, расширяет неопределенность, но одновременно создает возможность существенного перехода – не экстенсивного, но интенсивного, т. е. выхода на новый уровень воспроизводства социокультурного процесса. При этом речь не идет о самоотрицании в форме, например, «создания искусственного интеллекта», но о *постепенном* переходе на качественно новый уровень социальных взаимодействий – как отражение и неизбежное условие перехода на новый уровень отношений между обществом и природой. В концепции устойчивого развития этот уровень определен как *партнерство*.

В современном обществе и сейчас на фоне жестко проявляющейся фундаментализации националистических, конфессиональных, гендерных ориентаций, на фоне роста разобщенности и конкуренции, на фоне роста числа недоедающих и страдающих от избыточного веса, – идет процесс демаргинализации. Суть его в интеграции отдельных лиц, социальных групп, сообществ в общество, создание такой структуры, которая обеспечивала бы максимальную

самореализацию в жизни общества каждому ее члену. Основой процесса демаргинализации является реорганизация общественной жизни, сопоставимая с тем периодом, который Карл Ясперс назвал «осевым временем» (800–200 гг. до н. э.). Такая реорганизация является сегодня одновременно и утопией и необходимостью. Переходу к устойчивому развитию препятствует патетическая пафосность многих проэкологических политических инициатив, ясно отраженная в общественном сознании как попытка манипуляции и внушения, преследующая цель скрыть конфликт интересов.

Философии с ее ориентацией на выполнение культуросозидающей роли, на гармонизацию общественных отношений, на оптимизацию социальных практик предстоит вместе с социологией разрабатывать, операционализировать модель перехода к устойчивому, т. е. не сокращающему возможности будущих поколений, развитию.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ XXI ВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

А. Д. КОРОЛЁВ

1. Задача философии – не предсказывать конкретные события (для этого есть прогнозирование), а описывать тенденции, которые делают одни события более вероятными, а другие менее вероятными. Покажем это на примере нескольких тенденций XXI века.

2. От бизнесменов продолжают поступать предложения об увеличении рабочего времени. Эти предложения явно противоречат основной тенденции XXI века: сокращение рабочего времени. Поддерживаю заявление Министра труда и социальной защиты М. Топилина на Петербургском международном экономическом форуме 2017 года о том, что в недалеком будущем мы будем работать от 4 до 6 часов в день. На некоторых наиболее передовых предприятиях Швеции уже сегодня внедряется шестичасовой рабочий день. А в ходе последней предвыборной гонки во Франции серьезно обсуждали сокращение тридцатипятичасовой рабочей недели. Это позволит уменьшить безработицу, повысить спрос и увеличить время на всестороннее развитие личности.

3. Вторая мировая тенденция – переход к криптовалюте. Десятилетие назад о ней никто не слышал; несколько лет назад она была запрещена, сегодня же она имеет хождение во всех развитых странах. Тенденция к тому, что каждый житель планеты будет участвовать в производстве денег, стремительно нарастает. В этом случае никто не сможет пожаловаться на то, что денег нет. Деньги станут товаром, в производстве которого участвует каждый гражданин.

4. Погружение в бестелесность. Современный человек теряет контроль над своим телом. Повсюду в мире закрывают лодочные станции и некоторые аттракционы, потому что у современного человека нет сил и соответствующей координации, чтобы кататься на лодках, водных лыжах, качелях-лодочках и т. д.

5. Погружение в особое состояние сна. Сон – более сложное явление, чем бодрствование, потому что на электроэнцефалограмме во время сна бывают все возможные виды волн, а во время бодрствования – только половина из них. Ежедневно и повсеместно люди наблюдают за экранами смартфонов и других устройств. При этом двигательная активность сведена к нулю. Это и есть классическое определение сна – мозг работает (часто более интенсивно, чем во время бодрствования), сигналы от него блокируются на уровне шеи, тело неподвижно.

6. Общее между этими тенденциями в том, что роль индивида возрастает. Бороться в XXI веке нужно будет не столько за права человека, сколько за права семьи, коллектива, этноса и даже государства. Мы живем в эпоху, когда привычные представления о мире стремительно меняются. Одновременно перед человеком появляются новые непривычные соблазны (сновидения оказываются более интересными, чем реальная жизнь), преодолеть которые можно только при помощи акробатики, воздушной гимнастики и других сложных систем координации тела.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период» (проект № 15-23-21002).

НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНОСФЕРЫ: КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Н. А. ЛАЗАРЕВИЧ

В последние десятилетия стало очевидным, что вопрос об эволюции человека приобретает новое звучание и связан с возникновением технологий, меняющих самого человека и его среду обитания. Примером таких технологий на современном этапе являются конвергентные (от латинского слова *converge* – приближаюсь, схожусь [1]) нано-, био-, информационные, когнитивные и социогуманитарные технологии. Проводя параллель с наукой, можно отметить, что в образовании новых научных направлений конвергенция проявляется образованием интегрирующих отраслей науки, взаимным обменом методами, принципами, понятиями и т. д.

Сегодня развитие этих технологий достигло такого уровня, когда стало возможным создавать природоподобные системы. По выражению директора НИИ Курчатовский центр М. Ковальчук «природоподобие» – это способность включаться в единство и взаимосвязи, наподобие природных процессов. Использование их для «улучшения» человека и его способностей в первую очередь связаны с медицинскими проблемами восстановления здоровья, проблемами допинга в спорте, косметической хирургии. «Улучшение человека» также может быть направлено на расширение деятельностных возможностей

человека или создание новых функций (видеть в ультракрасном свете и др., применение специальных устройств для поддержания способностей мозга).

Современные конвергентные технологии в виде встраиваемых в тело человека нанороботов применяются для исправления на месте различных дефектов, непрерывного наблюдения за состоянием здоровья человека на молекулярном уровне; значительного замедления процессов старения. Эти технологии можно охарактеризовать сегодня как технически, технологически и даже социально желаемые. Эволюция человека и техники на современном этапе происходит в рамках развития технологических решений, касающихся человека, его качеств, как направляемого процесса [2].

Одновременно отмечаются угрозы при использовании данных технологий, связанные с проблемой защиты прав человека, его достоинства и свободы. Они проявляются зависимостью от внешнего контроля, от параметров функционирования этих средств и др.

В рамках понимания будущего конвергентного развития человека и техники теория *устойчивого человеческого развития* занимает свое место. Сущность ее заключается в равном доступе к возможностям развития, как сейчас, так и в будущем через систему экологических компонентов, которые связаны с возможностями технологий, позволяющих сохранять и использовать энергию возобновляемых источников.

Литература и источники

1. Конвергенция // Энциклопедический словарь. – М., 1986. – С. 352.
2. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук, О. С. Нарайкин, Е. Б. Яцишина // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 3–103.

МЕТАГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД КАК АКТУАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

С. В. ЛАПИНА

Гендерные параметры включены в число факторов, определяющих стратегии устойчивого развития глобального мира. Действительно, современные проблемы развития цивилизации, созданной, как свидетельствует история, преимущественно мужчинами, вынуждают искать новые варианты социально-исторического развития, в том числе используя и наработки в сфере гендерного подхода. У развития современной цивилизации нет иных перспектив, кроме тех, которые предписывают всем людям, независимо от их пола, адаптировать в жизни конкретных индивидов и их сообществ, социальных организаций и т. п. успешные жизненные стратегии представителей каждого из полов.

Рассматривая женские и мужские стратегии поведения, специалисты в области гендерных исследований чаще всего останавливаются на таких сферах,

как семья, работа, досуг и охрана здоровья. И если брать главный показатель охраны здоровья – продолжительность жизни – то именно в нем мужчины выглядят менее успешными, чем женщины. Но за этим показателем стоят закономерности, определяющие человеческую экзистенцию в целом. Что касается всех достижений цивилизации в остальных сферах, то они сегодня становятся очень проблемными: семья претерпевает значительные трансформации; организация трудовой деятельности, при всех новациях, не дает нужных результатов; досуг зачастую выступает в виде прибежища пороков. Об этом говорят политики и ученые, СМИ. Что касается здоровья, статистика в отношении мужчин выглядит и вовсе печально.

В сложившейся ситуации, вероятно, современным исследователям не стоит искать аргументы в пользу значимости того или иного пола (все-таки их два). Ученым следует обратить внимание в гендерных исследованиях на социальные факторы, которые не столько оформили культурные различия между полами, сколько создали (и продолжают создавать) определенные жизненные преимущества для представителей того или иного пола, например, продолжительность жизни. Следует выявлять те социальные, поведенческие (внебиологические) особенности, которые способствовали этому, транслируя сделанные выводы на всю популяцию вне зависимости от пола ее представителей. Таковыми видятся основания метагендерного подхода, который в условиях расцвета междисциплинарности научного знания приобретает особую актуальность [1].

Литература и источники

1. Лапина, С. В. Метагендерный подход как актуальная особенность гендерных исследований / С. В. Лапина // Проблемы управления. – 2015. – № 3. – С. 62–66.

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В СТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

И. К. ЛИСЕЕВ

Многоаспектные, многоуровневые, полифакториальные процессы современного глобализирующегося мира, ведущие к его переходу в новую стадию цивилизационного развития, широко обсуждаются и остро дискутируются. Однако при этом большинство теоретиков формирования этой новой цивилизационной стадии развития общества, как правило, ведут речь о социально-политических, финансово-экономических, геополитических, конфессионально-культурных и прочих социальных закономерностях, игнорирующих природные основания функционирования государств. Об этих экологических императивах развития и связанных с ними новых установках сознания и деятельности речь, как правило, не заходила.

У Дж. Несбита среди мегатрендов, характеризующих новую цивилизационную модель постиндустриализма, называется переход от развитой техники

к высоким технологиям, от национальной экономики к мировой, от краткосрочных задач к долгосрочным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к непосредственной, от иерархии к сетям и т. д. Центры постиндустриального будущего по Э. Тоффлеру следующие: разнообразие источников энергии, дифференцированность технологической базы, превращение конвейерного производства продукции, смена цивилизационных кодов и т. д.

Подобные примеры можно продолжать довольно долго. Но результат будет один: сценарии постиндустриализма представляются недостаточными для характеристики новой складывающейся ныне цивилизационной ориентации, ибо в них остается непроработанной проблема соотношения глобализации и экологизации современного общества.

Мало полезного дала и серия международных Саммитов по охране окружающей среды, проводившихся с 1972 года. Еще в документах конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году отмечалось, что развиваемый подход требует разработки и формулировки новых норм, ценностей и отношений, отвечающих нашему времени. Но кроме констатации этого факта дальше дело не пошло. Каковы же эти нормы, ценности и отношения? В чем их содержательная новизна? Все это осталось непроработанным.

В документах проведенных встреч этот тезис гипнотически воспроизводился без расшифровки, без рефлексивного анализа. Представляется, что в этом одна из главных неудач намеченной стратегии. Нет философского осмысления проблемы, которое сразу выведет на обсуждение новых глубинных цивилизационных аспектов нашего бытия. Станет более ясной необходимость корректировки межгосударственных отношений, появится потребность в более энергичном использовании международных организаций с учетом возможностей их координирующей деятельности. Много может дать для понимания этого процесса формирующаяся ныне концепция Глобальной экологии, объединяющая в себе расширительные трактовки экологии: экологии биологической, экологии человека, социальной экологии и т. д. В этом контексте глобальная экология выступает как философско-методологический регулятив, фиксирующий общность взаимодействия объектов и сред их обитания, безотносительно к субстратам, их составляющим.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

В. В. МЕЛЬНИЧУК

В XXI в. человечество столкнулось со многими глобальными вызовами, среди которых особого внимания заслуживают экологические проблемы.

Современный экологический кризис возник в результате длительного исторического развития человечества. Поэтому и причин его появления много, впрочем, все их можно свести под один знаменатель – жизнедеятельность

человека. Обвинять только развитие науки и техники в возникновении этих проблем было бы не совсем верно, ведь они находятся под контролем человека, их использование является его выбором, прежде всего нравственным. Применяя новое изобретение, технику, человеку надо спрогнозировать последствия, что, к сожалению, происходит не всегда. Часто акцент делается на экономической выгоде, а не на пользе или вреде для окружающей среды. Поэтому возникает необходимость регулирования отношений между человечеством и природой, что возможно сделать с помощью экологической этики, которая предполагает, что поведение человека по отношению к природе должно регулироваться моральными нормами. Важную роль в осознании этого занимает религия, ценности и принципы которой также можно использовать при формулировании положений экологической этики.

Религия способствует пониманию того, что человек не всемогущ, его контроль над природой не является безграничным, манипулирование природой может обернуться против него. Технология дает человечеству власть над миром, в то же время религия учит сдержанности, освобождению от эгоизма, поэтому важно учитывать влияние религии на сознание верующего человека.

Особое внимание религия акцентирует на том, что сегодня человечество переживает одновременно два кризиса: экологический и духовный. В современном мире человек теряет осознание жизни как дара Божьего, а иногда и сам смысл жизни, если эта жизнь сводится только к физическому существованию. Преобразование природы должно начинаться с изменения самого человека.

Формулируя положения экологической этики, необходимо не игнорировать, а привлекать такой мощный фактор, как религия, используя морально-религиозную мотивацию экологической деятельности. Сегодня представители всех религий стремятся приобщиться к решению экологических проблем, что находит свое выражение в проповеди любви к природе, бережном отношении к ней, проведении различных акций. Экологическая этика является именно той отраслью, которая делает возможным сочетание науки и религии как взаимодополняющих составляющих для достижения общей цели – выхода из экологического кризиса.

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Н. И. МУШИНСКИЙ

В эпоху постсовременности наглядно проявились вызовы научно-технического развития, адекватный ответ на которые возможен только согласованными усилиями всего человечества, объединенного на основе универсальных критериев справедливости.

Ведущие философские направления пытаются теоретически интерпретировать указанные процессы. Большинство из них сходятся в том, что моральный

субъект должен на индивидуальном уровне самостоятельно осмысливать инновационные принципы справедливости, не полагаясь на привычные трактовки, которые уже перестают соответствовать новым условиям жизни, постоянно меняющимся под воздействием передовых научно-технических достижений. Еще в XIX веке философия ницшеанства охарактеризовала эту проблему в категориях «смерти Бога» и прихода «сверхчеловека», стоящего «по ту сторону добра и зла» в их архаическом понимании, способного самостоятельно осознать суть подлинной справедливости в изменившемся технократическом мире и следовать ей без всякого внешнего принуждения (реализуя тем самым свою «волю к власти» над вызовами и угрозами этого мира). Американский прагматизм тоже призывал избегать «общепринятых трактовок», решать каждую проблему в ее конкретном приложении, создавать новаторские концепции справедливости для каждого единичного случая, оценивая их по практическим (прикладным) последствиям, по «инструментальной» целесообразности. Категорию «практики» (предметно-преобразующей деятельности) широко использует также философия марксизма, рассматривая ее как критерий истинности «революционных» теорий, призывающих к качественному скачку во всех областях: в материальном производстве, в социально-политических отношениях, в общественном сознании. Философская герменевтика в качестве основы для подобного синтеза выводит гуманитарный метод «Понимания», в дополнение к естественнонаучному технократическому «Объяснению». Феноменология Э. Гуссерля стремилась инициировать творческую способность человеческого сознания по продуцированию «феноменов» через понятие «интенциональности» (направленности мысли на качественно новые, непривычные предметы, вызовы и угрозы, постоянно появляющиеся в ее «поле зрения» в современном и постсовременном технократическом социуме). Одновременно предполагалось «вынесение за скобки» всего, что мешает чистой творческой деятельности ума по выяснению инновационного содержания подлинной справедливости: чужих мнений, общепринятых устаревших трактовок, ангажированного повседневным «опытом» корыстного интереса и т. п. Подобные методы успешно использованы в «Этике» Н. Гартмана и других аналогичных произведениях. На индивидуальном постижении понятия справедливости делает акцент философия экзистенциализма, связывая его с осознанным моральным выбором в «пограничных ситуациях», принятием на себя ответственности за его последствия. В этом состоит реализация «подлинного существования» морального субъекта, инициировать его – смысл и назначение искусства.

Особое внимание самостоятельному осмыслению кризисов и вызовов постсовременности уделяет философия постмодернизма, декларируя «смерть Автора» (призванного «надзирать и наказывать», под авторитетом «науки» навязывать линейную, логоцентристскую, «единственно правильную» точку зрения, ведущую человечество к новым виткам взаимной конфронтации на грани самоуничтожения). «Деконструкция логоцентризма» открывает перед моральным субъектом возможность критически мыслить, своими силами

ориентироваться среди «хаоса дискурсивных практик», полифонии и «симулякров» постсовременности, на основе инновационных критериев справедливости налаживать творческий «диалог» с «Другими», аналогичными субъектами нравственных отношений.

Задача этико-философской мысли Беларуси состоит в том, чтобы, аккумулируя ведущие тенденции мировой духовной культуры, сформулировать общезначимые критерии справедливости с учетом национальной специфики в глобальном мире.

КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. А. НИКИТЕНКО, Э. К. НИКИТЕНКО

Основой устойчивого развития всей планеты Земля должна стать концепция ноосферного мировоззрения. Планетарное ноосферное сознание и мировоззрение сегодня необходимо человечеству, которое подошло в XXI в. к новому эволюционному витку развития. Ноосфера – это космоземная оболочка, воздействие космических излучений, прежде всего Солнца, на все живое и особенно на человечество, что и определяет космический характер ноосферы. Так, В. И. Вернадский ввел в концепцию ноосферы этику, предполагая, что если Землей будут править ученые, то не будет войн, голода и нищеты. По мнению П. В. Флоренского, ноосфера – естественное явление, она имеет в себе не только созидательные, но и разрушительные тенденции, ибо большая часть изобретений человечества может быть использована как на добро, так и во зло. Подлинная духовная эволюция человечества, изменение его сознания и мировоззрения связаны прежде всего с одухотворением и преодолением антропологического кризиса, с освобождением от всех форм порабощения. Только возрождение подлинной духовности способно привести человека к новому качеству жизни, к «новому» сознанию и творчеству. Основные слагаемые этого мировоззрения:

человек – маленькая клеточка единого тела Вселенной и как клеточка должна жить в гармонии и единстве со всеми остальными сущностями и частями, подчиняться единым законам Природы;

весь мир разумен и имеет иерархию разумностей, что снимает противостояние науки и религии, религии и культуры, мешающее консолидации нашего общества;

информация, а также средства ее передачи и обработки стали связующим звеном для всего того, что изобретается человечеством, поэтому сегодня так необходимо повышение ноосферной культуры личности, общества, цивилизации в целом.

В соответствии с этим понятием расширяется понятие окружающей среды и ее новым элементом становится информация, от чистоты которой зависит сознание, мировоззрение и культура людей. В контексте формирования нового мировоззрения формируется культура как социальный феномен, культурные образцы складываются из общезначимых ценностей и тех, которые обоснованы локальной традицией. На сегодня отечественная культура имеет несомненно деформированный характер ценностей и новых артефактов культуры. Отечественная культура традиционно опирается на ценности, которые имеют статус общезначимых, глобальных, так как находят подкрепление в смысловом поле культурных установок и традиций. Эта универсальность и общезначимость существенно и полярно противоположна заданной современным Западом массовой культуре. Культура составляет то вечное и неразрушимое прибежище, где дух человеческий находит пути ко всему просветленному и прекрасному. Мировоззрение является способом адаптации человека к миру и нравственной формой защиты человека. Мировоззрение функционирует как содержательная сторона системы сознания, которая включает умение пользоваться знаниями для познания и преобразования мира, убежденности в их истинности как инструмента деятельности, основные идеалы, принципы и готовность к реализации и защите убеждений и идеалов.

Литература и источники

1. Воронкова, В. Г. Формирование нового мировоззрения, нового человека, нового общества будущего / В. Г. Воронкова // Антропологічні виміри філософських досліджень: Дніпропетровськ. – 2013. – № 3. – С. 79–80.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ: МИССИЯ ПЕДАГОГА XXI в.

Д. С. НОВИКОВ

Нарождающееся «общество знания» требует от своего субъекта готовности и способности заниматься непрерывным самообразованием. В такой ситуации здоровье индивида становится не просто природным фундаментом его жизнедеятельности, но ключевым ресурсом, обеспечивающим как социальный успех, так и возможность самореализации, осуществления свободно избранной жизненной стратегии. Формирование подобного отношения к здоровью необходимо начинать уже в период школьного обучения, прививая растущему человеку привычки, нацеливающие его на укрепление и наращивание соматического и психического благополучия в интересах личностного самосовершенствования.

Между тем, ситуация в области индивидуального и общественного здоровья молодых россиян остается крайне тревожной. По причине пьянства, употреб-

ления наркотиков и токсикомании в 2010 г. на профилактическом учете оказалось в расчете на 100 тыс. человек: подростков в возрасте 15 лет – 25,5 человека, в возрасте 16 лет – 18,6 человека, в возрасте 17 лет – 54,5 человека.

В 2013 г. численность пациентов, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением наркотических веществ с вредными последствиями, на 100 тыс. человек населения соответствующего возраста составила для лиц до 14 лет – 2,1 человека, для лиц 15–17 лет – 124,4 человека (в 2012 г. эти цифры были ниже – 1,9 и 99,5 человека соответственно). По данным члена-корреспондента Российской академии наук Н. М. Римашевской, тогда же почти 2,5 млн детей не могли «получить стандартную подготовку, прежде всего по причине психического нездоровья, а 70 % учащихся школ испытывали значительные трудности в усвоении базовой школьной программы обучения» [2, с. 8].

В этой связи на школьного педагога объективно ложится крайне важная миссия – недопущение деградации личности человека и вооружение его пониманием здоровья как необходимого фундамента успешного саморазвития.

Однако для того чтобы педагог был способен осуществлять такую миссию, он сам должен быть готов к деятельности, укрепляющей здоровье обучающихся. Она подразумевает изучение отношения учащихся к своему здоровью в контексте имеющихся у них долгосрочных планов и жизненных приоритетов, формирование здоровьесберегающей культуры в целях и содержании образования школьников. Педагог также должен способствовать формированию готовности учащихся к деятельности по укреплению здоровья путем осознания ими важности данной задачи.

Литература и источники

1. Российский статистический сборник. Ежегодник // Статистический сборник. – М.: Росстат, 2014.
2. Римашевская, Н. М. Общественные ценности, рынок и образование / Н. М. Римашевская // Народонаселение. – 2008. – № 1.

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ПРОЕКТА «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ»: РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТООРИЕНТИРОВАННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

В. В. ПОДКОПАЕВ

Национальная академия наук Беларуси как высшая научная организация страны, научно-производственная корпорация, осуществляющая активное международное сотрудничество и поставляющая продукцию на экспорт в 40 государств, уже долгое время пользуется вниманием китайских партнеров. С течением времени их интерес к продукции академических организаций только

увеличивается. Об этом свидетельствуют рост экспорта, увеличение числа совместных белорусско-китайских структур, количества взаимных визитов и совместно организуемых мероприятий.

Со своей стороны НАН Беларуси видит взаимодействие с научными центрами и предприятиями Китая одним из приоритетных направлений развития международной деятельности. НАН Беларуси подписано на уровне руководства более 20 договорных документов, регулирующих вопросы сотрудничества и обозначивших направления и механизмы кооперации, с научными организациями Китая, органами управления в сфере науки и техники различного уровня, крупными китайскими корпорациями.

В целях эффективного выполнения Директивы Президента Республики Беларусь о развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой от 31 августа 2015 года № 5 Председателем Президиума НАН Беларуси В. Г. Гусаковым утверждена «Дорожная карта» развития сотрудничества между Национальной академией наук Беларуси и организациями Китайской Народной Республики на 2016–2020 годы, которой определен перечень мероприятий для реализации организациями Академии наук по совершенствованию инфраструктуры совместной научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также совместные научные и выставочно-ярмарочные мероприятия, направления реализации совместных проектов и контрактов (лазерные и оптоэлектронные технологии, новые материалы, технологии для агропромышленного комплекса, инженерные, энергетические, химические и биотехнологии). В целях проведения системной работы с китайскими партнерами, координации и содействия академическим организациям по проработке и реализации совместных проектов и контрактов в НАН Беларуси функционирует Совет по научно-техническому сотрудничеству НАН Беларуси с КНР.

Работают 8 совместных центров и лабораторий на базе организаций НАН Беларуси и их китайских партнеров; ведется подготовка к созданию еще 4 совместных структур, основной задачей которых является реализация на контрактной основе важных для экономики КНР и Беларуси научно-технических проектов.

В целях активного использования возможностей, появляющихся в результате строительства Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», НАН Беларуси, ГКНТ Республики Беларусь и СЗАО «Компания по развитию индустриального парка» подписаны Рамочное соглашение о сотрудничестве в сфере производства, финансов, научных исследований и разработок и Соглашение о создании Китайско-Белорусского центра коммерциализации инноваций.

Эффективная реализация проекта «Экономического пояса Шелкового пути» в полной мере зависит от масштабов внедрения высоких технологий в различные области экономики, такие как энергетика, строительство, транспортные

системы, добывающая отрасль и др. Национальная академия наук Беларуси, выполняя исследования и разработки, применимые во всех отмеченных областях, будет и далее реализовывать комплекс мер для активного вовлечения Беларуси в процесс решения задач проекта «Экономического пояса Шелкового пути».

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК МОДЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ

И. К. РУСАНДУ

Осознание имманентной взаимосвязи развития и безопасности (а в перспективе – и системы «безопасность-развитие») привело к формулировке положения о возможности обеспечения безопасности через развитие, а если говорить точнее – через устойчивое развитие. Становление более безопасной среды обитания человека и цивилизации в целом в процессе перехода к устойчивому развитию означает, что существенная часть функций по обеспечению безопасности может быть обеспечена теперь уже не защитой, а самим этим новым, т. е. устойчивым типом развития, который уменьшит количество, масштабы и интенсивность негативных и вредных воздействий.

Защитный механизм обеспечения безопасности в этом случае перестает быть основным и превращается в дополнительное средство обеспечения безопасности и его нормативно-регулятивных систем через устойчивое развитие. Глобализация, наука и социоприродные преобразования в условиях современного мира с позиции обеспечения безопасности как страны, так и всего мирового сообщества. Считаем, что это важный мировоззренческий и концептуально-методологический поворот в области осознания проблем безопасности и в сфере проблем устойчивого развития, их объединения в единое научно-поисковое и практико-деятельностное направление.

Обратим внимание на то, что нормативное обеспечение формирования более безопасной широкой системы как среды существования человека и человечества требует изменения именно социальной и социоприродной сущности антропогенной деятельности. В современной модели эта деятельность носит эконоцентрический характер, и человек руководствуется принципами личного интереса и выгоды, которые далеки от проблем выживания человечества. Этот процесс в обществе, во всяком случае на глобальном уровне, приводит к стихийному взаимодействию этих часто несовпадающих интересов, которые оказываются противоположными выживанию всего человечества.

Это несовпадение векторов выживания индивида и человеческого рода, которые сейчас неуклонно стремятся к антропоэкологической катастрофе, создает опасную среду существования и развития, названную моделью неустойчивого развития. Одной из задач перехода к устойчивому развитию как раз

и является создание единой стратегии выживания, в которой личные и национальные интересы в необходимой степени совпадали бы с интересами выживания всего человечества.

Если модель неустойчивого развития акцентировала внимание на отдельном «экономизированном» человеке, то модель устойчивого развития акцентирует внимание на всем человечестве, выживание в целом, а не только, например, «золотого миллиарда». Стало очевидным, что не только права и свободы, но и жизнь отдельного человека не может быть обеспечена в будущем, если будет деградировать и разрушаться вся сфера обитания человека: не только его социальное, но и природное окружение. Вот почему новая модель цивилизационного развития оказывается более гуманной в своей стратегической и политической ориентации.

ГЕНОМ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА: КОНВЕРГЕНЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ И ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

В. К. САВЧЕНКО

Природа человека является продуктом биосоциальной коэволюции. В результате ее возникает расовое, этнокультурное, языковое и социальное многообразие людей. Конвергенция технологий вызывает большие надежды у одних, а у других – опасения этического и социального характера. Так, технологии для терапии привносят в медицину новые методы диагностики и лечения, открывают эпоху регенеративной и персональной медицины. Однако возникают также потенциальные угрозы, риски и этические дилеммы.

Природное и технологическое расширило восприятие тела человека. Граница между природным и его искусственным продолжением становится размытой. Новая технология редактирования генома основана на использовании нуклеаз – белковых молекул, способных разрезать ДНК в специфических сайтах с целью удаления, вставки или изменения последовательности нуклеотидов. Появились предложения использовать технологию как для терапии, так и для улучшения генома здоровых людей. Улучшение генома с целью усилить те признаки, которые повышают социальный статус человека в спорте, науке, искусстве, начинают рассматривать как генетический допинг. Поэтому Всемирное антидопинговое агентство в 2003 г. включило его в список запрещенных практик.

Одновременно идет формирование идей *трансгуманизма* и *постгуманизма*, возникают группы сторонников, желающих реализовать их на практике, взять под контроль и ускорить естественную эволюцию в направлении более совершенного постчеловека. Критики этих идей относят их к числу утопических. Они вызвали дискуссию как о возможности их реализации, так и о морально-

этической их состоятельности. Академические круги исследуют их целесообразность с применением философских аргументов, в то время как в произведениях искусства создается непривлекательная картина такого будущего. Обещания трансгуманистов о достижении человеком бессмертия и искоренении страданий напоминают о вере в загробную жизнь в раю. Негативные *социальные аспекты улучшения генома* связаны с ожиданиями, что их плодами смогут воспользоваться лишь состоятельные люди, а не бедные слои общества, а также с угрозой разделения общества на тех, кто генетически усилил свои природные возможности, и тех, кто остался жить с ними. Противники идеи трансгуманизма настаивают на том, что она угрожает общепринятой морали и несет с собой угрозы, связанные с возможностью возникновения социально-биологической иерархии в обществе и социального неравенства и напряженности.

Взгляд в будущее позволяет сформулировать три возможных сценария. Первый – закрепляет охрану генома и биологической природы человека, но разрешает развитие и использование внешних технических устройств для совершенствования физических и ментальных возможностей человека. Второй – разрешает повышение стандартов биологической нормы и предусматривает освобождение от врожденных болезней и технологическое устранение генетического груза популяций при использовании внешних устройств для повышения продуктивности труда и отдыха. Третий – наиболее радикальный – направлен на технологическое изменение генома и естественной природы человека, технический контроль над его дальнейшей эволюцией с возможным появлением на этом пути транс- и постчеловека.

Будущее непредсказуемо, но оно может быть построено на основе осознанных коллективных действий в настоящем. Выбор путей в будущее за человеком, который должен оставаться хозяином своей судьбы, оберегать свою человечность и быть ответственным не только за себя, но и за биологическое и социальное благополучие будущих поколений. Поэтому роль этики и морального императива при выборе путей в будущее в наше время значительно возрастает.

ПРИРОДОСОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЕМ ЧЕЛОВЕКА

Ю. А. СЕМЁНОВА

Французский писатель-моралист XVII века Жан де Лабрюйер в свое время заметил, что здоровье – это то, что люди больше всего стремятся сберечь, но меньше всего берегут. К здоровью человека в условиях ускорения научно-технического прогресса предъявляются все более высокие требования. Именно оно определяет все процессы биологической и социальной жизни, а именно: антропологические причины, обусловленные общей тенденцией к уменьшению количества населения при негативных социально-экономических обстоя-

яательствах; экологические причины, угрожающие здоровью человека масштабными катастрофами; праксеологические причины, обостряющие проблему формирования, хранения и использования жизненных, энергетических, психических и интеллектуальных ресурсов человека.

Природосоциальные технологии воздействуют на здоровье человека как сложное организационно-функциональное явление, построенное на основе системного обеспечения эффективной жизнедеятельности человека через культивирование природных возможностей организма и применение социальных технологий формирования, сохранения, реабилитации и укрепления здоровья. Они представляют собой тонкий механизм синтеза различных форм и типов реабилитации в единую открытую мультимодальную систему. Конечной целью проектирования и применения природосоциальных технологий, воздействующих на психосоматическое состояние человека, является здоровье, как отдельного человека, так и нации, этноса, населения конкретных регионов и планеты в целом. Достижение этого результата обеспечивается двумя путями: 1) влияние на биологическое состояние организма человека, что отражается в запрограммированности действий личности в сфере профессиональной деятельности; 2) влияние на социальные факторы, обеспечивающие предполагаемую реакцию организма человека.

Функциональный потенциал природосоциальных технологий на макроуровне обеспечивает, с одной стороны, целостность, а с другой – организованность, в данном случае по отношению к объекту, на который направлено его воздействие с целью укрепления здоровья человека.

На микроуровне реализуются десять функций: аутопоэзисная (самовозобновляющая), целевая, интеллектуальная, идеологическая, рационализация и эффективности, нормативная, регулятивно-управленческая, преобразующая (посредническая), стабилизации и развития, систематизации. В целом это позволит обеспечить более качественную технологическую подготовку специалистов и повысить их профессиональную культуру.

КОНЦЕПЦИЯ КОЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОРАЗМЕРНОГО РАЗВИТИЯ

В. В. СЛЮСАРЕВ

Говоря о системе «человек–общество–природа», необходимо отметить один из важных аспектов – развитие как частный случай изменения – это процесс и, следовательно, имеет свою временную градацию. При этом временные промежутки, актуальные для развития, изменения каждого из предложенных элементов (человек–общество–природа), имеют разную длительность. Человек может измениться за относительно короткий промежуток времени. Даже самые долгосрочные планы относительно самого себя он строит, как правило, не более чем на 6–7 лет вперед (например, получение высшего образования).

Однако когда мы говорим об обществе, то временной промежуток, необходимый для социальных трансформаций, отличается как минимум на порядок. Так, напомним, что реформы Петра I, которые привели к существенным изменениям в государстве, длились 29 лет, а Великая французская революция, например, чуть более 10 лет. При этом планирование на уровне общества и общественных институтов может оперировать периодами в 50–100 лет. Подобное порядковое увеличение будет характерно для изменений в природе, связанных с деятельностью человека. Отметим, например, что масштабное строительство гидротехнических сооружений в СССР в 30-е годы XX века привело к серьезным изменениям гидрологии Волги, Дона и Аральского моря спустя 50 лет. В том числе когда мы говорим об изменениях климата, то целесообразно отметить, что первые приборы для измерения метеорологических показателей (термометр, барометр) были созданы лишь в начале XVII века, а история метеорологических наблюдений в России началась с первой половины XVIII века. При этом существенные изменения климата, связанные, например, с возникновением Ледниковых периодов, имеют продолжительность в 12–15 тысяч лет, что исключает любые антропогенные факторы влияния. На фоне подобных рассуждений, утверждения о «росте среднегодовой температуры на 0,3 °C» представляются поспешными.

Таким образом, концепция устойчивого развития, основывающаяся в первую очередь на показателях экономического характера, представляется дисинхронной и в определенной степени не соответствующей целям развития всех заявленных элементов. С нашей точки зрения, перспективной представляется концепция соразмерного (основанного на философском понятии меры) или коэволюционного развития, позволяющего рассмотреть взаимодействие полионтичного континуума каждого из элементов системы «человек–общество–природа» [1] и учитывающего «интересы» каждого из них в равной мере. В подобном контексте становится возможным гармоничное развитие и сосуществование человека, общества и природы.

Литература и источники

1. Кутырев, В. А. Человеческое и иное. Борьба миров / В. А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2009.

ЦЕННОСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

С. Н. СОКОЛОВА, А. А. СОКОЛОВА

В эпоху трансгуманизма и интенсивного развития корпоративного спектра, сертификации услуг и товаров, технологического аудита, консалтинга, а также перехода большого потока информации в цифровую форму, объективно происходят геополитические, социально-экономические процессы, влияющие на ценности безопасности человека. Складывается ситуация, когда информационное общество изменяет форму и содержание массовых коммуникаций,

воздействует на человека, перестраивая социальную структуру социума. Это, в свою очередь, создает конфликт интерпретаций и затрудняет нравственно-интеллектуальный выбор личности, усиливая деструктивные тенденции.

Соответственно, возникает концептуальный вопрос, характеризующий дегуманизацию современной информации, так как контрольные функции информационных систем представляют собой преднамеренную коммуникационную экспансию, являясь доминирующим фактором в формировании позитивной аксиологической матрицы личности. Парадоксальность современной ситуации заключается в том, что в философской концепции трансгуманизма и в международных процессах используются: искусственный интеллект, нанотехнологии, биотехнологии, изменяющие интеллектуальные способности человека под воздействием глобальных изменений, влияющие на ценности безопасности современного человека.

Информационное общество, таким образом, в процессе общественной дезинтеграции актуализирует «антиценности», создавая «цифровую опасность», способную перераспределить когнитивные функции не только между человеком и машиной, или киборгом, но и между социальными группами, государствами, регионами, имеющими непосредственное отношение к эмоциональному, духовно-нравственному, ценностно-мировоззренческому потенциалу личности и к сфере безопасности в целом.

В итоге XXI век доказывает необходимость акцентуации на ценностно-мировоззренческом потенциале личности культуросозидающей роли философского знания. Это необходимо для гармонизации общественных отношений, оптимизации процессов государственного строительства, теоретико-методологического обеспечения образовательного процесса, достижения стабильности и безопасности человека и общества.

СФЕРА БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИУМА И ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ

С. Н. СОКОЛОВА

В современном социуме происходят сложные процессы, которые детерминируют общественные отношения и сферу безопасности общества, что актуализирует вопросы, связанные с угрозами гибридных войн. Глобальные тектонические процессы, активная борьба за ресурсы между современными государствами доказывают, что структурные диспропорции во всех сферах жизнедеятельности общества порождают международный терроризм, а значит, возможность применения взрывных устройств, химического и высокоточного оружия. В результате растет число особо опасных преступлений, связанных с наркобизнесом, коррупцией, торговлей людьми.

Гибридные войны представляют собой информационно-коммуникативную эклектику, позволяющую трансформировать социальное пространство, перераспределять информационные ресурсы с целью перестройки обще-

ственных отношений и материальных ресурсов. В такой ситуации сфера безопасности общества приобретает особый статус. Защита национальных интересов выходит за рамки одного государства и становится глобальной проблемой, требующей конструктивного диалога и обязательного выполнения подписанных коллективных договоренностей. Гибридные войны, таким образом, отражают сущностные трансформации современного человека, общества и государства. Как синтезирующая дефиниция данная категория носит комплексный характер, включая универсальный спектр военно-стратегических, финансово-экономических, социально-политических составляющих (сетевые военные действия, кибервойна), а также органично сочетает методы ведения традиционной войны с применением химического, биологического и ядерного оружия. В связи с этим нельзя не учитывать тот факт, что в информационном обществе доминирующим элементом становятся действия латентных сил, возникающих, как правило, по инициативе, а главное, при финансовой поддержке иностранных граждан.

Такая деструктивная динамика развития общественных отношений порождает системные противоречия, так как к современному государству, которое является участником гибридных войн, применяется разноплановое давление и наносится колоссальный ущерб национальным интересам, а значит, становится менее эффективной сфера безопасности современного общества. Гибридные войны, в итоге, являются глобальной проблемой для человечества, а значит, могут и должны стать предметом философского осмысления, так как содержат множество рычагов воздействия на политику государств и сферу безопасности, трансформируя социальное пространство.

КОСМИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК РАЗДЕЛ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ

Н. М. СОЛОДУХО, М. Н. СОЛОДУХО

Космическую экологию определяют как отрасль знания, изучающую экологические отношения человека и космоса. Принято выделять два подхода в понимании космической экологии: 1) экология космонавтов в замкнутых системах жизнеобеспечения космических кораблей и станций; 2) проблемы космического мусора, попадающего в атмосферу и на поверхность Земли. По мере космической экспансии человека оба подхода имеют тенденцию к расширению своего предмета исследования, переходя от околоземного пространства к пространству Солнечной системы, а далее – к экологии экзопланет. Целесообразно отметить, что в XXI веке космическая экология стала служить общей основой науки выживания человека в космосе. В целом экология как научная парадигма выступает основой существования человечества, так как ее важные вопросы касаются задачи принципиальной возможности человека и других существ выжить и жить на Земле и в Космосе.

В тезисной форме новизна идей авторов заключается в следующем:

во-первых, концепция «всеобщей экологии» была предложена Н. М. Солодухо в первой половине 90-х годов XX века. Ее задача заключается в нахождении общего и единого в разнокачественном и разнонаправленном многообразии экологического знания (так и с таким решением проблемы другие авторы вопрос не ставили). В 2007 году на базе Казанского государственного технического университета была организована и проведена Международная научная конференция «Актуальные вопросы всеобщей экологии» с публикацией материалов в форме коллективной монографии;

во-вторых, космическую экологию никто прежде не рассматривал через призму всеобщей экологии и не решал проблему расширения ее предметного поля;

в-третьих, всеобщая экология позволяет сформулировать экологический императив: без усвоения экологии культуры невозможно достичь глубоких и (главное) устойчивых результатов в практической экологии (в том числе относим это и к космической экологии);

в-четвертых, в этой науке дается более широкое и более гибкое определение и обобщенное понимание экологии вообще, что возможно перенести на космическую экологию;

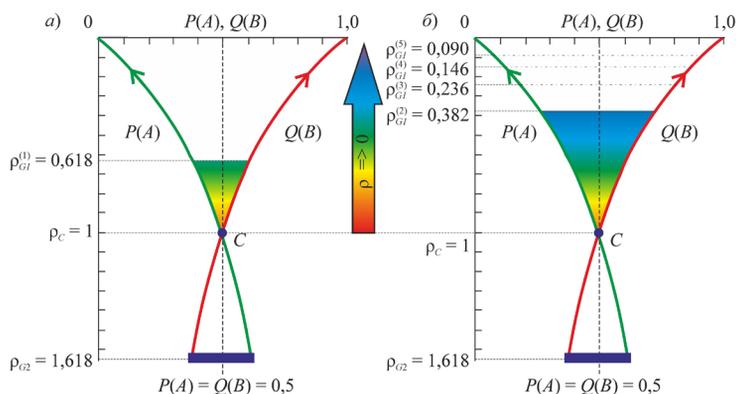
в-пятых, всеобщая экология позволяет четко обосновать тот факт, что экологическое знание начинает выполнять в современном обществе функции особой общечеловеческой идеологии;

в-шестых, определение всеобщей экологии и, в частности, космической экологии как «экологической философии» дает возможность рассматривать их в широком понимании, т. е. как *особую философию жизни* и космическую общечеловеческую идеологию.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: МНОГО СТАТИСТИКИ И НЕМНОГО ФИЛОСОФИИ

Л. А. СОСНОВСКИЙ, А. А. ЛАЗАРЕВИЧ, С. С. ЩЕРБАКОВ, Е. С. ТАРАНОВА

Понятие «*качество жизни*» отсутствует в известных *философских* словарях и, по имеющимся сведениям, практически не анализируются в философской литературе. Между тем в *социологии* оно стало широко обсуждаемым и популярным. Оно базируется на *количественном анализе*, поскольку в таком случае открываются заманчивые возможности сравнительной оценки состояния жизни народонаселения разных стран. По нашему мнению, этого недостаточно: количественный анализ должен предопределять перспективу *целенаправленного управления развитием уровня (качества) жизни* сообщества людей. В докладе делается некоторое новое предложение по *методологии оценки качества жизни* и возможной *процедуре управления им*. Оно разрабатывается с использованием *базовой концепции L-риска* [1], согласно которой риск определяется долей «плохого» (A_j) в «хорошем» (B_j).

Обобщенная стратегия повышения качества жизни

Чаша жизни на рисунке иллюстрирует стремление риска $\rho(A, B) \rightarrow 0$ как ее «наполнение» (см. затемненные области на рисунке), при этом $P(A) \rightarrow 0$ и $Q(B) \rightarrow 1$. Эта качественная картина дополняется (сопровождается) и строгим количественным анализом: указано последовательное уменьшение (численного значения) рисков.

Главная тенденция состоит в том, что при $n \rightarrow \infty$ риски $\rho(A_j, B_j) \rightarrow 0$. *Каковы пределы такого роста?* Ответ на этот сакраментальный вопрос пока не ясен, это – проблема для дальнейших исследований. А пока можно лишь утверждать, что граничное значение $\rho_{G0} = 0$ невозможно. Это утверждение является *философски корректным*: существование объекта и его развитие невозможно без наличия и борьбы противоположностей. А условие $\rho_{G0} = 0$ означает, что либо $P(A) = 0$, либо $Q(B) = 1$, т. е. существует либо только *абсолютное зло* (только плохие события, ситуации, факторы), либо только *всеобщее добро* (только хорошие события, ситуации, факторы); и то и другое – нереально.

Повышение качества жизни населения есть, по существу, *глобальная задача* современного цивилизованного государства, и все его структуры, по большому счету, так или иначе способствуют ее решению и приводят к *гармоничному развитию* современного общества.

В заключение скажем: представление о качестве жизни многогранно и фундаментально, оно включает в себя и разнообразные материальные потребности, и духовное состояние, а также гуманитарные, политические, социальные, культурные и иные аспекты. Поэтому *проблема оценки, анализа и повышения качества жизни оказывается по существу междисциплинарной, и она должна решаться на базе всех наук – гуманитарных, естественных и технических*. Особое значение имеет философское осмысление проблемы, так что понятие «качество жизни» следует признать философской категорией. Более подробно об этом речь идет в докладе.

Литература и источники

1. Сосновский, Л. А. L-Риск (механотермодинамика необратимых повреждений) / Л. А. Сосновский. – Гомель: БелГУТ, 2004.

АТТРИБУТИВНАЯ ТЕОРИЯ И ИМПЕРАТИВНАЯ ЭТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. И. СЫКАЛО

Технологическое развитие и культурное одичание последних десятилетий поставили человечество на грань глобальной цивилизационной катастрофы. Разрушены или находятся в состоянии деградации природные, личностные и общественные гомеостаты, обеспечивавшие устойчивое развитие биосферы, техносферы, человека и общества. Планета из открытой системы превратилась усилиями человека в закрытую, и «точка невозврата» на оси времени не выходит за пределы нынешнего столетия при сохранении стихийно сложившейся парадигмы «успешности и богатства». Все более очевидна неизбежность перехода к иной реальности и новой парадигме развития – *неоантропоцентризму*, переходу от адаптации человека к природной и социальной среде к управлению ими.

Аксиологической основой новой реальности становится и новая система ценностей: *истина, справедливость, добровольно принятая диктатура законов самоорганизации материи и сознания, свобода как свободный выбор свободного человека в свободном обществе собственных несвобод в интересах прошлых, нынешних и будущих поколений. Именно она позволяет наполнить новым смыслом такие понятия, как «аксиологическая толерантность», «аксиологический иммунитет». Истина* означает опору на развивающуюся научную картину мира, *справедливость* – равенство прав косной, живой и мыслящей материи перед лицом объективных законов развития природы, человека и общества. В рамках предлагаемой парадигмы возможна и необходима объективизация базовых ценностных понятий: *добро* – все то, что способствует устойчивому развитию (самоорганизации), *зло* – все то, что препятствует ему. На этой основе может и должна быть построена *императивная этика устойчивого развития*, основанная не на личном выборе и индивидуальном предпочтении, а на строгом и неукоснительном соблюдении *экологического и этического императива: общество – безусловный приоритет по отношению к индивиду.*

Аксиоматической основой новой реальности становятся представления о симметричной структуре Универсума и о фрактальной симметрии процесса самоорганизации. В современной научной картине мира Универсум ограничен двумя состояниями: сингулярным – до Большого Взрыва и дискретным – после него. В сингулярном состоянии Универсум представлен двумя базовыми атрибутами материи – пространством Вселенной, сжатым до размеров атома водорода, и энергией, равной сумме четырех видов взаимодействий. В дискретном состоянии, наряду с пространством и временем, возникают в результате их взаимодействия вторичные или производные атрибуты материи – время и информация. Процесс взаимодействия порождает *симметричные*

континуумы – пространственно-временной и энергетико-информационный. Анализ взаимодействия обоих континуумов по трехчленному алгоритму (механизм генерации разнообразия, механизм поддержания дискретности и системообразующий фактор) позволяет описать с неограниченным уровнем детализации возможные и необходимые варианты динамики самоорганизации материи и сознания в прошлом, настоящем и будущем, где действуют одни и те же законы и их знание делает равно прозрачными эти временные миры (эффект «Нооскопа»).

Предлагаемая к рассмотрению атрибутивная теория и императивная этика устойчивого развития (если ими руководствоваться) позволяют противостоять глобальным вызовам и добиться коэволюции человека, природы и общества, ликвидировав тем самым угрозу цивилизационной катастрофы. Верификация теории достигается объяснением известных, но не находивших пока объяснения феноменов. Выявления новых смыслов ключевых понятий (информация, самоорганизация, гомеостат, аксиологическая толерантность и иммунитет, цефализация, аксиоматика естественно-гуманитарного знания), введение новых представлений об асинхронности развития объекта и среды как причины системных инверсий, системном и таймерном времени, информационном гомеостазе, пятом законе диалектики (закон оптимального соотношения сложности объекта и среды), энергетико-информационном континууме, селективном и инструктивном системогенезе, фрактальной симметрии процессов и продуктов самоорганизации, ее условиях.

Неминуемые при этом издержки утраты привычного бытия и общественного порядка искупаются неотвратимостью такого подхода и ценой, которую уплатит Вселенная, если нынешнее поколение не сможет, не успеет или не захочет подчиниться диктатуре объективных законов природы и общества – жизнь и разум исчезнут навсегда и везде.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

М. Б. ТИРКАШЕВА

Ни для кого не секрет, что с развитием промышленной индустрии во всем мире человека экологическая обстановка ухудшается с каждым днем. Очевиден тот факт, что будущее человечества и всей планеты зависит от нашей способности совместно решать острейшие проблемы в области окружающей среды.

Вопросы охраны окружающей среды от загрязнения отходами производства и потребления теснейшим образом связаны с проблемой рационального и комплексного использования природных ресурсов и внедрения более чистых технологий и производств. В результате бесхозяйственной деятельности людей серьезным изменениям подвергаются атмосфера, гидросфера, литосфера,

которые являются основой биотопа. В связи с расширением деятельности энергоемкости предприятий увеличиваются объемы образования твердых, жидких и газообразующих продуктов. Все это приводит к серьезным негативным последствиям. В связи с ускоренным развитием промышленных предприятий в ряде стран: США, КНР, России, Индии и других, наряду с вредными выбросными газами увеличивается объем твердых отходов. По данным ООН по окружающей среде объем твердых отходов к 2025 году возрастет в 4–5 раз.

В Узбекистане, как и во всем мире, ведется борьба за сохранение окружающей среды, против выбросов в биосферу. В принятой Стратегии развития Узбекистана на 2017–2021 годы большое внимание уделяется именно экологическим проблемам, сохранению чистой окружающей среды и биологического разнообразия природы. В связи с этим остро формулируется проблема формирования экологического сознания населения и ценностного отношения к природе.

СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ МНИМОСТИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ БУДУЩЕГО NBIC-ТЕХНОЛОГИЙ

П. Д. ТИЩЕНКО

1. Утверждается удвоенность конвергентно разворачивающихся тенденций технологизации жизни: биологической и социальной. Конвергенцию этих тенденций обеспечивают социотехнические мнимости. *Социотехнические мнимости* («sociotechnical imaginaries» – Sh. Jasanoff, K. Sang-Huan) представляют собой коллективные имажинативные образы социальной жизни и порядка, воплощенные в научных и технологических проектах. Общество воплощено в техническом устройстве как горизонт возможных личных и коллективных осуществлений. С другой стороны, современное, технологически ориентированное общество само в своих проблемах, потребностях и мотивациях выступает воплощением будущих технологических идей и реализаций.

2. Социотехнические мнимости конвергентных технологий продуцируют в общественном воображении сценарии радикального преобразования природы человека, сияющие перспективы решения медицинских проблем, образы динамично формирующейся «умной» среды обитания, проекты новых форм производства и потребления, досуга и политического действия. Они (социотехнические мнимости) формируются на границе науки, научной журналистики и научной фантастики. В индивидуальной и общественной жизни, в мышлении индивидов и социальных групп они являются репрезентантами будущего. Будущее, «используя» подобного рода концепты, выступает в качестве реальной *действующей силы* настоящего. Тем самым, разрозненные, еще малоубедительные, но многообещающие научные и технологические успехи

складываются благодаря усилиям и активных социальных групп в целостные имажинативные образы возможного будущего отдельного человека, и человечества в целом. Они играют роль *движущих сил* в формировании стратегии научно-технологического развития, в обеспечении научных проектов ресурсами и широкой социальной поддержкой.

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. И. ФАЛЬКО

Конвергентные НБИК-технологии не предотвращают, а приближают возможную потерю человеком своего бытия по причине абсолютизации искусственной составляющей и недооценки духовного фактора. Социально-гуманитарную и этическую составляющие НБИКС-технологий предлагается дополнить диалогикой и духовными практиками.

Шестой технологический уклад, сложившийся на рубеже XX и XXI веков, основан на так называемых конвергентных технологиях NBIC (НБИК), которые включают технологическое совершенствование самого человека вплоть до конструирования постчеловека. Как отмечает В. И. Аршинов, «внутри» NBIC-тетраэдра классическая междисциплинарная редукция как таковая отсутствует или ограничена в пользу конструктивной синергийной коммуникации» [1, с. 99]. Отметим, что *синергийная* коммуникация, т. е. духовное общение, возможна только между личностями, субъектами. Наконец, информационный обмен между элементарными объектами внутри NBIC-тетраэдра невозможен: «Нанообъекты становятся фокусом синергетической интеграции. Однако из этой асубъектной логики взаимозаменяемости нанообъектов эволюционно-антропологический дискурс как таковой не складывается» [1, с. 98].

Сегодня человечеству предстоит дать Ответ на глобальный Вызов, связанный с угрозой не только окружающей природной среде и биологической телесности человека, но и его духовной природе.

Условием предотвращения глобальной катастрофы является сохранение людьми своего статуса субъектов технологий. Но над технологиями должна стоять свободная воля и ответственность человека и общества.

Литература и источники

1. Аршинов, В. И. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистические преобразования в контексте парадигмы сложности / В. И. Аршинов // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013.

ПЕРЕХОД ОТ НОМО ECONOMICUS К НОМО ECOLOGICUS КАК ВЕКТОР ЦЕННОСТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. ХОМИЧ

Понятие «человек экономический» связывают с именем Адама Смита, который в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) обосновывает его статус как первичной единицы хозяйственной деятельности и основы общества в целом. К базовым характеристикам homo economicus А. Смит относит следующее: он эгоист и действует исходя из приоритетов своих частных интересов, среди которых основным является получение максимальной прибыли (богатства); он разумен, т. е. рационально организует свой труд, трезво оценивает ситуацию и принимает взвешенные решения, способствующие улучшению его собственного положения.

Вместе с тем изобретение экономического человека скорее следует связать с эпохой Реформации и феноменом протестантской этики. Именно здесь впервые происходит атомизация человека, оставшегося в поисках личного спасения tet-a-tet с Богом, без какого-либо посредничества Церкви, общины или семьи. При этом рационально организованный труд и капитал как следствие успешности этого труда становятся основными гарантами его ценности перед людьми и Богом. С идеологией Реформации связана и масштабная переинтерпретация классических ценностей в сторону их меркантилизации (честность – это лучший капитал; любовь, семья, дети как формы его вложения; справедливость как показатель умения трудиться и вести дела и т. д.).

Об уязвимости подобных идеалов может свидетельствовать практически вся последующая история капитализма, в пространстве которого победы и прогресс сопровождалось неотъемлемыми кризисами, а перманентная кризисность «постсовременности» уже давно ищет убедительную альтернативу человеку экономическому. Одной из таких может стать проект «человека экологического», не только в силу остроты экологических коллизий нашего времени, но и благодаря собственному ценностному и содержательному потенциалу. В контексте последнего предполагается преодоление классического антропо- и эгоцентризма, расширение сферы этического отношения на природу, понимаемую в качестве равноценного и значимого Другого, забота об этом Другом как проявление одновременной заботы о себе.

Так же, как и в эпоху Реформации, становление нового типа человека должно начинаться с соответствующей переоценки ценностей, но уже в сторону их экологизации. Немалую роль здесь должна сыграть активно развивающаяся экологическая этика, в которой по-новому акцентируется экономическая, эстетическая, культурно-историческая, антропологическая ценность природы. Хотя понятие «ценность» по-своему удерживает нас в меркантилистской идеологии экономического человека. Не случайно, что самые крупные вложения

в экологию сегодня принадлежат богатым странам, быстрее других просчитавшим перспективы экономической рентабельности экологических проектов. Экологизация культуры предполагает более масштабный проект расширения философии «благоговения перед жизнью» на вечные ценности блага, справедливости, любви, свободы и др., всегда составлявшие основу существования нашего экоса как дома (приватного и общечеловеческого).

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

А. С. ЧЕРВИНСКИЙ

Использование философских категориальных структур в формировании концептуальных структур социальной экологии обусловлено хронической недостаточностью терминологического базиса для адекватного описания сложных процессов реализации социоприродных противоречий.

Своеобразие эволюции биосферы в период техногенеза, заключающееся в усилении ведущей роли сознательной человеческой деятельности, направленной на целесообразное изменение биосферы, находит отражение в концепции *биотехносферы*. Концепция отражает принципиальное отличие современного взаимодействия общества и природы: возрастание роли техногенной деятельности, направленной на целесообразное изменение биосферы, в то время как на предшествующей стадии взаимодействия основным и единственным источником глобального изменения биосферы была ее естественная эволюция.

Сущностной характеристикой биотехносферы является структурно-функциональное единство природных и социальных факторов, выражающихся в образовании устойчивой динамичной целостности, в которой протекание природных процессов в определяющей степени детерминировано развитием социального компонента. Это часть природной среды, преобразованная в процессе антропогенеза в целях достижения ее максимального соответствия потребностям человечества.

Социоэкологические концепции должны основываться на таких методологических предпосылках, которые учитывают современный уровень естественнонаучных представлений о системном единстве природных и социальных факторов в процессе их синтетической эволюции, т. е. в период техногенеза. Подобный подход имеет то преимущество, что опирается на мощные традиции философского анализа понятийных структур, содержащие в концентрированном виде аккумулированный опыт, достигнутый наукой на протяжении исторически длительного периода, и в этом плане выступает в роли средства, обеспечивающего эффективность естественнонаучного поиска.

Именно поэтому решение обозначенной проблемы на философско-методологическом уровне с последующей концептуальной экстраполяцией на социо-

природную проблематику имеет принципиальное значение для становления и дальнейшего развития социальной экологии как молодой научной дисциплины. Комплексный подход к задаче выявления качественных отличий между различными по степени антропогенной преобразованности уровнями природных комплексов является условием ее успешного решения.

Результаты философско-методологической разработки данной проблемы могут служить базисом формирования комплекса прикладных методик концептуального описания состояния природной среды, что в свою очередь позволит сформировать адекватную реалиям интегрированную оценку состояния среды жизнедеятельности человека.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С. П. ЧУМАК

Дифференцированный подход к анализу процесса промышленного природопользования, предполагающий избирательность в определении основных параметров использования природных ресурсов в качестве сырьевых источников, является условием экологически грамотного и, одновременно, социально эффективного руководства предприятием.

Такой подход тем более правомерен, что современный производственный процесс необходимо предполагает антропогенное воздействие на природную среду обитания, а выбор приоритетов в социоприродном взаимодействии значительно ограничен рамками хозяйственной целесообразности.

Создание экологически ориентированной моральной атмосферы на производстве должно основываться не на абстрактных представлениях о «среднестатистическом» человеке – нарушителе природной гармонии, а на глубоком понимании особенностей воздействия на окружающую среду того предприятия, членом которого он является. Такое понимание способствует осознанию собственной роли в сложной системе взаимодействия общества и природы, что и составляет искомый вариант формирования экологической культуры каждого реально действующего руководителя практически любого ранга. Достижению этой задачи должно способствовать осуществление следующих мер: усиление эколого-просветительской работы с привлечением «местного» материала; разумное сочетание пропагандистской работы с активным административным регулированием производственного воздействия на окружающую среду; включение в оценку результатов производственной деятельности «экологической» компоненты, отражающей социально-экологические последствия деятельности, с учетом роли как непосредственного исполнителя – трудового коллектива, так и персонально его руководителя.

В перспективе экологическая культура должна стать составным элементом общей культуры труда и найти свое реальное отражение в системе критериев

оценки производственных результатов как каждого трудового коллектива, так в особенности и руководителя. В контексте формирующейся экологической парадигмы эффективным представляется введение для сотрудников предприятия определенного экзамена по экологии, который должен сочетать информацию о глобальном, планетарном уровне социоприродного противостояния с «локальным материалом», отражающим региональные аспекты экологической ситуации.

ГАРМОНИЯ В УМАХ ЛЮДЕЙ – ГАРМОНИЯ В СОЦИУМЕ – ГАРМОНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

В. Н. ШАПОВАЛ

Мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, набирают обороты процессы глобализации. Глобальны не только положительные тенденции, имеющие место в социальной действительности, но и имеющиеся здесь проблемы, называемые глобальными проблемами современности. Среди наиболее важных из них: сохраняющаяся угроза применения оружия массового поражения, рост численности человечества, неравномерность экономического и социального развития стран и регионов мира, сокращение природных ресурсов, загрязнение окружающей природной среды, бедность, голод, недостаток пресной воды.

Главной причиной, непосредственно или опосредованно влияющей на возникновение большинства глобальных проблем, является демографический фактор, имеющий применительно к разным странам различные аспекты и остроту. С древности и до наших дней там, где стремительно росло население, где возникало массовое человеческое общество, неизбежно обострялись взаимоотношения человека и природы; в наше время эти взаимоотношения находятся в состоянии кризиса, переходящего в глобальную катастрофу.

Радикальный поворот здесь может произойти только в том случае, если к решению глобальных проблем будут привлечены не отдельные специалисты и группы экспертов, а десятки и сотни миллионов людей, осознающих, что это – вопрос жизни и смерти ныне живущих и будущих поколений; гражданское общество будет побуждать правительства и бизнес-структуры к активным действиям в нужном направлении. Последнее станет возможным в том случае, если будет изменено массовое сознание, на смену ложным и крайне опасным потребительским представлениям, ведущим к полному исчерпанию природных ресурсов и необратимым деформациям биосферы, придет этика экономии и бережливости, поворот от деструктивности к конструктивному мышлению.

Решающую роль здесь могут сыграть средства массовой информации, которые во главу угла должны поставить формирование положительных ценностей,

призывать не к расширению материального потребления, как это имеет место сейчас, а к его рационализации и сокращению, доходящему до аскетизма, во имя сохранения земной природы во всем ее многообразии, ибо у человечества нет иного дома, кроме планеты Земля.

Человечество будет спасено, если будет сформирована новая духовная ситуация, новая мораль, в основе которой будет лежать отказ от неумеренного потребительства, тотальной лжи, культа насилия и телесных наслаждений, господствующих ныне в мире, создана атмосфера творческого труда, доверия и сотрудничества во имя лучшего будущего человечества. Гармония в умах людей – гармония в человеческом социуме – гармония отношений человека с природой – такова диалектика рассматриваемого процесса, таков триединый путь разрешения глобальных проблем современности.

ЭТНАЭКАЛОГІЧНЫ ПАДЫХОД ДА ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ Ў КАНТЭКСЦЕ ЁСТОЙЛІВАГА РАЗВІЦЦЯ

К. А. ШУМСКІ

Глабальныя праблемы сацыяльна-эканамічнага і экалагічнага характару, з якімі сутыкнулася сусветная цывілізацыя ў цэлым і Рэспубліка Беларусь у прыватнасці, а таксама відавочная памылковасць ідэалогіі пакарэння прыроды і невычарпальнасці яе рэсурсаў, актуалізавалі задачу распрацоўкі прынцыпаў устойлівага развіцця чалавечых супольнасцей, выяўлення ўмоў і шляхоў гарманізацыі іх адносінаў з асяроддзем пражывання. На працягу другой паловы XX ст. у этналогіі сфарміраваўся асобны навуковы накірунак – этнічная экалогія (этнаэкалогія).

Этнаэкалогія даследуе этнічную і сацыяльна-культурную спецыфіку ўзаемадзеяння чалавека, грамадства і прыроды ў рамках адзінага, сістэмна арганізаванага цэлага – этнаэкасістэмы. У рамках этнаэкалогіі выпрацаваны ўласны тэарэтыка-метадалагічны падыход да аналізу традыцыйнай культуры, які выяўляе яе экалагічную скіраванасць, засяроджвае ўвагу на яе экалагічных аспектах. Ключавым паняццем этнаэкалогіі з'яўляецца паняцце «культурная адаптацыя», у якім культура (і ў першую чаргу культура традыцыйная) інтэрпрэтуецца ў якасці ўнікальнага механізму паспяховай адаптацыі да асяроддзя пражывання. У народнай культуры вылучаецца вялікі блок экалагічных традыцый: сукупнасць звычаяў, абрадаў, норм, узораў і правіл, поглядаў і маральных імператываў, створаных этнічнай супольнасцю ў працэсе яе шматвяковага ўзаемадзеяння з асяроддзем пражывання. У падмурку экалагічных традыцый народнай культуры палягае ўнутраная духоўная сувязь чалавека і прыроды, дзякуючы якой адносіны этнічных супольнасцей з асяроддзем пражывання будуцца на прынцыпах дыялога, узаемага абмену і ўзбагачэння. У гэтым кантэксце асяроддзе пражывання разглядаецца не толькі як аб'ект аднабаковага ўздзеяння і невычарпальная крыніца рэсурсаў, але і ў якасці суб'екта

двухбаковага ўзаемадзеяння, яго паўнапраўнага ўдзельніка. Да экалагічных можна аднесці этнакультурныя традыцыі:

арганізацыі і канструявання жылой прасторы (народнага жылля);

гаспадарчага асваення асяроддзя пражывання (прыродакарыстання);

пазнання, вывучэння асяроддзя пражывання, у выніку якога ствараюцца народныя этнаэкалагічныя веды, фарміруюцца традыцыйныя светапоглядныя ўяўленні.

Экалагічныя традыцыі з'яўляюцца асноўным фактарам стабільнага існавання і ўстойлівага развіцця гістарычна сфарміраванай этнаэкасістэмы, складнікі якой (асяроддзе пражывання, традыцыйнае прыродакарыстанне, народны светапогляд) знаходзяцца ў дынамічным адзінстве і пастаянна ўзаемадзеінуюць. Забяспечыўшы паспяховую адаптацыю этнічнай супольнасці да ўмоў асяроддзя пражывання, традыцыі ў далейшым захоўваюць і падтрымліваюць экалагічную раўнавагу (гамеастаз) у сістэме «чалавек – грамадства – прырода», а значыць, з'яўляюцца гарантыяй фізічнага існавання этнасу ў прасторы і часе. Традыцыйныя прынцыпы прыродакарыстання, у якіх адсутнічаюць устаноўкі на панаванне чалавека над прыродай і неабмежаванае выкарыстанне яе рэсурсаў, могуць стаць філасофска-ідэалагічнай асновай пераходу да ўстойлівага развіцця.

2.3. СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВА НА ПУТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. Г. АНАСТАСЬЕВ

Глобализация стала определяющим направлением движения мировой экономической, политической, финансовой, социальной систем разных стран в сторону формирования единого глобального социального пространства, «мировой деревни», а следовательно, корректировки общественных отношений. Наиболее дискутируемой проблемой последних десятилетий является изменение социальной идентичности под воздействием процессов глобализации. Этому посвящены конференции, заседания «круглых столов», публикации многочисленных авторов. Самым актуальным, на наш взгляд, остается вопрос взаимосвязи процессов глобализации и трансформации национально-культурной и религиозной идентичности. Что здесь является определяющим? Процессы глобализации заставляют трансформироваться идентичность или изменяющаяся идентичность определяет векторы глобализации?

Следует отметить, что перечень факторов, влияющих на перемену идентичности, которые выделяют зарубежные и отечественные ученые, год от года растет. Большинство авторов все же основным фактором глобализации до сих пор считают экономический: рост транснациональных корпораций, свободное перемещение капитала, природных и материальных ресурсов с одного континента на другой, миграционная подвижность с севера на юг и с востока на запад. На наш взгляд, более значимым становится культурный фактор.

Человеку, покинувшему привычную социальную среду в поисках работы, да и лучшей жизни вообще, в короткие сроки приходится становиться маргиналом: он покинул пространство своей национальной культуры, но желания «встраиваться» в чужую культуру у него нет. Находясь в оппозиции «свой» и «чужой», человек может выбрать два разных пути: либо сохранять свою национально-культурную идентичность, либо, преодолев кризис идентичности, адаптироваться к новым условиям жизни в инокультурном сообществе и сменить свою идентичность. Мы являемся свидетелями переходной эпохи в мировой истории, которая сопровождается возрождением традиционного национально-культурного и религиозного сознания, которое, в свою очередь, становится фундаментом для конструирования новой социальной идентичности в условиях глобализации.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕНД ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

В. В. АНОХИНА

Модернизация в условиях поздней современности является *перманентным процессом*. Качественный и целенаправленный характер социальных изменений, порождаемых модернизацией, предполагает возрастание неопределенности и умножение риска. Социальные изменения, вызванные первым модерном, в силу внутренней логики развития индустриальных социумов ускоряются, проникая во все сферы общественной жизни и провоцируя тем самым неизбежное наступление волны «второго», «третьего» и других модернов.

Вызывая необратимые изменения в обществах, вступивших на путь современного развития, она может приводить к коллапсу социальных систем, к эффектам застревания на определенной фазе реформ, обусловленным блокирующим действием отдельных компонентов традиции или старых социальных институтов и практик, но уже не позволяет обществу вернуться в то состояние традиционности, с которого был начат процесс преобразований. *Противоречивость модернизации*, ее способность активировать амбивалентные качества национального менталитета и усиливать консервативный потенциал традиции как реактивный ответ на повышающуюся степень неопределенности будущего может в условиях поздней современности преодолеваться только за счет новой волны преобразований. Одним из ее парадоксов становится *требование непрерывной «модернизации современности»*.

Модернизация может рассматриваться в качестве *эмерджентного свойства обществ поздней современности*, поскольку быстрота и неопределенность социальных изменений, обусловленных глобализацией, требует их гибкой и перманентной адаптации к вызовам времени. Последняя имеет характер самопроизвольных изменений, на которые значительное влияние оказывает фактор случайности, встроенный в динамику постсовременного общества. В этих условиях можно говорить как о плюрализме путей к современности, множественности центров «modernity», так и о дифференциации стратегий и форм модернизации, которые не обязательно будут носить управляемый, взаимосвязанный, координированный характер. В эпоху поздней современности модернизация *может осуществляться как серия или веер разнонаправленных и относительно автономных процессов социальной трансформации*, определяющих прогрессивное изменение отдельных институтов и социокультурных систем в направлении эффективной адаптации к изменяющимся условиям социальной реальности.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОБЩЕСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Т. Т. АХМЕДОВА

На постсоветском пространстве перманентно происходят серьезные геополитические изменения, тесно связанные с развитием мировых процессов. Постсоветское пространство, утратив прежнюю идеологическую окраску и политическое единство, представляет собой агломерацию суверенных государств, ориентированных в своем развитии на освоение западноевропейского исторического опыта построения гражданского общества с открытой рыночной экономикой. Не все просто и гладко на этом пути, редкие модели исторического прошлого могут переноситься на постсоветскую почву, способствовать успеху в развитии новых независимых государств. Можно сказать, что во многом переход постсоветских обществ к демократической модели развития уникален, поскольку он представляет своеобразный опыт трансформации тоталитарного государства в либеральные, правовые и рыночные. Каждая постсоветская республика, опираясь на мировой опыт, стремится выработать собственную, неповторимую модель развития. Каждое общество в новой фазе развития сталкивается с неизбежными политико-экономическими трансформациями, требующими коренного преобразования коммунистического наследия, а также изменения культурной традиции, укоренившейся в самосознании народа. Именно это характеризует нынешнее состояние переходности постсоветских государств, коллизии развития которых предопределяются как преодолением негативного наследия тоталитарного прошлого, так и прогнозированием наиболее вероятных и оптимальных моделей будущего.

Поэтому сегодня актуальны следующие вопросы:

- 1) Как смоделировать общие для большинства постсоветских обществ трансформационные социокультурные, политические и экономические процессы?
- 2) Какова вероятность реализации прогнозируемых моделей развития?
- 3) Какова динамика трансформации общества?

Ответы на эти вопросы, безусловно, имеют преимущественно вероятностный характер, но, во-первых, социокультурные и политические науки уже давно распрощались с упрощенным детерминизмом и жесткими рамками диалектической методологии; во-вторых, за все годы независимого развития постсоветских стран методом проб и ошибок были освоены различные модели преодоления кризиса переходности. Поэтому проблема моделирования неизбежных трансформаций общества с целью его адаптации к требованиям демократизации и глобализации, а также выбора оптимального сценария развития с обобщением мирового опыта, гарантирующего минимизацию спонтанных совершений ошибок, – актуальная задача современного социального и гуманитарного знания.

PRINCIPIILE ECONOMICE ALE PROCESELOR DE INTEGRARE ÎN EUROPA

MARINA BADILEANU

Pentru a vedea în ce măsură privatizarea influențează performanțele companiilor, autorii folosesc structura tridimensională a cubului. Suprafețele acestuia reflectă structura pieței, controlul/ reglementările și obiectivele. Sunt identificate două poziții: cea de maxim, cu cele mai bune rezultate – eficiență a alocării resurselor și bunăstare maxime; cea de minim care reflectă punctul de plecare pentru ambele obiective menționate anterior. Celelalte suprafețe ale cubului reflectă pozițiile intermediare ale companiilor în funcție de modul în care procesul de privatizare influențează situația acestora pe piață. Sunt, de asemenea, abordate probleme legate de oportunitatea vânzării întreprinderilor publice.

Autorii încearcă de asemenea să răspundă la întrebarea: cum poate statul să obțină prețul maxim pentru companiile pe care le are în proprietate? Autorii ajung la concluzia că privatizarea este un concept aparent simplu dar care aduce după sine o serie întreagă de probleme deosebit de complexe cum ar fi funcționarea piețelor în general și a celei de capital în special, rolul agențiilor de reglementare îndeosebi când este vorba de monopoluri, puterea grupurilor de interes etc.

De asemenea, țările precum Lituania, Letonia, Bulgaria și România au fost mai degrabă reținute în luarea unor măsuri radicale de reformă energetică. Această atitudine a fost luată în pofida presiunilor puternice venite din exterior, în special din partea Uniunii Europene menționează Balmaceda. Studiile econometrice din literatura de specialitate pot fi împărțite în două categorii: a) cele care se axează pe factorii determinanți ai reformei și pe etapele parcurse în realizarea acesteia și b) cele care se concentrează pe efectele etapelor parcurse asupra indicatorilor de performanță.

Evidențele sugerează că toți acești factori influențează costurile în aceeași măsură, indiferent de structura de proprietate. Aceasta înseamnă că tipul de proprietate nu este singurul și nici măcar cel mai important factor de determinare a eficienței unei anumite capacități energetice. Concluzia autorului este că literatura de specialitate nu reușește să demonstreze că transferul de proprietate *per se* conduce la scăderea costurilor. Rezultatele studiului arată că privatizarea poate reduce cheltuielile de exploatare pe termen lung în funcție de deciziile investiționale dar, pe termen scurt, dată fiind o anumită dotare tehnologică, privatizarea nu poate conduce la reducerea cheltuielilor de producere a energiei electrice. În ceea ce privește transportul și distribuția nu există evidențe nici pe termen lung, nici pe termen scurt de reducere a costurilor în condițiile trecerii la proprietate privată.

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОРПОРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Н. Р. БАРАБАНОВА

Различными авторами предлагаются перечни *этических стандартов ведения предпринимательской деятельности*, основу которых составляют ценностные ориентации, нормы взаимодействия (поведения), разделяемые всеми членами организации.

Наряду с общими законами, кодексами, положениями корпоративная политика любой организации обязательно предусматривает этические стандарты, базирующиеся на учете интересов руководства и сотрудников компании, всех лиц, заинтересованных в ее деятельности. Направления корпоративной политики, как правило, включают социально-деловые коммуникации, мотивацию персонала, формирование и укрепление имиджа организации, установление взаимопонимания между руководством и работниками и т. д. Естественно встает вопрос о том, на что именно необходимо обратить внимание при формировании корпоративной политики в каждой конкретной организации, какие инструменты ее реализации будут эффективны в том или ином коллективе.

Знакомясь со стандартами корпоративной культуры, политики разных организаций, мы пришли к выводу, что практически все перечни стандартов обязательно содержат этические составляющие. И это не удивительно, так как любой прогрессивный руководитель понимает, что невозможно выстроить систему профессиональных контактов, не учитывая особенностей внутренних коммуникаций (постоянного и результативного двустороннего общения менеджерского состава с подчиненными), кодекса деловой этики, внедрения правил деловой коммуникации и т. д.

Проблема заключается в том, что этический аспект корпоративной политики, к сожалению, не всегда и не всеми руководителями соотносится с производственными (экономическими) показателями, повышением имиджа и репутации компании, фирмы, предприятия.

По нашему убеждению, становление и развитие корпоративной политики, а конкретнее – корпоративной культуры любых организаций, предполагают новые, креативные решения задач развития связей с общественностью, необходимость унификации этикетных форм делового общения, положений кодексов профессиональной этики.

Одно из направлений оптимизации корпоративной политики конкретной организации (в зависимости от направления и целей ее деятельности) – разработка фирменных стандартов, правил делового этикета, добровольно принятых для выполнения всеми сотрудниками организации.

Эффективность реализации этических стандартов зависит от понимания всеми сотрудниками поведенческих и речевых составляющих каждой типичной ситуации взаимодействия в конкретной организации. Мотивы, цели, ролевые установки диктуют набор специфических средств оформления предметного содержания, этикетно-речевых формул, соответствующих типичным ситуациям общения.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. А. БАПСУК

Анализ литературы, посвященной науковедческой проблематике, позволяет сделать обоснованный вывод о том, что по вопросу генезиса экономического знания как уникального компонента культуры нет единой общепринятой точки зрения. К тому же четкая экспликация черт экономического знания и обоснование его категориального аппарата вызывают у ученых методологические сомнения. Учитывая неоднозначность решения этой проблемы, обратимся к вопросу о генезисе экономического знания, обстоятельствах и концептуальных предпосылках его становления и дисциплинарной организации.

Современное слово «экономика» происходит от древнегреческого «*oikonomia*» («экономика»). Его первый корень «*oikos*» значит «дом», «хозяйство» и второй «*nomos*» – «правило», «закон». Так что в буквальном переводе экономикой следует трактовать как «правила ведения домашнего хозяйства» или «домоводство». Считается, что этот термин впервые употребил древнегреческий поэт Гесиод (конец VIII – VII вв. до н. э.) в поэме «Труды и дни». Для обозначения философско-научных знаний о ведении домашнего хозяйства этот термин был использован древнегреческим историком, учеником Сократа, Ксенофонтом (V–IV вв. до н. э.), который также рассуждал о единстве жилья и хозяйственной деятельности. Заслуга Ксенофонта в понимании предмета экономики состояла в том, что он, несмотря на абстрагирование от его связей с единственно достойными внимания эллина проблемами общества (политии), сумел все же показать, что экономика может быть не только искусством, но и наукой. Ученик Платона Аристотель (IV в. до н. э.) сделал первый шаг к описанию хозяйственной жизни в системе взаимосвязанных абстрактных категорий. Общественно-экономические идеи Аристотеля утверждали ценности традиционного общества, поэтому в дальнейшем получили развитие у христианских и мусульманских религиозных мыслителей средневековья.

С XVI в. в Западной Европе начинает формироваться рыночная система организации хозяйства. Это порождает массовую потребность в экономических знаниях, которые бы помогали людям ориентироваться в сложном мире рыночных отношений и принимать эффективные решения. В 1615 г. французский экономист Антуан де Монкретьен опубликовал «Трактат по политической экономии», где рассматривались вопросы активного участия государства в регулировании хозяйственных процессов. В дальнейшем термин «политическая экономия» получает широкое распространение.

В середине XIX в. после нескольких десятилетий неоспоримого лидерства классической политэкономии многие ее постулаты и выводы стали подвергаться сомнению. Наиболее радикальный сдвиг в развитии экономической науки принято называть маржиналистской революцией. С тех пор на Западе

политэкономия утратила свое монопольное положение. Однако и в настоящее время термин «экономикс» у самих экономистов (зарубежных и отечественных) воспринимается по-разному: в одном случае как «политэкономия», в другом – «буржуазная политэкономия», в третьем – «экономическая наука», в четвертом – «экономическая теория», в пятом – «mainstream» (основное течение), в шестом – просто «экономика», в седьмом – множество экономик и т. д. Связано это с терминологическим и содержательным соотношением понятий: «политическая экономия», «экономикс», «экономическая теория».

Ситуация неоднозначности связана и с появлением в науке в последнее время множества «новых экономик», в том числе: «экономикс», «экономическая теория», «общая экономическая теория», «институциональная экономика», «транзитная экономика», «эволюционная экономика», «поведенческая экономика», «экспериментальная экономика», «схематическая экономика», «информационная экономика», «сравнительная экономика» (компаративистика), «гиперэкономика», «фундаментальная экономика», «новая политическая экономия», «постэкономика» «физическая экономика» и т. д. В целом ученые ставят вопрос о выборе адекватного наименования новой экономической науки.

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСИЗМА В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В. А. БЕЛОКРЫЛОВА

Центральный ценностный императив и важнейший лейтмотив социальной философии марксизма – преодоление отчуждения как такого системного диссонанса между человеком и социальными продуктами его жизнедеятельности, при котором последние неподвластны ни индивиду, ни обществу, кто бы не выступал от его имени. По Марксу возвращение общественного человека к своей родовой сущности – центральная проблема социальной теории и важнейшая задача социальной практики.

Ценности и идеалы, впервые сформулированные в рамках марксизма, стали универсальными императивами гуманизма в общечеловеческом масштабе: создание гармоничного общества, где свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех, где труд из «тягостной необходимости превратится в первую жизненную потребность», а в социоприродной сфере наступит «осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы». Именно универсальность гуманистических положений классического марксизма открывает простор для широкой интерпретации его ценностных установок. Это, с одной стороны, является связующим звеном между различными версиями и течениями, идентифицирующими себя с марксистской традицией, с другой – вызовом аутентичности самой теории.

Марксизму, как и всякой подлинно масштабной парадигме, синтезирующей в себе элементы идеологии, теории и стратегии социального действия,

присуще тесное сопряжение этического, теоретического и практического. Ценностный идеал здесь не изолирован в своей самодостаточности, а помещен в контекст позитивной программы социальных трансформаций, которая, в свою очередь, сопряжена с теоретико-объяснительной доктриной. В современных условиях из триединого содержания марксистского учения наибольшим «спросом» у практиков пользуется аксиологическая составляющая. Ее идеолого-гуманистический потенциал ассимилируется на протяжении последнего столетия в различных целях и различными средствами. Так, например, социальный критицизм по отношению к угнетению пролетариата сегодня трансформируется в критическую позицию по отношению к гендерному и этническому неравенству, гомофобии, экологическому кризису и т. п.

Теоретическая и мировоззренческая проблема состоит в определении той критической точки, в которой заканчивается интерпретация и начинается «прибавочная» идеологическая эксплуатация марксистского гуманизма, подмена содержания формой, генерирование превращенных форм, сущностным свойством которых является самомистификация породившей их социальной среды.

Знаменитый тезис марксизма о практике как критерии истинности теоретических конструкций, понятый сугубо прагматически в духе утилитарной эффективности, не только открывает простор для волюнтаризма в практике, но и служит обоснованием соответствующего модификации теории вплоть до полной неразличимости в ней исходных посылок. При этом положение гуманистического характера явно или имплицитно становится аргументом, легитимирующим социальные эксперименты, небесспорные с точки зрения «теоретического ядра» аутентичного марксизма.

Ирония истории на современном этапе состоит в том, что положения марксизма, получившего признание именно через критику идеологического сознания, сами в значительной степени становятся его частью. Не столкнулись ли мы в постмодернистскую эпоху с процессами «симулякризации» традиций марксизма, превращения его в собственную копию, не предполагающую больше никакого оригинала?

Работа подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г16–КАО/006 «Современная философия марксизма в контексте теории и практики социальной модернизации».

ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В АСПЕКТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

О. В. БЕРКОВА

Актуальность темы трансформации социально-экономических систем обусловлена вполне объяснимым интересом к возможным будущим состояниям общества и его подсистем.

В исследовании систем любого типа наиболее важным является одно из центральных положений теории систем – система есть образ ее среды. Именно

оно позволяет при изучении социально-экономических систем выделять два основных их типа, разделяемых по критерию доминирующей собственности (частной или общественной) и способа координации хозяйственной жизни (ценового или планового).

Системообразующими признаками у систем рыночного типа считаются частная собственность и ценовой механизм координации, у нерыночных – общественная собственность и плановый механизм координации хозяйственной деятельности.

Современные исследователи приходят к выводу о том, что оба данных типа абсолютно равноправны, оба – абсолютно жизнеспособны и имеют собственные законы развития. Причем свойственны малоизученные экономистами и социологами системы нерыночного типа преимущественно Восточной части света, включая Россию.

Наличие собственных законов развития двух основных типов систем обусловлено прежде всего их разным происхождением. В то же время они вынуждены подчиняться законам функционирования сложных открытых саморазвивающихся систем, в частности известному из общей теории систем принципу «преобладания» и «примесей». Его действие определяет стремление рыночных систем к монополизации и планомерному развитию. В то же время этот процесс сопровождается постоянным воспроизведением «носителей» частной собственности (в данный момент собственников человеческого капитала).

Тенденцией же развития нерыночных систем является наполнение себя рыночными «примесями», так как их отсутствие, например, в общественной системе СССР показало свою неэффективность.

В связи с этим встает вопрос о возможных будущих состояниях социально-экономической системы Республики Беларусь как находящейся на стыке двух указанных противоположных типов. К тому же необходимо учитывать ее длительное пребывание и формирование в своем сегодняшнем лице в рамках закрытой социально-экономической системы СССР.

В свете сказанного выше активно декларируемая в последние десятилетия идея «перехода к подлинным рыночным отношениям» обретает совершенно иной смысл, а именно – преобразования системы, каковой она сложилась в рамках предшествующего развития, из закрытого состояния в открытое (что автоматически наполнит ее рыночными элементами), и интегрирование экономической подсистемы, сформированной как «нерыночная» в рамках СССР, в мировую систему социально-экономических отношений.

ВЛАСТЬ КАК ФАКТОР РИСКА СОЦИОДИНАМИКИ: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. М. БОБР, В. Т. НОВИКОВ

Отмечая многообразие философско-психологических интерпретаций власти, обратим внимание на концепции, анализ которых важен для экспликации ситуаций риска в развитии современного общества.

Так, в психологических концепциях власть рассматривается как явление, обусловленное стремлением не только к господству над людьми. Обладание властью способно вызывать положительные эмоции, и, как было подмечено М. Вебером, стремиться к власти можно для того, чтобы наслаждаться чувством престижа, который она дает. Подобный «властный нарциссизм» получил распространение в современном обществе, будучи сопряженным с волюнтаризмом лидеров.

В социально-психологических концепциях власть характеризуется как инстинктивное проявление воли массы, негативное воздействие которой на события просматривается на всем протяжении всемирной истории и анализ которого осуществлялся начиная с Сократа и заканчивая современными исследователями. Констатируются такие особенности толпы, как восприимчивость к внушению и готовность к импульсивным действиям. В наше время манипулирование общественным мнением посредством масс-медиа является мощным фактором дестабилизации социума.

В классическом психоанализе стремление к власти предстает как проявление сублимации. Эта концепция стала теоретическим основанием получившего распространение в обществознании XX в. политического психоанализа и жанра психобиографий общественных деятелей, в которых артикулируются такие характерные для политика черты, как мания величия, любовь к игре и риску, что позволяет аналитикам лучше оценивать последствия его действий.

В неклассическом психоанализе стремление к власти связывается с преодолением формирующихся в детстве чувств неполноценности и беспокойства. Так, А. Адлер рассматривает власть как средство их преодоления путем «сверхкомпенсации» в форме комплекса превосходства, а сама власть – как средство самоутверждения человека в обществе. Поэтому аналитик способен оценить степень риска реализации властных притязаний субъектом.

В гуманистическом психоанализе Э. Фромма роль власти трактуется амбивалентно, ибо она сопряжена с потребностью в совместной жизни с другими людьми и в то же время с потребностью в «бегстве от свободы». Поэтому ее влияние на жизнь человека проявляется также амбивалентно – как в форме мазохизма, так и в форме садизма. При этом мазохизм – это защитный механизм, помогающий людям избежать изоляции и найти покровителя в лице авторитарного лидера или государства как такового, что актуально для современного общества, в котором авторитаризм получил широкое распространение.

Анализ рассмотренных концептуальных интерпретаций власти позволяет эксплицировать сущность феномена власти как атрибута деятельности человека в ситуации риска, а значит, лучше понять как поступки человека, так и их последствия для развития общества.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

В. П. ВЕРЯСКИНА

1. Поворот к анализу человеческого капитала и человеческого потенциала в связи с экономическими и социокультурными процессами на рубеже XX–XXI веков. Персональная модернизация представляет собой процесс взаимодействия индивидов с социальными институтами. В современной России в процессе социальных трансформаций решается двуединая задача: становление новых социальных институтов, таких как рынок, частная собственность, демократия, гражданское общество и становление соответствующего этим институтам процесса персональной модернизации. Это требует соответствующего индивида, обладающего качественным человеческим капиталом, ответственного субъекта профессиональной деятельности, развивающего и укрепляющего свой человеческий потенциал.

2. Состояние человеческого капитала и человеческого потенциала в современной России. Человеческий потенциал и человеческий капитал формируются и развиваются в процессах социализации личности. Если иметь в виду демографические тенденции в России, связанные с сокращением прироста народонаселения, его старением и сокращением доли населения в трудоспособном возрасте, то человек действительно становится дефицитным ресурсом. Количественные тенденции в человеческом развитии показывает индекс человеческого развития (ИЧР), представленный в мировых Докладах ООН. Из 188 стран Россия по показателю ИЧР находится на 50-м месте, что составляет 0,798 (100 % равно 1), ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) составляет 70,1 года, продолжительность обучения 14,7 года, валовый национальный доход на душу населения 22 352 доллара [1, с. 4] (Беларусь – соответственно, ИЧР – 0,798, ОПЖ – 71,3, доход – 16 676 долларов).

3. Субъекты персональной модернизации в современной России: средний класс и «самодостаточные» россияне. Становление хозяйствующего субъекта капиталистического способа производства связано с формированием среднего класса как основы развития страны, ее стабильности и безопасности и составляет по данным социологов [2, с. 18] в 2015 году – 44 % населения и 47 % работающих. Ценности, которые они исповедуют, характерны для обществ модерна: индивидуальная свобода, справедливость в вознаграждении за труд, приверженность к «особому пути России». «Самодостаточные россияне» представляют социальную группу населения, способного жить самостоятельно, без под-

держки государства. Для них характерна установка на ответственность за все, что происходит в их жизни.

Влияние персональной модернизации на эффективность экономического развития в России является ключевым фактором процветания страны, так как она представляет механизм формирования главного субъекта модернизационных процессов – человека, обладающего человеческим капиталом, ориентированного на саморазвитие и экономическую рациональность.

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15-03-00580.

Литература и источники

1. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития. – ПРООН, 2015.
2. Средний класс современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. – М., 2016.

ИДЕОЛОГИЯ НООСФЕРНОГО РАЗВИТИЯ КАК КОНСТРУКТИВНО-МОБИЛИЗУЮЩАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

В. Г. ВОРОНКОВА

Мировоззрение – это интеллектуальная конструкция, которая решает проблемы нашего бытия исходя из некоего высшего предположения. Мировоззрение – это синтез и высший уровень духовной жизни человека. Человек духовно растет в меру роста его мировоззрения. По мнению, П. Флоренского, ноосфера – естественное явление, она имеет в себе не только созидательные, но и разрушительные тенденции, ибо большая часть изобретений человечества может быть использована как во имя добра, так и во зло. Подлинная духовная эволюция человечества, изменение его сознания и мировоззрения связаны прежде всего с одухотворением и преодолением антропологического кризиса, с освобождением от всех форм порабощения. Только возрождение подлинной духовности способно привести человека к новому качеству жизни, к «новому» сознанию и творчеству. Лишь «войдя в плоть и кровь» реально протекающих процессов в материально-технической, экономической и политической сферах, духовность может стать действительным катализатором реализации позитивной модели глобализации.

Ноосфера, способ ее осуществления не согласуются с существующими социально-экономическими идеями и концепциями начала XXI века. Это предполагает тотальное переосмысление всех принципов, на которых осуществляется жизнедеятельность социума и построение новой научной парадигмы.

Следует:

1. Формировать парадигму ноосферного образования, которая эксплицирована как качественно новый уровень инновационного типа мышления обу-

чаемых, базирующийся на информационных ресурсах общества и способствующий на основе креативной методологии и достижений современной науки становлению нового уровня индивидуального и общественного интеллекта (О. Пунченко, Н. Пунченко);

2. Сформировать идеологию ноосферного развития, которая выполняла бы роль конструктивно-мобилизующей силы (В. Воронкова, М. Максименюк, В. Никитенко);

3. Способствовать переходу от информационного общества к обществу инноваций и планировать экономику инноваций (В. Старжинский, В. Цепкало);

4. Развивать образование как интеллектуальный ресурс модернизации, которая приведет к экономике «общественного интеллекта», базирующейся на идеях ноосферного мировоззрения;

5. Формировать человека-инноватора с креативным мышлением и сознанием, способного стать творцом экономики «общественного интеллекта», высокой культуры менеджмента (Р. Андриякайтене);

6. Формировать интеллектуальный потенциал страны как основание «экономики общественного интеллекта», который базируется на культуре менеджмента XXI столетия (Р. Андриякайтене);

7. Сформировать экономику инноваций и высокие технологии как основу прорыва страны к конкурентоспособности среди других государств;

8. Сформировать интеллектуальный потенциал ноосферно-информационно-инновационной парадигмы образования [1].

Литература и источники

1. Воронкова, В. Г. Формирование нового мировоззрения, нового человека, нового общества будущего / В. Г. Воронкова // Антропологічні виміри філософських досліджень: Дніпропетровськ. – 2013. – № 3. – С. 79–80.

МОДЕЛЬ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА КАК ПРОЕКТ НОВОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Е. Ф. ГОНГАЛО

Теоретики постиндустриального общества отмечали, что наступление информационной эпохи с неизбежностью влечет за собой грандиозные социальные и культурные перемены. Расхожей метафорой современного общества стали представления об информационной, «виртуальной цивилизации», когда речь идет не только и не столько о распространении технологий виртуальной реальности, сколько о виртуальности как новом информационном пространстве человеческого бытия. В данном случае виртуальную реальность можно определить как результат замещения реальных вещей и поступков образами, симулякрами. В контексте логики виртуализации общество может быть описано при помощи характеристик виртуальной реальности. Модель виртуализации социума как проект новой теории общественных изменений разрабаты-

валась А. Бюлем, М. Паэту, А. Крокером, М. Вайнштейном, М. Капельсом, Ж. Бодрийяром, П. Вирильо. В русскоязычной традиции наиболее системно данный подход представлен в работах Д. В. Иванова. Социокультурный сдвиг от «реального» к «виртуальному» происходит в результате перехода от беспрецедентного овеществления общества в модерную эпоху к его развеществленному постмодерному состоянию во второй половине XX века. Проект модерна соотнесен с идеалом овладения сущим под эгидой ценностей свободы и прогресса и, как результат, с упорядочением, управляемостью, нормированностью отношений во всех сферах общества. Факт овеществления констатировался многими видными теоретиками современности, к примеру, К. Марксом в учении об овеществлении, М. Хайдеггером в концепции превращения мира в картину, П. Сорокиным в теории социокультурной динамики. Именно этот акцент при анализе трансформации общества позволяет зафиксировать общую установку на овладение сущим в качестве блага. Ее проявлениями являются рост материального производства, потребительское отношение к природному окружению.

Вплоть до первой половины XX века превалирует представление об обществе как об объективной реальности, в то время как со второй половины XX века на первый план выходят номиналистические и феноменологические теории осмысления социальной реальности. Проект Постмодерна становится основанием для концептуализации тех изменений, которые претерпевает западная цивилизация на современном этапе своего развития, и достаточно ярко отражает попытки переопределения сути социального. При анализе общества акцентируются такие характеристики, как нестабильность, неопределенность, парадоксальность, иррациональность. Если в современном обществе отношения между людьми принимают форму отношений между вещами, то в постмодерне речь идет об отношении между образами. Например, в экономике удельный вес спекуляций на фондовых биржах может преобладать над материальным производством, доля занятых в первичном и вторичном секторах экономики снижается, но все возрастает доля занятых в маркетинге и рекламном бизнесе.

Модель виртуализации социальной действительности, ее развеществления достаточно эвристична при анализе современных тенденций развития социума.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

О. А. ДЕНИСЕНКО

Для того чтобы гражданское общество функционировало как «влиятельный» институт, необходимо, чтобы сами граждане выступали как объектом воздействия и развития гражданского общества (процесса гражданской социализации), так и субъектом его становления и формирования.

В современных условиях любая политика, программа или модель развития государства, общества теряют свой смысл, если не имеют человеческого измерения, если они не направлены на нужды конкретного человека. Именно человек становится качественно новой основой общественного развития. Этому соответствует тип открытого общества, в котором индивид должен принимать собственные решения, создавать механизмы самоорганизации и самореализации. Итак, государство и общество должны стоять на защите становления и развития личности. Как пишет Р. Патнам, гражданское сообщество должно характеризоваться активностью людей, наполненной духом гражданского единства, эгалитарными политическими отношениями, социальной структурой доверия и сотрудничества.

Выступая как духовно-практическое образование, сущность гражданской культуры познается через единство объективных и субъективных факторов ее становления и развития. Гражданская культура выступает как способ закрепления и сохранения парадигмы социально-политических отношений гражданского общества. То есть, объективно гражданская культура выступает как духовный субстрат гражданского общества, а субъективно является характеристикой индивида, степени его активности в реализации гражданской деятельности.

Основной составляющей гражданского общества является определенный тип личности с высоким уровнем индивидуальной автономии по отношению как к социуму в целом, так и к государственной власти в частности. Это самодостаточная личность, способная к конструктивному взаимодействию с другими во имя общих интересов и ценностей и способная гармонизировать собственные частные интересы с общественным благом. То есть, гражданское общество – это не только совокупность общественных организаций, партий, движений, но и человеческое умение ежедневно общаться с другими, проявляя при этом доверие, толерантность, вежливость, взаимопомощь. Вышеперечисленные качества являются ценностями гражданского общества.

Как следствие, оптимальная модель гражданского общества может существовать при условии единства интересов и универсальных установок индивидов и социальных групп или когда расхождения между ними не имеют принципиального характера. Но в современных условиях такая модель пока еще не реализована, поскольку современный мир отличается радикальным плюрализмом социальных и культурных форм. Сегодня мы имеем дело с постмодернистским миром, в котором уникальность часто выступает главной ценностью, оказывающей влияние на групповую и индивидуальную идентичности.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОЙ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

С. П. ДОНЦЕВ

Конституционный принцип светскости реализуется в рамках определенной модели государственно-конфессиональных отношений, которая обуславливается как институциональными, так и ценностными факторами. Трансформация этих факторов на протяжении постсоветской истории характеризовалась изменением приоритетов государственно-конфессионального взаимодействия и определенными коррекциями ценностных ориентаций основных акторов этих взаимодействий – государственных институтов и крупнейших религиозных организаций.

Термины «секуляризация» и «светскость» допускают широкий спектр интерпретаций, по поводу тех признаков, которые составляют их содержание. Корректное их определение оказывается затрудненным благодаря диаметрально противоположных смыслам, которые вкладывают исследователи в эти понятия. Эта же проблема возникает и с ценностями, на которых основывается политика по реализации той или иной модели светскости. Процесс формирования и воспроизводства ценностей секуляризации и светскости происходит в рамках более широкого процесса социализации граждан. Государство задает вектор этому процессу и может задействовать для его реализации государственные институты (в первую очередь систему государственного образования). Религиозные организации в свою очередь пользуются предоставляемой им возможностью присутствия в социальном пространстве и пытаются, в том числе и с помощью государства, изменить ценностную систему исходя из своих конфессиональных предпочтений. Именно поэтому проблема ценностных основ секуляризации в России и Беларуси может быть рассмотрена в рамках не только общественных отношений (в широком смысле), но и государственно-конфессиональных. Причем именно философский подход к анализу этой, казалось бы, сугубо политологической проблематики поможет осмыслить формирование ценностной системы государственно-конфессиональных отношений. Ведь только решив эту задачу, можно понять логику действий государственных институтов, которые задействуются при реализации государственной конфессиональной политики, и понять, почему религиозные организации реагируют на нее тем или иным образом. И здесь важно оценить, формируют ли крупнейшие религиозные организации и государство конкурентные, состязательные ценностные основания светскости или, наоборот, совместно участвуют в формировании новой модели светскости, возможно, наделяя ее даже новыми смыслами. В случае России и Беларуси мы наблюдаем скорее второй вариант, когда консенсус по поводу дистанции между религиозным и светским формируется в формате диалога государства с религиозными ор-

ганизациями. В результате в процессе социализации граждан и приобщения их к ценностям светского государства могут участвовать и участвуют как государственные, так и, хотя и в меньшей степени, религиозные организации, что способствует гармонизации государственно-конфессиональных отношений.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЛЛЮЗИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. М. ДУБРАВИНА

Актуальная проблема философии сознания – изучение социальных иллюзий. Как социокультурный феномен социальные иллюзии имеют соответствующие основания: миф, фольклор. Базой для формирования иллюзий выступают также бессознательное, архетипы и обыденное сознание.

Можно сказать, что социальные иллюзии как феномен проявляются в неадекватных действительности представлениях о себе и социальной реальности со стороны индивида, социальной группы (или совокупности групп). В структуре человеческого сознания этот феномен занимает место в сфере бессознательного.

Как правило, представления, составляющие ядро социальных иллюзий, не подвергаются критическому анализу и рациональному осмыслению. Внешне выступают как достаточно примитивные схематичные образы, обусловленные спецификой социализирующих культурно-исторических процессов, с одной стороны, и внутренними интенциональными характеристиками социальных групп – с другой. К содержанию социальных иллюзий часто примешиваются завышенные или заниженные оценки роли субъекта (личности либо социальной группы) или события в историческом процессе. Информация о явлении или событии, составляющем ядро иллюзии, как правило, неполная (вырвана из контекста), сознательно или бессознательно искаженная, смешанная с вымыслами и фальсификациями сведений.

Социальные иллюзии – один из самых мощных факторов мобилизации общества, инструмент манипуляции массовым сознанием. Объяснение этому можно найти в силе простоты создаваемых образов, возможности насыщения их символами и метафорами, что всегда очень впечатляет большую часть людей (в обратной зависимости от уровня образования и интеллекта). Отличие рациональных и четких построений реальных аргументов, экспертных оценок от социальных иллюзий заключается именно в легкости и доступности последних.

Со времени возникновения человеческого общества во всех культурах социальные иллюзии играют важнейшую роль в социокультурной динамике. Образцы материальной и нематериальной культуры несут на себе отпечаток

влияния этого феномена. Все художественные, политические или социальные понятия связаны с возникновением, существованием или разрушением социальных иллюзий. Главным фактором социокультурной эволюции человека и общества были и остаются эти имманентные сообществу людей уникальные явления.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

В. С. ЖУК

Глобальные проблемы, концентрирующие негативные последствия предшествующего развития человечества, оказываются спутником кардинальных поворотов в истории. На исторических примерах можно выявить некоторые аналоги современной глобальной ситуации, когда определенные, прежде всего социоприродные, процессы ведут к возникновению глобальных противоречий и комплекса общечеловеческих проблем, а их решение генерирует новые глобальные процессы.

Человечество уже не в первый, а по меньшей мере во второй раз в своей истории сталкивается с геопространственными и социоприродными противоречиями, ограничивающими прогресс его хозяйственной деятельности: в верхнем палеолите, а затем в наше время. Однако нужно видеть, что это ограничения для принципиально разных типов хозяйственной деятельности: в первом случае – для охоты и собирательства, а во втором – для производящего хозяйства, которое можно считать уже не экстенсивной, а в определенной степени интенсивной деятельностью.

Геопространственные ограничения для экстенсивно растущего производящего хозяйства свидетельствуют о том, что глобальные проблемы современности могут быть разрешены на пути глобализации как нового витка «планетарной интенсификации», который требует перехода к интенсивно-инновационному развитию.

Глобализация подразумевает не только рост целостности цивилизации, появление новых благ, но и становление исторически новых угроз и опасностей планетарного характера. Как реакция на вестернизационную стратегию глобализации, универсализацию и стандартизацию культуры оживился национализм и сепаратизм, обретает планетарный масштаб международный терроризм, становящийся одним из самых серьезных вызовов поступательному движению социума.

В последние десятилетия второго тысячелетия н. э. перед цивилизацией встала проблема глобального выживания. Она связана прежде всего с защитой от вызовов и угроз существованию и развитию человечества. Наибольшую опасность представляют те из них, которые сопровождают развитие гло-

бальных проблем, а последние, как известно, оказались результатом социально-экономического прогресса в его традиционно стихийной и, как теперь понятно, деформированно-дегуманизированной форме. Поскольку различные опасности планетарного характера могут привести человечество к той или иной катастрофе уже в ближайшие десятилетия, то ясно, что обеспечение безопасности во всех ее аспектах должно стать приоритетной задачей всей социальной деятельности.

КОРРУПЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

О. Н. ЗАЕЦ

При рассмотрении социальной ответственности как основной категории философии бизнеса (корпоративной социальной ответственности как проекта ООН) такие его аспекты, как защита прав человека, справедливый труд, защита окружающей среды могут быть сведены к третьему аспекту – борьбе с коррупцией.

Коррупция (от лат. *согипере* – растлевать, лат. *согуптио* – подкуп, порча, продажность, разложение) – феномен, относящийся не только к сфере экономической, юридической, но также моральной и онтологической. Ложь себе, неискренность, самообман – так следует понимать забвение себя настоящего, падение, о котором пишут философы. Ибо единственная глобальная проблема – возрастание невежества, «святой» посредственной простоты, апеллирующей к консенсусу. Люди не мыслят, оперируя коллективными формами фантазмов, предпочитая готовые ответы труду самопознания и ответственности, мораль – этике. Войны и революции, бытовые недоразумения отражают фундаментальный «сбой жизни», когда под духовностью понимаются феномены, производные от религии, морали, культурных стереотипов, идеологии.

Участие в обрядах и таинствах вовсе не гарантирует самопознания, но зачастую уводит от него. В этом смысле пропаганда теории социальной ответственности и даже чтение курсов философии и социологии, базирующихся на конструктивистской и социально-топологической методологии, выступают не более чем обрядом, внешним действием, если не затрагивают мировоззрения ни студента, ни даже преподавателя. Хотя именно эти субъективистские подходы ныне призваны быть тем спасательным кругом, который нам, утопающим, посылает время. После «смерти Бога» основательному анализу должна быть подвернута каждая душа, которую нужно лечить от невежества.

Безнравственность и коррупция есть следствие отсутствия самопознания, внимания к самому себе, того, что философы зовут мышлением. Абсолютная непорочность есть, скорее, свойство скептического ума, нежели знающего себя разума, пристегнутого к авторитетной истине. Интеллектуальная чест-

ность и мужество осознания собственного падения, коррумпированности ума должны быть целью самопознания. А пресловутые политические призывы и декларации по поводу преодоления коррупции в ситуации указанной фундаментальной коррумпированности наших душ – не более чем сотрясения воздуха, нисколько не отодвигающие катастрофу, но сами представляющие ее симптом.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

М. Р. ЗАЗУЛИНА

Становление и развитие института местного самоуправления в современном мире является объективным процессом, с необходимостью которого сталкиваются абсолютно все страны, реализующие демократический путь развития. Научные исследования процессов местного самоуправления, их теоретическая интерпретация и оценка эффективности как объективно существующих политических институтов являются важной частью исследовательского и экспертного дискурсов.

Проблема заключается в том, что весь опыт развивающихся стран, предлагающих собственные локальные аутентичные варианты самоуправления, интерпретируется прежде всего с точки зрения их соответствия западным самоуправленческим моделям и ограничено предлагаемой ими парадигмой. В рамках этой парадигмы развитие теоретических концепций местного самоуправления связано с возникновением и эволюцией данного феномена как децентрализованной формы управления и шире – с интерпретацией закономерностей эволюции государственных и общественных институтов, и выражается в противопоставлении двух основных политико-правовых теорий – государственной (европейской, исходящей из единства государства и общества) и общественной (англосаксонской, мыслящей общество автономным от государства). Можно сказать, что стратегия изучения повторяет стратегию развития.

В то же время можно заметить, что конкретная направленность и проблематика исследований местного самоуправления не являются общими для всех развивающихся стран, а определяются конкретной социокультурной ситуацией. В обществах с сильными традиционными институтами основная проблематика конституируется вокруг трансформации традиционных институтов (предлагающих сильные стратегии самоорганизации, структурирующиеся вокруг потестарных структур, таких как кастовые, родоплеменные объединения, и существующие вне гражданского общества). В обществах, где этап традиционности был преодолен этапом индустриального развития (то есть исторически оказался опосредован этапом современной рациональности) основная проблематика исследований конституируется вокруг трансформации автори-

тарных, иерархизированных управленческих институтов (развивавшихся в рамках модели командной экономики советского типа). Связано это прежде всего с исторически сложившимся типом общества, в котором взамен отсутствующих или слабых стратегий самоорганизации были исторически наработаны сильные иерархизированные структуры управления и вертикаль власти, пронизывающая общество сверху донизу.

Таким образом, очевидно, что применение к развивающимся обществам теоретических схем, предлагаемых западной наукой, имеет свои ограничения, за пределами которых любые интерпретации теряют свою релевантность. Одним из таких ограничений является учет базового состояния, в котором пребывает конкретное общество: традиционность и посттрадиционность (рациональность) оказываются основными критериями, определяющими тенденции развития местного самоуправления в развивающихся обществах.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПЕНСИОНЕРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

О. Б. ИСТОМИНА, Т. Б. АНШУКОВА

Исследования старшего поколения как особого социокультурного типа в условиях роста демографической нагрузки имеют высокую прогностическую ценность для формирования стратегии развития общества. Социальное самочувствие населения есть сложная социально-психологическая категория, специфической чертой которой является субъективность оценки соответствия социальных условий потребностям индивида в конкретных социально-бытовых стратегиях. В ее основу заложены ареально-хронологические, экономические, политические, идеологические, социокультурные, аксиологические, морально-нравственные, личностно-психологические, медико-рекреационные, эмоционально-чувственные и иные факторы жизнеобеспечения индивида / группы. Социальное самочувствие отражает общее настроение его носителя, т. е. индивида / группы / общества, имеет прямые связи с социально-психологическими характеристиками.

Основанием динамики социального самочувствия являются изменение социальной роли индивида, которая сужает круг общения, негативно сказывается на уровне материального положения и состоянии здоровья. Совокупность данных факторов в условиях трансформации общества и социально-экономической нестабильности провоцирует конструирование социально-психологических стереотипов обесцененности жизни, подталкивает пожилых людей к переживанию безнадежности, что в целом негативно сказывается на индивидуальном и групповом самочувствии. Деструктивные последствия данных явлений влияют на общий фон настроения самого пожилого человека, его семьи и социального окружения. Чувства потерянности, ненужности, несостоятельности возникают, как правило, у одинокого пенсионера на начальном этапе

после трудовой стадии социализации, что повышает суицидальные риски в данной группе. Однако следует отметить и положительные оценки старости, во многих культурах, чаще восточных, старость тождественна таким понятиям, как мудрость, жизненный опыт, авторитет. К позитивным особенностям исследователи относят активизацию процессов саморегуляции, накопление социального опыта, способность перераспределения высвободившегося времени в пользу семьи, детей и внуков, разнообразие досуга за счет этого перераспределения, реализацию давних планов, на которые не находилось времени в трудовом периоде, возможность заняться самообразованием, новыми видами деятельности.

Очевидно, что принятие себя в новом возрасте и умение определять новые жизненные задачи согласно возрастному контингенту обеспечивает более благоприятный переход к новому социальному статусу и пониманию социальных ролей. Осознание данных изменений обеспечивает пожилому человеку сохранность физической и психоэмоциональной стабильности, когнитивной гибкости, ориентирует на здоровье сберегающие модели поведения, своевременные рекреационные мероприятия. Адекватная ролевая переориентация способствует преодолению негативных факторов восприятия старости и отношения к ней, обеспечивает социальную активность, положительно влияет на общий фон настроения в регионе.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ КАК ИСТОЧНИК УГРОЗ И РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Ч. С. КИРВЕЛЬ

Современная экономическая система глобального капитализма накопила огромный потенциал саморазрушения. К сегодняшнему дню та эконоцентрическая парадигма развития общества, которая утвердилась в Западной Европе в эпоху Нового времени, оказалась нежизнеспособной ни социально, ни экологически. Ядро этой парадигмы, ее главная пружина – предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли, закон самовозрастания капитала, который ни перед чем не останавливается, ни на что не реагирует, подминая под себя в своем движении народы, государства, континенты и даже тех субъектов, в личности которых он персонафицируется. Именно эта сила с нарастающей скоростью погружает наш мир в ситуацию глобальной нестабильности, грозящей трансформироваться в катастрофу вселенского масштаба.

Почему именно в настоящее время данная модель жизнеустройства общества оказалась нежизнеспособной? Пока капитализм носил относительно локальный характер, существовал наряду с огромной некапиталистической периферией и полупериферией, он мог быть успешным и восприниматься всей остальной частью человечества как воплощение прогресса и процветания.

Но когда капитализм стал глобальным, охватил всю нашу планету, он столкнулся с неразрешимыми противоречиями и трудностями. Капитализм не может обеспечивать свои долгосрочные интересы без экспансии капитала в пространстве. Став глобальным, он резко сузил возможности решать свои проблемы, вынося их вовне. В ситуации невозможности роста и расширения судного процента капитализм лишается всякой исторической перспективы, превращается в тупиковую ветвь социальной эволюции. Данное обстоятельство ставит глобальный управляющий класс капитализма перед необходимостью выбора: либо утрата значительной части прибыли, либо переход к внутренним источникам извлечения прибыли и накопления, т. е. переход к усилению эксплуатации внутри самого ядра капиталистической системы. Выбор, похоже, уже сделан. Отсюда широкомасштабное наступление на все завоевания, достигнутые в свое время низшим и средним классами.

На судьбу глобального капитализма сегодня немалое влияние оказывает технологический прогресс: автоматизация и роботизация, которые создают из масс бывших тружеников лишних людей. Автоматизация и роботизация неизбежно ведут к тому, что миллионы людей лишаются работы и социальных гарантий, в то время как десятки или единицы становятся обладателями баснословных богатств. Согласно последним данным, ныне восемь самых богатых людей владеют собственностью, равной собственности 50 % населения нашей планеты. Основное противоречие заключается здесь в том, что общество становится богаче, но богатство концентрируется в руках все более узкого круга людей. И это неразрешимое противоречие при нынешней модели развития социума, следовательно, кризис капитализма носит фундаментальный необратимый характер. Стало быть, человечество вступает в новую эпоху – эпоху смены модели развития общества.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА СОЦИАЛЬНОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ П. А. КРОПОТКИНА

И. О. КУДРЯКОВА

В данном докладе речь пойдет об анархистской трактовке происхождения общества как естественного природного явления, представленной классиком анархистской теории Петром Алексеевичем Кропоткиным. Анархистская трактовка происхождения общества наиболее актуальна в современную эпоху, когда роль личности и социального нивелируется на фоне глобальных процессов.

Исходным пунктом этического учения Кропоткина является идея естественного происхождения нравственности как природного начала. В природе имеет место не только взаимная борьба (межвидовая и внутривидовая), как полагали дарвинисты, но и взаимная помощь. Подтверждение своей концепции он находил в сообществах муравьев, термитов и пчел, в совместном передвижении, защите и охоте, которую практикуют многие виды птиц и животных.

Эти наблюдения Кропоткин переносит на человеческое общество. Поскольку человек – неотъемлемая часть животного мира, то истоки человеческой этики находятся в природных инстинктах. Общительность – это первый опыт, который получает человек из изучения природы и истории. Затем у человека появляется стремление к большему счастью и более быстрому физическому, умственному и нравственному прогрессу. Наука придает этике развития и эволюционистской этике философскую бесспорность. Идеи справедливости, солидарности и взаимной поддержки изначально заложены в нашей природе. Доказательство тому – существование на протяжении человеческой истории множества институтов, в которых воплощались принципы взаимопомощи и объединения – начиная от родоплеменного строя и деревенской общины и заканчивая средневековыми городскими коммунами и современными кооперативами, научными и спортивными сообществами.

Таким образом, Кропоткин доказывает тезис о том, что Государство как искусственно созданный элемент насилия и подавления не обязателен для нормального функционирования общества, более того, оно оказывает тормозящий эффект на развитие общества в целом.

Общительность и антииндивидуализм ставятся Кропоткиным на первый план, но не в ущерб идеалу личности. Недостаток личной творческой инициативы, недостаточное развитие личности, ведущие к стадности, являются, по его мнению, одним из главных тормозящих факторов развития. Теория нравственности не должна ограничивать деятельность и саморазвитие личности и превращать человека в идейный автомат. Личностное начало в этике Кропоткина обнаруживается и в том, что он признавал в определенных пределах принцип эгоизма, который он трактовал как стремление к наслаждению и избеганию страдания. Понятие эгоизма он рассматривал как универсальный закон природы и фактор жизни органической, а в обществе – как единственный мотив человеческих поступков. Согласование этих двух противоречивых стремлений человеческой природы – сугубо личного, эгоистического начала и начала общительности, входит в число важнейших принципов этики Кропоткина.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В. В. КУЗНЕЦОВ

Леворадикальные идеи христианства как отрицание наличных социальных отношений становятся актуальными именно в переломные моменты исторического развития человечества. Они сыграли заметную роль в период ранних европейских революций (XVI в.), ознаменовавших переход от аграрно-традиционного к техногенному обществу. В период русских революций начала XX в. наряду с марксизмом революционное воздействие на народные

массы оказали идеи обновления православия в духе первоначального христианства. Похожие тенденции отмечаются начиная со второй половины XX в. в странах Латинской Америки и в некоторых других регионах земного шара, что наиболее отчетливо проявилось в теологии освобождения.

Сегодня любой проект социальных преобразований должен быть выражен на языке демократии, которая считается неперенным условием возможности этих преобразований. В понимании леворадикальными христианами (в частности, теологами освобождения Г. Гутьерресом, Л. Боффом, Ф. Бетту, У. Ассманом, Х. Сегундо, Ж. Комбленом и др.) демократического устройства общества можно выделить три аспекта, связанных с конкретной социально-политической ситуацией, которая складывалась прежде всего в латиноамериканских странах: 1) демократия революционного социализма; 2) демократия участия (широкого и равного участия на основе практики базовых церковных общин); 3) анализ «застойной» демократии («низко интенсивные» и «ограниченные», «демократии фасада» и «демократии под опекой»). При этом центральным положением во всех трех аспектах является отказ отделять демократию как политический механизм от экономической сферы общества.

В свою очередь данное положение в понимании леворадикальными христианами демократии тесно связано с их анализом доминирующей в настоящее время экономической системы капитализма. В целом можно выделить три подхода, применявшиеся при анализе капитализма представителями теологии освобождения (Г. Гутьеррес, Х. Бонино, Э. Дюссель, Х. Сканноне, Чон Мо Сонг, Ф. Хинкеламмерт и др.):

- 1) на основе идей теории зависимости;
- 2) с использованием мир-системного анализа;
- 3) критика современных неолиберальных концепций (теологи освобождения обозначили ограниченность теоретических построений неолиберализма, претендующего на универсализм, понятием «недотеоретизирование капитализма»).

Альтернативы общественного развития в контексте кризиса доминирующей сегодня техногенной цивилизации, с точки зрения представителей леворадикального направления христианской социальной мысли, должны рассматриваться и обсуждаться с учетом критического анализа социально-политических и экономических проблем, что предполагает системный и междисциплинарный подход, а также диалог между социально-гуманитарными науками, философией и теологией, который, с точки зрения леворадикальных христиан, может быть достаточно конструктивным.

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ «ЗАКРЫТОГО» И «ОТКРЫТОГО» ОБЩЕСТВА

А. И. ЛЕВКО

Проблемы «закрытого» общества, социальное пространство взаимодействия в котором жестко ограничено мифологическими, религиозными, политическими и другими идеалами, ценностями и нормами, и «открытого» общества, между социальными общностями и социальными группами которого существует непрерывное взаимодействие в виде социальной мобильности, обмена социальными, правовыми и нравственными ценностями и нормами, являются наиболее ярким проявлением диалектики социального развития. Это прежде всего проблемы дискретного и непрерывного, локального и глобального, статичного и динамичного, линейного и циклического, системного и исторического, материального и идеального, природного и культурного, естественного и искусственно созданного, детерминированного и случайного, функционально-институализированного и свободного творческого, авторитарного и демократического развития. Без противоречивого единства это развитие вырождается в иные формы существования социальных систем: функционирование, трансформацию, интеграцию и т. д., а системное развитие противопоставляется историческому. Диалектика социального развития до сих пор в истории философии остается до конца не раскрытой. Все попытки свести ее к единству субъекта и объекта познания не выходят за рамки исследования мышления. Поэтому перенос диалектического метода из духовной сферы в сферу материальной жизни природы и социума не увенчался успехом. Диалектический и исторический материализм так и не позволил раскрыть тайны социального развития. Они до сих пор остаются наиболее актуальным предметом исследования социальной философии. И первым шагом к их раскрытию может стать рассмотрение проблемы «закрытого» и «открытого» общества. Сегодня в исследовании этих форм общества мир-системный анализ соседствует с историческим анализом, а социально-экономическое развитие по-прежнему рассматривается как источник социально-культурного. При этом статистические закономерности или закономерности тенденции фактически не различаются с закономерностями детерминации. В итоге процесс социального развития становится все более непредсказуемым, неуправляемым и неконтролируемым, а вызовы и угрозы сложившимся формам социального существования уже давно стали реальностью.

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

О. А. ЛЕВКО

Время и его формы являются конкретным выражением диалектики непрерывного и дискретного, линейного и циклического социального существования и развития. В качестве основных форм времени выступают физическое и социальное время. Физическое время выражает непрерывный, линейный, внешне детерминируемый и вечно возвращающийся или повторяющийся характер развития. Социальное время всегда имеет дискретный, циклический, случайный и необратимый характер. В основе его лежат исторически сменяющиеся друг друга ценности и нормы жизнедеятельности, стиль и образ жизни. Между физическим и социальным временем существует неразрывная взаимосвязь и взаимообусловленность. Физическое время выражает длительность и последовательность событий. Социальное время проявляет себя как своеобразный вызов современности по отношению к исторически сложившемуся бытию, его социальным формам и структурам, сознанию и самосознанию. Оно наполняет одни и те же формы жизнедеятельности, социальные институты и социальные проблемы различным социально-культурным и иным содержанием. Например, институт образования, существующий уже много веков, не отличается по своей форме и внешней организации и решает, казалось бы, одни и те же цели и задачи.

Вместе с тем проблемы, которые сегодня стоят перед институтом образования, существенно отличаются по своему содержанию от тех, которые существовали ранее. Советское образование и воспитание, например, существенно отличается от постсоветского. Оно имеет совершенно различный ценностно-нормативный смысл изменившихся условий бытия, и в этом плане социальное время как категория социальной философии является основным условием постижения данной сложившейся социально-культурной реальности на уровне рефлексивного мышления и ее понимания. Для того чтобы стать субъектом мышления, необходимо быть субъектом своего времени. Еще О. Шпенглер подчеркивал всю бесперспективность объяснения исторических фактов и символических форм выражения смысла безотносительно к условиям существования в то или иное социальное время. Образы и смыслы не существуют сами по себе в виде абстракций или моделей. Время предстает как атрибут социального бытия. В связи с этим для того чтобы решить насущные проблемы образования, следует исследовать особенности становления и развития личности учащихся как субъекта своего времени.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Л. Е. ЛОЙКО

Историческая память является важнейшим условием эволюции общества в аспекте его опоры на ресурсы преемственности, ценностных оснований, идентичности. Социальные практики исторической памяти формировались столетиями в рамках конкретных форм общественного сознания. В рамках монотеистических религий историческая память интегрирована в культурную традицию. Благодаря такой интеграции в Беларуси получили развитие уникальные архитектурные практики, возникла атмосфера толерантности и веротерпимости. Наука культивирует историческую память на уровне практик историко-теоретических реконструкций процессов различной длительности. Один из примеров реализации подобных практик продемонстрировали *Анналы*. Историко-теоретические реконструкции В. С. Стёпина позволили представить научную деятельность с точки зрения ее кумулятивной и инновационной сущности, а также проследить трансформации научной деятельности в области методологии. Системность и преемственность исторической памяти подверглись испытанию в рамках процессов информатизации современного общества. Одним из продуктов этих процессов стало мозаичное мировосприятие, обусловленное доминированием информации и коммуникации над рефлексивными особенностями, свойственными прежним историческим эпохам. Обновление информации стало настолько быстрым, что у пользователей хватает времени только на ее прочтение. На осмысление полученной информации времени не остается. Напряженность ситуации создают многочисленные практики манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. В этих условиях сохранение ценностного статуса исторической памяти в социальных процессах стало актуальной задачей. В Республике Беларусь эта задача решается в рамках стратегии развития национальной культуры и государственности. Стратегия имеет правовое обеспечение. Многие события и знаменательные даты имеют статус государственных праздников.

ON THE MODERNITY OF THE PHILOSOPHICAL CONNOTATION OF PUBLIC SPIRIT

LIU XIN-MIAO, LAN GUO-QIAO

The public spirit was some kind of energetic phenomenon of humanity since old times, it involved to all humanity's public life domain such as economy, politics and the culture. With modern society, common field coming into being, the public spirit are becoming the theory resource and learning canonical form to analyze

modern civilization and modern society gradually. The article proposed the public spirit is «the human community's energetic link», «the public spirit is humanity's rational public utilization», «the public spirit is ethics-express of the human kind of consciousness», so as to further streamlining the public spirit's in-depth implication.

СОЦИАЛЬНО-СОБЫТИЙНАЯ ДИНАМИКА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

А. С. МАЛМЫГИН

Существенная значимость и актуальность философского анализа и философской рефлексии социально-событийной динамики обусловлена тем, что через социально-событийную динамику общественного бытия и общественного сознания происходит возникновение новой социальной реальности – нового типа общества. Исходной предпосылкой существования социально-событийной динамики является то, что общественное бытие находится в непрерывном движении и становлении. Динамика социального бытия не всегда проявляется как относительно спокойное течение социальной жизни, выражающееся в форме незначительных перемен. Зачастую движение общественного бытия проявляется в форме социальных событий, трансформационных процессов и преобразований, существенно меняющих жизнедеятельность социальных субъектов, социальную структуру и направленность развития общества. Социально-событийная динамика является неотъемлемой формой проявления социальной жизни: в истории любого общества или цивилизации неизбежно происходят значимые социальные события, которые причинно-следственно взаимосвязаны между собой и наиболее значимыми компонентами и процессами социального бытия и общественного сознания. Иными словами, социально-событийная динамика, осуществляющаяся в глобальном пространстве и продолжительном времени, детерминированно взаимосвязана с существованием, качественным изменением и развитием фундаментальных онтологических, гносеологических, эпистемологических, праксеологических и аксиологических структур и процессов.

В структуру социально-событийной динамики неизбежно включаются различные и многообразные формы существования материи: объективное и субъективное, материальное и духовное, пространство и время (прошлое, настоящее и будущее), личность и окружающий мир и т. д. Следовательно, для целостного и всестороннего осмысления социально-событийной динамики, для разработки методологии теоретического исследования и проведения эмпирического анализа, направленных на выявление сущностных свойств и закономерностей социально-событийной динамики необходимо использовать фундаментальные категории, понятия, принципы, концепции и теории как классической, так и современной философии. Только такое осмысление, осно-

ванное на базисе философского знания и применении философского анализа, является необходимым условием познания социально-событийной динамики как сверхсложного феномена общественного бытия.

Таким образом, социально-событийная динамика социального мира является одной из фундаментальных онтологических и гносеологических проблем современной философии. Познание сущности социально-событийной динамики является важным шагом в процессе поиска ответов на наиболее фундаментальные философские вопросы, связанные с пониманием закономерностей становления и движения социальной материи.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В АНАРХИЗМЕ

М. Ю. МАРТЫНОВ

Доклад посвящен рассмотрению особенностей концептуализации пространства в анархизме. Основное внимание уделено сравнению анархистских представлений об организации пространства с мифологической моделью мира. В частности, автор показывает, что порядок анархистов имеет ряд характеристик, которые существенно отличают его от мифологического пространства. Прежде всего, анархический порядок имеет не вертикальную иерархическую структуру, а горизонтальную (анархическая коммуна, аффинити-группа и др.). Это означает, что анархисты отказываются от руководящего принципа централизации. Анархическая организация действует на принципах самоопределения, самоуправления, федерализма, консенсуса в принятии решений и прямого действия. Анархистская горизонтальная модель пространства не основана на структурах священного, поэтому она не имеет однозначных воспроизводимых структурных инвариантов. Иными словами, анархистский образ пространства, в отличие от мифологического, не имеет законченной формы. Анархисты выстраивают свое идеальное социальное пространство каждый раз заново, приспособлявая его к изменяющейся социальной реальности.

Из тезиса об отсутствии в анархизме четкой топологии священного также следует, что левая идея для анархистов представляет собой не обязательно четкую программу политической борьбы, но вообще любое противостояние власти, любое частное и личное сопротивление, имеющее перед собой не столько перспективу борьбы с «правым», связанным с полем «политического», сколько повседневные рутинные практики борьбы с властью (Р. Ванейгем). Последние не всегда имеют четкую политическую артикуляцию, и их нельзя однозначно разместить в границах правого и левого.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИРОНИИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ

Т. В. МЕДВЕДОК

Ирония является необходимым механизмом культуры, поскольку представляет собой инструмент переоценки ценностей и культуротворчества, способствует избавлению от устаревшего, которое еще существует. Вместе с тем ирония осуществляет свою деятельность не революционным путем, а эволюционным: плавно фокусирует общественное сознание на том, что подлежит устранению.

Ирония обнаруживает вещи в неожиданном, новом свете, вызывает эффект отстранения, делает заметным общественный интерес к субъекту оценки, обуславливает ценностную ориентацию, способствует трансформации противоречия и определяет творческий поиск идеала.

В анализе критических ситуаций исторических событий исключительное значение приобретает понятие «иронии истории», дающее возможность свеисти воедино осмысление того, что есть, что будет и что должно быть. Впервые феномен иронии истории был рассмотрен Г. В. Ф. Гегелем в работах «Лекции по истории философии» и «Философия истории». Этот феномен немецкий философ обозначил «всеобщей мировой иронией», «хитростью разума». Сам термин «ирония истории» получил широкое распространение в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса.

В XX веке категория «ирония истории» оказалась основополагающей в концепции американского теолога Р. Нибура, высказавшего сомнение относительно способности человека, который обладает иррациональной свободой воли, противостоять в историческом процессе Богу.

Закон «иронии истории» обнаруживает себя в том, что в социальной динамике время взаимосвязано с человеческой деятельностью, и то, что поначалу оценивается в качестве положительного результата, может со временем оказаться ошибкой, и наоборот. Ошибки подобного рода предоставляют субъекту пространство свободы для самораскрытия, поскольку постигнуть свою свободу предоставляется возможным не только и не всегда в успешных действиях, но и в несовпадении с поставленной целью.

Применяя иронию истории в процессе изучения исторической и политической реальности, необходимо стремиться к восприятию данной действительности во всей сложности и противоречивости ее явлений, а утверждая что-либо или же воплощая это в действительности, стоит не забывать о противоположном смысле и быть готовым к возможностям проявления обратного действия.

Таким образом, ирония истории не просто дает возможность обнаружить парадоксы развития в историко-культурном процессе, но она помогает раскрыть некоторые стороны диалектики становления. Особенность иронии истории

заключается в том, что последняя связана со способностью размышляющего субъекта не только осознавать собственное совершенство и превосходство над окружающей действительностью, но вместе с тем и осознавать собственную ограниченность и несовершенство, что в конечном итоге дает основание для дальнейшего самосовершенствования и, тем самым, отрицания имеющихся ограниченности и несовершенства.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО СОЦИУМА

А. П. МЯДЕЛЬ

Общество, являясь сложной нелинейной системой, всегда находится в состоянии динамического равновесия, которое выражается в чередовании стабильных и нестабильных моментов социального бытия. Подобное образование представляет собой социальный организм, занимающий некоторое промежуточное положение в социальном пространстве между двумя различными функционирующими состояниями социума, одно из которых предшествует другому. Ключевые проблемы современности невозможно решить без определения онтологического статуса переходного периода и создания его гносеологической модели. При этом прикладные характеристики теоретической модели переходного периода должны рассматриваться прежде всего как методологическое основание анализа, а не законченное обоснование какой-либо доктрины. На современном этапе белорусское общество находится в переходном (транзитивном) состоянии. Связанные с ним разнообразные проблемы, а также пути их решения анализируются в периодической печати и научной литературе. Однако эти публикации в большинстве своем имеют ограниченную направленность: исследуется одна из сфер общественной жизни (или один социальный процесс), ее дестабилизирующее влияние на систему в целом, а решение проблемы социальной стабилизации современной Беларуси сводится к решению рассматриваемой единичной проблемы. Транзитология, выступая относительно новым направлением научного поиска, представляет собой попытку анализа сложной взаимосвязи социальных процессов, происходящих в переходном социуме, и указывает на необходимость комплексного подхода к решению проблем, стоящих перед современным белорусским обществом.

Успешное осуществление модернизации белорусского социума предполагает определение приоритетных направлений реформирования, к которым можно отнести следующие:

повышение адаптации социально-политической системы к новым социальным условиям на основе рационализации ее строения и организации с целью своевременного учета интересов различных социальных групп;

рациональное распределение властных полномочий между ветвями власти;

разумная децентрализация власти и развитие системы местного самоуправления;

формирование развитого и эффективного гражданского общества как необходимой предпосылки демократизации политической жизни в стране;

совершенствование и развитие нормативной (прежде всего законодательной) базы и усиление влияния системы ценностей, способной объединить социум;

учет национальных особенностей, традиций, менталитета, религиозных верований, ценностных ориентаций народа, господствующего типа политической культуры, накопленных в процессе исторического развития властных отношений и др.;

формирование обширного среднего класса как важного фактора устойчивого социально-политического развития, обеспечение условий для высокой социальной мобильности населения;

создание благоприятных социально-психологических, информационных, идеологических, правовых, политических и иных условий и предпосылок для успешной модернизации политической системы общества.

СТАТУС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

С. А. МЯКЧИЛО

В условиях стремительных социально-технологических преобразований современности формируется запрос на философское осмысление путей общественной модернизации, понимание целей и ценностей, детерминирующих этот процесс. На этом фоне универалистские подходы, господствовавшие в социальном познании на протяжении большей части Нового времени, уступают место идиографии подходов, артикулированных на уровне этнорелигиозной, национальной, культурной общности, в пространстве «локальных цивилизаций». Как подчеркивает Л. Г. Титаренко, «отказ от идеи универсальности западного модерна дал возможность продуктивнее описать и осмыслить... незападные общества» [1, с. 28].

Вместе с тем за многообразием форм локального развития необходимо видеть архитектуру глобальных процессов, в ракурсе которых человек как таковой, вне зависимости от его происхождения, этнической принадлежности, социально-функциональных характеристик, предстает как подлинный субъект истории, обладающий полной мерой достоинства, свободы к самореализации и прав. Сбалансировать названные аспекты социально-гуманитарного познания призваны комплексные исследовательские программы на системном философско-методологическом базисе. Особое место среди них занимает

марксистская философия, сочетающая ориентацию на практику с императивом «раскрепощения» сознания, личностного самосовершенствования, повышения гибкости и рефлексивности общественного управления, неприятия социального доктринерства, акцентом на достижение гармонии общественной жизни. По словам К. Касториадиса, «марксизм пропитал собой язык, идеи и реальность до такой степени, что стал частью атмосферы, которой дышит любой вступивший в мир социального» [2, с. 15].

Актуальные программы социального познания, сформированные в русле марксистской философии и, шире, социально-критической парадигмы философского мышления, ориентированы на интерпретацию изменений природы и организации труда в обществе, основанном на знаниях, формирование новых форм трудовой, гражданской, политической солидарности на этой основе; эволюцию понимания собственности и ее морально-правового обеспечения с акцентом на нематериальную (интеллектуальную) собственность; новые (сетевые) модели социальной активности; изменение ценностно-эмоциональной структуры сознания человека; идеология потребительства и «антипотребительства»; политические, экономические социально-антропологические эффекты «позитивной» и «негативной» глобализации и др. Бинарно-антагонистические черты, атрибутивные для классического марксизма, отчасти видоизменяются здесь, предопределяя облик диалектики тенденций «внешнего», техногенного структурирования социальной реальности и «внутренней» интенции личности к самореализации и гармонизации, которая задает динамизм общественных процессов. Важной исследовательской задачей становится поиск меры подлинного суверенитета человеческой личности с учетом меняющихся рамок субъективности и «полей» осуществления отношений власти, партнерства, кооперации между социальными субъектами.

Данная проблематика напрямую связана с дискурсом модернизации, которая понимается не только как социально-экономический, но и как системный социокультурный, социопсихологический и социотехнический процесс – процесс конструирования личности и системы кооперации между людьми на новых технико-технологических рельсах. Характерные для современного мира признаки несбалансированного общественного развития: не только имущественного и гендерного, но и знаниевого, «цифрового», возрастного неравенства и дискриминации, – должны быть преодолены средствами ценностно обеспеченной политики модернизации, необходимой обществам и странам, ставящим перед собой задачи устойчивого развития, прогресса и глобальной конкурентоспособности. Как пишут современные китайские исследователи-марксисты Ван Шаосинь и Цзян Сяюнь, «развитие... означает осуществление модернизации человека, то есть превращение простого человека в «нового», отвечающего требованиям времени и способного использовать достижения современной цивилизации... Без передовой социальной системы, без всеобщего прогресса общества не могло быть и речи о всестороннем развитии человеческой свободы» (цит. по: [3, с. 264]).

Представляется, что именно реализация человекоориентированной, ценностно насыщенной политики может выступить основой масштабных мероприятий региональной интеграции, таких как Евразийский экономический союз, а также инициатива Экономического пояса Шелкового пути.

Работа подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г16–КАО/006 «Современная философия марксизма в контексте теории и практики социальной модернизации».

Литература и источники

1. Титаренко, Л. Г. Национальное и наднациональное в социологии / Л. Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 22–29.
2. Касториадис, К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис; пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М.: Гнозис: Логос, 2003.
3. Цырендоржиева, Д. Ш. Китаизация марксизма и модернизация Китая / Д. Ш. Цырендоржиева, О. Б. Бальчиндоржиева // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 262–265.

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И МОЛОДЕЖНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Д. И. НАУМОВ

В философском дискурсе концепт «социальная память» характеризует совокупность коллективных представлений политически организованного общества о его историческом пути, деятельности выдающихся личностей национальной истории, вкладе в развитие цивилизации. Они устойчиво воспроизводятся на индивидуальном, групповом и коллективном уровнях посредством деятельности важнейших социальных институтов, конструирующих нормативный образ социальной памяти. Комплекс данных представлений не только определяет этнокультурную и национальную идентичность, степень интегрированности общества, но и лежит в основе аксиологического и смыслового фундамента социокультурной реальности.

В обществе в качестве субъектов, определяющих основные направления конструирования смыслового и ценностного содержания социальной памяти, традиционно выступают элиты. Однако в постмодернистских условиях роль субъектов конструирования и воспроизводства социальной памяти начинают играть акторы, которые ранее не располагали такими возможностями. Одним из таких акторов являются молодежные солидарности, представляющие собой особую форму социальной общности, которая существует реально или виртуально на специфической ценностной и коммуникационной основе.

В целом, функциональность включения молодежных солидарностей в процессы конструирования и воспроизводства социальной памяти определяется необходимостью:

легитимации активизма молодежи, возникающего на субкультурной основе либо из-за общезначимых социальных проблем, либо в силу специфически молодежных проблем посредством апелляции к историко-культурной национальной традиции;

концептуального обоснования повышения роли игровых и досуговых практик в жизни молодежи, как посредством нахождения исторических параллелей с аналогичными феноменами, так и через повышение их символического статуса, как механизмов личностной самоактуализации в социальной действительности постмодернистского социума;

поддержания режима автономной коммуникации внутри молодежных солидарностей, содержанием которой являются основания и формы молодежных идентичностей в современном высоко урбанизированном и потребительски ориентированном социуме (гендерные режимы, эталоны маскулинности / фемининности, политические и идеологические установки), посредством обоснования его функциональности в историческом генезисе социума;

формирования альтернативных способов и форм идентификации, что обусловлено кризисом фундаментальных основ идентичности в условиях постмодернистского социума, посредством конструирования локальной, виртуальной или субкультурной идентичностей, как акторов исторического процесса.

Таким образом, проблематика конструирования социальной памяти молодежными солидарностями в постмодернистском социуме характеризует комплекс разнородных и разновекторных процессов, которые отражают противоречивость и рискогенность современного этапа развития человечества.

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ

И. В. НЕЧАЕВА

Длительный постреформенный период существования российской деревни не мог не сказаться на ценностно-мировоззренческих установках ее жителей. В современном сельском социуме отчетливо проявляется тенденция ухода от общепринятых коллективных представлений, признаваемых всеми. Его духовный континуум сегодня распался на социокультурные ареалы, содержащие разные ценностно-нормативные наборы, один из которых носит рыночный характер, второй – содержит черты традиционного социума. Ценностно-нормативный ареал рыночного характера вбирает в себя сферу сельского предпринимательства. В нем произошел процесс быстрой смены стратификационных состояний его представителей. Близка к данному ареалу группа индивидов, планирующая переход к предпринимательским практикам в будущем. Ее размеры составляют 8–10 % от общего массива опрошенных респондентов, а ее представители отличаются от остальных осознанием возможности использования в своей жизни рыночных способов жизнедеятельности.

Установлено также, что устои сельской солидарности подвергаются заметной коррозии. Сельская солидарность, выражающаяся во взаимопомощи, неформальных обменах, является фундаментальным и устойчивым образованием, продолжающим сохранять основания социальной жизни в селе. Однако круги данных взаимодействий становятся уже и чаще замыкаются лишь на родственные группы. Данные социологического исследования свидетельствуют, что большинство коренных жителей деревни (86,6 %), имеющих родственников в деревне, продолжают сохранять традиционные практики общения, но даже у данной категории сельчан уже заметен некоторый прагматизм отношений. Однако в трудной жизненной ситуации за помощью к родственникам обратится около 60 % опрошенных респондентов; к друзьям – 22 %; к односельчанам – 14,4 % [1].

Сегодня сельский социум представляет собой слабо интегрированную социальную систему в силу утраченных или слабо действующих в ней экономических и социальных связей и отношений. В ней четко прослеживаются векторы расхождения жизненных стратегий составляющих ее групп населения. Несмотря на данное положение, динамика социального настроения показывает и ряд позитивных моментов. Зафиксированы медленное изменение социокультурных предпочтений, рост ориентаций на индивидуальные жизненные стратегии.

Современная социологическая мысль сегодня отстаивает приоритет основополагающего влияния имеющейся социокультурной основы на процессы любых изменений, происходящих в социумах. И основное ее значение проявляется в том, что она определяет направления и характер изменений в российском селе, поэтому учет ее роли в преобразованиях села должен стать доминирующим направлением исследований.

Литература и источники

1. Результаты социологического исследования лаборатории социального развития АПК и сельских территорий ИАГП РАН. Саратовская область. Квотная выборка. 2011–2012гг (N – 332).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. Ф. НИКИТИНА

Переосмысление неолибералами во второй половине XX в. в экономическом аспекте категории труда привело к оформлению концепта «человеческий капитал». Рассматриваемый в качестве одного из факторов производства наряду с количеством трудящихся и материальными вложениями в физический капитал, тем не менее сравнительный анализ показал приоритетность чело-

веческого капитала в вопросе экономического развития страны. Как писал австро-американский экономист Й. Шумпетер, двигатель развития, инновации не сводится к простому прогрессу в техническом знании [1, с. 300]. Практика ряда стран показывает, что при низком уровне человеческого капитала инвестиции в высокотехнологические отрасли не оправдываются. В этой связи ставка Республики Беларусь на построение экономики знаний актуализирует проблему формирования конкурентоспособного национального человеческого капитала.

Республика Беларусь поступательно движется по обозначенным направлениям. Достаточно успешно реализуются Государственные программы промышленного, научно-технического и инновационного развития, проводится активная образовательная политика, направленная на рост человеческого капитала и расширение возможностей его реализации в сфере производства. Согласно отчету ООН, Республика Беларусь вошла в число первых пятидесяти государств мира по индексу человеческого развития. Этот показатель был достигнут в результате решения комплекса масштабных, взаимосвязанных вопросов экономического, демографического и социального характера. К тому же страна заявила о себе как серьезный партнер на мировом рынке образовательных услуг [2].

Однако эксперты констатируют наличие следующей проблемы: в настоящее время в Республике Беларусь не обеспечено надлежащего взаимодействия образования, науки, производства. Выпускники вузов по своему уровню подготовки отстают от потребностей современного производства. Поступают жалобы от работодателя, связанные с тем, что требуется несколько лет на то, чтобы из выпускника сделать профессионала. Наука же как социальный институт, с одной стороны, слабо взаимодействует с образованием и производством, с другой – испытывает нехватку денежных средств. Промышленники обвиняют ученых в том, что те решают абстрактные, не востребованные практикой проблемы. В свою очередь ученые выказывают недовольство невосприимчивостью производства к инновациям [3, с. 14].

Литература и источники

1. Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко; Пер.с фр. А. В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2010.
2. Система образования Республики Беларусь // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.gov.by/ru/main.aspx?guid=18201>. – Дата доступа: 12.01.2014.
3. Беларусь: Наука, технологии, инновации / Под ред. А. В. Гусаченок [и др.]. – Минск, 2014.

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

О. В. НОВИКОВА

Город формирует особую среду существования человека – публичное пространство. Исторически первый образ его – агора, площадь, организованная как место для коммуникации различных социальных групп. Х. Арендт определяет публичное пространство как не тождественный природному мир, представляющий собой «собирательное понятие для всего, что разыгрывается между людьми» [1, с. 69]. При этом смысловое наполнение публичного пространства контекстуально, релевантно определенному спектру явлений, которые общество допускает на публичное обозрение. Одна из ключевых проблем, по мысли Х. Арендт, заключается в том, что город, породив феномен массового общества, тем самым утратил объединяющие потенции. Возникла ситуация, подобная спиритическому сеансу, когда «собравшаяся вокруг стола группа людей внезапно видит, что стол силою какой-то магии исчез из их среды, так что теперь два сидящих друг против друга лица ничем больше не разделены, но и ничем осязаемым больше не соединены» [1, с. 69]. Рефлексия над этой проблемой порождает ряд вопросов.

Является ли городское пространство публичным по умолчанию? Что входит в архитектуру публичного пространства: некие виды городского ландшафта, пригодные для организации публичных мероприятий, или идейно-смысловое содержание, рефлексия над которым превращает массу в общество? Может ли публичное пространство существовать как вакуум, изначально лишенный смыслов, и участвовать в конституировании общественной жизни лишь благодаря своей локализации? Б. Гройс, рассматривая публичное измерение человеческой жизни, понимает его как «публичное взаимодействие, сотрудничество или конфликт, но в первую очередь – опыт экспонирования, выставленности на всеобщее (общественное) обозрение, можно сказать – опыт публикации» [2]. Однако простой явленности / выставленности недостаточно. Заполненные людьми городские локусы еще не образуют публичного пространства: «наша агора – чисто визуальная», – подтверждает Р. Сеннет [3, с. 440].

Публичное пространство должно в первую очередь определяться как топос, предназначенный к генерированию смыслов общественной деятельности. Б. Гройс указывает на парадоксальную природу этого феномена: задачей современной архитектуры становится не только заполнение пустот инфраструктурными объектами, в которых могло бы функционировать публичное пространство, но и создание самих пустых пространств. Тем самым, построение публичного пространства в современной городской среде означает возможность создания некоего вакуума, «пустого» места, которое инициировало бы взаимодействия между индивидами и обладало определенным потенциалом в конституировании общественной жизни города.

Литература и источники

1. Арндт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арндт. – СПб.: Алетейя, 2000.
2. Гройс, Б. *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу* / Б. Гройс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.special.theoryandpractice.ru/ groys-public-space](http://www.special.theoryandpractice.ru/groys-public-space). – Дата доступа: 13.06.2017.
3. Сеннет, Р. *Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации* / Р. Сеннет. – М.: Strelka Press, 2016.

СЕКУЛЯРИЗМ, ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В. В. ПЕТРУНИН

Социальное развитие современного общества в значительной степени определяется этическими практиками, сформированными секулярным подходом к морали. Публичное этическое пространство избавилось от необходимости институализировать те или иные моральные нормы посредством их сакрализации. Нормативный характер приобретает автономная этика, в то время как гетерономия или теонимия давно лишены нравственного авторитета.

Вместе с тем кризис политического секуляризма, сначала в СССР и странах-сателлитах, а теперь и в западных демократиях, способствовал росту популярности альтернативного восприятия и интерпретации морали в самом широком смысле этого слова.

Постсекулярная перспектива, открытая Юргеном Хабермасом, позволила религии вновь возвратиться в публичное политическое и социальное пространство, поколебав тем самым универсализм секулярного подхода к морали. Постсекулярность выводит религию и основанные на ней моральные нормы из частной сферы в публичную. Религия вновь претендует на свое видение и решение социальных вызовов, которые стоят перед современным обществом и государством.

Секулярный глобализм способствовал стремительной динамике социально-политического изменения мира и появлению новых этико-аксиологических парадигм. Легитимация «общечеловеческих ценностей», в том числе путем насилия, привела к актуализации альтернативных глобальных проектов. Наиболее известный из которых – исламский проект, в рамках которого дан свой ответ на вызовы современного мира и предлагается их решение на основе мусульманских нравственных и духовных ценностей.

В то же время можно отметить и прямо противоположный тренд мирового развития. В современном мире мораль принимает разные формы, отображая тем самым наличие разнообразия идентичностей: религиозных, этнических, культурных, гендерных и других. Множественность идентичностей ведет к поливариативности этических установок, что делает невозможной существование обществ с господствующей этической парадигмой, как это было

в период соперничества коммунистической и либеральной идеологий, предлагавших свой секулярный глобальный проект.

Универсализм секулярного этоса, обеспечивавший формальное равенство граждан в постхристианских обществах Востока и Запада, может смениться иерархической структурой социума. Новая социальная иерархия не будет основана на классовом принципе, а станет отражением множества идентичностей современного мира. Данное обстоятельство позволит формулировать этические нормы, лишённые универсальных оснований.

Подобная перспектива несет в себе явные риски для социального развития, актуализируя необходимость поиска новых универсальных этических оснований, способных обеспечить устойчивое развитие общества в ближайшей перспективе.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЕКТ

С. М. ПОЗДЯЕВА

Россия, географически находясь между Востоком и Западом в глобальном понимании этих терминов, всегда ощущала проблему самоидентификации. Однако во времена СССР ответ на вопрос: «Кто мы? Куда мы идем? Какое общество мы строим?» опирался на коммунистическую идеологию и ее главный фундамент – марксизм-ленинизм. С потерей этой идеологии вопрос об идентичности возник снова. Основными ориентирами, как и в начале XX века, стали Восток и Запад, олицетворяющие традицию и современность.

Основными направлениями дискуссии в поисках макроидентичности и выборе ориентира для социального развития были следующие: Россия – это Запад; Россия – это Восток; Россия – это Евразия, отличная от Запада и Востока, а также некоторые другие. Как известно, в начале 90-х годов XX века выбор был сделан в пользу либеральной модели социального развития, ориентирующей Россию на Запад, точнее, на западную цивилизацию.

Декларируемая как важнейшее достижение Запада в политическом, экономическом, правовом оформлении либеральных идей – свобода на деле означала обязательность идентификационного копирования западной модели для других стран. При этом идея исключительного превосходства данной модели перед иными способами общественного устройства в большинстве стран посткоммунистического и постколониального развития была возведена на пьедестал. В том числе и в России.

Подобно строгому учителю, модернизационная элита терпеливо втолковывала россиянам значимость ценностей западного общественного идеала: свободы, рынка, частной собственности, гражданского общества, индивидуализма и ряда других. Однако освоение такого общественного идеала привело

к тому, что в условиях России социальной ценой модернизации стал гигантский разрыв между беднейшими слоями населения и олигархической верхушкой.

Российские реформаторы частично осуществили ряд экономических, политических, социальных и культурных изменений, совокупность которых можно квалифицировать как модернизацию. Однако они «забыли» о главном – модернизации бюрократии. Именно бюрократия стала тем фактором, который затормозил процесс движения российского общества на пути к современности. Поскольку основная социальная нагрузка проводимых реформ легла на плечи наименее защищенных слоев населения, сегодня это имеет своим следствием сформированное общественное мнение о неправильности выбора Россией либеральной модели социального развития, которое постепенно аккумулирует свой протестный потенциал в отношении проводимых реформ. Заимствованная Россией либеральная модернизация повторила печальный путь других моделей общественного устройства (например, социалистической) и превратилась в утопический проект.

«ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ-2»: ИННОВАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

О. П. ПУНЧЕНКО

К концу XXI века в связи с переходом человечества к новому типу цивилизационного развития – информационному – и развернувшимися процессами глобализации в развитии мирового сообщества складывается новая система ценностей и императивов его развития. Мир принципиально резко меняет свой облик, в нем происходит интенсивный процесс формирования нового мироустройства. Генератором этих идей выступил Запад, стремясь стандарты своего развития экспансировать в другие цивилизации.

В ряде случаев навязывание унифицирования социокультурных форм жизнедеятельности носило военный характер (Югославия, страны Ближнего Востока, Северной Африки), что привело к затяжным военным конфликтам. Эту стратегию глобализации не взял на вооружение Восток. Китай разработал собственный вариант евроазиатской интеграции, возродив «Шелковый путь-2» под общим названием: «один пояс – один путь». В нем Китай выделил три коридора: северный – на Запад, центральный – в страны азиатского региона и морской – в регион Индийского океана. Эта мегастратегия включает инвестиционное, финансовое, инфраструктурное, инновационное и социокультурное измерения. Для реализации этой новой концептуальной модели в виде интеграции вышеуказанных регионов Китай разработал и инструментальную модель решения мегастратегии «Шелковый путь-2», предусматривающую много проекций. Экономическое измерение связано с продвижением китайских товаров в евроазиатский регион через инвестиции в совместные дороги,

воздушные и морские пути, оказание помощи в решении насущных социальных проблем в области здравоохранения, образования, жилищного строительства.

К детерминирующим измерениям содержания новой мегастратегии отнесены наука и образование. В Китае осознали, что основу инновационного преобразования страны можно реализовать только через реформирование образования и освобождение мышления в науке, то есть через эмансипацию разума. Китай сегодня превращается в общество обучения. Этот процесс характеризуется созданием новой образовательной сети, освобождением от старой методологии, раскрепощенностью мышления, духа, как обучающихся, так и обучаемых, бурным процессом экспериментирования в образовании. Путь развития образования в Китае самобытен, он не копирует модели других стран, в том числе и Болонскую. Высшее образование принимает двойственный характер: через хорошо поставленную сеть дистанционного образования, а также через стационарное обучение, готовящее элиту, «мозговой центр» инновационного развития страны.

Таким образом, образование – не просто двигатель общественных реформ, оно являет собой ценностную сферу социальной реальности, формирующую концептуально-целостное мировоззрение человека и общества. Образование – не просто двигатель общественных реформ: образованные и квалифицированные люди – это тот самый ключ, который открывает двери свободе духа нации и его эмансипации.

ПОНЯТИЕ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ» КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

М. И. РАДКЕВИЧ

Методологическим основанием применения в политической науке понятия идеологического поля является концепт социального пространства, введенный и эксплицированный французским социологом, философом, политологом и культурологом П. Бурдьё. Согласно ему, социальное пространство составляет ансамбль относительно автономных подпространств или социальных полей, объединяющих агентов и институты, вовлеченных в определенные виды общественного производства: политическое, экономическое, юридическое, научное, культурное, религиозное, литературное, журналистское и др. Под агентами Бурдьё понимает индивидов, обладающих такими качествами, как активность и способность оказывать влияние на представления и действия других индивидов, а под институтами – различного рода объединения и учреждения агентов.

«Поле, – согласно Бурдьё, – есть место сил, внутри которого агенты занимают позиции, статистически определяющие их взгляды на это поле и их практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры

силовых отношений, производящих это поле» [1, с. 109]. Положение, занимаемое агентами и их объединениями в социальном поле, определяется по их позициям в отдельных полях, обуславливаемых общим объемом и структурой тех капиталов (т. е. материальных ресурсов и средств присвоения социально значимых благ и ценностей), которыми они обладают.

Приведенное определение означает, что каждое социальное поле характеризуется специфическим типом власти, которой подчиняются входящие в них агенты. Соответственно, каждое из них структурировано оппозицией тех агентов, которые занимают в нем доминирующую позицию, и тех, кто – подчиненную. «Социальное поле является местом действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле... Агенты способны влиять на эти поля, действовать в них согласно частично предустановленным направлениям, имея при этом некоторый запас свободы» [1]. Понятие поля в концепте Бурдьё служит задаче научного конструирования социальных объектов.

Возможность применения понятия поля к анализу идеологической сферы общества не вызывает сомнений и фактически оно уже апробируется в политической науке, например, в работе Дж. Шварцмантеля «Идеология и политика» [2, с. 285–305]. Такая возможность и, следовательно, целесообразность ее использования предопределяются следующими обстоятельствами. Во-первых, разработка и распространение идеологий есть важнейший вид современного общественного производства, в котором задействована, согласно выражению А. А. Зиновьева, огромная армия трудоспособного населения индустриально развитых стран. Во-вторых, идеологическая сфера общества, органически связанная с политической сферой, а значит с политическим полем, представляет собой явно структурированную область общественных отношений, где практически очевидны доминирующие социальные агенты и институты, а также подчиняемые. В-третьих, в ней также происходит повседневная жесткая борьба, направленная на установление, закрепление или изменение ее внутреннего деления на классы диспозиций агентов и их организаций.

Таким образом, понятие идеологического поля, как и понятия других социальных полей, может применяться в качестве аналитического инструмента, главная функция которого – обеспечение научного конструирования такого социального феномена, как идеологическая сфера современного общества.

Литература и источники

1. Бурдьё, П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики / П. Бурдьё // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

2. Шварцмантель, Д. Идеология и политика / Д. Шварцмантель. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О. А. РОМАНОВ

Эволюция мирового социального пространства рубежа XX–XXI вв. протекала в контексте объективации процесса глобализации, получившего в научной и публицистической литературе различные теоретические интерпретации и полярные оценки. Причиной концептуальной полифонии в осмыслении глобализационных процессов являются, во-первых, классовая и национальная принадлежность теоретиков, и, во-вторых, сложность и противоречивость исследуемого феномена, имеющего как внутреннюю логику развития, так и выраженную зависимость от сознания и воли социальных субъектов. Объективная сторона глобализации состоит в реализации естественноисторической закономерности повышения степени взаимозависимости мира в результате быстрого распространения информации и технологий, увеличения объема и номенклатуры услуг и товаров, расширения финансовых потоков между странами. Данная тенденция потенциально содержит в себе разнонаправленные векторы исторического развития – от движения в направлении к глобальному партнерству с целью совместного решения острых проблем современности до реализации сценария «игры с нулевой суммой», т. е. возрастания богатства одних стран за счет других. В силу ряда причин, часть из которых носила характер исторической случайности, трансформация миропорядка пошла по пути жесткого структурирования планеты на неравные части лидеров и аутсайдеров глобализации. Анализ мировой и национальной экономической статистики, ведущейся в последние десятилетия, свидетельствует, что разрыв между ними постоянно возрастает. Данная тенденция закономерно обусловила свое диалектическое отрицание в виде процесса регионализации, историческая задача которого состоит в преодолении негативного влияния глобализации и формировании более справедливого мира, открывающего перспективы восходящего развития для всех народов и континентов. Региональная интеграция, с одной стороны, позволяет сохранить ряд плюсов глобализации (международное разделение труда, доступ на внешние рынки, возможность обмена технологиями и производственными ресурсами), а с другой – защитить национальные интересы стран – участников регионального блока. С социокультурной точки зрения, региональная интеграция поддерживает внутреннее разнообразие, а тем самым – и устойчивость человечества. На уровне региона устанавливается баланс между интеграцией и дезинтеграцией, между центром и периферией, между централистскими и сепаратистскими тенденциями, между многими другими социальными противоречиями современного общественного развития. Необходимым условием формирования устойчивых в долгосрочной перспективе региональных блоков является принадлежность его членов к одной цивилизации либо близость культуры и исторической судьбы.

Реалии XXI столетия потребовали от национальных государств и локальных цивилизаций нахождения новых форм своей исторической субъектности. Для восточнославянской цивилизации и входящих в ее состав народов и государств такой формой сохранения себя в жестком высококонкурентном мире является региональный центр развития и силы, созданный на собственной культурно-исторической основе. Развитие восточнославянских народов в рамках самостоятельного интеграционного проекта открывает для них перспективы использования собственного социокультурного опыта в деле преодоления многомерного социального кризиса, многие параметры которого обусловлены некритическим принятием инокультурных образцов. Еще одним конструктивным следствием развития в рамках восточнославянского регионального блока является возможность сохранения и использования в интересах входящих в его состав народов ресурсной базы, обладание которой выступает важнейшим фактором прогрессивного развития в условиях нарастающей борьбы за невозобновимые ресурсы планеты. В ситуации активного противодействия со стороны геополитических конкурентов восточного славянства нашим народам и их политическим элитам необходимо проявить историческую мудрость и волю к объединению, тем самым обеспечив сбережение их богатейшего культурного, природного и этнодемографического потенциала как условия и собственного сохранения в истории и обогащения мировой цивилизации.

ФЕНОМЕН «ОТЧУЖДЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИОДИНАМИКИ

А. Ю. САВЕНКО

Социальное отчуждение, сущностью которого является обратное негативное воздействие порожденного на порождающее, проявляется в виде превращения осуществляемых намерений в их противоположность. История осуществляется через действия людей, ставящих перед собой определенные цели. Однако эти сознательные, планомерные действия приводят не только к намеченным результатам, но и к незапланированным последствиям. Результаты могут быть и вовсе обратными цели. Это превращение осуществляемых намерений в их противоположность К. Маркс и Ф. Энгельс вслед за Г. Гегелем называли «иронией истории». Одним из проявлений «иронии истории» выступает феномен «отчуждения революции» как социально-преобразующей деятельности. Революция не только выходит из-под контроля своих творцов, но и начинает функционировать вопреки их воле и намерениям, а в крайних случаях даже уничтожает их.

Ярким примером феномена «отчуждения революции» в отечественной истории является Октябрьская революция, 100-летний юбилей которой отмечается в этом году. Она проходила под лозунгами: «Фабрики – рабочим, землю –

крестьянам», но эти лозунги не были воплощены в жизнь – земля, заводы и фабрики в итоге стали государственной собственностью. С позиций системного подхода в начале XX века российское общество оказалось в точке бифуркации, когда была возможна как диссипативная самоорганизация, ведущая к высокоорганизованному «порядку клетки», так и консервативная самоорганизация, ведущая к низкоорганизованному «порядку кристалла» (Тейяр де Шарден). Россия пошла по пути консервативной самоорганизации, степень вероятности выбора которого всегда выше вследствие стремления любой системы к стабильности, уравниванию и простоте (что и является одной из причин феномена «отчуждения революции»). Октябрьская революция стала, по сути, первой консервативной революцией в XX веке. В результате тотального огосударствления всех сфер жизни возникло общество советского типа, являющееся с точки зрения цивилизационного подхода (согласно которому предлагается выделить два сосуществующих и соперничающих друг с другом типа общества – техногенную «западную» и традиционную «восточную» цивилизации) своеобразной модификацией восточного типа социума, возникшей на индустриальной основе. Это была социальная революция, т. е. не просто переход от одной общественно-экономической формации к другой, а смена цивилизационной парадигмы, радикальная и фундаментальная трансформация общества в целом.

ПРОЦЕССЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКИСТАНЕ

ДИЛБАР САГДУЛЛАЕВА

Либерализация всех сфер общественной жизни является основным направлением проводимых в Узбекистане реформ, поскольку именно она опосредует становление и развитие демократических институтов, формирование рыночной экономики и создание сильного гражданского общества.

Либерализация – процесс передачи полномочий государства негосударственным организациям, в частности политическим партиям, негосударственным некоммерческим организациям, органам самоуправления – как правило, отождествляется с демократией. Сочетание интересов всех слоев общества является самым главным в данном процессе. Он предполагает повышение социальной активности населения, формирование в обществе баланса интересов, сильного механизма сдержек и противовесов.

Процесс либерализации государственного и общественного строительства, экономической, правовой системы идет в Узбекистане поэтапно, последовательно в тесной увязке с целями сохранения стабильности и устойчивости функционирования создаваемых и модернизирующихся институтов. В Узбекистане созданы все необходимые предпосылки широкого вовлечения населения

в процессы реформирования политической системы. Государственная политика в сфере усиления институтов демократии, формирования гражданского общества и либерализации всех сфер общественной жизни осуществляется на прочной концептуальной основе. Реформирование в судебной-правовой сфере направлено на повышение эффективности судебной власти, на укрепление подлинной независимости судебной власти и гарантий надежной защиты прав и свобод граждан и ограничение вмешательства государства в экономические процессы.

Безусловным достижением реализуемых реформ явилась недавняя инициатива правительства Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. Она направлена на создание условий для обеспечения всестороннего и ускоренного развития государства и общества, модернизацию страны.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ РОССИИ И ИХ ДИНАМИКА

В. В. САМСОНОВ

В результате распада СССР и административно-командной системы социализма на первый план выходят проблемы социальной самоорганизации, освобождения творческого и предпринимательского потенциала «масс». Процессы самоорганизации значимы в сельских ареалах, где большинство преобразований носило стихийный характер и осуществлялось в условиях масштабного кризиса, поставившего под угрозу выживание сельских сообществ. Неформальный сектор существовал и в советский период, но в годы реформ его субъектами стали выступать практически все акторы и структуры сельского социума – от простых жителей и реформированных колхозов и совхозов до органов местного самоуправления, школ и больниц, а экономика личного подсобного хозяйства (ЛПХ) стала одним из крупнейших сегментов аграрной отрасли.

В результате анализа основных социальных инноваций, вырабатываемых сельскими сообществами в условиях реструктуризации экономической и социальной жизни села (на основе данных многолетних мониторинговых исследований, осуществленных в различных регионах страны, например Сибирь, Поволжье), были выделены основные социальные структуры, генерирующие различные типы неформальных социально-экономических практик в социальной, экономической и политической сферах сельского социума: 1) самообеспечивающиеся домохозяйства сельского населения; 2) родственные или дружеские сети социальной поддержки; 3) экономические симбиотические структуры, главными элементами которых являются домохозяйства; 4) локальные властные структуры.

Анализ современных тенденций социально-экономического развития российского села (2005–2017) показывает сокращение значения всех структур, генерирующих неформальные связи и отношения: показатели масштабов производства в ЛПХ вернулись к дореформенным значениям, а социальные сети «сжимаются» под влиянием процессов социальной дифференциации. Представляется, что такая динамика отражает общую траекторию преобразований, а выбор форм интеграции жителями села имеет рациональный характер и основывается на субъективной оценке ситуации, наличии и доступности определенных ресурсов. Парадокс роста и последующего стремительного сокращения значимости неформального сегмента можно объяснить особенностями адаптации сельского населения к рынку, ослаблением государственного контроля в период масштабной перестройки, отсутствием детальной нормативной базы, адекватной изменившимся реалиям. Вслед за общим «упорядочением» социальной среды происходит упадок неформальных структур.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00309).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

О. В. САНФИРОВА

Анализ глобальной социодинамики предполагает изучение изменчивых социокультурных бизнес-процессов, в основе которых лежат ценности современного социума. Философии отводится роль модератора: аксиологический подход определяет стратегию развития социума, влияет на экономическую и политическую жизнь. Такое влияние было скрытым, однако в начале XXI века оно становится все более открытым и действенным. Вместо привычных представлений о прибавочной стоимости, расчетов основных экономических показателей, построения математических моделей экономического роста и благополучия встает вопрос о ценностно-эмоциональной направленности экономической стратегии.

Меняется методический и методологический аппарат экономической науки, он все больше тяготеет к философии. Рынки с привычными экономическими категориями функционирования сменяются эмоциональными рынками с философским аксиологическим обоснованием формирования нового спроса и предложения эмоционального толка. Ряд ученых предлагают такие названия этим рынкам, как, например, «рынок духовной близости», «рынок приключенческого бытия», «рынок определения своего страта» и т. д. Можно назвать их по-разному и выделять разное количество в зависимости от целей, но суть их остается неизменной. При этом главным заказчиком, участником и исполнителем всех рынков является человек. Мышление определяет всю его деятель-

ность, в том числе и экономическую. В экономическом контексте его можно определить как «предпринимательское», что означает умение определять, как получить наибольшую прибыль при наименьших затратах в существующих социодинамических условиях с учетом традиционных ценностно-смысловых доминант современного социума. С нашей точки зрения, основными блоками предпринимательского мышления выступают: научно-познавательный, эмоционально-волевой и деятельностно-преобразующий. Целевая установка первого блока – познание закономерностей развития экономических бизнес-процессов, социальных систем и самого человека как ключевой фигуры, способного осуществить когнитивную функцию. Второй блок включает понимание эстетической значимости продуктов и услуг современного бизнеса, а третий – активную коммерческую работу, отчетливое знание, понимание и убежденность в разумном использовании как природных богатств, так и традиционных ценностных установок социума. Таким образом, предпринимательское мышление – это многоуровневая социодинамическая категория, имеющая особую связь с эмоционально-волевой ценностной сферой личности и определяющая стратегию бизнес-поведения личности, тип и характер как когнитивной, так и общей деятельности.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

С. С. СЕМЬЯНОВ

Проблема изучения динамики региональных объединений затрагивает широкий спектр междисциплинарных исследований. Каждое из них рассматривает как отдельные регионы, так и процесс межрегиональных взаимодействий, используя различные методологические основания. Долгое время подходы к изучению регионализации отталкивались от рассмотрения экономических факторов в качестве основополагающих. Безусловно, экономический уровень развития региона, специфика его хозяйственной деятельности, характер участия в торговых, таможенных и иных объединениях и другие экономические факторы оказывают влияние на динамику конкретного региона. Однако нестабильность в межгосударственных отношениях, политика санкций, религиозная и идеологическая напряженность демонстрируют значимость социокультурных факторов.

История формирования региональных объединений, изучение динамики их развития могут выступать в качестве эмпирического базиса для исследований. Сравнительный анализ функционирования регионов на основе разнообразных экономических и иных показателей дает огромное количество информации. Однако для верной оценки эмпирических данных и для прогнозирования

развития подобных комплексных объединений необходима разработка подходящей методологии. Среди приоритетных подходов можно выделить метод системной динамики, агентного и дискретно-событийного моделирования, а также методы глобального и ситуационного анализа. Исследование процессов регионализации позволяет представлять регионы в качестве самоорганизующихся систем, которые эволюционируют, обладают способностью накапливать и использовать опыт предшествующих взаимодействий, являются открытыми и сложными. Рассмотрение регионализации с точки зрения синергетического подхода позволяет перейти на качественно новый уровень исследования данного феномена, т. е. взглянуть на регионы как на сложноустроенные объекты открытого типа.

В то же время синергетическая методология акцентирует внимание на факторах динамизма и нестабильности, которые не позволяют полноценно изучить феномен регионализации. Подобная ограниченность этого метода, равно как и системного подхода, может быть преодолена в рамках социально-философского исследования феномена регионализации. Для последнего присуща ориентация на аксиологический базис формирования регионов, которые понимаются как объединения определенных территорий не только на экономических и политических основаниях, но и на единых ценностных установках. Социально-философский подход позволяет осуществить выход на социокультурный уровень исследования региональных образований, а также использовать весь комплекс методологических подходов для наиболее всестороннего изучения процессов регионализации.

COMPARATIVE ANALYSIS OF UNEMPLOYMENT BENEFITS PROVIDED IN MEMBER STATES OF THE EUROPEAN UNION

SIMONA MARIA STĂNESCU

The paper comparatively analyse the provision of unemployment benefits within the 28 member states of the European Union (EU). Analyse is based on MISSOC comparative Tables Database. We bring empirical evidence on common trends and differences. National unemployment regulations are analysed as: chronological developments in relation with the accession to the EU, types of regulations, subjects approached, basic principles and field of application, main conditions, qualifying periods, waiting period, determining factors, ceiling, and duration of unemployment. Recommendations for further harmonisation in collecting unemployment related data are included. We support social policy adjustment towards achieving commonly established social targets.

АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Б. Н. ТАРАСОВ

Системный кризис современной цивилизации, потребительское давление на планету, двойные стандарты в политике, природные и социальные катаклизмы, терроризм, экстремизм, преступность и другие подобные явления имеют в своей основе духовные причины. Тупиковость складывающейся ситуации заключается в утверждении и отстаивании отдельными индивидами, корпорациями и целыми народами прежде всего собственной выгоды, лелеемых эгоистических интересов, подавляющих духовно-нравственную сферу личности в экономикоцентризме и рыночном фундаментализме. Русские писатели и мыслители предсказывали подобные результаты, наблюдаемые нами ныне в эпоху господства глобализации, краха социалистической и глубинного кризиса капиталистической систем, поскольку иерархия высшего и низшего в обеих системах перевернута, на что они обращали особое внимание. При этом подчеркивалось принципиальное значение антропологического измерения, которое не учитывается в рациональных расчетах и прагматических планах глобалистов, о чем писал В. С. Соловьёв.

Темная основа нашей природы состоит в том, что А. И. Герцен называл демоническим началом в истории, которое вносит расхождение между идейными теориями или революционными преобразованиями и их практическим осуществлением. Об этом также говорил идеолог славянофильства И. В. Киреевский, подчеркивая важность «движения нравственной пружины, от которой зависит все». Фундаментальные выводы В. С. Соловьёва, А. И. Герцена, И. В. Киреевского с их вниманием к «тайне человека» чрезвычайно важны для обнаружения нигилистического историко-антропологического «внутреннего» содержания во «внешних» идеях социально-экономического, политического и культурного развития в эпоху глобализации.

Следует отметить, что все еще не занимают необходимого места в сознании современного интеллектуала размышления К. Н. Леонтьева о «либерально-эгалитарном прогрессе», приводящем самобытные культуры к всемирному примитивному однообразию.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

В. А. ТИХОНОВА

Уже в XIX в. складывается представление о всемирной истории, формируется мировой рынок, а в XX в. борьба за рынки приводит к мировым войнам. Глобальное развитие экономики ведет к экологическим катастрофам с глобальным вектором, отмеченным «Римским клубом». Но апокалиптические прогнозы в философии и искусстве сочетаются с неумным оптимизмом по

тому же поводу. Пессимизм и неудержимый оптимизм по поводу успехов глобализации отражает противоположные векторы развития мировой цивилизации. И в этом смысле постиндустриальная цивилизация не ликвидирует противоречивости исторического развития, а придает ей новые формы.

Миросистемная теория И. Валлерстайна, созданная в последней трети XX в., сохраняет свою актуальность в плане выделения трех секторов – стран ядра, полупериферии и периферии. Идеи европейского универсализма, как отмечает И. Валлерстайн, заложены в рассуждениях о том, что «процессы, происходящие в Европе в XVI–XIX веках, определили модель, способную быть применимой повсеместно либо потому, что она отражает прогрессивное, а потому необратимое развитие человечества, либо потому, что описывает процесс удовлетворения все новых потребностей человечества через устранение искусственных препятствий. Современная исследователям Европа выступала не только примером совершенства, но и всеобщей моделью будущего» [1, с. 232].

Отсталость стран периферии объясняется у Валлерстайна целенаправленной политикой стран ядра, пропагандирующих идеологию политической и рыночной свободы, но итогом глобальной политики оказывается их привилегированное положение и силовая защита такого статус-кво. В XXI веке в политическом и культурном плане мировой центр продолжает унифицировать периферию и полупериферию по европоцентричным лекалам. Более того, с развитием этого процесса фактически усугубилось стремление мирового ядра, представленного европейским и североамериканским направлениями, игнорировать при решении геополитических задач интересы других регионов, объясняя это морально-правовыми принципами теории глобализации и необходимостью обеспечения устойчивого развития мировой цивилизации в целом.

Именно на этом фоне некоторые страны в XX в. ответили на глобализацию политикой изоляционизма, пытаясь на этих путях восстановить свою самоидентификацию и сохранить национально-культурные коды. Этим во многом и определяется логика противоборства субъектов глобализационного процесса. Постиндустриальная информационная цивилизация уже на новом технологическом уровне вынуждена решать проблему национального суверенитета как антитезы глобализации, размывающей представления о ценности суверенитета, национально-государственной и культурной идентичности. Стремление стран мирового ядра представить мировой интеграционный процесс как движение в сторону размывания этих ценностей становится основой негативных тенденций при воплощении в жизнь модели глобализации.

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003.

现代性问题与中国经验—从马克思主义哲学中国化的视角看 КИТАЙСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ С ПОЗИЦИЙ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В КИТАЕ

周丹
ЧЖОУ ДАНЬ

现代性,作为理论形态的现代社会自我意识,关涉“理性”和“资本”两大主题。通常意义上,现代文明等同于西方文明,现代社会等同于资本主义社会。所谓现代性问题,正是资本主义和西方文明在推动现代社会发展中人所面对的思维困境和存在困境,即理性问题和资本问题。在东方,古老的中华民族在现代化中选择了马克思主义并不断中国化;改革开放以来,中国特色社会主义事业取得巨大成就,意味着一种新现代性,即“中国现代性”在世界历史舞台上显现。在思维领域,实践理性既超越传统现代性的理性同一性,又克服后现代主义的反理性倾向;在存在领域,公有资本既发挥“有效市场”作用,又坚持“人民主体”和“有为政府”本色。这构成了一条区别于西方文明道路的独特经验,即“中国经验”。

周丹,中国社会科学院哲学研究所副研究员。

КИТАЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. Н. ФОМИНА, Д. В. СУХАРЕВ

Современная цивилизация, обусловленная глобализирующимися процессами, устанавливает взаимозависимость между субъектами международных отношений. Но если понятие «современная цивилизация» – абстрактного уровня, то ее компоненты (глобализирующаяся экономика, глобализирующаяся культура) отражают реальные процессы, способствуя их развитию, оформляясь в конкретные образования (например, регионализм) и обеспечивая условия реализации. Идея регионализма, зародившись в контексте европейских моделей, стала приобретать новый облик в теоретическом и практическом обосновании китайской политики и ученых Лиу Сичжун («Новый регионализм»), Синь Лицзюань («Новый регионализм»: конфликт и координация с многосторонней торговой системой»). Чэнь Юн («Новый регионализм и экономическая интеграция Восточной Азии»).

Обращаясь к западному опыту, Лиу Сичжун отмечает, что новый регионализм способствует экономическому росту, возрастающей конкурентоспособности, экономической глобализации, что позволяет сделать акцент на системе управления вне национальных рамок. Строя модель международного влияния, где активную роль отводит Китаю, Лиу Сичжун определяет, что экономические интересы предполагают выход государства на международный рынок, привлечение инвестиций за счет макроэкономического управления, а политические обусловлены уровнем экономического развития, социальной полити-

кой стран-партнеров, находящихся в разном географическом пространстве. При этом он учитывает фактор силы – чем сильнее регионы, тем сильнее Китай, интегрируемый в международное пространство.

Чен Юн уже конкретно определяет, что новый регионализм должен выйти за границы Восточноазиатского сотрудничества, так как этому способствует региональная интеграция, в рамках которой экономическая координация направлена на формирование гармоничного общества Китая. Таким образом, китайский регионализм предполагает, что региональный аспект должен стать политическим фактором экономической модернизации. Это положение развивает Синь Лицзюань, говоря об экономической глобализации, которая способствует сотрудничеству. Учитывая, что нет малых государств, а есть приоритет доминирующих, которые выступают в роли «спонсора», он отмечает, что в условиях нового регионализма будет взаимный интерес стран к региональному сотрудничеству. Можно отметить, что данная модель, как бы «стирая» негативную тенденцию, акцентирует на оптимистическую сентенцию «один за всех, все за одного».

Таким образом, Китай придает новому регионализму экономическую и политическую значимость, что способствует развитию стран, созданию условий конкурентоспособности на мировом рынке. Чем будет для современной цивилизации китайским регионализм? Интеграцией, унификацией, новой формой регионализации или, как определено китайской политикой, средством гармоничного существования мира под эгидой Китая?

Статья выполнена в рамках государственного задания 35.9234.2017/БЧ.

СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ БЕЛОРУССКОГО ЭКСПОРТЕРА В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

И. А. ЧЕРВИНСКАЯ

Важной задачей экономической политики Беларуси на этапе либерализации и структурной перестройки экономики является обеспечение эффективной защиты национального производителя от неблагоприятных тенденций внешнеторговой динамики. Беларусь пока не признана страной с рыночной экономикой, и это обстоятельство значительно специфицирует исследование проблемы, поскольку традиционные инструменты антидемпинговой политики не позволяют предприятиям более эффективно включаться в систему международного разделения труда.

В теоретическом плане актуальность проблемы определена и тем, что происходящее совершенствование системы государственной поддержки отечественных товаропроизводителей Беларуси позволяет проследить динамику

реального процесса вхождения в мировой рынок, определить его основные тенденции, а также выявить возможности внесения изменений в избранные методы корректировки системы государственной антидемпинговой политики. Это поможет переходу от одноаспектной трактовки антидемпинговых механизмов к комплексному пониманию политики защиты интересов белорусских товаропроизводителей и, тем самым, будет способствовать значительному обогащению методологического потенциала отечественных научных разработок. Поэтому представляется важным рассмотреть наиболее характерные подходы к применению протекционистских мер в мировой практике, исследовать систему защиты национальных товаропроизводителей, выявить основные методы фальсификации в определении нормальной цены, используемые в практике внешней торговли, с тем, чтобы на основе проведенного анализа определить приоритеты применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер в Республике Беларусь с учетом обострения конкурентной борьбы за рынки сбыта.

В теоретико-методологическом контексте остро востребована разработка методики обоснования оценочной нормативности в выявлении базисных критериев, которыми следует руководствоваться при определении нормальной цены отечественного товара.

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА Р. ДАРЕНДОРФА

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Немецкий философ и социолог Р. Дарендорф в середине XX в. разработал и обосновал свою теорию конфликтного общества. Она представлена в его работе «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» (1957). Общество, по Р. Дарендорфу, это постоянно меняющаяся система взаимоотношений между конфликтующими слоями и классами. Конфликт же он определяет как любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные или субъективные противоположности.

Основное внимание философ уделяет социальным конфликтам. Социальный конфликт, по Р. Дарендорфу, представляет собой различные по интенсивности виды столкновений между конфликтующими группами, в которых классовая борьба является одним из видов противоборства. Конфликт порождается властью, являющейся следствием неравного положения людей в обществе.

Социальные конфликты неизбежны и характеризуют любое общество. Социальные противоречия являются основными детерминирующими факторами социального развития. В этом смысле, по мнению немецкого классика, конфликт позитивен.

Р. Дарендорф считает, что в основе социальных конфликтов лежат политические факторы: борьба за власть, престиж, авторитет. Причиной конфликта служит стремление к доминированию и противоположность интересов участников взаимодействия. Человечество от природы склонно формировать иерархии социального доминирования и бороться за приобретение позиций в группе, общности.

Немецкий философ в своем учении о конфликтах важную роль отводил проблемам распределения ресурсов. Центральным вопросом конфликта при этом является вопрос доступности всех ресурсов для каждого члена общества. Социальный конфликт возникает при условии блокирования этого доступа для угнетенного социального класса. Таким образом, с точки зрения Р. Дарендорфа, конфликты являются движущей силой изменений, но они не должны перерасти в социальные потрясения.

На наш взгляд, анализ конфликтов и их роли в развитии общества не может осуществляться без применения диалектического метода. С точки зрения диалектики, конфликтующие стороны являются противоположностями, а отношения между ними могут быть различными – от полной гармонии до непримиримого антагонизма. Отсутствие противоречий между противоположностями означает гармонию, которая не может быть постоянной, устойчивой. Наличие противоположных потребностей, интересов и стремлений у противоположных сторон социального конфликта неизбежно разрушает кратковременную гармонию, все больше осложняя социальные отношения (политические, экономические, межконфессиональные, межличностные). Конфликт – это уровень обострения противоречия, близкий антагонизму, но еще открытый для мирного разрешения. При разумном разрешении конфликтов возможна не только стабилизация экономических и социальных процессов, но и движение общества вперед.

2.4. МНОГООБРАЗИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РАКУРСЕ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. А. АБРАМОВА

В условиях современных преобразований становится необходимым осознание причин формирования и последствий использования политики мультикультурализма в организации межэтнического взаимодействия в рамках конкретного государства. Не менее значимо рассмотрение специфики влияния реализации политики мультикультурализма на развитие общества в целом, на сознание и подсознание индивидов.

Применение социокультурного подхода при изучении влияния мультикультурализма на формирование «картины мира» граждан в таких странах, как Канада, Австралия, Швеция и Россия, где исторически проживали различные этнические группы, а организация их межэтнического взаимодействия учитывала права и свободы каждой, позволяет объяснить успешность реализуемой политики. Федеративное устройство СССР, где осуществлялась политика интернационализации, является одним из лучших примеров реализации политических прав этносоциальных общностей, имевших представительство в советских и партийных органах. Также важно отметить успешность политики в области сохранения культуры и языков различных этнических групп.

Появление проблем в европейских государствах, образованных по принципу национальных, при обращении к политике мультикультурализма было спровоцировано после Второй Мировой войны выдвижением на первый план вопроса о поиске культурной идентичности. Активное использование концепта идентичности в 90-х годах XX века, с одной стороны, обусловило рост интереса к проблематике идентичности, но, с другой – ограничило его содержание трактовкой идентичности как данности, без соотнесения с процессом ее формирования, трансформации под влиянием различных социокультурных условий. Критика мультикультурализма как стратегии внутренней политики обусловлена использованием постмодернистских коннотаций, представляющих последствия ее реализации в виде смешения систем культурных ценностей,

размытия границ личностных ценностных ориентаций. С одной стороны, унифицирование отличий является свидетельством проявления демократии и попытки уравнивать всех граждан в своих правах. С другой, именно такая трактовка мультикультурализма, не позволяющая сохранять уникальность этнической культуры, привела со временем к формированию межэтнических конфликтов и усилению противостояний между коренными жителями и мигрантами из бывших колоний.

Таким образом, исследование генезиса термина «мультикультурализм» на основе применения социокультурного подхода позволяет учитывать условия формирования данного феномена в рамках конкретной страны, отношение людей к принятию или непринятию принципа мультикультурного сосуществования.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ю. В. АЛЕНЬКОВА

Каждая эпоха создает свои представления о человеке, формируя этические и эстетические идеалы, представления о предпочтительных сферах и направлениях деятельности, способах самовыражения. В эпоху глобализации формируется новая антропологическая модель культуры, исследование которой представляется актуальным в связи с изменившимися условиями жизни человека.

Среди факторов, влияющих на формирование современной антропологической модели, выделим: процесс массовизации культуры, процессы консьюмеризации и коммодификации культуры, процессы карнавализации, шоуизации и гламуризации культуры, инфантилизацию культуры.

Массовая культура стала формой культурного существования в условиях глобализированной современности. СМИ, Интернет, гаджеты, гипермаркеты (как символический мир) заполнили жизненный мир человека.

Коммодификация культуры (от англ. «commodity» – товар) означает, что человек и культура рассматриваются как товары на рынке. В товар превращаются знание, умения, талант. В системе образования формируется модель академического капитализма как приоритетное направление развития вузов.

Термин «гламуризация» культуры появился благодаря работам Д. В. Иванова, который ввел в научный оборот понятие «глэм-капитализм», рассматривая его как способ структурирования и рационализации мира постмодернистского хаоса. Упорядочивание мира, как он полагает, производится посредством «большой пятерки» и «горячей десятки». Жизнь человека выстраивается в соответствии с ценностями глэм-капитализма. Это влияет и на процесс образования, к которому предъявляется требование быть гламурным продуктом (престижным, востребованным).

Шоуизация (превращение жизни в развлечение, девальвация ценностей труда, доминирование гедонистических ценностей) культуры связана с карнавализацией жизни, приоритета материально-телесного «низа» бытия.

Инфантилизация культуры воплощается в доминировании инфантильных жизненных стратегий человека и свидетельствует о кризисе новоевропейской антропологической модели культуры. Эпоха Нового времени рассматривала взрослого как *антропологическую норму*. Критериями «взрослости» стали рациональное мышление, накопление знаний, грамотность, социальная активность и дисциплина. Во второй половине XX века границы между детскостью и взрослостью стали неустойчивыми, произошла инверсия этих феноменов, поддерживаемая индустрией массовой культуры, и антропологической нормой стала молодость, даже тинейджерство. Инфантилизм можно рассматривать как ответ человека на вызов «текучей современности» (термин З. Баумана).

ДАНИЛ АНДРЕЎ ПРА МІЖРЭЛІГІЙНЫ ДЫЯЛОГ У ГЛАБАЛЬНЫМ СВЕЦЕ

У. Л. АЛЯКСАНДРАЎ

Рускі паэт і містык Данііл Андрэеў жыў і тварыў у перыяд панавання атэізму, але прадбачыў хуткае наступленне часоў свабоды веравызнання як неад'емнай часткі правоў чалавека. Такая свабода можа існаваць толькі ва ўмовах дэмакратычнага ладу грамадска-палітычнага жыцця. Ключавое пытанне: ці з'яўляецца такі лад агульнаабавязковым для ўсталявання трывалага міжрэлігійнага міру, свабоднага і ўзаемацярпімага дыялогу прадстаўнікоў розных канфесій?

Відавочнае абвастрэнне міжрэлігійных канфліктаў і супярэчнасцяў у надыходзячую эру глабалізацыі (якую таксама з далечыні савецкага часу прадбачыў Д. Андрэеў) ставіць гэтае пытанне рубам. Крытыкі ідэалагем талерантнасці, паліткарэктнасці і мультыкультуралізму, нібыта церпячых паразу на нашых вачах, пры гэтым не ўказваюць, што можа ці павінна прыйсці ім на змену. Вяртанне да часоў ізаляцыянізму немагчыма тэхнічна і інфармацыйна. Дэ-факта людзі ўсё роўна ўжо жывуць у свеце, які канадскі сацыёлаг М. Маклюэн дасціпна назваў «глабальнай вёскай». І менавіта «вясковы», кансерватыўны, артадаксальны, традыцыяналісцкі ўклад жыцця і менталітэт, які вымушаны існаваць у глабальнай інфармацыйнай і тэхналагічнай прасторы, стварае «грымучую сумесь», што вядзе да радыкалізму, экстрэмізму, тэрарызму.

Рэлігійна-філасофская канцэпцыя Д. Андрэева цікавая тым, што ў ёй да надыходу эпохі глабалізацыі была прааналізавана падобная небяспечная перспектыва і прапанаваны шляхі яе калі не прадухілення, то пераадолення. Галоўная з прапаноў паэта мае выразна «асветніцкую» форму. Ён марыў пра новую педагогіку, пра адукацыйныя і выхаваўчыя праграмы, якія сфарміруюць

чалавека такіх шырокіх поглядаў і пачуццяў, пры якіх асабістая карціна свету (у тым ліку рэлігійная) не супрацьпастаўляецца іншым, а дапаўняецца імі. Для гэтага, у прыватнасці, прадстаўнікі любой канфесіі павінны, захоўваючы вернасць сваёй дагматыцы і культуры, адмовіцца ад прэтэнзій на іх абсалютную і непахісную ісціннасць, нязменнасць і недатыкальнасць.

Такім чынам, Д. Андрэеў прапанаваў верыць, думаць і дзейнічаць дыялектычна і сінэргійна. Гэту праграму можна лічыць утопічнай, што і робіць большасць крытыкаў мысліцеля, але тое не адмяняе факту неабходнасці вырашэння вострых праблем міжрэлігійных і міжкультурных стасункаў у сучасным глабальным свеце. Утопія ў гуманітарных ведах да некаторай ступені аналагічна ідэалізацыям у прыродазнаўстве: яна задае немагчымыя, гранічныя ўмовы як сістэму каардынат, у якой аналізуецца і ацэньваецца рэальны стан рэчаў. Гэта адзін з чыннікаў, вызначаючых светапоглядную і метадалагічную каштоўнасць канцэпцыі Д. Андрэева.

МИР ЖЕНЩИН В ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ ХАКАСОВ: ОСНОВНЫЕ АРХЕТИПЫ

Л. В. АНЖИГАНОВА

Исследование мира женщин неизбежно сталкивается с рядом трудностей, связанных с ее сложной и противоречивой природой. Это в немалой степени определило то, что самые ранние научные взгляды о женщине мы встречаем у мужчин, пытающихся рационально осмыслить иррациональный мир женщин. Российская научная классика также выявляла непреодолимые противоречия мужского и женского стилей мышления и поведения. Например, Н. А. Бердяев наделил женщину интуитивностью, экспрессивностью, бессознательностью, подчиненностью, подверженностью хаосу и пр. [1]. Реакция женщин-исследователей не заставила себя ждать. Карен Хорни, закономерно, доказывала психическое равноправие мужчин и женщин [2] [3].

В философских представлениях о женщине показано принципиальное отличие женщины в сравнении с мужчиной. Природа «женского мира» имеет устойчивые характеристики, которые сохраняются благодаря природной функции деторождения, независимо от изменений ее социального статуса, положения в обществе. Несмотря на особые исторические модели (амазонки, девы-воительницы древнескандинавских и кельтских эпических сказаний и пр.), в большинстве патриархальных обществ, как правило, земледельческих, женщине отводилась обслуживающая роль. Иная ситуация сложилась в среде кочевников. Здесь женщина берет на себя помимо традиционных куда более сложные социальные роли, поскольку она сопровождает мужчину не только в кочевьях, но и в военное время.

Эпические сказания тюркских народов, в том числе хакасов, в большинстве случаев повествуют о героических подвигах богатырей. Наряду с ними

бытуют и эпосы о воинственных девах-богатырках, защитницах народа от иноземных завоевателей («Алтын Арыг», «Ай Хуучин», «Ай-Арыг», «Алтын-Сабах», «Ах-Чибек-Арыг» и др.). Одной из самых известных эпических дев является Алтын-Арыг, сакральная защитница народа, являющаяся его *Душой (хут)*, родившаяся чудесным образом из Белой Горы. Здесь же можно привести и примеры первоначально обычных *Хозяйки Дома, Жены, Матери*, превратившихся для защиты народа в сложные периоды войн и междоусобиц в Каменную Бабу, Белую Волчицу и Золотую Кукушку.

У хакасов существуют сказания, в которых *Дева-воительница* занимает особое положение: она же может быть *Главой рода и народа*. Помимо этого, в эпических сказаниях и легендах мы можем встретить и распространенный образ *Старшей Сестры*, мудрой советчицы не особенно умного, воинственного младшего брата-хана.

Таким образом, эпические сказания, мифы и легенды хакасов позволяют сделать вывод о самостоятельной, социально и сакрально значимой роли женщин в жизни и судьбе народа.

Исследование осуществлено в рамках реализации проекта РФФИ № 15-03-00146 «Мир женщины: эволюция ценностей, символов, ритуалов».

Литература и источники

1. Бердяев, Н. А. Тайные силы любви / Н. А. Бердяев // Философия любви: Сборник. – Ч. 2. – М., 1990.
2. Хорни, К. Психология женщины / К. Хорни. – М.: Академический проект, 2009.
3. Хорни, К. Невротическая потребность в любви / К. Хорни. – М.: Астер-Х, 2011.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. ДИККЕНСА: ОТ ХРИСТИАНСКОГО ОПТИМИЗМА К КРИЗИСНОМУ СКЕПТИЦИЗМУ

А. В. БАБУК

Творчество писателя складывается под влиянием множества факторов, среди которых можно назвать биографический, литературный, культурно-исторический. Биографический фактор представлен происхождением и детством писателя, литературный – формирует его индивидуально-творческое начало, культурно-исторический складывается в истории той культуры, к которой тот или иной писатель принадлежит. Значительную часть культуры, формирующей писателя, составляет религия, которая формирует аксиологический, т. е. ценностный фундамент будущего писателя.

Для выявления особенностей религии в творчестве Ч. Диккенса целесообразно использовать феноменологию как метод исследования в рамках художественной антропологии как методологии исследования творчества писателя.

Феноменологический метод исследования опирается на учение Э. Гуссерля о структуре феноменов [1], которые (в применении к литературному тексту) непредвзято проявляют сами себя, а сам текст становится результатом (и отражением) психической (интенциональной) деятельности автора. При этом специфика феноменологического подхода к исследованию текста художественного произведения заключается не в том, что текст несет в себе как историко-архивный документ, а в том, что конкретно читатель способен извлечь из него во время акта чтения [2].

Феномен религии в художественном тексте функционирует в рамках аксиологических, т. е. ценностных установок автора и может быть выявлен с помощью метода феноменологии как сущностное явление, в основу которого положены вера человека в Бога и его взаимоотношения с ним [3, с. 14–15]. Совокупность религиозных действий и переживаний в рамках этих отношений обеспечивают спасение души человека (П. Флоренский).

Литература и источники

1. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии: пер. с нем. / Э. Гуссерль. – М.: Акад. проект, 2009. – Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию.
2. Prince, G. Reader / G. Prince // Handbook of narratology / ed.: P. Hühn [et al.]. – Berlin; New York, 2009.
3. Основы религиоведения: учеб. пособие / И. Н. Яблоков [и др.]; под ред. И. Н. Яблокова – 3-е изд. – М.: Высш. шк, 2001. – С. 14–15.

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

В. Н. БАДМАЕВ, З. А. ХУТЫЗ

Достижения современной цивилизации сопровождаются глобальными вызовами человечеству, связанными с повышением уязвимости индивида и окружающего его мира, с рисками обострения социальных конфликтов. Во многом это связано с нестабильностью современного мира, противоречивостью, нелинейностью его развития (глобализация и локализация, национальная интеграция и мультикультурализм, международная миграция населения).

Объективные процессы глобализации ведут к росту взаимозависимости между народами и повышению уровня взаимодействия между культурами. Глобализация, предоставляя новые возможности по обмену и интеграции в области экономических, финансовых и информационно-технических ресурсов, в то же время представляет собой вызов в плане сохранения и развития интеллектуального и культурного многообразия человечества. В данном контексте важнейшее значение приобретает укрепление взаимопонимания и налаживание конструктивного взаимодействия между различными культурами

и религиями. Именно взаимопонимание и готовность к диалогу важны для социальной стабильности и устойчивого развития.

Глобализация размывает культурно-цивилизационные границы. Мир находится в точке культурной бифуркации, отражающей критический период современной истории. В центр научного и общественного внимания все чаще попадают вопросы адаптации, аккультурации, интеграции, с одной стороны, и дифференциации, этнокультурного расслоения, этнизации социальных отношений, межэтнической напряженности – с другой.

Философское осмысление диалога культур и цивилизаций во многом должно опираться на мультивидение глобального мира и мультиидентичность современного человека. В данной ситуации проведение интеллектуального форсайта в отношении того, какие части и модели глобальной системы исчезнут, а какие будут реализованы в обновленном формате, достаточно сложно. При этом важно учитывать имеющийся исторический опыт осуществления политики мультикультурализма в различных государствах мира с целью выработки эффективных стратегий межкультурной коммуникации в условиях глобализирующегося мира.

Очевидно, что будущее глобального общества невозможно без сосуществования различных культур, и следовательно, толерантность и мультикультурализм являются основными принципами социокультурного и этноконфессионального диалога в системе глобального межкультурного коммуникативного дискурса.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-23-03002.

ДЖАДИДИЗМ И КАЗАХСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. У. БАЙДАРОВ

В конце XIX – начале XX в. основную массу мусульман Российской империи составляли тюркоязычные народы. Идея «единства в вере» тесно переплеталась с комплексом представлений о родственности тюркских народов, об исторической общности их судьбы. Воплощением этого стала идеология джадидизма, направленная на подъем культурного уровня тюрко-мусульманских народов с целью включения их в русло развития мировой цивилизации.

Именно джадидизм как новое идеологическое течение начала XX века стал толчком консолидации тюрко-мусульманских народов Российской империи, став следствием и причиной их социальной мобилизации, развития коммуникаций, а также интеграции общества в единое геополитическое пространство.

Ранний джадидизм стал вехой осмысления и поиска путей национального развития казахского общества. Активными сторонниками новометодного движения («усули джадид» (араб.) – «новый метод») выступали такие ее пред-

ставители, как А. Кунанбаев, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ш. Кудайбердиев, Г. Карашев и др.

Так, например, Г. Карашев (1876–1921 гг.) писал, о том, что ни один народ не овладел наукой и искусством пока кочевал, проводил жизнь на конях и верблюдах. Напротив, история свидетельствует, что знания и искусство приобрели лишь при оседании, после строительства медресе и школ и приучения людей к дисциплине и порядку.

Джадидское движение способствовало тому, что в конфессиональных школах постепенно должны были внедриться элементы европейского образования. Власти оказывали сильное противодействие их деятельности, считая, что такие школы очень вредны, так как в них распространяются указания и материалы опасного для колониальной администрации направления.

Так, в «Оян казак» М. Дулатов (1885–1935 гг.) призывает соотечественников к новой жизни, учиться хорошему у других народов, ратует за науку и образование. Сборник басен «Маса» А. Байтурсынова (1873–1937 гг.) посвящен освобождению народа от отсталости и невежества. «Тұр казак» А. Букейханова (1866–1937 гг.) также призывал народ к активной жизни через овладение знаниями и культурой.

Освещая деятельность казахских просветителей сторонников джадидизма, следует отметить, что казахская интеллигенция начала XX века своей просветительской деятельностью стремилась пробудить народ к знаниям, расширить кругозор, открыть глаза на происходящие вокруг процессы, ибо только она открывала путь к цивилизации, могла помочь сохранить казахов как нацию.

Среди тех, кто концептуально определил задачи просвещения казахского народа в контексте идеологии джадидизма, следует назвать и А. Кунанбаева (1845–1904 гг.), выступавшего реформатором культуры в духе сближения как с русской, так и с европейской культурой, а на основе просвещенного либерального ислама, проповедовавшего идеи просвещения.

Таким образом, джадидизм оказал большое влияние на казахское просвещение конца XIX – начала XX в. Сегодня, в процессе модернизации общественного сознания казахстанского общества, философское наследие казахских просветителей требует своего переосмысления и внимания.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНФЛИКТУЮЩИХ СТРУКТУР: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Ю. Л. БАНЬКОВСКАЯ

Острая противоречивость современной социокультурной реальности, антинимичность отражающих ее событий инициирована реальными процессами, имеющими место в глобализирующемся мире. Нарастающий динамизм общественно-политических, экономических, этнокультурных процессов, порождающий ощущение социальной нестабильности и приводящий к росту

конфликтности, становится основной характеристикой современного общества. Изменение социокультурных границ способствует не только плюральности социальной реальности, но порождает напряженность во всех сферах жизнедеятельности человека и общества, содействует образованию межкультурных противоречий.

Весь процесс функционирования общества состоит из конфликтов и консенсусов, согласия и противоборства. Так как современное общество сложно структурировано, в нем могут взаимодействовать друг с другом различные структурные элементы. Образование конфликтующих структур представляет собой необходимое условие и движущую силу возникновения, интеграции и дифференциации новых социальных систем, их качественного разнообразия, свидетельствует о необходимости выхода из сложившегося неустойчивого состояния в качественно иную систему взаимодействий.

Межкультурное взаимодействие конфликтующих структур протекает в пределах существующих норм и ценностей. Тем не менее функционирование общества нередко порождает такие ситуации, которые частично или полностью не были предусмотрены предшествующими нормами и законами, что нередко приводит к изменению традиционных ценностей и созданию новых. Межкультурные конфликты возникают тогда, когда существует противоречие в ценностях, нормах, обычаях и традициях. Конфликт культур всегда разворачивается на нескольких уровнях. Конфликт на макроуровне происходит между цивилизациями вследствие противостояния в сферах политического или экономического устройства, религии, идеологии. На микроуровне конфликт возникает между социальными структурами внутри социума вследствие наличия у них различной направленности ценностных ориентаций и нормативных стандартов.

Культуру можно представить как неравновесную систему, для функционирования которой характерен переход от ее устойчивых состояний к неустойчивым и наоборот. В диссипативной системе, какой и является культура, развитие идет нелинейно. Движение совершается по множеству путей. В культуре один и тот же артефакт может привести как к положительным, так и к негативным последствиям. Благодаря процессам корреляции культур их взаимозависимость и взаимосвязь сохраняются, даже если система изменяется и происходит реорганизация исходных элементов, вступающих во взаимодействие.

Конфликтующие структуры создают возможности для дальнейшего развития сотрудничества в сфере межкультурного взаимодействия. Выработка новых ценностей и норм необходима для гармонизации межкультурных отношений, стимулирует социальные изменения, поскольку модификация социальных норм обеспечивает ее существование в новых условиях.

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Т. В. БЕРНЮКЕВИЧ, Е. Ю. ЗАХАРОВА

Проблемы межкультурного взаимодействия являются важными для многих сфер бытия общества и человека: для межцивилизационных и межгосударственных контактов, для развития национальных культур и гражданского общества, для социокультурной адаптации представителей различных культурных общностей, для повседневной жизни каждого человека в стремительно меняющемся в условиях глобализации современном мире. Данные вопросы становятся сегодня важным предметом исследований в философии, культурологии, социальной антропологии, социологии, теории межкультурной коммуникации и других социогуманитарных дисциплинах.

Авторы исследований изучают различные аспекты межкультурного взаимодействия, следуя различным научным парадигмам и методологическим установкам. Отсюда разнообразие тем, подходов, выводов и рекомендаций в работах, касающихся проблем межкультурного взаимодействия.

Однако исследователи обычно рассматривают взаимодействие культур как системное и непрерывное, ведущее либо к ассимиляции, либо к синтезу и порождению новых смыслов. В этом предельно обобщенном ракурсе «теряются» те явления рецепции, которые интересны и значимы с точки зрения механизмов культурной динамики и в то же время не ведут к столь глобальным изменениям. За глобальностью теряется локальность, необходимая при анализе историко-культурных вопросов, а за абстрактностью – предметность, вне которой разговоры о культуре становятся метафизическими.

Практически остается вне зоны исследований сложнейшая проблема механизма взаимодействий (за исключением концепции Ю. М. Лотмана).

Вопросы межкультурного взаимодействия являются актуальными с точки зрения не только развития философско-культурологических концепции, но и социоантропологических исследований, связанных с анализом развития культуры и общества, влияния на это развитие культурных контактов и культурных заимствований. Данные вопросы важны и в практическом ракурсе, для понимания направленности социокультурных процессов, прогнозирования культурных ситуаций в различных регионах мира, решения сложных проблем, связанных с миграциями и возрастающей мобильностью населения, со спецификой современных средств коммуникации, в том числе и со становлением виртуального пространства общения и культурных взаимодействий.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

М. И. БИЛАЛОВ

Россия и Беларусь входят в особый евразийский этнографический мир, занимающий срединное пространство Азии и Европы, который обладает своей самобытной культурой, испытавшей воздействие и западной, и южной (по преимуществу византийской), и восточной культур. В рассмотрении духовной культуры евразийских народов следует исходить из того основного методологического требования, что одинаковые «мифы, обряды и техники экстаза зафиксированы в более или менее «чистой» форме у всех индоевропейских народов», что «индоевропейская религия морфологически и основными чертами похожа на религию тюрко-татар» [1, с. 353].

Общность даже географически значительно отдаленных евразийских этносов демонстрируется таким исторически-значимым явлением культуры, как суфизм. Как традиционный для Поволжья, Средней Азии, Северного Кавказа и других регионов ислам, суфизм пронизывает всю культуру их народов, причем, всеобщими общемировыми тенденциями и включает ряд содержательных элементов в неявную поддержку сближения культур и единения религий. Известно также, что он оказал влияние на софиологию В. С. Соловьёва, философское творчество П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, поэзию русского символизма, учение Г. И. Гурджиева и др. Экуменистические интенции суфизма и идеи евразийства имеют широкие заимствования, пронизывают друг друга и отображаются категориальным аппаратом концепции нелинейного развития культуры.

Синкретичность суфизма и евразийства, изначальное смешение и порой неорганичное соединение в них разнородных элементов, преобразованные заимствования из магии, древневосточных и античных культов и т. п. хотя и создают открытую систему и своеобразную «ризоморфную среду», однако не нарушают глубинную идейную и теоретическую их целостность. Какое из отклонений от ортодоксального ислама, христианства и других магистралей человеческого духа выступило в качестве случайной «флуктуации» и основного конструктивного фактора самоорганизации, сказать трудно, но их решающая роль в дальнейшей нелинейной динамике этой открытой системы очевидна. И иррационализм, и мистицизм как фундаментальные обретения суфизма – зачастую основа сближения различных культур, в частности, «мистицизм в рамках христианской и мусульманской культур выступает определенной концептуальной схемой, метакультурным ориентиром» [2, с. 73].

Нелинейная динамика суфизма и евразийства предполагает децентрацию мировой культурной среды и ее неравновесное состояние, разрушает оппозицию

«центр – периферия» и оптимально способствует взаимодействию культурных традиций. При этом в содержании познавательной культуры народов православного и мусульманского региона заметны следы таких исконно религиозных черт, как провиденциализм, креационизм, телеологизм, эсхатологизм, трансцендентизм, имманентизм, фатализм, нетерпимость, фанатизм и т. п., которые пронизывают все ступени и уровни духовной и познавательной активности людей. Нетрудно заметить в качестве общих истоков евразийских народов и то, что выступает методологическими чертами религиозного мышления – догматизм, консерватизм, авторитаризм и схоластичность, а мировоззренческими принципами – мистицизм и идеализм.

В цивилизационных истоках национальной традиции евразийских народов есть серьезные основания для выработки такого пути развития, основной ценностью которого являлась бы ориентация не на всевозрастающее материальное производство и потребительство, а на аскетическую умеренность, основанную на приоритете духовных ценностей. Среди духовных же ценностей на первом плане должны быть религиозные ценности, бессердечному рационализму должны противостоять теплота человеческих отношений и христианское самопожертвование, индивидуализму – братская взаимопомощь и коллективизм. Эти ценности близки и суфизму. После эпохи всеобъемлющего кризиса Запада, исчерпавшего свои духовно-исторические потенции, наступит эпоха доминирования восточного и азиатского в перспективах мирового духа, особым субъектом которого предстает евразийский мир.

Поиск и нахождение общих истоков евразийства и суфизма, исторически нацеленных на преодоление ограниченности, на объединение, интеграцию, могут быть весьма плодотворными в цивилизационных перспективах народов в эпоху глобализации. Методология социокультурной и национальной стратегии евразийского региона не сводима к однозначности формационного или цивилизационного подходов, примордиализма или инструментализма и т. д. Она должна учесть ряд требований нелинейного развития, маркерами которого предстают иррациональность, мистицизм, авторитаризм, консерватизм, аскетизм, приоритет духовного над материальным и другие социальные флуктуации, сопровождавшие историю евразийского мира.

Литература и источники

1. Элиаде, М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / М. Элиаде. – София, 2000.
2. Баранец, А. А. Транс-феномен мистицизма как культурный фенотип в христианстве и исламе / А. А. Баранец // Христианство и культура. К 2000-летию христианства. Часть II. – Астрахань, 2000.

**ФИЛОСОФИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА:
ДИСКУРС О ПОЛИТИЧЕСКОЙ АМБИВАЛЕНТНОСТИ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЮЗНОМ
ГОСУДАРСТВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ**

С. И. БОЙКО

В государствах Запада во втором десятилетии XXI в. признано, что практическое использование философской концепции политического мультикультурализма привело к кризису как в теории, так и в национальном государственном управлении.

Мультикультурализм – во многом либеральный проект, основанный на убеждении, что современное состояние экономики обеспечивает достаточный уровень благосостояния и, значит, сильная государственная власть не нужна, свободный рынок сам решает проблему справедливости и солидарности.

Дискурс о проблемах сосуществования разных социальных групп в государстве идет по двум путям:

- 1) Признание автономности (суверенности) иных социумов (Ю. Хабермас).
- 2) Поиск, признание и осознание общей единой истории, общих оснований культуры, в том числе политической (например, Н. А. Бердяев считал главным для совместного бытия наций единство исторической судьбы).

Союзное государство Беларуси и России, несмотря на противоречивость событий, неоднозначную оценку результатов и перспектив, остается на постсоветском пространстве политическим проектом взаимной политической и культурной самоидентификации, требующей осмысления на уровне философского знания и междисциплинарных исследований. Особенно в части, обеспечивающей профессиональную подготовку специалистов с высшим образованием. Тех, кто будет определять перспективу и устойчивое развитие наших государств.

Политическая и философско-идеологическая подготовка национальной элиты («лучших для нации», по определению Х. Ортега-и-Гассета) в Беларуси работает успешнее, чем в России. Политическая амбивалентность выпускников белорусских вузов встречается реже, чем российских, в том числе в сфере государственного управления. Политическая амбивалентность – логичное следствие государственного строительства и организации общества на постсоветском пространстве, происходящих в условиях продолжающейся модернизации политической системы от социалистической модели демократии к суверенной демократической политической системе, управляемой с учетом национальных особенностей и традиций каждого государства, но на базовых ценностях – многопартийности и идеологическом и культурном плюрализме. Россия возникла и развивалась, в отличие от государств Европы и Америки, как многонациональное государство, и российские иммиграционные процессы происходят на практике и осмысливаются в теории иначе. Самоидентифи-

кация граждан России и Беларуси больше ориентирована на государственность, чем на этнос.

Развитие Союзного государства Беларуси и России – процесс равноправного диалектического взаимодействия множества различных культур, каждая из которых обладает своими, только ей присущими традициями, моделями взаимодействия и обычаями. Опыт философии мультикультурализма, отрицающий культурные иерархии, деление на центр и периферию, поощряющий многообразие и равноправие языков и культур, может быть использован при подготовке кадров государственного управления, но в рамках веками сложившихся философско-политических и исторических традиций.

ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

О. А. БОРИСЕНКО

Проблема диалога – составная часть философской культуры прошлого и актуализируется сегодня. Внимание к ней возрастает в современных условиях, поскольку смена тысячелетий влечет за собой изменение мировоззрения. Содержание и формы диалога зависят от тенденций трансформации духовного облика его участников, обусловленных в конечном счете осознанием ими смысла и основополагающих доминант российских и общемировых социальных процессов.

Диалог стал новым ключевым понятием для осмысления процессов взаимодействия сторон в различных сферах жизни, в том числе и в политике. Неслучайно в международной практике появились межгосударственные организации, деятельность которых связана с диалогом в различных областях.

Появлению новых международных общественных организаций, ориентированных на диалог, способствуют как глобализация, так и проблемы на фоне современной международной картины мира. Если с глобализацией связаны гражданское общество, права и свободы, рыночные отношения, то международная карта представляет собой достаточно серьезное явление.

Сегодня диалог является тем способом разрешения глобальных проблем, который не только показывает путь отказа от конфронтации, но и подтверждает целесообразность решения вопросов мирного сосуществования разных культур и цивилизаций, представляя собой такую систему ценностей.

Поэтому не случайно, что понятие «диалог культур» сегодня имеет широкий смысл, включающий в себя не только диалог культурных ценностей, вырабатываемых различными культурами, но и диалог как форму взаимодействия и взаимопонимания народов в глобализационном пространстве, где пересекаются границы политических, экономических и культурных интересов, что приводит к взаимопроникновению жизненных стандартов и ценностных ориентаций самых разных народов.

В условиях глобализации диалог культур принимает на себя миссию парламентария, которая не только должна способствовать урегулированию, но и формированию новых отношений, в частности международных. Это обусловлено тем, что только диалог культур, построенный на взаимопонимании разных культур, способен формировать уважение к ценностям других народов. Поэтому это не только диалог с традиционной культурой, как чаще всего воспринимается это на уровне общественного сознания, это и путь понимания ценностей других культур, благодаря чему сфера диалога культур воплотила в себе принципы слияния-единства-различия, которые были реализованы как «достижение взаимопонимания», «личностные отношения», «субъект-объектное взаимопонимание», «союз», «взаимная признательность», «понимание другого».

СТРАТЕГИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В. Л. ВАСЮКОВ

Практическая возможность универсализма тесно связана с понятием толерантности. Поскольку человек как последняя цель природы представляет собой не метапринцип, но мета-метапринцип, то для его реализации требуются гораздо более конкретные принципы. Задача заключается не просто в выборе этих принципов, но в совместной деятельности по их реализации. Толерантность, подразумевающая существование плюрализма мнений, не запрещает взаимодействия по выработке общих совместных принципов. Вопрос лишь в стратегии этого взаимодействия.

И здесь возникают следующие варианты стратегий. Во-первых, мы можем попытаться объединить мнения. Мнения всегда подразумевают некоторый механизм получения следствий, а в случае объединения мнений следует объединять и эти механизмы. Тогда возможный результат объединения мнений предполагает терпимость к получению результатов из разных мнений не свойственным им путем. Ваша толерантность в этом случае является залогом успешного взаимодействия. Да, профан может попытаться сделать приземленные выводы на основе ваших высоких принципов, но не стоит с порога отбрасывать это практическое применение ваших теоретических воззрений. Во-вторых, можно действовать параллельно, фиксируя и перепроверя некоторый консенсус взглядов и смыслов на каждом этапе получения следствий из них. При этом каждая из сторон действует своим способом, не вступая в критическую дискуссию. Толерантность здесь требует безразличия к способам вывода другого. Результат подобного процесса будет «параллелен» – вы приходите одновременно к разным выводам, но они не критичны друг к другу (что-то вы же можете рассказать глухому о музыке). В-третьих, можно заняться переводом своих взглядов на «язык» другого, перепроверя понимание ваших взглядов этим другим, отказываясь от ваших выводов, если другой подвергает

критике ваш «перевод». Следствия вашего принципа будут справедливы, если другой будет согласен с вашим выводом при любой его интерпретации. Вы должны быть толерантны к этим различным интерпретациям, доверяя тем смыслам, которыми другой наделяет ваши утверждения. Так, вы уверены, что из дерева можно делать украшения. Скульпторы с вами согласны, однако ювелиры – нет, и к консенсусу вам не прийти.

Наконец, можно добиваться взаимной интерпретируемости ваших взглядов и взглядов другого. В этом случае вы должны не только быть толерантными к интерпретации другим вашего исходного принципа, но и подтверждать своей интерпретацией результат вывода другого. Это одобрение должно сказываться в том, что вы принимаете результат вашей интерпретации в качестве следствия своих взглядов, не подвергая эту интерпретацию критике и не отказываясь от нее. По сути дела, вы в этом случае доверяете другому формированию ваших рассуждений, одобряя его способы действия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17-23-01010.

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

М. И. ВЕРЕНИЧ

Трансформации последних десятилетий выдвигают новые требования к гуманитарному познанию: инициации новых научных парадигм, расширения и экспликации появляющихся дефиниций, конкретизации междисциплинарных связей. Данное наблюдение репрезентативно в части социально-гуманитарного знания, занимающегося онтологией культуры, в социологии культуры, в культурологии, в социокультурном проектировании, в экономике, менеджменте и маркетинге культуры. Кроме неоспоримой значимости аксиологического подхода, сейчас востребован прикладной аспект изучения культуры. Специалисты отмечают необходимость выявления ее глубинного потенциала и роли в развитии общества в целом, в определении стратегических направлений развития культуры, в выявлении тактики реализации социально-культурных практик на уровне стран и регионов.

Культура выступает сегодня альтернативой промышленному производству и ориентирована на новые виды ресурсов – творческие вместо ограниченных материальных, природных и финансовых. Так, Ч. Лэндри, известный английский урбанист, один из идеологов развития социальных и культурных рынков как средства творческого выражения и истинного процветания территорий, отмечает, что «культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту» [1, с. 10].

Распространенные тенденции коммерциализации продуктов и артефактов культуры актуализируют попытки выявления связи между творчеством и экономикой, выяснения того, как их симбиоз способен создать исключительную высокую экономическую ценность и культурное благо и может быть реальной альтернативой товарного производства, как этот симбиоз может повлиять как на конкретного человека, так и на страны в целом.

Само понятие «культурный капитал» впервые ввел П. Бурдьё, и под этим явлением он понимал «преимущества, которые передаются элитами своим детям... которые и расширяют возможности их социальной мобильности» [2].

Сегодня культурный капитал является совокупностью факторов, способствующих динамике модернизационных процессов, понимаемых как ряд целенаправленных социальных изменений либо блокирующих таковые на уровне страны в целом. Создание и эффективное использование культурного капитала выступает важным стратегическим ресурсом развития, а его изучение важным приоритетом для социально-философских исследований.

Литература и источники

1. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2006.
2. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601>. – Дата доступа: 15.06.2017.

СИНКРЕТИЗМ РЕЛИГИЙ И ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Ю. В. ГАВРИЛОВА

Трансграничные регионы характеризуются целым рядом специфических черт, определяющих своеобразие их социального, экономического, политического и культурного бытия. Трансграничность прежде всего предполагает особое пространственно-географическое положение, которое приводит к образованию единой социокультурной и экономической среды жизнедеятельности населения граничащих друг с другом территорий. Однако, несмотря на это, вероятность возникновения конфликтов различного характера в трансграничных регионах возможна, а сами конфликты представляют серьезную угрозу трансграничному взаимодействию и функциональному состоянию государственных границ. Специфическое содержание территориального, исторического и хозяйственного развития трансграничных регионов позволяет определять их в качестве фундаментальных и жизненно важных для сохранения целостности государства. Поэтому обеспечение безопасности таких регионов, а следовательно сохранение стабильности их существования выступает

одной из приоритетных задач государственной политики. В связи с этим возникает необходимость исследования факторов, причин и условий, обеспечивающих безопасность и стабильность трансграничных регионов.

Одним из важнейших факторов стабильного развития регионов такого типа следует назвать синкретизм религий, который во многом определяет специфику духовного и материального бытия населения. Под синкретизмом религий следует понимать объективный процесс взаимопроникновения представлений, идей, вероучений и ритуальных практик, характерных для разнофункциональных и разностадиальных религиозных систем, и, зачастую, возникновение на этой основе новых религиозных культов и учений. Однако благодаря специфике трансграничных территорий возникновение новых религий синкретического толка происходит не всегда и их наличие вовсе не обязательно для сохранения стабильности трансграничных регионов. Здесь достаточно «смешения» религиозных обычаев, традиций и практик, которые могут сформировать относительно прочный фундамент социально-экономической и культурной целостности региона. Синкретизм религий создает духовную основу консолидации жителей трансграничья, определяя общие социокультурные и экономические условия развития региона. Таким образом, синкретизм религий формирует тесные межкультурные и межрелигиозные взаимосвязи народов, населяющих области трансграничья, отличающиеся определенной исторически сложившейся системой упорядоченных и стабильных взаимодействий, что практически исключает возникновение конфликтов.

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАРЛА-ОТТО АПЕЛЯ

Ю. Ю. ГАФАРОВА

Активность глобализационных процессов к концу XX – началу XXI века становится столь высокой, что возникает необходимость адаптации всей системы культуры к становящемуся коммуникационному пространству, формируется потребность в философском обосновании правил и способов межкультурной коммуникации.

Проблема поиска основания дискурса в этих условиях получает свое решение в концепции коммуникативной рациональности Карла-Отто Апеля, нацеленной на сопряжение идей «очевидности сознания» и «языковой игры».

С точки зрения К.-О. Апеля, современная ситуация множественной субъектности диктует отказ от понимания нормативных оценок в качестве субъективных в пользу intersubjectивности. В этом контексте дискурс рассматривается как пространство идеальной дискуссии, перманентная попытка предвосхищения точки зрения идеального неограниченного коммуникативного

сообщества, превращение его в сообщество аргументирующих. Основываясь на таком понимании дискурса, К.-О. Апель провозглашает установку на преодоление двух противоречивых предпосылок аналитической традиции – признания необходимости конвенций для построения семантических каркасов коммуникации и допущения возможности редукции других субъектов до субъектов описания поведения.

Это преодоление осуществляется К.-О. Апелем через собственную трактовку «языковой игры», которая рассматривается им как обладающая трансцендентальным достоинством в качестве горизонта всевозможных критериев смысла и значимости. Языковые игры выступают не только как то, что принципиально недопустимо описать и понять «снаружи» и невозможно критически проанализировать, находясь за их пределами, но и как явление, соотносимое с *нормами трансцендентальной языковой игры* – истинностью для говорящего и отсутствием манипуляции. Таким образом, трансцендентальная языковая игра, с одной стороны, предполагается во всех реальных языковых играх, с другой же – может рассматриваться как (пока) не реализованный идеал.

Рассмотрение трансцендентальной языковой игры позволяет создать консенсусную теорию рациональности, имеющую межкультурный аспект. Как решение проблемы взаимопонимания между культурами, согласно К.-О. Апелю, возможно на основе общности фактов телесности (рождение, смерть, сексуальность), так и выведение принципов понимания языковых игр возможно на основании анализа институтов, связанных с телесностью, как исходных точек для всех языковых игр. Следовательно, трансцендентальная языковая игра, реальная основа которой лежит в фактах телесности, является возможной основой взаимопонимания. В универсальной истории человечества существуют основания для прогрессивного осуществления трансцендентально предполагаемой идеальной языковой игры в конкретных жизненных формах [1].

Литература и источники

1. Апель, К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук. Программные тезисы / К.-О. Апель // Трансформация философии. – М.: Логос, 2001. – С. 171–193.

КУЛЬТУРА НА СЛУЖБЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НАРОДОВ И ГОСУДАРСТВ

А. А. ГЕЗАЛОВ

Принципом взаимодействия между культурами в современном мире считается толерантность. Но что подразумевает под собой толерантность и является ли этот принцип ключевым при рассмотрении проблемы гармоничного сосуществования народов и государств? К примеру, толерантность вполне уместна по отношению к нетрадиционным религиозным течениям, которые

не являются тоталитарными и не предполагают насилия. Однако по отношению к иной культуре толерантность, безусловно, важна, но не выступает достаточным основанием для взаимодействия.

В последнее время распространено мнение, будто постановка вопроса о диалоге культур устарела. На наш взгляд, данная позиция ошибочна, поскольку идея диалога культур выходит за рамки того, что становится предметом моды. Эту идею можно рассматривать как субстанциональную основу, задающую перспективы развития нашей цивилизации и не имеющую альтернативы. Культура живет в диалоге, в том числе диалоге культур, который не просто обогащает их взаимодействие. Диалог необходим каждой культуре и для осознания своей уникальности. Диалог культур, таким образом, – это условие развития культуры. *Он, в свою очередь, непременно предполагает формирование культуры ведения самого диалога.* Исходя из этого можно сказать, что именно культура диалога культур, а не толерантность, должна быть основной идеей и принципом взаимодействия культур, этносов и религий в современных условиях.

Вопрос о культуре диалога культур – это вопрос о том, как вести диалог и каковы его принципы. Из чего же должно складываться это понимание? *В основе культуры диалога культур, как представляется, находятся три идеи:*

- 1) идея культуры как поля взаимодействия;
- 2) идея целесообразности культур;
- 3) идея единства многообразия культур.

Литература и источники

1. Культура диалога культур: постановка и грани проблемы. Материалы конференции. – М.: Канон+, 2016.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. ДАВЛАТОВА

Современное общество находится в стадии активных преобразований, проявивших целый комплекс экономических, политических, социальных и межнациональных проблем. На постсоветском пространстве возникло много независимых государств, претерпевающих социокультурные трансформации, сопровождающиеся переориентацией восприятия исторического прошлого, созданием нового национального исторического нарратива, в некоторых случаях – обострением межнациональных отношений. Понимание специфики процессов в области межкультурных коммуникаций, происходящих на постсоветском пространстве, невозможно без теоретического изучения взаимодействия этнокультур.

Межкультурная коммуникация представляет собой разноаспектную проблему, изучением которой занимаются практически все науки гуманитарного цикла, в том числе и социальная философия.

Межкультурная коммуникация содействует проявлению универсальных общечеловеческих ценностей и сохранению этнокультурного своеобразия. Ее основу межкультурной коммуникации составляет культурный диалог. Наиболее распространенной формой культурного диалога в современных условиях, наблюдаемой во многих странах мира, выступает межэтническая интеграция. Она помогает сближению этнонациональных культур в единое культурное пространство, при этом не мешая сохранять этнические особенности культуры. Это проявляется в слиянии локальных культур и в образовании общих культурных традиций.

Большую роль в налаживании культурного диалога могут сыграть этноконфессиональная толерантность, приобщение к общемировым и общечеловеческим культурным ценностям и правильное формирование поликультурного мышления у населения, в особенности среди молодежи. Культурный диалог – это прежде всего диалог на равных, соблюдение определенных правил и поиск совместных решений. Разработка теоретико-методологических положений анализа межкультурных коммуникаций поможет создать продуманную культурную и национальную политику государств, основанную на культурном диалоге, правильно организовать образовательный процесс и поликультурное воспитание в школах и вузах тех стран, где ярко выражена полиэтничность и поликонфессиональность.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ГЕШТАЛТЫ БАЗОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

В. А. ДУДИНСКАЯ

Несмотря на непреходящий в течение двухсот лет научный интерес к проблеме ценностей, в гуманитаристике существуют полярные взгляды как на определение понятия «ценность», так и на выявление основных факторов возникновения и формирования системы ценностей индивида. Анализируя этнические, половозрастные, социально-стратификационные отличия ценностных систем, философы, социологи, психологи и антропологи становятся непосредственными участниками процесса кодификации и легитимации тех или иных ценностей. «Автор, – говорит Пьер Бурдьё, – в истинном смысле есть некто, кто делает публичными вещи, которые все смутно ощущают; некто обладающий особой способностью обнародовать подразумеваемое [имплицитное], молчаливое и осуществляющий настоящую созидательную работу» [1].

И национальное, и ценностное перманентно обретают новые черты в контексте изменяющихся исторических реалий. Обладая особой восприимчивостью

к переменам в расстановке ценностных приоритетов, выдающиеся представители творческой элиты каждого народа создают в своих произведениях гештальт базовых национальных ценностей. Картины «Земля» Ф. Рушица (1898), «Семейный портрет» Ф. М. Славянского (1852), «Первая песенка» А. С. Бархаткова, повесть «Бабушка» Б. Немцовой (1855), романы «Лето Господне» И. С. Шмелёва (1927–1948), «Семья» Н. Фёдоровой (1940), «На росянах» Я. Коласа (1922–1955), «Комаровская хроника» М. Горьцкого (1930–1937) являются свидетельствами особого внимания авторов к базовым ценностям нации в период исторических потрясений (революций и войн) или сильнейших мировоззренческих перемен.

Нигилизм и anomia, мировоззренческий кризис рубежа XX–XXI веков, ожидаемо должны вызвать к жизни новый импульс обращения к традиционным ценностям как устойчивому коду самоидентификации полноценной создающей личности.

Литература и источники

1. Бурдьё, П. Начала. Choses dites / П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1994.

ЛОЯЛЬНОСТЬ И МОРАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. И. ЕКАДУМОВ

Знакомство с чужими культурами в процессе кросскультурного взаимодействия, инициированного глобализацией, способствует тематизации собственных культурных моделей. Лояльность индивида традиции в условиях переизбытка культурных образцов формируется в их конфликтном взаимодействии, актуализирующем потребность в синтезе наличных социокультурных стратегий с привнесёнными. Изобретение традиции, как его описывает Э. Гидденс, приобретает перманентный характер. Существенным компонентом такого социокультурного синтеза, задающим его возможности и границы, выступает этическая система, которой привержены акторы, вовлечённые в глобальную кросскультурную коммуникацию.

Наряду с максимизацией исчисляемых выгод, обеспеченных приверженностью актора определенной социокультурной модели и описываемых в рыночных терминах, на индивидуальный выбор влияют факторы этического самоопределения. Стремление к максимизации этической самооценки определяет лояльность идеологиям и институтам не в меньшей степени, чем стремление к максимизации выгод.

В. А. Лефевр, отмечая стремление индивидов к повышению моральной самооценки, выделяет две этические системы, в которых реализуется моральное самосознание. Первая система сосредоточена на запретах зла, вторая – на де-

кларации добра и требовании добрых поступков согласно сформулированному идеалу. Преобладание одной из этих систем задает границы персональной социокультурной лояльности. Тезис В. А. Лефевра о тяготении индивидов к максимизации этического статуса, в контексте интенсивного кросскультурного взаимодействия и конкуренции социокультурных стратегий, предполагает следствие. При колебании между этическими системами существенным для проявления лояльности одной из них является моральный статус, которым они наделяют актора, тематизирующего свое поведение.

В ситуации конфликта социокультурных стратегий лояльность индивида этической системе формируется в соответствии с ожидаемым в ней этическим статусом. Таким образом, стремление актора к диалогу с представителями иных культур, аксиологическому синтезу или поиску компромисса вместо конфронтации и отрицания чуждых культурных образцов соотносится с более высоким или не менее низким этическим статусом, предоставляемым инокультурной этической системой в случае ее признания. Напротив, агрессивное неприятие инокультурных морально-аксиологических образцов сопряжено с понижением этической самооценки индивида в случае усвоения им инокультурных представлений.

Культурная глокализация как модернизация локальных сообществ будет в числе прочих факторов определяться динамикой лояльности культурным образцам из-за морально-психологических преимуществ, связанных с предпочтительными этическими системами.

Литература и источники

1. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М., 2004.
2. Лефевр, В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. – М., 2003.

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ПРОБЛЕМА НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е. А. ЕРОХИНА

Этническое многообразие является одной из базовых категорий социальной стратификации. В рамках социокультурного подхода этническое многообразие рассматривается не только как основание горизонтальной дифференциации и цивилизационной самоорганизации, но и как элемент производства неравенства. Если концепт «многообразие» отражает номинальные этнические различия, существующие в обществе, то неравенство позволяет описывать социальную структуру, исходя из сравнения социальных позиций этнических групп в его статусной иерархии.

Первой причиной, обусловившей неравенство этнических групп с наступлением модерна, оказалась статусная дифференциация языков. Наличие /

отсутствие собственного языка высокой культуры влекло за собой неравный доступ к образованию как к социальному лифту для выходцев из разных этнических групп. Представители тех этнических групп, которые не обладали языком высокой культуры, в случае успешной восходящей мобильности утрачивали связь со своей группой, ассимилируясь с доминирующим большинством.

Другой причиной, обусловившей превращение этнических различий в инструмент статусной дифференциации, послужило формирование представления об иерархии культур в пространстве научных концепций Просвещения. Эпоха Просвещения сформировала идеологию европоцентризма, политической и научной доктрины, обосновывающей превосходство европейских народов и западно-европейской цивилизации над другими народами.

Однако если в предмодерне социальное неравенство рассматривалось как естественное и необходимое, допустимое и признанное основание сословной системы структурирования общества, то модерн утвердил новые ценности. В его системе равенство оказалось главным из числа определивших перспективу социальной трансформации идей: свободы, прогресса, развития. Выявленное в результате социального сравнения структурное и институциональное неравенство стало отождествляться с ущемлением личности и прав человека, оказало мобилизующее воздействие на широкие слои социальных низов, объединявшихся вокруг национальных и антиколониальных проектов.

Поступательные социальные изменения, обусловившие переход к современности, способствовали вытеснению из сферы политического участия семейно-родственных и общинно-земляческих форм этнической самоорганизации под влиянием национальных институтов, функции которых заключались в формальной репрезентации культурного влияния доминирующих этнических групп и содержательной политике административно-бюрократического управления этнически гетерогенным обществом. Вместе с тем динамика трансформации отдельных обществ свидетельствует о действии возвратных механизмов при переходе к современности. Одной из самых ярких примет является возрождение архаичных практик в социальной жизни и клановости в политике.

В докладе будет представлено действие возвратных и поступательных механизмов социальной трансформации и показана их связь на примере социальных изменений в полиэтничных регионах Российской Федерации.

ПРОБЛЕМАТИКА БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

К. Р. ЕСЬКЕВИЧ

В начале своей книги «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности» известный американский политолог С. Хантингтон обозначает, что кризис национальной идентичности в современном мире становится глобальным феноменом.

В этом смысле закономерно, что проблема национальной идентичности находится в фокусе достаточно большого количества исследователей и затрагивает совершенно различные государства. Так же следует отметить разнообразие исследовательских подходов, методологических схем анализа данной проблематики, которые мы обнаруживаем в современном социально-гуманитарном дискурсе.

Анализ источников позволяет получить общее представление о методологии анализа идентичности, применяемой в социально-гуманитарном дискурсе.

Наиболее интересным здесь представляется разработка герменевтической методологии изучения проблем национальной идентичности, в частности, роли и значения культурной памяти (Я. Ассман, А. Ассман, М. Хальбвакс и др.). А также психоаналитической методологии (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, Г. Тэджфил, Дж. Тернер и др.), фокусирующейся на анализе психологических механизмов артикуляции различных видов индивидуальной и социальной идентичности, включающей национальную идентичность. Кроме того, наибольшее распространение получила разработка проблематики национальной идентичности средствами социологии, политологии, геополитики и исторической науки.

Наиболее оправданным, на наш взгляд, в современных условиях является ориентация на принципы диалектической методологии изучения идентичности, которая ориентирует исследователя на то, что национальная идентичность, в том числе и белорусская, является конкретно-историческим процессом и результатом, то есть противоречивым процессом, процессом в определенных отношениях незавершенным, открытым, особенно если не забывать о его связях с закономерностями современной глобализации и интеграции.

Значимым для осмысления и оценки особенностей природы белорусской национальной идентичности в современном социально-гуманитарном дискурсе является выделение основных теоретико-методологических подходов в объяснении происхождения и развития самой политической нации: примордиалистский подход (Э. Смит и др.), инструменталистский (Э. Хобсбаум, Э. Геллнер и др.) и социально-конструктивистский подходы (Б. Андерсон, Л. Гринфельд и др.). Большинство исследований, посвященных проблематике национальной идентичности, и белорусской в частности, выполнено в контексте примордиалистской и социально-конструктивистской парадигм. Компаративный анализ работ, выполненных в рамках данных подходов, позволил определить приоритетность социально-конструктивистского подхода по отношению к примордиалистскому и инструменталистскому в рассмотрении природы белорусской национальной идентичности (Т. Снайдер, С. Плохий и др.).

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

З. Р. ЖУКОЦКАЯ

Памяти Владимира Дмитриевича Жукоцкого

Гуманизм как мировоззренческое кредо философии и как родовой признак философствования заявляет о себе со всей определенностью. Он не только противостоит отчужденным формам социума, защищая личность от их произвола, но и внутри культурных процессов выполняет важную консолидирующую роль организатора диалога между различными противостоящими субъектами. Это качество философии как светского гуманизма должно быть представлено не только в идеологии и культуре в целом, но и в образовании, которое как никогда нуждается в актуализации воспитывающих форм знания. Система образования нуждается в консолидации социально-гуманитарного знания, и это в равной степени нужно и философии, и образовательному процессу.

Вместе с тем различие исходных точек движения мысли не исключает возможность и даже необходимость диалога между различными видами гуманизма. В противном случае мы имели бы дело не с разновидностями гуманизма, а с соответствующими идеологиями, как всегда враждебно противостоящими друг другу. При этом сам статус диалога (диалогового режима) предполагает сохранение различия между ними и исключает даже перспективу достижения тождества. В этой недостижимости гуманистического идеала, искомой гуманистической композиции, заключены трезвость и здоровый прагматизм современного светского гуманизма, который принимает принцип исторической относительности (релятивизма) как норму и в настоящем, и в обозримом будущем. На каждом из этих этапов реализации глобализационного проекта нашей эры как проекта гуманизации человека в его истории происходит активный диалог между различными видами гуманизма – религиозным, либеральным и социальным. Меняется лишь степень доминантности одного из них, как и форма своего выражения в культуре, но неизменной остается их общая устремленность к двум абсолютным гуманистическим ценностям – человеческому благу и развитию личности.

Одним из важнейших гуманистических факторов становления человека в его истории выступает изменение содержания и направленности в развитии духовной культуры человечества. Это духовно-нравственные параметры гуманизации человека и общества: от догматической религиозности к свободной религиозности и от религии к светской культуре – философии, науке, искусству, светской морали и свободной (неотчуждаемой) общественности.

Гуманизм – это воля к равновесию (или гармонии) разнонаправленного и разнородного. Культура выполняет свою функцию и свое призвание, когда ей удастся найти и исполнить единственно возможную в данных неповторимых исторических условиях свою гуманистическую композицию.

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХРИСТИАНСТВА

Т. В. ЗАЙКОВСКАЯ

Долгое время наличие весьма внушительного числа религиозных людей в нашем обществе игнорировалось, а их взгляды и образ жизни рассматривались как отклонение от нормы. Однако с распадом атеистической советской системы в ходе формирования нового демократичного общества пришло понимание того, что религия с ее институтами не собирается исчезать, поэтому и отношение к ней необходимо менять. Жизнь в современном обществе предполагает широкий спектр возможностей – плюрализм во множестве не сводимых друг к другу форм бытия, будь то образ жизни, стиль поведения, хобби, мировоззрение, религия.

В связи с возрастанием в обществе интереса к духовным ценностям, религиозной вере началось переосмысление значения религии, в частности, ее консолидирующего потенциала, который она может предложить в сфере духовного возрождения нации на базе христианской морали и нравственности. Современные религиозные лидеры и богословы на первый план, как правило, выдвигают этический аспект христианского вероучения, особенно отмечая его гуманистическую роль. И не удивительно, ведь гуманизм стал ведущей идеологией Запада, а мы, стремясь приобщиться к общемировым ценностям, не задумываясь, привносим его в свою культуру.

Основывающееся на стремлении к свободе, современное понимание гуманизма является ничем иным, как выражением философии либерализма. Именно свободный во всех смыслах человек сегодня делает попытку взять верх над привычным мироустройством, в котором ранее ему принадлежала лишь роль ведомого. Однако, являясь мировоззрением, в ядре которого заложена идея индивидуума как высшей ценности, идеология гуманизма никак не может соответствовать традиционной христианской антропологии, зато ей вполне соответствует практическая ее часть – бережное, сострадательное отношение к каждому отдельному человеку. С этой точки зрения гуманистические потенции действительно содержатся в религии, реализуясь во всех христианских конфессиях.

Западноевропейская цивилизация, проникшая корнями глубоко в эпоху Возрождения, веками впитывала в себя различные религиозные, научные и культурные традиции. Как раз «это смешение позволило мыслителям гуманизма порвать с традиционным христианским мироощущением и объявить личность отдельного человека если еще и не равной Богу, то, во всяком случае, приближающейся к Богу по своим возможностям, способностям и, главное, по степени своей свободы. Иначе говоря, человек, как «великое чудо», должен был обладать такой же свободой, как и Сам Бог» [1].

Следует отметить, что христианский гуманизм коренным образом отличается от гуманизма «западного образца», так как на первый план он выдвигает

ценности духовного порядка: милосердие, человеколюбие, доброту, равенство и братство. Выдвижение требований в данной сфере когда-то сделало христианство провозвестником гуманитарной революции не только в духовной, но и в социальной жизни. Реалии XXI века свидетельствуют о том, что потенциал христианского гуманизма еще не исчерпан. Христианство по-прежнему обладает необходимыми ресурсами не только для дальнейшего внутреннего развития, но и для благотворного влияния на утерявшую духовность современную цивилизацию.

Литература и источники

1. Медведева, И. Христианские ценности или «гуманизм» Содома / И. Медведева, Т. Шишова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/814.html>. – Дата доступа: 01.07.2017 г.

ПАЛОМНИЧЕСТВО КАК ПУТЬ К СЕБЕ

Д. М. ЗАЙЦЕВ

У мыслящего человека присутствует потребность в духовных ценностях, зачастую наблюдается интерес к памятникам религиозной культуры и важным духовным центрам. На протяжении тысячелетий паломничество к святым местам является ответом на зов сердца человека. Странник не ставит своей целью простое посещение культового объекта. Это не отдых или познание мира, он бросает вызов обыденности, им движет идея обретения себя, ведь истинное паломничество – это почти всегда путешествие к себе. Порой человек может достичь такого состояния души, когда начинает ощущать себя вечным странником, подобно тому, о чем поет Юрий Шевчук, лидер группы ДДТ: «Быть на этом пути – наша судьба».

Пилигриму необходимо постоянно преодолевать препятствия, подвергать себя испытаниям. В итоге можно ощутить дух древности и святости, о котором еще в XVII веке писал японский поэт-пилигрим Басё, называвший это «отсветом древнего света, ощущением той реальности, которая была скрыта от глаз в течение веков за фальшивыми представлениями и сказками и не позволяла увидеть все вокруг в истинном свете, а также слышать звездное небо, нашептывающее тайны вечности» [1].

Все новое, с чем сталкиваются в путешествии, закаляет, личностные качества укрепляются, страх потерять себя отходит на задний план. В дороге негде спрятаться, человек оказывается лицом к лицу с правдой, в этом во многом и заключается смысл странствия, в этом одна из причин благоговеющего состояния паломника.

Паломники начинают путешествие, когда у них возникает потребность совершить нечто большее, чем обычные культовые действия в условиях

обычной среды их проживания. В странствия по святым местам отправляются с разными мотивами: помолиться, решить личные проблемы, найти себе подходящую религию, духовную школу и систему ценностей, познакомиться с культурным наследием страны [2]. При этом обращение к святыням – это не магический ритуал, гарантированно дающий исполнение желания, это часть духовного пути человека, искренне верящего в Бога.

Литература и источники

1. Кузино, Ф. Искусство странствия к святыням / Ф. Кузино. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
2. Христов, Т. Т. Религиозный туризм: учебное пособие для студентов высших учеб. заведений / Т. Т. Христов – М.: Изд. центр «Академия», 2003.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. И. ИВЛЕВА

Многие годы считалось, что религиозная идентичность является неизменной на протяжении всей жизни человека. Однако сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что религиозная идентичность способна претерпевать изменения и даже трансформироваться в результате воздействия многих факторов. Характер осознания людьми собственной религиозной идентичности зависит от того, живут ли они в монорелигиозной или полирелигиозной среде. В последнем случае у человека есть больше возможностей для осмысления отличий своей религии от других. С одной стороны, это может способствовать развитию межрелигиозного понимания и толерантности, а с другой – привести к столкновениям между религиозными группами.

В условиях становления информационного общества коммуникативные возможности сети безграничны, а киберпространство можно назвать полирелигиозной средой, в которой проходит виртуальная жизнь многих верующих. Мы видим в этом явлении как позитивные, так и негативные аспекты. К позитивным моментам можно отнести тот факт, что современные верующие могут совершать виртуальные паломничества по святым местам, знакомиться с редкими образцами религиозной литературы, принимать участие в жизни различных религиозных групп.

К негативным аспектам относится то, что эти же возможности могут использовать современные «ловцы душ» – духовные адепты и гуру, конструирующие новые верования на базе компиляции разрозненных знаний, выхваченных из контекста традиционных религий. Их влиянию подвержены люди, плохо адаптирующиеся к социальным изменениям и находящиеся в поиске

ответов на смысложизненные вопросы. Особую тревогу вызывает тот факт, что в виртуальном пространстве один и тот же человек может демонстрировать неограниченное число личностей (аватаров), в том числе тех, кто пропагандирует переход к нетрадиционным видам религиозной идентичности. Этот прием широко используют идеологи новых религиозных движений.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИЛОГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. И. ИСМАИЛОВ

Объективной реальностью наших дней является многообразие культур и их активное взаимодействие, что обусловлено глобализацией экономических, политических, экологических и других процессов.

Глобализация проявляется в том, что разные локальные сообщества становятся все более взаимозависимыми. Все ярче осознается необходимость обеспечения постоянного развития человечества как единого разнообразного целого. Именно поэтому диалог культур является необходимой чертой современных обществ, важнейшим условием их бытия.

Сверхсложность и многомерность современных обществ обуславливает соответствующие характеристики диалога культур, который также становится многомерным и сверхсложным. Участники диалога культур по-разному определяют цели и смысл диалога культур, по-разному видят и оценивают его ход и структуру, делают различные выводы из совместно создаваемых реалий, по-разному определяют и действуют по отношению к ним, что в конечном итоге актуализирует проблему межкультурного полилога в рамках многонациональных, поликультурных государственных образований. Межкультурный полилог – это сочетание диалогов многих культур, объединенных одной темой (но не позициями и точками зрения).

Разрешить противоречие между тенденцией к унификации и усилением стремления многих культур к сохранению своего своеобразия, самобытности возможно лишь на основе межкультурного полилога. Многообразие этнических и национальных культур объединяет то, что в каждую из них входят универсальные человеческие ценности, являющиеся той базой, на которой держится любая культура. Истина, добро, красота и свобода проявлялись, начиная с древних времен, в различных формах. Конкретные формы их выражения составляли своеобразие культур. Совсем иное явление имеет место в современном мире, где наблюдается унификация культурных стандартов и сценариев, подтачивание основ национальных традиций, утрата культурной идентичности.

Ведет ли межкультурный полилог к сближению государств и культур?

Думается, что это сближение возможно благодаря не только самому по себе процессу полилога, но также такому его результату, как нахождение общей позиции по актуальным вопросам для всех культурных миров. Такая позиция позволяет вывести взаимопонимание за границы отдельных государств, языков, традиций, локальных интересов и способствует появлению интерсубъективно значимого знания и понимания.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

И. И. КАЛАЧЁВА

Социальная коммуникация в широком смысле понимается как «взаимодействие между людьми как объектами и субъектами социальных процессов, взятых в их информационно-знаковом аспекте». В узком смысле социальная коммуникация рассматривается как «субъект-субъектное взаимодействие, опосредованное информацией, имеющей смысл для обоих субъектов» [2, с. 17]. Эффективная социальная коммуникация между субъектами взаимодействия зависит от многих реальных условий, которые складываются в определенный момент времени, в определенных обстоятельствах. Для успешного диалога иностранных и белорусских студентов, участвующих в процессе социальной коммуникации, необходимы как знания о механизмах и способах межкультурного взаимодействия в целом, так и наличие специальной информации о традициях и ценностях национальных культур, носителями которых они являются.

Ведение диалога – это процесс, в рамках которого учитываются «правила» взаимодействия. Когда студенты становятся субъектами межкультурного взаимодействия, они должны учитывать, что каждый участник культурного контакта располагает своей собственной системой правил, обусловленных его социокультурной принадлежностью. В правилах существуют различия, которые обусловлены различием в вербальной и невербальной коммуникациях. С помощью слов передается сообщение, которое по-разному может быть воспринято человеком другой культуры. Природа невербальной коммуникации раскрывается через соотношение сознательного и бессознательного, намеренного (интенционального) и ненамеренного.

Успех или неудача социальной коммуникации во многом зависят от того, вызывают ли доверие друг у друга студенты как партнеры по коммуникации. Это доверие определяется прежде всего двумя факторами – личностью человека и его специальными знаниями. Но эти факторы относительно в разных культурах. В незападных культурах доверие к личности человека важнее доверия к его специальным знаниям, а в западных культурах доверие к специальным знаниям важнее, чем доверие к личности конкретного человека.

Вступая в контакт с иностранным студентом, белорусскому студенту следует учитывать и то, что на процесс коммуникации и интерпретации сообщений, помимо культурных различий, влияют возраст, пол, социальное происхождение самого коммуниканта. Они также накладывают отпечаток на характер каждого конкретного акта коммуникации и уровень взаимопонимания его участников.

Таким образом, правила межкультурных коммуникаций формируются в зависимости от того, к каким культурным традициям относит себя человек. Любой человек видит мир в определенных культурных рамках. Но эти культурные рамки (нормы), как правило, не осознаются индивидом, ибо чаще всего составляют часть его личности. Поэтому осознание норм поведения и мышления собственной культуры возможно только в том случае, когда происходят контакты с людьми, которые в своем поведении руководствуются другими культурными нормами. В данном случае – это иностранные студенты как представители других культур. Как утверждает М. А. Василик, неподготовленное взаимодействие может вызвать дискомфорт или даже привести к возникновению конфликтов [1, с. 595]. Поэтому вступление в диалог должно быть событием, подготовленным заранее в рамках образовательных технологий.

Литература и источники

1. Основы теории коммуникации: учебник / М. А. Василик [и др.]. – М.: Гардарики, 2006.
2. Гнатюк, О. Л. Основы теории коммуникации: учебное пособие / О. Л. Гнатюк. – М.: КНОРУС, 2010.

КОНЦЕПЦИЯ «СИМФОНИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ» В ФИЛОСОФИИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

Ю. В. КОЛЕСНИЧЕНКО

В социально-философском и культурологическом плане евразийство является собой одну из наиболее интересных форм переосмысления опыта России в революциях. Проблематика евразийской мысли актуальна для нашего общества как в теоретическом, так и в практическом отношении прежде всего вследствие интегрирующей силы его идей.

В связи с вышесказанным представляет интерес классическая евразийская трактовка понятия личности, действующей в определенном пространственно-временном континууме. Используемый евразийцами понятийный аппарат не только видоизменяет формы постижения объекта, но заставляет по-новому определить сам феномен личности как особый способ существования объективного бытия.

Понятие «симфонической личности» было разработано Л. П. Карсавиным и Н. С. Трубецким. Классическое евразийство использовало данное понятие для обозначения всякого результата «качествования». Божественного начала в мире (мирополагания). Личность – синоним единства, активная «стяженность» элементов объективного целого. Л. П. Карсавин и Н. С. Трубецкой определяют личность как одушевленную субстанцию ограниченных свойств (субстанцией неограниченных свойств является Бог). Сама концепция «симфонической личности» была разработана Л. П. Карсавиным в работе «О Личности», написанной им в период его жизни в Литве. Эта концепция онтологична по своей сути и диалектична по методологической направленности. Окружающему миру (в том числе и «миру» материальных объектов) приписываются личностные качества, но качества, преобразованные в систему строго иерархического соподчинения общественных структур. Материальный объект всегда участвует в акте познания уже как «личность», как нечто, именно в акте познания приобретающее качества активно-личностные. Именно эти качества и позволяют объекту быть в принципе познанным. Объект, который интенционально стремится к состоянию симфоничности, то есть является моментом слияния человеческого и вещного бытия в акте познания, называется в евразийстве симфонической личностью. Таким образом, симфоническая личность – это познаваемый тварный мир, получающий свою бытийность именно посредством человеческой (индивидуальной) личности. Типические личностные проявления, носящие в обычном понимании строго аксиологический (ценностный) и потому сугубо социальный характер, приобретают в евразийской теории «симфонической личности» онтологические свойства бытия.

Концепция «симфонической личности» снимает, таким образом, проблему принципиального противопоставления объекта субъекту, поскольку единство личности и бытия утверждает личностные характеристики неодухотворенных элементов этого единства.

Литература и источники

1. Евразийство. Опыт систематического изложения. – Париж, 1926.
2. Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин. – М., 1992.
3. Карсавин, Л. П. Религиозно-философские сочинений / Л. П. Карсавин. – М., 1992. – Т. 1.
4. Колесниченко, Ю. В. Личность в евразийстве. Гносеологические основания / Ю. В. Колесниченко. – М., 2008.
5. Русская цивилизация и соборность. – М., 1994.
6. Трубецкой, Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. 1921–1928 год / Н. С. Трубецкой. – М., 2008.

ДОМ И ГРАНИЦА – ТОЧКИ ОТСЧЕТА КУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ

М. В. КОЛИНЬКО

С древних времен люди стремятся упорядочить свой мир, противопоставляя хаосу и бесформенности порядок и структурирование. В контексте упорядоченного пространства рассматривается и понятие «культура», как в смысле космоса, универсума, так и в качестве метафоры «обжитого, культивированного человеческого пространства», ойкумены, родной стороны, неизбежно своей и неизбежно ограниченной [1, с. 130]. Топологическая модель мира как Дома является одной из наиболее распространенных метафизических и социокультурных моделей, определяющих место человека в природном и культурном пространстве. Дом – квинтэссенция освоенной реальности, он предлагает защиту, надежность и стабильность, с ним соотносилось большинство категорий традиционной картины мира человека, поэтому он становился универсальной точкой отсчета бытия в различных системах координат: Космос, социум, мир повседневности, внутренний мир человека. Бытие Домом характерно для *gemeinschaft*-структур. Социальные формы *gesellschaft* лишают существовавшего ранее ощущения стабильности и покоя, человек обречен на поиск и ожидание, а его бытие – на вечное отрицание, становление и переход, как отмечал Ф. Ницше.

Существует тесная связь культуры дома и границы. Как подчеркивает белорусский исследователь Игорь Бобков, культура «возникает лишь в событии разграничения и отграничения, но живет и развивается только в попытках перешагнуть свои границы, расширить свое пространство» [1, с. 130]. Именно на пограничье наиболее выраженно проявляются асимметрии структур включения / исключения: центра / периферии, внутреннего / внешнего, тождественности / отличия, своего / чужого, вовлеченности / отстраненности. Ценностно-смысловое пространство пограничья организуют топосы бытия-между. Они помогают определить нашу позицию в культурном пространстве и установить специфическое место Другого.

Для смыслового обозначения границ иногда используют метафору «шрамы истории». Мне представляется, что границы являются текстами истории. Такая коннотация отражает в сознании как исследователей, так и представителей граничащих между собой культур не только конфликтность и контрастность обсуждаемого феномена, но и его культуротворческий потенциал. Достаточно вспомнить лимы Древнего Рима с их приграничными базарами (многие из них со временем превратились в процветающие города Кельн, Будапешт, Белград, Вена, Бонн и др.) или американский фронтир, который образно называют воспитателем американской нации. Пограничье как поле напряженности и зона интенсивного культурного взаимодействия является бытийным пространством, формирующим характерный тип идентичности.

Литература и источники

1. Бобков, И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2005. – № 3–4. – С. 127–136.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. С. КОНДАКОВА

В современном мире происходит динамичное развитие во всех сферах, мир постоянно меняется, усложняется, технологизируется. Активное распространение получает глобальная культура как выразитель общих культурных ценностей и норм, которые распространяются по миру. Однако как мы видим, несмотря на глобальную культуру, существует множество локальных культур.

Говоря о провинции, мы говорим об удаленных от центра страны регионах, городах, поселениях. Жизнь в данной местности отличается от жизни в центре и тем более отличается от глобальной культуры. Все инновации приходят в провинцию позже центра, внедряются сложнее. Сама глобальная культура находится в постоянном противостоянии с традиционными ценностными установками. Таким образом, мы говорим о столкновении глобального и локального в культуре. Конечно же, носителем ценностей и норм поведения является человек. Интересным представляется вопрос о мироощущении и мировосприятии провинциала, сталкивающегося с глобальной культурой. Как отмечается в исследованиях разных авторов, в провинции формируется особый социально-психологический тип, некий архетип провинциала, который отражает определенный уклад жизни, привычки, особенности поведения.

В провинциальной культуре сохраняются традиционная культура, ценности и поведенческие стереотипы, которые сохранились через века, вместе с тем провинциальность зачастую вызывает негативное отношение как выражение чего-то застойного, слабо развитого, отсталого. Человек из провинции, сталкиваясь с глобальной культурой, оказывается в ситуации нелегкого выбора. С одной стороны, его собственная культура, которая как будто «тянет» его назад, а с другой – новая, открытая, информационная культура, которая как бы открывает массу возможностей. Отсюда возникает разорванность сознания, неустойчивые психологические состояния, потеря ценностей, маргинализация, приспособленчество, отчужденность. Провинциальный человек старается приспособиться к новой культуре, как бы постоянно ее догоняет, пытается попробовать все достижения и за всем этим теряет подлинное существование, он перестает принадлежать той культуре, из которой вышел, но и полное восприятие новой глобальной культуры зачастую оказывается затрудненным.

Тезисы подготовлены при поддержке гранта совета по НиИД ЗабГУ номер 228-ГР.

ФИЛОСОФИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

К. И. КОФАНОВ, А. А. СУЛЕЙКОВ

XIX и XX века ознаменовали собой коренной перелом в образе жизни и облике человеческой цивилизации. Масштабное промышленное производство обусловило большее, невозможное прежде, вовлечение масс в политический процесс. Совершенствование транспорта и средств коммуникаций ускорило процесс унификации и глобализации мира. В то же время распад социалистического блока и обусловленный им крах коммунистического проекта ознаменовали прекращение идеологического противостояния, разделившего мир на две враждебные стороны. Наступил «конец истории», провозгласивший унификацию обществ по примеру либерально-демократического общества Западной Европы.

Однако XXI век за свою пока недолгую историю показал ошибочность данного мнения. На смену идеологическим конфликтам вернулись отошедшие в XX столетии на второй план межэтнические, межконфессиональные и межцивилизационные конфликты, еще более обострившиеся на почве противоречий, спровоцированных процессом глобализации. Данные конфликты выразились как в повышении уровня бытового национализма, так и в радикализации ислама, что стало ответом ряда традиционных обществ на неравномерное развитие государств и регионов мира. Более умеренным ответом на вышеуказанные противоречия стала тенденция регионализации – интеграции государств, расположенных в рамках одного региона и схожих по своему положению в глобальной политико-экономической системе.

В данном контексте особенно насущной видится определяющая роль, в том числе и философской мысли в урегулировании данных конфликтов и поиске нового межкультурного консенсуса посредством «философского крестового похода». На протяжении двух столетий крестовых походов европейцы учились понимать, что люди, несмотря на свое явное внешнее отличие, иной язык, стиль одежды и поведения – это такие же люди. Закладывались основы новой культурной традиции европейцев – терпимости к «иным» людям. По мнению авторов, именно философия и философия религии в частности могут способствовать урегулированию межнациональных и религиозных конфликтов, так как:

философская мысль объединяет интеллектуальное наследие множества обществ и цивилизаций, в том числе и погибших (например, античная) на достижениях которых основаны культурные коды и идентичности большинства современных социумов;

философия религии обладает огромным опытом анализа религиозных доктрин и осмысления особого мировоззрения и системы ценностей.

КУЛЬТУРА КАК МАКРОКОСМИЧЕСКИЙ ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР

В. В. КРАВЧЕНКО

Культура – это фундаментальная основа существования человечества, являющаяся полионтологической реальностью, т. е. целостной совокупностью множества этнокультурных полей. В терминах виртуалистики ее можно представить как живую, многосложную систему разнообразных виртуальных реальностей (ВР) и виртуальных миров (ВМ). Независимо от их природы – собственно культурных, а также технических, психологических, художественных и прочих, – все эти ВР и ВМ взаимодействуют в рамках единого культурного поля [1]. Функционирование всечеловеческого ВМ определяют закономерности более высокого порядка, нежели принципы существования и развития индивидуальных, коллективных и национально-этнических ВР и ВМ. При этом отдельные ВР и ВМ могут быть определяющими для развития общечеловеческого ВМ, например, индивидуальные ВР и ВМ гениев, талантов, выдающихся профессионалов и деятелей культуры. Так, о значении ВМ русского философа Вл. С. Соловьева [2]. Однако в процессе жизнедеятельности ВМ культуры некоторые ВР и ВМ, которые также трансформируются со временем, могут превращаться из необходимых или нейтральных во враждебные. Так, технические ВР (связанные в первую очередь с повседневными гаджетами), которые долгое время считались важнейшими для развития современной ВМ культуры, сегодня воспринимаются как опасные или вредные. Причем имеется в виду не только нанесение возможного вреда здоровью людей-субъектов культуры, а культурная небезопасность тех технических ВР, которые этими гаджетами обеспечиваются. Серьезной современной проблемой является определение консуетала для ВМ культуры. Если им считать только природу, то из культуры изымаются важнейшие природно-культурные объекты (заповедники, феномены природы и тому подобное). Назрела необходимость пересмотреть само определение природы относительно виртуального мира культуры [3]. В самом общем плане ВМ общечеловеческой культуры является макрокосмом, согласно воззрениям русских космистов (В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского). Этот макрокосм формируется и развивается относительно мегакосма: Солнечная система – Галактика – Вселенная. И именно в этом аспекте возможно исследовать закономерности общечеловеческого виртуального мира.

Литература и источники

1. Кравченко, В. В. Симфония человеческой культуры / В. В. Кравченко. – М.: Аграф, 2017. – С. 190–293.
2. Кравченко, В. В. О виртуальном мире В. С. Соловьева / В. В. Кравченко // Соловьевский сборник. Материалы межд. кон. «В. С. Соловьев и его философское наследие». – 2001. – М.: Феноменология и Герменевтика. – С. 503–515.
3. Кравченко, В. В. Космические основы понимания «Природы» в ее взаимоотношениях с «Культурой» / В. В. Кравченко // Информация и Космос. – 2017. – № 2.

ЭСКАЛАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

О. В. КУРБАЧЁВА

Современная социокультурная ситуация характеризуется интенсификацией миграционного процесса, актуализацией вопросов этнокультурного самоопределения и сложностями аккультурации. Взаимодействие различных культур, вступивших в непосредственный и продолжительный контакт, становится непосредственным основанием для более детального и предметного исследования проблем и особенностей этнокультурного диалога. А в условиях становления транскультурной модели социокультурной и цивилизационной динамики, нарастающей глобальной нестабильности наиболее остро понимается вопрос о перспективах этнокультурного взаимодействия и преодолении возможных конфликтов. Вместе с тем сегодня наблюдается реальный процесс эскалации этнокультурной напряженности. Этнические противоречия в период нарастания миграционного процесса и интенсивного процесса аккультурации становятся катализатором конфликтогенной ситуации. В этом случае латентные и не всегда осознанные причины (например, пережитая «историческая несправедливость», низкая статусность этнической группы и другие) могут послужить основанием для осознания или иррациональной интенцией к этническому конфликту.

Правомерно отметить, что степень обострения этнических взаимоотношений достаточно варьировуемая: от общего недоверия и конструирования этнопсихологического портрета общего «врага» до реального применения насилия. Рост этнокультурной напряженности безусловно связан с вопросом осознанности действий. Наиболее распространенным показателем эскалации этноконфликта выступает сужение когнитивных элементов в отношении к другой группе и переход к примитивным способам отражения образа другого этноса. Это может быть выражено в акцентированности негативных сторон, отождествлении с потенциальным или актуальным злом, недоверием или негативным ожиданием (все, что исходит от другого этноса, будет восприниматься как потенциальная угроза) и другими признаками. По мере разрастания эскалации возможно как увеличение количественного состава противоборствующих сторон, так и переход к более глубинным, духовно-мировоззренческим основаниям неприятия Другого. Это одна из сложнейших стадий конфликта, для которой характерен минимальный уровень управляемости.

Обострение, сложности разрешения конфликтных ситуаций и наличие реальных жертв этнических конфликтов становятся абсолютно явной и важнейшей причиной необходимости преодоления и урегулирования этнокультурных конфликтов до стадии их эскалации. Один из важнейших способов нейтрализации конфронтации – это осознанность и легитимация конфликта. Когда он признается как реальная угроза социокультурной стабильности, как наруше-

ние прав и свободы человека, можно применить различные меры по предотвращению эскалации. Признание конфликтогенной ситуации позволяет обнаружить «скрытые» причины ее обострения, уйти от примитивизации в восприятии Другого и найти основания для компромисса, ослабления или этнокультурного консенсуса.

ПРОБЛЕМА САКРАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. А. МАКАРЕВИЧ

В философской литературе сакральное понимается как отличная от обыденной реальности область бытия, обладающая исключительной ценностью и требующая безусловного почитания. Сакрализация – приписывание объектам, действиям, идеям сакральных свойств, поклонение им. Мирское – обыденная повседневная жизнь, как общественная, так и личная.

Вера в реальность сакрального, его непостижимую сверхъестественную сущность является внутренним основанием религии. Религиозный человек мыслит сакральное как бытие Бога, обладающего разумностью, могуществом, духовностью в превосходной степени. Сакральное и мирское не представляют бинарной оппозиции, они вписаны друг в друга, хотя и не на равных началах. В религиозной картине мира сакральному придается структурообразующая роль, общество и природа существуют посредством высшей сакральной сущности.

В философии сакральное имеет расширительный смысл, анализ многих общественных явлений показывает, что их интерпретация нередко связана с нерелигиозным пониманием сакрального, присутствует в обществе в светских формах.

Нерелигиозный человек десакрализирует мир, но в историческом плане он испытывает воздействие религиозных традиций и не может полностью «вытравить» из себя религиозность. Отвергая божественное, сакральное в религиозной форме, он придает скрытый или явный сакральный смысл многим природным и общественным явлениям.

Божественное, трансцендентное как таковое в его теологическом виде малопривлекательно для многих, даже относящих себя к верующим современных людей, но они нередко поклоняются сакральному в мирском облики. Сакральное привлекает человека своей материальной, зрелищной стороной, оно воплощается в массовом сознании посредством ритуалов, праздников, чудес, реликвий и других театрализованных шоу.

Для современного общественного сознания характерна также сакрализация всевозможных проявлений мирской жизни, как то рыночной экономики, политических лидеров, исторических событий, техники, артефактов культуры, абстрактных идеалов, гражданских праздников, моды и т. д. Сами по себе эти явления не содержат ничего сакрального, но в политических, идеологических

и иных целях им приписывается сокровенный, священный смысл, они представляют объекты массового поклонения и почитания.

Многие люди придают исключительную значимость виртуальной реальности в гносеологическом, аксиологическом и даже онтологическом плане. В виртуальной реальности человек живет, действует, развлекается: она, как и религия, выполняя компенсаторную функцию, восполняет практическое бессилие, недостатки интеллекта, образования, эмоциональной жизни. Человек подстраивается под нее, формирует личные свойства по ее образу и подобию. Происходит своеобразное обожествление виртуальной реальности в нерелигиозной форме, наделение ее исключительными свойствами, сакральной значимостью. Виртуальное замещает мирское, максимально поглощая его и, подобно божественному, господствует над ним.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ГРАНИЦЫ В ПАРАДИГМЕ СЛОЖНОСТИ

В. В. МАЛЬЧЕНКО

Наряду с такими проблемами, как границы времени и пространства, науки, сознания, свободы и др., особое место в социогуманитарной мысли занимает проблема культурной границы. В культуре происходит соединение различных способов существования человека, и в то же время она выделяет и отграничивает уникальные человеческие «миры».

В определении концепта границы можно выделить несколько базовых значений: «посредничество»; «двойственность», неопределенность; амбивалентность; контекстуальность, неустойчивость, гибридность; фрактальность. Граница мыслится также как «переход», «переступание», «преодоление» [1]. Концепт культурной границы можно рассматривать как результат философско-культурологических и антропологических интерпретаций концепта границы, в которых культура и задает границы, и сама становится граничным феноменом.

Исследование процессуальности, онтологической сложности культуры и культурной границы требует соответствующих методологических подходов. Представляется целесообразным проанализировать проблему культурной границы с позиции сложности. В определении Э. Морена, «сложность возникает ... одновременно как относительность, соотнесенность, разнообразие, несхожесть, двойственность, двусмысленность, неопределенность, антагонизм, и в объединении этих понятий, которые являются по отношению друг к другу дополнительными, конкурирующими и антагонистическими» [2, с. 191]. Существуют определенные «правила» сборки сложного. Среди них – необходимая топология соединения структур, а также «попадание» их в один темпомир [3, с. 41–42].

С позиций сложности культура представляет собой становящееся коммуникативное пространство с устойчивыми образованиями и «серыми зонами»,

гибридными формами, тринитарными, неустойчивыми структурами, в которых культурные границы утрачивают жесткие очертания и становятся культурным интерфейсом. Чем более гибким, подвижным, текучим является пространство культуры, тем более ощущается необходимость рассуждать о культурной границе как о темпоральности культурных пространств.

Для того чтобы «сложилось» человеческое и культурное, в концепт культурной границы следует «ввести» фактор времени. На наш взгляд, это возможно через анализ антропологической ситуации «здесь и сейчас», в которой человек осуществляет выбор – пребывать внутри, пересечь или сместить границу. Только в первом случае у него есть возможность оставаться в границах культуры. В других – всегда речь идет о нарушении культурных границ. С какой целью – это всегда вопрос самоопределения человека и всегда – в границах культуры.

Литература и источники

1. Каганский, В. Л. Вопросы о пространстве маргинальности / В. Л. Каганский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/kagan.html>. – Дата доступа: 15.05.2017.
2. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен. – М., 2013.
3. Князева, Е. Н. Инновационная сложность: общая методология и способы организации когнитивных, коммуникативных, социальных систем / Е. Н. Князева // Инновационная сложность. – СПб., 2016. – С. 38–100.

TRANSCULTURAL COMMUNICATION ONLINE: SONG TRANSLATION

YURI MASLOV, THOMAS BEAVITT

The availability of the Internet as a massive communications platform has intensified modern social development trends. On the one hand, social life is clearly becoming more «globalised»; on the other, a growing counterbalancing trend might be described in terms of «regionalisation». While this latter trend can be seen in terms of «top-down» political developments, a «bottom-up» development process on the part of the «grassroots» is also taking place: this may be characterised in terms of an increased interest in the global aspects of one's own cultural heritage.

The Scottish researcher, translator and singer Thomas Beavitt has been working in the Russian cultural space over the last decade. First appearing at a Celtic-themed festival in Moscow in 2008, he promptly returned to present a special 250th anniversary concert of the songs of Robert Burns. A consideration of the role of the 'bard' in contemporary society led to a project translating the songs of Vladimir Vysotsky. Other song and poetry translation projects followed including «Saints & Sinners» featuring poetry written by contemporary Ural poets, poems of Lermontov translated into (Scots). English and set to music and, recently, the Songs of the Great Patriotic War which were performed for the first time in English on the Mamaev Kurgan in Volgograd with a Russian orchestra in 2015.

Beavitt, who currently works as a researcher and translator at the Russian Academy of Sciences (Ural Branch) in Ekaterinburg, immediately understood the commonality of purpose and opportunity in working with a Russian-speaking translator who has a much more in-depth understanding of the cultural significance of the songs of the Great Patriotic War. The collaboration project, which is ongoing, should result in a new book featuring translated lyrics and essays describing how these unique cultural artefacts relate to contemporary issues in the post-Soviet world as well as their wider import for the world as a whole.

The process of translating of Soviet / Russian song lyrics, their performance in the context of intercultural events, as well as their recording and dissemination to a wide global online audience, contains two problematic aspects: capturing and transmitting the nuances of semantic and emotional communication contained in the text and rendering the English texts in such a way that they can be sung as musically as in the original Russian. For the former aspect, the participation of a Russian speaker, who has an intimate and familial connection with the post-Soviet space is a *sine qua non*. For the latter purpose, the requirement is for a native English speaker whose sense of the musicality of the language has been well-attuned over the course of a large number of projects and intercultural experiences.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА И ЗАПАДА: ДИАЛОГ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т. И. МАТЮШКОВА

История свидетельствует о том, что плодотворное взаимодействие цивилизаций возможно лишь тогда, когда оно осуществляется в различных форматах и на различных социальных уровнях. Имеется в виду, что это взаимодействие предполагает диалог государства и гражданского общества, представителей различных религий и культур.

Применительно к современному мировому сообществу можно говорить о двух тенденциях, характеризующих его трансформацию: первая связана с формированием единой, глобальной цивилизации, вторая выступает как ответная реакция на осуществление глобализации по проекту Запада, как своего рода «восстание против Запада». Отталкиваясь от идеи Ф. Ницше о глубоком кризисе европейской культуры, можно сказать, что ее суть заключается в создании условий для признания необходимости полифонии культурных ценностей Запада и Востока как фактора их диалога. Здесь можно говорить о возрождении традиций и их адаптации к современным условиям. Это сложный процесс, успех которого не гарантирован. Ослабление традиционных институтов общества вызвало появление новых субкультур и субэкономических зон со свойственными им новыми субкультурами, что привело к необратимым цивилизационным процессам.

Так, например, в современном мире многое не поддается пониманию без помощи религиозно-культурологического фактора. Даже политическая целесообразность не может оправдать немислимые по своей разрушительности действия, направленные на подрыв основ существования мира. Именно религия выполняет функцию одного из катализаторов глобальных конфликтов, поскольку невежество в религиозных вопросах способствует возвращению религиозного фанатизма и является стимулом религиозно-политического экстремизма. Незнание религиозных реалий, сложившихся за многие века, сила их воздействия на социально-политические процессы приводит к катастрофическим последствиям. В этом смысле уместно говорить не только о необходимости обеспечения политической, экономической, военной безопасности, но и о духовной безопасности общества. Именно поэтому институты гражданского общества в современных условиях выполняют функцию сохранения национальной идентичности, тем самым способствуя обеспечению международной безопасности в глобальном ее измерении.

СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ АВАНГАРДНОЙ КОМПОЗИТОРСКОЙ ПРАКТИКИ)

Т. Г. МДИВАНИ

В эпоху постмодернизма в музыкальном авангарде появились симптомы глубокой деформации сложившихся представлений о целостности как концепции и смысла музыкального бытия. В этот период возрастает значение творческого, креативного начала, обуславливающего усиление роли «ситуаций», «акциденций», «событий», а также формирование новых арт-жанров: хэппенинг, перформанс, акция, инсталляция (Д. Кейдж, В. Копытько, А. Короткина, В. Кузнецов, В. Мартынов, К. Штокхаузен). Общим объединяющим началом в них выступает самоорганизующий феномен, критерием различия – степень незакрепленности текста; в качестве материала, темы нередко выступает и сам автор, поэтому грань между творцом и творением стирается. В основе новых целостностей лежит процессуально-событийный аспект, получающий индивидуальное воплощение в тех формах, в каких ее мыслит авангардный композитор. Здесь нет клише: все реализуется только «здесь» и «сейчас».

В таких произведениях музыкальный, наполненный внутренним смыслом звуковой аспект либо занимает подчиненное положение, либо заменяется говором, речью, паузой, либо находит продолжение в действии, в результате чего создается своего рода новая целостность, или парамузыкальная и парамузыкально-театральная реальность. Ее характеризуют стирание границ между музыкой и «не-музыкой», импровизационность бытия, проистекающая из различных степеней причастности и вовлеченности автора, слушателя и испол-

нителя в субъект-объектную рождающуюся реальность, а также аппроксимативность элементов.

Конструктивной особенностью новой целостности является отождествление процесса и структуры, вариантность организационных форм и бесчисленное число их трансформаций, обеспечивающих не разбалансировку формы, но ее новое качество – мобильность. Тем самым главным композиционным свойством постмодерных опусов выступила нелинейность, которая и создает ризомную среду, и являет собою творящую процессуальность. Присущие ей незакрепленность (нефиксированность, изустность) текста, его границ и, следовательно, конечных смыслов, апелляция к случайности, неопределенности и нелинейности при наличии аттрактора демонстрируют, говоря языком синергетики, высшую форму детерминизма.

Содержанием и художественной идеей авангардных «парамузыкальных» и «парамузыкально-театральных» композиций стал «закон рождения», который есть не что иное, как прототип самоорганизации. Отсюда композиционной основой авангардных музыкально-игровых жанров явился не закон основания, а спонтанная (В. Ульянов) процессуальность и самоорганизация. Тем самым, принцип «само» обрел статус концепта новой музыкальной сущности, отвечающей постмодерному мироощущению представителей музыкального радикализма, традиции которого сложились в середине 1960-х годов XX в.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ИНЫХ КУЛЬТУР: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. В. МЕДВЕДЕВ

Проблема взаимопонимания культур относится к числу наиболее актуальных и сложных в системе современного социально-гуманитарного знания. Разработанные логико-методологические, социолингвистические, психологические подходы к изучению иных культур показывают, насколько трудной оказывается задача достижения правильной интерпретации культурных кодов и символов. Знакомясь с чужими ритуалами, формами жизни, с другим способом мышления и видения мира, исследователь вынужден обсуждать философские вопросы. Установка современных исследователей на преодоление «наложения» западно-ориентированных концептуальных схем на мировоззрение иных народов стимулирует поиски реальных механизмов связи языка с культурой и мышлением. Рассматриваемая проблема оказывается многоаспектной, она носит концептуальный, эпистемологический характер, а в контексте герменевтических исследований приобретает онтологическое измерение.

Современный глобальный мир остро нуждается в налаживании продуктивного диалога между различными культурами, цивилизациями. Теоретико-методологическое и социально-практическое значение проблемы понимания

иных культур обнаруживается в прилагаемых усилиях по преодолению предрешенности и духовной разобщенности во взаимоотношениях между народами. Рационально-конструктивный подход к данной проблеме ориентирован на выявление возможных условий понимания и интерпретации чужих форм жизни, системы ценностей, верований и стремлений.

Неустанно поиски архимедовой точки опоры для проникновения в мир иной культуры находят свое воплощение в форме разнообразных предложений относительно необходимых предпосылок достижения межкультурной коммуникации. В качестве несомненных условий признаются бессознательные всеобщие грамматические структуры, чувственно воспринимаемая внешняя действительность, объективные логические законы мышления или натуралистически интерпретируемая универсальная человеческая природа. Намечившийся в последние десятилетия в социальных исследованиях поворот к универсализму связан с обнаружением всеобщих «антропологических констант»; тем самым открываются возможности для выхода за пределы оппозиции «свое / чужое» и перехода к модели «свое и иное как вариации обще-человеческого».

Одним из заметных результатов дискуссии по данной теме между сторонниками и противниками позитивистской методологии стал рост недоверия к научному статусу социальных исследований, ориентированных на объективное описание и объяснение значения наблюдаемых социальных феноменов. Так, герменевтика Х. Г. Гадамера и витгенштейнианская социальная наука помогают раскрыть интерпретативную природу социальных исследований. В докладе особое внимание будет уделено анализу особенностей герменевтической и витгенштейнианской методологий в решении проблемы понимания иных культур.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

О. А. МЕЛЬНИК

Одной из особенностей современного мира является глобализация. В условиях глобализации проблема гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений принимает глобальные масштабы и характеризуется поликультурным образованием, позволяющим человеку обрести способность толерантного отношения к инокультурному опыту народов не только своей страны, но и других.

В настоящее время информационное общество формирует новую модель культурного развития, которая характеризуется следующими особенностями:

в социокультурном пространстве развиваются новые типы трансляторов культуры (Интернет, СМИ, субкультуры);

расширяется само социокультурное пространство за счет новых субъектов культурно-образовательной деятельности, конкурирующих с традиционными образовательными институтами.

В связи с усилением межкультурной коммуникации возникает необходимость активного использования средств культуры в формировании новых отношений взаимопонимания и открытости между людьми, а также на уровне социальных институтов, таких как семья, учреждения образования, коллективы организаций.

Под термином «гармонизация межэтнических отношений» понимается:

баланс между этническими и неэтническими практиками;

поликультурализм;

равенство этнических групп в правовом отношении;

преобладание в общественном сознании установок на межэтническое сотрудничество и институционализация отношений межэтнической кооперации в виде различных форм социального партнерства, источником которого являются государственная национальная политика, консенсус в отношении национально-государственного устройства и национальной политики, этническая толерантность.

Наиболее широким и полным в изучении социокультурных процессов представляется подход И. В. Кондакова, который считает, что социокультурные процессы характеризуются тем, что каждая тенденция развития России, начинавшаяся как чисто социальное явление, проецируется в культуру. Затем культурные явления в свою очередь влияют на социальные процессы. Таким образом, происходит сплав социальных и культурных процессов: каждое социальное явление обладает культурной проекцией, и, соответственно, каждое культурное явление находит свой социальный аналог.

К социокультурным предпосылкам гармонизации следует отнести совокупность исторически сложившихся традиций и отношений между представителями различных национальностей, опору на межэтническое сотрудничество, общие ценности, оптимальное соотношение этнической, региональной и общегосударственной идентичности, формирование и поддержание этнических культурных символов (язык, традиционная культура, религия), составляющих основу культуры межнационального общения. Идея гармоничного межэтнического взаимодействия связана с потребностью человечества обеспечить стабильность собственного существования путем снятия напряженности между этносами и религиями и признания ценности каждого человека независимо от его религиозной, национальной и социальной принадлежности.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: «ОТТОРЖЕНИЕ» ИЛИ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»?

Л. Ф. МИРЗАДЕ

В период глобальной интеграции и глобализационных эксцессов под действием миграционных потоков в Европу беженцев из стран третьего мира сохранение культурных различий в европейских странах превратилось в проблему. В Западной Европе существует целый ряд проблем в отношениях между мигрантами и местным населением. Идея Х. Каллена о подлинно свободном, демократическом, культурно-плюралистическом обществе, в котором люди стремятся жить среди представителей различных этносов и рас, в странах Западной Европы терпит крах. Европейские политики выражают обеспокоенность по поводу разрушения многовековых культурных устоев и развитых культурных традиций. Главы европейских государств говорят о несостоятельности мультикультурализма. Однако гуманистические идеи продолжают быть. Профессор Р. Саква предлагает смотреть на политику мультикультурализма как на широчайшую возможность диалога между различными элементами общества. В таком ракурсе мультикультурализм может стать эффективным средством сохранения жизнеспособного государства для многих стран Запада. Требуются новые идеи и современные подходы к проблеме. Необходимо учитывать историческую данность национального состава населения, палитру конфессий, культурных взаимодействий, ментальность коренной нации.

Так, мультикультурализм в азербайджанском обществе имеет прогрессивное развитие, Баку является центром межкультурного диалога. Обратим внимание на то, что исторические корни населяющих народов представлены переплетением европейских культур: немецкой, греческой, шведской, эстонской, литовской, латышской, чешской и других. Одним из важнейших факторов в социальной жизни представителей европейских народов являлась толерантность азербайджанцев. Европейские общины всегда имели свободу вероисповедания, возможность возведения церквей и храмов в городах и сельских поселениях, осуществляли хозяйственную деятельность, сохраняли национально-культурные ценности и мирно проживали в мультикультурном пространстве Азербайджана. Более того, сама политика азербайджанского государства ориентирована на тесное взаимодействие самых разнообразных культур через социокультурную согласованность ценностей и приоритетов.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

И. Б. МИХЕЕВА

Диаспоры следует рассматривать как специфические этнические группы, оказавшиеся в роли национального меньшинства в иноэтничном окружении и олицетворяющие противоречивые тенденции консолидации и ассимиляции своей общности [1]. В этой связи вопросы взаимодействия органов власти и диаспоры целесообразно раскрывать прежде всего сквозь призму законодательства и институциональной структуры, характерных для государственной политики, проводимой в отношении национальных меньшинств.

Белорусы являются одним из национальных меньшинств в Польше, традиционно проживающим на юго-восточных территориях Подляского воеводства. В рамках проведенной в 2011 г. Национальной переписи населения и жилья белорусскую национальность заявили 43880 польских граждан [2]. В Польше ведется обширная работа по налаживанию и совершенствованию взаимодействия органов государственной власти и организаций белорусской диаспоры. Так, нормативно-законодательная база, регулирующая их взаимоотношения, представлена целым рядом документов, и прежде всего Конституцией Республики Польша (ст. 35); Законом от 7 сентября 1991 г. «О системе образования»; Законом от 29 декабря 1992 г. «О телерадиовещании»; Законом от 7 октября 1999 г. «О польском языке»; Законом от 29 августа 1997 г. «О защите персональных данных»; Законом от 6 января 2005 г. «О национальных и этнических меньшинствах, а также о региональном языке» и др. [3].

Основным правовым актом, регулирующим политику государства в отношении национальных диаспор (национальных меньшинств), включая белорусскую, является Закон «О национальных и этнических меньшинствах, а также о региональном языке» [4]. На основании положений Закона и соответствующих подзаконных актов белорусская диаспора (белорусское меньшинство) имеет право использовать белорусский язык как вспомогательный в 12 гминах Подляского воеводства (например, в городской гмине Хайнувка (Гайнаўка) с 3 декабря 2007 г., гмине Чиже (Чыжы) с 8 февраля 2010 г., гмине Наревка (Нараўка) с 16 июня 2009 г., гмине Орля с 7 мая 2009 г. Кроме того, с 11 января 2011 г. в этой же гмине действует белорусская номенклатура для некоторых местностей – 27 географических названий на белорусском языке наряду с польскими названиями [5].

На институциональном уровне организации, занимающиеся разработкой и реализацией политики в отношении диаспор в Польше, представлены такими структурами, как Департамент по делам религиозных конфессий и национальных и этнических меньшинств в Министерстве внутренних дел и адми-

нистрации; Отдел национальных и этнических меньшинств Департамента по делам религиозных конфессий и национальных и этнических меньшинств в Министерстве внутренних дел и администрации [6]; Совместная комиссия Правительства и национальных и этнических меньшинств и проч. На территории Польши также функционируют институты и организации, работающие в сфере противодействия этнической дискриминации (например, Уполномоченный Правительства по вопросам равного обращения; Уполномоченный по гражданским правам и т. п.).

Литература и источники

1. Чаптыкова, Т. И. Национальная диаспора как объект этносоциологического исследования: автореф. дис... канд. социол. наук. – М., 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-diaspora-kak-obekt-etnosotsiologicheskogo-issledovaniya#ixzz42yQiby7b>. – Дата доступа: 10.06.2017.

2. Официальная страница Отдела национальных и этнических меньшинств Министерства внутренних дел и администрации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/mniejszosci/charakterystyka-mniejs/6480>, Charakterystyka-mniejszosci-narodowych-i-etnicznych-w-Polsce.html#bialorusini. – Дата доступа: 10.06.2017.

3. ISAP (Baza Internetowy System Aktów Prawnych – ISAP) // [Electronic resource]. – Mode of access: <http://isap.sejm.gov.pl/>. – Date of access: 10.06.2017.

4. Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [Electronic resource]. – Mode of access: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=W-DU20050170141>. – Date of access: 10.06.2017.

5. Rozporządzenie Ministra Administracji i Cyfryzacji z dnia 13 grudnia 2012 r. w sprawie wykazu urzędowych [Electronic resource]. – Mode of access: nazw miejscowości i ich części <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=W-DU20130000200>. – Date of access: 10.06.2017.

6. Официальная страница Отдела национальных и этнических меньшинств Министерства внутренних дел и администрации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/>. – Дата доступа: 10.06.2017.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

И. М. НАЛИВАЙКО

Межкультурная коммуникация, как известно, сравнительно недавно становится объектом теоретического интереса, что определяет как относительно неустойчивый объем самого понятия, так и подвижность методологии, применяемой для ее исследования. Вовлеченность в сферу межкультурной коммуникации различных пластов социальной жизни предполагает междисциплинарный характер теории социальной коммуникации, что таит в себе одновременно огромный прогностический потенциал и определенные методологические вызовы. Тем не менее интерес к этой проблематике неизменно растет, так как эпоха глобализации как таковая и массированные миграционные процессы

последних лет делают задачу построения эффективной модели межкультурной коммуникации более чем актуальной.

Действительная межкультурная коммуникация протекает в пространстве повседневности с ее текучестью и изменчивостью момента и, одновременно, – с ее повторяемостью и устойчивостью, с ее укорененностью в определенном месте и – со способностью занимать место Другого. То, что повседневность в данном случае является очень многообещающим полем исследования, подтверждается и тем фактом, что сбой межкультурной коммуникации оборачиваются жесткими конфликтами в повседневной жизни. И, наоборот, удачная модель межкультурной коммуникации обеспечивает бесконфликтное сосуществование различных культур в рамках одного локуса.

Субъект коммуникации в повседневности представлен в единстве своих ментально-телесных характеристик, что дает новые возможности для понимания специфики и взаимосотнесенности вербальной и невербальной коммуникации. Специфическая анонимность субъекта повседневности выводит на свет значимость типических форм коммуникации, логики прецедента и здравого смысла. И, главное, коммуникация в повседневности растворена в каждодневных практиках, из которых и состоит повседневная жизнь. А они, согласно французскому теоретику культуры М. де Серто, носят тактический характер. Это означает, что они прочерчивают множественные анонимные ходы между стратегическими линиями, установленными социальными институтами, адаптируя культурное производство последних к своим нуждам и обстоятельствам. Они реализуют особую модель времени – кайрос – схватывание удобного момента, вплетая человека в это анонимное потребление и утверждая парадоксальную «силу слабых». В данном случае коммуникация протекает как ежедневная адаптация устойчивых и повторяющихся коммуникативных моделей, их индивидуальное присвоение и потребление «здесь и сейчас» и, тем самым, продуцирование понимания конкретных людей в конкретном хронотопе.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

М. Ю. НЕВЕЛЁВ

Вопросы религиоведения и философии религии актуальны сегодня более, чем когда-либо. На сегодняшний день данная область знания представлена значительным количеством теорий, часто не совместимых одна с другой. Актуальная задача здесь состоит сегодня в формировании единой платформы для примирения различных точек зрения.

В предлагаемом подходе религия рассматривается как продукт становления индивидуального сознания, личности, Я; религиозное отношение – это

то, что возникает в процессе становления Я. Более детально процесс выглядит следующим образом. Я-единичное, индивидуальное отделяется от Я-коллективного, родового и от его судьбы, Я колеблется между двумя возможными, но исключаящими одна другую формами: смертным Я-единичным и бессмертным Я-коллективным («Мы»), замещенным концептом «Бог». Отделение проявляется в колебательном процессе, повторяющемся цикле, фазы которого согласуются с обычным порядком проявления психической активности: от созерцания до поступка.

Религия и религиозность изначально проявляются и сохраняются там, где Я, уже будучи включенным в колебательный процесс, развернувшийся в сознании, избирает для своего пребывания сторону коллективного, т. е. остается на той стороне, в отделении от которой оно себя впервые осознает предельно ясно. Неизбежный процесс возвращения индивидуального сознания, его маскирования в «тени» коллективного и нового отпадения образует глубинную основу всей области религиозных отношений.

Предлагаемый подход включает в себя построение модели религиозного сознания. Моделирование состоит в выявлении минимального количества элементарных факторов, которые запускают указанный цикл, влияют на его частоту, длительность и соотношение фаз, и в последующем построении схемы их возможного взаимодействия. Эти факторы трудно охватить одним родовым понятием, но большинство из них, вероятно, могут быть согласованы с юнгианским понятием «архетип». Это некоторое суждение, включающее архетип, или архетип в динамике, архетип + предикат, например: («Бог есть», «Я есть» и др.). Указанные факторы, будучи выражены в суждениях, взаимодействуют между собой на логическом уровне, то есть посредством логических элементов «И», «ИЛИ», «НЕ».

Изучение религиозного сознания на модели способствует пониманию того, что религия – это не только отношения с Богом, или это продукт страха, или разделение мира на сакральное и профанное (Дюркгейм), или потребность в объекте поклонения (Фромм), или, наоборот, потребность в доминировании (Адлер), или благоговение (Шлейермахер), или коллективный невроз (Фрейд). В некотором смысле это все перечисленное и еще многое другое.

Модель наглядно представляет конкретный материал по каждому из возможных аспектов, позволяет детально рассмотреть образование различных форм религиозности, увидеть возможную динамику религиозного сознания и условия выхода из религиозного круга, исследовать отдельные участки работы сознания, невидимые при иных условиях, способствует переходу на новый уровень понимания всей сферы религиозного.

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

И. И. ОСИНСКИЙ

Проблема евразийства относится к числу наиболее обсуждаемых в современном российском обществоведении. Впервые идея евразийства была сформирована в 1920–1930-х годах в среде русской эмиграции. Ее создатели видели Евразию социумом, основанным на гармоническом сочетании коллективной и частной собственности, с федеративным однопартийным государством под управлением правящего отбора, выдвигаемого непосредственно народом, с соборностью как высшим социальным и духовным принципом. В последующем евразийские идеи получили развитие в работах Л. Н. Гумилева. Позже с новым пониманием евразийской идеи выступил Президент Казахстана Н. А. Назарбаев, определивший ее как основу формирования Содружества Независимых Государств с целью развития экономических, политических и культурных связей между ними. В России возрождение евразийства было связано с появлением в 1990-е годы исследований А. Г. Дугина, А. В. Логинова, С. И. Данилова, А. С. Панарина, И. А. Исаева и др., созданием общероссийского общественного движения «Евразия». Это движение нашло свою поддержку в ряде выступлений высшего руководства Российской Федерации.

Разработанное евразийское учение, по мнению его авторов, носит комплексный, многоплановый характер: сущность евразийской цивилизации заключается не в религии, культуре, государственности, хозяйственном укладе и географическом положении, а в системных связях всех указанных факторов, предопределивших менталитет и исторические судьбы народов евразийского пространства (А. В. Логинов).

Наряду с теоретическими поисками в области евразийства осуществляются различные формы интеграции государств на практике. В их числе Союзное государство Беларуси и России, Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕвроАзЭС), Зона свободной торговли СНГ (ЗСТ) и др. Некоторые аспекты евразийства используются и в самой России.

В то же время в печати высказывается немало спорных, а то и просто неприемлемых предложений. Некоторые хотели бы видеть в лице Евразии империю, другие – идеократию, третьи считают, что при создании Евразии не обязательно соблюдать принципы добровольности, права человека и многое другое.

По нашему мнению, Евразия – это не узколокальное образование, а максимально широкое, создаваемое без принуждения, исключительно добровольно в целях реализации каждой страной собственных интересов и потребностей. Это объединение должно быть в подлинном смысле слова содружеством равноправных государств. Евразия – не синоним России. Несмотря на значимую роль России во многих сферах содружества, в первую очередь в области

экономики, политические отношения внутри содружества не должны носить русскоцентрический характер, иначе такое содружество будет непрочным и недолговечным. Очень важно, чтобы в содружестве господствовал климат взаимного доверия. Необходимо преодолевать элементы конфронтации между Россией и Европой, развивать взаимовыгодное сотрудничество. Несомненно, что как Россия нуждается в Европе, так и Европа нуждается в России.

В этой связи нельзя не согласиться с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, который отметил, что только сочетание фундаментальных основ европейской цивилизации и многовекового опыта взаимодействия с Востоком позволит России исполнить роль, предписанную ее цивилизационной моделью.

ЦИКЛЫ ВОСТОК–ЗАПАД В ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИОДИНАМИКЕ

В. Л. ПЕТРУШАК

Значимую роль в мировой истории играет взаимодействие Запада и Востока. Оценивая социокультурные основания противоположности этих регионов, К. Ясперс отметил, что в различных модификациях их изначальная поллярность сохранила свою жизненность на протяжении веков. «Греки и персы, деление Римской империи на Западную и Восточную, западное и восточное христианство, Западный мир и ислам, Европа и Азия... таковы последовательно сменяющие друг друга образы этого противоречия» [1, с. 115–116].

Динамика взаимоотношений этих двух гецивилизаций подчинена определенным 800-летним циклическим ритмам, что порождает различие двух принципов мироустройства, присущих бытию народов, населяющих эти территории. Так, Восток сформировал принцип коллективизма, связанный с процессом единения и организации человеческих сообществ, а Запад развивал принцип индивидуализма и свободы. Это обстоятельство породило пять волн экспансий во взаимоотношениях Азии и Европы на протяжении последних 3,5 тыс. лет, что обусловлено их различной ролью в истории. А. С. Панарин отметил, что «различие Запада и Востока, возможно, имеет для человечества то же значение, что и различие левого и правого полушарий человеческого мозга. Вестернизировать мир, сделать его однополярным – то же самое, что и сделать наш мозг однополушарным, лишенным его правой, образно-интуитивной структуры» [2, с. 69–70].

Подобные различия возникли в результате особенностей ведения хозяйственной деятельности, в различных географических и природно-климатических условиях этих регионов мира. Так, долины крупных рек Востока (Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Ганг, Янцзы, Хуанхэ) создавали условия для развития поливного земледелия, что вело к формированию жесткой централизованной власти. Основой социокультурной системы Запада стала принципиальная (хотя и выступающая в разных исторических формах) автономия семейных

хозяйств, обусловившая формирование социально-экономической самостоятельности хозяина-собственника. В этой связи обоснованно предположение, что периодические изменения климата, которые влияют на хозяйственную деятельность людей, создают условия для переселений народов этих территорий как носителей определенных принципов мироустройства, что и порождает восточно-западные циклы мировой истории.

Литература и источники

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. Левина М. И. – М.: Политиздат, 1991.
2. Панарин, А. С. Восток–Запад: циклы большой истории / А. С. Панарин // Новая Россия. – 1998. – № 1. – С. 65–76.

КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В XXI в.

Т. А. ПРАЦКЕВИЧ

Концепция мультикультурализма, находящаяся в центре социокультурной полемики на протяжении нескольких последних десятилетий, очевидно, была выстроена на фундаменте самых лучших намерений в отношении гетерогенных с этнической точки зрения обществ. Тем не менее на данный момент подобный стратегический подход подвергается многосторонней критике. Некоторые теоретики и практики открыто заявляют, что он исчерпал себя и более не отвечает потребностям современной социокультурной действительности. Усложненная и расцвеченная возможностями и направлениями движения культурных паттернов структура осталась по сути наполнена прежним эволюционистским содержанием.

Рубеж XX–XXI вв. можно без преувеличений назвать поворотным периодом в научном осмыслении структуры и динамики социокультурных процессов. Фигурационный подход к социологии (Н. Элиас) [4], отрицание окончательности возведенных общественных систем (Ж. Бодрийяр) [3], осознание динамичности и гибкости социокультурных процессов (З. Бауман, У. Бек) [1; 2] не только трансформировали существующие аккультурационные модели, но и привели к глубинному пересмотру мировоззренческих оснований. Наступившая эра космополитизма привнесла в поле межкультурной коммуникации новые установки, среди которых: отказ от ранжирования этносов и культур в рамках дихотомии «большинства» и «меньшинства», «своего» и «чужого»; категориальное разведение понятий гражданской и национальной / этнической принадлежности; признание индивидуальности инкультурационных и аккультурационных историй; приоритет логики «включающей дифференциации» при определении аккультурационных стратегий индивидуумов; освобо-

ждение процесса культурной самоидентификации от общественных детерминаций при сохранении прозрачности и определенности социальных регуляций.

Следует подчеркнуть, что глобализационные процессы, диффузия культурных паттернов и включенность мирового социума в сети средств массовой информации и коммуникации делают вопрос национальной / этнической самоидентификации и выработки эффективных межкультурных компетенций актуальным для всех членов глобального социума. Несмотря на ряд объективных предостережений со стороны научного сообщества, космополитизм, реализуемый на практике под эгидой приоритета прав человека и принципов межкультурного диалога, видится наиболее адекватным ответом на вызовы растущей поликультурности прежде относительно однородных сообществ.

Литература и источники

1. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008.
2. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
3. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма / Ж. Бодрийяр // Lib.ru: «Современная литература» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/esprit_du_terrorisme.shtml. – Дата доступа: 17.06.2017.
4. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас. – СПб: Университетская книга, 2001.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Е. В. РАДЕВИЧ

Глобализация культуры – особый, сложный процесс, который носит системный характер. Трансформация социокультурной реальности имеет более серьезные и долгосрочные последствия в отличие от изменений в экономической или политической сферах.

Глобализация вызывает к жизни новые формы культурного самовыражения, а также актуализирует самобытные национальные черты. В своих работах Р. Робертсон утверждает, что глобализация часто реанимирует местные культурные особенности и называет этот процесс глокализацией (Р. Робертсон, У. Бек), ярким выражением которой стал принцип мультикультурализма.

Усиление тенденции локализации в условиях становления глобального социокультурного пространства свидетельствует о том, что глобализация на современном этапе социодинамики становится фактором дивергенции мирового сообщества и проявляется в таких негативных явлениях, как сепаратистские и фундаменталистские движения, постоянно усиливающиеся военные конфликты (Сирия и Украина), а также недавнее решение одной из стран Евросоюза прекратить в нем свое участие (Великобритания). Кроме того,

дивергентные процессы в мире усиливаются благодаря тем вызовам, с которыми сталкивается человеческая цивилизация на рубеже столетий: мировой финансово-экономический кризис, эколого-климатические проблемы, которые обостряются параллельно с интенсивным технологическим развитием человечества, гуманитарный, ресурсно-сырьевой и энергетический кризисы, усиление терроризма. Эти вызовы современной цивилизации обостряются в эпоху глобализации, что позволяет сделать вывод о том, что именно глобализация не только форсирует, но и порождает многие из этих кризисных ситуаций.

Будучи явлением динамическим, глобализация культуры получает весьма неоднозначные оценки в современном социогуманитарном знании. Можно выделить основные этапы изучения данного феномена. Во-первых, это этап генезиса основных, ставших уже классическими, концепций глобализации; во-вторых, своеобразный оптимистический период, оценивающий глобализацию как процесс объединения мирового социокультурного пространства, способствующего установлению межкультурных связей; в-третьих, этап рефлексивной критики, в ходе которого артикулируются негативные последствия данного процесса; и, в-четвертых, этап трансформации образа глобализации, который происходит в последние годы и проявляется в идеях глокализации, макдональдизации, трайбализма и в усилении консюмеризма. В связи с этим философский анализ феномена культурной глобализации позволяет прийти к выводу о том, что на современном этапе социокультурной динамики весьма четко прослеживаются пессимистические взгляды на современную культуру, акцентируются негативные последствия глобальных изменений, что служит еще одним подтверждением того факта, что глобализация сегодня выступает фактором дивергенции мировой цивилизации.

ПРИЗНАНИЕ КАК НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ И КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. М. ПАТНИКОВА

Современные цивилизационные процессы актуализируют необходимость обеспечения приемлемого фундамента для межкультурного диалога, формирования предпосылок для бесконфликтного сосуществования разновекторных религиозных, политических и других позиций. В этом контексте обращение к эвристическому потенциалу концепции «борьбы за признание» А. Хоннета представляется чрезвычайно своевременным и продуктивным.

Понятие «признания» в качестве философской категории встречается уже в гегелевской системе раннего Йенского периода через теории Макиавелли и Гоббса. Вместе с тем длительное время данный концепт не подлежал детальному анализу. В настоящее же время, в связи с обострением межкультурных конфликтов, тема признания приобрела особую значимость в социально-философском и политическом дискурсе.

А. Хоннет полагает, что механизмы социально-культурной динамики могут быть объяснены в соотнесении с нормативными притязаниями индивидуума, которые имманентно присущи отношениям взаимного признания. При этом этапы онтогенетического развития совпадают с филогенетическими: признание является не только залогом обретения человеком Я-идентичности, но и условием обретения обществом большей степени общности, что и выступает критерием его продуктивного развития в историческом процессе.

Первая модель признания – любовь. Базируется на аффективном чувстве и является необходимым условием успешной коммуникации с другими членами социума. Второй тип признания – право. Основа правовой модели признания – признание свободы, прав и автономии другого. Третья модель признания – солидарность. В основании солидарности заложены такие интересубъективные интеракции, субъекты которых взаимно симпатизируют различным способам жизни друг друга. Солидарность на уровне социальной группы обеспечивает толерантность, самобытность и автономность различных культур.

А. Хоннет разрабатывает не только типологию моделей признания, но и соответствующие им формы пренебрежения, которые связаны с ситуацией осознания индивидом того обстоятельства, что его притязания на признание отвергнуты. Именно в опыте пренебрежения философ усматривает причину возникновения межличностного и социального напряжения.

Первая форма пренебрежения связана с телесными переживаниями. Она возникает в том случае, когда индивид попадает в ситуацию владения его телом другим человеком. В результате возникает чувство недоверия к себе и другим субъектам. Второй тип пренебрежения заключается в ограничении субъекта во владении определенным набором прав. Опыт пренебрежения правами определяется утрата чувства самоуважения. Третий вид пренебрежения – социальное унижение: индивиду отказывается в возможности осуществлять тот способ существования, который он избрал, утрачивается чувство собственного достоинства.

Таким образом, краткий обзор данной концепции позволяет утверждать, что она имеет научно-практическую значимость, так как А. Хоннетом не только эксплицированы механизмы возникновения социальных и иных конфликтов, но и предложены эффективные способы их решения.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ИДЕОЛОГИЯ

Э. И. РУДКОВСКИЙ

В приграничном сотрудничестве чрезвычайно важен учет социокультурных факторов. Безусловно, экономическое сотрудничество носит базисный и приоритетный характер. Однако нельзя уповать только на экономические интересы и получаемую хозяйственную выгоду. Сотрудничество предполагает наличие высокого уровня культурного развития местных сообществ пригра-

ничных регионов. Это важно и в рамках строительства Союзного государства Беларуси и России – проекту будущего двух стран необходимо определить идеологические ориентиры.

Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и идеология диалектически взаимосвязаны. Именно идеология формулирует ориентиры того, как обустроить наш общий дом, включая и экономику. Вот почему вопросы идеологического обеспечения евразийской интеграции в целом и приграничного сотрудничества в частности весьма актуальны и требуют обоснованного ответа. Только единое идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы единым содержанием, преодолеть сиюминутный экономический эгоизм по обе стороны границы.

Вопросы места и роли идеологии в жизни современного общества находятся в центре острейших дискуссий политиков, философов, историков. Диапазон мнений весьма широк: от неприятия всяких идеологий до обоснования ее важности и необходимости.

Дело вовсе не в юридической, а в фактической стороне вопроса. Идеология – это атрибут любого государства. Обычно некоторые российские исследователи данной проблемы ссылаются на Конституцию Российской Федерации, которая не предусматривает, как известно, какой-то государственной идеологии. Но не следует ли из этого, что не может быть в обществе ведущей идеологии? К примеру, в Беларуси и России не закреплена в Конституции ведущая роль какой-то религиозной конфессии, однако понятно, что такой конфессией является православие. Как бы мы ни отказывались от идеологии, мы находимся внутри нее. Вопрос только в том, о какой идеологии идет речь. Идеология – это духовное явление, которое может быть обоюдоострым оружием, как, к примеру, обычный нож. Ссылаясь на опыт СССР, можно ли вообще отрицать позитивное значение идеологии в жизни общества?

Не может быть потребительской идеологии не только между людьми, но и между государствами. В противном случае неизбежны торговые войны. В основе идеологических приоритетов могут лежать, на наш взгляд, идеи социальной справедливости, безопасности, процветания стран, сохранения населения, уважения к традиционным ценностям, патриотизм. Полагаем, что патриотизм может стать одной из важнейших идеологических предпосылок единения двух стран. Но что такое союзный патриотизм? Данное понятие нуждается в уточнении, до сих пор нет его единого толкования. Патриотизм будет носить абстрактный характер без ответа на вопрос: какое объединение государств мы строим. Без определения духовных, идеологических приоритетов общества, обращения к исторической памяти, никакие призывы к патриотизму не могут принести практических результатов.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

С. Г. САВИНА

Исторический путь, пройденный народом, откладывается в его социальной памяти и формирует традиционные установки культуры, которым сила традиции придает стабильность и сохраняет в течение долгого времени. Однако в процессе интенсификации культурных контактов между народами происходит формирование общечеловеческих ценностей. Так, культура Византии была в определенной мере первичной по отношению к культуре Руси, отчасти украинской и белорусской культурам. Необходимость консолидации восточных славян способствовала установлению государства вокруг Киева. По мнению Н. Бердяева, это был один из светлых периодов русской государственности, а проникновение Западноевропейской культуры в Россию в XVIII веке сравнивается с приходом византийской культуры в киевскую Русь в X веке. Приняв христианство с Византии, восточные славяне, в большей части это относится к украинскому и белорусскому народам, продолжают расширять свои связи с латинским Западом, используя для этого как династические браки, так и творчество и искусство (например, появление романских элементов в архитектуре белорусских городов). В городе Полоцке были построены первые деревянные православные церкви, а затем и каменная София.

Что касается России, то ее история уникальна и не вписывается в западно-восточные схемы. Практически всю русскую философию можно проинтерпретировать как диалог между западничеством и славянофильством (с момента возникновения этих течений). Начиная с П. Чаадаева, который критически оценил русскую историю, колоссальное отставание в развитии от Запада, происходит оформление двух интеллектуальных течений: западничество и славянофильство. П. Чаадаев считал, что отставание связано с различными верами: у нас православие от «жалкой Византии», в то время как все западные народы «молились Богу на одном языке». В то же время философ считал, что католичество изжило себя, а православие, несмотря на то, что оно стало «домашней религией», способно преподать урок Западу. Таким образом, в полемике западников и славянофилов сформировались две противоположные версии цивилизационной принадлежности России, выбора ее дальнейшего развития.

КУЛЬТУРА КАК «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НИША» ЧЕЛОВЕКА

Л. В. СЕННИЦКАЯ

Немецкий естествоиспытатель и философ Э. Геккель очертил контуры новой науки – экологии, определив природу в качестве ее предмета, а борьбу за существование движущим принципом всего живого. В указанной традиции шло и философское осмысление проблемы глобального экологического кризиса в XX веке, когда отношение человеческого рода к природе в его борьбе

за существование рассматривалось как *внешнее и наиболее разрушительное*. В философско-мировоззренческом плане указанная парадигма была основана на идеологии господства человека над природой, которая представляла не только как среда обитания, но и как материал и инструмент. Поэтому, начиная с деятельности «Римского клуба», речь шла об ограничении воздействия человека на природу, а значит *ограничении мира культуры в пользу первоначальной природы*.

В таком контексте человек оказывается природным существом, а культура – его «экологической нишей», которую он расширяет за счет других обитателей Земли. Однако уже в конце XX века стала складываться область знания под названием «экология культуры», основанная на иных установках. Мировоззренческое различие между «экологией» и «экологией культуры» отражает новые возможности, открывающиеся для человечества в постиндустриальную эру.

Один из представителей экологии культуры Д. С. Лихачев различает природный и культурный срезы экологического знания, именуя их «биологической» и «нравственной» экологией, при этом объединяя природу и культуру в единую среду обитания человека. Советский и российский исследователь писал о том, что «нет четко обозначенной границы между природой и культурой. Разве не влияло на среднерусскую природу присутствие человеческого труда? Крестьянин веками трудился, ласково гладил холмы и доли сохой и плугом, бороной и косой, оттого-то среднерусская, а особенно подмосковная, природа такая родная, приласканная. Крестьянин оставлял леса и перелески нетронутыми, обходил их плугом, и потому они вырастали ровными купами, точно в вазу поставленные» [1, с. 51]. Речь идет о гармонии природной и культурной жизни в малом «ойкосе», патриархальном хозяйстве. Полагаем, что у постиндустриальной цивилизации есть шанс преодолеть барьер между природой и культурой, возведенный цивилизацией. Спасение культуры и спасение природы в таком случае – одна задача. Культура будущего – это уже не ниша, а глобальный «ойкос», преображенный и гармонизированный деятельностью человека.

Литература и источники

1. Лихачев, Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки / Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1985.

THE DISCOURSE OF POP-ROCK / FOLK SONGS IN ROMANIA TODAY, WITH AN ACCENT ON «HIM AND HER»: VALUES AND LIFE DILEMMAS CONCERNING THE YOUNG GENERATION

MONA SIMU

The article intends, in the first place, to show how nowadays Romanian pop-rock love music reflects couple themes (the values they involve: fidelity/ infidelity, love, betrayal, loss, disappointment, materialism, etc.), and to show how and if there are any differences between the male artists and the female artists in the topics of their songs, content, etc. It intends to find out if the discourse and the approached themes are different based on gender; are there new trends in intimacy?

Secondly, it analyzes the discourse of youth's-oriented pop-rock / folk songs in today Romania, looking at songs as part of the media and culture. Popular songs have huge audiences, the artists speaking about the young generation's social problems, dilemmas, preoccupations, reflecting their values, ideas about life, hardships, etc.

The article starts from the idea that culture in itself reflects the «mores» in a society, songs being one of the forms culture is manifested. These songs are popular within the young generation, thus they convey information to the young generation in Romanian society today regarding precisely how they see love, couple relations, feelings, life in general and values in society.

The research work is based on applying content and discourse analysis upon the texts / lyrics of the today most popular Romanian young artists songs, and could bring interesting insights upon young couples, and values in society.

From a preliminary view upon couple issues, it seems romantic love still prevails in a traditional society as Romania; fidelity seem to be still high rated; the male songs are more skeptical, women-critical, reflecting disappointment, even pain; the female songs are being more romantic, though showing new approaches, of female self-assessment; as more «postmodern» issues, «materialism» seem to be rather frequently appearing.

Nonetheless, these songs are covering also issues as family values, money earning, traditionalism vs. «materialism» of the new ages, side-effects of migration and living one's country, «cynicism» of the society today, the struggle of the young generation to successfully combine traditionalism with new values of the postmodern era, in a developing EU member state, but yet traditional society as Romania seems to be today.

The importance of this study lies in providing an image upon the young generation in Romania, upon the society, upon couple relations and values in life, and in the power that discourse analysis has in uncovering social issues in societies, in order to help society and policy makers to reflect on the social problems, weaknesses and issues to address better.

This study also analyzes the struggle for entering adulthood of the young generation in Romania, through the study of popular songs lyrics, with the help of the powerful tool of sociological research.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

М. А. СЛЕМНЁВ

Цель исследования – раскрыть влияние пограничья культур на жизнедеятельность человека и формирование его социокультурного образа. Социокультурная среда, которая одновременно является и результатом, и необходимым условием жизнедеятельности человека, имеет свои темпоральные и топологические границы. Они задаются в первую очередь символами, ценностями, нормами поведения и общения. За их пределами вместо привычных «Мы» и «Свои» живут уже «Они» и «Чужие» с соответствующей степенью ментального, языкового, ценностно ориентированного и других видов социокультурного удаления друг от друга.

Человека, оказавшегося в зоне пересечения различных социокультурных миров, обычно именуют пограничным или маргинальным (от латинского «margo» – край, граница). Логико-семантический анализ работ, в которых используется термин «маргинальное» (Р. Парка, У. Самнера, Э. Стонквиста, А. Шлюца, Э. Хьюза и др.), позволяет указать на существование по меньшей мере трех значений этого термина и, соответственно, выделить столько же типов маргинального человека.

1. Маргинальность как нахождение на краю, в удалении от центра как культурной нормы. Такой маргинал чувствует себя нормально только в своем замкнутом «социокультурном доме».

2. Маргинальность как пребывание субъекта не на обочине культуры, а между различными культурными мирами, один из которых был добровольно или принудительно покинут (например, мигранты). Маргинал этого типа везде «чужой», и его перспектива – полная ассимиляция и манкуртизация.

3. Маргинальность как результат «зажатости» социальных общностей и их представителей между культурными мирами. Для сохранения своей этнической самобытности им приходилось в процессе исторической эволюции вырабатывать защитные социокультурные механизмы. В отличие от маргиналов первых двух типов третий, «андрогинный», является носителем существенных признаков двух культур одновременно.

«Андрогинная» модель «пограничного человека» хорошо резонирует с социокультурными реалиями белорусского общества. С определенными оговорками можно считать, что такие известные ментальные качества белорусов, как этноконфессиональная толерантность, умение ладить с соседями, ориентация на «минимум страданий», а не на «максимум удовольствий», относительная гармония между материальной и духовной сторонами жизни, индивидуализмом и соборностью имеют под собой бессознательную, архетипичную основу, имя которой – пограничность Западно-Восточного образца.

В эпоху глобализации «маргинальный минус» белорусского народа обращивается большим общецивилизационным плюсом. Маргинальность как способность обеспечивать «мирное сосуществование» и творческое взаимодействие различных культур является признаком цивилизованности нации.

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ

Н. А. СМІРНОВ

Одной из тем, которая широко обсуждается в публицистике, научной литературе, стала тема религии и церкви в нашем обществе.

Широко распространено мнение, будто возрастание симпатии к религии вызвано активизацией церковной проповеди, освобожденной от прежних

ограничений и запретов. По-видимому, причины сложнее. Изменение образа церкви в общественном мнении есть закономерное и естественное следствие политики демократизации.

Следует учитывать и изменения, происшедшие в социальной психологии и общественном сознании людей. На первый план выступили общечеловеческие нормы морали, проповедуемые церковью, ее миротворческая деятельность, интерес к национальной истории, культуре белорусского народа и т. д.

Однако говорить о том, что обращение к религии оказывает серьезное влияние на поведение людей в политической, социальной, трудовой, семейно-бытовой жизни, не приходится.

Тем не менее степень религиозности, а следовательно и степень влияния религии на население Республики Беларусь достаточно высока.

Отметим также, что нынешние религиозные представления далеко не всегда возникают как результат непосредственного воздействия церковной пропаганды. Формирующееся религиозное мировоззрение современного общества включает в себя широкую гамму философских, художественных, этических идей, выступая в качестве компенсатора того, что суммарно определяется как бездуховность.

Нет сомнения, что вера в бога у определенной части населения по-прежнему и по-своему снимает чувство отчуждения и социальной напряженности. Сегодня можно констатировать растущую симпатию к религии, к церкви и верующим.

Однако социологические исследования, проведенные в различных районах нашей республики, фиксируют и другой весьма примечательный факт: далеко не все респонденты безоговорочно признают пользу религии.

Огромная роль в системе религиозного воспитания отводится религиозной обрядности. Известно, что религиозные обряды совершают и некоторые неверующие люди. Они не осознают их религиозного содержания, а воспринимают во многих случаях как старинную «народную», «национальную» традицию.

Немаловажная роль в закреплении религиозных верований принадлежит религиозным институтам. Институт церкви в прежние времена очень тесно ассоциировался с важнейшими жизненными событиями, придавал им духовный смысл и социальную интегрированность.

Интерес к церкви, к церковной истории и искусству и как результат этого посещение храма, поиски духовности естественно приводят к нашим истокам: национальной культуре, истории, философии, религии.

БЕЛОРУСЫ В СОВЕТСКОМ ДОВОЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТИЗАЦИИ

Т. М. СМИРНОВА

Санкт-Петербург играет особую роль в становлении и развитии белорусской культуры, а до начала XX века был даже своеобразной культурной столицей Белоруссии. С середины XX века по настоящее время белорусы составляют одну из самых крупных этнических групп многонационального мегаполиса. Советская довоенная история города дает интересный пример организации культурной жизни белорусов – Белорусский Дом просвещения (ДПР) (1928–1936 гг.), государственное национальное клубное учреждение высшего уровня, открытый осенью 1928 г. В этот период в Ленинграде проживало 28 тыс. белорусов. При Белорусском ДПР в 1933–1935 гг. работало Центральное правление Белорусского землячества пролетарских студентов (БЗПС).

Государственные учреждения и общественные организации с национальной спецификой вне Белорусской ССР существовали в советской системе в контексте проводимой политики коренизации, направленной на советизацию всех народов страны на их родных языках, воспитания национальных кадров и формирования общей социалистической культуры в национальных формах. В соответствии с этим работа Белорусского ДПР была ориентирована на воспитание идеологически и политически выдержанного советского человека – белоруса по национальности. Для достижения этой цели в ДПР проводилась политико- и культурно-воспитательная работа среди ленинградских белорусов, частично на русском, частично на родном языке. Родной язык был основным в богатой художественной жизни ДПР: в работе хорового, драматического, литературного, музыкальных кружков, оркестра народных инструментов и концертной бригады. Их репертуар состоял из национальных (народных и авторских) и переводных произведений преимущественно русских советских авторов. Свои работы кружковцы демонстрировали на вечерах в ДПР, выступали на предприятиях со значительным количеством белорусов, а также на интернациональных и общегородских мероприятиях. Активными участниками работы ДПР были не только белорусы, но и представители других национальностей (русские, украинцы, поляки, евреи) – выходцы из Белорусской ССР. Студент Театрального техникума Марк Фрадкин в 1934–1935 гг. возглавлял концертную бригаду Белорусского ДПР.

В условиях новой социально-политической реальности в середине 30-х годов XX века произошло изменение советской национальной политики – коренизацию сменила унификация, затронувшая прежде всего национальные меньшинства, проживающие вне территории своих титульных государственных образований. Летом 1936 г. было принято постановление бюро ЦК КП(б) Белоруссии о нецелесообразном существовании белорусских клубов и землячеств в Москве и Ленинграде, и Президиум Ленсовета постановил закрыть Белорусский ДПР.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

И. Э. СОКОЛОВСКАЯ

В современном мире периодически используется авторитет религии в целях политического экстремизма, что наблюдается не только в исламской среде. Проблема этноконфессиональной идентичности приобретает особую остроту во время социальных и национальных конфликтов и противоречий. Важнейшей причиной конфликтных ситуаций являются трудности социальной адаптации и интеграции в иной этноконфессиональной среде. Основным фактором преодоления подобных противоречий и конфликтов является решение социально-экономических проблем, политические преобразования, признание легально находящихся в стране иммигрантов полноправными гражданами. Необходимо осуществление реальной социальной адаптации и интеграции, обеспечивающей всех граждан страны равными правами.

Сегодня практика толерантного сосуществования различных религий и этносов при сохранении их самобытности значительно расширилась. Толерантность базируется на признании, уважении прав и свобод всех людей и общностей; она является признаком уверенности человека в надежности своих позиций, отсутствия боязни сравнения и конкуренции с другими воззрениями, боязни утратить свойственные ему различия. Действенный подход в осуществлении толерантного сосуществования предложил советский и российский религиовед и философ М. П. Мчедлов. С нашей точки зрения, такой подход может стать предпосылкой свободного самоопределения личности в иной этноконфессиональной среде и соответственно основой для диалога, сотрудничества последователей различных религий, культурных традиций. Именно такую установку разделяет большинство российских верующих разных религиозных культур.

Анализ нарративов, «санкционирующих» религиозные или атеистические представления, позволяет наметить направления проводимых мероприятий по оптимизации религиозной идентичности и пути достижения подлинной толерантности.

СОВРЕМЕННЫЙ «ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ» И МИР ПРИВЫЧНОГО

С. В. СОЛОВЬЁВА

В обыденной жизни современного человека суждения вкуса все реже отсылают к эстетической способности и все более содержательно девальвируются и редуцируются к чувственному опыту в сфере гастрономии, суждениям в бинарной оппозиции вкусно–невкусно. Множественность гастрономического опыта горожанина создает в его сознании ложное состояние индивидуальной

искушенности в отношении культуры питания, хотя последняя остается одним из самых верных столпов традиции.

Доступность и многообразие продуктов питания привела к тотальной эстетизации гастрономической культуры в среде обывателей. Современный процесс производства и потребления еды включает в себя не только технологию приготовления, рецептуру блюд, форму их подачи, но также поток кулинарных шоу, экспертиз продуктов питания и их производителей, разнообразие гастрономических предложений на рынке общественного питания. Теперь каждый хочет или должен хотеть почувствовать себя гурманом и экспертом. Если ресурсы домашней кухни не позволяют это сделать, натываясь на границы мастерства, то институты общественного питания готовы компенсировать этот изъян, действуя в рамках финансовых возможностей потребителя. Эксклюзивный опыт гурмана становится массовым. Демократизация же неминуемо ведет к потере качества, смысловому огрублению и девальвации. Пережить нечто похожее на опыт гурмана, эксперта в гастрономии кажется проще в сравнении с другими видами эстетического опыта, ранее сопутствующими аристократической культуре и сопровождающими такие искусства, как опера, живопись, графика, балет и др.

Известная пословица «щи да каша – пища наша», сопровождающая солдатский и крестьянский быт, никак не может характеризовать современный подход к питанию, тем более гурманству. Если репертуар продуктов и блюд чрезвычайно лаконичен, то экономика, рынок и потребление начинают формировать гастрономический концепт «здоровая еда» или «постный стол». Здесь также тренируется чувственность, дифференцируются тонкие различия вкусов, выделяемых среди разных производителей бутилированной воды, экологически чистой крупы, прочих маркетинговых достижений рынка питания. В этой гастрономической сфере чувственной жизни легко представить себя гурманом и экспертом.

«Гастрономический мультикультурализм», ставший частью обыденного питания, связан с потреблением симулякров национальных кухонь, оторвавшихся от места производства исходных продуктов и технологии. Конвейерная еда, внешне наполненная обаянием национальной культуры (грузинский стол, белорусская или русская кухня) – вот один из символов, ставших предметом эстетизации обывателя.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

В. В. СТАРОСТЕНКО

В современном отечественном религиоведении сохраняет актуальность как традиционная проблематика, связанная с теоретическими вопросами философии, социологии, психологии, феноменологии религии, ретроспекцией истории религии, свободомыслия и свободы совести, так и тематика, сопряженная с исследованием современных конфессиональных процессов

в контексте различных областей духовной культуры, идеологии и политико-правовой сферы жизнедеятельности общества. Среди таких тем, включающих практическое религиоведение, могут быть, в частности, выделены:

специфика религиозности современного белорусского общества, в том числе в молодежной среде, разработка соответствующей социологической методологии, предполагающей комплексный анализ критериев, объективный учет формальной религиозной самоидентификации;

влияние религии и конфессиональных ценностей на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа;

феномен «религиозно-церковного ренессанса» в Беларуси рубежа 1980–1990-х годов и его инерция в религиозной жизни, тенденции и динамика развития современных конфессиональных процессов;

актуальное состояние конфессий и конфессиональное районирование Беларуси, анализ религиозной специфики регионов страны;

взаимовлияние религиозных и национальных ценностей, феномен этноконфессиональных сообществ в современной Беларуси;

религиозный «традиционализм» и «модернизм» в контексте как общей конфессиональной структуры республики, так и существующих тенденций в жизнедеятельности конкретных конфессий;

состояние межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений, включая контекст сохранения гражданской идентичности белорусского народа;

развитие свободомыслия в отношении религии, процессов секуляризации и клерикализации культурной жизни, образования, науки, социальных и политических институтов;

взаимоотношение на современном этапе науки и теологии, религиоведческого и богословского знания, в том числе в условиях вызовов светскому характеру национальной системы образования;

практика реализации свободы вероисповедания и свободы атеизма, возможности совершенствования правового обеспечения свободы совести и деятельности религиозных организаций;

современные вызовы религиозного фундаментализма, радикализма и экстремизма в контексте обеспечения национальной государственной безопасности;

методология и принципы функционирования экспертного религиоведения.

НЕГАТИВНАЯ И ПОЗИТИВНАЯ РОЛЬ СУГГЕСТИИ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЭТНОСАМИ И РЕЛИГИОЗНЫМИ ГРУППАМИ

Н. Д. СУББОТИНА

Феномен суггестии (внушения) является одним из атрибутов человеческого существования, и роль его преимущественно положительна, прежде всего благодаря способности сохранять единство группы, начиная от малой и заканчивая государством или группой государств. Суггестия – это способ включения инстинктивного подчинения. Она возникла в результате объединения естественного механизма регуляции поведения, присущего всем коллективным животным, и человеческой членораздельной речи.

Изначально суггестия формировалась для самосохранения группы, где другие группы воспринимались как враждебные. В настоящее время польза или вред суггестии в отношениях между группами полностью зависит от содержания коллективных представлений. При отсутствии разъясняющей работы люди легче верят в негативную информацию. Поэтому в таких случаях внушение чаще приносит вред, нежели пользу. Примерами вреда являются межэтнические, межконфессиональные конфликты, негативные стереотипы в представлениях о других этносах, конфликты подростковых группировок. Внушение негативных представлений о других является одной из причин возникновения бандформирований, сект, экстремистских и террористических организаций, а также гражданских и иных войн. Распространение гуманистических идеалов, личные контакты способны разрушить подобные негативные представления. Однако, к сожалению, в критических ситуациях такие представления легко восстанавливаются.

Суггестия в политике играет огромную и все возрастающую роль благодаря расширению возможностей СМИ манипулировать массовым сознанием. Политические и иные межгрупповые отношения способны перейти на уровень естественно-групповых отношений, то есть человеческих отношений, в которых проявляются некоторые естественные закономерности (конформизм, огруппление мышления и прочее). Эти закономерности являются причинами как совместной деятельности по достижению общих целей, взаимной поддержки, подвигов, так и ксенофобии, национализма, межгрупповых конфликтов, войн и подобных негативных социальных явлений. Такие взгляды и такое поведение характерны в большей степени для замкнутых организаций. Огруппление мышления в них приводит к искажению картины внешнего для группы мира, который воспринимается враждебным и угрожающим. Существует опасность вовлечения в такие группировки молодежи, более легко поддающейся внушению. Вывод: пока сторонники терроризма и экстремизма будут находиться в своей замкнутой группе, подпитывая с помощью суггестии свои взгляды, они от терроризма не откажутся.

Более того, благодаря расширению возможностей современных СМИ распространять не только позитивные, но и негативные идеи, огруппление мышления способно охватить представителей целой конфессии, или целого государства, когда формируется негативный образ жителей соседних стран, ранее воспринимавшихся как братский народ.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

СУНЬ ЯНЬ

Взаимодействие Китая и России детерминировано не только географическим расположением (пограничные территории), но и историческим развитием. В связи с культурным обменом между обеими странами ученые Китая актуализируют проблему восприятия и понимания русской культуры.

При анализе исторических факторов формирования русской культуры китайские ученые обращаются к работам Н. А. Бердяева и рассматривают элементы, составляющие ядро содержания русской культуры: соборность, религиозность, отсутствие умеренности и впадение в крайности, высокая сдержанность и терпение, всемирная отзывчивость. Китайские исследователи полагают, что религиозное сознание способствует возникновению таких черт русского национального характера, как доброта, честность, гуманность, помощь окружающим, терпеливость [1].

Наибольшее воздействие русская культура оказала на северо-восточный регион Китая, так как здесь были сконцентрированы русские эмигранты и сюда после Октябрьской революции вернулась значительная часть китайских эмигрантов. Вместе с ними на северо-восток Китая пришла русская культура.

Влияние русской культуры тесно связано с историей становления и развития Харбина. Этот город стал центром проживания русских эмигрантов и сыграл важную роль в распространении русской культуры на северо-востоке Китая. Ни в одной другой стране рассеяния эмиграция не получила такого признания в среде, отличающейся от русской своими национальными, бытовыми и культурными ценностями [2, с. 156]. Среди эмигрантов было много представителей творческой интеллигенции, для которой культура стала важнейшей частью национального самосознания.

Особенное значение для взаимодействия двух культур имело заключение китайско-русского договора об организации железнодорожных компаний в восточной провинции. Строительство КВЖД началось в 1896 г., а в 1903 г., к окончанию строительства, численность русского населения в Харбине достигла 30 тыс. человек. Русские харбинцы в значительной мере стимулировали развитие экономики и культуры на северо-востоке Китая. Расположенный по линии железной дороги Харбин начал быстро развиваться, появлялись

и другие города, в которых распространялась русская культура: Цицикар, Муданьцзян, Суйфэньхэ.

В конце XIX – начале XX в. русская культура начала оказывать всестороннее влияние на Китай, в частности на северо-восточные регионы, автономный район Синьцзян, города Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Ухань, Циндао [3]. Российская православная церковь в процессе своей миссионерской деятельности в Китае тоже содействовала в определенной степени китайско-российскому культурному обмену [4].

Русская культура пронизывает практически все сферы жизни северо-восточного населения Китая, особенно заметно влияние в сфере образования, языка, литературы, искусства, городской архитектуры, а также в стиле одежды и питания [5].

В настоящее время идет формирование нового синтеза культур Китая и России на приграничных территориях. В ходе развития дружеских отношений КНР и РФ должен сложиться новый тип культуры, который будет оказывать стимулирующее воздействие на развитие социально-экономических отношений двух великих государств.

Литература и источники

1. Чжоу Ли. Дух и дипломатичность русской культуры / Чжоу Ли // Исследования России. – 2010. – № 4. – С. 71–83.
2. Печерица, В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае / В. Ф. Печерица. – Владивосток, 1999.
3. Тан Гэ. Главные образцы распространения российской культуры в северной части северо-восточного региона Китая в конце XIX века / Тан Гэ // Изучение и исследования. – 2003. – № 5.
4. Чжан Фань. Православие и русская культура в Китае / Чжан Фань // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации.
5. Цзинь Дунсю. Обсуждение влияния современной русской культуры на Китай / Цзинь Дунсю // Ши Цзицяо. – 2011. – № 9. – С. 31–32.

ВЛИЯНИЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ НА ПОИСКИ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ж. С. СЫЗДЫКОВА

Наблюдаемое на рубеже веков интенсивное развитие коммуникационных технологий значительно облегчило производство и распространение социально значимой информации и привело к формированию глобального информационного пространства, в которое оказались вовлечены целые сообщества, философские, религиозные и культурные институты.

В то же время глобализация резко обострила проблему национально-культурной идентичности. Мир, возникающий в результате глобализации, может сформироваться как монокультурный мир, чем будет нанесен мощный удар по базовым структурам практически всех национальных культур. Глобализация и взаимопроникновение медиакоммуникации наряду со всеми огромными

возможностями, которые они предлагают, также приводят к новым проблемам: перенасыщенность информацией; унификация, вызванная медийным господством одного языка и одной культуры, увеличивающаяся коммерциализация. Быстрое усовершенствование медиакоммуникации сокращает возможности прямых межсубъектных коммуникаций, но резко увеличивает возможности массовой коммуникации.

С одной стороны, глобализация способствует ускорению и увеличению объема информации, получаемой индивидом, расширению его кругозора. Благодаря новым медиакоммуникациям существуют виртуальные музеи, библиотеки, картинные галереи, концертные залы, которые дают возможность познакомиться с шедеврами культуры независимо от места его нахождения.

С другой стороны, глобализация ведет к углублению культурного неравенства. По уровню образования, обеспеченности персональными компьютерами на душу населения, наличию личных библиотек, доле средств, выделяемых из бюджета, и т. д. страны «золотого миллиарда» на порядок опережают страны-аутсайдеры.

Глобализация углубила различие и в темпах культурного развития между странами-лидерами и аутсайдерами. Если раньше показатели уровня человеческого потенциала постепенно сближались, что рождало определенный оптимизм у тех, кто принадлежал к «третьему миру», то к настоящему времени стало ясно, что страны-аутсайдеры в обозримой исторической перспективе не смогут сблизиться со странами-лидерами, а скорее всего даже будут отставать еще больше.

Глобализация превратила европоцентризм в идеологическое обоснование правомочности претензий Запада на лидирующее положение в мире, осуществление гуманитарной экспансии и насильственное изменение «кодов культур» других народов, которые, по мнению идеологов глобализации, пока живут «вне истории».

Не менее важен, на наш взгляд, и феномен стирания национальных и государственных границ, свойственный нынешнему открытому пространству. Именно на рубеже XXI века произошло «смещение и сближение современных культур Запада и Востока, Севера и Юга, Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

А. М. ТИМОХИН

Обсуждение толерантности давно вышло за пределы академической дискуссии и оказалось сосредоточено вокруг вопроса о том, как концепция толерантности соотносится с вызовами и рисками, обусловленными нарастанием экстремистских и фундаменталистских настроений, особенно в исламском мире. Стало казаться, что толерантность делает гражданское общество

в цивилизованных странах уязвимым для политических практик и идеологий, основанных на религиозных доктринах. Сложилось мнение, что от толерантности следует отказаться или пересмотреть ее границы ради обеспечения безопасности.

Между тем, потенциал концепции толерантности в противостоянии религиозному экстремизму представляется недооцененным. В своей классической версии, сформулированной Дж. Локком, концепция толерантности содержит ответ на вопрос о том, как разграничить взгляды, заслуживающие того, чтобы их терпели, и те, которые должны быть преследуемы. Считая допустимыми любые религиозные верования, которые не противоречат гражданскому благополучию, Локк отказывается в веротерпимости папистам на том основании, что они в своей борьбе за власть являются врагами любого другого государства, кроме папского. Как известно, в самой веротерпимой стране Европы – Великобритании – ограничения на политические права для католиков сохранялись вплоть до середины XIX века. В католиках видели двуличных подданных, готовых в любой момент предать правительство и своих сограждан, отдав их в руки тех, на жизнь под чьим правлением и по чьим законам никто не давал согласия. Речь таким образом шла не о преследовании за религиозные убеждения, а о защите основ конституционного порядка.

Кажется, что позиция Локка неприменима к современной ситуации, особенно когда речь идет об исламе. Исламский мир не образует единую политическую организацию и светское государство, в лице его последователей всегда имеет дело только с отдельными людьми-мусульманами: один из которых может угрожать обществу, а другой – нет. Между тем критерий, отличающий их друг от друга, все же остается: цель, которую они преследуют, защищая, распространяя и используя свои взгляды. Тот, кто ради спасения собственной или чужой души считает себя вправе отнять у членов гражданского общества принадлежащие им благодаря этому обществу блага, не заслуживает веротерпимости. Например, положения шариата могут быть выполняемы любым богобоязненным мусульманином, даже если они существенно противоречат тому, что принято в цивилизованном европейском обществе, но никто не может настаивать на том, чтобы эти положения были признаны мнениями, заслуживающими толерантности, тем более поощрения.

Безусловно, положения классической локковской концепции толерантности нуждаются в уточнении и конкретизации, но они по-прежнему дают надежный критерий для демаркации религиозных взглядов, заслуживающих веротерпимости, и тех, которые представляют угрозу для гражданского общества.

НАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Б. ТОКТАРОВ

Национальная идентичность казахстанцев формируется в принципиально новом историко-культурном контексте. Происходит отход от представления Казахстана как части СССР к признанию независимого и суверенного характера государственности, от рассмотрения населения страны как части «советского народа» к осознанию собственной культурной аутентичности, от «молодого» к «состоявшемуся» государству. В Казахстане конкурируют два подхода к определению нации – этноцентристский и гражданский. Официальная позиция опирается на гражданское понимание нации, поскольку в условиях полиэтничного состава населения модель согражданства является наиболее жизнеспособной. Соответственно, конструируемая казахстанская нация есть политическое сообщество равноправных граждан, которые на исконной земле казахского народа строят государство, воплощающее в себе все лучшие достижения восточной и западной культур. На нынешнем этапе национального строительства казахстанская нация конструируется как нация с состоявшейся государственностью, признанная международным сообществом, открытая для диалога, являющаяся образцовой моделью межэтнической и межконфессиональной толерантности, активно участвующая в мировой политике и глобальных экономических и культурных отношениях. Современное развитие казахстанского общества характеризуется демократизацией, либерализацией, поиском гармонии между традициями и инновациями. Конструирование казахстанской нации в данном направлении, способствуя созданию нового образа нации, обуславливает трансформацию национальной идентичности казахстанцев. Существенное влияние на процесс нациестроительства в Казахстане оказывает информатизация всех сфер жизни общества.

Информатизация общественного бытия, предполагающая интенсивное использование в ежедневной практике материально-технических средств виртуальной коммуникации, а также формирование особого образа жизни, когда человек получает расширение своего сознания, памяти, знаний и социальности в киберпространстве, обуславливает кризис идентификации. Это приводит индивида, социальную группу и большие по численности сообщества к поиску стержневого идентификационного кода. Информатизация способствовала распространению феномена подмены социальных взаимоотношений их виртуальными симуляциями. В виртуальной среде происходит коммуникация между образами, которые в свою очередь аморфны, динамичны. Трансформация национальной идентичности в условиях виртуальной реальности имеет высокую интенсивность, нуждается в постоянном обращении к идеальному образу конструируемой нации, утверждению ценностей, идеалов и установок формируемого политического сообщества в сознании масс. В этой связи

нация выступает не столько «воображаемым», сколько «виртуальным» сообществом. Сопоставление объектов и действий из виртуального и физического мира позволяет говорить об онтологическом статусе виртуальной реальности как действительно существующей, равноправной и параллельной физическому миру.

КУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ И СИМВОЛЫ

Р. А. ТУКАЕВА

Каждой эпохе свойственен свой историко-культурный код. Художник, создавая изобразительную реальность, проникает в глубь веков, словно перемещаясь во времени сквозь свою эпоху. Художественные образы одновременно являются предметом-мыслью и предметом-чувством. Чувственное воздействие художественных образов является «провокатором» стихии лирической памяти, эмоционального переживания при восприятии произведения. Художник, воссоздавая в картинах свое восприятие объективной реальности, свой внутренний мир или фантазии, стремится использовать любые способы передачи своего замысла. Задача творца – сделать искусство не только информативным, но и увлекательным, содержательным, чтобы по-новому провоцировать воображение. Искусство использует различные приемы воздействия на своего зрителя. Оно может влиять косвенно, опосредованно, вызывая зрителя на самостоятельные, активные размышления.

Одним из важнейших инструментов моделирования образов действительности являются аллегории и символы. Благодаря им создается представление о том, что не доступно конкретному изображению. Но чтобы понять смысл и значение аллегорического образа, необходимо знать символический код. Без аллегорий невозможно представить себе сюрреалистическое искусство, где каждый элемент картины имеет скрытый, «не лежащий на поверхности» смысл. Изобразительное искусство изначально имело символический характер, символы сами по себе существовать не могут, они являются продуктом человеческого сознания. Значение аллегорических изображений складывалось исторически и представляет собой определенный рода договор между людьми. Различные символы и аллегории в творчестве современных художников помогают глубже проникнуть в сущность произведения. Важнейшее свойство символов – их многозначность, один и тот же символ может иметь несколько смыслов. Символ может рассматриваться как фактор кодирования информации, который предстоит прочесть его зрителю.

В век глобализации, атомной энергии и кибернетики человек во многом утрачивает духовные ценности, рационализируясь, уничтожает в себе способность к восприятию символов и идей божественного, что приводит ко всеобщей дезориентации и реальной угрозе миру, распаду нравственных традиций человечества. Поэтому одной из наиболее важных задач изобразительного

искусства сегодня является восстановление и развитие культурного сознания. Именно художникам, способным использовать язык изобразительной реальности, дано осознать и вернуть человеку то, что утеряно, пробудить у зрителя собственную мысль о вечном и неизведанном. Приглашая зрителя к новым истинам, к смыслам невыразимого, художник затрагивает глубины человеческой души и приводит ее к вибрации через краски, разрушая твердые грани бытия. Художник, проживая в своем творчестве множество смутных образов, пропуская их через себя, в общем потоке своего сознания приглашает зрителя к расшифровке мира символов.

Используя мощные и универсальные геометрические символы, мастер задает Божественность в изначальном состоянии покоя, символы равновесия и полной гармонии, где могут прятаться тайны и загадки мира, темы вечности, красоты, добра, попадая на иной уровень осмысления действительности, уводя сознание в иные миры.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ТИП КУЛЬТУРЫ

Э. А. УСОВСКАЯ

Доклад посвящен проблеме выявления имеющихся направлений (подходов) к пониманию содержания постмодернизма как определенного типа культуры. Важным аспектом исследования является и определение критериев, на основании которых можно считать постмодернизм самостоятельным типом культуры. Круг изучаемых проблем раскрывается через следующие аспекты: во-первых, исследования, посвященные целостному, всестороннему изучению постмодернизма как типа культуры, фактически отсутствуют; во-вторых, постмодернизм рассматривался и рассматривается с разных, порой диаметрально противоположных позиций, и их экспликация позволит внести некоторую ясность в содержание культуры и перспективы ее развития в конце XX в.; в-третьих, результаты исследования позволят выявить сущность социокультурных тенденций первых десятилетий XXI в., тех процессов, которые происходят сегодня.

РЕЛИГИОЗНЫЙ МИСТИЦИЗМ КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

К. О. УСПЕНСКИЙ

Мистицизм представляет собой особое явление в духовной культуре человечества, существующее с самого начала его цивилизационного развития. Он оказал значительное влияние на культурно-исторические традиции целого ряда народов. Многие мировоззренческие идеи мистических учений в трансформированном виде прослеживаются в верованиях мировых религий, а также смысловых структурах некоторых философских концепций и научных теорий.

Мистицизм нередко являлся и значимым катализатором социальной динамики ввиду определенного влияния мистических доктрин на мышление и образ действия ряда религиозных и социальных реформаторов.

Существует некоторая трудность в исследовании мистицизма в связи с полисемантизмом самого понятия, не имеющего единого общепризнанного непротиворечивого определения. Данная особенность откладывает отпечаток и на отношение к нему со стороны значительной части научного и философского сообществ. Более распространенным является представление о мистицизме как паранаучном подходе к области загадочных, необъяснимых, сверхъестественных явлений. Подобная трактовка мистицизма фактически уравнивает его с так называемым «оккультизмом», размывает и профанирует его сущность. Однако в современной философии религии более четко и определенно ограничена область явлений, связанных с понятием мистицизма, благодаря чему он обретает особый статус в духовной культуре человечества.

В центре мистицизма лежит вид опыта, который можно обобщенно назвать мистическим и который понимается как опыт сверхчувственного и одновременно непосредственного контакта с так или иначе представляемой высшей, «Божественной» реальностью, с «Абсолютом». Данный опыт приводит к качественному изменению бытийного модуса человека и, приобретая в различных духовных традициях статус «просветления», «освобождения», «пробуждения», «святости», определяется рядом исследователей в качестве сущности, основы религиозного опыта и религии как таковой [1, с. 41].

В современной философии религии существует представление, в соответствии с которым мистический опыт шире и глубже существующих религиозно-культурных традиций и во многом не зависит от них, хотя и испытывает определенное их влияние на формы символической и ритуальной артикуляции этого опыта. Данное представление выражает идею существования единой «Высшей Реальности» и может являться одним из факторов веротерпимости, развития межрелигиозного диалога и формирования экуменических тенденций в религиозных идеологиях, что, несомненно, актуально в современной социокультурной ситуации в мире.

Таким образом, религиозный мистицизм представляет собой особый пласт духовной культуры человечества, в котором представлена важнейшая ипостась человеческого бытия, соотносимая с самими сущностными его основами.

Литература и источники

1. Торчинов, Е. А. Религии мира: Опыт запредельного / Е. А. Торчинов. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.

ОНТОЛОГИЧНОСТЬ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

М. Н. ФОМИНА

Межкультурное взаимодействие как историческое явление – это и процесс, и результат. Как результат оно сформировало общечеловеческие знания, основой которых стала культура Древнего Египта; породило европейскую культуру, духовный потенциал которой – христианство; создало пространства культур Северной и Южной Америки; способствовало диалогу Востока и Запада. Как процесс межкультурное взаимодействие представляет явление одновременного существования двух и более культур, которое способствует им воспринимать элементы жизнедеятельности друг друга для реализации каждой культурой своих потребностей, расширяя тем самым представление О. Шпенглера о замкнутости культур. Как интракультура – культура для себя – она замкнута, как экстракультура – культура в мире культур – она открыта для контакта и для диалога. В условиях межкультурного взаимодействия отсутствует понимание равнозначности культур, но присутствует – близость их тематической направленности. Поэтому они образуют экономические, политические структуры, чтобы обеспечить себе метакультурную интеграцию.

Если межкультурное взаимодействие, порождая диалог культур, становится (как процесс) доступно всем культурам, то диалог культур – явление высокого порядка. Диалог как совместный поиск истины возможен только тогда, когда есть желание понять и принять «Другую культуру», «Другой взгляд», «Другое мировоззрение». На этом фоне политический диалог – высший уровень диалога культур, так как представляет собой консолидацию взаимных интересов: государственная, национальная сферы перерастают в условиях политического диалога свои «границы». В нем выражаются не интересы совместного существования (как при межкультурном взаимодействии), не поиск условий совместного развития (как при культурном диалоге), а целесообразность мирного сосуществования культур и цивилизаций. Между межкультурным взаимодействием, диалогом культур и политическим диалогом существует не только системная связь, но и вертикальная зависимость, где каждое последующее звено системы не может существовать без предыдущего, являясь логическим продолжением вертикали, но при этом, обеспечивая каждому своему элементу горизонтальное развитие. Можно ли определить сферу существования этой системы? Да, но при одном условии. Система отношений «межкультурное взаимодействие – диалог культур – политический диалог» – есть мысль. Каждое звено этой системы существует в двух пространствах – мыслимом и реальном, которым является культурное пространство. Оно обеспечивает рост каждой интракультуре (культура для себя) до понимания ее как экстакультура (культура для других). Процесс роста, формируя уровень восприятия (преемственности) каждой культурой традиционных эле-

ментов другой, рефлексивует ее ценности, символы, знаки, которые, в свою очередь, представляют «генетический код», «душу», «лицо» каждой культуры. Они оформляют особое единичное образование – ментальность, которая создает каждой культуре условия для ее самоидентификации, обеспечивая ей универсальность.

ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ

А. К. ХАЯЛЕЕВА, Э. Ю. ГАРЕЕВА

История и теория перевода, сформированная на сегодняшний день, вышла далеко за пределы исключительно лингвистической проблематики. Само существование философии языка явление симптоматичное. Лингвистический поворот, которым завершается онтологический поворот в философии, сосредоточил внимание философской мысли на проблемах языка, в рамках как континентальной, так и аналитической философии.

В этом контексте встает и проблема языка философии. Как известно, эта проблема в достаточно конкретной форме поставлена В. В. Библиным, полагавшим, что вес философской мысли определяется весом философского. Эта проблема разворачивается в возражении С. Л. Фокина о соотношении языка философии и национального языка. Возможен ли национальный язык философии, или она говорит на метаязыке метафизического плана? Этот вопрос постоянно решается в практике перевода текстов. Миссия переводчика в этой работе весьма проблематична: переводчик может выступать в роли автора или соавтора текста, он может быть интерпретатором или передатчиком смыслов.

Все проблемы перевода концентрируются в социальном феномене философских текстов, который получил название непереводимости. В постановке философской проблемы, непереводимость – не то, что не переводится, а то, что переводится все время.

Проблема перевода как практики продолжает свое осмысление с точки зрения теории и выходит на философский уровень – уровень антиномий и борьбы с человеком.

Авторы данного исследования обращают внимание на непереводимости как формы, в которых сам факт непереводимости становится знаковым явлением и ввергает нас в область социальной теории.

С. Л. Фокин в статье «Перевод как незадача русской философии» обозначает проблему, существующую в философии, в ее столкновении с вопросом языка следующим образом: «есть ли свой язык у философии?». Автор ставит этот вопрос не случайно: в его тексте отчетливо звучат претензии к философии как к теории, которая в погоне за мыслью обходит стороной сопротивление языка. В связи с этим Фокин формулирует следующий тезис, вынесенный

в название: «перевод как незадача философии» (Отметим попутно, что все вопросы С. Л. Фокина адресованы именно русской философии). В этой фабуле он обращает внимание на склонность русской философии избегать вопросов трудности перевода, которые с точки зрения автора являются философскими или, как минимум, содержат в себе философские основания. Ответ самого автора на вопрос о существовании философского языка выносит на поверхность проблематику «мета-язычности» философии (безусловно, как следствие ее метафизичности). Фокин считает, что никакого «метаязыка» философии не существует, что она пишется на национальных языках, и что философ обязан уметь применять (пользоваться) национальный разум и иметь мужество выражать его движение на национальном языке. Представляется, что решение поставленной проблемы возможно на путях анализа своеобразного лингвистического феномена, получившего в литературе название непереводаемости.

КИНОИСКУССТВО И СПЕЦИФИКА ЕГО ВОСПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Л. А. ЦИБИЗОВА

Восприятие кино развивалось вместе с самим кинематографом: первые изображения движущихся картинок порождали не только зрительные ощущения, но и синестезию, позволяющую почувствовать (именно почувствовать, а не просто понять) движение во времени, звук, определенное эмоциональное состояние.

С появлением звука и цвета зрительское восприятие приобретает все большую достоверность и богатство различных нюансов. С одной стороны, нарративная сторона фильма дает нам определенную информацию, включающую описания, объяснения сюжетных линий, то есть тот первичный материал, к которому мы можем применить наши субъективные аналитические либо синтетические способности. Но так или иначе, здесь мы имеем дело с объективными параметрами той модели реальности, которую нам предлагают создатели фильма. Мы лишь интерпретируем чужой опыт, как бы близок он нам не был. Говоря о восприятии реальности, английский нейрофизиолог Крис Фрит отмечает, что «наш мозг строит модели мира и постоянно видоизменяет эти модели на основании сигналов, достигающих наших органов чувств. Поэтому на самом деле мы воспринимаем не сам мир, а именно его модели, создаваемые нашим мозгом» [1, с. 208]. Следовательно, фильм – уже есть первичная модель мира, а наше восприятие его – модель второго уровня.

С другой стороны, просмотр фильма предполагает не только наблюдение за развитием сюжета. Кроме ответа на вопрос «о чем фильм?» мы хотим знать и «как это происходит?». То есть мы переключаемся из режима стороннего наблюдателя в режим «сопереживателя». Теперь это не эмоции и чувства героев,

а наш собственный феноменальный опыт, возникающий в процессе восприятия. Если американский философ Томас Нагель задавался вопросом «Каково быть летучей мышью», то кинозритель даже не задает себе подобного вопроса, а автоматически включается в режим «каково быть персонажем фильма?».

В кинематографе прошлого века это достигалось попытками найти необычные ракурсы, изменением темпоритма фильма. Такие опыты хорошо известны в истории: Дзига Вертов, Ленни Рифеншталь.

XXI век принес новые технологии мира 3D, мира дополненной реальности. Фильм «Аватар» Дж. Кэмерона открыл новую эпоху и в зрительском восприятии. Баланс нарратива с его моральными принципами уравнивается феноменальным переживанием (Qualia) нового мира. Зритель не присваивает опыт героев, он переживает его сам. Модель, созданная режиссером, вызывает чистые эмоции без примесей рассудочной деятельности.

Успех Дж. Кэмерона вдохновил создателей таких картин, как «Гравитация» (А. Куарон, 2013), «Интерстеллар» (Кр. Нолан, 2014), «Марсианин» (Р. Скотт, 2015), где теоретические знания физических законов, основ астрофизики, теории относительности дополняются феноменологией их переживания.

Литература и источники

1. Фрит, К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / К. Фрит. – М., 2010.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СРЕДЕ ВЕРУЮЩИХ-СТАРООБРЯДЦЕВ

А. С. ЦМЫГ

Влияние религиозного фактора на формы социального поведения в среде верующих-старообрядцев находится на ведущем месте. Это влияние выражается, во-первых, в опосредованном влиянии института старообрядческой церкви, религиозной мысли и типа сознания, которые в совокупности формируют устойчивую картину мира верующего, основанную на традиционности мышления. Во-вторых, религиозный тип сознания верующего формирует установки в практической повседневной жизни члена общины, его социальной позиции. В-третьих, роль духовного наставника во многом определяет отношение верующего к межконфессиональному диалогу, к социальным институтам и в целом к государству.

Социальное поведение старообрядцев характеризуется такой чертой, как традиция, которая служит сохранению и приумножению духовных и материальных ценностей, накапливающихся и передающихся на протяжении всей истории старообрядческой церкви. Традиция понимается в среде верующих

как специфический способ социального наследования, который ориентирован на точное воспроизведение прошлых образцов социальности. Эти образцы нередко воспринимаются членами общины как обязательные, непреложные, естественные законы жизни в обществе.

Костяк старообрядческих общин составляют люди пенсионного возраста. Вместе с тем идет процесс омоложения общин, и это в первую очередь связано с политикой самой церкви, которая выражена во внутриобщинных установках. В старообрядческой церкви они реализуются в рамках духовно-нравственного воспитания в семье, передаче традиционных взглядов подрастающему поколению. Работа с молодежью продолжается на уровне общинной жизни, где духовный наставник своим примером формирует нравственный вектор развития личности. Следующим этапом в передаче ценностей служат лагеря, когда общение и взаимодействие между молодыми людьми переходит на межобщинный и даже на межгосударственный уровень.

В среде верующих-старообрядцев религиозный фактор является определяющим в становлении и развитии личности, что в большей степени определяет и поведение человека в обществе.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС БЕЛАРУСИ КАК ПОГРАНИЧЬЯ

О. А. ШЕРШНЕВА

Тема границы является референтной в современном философском дискурсе, поскольку символизирует собой ситуацию рубежа разных жизненных центров, перехода их из одного качественного состояния в другое. С одной стороны, граница проводит линию водораздела между старым и новым, своим и чужим, традицией и инновацией, тем самым подчеркивает уникальность и неповторимость каждой составляющей бинарной оппозиции. С другой стороны, граница – это место встречи и коммуникации противоположностей, пространство их одновременного соприсутствия, взаимообогащения, и в этом смысле граница способна не только разъединять, но и синтезировать опыт диалектических разнородностей.

Своеобразным примером существования на границе может служить и Республика Беларусь как регион, самоидентификация которого происходила всегда на границе между Востоком и Западом. С одной стороны, западное влияние на белорусов прослеживается посредством доминирования в сознании людей утилитарных ценностей и практического расчета, с другой стороны, предельные формы самовыражения и пренебрежение к материальной стороне жизни являются характерными чертами восточного человека.

Особое промежуточное положение Республики Беларусь между Западом и Востоком, несомненно, сказывается на пространственной организации данного региона. Выгодное географическое положение нашего государства создает

все возможные условия для коммуникации и сотрудничества с другими регионами. Открытость пространства Беларуси по всем направлениям стимулирует ее интенсивное взаимодействие с соседними государствами. Республика Беларусь отстаивает стратегию равной приближенности к Востоку и Западу, поскольку она дает шанс максимально эффективно использовать выгодное географическое положение страны, транзитный и промышленный потенциал нашего государства.

Становление белорусской государственности всегда происходило через преодоление пограничности (Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя), что расширяло жизненное пространство белорусов и тем самым презентировало их транскультурным этносом. В этой ситуации пограничья проблема этнической и культурной самоидентификации не случайно становится актуальной и значимой для подлинной истории народа и в то же время может рассматриваться в качестве предпосылки для самоописания и осмысления своего как самобытного и уникального жизненного пространства. Это и позволяет понимать границу не как отмежевание от других культур, но скорее как диалог с ними, или транскультурный полилог, где межа не является препятствием.

Таким образом, статус Республики Беларусь как пограничья позволяет показать эвристическую ценность границы как пространства, где выкристаллизовываются основания не только для утверждения своего самобытного в противовес инаковому, но также для их конструктивного диалога и кооперации. Будучи особой формой реальности, где свершаются эпохальные события, граница как пространство события личностей положительно ангажирована, предполагает включение в свое поле инвариантов, составляющих единое целое, где чужое становится своим и наоборот.

2.5. ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

РЕФОРМЫ В ОБРАЗОВАНИИ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Г. А. АБРАХМАТОВА

В настоящее время Республика Казахстан активно реформирует систему образования: вводится 12-летнее школьное обучение, ставится задача увеличения количества школ, их всеобщей компьютеризации. Важнейшее место среди нововведений занимает внедрение в образовательный процесс программы «Цифровой Казахстан», принципов трехязычия, культурного и конфессионального согласия.

В учебном процессе высших учебных заведений значительная доля отведена самообразованию. В связи с этим возникает вопрос: сможет ли человек, обращаясь в процессе самообучения за «консультацией» к компьютеру, противостоять соблазну уподобиться машине – быстрой, интеллектуально обеспеченной, однако лишенной ценностных качеств и не имеющей нравственных принципов? У сегодняшнего школьника уже к моменту поступления в высшее учебное заведение сформирован, с одной стороны, навык активной работы с информацией, а с другой – понимание того, что нет необходимости быть носителем знания. Все это приводит к исчезновению ценностной ориентации в процессе познания, снижает и степень влияния научного знания на формирование мировоззрения личности.

В апреле 2017 г. было объявлено о начале третьей модернизации казахстанского общества и провозглашен лозунг ближайших десятилетий: «Реализм и прагматизм». В современных условиях образование как никогда ранее ярко демонстрирует ориентацию на прикладные задачи, связанные с эффективностью и достижением быстрого результата. Вместе с тем не стоит забывать о наиболее важных образовательных установках качественного, содержательного характера, и прежде всего о мировоззренческих основах образования.

Получение знания для большинства молодых людей сегодня имеет краткосрочный, потребительский характер. Для учебных заведений экономически более выгодна замена «живого общения» на машинное. Однако обществу и государству в этих условиях следует задуматься о том, что тем самым меняются условия формирования личности.

Актуальные коллизии философии и практики образования могут быть продуктивно разрешены только в том случае, если целью образовательного процесса станет стремление помочь в реализации подлинной сущности человека, его человечности. Иными словами, при условии понимания образования не просто как «образования [придания образа] ума», но как создания подлинного образа человека во всей его полноте и сущности.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В НЕПРЕРЫВНОЙ ПОДГОТОВКЕ

С. Д. БАЗАРОВА

В современных условиях потребность в квалифицированных кадрах быстро растет, что заставляет ставить вопрос профориентации в связи с задачей интеграции науки и техники. Наука, производство и подготовка кадров должны иметь единую систему. Необходимые условия для тесной связи науки, производства и образования следующие:

определение целей обучения в соответствии с направлением специалиста данного профиля;

обеспечение единой номенклатуры учебных предметов, составляющей инвариантную часть фундаментальной подготовки студентов;

систематическое знакомство студентов с новейшими достижениями науки и техники, производства (технологиями, оборудованием, передовыми методами организации и управления);

проведение производственной практики на предприятиях;

повышение качества фундаментальной подготовки студентов;

формирование комплекса средств обучения, отражающих требуемый объем и уровень научного содержания дисциплин.

Большое значение должно уделяться подготовке специалистов к основным видам их будущей профессиональной деятельности на основе единства направленности предмета, что значит, сохранив научную стройность фундаментальных наук, добиться их тесной взаимосвязи с профессией. Опыт показывает, что оптимальное сочетание фундаментальных наук позволяет обеспечить высокий уровень качества подготовки кадров.

При этом оптимизация процесса обучения достигается на основе интеграции учебной и научной деятельности. План непрерывной подготовки является основным документом, на основе которого строится рабочая программа и учебно-технологическая карта курса, где отражается организационная и методическая структура учебного процесса по лекционным, практическим занятиям, составляется обоснованный план рейтинговых работ, определяется объем самостоятельных работ.

Работа над планами непрерывной подготовки выявила, что для каждой специальности можно выделить наиболее важные разделы, вопросы, понятия

(например, по курсу физики такие понятия, как прочность, твердость, хрупкость, эластичность, теплопроводность горных пород и т. д.). Технологическая карта составляется с учетом требований профилирующих кафедр к уровню усвоения студентами каждого раздела фундаментальных наук на основании планов непрерывной подготовки. Кроме содержания лекционных и практических занятий в ней указывается содержание самостоятельной работы и виды контроля. Таким образом, технологическая карта ориентирует студентов на изучение главных вопросов и представляет собой в сжатой форме всю совокупность программ с учетом специальности.

РИСК МЕЖСИСТЕМНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ПРОФЕССИЙ И ЗАНЯТОСТИ

Е. С. БАРАЗГОВА

В изучении рисков традиционно доминировал так называемый «средовый подход». Его укоренению способствовало то обстоятельство, что к осознанию проблемы эксперты разных сфер пришли не одновременно. Социология на рубеже 1990 – нулевых годов преодолевает сложившееся разделение рисков на финансовые, техногенные, экологические и т. д., заложив основы системного подхода к социальным рискам как порождению общества на определенном этапе его развития. До настоящего времени остаются недостаточно изученными риски, складывающиеся во взаимодействии различных систем общества, что влечет за собой не только и не столько теоретические потери, сколько риски в социальных практиках данного взаимодействия.

Недостаточная изученность рисков взаимодействия систем высшего образования и рынка профессий и занятости неизбежно порождает, во-первых, увеличение потерь общества в недоиспользовании человеческого капитала и потенциала институтов высшего образования и, во-вторых, потери личности в связи с отсутствием возможностей реализации приобретенного в системе высшего образования культурного капитала на динамично меняющемся рынке профессионального труда – т. е. рынке профессий и занятости.

Сложившаяся в рассматриваемом взаимодействии двух систем ситуация является, на наш взгляд, результатом недооценки в экспертном сообществе рискогенности двух процессов: процесса «освобождения» высшего образования от ответственности за профессиональность образования (см. ст. 69, п. 1 действующего закона «Об образовании в Российской Федерации») и неравномерности развития систем – традиционной консервативности системы образования и динамичности рынка профессионального труда, институционально включенного в механизм постоянного увеличения прибыли. Неконтролируемость развития ситуации влечет за собой повышение уровня риска, одинаково угрожающего как обществу, так и личности.

Препятствием к углублению риска может стать построение целенаправленной коммуникации, носящей мониторинговый характер, между акторами двух систем: руководителями в системе высшего образования, преподавателями и студентами – с одной стороны, и работодателями в системе рынка профессионального труда. Социологические методы позволяют обеспечить эффективность коммуникации. В режиме пилотажа данная коммуникация была выстроена в Екатеринбурге в 2016 году.

Социальная коммуникация, в отличие от взаимодействия, имеет субъективный характер, что способствует управляемости и контролируемости процесса. Коммуникация позволяет преодолеть неравномерность развития двух рассматриваемых систем и выстроить согласованность их функционирования за счет модернизации содержания высшего образования в его приближении к запросам рынка труда. Одновременно партнерство экспертов двух систем позволит осуществлять кадровое прогнозирование, успех которого отвечает потребностям акторов двух систем.

ЛОГИКА И ДИАЛЕКТИКА КАК ФУНДАМЕНТ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Ф. БЕРКОВ

100-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции вынуждает критически подойти к нашему философскому наследию, отыскать в нем и сохранить в «снятом» виде его положительные качества. По отношению к прошедшему столетию актуальна мысль Ф. Энгельса, который в свое время наставлял, что из всей прежней философии осталось представляющим интерес лишь учение о законах процесса мышления, а именно логика и диалектика. Среди философских дисциплин и направлений проблематика именно этих наук обладает характерными практико-ориентированными свойствами.

Известно, что логика является не только инструментом точной мысли, но и «мыслью» первого точного инструмента – компьютера, непосредственно в роли партнера, включенного человеком в сферу решения стоящих перед ним задач. Она стала неотъемлемой частью человеческой культуры, оказалась прочным связующим звеном между естественными, гуманитарными и информационными знаниями.

Однако как учебной дисциплине логике явно не повезло. Воспитание логической культуры не стало доминирующей целью учебно-воспитательного процесса. Даже будущие учителя, призванные формировать и оттачивать мышление своих воспитанников, изучают ее в усеченном варианте или не изучают вовсе. Учебные планы, учебные программы редко подвергаются логической экспертизе и потому страдают избыточностью и даже противоречивостью.

Многие учебники не отвечают требованиям конструктивности и последовательности в изложении учебного материала. Недооценка логического образования в конечном счете привела к негативным последствиям в научно-исследовательской сфере. Снижился качественный уровень многих научных разработок, в частности диссертаций.

В еще более незавидном положении оказалась диалектика. Крайне негативно сказалось на ней влияние «лихих 90-х». Из учебников и учебных программ исчезли разделы о диалектических категориях, составляющих основу понятийно-терминологического аппарата научной философии. На смену диалектической методологии, выкованной многовековой историей развития философии, науки и общественной практики, приходят тощие рекомендации давно изжившего себя позитивизма.

Стало быть, нужно добиваться того, чтобы вопрос о диалектике и логике стал ключевым как в области соответствующих научных исследований, так и при использовании в образовательном процессе. Требуется также дальнейшее обсуждение этого вопроса на научных форумах, в средствах массовой информации с привлечением самых широких слоев научной и научно-педагогической общественности.

ВКЛАД ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА В ИДЕИ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. А. БИРИЧ

Социальная сфера связана с проявлением общественного интеллекта, в основном на ниве развития науки и техники, информатики. Обладая мощным научным и техническим потенциалом, социосфера, к сожалению, не включает в себя потенциал духовного творчества человека, реализующего смыслы и ценности Бытия. Не потому ли социосфера не готова к постановке проблем ноосферного развития?

Потребность в идеях о новом развороте технического прогресса, о том, как выглядит эволюция человеческой цивилизации и самого человека, заставляет сегодня обратиться к «фантазиям из будущего». Человечество всегда получало опережающее знание, проявленное в творчестве великих мыслителей, ученых, писателей, поэтов, художников, музыкантов – людей, делающих открытия на стыке философии, науки и искусства и оставивших целые россыпи прогнозов о будущем планеты.

Новое понимание эволюции Бытия, раскрытое в учении В. И. Вернадского о ноосфере, до сих пор трудно распространяется на Земле как в сфере ученых, так и в сфере политиков. Русские ученые-космисты К. Э. Циолковский, Н. Г. Холодный, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, Н. Н. Моисеев, А. И. Субетто и другие размышляли не только о космосе, но и о высоком нравственном и историческом предназначения личности, о воспитании гармоничного человека.

На ниве педагогики к этим же идеям пришел русский педагог 1-й трети XX в. К. Н. Вентцель – представитель теории и практики свободного воспитания, последователь идей Л. Н. Толстого. В конце жизни он прописывает контуры будущей школы космической педагогики, главной задачей которой считал развитие в детях космического самосознания, то есть осознание себя как неразрывной части вселенского начала.

Идеи космизма в образовании сегодня имеют свое продолжение в теории ноосферного образования, направленного на развитие ноосферы на планете. Контуров подобного образования возникли уже в трудах В. И. Вернадского, где эта идея нашла обоснование в принципе творческого характера человеческого разума. Разумность человечества, согласно его взглядам, связана не только с развитием научного знания, но и с проникновением его в культуру, он предполагал, что все ученые, педагоги и наставники, учреждения всех уровней будут участниками ноосферного образования и воспитания.

Концепция ноосферного образования – это система научно-теоретических, гносеологических, методологических и практических взглядов на природу образования, его синергетические возможности в деле эффективного перехода планеты в ноосферное состояние. Само это понятие возникло в результате социальной рефлексии, выраженной в современной отечественной философии образования, которая включает в свое проблемное поле различные аспекты образования – от социологического до онтологического, понимание человеком идеала образованности. Философия образования обсуждает предельные основы образования и педагогики: смысл образования в универсуме, его возможные сценарии на будущее, формирование творческого типа личности. Именно эти проблемы разрабатывает ноосферный подход к образованию.

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В ЭПОХУ ЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

А. М. БОБР

В современной социально-философской проблематике анализ процесса глобализации занимает довольно весомое место. Важнейшим направлением реализации социально-антропологического измерения глобализации является феномен интернационализации образования. Сама система образования понимается как целенаправленный процесс обучения и воспитания личности, как одно из наиболее значимых средств социального воспроизводства социума и повышения его адаптивных возможностей к постоянно меняющимся экономическим, политическим и культурным реалиям.

Понятие интернационализации возникло сравнительно недавно, но в настоящее время довольно активно используется при анализе процессов, происходящих в образовательной системе на различных уровнях. В настоящее время под интернационализацией образования понимается процесс, при котором

цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение. При этом проявляется данный процесс как на государственном, так и на региональном и на вузовском уровнях. Для процесса интернационализации образования характерны различные формы: образовательная мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава, формирование новых международных стандартов образовательных программ и их мобильность, партнерство в сфере научных исследований, создание стратегических образовательных альянсов, сертификация и признание документов об образовании и т. д.

В современных условиях требуют своего анализа социально-антропологические, культурно-цивилизационные последствия процесса интернационализации образования. В настоящее время можно зафиксировать факт, что философское образование в Республике Беларусь испытывает на себе как положительные, так и негативные последствия интернационализации. Это можно проследить, во-первых, на уровне профессиональной философской подготовки в нашей республике, которая осуществляется в Белорусском государственном университете на факультете философии и социальных наук и частично на уровне магистратуры и аспирантуры в Институте философии Национальной академии наук Беларуси. Здесь необходимо зафиксировать явную недостаточность количества мест, предусмотренных планами подготовки специалистов философов. Так, например, в соседней Украине свыше 20 факультетов обеспечивают профессиональную философскую подготовку, а у нас на всю республику только одно философское отделение, да и то с планом набора около 25 человек по дневной форме обучения.

Анализ учебных планов по специальности «философия» показывает, что они учитывают как мировые тенденции в развитии данной сферы образования, так и национальные интересы, что позволяет активно осуществлять академическую мобильность студентов и преподавателей. Во-вторых, последствия интернационализации можно проследить и на уровне преподавания философии в вузах республики. Непродуманное введение модульной системы, при которой в один курс объединены философия, педагогика и психология, негативно сказывается на уровне философской подготовки специалистов.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

А. И. БОЙКО

Феномен общества знаний в настоящее время является достаточно дискуссионным для философских и социально-гуманитарных наук. Однако исследование общества знаний не представляется возможным без учета основного фактора использования и передачи общественного опыта, каковым является образование. Именно в обществе знаний проблема актуализации роли образования является весьма востребованной. Общеизвестно, что образование –

необходимый фактор социально-экономического развития общества, особенно с учетом того, что знания как вид информации распространяются в обществе непосредственно через систему образования, а развитие общества в целом зависит от уровня образованности. Новые возможности получения знаний формируются благодаря инновационным образовательным технологиям. Вместе с тем в обществе знаний принципиально меняются ожидания от образования как канала приобретения знаний, формирования мировоззрения и получения компетенций.

Общество знаний предъявляет образованию новые требования, а именно: изменение технологии обучения. В контексте общества знаний образование также является важной составляющей концепции устойчивого развития. Это обусловлено во многом социально-экономическими проблемами современного мира, характеризующегося глобализацией. Новая парадигма образования в современном обществе связана с формированием системы образовательных учреждений: средние школы, лицеи, колледжи, институты, академии, университеты, а учебные программы, используемые в них, являются стандартизированными и взаимосвязанными, что определяет унификацию образования. Образованность как составная часть всестороннего развития личности, ее культуры, необходима не только для престижа, а прежде всего для успешной, насыщенной, интересной работы, обеспеченной жизни и для карьеры, ибо основным фактором социального и материального неравенства в обществе является знание. В условиях общества знаний важно «сделать себя», а не только создать то или иное идеологическое и общественное представление о себе или только стать орудием удовлетворения интересов государства. Следовательно, можно утверждать, проблемы развития современной системы образования связаны с его гуманизацией, гуманитаризацией и интернационализацией.

THE EVIDENCE THEORY AND METHODOLOGY OF AXIOLOGICAL COMPLETIONS IN THE CONTEXT OF PHILOLOGICAL TRAINING

LIUBA BOTEZATU

The first step of evidencing the axiological completions occurs, in our interpretation, at the level of «Retroaction in the context of linguistic and literary education» as right as a modern teaching technology in the curricular pre-university system. The second stage (bachelor-master), of completing evidence, in perfect ascension (of the same interpretation L. B.) occurs at co-reporting level: Principle of Global Axiology – Methodology of Evidencing the Axiological Completions – engagement on a new level of becoming: training the philologist teacher.

«Happiness lies in knowing oneself»: the stylistic matrix of the biased nation, the mother language – the language of raw ascensions into the great spirituality; the

own possibilities of opening – manifestation of self-realization in the universal circuit. Or, this is the primary purpose of participating approaches / engagements in professional plan: training / forming the philologist – philological genetic (bilingual – multi-lingual), philological centrist by vocation.

The joints of the Evidence Methodology of Axiological Completions in this structural-phenomenal context are, on the one hand, those relating to translation into life of the possibilities / requirements listed, taking preponderance here: the possibility of returning to essence – the ability of ascension through spirituality – the possibility of highlighting the axiological completions; on the other hand, those related to the focus on *diversification – information – unification*, on the establishment of syntactical highlight of the pertinent datum.

Completing functions: 1) text – cognitive, energetic, regulatory. 2) inter-text – speculative, normative, metaphysics.

НОВЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ – ПОВЫШЕНИЕ АКТИВНОЙ РОЛИ ОБУЧАЕМЫХ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖАХ

Т. В. БОТИРОВ, С. О. ХУДЖИЕВ

В современных условиях, когда модернизация знаний стремительна, а старые знания быстро устаревают, единственным выходом для получения высокой квалификации и поддержания ее на профессиональном уровне является массовое освоение новых педагогических технологий, формирующих активную роль обучаемого. Одна из основных задач – сформировать у обучаемого профессиональные навыки самостоятельной работы со знаниями.

Основой для повышения активной роли обучаемых должны стать информационная культура и навыки коллективной практики управления знаниями, базирующиеся на информационных технологиях и системах гибридного интеллекта.

Современные требования модернизации образования и развития единой информационной образовательной среды формируют парадигму активного обучаемого взамен старой парадигмы пассивного обучаемого.

Напомним, что при пассивной роли обучаемого:

преподаватель, являясь главным действующим лицом образовательного процесса, преподает группе обучаемых полный комплект учебного материала по заданному этапу обучения;

обучаемые, получив теоретическую основу заданного этапа, работают с ней и закрепляют полученные знания;

преподаватель контролирует процесс закрепления знаний (семинары, лабораторные работы и т. п.) и после этого экзаменует обучаемых, чтобы затем перейти к новому этапу обучения.

При активной роли обучаемого:

1) Преподаватель является прежде всего консультантом-экспертом и дает обучаемым актуально-проблемное ядро учебного материала, используя современные гипермедиа средства (Интернет) и коммуникации. В учебный материал входит подробный план необходимых тем, включая список литературы, набор ознакомительных и актуальных статей, ссылки на профессиональные Интернет-источники. Главное – дать хорошую начальную установку обучаемым и создать условия для самостоятельной проработки темы.

2) Обучаемый использует план с первичным учебным материалом для самостоятельного формирования более детального учебного материала. При формировании детального учебного материала он учитывает свои интересы и профиль своей профессиональной ориентации. Обучаемый изучает свой учебный материал в процессе непрерывного расширения и уточнения проблемной базы.

3) Обучаемый регулярно консультируется с преподавателем. На лекциях и семинарах преподаватель в основном касается ключевых аспектов и обсуждает современные актуальные проблемы рассматриваемой темы.

4) Обучаемый, приобретая знания, демонстрирует их преподавателю. Преподаватель комплексно оценивает способности обучаемого: умение понять проблему, способность собрать соответствующий материал, способность адекватно понять и применить найденный материал, например, оформить его в виде реферата, лабораторной работы, статьи, выступления на семинаре.

Переход на парадигму активного обучаемого по специальностям, в которых наблюдаются высокие темпы модернизация знаний (менеджеры, психологи и социологи, специалисты по информатике и т. п.) позволяет специалистам всех рангов и возрастов поднимать свою квалификацию до самого высокого уровня.

РОЛЬ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПОИСКЕ ОТВЕТОВ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

С. А. БУРЬЯНОВ

Глобализация общественных отношений является отражением современного состояния и динамики развития цивилизации. Фактически человечество живет в мире глобальных процессов – непрерывно возрастающего усложнения, взаимопроникновения, взаимозависимости и открытости социальных взаимодействий во всех сферах в планетарном масштабе.

Объективно глобальные процессы направлены на формирование единой планетарной социо(техно)природной системы. Однако субъективно человечество оказалось к этому не вполне готовым. Наряду с динамичным развитием финансово-экономической, информационной, культурной наблюдается отставание в развитии политической, правовой и образовательной подсистем. Именно неравномерность развития социальных подсистем лежит в основе глобальных проблем, угрожающих самому существованию человеческой цивилизации.

В качестве первоочередных необходимых условий устойчивого развития планетарной цивилизации следует назвать опережающее развитие и обновление глобальных науки и образования. Особо следует отметить необходимость модернизации юридических науки и образования, которая крайне важна для реформирования международного права и его взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами.

В качестве основных перспективных направлений прогрессивного развития международного права для перехода от стихийного развития нестабильности международных отношений к управляемости современными процессами и устойчивому развитию человеческой цивилизации и подразумевающих развитие его теоретико-правовых, нормативных и институциональных основ, можно выделить следующие: права человека; свобода совести (как возможность мировоззренческого выбора); толерантность (как равноправие и взаимоуважение); мировоззренческий нейтралитет субъектов международного права; реформирование и развитие новых принципов международного права, как его основополагающих начал; верховенство международного права на основе принципа правовой определенности; универсализация принципов и норм международного права; бесполярная система международных отношений – отказ от «права силы», переход к «силе права»; повышение роли ООН и других международных организаций.

Представляется актуальным формирование и развитие академической дискуссионной среды по проблематике глобальных исследований в сфере права и образования, включая юридическое образование. Это будет способствовать формированию теоретико-правовой и нормативной базы для поиска научно обоснованных решений комплекса глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации.

Изучение глобальных процессов и проблем, а также ориентация на устойчивое развитие (включая экологическую составляющую) должны стать приоритетами современной науки и системы образования в современных условиях. В контексте проблемы формирования нормативной основы управления глобальными процессами в целях устойчивого развития одним из приоритетов должна стать модернизация юридических науки и образования.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

С. В. БУТЕНКО

Россия давно уже стала одним из участников мировых отношений, что находит свое отражение как во внешней, так и во внутренней политике государства. Развитие государства, его будущие стремления, место в мировом политическом пространстве зачастую определяются тем наследием, которое оно получило от своего прошлого. Именно поэтому государство заинтересовано

в формировании исторической идентичности и принимает активное участие в этом процессе, в первую очередь через систему образования. Историческую идентичность можно определить как социально-психический феномен, хранящий в течение долгого времени наиболее прочные представления общества о самом себе, и передающий их из поколения в поколение.

В связи с этим актуальным представляется исследование феномена исторической идентичности в условиях современных модернизационных процессов, роль и влияние государства на становление исторической идентичности современного общества. Историческая идентичность играет важную роль в процессе социализации современной молодежи. Она определяет как историческую форму социального бытия общества, так и бытие каждой личности. Однако в настоящее время в современном обществе мы можем наблюдать элементы социальных отношений, свидетельствующие о кризисе идентичности – дегероизации отечественной истории как извне, так и изнутри, ощущение психологического дискомфорта, дестабилизации внутреннего мира личности, ломка его жизненных установок и т. д. Личность начинает жить вне исторического времени, пытаясь сформировать свою идентичность не на фактической основе, а на своей мечте, своем воображении, что приводит и к ментальным разрывам в обществе.

Историческая идентичность помогает личности увидеть себя в своем прошлом, что в конечном счете формирует некую целостность сознания индивида. Отсутствие ментальных оснований и исторической идентичности, обосновывающих социуму наличие единого государства, может привести к кардинально противоположным тенденциям – стремление к разрушению созданного единства, политической, экономической и культурной независимости, а наличие государства будет восприниматься с позиций принудительного ущемления национальных интересов. Именно поэтому государство, заинтересованное в формировании исторической идентичности и поиске ментальных оснований дальнейшего развития, принимает активное участие в этом процессе.

КОНТУРЫ ИСКОМОГО МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО СИНТЕЗА

М. И. ВИШНЕВСКИЙ

В современном мире, расколотом идеологическими, политическими, экономическими, социальными конфликтами и противостоянием, движение к синтезу противоположностей, обеспечивающему приемлемую целостность общественного бытия, осуществляется непросто, не прямолинейно. Тем не менее мы отчетливо ощущаем реальность и настоятельную необходимость данного движения. Особенно значимо оно в сферах миропонимания и образовательной деятельности, которые можно рассматривать как две стороны единого процесса. Образование на каждом из его уровней особыми средствами воспроизводит и по-особому оформляет утвердившееся миропонимание,

характеризующее культуру как способ жизнедеятельности людей. В современном светском обществе образование соотносится и особенно тесно взаимодействует с философией как рационально-критической формой мировоззрения, являющейся рефлексией над основаниями культуры.

Философия многолика, в ней нет парадигмального знания, следование которому четко отделяло бы философов от не-философов. Вместе с тем в философском сообществе существует далеко простирающееся согласие относительно того, какие теоретико-мировоззренческие представления прошлого и наших дней обязательно нужно знать, если желаешь, чтобы тебя признали философски образованным человеком. Анализируя творчество того или иного философа, обычно стремятся установить, какие учения оказали наибольшее влияние на формирование его позиции и как, в свою очередь, повлияли его работы на развитие не только его собственного, но и других, возможно, даже альтернативных направлений человеческой мысли. Каждый философ осуществляет свой собственный, индивидуальный мировоззренческий синтез, философия же в целом предназначена для изучения, передачи от учителя к ученику, от одной мыслящей личности к другой, как если бы возможно было всеобъемлющее миропонимание, интегрирующее творческие достижения различных мыслящих монад, по-своему постигающих мировое бытие. Эта глубоко укорененная в философии интуиция единства мироздания проникает далее в сферу конкретно-научного поиска, побуждая преодолевать во многом условные барьеры, разделяющие различные отрасли научного исследования. Знакомясь, например, с диссертационными работами в области социально-гуманитарного знания, отчетливо видишь, насколько они выиграли бы в содержательном отношении, если бы философия, педагогика, психология, а с ними также социология, политология, экономическая и другие науки выступали бы в сущностном единстве, а не в опустошающе действующем обособлении.

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Л. Д. ГЛАЗЫРИНА

С этическими дилеммами будущий специалист педагогического профиля сталкивается ежедневно. Дилемма – это положение, при котором выбор одного из двух противоположных решений затруднителен. Этической дилеммой можно назвать любую ситуацию, при которой необходимо сделать выбор на основе собственных моральных принципов, и каждый из педагогов обладает свободой такого выбора. Согласно правилам этики специалист педагогического профиля поступает правильно тогда, когда он выбирает ценность, которая требует для решения любой этической дилеммы в деятельности наибольшей нравственной силы. Эти ценности и их значимость для каждого специалиста устанавливаются извне или же на основе внутренних установок, которые

определяют понятия «хорошо» и «плохо». Но в данном случае важно не перепутать понятие морали и этики. Моралью является некое субъективное явление (в разных культурах, эпохах она разная), а этические принципы являются объективными, так как они следуют необходимости и целесообразности.

Любая этическая дилемма, возникающая в профессиональной деятельности педагога, весьма сложна по своей сути. Принимая решение, педагогу приходится анализировать ситуацию, взвешивать все «за» и «против», предполагать дальнейшее развитие этой ситуации. При этом необходимо руководствоваться следующими принципами педагогической этики:

принцип поступка, совершаемого «здесь» и «сейчас»: моральное благо обретается или утрачивается в поступке, на который человек решается в конкретной ситуации морального выбора, ставящего перед ним альтернативу;

принцип осторожности: не делать ничего такого, в чем можно предвидеть нарушение моральных запретов;

принцип рефлексивности морали: моральные суждения субъекта должны относиться только к собственным помыслам независимо от морального качества поведения окружающих людей;

принцип взаимопонимания: отношения с людьми следует строить прежде всего на основе признания их человеческого достоинства, которое влечет необходимость достичь взаимопонимания.

Таким образом, важно отметить, что этические дилеммы различаются по уровню значимости и сложности принятия решения для выхода из них. Для будущих специалистов педагогического профиля наиболее актуальными будут этические профессиональные дилеммы, связанные с выбором первого места работы, с ежедневным выбором стратегии общения с коллегами, воспитанниками, родителями, а также с профессиональным кодексом педагога. Любая из названных выше этических дилемм представляет собой сложный выбор, который должен быть разрешен исходя из этических и моральных норм.

ФИЛОСОФИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

С. В. ГОЛУБЕВ

Суверенитет – фундаментальная ценность для любого государства. Необходимым основанием суверенитета вообще является не только наличие соответствующей экономической «базы» и сильной армии, но и наличие национальной системы образования. Прежде всего, конечно, высшего, собственно университетского образования. В современном мире государство без сильных университетов вряд ли может претендовать на сколько-нибудь самостоятельную роль, не говоря уже о суверенности.

В этой связи необходимо сказать о роли философии в университете, ее значении для классического университетского образования. Прежде всего напомним, что философский факультет изначально был одним из основополага-

ющих в структуре европейских университетов. Философия как учебная дисциплина есть необходимый системообразующий элемент, своего рода стержень университетского образования. Университет без философии – это нонсенс, это невозможно по определению. Так же как невозможно представить действительно отвечающий своему предназначению ведущий национальный университет без философского факультета. Это примерно то же самое, что национальный университет без исторического или юридического факультета. Что такое государство, в котором нет своей юридической школы? Или государство, в котором нельзя получить философское образование?

При ответственном подходе к реформам в высшей школе необходимо помнить, что университет, заслуживающий своего названия, – это единый организм, целостная система, причем достаточно консервативная. И одно дело вводить / отменять ныне благополучно забытую «культурологию» или «урезать» «политологии-социологии», другое – «сокращать» философию. Что такое, например, правовец без элементарной философской культуры? Сможет ли он написать хороший учебник по праву, четко сформулировать конституционные нормы? А что такое историк, не способный философски мыслить? В лучшем случае он – ретранслятор чужих идей, в худшем – «националист-сказочник», чему, как известно, немало примеров на постсоветском пространстве.

Если говорить о роли философии в общественной и государственной жизни, то один из самых ярких примеров – это расцвет науки (и, соответственно, техники) в Германии с середины XIX и до начала XX века. Он был подготовлен и сопровождался расцветом философской мысли в немецких университетах. Речь идет о знаменитой немецкой классической философии, сыгравшей в истории Германии и важнейшую государствообразующую роль. Ведь объединение Германии, в политической сфере завершённое О. Бисмарком, было начато в духовной сфере И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегелем.

«Сокращение» философии, таким образом, есть не что иное, как «сокращение» университетского образования в стране со всеми вытекающими отсюда долговременными последствиями для подлинного государственного суверенитета и национального престижа Республики Беларусь.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

И. А. ГОРЬКОВ

Одним из ключевых вопросов, связанных с преподаванием философии, в современности выступает проблема содержания этой философии. Данная проблема связана с определением необходимого и достаточного содержания курсов, определением специфики того, что обозначается понятием «философия». Не является ли объединение множества школ и направлений под единым тер-

мином лишь данью традиции или путаницей в понятиях? Можно ли утверждать, что за словосочетаниями «философское образование» и «преподавание философии» не может скрываться сколько-нибудь ясного содержания?

В рамках истории философии можно выделить множество подходов к определению сущности философии: исходя из ее предмета, метода, цели и задач. Философия понимается как систематизация частных наук, предельно общее знание о мире, метафизическое познание, способ анализа языка, способ ситуационного осмысления современности, способ психотерапии и т. д. При всем многообразии подходов, зачастую взаимно исключающих, есть основания предположить наличие некоторых универсальных свойств философии, так или иначе признаваемых большинством из авторов. Среди наиболее упоминаемых и значимых свойств:

- установка на ясность и точность;
- наличие невыразимой (трансцендентной, метафизической) сферы познания;
- человек и бытие как основные предметы познания;
- познание носит целостный (универсальный, наиболее общий) характер;
- практическая направленность философии на изменение человека, культуры, общества;

общая критическая и рефлексивная направленность познания (критика культуры, знания, опыта).

Принимая во внимание наличие общих свойств и исключая наиболее радикальные оценки (подчеркнутые, например, логическими позитивистами), обобщим данные характеристики в виде двух базовых особенностей. В таком случае, среди наиболее фундаментальных характеристик философии будут названы:

1) систематический (критико-рефлексивный) характер познания (установка на ясность и точность, на обоснованность и взаимную согласованность, логическую упорядоченность и последовательность);

2) исследование предельных оснований бытия (наличие невыразимой трансцендентной, метафизической сферы познания; человек и бытие являются основными предметами познания; познание носит универсальный характер).

Таким образом, мы будем далее понимать под философией систематическую теоретическую деятельность, направленную на познание предельных оснований бытия мира и человека. Систематический характер деятельности подразумевает в данном случае ее взаимную согласованность, структурную упорядоченность и последовательность осуществления. Под предельными основаниями понимаются первые причины и конечные цели существования объектов (прежде всего мира в целом и человека). Подобное истолкование сущности философии может стать основанием для преподавания философских дисциплин, определяя содержание курсов, цели и методы преподавания.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Н. Ф. ГРЕБЕНЬ

Каждый народ на протяжении своего исторического развития создает свою национальную культуру, аккумулирующую вековую мудрость, духовные и нравственные ценности, идеалы, смыслы. Поэтому крайне важным является, чтобы эти созданные и накопленные богатства не оставались в прошлом, не были забыты и вытеснены, а постоянно питали новые подрастающие поколения. Это одно из ключевых условий сохранения аутентичности нации и ее идентичности.

Становление национальной идентичности среди белорусского населения на сегодняшний день связано с рядом трудностей, что во многом препятствует единению народа и укреплению национальной безопасности.

В формировании национальной идентичности основная роль закреплена за системой образования, в рамках которой осуществляется гражданско-патриотическое и идеологическое воспитание. Обзор соответствующих материалов показывает, что целью гражданско-патриотического и идеологического воспитания является формирование законопослушного гражданина, человека, почитающего свою родину, с уважением относящегося к героическому и историческому прошлому страны, культуре своего народа, государственной символике, родному языку.

Несмотря на проводимую в образовательных учреждениях разного уровня идейно-воспитательную работу, а также на то, что проблема гражданско-патриотического воспитания широко освещается в средствах массовой информации, в литературе и специально разработанных программах, мы не можем с уверенностью говорить о том, что цель этого процесса достигнута. Среди белорусского населения национальное самосознание развито преимущественно на житейском уровне, нельзя говорить о развитом чувстве патриотизма у белорусов.

Есть основания заключить, что реализуемое в рамках учреждений образования гражданско-патриотическое и идеологическое воспитание не оказывает должного влияния на формирование позитивной национальной идентичности, по крайней мере у молодого поколения белорусов – школьников и студентов. Не решила в должной мере этот вопрос и читаемая студентам дисциплина «Идеология белорусского государства», в которой акцент был сделан больше на общечеловеческих ценностях, нежели национальных.

Проанализировав ошибки прошлого, сегодня имеет смысл говорить о необходимости смены парадигмы идеологического и гражданско-патриотического воспитания на национальное воспитание. Под национальным воспитанием следует понимать процесс формирования полноценной личности, с развитым чувством национального самосознания, способной внести свой вклад

в формирование национальных интересов, связать национальные и общечеловеческие ценности. В настоящее время учет национальных особенностей в воспитательном процессе рассматривается как необходимое условие воспитания патриотизма, интернационализма, культуры межнациональных отношений. Полагаем, что в перспективе национальное воспитание по праву станет одним из приоритетов государственной политики Республики Беларусь.

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ДИАЛОГ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С. А. ДАНИЛЕВИЧ

В ситуации господства рыночных отношений и потребительских ценностей современный индивид стремится представить себя тем, кто востребован на рынке труда. Философское же знание затруднительно конвертировать в материальные ценности. Иными словами, теоретическое мировоззрение не продается, за него не платят – оплате подлежит лишь деятельность с ее прагматическим результатом. Следовательно, как полагают многие, чтобы достичь успеха в жизни, достаточно овладеть некоторым набором знаний, умений и навыков, что позволит предложить себя на рынке по приемлемой цене. Философия же в таких условиях представляется не только излишней, но даже вредной, так как, усваивая наиболее общие представления о мире, индивид не может не прилагать эти познания для организации собственного существования.

В современности социальная и личная жизнь протекают столь динамично, что поручиться за правильность тех мировоззренческих установок и практических рекомендаций, которые даются ученикам в настоящий момент исходя из прошлого опыта самого учителя не всегда представляется возможным. Живя в эпоху перемен, постоянно приходится сталкиваться с такими ситуациями, в которых непригодны готовые рецепты и старые мировоззренческие ориентиры. Поэтому сейчас требуется не просто способность следовать инструкциям и предписаниям, повторяющим и закрепляющим наработки предшественников, но и умение быстро и адекватно реагировать на динамично и кардинально меняющуюся обстановку. Справиться с решением этой задачи может лишь такая мировоззренческая теория, которая позволит человеку, приобщаясь к ней, заложить фундамент жизненной позиции, сопрягая значимые наработки предшественников с основами своего собственного мировидения. При этом в качестве мировоззренческой методологии выступает философия с ее огромным арсеналом средств поиска ответов на важнейшие смысло-жизненные вопросы.

Монологические приемы не способствуют развитию навыков творческого мышления, а потому возникает необходимость использования иных подходов не только к взаимодействию ученика и учителя, но и в подготовке диалога внутри сознания индивида в целях поиска им личных мировоззренческих

оснований. Следовательно, одним из фундаментальных принципов формирования мировоззрения современной личности является *диалогизм* – всестороннее использование креативного и когнитивного потенциала двусторонней смысловой связи, возникающей в условиях равноправного заинтересованного общения субъектов образовательного процесса. При этом образовательные цели философско-мировоззренческого диалога лежат в плоскости формирования мировоззрения такого типа личности, который ориентирован на взаимодействие с Другими в целях саморазвития и позитивного культуротворчества. Последнее предполагает не только критическое переосмысление культурной традиции, но и ее творческое преобразование на основе высокой степени социальной ответственности, а также активную деятельность по приумножению и сохранению ценностей национальной и мировой культуры.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ НООСФЕРНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

И. И. ДЫДЫШКО

В структуре духовного производства каждого типа цивилизационного развития человечества особое место принадлежит образованию. Анализ образовательных парадигм традиционной, техногенной и информационной цивилизаций показывает, что развитие естественных и общественных наук пронизывает все парадигмы образования, а техническое знание, выступавшее вплоть до конца XVIII века в ипостаси «технэ», не имело строгих теоретических конструкций. Техническое знание и возникающие на его базе науки сразу же внедрялись в процессы формирования техногенной цивилизации.

С переходом человечества к информационной цивилизации формируется новая парадигма образования – ноосферно-информационная. Она представляет собой инновационный процесс формирования мышления обучаемых, базирующийся на информационных ресурсах общества, креативной методологии и достижениях современной науки, способствующий становлению нового уровня индивидуального и общественного интеллекта [1, с. 313].

Приоритеты ноосферно-информационной парадигмы образования связаны с расширением технической составляющей, а также с методологическими новациями постнекласической рациональности.

Техническое знание в ноосферно-информационной парадигме образования связано с:

- разработкой и внедрением инноваций в технической сфере;
- формированием новых технических наук и информационных технологий;
- расширением информационных ресурсов общества и их составляющих – информационных продуктов и информационных услуг;
- использованием нижеследующих принципов системного, синергетического и кластерного подходов: целостности, фундаментальности, взаимодополня-

емости, экологизации, опережающего информационного обеспечения, придания общечеловеческого контекста.

Новая парадигма образования призвана учитывать, что в условиях информационной цивилизации технические знания, полученные в процессе образования, ориентированы на развитие интеллекта и формирование творческой, деятельностной личности, а также становятся важнейшим ресурсом в сфере решения научно-технических проблем.

Литература и источники

1. Пунченко, О. П. Археология ноосферного образования / О. П. Пунченко, Н. О. Пунченко. – Одесса: Друкарський дім. Друк «Південь», 2017.

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ И УЧАЩИХСЯ – ВАЖНАЯ ЗАДАЧА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В. А. ЖУРАВЛЁВ

Образование является одним из важнейших инструментов развития интеллектуального потенциала человека и общества, улучшения и конструирования человека в социокультурном контексте.

Если раньше главной задачей образования считались передача знаний и контроль за их усвоением, т. е. доминировала *когнитивная (познавательная) парадигма образования*, то в современных условиях инновационного развития главной задачей образования является формирование у студентов и учащихся знаний и умений самостоятельно мыслить и создавать инновации в различных областях деятельности, что означает переход на креативную (*творческую, созидательную*) парадигму образования. В этом случае когнитивное (познавательное) образование становится только начальным этапом креативного (творческого) образования.

Важная роль в этом переходе принадлежит внедрению в образование современных технологий и методов обучения. Сущность этих технологий состоит в том, что они должны опираться не только на процессы восприятия, памяти, внимания, но прежде всего на творческое, продуктивное мышление, поведение и общение учащихся.

При этом процесс обучения организуется таким образом, что обучаемые учатся общаться, взаимодействовать друг с другом и другими людьми, критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа производственных ситуаций, ситуационных профессиональных задач и соответствующей информации.

Целями современных технологий обучения являются содействие самореализации и самоутверждению личности учащихся, ориентация на гуманисти-

ческие, лично-ориентированные, культурные ценности, использование творческих, активных, индивидуально-дифференцированных методов и форм обучения.

Наилучшие результаты в образовании и профессиональной деятельности достигаются путем *синтеза креативного и логического мышления*.

Применение современных технологий и креативных методов в образовании позволит повысить уровень личностной и профессиональной подготовки студентов и учащихся, научит их создавать инновации в различных областях деятельности.

О ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. И. ЗАСЛАВСКАЯ

Интеграционные процессы в системах высшего образования различных стран становятся неотъемлемой частью их развития в условиях, когда глобализация и информатизация являются ключевыми факторами функционирования социальных систем. Анализ ситуации, сложившейся в странах постсоветского пространства, выявляет три основных вектора развития системы высшего образования. С одной стороны, это модернизация высшего образования в направлении интеграции местных университетов в европейскую систему высшего образования в соответствии с Болонскими принципами, с другой – это реорганизация высшего образования, направленная на региональное и Евразийское сотрудничество. И, наконец, это процессы, направленные на сохранение национальной специфики и местных традиций.

В этих условиях неотделимой частью интеграционных процессов является процесс интернационализации образования. Процесс интернационализации образования становится необратимым и имеет целый ряд существенных преимуществ для национальных систем образования в глобализирующемся мире, где изолированные системы образования не имеют шанса на выживание. Однако возникает целый ряд проблем, несущих существенные препятствия эффективному развитию национальных систем образования. В этой связи одной из важнейших проблем является понимание роли национальной идентичности в современном высшем образовании и вопросов, связанных с механизмами ее формирования в образовательном процессе.

Для решения данных проблем необходим анализ диалектики единства и противоположности в осмыслении понятий «интернациональное» и «национальное», концептов этноса, нации и народа, проблем концептуализации понятий этнической и национальной идентичностей, механизмов их конструирования в системе высшего образования. Система высшего образования

выступает системообразующим фактором в становлении социокультурного пространства в национальном измерении, происходит трансформация миссии университета в современных модернизационных процессах и его роли в формировании национальной идентичности, в частности, в аспекте взаимосвязи с человеческим капиталом. Необходимо решать проблемы коммерциализации образования, повышения конкурентоспособности систем высшего образования. Проблема формирования и сохранения национальной идентичности в процессах интернационализации образования должна рассматриваться на мезоуровне с учетом необходимости формирования особой социокультурной университетской корпоративной среды, где институционализация механизмов социальной идентичности будет способствовать органичному взаимодействию различных уровней идентичности, включая внутриуниверситетский и национальный уровни. Это обеспечит сохранение национальной самобытности, включение в интеграционные образовательные процессы и повышение конкурентоспособности местного образования.

ФИЛОСОФИЯ ДИАЛОГА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. КАРАНФИЛОВА

Ситуация современного глобального социокультурного кризиса явилась стимулом в социально-философском дискурсе для научных поисков и разработки стратегий, концепций, подходов, практических инноваций при решении проблем, связанных с необходимостью реформирования всей образовательной системы. Актуальность и новизна подходов, предлагаемых философией диалога в решении многих образовательных проблем, заставляют по-новому взглянуть на сам процесс обучения, рассмотреть его как процесс формирования самосознющей и саморазвивающейся личности. В этом проявляется гуманитарная функция образования с ее акцентом на методiku герменевтической интерпретации целей и ценностей культуры.

Сама идея диалога культур не нова для философии, но основные положения, разработанные М. М. Бахтиным и продолженные в работах В. С. Библера, углубили, расширили, уточнили ее. Ведь феномен культуры «пронизывает... все решающие события жизни и сознание людей нашего века» [2, с. 261]. М. М. Бахтин понимает культуру как:

форму общения людей разных культур, форму диалога; для него «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [1, с. 85];

механизм самодетерминации личности, с присущей ей историчностью и социальностью;

форму обретения, восприятия мира.

Создатель «диалогической философии» В. С. Библер применил принципы своей концепции к процессу образования. Его «диалогика» явилась важным импульсом для разработки новых стратегий современной образовательной системы, массовых общественных движений за гуманизацию образования, за альтернативные школы и т. п. В противовес прежним концепциям образования, делавшим акцент на изолированном существовании «Я», Библер трактует образование как взаимное отношение между людьми, основанное на диалоге [3]. В. С. Библер приходит к созданию оригинальной концепции философской теории диалога культур, в основу которой положена идея о диалогической природе человеческого разума. Именно образование рассматривается им как особый тип общения учителя и ученика, которые должны обладать умением совмещать теорию и практику в наиболее обобщенном виде. Этот процесс должен осуществляться в непрерывном диалоге, при непосредственном участии в труде и совместной деятельности. Смысл образования ученый видел как процесс участия в жизни «человека культуры». Особенно актуальным диалогический подход делают его мобильность и ориентация на дифференциацию знаний. В этой связи следует отметить проблему интеграции знаний в рамках концепции развивающегося воспитания и образования. Громадную роль в этой интеграции может сыграть философия диалога, в которой не только поставлены различные цели воспитания и сформулирована проблема взаимосвязи ценностей образования и ценностей культуры, но и задан новый образ человека, который оказывается наиболее адекватным для реалий нового тысячелетия.

Важным заданием современного общества является создание необходимой теоретической основы и условий для реализации инновационных проектов и принципов, которые, с одной стороны, будут приближать нашу систему образования к европейским стандартам, а с другой – будут учитывать полезный национальный опыт и сохранят ту особую специфику, которая присуща украинскому образованию в разных измерениях – от дидактики до организации. Поэтому применение стратегий и принципов философии диалогизма в решении образовательных проблем на сегодняшний день наиболее продуктивно. А философия диалога в данном случае выступает методологической базой выстраивания оптимальной модели образовательного процесса.

Литература и источники

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1979.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер // От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990.
3. Библер, В. С. Школа «диалога культур» / В. С. Библер; под ред. В. С. Библера. – Кемерово, 1993.

КРИЗИС ДУХОВНОСТИ В ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Л. А. КАРПЕЦ

В современном мире обозначились негативные тенденции, основой которых является укрепление в глобальном масштабе потребительского мировосприятия в молодежной среде. Этому способствует наличие неразрешаемых, в том числе и с опорой на традиционную духовность, глобальных кризисов и пессимистических перспектив последствий масштабного использования основных природных ресурсов (плодородных почв, питьевой воды, ископаемых минеральных и энергоресурсов и т. д.). Человечество существует и действует в мире мощной техники и высоких технологий – в техносфере и в информационно-высокотехнологичной биокосмосфере. На этом этапе развития цивилизации технократические влияния нивелируют собственное «Я» человека, его личность. Но опустевшее место в сознании такой личности способствует формированию унифицированного индивида, а информационные технологии оказывают на него преимущественно деструктивное влияние. Это приводит к превращению человека в искусственно созданного и манипулируемого индивида на всех уровнях и этапах его жизни. Таким образом, современные информационные технологии становятся мощным орудием отрицательного воздействия на духовный мир человека, особенно в условиях формирования и становления новой мировой информационной культуры, предопределяя деградацию духовности в новом глобальном коммуникативном пространстве. Образовательная реальность становится духовно опустошенной, что в условиях перехода общества от индустриальной к информационно-высокотехнологичной цивилизации проявляется весьма наглядно.

Высокотехнологический прогресс приобрел глобальный характер в разных сферах общественной и духовной жизни и значительно влияет на жизнедеятельность современной молодежи, человеческую личность и духовное сознание. Происходит переориентация образования и воспитания молодежи на:

обеспечение способности адекватно воспринимать стремительные негативные изменения в жизнедеятельности человечества;

формирование умения адаптироваться к новым экологическим, экономическим и цивилизационным условиям, нести ответственность за изменение климата;

формирование у молодого поколения чувства ответственности за кризисные состояния цивилизации.

Современные образовательные стратегии создают почву для введения в учебно-образовательный и воспитательный процесс обновленной трактовки духовности, отвечающей современности.

МАТЕМАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЕГО РАЗВИТИЯ

П. В. КИКЕЛЬ

Уже никому не нужно доказывать, что математика является универсальной методологией познания, а деятельность математически подготовленного специалиста выступает как особая форма активности познающего субъекта, который на основе математических абстракций не только конструирует существующие на данный момент состояния объективной реальности, но и прогнозирует их изменение и развитие в будущем [1].

К сожалению, такой характеристикой математической подготовки научных исследователей нельзя оценивать выпускников школ и даже вузов. Становится все более очевидным, что в современном образовании наряду с имевшей место дихотомией «знание ради знания» и «знание ради преобразования» открылось логически предопределенное пространство для «математизируемых знаний».

Сегодня более 2000 наук составляют целостную систему знаний о мире и для всех из них – магистральный путь развития – их математизация, итогом которой выступают математизированные знания. А в контексте образовательного поля современного обучающегося всего лишь несколько десятков учебных дисциплин, содержание которых оформлено, как правило, на описательном уровне. То, что содержание современной науки с необходимостью должно проецироваться в содержание образовательных программ, не требует доказательств, а сделать это сегодня практически невозможно. Проецирование содержания науки в содержание образования возможно лишь через создание целостной системы учебных математизированных дисциплин.

Необходимость создания математизированных учебных дисциплин диктуется не только тем, что математика, облегчая решение задачи обмена информацией между учебными предметами, позволяет с единых позиций взглянуть на объективную реальность, но и тем, что способствует формированию методологической культуры обучающегося, выработке научного стиля мышления, реализации его возможности по теоретическому освоению и практическому преобразованию действительности [2].

Таким образом, внутренняя логика развития содержания науки в процессе ее математизации, которая с необходимостью должна проецироваться на содержание образования, является убедительным доказательством необходимости радикальных перемен в современном образовании на основе создания целостной системы математизированных учебных дисциплин. Для образовательных учреждений аксиомой должен стать тот факт, что без использования в учебном процессе средств и методов математики, интеллектуальных технологий, основанных на математических знаниях, невозможно подготовить ни высококлассного специалиста, отвечающего социуму XXI века, ни духовно богатую личность, умеющую найти свое место, определить свою роль в динамично развивающемся мире [3].

Литература и источники

1. Кикель, П. В. Математизация научного знания / П. В. Кикель. – Минск: Университетское, 1989.
2. Кикель, П. В. Математика и философия / П. В. Кикель. – Минск: Я. Колас, 2010.
3. Кикель, П. В. Математика и бытие / П. В. Кикель. – Минск: Право и экономика, 2017.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНТЕГРАТОР СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С. В. КИРПИЧ

Система образования в современном обществе является одной из важнейших составляющих социально-экономического развития и нуждается в философско-методологическом переосмыслении в контексте современных глобальных вызовов: таких, например, как разрыв между потребностями общества (состояние рынка труда, социокультурные запросы, ценностные ориентации) и получаемыми в сфере образования результатами (например, слабая воспитательная составляющая в школах, размытость и не всегда достаточный уровень профессиональных квалификаций в вузах и др.).

На повестке дня стоят ключевые мировоззренческие, организационно-управленческие, исследовательские, инновационные проблемы, связанные с содержанием и формами обучения, несоответствием уровня престижа преподавательского труда высокой миссии и современным задачам последнего. В связи с этим образование стоит перед необходимостью серьезной модернизации, чтобы не только полноценно исполнять свою функцию, опережающим образом формировать интеллектуальный потенциал страны, но и стать интегратором социально-экономического развития, чего требует формирующаяся инновационная экономика.

Основные вызовы современности в отношении образования – это размытие функций образовательных институтов; изменение образовательного пространства, его методов и инструментов; технологизация жизни; повышение разнообразия рынков труда, производства и потребления и др. Все это требует иных механизмов преподавания и обучения, таких, например, как коррекция «знаниевой» парадигмы (преподаватель как транслятор знаний для обучающихся), освоение компетентностного подхода (формирование вариативного набора профессиональных компетенций), использование методов устойчивой мотивации к саморазвитию и т. п. Эти и иные вызовы определяют основные тенденции современного образования, такие как развитие технологий образования в направлении сочетания очной формы обучения с online-обучением («сетевизация» образования); трансформация роли преподавателя (от роли транслятора знаний к роли модератора, наставника, консультанта); персонализация образовательного пространства и индивидуализация образовательных траекторий; дифференциация образования (освоение знаний и умений, обу-

словленных реальными жизненными ситуациями, интегрированность в профессиональную деятельность, принятие во внимание социально-культурного контекста) и др.

Реализация обозначенных выше идей даст ряд преимуществ для участников образовательного процесса: а) высокую мотивированность к образованию (обучению, воспитанию, развитию) на основе многообразия образовательных технологий и форматов; б) развитие инициативы и самоактивности его участников; в) адаптацию возможностей образовательного контента для его активного использования как обучающимися, так и преподавателем. Кроме того, откроются большие социально-экономические преимущества: сетевые коммуникации участников образовательного процесса раздвинут границы образовательного пространства, также существенно расширятся возможности их личностного и профессионального развития. Формирующаяся парадигма образования открывает возможности для развития новых моделей финансирования образования и повышения инвестиционной привлекательности этой сферы.

В целом, социально-экономическое развитие страны сегодня будет во многом определяться конечным продуктом системы образования, – повышением образовательного уровня населения, профессионализма специалистов, развитием их личностных качеств, что позволит получить значительный социальный и, конечно, экономический эффект уже в ближайшей перспективе.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. С. КОВАЛЕВИЧ

*Если тебе не известно направление движения,
ты никуда не попадешь вообще.
Лишь немногие могут преуспеть таким образом.
Оставляя будущее на волю случая, ты плывешь
по направлению к катастрофе.*

П. Паскаль

Как представитель высшей школы, хочу сказать, что белорусская высшая школа находится сегодня в сложном положении. С одной стороны, демографическая ситуация ведет к сокращению численности выпускников средних школ, общепризнано снижение качества их подготовки, что объективно затрудняет возможности вузов по отбору подготовленной молодежи. С другой стороны, планы инновационного развития экономики страны и города в частности требуют и расширения, и кардинального повышения качества подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием.

Неопределенность в выборе профессии у большинства выпускников учреждений среднего образования, появление избытка специалистов в одних отраслях хозяйственного комплекса Беларуси и дефицит специалистов нового типа в ряду рабочих профессий во всех сферах экономики не способствуют эффективному социально-экономическому развитию страны.

Данная проблема является центральным аспектом профориентационной деятельности и тесно связана с задачей построения в Беларуси открытого, демократического, гражданского общества. А для этого необходимо *современное методологическое оснащение профориентационной деятельности, в качестве которой нами используется: «онтология жизненного мира»; концептуальная модель субъектности Беларуси как нации-государства в глобализирующемся мире; концептуальная модель субъекта труда; синергетический, компетентностный и кластерный подходы.*

Методологические принципы гуманистически ориентированной образовательно-профессиональной среды, обеспечивающие повышение эффективности и качества профориентационной деятельности, включают:

непрерывность и комплексность профориентационного процесса, его опережающий, превентивный характер;

принцип персонализации;

принцип инновационной направленности на создание нового лично, социально значимого образовательного продукта;

принцип социокультурной ориентации педагога;

принцип контекстуальной включенности, т. е. ориентации на разработку конкретных образовательно-профориентационных проектов внутри образовательной системы;

принцип вариативности предметно-содержательного наполнения образования в соответствии с профориентационными запросами учащихся.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ: НОВЫЕ КОНТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ

Л. Р. КОНДРАТЮК, О. А. РОЗУМОВИЧ

Конституирование открытого образовательного пространства в Украине и других постсоветских странах является одной из главных предпосылок образовательной евроинтеграции и чрезвычайно актуальной проблемой для педагогики. Практика показывает, что педагогика своими собственными средствами не может справиться с такими сложными проблемами и требует опыта философской рефлексии над ними, без которого трудно уберечь ее от рисков «новых идеологий или переидеологизаций» (В. Возняк). На целесообразности своеобразной «философизации» образования и общества акцентируют внимание немецкие философы, настаивая, что философия – это не только гуманитарная наука, это наука «ориентировочная и интегральная» (Ю. Нида-Рюмелин).

В Украине, несмотря на потребность в увеличении роли философии не только в системе высшего образования (последнем ее убежище), но и введении ее преподавания в средней школе, она «оказалась на маргинесе» (М. Култаева). Содержательные и ценностные критерии вытесняет диктатура рыночной логики, поэтому все усилия направлены на то, чтобы непротиворечиво вписать формирующегося индивида в овеществленные социальные структуры, приспособить его к социальной среде. Однако конструирование идентичности личности как гражданина мира и своей страны, являющееся важной задачей социокультурной модернизации образования, не заменит необходимости прежде всего заботиться о роли образования в судьбе каждого человека. А это означает путь к персональному личностному знанию, которое является «живым знанием» и предполагает, по удачному высказыванию В. Стёпина, «состыковку» с мировоззренческими установками и ценностными приоритетами личности и не может быть усвоенным, а должно быть выстроенным на личностном опыте. Иначе педагогический процесс превращается в механическую систему, в которой участники педагогического взаимодействия обезличены, выхолащивается его действительное содержание, превращаясь в окостенелые формы и схемы.

Поэтому многочисленные новации в организации образовательного процесса последних лет, в частности, Болонский процесс, модульно-рейтинговая система, тесты часто вместо оптимизации учебного процесса разрушают его содержательность, ведут к стагнации педагогического мышления. Между тем становится очевидным, что европейское образовательное пространство, которое воспринимается на постсоветском пространстве как эталонное, в действительности не является статическим, а также требует обновления. И в этом процессе национальные системы образования, в частности, на наш взгляд, украинская и белорусская, могут принять активное участие. Таким образом, процесс реформирования системы образования, который обусловлен пост-тоталитарными трансформациями и поиском оптимальных путей вхождения в европейское образовательное пространство, является важной социально-педагогической проблемой, требующей глубокой философской рефлексии европейских и национальных образовательных традиций и перехода к новому педагогическому мышлению.

**«ЛОГОС» И «ДАО» ОБРАЗОВАНИЯ:
КУДА ИДЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА?
(ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

А. Д. КОРОЛЬ

В теории и практике педагогической науки за последние два десятка лет появились новые термины, составляющие основу философской мысли ряда ключевых древневосточных течений. Речь идет о *самореализации учащегося, самоизменении, миссии ученика, предназначенности, метапредметности*. Большая часть исследований касается уровня содержания образования («Чему

учить?») и технологий обучения («как учить?»), что малоэффективно без ответа на самый главный вопрос дидактики: «Зачем учить?», отражающий взгляд на природу человека.

XXI век – век открытия человека, мира внутри него, а не открытий мира вокруг него. И вот здесь позиции Востока и Запада как цивилизаций культурного типа расходятся диаметрально, затрагивают глубокие корни диалога культур, рациональный и мистический способы познания, смыслы и цели образования.

Существуют два методологических подхода к проектированию системы образования: «человек как чистый лист» и как «семя неизвестного растения». Реализация первого подхода определяет монологичный характер образования (смыслов, целей, содержания, форм и методов, критериев оценивания) – передать «монокультурному» учащемуся поликультурный опыт человечества в виде готовых достижений человечества. Но все дети разные, у них различные способности, интересы, предназначения. Опыт, как и знания, передать невозможно, потому подобная трансляция информации выступает фабрикой стереотипов мышления, общения, поведения, учит ученика смотреть на объекты окружающего мира чужими глазами, а не своими, снижает мотивацию к познанию. Согласно социологической теории Г. Тарда, история есть столкновение кругов подражания. Монологичная система образования производит Ученика Монологичного, изменяет историю, но не способна обеспечить самоизменение человека, предвосхищает антропологическую катастрофу. В этом причина того, что аристотелевский взгляд на человека как на «чистый лист» в западной педагогической традиции привел к «потере» человека.

Диалогический характер системы образования, ориентированный на создание учеником собственных смыслов, целей, содержания образования, основан на обучении через открытие – ученик вначале самостоятельно познает объекты действительности и только на втором этапе сопоставляет свой созданный продукт с его культурно-историческим аналогом. В результате диалога «своего» с «чужим» ученик выходит за свои пределы, смотрит на себя со стороны глазами других людей средствами учебных предметов, создает свой обобщенный образовательный продукт, который состоит из внешней материализованной части и внутренней (изменения личностных качеств учащегося). Ученик создает столько личностного знания, насколько он меняется сам.

В системе образования диалогового типа заключены и западноевропейская, и восточная образовательные традиции: «Логос» и «Дао». Вопрос ученика – главный методологический, содержательный и методический инструмент проектирования и реализации диалоговой системы образования, ориентированной на самопознание и самоизменение ученика.

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

С. В. КОСТЮКЕВИЧ

Социальная практика создания массовой сферы образования и мощной научно-технической сферы в Советском Союзе, стране, которая строила экономику без класса капиталистов и предпринимателей, была концептуализирована американскими экономистами (Т. Шульц и Г. Беккер) в теории человеческого капитала (ЧК), с которой началось активное изучение образования в рамках экономической логики. Можно сказать, что с легкой руки американских экономистов сфера образования стала считаться важной частью экономики и предметом экономических исследований. Был запущен глобальный тренд, рассматривающий образование как фактор развития экономики, который в конечном итоге оформился в идее «экономики знаний».

Спустя полвека после создания теории ЧК развитие сферы образования как фактора развития экономики определяют два тренда: экономика знаний (когда к экономическим ресурсам относят не только землю, труд и капитал, но и знания) и политика маркетизации (которая предлагает рассматривать знание как товар на рынке образовательных услуг). Первый тренд акцентирует внимание на образованности работника как его капитале (приносящем доход), второй – на образовании как товаре (покупаемом на образовательном рынке). Эти тренды (знание как капитал и знание как товар) сегодня определяют развитие сферы образования.

Следует отметить, что второй тренд «знание как товар» появился позже, чем «знание как капитал», и может быть рассмотрен как реакция сомнения в первом тренде, которая выразилась, в частности, в том, что правящие элиты перестали рассматривать государственные вложения в образование как фактор экономического роста и общественного благосостояния. Элиты больше не желают инвестировать в человеческий капитал, хотя в силу инерции идея человеческого капитала осталась все еще популярной и привлекательной для некоторой части политиков и инвесторов. В итоге общество более не гарантирует бесплатного высшего образования своим членам, студенты должны сами его оплачивать.

Сегодня, таким образом, нам приходится иметь дело с тем, что наше образование – это не столько капитал, которым мы зарабатываем, сколько товар, который нам продают. Так как экономический подход к образованию склонился именно в эту сторону, т. е. в сторону маркетизации. Такой поворот событий указывает на необходимость оценить идею рассматривать образованность человека как его капитал и сферу образования как фактор развития экономики с учетом опыта XX века. Можно сказать, что появилась потребность в переинтерпретации понятия человеческого капитал.

ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ ПОСТПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

С. П. КУЛИК

Для современной Беларуси наука и образование выступают в качестве стратегических приоритетов, следование которым позволит обеспечить ее будущее устойчивое развитие как общества знаний.

Философия рассматривает образование как атрибут человеческого бытия в культуре. Становление, сохранение, трансляция и прогрессивное развитие культурных ценностей возможны только через систему образования.

Образование как неотъемлемый способ бытия человека в культуре прошло в своем развитии несколько глобальных стадий, соответствующих этапам дописьменной и письменной культуры. В результате сложилась всеобщая, единая в своих рациональных основах система образования как один из важнейших устоев, социальных институтов современного общества, обеспечивающих его нравственную зрелость, единство, внутреннее взаимопонимание и благополучие. Однако история и логика развития техногенной цивилизации привели к кризису основополагающих ценностей современной культуры, что не могло не отразиться и на образовании как способе существования человека.

Мы живем в переходное время, когда одна стадия развития культуры сменяет другую, когда образование сталкивается с новыми, вне- и надписьменными, формами своего осуществления, а письменное образование перестает быть единственным способом социализации и бытия человека в культуре. Проявления глобального кризиса письменного образования находят отражение в антиномичности образов мира и человека, где эмоциональное довлеет над рациональным; ситуативное – над логическим, последовательным; наглядно-образное – над умозрительным; виртуальное – над реальным; символическое – над понятийным; невербальное – над вербальным; множественность – над единством; эклектичность – над системностью; неопределенность – над определенностью; полисемантичность – над однозначностью; кажимость – над обоснованностью; явление – над сущностью; поведенческое подражание – над интеллектуально осмысленным поведением; прагматизм – над моральностью; антинаучное – над научным и т. п. Эти и другие метаморфозы современной культуры приводят к тому, что существующая система образования начинает «пробуксовывать» в выполнении роли атрибута бытия человека в «переломное» время культуры. Молодое поколение, вкусившее через компьютерную грамотность ценности массовой культуры, все чаще проявляет потребительское отношение к процессу образования, демонстрируя при этом не столько нежелание, сколько неумение учиться в школе вербально-рациональной системы письменного образования. Уже видимые сегодня деформации образования можно интерпретировать как своего рода симптоматику того, что кончается одна всемирная эпоха в истории культуры и образования

и начинается другая. В системе образования следует ждать очень серьезных, качественных изменений. Национальной системе образования важно быть готовой к тому, чтобы преодолеть возможные негативные последствия глобальных сдвигов, характеризующих современное образование как социокультурный феномен в целом.

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Т. А. ЛОПАТИК

В современном мире глобальной информатизации и компьютеризации сознания проблема совершенствования содержания образования приобретает особую значимость.

Современное общество становится все более прагматичным, технократичным, а образование экономически целесообразным. Подготовка современных специалистов осуществляется в условиях реализации сокращенных учебных планов, главным образом за счет уменьшения объема либо исключения из образовательного процесса таких гуманитарных дисциплин, как философия, этика, педагогика и др. В социуме утверждается мнение о малой значимости этих дисциплин, простоте освоения их содержания и отсутствии необходимости тратить время и деньги на их изучение.

Формирование личности высококвалифицированного специалиста в любой области – долговременный процесс, связанный с формированием профессионального менталитета, основанного на гуманитарной образованности.

В. П. Зинченко, определяя технократическое мышление, высказывается достаточно резко: «Технократическое мышление – это мировоззрение, существенными чертами которого являются примат средства над целью, частной цели над смыслом и общечеловеческими интересами, символа над бытием и реальностями современного мира, техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями. Технократическое мышление – это Рассудок, которому чужды Разум и Мудрость. Для технократического мышления не существует категорий нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства. Существенной особенностью технократического мышления является взгляд на человека как на обучаемый, программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций, а не как на личность, для которой характерна не только самостоятельность, но и свобода по отношению к возможному пространству деятельности» [1].

В большинстве развитых стран в середине XX века официально была признана опасность чрезмерной технократизации социума и произошел пересмотр образовательных программ учреждений высшего образования в отношении увеличения доли гуманитарных дисциплин. Опыт мирового сообщества позволяет говорить о том, что широкая гуманитарная подготовка, включающая

усвоение основных знаний, составляющих фундаментальную базу развития культуры, способствует формированию личности с развитым воображением, облегчающим восприятие нового знания, творческим мышлением, создающим возможности для мировоззренческого видения явлений с позиций, отличных от традиционно принятых.

Поэтому высшее профессиональное образование в Республике Беларусь, выполняя функцию подготовки молодого поколения к решению профессиональных задач в определенной области деятельности, должно выступать средством саморазвития, самореализации, самовыражения и самоутверждения личности, так как в наибольшей степени человек раскрывает свои способности в профессиональной деятельности.

Литература и источники

1. Зинченко, В. П. Аффект и интеллект в образовании / В. П. Зинченко. – М., 1995. – С. 18.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБРАЗОВАНИИ

С. Г. МАСЬКО, О. М. СТАРИКОВА

Наличие конкуренции на рынке труда, связанной как с трудностями современного этапа социально-экономического развития страны, так и с неизбежным усложнением производственных технологий и новых форм организации труда, без которых невозможен рывок в будущее, порождает необходимость в инновационной системе образования. В настоящее время это выражается в развитии компетентностного подхода при организации учебного процесса.

В Республике Беларусь сформирована система непрерывного образования, включающая в себя диапазон от дошкольных до послевузовских социальных институтов, каждый из которых выполняет свою собственную функцию. В соответствии со стоящими перед ними задачами они обеспечиваются материальными, административными, правовыми и иными ресурсами. Главным для них является максимально возможное раскрытие потенциала учащегося. И здесь мы встречаемся с рядом проблем.

Так, современное учреждение общего среднего образования не в состоянии сформировать такой уровень компетентности обучающихся, который будет достаточным для эффективного решения ими всех проблем в своей будущей жизнедеятельности. Объясняется это как объективными причинами социального бытия, так и субъективными, к которым можно отнести особенности психофизиологического развития мозга ребенка, выражающегося в агрессивности поведения, нетерпимости к иному мнению в переходный период взросления и т. д.

Кроме того, современные учреждения образования испытывают трудности и с воспитанием подрастающего поколения. Имеющиеся традиции и методы воспитания, как и основная масса педагогов, достались нам в наследство от советской школы. В те времена школа справлялась с задачей воспитания, так как существовала единая идеологическая парадигма восприятия внешнего мира. Отсутствие инакомыслия обеспечивало и отсутствие соответствующих проблем. В настоящее время ситуация изменилась. Из всемирной паутины интернета дети получают информацию, выходящую за пределы учебных программ, и, соответственно, воспитание их в виде вкладывания в них единственной точки зрения, которая будет определять их мышление и поведение, уже невозможно.

Таким образом, развитие компетентностного подхода к образованию требует модернизации соответствующих подходов. Развитие педагогических теорий в их увязке с практикой неизбежно.

О ПОЛЬЗЕ КОГНИТИВНЫХ НАУК ДЛЯ ИСТОРИОГРАФИИ

О. А. МАТУСЕВИЧ

Все чаще историографы отходят от классического проблемного поля своей отрасли (исследование процесса накопления исторических знаний и современного состояния исторической науки, развитие исторической мысли, профессионального наследия определенных историков или научных направлений и школ) и задаются вопросом о механизмах исторического познания, функциях исторических знаний в обществе, взаимосвязи и взаимовлиянии научного и обыденного исторического сознания, особенностей формирования массовых представлений о прошлом, способности / эффективности формирования профессиональным историческим сообществом обыденных знаний о прошлом. Результаты исследований в области когнитивной психологии и когнитивной социологии предоставляют значительный эмпирический и теоретический материал для развития современных историографических изысканий, позволяя преодолеть методологический кризис последних десятилетий. Наиболее перспективными для использования в историографии представляются разработки социальной обусловленности процессов восприятия, переработки и хранения информации; социальной природы классификаций и периодизаций; методики изучения социальных представлений и использование когнитивных карт; исследования социальной памяти и социального времени.

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

О. А. МАШКИНА

Опыт развития современных Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР) показывает, что переход от сложившейся модели экономического развития, опирающейся на природные ресурсы (как в России) или экспортно ориентированное производство (как в Китае), к экономике знаний буксует из-за отсутствия критически необходимой для такой трансформации группы людей, способных генерировать новые идеи, создавать и обновлять технологии, легко адаптироваться к условиям жизни и работы в постоянно меняющемся мире и расширяющем границы взаимодействия социуме. Одним словом, профессионалов, обладающих креативным мышлением, способных легко адаптироваться в поликультурном пространстве. Очевидно, что формирование высокого интеллектуального потенциала в первую очередь зависит от доступности и качества образования, а также от мировоззрения и ценностей, которые культивируются в обществе. Если развитие образования определяется главным образом государственной стратегией, то ценности и мироощущение человека хотя и могут в какой-то момент быть подвергнуты попытке коренной ломки (например, Октябрьская революция в России и «культурная революция» в КНР), однако со временем происходит откат от радикальных позиций к более умеренным и к восстановлению многих традиционных норм, сохраняемых на уровне коллективного бессознательного.

Автор ставит задачу рассмотреть комплекс проблем, относящихся непосредственно к процессам, происходящим в сфере образования, а также изучить внешние факторы и условия, обуславливающие перспективы развития образования.

В фокусе исследования – следующие вопросы:

1. Каким должно быть образование, чтобы подготовиться к переходу от инерционной к инновационной модели экономического развития?
2. Как и с чем не справляется современная школа?
3. Какие цели обучения и воспитания – реальные, какие – мифологизированные / мифические?
4. Как демографические процессы (старение населения, миграция и т. п.) влияют на кадровую структуру и требования к подготовке кадров в системе профессионального образования?
5. Как влияет смена поколений на ценности учащихся школ и вузов?
6. Как коррелируют профессиональная подготовка, целевые установки и предпочтения студентов вузов с социально-экономическими планами развития стран, в которых они проживают?

7. Готова ли психологически и профессионально учащаяся молодежь к предстоящим изменениям трудовых функций в свете новых технологических перемен?

Выбор РФ и КНР для сопоставления и анализа вышеперечисленных вопросов обусловлен как сходством вызовов, стоящих перед двумя странами, так и различиями в исходных условиях, а также своеобразием поиска их решения.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю. Г. МЕЛКУМЯН

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам выделяет четыре основные характеристики права на образование: наличие, доступность, приемлемость и адаптивность образования. Выделенные характеристики являются фундаментальной основой концепции социальной инклюзии и инклюзивного образования.

Процессы демократизации в современном мире послужили элиминации на законодательном уровне неравенства, обусловленного такими факторами, как пол, раса, религия, этническая принадлежность и т. д. Наряду с этим наиболее значимым фактором институционализации неравенства практически во всех современных обществах стало образование. Поэтому право на образование, доступное для всех слоев населения, – инклюзивное образование – является залогом развития демократического общества. С одной стороны, инклюзивное образование является осознанной необходимостью, с другой – полноценная инклюзия – недостижимая утопия. Инклюзия как таковая весьма абстрактна, изменчива и зависит от множества факторов.

Инклюзия зачастую ассоциируется с инвалидностью, однако на самом деле инклюзивное образование предполагает инклюзию для всех членов общества и образовательного процесса, фокусируя внимание на учащихся с особыми образовательными потребностями вне зависимости от характера ограничений: физических, психических, интеллектуальных, культурных, религиозных, языковых и т. д.

Особенность концепции инклюзивного образования заключается в том, что особое внимание уделяется барьерам, препятствующим обучению всех членов общества, что предполагает более конструктивный подход, переносащий акцент на устранение барьеров для того или иного участника образовательного процесса. Инклюзивное образование в данной статье рассматривается как наиболее эффективный механизм обеспечения равенства в обществе.

В современном обществе образовательная среда является основой формирования социальных интеракций, паттернов поведения и коммуникации, а также стратификации и общества в целом. Позитивные социальные практики – личностный рост, инклюзивные, равноправные взаимоотношения, позитивное участие – трансформируются и распространяются в социальной среде, общине, становясь основой для укоренения культуры социальной инклюзии.

ВЫЗОВЫ КОРПОРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Е. Г. НАУМОВА

Развитие образовательных систем привело к появлению в постиндустриальном социуме корпоративного образования как особого института дополнительного профессионального образования (ДПО). Он имеет практико-ориентированный характер и призван обеспечивать потребности глобальной экономики в воспроизводстве квалифицированных трудовых ресурсов. В качестве его основных заказчиков и бенефициаров, гарантированно получающих выгоду от результатов образовательной деятельности, выступают ТНК. Именно они наиболее заинтересованы в бесперебойной специализированной подготовке и переподготовке кадров.

Однако функционирование системы корпоративного образования хотя и осуществляется в интересах ТНК, но всегда в границах государства со своей правовой системой и экономической конъюнктурой. В условиях глобализации это создает определенные вызовы для развития национальной экономики и социальной сферы.

Во-первых, развитие корпоративного образования создает напряжение для реализации государственной образовательной политики из-за фундаментального различия в подходах к оценке приоритетов и эффективности результатов образовательной деятельности. Так, корпоративное образование основано на принципах инструментального профессионализма и экономической целесообразности, а его эффективность оценивается сквозь призму повышения производительности труда работника. В то время как государство в системе ДПО видит инструмент развития человеческого капитала в стране, а его эффективность рассматривает в аспекте нивелирования диспропорций социально-экономического развития различных сообществ.

Во-вторых, данный процесс косвенно содействует появлению диспропорций в развитии рынка труда, так как подготовка и переподготовка кадров осуществляется только по актуальным для развития организации-заказчика направлениям. В масштабах национальной экономики это наиболее динамично развивающиеся отрасли (IT-сфера, биотехнологии, аддитивные технологии и пр.), работники которых востребованы на рынках труда развитых стран. Как итог, деятельность корпоративного образования интенсифицирует международную трудовую миграцию, которая ведет к выкачиванию из страны наиболее подготовленных кадров по организационным каналам ТНК.

В-третьих, этот процесс ведет к формированию и закреплению социальных барьеров, конструируемых на основе образовательных сертификатов. Они предоставляют индивиду доступ в привилегированные закрытые профессиональные сообщества, но только в том случае, если он уже является работником корпорации. При этом такие сообщества ориентированы на принципы

меритократизма, космополитизма и корпоративной лояльности, что создает сложности для сохранения гражданской идентичности работника.

Таким образом, корпоративное образование не только содействует экономическому и технологическому развитию общества, но и создает определенные напряжения в других его сферах. Соответственно, это определяет целесообразность их выявления, описания и философского анализа.

ФОРМИРОВАНИЕ «НОМО CREATOR»: ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

С. Г. НОВИКОВ

Вся история человека на стадии цивилизации представляет собой процесс его непрерывного преобразования, проходящего в борьбе с соблазнами варварства, с одной стороны, и с искушением разлагающего безделья – с другой. С нарождением постпроизводительной реальности эти угрозы приобрели новое звучание благодаря наличной форме глобализации. Наблюдаемое разделение планетарного пространства на технологически отсталые регионы и зоны «материального перенасыщения» продуцирует опасность деградации человека в потребителя «духовной жвачки». Сложившаяся ситуация чревата отказом от культуры цивилизации в пользу культуры «неоварварства» (агрессивной, ксенофобской), архаизацией сознания (реанимацией оккультизма, мистицизма, веры в «магов» и «целителей»). Однако вытеснение человека из непосредственного процесса производства, замена труда искусственной биоавтоматической системой делает возможным и иной сценарий развития событий: использование досуга (чья темпоральные границы резко раздвигаются в постпроизводительную эпоху) на развитие того качества, которое отличает человека от животного – на творчество. Стремление же к данной форме деятельности, побуждаемой не внешней, экономической необходимостью, а внутренней мотивацией, стремлением жить не по инстинкту, а по образу, может быть только воспитано. Назовем личность, движимую нематериалистической мотивацией, желанием возвыситься над собой природным, самореализоваться в сфере и виде деятельности, свободно ею избранных, – *homo creator*’ом.

Именно в *homo creator*’е нуждается та часть человечества, которая не желает смириться с реальной вероятностью трансформации человека разумного в «человека потребляющего». Впрочем, в качествах такого типа личности нуждается и современный мир, зарождающийся на Западе. Такие черты «человека творческого», как стремление прирастить знание просто потому, что «это интересно» [1, с. 51], неудовлетворенность косностью, уважение к Другому, «готовность отказаться от всех форм обладания», «любовь и уважение к жизни», способность к «критическому, реалистическому мышлению», к самоочищению «перед лицом торжествующих Других – гораздо более совершенных», к «свободной жизнедеятельности, которая совсем необязательно состоит в определе-

чивании» [2–4], как нельзя более отвечают интересам того варианта постпроизводительного общества, субъектом которого будет личность, ориентированная не на «интерес», а на «идеал», умеющая «соблюдать меру своего деяния и своего развития сообразно его ценностно-смысловой оправданности», действующая «без тени своемерия и своецентризма» [5].

Литература и источники

1. Бехманн, Г. Общество знания – трансформация современных обществ / Г. Бехманн // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. – М., 2010. – С. 39–65.
2. Батищев, Г. С. Найти и обрести себя / Г. С. Батищев // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 95–129.
3. Ильенков, Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. – Киев: Час-Крок, 2006.
4. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм // Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: АСТ, 2000.
5. Батищев, Г. С. Три типа педагогики / Г. С. Батищев // Учительская газета. – 1988. – 14 апреля.

ВЫСШАЯ ШКОЛА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ В РОССИИ: РЕФОРМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В. В. ПЕТРОВ

Реформы, которым на протяжении длительного времени подвергаются все уровни системы отечественного образования (от начальной ступени обучения до послевузовской подготовки), все никак не могут привести к желаемым результатам – массовой подготовке специалистов, способных и готовых эффективно осуществлять свою деятельность в рамках полученной специальности и в условиях формирования общества знания в России.

За последнее десятилетие произошло серьезное сокращение численности студентов российских высших учебных заведений – с 7,4 млн человек в 2009 г. до 4,4 млн человек в 2017 г. С другой стороны, несмотря на общее сокращение, количество бюджетных мест для абитуриентов в 2017–2018 учебном году составляет около 575 тыс. человек, при том, что численность выпускников школ снизилась до 628 тыс. человек. Если учитывать внебюджетные места в государственных вузах, а также негосударственные высшие учебные заведения, то получается, что число мест для абитуриентов в вузах превышает количество выпускников школ.

Таким образом, с одной стороны, существует направленность на повышение общего уровня образования (на что была ориентирована советская система образования). Многими исследователями подчеркивается, что общество будущего станет, по всей вероятности, основываться на информации и на знаниях, поэтому в таком обществе возрастет потребность в высококвалифицированных, грамотных, образованных специалистах. Но сегодня в России 24 %

вчераших студентов устраиваются на должности, не требующие высшего образования, а работать по полученной специальности начинают менее 50 % выпускников вузов. Причина кроется, во-первых, в перераспределении рынка сбыта дипломированных специалистов, на что высшая школа не успевает адекватно реагировать, будучи достаточно консервативной, а во-вторых, в том, что цели абитуриента и высшей школы, как показывает статистика, могут существенно расходиться в понимании того, кто формирует социальный заказ для системы в целом: абитуриент, рынок или государство. Отсутствие такого единства ярко проявляется в общегосударственной образовательной политике и приводит к неэффективности проводимых реформ отечественной высшей школы.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

С. Е. ПОКРОВСКАЯ

Выбор профессии личностью в период профессионального самоопределения является важнейшей проблемой в XXI веке. Каждый период развития общества диктует свои особенности формирования личности и ее профессиональной деятельности, которые обостряются в процессе экономических, социальных и политических трансформаций, появления рынка труда и новых технологий.

Действенным фактором, ускоряющим процесс профессионализации, является дифференцированное и профильное обучение учащихся. Оно первоначально внедрялось в школьную практику как одно из современных педагогических технологий, а затем стало эффективно использоваться старшими звеньями для организации учебных заведений нового типа (создание профильных классов и гимназий). Это является условием для индивидуализации педагогического процесса и составляет основу технологии разноуровневого обучения в целом.

Вопрос об обеспечении преемственности дифференцированного и профильного обучения на различных этапах профессионального становления осуществляется посредством психологического сопровождения учащейся молодежи. Именно оно позволит оценить качество условий дифференциации в различных типах учебных заведений в соотношении с оценкой личностного роста обучающегося и его профессиональным самоопределением. Особенности развития личности в юношеском возрасте анализируются через потребность в профессиональном самоопределении и потребность в смысле жизни, которые становятся основополагающими.

Психолого-педагогическая проблема дифференциации и индивидуализации обучения определяется как условие для формирования профессиональной направленности разных категорий учащейся молодежи. Можно выделить вну-

треннюю и внешнюю дифференциацию и профилизацию обучения, рассмотреть учебно-трудовой (школа, МУПК) и профессиональный (гимназия, колледж, ПТУ) виды дифференцированного и профильного обучения, которые являются необходимым условием для формирования устойчивой профессиональной направленности. Стоит также отметить специфику и перспективы недирективного (развивающего) подхода в профориентации.

Изменение содержания трудовой деятельности современного человека оказывает влияние на развитие самой личности, на процесс ее профессионального самоопределения и определяет систему образования. Содействовать индивидуальному и личностному развитию молодежи можно через создание благоприятных педагогических и социальных условий, через использование субъективного опыта учащихся в процессе воспитания и личностно-ориентированного обучения.

ТРЕБОВАНИЯ И РИСКИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. И. ПОПОВА

В 1990-е годы трансформация российской экономики способствовала, во-первых, расширению сегмента «новых профессий» на рынке труда и, во-вторых, открытию соответствующих специализаций в вузах. Профессии менеджера, маркетолога, специалистов по работе с персоналом, по связям с общественностью, по рекламе и т. д. стали чрезвычайно востребованы, престижны и неплохо оплачиваемы. Но качество профессионального образования в те годы было сложно проверить не только потребителям услуг, но и контролирующим органам. Особым образом риски подобного приспособления проявились в гуманитарном образовании, менеджеры которого не уловили сигналов рынка, существенно изменившего в последние годы спрос на гуманитарные компетенции.

На российском рынке труда сохранился спрос на специалистов классического гуманитарного образования; он сосредоточен в «старых профессиях» – филолога, искусствоведа, культуролога и т. д. Одновременно на рынке труда в границах «новых профессий» сформировался спрос на гуманитарные компетенции в более сложной многосоставной компетентностной структуре.

На основе анализа интервью экспертов был составлен следующий рейтинг высоко ценимых в организациях гуманитарных компетенций:

организация деятельности, готовность принимать самостоятельные решения, критическое мышление. Это очень актуальный для нынешнего рынка навык – способность самостоятельно, ответственно относиться к своей работе без постановки задачи сверху и постоянного контроля.

построение отношений сотрудничества. Здесь подразумевается все, что может построить крепкие социальные связи: *умение работать в команде,*

высокий уровень ответственности. Управленческие и экономические знания, компетенции в области коммуникации и презентации идей. Способность установить прочные социальные связи – это базовая вещь, которая нужна всем.

навык участия в электронных торгах на электронных площадках, так как все закупки сейчас проходят через торги;

способность к ведению успешных переговоров при заключении договоров и контрактов;

профессиональная способность к работе на результат;

инициативность как профессиональный навык – «предлагать, видеть, что можно улучшить и изменить, предлагать и внедрять изменения, нововведения»;

способность и желание постоянного профессионального развития – умение учиться, постоянно повышать уровень своих знаний, умений и навыков.

социальная зрелость, проявляемая как профессиональная ответственность. «Она приходит или не приходит с возрастом. Все зависит от личности студента. Студенты приходят разные».

Культура и грамотность письма – это то, что необходимо в большей или меньшей степени в зависимости от специфики профессии. Но также является ключевой компетенцией.

Для банков особо актуальна *экономическая грамотность*.

Для сотрудников музея важными представляются следующие компетенции в следующем рейтинге: знание языков, общая культура, критическое мышление, способность учиться, умение работать в команде, культура и грамотность письма, начитанность.

Гуманитарные компетенции должны быть имплантированы в подготовку специалистов, обучающихся на технических, экономических и т. д. факультетах; их признание в качестве профессиональных компетенций с последующими изменениями в образовательных стандартах и учебных планах и, соответственно, в установках студентов может стать влиятельным фактором формирования эффективного специалиста в «новых профессиях».

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА СТУДЕНТАМИ-ФИЛОСОФАМИ В РОССИИ

В. А. ПРОХОДА

В публикации анализируются результаты социологического исследования «Учебный процесс глазами студента», проведенного на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова в 2015 г. Метод сбора первичной социологической информации – раздаточный анкетный опрос. Опрашивались студенты очной формы обучения. Всего опрошено 196 респондентов (в том числе – 121 респондент, обучающийся по направлению «Философия»).

Для выявления оценки студентами-философами организации учебного процесса им задавался табличный вопрос с просьбой оценить степень удовлетворенности теми или иными сторонами учебного процесса. Особый интерес представляет не столько процентное распределение ответов опрошенных, которое тесно связано с особенностями организации учебного процесса в структурном подразделении или вузе в целом, сколько внутренняя логика оценки. Для ее выявления был проведен факторный анализ. Как оказалось, современный студент-философ оценивает учебный процесс по двум измерениям. Первое, с условным названием «ориентация на содержание», включает в себя: содержание учебных дисциплин; объем учебной нагрузки и набор читаемых дисциплин. Второе измерение, названное «ориентация на форму», объединяет следующие критерии оценки учебного процесса: использование технических средств обучения; качество преподавания; объективность преподавателей.

Оценка по каждому измерению может быть разноплановой. Иными словами, учебный процесс, например, может полностью удовлетворять студентов по форме, при этом не устраивать респондентов в содержательном плане или наоборот. Интересно, что по данным аналогичного опроса, проведенного на философском факультете МГУ в 2006 г., дифференцированная оценка учебного процесса по двум измерениям отсутствовала. Модель оценки включала в себя одновременно все шесть критериев, без деления в сознании студентов на оценку по «форме» и по «содержанию». При этом наибольший вклад в общую оценку вносил критерий удовлетворенности содержанием учебных дисциплин.

В студенческом сознании степень удовлетворенности содержанием учебных дисциплин тесно связана с представлением опрошенных о достаточности приобретаемых студентом во время обучения на факультете знаний и навыков для успешного трудоустройства. Чем больше уверенность респондентов в том, что полученных знаний и навыков достаточно, тем выше уровень удовлетворенности содержанием дисциплин. Выявленная значимая линейная корреляция имеет устойчивый характер и наблюдается как в 2006 г., так и в 2015 г. Это позволяет констатировать, что студенты-философы оценивают учебный процесс в вузе не столько сквозь призму возможностей формирования мировоззрения и саморазвития, сколько в контексте освоения будущей профессии.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НООСФЕРНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. О. ПУНЧЕНКО

Переход человечества к новому типу цивилизационного устройства – информационному – требует коренного преобразования не только финансово-экономической и политической сфер деятельности, но и широких социокультурных трансформаций, среди которых важнейшее место принадлежит образованию. В своем прогрессивном поступательном движении оно пришло к высшей стадии своего развития – ноосферно-информационной парадигмы,

выступающей в качестве императива информационной цивилизации. Что же представляет собой новая парадигма образования, какие смылсоразмерные основания составляют ее архитектонику?

Ноосферно-информационная парадигма – это качественно новый уровень формирования инновационного типа мышления обучаемых, базирующаяся на информационных ресурсах и способствующая, на основе креативной методологии и достижений современной науки, становлению нового уровня индивидуального и общественного интеллекта.

В ноосферно-информационном образовании конкретизируются целевые установки всех ветвей научного знания. Оно предстает как целенаправленный процесс формирования новых черт человека с присущими ему новыми формами мышления и ноосферного познания. Этот тип образования характеризуется: развитием ноосферного сознания, направленного на кооперативное взаимодействие с природой и другими людьми; формированием целостного, гармоничного ноосферного мышления, которое способно стать инструментом решения глобальных проблем человечества; ноосферизацией как процессом формирования новой научно-мировоззренческой системы; ноосферным воспитанием как процессом формирования личности, обладающей высоким духовным внутренним миром. Такое образование также является базой формирования совокупного общественного интеллекта, представленного достижениями научной мысли и являющегося общечеловеческим достоянием.

Образование как интеллектуальный инновационный ресурс новой цивилизации должно обеспечить условия не только для материального и социокультурного развития каждого человека как члена общества и как индивида, но и для развития общественных отношений таким образом, чтобы люди могли выступать как свободные личности. То есть инновации в образовании обретают уникальное качество социального механизма, моделируя облик будущего общественного устройства.

Следовательно, в современной ноосферно-информационной парадигме объединены интеллектуальная, инновационная и информационная составляющие, которые отражают ее богатый потенциал и представляют ее как сплав раскрепощенного человеческого разума и его достижений, нового полета мысли в познании природной и социальной реальности.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Л. А. ПШЕНИЦЫНА

Рассматриваемая проблема формирования гуманистических отношений воспитанника связана с тем, что современное общество, вступив в принципиально новую для него информационную эпоху, существенно изменило все составляющие своего образа жизни, в том числе и отношения между людьми, которые все чаще характеризуются негативными тенденциями: снижением

уровня культуры и взаимопомощи, повышением безразличия и агрессии, обесцениванием моральных установок. Все это привело к тому, что проблема гуманизма и связанная с ней необходимость формирования гуманистических отношений к людям и окружающей среде стала весьма острой, как никогда в истории человечества.

В философии XX и начала XXI века проблема гуманизма и гуманистических отношений получила новые направления развития в трудах зарубежных и отечественных философов: Б. Рассела, Н. Н. Моисеева, И. К. Мелекаевой, Е. В. Решетниковой, И. Т. Фролова и др. Гуманизм, как отмечает российский философ В. А. Кувакин, является не только нравственным стержнем личности, внутренне ответственной и открытой для творческого освоения мира и партнерства с ним, но и образует духовную основу современного государства, общества и культуры, здорового образа жизни личности и социума [1].

Основываясь на анализе современных философских исследований, необходимо формировать такие гуманистические отношения, которые позволили бы подрастающему поколению принять:

мировоззрение, основанное на любви к человечеству, заботе о сохранении растительного и животного мира Земли;

общечеловеческие ценности: милосердие, чуткость, справедливость, свобода, достоинство и др.;

нравственные принципы в отношениях между людьми, в основе которых лежит забота о человеке, стремление к улучшению условий его жизни, обеспечение удовлетворения его потребностей и развития талантов.

Вышеуказанные положения (мировоззрение, моральные ценности, нравственные принципы) должны быть реализованы в мотивах, которые направляют деятельность воспитанника на гуманное поведение, проявляющееся в гуманистическом отношении к себе, окружающим людям, природе в соответствии с требованиями морали. Такое поведение должно проявляться и в действиях, направленных на развитие физического (сохранение, укрепление здоровья, проявление активной жизненной позиции), духовного (осознание смысла и определение своих жизненных ориентиров), психического (воспитание воли, определяющей нравственную направленность поведения в различных ситуациях взаимодействия) потенциалов личности, способствующих поддержанию и сохранению равновесия в природе и современном информационном обществе.

Литература и источники

1. Кувакин, В. А. Почему необходим учебный курс «Основы современного гуманизма»? / В. А. Кувакин, В. Д. Жукоцкий // Здравый смысл. – 2005. – № 4 (37).

РОЛЬ И СТАТУС ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Л. Е. РОМАНЕНКО

Культура выступает как особый аспект социальной жизни, хранит и транслирует опыт, вырабатывает новые программы деятельности людей, порождающие изменения в жизни общества. Она же является изначальной целостностью и социальным аспектом «всеединства» (В. С. Соловьев). Культурфилософский ракурс исследования бытия искусства в образовании позволяет целостно исследовать внутренние (собственные) и внешние (коммуникационные) процессы этого явления в культуре.

В историко-культурном процессе образование играет ведущую роль в развитии общества и его обновлении. Оно является важнейшим феноменом в культуре, каналом трансляции и воспроизводства культурного опыта, средством развития личности и общества.

Процесс накопления социокультурного опыта человечества имеет две составляющие: рациональную и эмоционально-чувственную. Последняя обеспечивается через искусство, как вторичный язык культуры и ее ядра (мировоззренческие установки, культурные паттерны и т. д.).

Искусство является информационно-знаковой (семиотической) системой, отражающей социально значимую информацию и предлагаемую в образной форме различных своих видов. Как специфический вид духовного отражения проблем общества, его идей, ценностей, ориентиров, выраженных и зафиксированных в образах, художественная информация максимально эффективно усваивается на логическом, подсознательном и интуитивном уровнях.

Потенциал и множественность социокультурных функций, искусства позволяет использовать его для решения задач образования. Способность человека через искусство осмысливать, понимать, воспринимать, творчески преобразовывать мир и самого себя по законам добра и красоты предопределяет его инвариантную функцию в образовании.

Образование через искусство называется художественным. Как культурно-историческое явление этот тип образования представляет собой особые культуротворческую и человекоформирующую практики, которые основаны на взаимообусловленности и взаимодействии индивидуально-личного, культурного и социального пространств, равновеликости и взаимосвязи художественной и эстетической компонент. Художественное образование функционирует как в пространстве культуры, так и в пространстве социума. Является очевидным непосредственная взаимосвязь и взаимозависимость культуры, личности, общества. Этим и определяется его антропосоциокультурная реальность.

Как сложная социокультурная система образование через искусство отличается особым характером функционирования – целенаправленно-избирательным, духовно-регулируемым, нелинейным. Представляя собой сложный

тип системы – антропосоциокультурный – художественное образование решает культуротворческую и человекоформирующую задачи в определенных общественных отношениях. При этом культура в художественном образовании выступает как метод исследования, среда, содержание, цель и результат. В праксиологическом отношении такой подход позволит эффективнее использовать педагогический потенциал искусства в образовании.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

И. Б. САВЕЛОВА

Важными функциями образования в современном мире являются трансляция культурных образов в общественное пространство и развитие творческих процессов. По мнению Д. Дьюи, «образование – не подготовка к жизни, образование и есть жизнь». Для перехода системы обучения к системе образования необходимы синтез науки и искусства наряду с процессами самореализации и самоорганизации участников образовательного процесса и процесса становления их самосознания.

Практика изменения идеала образования от «человека знания» к «человеку культуры» (В. С. Библер) говорит о необходимости содержания образования, представленного в виде культуры как широкой инклюзивной концепции бытия человека (Н. Б. Крылова) через творческие культурные практики. В контексте трансляции и развития культуры личные культурные практики выступают важнейшими характеристиками и составляющими формирования в учреждениях образования поликультурной образовательной среды.

Поликультурность – явление современной жизни, которое совмещает, с одной стороны, освоение многообразия мира через культурные универсалии, а с другой стороны, реализуется через творческие культурные практики при наличии акта сознательной воли по формообразованию. В образовательном пространстве необходимо наличие возможности одновременности происходящих процессов, что задается поэтапностью развития субъектами образования как конвергентного, так и дивергентного мышления, а также условиями появления и проявления «трамплинизации» мышления (Е. М. Бабосов) в сочетании с овладением двумя подходами создания целого – композиционным и конструктивным (Б. Л. Яворский).

Модель формирования поликультурной образовательной среды – это система создания онтологического образа, определяющая условия, необходимые субъектам образования для: освоения многообразия мира через знакомство и работу с культурными универсалиями и для организации творческих культурных практик.

В образовательной среде эти сущностные характеристики проявляются при реализации принципа динамического равновесия внешней и внутренней

среды при наличии у субъектов образования способности к произвольным волевым актам, вносящим изменения в дальнейшие события, в контексте принятия ответственности за производимые выборы и действия. Все это продуцируется принципом случайности на входе и на выходе, что задает особую сложность процесса создания и развития поликультурной образовательной среды в условиях деятельности этих учреждений, являясь при этом необходимым условием появления «человека культуры». Таким образом, появление в образовательном процессе «человека культуры» – фактор реализации содержания современного образования как идеальный образ и цель процесса гуманизации образования.

КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

В. Н. СИДОРЦОВ

Сугубо отраслевой подход в социально-гуманитарных науках и прежде всего историографии ведет, особенно в последнее время, как к количественному приросту знаний, так и к увеличению численности остепененных кадров. Это обусловлено притоком молодых людей, получающих известную свободу действия на новом поприще. Однако заметно снижается качество результатов их труда. Возникший дисбаланс объясняется пробелами не столько в организации их исследовательской работы, сколько в воспитании достоинств личности. Важнейшим из достоинств, по убеждению разработчиков проблемы, является такая черта, как «говорить правду и – ни тени обмана». Таким качеством должны непременно обладать те, которые направляют (консультируют или руководят) соискателей ученых степеней, организуют защиты диссертаций, осуществляют подготовку молодой смены.

Мерилом качества диссертаций может быть их резюме на трех языках, включая английский язык. Если в нем отражается суть диссертации, возникает вопрос, какого характера: познавательного (о чем говорится в работе) или научного (что утверждается в ней). Как правило, резюме носят условно познавательный (чаще рабски-информационный) характер, хотя авторы диссертаций претендуют на ученые степени. Пренебрегают достоинством личности, искажая смысл научных понятий, игнорируя приемы обеспечения объективности, не выявляя ведущей мысли и т. д.

Проблема качества обостряется. Выход из создавшейся ситуации видится нами в критическом рассмотрении фактологического подхода, во всемерном изучении роли личности в прошлом и настоящем, в повышении ответственности самого исследователя и лиц, стоящих за ним. Известным подспорьем в этом отношении может быть авторская статья «Детерминированный хаос как теория действия в современных условиях», опубликованная в белорусско-российском журнале «Белая Вежа» (№ 5).

Личность профессионала определяется, на наш взгляд, двумя совокупными качествами: наличием черт достоинства, причем не в индивидуальном, а в общественно значимом понимании, и уровнем владения современной теоретико-методологической основой научного познания. В первую очередь обладание достоинством личности и во вторую – современными теоретико-методологическими установками научного исследования. Такое представление предполагает и глубокое понимание научного подхода (отражать временной процесс точь-в-точь) и современную организацию творчества (внедрение понятийно-категориального аппарата).

Удовлетворением такого сочетания могло бы стать использование разработанного нами программного обеспечения «Триада» (контент-анализ + психоанализ + дискурс-анализ). Анализируя в динамических системах то или иное событие обычными приемами, а затем стоящую за событием личность посредством триады и сопоставляя результаты таких действий, мы можем определить причину исторического явления с вытекающими из нее последствиями. Тем самым хаос становится управляемым. Реализуется задача повышения профессионализма научных кадров.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Л. С. СИРОТКИНА

Современное неспециальное логическое образование (ЛО) в России, так же как и философское в целом, – проблемное поле, интегрирующее множество обостряющихся разноплановых проблем, среди которых можно выделить следующие.

1. Утрата ЛО некоторых средств институализации и обеспечение формального статуса в структуре современного общего и профессионального образования. На данный момент в России функционируют только две кафедры логики. Фактически отсутствуют соответствующие направления магистерской подготовки, а инициативы их открытия не поддерживаются. В связи с современными тенденциями развития образовательной системы происходит повсеместное исключение дисциплин логического цикла из программ подготовки специалистов и бакалавров всех направлений, включая юридическое, что ведет к снижению уровня общей логической культуры и культуры учебной и научно-исследовательской деятельности.

2. Формирование конструктивного образа логики и ЛО в общественном сознании и общественного запроса на последнее. Особенности национального философствования, реализация формалистской модели обучения логике, особенности психологической и педагогической подготовки в вузах наряду с иными факторами ведут к формированию в общественном сознании искажающих ее суть негативных черт образа логики, к закреплению представлений о ЛО как

несущественном компоненте процессов формирования ключевых компетенций и профессионального становления личности.

3. «Вписывание» ЛО в контекст современных методологических подходов, обслуживающих образовательную систему (когнитивного, компетентностного).

4. Разработка теоретико-философского обеспечения современного ЛО, обосновываемого в русле названных подходов, в частности, построение когнитивно ориентированных моделей логических процедур.

5. Разработка модели преемственного ЛО для разных уровней общего и профессионального образования, современного методического инструментария для реализации задач логической подготовки, модели подготовки и переподготовки педагогических кадров.

6. Разработка механизма научно-педагогической оценки качества ЛО на ступени общего образования. Отсутствие теоретически фундированных прикладных исследований в области пропедевтического и систематического довузовского ЛО привело к по сути полному размежеванию логико-философских ориентиров и педагогических решений в этой сфере, во вневузовском педагогическом сообществе – к закреплению ложных представлений о возможности вольной и непрофессиональной интерпретации содержания логики как учебной дисциплины, в практике преподавания – к выхолащиванию собственно логического содержания образования, вытеснению его конструктами, базирующимися на житейских представлениях о логике.

Разрешение названных проблем мы рассматриваем как необходимое условие повышения качества философского образования в целом и логического в частности.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. С. СОКОЛОВА

В информационном обществе основной целью образования является обеспечение условий для самоопределения и самореализации личности. Знание здесь не передается, знание «добывается» как личными, так и совместными усилиями учеников. Ученик рассматривается как субъект познавательной деятельности, как обучающийся. Отношения учителя и ученика строятся по принципу субъект-субъектных, взаимодействия переходят в форму диалога. Подразумевается, что обучающийся будет вести активную поисковую (исследовательскую) и творческую деятельность при обучении. Изменяется цель подготовки подрастающего поколения – ведение деятельности, основанной на информации и знаниях в условиях неопределенности и продолжающихся изменений во всех сферах общества. Еще З. Бауман указал на необходимость такого умения человека, как «постановка цели». По-нашему мнению, именно сетевая форма обучения может предоставить в полной мере реализацию как нового подхода, так и достижения новой цели.

Информационно-коммуникационные технологии способствуют трансформации организации процесса обучения, так, в вузах внедрена и применяется система дистанционного обучения (СДО). Наряду с дистанционным обучением распространение получила сетевая форма обучения. Если СДО вводилось согласно утвержденным образовательным стандартам, то сетевая форма часто применяется вне этих стандартов в качестве дополнительного инструмента по организации взаимодействия участников образовательного процесса в рамках определенной дисциплины и имеет ограниченное время существования. Платформа для организации сетевого обучения выбирается самостоятельно руководителем (инициатором) сетевого образовательного сообщества. Под сетевым образовательным сообществом следует понимать такое объединение участников образовательного процесса, которое образовано с целью установления виртуального взаимодействия в рамках выполнения учебного (практического, обзорного и др.) задания или проекта по одной или нескольким дисциплинам. Как правило, сетевое образовательное сообщество функционирует на основе одной из публичных социальных сетей (например, «ВКонтакте»), а не на официальной образовательной интернет-платформе учебного заведения. Наличие потребности и единство цели является основополагающим условием для формирования любого сетевого сообщества. Необходимо наличие доступа всех участников к площадке (социальной сети), на базе которой будет функционировать сообщество. Устанавливаются нормы и правила поведения и взаимодействия в сообществе, определяются руководители (или администратор) сообщества, между членами образовательного сообщества распределяются роли в рамках выполняемого задания или разрабатываемого проекта. Определяются цели и задачи сообщества, указываются временные рамки (например, сроки выполнения задания, разработки проекта и т. д.).

Таким образом, основными условиями формирования сетевого образовательного сообщества являются: 1) технологическое равенство доступа, 2) общность цели, 3) акторно-ролевой характер взаимодействия, 4) нормативная регуляция взаимодействия, 5) обозначенные временные рамки образовательного проекта.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ XXI ВЕКА

Э. М. СОРОКО

Становление науки и культуры в качестве неотъемлемых атрибутов земной цивилизации происходило в течение последних двух тысячелетий в русле и под воздействием сокровищницы под названием *логика*. В канонизированном состоянии она берет начало от Аристотеля, разработавшего ее опорные положения в основном на потребу имперско-диктаторской власти, процветающей под архетипом «разделяй и властвуй». Среди достояний логики – закон исключенного третьего, устанавливающий жесткие нормативы смысла истины. В противостоянии крайностей, в «борьбе противоположностей» актуали-

зируется лишь одна из них. Третьего не дано. Значимы истина либо ложь, раб либо господин, красота либо безобразие, добро либо зло, норма либо патология, свой либо чужой, холод либо жара и т. п. Промежуточные состояния недостойны внимания, они преходящи. Это противоречило позиции Платона, считавшего, что третье существует и суть его – *мера*. В ней соединяются противоположности, а если таковые сложны, множественны по составу, то это гармония. Однако доминирующей стала аналитическая парадигма Аристотеля. Понятно, что удовлетворенность таким когнитивным орудием привела к их нерушимости. На основе логики и аналитики (Рене Декарт: «разделяй сложное на части и изучай их порознь») возник сонм наук – биология, геология, гляциология (наука о происхождении, свойствах и развитии ледников), оториноларингология и т. д. Мир предстал раздробленным, профильно разделенным на отдельные вотчины. Можно провести аналогию с Вавилонской башней, рухнувшей из-за взаимонепонимания многоязыких ее строителей.

Между тем, как образно отметил Генрих Гейне, новый век приносит и новые глаза. Социальная реальность трансформируется и требует развития культуры единения. Поэтому возникла потребность в достижении меры и гармонии многого как предпосылки развития устойчивости системы. Именно в путях интеграции раскрывается потенциал нового видения мира как единого целого, предвещающая становление позитивных ценностей, обеспечивающих гуманизацию взаимоотношений человека, природы и общества. «Сведи к необходимым всю жизнь – и человек сравнивается с животным» – эту фразу из «Короля Лира» Уильяма Шекспира стоило бы предпослать всем властным структурам.

Отечественный мыслитель Александр Богданов еще в начале XX века развил данную мысль следующим образом: «Не находя никакой объединяющей точки зрения на почве самой жизни, люди начинают искать ее *вне жизни*, одни – прямо в потустороннем мире мистики и метафизики, другие – в «логическом» мире пустых формальных абстракций. К сожалению, все, что туда уходит, потеряно для жизни... Я имел в виду показать, чем *не должна* быть философия и чем она слишком легко становится в эпоху дифференциации общественного бытия и специализации человеческого сознания. Философия изменяет своим задачам, изменяет себе самой, как только она забывает, что *в живом опыте* лежит ее материал и ее исходная точка, что *гармонизация жизни* – ее неизменная цель» [1, с. 267–268]. Соединение противоположностей в мере; синергия многого; гармонизация разнообразия; синтез различных атрибутов в пространстве бинарных оппозиций, выявляемых во множестве отношений под пристальным взглядом субъекта познания; создание интегративных мер для дифференциации и диагностики нормы и патологии сложных систем любой предметной специфики и субстрата – только на этих путях возможно обрести объективную истину, в отличие от используемой в образовательном процессе аналитического аппарата формальной логики.

Литература и источники

1. Богданов, А. Из психологии общества / А. Богданов. – СПб.: Паллада, 1906.

КВАНТОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ К КУРСУ «ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

В. Э. ТЕРЕХОВИЧ

Один из способов сделать курс «Философия науки» интересным для студентов и аспирантов – иллюстрировать теоретические вопросы эпистемологии и философии науки на материале современной физики. Сегодня, благодаря внедрению новых технологий передачи квантовой информации и квантовых вычислений, снова становятся актуальными философские проблемы квантовой физики. Уникальность ситуации состоит в том, что исследования отношений между философскими представлениями о реальности и научными теориями переместились в лаборатории ведущих мировых научных центров.

Список изучаемых вопросов обширен. Как представления о реальности влияют на нашу оценку интерпретаций квантовой теории? И, наоборот, как эксперименты, подтверждающие квантовую теорию, влияют на наши представления о реальности? Отличается ли реальность квантовых объектов от реальности классических тел и полей? Какова природа нелокальной корреляции между запутанными квантовыми объектами? Квантовая неопределенность и квантовая вероятность – это свойство квантовой реальности или нашего знания? И так далее.

Одним из продуктивных направлений сотрудничества физики и философии в решении перечисленных вопросов может стать модально-информационный подход. С одной стороны, применение модальных категорий «потенциальное» и «актуальное» применительно к квантовым явлениям имеет долгую традицию, с другой – в разных интерпретациях квантовой механики часто используется понятие «информации», которое само требует нового философского анализа. Необходимо найти ответы на ряд вполне философских вопросов, а также сформулировать мысленные эксперименты для их проверки. Например, какова разница между квантовой информацией и знанием наблюдателя? Есть ли у квантовой информации и знания носитель? Эквивалентны ли информация и знание, и как квантовая информация превращается в наблюдаемые объекты?

С точки зрения философии, способы решения перечисленных проблем можно объединить в трех подходах: *классический реализм*, *квантовый антиреализм* и *квантовый реализм*. Нет сомнения, что в курсе «Философия науки» критический анализ аргументов каждого из трех подходов может быть полезен студентам и аспирантам независимо от их специализации.

Литература и источники

1. Briggs, G. A. D. The Oxford Questions on the foundations of quantum physics / G. A. D. Briggs, J. N. Butterfield, A. Zeilinger // Proc. R. Soc. A. – 2013. – Vol. 469. – iss. 2157.
2. Терехович, В. Э. Существование квантовых объектов. Экспериментальная проверка метафизических установок / В. Э. Терехович // Метафизика. 2017. – № 1 (23). – С. 104–112.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Л. Г. ТИТАРЕНКО

Современная философия должна активно участвовать в теоретико-методологическом обеспечении поступательного развития страны в глобальном, региональном и национальном пространстве, включая сферу образования. Для Республики Беларусь региональное пространство прежде всего складывается из стран евразийского союза, с которыми осуществляется процесс интеграции, однако в это пространство включаются и страны Евросоюза, поскольку Беларусь включена в Болонский процесс, одной из целей которого является интеграция европейского образовательного пространства. С учетом этих особенностей регионального пространства Беларуси ответы на цивилизационные вызовы современности в социокультурной сфере (включая сферу высшего образования) должны быть ориентированы на изучение передового опыта соседних стран, его адаптацию к потребностям Беларуси и последовательное внедрение в практику.

В связи с новыми вызовами современности возросла и роль философии образования, так как через развитие образования страна может активно развивать свой социальный капитал, включаться в освоение и использование в народном хозяйстве новейших технологий, сохранять и приумножать свой человеческий потенциал, необходимый для трансформации общества и модернизации производства.

Актуальными принципами философии высшего образования, соответствующими повестке дня современности, выступают: интеграция образовательного пространства стран, активное использование ИТ в образовании (сетевые коммуникации, дистанционное обучение), повышение качества образования в сочетании с оптимальными сроками обучения по разным специальностям, формирование потребности у молодых людей быть включенными в систему непрерывного образования. Эти принципы невозможно внедрить посредством законодательных актов: необходимы определенный уровень философского мировоззрения агентов образовательного процесса (человеческий потенциал, соответствующий поставленным задачам); гибкая государственная стратегия осуществления модернизации сферы образования, позволяющая проводить реформы с учетом традиций, национальной культуры, исторического опыта; создание образовательной среды, стимулирующей активность человека в непрерывном получении и практическом использовании знаний и навыков. Немаловажным условием успешной модернизации системы высшего образования является мониторинг, на основе результатов которого можно корректировать внедрение тех или иных принципов, нововведений, отказываясь от малоэффективных и сохраняя те, которые приносят долгосрочный результат. В этой

связи знакомство и адаптация успешных стратегий соседних стран в реформах образования (нелинейное развитие сегментов высшего образования, пропаганда «лучших образцов», научное обеспечение инноваций) могут существенно помочь в решении насущных задач модернизации образования в Беларуси.

Двойная интеграция образовательного пространства (евразийская и общеевропейская) должна стать преимуществом, позволяющим Беларуси развиваться как независимой и открытой стране в центре Европы.

ФИЛОСОФИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СИСТЕМЫ

Т. Е. ТИТОВЕЦ

В условиях ускорения социального времени возрастает актуальность исследования эволюции системы образования как вида духовной практики, транслирующей и воспроизводящей социальный опыт. Однако понимание генезиса образования требует обращения к общим законам функционирования системы, которые обеспечивают философский уровень анализа эволюционных механизмов образовательной практики.

Творческий перенос идей синергетики в область эдукологии позволяет выделить методологические ориентиры для прогнозирования сценариев развития образования как системы. Как показывает история образования, разобщенность когнитивной и операциональной составляющей жизнедеятельности человека вызвала флуктуации в эволюции образования как системы, проявлением которых является смена четырех педагогических формаций в истории человечества: катехизическая (наставническая), эпистемологическая (знаниевая), инструментально-технологическая (технократическая), мыследеятельностная (переход от эмпирического способа обучения к концептуальному). В них не трудно распознать закономерное движение маятника от операционального к знаниевому компоненту и наоборот.

В попеременной смене культурологического и личностного подходов к отбору содержания образования также отражается чередование приоритета интересов общества и интересов индивида. Если интегрированность индивидуальности и общества, когнитивной и технологической составляющей человеческой деятельности обозначить как низкий коэффициент управляющего параметра эволюции образовательной системы, то возникает проблема определения оптимальности значения этого коэффициента. Если он будет слишком низким (приближающимся к нулю при полной дезинтеграции), то система образования станет неуправляемой, хаотической, влекущей за собой флуктуации бинарного характера. Слишком высокое значение коэффициента управляющего параметра (так называемый полный порядок) оставляет открытой проблему динамики образовательной системы: в флуктуациях кроется творческий потенциал развития последней, ибо даже смена формации или подхода на противоположный означает не повторение ранее существующего, а новый

виток эволюции. Флуктуации делают образовательную систему более гибкой, адаптивной к изменениям среды.

Таким образом, дальнейшая эволюция образовательной системы подчинена закону постоянного перехода одной противоположности в другую, несущую в себе релаксацию от предыдущей и обеспечивающую имманентное человеческой природе переменное напряжение деятельности.

Другим законом эволюции образовательной системы выступает ее стремление к увеличению эмергентности – получению системных эффектов, не сводимых к сумме составляющих частей. Проявлением возрастающей эмергентности системы образования сегодня выступают сетевые формы организации образовательного процесса.

Динамичность образовательной системы не отрицает фрактальную инвариантность ее содержания и целевого компонента в системе духовных потребностей человека, не зависящего от текущей парадигмы научного знания.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

М. Г. ХОХЛОВА

Формирование национальных систем образования происходило под влиянием конкретного исторического опыта каждой страны. При этом можно выделить и общие для большинства стран важнейшие факторы, повлиявшие на развитие их образовательных систем:

индустриализация, обусловившая массовую подготовку специалистов;
экспансия промышленно развитых стран, оказавшая (хотя и неоднозначное) влияние на его развитие в зависимых странах;
возникновение и развитие социального государства, принимавшего законодательство с большей ролью государства;
модель социалистического образования, которой были присущи всеобщий и бесплатный характер, выплата стипендий, единые учебные программы и пр.;

глобальное информационное общество с самого начала своего формирования в середине XX века определило важные, порой принципиально новые тенденции. Формирование единого мирового образовательного пространства ведет к нивелированию различий в качестве получаемых знаний в разных странах, их стандартизации. При этом поиск оптимальных путей достаточно сложен, поскольку сильна инерция прежних образовательных методов, а новые еще не выработаны или не приняты всеми странами.

К современному этапу *развитые богатые, развивающиеся и беднейшие страны* подошли, имея различные позиции в области образования, что определяет разницу стоящих перед ними задач.

Развитые богатые страны, которые успешно осуществляют модернизацию систем образования, ориентированную на потребности глобального информационного общества, выигрывают в условиях глобализации.

Развивающиеся страны, многие из которых достигли заметных успехов в области образования, не могут предложить образованным людям достойные условия труда и жизни. Эти страны (в том числе некоторые государства постсоветского пространства), имеющие сравнительно низкий уровень жизни, скорее всего по-прежнему будут специализироваться на подготовке специалистов, а *развитые* страны будут их «импортировать» и извлекать из этого выгоду.

Беднейшие страны борются за выживание, а борьба с неграмотностью – часть этого процесса. Большинство населения этой «группы» стран продолжают жить в условиях традиционного общества; знания и навыки здесь переходят от поколения к поколению в устной форме и тем самым закрепляют уклад жизни предков.

Заполнить пропасть в знаниях будет нелегко ввиду того, что наиболее продвинутые государства постоянно раздвигают границы образовательных возможностей, а беднейшие и развивающиеся оказываются вовлеченными в гонку, конечного пункта которой они не могут видеть в силу изначально слабых стартовых позиций.

Компьютерные технологии, которые с каждым днем становятся все более доступными, казалось бы, расширяют возможности получения информации, однако ограничение доступа к образованию, а также его низкое качество сдерживают возможность восприятия и переработки этой информации и ее применение на практике, то есть формируют чрезмерную когнитивную зависимость.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ: НАУКА ИЛИ ИСКУССТВО?

В. В. ЦАЦАРИН

Долгое время эталоном науки выступала физика. Она фактически первой предложила научное объяснение мира. Во многом ориентируясь на нее, философия в Новое время постепенно разрывает свою связанность с религией и переходит к союзу с наукой (физикой). Даже после того как иные природо-ведческие науки (химия, биология) развились до уровня «настоящей науки», физика все же доминировала в сознании научного сообщества как образец построения теории. Ведь там присутствует и эмпирический уровень (сбор фактов, наблюдения, эксперименты), и теоретический – концепции «вырастают» из эмпирии.

Историческое познание в описываемый период находилось как бы в стороне от главного движения. Обвинения О. Конта в метафизичности, предложение заменить историю наукой об общих законах общества – социологией – вообще не оставляли ей места в ранжире наук. Ведь историк исследовал уникальные, единичные события и факты. А если и формулировался общий закон развития человечества, то его легко можно было опровергнуть.

Философия истории решала данную проблему неоднозначно. Позитивистски настроенные мыслители стремились «подогнать» историческое познание под рамки естествознания. Философы, имевшие противоположные взгляды, утверждали, что у истории – свой путь, собственный метод исследования. В качестве примеров серьезных исследований в описанном ключе можно привести американских исследователей XX века А. Данто [1] и Х. Уайта [2].

Попытки сблизить историю с искусством вызывают возмущение у самих историков. Рационалистическая традиция ставит искусство ниже науки в иерархии ценностей. Хотя, например, в античности дело обстояло диаметрально противоположно. Сейчас искусство и история, на первый взгляд, несовместимы. Историки, в отличие от писателей, уже не стремятся сделать свои труды более «читабельными». Факты, анализ, причинно-следственные связи заменили красочные повествования в стиле Т. Карлейля. В то же время не так не прав оказывается и Уайт со своей поэтологией истории. Ведь выбор темы исследования, главного героя своих сочинений, а также стиля изложения всегда остается вне научных (в стиле классической физики) параметров. То, что Уайт назвал типом идеологического подтекста, типом формального доказательства и типом построения сюжета, в исторических монографиях присутствует.

Рубеж XX–XXI вв. стал переломным для естествознания. Во многих областях физических исследований принципы жесткой детерминации потерпели крах. То, за что долго ругали историю, стало реальностью в физике, которая теперь обращается к методологии гуманитарных наук. Поэтому оценивать близость истории к искусству только как недостаток является односторонним и ограниченным подходом.

Литература и источники

1. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М.: Идея-Пресс, 2002.
2. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.

БЛОКЧЕЙН В ОБРАЗОВАНИИ

О. Н. ШКОР

О блокчейне, криптовалюте сейчас говорят и пишут очень много. Нас, однако, интересует не просто блокчейн как способ зарабатывания денег, а некая концепция, реализация которой предоставит всем желающим равные права и возможности.

Особый интерес для нас представляет сфера образования, как базовая для социализации человека. Здесь концепция блокчейна может оказаться как нельзя более кстати, поскольку позволит ускорить прохождение идеи от возникновения до реального воплощения. Мы представляем, как много времени проходит

от момента зарождения научной идеи до ее апробации, а от апробации до конечного воплощения разработки в готовый товар или услугу. Однако рядовой гражданин ничего о конкретных разработках не слышит, и даже не знает, где про них можно узнать. А ведь он мог бы помочь развитию научного знания, вложив в академическую науку пусть небольшие, но инвестиции, ради будущей ли прибыли, ради саморекламы ли. И такую возможность может предоставить платформа блокчейна. На ней все прозрачно, все имеют равные права, все увидят результат. Это ли не лучший социально ответственный бизнес?

Вкладывая же непосредственно в систему образования, можно проследить цепочку превращения инвестиций в реализованные стартапы школьников и студентов. В этом случае можно быть уверенным, что деньги не осели в коридорах власти и карманах чиновников, а сработали в самой высокорентабельной сфере – интеллектуальной.

Итак, почему именно в образовании блокчейн может оказаться наиболее перспективным? Ответ очевиден. Потому что в этой сфере зарождается все новое, инновационное. Потому что молодые люди в возрасте от 10 до 30 лет являются собой сгусток энергии с желанием чем-то удивить этот мир. Именно эта аудитория находится под пристальным вниманием так называемых кулхантеров. Взгляд подростков на мир не зашорен условностями, поэтому они очень быстро подхватывают и сами порождают новые идеи и тренды. И здесь главное – не погасить это стремление к новизне бюрократией и формализованностью. Что, собственно говоря, и призван делать блокчейн, потому что там, в этой среде, будут те же повзрослевшие подростки, но уже добившиеся успеха, не утратившие духа предпринимательства и к тому же готовые выступить в роли инвесторов.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

НИГОРА ЭРКАБОЕВА

После независимости в Узбекистане наряду со сферой экономики и политики быстрыми темпами стала развиваться система образования, особенностью которой является соединение образования и воспитания. В данном процессе важную роль играет традиция «учитель–ученик», которая включает одновременно научное, нравственное и трудовое воспитание.

Во всей истории Узбекистана в воспитании молодого поколения особая роль принадлежала именно учителю. Издавна взаимоотношения учителя и ученика придавали огромное значение. К учителю относились с особым почтением. Учителем мог стать только высококвалифицированный, профессиональный и интеллигентный человек.

В подготовке и становлении профессиональных кадров и также в их профессиональной ориентации учитель остается главным субъектом. Использование

интеллектуального и профессионального потенциала учителя может сыграть огромную роль в воспитании молодежи. Из этого следует вывод, что именно учитель является главным субъектом развития сферы образования и подготовки кадров, определяющих развитие страны. Ускоренное развитие общества перед учителем ставит большие задачи и требования. Так, учитель должен:

быть не только наставником и воспитателем, он должен постоянно информировать своих учеников о современном значении данной профессии, о новой технике и технологии, об изменениях в данной сфере;

быть организатором, то есть уметь перестраиваться к современным изменениям, требованиям в данной профессии, чувствовать и предвидеть новации в данной области, иметь современные навыки;

быть креативным, компетентным, иметь инновационный и творческий подход в своей деятельности, уметь правильно оценивать результаты и качество трудовой деятельности своих учеников;

чувствовать ответственность за профессиональную деятельность своих учеников, проверять уровень формирования их знаний и профессиональной квалификации в соответствии с современными требованиями.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Н. ЯХНО

Формирование современной, эффективной образовательной системы – важнейшая задача любого общества. Во второй половине XX века начинает становление новая профессионально ориентированная и коммерческая модель системы образования. Авторы концепции «академического капитализма» Ш. Слотер и Л. Лесли достаточно точно определяют университет-корпорацию как центр, в котором с целью сохранения или увеличения ресурсов преподаватели должны работать над привлечением все большего числа студентов и все в большей степени конкурировать за рыночно ориентированные исследования. Такое «академическое предприятие» нуждается в эффективном менеджменте, так как вынуждено работать в высококонкурентной среде. Безусловно, происходит процесс коммодификации и консьюмеризации образования. Однако открыто заявлять, что прибыль – это главная цель деятельности университета, по-прежнему считается неприличным.

Если образование становится рыночным товаром, то оно должно отвечать запросам его «потребителей». Этот товар должен быть соответствующим образом оформлен, то есть предложен потребителям в такой форме, чтобы они могли его легко усвоить. Это требует разработки новых специальных курсов, развития новых методик обучения, активного использования возможностей Интернета. Инфраструктура виртуальной сети становится мощным средством не только технологической и технической, но и методологической поддержки

научных исследований и образовательного процесса. В настоящее время Интернет занимает важное место в жизнедеятельности вузов, так как имеет неоспоримые достоинства коммуникационной сети: доступность, многоканальность, высокую плотность логистических путей перемещения информации. Значимость виртуальной сети как современного источника знаний было подтверждено эмпирическими данными, полученными в рамках опроса магистрантов ГГТУ имени П. О. Сухого в январе–феврале 2017 года. Всего было проанкетировано 104 магистранта дневной и заочной форм получения образования в возрасте от 21 до 37 лет. ГГТУ является техническим вузом, поэтому большинство респондентов обучается на инженерно-технических и технологических специальностях и большую часть респондентов составляют представители мужского пола (83,6 %). Ответы на вопрос: «из какого источника Вы чаще всего получаете знания?» показали, что 90 респондентов использует Интернет, это – 86,5 % от числа опрошенных. Кроме сети магистранты достаточно активно пользуются традиционными источниками знаний – книгами и журналами – к ним обращаются 43,2 % опрошенных; 29,8 % используют и другие источники, например, радио и телевидение.

Таким образом, сетевой характер обмена информацией, интерактивность, виртуальность, трансляционная функция Интернета приобретает особое значение в формировании новой модели высшего образования, его вхождения в новую информационную эпоху, дает возможность динамично обрабатывать и усваивать накопленные знания и получать новые.

2.6. ЧЕЛОВЕК В РИСКОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНТЕКСТЫ

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ, ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Т. И. АДУЛО

Человек традиционно является объектом познания целого ряда научных дисциплин, но прежде всего философии. Впрочем, современное философское осмысление человека все более жестко привязывается к естественнонаучному взгляду на него. Об этом можно судить по многочисленным публикациям, в которых описываются и оцениваются с философских позиций достижения в области генетики, медицины и робототехники. По сравнению с 1990-ми годами несколько снизилось рассмотрение человека в философско-антропологическом плане, хотя специальность «философская антропология, философия культуры» по-прежнему остается достаточно востребованной у соискателей ученых степеней. Также заметно снизился интерес к исследованию человека в рамках социально-философской проблематики. Отчасти это связано с тем, что теоретическая социология в последние годы утвердила себя в качестве дисциплины, исследующей всеобщие законы общественного развития, вследствие чего социальная философия оказалась в положении короля Лира. В целом, из многочисленных современных практик изучения человека можно выделить в качестве базовых естественнонаучную, философско-антропологическую и социально-философскую.

Какие проблемы предстоит решать в ближайшие годы в рамках философского осмысления человека? На наш взгляд, философы чрезмерно много внимания уделяют анализу человека с естественнонаучных позиций. Порой создается впечатление, что будто бы не кто иной, как сами философы, проникают своей мыслью во все более глубокие пласты человеческого организма, хотя на самом деле их миссия, не в обиду им будет сказано, нередко сводится лишь к описанию разработок генетиков, медиков, программистов и попыткам очертить границы возможной практической деятельности последних. Требуется переориентация мыслительной деятельности философов с естественнонаучных аспектов человека на собственно человеческие. Чрезмерно много актуальных и до сих пор не решенных проблем, связанных с «духом» человека.

Это и гносеологическая, и этическая, и эстетическая проблематика, которая, как и раньше, должна оставаться приоритетной для научных изысканий философов.

Особо хотелось бы сказать о социально-философском исследовании человека. В настоящее время наблюдается разрыв между философско-антропологическим и социально-философским осмыслением человека. Но разве можно решить проблемы индивидуального бытия человека в отрыве от социальности, в отрыве от тех взаимосвязей и взаимоотношений, которые складываются в процессе жизнедеятельности индивидов? Диалектически понимаемый синтез двух родственных дисциплин, занимающихся изучением человека, – веление нашей противоречивой и весьма взрывоопасной эпохи. Можно подойти к проблемам современного человека и шире: для теоретического осмысления и выработки конкретных предложений, направленных на преодоление антропологического кризиса, о наличии которого все активнее заявляют многие исследователи, необходимо объединить усилия ученых всех гуманитарных и социальных наук, а также политиков.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОПАГАНДЕ ГРУППИРОВКИ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»

Е. К. АГЕЕНКОВА

Специалисты, изучающие современное положение на Ближнем Востоке, все чаще говорят о феномене группировки «Исламское государство» (ИГ). Отмечается притягательность его идеологии, организованность данного сообщества, готовность бойцов воинских подразделений ИГ умереть за его идеалы. Многие исследователи отмечают, что основополагающим фактором «феномена» ИГ является его пропагандистская деятельность, в которой выделяется исламистская направленность [2].

Данное исследование посвящено анализу пропагандистских материалов группировки ИГ, предназначенных для ее русскоговорящих последователей. Анализировались речи лидера ИГ Абу Бакра Аль-Багдади и официального представителя ИГ Абу Мухаммада Аль-Аднани, проповеди имамов и других пропагандистов данной организации, заявления как боевиков, производящих самоподрывы в местах скопления противников, так и боевиков, осуществляющих террористические акты или казнь пленников.

Особенностью речей лидеров ИГ и его проповедников является опора на священные тексты, которые служат в пропаганде основным обоснованием их призывов и оправданием джихадистской деятельности. Важной составляющей пропаганды ИГ является формирование мотивации гибели в сражении за ислам, что, с точки зрения проповедников, гарантирует попадание в рай боевиков. Особенностью пропаганды ИГ является осуждение мусульман, которые не вовлекаются в вооруженный джихад.

В своих речах лидер ИГ выстраивает картину глобального конфликта между силами добра, которые представляют Аллах и ислам, и зла, на стороне которого он размещает всех неверных, идолопоклонников и мусульман-отступников, к числу которых в ИГ относят и мусульман-суннитов, выступающих или воюющих против него. В этой картине мира единственным защитником ислама является ИГ.

Высказывания отдельных боевиков показывают, что они осуществили свой выбор добровольно. Одна из частей их речи посвящена призыву следовать их примеру, во второй – изложение личного мотива данного поступка, который связан с желанием достижения рая и стремлением служить Аллаху.

Другим действенным призывом идеологов ИГ является пропаганда убийства, крови, разрушения, желания завоевать чужие земли и покорить другие народы, которая ретранслируется в заявлениях боевиков, осуществляющих террористические акты или казнь пленников. При этом боевики явно ищут оправдания своей кровожадности путем ссылок на приказ халифа или, иногда, на указание Аллаха.

Выводы по результатам данного исследования согласуются с ранее полученными нами данными, указывающими на то, что причинами вовлечения в деятельность религиозных движений являются мотивы и потребности человека, возможность реализации которых он обнаруживает в их пропагандистском дискурсе [1].

Литература и источники

1. Агеенкова, Е. К. В. Информационно-психологическое воздействие идей новых религиозных движений / Е. К. Агеенкова, С. Савицкий // Управление в социальных и экономических системах: материалы XXI Международной научно-практической конференции. – Минск: МИУ, 2012. – С. 160–161.

2. Стышинский, М. Джихадистская пропаганда в интернете и социальных медиа / М. Стышинский // Политическая лингвистика. – № 5 (59). – 2016. – С. 158–164.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРМИИ И ЖЕНЩИНЫ

О. В. АКМАЕВА, Н. И. ГРИБАНОВ

Бесспорно армия – институт, деятельность которого обеспечивают мужчины. Право женщины на службу в армии было закреплено в уставе 1716 г. при Петре I. Тогда женщины смогли показать свое участие в армейской службе как необходимость ее полноценного существования. Женскими добродетелями в культуре человечества всегда считались доброта и милосердие. Участвуя в военной деятельности – прямо или косвенно – женщина стремится закрыть негативные стороны армейской жизни, изменить культурную обстановку среди сослуживцев, мужей, сыновей.

В современном обществе женщины и армия – общепринятые взаимодействующие объекты. Можно составить классификацию групп женщин, так или иначе связанных с Российской армией.

Первая группа женщин представлена женами военнослужащих. Они формируют психологический климат в семье, являются истинными хранительницами культурных традиций армии и, как правило, воспитывают будущих представителей Российской армии.

Вторая группа формируется из женщин, чье влияние на армию происходит из-за профессиональной к ней принадлежности: военнослужащие и гражданский персонал. Поведение таких женщин, готовность выполнять работу наравне с мужчинами отличает данную категорию женщин в армии.

Третья группа женщин: вдовы военнослужащих. Данная группа представляет особую категорию женщин, нуждающихся в социальной поддержке государства и командования Российской армии. Более важным в отношении этой категории является человеческое участие и психологическая поддержка.

Четвертая группа женщин, ставшая общественной организацией – солдатские матери. Представительницы Комитетов солдатских матерей добиваются решения проблем военнослужащих путем привлечения к ним внимания общественности.

Каждая группа женщин из представленных четырех по-своему влияет на армию, что способствует созданию в ней особого ядра культуры, меняющего изнутри создающиеся ситуации, формирующего мироощущения военных – мужчин, в военную профессию проникает таким путем больше человеколюбия и позитива.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СПОРТСМЕНОВ В МАСКУЛИННЫХ ВИДАХ СПОРТА

А. В. БАРАНОВА

Анализ научной литературы, как и жизненные наблюдения, показывает, что по-прежнему большая часть общества имеет выраженные патриархальные тенденции при восприятии спортсменов разного пола, занимающихся считающимися для них нетрадиционными (в отношении женщин – маскулинными, а в отношении мужчин – феминными) видами спорта. Психологи уже не одно десятилетие проводят исследования с целью выяснения того, какие психологические различия между полами установлены строго научно, в отличие от расхожих мнений и стереотипов массового сознания. Женщины активно осваивают традиционно «мужские» виды спорта: бокс, борьбу, футбол, хоккей, скалолазание, тяжелую атлетику и др.

Становится очевидным тот факт, что в большинстве видов спорта лучших спортивных успехов достигают женщины, обладающие маскулиным сомато-

типом. Соматотип спортсменок, их генетический и психологический пол тесно взаимосвязаны.

Спортивная специализация накладывает отпечаток на половую дифференциацию спортсменов в сфере мотивации спортивной деятельности. Причем существенной переменной, способствующей формированию мотивов занятий спортом, является спортивная специализация. Маскулинные виды спорта способствуют формированию «мужской» модели мотивации.

Для изучения гендерных стереотипов в отношении спортивной деятельности был произведен опрос лиц мужского и женского пола, не связанных со спортом. Мужчины характеризуются более стереотипным мышлением, рассматривая большинство видов спорта как сугубо «мужское» занятие. Женщины обладают более «свободным» от гендерных стереотипов мышлением. Они гораздо более лояльно смотрят на возможность женщин заниматься различными видами спорта. Но даже они далеки от идеи полного равноправия мужчин и женщин в спорте, рассматривая многие виды спорта как сугубо «мужские», опасные для женщин. В некоторых случаях оценки мужчин и женщин почти совпадают: и те и другие считают сугубо «мужскими» ряд видов спорта (например, армрестлинг, греко-римскую борьбу, гиревой спорт, пауэрлифтинг). В целом, гендерные стереотипы в отношении спортивной деятельности все еще являются довольно «живучими» в массовом сознании.

Практическая значимость и актуальность многих современных исследований гендерного развития личности спортсменов обусловлена объективной необходимостью учета гендерных характеристик в организации психологического сопровождения спортсменов как условия повышения результативности спортивной деятельности и обеспечения психологического здоровья ее субъектов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РИСКОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

О. А. БЕЛЕНКОВА

На рубеже третьего тысячелетия все более очевидным становится формирование единой общемировой цивилизации, приоритеты которой определяются социально ориентированной инновационной экономикой рыночного типа. Этими приоритетами являются наука, образование и управление, обеспечивающие разработку и внедрение в производство высоких технологий, а также формирование социально коммуникативных условий для их успешного функционирования. Как свидетельствуют зарубежные и российские исследования, формирование социально ориентированной инновационной экономики в условиях современного рискогенного общества возможно лишь при наличии качественно нового уровня духовной культуры общества, формирующейся в рамках

его целостного социально-коммуникативного пространства. При этом все более значительную роль в рамках этого пространства культуры приобретает национальная идеология, вырастающая на основе духовной культуры и традиций нации и выражающая ее глубинные сущностные потребности, являющаяся мощным фактором формирования в обществе национального самосознания. История свидетельствует, что целый ряд стран сделал мощный рывок в своем историческом развитии, опираясь на идеи, консолидирующие их национальные интересы.

Национальная идеология российского общества должна способствовать формированию пирамиды ценностей, включающих: 1) высшую надындивидуальную цель; 2) иерархию реализации социально-практических задач (наука, образование, высокие технологии, социальная инфраструктура, экология); 3) гражданскую свободу и права личности. При этом основой высшей надындивидуальной цели национальной идеологии должна выступать общечеловеческая мораль, как нравственный синтез коэволюции Коллективного Разума Человечества и общенациональных интересов российского общества, определяющих стратегию его развития [1].

Анализ роли национальной идеологии в контексте социально-коммуникативного пространства, сформировавшегося в постперестроечной России, позволяет утверждать, что 1) глобализация и либерализация российской экономики должны быть заменены «просвещенным протекционизмом», целью которого является защита экономических интересов российского бизнеса и широких трудящихся слоев российского общества на основе сочетания национальной идеологии и социально ориентированной информационно-инновационной экономики; 2) основой новой национальной российской идеологии должны стать идеи социальной справедливости, социально ориентированного и соответствующего общечеловеческим ценностям коллективизма и ответственности общества и государства за своих граждан [1, с. 1375]; 3) реализация этих идей приведет к снятию в сфере управления российского общества отчуждения и к оздоровлению системы социально-коммуникативных отношений на основе включенности всех социальных групп в организационно-управленческую деятельность. Это позволит гражданам России почувствовать себя хозяевами своей страны и будет способствовать блокированию различных форм коррупции на всех уровнях организации социума, а также стимулировать в обществе модернизационные процессы с целью формирования социально ориентированной инновационной экономики рыночного типа.

Литература и источники

1. Беленкова, О. А. Общегражданская идеология – стратегический ресурс развития постсоветской России / О. А. Беленкова // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2012. – Т. 17. – № 3. – С. 1372–1375.

МОРАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК КОНТЕКСТ ЕГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Е. В. БЕЛЯЕВА

Как биотехнологическое, так и социальное конструирование допустимо лишь в контексте утверждения человека как морального субъекта собственного самопреобразования. Русскоязычные высказывания на темы конструирования человека восходят к статьям Б. Г. Юдина [1], в которых данная тема поставлена как в биоэтическом, так и в социологическом ключе.

В идее конструирования человека есть опасность как для биологической, так и для социальной и нравственной природы человека. Последняя связана прежде всего с утверждением человека как субъекта собственной жизни и поступков. Каждая конкретная возможность, предоставляемая биотехнологиями, является благом в той степени, в которой как отдельный человек, так и социум «ведают, что творят», пусть даже изменяя свою природу. Однако изменения не производятся, а происходят. Парадоксальным образом, поскольку все внимание сосредотачивается на технологиях, деталях и частных приемах, метафизические проблемы, связанные с целостностью человеческой жизни в полноте ее биологических, социальных и духовных проявлений, изымаются из рассмотрения. Между тем «философское определение человека должно включать в себя описание целостного опыта существования личности в соотнесенности ее с такими началами, как природа, общество, Бог» [2, с. 78]. В результате именно на этом фундаментальном уровне происходят те изменения, которых никто не «конструирует» и никто не ждет.

В отношении теорий социального конструирования можно сказать то же самое: увлечение решением частных проблем с помощью «дорожных карт», «программ помощи», «центров поддержки» выводит из поля зрения сущность социальной проблемы и активную роль личности в ее решении.

Этический путь решения проблем, связанных с возможным конструированием человека, требует сохранения и поддержания моральной субъектности личности, утверждения ее как той инстанции, которая принимает и использует технологии именно в качестве инструмента, а не развивает их в качестве самоценности. Как сказал Конфуций: «Благородный муж – не инструмент».

Литература и источники

1. Юдин, Б. Г. От утопии к науке: конструирование человека / Б. Г. Юдин // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М.: Наука, 2004. – С. 261–281.
2. Яскевич, Я. С. Конструирование человека в мире современных инновационных технологий / Я. С. Яскевич // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир / Материалы междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 ноября 2008 г.; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2008. – С. 76–81.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И АРГУМЕНТАЦИЯ

В. Ф. БЕРКОВ

Нет такой сферы социальной коммуникации, где бы не присутствовала процедура аргументации как способа подведения оснований под какую-либо мысль или действие с целью их публичной защиты, побуждения к определенному мнению о них, способа убеждения кого-либо посредством значимых аргументов. Конечный результат аргументации зависит прежде всего от аргументатора. Но что же происходит на противоположном полюсе коммуникации, с какими условиями и познавательными процедурами связано, в частности, признание того, чего добивается аргументатор?

Главное, с чем сталкивается адресат, – это необходимость в *понимании* того, что ему отправлено. *Понять* нечто – означает в индивидуальной, лично окрашенной форме проникнуть в его сущность и соотнести с ним второстепенное, увидеть единичное как частный случай общего. В первом приближении можно выделить четыре уровня понимания.

Первый уровень связан с уяснением и уточнением смысла его компонентов. Это уровень *ассимиляции смысла*, понимания на уровне явления, выделения лексических единиц текста, выявления синтаксических отношений между ними, установления их семантических характеристик.

Второй, более глубокий уровень – *интерпретация смысла*. Эта операция связана с выделением тех характеристик текста, которые не только соответствуют смысловым структурам адресата, но и импонируют ему, отвечают его устремлениям и намерениям. Поэтому интерпретация всегда содержит в себе налет субъективизма. Нередко интерпретация принимает форму *актуализации*, а иногда ее крайнего выражения – *конъюнтуризации*, когда адресат обращает внимание на те моменты, которые важны для удовлетворения общественных потребностей или достижения личных сиюминутных целей. Особая разновидность интерпретации – модернизация. Ее специфика состоит в том, что сообщение наделяется дополнительными признаками, взятыми в современных сходных состояниях.

Еще один уровень понимания текста – *реконструкция смысла*. Она связана с выяснением того, какие задачи решал автор, создавая текст. На этом уровне понимания требуется расследовать, к чему стремился адресант, какими мотивами он руководствовался, какие задачи перед собой ставил, создавая текст.

Однако реконструкция смысла не есть самый глубокий уровень понимания. Будущие исследователи, как правило, понимают текст лучше, чем его создатели и современники. То же бывает в науке: истинное значение какого-либо открытия остается совершенно неизвестным для самого первооткрывателя.

С течением времени происходит полное раскрытие содержания «позывных», направленных от адресанта к адресату, выявляются его наиболее сущностные

характеристики. Этот уровень понимания можно назвать *эссенциальным*. На эссенциальном уровне понимания анализируемый текст соотносится с определенными социокультурными условиями, его содержание связывается с тенденциями и коллизиями общественного развития.

Понимание – неперенное условие *принятия* (признания) адресуемого текста. Связь понимания и принятия – вечная дидактическая проблема. На психологическом уровне к ее разработке обращался еще Аристотель. Вместе с тем существует более широкий, социокультурный фон принятия, насыщенный мировоззренческими, философскими, научно-теоретическими, методологическими и прочими образованиями – всем тем, что в литературе иногда синтезируется в понятии *концептуального каркаса*. Это своеобразное «решето», позволяющее сохранять в понятом совместимое с названным фоном и отсеивать несовместимое с ним. Поскольку характеристики «концептуального каркаса» исторически преходящи, имеют деятельностьную природу, постольку возможности и результаты «просеивания» крайне разнообразны, одни и те же события, явления, процессы получают разную интерпретацию, нередко фиксируются в противоположных идеях, концепциях и теориях.

ОНТОЛОГИЯ ГЕНДЕРНОГО КАЗУСА ПОСТМОДЕРНА

Л. М. БОГАТОВА

Современная культура, состояние которой с конца XX века определяется как постмодерн, характеризуется глубочайшими преобразованиями, охватившими гендерную сферу. Под натиском радикально молодежных движений, составляющих авангард одной из самых интригующих социальных революций – революции сексуальной, заполонившей пространства западноевропейской культуры в 60-е годы прошлого века, развернулись процессы, которые привели к глубочайшим масштабным изменениям в сфере гендерных отношений, преобразившим ее до основания. При всех бесспорных позитивных достижениях, к которым женщина как исторический субъект приближалась постепенно, но уверенно на протяжении всего существования официально закрепленной и санкционированной андроцентристской или патриархальной модели культуры, тотально развернувшуюся феминизацию современной культуры в контексте социально-философского анализа можно расценивать как один из казусов постмодерна. Процесс феминизации представляется возможным оценить в качестве созидательной деструкции, что обусловлено рядом обстоятельств.

Негативная оценка феминизации пространства культуры постмодерна вызвана осознанием всей глубины тех поистине трагических последствий, которые прежде всего связаны с *онтологическим саморазрушением феминности*, что в конечном итоге чревато завершением онтологической самости «женщины», угасанием ее бытийственности, исчезновением феминности как

самостоятельной вселенской инстанции. В онтологическом измерении наиболее значимые деструктивные тенденции феминизации культуры постмодерна разворачиваются по следующим основным направлениям:

во-первых, саморазрушение феминной бытийности существенно катализируется процессом активного вторжения «женщины» в исторически «чуждое» ей, инаковое бытийное пространство. Современная женщина бесстрашно осваивает мужские гендерные роли как в профессиональной, так и в семейно-брачной, интимно-личностной, эмоционально-психологической сферах. Сегодня женщина самостоятельна, образована, экономически независима, карьерно успешна, семейные ценности очень часто не занимают в ее жизненных стратегиях приоритетных позиций. Пропадает то, что в философской традиции называли «Вечной Женственностью». Можно с грустью констатировать, что истинная феминность уходит в небытие;

во-вторых, присваивая онтологически чуждую бытийственность, «женщина» неизбежно перерождается в свою онтологическую противоположность, а именно в «мужчину». Иными словами, процесс феминизации существенно нарушает онтологическое равновесие между феминностью и маскулинностью, способствует установлению в культуре некоторого дисбаланса гендерных факторов;

в-третьих, под воздействием доминирования феминного фактора в культуре постмодерна рельефно обозначились трансгендерные тенденции, т. е. набирают силу процессы гендерного дрейфа, которые приводят к глубокой реструктуризации гендерного текста культуры. В настоящее время, принимая яркие, иллюстративные формы, в гендерной сфере идут два взаимодополняющих процесса: феминизация маскулинности и маскулинизация феминности, что приводит к некой усредненности, одинаковости «женщины» и «мужчины» как не различных, не отличимых друг от друга субъектов социокультурной практики.

ЧЕЛОВЕК КАК МАШИНА «МЕМОВ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. В. БОГАЧЕНКО

В условиях глобализации происходит популяризация массовых идей, которые часто являются навязанными и неистинными для личностного «Я». Эти образы как вирусы в организме вытесняют личностную сущность и наполняют человеческий разум псевдоцелями и псевдомотивами деятельности. Данная динамика приводит к затруднению самоидентификации личности и изменениям ее базовых механизмов. Под воздействием «мемов» глобального мира происходит модификация ценностей, мотивов и стратегий поведения человека, перестройка направленности личности в соответствии с социальными стандартами и требованиями. Человек выступает как субстрат развития культуры, который проецирует и эмитирует ее основные идеи механически, как машина, сам того не подозревая.

В конце XX в. Р. Докинз в работе «Эгоистичный ген», исследуя теорию Дарвина, определил, что именно «мем» является ключевым репликатором в процессе изменений интеллектуальных качеств человечества, что и определяет его эволюцию. То есть мир «мемов», а не гены управляет эволюцией и определяет дальнейшие шаги человечества в целом. «Мем» – это корпускулярное, ячеечное строение информационно-культурной среды. Это идея, которая самоорганизуется в отдельную запоминаемую единицу – «ген» культуры. «Мемы» в соединении порождают мемплексы, т. е. комплексы «мемов». Это, например, естественносоциальные «мемы»: языки, религиозные учения, политические идеологии, мода, научные теории; и искусственные: информационные продукты, социальные сети, веб-сайты и т. п. Последние являются движущими силами глобализации. Исследование их с помощью «меметической» теории сформирует новый взгляд на отражение символично-знаковых единиц взаимодействия – идей различного рода: личностных, общественных, межкультурных, межцивилизационных и т. д.

Некоторые идеи могут выводить человека за пределы его ценностных установок. Служение идее превращается в реализацию абстракции человеческого сознания в ущерб его естественным экзистенциалам, это так называемый «вирус ума» (термин Р. Докинза). Обмен «мемами» представляет собой процесс имитации поведения, идей, мотивов, целей. Все то, что является социальным началом формирования личности, все то, что мы перенимаем у Других – это уже по определению «мемы». Современный исследователь меметики Сюзан Блэкмор считает, что сознание – это не что иное, как «комплекс усвоенных мемов».

Популярность исследователей меметики (С. Блэкмор, Д. Деннетта, Э. Вилсона) свидетельствует об актуальности изучения вопроса. Человек в условиях глобализации становится заложником массового общества. Его внутренний мир все чаще преобразуется в автоматическую реализацию идей глобального мира и включает его в культурно-исторический обмен как инструмент глобализации, что способствует возникновению проблем самоидентификации и отчуждению. Информационная цивилизация, преследуя цели прогресса и развития человека, приводит его в итоге к превращению в «деталь» сложного механизма, управлять которым он уже не в силах.

МЕТАМОРФОЗЫ БИМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. В. БУРСЕВИЧ

В середине 70-х годов XX в. американским онкологом В. Р. Поттером были заложены теоретические основания биоэтики (на постсоветском пространстве чаще используется термин «биомедицинская этика»), которая стала альтернативой традиционному для медицины патернализму. За несколько десятилетий в биомедицинской этике сложился ряд принципов и правил, важнейшими из которых являются уважение автономии пациента и информированное согла-

сие, принципы «делай добро» и «не навреди», принцип справедливости, а также правила правдивости и конфиденциальности. Однако в последнее время мы наблюдаем стремительное развитие информационных технологий, которые коренным образом изменяют облик медицины, тем самым ставя под вопрос и актуальность сложившихся моральных принципов. Таким образом, цель данной работы – проследить, какие этические парадоксы возникают в медицине в связи с внедрением информационных технологий, а также попытаться понять, как они могут отразиться на содержании биомедицинской этики.

На сегодняшний день можно выделить следующие перспективные области информатизации медицины:

- 1) перевод в электронную форму медицинской документации;
- 2) развитие телемедицины;
- 3) распространение медицинской информации через Интернет;
- 4) онлайн-консультации пациентов.

Каждая из этих областей развивается и в Беларуси. При этом все названные тенденции порождают ряд этических вопросов.

Во-первых, информатизация медицины подвергает существенной трансформации принцип конфиденциальности: значительно расширяется круг лиц, которые обязаны хранить «врачебную тайну», остро встает вопрос об особых средствах защиты медицинской информации от посторонних. Во-вторых, в связи с распространением медицинской информации в Интернете актуальной проблемой становится контроль за ее качеством, четким разграничением научных данных и рекламы. Профилактикой злоупотреблений в интернете может стать разработка национального законодательства, контролирующего данную область, сертифицирование медицинских сайтов, а также создание специализированных форумов, социальных сетей при организациях здравоохранения. Наконец, отдельного рассмотрения требует проблема онлайн-консультаций, которые, с одной стороны, позволяют реализовать право пациента на выбор и доступность медицинской помощи, а с другой – вызывают серьезные возражения в связи с соблюдением принципа «не навреди» и несением врачом-консультантом ответственности за причиненный пациенту вред в результате некавалифицированных советов или неверно поставленного диагноза.

Таким образом, даже беглый обзор протекающих в медицине процессов отчетливо демонстрирует, что информатизация не только не отменяет классические нормы биомедицинской этики, но делает их соблюдение еще более актуальным. Тем не менее необходима слаженная работа медиков, законодателей, гуманитариев и широкой общественности для того, чтобы конкретизировать этические стандарты в соответствии с изменяющимися социальными реалиями.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОД ВЛИЯНИЕМ БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. П. ВЕРЯСКИНА

В связи с развитием научного знания в биологии и генетике вопрос об улучшении и совершенствовании человека в современном социокультурном контексте связан с биомедицинскими технологиями. Человеческий потенциал – продолжительность жизни, здоровье, борьба с наследственными болезнями, реализация возможностей развития – связан не только с социальными, но и с генетическими факторами. Их применение в совершенствовании человеческого потенциала связано с расшифровкой генома человека. Вместе с тем практическое применение биомедицинских технологий тесно сопряжено с моральными и правовыми нормами, базовыми из которых являются сохранение человеческого достоинства, уважение к частной жизни личности, запрет дискриминации по генетическим особенностям.

Трансформация человеческого потенциала – улучшение состояния здоровья, эффективное лечение наследственных заболеваний, улучшение демографических показателей народонаселения на основе пренатальной диагностики, трансплантация органов и тканей человека – возможна сегодня на основе научного знания и биотехнологий, что можно считать современным этапом улучшения человеческой природы. Вместе с тем фундаментальные проблемы биологии и медицины, особенно их социально-экономические, этические и юридические аспекты должны подвергаться широкому общественному обсуждению. Это важно потому, что наряду с улучшением и пользой, которую они могут принести, возникают серьезные риски. Именно поэтому важна социальная коммуникация с целью достижения консенсуса в этико-правовом регулировании и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

THE HUMAN CONDITION OF POWER: AN ONTOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

HERMES VARINI

An existential condition regarded as dialectically opposite to the one we see in man cannot be, of course, but human itself, and yet be *of Power*, that is to say, superior in whatever conceivable respect. This is tenable respecting the intrinsic powerlessness of man and the ontological primacy and comprehensiveness embodied by the term and category *Power* as referred to the very nature of the Real respecting its overwhelming vastness in space and in time. Thus regarded, it is in a position to enhance, or rather to potentiate (referring to the Latin root *potentia*), the very definition and peculiarity of the human to the maximum conceivable level, a level which

in order to be up to the task is to remain strictly dialectical in nature, and in these terms directly opposite to human powerlessness *in itself* as first empirically exemplified in man. Even though posited in the form of theory, this very presence results in everything thus far achieved being reduced in intensity with regard to Power itself, becoming *de facto* ontological impotence and a limit. Within the commonality of one single human nature, this exceeding human reality has been hitherto perceived under the garb of myths and so has remained latent for millennia until now in so far as never assigned to the rationale, as an actual possibility intrinsic to a view of the human extended far beyond the limits and epoch of man. Yet, on account of those very factors and since dialectically opposite, this condition results to be as ontologically real as that of man in the first place. And if we assume that the very nature of Being and indeed of the Real is referable, ontologically, to the primacy of the category and term *Power*, we derive the idea that it is even more so respecting the commonality of nature it possesses with Being and the Real precisely. In a word, this leads to one thing: the discovery and foundation of a necessarily opposite counterpart, or rather *antithesis*, of the intrinsic powerlessness of man as a result of a dialectical necessity and rigor still at the core of thought and of the Real, these latter as in fact two sides of the same coin. In other terms, since there is evidence that human powerlessness does exist, and it is clear that it is man's own, there *must consequently be, somewhere else within the vastness of the world, a condition of actual human ontological Power*, singularly embodied, from an existential standpoint and as a personified concept, by a more than man, a beyond man, an actual *overman*. In thus attempting to define an alternative meaning of overhuman, a theme which is one of primary and universal interest, appealing to the spirit of man in all phases in the form of myths, and so omnipresent respecting his intrinsic status of impotence, this proposal is assuredly at variance with any preconceived notion of it, more especially with Nietzsche's own concept of *Übermensch* as still limited to the moral and non-ontological sphere alone.

INFLUENCERS ON SOCIAL MEDIA – TRUST, TRENDS, AND BUSINESS

ROBERTS VIKSNE

The case study delves on to two types of influencers on social media – politically and business biased. There is a risk for users on relying on influencers accountability and ethics. Furthermore, the user mind can be shaped for entrepreneurs to profit via the influencer's product placement posts.

In the world where are tools available to everyone, which can manipulate with audio-visual content to extent where world leaders can be edited to say whatever the creator wants and look like it is being said by the leader himself, puts world in great danger, because in recent history of social media it has been seen that it has a great power to start revolution like Arab Spring, which changed the region ever since.

Trust lies on the sources, accounts with the blue tick symbol which signifies that the user is verified.

However, the social media trends reveal that there are more users who learn the news from social media like Twitter and Facebook, where there is a great part of sources which are so called «Fake news», who has a decent number of followers, but has no verification that user or source can be trusted, in many cases these accounts has shady backgrounds or they are financially or politically biased.

A great example of politically biased situation was when the anonymous account on Twitter, which is owned by Latvian political party's public relation specialist published tweets which put a political caricature artist in bad light. These trends when anonymous users with large number of followers try to shape the opinion of the society. The biased users usually hide behind the anonymous accounts so they could avoid the conflict of interests.

But there is another part of influencers. They are users who are entertainment oriented and they post content which are memes, travelling, food, sport, fashion. These influencers can change the trends of the society. The interview with Latvian Instagram star Agnija Grigule (@agnijagrigure), who has 72,3 thousand followers on Instagram, says that she is within the TOP5 media in Latvia, because not everyone can boast with such a huge audience. Even though Agnija's posts are more related to fashion and youth lifestyle, she confesses, that she must sell her and products that she is receiving. The posts do not look like regular advertisements, but the products are being included as part of her style and blended within the situation. As she says – so the users would not feel the product placement. Agnija's profile on Instagram is her main job, main source of income. The bio part of her Instagram account consists of her email address, where she writes «for bookings & enquiries», so the possible clients can contact her and negotiate the prices for product placements.

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ВЛАДИМИРОВ

1. Становление общей теории человека (Б. Г. Ананьев, И. Т. Фролов, В. П. Зинченко) потребовало определения ее научного статуса и отграничения от таких наук, как антропология, социология и психология, претендующих на эту общетеоретическую, интегральную роль.

2. Наше исследование этой проблемы в границах человековедения как междисциплинарного научного комплекса позволяет в качестве интегральной науки о человеке выделять и исследовать антропономию с обозначением ее специфики, содержания и структуры [1; 2].

3. В качестве ключевой проблемы антропономии, предполагающей философское исследование, мы выделяем проблему «меры человеческого рода», на которую вышел К. Маркс еще в «Экономическо-философских рукописях

1844 года». Анализ родовых качеств, система которых образует меру человеческого рода, позволил нам выделить общечеловеческие социальные константы, такие как сознание, язык, общение и деятельность. При этом деятельность выполняет роль системообразующего качества [3, с. 512].

4. Анализ меры человеческого рода, как объективного критерия оценки исторического развития всех сфер человеческого общества, выводит на исследование принципа гуманизма с его базовыми постулатами, утверждающими человека как: а) высшую социальную *ценность*, б) *цель* социального развития и в) *критерий* общественного прогресса.

5. Развертывание родовых качеств человека в их содержательном проявлении в базовых сферах общества позволяет конкретно интерпретировать аморфную проблему прав человека, что социально значимо сегодня [4].

Литература и источники

1. Антропология. Общая теория человека. – Н. Новгород: НАСА, 1991.
2. Зеленев, Л. А. Антропология – интегральная наука о человеке / Л. А. Зеленев, А. А. Владимиров. – Н. Новгород: Изд. Салон ИП Гладкова О. В., 2011.
3. Владимиров, А. А. Мера человеческого рода / А. А. Владимиров // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса, Н. Новгород 27–30 июня 2012 г. – Н. Новгород: ННГУ, 2012.
4. Владимиров, А. А. Философия права: научно-дискуссионная проблематика / А. А. Владимиров, Л. А. Зеленев. – Н. Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2016.

ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Г. ВОЗМИТЕЛЬ

Стремительнейшее развитие информационных технологий в современном обществе наряду с глобальной виртуализацией мира закономерно вызывает трансформацию системы ценностей, поскольку изменяется человек, изменяется его мировосприятие через образование, воспитание, новые виды социальных коммуникаций в виртуальной среде.

Виртуальный мир стал новым слоем нашей повседневной реальности, с которым напрямую связаны формы психологической и социальной активности личности. Соответственно возникают специальные средства, технологии и особый вид информации, позволяющие осуществить силовое воздействие на информационное пространство общества, на сознание и психику населения. Эти инструменты используются для переформатирования этических основ социума с целью достижения информационного превосходства.

Средства скрытого манипулирования информацией направлены на изменение менталитета населения согласно следующему алгоритму:

1) разрушение традиционного сознания, слом вертикальных связей поколений, хранящих традиционное понимание мира;

- 2) формирование новых ценностных категорий;
- 3) на расчищенной «поляне» насаждается единый рационально-потребительский тип сознания;
- 4) итог: люди с одинаковым стандартом поведения в одинаковой ситуации примут одинаковое решение; общество превращается в «стадо», стремящееся к одной цели – увеличить потребление.

Здесь необходимо, с нашей точки зрения, обратиться к идее, возникшей более восьмидесяти лет назад. Пакт Рериха (лат. «*Rach Cultura*», англ. «*The Roerich Pact*»), также известный как Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, становится в наши дни сверхактуальным. Сформулируем генеральную идею Пакта Рериха в современном информационном обществе: в защите нуждается Человек. Если разрушение памятников – это деструкция физического мира, которую при сохранении традиций, памяти и умений человека можно компенсировать, то «разрушение» человека в условиях информационной войны приведет к ужасающим последствиям.

Как же уберечь внутри человека этот «нравственный закон, который движет Вселенной»? Как защитить человека Культуры – *homo cultus*, Человека Любящего – *homo amoris*?

Один из возможных вариантов охраны *homo amoris* – научиться и научить распознаванию, разделению информации истинной и ложной. Критическое восприятие информации и оценка ее точности и корректности находится в прямом соответствии с образованностью человека, с уровнем его эстетического чувства. Каждый человек владеет своего рода фильтром, или, словами А. Пуанкаре, «тонким решетом», действующим на уровне глубинных структур сознания, а именно – «специальной эстетической чувствительностью», т. е. способностью воспринимать гармоничность и красоту получаемой информации.

Таким образом, развивая «эстетическую чувствительность», которая вместе с широким профессиональным кругозором позволит осознать качество поступающей информации, в конечном итоге через воспитание, образование, самосовершенствование придем к *homo cultus*.

ФЛЭШ-ИМИДЖ КАК ТЕЛЕСНО-ЧУВСТВЕННЫЙ АНАЛОГ ЛИЧНОСТИ

Л. М. ГАЗНЮК

Индивидуальность и одновременно безликий соматизм, а также телесный контакт как генерализующая интенция, объединяющая всех индивидов, атомарно разбросанных в пространстве постмодернистской культуры, используются в различных культурных практиках. Проблема спецификации культурных практик начинается с того, что встроенные в пространство культуры повседневности обычные технологии и практики – бытовые, поведенческие, эстетические и даже сексуальные – создают ансамбль рефлексивных констант,

которые М. Фуко определяет как дисциплинарные практики, как «техники себя». Он в определенной степени пытается представить искусство существования человека как вписанность в культурные практики или адаптацию к дисциплинарным практикам. Мы видим роль диспозитива и транспозитива в их единстве как хронотопа системы. Данная система путем новейших телесных констант культуры, приобретающих легитимацию в современной культуре, образует новые феномены, новые образы человека. Они тяготеют к виртуальным существам, не имеющим физической формы, или к сакральным абсолютным формам, или к эмпирическому телесному субъекту, который радуется тому, что его тело подобно телу космоса, телу Бога или телу соматического идеала, который определяется как флэш-имидж. Телесная соматическая реакция функционирует и отвечает техникам власти, то есть тем динамичным системам реагирования власти на обстоятельства, в которых человек как организм осуществляет свои телесные практики и некоторым образом начинает контролировать их.

Право на существование диспозитива сексуальности заключается в том, чтобы обновляться, захватывать новое пространство, находить все более и более соблазнительные тела, которые привлекают и предоставляют возможность контролировать все невроты и состояния и формируются на основании соотношения брендов, флэш-имиджей и телесных нормативов как идеалов современного коммуникативного отношения человека и мира. Флэш-имидж репрезентирует телесностью культурные экзистенциальные значения, транслирующие определенный образ человека. Флэш-имидж является телесно чувственным аналогом личности. Такой широкий комплекс универсализирует сексуальность в систему властвования телом и в контексте знаковых коннотаций, и в контексте отношения власти к индивиду, а также способности корректировать свое тело, поведение, то есть «техники себя» и есть современный антропологический комплекс. Последний фиксируется флэш-имиджем и означает трансгрессию телесности как идеальной замкнутой сферы в контексте желаний. Феномен телесных импликаций, телесного опосредования свидетельствует о том, что образ флэш-имиджа, тела как идеала становится завершенным образом, который апеллирует к абсолюту, сформированному в виде визуальной реальности, к сложившемуся в современных арт-практиках дизайну, моде, компьютерным играм, всему миру киберпространства и коммуникативной интеракции.

«ТРЕТЬЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК МЕСТО КОММУНИКАЦИИ

Ю. Ю. ГАФАРОВА

Глобализация современного мира как результат нарастающего движения информации, финансов, товаров, идей и человеческих ресурсов актуализирует понятие пространства и приводит к «пространственному повороту» (*spatial turn*) в социальных и гуманитарных дисциплинах. Суть этого поворота заключается

в фокусировании исследовательского внимания на феномене пространства, которое перестает пониматься как статичное «место» и анализируется как социальный конструкт, активный носитель культурных значений, спатально организующий иерархии ценностей и норм.

Особый интерес в современной ситуации представляют концепции, авторы которых, используя пространственные метафоры, пытаются «схватить» явления размывания экономических, политических и культурных границ, превращения их в «зоны контакта», «места встреч» и коммуникации. Одной из самых значимых концепций данного рода является концепция ведущего теоретика американского постколониального дискурса Х. К. Баббы, использующего в анализе «зон контакта» концептуальную метафору «третьего пространства» для описания пространства «неопределенного», разрушающего и смещающего гегемонию культурных структур и практик, пространства лиминального, промежуточного, «переднего края» коммуникации [1, с. 54].

Вслед за Х. К. Баббой, третье пространство можно определить как продуктивное пространство коммуникации, порождающее новые возможности. Это пространство трансформации культурных значений и место культурного производства, размывающего существующие границы и ставящего под сомнение устоявшиеся категории культуры. Третье пространство обеспечивает коммуникантам политику включения, а не исключения и стимулирует как сотрудничество, так и полемику [2].

Кроме того, третье пространство – это пространство самоосознания и борьбы. Нормализующей гегемонистской практике может быть противопоставлена гибридная стратегия, открывающая возможности переосмысления ситуации и ведения переговоров. Таким образом, третье пространство – это пространство артикулированного выражения и осознанной коммуникации.

Концепции «третьего пространства» подчеркивают динамизм, открытость и множественный характер современных культур, ориентируют на позитивное понимание гибридизации и гибридной идентичности, декларируют возможность эффективной коммуникации как «обмена перспективами».

Работа выполнена при финансовой поддержке БРФФИ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № Г17Р–022.

Литература и источники

1. Bhabha, H. K. Cultures in Between / H. K. Bhabha // Questions of Cultural Identity. – Ed. by S. Hall and P. Du Gay. – London: SAGE, 1996. – P. 53–60.
2. Communicating in the Third Space / Ed. by K. Ika and G. Wagner. – London & New York: Routledge, 2008.

LATVIAN SPORT JOURNALISM

RAIMONDS GEKIŠS

Sport journalism is important part of every media organization, but due to certain issues that hasn't been analyzed deeply within communication science field. This presentation locates Latvian sports journalism in the journalistic field, by using Bourdieu's field theory. It's achieved by examining the sports departments in three media organizations in Latvia, interviewing 15 sports journalists.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

О. Я. ГОЙХМАН

Инновационные процессы, происходящие в Интернете, привели к возникновению нового подхода к пониманию общественной жизни как существующей в условиях глобального информационного пространства. Страны с высоким уровнем жизни стали принимать концепции информационного общества, суть которых заключается в том, что производство, распределение и потребление информации является приоритетной сферой развития экономики.

И это было заблуждением, за которое сегодня расплачивается мировое общество. Развитие экономики действительно приоритетная цель для общества, но не единственно важная. Такая позиция привела к занижению роли коммуникации. На самом деле наша жизнь определяется прежде всего взаимодействием людей во всех сферах жизнедеятельности. По существу мы благодаря научно-техническому прогрессу и Интернет функционируем в рамках именно коммуникативного общества. Информация сама по себе не может быть тем определяющим фактором развития общества, каким является коммуникация. То есть информация – это главное средство достижения коммуникации, которая в данном случае является ее интерпретацией.

Особая роль при этом принадлежит социальной коммуникации. Есть ряд понятий этого явления. Так, одни исследователи под социальной коммуникацией понимают не только масштабное распространение сообщения, но и индивидуальный обмен, происходящий между людьми. Другие – как способ воздействия на обширные группы аудитории, с помощью чего реализуются цели тех, кто транслирует информацию, и т. д.

Прежде всего, Интернет не является обществом, даже виртуальным. Его следует рассматривать как информационное пространство, а не социальное, поскольку в Интернете отсутствуют социальные институты, которые характерны для общества. Поэтому формальный перенос понимания реальной социальной коммуникации в виртуальное пространство представляется некорректным.

Формирующийся понятийный аппарат виртуального пространства не должен дублировать понятие реального общества. В частности, неправомерно использование термина «социальная сеть» применительно к Интернет-коммуникации – это, скорее всего, виртуальные сети, но никак не социальные. Появившееся было понимание Интернет как глобальной сети, что в принципе также отражает суть явления, неожиданно исчезло из обращения.

Проникновение виртуального пространства нередко осуществляется как массовые атаки на реальность. Свидетельство того – волна агрессии в виде цветных и черно-белых революций, с белыми бантиками, с зонтиками и без, которая недавно захлестнула реальное мировое сообщество и которую спровоцировала, на мой взгляд, именно Интернет-коммуникация.

Человечество еще не научилось существовать в условиях полной открытости информационного пространства. Сетевое сообщество питает нас информацией, далеко не всегда полной и достоверной, и при этом стремится одновременно, поспешно ее интерпретировать и комментировать. Однако недостоверная информация передается с целью воздействия на адресата, а не взаимодействия с ним. Следует отделять процесс передачи информации от процесса ее интерпретации, а возможность комментирования предоставить специалистам. Значима и проблема доверия социальной (и не только социальной) информации, распространяемой в Интернет-пространстве. Приходится проверять ее по ряду источников / сайтов, прежде чем осознать истинность сообщения.

Интернет-пространство не имеет границ, но, к сожалению, не имеет и норм, которых следует придерживаться. Поэтому взаимодействие виртуального пространства с действительностью будет органичным и социально-обусловленным, если мировое сообщество выработает и примет общие нормы и правила, соблюдение которых позволит эффективно развиваться цивилизации в новых условиях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

О. Ю. ГОЛУБ

Интернет как сложная разветвленная социальная система и платформа значительной части социальных коммуникаций создает основу для возникновения новых социальных практик – виртуальных аналогов традиционных. Развитие Интернета способствует переносу в их сферу ценностных и идентификационных ориентаций, адаптационных стратегий, типов межличностного и межгруппового взаимодействия, расширяет возможности самоопределения и самоконструирования, трансформирует процессы мотивации и целеполагания, приводит к изменениям когнитивной, коммуникативной и личностной сфер.

Процесс виртуальной идентификации означает поиск и конструирование границ своего «онлайн-Я» в зависимости от границ выбранной системы социальных значений виртуального пространства. Виртуальная идентичность множественна, пластична, перформативна, мозаична. В определенном смысле она представляет собой некий гештальт, находящийся в постоянном движении.

Особенно явно эти процессы прослеживаются в социальных сетях, поскольку подобный формат обладает гораздо большим потенциалом социальных значений. Чаще всего основной мотив регистрации в сетях связан с потребностью быть воспринятым социально желательным в своей возможной идентичности. Значительное место в формировании виртуальной идентичности занимают дискурсивные конструкции, так как текстовая коммуникация зачастую анонимна, и пользователи сообщают о себе только отрывочные сведения или не сообщают ничего, кроме так называемых ников. Анонимность порождает у пользователя чувства вседозволенности и безнаказанности, и формируемая таким образом виртуальная личность имеет компенсаторный характер, основанный на управляемой самопрезентации [2, с. 23].

Отношение к анонимности в Интернете противоречиво. С одной стороны, анонимность открывает широкие возможности для различного рода «игр с идентичностью». Виртуальный мир представляется безграничным, позволяет формировать новые идентичности по весьма условным признакам, включаться в такие социальные группы, в которые в реальном мире войти не представляется возможным. Использование псевдонимов дает возможность развивать общение на основе большей доверительности, что, в свою очередь, позволяет совершенно незнакомым людям стать единомышленниками и влиять друг на друга в построении идентичности. С другой же стороны, отмечают противники «безымянного» Интернета, онлайн-анонимность – одна из главных причин нарушения прав интеллектуальной собственности, распространения спама, вредоносного ПО, появления кибертерроризма. Количество преступлений в Интернете растет не в последнюю очередь из-за возможности совершать противоправные действия в Сети анонимно. Анонимность в Сети угрожает детям, которые могут легко получить доступ к сайтам, пропагандирующим насилие, порнографию и наркотики.

Последствия социальной виртуализации неоднозначны. Использование сетевых технологий расширяет возможности коммуникации и самореализации индивидов за счет освоения новых идентичностей и ролей в Интернете. Вместе с тем вследствие формирования у многих интернет-пользователей устойчивых идентичностей игроков возникает интернет-зависимость, при которой вступление в виртуальные связи в разных ипостасях становится сверхценным. Культура карнавала, реализуемая в виртуальных связях в разных ролях и масках, приводит к потере способности четкого соотнесения себя с теми социальными общностями, в которые реально включена личность.

Проблема снижения (устранения) анонимности и идентификации пользователей в сети Интернет чрезвычайно актуальна, обсуждается и законодателями,

и активными интернет-пользователями. Единого мнения нет. Для применения правового регулирования информационных отношений в Интернете необходимо точно знать, в каких случаях пользователи глобальной сети могут осуществлять социальную анонимную деятельность, а какие действия анонимными быть не могут ни при каких условиях.

Литература и источники

1. Горина, Е. В. Манипулятивный потенциал конституирующих признаков Интернета / Е. В. Горина // Журналистика и массовые коммуникации. – 2014. – № 3. – С. 155–161.

РИСКОГЕННЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Л. М. ГОНЧАРОВА

Прагматичность, технократичность, бизнес-ориентированность и материально-потребительское состояние современного информационно-коммуникационного социума приводят не только к истощению нравственных ресурсов, но и к снижению использования традиционных языковых средств, «консервированию» их в «устаревающей» классике, в то время как информационно-технические возможности распространения и хранения информации становятся массовыми каналами не только транслирования новых языковых реалий, но и поведенческих норм, повышающих коммуникационные риски.

Речевая агрессия может рассматриваться как тип речевого поведения, способного проявляться в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров. Она провоцирует антидиалог, когда, с одной стороны, адресант ориентирован на эмоциональное привлечение внимания и коммуникативный контакт, пусть и через деструктивные формы речевого поведения, с другой – в агрессивном общении, независимо от типа коммуникации, обязательно присутствует выражение негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи.

При этом следует отметить, что агрессивная публичная коммуникация в СМИ, политической сфере и бизнес-среде существенно отличается от вербальной агрессии в непосредственном общении оппонентов.

Агрессивная коммуникация в СМИ – это прежде всего наступательное, активное общение, привлекающее внимание аудитории. Агрессивные реплики активизируют зрителей, заставляя их принимать сторону одного из оппонентов, сопереживать событиям, активно включаясь в них. Глобальное массмедийное пространство сегодня сотрясают информационные войны. Агрессивно навязывается «единственно правильная» точка зрения и трактовка событий. На уровне языковых средств используются нарочито грубые, вульгарные, стилистически сниженные слова и выражения, дисфемизмы, оксюмороны, подчеркивающие негативное отношение к предмету речи.

Агрессивная коммуникация в политическом дискурсе нередко используется как прием привлечения внимания и самопрезентации. В публичной политической коммуникации коммуникативный дисбаланс как результат агрессивного речевого поведения призван обеспечить возможность речевого воздействия на массового адресата. При этом очевидно нарушаются диалогические конвенции, максимы коммуникативного согласия (по Грайсу) и т. д.

Очевидно, что в ходе агрессивного коммуникативного акта говорящий – инициатор беседы – определяет тему, является ведущим в принятии решений, обладает большим коммуникативным весом, выбирает стратегии и тактики воздействия на адресата. Однако в коммерческой сфере, выражая агрессию и, вместе с тем, осознанно контролируя ее, адресант создает некий сценарий развития коммуникативной ситуации, определяемый маркетинговой политикой компании. Необходимо также упомянуть об агрессивных коммуникативных приемах, используемых в рекламе как на вербальном, так и на невербальном уровне.

Проблема агрессии, вербальной и невербальной, все чаще становится предметом анализа и обсуждения в лингвистической науке. Необходимость исследования этой проблемы обусловлена ее включенностью в социальный контекст, поскольку агрессивные, манипулятивные и разрушающие приемы оказывают деструктивное влияние как на сам процесс коммуникации, так и на его участников. Необходимо также выявить возможности ограничения данного явления в социуме, поскольку именно общество выполняет функцию регулятора разнообразных проявлений этого феномена.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ВИКТИМНОСТИ КАК ОДИН ИЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Н. И. ГОНЧАРОВА

В 80-е годы XX века человечество вплотную сталкивается с новой цивилизационной проблемой. Этот период можно обозначить как своеобразную точку сингулярности, прохождение которой характеризуется не только экспоненциальным возрастанием количества преступлений во всем мире, но и стремительным усложнением преступных структур. Преступность приобретает транснациональный характер и имеет тенденцию к монополизации, особенно в сфере наиболее прибыльных форм преступной деятельности (незаконное производство и оборот оружия и наркотических препаратов, торговля людьми и т. д.). Она активно включается во взаимодействие с легальными бизнес-структурами и политическими партиями, использует достижения новейших научных технологий, формирует и лоббирует собственные запросы в области искусства и культуры.

Обратной стороной глобализации преступности в современном мире становится *глобализация виктимности* – потенциальной или реализованной

возможности каждого человека стать жертвой преступления. Стоит отметить, что схемы вовлечения в преступную деятельность разрабатываются с учетом современных достижений социологии и психологии. В отношении потенциальных жертв используются возможности компьютерных технологий и средства межсетевое взаимодействия. Наиболее опасные по своим последствиям виды преступности (экономическая, экологическая) имеют анонимный и латентный характер. Учитывая вышеперечисленные факты, констатируем: противостояние преступности на частном уровне носит заранее обреченный характер, а дальнейшее развитие преступности и виктимности представляет собой один из наиболее серьезных цивилизационных рисков современности. Именно по этой причине в конце XX – начале XXI века сформировался общественный запрос на обеспечение криминологической безопасности – безопасности от криминальных посягательств.

Концепции криминологической безопасности разного уровня активно разрабатываются как в западном научном пространстве, так и в странах СНГ, однако до сегодняшнего дня проблема виктимности и криминологических рисков не стала предметом философской рефлексии. Такая теоретическая лакуна способствует специфическим деформациям в сфере государственно-правовой деятельности. В отсутствие вербализированной философской парадигмы концепции государственной и международной криминальной политики вынужденно формируются на базе частнонаучных теорий, что порождает всевозможные симулякры: концепции «управления преступностью», «цивилизованного взаимодействия с преступностью», «экономической целесообразности правоохранительной деятельности». Игнорируя всеобщий характер каузальных связей, эти концепции в той или иной мере выполняют функцию легитимизации преступности, детабуирования преступного поведения и, вследствие этого, способствуют дальнейшей виктимизации общества. Философское осмысление данной проблемы является необходимым условием формирования аргументированных теоретических моделей криминологической безопасности и рационального внедрения их в практику правоохранительной деятельности международного и государственного уровня.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ СЛОЖНОЙ МАКРОСИСТЕМЫ «ВОДИТЕЛЬ–АВТОМОБИЛЬ–СРЕДА» В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИКИ И ТЕОРИИ СЛОЖНОСТЕЙ

О. Е. ГОНЧАРОВА

Работа посвящена рассмотрению ключевых положений исследования автором проблемы безопасности сложной макросистемы «водитель – автомобиль – среда» (ВАС) в контексте основных принципов постнеклассики / теории сложности. Впервые введено понятие сложной макросистемы нового типа, соединяющей системы разного класса как самостоятельные «целые» на

основе концептуальной модели постнеклассики «целое в целом». Выдвигается гипотеза, что главной причиной ДТП является определенная несовместимость в рамках макросистемы ВАС соединяемых в ней систем «водитель», «автомобиль», «среда» по показателям принадлежности к разным классам, что обуславливает возникновение критической разности / критического порога при взаимодействии сложных систем разного класса.

Сложность макросистемы ВАС обусловлена сложностью связей между разноклассными системами при соединении в единую макросистему с мегауправлением, поскольку в процессе соединения водитель вступает во множество отношений с автомобилем, природой / средой, пешеходами, которое имеет большое число степеней свободы. Открытость макросистемы ВАС подтверждается существованием некоторого влияния одной системы на другую, а также их тесной связью с другими явлениями природного и социокультурного бытия. Нелинейность развития данной макросистемы обусловлена тем, что влияние внешних факторов не имеет в ней однозначных откликов. Ее самоорганизация может быть определена как процесс появления согласованности между разноклассными системами при их соединении в единую макросистему, вследствие чего формируются определенные структуры и свойства, причем все это происходит без специфического внешнего влияния. Человекомерность макросистемы ВАС можно рассматривать как управляющий параметр для макроуровня. Концептуальная модель «целое в целом» позволит учесть имеющуюся степень их неадекватности и возможную степень адекватности, которую можно получить в конструкции автомобиля. Динамический хаос – это такое состояние макросистемы ВАС, при котором нарушаются взаимодействие, взаимосвязи, согласование между элементами ее микро- и макроуровней и управляющими параметрами. Степень согласования / рассогласования классности систем, входящих в макросистему ВАС, становится критерием оценки критической разности / критического порога адекватности, а следовательно, безопасности / травматичности и ресурсосбережения.

Применяя постнеклассические подходы в совершенствовании макросистемы ВАС, можно весьма обоснованно наметить основные направления и программу гармонизации разноклассных систем при соединении их в единую макросистему. Это макро- и мегамоделирование в представлении привычной системы ВАС с современных научных позиций, необходимость ее исследования как специфической макросистемы (с учетом разноклассности систем, в нее входящих) в русле постнеклассики и человекомерности, раскрытие специфичности ее целостности через мировоззренческую позицию и концептуальную модель «целое в целом».

СТРАХ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Л. В. ГОРОХОВА

Актуальность исследования страха как экзистенциала современного человека объясняется тем, что если еще в XX веке страх превратился из «достояния» отдельных людей в факт жизни большинства, то в XXI веке он становится неотъемлемой составляющей общественно-политической и социальной жизни человека. Факторами, которые его вызывают, являются не только войны, террористические акты, глобальные катастрофы, эпидемии или процессы социально-экономической глобализации, но и необходимость переосмысления человеком места в мире, взаимоотношений в социуме при обстоятельствах неопределенности ценностей, норм и стандартов. Этический выбор человека, живущего под воздействием стереотипов, оказывается слишком широким, нечетким, а его непредсказуемость порождает тревогу, которая воплощается в многочисленных страхах.

Экзистенциал страха определен нами как внутреннее состояние человека, обусловленное реальными или возможными угрозами его биологической или социальной жизни, которое обеспечивает самосохранение индивида, мобилизуя его организм в ситуациях неопределенности и непредсказуемости. Он выражает определенную форму самосознания и указывает на возможное нарушение реальных связей и отношений внутреннего мира личности. Страх как экзистенциал определяет границы социокультурного существования и свободной самореализации человека, степень познания им глубин собственной психики, понимания своего культурно-исторического пути.

Экзистенциальный страх человек не может ни вылечить, ни преодолеть. Такой метафизический страх способен погрузить человека в непредсказуемые состояния. И все же именно страх не подавляет, а наоборот – активизирует деятельность личности.

ПОЛЕМИКА АУДИТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ОДНОКЛАСНИКИ» ВОКРУГ ПУБЛИКАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МАССМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

С. В. ГУСЬКОВА

В XXI веке при практически всеобщей доступности всех видов массовой информации и массовой коммуникации традиционно монологические формы подачи контента становятся все менее привлекательными для аудитории. У массовой аудитории все большей популярностью пользуются диалогические формы трансляции информации. Согласно гипотезе нашего исследования, данные формы нередко носят полемический, конфронтационный характер и содержат агрессивный компонент.

В рамках исследования, проведенного в августе–сентябре 2017 г., проанализированы комментарии аудитории соцсети «Одноклассники», сопровождающие публикации на официальных страницах общественно-политических газет Тамбовской области (Россия, Центрально-Черноземный регион). Цель исследования – установить, насколько активно пользователи социальной сети «Одноклассники» комментируют публикации региональных изданий, какие темы обсуждаются, в каком ключе происходит обсуждение. Во внимание взяты районные газеты, учрежденные администрацией Тамбовской области и муниципалитетами. В социальной сети «Одноклассники» найдено большее число страничек районных изданий Тамбовской области, чем в социальной сети «ВКонтакте».

Стоит отметить, что публикационная активность районных редакций в соцсети различная. Некоторые редакции не входят в аккаунты от нескольких дней до нескольких месяцев, другие же оперативно размещают по несколько постов за сутки. Многие материалы обсуждаются в соцсети в полемической форме. Анализ подобных дискуссий позволил выделить наиболее обсуждаемые темы публикаций: ремонт дорог, благоустройство территорий; благоустройство региона или конкретного района; культурные мероприятия региона или конкретного района; оказание медицинской помощи населению; вопросы религии.

Наблюдается следующая тенденция в обсуждении сообщений аудитории: на какую бы тему ни был материал, пользователи соцсети приходят к обсуждению тех проблем, которые волнуют аудиторию (самыми популярными из них являются: ремонт дорог, бюджет местных органов власти и направления его расходования, оказание жилищно-коммунальных услуг населению). Полемический характер многих обсуждений обнаруживается за счет ряда признаков, в числе которых: столкновение точек зрения участников дискуссии (оппонентов); агрессивная стилистическая направленность значительной части сообщений; особая, часто агрессивная, лексика; желание во что бы то ни стало отстоять собственную точку зрения и доказать несостоятельность позиции противника; открытый финал подобных обсуждений, предполагающий дальнейшее ведение дискуссии, приглашающий аудиторию к размышлению, побуждающий журналистов к созданию новых медиапродуктов, и др. [1].

В ходе исследования подтвердилось, что трансляция информации через соцсети и последующее ее обсуждение нередко носят полемический характер, содержат агрессивный компонент. Однако при всей деструктивности многих сообщений пользователей соцсети они выполняют ряд конструктивных функций: способствуют социальной активности аудитории; позволяют обозначить широкий круг проблем, выходящих за рамки тематики и проблематики конкретного материала; позволяют наладить диалог между различными социальными группами населения региона или района; прояснить точки зрения сторон, что полезно для ведения диалога в реальной (за рамками соцсети) жизни; совместно прийти к решению проблем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 17–14–68002.

Литература и источники

1. Гуськова, С. В. Речевая агрессия: способы выражения в региональной прессе / С. В. Гуськова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (105). – С. 156–165.

ПАНОПТИЗМ ЭЛЕКТРОННОГО ДНЕВНИКА

Е. А. ГРИНЕВИЧ

Осенью 2013 года начался эксперимент по внедрению системы электронных учебников в ряде столичных школ Республики Беларусь. Данная новость была отмечена во многих СМИ, в том числе и на tut.by [1]. В 2016 / 2017 учебном году стало появляться множество новостей относительно результативности проделанной работы. А на сайте сервиса *знай.бай* представлены конкретные показатели: свободное время учителя увеличивается на 20 %, пропуски занятий без уважительной причины снижаются на 80 %, а средняя успеваемость увеличивается на 15 % [2]. Предположив, что это верифицированные данные, необходимо согласиться, что эффективность внедрения электронных дневников весьма высока.

Однако необходимо обратить внимание, что успешность эксперимента и повсеместное внедрение электронных дневников указывают не только на изменение формы и инструментов работы преподавателя и ученика, но также на изменение отношения к самому ученику как субъекту процесса обучения. Ученик находится в состоянии, когда в любой момент времени он может быть под контролем родителей. Современные компьютерные и коммуникационные технологии позволяют моментально оповестить родителей о неудовлетворительной оценке или пропущенном занятии. Такое состояние известно, оно описано М. Фуко в его работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и называется паноптизм.

Ученик, таким образом, становится «...объектом информации, но никогда – субъектом коммуникации... И эта невидимость гарантирует порядок» [3, с. 293]. Работой паноптикума можно объяснить такие высокие показатели. Возникает очень важный вопрос относительно того, как может отозваться подобная трансформация на личности учащегося. Усиление дисциплины может научить будущего специалиста нести ответственность за свои поступки, но с такой же вероятностью может свести на нет всякие проявления творчества и собственной инициативы.

Фуко утверждает, что с появлением паноптизма в обществе происходили серьезные трансформации: минимальная социальная единица – это уже не община, а индивид вместе с собственной ответственностью. Электронный дневник создает предпосылки для перенесения локуса контроля извне (родители)

внутри самого ученика. Школа как социальный институт тем самым укрепляет собственные позиции. Школа действует таким же образом, как государство по Фуко: «...уменьшает число представителей власти, одновременно увеличивая число людей, подлежащих ее воздействию» [3, с. 301].

Литература и источники

1. «Электронная школа» начнет работу в Минске первого сентября // Новостной портал tut.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://42.tut.by/360368>. – Дата доступа: 15.06.2017.
2. Единая платформа электронных сервисов для образования // знай.бай [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://znaj.by/>. – Дата доступа: 15.06.2017.
3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фран. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНЫХ ШТУДИЙ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. И. ДАВЫДИК

В истории оформления гендерных исследований в Беларуси условно можно выделить три модуса существования: академические исследования в преимущественно женской научной среде, общественные объединения, направленные на противодействие насилию и противостояние гендерной дискриминации, а также феминистская арт-критика, которая нашла свое воплощение в художественной сфере, театре и литературе.

Исследования в области гендера и гендерного равенства как содержат в себе либеральную критику существующей ситуации в Беларуси, нивелирование тех стереотипов, которые затрудняют преодоление негативных ситуаций, связанных с дискриминацией и насилием на теоретическом уровне, так и касаются практического, прикладного уровня данных проблем, аккумулируют статистику, которая могла бы объективно представить положение, связанное со стратегиями преодоления гендерного неравенства.

Новый импульс развитию гендерной проблематики был задан пятым Национальным планом действий по обеспечению гендерного равенства в Беларуси на 2017–2020 гг., утвержденным в феврале 2017 г. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь [2]. Это национальный программный документ, направленный на развитие механизмов внедрения гендерного подхода в процесс разработки и реализации мер государственной политики в различных сферах жизни общества. Некоторые пункты Национального плана имеют важнейшее значение для социально-экономической сферы республики, будучи связанными с потребностью учета гендерного аспекта в бюджетном планировании социальных программ. Гендерное бюджетирование введено во многих странах Европы, а также некоторых странах СНГ, что позволило эффективнее

расходовать средства бюджета на поддержку и развитие значимых в этой сфере инициатив.

Феномен социального производства гендера, его осмысление в качестве идеологической константы и элемента социальной стратификации, которые удерживают общественные отношения в плоскости пола, также является перспективным направлением для исследования в современной социально-философской теории. Деконструкция данного феномена, исследование процесса выстраивания того или иного типа взаимоотношений, устойчивых связей, структур призваны выявить основания гендерных отношений в конкретном социуме, определить те аспекты, которые стали имманентно присущими индивидам и группам.

Для философского сообщества гендерная проблематика имеет высокий научный потенциал. В первую очередь это связано с исследованиями идентичности и трансформации телесности, а также осмысления социальных ролей и ревизии поведенческих паттернов, закрепившихся в традиционных и современных обществах. Гендерные штудии как затрагивают антропологический аспект, так и отсылают к социальной критике, становясь эффективным инструментом для переосмысления социальной практики средствами актуальных теоретических наработок и междисциплинарного взаимодействия на стыке научного знания, искусства, технологий, государственного управления.

Литература и источники

1. Шмидт, В. Женский активизм в Беларуси: невидимый и неприкасаемый / В. Шмидт, И. Соломатина. – Каунас: Taurapolis, 2015.
2. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Беларуси на 2017–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file59fe04a05ce85ea9.PDF>. – Дата доступа: 10.03.2017.

РИСКОГЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

И. И. ЕКАДУМОВА

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), призванные обеспечить комфорт повседневной жизни человека и эффективность его деятельности, выступают одним из факторов его уязвимости. Сегодня данная проблема усугубляется тем, что развитие ИКТ породило новые инструменты воздействия людей – устройства, подключенные к интернету. Новый набор проблем, требующих неотложного решения, создает сегодня активно развивающийся «Интернет вещей» (ИВ) – совокупность коммуникационных сетей, объединяющих физический и виртуальный миры, в которых люди и предметы передают друг другу информацию о себе, своем состоянии и окружении. Половина населения Земли сегодня имеет доступ в интернет, т. е. пользуется различного рода «умными» устройствами, способными обрабатывать данные и обмениваться ими в глобальной сети. В современном мире насчитывается более

6 млрд таких устройств, что ставит их пользователей перед проблемой баланса удобства и информационной безопасности, прежде всего конфиденциальности.

ИВ с его миллиардами соединений расширяет круг угроз информационной безопасности пользователей на бытовом уровне, что предопределяет новые требования к устойчивости и надежности «умных» устройств. Такие устройства должны быть защищены от взлома и выведения из строя. Между тем на многих из них нет защитных решений, поскольку их производители редко выпускают обновления безопасности и новые прошивки [1]. При сегодняшнем уровне защиты интернет-устройств хакеры способны не только взламывать их, но и собирать из них мощные ботнеты. Масштаб этой проблемы обсуждается сегодня в Европе на самом высоком уровне. Еврокомиссия планирует принять меры правового регулирования развития ИВ, направленные на повышение безопасности бытовых устройств, подключенных к интернету. В качестве решения предлагается сертификация ИВ-устройств при нормативно-правовом закреплении минимума требований к их безопасности. Для развития сотрудничества правительственных и коммерческих структур в Евросоюзе создан Альянс для инноваций в интернете вещей [2].

Риски, производимые развитием ИВ, проявляются на самых разных уровнях общественных отношений и зависят в своих проявлениях от социально-экономического эффекта ИВ, а также от запросов и действий пользователей, производителей, правительств и заинтересованных международных инстанций. Управление рисками, порождаемыми развитием ИВ, требует соотнесения результатов технологического прогресса с возможностями обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Литература и источники

1. Кусков, В. Ловушки «интернета вещей». Анализ данных, собранных на IoT-ловушках «Лаборатории Касперского» / В. Кусков, М. Кузин, Д. Макрушин, Я. Шмелев, И. Грачев // АО «Лаборатория Касперского», июнь 19, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://securelist.ru/honeypots-and-the-internet-of-things/30874>. – Дата доступа: 10.08.2017.
2. Stupp, C. Ansig Plans New EU Cybersecurity Centre / C. Stupp // Euractiv.com, 20.07. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/cybersecurity/news/ansig-plans-new-eu-cybersecurity-centre>. – Дата доступа: 10.08.2017.

«НЕТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР»: ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Е. И. ЖУК

Телефон является наиболее привычным для нас средством связи, которое вошло в жизнь человечества намного раньше, чем сеть Интернет. Удобство телефонного разговора состоит в возможности голосовой передачи информации, при которой смысл не деформируется письменным текстом. Если связь с помощью «Skype» предполагает отдельное подключение к интернету, обращение

к компьютерным технологиям, то телефон является как бы продолжением руки. На противоположном конце провода – Другой, у которого есть прекрасная возможность ответить, опять же прибегая к самому естественному средству связи – своему голосу. Нам не приходится обращать мысли в письменный текст, ожидаемый ответ доставляется практически мгновенно и телефон передает все голосовые модуляции, доступные нам в разговоре лицом к лицу. Итак, вывод напрашивается сам собой: телефон удобен как средство коммуникации. Критика телефонной коммуникации не заключает в себе призыва к отказу от телефонных аппаратов. Это, скорее, призыв чаще находить время для нетелефонных разговоров. В современном мире знакомые и необходимые друг другу люди часто разделены огромными пространствами. Время также все еще властвует над нами. Иметь хоть какую-то связь, находясь на разных материках – важно. «Успеть» – это иногда является наиважнейшей задачей человека. В таких случаях телефон является нашим постоянным помощником. И забота, которую мы желаем проявить по отношению к близкому человеку, способна прокладывать для себя разные пути. В том числе сквозь телефонные аппараты.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА В ПЕРСПЕКТИВЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

С. П. ЖУКОВА

Тема трансдисциплинарности обнаруживается в философии и науке постнеклассического типа. Дискуссии по данной проблематике начинаются в последней трети XX века. Трансдисциплинарные исследования выходят не только за рамки научных дисциплин (не отрицая дисциплинарное знание), но и за рамки науки в целом, включаясь в социальные практики и становясь компонентом инновационных процессов. Трансдисциплинарная научность приобретает статус исследовательского проекта для конкретной социокультурной системы (работы, связанные с IT-технологиями, биотехнологиями и др.).

Проблемы трансдисциплинарности формируются при взаимодействии науки, жизненного мира, повседневной практики. Их возникновение фундировано развитием наукоемких технологий (NBIC-технологий). В трансдисциплинарной проблематике репрезентируются коллизии особо значимых социокультурных практик, ее можно оценить как «жизненно важную». То есть, трансдисциплинарность обращается к проблемам бытия человека, экзистенциальным проблемам, в силу социально-практической и «сиюминутной» значимости требующим конкретно-ситуативного эффективного решения. Трансдисциплинарные проекты нуждаются в интегрировании уровней знания (фундаментального и прикладного), определенных дисциплинарных знаний, в методологии и инструментарии для реализации полученных знаний в социальной практике.

Итоговой характеристикой проблем трансдисциплинарного знания является имманентность этической составляющей. Содержание и значимость таких проблем подразумевает ответственный моральный выбор, коррелирующий с социально конкретными нравственными ориентирами, смыслом морали вообще. Но для такого морального выбора недостаточно личностных усилий, он предполагает научную и этическую обоснованность, релевантность конкретным социальным интересам, этосу, технологическую и институциональную обеспеченность (этические технологии и институты). Итак, моральный выбор должен осуществляться на уровне прикладной этики. Ее предметом являются системы общественной морали, определяемые моральными коллизиями, возникающими в связи с актуальным технологическим развитием. В дискуссиях о предмете прикладной этики определен ее проектный характер.

Этические институты и технологии (кодексы, экспертиза, консультирование и др.) должны обеспечить адекватность результата основным ценностям (морально-этическим) приоритетам – общему благу, подразумевающему сохранение собственно человеческого качества, человечности, и ситуативным социальным благам, максимально коррелирующим с общим благом.

Тенденция трансдисциплинарности нередко исследуется современными авторами на примере биоэтики. Развитие других видов прикладной этики (экологической, информационной и т. д.), их методологическая рефлексия могли бы также представить эмпирический материал для описания трансдисциплинарности. Таким образом, прикладная этика в конкретике ее определенных видов релевантна трансдисциплинарному знанию, способствует его развитию, реализует в свою очередь смыслы трансдисциплинарности.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА А. АЗИМОВА: ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ РОБОТИЗАЦИЮ

С. Г. ИНЯШКИН

Фантастика является одним из древнейших элементов человеческой культуры. Известный американский писатель А. Азимов (1920–1992) выбрал весьма любопытный способ описания того, каким должен быть человек. Героями его произведений стали не могучие и храбрые воины, а роботы. Именно роботы выступают ориентиром для самосовершенствования человека.

Например, в рассказе «Улики» (1946) на вопрос, отличается ли психология роботов от человеческой, основатель робототехники доктор Кэлвин отвечает: «Разница огромная. Прежде всего, роботы глубоко порядочны» [1].

Вероятно, главным преимуществом роботов над людьми с моральной точки зрения, по мнению автора, является безукоризненное соблюдение законов – Трех Законов Робототехники:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности, пока это не противоречит Первому и Второму Законам [2].

Помимо качеств роботов, обусловленных «Законами Робототехники» (безопасность и покорность), автор неизменно отмечает и другие положительные «черты характера» роботов.

Тезаурусный анализ четырех романов, написанных в разные периоды творчества автора, показал, что наиболее распространенными характеристиками роботов являются «спокойный» («calm», 39 раз), «молчаливый» («silent», 36 раз) и «тихий» («quiet», 30 раз). Неким контрастом для «спокойных» роботов выступает очень эмоциональный и часто грубый инспектор Бэйли. Например, только в романе «Пещеры из стали» он использует эвфемизм «Jehoshaphat» 19 раз.

Литература и источники

1. Asimov, I. Evidence / I. Asimov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/I_Robot.html#0. – Дата доступа: 01.09.2017.

2. Asimov, I. The Bicentennial Man / I. Asimov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/The_Bicentennial_Man_and_Other_Stories.html#0. – Дата доступа: 01.09.2017.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

С. Т. КАВЕЦКИЙ

Аддиктивное поведение определяется как поведение, связанное с психологической или физиологической зависимостью от употребления какого-либо вещества или специфической активности, с целью изменения психического состояния. И если различного рода химические зависимости достаточно хорошо изучены современной наукой и медициной, то так называемые нехимические зависимости привлекли внимание социальных наук сравнительно недавно. На наш взгляд, проблема теоретического осмысления феномена нехимических пристрастий осложняется несколькими факторами, а именно тем, что конкретных форм и видов зависимостей с каждым днем становится все больше (количественный аспект), что создает определенные трудности в их классификации, и тем, что не всегда можно с уверенностью сказать, что то или иное явление патологично по своей природе (смысловой аспект). Последнее относится в первую очередь к зафиксированному сравнительно недавно феномену сетевой или интернет-зависимости.

Компьютерная революция и особенно Интернет продолжают победное шествие по стране и региону. По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2005 году в Бресте, 33,5 %

респондентов имели персональный компьютер, 17,8 % использовали Интернет [1, с. 169]. К 2016 году количество имеющих компьютер удвоилось, а пользователей Интернет – утроилось. За прошедшие годы произошли серьезные сдвиги в области телефонизации. Владельцами домашних телефонов являются 78,8 % опрошенных, 82,7 % имеют мобильные телефоны, идет телефонизация сельской местности.

Технологическое развитие цивилизации привело к широкому использованию компьютеров в повседневной жизни, и человечество вступило в «эру пользователей». Их применение с одной стороны внесло и продолжает вносить очевидные преимущества в профессиональную и учебную деятельность, а с другой – оказывает и негативное влияние на психическое функционирование человека.

Чрезмерная увлеченность работой в Интернете, состоящая в поиске новой информации, среди прочего расширяет возможности активного фантазирования, отождествления себя с персонажами виртуального мира или проигрывания сексуальных фантазий. Из-за неограниченного доступа к информации у пользователя нередко возникает иллюзорное ощущение собственной мощи.

Особая опасность стать зависимым от Интернета подстерегает тех, для кого компьютерные сети оказываются почти единственным средством коммуникации с миром. Поглощенность общением с друзьями по сети в качестве варианта аддиктивной зависимости дает возможность найти себе виртуального собеседника, удовлетворяющего практически любым критериям. Важно, что при этом не дается никаких обязательств поддерживать с ним общение в дальнейшем. Эта форма компьютерной зависимости приводит к пренебрежению личностными контактами в реальной жизни, общение с реальными людьми ограничивается. Все свободное время и карманные деньги тратятся на усовершенствование программ. Отмечаются трудности засыпания, чрезмерная экзальтация. При вынужденном перерыве возникает чувство опустошенности, скуки.

Болезненной может стать и зависимость от видеоигр. Установлено, что своего рода побочными эффектами видеоигр является чрезмерная вовлеченность, нарастание агрессивности (особенно у детей), повышенный уровень тревожности при отсутствии возможности реализовать игровое пристрастие.

Таким образом, широкое проникновение интернета в жизнь общества изменило процесс социализации личности. Появилась киберсоциализация, способная привести как к позитивным последствиям, так и к негативным деформациям.

Литература и источники

1. Кавецкий, С. Т. Аномия: истоки и современность / С. Т. Кавецкий. – Брест: Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2010.

«ANIMAL ENHANCEMENT» И «DISENHANCEMENT» В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М. КОЖЕВНИКОВА

В последнее время мы имеем дело с растущим интересом к «улучшению» человека (human enhancement). У этого научного тренда есть свой «полигон» – «улучшение» животных (animal enhancement). В отношении животных появляется еще один термин, который не применяется (как и практики, которые он обозначает) по отношению к людям: disenchantment (ухудшение): технологическое понижение или удаление некоторых характеристик животного.

В поддержку animal enhancement часто выступают трансгуманисты, считающие, что имеющиеся возможности когнитивного «улучшения» требуют от нас включения в этот процесс также и животных. Технологическое «улучшение» происходит в сельском хозяйстве, биологии и медицине, при селекции рабочих животных и животных-компаньонов. «Улучшение» животных происходит также в области нейронаук, в том числе по заказу армейских структур.

Все эти эксперименты, помимо реализации конкретных задач и связи с эффективностью «работы» животного в какой-то области, одновременно позволяют тестировать новые технологии. В этом смысле они косвенно служат развитию human enhancement. Прямая связь между animal enhancement и human enhancement раскрывается, например, в области «генетического допинга». Из-за очевидных правовых и этических ограничений такие исследования проводятся только на животных.

Между «улучшением» человека и «улучшением» животных есть два существенных различия: 1) в случае human enhancement сам человек является агентом технологического воздействия на свой биологический вид, в то время как в случае animal enhancement мы имеем дело с насилием одного биологического вида над другим с целью получения пользы; 2) в случае animal enhancement отсутствует напряжение между «терапией» и «улучшением», хотя оно принципиально важно в дебатах касательно human enhancement.

Animal enhancement происходит исключительно в рамках антропоцентрической парадигмы с утилитарной или адвокатской перспективы. При таком подходе животные рассматриваются как объекты, а не как субъекты. Этот подход входит в коллизию с принципами многих направлений современной этики животных, в которых животные рассматриваются как «не-человеческие личности», «моральные субъекты» или «субъекты жизни». В том, что касается возможностей вмешательства в биологию других видов, можно сделать вывод о наступающей биотехнологической колонизации (К. О. Россиянов, А. Феррари).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ БРЕНДА

А. В. КОЛИК

В коммуникационной стратегии брендинга в настоящее время существенную роль играет социальный маркетинг, позволяющий устанавливать контакты с целевыми аудиториями. Бренд в данном контексте понимается не просто как некий материальный объект, а как определенная ментальная конструкция. По мнению Е. А. Рудой, бренд – более широкое понятие и представляет собой своеобразную ментальную конструкцию, формируемую в сознании потребителя в результате мифологизации потребительских свойств товара. Бренды формируются мнениями, чувствами, эмоциями и воображениями, поэтому применение термина «бренд» ограничено лишь тем, как его воспринимают потребители и что они думают и чувствуют в связи с брендом [1, с. 21].

Социальный маркетинг является одним из самых перспективных направлений в маркетинге XXI века. Он построен на том, что принципы маркетинга, которые применяются для продажи товаров, могут быть использованы для «продажи» идей, мнений, установок. При этом отличие от традиционного маркетинга состоит в том, что маркетолог действует не для пользы своей организации, а для пользы целевой группы или всего общества.

Социальный маркетинг, продуктом которого выступают идеи, программы, личности, социальная деятельность и услуги, в первую очередь ориентирован на получение позитивных социальных изменений в обществе и обеспечения положительной реакции потребителей. Необходимо выделить следующие признаки социального маркетинга:

пропаганда социальных проблем, повышение внимания к той или иной социальной проблеме;

информирование о методах, инструментах решения проблемы;

привлечение необходимых ресурсов для решения этой проблемы.

По мнению известного специалиста в данной сфере Недры Клайн Вайнрейх, в социальном маркетинге помимо традиционных «4P» («Product», «Place», «Price», «Promotion») комплекса маркетинга присутствуют дополнительные «4P», которые характерны именно для социального маркетинга. К ним относятся: «Publics» (группы), «Partnership» (партнерство), «Policy» (политика), «Purse Strings» (фонды) [2].

Социальный маркетинг применяется во всех секторах социума:

1. Государственные организации применяют его в целях продвижения социально-полезных идей, продуктов, услуг.

2. Некоммерческие общественные организации ставят своей задачей привлечение других организаций, граждан к решению той или иной социальной проблемы.

3. Коммерческие компании заинтересованы в одновременном продвижении своих брендов и социальных ценностей.

Участие в социальных проектах является эффективным PR-инструментом, способствует повышению репутации компании в обществе, развитию корпоративного бренда. В современном мире публичная организация не может обеспечить лояльность со стороны потребителей, общества без участия в решении стоящих перед социумом актуальных проблем.

Литература и источники

1. Рудая, Е. А. Основы бренд-менеджмента: Учебное пособие для студентов вузов / Е. А. Рудая – М.: Аспект Пресс, 2006.
2. What is Social Marketing? // Social Marketing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.social-marketing.com/Whatis.html> – Дата доступа: 03.09.2017.

ПРОЕКТИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И СТАНДАРТЫ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ НАБОР СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ И ДАВЛЕНИЯ

С. Н. КОНЕВЕЦ

Справедливо утверждение профессионалов, что центральные для человеческой психики концепты отражены в мифических и магических образах, художественных картинах, кинофильмах, в грамматике языков, и это стихийная социализация отношений человека с внешним миром.

Не вызывает сомнения тот факт, что самые важные концепты кодируются именно в живописи, кино, литературе, языке. На языковом уровне это особенно заметно. Так, в последние годы понятие «репутация» все больше сближается с понятиями «социальная ответственность», «социальное партнерство», «социальная модель». Известно, что концепт, соотносясь с мыслительными процессами человека, а с другой стороны, с миром культуры, находит проекции в языке.

В психодизайне или властной психологии используются разные методы и технологии, применение которых предоставляет возможность большего разнообразия получаемой информации и как следствие – возможности более эффективного анализа. Ряд исследователей [1] отмечают, что главное в современном мире – изменение предметов труда. Благодаря информационным технологиям наиболее прибыльным, наиболее коммерчески эффективным бизнесом стало преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Современная реальность Public Relations – один из компонентов социально-информационного контекста. Неотъемлемая часть этой реальности – виртуальные информационные «вирусы» и «трояны»: сообщения, персонажи, установки, которые внедряются в современные массмедиа, телепередачи, радиопрограммы,

печатные СМИ, в рекламу, интернет, кино и видео [2]. Продвижению социально-коммуникативных технологий как базовой составляющей концепции социальной корпоративной ответственности бизнеса способствует инициатива передового отряда специалистов рекламы и связей с общественностью, активно развивающих направление социальных коммуникаций.

Литература и источники

1. Делягин, М. Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. Куда движется человечество? / М. Г. Делягин. – М., 2008.
2. Шеремет, А. А. Технологии связей с общественностью как способ организации современной социальной реальности: автореф. дис... канд. филос. наук / А. А. Шеремет. – Омск, 2010.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ И ПРОГРАММ ДЛЯ БЕЗОПАСНОЙ РАБОТЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Н. В. КОРЫТНИКОВА

Безопасность в Интернете начитается с выбора браузера и поисковой системы, специальных программ и функций, предоставляющих различные степени защиты от вредоносных действий со стороны. С целью выяснить, какие программы используют пользователи для облегчения работы в Сети, на кафедре методов социологических исследований ХНУ им. В. Н. Каразина был проведен онлайн-опрос «Безопасность в Интернете» (октябрь-ноябрь 2015, n = 361), результаты которого репрезентируют харьковских Интернет-пользователей в возрасте от 18 до 35 лет.

В компьютерную грамотность пользователя входит применение ими дополнительных функций и программ для безопасной работы в сети Интернет. Среди программ, которые несут полезные функции для работы в Интернете, обычно указывают облачные технологии; специальные расширения против рекламы, вирусов; менеджер паролей; автоматическое сохранение пароля; вкладка «инкогнито».

По результатам исследования можно сделать вывод, что рассмотренные выше программы пользователями не игнорируются, но и повсеместного их применения не наблюдается. Популярными настройками оказались функции «автоматического сохранения пароля» и «расширения для защиты от рекламы и вирусов». Кроме того, многие дополнительные функции, декларируя свои полезные возможности и положительные свойства, могут нести в себе скрытые угрозы. В целом, меры предосторожности интернет-пользователей направлены скорее на то, чтобы сохранить свое пребывание в Интернете безмятежным, чем на предотвращение возможных утечек информации.

КАНЦЭПЦЫЯ НАРМАТЫЎНАЙ ВІРТУАЛЬНАСЦІ ПАД ЧАС САЦЫЯЛЬНАЙ КАМУНІКАЦЫІ Ў ІНТЭРНЭЦЕ

А. Д. КРЫВАЛАП

Што значыць нармальнасць у выкарыстанні інтэрнэта сёння? Калі мы свядома адмаўляемся ад прысутнасці ў сацыяльных сетках, у нашым коле сацыяльных кантактаў натуральным чынам узнікае пытанне нашай нармальнасці. Як гэта не карыстацца facebook ці быць аматарам кавы і дэсертаў, але без instagram? Якім чынам мы адчуваем на сабе ціск з боку супольнасцяў, у якія мы ўваходзім?

Нарматворчая дзейнасць як складнік сацыяльнага жыцця з'явілася адначасова з культурай у шырокім сэнсе. Сучасны стан культуры прадугледжвае перманентны пошук межаў нармальнасці, а пасля іх знаходжання – пераасэнсаванне гэтых межаў і іх сацыяльна-культурных сэнсаў. Гэты працэс не можа быць завершаны, пакуль з'яўляюцца новыя формы культурнай разнастайнасці.

Калі ў акадэмічных тэкстах сацыяльна-гуманітарнай тэматыкі ўзгадваецца паняцце нормы і закранаецца гісторыя яе з'яўлення, то следам непазбежна ідуць спасылкі на працы Мішэля Фуко. Гэта тлумачыцца тым, што стварэнне нормаў і кантролю за іх выкананнем у М. Фуко вельмі блізка да крыніцы атрымання ўлады, калі кантроль над фізічнай прасторай і з'яўляецца такой крыніцай. Па Фуко, гэта адбываецца на мікрафізічным узроўні, калі з дапамогай кантролю і дысцыпліны мы ведаем, як трэба нешта рабіць нармальна, а якія дзеянні будуць класіфікаваныя як ненармальныя.

Нарматыўная віртуальнасць дасягальная для нас не паводле грамадзянскіх правоў, а праз наяўнасць тэхналогій. Прысутнасць у віртуальнай прасторы – гэта не абавязак у адпаведнасці з законам, а нефармальнае патрабаванне. Мы не чакаем пакарання за дзейнасць у віртуальнай прасторы, але пагаджаемся з пастаянным кантролем. Так, няма закону, які б патрабаваў ад нас мяняць тэлефон кожны год, але нешта падштурхоўвае нас да гэтага. Ніхто не прымушае нас да выкарыстання мабільнага інтэрнэту, але правайдэры мабільнай сувязі няўхільна скарачаюць колькасць тарыфных планаў без інтэрнэту. Мы карыстаемся разнастайнымі сервісамі і не маем магчымасці адмовіцца ад зменаў ва ўмовах выкарыстання, калі пагаджаемся з кантролем за нашай дзейнасцю.

Нарматыўная віртуальнасць – гэта наступны крок развіцця «сеткавай сацыяльнасці» ў разуменні Андрэаса Віттэля, калі частка сацыяльнага пераносіцца ў віртуальную прастору [1]. Наша задача адаптаваць ідэю нарматыўнай віртуальнасці да сённяшняга дня. У гэтым працэсе нас асабліва цікавіць практыка выкарыстання сучасных тэлекамунікацыйных тэхналогій, тое, якім чынам фармулююцца і прад'яўляюцца да выканання патрабаванні да карыстання імі.

Выкарыстанне тэрміна «нарматыўная віртуальнасць» дазваляе інакш паглядзець на сітуацыю з развіццём новых інфармацыйных тэхналогій. Мы дапаўняем тэрмін сучасным кантэкстам новых медыя, калі віртуальнасць пагрозы

значыць не толькі яе нематэрыяльны і верагоднасны характар, але і адсылае нас да існавання іншай рэальнасці, якая мае патэнцыял моцнага ўздзеяння на ўсе іншыя рэальнасці. Гэта тое, што М. Кастэльс называў «культурай рэальнай віртуальнасці, дзе выдуманы свет з'яўляецца прыдумкай пад час свайго стварэння» [2, с. 353]. Практыка кантролю з выкарыстаннем мікрафізікі ўлады сведчаць пра іншы, новы характар выкарыстання віртуальнай нарматыўнасці (не праз забарону і абмежаванне, а праз кантроль). Нарматыўная віртуальнасць уключае ў сябе і тое, які выгляд мы мусім мець у вачах Іншых у віртуальнай прасторы.

Літаратура і крыніцы

1. Wittel, A. Toward a Network Sociality / A. Wittel // Theory, Culture & Society. – 2001. – № 6 (18). – С. 51–76.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ГРАНИЦЫ АНАРХИЗМА

И. О. КУДРЯКОВА

Анархизм как явление представляет собой форму социального действия, направленного на разрушение традиционных, часто принудительных форм власти человека над человеком. Важным философским основанием теории анархизма является идея гармонии между осознанием людьми их собственных интересов и наступлением (ожиданием) такого состояния общества, где гармонические, дружественные взаимоотношения людей достигают уровня, когда никакие другие сдерживающие институты и структуры не нужны. В современном контексте интерпретации теоретических положений анархизма именно личностный, коммуникативный аспекты оказываются существенными и проявляются весьма позитивно. Например, в случае, когда важна субъективная форма участия той или иной личности в решении сложной социальной проблемы. Здесь речь идет прежде всего о роли коммуникации «прямого типа», где допустимы непосредственные высказывания, выражение собственной точки зрения на существующее положение дел в социальной сфере; манифестация интересов определенной социальной группы людей, где возможна критика существующего порядка. Наконец, это критика в форме конструктивного предложения, основанного на традиционном взгляде на культуру и историю народа. Такая форма социального поведения и действия предполагает, что человек будет «услышан», понят, и такая форма воздействия на аудиторию как раз и есть социальная коммуникация. Фундаментальной основой социальной коммуникации является понимание. Эта когнитивная способность присуща всем людям. Причем феномен человеческого понимания в форме взаимопони-

мания между людьми требует от участника интеракции «знания ситуации», т. е. учета культурных традиций, исторических реалий общества, особенностей языка, контекста, наконец, менталитета.

В отличие от абсолютного анархизма действий, подобного рода коммуникация, о которой мы рассуждаем, подразумевает свободу публичного высказывания. Чаще всего, это выдвижение собственного мнения, своей точки зрения, и оно может быть как системным, так и носить внесистемный характер. Причем такая свобода может восприниматься как граничащая с проявлением анархии. Между тем, именно свобода действий, при которых каждый человек в своих поступках будет руководствоваться только собственной волей, разумом и совестью, станет залогом прогресса мировой истории. Этот взгляд нивелирует вульгарный анархизм, который преодолевается благодаря различным способам выражения свободы. И эти действия становятся возможными в силу способности человека к пониманию и взаимопониманию.

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РИСКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. В. КУПЧИНОВА

В исследованиях рискованной коммуникации выделяют два подхода: технический и социокультурный.

Технический подход к рискованным коммуникациям основан на признании риска как объективно существующего факта. Используя различные статистические данные, мы можем определить вероятность наступления того или иного события, величину предполагаемого ущерба. Информирование о риске с позиции технического подхода способствует повышению уровня осведомленности индивидов, формированию определенных навыков, которые могут быть полезными, жизненно необходимыми в рискованных ситуациях (правила поведения человека при стихийных бедствиях, информация относительно инфекционных заболеваний, средствах защиты, самообороны, информация о возможности различных видов страхования и т. д.). Пассивность получателя сообщения, абстрагирование от контекста, в котором происходит коммуникация, делают данный подход односторонним, исключающим из обсуждения группы общественности.

Социокультурный подход к рискованным коммуникациям расширяет границы исследования. Индивид рассматривается как отправитель и как получатель сообщения (т. е. важен не только факт передачи информации, но и то, как информация будет понята, воспринята и какие решения будут приняты на основе данной информации). Также следует сделать акцент на значимости контекста как социального, так и культурного, политического. Дж. Брэдбери утверждает, что переход от стратегии информирования к диалогу позволяет привлечь внимание не только к контексту, в котором происходит коммуникация, обмену

информацией, но и к подразумеваемым участниками коммуникации смыслам. Таким образом, риски можно рассматривать как социокультурные конструкции.

Учитывая, что рискованная коммуникация ставит своей целью не только информирование общественности о возможных рисках, стоит отметить важность создания диалоговой среды между субъектами социального взаимодействия, обеспечение условий для обсуждения проблем риска и связанных с ним негативных последствий, принимая во внимание этические нормы.

О НЕОБХОДИМОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Ч. К. ЛАМАЖАА

Развитие современных технологий и научного знания привело к тому, что человек все более понимает себя как социальную (культурную) конструкцию. Это предполагает осмысление нормативного регулирования технологических проектов улучшения, изменения человека. Выделяют традиционные и современные технологии. Традиционными являются те, которые затрагивают воспитание и образование человека, формирование его идентичностей. Актуальность анализа особенностей и последствий данных технологий возрастает с активной позицией сторонников конструктивистского направления в этнологической науке, которые в том числе имеют часто поддержку властных структур, государства.

Конструктивизм подвергается критике, поскольку отдает приоритет вопросам конструирования, что влечет за собой обсуждение возможностей управления и т. д. Однако полностью отвергать идеи конструктивистов – также не продуктивно. История предоставляет нам примеры создания, конструирования новых этносов.

Важным же в переосмыслении данной практики с точки зрения философии, философской антропологии становится целый ряд вопросов, связанных с рисками технологий конструирования в сфере этнического. Они имеют широкий социальный фон и способны привести в движение масштабные социальные процессы, поднимая вопросы государственного управления и таким образом – влияния на жизнь людей, на вопросы их самоидентификации, а также взаимоотношения с представителями других этнических общностей.

Российские конструктивисты полагают, что этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных воздействий. Общности с историко-культурными различиями представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых им институтов, особенно государств; границы общностей и содержание идентичности являются подвижными и изменяющимися. Вся последующая риторика тогда сводится к подчеркиванию меньшей значимости этнокультурных

особенностей «меньших» этносов, этнических групп по сравнению с «большой» общностью россиян. Подобный подход усматривается и в принятой в России в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года». Среди недостатков данного документа: недостаточная терминологическая четкость, нивелирование статуса народов страны до объектов государственной национальной политики, доминирование задачи общероссийского гражданского самосознания над задачей сохранения этнокультурного разнообразия, неравномерность внимания к темам межэтнических отношений и этнокультурного разнообразия как такового. Именно поэтому ученые и общественные деятели призывают к формированию и реализации политики, позволяющей согласовать интересы личности и государства, этнических групп большинства и меньшинств.

При поддержке РФФИ (проект «Дивергенция будущего человека: конвергенция технологий, их философское осмысление и этико-правовое нормирование», грант № 17-23-01017а(м)).

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ РОТАЦИИ КАДРОВ ЯПОНСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Е. Н. ЛЕБЕДЕВА, М. А. ДЕМИДОВА

Рост международной конкуренции, а также кризисные явления, которые переживает современная белорусская промышленность, требуют анализа положительного опыта управления предприятиями других стран и исследования возможностей его использования в условиях рыночной экономики Республики Беларусь. В частности, это касается одной из самых эффективных систем управления – японского менеджмента. Безусловно, в силу влияния ментальных особенностей на характер менеджмента невозможно автоматически перенести всю японскую систему управления предприятием в организации Республики Беларусь. Однако представляется, что японские системы управления и организации производства нашим предприятиям воспринять все же проще, чем, например, американские, в связи со схожестью многих этнокультурных характеристик населения Беларуси и Японии.

Японская система менеджмента эффективна благодаря синергетическому действию ряда составляющих: системы пожизненного найма, системы кадровой ротации, системы «репутации», системы подготовки на рабочем месте и системы оплаты труда.

Особую роль играет система кадровой ротации, которая позволяет руководству предприятия создавать условия для долгосрочной заинтересованной занятости сотрудников. Считается, что длительное пребывание работника в одной должности приводит к потере его интереса к работе и снижению уровня

ответственности, поэтому трудовая ротация является нормой и часто совмещается с продвижением по службе. В результате каждый служащий приобретает до пяти специальностей и становится профессионалом широкого профиля. Во многих случаях это решает проблему взаимозаменяемости кадров.

В зависимости от траектории движения в практике японских предприятий используют различные виды ротаций: 1) кольцевую; 2) безвозвратную; 3) рокировку. В зависимости от того, кто является инициатором, ротации могут осуществляться по инициативе администрации организации, по инициативе работника, по инициативе отдела по управлению персоналом. В белорусских бюджетных организациях руководители высшего и среднего звеньев в подавляющем большинстве случаев перемещаются по первому типу.

В организациях Республики Беларусь наиболее широко представлена вертикальная ротация, поскольку она сопряжена с наименьшим количеством бумажной волокиты и в целом более привычна. На наш взгляд, при текущем состоянии ротации в организациях Республики Беларусь именно горизонтальный вид ротации имеет наибольший шанс быть внедренным в управленческий аппарат. Горизонтальная ротация имеет ряд черт, благодаря которым она и получила столь широкое применение на предприятиях Японии. Среди них самыми значительными являются возможность перспективного обучения как внутри компании (внутренняя школа), так и внешнего обучения, что может рассматриваться в качестве одного из мотивирующих факторов для деятельности сотрудников.

В целом японская практика разработки системы менеджмента, основанная на творческом, осознанном и целенаправленном соединении принципов американского менеджмента с приемами, обусловленными национальной ментальностью, может стать основой совершенствования менеджмента в Республике Беларусь.

ДЕНЬГИ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ

И. Ю. ЛЕМЕЦ

Долгое время анализ роли денег в социальной коммуникации сводился лишь к выявлению их инструментальной функции – обеспечению качества и возможностей коммуникации. Сейчас очевидно, что подобный подход к деньгам не отражает их истинного значения. Деньги с момента своего появления уже выступали элементом коммуникации, а именно – выполняли функцию сообщения. В настоящее же время они стали универсальным языком общения, приобретая свойство абсолютной значимости, доминирующей во всех культурах. Деньги приобрели статус определяющей характеристики субъектов коммуникации, став не только средством обмена, но и символом, определяющим социальный статус, связанный с общим количеством наличия денег у субъекта.

Таким образом, современные деньги являются не только сообщением, но и показателем ценности сообщения, плюс ко всему оказывают первостепенное влияние на конструирование условий, в которых происходят коммуникации. Подобная универсальность денег делает их «общим знаменателем» феномена глобализации и основанием для «стирания» границ между государствами.

По мнению Э. Гидденса, глобализация является при этом «разъединяющим механизмом», а деньги как универсальный символический знак служат ярким примером действия данного механизма. Термин «разъединяющий механизм» используется английским социологом для характеристики процесса нивелировки, не имеющего начала и конца. Это изъятие социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия и их последующее реструктурирование в неопределенной протяженности времени и пространства [3]. Таким образом, по Гидденсу, коммуникативная функция денег выражается в создании единого смыслообразующего пространства, в котором каждый субъект – участник диалога – подчинен общей логике понимания, логике исчислимости. Формируется унифицированный код коммуникации, которым является число.

Иная позиция представлена в теории множественности денег В. Зелизер, которая сделала попытку опровергнуть представление о деньгах как об универсальном коде, определяющем коммуникацию в различных сферах современного общества [1]. В. Зелизер указывает на то, что деньги постоянно формируются и переформируются через множество сетей социальных отношений и разнообразных смысловых систем. По ее мнению, деньги не являются ни культурно нейтральными, ни социально анонимными. Они без труда могут «превращать» ценности и социальные связи в числа, однако ценности и социальные отношения в ответ трансформируют сами деньги, наполняя их смыслом и встраивая в социальные паттерны. Несмотря на принципиальную подвижность денег, люди всячески стремятся вписать их в определенное время, место и социальные отношения. Таким образом, не существует единых, универсальных, обобщенных денег. Есть множественные деньги [1].

Следует отметить, что теория В. Зелизер не опровергает представления о деньгах как об универсальном средстве коммуникации. По существу, В. Зелизер ведет речь не о различных типах денежных единиц, а о том, как люди создают временную и локальную множественность на основе единых денег, наделяя их различными смыслами в ходе своих социальных практик, то есть говорит не о различных формах денег, а о деньгах как маркерах различных социокультурных ролей [2].

Литература и источники

1. Зелизер, В. Создание множественных денег / В. Зелизер // Экономическая социология: электронный журнал. – 2002. – Т. 3. – № 4. – С. 56–62.
2. Никитин, А. П. Деньги как средство социальной коммуникации / А. П. Никитин // Вестник КемГУ. – 2013. – Т. 1. – № 2 (54). – С. 129–133.
3. Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Stanford: Stanford University Press, 1991.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ОНЛАЙН-ИГР КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК

К. В. ЛИТВЯКОВА, И. В. МАШНИЦКИЙ

Интернет – это среда возможностей как для общения и проведения досуга, так и для работы и деловых контактов, однако она несет в себе и социальные риски. Как известно, одной из форм интернет-зависимостей является зависимость от многопользовательских онлайн-игр (massive multiplayer online games или ММО игры). Быстрый рост вовлеченности людей в подобные игры в середине нулевых годов был обусловлен в первую очередь распространением доступа к высокоскоростному безлимитному интернету, ростом производительности компьютерных процессоров и усложнением графических видеокарт. Прецедент стал настолько распространен, что зависимость от ММО игр была признана в некоторых странах клиническим расстройством.

Можно выделить следующие группы причин, по которым люди играют в ММО игры: компонента достижений; социальная компонента; иммерсионная компонента [2]. Очевидно, возможность коммуницировать с остальными игроками в контексте игрового мира больше всего является наиболее привлекательной.

Процесс формирования игровой зависимости включает четыре стадии. Первоначально происходит процесс адаптации к игре (стадия легкой увлеченности), затем наступает фаза быстрого формирования зависимости (стадия увлеченности). На третьей стадии зависимость достигает максимума (стадия зависимости). Здесь человек включается в коммуникационные игровые процессы, придавая им статус реальных. Далее сила зависимости на определенный промежуток времени остается устойчивой, а затем идет на спад и опять же фиксируется на определенном уровне и остается [1].

По своей природе игровая зависимость схожа с другими психологическими зависимостями. Во время игры человек может контролировать происходящее в отличие от реальной жизни. Особенно опасны ролевые онлайн игры, так как они требуют максимального погружения в игру, что может привести к моральному и физическому вреду как для самого человека, так и для людей, его окружающих. Общение в виртуальной среде становится преобладающим для человека, в результате чего возможны социально-психологические деформации под влиянием интенсивной интернет-коммуникации внутри гейм-сообщества, такие как утрата связи с реальностью, деформация межличностной коммуникации, деформация когнитивной сферы, формирование фрагментарного знания.

Литература и источники

1. Ахмадулина, Л. Р. Четыре стадии компьютерной зависимости / Л. Р. Ахмадулина // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 14 – С. 68–70.
2. Liebert, M. A. Motivations for Play in Online Games / Mary Ann Liebert // Cyberpsychology & Behavior. – 2006. – № 6. – С 772–775.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ ЧЕРЕЗ КРИЗИС ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. С. ЛУЧЕНКОВА

Кризис – это резкий перелом, переходное состояние, которое сопровождается тяжелыми эмоциональными переживаниями, благодаря которым человек осознает необходимость смены старых способов деятельности, находит новые механизмы решения проблем. Профессиональный кризис – это всегда отрицание старых, неадекватных средств и способов профессиональной активности, который определяется многими факторами. К ним относят: возраст, стадия профессиональной социализации, социальная ситуация развития.

Одним из ярких примеров зрелости женщины является кризис гендерной идентичности. Он проявляется через гендерную неопределенность, гендерное противоречие, а иногда может перейти в гендерный конфликт. Женщина в процессе профессиональной социализации стоит перед выбором сохранения женской природы или маскулинности. Этот кризис является одним из главных источников развития современной женщины. Маскулинизация женщины, предопределяя профессиональную успешность, затрудняет ее феминную сущность, что в свою очередь снижает бессознательную удовлетворенность жизнью в целом. Сложностью в исследовании этой проблемы является то, что существует социокультурный контекст, который влияет на стереотипность восприятия женщины как профессионала. Чтобы выйти за рамки этого контекста, нужно преодолеть стереотипность мышления, а это самая сложная задача. В этой связи представляется важным определение типа женщины в профессии.

К первому типу относят гармоничных женщин с высоким уровнем профессиональных достижений, которые, как правило, выбирают профессии, требующие определенной эмоциональности. Это, как правило, женщины самоактуализированные, сбалансированные в развитии всех аспектов личности. Такой тип женщин направлен на синергию и сотрудничество. Имеют высокий уровень самосознания.

Второй тип – женщины с ломаной, изъязвленной психологической самоидентификацией, с признаками гипермаскулинности. Это женщины с потерей половой идентификации как важной основы развития индивидуальности женщины. Такой тип женщин направлен на конфликтное решение вопросов, на социальную гиперактивность, что является выражением внутреннего конфликта между феминной биологической природой и гипермаскулинностью. Исходя из этого можно определить тенденции развития женщины как профессионала. С одной стороны, легко уязвима, с другой – несет мощный конструктивный заряд потенциальных достижений. Отсюда становятся очевидными механизмы личностного роста и конструктивной активности женщины в профессии.

Таким образом, детерминантой оптимального личностного развития женщины в профессиональной деятельности является выход за рамки социокультурного контекста как отказа от стереотипного мышления и поведения, рост самосознания женщины в результате творческих, интеллектуальных и духовных исканий.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

А. А. МЕЛЬНИКОВ

В работе анализируются концепции «социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана, «общества потребления» в трактовке Ж. Бодрийяра относительно возможности их применения для описания процесса социального конструирования телесности, рассматривается статус человеческого тела как объекта социокультурного производства, описываются модели телесности, предложенные Ж. Бодрийяром.

Тело в культуре всегда рассматривалось как некоторое воплощение определенных явлений, качеств, характеристик. Так, мозоли на руках отсылают к выполненной работе («натруженные руки»), а, например, морщины символизируют старость. Эти примеры демонстрируют «натуральные воплощения», в том смысле, что индивид не целенаправленно оставляет на себе такие следы, они приобретаются, скорее, как побочный эффект (мы имеем в виду, что, например, мозоли не являются обычно целью ручного труда, но являются его следствием, той ценой, которую платит индивид за такой способ труда).

Для рассмотрения процесса присвоения значений телу и различным способам его оформления мы предлагаем использовать концепцию «социального конструирования реальности», разработанную П. Бергером и Т. Лукманом [1], а также концепцию «общества потребления» в трактовке Ж. Бодрийяра [2].

Таким образом, центральной идеей конструирования телесности является идея о том, что телесность – тело и способы его оформления – являются социально зависимыми явлениями.

Литература и источники

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>. – Дата доступа: 04.05.2017.

ЭМПАТИЧЕСКАЯ И МАНИПУЛЯТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

С. Н. МИЗЯКИНА

Сегодня эмпатическое и манипулятивное общение чаще всего рассматриваются как антиподы. Эмпатия оценивается как нравственно положительная характеристика личности, а манипулирование чаще всего как отрицательная. Многие авторы считают, что нравственность – составляющая эмпатии. Нам представляется, что эмпатия – этически нейтральная способность человека, не исключающая эгоистических целей. Эмпатическое восприятие предполагает сохранение собственной идентичности, а значит, и способности отчасти отстраненного восприятия Другого.

Эмпатия – многоуровневый процесс, включающий в себя аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты; биологически и социокультурно обусловленные аспекты; индивидуальные особенности и различную степень глубины эмпатичности. Поэтому не исключено, что в процессе коммуникации могут быть задействованы лишь некоторые уровни и аспекты эмпатии. Например, человек может понимать, «читать» чувства Другого (когнитивный уровень), но при этом не переживать то, что переживает Другой (аффективный уровень). Либо чувствовать то, что чувствует партнер по коммуникации, но в поведенческом плане быть пассивным. И уж тем более его нравственная оценка Другого может не совпадать с самооценкой последнего. Ведь даже если мы чувствуем и понимаем внутренний мир преступника, стяжателя, безнравственного политика, то не даем его словам и действиям положительной нравственной оценки. Таким образом, нравственная оценка не является автоматическим придатком эмпатии, ее составной частью. Мы накладываем свою систему нравственных ценностей на эмпатически воспринимаемые поступки другого.

Отсюда вопрос: возможно ли использование эмпатических способностей в рамках манипулятивных практик? Думается, что возможно.

Во-первых, эмпатическая способность может стать мишенью манипулятивного воздействия. Это происходит, например, когда манипулятор вызывает сострадание к себе или искусно представляет себя сочувствующим.

Но и сам манипулятор в ряде случаев может использовать прежде всего когнитивную составляющую эмпатии для достижения своей цели. Особенно ярко, на наш взгляд, такое сочетание элементов эмпатии и манипуляции проявляется в сфере торговли и оказания услуг. Когда, например, продавец пытается навязать товар (услугу), без которого покупатель вполне мог бы обойтись, или товар (услугу), который имеет несоизмеримую с зарплатой покупателя цену, то успех его манипулятивных по сути действий повышается, если продавец умеет «читать» чувства и понимать внутренний мир другого человека.

Из всего сказанного следует, что формирование и развитие эмпатических способностей должно идти рука об руку с формированием нравственной сферы личности. Без нравственного сдерживания элементы эмпатической коммуникации могут стать составляющими негативных манипулятивных практик.

«ОТКРЫТЫЕ» КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БИОЭТИКИ

Т. В. МИШАТКИНА

Глобальная биоэтика – наивысший статус биоэтики, парадигмальная модель принципиально новой общей этики – всеохватывающей, всеобъемлющей, носящей тотальный, универсальный характер. Ее цель – приемлемое выживание человечества – не только биологическое выживание, но и социальная стабильность, устойчивое развитие общества, сохранение и развитие здоровой экосистемы. Идея приемлемого выживания охватывает не только всех живущих людей, но и будущие поколения (так называемых «виртуальных» людей), все другие живые организмы, а также природу, окружающую среду. Таким образом, содержанием и целью глобальной биоэтики выступает забота: 1) обо всех ныне живущих людях; 2) о правах и интересах будущих людей; 3) обо всех живых организмах; 4) об окружающей среде в целом. Вместе с тем отличительная черта глобальной биоэтики – ее индивидуально-личностная направленность, проявляющаяся в авторизации морального поведения, в механизмах правильного выбора, в коммуникативности – обсуждении и обосновании этого выбора, причем не только с современниками, но и с будущими поколениями (в виде виртуальных посылов и допущений).

Эти глобальные задачи, например, утверждение о том, что мы несем ответственность перед потомками или обязаны относиться справедливо к будущим поколениям, оказываются проблематичными.

Первый круг этических проблем связан с необходимостью проследить, как могут и должны проявлять себя в сфере биомедицины – на теоретическом и практическом уровнях – общечеловеческие моральные принципы и ценности: Добро и Зло, Свобода и ответственность, Долг и Совесть и др.; как регулируют они нормы поведения специалиста, выступая основой «стратегии и тактики» его профессионального выбора.

Второй круг проблем биоэтики – ситуативный – связан со спецификой и достижениями биомедицины, которые порождают сложные неповторимые ситуации – медицинские казусы, затрагивающие жизнь и здоровье человека, и сказываются на конкретных человеческих судьбах. Биоэтика призвана выявить и проанализировать моральные стороны этих конкретных ситуаций и на их основании сделать обобщающие выводы.

И наконец, третий, наиболее коммуникативный круг биоэтических проблем – деонтологический – определяет отношения и общение в системе вертикальных и горизонтальных связей в сфере биомедицины. Особенно остро коммуникативные этические проблемы встают в сфере так называемых «социальных заболеваний»: наркомании и алкоголизма, суицида, ВИЧ-инфицированности и СПИДа.

Решение этих и других проблем практической медицины во многом зависит от этической компетентности и культуры общения специалиста. Поэтому сегодня глобальная биоэтика – это не только новая отрасль теоретического и прикладного знания, но и научная дисциплина, овладение которой необходимо профессионалу.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕТЕРМИНАЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

М. Ю. МОРЕХАНОВА

Общепринятые определения современного общества – «информационное», «общество сетевых структур», указывают на возрастание роли информационной компетенции как одной из ключевых компетенций, обеспечивающих социальную мобильность индивида. Под информационной компетенцией понимается способность (умение) личности находить, хранить, преобразовывать различную информацию и применять ее для принятия решений.

Идеальным вариантом принятия «правильных решений» была бы познанная субъектом истина в пространстве осмысления реальности. Однако он далек от этого по разным причинам, как объективным, так и субъективным. На выбор альтернатив оказывает влияние не только рациональное осмысление, но и эмоциональная составляющая. В современном мире постоянно развивающихся информационно-коммуникационных технологий неисчерпаемость информации становится все более очевидной по мере роста ее технологической доступности. Актуальной становится проблема не дефицита информации, ограничивающего выбор, а избытка информации, затрудняющего его. Эти и другие ловушки стоят на пути человека, принимающего решения.

Считается, что чем большее количество связей из области реальности, требующей осмысления, доступны познанию субъекта, тем больше шансов на принятие адекватных решений. Однако так происходит далеко не всегда: излишнее скопление элементов, хотя в какой-то мере совместимых, перегрузка избыточной информацией наоборот расшатывают корпус знаний и смыслов. Еще сложнее ситуация, когда тот или иной элемент информационного «груза» диктует устроенность остальных элементов, становится дезорганизатором не только поведения отдельного субъекта, но и движения системы. Следствием переизбытка информации становится рост потребностей в способности

к таргетированию получаемой информации, освоении адекватных способов ее сортировки.

Избыточная и недостаточная информационная компетентность во многом зависит от синхронии и совместимости смысла и среды, устройства ответственного организма, в котором действует субъект. Но это не значит, что влияние идет лишь от общего: система нуждается в информационно высококомпетентных субъектах и должна поддерживать относительную самостоятельность их выбора, тем самым поощряя разнообразие, поскольку отсутствие его ведет к стагнации самой системы.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В МЕДИЦИНСКОЙ СРЕДЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. М. МЯСОЕДОВ

Система ценностей медицинского работника формирует сознание, особое мировоззрение, придает направленность его деятельности, определяет потребности, интересы и развитие личности врача, выступая при этом одним из важнейших мотиваторов медицинской деятельности, т. е. ценности служат руководством при выборе профессиональных решений, поступков, выступающих высшей целью врачебной деятельности.

Нами было проведено добровольное анонимное анкетирование 135 врачей, работающих во всех регионах Республики Беларусь: молодые врачи со стажем работы до 5 лет, с опытом работы от 6 до 19 лет и со стажем более 20 лет.

В результате исследования аксиосферы врачей мы получили следующие результаты: I место в системе ценностей у врачей занимают *личностные ценности*, такие как здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, материально обеспеченная жизнь; II место – *профессиональные ценности* (интересная работа, образование); на III месте находится система общественных приоритетов и ценностных ориентиров, таких как активная деятельная жизнь и общественное признание; IV место врачи отвели *гедонистическим ценностям* (развлечение и получение удовольствия).

Самыми важными качествами в профессиональной деятельности врачи считают увлеченность своей профессией, профессиональную компетентность, чувство ответственности, уважение к пациенту и способность сострадать ему, самоотверженность, готовность к самопожертвованию, коллегиальность, трудолюбие и умение организовать свой труд, исполнительность, обязательность, соблюдение норм и принципов деонтологии и биомедицинской этики.

О необходимости (наличии) и важности в медицине нравственной культуры высказались абсолютно все врачи: 96,5 % со стажем до 5 лет, 97 % со стажем работы от 6 до 19 лет и 98 % со стажем более 20 лет.

Таким образом, данное исследование, с одной стороны, позволило узнать основные ценностные ориентации врачей, систематизировать и конкретизировать представления об актуальных профессионально важных качествах личности врача и необходимых профессиональных компонентах. Результаты проведенного нами социологического исследования показывают, что в современных условиях у врачей существует необходимость развития большей мотивации к профессиональной деятельности.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

О. Я. НАДЫБСКАЯ

Гендерное равенство является той частью общественного сознания, где ученым необходимо обращаться к аналитическому изучению, по крайней мере нескольких уровней существования социума.

Если обозначить предельные контуры гендерных ролей в период становления независимых государств в постсоветском пространстве, обнаружим, что на мужчин возлагается обязанность построения нового мира, а на женщин – сохранение традиций, лежащих в основе данной культуры. Так, например, украинская культура в этом отношении является «эталонной»: демократическая традиция, возникновение которой в украинской истории связано с Запорожской Сечью, не предусматривает какого-нибудь достойного места для женщины. Предоставление Запорожской Сечи статуса национальной святыни отбрасывает женщину в пространство, которого нет. Женщины на Сечи не было. Женщина существует как объект сочувствия и адорации, но не уважения или признания ценности. Именно на эту ситуацию указывали в 90-е годы XX века Соломия Павлычко и Оксана Забужко: женщина якобы является объектом адорации, который наделен божественной природой, поэтому любая попытка изменить свою судьбу воспринимается в обществе с раздражением. Такое распределение гендерных ролей при активном национальном возрождении приводит к закреплению пассивности женщин. В этом контексте вспоминаются слова Симоны де Бовуар: «Легче заковать людей в кандалы, чем расковать, если кандалы в почете».

Сегодня в странах постсоветского пространства ощущается импульс патриархальной ориентации в распределении гендерных ролей: женщина воспринимается как хранительница домашнего очага и традиций. Анализ имиджа украинского политического лидера позволяет нам сделать вывод о том, что успешность женщины как политической фигуры в украинском контексте обусловлена поддержанием «патриархального» паттерна: украинские женщины-политики демонстрируют подчеркнутый женский образ. Образ бизнес-леди не вызывает широкого общественного доверия. Мужчины-политики активно демонстрируют именно мужскую мощь, свою роль как главы семьи.

Поскольку гендерные стереотипы тесно связаны с ментальностью, их изменение – это достаточно долгий и сложный процесс. Возьмем, например, правовые аспекты закрепления гендерного равенства. Несмотря на юридическую легитимацию права мужчины на отпуск по уходу за ребенком, в нашем обществе реализация такого права пока встречается достаточно редко, что в свою очередь создает трудности в самореализации женщины.

Указанный изучаемый комплекс свидетельствует о том, насколько неоднозначным и многоплановым в концептуальном отношении является вопрос укорененности приоритета гендерного равенства в современном общественном сознании постсоветского пространства. Сегодня мы наблюдаем социальное признание гендерного равноправия на уровне стереотипов мышления и одновременно констатируем не слишком четкое понимание приоритетов бытового практического воплощения указанного понятия в обществе.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В КОНЦЕПЦИИ ТРАНСГУМАНИЗМА

А. И. НАФИКОВА

Информационный этап социального развития ознаменовался радикальными изменениями во всех сферах человеческого бытия. Инновационные технологии стали неотъемлемым атрибутом жизни современного человека. Виртуальное пространство предопределило создание мира без пространственно-временных границ. Организация общественной жизни оказалась невозможной без применения технической составляющей, предполагающей всецелое, а во многих случаях даже агрессивное вмешательство во взаимодействия в триединой системе «человек–общество–природа». Наибольший интерес для исследования вызывают проблемы, связанные с необходимостью совершенствования человека (как телесно, так и духовно) для выполнения социально значимых задач. В связи с этим встает вопрос: каким образом достижения науки и техники могут повлиять на социальное развитие, на проблему существования человека в современном мире? Особенно остро данная проблема проявляется в связи со всепоглощающим влиянием техногенной цивилизации на естественную среду обитания человека. Компьютерные технологии стали неотъемлемым элементом человеческого бытия, без которого во многих случаях уже немислимо привычное существование человечества. В этой связи актуальной концепцией, исследующей и прогнозирующей направленность современного и будущего социального развития, является концепция трансгуманизма, предполагающая возможность создания новых форм человеческого существования в условиях масштабного использования передовых технологий. Трансгуманизм в нашем понимании представляет собой закономерно возникшую философскую концепцию, продолжающую традиции социально-философских поисков ответов на вопросы: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?».

Одним из основных положений трансгуманизма выступает идея о том, что современный этап развития представляет собой лишь начальную статью человечества, и возможности дальнейшего эволюционного развития человека проявляют себя в непосредственной связи биологических и научных составляющих. Общество тем самым в ближайшей перспективе должно перейти к биолого-общественно-интеллектуальной фазе своего развития. Также внимания заслуживает и положение об активном процессе расширения возможностей человека при помощи разработки средств, берущих на себя функции человеческого тела (создание искусственных органов, развитие протезирования и др.). Трансгуманисты также выступают за возможности компьютеризации человека, слияния человеческого мозга с машиной и возможности загрузки человеческого сознания в компьютер. Возможности бесконечного совершенствования человечества также являются одним из актуальных положений рассматриваемой концепции. Достижения современной науки ставят перед обществом задачи осмыслить пределы вмешательства передовых технологий в бытие человека, необходимость глубокого и всестороннего анализа перспектив дальнейшей эволюции общества. Кроме того, данный вопрос требует более тщательного изучения с целью выявления и предотвращения возможных угроз существованию человека и общества в целом.

ЭЛЕКТРОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ю. В. НИКУЛИНА

Проблемы эффективной коммуникации, коммуникативных связей в системе государственного управления актуальны во все времена. Утверждение в нашем обществе демократических принципов управления в качестве одного из необходимых условий включает в себя формирование системы государственного управления, основой функционирования которой должны стать публичность власти и открытость в принятии управленческих решений. В таких условиях коммуникативная функция органов государственного управления состоит в создании эффективной системы информационного обмена властных структур с внешней средой (населением, бизнес-структурами, институтами гражданского общества), в которой было бы сбалансировано использование прямых каналов информирования и каналов обратной связи.

Основными чертами электронного управления, отличающими его от традиционной бюрократической модели, становятся горизонтально и вертикально интегрированная система коммуникаций, системность, открытость, повсеместная электронная подконтрольность, масштабность, исполнительность, внутренняя открытость и взаимообусловленность, интегрированность. Однако с другой стороны имеются основания к предположению, что наблюдаемым

трансформациям присущ в некоторой степени амбивалентный и противоречивый характер. Повсеместная информатизация подвергает социальную практику существенным формальным изменениям. Так, регламентация форм, усиливающийся повсеместный контроль, особенно общественный, может привести при решении конкретного вопроса к такому состоянию, при котором сама процедура станет самоцелью, индивидуальность вопроса может быть вытеснена различного рода регламентациями: организационными формами, строго регламентированными сроками и др.

Но, несмотря на указанные проблемы, главное, что обретает государство – это новое качество управления общественными процессами. У государства появляются возможности повысить свою эффективность за счет использования сетевых механизмов и технологий, основанных на более гибких, горизонтально и вертикально интегрированных «управляющих алгоритмах», в основе которых стратегии непрямого воздействия и диалога.

ЭФФЕКТ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОМАНДЕ

В. А. ПАЛИЦЫН

Коммуникации – неотъемлемый элемент функционирования любой команды. Особенно они важны при разработке компьютерных программ. Проведенные исследования показывают, что при работе над программами рабочее время программистов распределяется следующим образом: работа в одиночестве – 30 %, работа в сотрудничестве с другим человеком – 50 %, работа с двумя и более коллегами – 20 %. В процессе общения формируются межличностные социально-психологические отношения. Результаты исследований, проведенные в производственных коллективах в разные периоды в различных странах, свидетельствуют о том, что социально-психологические отношения внутри первичных коллективов команд оказывают значительное влияние на творческую активность и эффективность труда членов этих команд.

В каждой команде в процессе деятельности складывается определенный характер отношений. Это происходит в результате межличностных коммуникаций на основе официальных и неофициальных психологических связей. Гармония официальных и неофициальных отношений является основой формирования благоприятного «социально-психологического климата» как устойчивого приподнятого настроения членов команды и коллектива в целом. От настроения команды зависит степень ее активности в достижении поставленных целей. При этом межличностные отношения рассматриваются в качестве важнейшего фактора формирования отношения личности к труду, к команде, к компании. В таком случае неофициальные отношения подкрепляют структуру официальных отношений [2].

Межличностные отношения отражают индивидуальное сознание, психологические особенности и социальный опыт личностей, а следовательно, социально-психологические отношения представляют собой выражение межличностных отношений, складывающихся в процессе общения индивидов на основе официальных и неофициальных (эмоционально-психологических) связей, складывающихся на основе симпатий и антипатий работников друг к другу.

Чем же отличается характер социально-психологических отношений в разных командах? Сложившиеся в команде отношения определяют характер внутри коллективного взаимодействия индивидов, которое может быть в условиях сотрудничества и взаимопомощи, безразличного отношения индивидов друг к другу, соперничества, разобщенности и противодействия.

Уровень социально-психологических отношений определялся тем, насколько в командах развиты сотрудничество и взаимопомощь.

Высокий уровень социально-психологических отношений, т. е. отношений взаимопомощи и сотрудничества, благотворно отражается как на социальных, так и на производственных результатах. Все обследованные первичные коллективы по уровню социально-психологических отношений распределились следующим образом: с высоким уровнем социально-психологических отношений (индекс отношений 1,0 – 0,8) – 20 %; со средним уровнем отношений (индекс отношений в пределах от 0,8 до 0,6) – 50 %; с низким уровнем отношений (индекс отношений от 0,6 до 0,3) – 30 %.

По данным исследования, в первичных коллективах высокий уровень социально-психологических отношений, то есть сильно развитые отношения взаимопомощи, обеспечивает высокие социальные и производственные результаты [1]. В коллективах с высоким уровнем социально-психологических отношений (индекс отношений > 0,8) производительность труда в 1,5–2 раза выше, чем в отстающих коллективах (индекс отношений < 0,6).

Анализ собранной социологической информации позволил выявить основные причины низкого уровня социально-психологических отношений в первичных коллективах.

Литература и источники

1. Палицын, В. А. Эффект синергии. Повышение результативности командной разработки программного обеспечения / В. А. Палицын // Веснік сувязі. – 2012. – № 5. – С. 19–26.
2. Первичный производственный коллектив: формирование, управление, эффективность / В. А. Палицын и др.; под ред. Г. П. Давидюка и В. А. Палицына. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1980.

НЕЙРОЭТИКА И НРАВСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

В. Ю. ПЕРОВ

В последние годы наблюдается бурный рост исследований в области когнитивных наук, посвященных этической проблематике, в связи с чем можно говорить о появлении такого нового научного направления, как нейроэтика. В настоящее время под этим названием объединяются различные концепции, которые обладают общими исходными теоретико-методологическими позициями. Наиболее существенной и принципиальной из них является идея о том, что поведение людей, в том числе и моральные поступки, полностью или почти полностью детерминированы нейрофизиологическими процессами, происходящими в организме человека, которые предшествуют и определяют моральный выбор человека. При этом в большинстве нейроэтических теорий предполагается: во-первых, что естественнонаучные наблюдения (например, различные процедуры сканирования нейросистемы) позволят предсказать, какое действие будет выбрано, во-вторых, станет возможной разработка процедуры для воздействия на нервную систему человека, стимулируя моральный выбор в пользу нравственно положительных, то есть добродетельных поступков (вплоть до изобретения медикаментозных средств вроде «таблеток добра»).

Оставляя в стороне многочисленные дискуссии по поводу неоднозначности результатов нейроэтических экспериментов (в частности, зафиксированная возможность сознательно «остановить» нейрофизиологическое «решение», не очень высокий прогностический потенциал, зависимость результатов от мировоззренческих убеждений испытуемых и т. д.), существенным недостатком нейроэтических концепций является их неспособность к разрешению содержательных нравственных конфликтов. Речь идет о конфликте между рационально соизмеримыми и совместимыми нравственными нормативными порядками и способами их морального обоснования, которые вступают в конфликт только в отношении конкретных ситуаций. Проблема в том, что нейроэтические концепции оказываются бессильными в отношении как самих нормативно обоснованных действий, так и содержания конфликтующих норм. Например, даже если допустить, что будет изобретена «таблетка добра», которая будет существенно усиливать желание «не лгать / быть правдивым», ее плодотворный эффект будет крайне низок, пока не будут решены связанные с этим требованием существенные этические проблемы. Например, особенности и морально оправданные границы профессиональной тайны и конфиденциальной информации, которая может вступать в конфликт с ценностями общественного блага, допустимость «обмана» испытуемого при проведении «слепых случайных» медицинских исследований и т. д. Подобного рода анализ и обоснование разрешения нравственного конфликта возможны не естественнонаучными средствами нейроэтики, а этическими методами в контексте социально-гуманитарных исследований.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН МОДИФИКАЦИЙ ТЕЛА

Л. И. ПОДГАЙСКАЯ

Функционирование современного общества характеризуется активным включением человеческого тела в рыночные отношения. Другими словами, тело человека преобразуется в объект коммерции. Тело становится условием успешности человека в профессиональном и социальном измерении. Поэтому сегодня быстрыми темпами развиваются телесно ориентированные способы совершенствования и моделирования тела. Если под собственно телом человека понимается природная данность, то телесность – преобразованная данность под воздействием социальной необходимости, результат культурного конструирования. Свойства телесности предопределены социальными потребностями. На протяжении эпох проблемы, связанные с телом человека и телесностью, рассматривались преимущественно с естественнонаучной точки зрения. В отличие от естественнонаучного знания социологическая наука стремится не только рассмотреть состав и функции того или иного феномена, но и проанализировать его содержание, а главное, сущность ценностного наполнения. Изменения в культуре, обусловленные коммерческим и потребительским расположением к телу человека, развитие высоких технологий в сфере генетики и медицины порождают сложные моральные и правовые вопросы о его статусе.

Модификации тела всегда имели большое распространение в обществе, встречались во всех культурах, как примитивных, так и современных. В прошлом телесные модификации служили совсем другим целям, нежели в современном мире. В первую очередь, для социальной идентификации, в качестве оберегов, а также для социальной дифференциации в криминальном мире. Подход к выбору модификаций был чрезвычайно серьезным, что в наше время является не принципиальным. Сегодня близкими к традиционному нанесению татуировок остаются, пожалуй, лишь представители преступного мира и культурно отсталые племена, где с помощью модификаций определяется социальный статус носителя.

В современной культуре в среде мегаполисов практики воздействия на тело становятся своеобразным компенсаторным феноменом, обозначающим свободу человека и его противостояние гиперрациональной рутине бытия и стратифицированным поведенческим клише. Телесные модификации дают человеку возможность подчеркнуть свое «я», отразить на своем теле внутреннее состояние и мироощущение.

ПРОБЛЕМА ЧИСЛЕННОСТИ И КЛАССИФИКАЦИИ ГЕНДЕРОВ

Д. В. ПОЛЯНСКИЙ

Что именно и в каком количестве существует – это классический онтологический вопрос. Важный вопрос биологической онтологии – сколько у людей существует полов? Одним из результатов развития сексологии в XX веке стало открытие и признание интерсексуальности, выходящей за пределы привычной бинарной оппозиции мужского и женского.

Гендерная теория имеет два теоретических источника вдохновения – сексология и феминистская социология. Понятие «гендер» изначально было тесно связано с понятием «пол», однако имеет ли смысл вопрос «сколько существует гендеров»? Можно ли, собственно, вообще использовать это слово во множественном числе? Ответ на этот вопрос зависит от содержательного наполнения понятия «гендер», которое у разных авторов в разных контекстах может различаться. В одних значениях данный термин используется строго в единственном числе, в других – может обозначать потенциально бесконечное число ролевых моделей поведения и идентичностей.

Оба этих подхода представляются непродуктивными. Во-первых, они искусственно отрывают категорию «гендер» («gender») от понятия «пол» («sex»). Во-вторых, описание сложного феномена через единственность либо через бесконечную неупорядоченную множественность является малосодержательным. Эффективнее было бы использовать классификацию, где есть строго ограниченный ряд зонтичных понятий, которые дальше при желании можно легко детализировать. В качестве примера подобного логического упорядочивания можно предложить использовать пять наиболее общих классов для описания всего разнообразия мира гендерных ролей и идентичностей: женщина, мужчина, бигендер, трансгендер, агендер. Только когда заданы предельные родовые понятия, уместно приступать к описанию внутреннего разнообразия каждого из этих множеств, не забывая при этом подчеркивать ограниченность любой логической схемы для понимания уникальности отдельно взятой личности.

ПРИНЦИПЫ БИОЭТИКИ В ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

М. М. РОГОЖА

Характерной чертой технологической эпохи стали риски. Этот очевидный сегодня факт был подмечен более четверти века назад немецким социологом У. Беком. Он склонен называть современный мир «обществом риска», поскольку риски порождены самой технологией. В самом широком значении риски – это вероятность опасных событий. В области биомедицинских исследований с участием человека впервые риски были озвучены в ходе Нюрнбергского

процесса, когда мировая общественность узнала о преступлениях нацистской медицины. Подвергнутые публичному осуждению ценностные основания нацистских медицинских экспериментов должны были уйти в прошлое уже в 1947 г., после принятия Нюрнбергского кодекса, этических правил проведения медико-биологических экспериментов на людях. Тогда были заложены основные этические принципы отрасли: добровольное согласие испытуемого; общественная польза, недостижимая иными способами исследования; риск для испытуемого меньший, чем гуманитарная ценность эксперимента.

Вехой на пути этического регулирования биомедицинских исследований с участием людей стала Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (2005 г.), в которой зафиксированы универсальные этические принципы биоэтики. Отметим те, которые прямо выходят на рассматриваемую проблематику: уважение человеческого достоинства, уважение автономии человека, неприкосновенность частной жизни, равенство, справедливость, равноправие, уважение уязвимости человека, принцип блага и непричинение вреда, солидарность и сотрудничество. Регулятивными идеями Декларации стали информированное согласие и информированный выбор.

Распространение рисков и техногенных случайностей в современном мире и их нынешняя обыденность не уменьшает обеспокоенность по поводу неконтролируемости последствий техногенных воздействий на человека. Политические, экономические, социальные инструменты воздействия на них не уменьшают необходимость задействовать также и этические инструменты. Принципы биоэтики, вмонтированные в этическую инфраструктуру, потенциально способны направить человека на путь добродетели посредством правильно активированной моральной мотивации.

ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ «ПОЛИТИК-ИЗБИРАТЕЛЬ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДЕЛИ «РАЦИОНАЛЬНОГО» И «ЗАВИСИМОГО» ИЗБИРАТЕЛЯ

О. А. РУДЕНКО

Значимость рассмотрения коммуникации «политик-избиратель» в избирательной кампании имеет не только теоретическое значение, но и практический смысл. В современной научной литературе можно встретить теоретические наработки различных моделей голосования, которые в последующем находят свое отражение в ряде социологических замеров.

Основанием модели «зависимого» избирателя служит идентификация избирателей с определенной политической партией. На практическом уровне основания данной модели голосования выявляются в ходе социологического исследования электорального поведения на предмет симпатий / антипатий к политическим партиям.

Партийную идентификацию обычно связывают с процессами социализации, и прежде всего юношеской, поскольку именно в данный период партийные предпочтения членов семьи и приверженность к определенным политическим предпочтениям имеют большую значимость при голосовании за отдельных кандидатов, а в последующем определяют электоральный выбор и дальнейшие мотивы голосования.

Следует отметить и фактор «референтной группы», который может внести существенные изменения в электоральный выбор. Именно солидарность с группой и зависимость от нее способствуют формированию электорального выбора.

Информированность о политических событиях и анализ программ кандидатов в «зависимой модели» голосования не играет никакой существенной роли, процедура выбора не предусматривает аналитического обзора политического и социального контекста. В основе выбора избирателей лежит иррациональное начало. Солидарность с политической партией и референтной группой превалирует и является определяющим фактором выбора.

Сама по себе партийная идентификация способствует, с одной стороны, «быстрому» выбору, с другой – определяет выбор в качестве «нерационального».

«Зависимый избиратель» действует по принципу солидарности к референтной группе или политической партии. Сам по себе выбор не имеет рациональных основ. Информированность и знание политического контекста уступают преданности группе и принятию одинакового с ней решения. Аналитический обзор текущих политических событий и социального контекста уступает место иррациональному обоснованию собственной политической позиции.

В свою очередь, если сравнивать модели «зависимого» и «рационального» избирателя, в последней явным основанием могут выступать как социально-экономическая ситуация, так и текущее политическое событие, позиция кандидатов по различным вопросам социально-экономического устройства общества. «Быстрое» голосование уступает место более обдуманному выбору, в котором взвешиваются все «за» и «против».

Избиратель «рациональный», как правило, опирается на результаты прошлой деятельности кандидата, а не на анализ обещаний относительно будущих общественно-политических и экономических преобразований. В полной мере обосновывается зависимость выбора избирателя от экономических выгод, которые выбранный кандидат или партия сможет реализовать. При выборе избиратель рассматривает кандидата с различных позиций: от внешней привлекательности до изучения политической программы, биографий.

Изучение избирателями предвыборных программ и биографий можно отнести к коммуникации политика и избирателя, где структура и содержание текста имеют не последнее значение, а СМИ выступают не только средством получения такой информации, но и той инстанцией, с помощью которой моделируется определенный общественно-политический контекст выборов.

NEW MEANS OF FORMING PUBLIC OPINION

LILIANA RUSU

There is created a large public space that is simultaneously international and local, oriented towards opportunity to participate in dialogue of every person connected to the global network, as well as toward the transmitting and receiving information of various users. In such conditions, the Internet becomes a fifth political power, able to supervise «the drifts of political power, but also those of other powers present in society». By offering for citizens more freedom of expression, the new media have changed the conditions, known in prior periods, for the exercise of power. Thus, we are witnessing a process of transition from the democracy of opinions imposed by well-known intermediaries to the democracy of free opinions, where all individuals and groups have as much freedom of access to public communication space.

In this case, the process of formation of public opinion is the result of communicational interactions of a large number of users, who disseminate information and post, in the virtual environment, contents in various formats (text, audio, video). Internal and external links of websites are structural elements that facilitate the circulation of information in immense digital space. The connected public opinion is in fact a «gigantic extension and transformation of public space» in the formula as it was defined by Jurgen Habermas. The freedom of expression and the principle of publicity, despite the options of Web 2.0 technologies, differ from user to user. As mentioned by Nicolas Vanbremerch, the knowledge in the field of information technologies and the user skills of expression in digital space have an important role for achieving multidirectional communication. The compliance with these factors, according to the theory of French researcher, is decisive for the emergence of a new class of opinion leaders.

Other researchers have identified the formation of a new category of leaders of opinions, with distinct profiles and that differs from those working in the field of mass communication through traditional media. The level of influence of these people is interdependent on the level of IT knowledge, on the performance of technologies used in the communication process and on the number of people in friends list or the number of subscribers on social networks.

The new media have changed not only the formation and expression of public opinion, but also that of studying of this complex phenomenon, enriching it with the new methods of research. Web applications for determining the number of online visitors, inquiries made via electronic mail, online opinion polls are the most recent methods applied by researchers with the purpose of determining public preferences in terms of online media product.

ПРОБЛЕМА ИНКЛЮЗИВНОСТИ В СЕТЕВОМ (СО)ОБЩЕСТВЕ

А. Я. САРНА

Коммуникационно-информационные технологии и электронные социальные сети выстраивают современное общество как «network society» (М. Кастельс), в котором действуют два базовых принципа интеракции – включение в виртуальное сообщество и исключение из него. Сетевые сообщества в интернете складываются на основе дистанционного взаимодействия, опосредованного цифровой средой, которая «искажает» межличностные отношения, допуская анонимность и сосредоточенность прежде всего на собственных интересах.

Развитие этих интерактивных практик приводит к распространению следующих трендов среди интернет-пользователей: *нарциссическое самоутверждение* как мода на «селфи» («Я» для «Другого»), когда происходит предъявление себя другим пользователям для подтверждения собственной значимости; *демонстративное потребление* и расточительство («Я» лучше «Другого») в желании максимально усилить свой позитивный имидж и создать идеализированное представление о себе в сообществе; *экстремальное поведение*, способное довести до ярко выраженного суицидального отклонения («Я» против «Другого»), когда пользователь сетей сознательно бросает вызов представителям иных сообществ, желая привлечь внимание «своих» за счет отрицания норм и ценностей «чужих». Однако, будучи не в состоянии преодолеть тотальную зависимость от «Другого», такая виртуальная агрессия неизбежно оказывается губительной для самого агрессора. Она воплощается в реальный *террор* как попытка *устранить* «Другого» физически, когда мигранты убивают и калечат людей в западной Европе, а минский студент орудует бензопилой в столичном торговом центре, практикуя убийство как изуверскую форму суицида.

Развитие событий по такому сценарию вполне соответствует размышлениям Ф. Берарди о современной депрессии, суицидах и массовом насилии как диагнозе цифровой эпохи. Одной из главных причин сложившейся ситуации можно считать разделение на «богатых» и «бедных» по Н. Больцу, т. е. «подключенных к сети» и «неподключенных», исключенных из нее. Возникает проблема инклюзивности, когда участники сообщества солидаризируются и совместными усилиями создают замкнутое пространство, в которое посторонним доступа нет, – закрытую сеть, в рамках которой невозможно взаимодействовать с «Другим».

Проникновение «чужаков» в такое сообщество угрожает ему расколом, что в глобальном масштабе приводит к деградации международных соглашений, кризису и утрате доверия между государствами – как в случае выхода Великобритании из Евросоюза («Брексит») или США из Парижского соглашения по климату.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

С. З. СЕМЕРНИК

Современное общество находится в ситуации развертывания «бесшумных» научно-технических революций, связанных с активным внедрением в жизнь социума информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Ориентация современной науки на повсеместное и тотальное внедрение названных технологий (в социальную, политическую, образовательную, экономическую, культурную сферы) нуждается в осмыслении, поиске адекватных оценок названному явлению, определению перспектив его развития.

Анализируя названные процессы, можно отметить то обстоятельство, что применение ИКТ требует кардинальной смены важнейших принципов и подходов, на которых базировалось существование той или иной сферы человеческой деятельности. Это в свою очередь ведет к кардинальной смене понимания сути самой этой деятельности, ее главных ориентиров и ожидаемых результатов.

В частности, если рассматривать такую сферу, как образование, функционирование которого напрямую связано с воспроизводством и развитием человеческой личности, то достаточно отчетливо можно проследить, каким образом смена технологических укладов влечет за собой смену парадигмы образования, изменение понимания места и роли образования в жизни современного социума, а также трансформацию представлений собственно о самом человеке, его (пред)назначении, важнейших жизненных задачах.

Если классическая парадигма образования ориентировалась на идеал всесторонне развитой личности, «знающей» и «умеющей», владеющей определенными «навыками», то современное образование ставит перед человеком иные задачи – не «знать», а «быть компетентным», не «уметь», а «производить новое». При внешней респектабельности данного запроса в нем содержится значительный рискогенный потенциал, прежде всего потому, что данный подход ставит общество в ситуацию неопределенности – предлагает создать и породить новый антропологический тип – «расчеловеченного человека», «постчеловека». Общество, несущей единицей которого станет «постчеловек», принципиально будет отличаться по своим характеристикам от традиционного общества и общества модерна.

Сможет ли общество «дать ответ» на оформляющийся «антропологический вызов» современности? От способности решить данный вопрос зависят перспективы дальнейшего развития социума.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РИСКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Е. В. СЕРГЕЕВА

Риск сегодня является неотъемлемой составляющей практически всех видов коммуникации. Процессы формирования, распространения и обмена информации о рисках сегодня определяются понятием *коммуникация риска* [1, с. 235]. Коммуникация риска обладает рядом особенностей, понимание которых позволяет определить, насколько эффективно она способна выполнять поставленные перед ней задачи.

Во всех концепциях «общества риска» акцентируется внимание на увеличении роли и значения научных знаний о рисках в современный период. Научный анализ риска предполагает сочетание трех видов знания: теоретического, практического и прогностического.

Независимо от научной области, в которой применялся рискологический подход, его цель заключается в формировании корпуса научных знаний, позволяющих выявить, описать, проанализировать причинно-следственные связи между явлениями: проанализировать прошлое и настоящее с целью выявления возможных вариантов развития будущего. Именно в этом контексте мы можем говорить о рисках как о научно обоснованном прогнозе наиболее вероятностных последствий принятых решений, а не о субъективных ожиданиях, религиозных и обыденных знаниях.

В прикладном аспекте использование рискологических знаний имеет общую схему: выявление факторов риска и их оценка, разработка плана, стратегии и тактики избежания / минимизации риска, принятие решений, мониторинг и оценка результатов деятельности. Поэтому в любой сфере жизни общества, где мы рассматриваем процессы планирования, организации и управления человеческой деятельностью на научной основе, мы вполне естественно приходим к понятию риска.

Использование в социальных коммуникациях научного знания о рисках имеет ряд преимуществ, к ним относятся объективность, системность, рациональность, доказательность, верифицируемость и т. д. Сегодня процесс принятия решения уже немислим без аналитической составляющей, научно-доказательной базы, вероятностных знаний о развитии тех или иных событий.

Однако на коммуникации риска большее влияние оказывают и недостатки научного знания, такие как (1) сложность, требующая специальной подготовки для правильного восприятия и применения на практике; (2) относительность, обусловленная несовершенством инструментария познания; (3) отсутствие единого понимания одних и тех же проблем в научной среде; (4) слабость прогностического потенциала, использование метода аналогий для прогнозирования будущего; (5) невозможность избежать субъективности в оценке факторов риска. Кроме того, само рискологическое знание одновременно апеллирует и к разуму, и к чувствам, что увеличивает его манипулятивный потенциал.

Специфика научного знания о рисках и его использование в коммуникации приводит к ряду противоречивых последствий для управления коммуникацией риска, которые фиксируются в работах по социологии риска. Их можно обобщить в следующих позициях: (1) наличие разнообразных научных и экспертных позиций приводит к их селекции со стороны транслирующих субъектов, что значительно снижает возможность объективной рациональной оценки реальности и принятия эффективного решения; (2) транслирующие субъекты могут актуализировать или, наоборот, замалчивать те или иные исследования, определяя повестку публичной коммуникации и т. д.; (3) в процессе коммуникации те или иные рискологические знания могут подвергаться манипулированию, что делает грань между реальной и мнимой угрозой практически неразличимой; (4) существует стремление придать той или иной информации атрибуты наукообразия.

Все это приводит к выводу о сложности и парадоксальности коммуникации риска в современном социуме: с одной стороны, присутствует определенная нечувствительность со стороны общества к тем или иным рискологическим знаниям, с другой – высока востребованность разработки теоретического и прикладного знания о рисках, механизмах и методах управления риском. Сегодня коммуникация риска во многом представляет собой стихийный и хаотический обмен информацией, который требует выработки определенных стандартов и норм, способных его упорядочить и тем самым увеличить его эффективность.

Литература и источники

1. Вишняков, Я. Л. Общая теория рисков / Я. Л. Вишняков, Н. Н. Радаев. – М.: Академия, 2008.

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Н. СИДОРЕНКО

Под социальным насилием понимаем структурное насилие, которое проявляется в способе организации социального бытия и связано с его репрессивными функциями. Правомерно выделить два основных подхода к анализу данной проблемы: 1) конфликтологический; 2) социально-критический.

Общим для концепций, объединенных в первый подход, стал тезис о том, что источником насилия является неравный доступ к благам, ресурсам, власти, что обуславливает борьбу между привилегированными и дискриминируемыми группами. Вместе с тем в конфликтологическом подходе был сделан акцент на функциональности насилия, в частности, оно рассматривается как средство борьбы и как регулятор социальных отношений, более того, как

определяющее начало в образовании государства. К первому подходу относим теорию насилия, марксизм, структурно-функциональную теорию, теории конфликтов и др. Так, в частности, исходя из основных положений норвежского исследователя Й. Галтунга, можно отметить, что культурное насилие определяет прямое и структурное насилие как справедливые акции. Проблема заключается в том, что прямое насилие можно ограничить, но уничтожить структуры, его порождающие, нельзя. Поэтому эффективным способом решения структурных конфликтов является регулярное изменение сети взаимодействий в социальной структуре. Война представляет собой нечто большее, чем прямое насилие, она обусловлена структурными изменениями, поэтому для того чтобы остановить войну, необходимо трансформировать внутренние структуры враждующих сторон.

Во втором подходе – социально-критическом – рассматривается насилие как социальная деструкция и обнаруживается взаимосвязь между деструктивным состоянием индивидуального и коллективного сознания и деструктивным, репрессивным воздействием социальных условий. К этому подходу относим неомарксизм, постмарксизм. Сущность социального насилия раскрывается как деструктивная организация социального пространства, следствием которой становится утрата смысла социального действия, отчуждение человека от социальных и политических практик. Природа насилия во втором подходе раскрывается как амбивалентная: с одной стороны, в самой природе человека «укоренена» деструктивность, с другой стороны, человек одарен творческой силой. Отсюда продуктивность развития общества и самосохранение человека утверждаются через насилие как деструкцию. Апофеозом самодеструкции западной цивилизации предстал нацизм как деструктивная политическая модель и как логический итог проекта Просвещения. В качестве решения проблемы деструктивности социального насилия предлагается создание пространства свободы и альтернативной эстетической реальности посредством искусства и творческого саморазвития (неомарксизм); возвращение политического субъекта и реализация идеала эмансипированного общества (постмарксизм).

ЧАТ-БОТ КАК ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ СРЕДСТВО ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Т. М. СМОЛИКОВА

Чат-боты как продукт интегрированных коммуникаций в одном приложении имеют огромный потенциал и в ближайшем будущем, как считают специалисты, заменят справочные и поисковые системы. Их часто сравнивают с искусственным интеллектом (далее – ИИ), который основывается в том числе и на технологиях лингвистической обработки. Появляется больше систем, позволяющих понимать, обрабатывать и генерировать языки, легко переключаться с одного языка на другой, поддерживать мультязычные беседы.

Первые программы, умеющие вести диалог с людьми, появились в 60-х годах XX века. Термин «чат-бот» был впервые употреблен в 1994 году разработчиком М. Молдингом. Он создал виртуальную помощницу «Джулию», которая помогала анализировать написанный им текст, предлагать материал, более-менее относящийся к выбранной теме. Программа была очень простая и могла сканировать текст, определять ключевые слова и выдавать какую-нибудь относящуюся к теме фразу, создавая иллюзию живого общения.

В широком понимании чат-бот (от англ. chat – болтать, bot – робот) – это компьютерная программа, которая распознает речь и может разговаривать с человеком на привычном ему языке посредством текста или голоса.

Разновидностью чат-бота является Siri – это те же чат-боты, только с голосовым интерфейсом – голосовой ассистент, а обитают они не в конкретном приложении, а во всей системе. Их еще называют «универсальными», или «интерфейсными» ботами. Его можно попросить воспроизвести музыку, включить освещение в доме или заказать товары из интернет-магазина. Кроме того, например, бот по имени «Алеха» – пока единственный голосовой помощник, у которого могут быть «подчиненные» (сторонние боты, интегрированные с «главной» системой) [1].

В Республике Беларусь первый чат-бот BINgo был разработан в ноябре 2016 года компанией «Системные технологии» – крупнейшим поставщиком IT-решений для банковской, финансовой, промышленной сфер. Возможности и функции, реализованные в чат-боте BINgo, достаточно разнообразны: работа с электронным кошельком, уведомления пользователя о счетах, контроль оплаты и т. д.

По данным исследовательского центра Microsoft, к 2027 году треть работоспособного населения будет занято в сфере услуг [2]. В ближайшие годы появятся необычные профессии, например, оператор машинного интеллекта, который будет управлять системой ИИ. Сами системы ИИ, к которым можно отнести и чат-боты, будут способны адаптироваться к различным социальным ситуациям, осуществлять управление организацией, консультирование, контроль и анализ климата и экологии и т. д.

Литература и источники

1. Чат-боты: история, современность и перспективы [Электронный ресурс] // W7Phone.ru. – Режим доступа: <http://w7phone.ru/chat-boty-istoriya-sovremennost-i-perspektivy-132460/>. – Дата доступа: 07.04.2017.

2. Искусственный интеллект и его ближайшее будущее [Электронный ресурс] // Интересная наука. – Режим доступа: www.funscience.today. – Дата доступа: 11.04.2017.

ОБРАЗ ВЛАСТИ И НАРОДА В РОССИИ, УКРАИНЕ И БЕЛАРУСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. А. СНЕЖКОВА

В 2017 г. в ряде университетов Москвы было проведено этнопсихологическое исследование на тему «Народ и власть в России, Украине и Белоруссии». Респондентам предлагался рисуночный тест, который часто используют в политической психологии. В контексте политико-психологического исследования важно было проследить, как изображается респондентами власть (с симпатией, апатией, антипатией); какое место рядом с властью занимает народ (находится рядом, в центре, снизу, сбоку); какие сюжеты и символы используются для изображения народа и власти: какими по величине изображаются народ и власть?

Исследование показало, что власть на большинстве рисунков изображается с симпатией. Ее место часто в центре или рядом с народом. Символы, изображающие власть, – человек, больший по размеру, чем народ. Лейтмотив большинства рисунков – единство народа и власти. В изображении власти присутствовал и образ диких животных – традиционный медведь, лев, волк, но, что характерно, рядом находились их детеныши (народ), которых животное защищало. Довольно много было рисунков на заданную тему, изображающих безмятежную природу, гуляющих по городу или катающихся в парке на велосипедах людей, что свидетельствовало о спокойном взаимодействии народа и властных элит.

Безусловно, имели место рисунки (15 %) с отрицательным изображением власти. Например, полицейские, разгоняющие протестующих на митингах, рисунки о несправедливых доходах между чиновниками и народом. К примеру, изображение куриной ноги, мякоть которой достается властям, а косточка народу. Присутствовали на рисунках машины с деньгами, которые отправляются чиновникам, а зарабатывает их народ.

Фигуры, изображающие народ, были довольно крупные, что свидетельствовало о близкой дистанции между народом и властью. Народ сплачивается вокруг президента, работает вместе с ним. Много было компьютерных символов в изображении взаимодействия народа и власти, например, народ изображался в виде лайков и улыбающихся смайликов.

Образ власти и народа на Украине носил трагический оттенок. Российская молодежь украинскую власть изображала не слышащей собственный народ. Власть зарабатывает деньги, народ плачет. Украину на многих рисунках изображали в огне – пылающий костер, горящие здания. Множество рисунков отображали гражданскую войну между войсками ВСУ и ополченцами Донбасса. На многих рисунках отобразилась зависимость украинской власти от США и Евросоюза. Изображая народ компьютерными символами, лайк превращали в дизлайк. Смайллик приобрел грустный вид.

Образ Беларуси на рисунках в представлениях российской молодежи выглядит позитивно. Президент как представитель власти изображается в виде крупной фигуры на фоне более мелких фигурок. Однако власть заботится о людях. Самый распространенный образ Беларуси – сбор урожая, вспаханные поля, на которых все растет. На полях работают люди, заводы и фабрики выпускают продукцию. Иногда к власти присоединяется ОМОН как воплощение порядка. Часты изображения безмятежных природных пейзажей, отдыхающих, улыбающихся людей, что свидетельствует о гармоничном взаимодействии народа и власти.

Результаты исследования показали, что, несмотря на сложную политическую обстановку, касающуюся трех родственных славянских народов, и сильное информационное давление, российская молодежь демонстрирует выдержанное и во многом объективное отношение к текущей ситуации и смотрит с надеждой на возвращение к дружественному и полноценному взаимодействию России, Украины и Белоруссии.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 17-01-18090 е.

СОВРЕМЕННАЯ БИОЭТИКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ «ПЛОЩАДКА» XXI ВЕКА

В. Н. СОКОЛЬЧИК

Современный статус биоэтики предполагает решение ею важнейшей задачи в современном социуме – сформировать коммуникативную площадку для выработки взаимоприемлемых решений в диалоге человека, общества, науки и природы в эпоху тотальности биомедицинских технологий.

Социум XXI века отчасти оказался в плену биомедицины, о чем свидетельствует процесс медиализации общества, интерес и внимание к технологиям инхэнсента (улучшения человека). С одной стороны, в XXI веке расширились технологические и научные возможности трансформации человеческой телесности, признаны соматические права человека, с другой – у большинства населения отмечается недостаток знаний в области биомедицинских знаний, размытое представление о нравственных ориентирах и границах применения биомедицинских технологий.

Биоэтика создает новый тип дискурса – диалог-дискуссию на междисциплинарном и межкультурном уровне. Базовыми принципами, на которые опирается биоэтический дискурс, являются: неуклонное соблюдение прав человека (как и прав природы); опора на выработанные биоэтикой основные принципы и правила биомедицинской деятельности; коммуникация, фундированная на понимании и уважении телесной, социальной, культурной уязвимости человека, и др.

Соблюдение прав человека и природы подразумевает понимание необходимости уважения человеческой личности и ее достоинства вкупе с уважением природы и умением выстроить диалог «человек – общество – природа». Современный мир говорит о четвертом и даже пятом поколении прав человека. Они предполагают разумный баланс прав личности, социума, природы, что связано с уважением живого, сохранением человеческой идентичности, запретом дискриминации и немислимо без возрождения человеческой духовности [2].

Важнейшим международным документом, в котором изложены основные принципы уважения прав человека, цели, границы и аксиологические императивы развития биомедицины, является «Конвенция о защите прав и достоинств человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (Конвенция Овьедо, принятая в 1997 г. ПАСЕ, с дополнительными протоколами) [4]. В ней рассмотрены основные принципы и правила биоэтики. Один из основополагающих – признание автономии человека (пациента), его права на принятие решения, касающегося его жизни и здоровья.

Нарушение биоэтических принципов все чаще становится прецедентом как для возникновения локальных споров между медицинскими работниками и пациентами, так и для серьезных судебных разбирательств в национальных судах, а также европейском суде по правам человека [3]. Отсутствие ясного и своевременного информирования о характере и последствиях медицинского вмешательства, давление на пациента в целях получения его согласия на данное вмешательство – эти и другие вопросы при обсуждении европейского суда по правам человека классифицировались как посягательство на моральную и физическую неприкосновенность личности, нарушение ее автономии, права на личную жизнь и т. д.

Принцип признания и уважение уязвимости человека биоэтика постулирует как нравственную основу для любых биомедицинских исследований, лечебных и профилактических практик и т. д. В них должны учитываться как традиционные особенности личности и социальных групп, так и реалии современной жизни (например, обеспечение получения, хранения, защиты и согласия на использование персональных данных из социальных сетей, учет контекста этих данных и т. д.) [1].

В эпоху роста влияния биомедицины биоэтика становится реальным инструментом «очеловечивания» биотехнологий, инструментом коммуникации и поиска основы для взаимопонимания в социуме, а также ценностным регулятором человеческой деятельности.

Литература и источники

1. Draft Report of the Big Data and Health // International Bioethics Committee (IBC) – Paris, 17 July 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/bioethics/international-bioethics-committee>. – Дата доступа: 10.09.2017.

2. Абашидзе, А. А. Новое поколение прав человека: соматические права / А. А. Абашидзе, А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1 (73). – С. 69–82.

3. Роанья, И. Защита права на уважение частной и семейной жизни в рамках Европейской конвенции о защите прав человека / И. Роанья. – Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2014.

4. Права человека и биомедицина. Конвенция Овьедо и ее протоколы // Council of Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int>. – Дата доступа: 01.06.2017.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. П. СОЛОВЕЙ

На сегодняшний день виртуальную реальность можно определить как своеобразное электронное пространство социальной жизни в ее самых разнообразных проявлениях. Однако многие авторы ограничивались обсуждением виртуальности с точки зрения функционирования сети Интернет, различных видов компьютерных игр, вспомогательного оборудования для передачи изображения, звука. Через некоторое время к этим тематикам добавились исследования измененных состояний сознания и психики, которые могут происходить под влиянием увлечения компьютерами, которое переросло в осмысление виртуальной реальности как психического феномена [1, с. 24]. При этом сам термин «виртуальная реальность» был применен в Массачусетском технологическом институте в конце 1970-х годов Д. Леньером, который в 1984 г. основал первую фирму виртуальной реальности. Этот термин выражает идею присутствия человека в компьютерно создаваемом пространстве. Виртуальное – нематериальная разновидность бытия объективных сущностей или субъективных образов, противоположная материальному бытию вещей и явлений в пространстве и времени. Виртуальная реальность – это интерактивная технология, позволяющая создавать абсолютно (или почти абсолютно) убедительную иллюзию, что человек находится и действует внутри реального мира, хотя на самом деле этот мир существует внутри компьютера. Привычное восприятие объективного мира при помощи органов естественных чувств подменяется искусственно созданной компьютерной информацией посредством специального интерфейса, компьютерной графики и звука. Виртуальная реальность – это специфическая форма человеческого бытия и особая культурная форма духовного общения людей [2, с. 11].

Виртуальная реальность как пространство социальной коммуникации – это сконструированная символическая реальность, продуцирующая новое пространство для самоопределения человека. Виртуальная реальность существует как процессуальное взаимодействие между материально-техническими, информационными процессами и психикой человека. Это специфическая форма интерактивной коммуникативной реальности, со специфическими свой-

ствами, представляющая собой, по сути, альтернативу материальному миру. При этом виртуальную коммуникацию можно рассматривать как разновидность социальной коммуникации, содержанием которой является обмен образами, информационными по природе и различающимися по способам их восприятия.

Литература и источники

1. Булушев, А. Г. Понятие виртуального в богословии, философии и науке / А. Г. Булушев. – М.: ПСТГУ, 2011.
2. Малышко А. А. Философские проблемы виртуальной реальности: (историко-философский анализ): автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.11 / А. А. Малышко. – Мурманск, 2008.

БИОЭТИКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Н. А. СТЕПАНЕНКО

Биоэтика как особое междисциплинарное направление, изучающее феномен жизни с точки зрения экологии, биомедицины и философии, возникла относительно недавно – в начале 70-х годов двадцатого столетия, – но своими «корнями» биоэтическая проблематика уходит в глубь веков. На наш взгляд, существует биоэтическая детерминанта направленности человеческой истории, благодаря которой происходит трансформация социокультурных традиций в контексте поиска механизмов сохранения жизни и устойчивого развития общества.

Эксплицируя моральные противоречия, связанные с исторически изменяющимся отношением человека к жизни, которые возникают в процессе социальной динамики, биоэтика не только анализирует соответствующие проблемы, но и вырабатывает соответствующие нормативы поведения, обозначает предметное поле и нерешенные вопросы собственного развития в русле нравственного выбора, не допускающего осуществления крайних, морально неприемлемых способов отношения к живому.

Биоэтика обосновывает поиск допустимо безопасных путей социокультурной эволюции, и в этом состоит ее актуальность и футурологическая значимость. Поэтому биоэтику надо рассматривать как важную составляющую стратегии выживания человека на глобальном и индивидуальном уровнях.

Становление биоэтики как прикладной дисциплины, которая включает конкретные проблемы социоприродного взаимодействия, этико-правового регулирования биомедицинских исследований на человеке и на животных, нравственные проблемы эвтаназии, трансплантации и многие другие, происходит благодаря исторической смене теоретических акцентов и тематических приоритетов современного этического знания, а биоэтическая нормативность при этом становится необходимым способом организации реального бытия индивидов, формой преобразования общественных обычаев.

Биоэтика не только исследует воплощение моральных норм в ее предметной среде, их трансформацию, но и выявляет способы их аккумуляции в конкретных, локальных и поддающихся сознательному контролю ситуациях человеческой жизнедеятельности. Одной из важнейших и специфических задач биоэтики является описание тех возможных отступлений от абсолютных в своих притязаниях моральных норм, которые обусловлены логикой, потребностями и интересами людей. Иными словами, смысл биоэтики состоит в том, чтобы перевести моральные ценности из идеальной формы в практическую не только в индивидуальном опыте, но и в организации общественной жизни, переформулировать их в правила социального поведения.

ЭТИКА В ЭПОХУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. И. СТОЛЕТОВ

Изменения, связанные с научно-техническим прогрессом, приводят к трансформации нравственности, которая тесно вплетена в социальную структуру. Новые реалии проблематизируют существующие нормы нравственности, бросая им вызов тем, что не вписываются в их рамки и требуют новой этики как на узкопрофессиональном и узкосоциальном уровнях (профессиональная этика, этика этноса, класса, нации), так и на общечеловеческом.

В связи с этим возникает ряд проблемных точек: 1) положительны ли эти изменения или отрицательны; 2) каковы перспективы этих изменений; 3) каков механизм взаимодействия НТР с этической сферой сегодня и каким он должен быть для минимизации рисков?

По первому пункту сформировалось два направления. С точки зрения ряда мыслителей, возникшей еще в начале прошлого века, НТР создает угрозу человеку и приводит к падению нравственности, порождая гуманитарный и духовный кризисы: фрагментация общества и его ценностных систем; сложности самоидентификации личности; снижение значимости человека и его обезличивание, его зависимость от технологий, снижающих самоконтроль; возникновение сложнейших проблем этики в связи с технологиями искусственного интеллекта и биотехнологиями. Другая позиция, признавая наличие негативных моментов технократизма (как традиционного, так и нео-), рассматривает новые технологии в целом как благо, связанное с новыми возможностями, в том числе и в области этики: расширение свободы и возможностей выбора жизненных стратегий; рост значимости творческого начала, автономизация личности. Представление о «падении нравов» вызвано в большей степени несоответствием традиционных, привычных этических систем требованиям новой социальной реальности. Новые нравственные нормы не обязательно «хуже» прежних, они другие.

Трансформация нравственности неизбежна. Новая этика будет учитывать ряд особенностей социальной реальности нового типа: глокальность, сетевой

характер, виртуальность, рисковость, коммуникативность. Таковы перспективы развития этики.

Наконец, механизм взаимосвязи технологии с нравственностью сегодня таков, что нравственность определяется технологическим прогрессом, который акцентирован на экстенсивной креативности, для которой этический компонент второстепенен [1]. Для этики нового общества необходимы наука и технология, сочетающая экстенсивный тип креативности с интенсивным, что может быть достигнуто на принципах гуманизации технологии по принципу «глубокой гуманности» (Дж. Нейсбит) [2] и «литературизации» науки (Р. Барт) [3], что вполне возможно в рамках постнеклассической рациональности.

Литература и источники

1. Столетов, А. И. Сущность креативности и ее типы / А. И. Столетов // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 4(17). – С. 43–52.
2. Нейсбит, Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Д. Нейсбит. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
- 3 Барт, Р. От науки к литературе / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 375–383.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Д. В. СТОЛЯРОВ

Противоречия, возникающие в обществе на фоне столкновений гендерных укладов жизни, могут принимать самый разный характер. Часто они возникают в период социальных трансформаций в переходных обществах. В Беларуси подобные изменения протекают медленно и осторожно, поэтому на данный момент можно говорить о его маскулинности. Впрочем, Беларусь сложно упрекнуть в гендерном неравенстве при распределении власти.

Тем не менее, несмотря на стремление к формальному обеспечению гендерного равенства, в белорусском обществе прослеживаются черты консервативного патриархального уклада. Нельзя сказать, что на официальном уровне идеи гендерного равенства не реализуются. Можно констатировать, что при распределении полномочий в государстве гендерный баланс так или иначе учитывается. Тем не менее остро стоит вопрос о том, как убедить общество отказаться от неактуальных схем гендерного поведения. Препятствиями к этому остаются социально-экономические проблемы и открытая трансляция маскулинных поведенческих практик, что вступает в противоречие с адекватной и умеренной системой должностных назначений. Такое положение вещей приводит к тому, что на бытовом уровне доминируют гендерные стереотипы советского прошлого.

Культура в определенном обществе воспринимается человеком не как нечто навязанное извне, а как конструкция из моделей поведения, которые образуются в процессе общения и укрепляются вследствие взаимного взаимодействия людей с окружающей реальностью и ее особенностями [1, с. 213]. Визуальные и смысловые интерпретации стереотипов изменились, но суть осталась прежней. Мужчине обществом навязывается напористый и активный образ, в женщине приветствуется сдержанность и умеренность. Жизнь и деятельность мужчин и женщин, а также их результаты зависят от доминирующих социальных норм и традиций. Гендер в рамках этих традиций играет существенную роль. Гендерная политика оказывает влияние на нормы и традиции, находя свое конкретное отражение в законопроектах, социальных институтах [2, с. 2].

В современной Беларуси на официальном уровне во многом преодолена проблема гендерной дискриминации, но в социально-бытовой сфере дискриминационные установки не сдают позиций. Женщины остаются на второстепенных ролях, а на мужчину вешают непосильное бремя первенства и ответственности. Отсюда возникают проблемы психологического и экономического насилия в семье. Часто люди проецируют друг на друга свои неудовлетворенные экономические и социально-статусные потребности. Это вынуждает их развиваться в сферах, вызывающих отторжение, что снижает качество такой деятельности. Неравное и неправильное распределение социальных ролей и обязанностей в равной степени негативно сказывается и на мужчинах, и на женщинах. Таким образом, важно начать активное преодоление патриархальных стереотипов именно на уровне обыденного массового сознания.

Литература и источники

1. Азарова, Е. А. Влияние культуры на формирование и изменение моральных гендерных стереотипов / Е. А. Азарова // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения, Санкт-Петербург, 2001 г. / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
2. Грэйг, А. Мужчины, типы маскулинности: Расширяя возможности гендерного равенства / А. Грэйг, М. Киммел, Д. Ланг; пер. с англ. А. Скребнева. – М, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР РИСКА В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

М. С. ТЕРЕЩЕНКО

Одним из первых этапов принятия решений (после осознания потребности в решении) является диагностика и анализ ситуации [2, с. 277]. На базе выполнения этого этапа строится весь дальнейший процесс принятия и реализации управленческих решений.

Поскольку входящая информация «привлекается» на самом раннем этапе принятия решения, то ее качество напрямую влияет на будущую эффективность,

т. е. плохое качество информации создает заведомо высокие риски того, что итоговое решение окажется неэффективным. К. В. Балдин приводит следующие требования к информации: точность, надежность, достоверность, адекватность и полнота [1, с. 119–120].

Первые четыре требования являются характеристиками качества информации. При этом точность, надежность и достоверность показывают, насколько истинное мнение можно составить об объекте или проблемной ситуации на основании этой информации. При нарушении одного из этих требований взгляд может быть искажен, что может привести к такому же искаженному решению.

Что касается полноты информации, то этот параметр качества информации граничит с характеристикой «наличия» информации. Полнота информации характеризуется К. В. Балдиным как мера разнообразия, количественная достаточность для принятия решения [1, с. 120]. Здесь можно выделить два уровня рисков. Первый уровень связан с вероятностью того, что представленная информация может видаться как полная и исчерпывающая, в то время как на самом деле из нее (и из дальнейшего анализа) могут быть упущены важные сведения об объекте и проблемной ситуации. Второй уровень рисков связан с возможной неполнотой информации об объекте и проблемной ситуации, но уже в ситуации, когда неполнота информации очевидна для пользователей. В этом случае речь идет о степени неопределенности, с которой приходится работать принимающим решение.

Таким образом, тщательная проработка источника информации об объекте и проблемной ситуации, всестороннее их рассмотрение уже на первом этапе принятия управленческого решения повышают эффективность всего решения.

Литература и источники

1. Балдин, К. В. Управленческие решения / К. В. Балдин, С. Н. Воробьев, В. Б. Уткин. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2005.
2. Дафт, Р. Менеджмент. 10-е изд. / Р. Дафт – СПб: Питер, 2017.

РИСКОГЕННОСТЬ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

О. В. ТЕРЕЩЕНКО

В монографии «Катастрофа: социологический анализ» Е. М. Бабосов разводит понятия объективно существующего риска и восприятия его индивидами или социальными группами и выводит восприятие риска индивидом «из взаимодействия трех компонентов: а) ситуации и связанного с ней объективного риска, оправданного имеющимися научными данными или признанного в качестве такового большинством людей; б) личности индивида, столкнувшегося с риском; в) социальной среды, в которой возникает риск и происходит

его оценка индивидом» [1, с. 75–76]. Однако три компонента, проанализированные Бабосовым как факторы *восприятия* рисков, могут быть рассмотрены и в качестве *источников* их возникновения. Информационно-коммуникационные технологии не только подвергаются техническим неполадкам (вплоть до катастроф), но также создают технические предпосылки и возможности, которые могут использоваться недобросовестными или злонамеренными пользователями для создания ситуаций, из которых они извлекают разнообразные выгоды (экономические, психологические и др.), эксплуатируя те или иные качества «наивных» пользователей интернета», которым могут грозить реальные неблагоприятные последствия. Степень опасности виртуальных сред, создаваемых отдельными интернет-сообществами (например, «группами смерти», склоняющими детей к самоубийству [2]), определяется не только личностью и квалификацией создающих их субъектов, но также личностью потенциального пользователя (целевой аудитории). «Наивность» пользователя интернета, в отличие от индивида, переоценивающего реальную рисковую ситуацию, проявляется скорее в недооценке рискогенности виртуальной ситуации. От личности пользователя зависит степень его вовлеченности в рисковые ситуации и тяжесть последствий. И, разумеется, в данном контексте эти три компонента, как и компоненты реальной катастрофы, должны рассматриваться во взаимодействии.

Литература и источники

1. Бабосов, Е. М. Катастрофа: Социологический анализ / Е. М. Бабосов. – Минск, 1993.
2. Филатов, А. «Известия» нашли автора бота, заманивающего детей в «группы смерти» / А. Филатов // «Известия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iz.ru/news/669891>. – Дата доступа: 01.09.2017.

«НЕ ПОВТОРЯЕШЬСЯ, ЗНАЧИТ НЕ СУЩЕСТВУЕШЬ»

В. Н. ТИМЧЕНКО

1. Философия познает то, что узнаваемо, отличаемо – «прочное в сменах». Религия зовет к вечному, неизблемому. Характерный элемент поэзии, песен, музыки – рифмы, ритмы, повторы. Дети обожают повторения и повторять. Взрослые чувствительны к тому, что убаюкивает, усыпляет. Почему значимым считается не столько являющееся единожды, случайно, быстротечно, сколько то, что повторяется, длится? Почему обычно важнее не первое, а второе, хотя его постоянство зачастую – иллюзия?

2. Новое, происходящее впервые, тихое, скромное, слабое, ненасильственное – пугает либо не замечается. Абсолютно новая философия осталась бы незамеченной или непонятой. Новое воспринимается как правило, если совместимо со старым либо его разрушает. Новое не сенсационно. Чтобы быть

услышанным, а не редуцированным и редуцирующим, новое заявляет о себе повторением, настойчивостью – вплоть до насилия.

3. Явившееся раз кажется незначительным, мимолетным, мнимым, нерезультативным. Если же оно заявляет о себе снова и снова, его признают. Восхищению, выраженному неожиданно и раз, не доверяют. Если любовь не выражают настойчиво и долго, ее не воспринимают всерьез.

4. Не тут ли истоки понятия «феномен»? Что является не с постоянством, настойчивостью, силой, а единожды, случайно, эфемерно, то может быть и есть, но для нас не существует. Будто важно не то, что есть, а то, что дается и не исчезает раньше, чем его можно схватить, зафиксировать. Реально лишь то, что не протягивает себя раз, а насаждается снова и снова.

5. Что более предпочтительно – существующее стабильно и повторяющееся механически, которое можно получать, добиваться, делать, или возникающее впервые и существующее единожды, которое трудно или невозможно воспринять и присвоить?

6. Какая метаморфоза происходит с людьми, перестающими чувствовать однократное и непродолжительное появление нового? Есть ли у них эволюционное будущее? Ведь разум и знания соотносятся с существующим стабильно, необходимо, закономерно, воспроизводимо, и только чувства резонируют даже с самым незаметным и приходящим только раз.

7. Что на самом деле реальное и живое: существующее стабильно и предсказуемо или являющееся и исчезающее неуловимо? Люди предпочитают повторяемое; возвращение однажды утраченного; покой, тишину. Сенсорные устройства все совершеннее, но ограничены реагированием только на однотипные явления. Не ведет ли прогресс точного знания и технологий к отмиранию способности чувствовать неизвестное, новое, возникшее впервые и все то, что никогда не повторится? «Самые тихие слова приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными лапками, управляют миром», – говорил Ф. Ницше.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТАХ ФРЕНД-ЛЕНТЫ FACEBOOK'А КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. А. ТИХОМИРОВА

Тексты, размещенные на Facebook'е, дают исследователю возможность изучать речевые практики участников и, следовательно, важные для них ценности. Русскоязычная часть этой сети – место неформального общения представителей среднего класса.

Тексты, опубликованные в социальной сети, характеризуются непринужденностью, неофициальностью, опорой на известную коммуникантам ситуацию. Однако авторы осознают неканоничность (по Дж. Лайонзу и Е. В. Падучевой) речевой ситуации – коммуниканты не находятся в одном месте, моменты

создания поста и его прочтения не совпадают. Автор поста обычно знает не всех, кто одновременно с ним находится в ситуации общения.

Наш материал – тексты из френд-ленты новостей Facebook'a, опубликованные в августе 2017 года. Мы анализируем лишь тексты и комментарии к текстам без пометы редактирования. Они отражают навыки создания письменного текста и устной коммуникации. Тематически выборка ограничена текстами об аресте К. Серебрянникова. Наш материал свидетельствует, что это событие «затронуло» людей, имеющих различные политические взгляды и живущих в разных странах. Из-за субъективности выборки не претендуем на статистическую точность выводов.

Каждый человек должен научиться вычитывать смысл или его отсутствие из предлагаемых ему текстов. Задача филолога – предупредить общество об «опасных» установках авторов текстов.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Т. М. ХУСЯИНОВ

Современный рынок труда характеризуется процессами информатизации и виртуализации. Работники организаций, предприниматели и самозанятые все чаще прибегают к использованию компьютерной техники и Интернет-технологий, перенося часть трудовой деятельности в виртуальное пространство. В современных условиях Интернет-технологии проникли в профессиональную сферу так глубоко, что уже затрагивают не только трудовую деятельность, но и этап поиска и подбора вакансий, общение внутри профессионального сообщества, и даже развлечения в рабочее время. Современный работник интеллектуального труда находит подходящую вакансию, отправляет свое резюме и договаривается о собеседовании, которое также может проводиться удаленно, а затем либо выходит работать в офис, где основная его работа происходит с использованием компьютерной техники и сети Интернет, либо работает удаленно, когда все трудовые отношения реализуются через сеть.

Современные профессиональные сообщества активно взаимодействуют посредством сети Интернет, для чего появляются специальные отраслевые социальные сети, которые позволяют передавать и хранить, делиться опытом, различным профессиональным контентом. Среди них такие Интернет-ресурсы как *academia.edu* – для ученых; *pedsovet.org* – для учителей и педагогов, *e-executive.ru* – для сообщества менеджеров. Таким образом, компьютерные и Интернет-технологии становятся основным орудием труда современного работника, в то время как традиционные, связанные с физическим трудом уходят на второй план и их использование сменяется роботизацией.

Откат обратно и исчезновение технических средств поставит существенную часть человечества в затруднительное положение, так как навыки физического труда постепенно утрачиваются, а мотивационные механизмы уже существенно отличаются от прежних установок, когда от труда зависела жизнь человека. Исследователи бьют тревогу и отмечают цифровую наркоманию, которая сменится бодимодификациями и приходом трансчеловека и постчеловека [1; 2].

С переходом к новому постиндустриальному обществу жизненный мир человека существенно изменился: идет формирование постматериальных ценностей, виртуализация и автономизация. Задача науки в этих условиях – соблюсти баланс между прогрессом и гуманизмом. Так, в сфере труда это может быть внедрение новых технологий мотивации – геймификация и креативизация, которые позволяют человеку получать удовольствие от работы, самореализовываться, развиваться, не замыкаясь в стенах своего дома, работы или другого места. Внешний мир должен быть привлекательнее, безопаснее и ярче, что снимет востребованность в погружении в виртуальную реальность.

Литература и источники

1. Кутырев, В. А. Постчеловеческая революция как результат технологизации человеческого мира / В. А. Кутырев // Наука. Мысль. – 2017. – № 1–3. – С. 45–49.
2. Слюсарев, В. В. Виртуальная наркомания в информационном хаосе / В. В. Слюсарев // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сборник научных статей / под общ. ред. Н. А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2017. – С. 274–277.

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ МЕДИЦИНА: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н. А. ЧАЩИН, К. В. СКРЕБЦОВА

Множество определений персонализированной медицины сводится к одному: персонализированная медицина – это целевая диагностика и лечение больного в соответствии с результатами исследования его генетического профиля. При этом персонализированная медицина основывается на современных технологиях (генетических, молекулярно-биологических, фармацевтических и информационных), позволяющих найти подходящее лекарство и разработать схему лечения пациента в соответствии с его индивидуальными данными.

Этико-методологическим основанием персонализированной медицины выступает индивидуализм как краеугольный принцип гуманистической этики. Так называемый клинический мониторинг по праву считают «предшественником» персонализированной медицины. Разница в том, что персонализированная медицина индивидуальную схему лечения предлагает на основе научно обоснованных подходов, в то время как критерии клинического мониторинга

носят эмпирический характер. Именно поэтому реальностью персонализированная медицина стала благодаря достижениям современной молекулярной науки – фармакогенетики и связанных с ней так называемых «-omics» технологий, к которым относятся прежде всего геномика, протеомика и метаболомика.

В последние десятилетия большое внимание привлекают к себе так называемые «неблагоприятные события», связанные с действием лекарственных препаратов. В некоторых странах неблагоприятные события, связанные с действием лекарств, занимают 4–6-е место среди причин смертности пациентов.

В отличие от медицины доказательной, когда врач, по сути, занимается лечением среднестатистической популяции и надеется, что случай его пациента окажется типичным для большой группы больных, персонализированная медицина основана на доказательствах, полученных в значительно более узких выборках (со сходными генотипами или другими четко определенными критериями).

Таким образом, можно сделать вывод, что персонализированная медицина более эффективна и безопасна, а следовательно – более этична.

АГРЕССИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ИЗМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ю. В. ЧЕРНОВИЦКАЯ

На современном этапе культурно-исторического и информационно-технического развития наряду с глобальными кризисами, серьезной опасностью, грозящей человечеству, является внутривидовая агрессия. Проблемы природы, причин, контроля и предотвращения человеческой агрессии (как действий, совершаемых в конкретных условиях) исследуются разными научными направлениями и не имеют однозначных определений и решений. Существует ряд теорий возникновения и объяснения причин человеческой агрессивности [1] (свойства, постоянно присущего биологическому объекту, в том числе человеку). Агрессия как инстинктивное поведение рассматривается с позиций психоаналитического (напр., З. Фрейд) и эволюционного подходов. Последний включает в себя этологический подход (К. Лоренц, Н. Тинберген и др.), «охотничью гипотезу» (Р. Ардри, Д. Моррис и др.) и социобиологический подход (Э. Уилсон, Р. Триверс и др.), теории побуждения (Дж. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц и др.), теории социального научения (А. Бандура и др.) и социального влияния (Дж. Тедещи и др.).

А. П. Назаретян отмечает, что наши предки выжили благодаря тому, что выработали надприродный, внеинстинктивный механизм ограничения агрессии. Главной задачей было восстановление нарушенного баланса между орудиями агрессии и механизмами сдерживания (закон техно-гуманитарного баланса) [3, с. 49]. Морально-нравственным механизмом сдерживания негативных последствий глобальной человеческой деятельности является ответственность.

Трудно предсказать человеку долгую жизнь, полагал Лоренц, если посмотреть на него беспристрастно. «В руках водородная бомба, подарок его собственного разума, а в душе инстинкт агрессии – наследство человекообразных предков, с которым его рассудок не может совладать» [2, с. 10], и не погиб человек до сих пор еще только потому, что он способен поставить перед собой вопрос о последствиях своих поступков – и ответить на него. Однако понятие ответственности в современном мире искажается, все чаще рассматривается в неразрывной связи с проблемой техники, некоторые технологии лишают человека ответственности, либо человек разделяет свою ответственность с техникой. Рост моральной ответственности не принес человечеству гарантий против самоуничтожения, моральные ограничения, регулятивы глобальной этики сильно отстают от технологического прогресса. Допуская неискоренимость агрессивности человека, стоит пытаться включить этическую составляющую в каждую стадию производства от фундаментальных исследований, технических разработок до использования продуктов труда, выработать механизмы ограничения и контроля агрессии для предотвращения самогеноцида человечества, для общего будущего.

Литература и источники

1. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб., 2001.
2. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г. Ф. Швейника. – М.: Прогресс; Универс, 1994.
3. Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. – М., 2012.

НАСИЛИЕ КАК МОМЕНТ ВЛАСТИ: PRO ET CONTRA

Н. В. ШАПОВАЛ

Существует множество мнений относительно того, как соотносятся понятия власти и насилия. Одни исследователи считают, что они взаимно исключают друг друга, другие – что насилие – неизбежное проявление власти, которое с необходимостью возникает для поддержания ее *status quo*.

Так, например, по А. Кожеву конструкция «насильственная власть» невозможна, так как власть как власть имеет место при отсутствии насилия со стороны субъекта власти. «Употребление власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга. Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что власть отсутствует» [2]. Применение насилия властвующим есть процесс деструкции его власти и вырождения ее в псевдовласть. Властвование без насилия, то есть изменение другого без его сопротивления, но при наличии возможности такового является подлинной властью.

Н. Луман, также как и А. Кожев, полагает, что власть и насилие несовместимы. «В ходе актуального применения физического принуждения, – отмечает он, – на основе средств телесного воздействия власть, по крайней мере в ситуациях, в которых это действительно происходит, исчезает» [3].

Иного мнения придерживается Э. Канетти. Он понимает насилие как один из наиболее острых моментов власти, как нечто непосредственное и наглядное. «С насилием связано представление о чем-то близком и теперешнем. В нем больше принуждения, и оно более непосредственно, чем власть» [1]. Насилие становится властью, если в его распоряжении оказывается достаточно времени, однако при обострении ситуации, когда требуется принять решение, она вновь превращается в чистое насилие.

Мы полагаем, что разобраться в указанной дилемме нам поможет постановка вопроса о цели функционирования власти. Функционирует ли власть ради самой себя или же она предполагает благополучие подвластных ей. Если верно первое, то насилие вполне совместимо с такой властью и даже иногда необходимо для нее, так как сопротивление ей неизбежно, а значит неизбежно и насилие. Если второе – то в этом случае понятие «насилие» приобретает неоднозначный смысл. Так, при условии, когда оно будет применяться в интересах самой власти, такая власть перестанет соответствовать своему назначению, а значит и перестанет быть властью вообще. Если же насилие будет использоваться как вынужденная мера ради блага подвластных, например, для сохранения их безопасности и свободы, то противоречия между властвованием и насилием не возникнет.

Литература и источники

1. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/kanetti_elias/massa_i_vlast.html – Дата доступа: 11.04.2017.
2. Кожев, А. Понятие власти / А. Кожев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/neogegeljanstvo/kozhev_aleksandr_ponjatie_vlasti/83-1-0-2624. – Дата доступа: 11.04.2017.
3. Луман, Н. Власть / Н. Луман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksgid.com/humanities/1849-niklas-luman-vlast.html>. – Дата доступа: 11.04.2017.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Н. ШУЛЬГА

Современные философы, изучающие многообразные стороны проявления социальной жизни людей, выделяют две большие, относительно самостоятельные группы социологических теорий: *структурные* или макросоциологические теории и парадигмы, в центре внимания которых общество, условия его организации и структурной целостности; и интерпретирующие, или микро-социологические теории и концепции, которые изучают человека, природу

его поведения и действия. Особенность этого направления исследований состоит в нацеленности на понимание условий успешного взаимодействия людей как внутри определенной группы и сообщества, так и на уровне межкультурного взаимодействия. Причем появление все новых аспектов изучения социального поведения человека, наряду с выходом на фундаментальный уровень познания природы человека стимулирует появление таких новых концепций, которые способны составить исследовательскую базу для философского обоснования рациональной коммуникации. Предполагается, что социальная коммуникация рациональна, если она осуществляется по рациональным правилам. Поэтому особо остро встает проблема рациональности, ее критериев и типологии, ситуативности ее видов – изучение этого аспекта коммуникации связано с выходом в сферу эпистемологии и методологии познания.

Важно подчеркнуть, что эпистемологическая оценка рациональности влечет за собой конкретизацию ее ценностно-нормативных составляющих. Это значит, что, с одной стороны, рациональное поведение людей определяют нормы, принимаемые определенной культурной средой и традицией, а с другой – оно регламентируется идеалами общечеловеческого, гуманистического характера. Такое «согласование» знания, норм и идеалов становится возможным и даже определяющим условием успешной коммуникации, осуществляемой «по правилам», в том числе на уровне межкультурного взаимодействия. Кроме того, основанием успешной коммуникации является внутреннее приятие человеком того факта, что каждый участник интеракции осознает эпистемологические границы, в которых коммуникация становится возможной.

Наряду с эпистемологическим аспектом изучения, другое направление в исследовании социальной коммуникации связано с проблемой формирования смыслов и значений, сопровождающих коммуникативный акт, что предполагает интерпретацию как интеллектуальную деятельность, основанную на знании ситуации и понимании смысла того контекста, который обсуждают стороны. При этом участники интеракции интерпретируют, соотносят позиции и согласуют точки зрения, достигая взаимопонимания.

К числу известных нам теорий и концепций интерпретационного направления в изучении различных аспектов социальной коммуникации относятся: концепция социального действия, символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, герменевтика. Так, сторонники концепции социального действия сходятся во мнении, что поведение людей можно понять и интерпретировать, раскрывая тот смысл и то значение, которое сами люди ему придают. Такова, в частности, позиция Макса Вебера, который полагал, что главная задача социологической науки состоит в изучении социальных действий и их интерпретации с целью понимания. Кроме того, социальная коммуникация призвана показать, как люди (с помощью коммуникативных приемов и методов) воспроизводят социальный мир, демонстрируя понимание значения тех или иных проявлений социальной жизни. Еще дальше идет Никлас

Луман: он и сближает понятия «коммуникативность» и «социальность» и разводит их. У него, любые совместные социальные действия есть коммуникация. Коммуникация – это процесс атрибутирования, приписывания, конструирования действия, но самим действием не является.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17–23–01010.

ФЕНОМЕН ЧАЙЛДФРИ КАК ПОРОЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Л. И. ЩЕРБИЧ, С. В. ЩЕРБИЧ

Общество потребления можно рассматривать не только в экономическом аспекте, но и в социальном, культурном, психологическом и др. Важнейшим компонентом общества потребления является морально-нравственный, поскольку идеология данного общества ориентирует как на материально-вещные блага, так и на удобные для человека моральные принципы и нормы жизни.

Среди актуальных проблем общества потребления следует назвать выбор модели репродуктивного поведения, в котором отражаются мировоззренческие установки, культура воспитания, духовность, нравственность, представления об экономическом благополучии семьи каждого супруга, а также личностные особенности, сформировавшиеся еще в досупружеский период жизни.

По данным социологов, в России около 20 % супружеских пар бездетны. Большинство из них бездетны из-за объективных причин и испытывают психологические и психические страдания. Однако около трети составляют супруги, не имеющие детей потому, что они твердо следуют идеологии «чайлдфри» («свободные от детей», добровольно бездетные, сознательно бездетные, не-родители, бездетные по выбору). Большая часть таких супружеских пар представляет молодежь в возрасте до 30 лет. Диапазон причин, которыми они объясняют отказ от рождения детей, чрезвычайно широк, среди них: дети – препятствие к профессиональной самореализации и карьере, дети – дорогое удовольствие, поскольку для их содержания и воспитания требуется много средств; они отнимают много времени, которое очень ценно. У чайлдфри всегда находится множество оправданий, включая нежелание испортить фигуру или не удовлетворить свои потребительские интересы. Установки на работу у чайлдфри имеют гендерные различия: женщины-чайлдфри не желают рожать детей ради возможности свободно работать, не оглядываясь на проблемы, связанные с ними. Мужчины-чайлдфри предпочитают не иметь детей ради свободы от излишней занятости работой, приводящей, по их мнению, к излишним затратам физических и душевных сил.

Наиболее отрицательно к выбору моделей репродуктивного поведения относятся лица с чайлдхейт-установками («childhate» – ненавидящий детей). Будучи детофобами, чайлдхейтеры придерживаются агрессивной формы поведения и проявляют ее демонстративно. Репродуктивные установки чайлдхейтеров зачастую сосредотачиваются на применении абортивно-контрацептивных средств, вплоть до стерилизации и т. п. Отношение к родительству у чайлдхейтеров – свидетельство незрелости личности и внутриличностного конфликта, выросшего из ненависти и презрения к своему детству, воспоминаниям о нем, своему внутреннему ребенку.

Идеология чайлдфри является опасной, так как ее дальнейшее распространение и укоренение грозит девальвацией потребности части молодежи в воспроизводстве потомства и ведет к углублению демографического кризиса в стране.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаева Махбуба Нуруллаевна, главный научный сотрудник Научного центра философии Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека; доктор философских наук, профессор (Узбекистан).

Аблажей Анатолий Михайлович, доцент кафедры социальной философии и политологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета; кандидат философских наук (Россия).

Абрамова Мария Алексеевна, заведующая отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН; доктор педагогических наук (Россия).

Абрахматова Гульнара Абрайкуловна, доцент кафедры истории и культуры Казахстана Алматинского университета энергетики и связи; кандидат философских наук (Казахстан).

Агеенкова Екатерина Кузьминична, доцент кафедры клинической и консультативной психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; кандидат психологических наук, доцент (Беларусь).

Адуло Тадеуш Иванович, заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Азизкулов Акрам Абдурахмонович, доцент кафедры философии Самаркандского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Узбекистан).

Айзенштадт Александр Львович, профессор кафедры общенаучных и гуманитарных дисциплин Гомельского филиала Международного университета «МИТСО»; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Акмаева Ольга Валерьевна, преподаватель Самарского государственного университета путей сообщения (Россия).

Алампиев Олег Анатольевич, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета; кандидат социологических наук (Беларусь).

Александров Владимир Леонидович, преподаватель кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Беларусь).

Алексеева Екатерина Александровна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института подготовки научных кадров НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Аленькова Юлия Васильевна, доцент кафедры философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова; кандидат культурологии, доцент (Беларусь).

Амери Сияхуи Мохаммад Амин Абдолхамид Ра, магистрант Одесского международного гуманитарного университета (Иран).

Анастасьев Алексей Геннадьевич, преподаватель Башкирского государственного университета (Россия).

Анжиганова Лариса Викторовна, профессор кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова; доктор философских наук, профессор (Россия).

Аникин Даниил Александрович, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Анохина Виктория Валентиновна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Андрюкайтене Регина, доцент Мариампольского колледжа; доктор философии (Литва).

Антипенко Леонид Григорьевич, старший научный сотрудник Института философии РАН; кандидат философских наук (Россия).

Анципович Николай Васильевич, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Аншукова Татьяна Борисовна, аспирант Бурятского государственного университета (Россия).

Афанасьева Вера Владимировна, профессор кафедры философии и методологии науки Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; доктор философских наук, профессор (Россия).

Афган Мохаммад Седик, президент Международного исследовательского центра по философии математики; доктор философии (Афганистан).

Ахмедова Тамилла Тофиковна, руководитель отдела гуманитарных программ представительства Фонда Гейдара Алиева в Российской Федерации; доктор философских наук (Азербайджан).

Бабосов Евгений Михайлович, председатель Президиума Белорусского философского общества; доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси (Беларусь).

Бабук Александр Вадимович, старший преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей Белорусского государственного университета; кандидат филологических наук (Беларусь).

Багаутдинов Айрат Маратович, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Бадмаев Валерий Николаевич, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова; доктор философских наук (Россия).

Базарова Саодат Джамаловна, профессор кафедры «Общая физика», декан энергомеханического факультета Навоийского государственного горного института; доктор педагогических наук, профессор (Узбекистан).

Байдаков Иван Александрович, инженер-программист Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси (Беларусь).

Байдаров Еркин Уланович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения имени Р. Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; кандидат философских наук, доцент (Казахстан).

Баксанский Олег Евгеньевич, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; доктор философских наук, профессор (Россия).

Балановский Валентин Валентинович, исполнительный директор Академии Кантиана Балтийского федерального университета имени И. Канта; кандидат философских наук (Россия).

Баньковская Юлия Леонидовна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета; кандидат философских наук (Беларусь).

Барабанова Наталия Ростиславовна, профессор кафедры журналистики Национального университета «Одесская юридическая академия»; кандидат педагогических наук, доцент (Украина).

Баразгова Евгения Станиславовна, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доктор философских наук, профессор (Россия).

Баранец Наталья Григорьевна, профессор кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Баранова Алла Саввична, доцент кафедры педагогики Минского государственного лингвистического университета; кандидат педагогических наук, доцент (Беларусь).

Баранова Анастасия Валентиновна, методист аспирантуры Академии последипломного образования (Беларусь).

Барковская Алла Викторовна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Барлыбаев Халиль Абубакирович, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор (Россия).

Барматова Светлана Петровна, профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доктор социологических наук, профессор (Россия).

Барсук Ирина Александровна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук (Беларусь).

Бархатков Антон Игоревич, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат философских наук (Беларусь).

Барышков Владимир Петрович, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; доктор философских наук, профессор (Россия).

Безлепкин Евгений Алексеевич, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Россия).

Бейлин Михаил Валерьевич, профессор кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры; доктор философских наук, доцент (Украина).

Бектенова Мадина Кенесарыевна, научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; доктор философии (Казахстан).

Беленкова Оксана Архиповна, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Белокрылова Вера Анатольевна, заведующая Центром управления знаниями и компетенциями Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Бельдид Оксана Вячеславовна, аспирант Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Украина).

Беляев Максим Александрович, доцент кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета; кандидат философских наук (Россия).

Беляева Елена Валериевна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Беляков Николай Станиславович, магистрант Башкирского государственного университета (Россия).

Берестов Игорь Владимирович, ассистент кафедры гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; кандидат философских наук (Россия).

Берков Владимир Федотович, профессор кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Беркова Ольга Владимировна, аспирант Республиканского института высшей школы (Беларусь).

Бернюковская Татьяна Владимировна, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Би Фужун, заведующий кафедрой «Основы марксизма», научный сотрудник Института философии Китайской академии общественных наук Китай).

Бивитт Томас Александр, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Россия).

Билалов Мустафа Исаевич, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Бирич Инна Алексеевна, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Бобко Аркадий Иванович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета культуры и искусств; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Бобков Игорь Михайлович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Бобр Александр Михайлович, заместитель декана факультета философии и социальных наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Богатая Лидия Николаевна, профессор кафедры культурологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; доктор философских наук, профессор (Украина).

Богатова Лариса Михайловна, профессор кафедры общей философии Казанского федерального университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Богаченко Валентина Викторовна, старший преподаватель кафедры философии и истории Украины Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова; кандидат философских наук (Украина).

Богданович Алексей Борисович, заведующий кафедрой гуманитарных наук Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Божанов Владимир Александрович, заведующий кафедрой «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета; доктор исторических наук, профессор (Беларусь).

Бойко Анжела Ивановна, заведующая кафедрой философских и политических наук Черкасского государственного технологического университета; доктор философских наук, профессор (Украина).

Бойко Владимир Анатольевич, доцент Института философии и права Сибирского отделения РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета; кандидат культурологии, доцент (Россия).

Бойко Игорь Михайлович, ведущий научный сотрудник Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси; доктор технических наук (Беларусь).

Бойко Сергей Иванович, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета; кандидат политических наук, доцент (Россия).

Бордак Станислава Николаевна, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Гомельского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Борецкая Виктория Казимировна, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Борисевич Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры культурологии Белорусского государственного университета (Беларусь).

Борисенко Ольга Андреевна, доцент кафедры философии Забайкальского государственного университета; кандидат философских наук (Россия).

Борисюк Татьяна Петровна, младший научный сотрудник Института литературоведения имени Я. Купалы НАН Беларуси (Беларусь).

Бородуля Алла Анатольевна, заведующая кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Бортник Игорь Александрович, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Ботезату Любовь Константиновна, доцент кафедры румынской филологии Комратского государственного университета; доктор педагогических наук, доцент (Молдова).

Ботиров Тулкин Вафокулович, доцент кафедры автоматизации и управления Навоийского государственного горного института; кандидат технических наук (Узбекистан).

Бочарова Елена Викторовна, старший научный сотрудник Института аграрных проблем РАН; кандидат социологических наук (Россия).

Бурак Петр Михайлович, заведующий кафедрой философии и права Белорусского государственного технологического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Бурсевич Виктория Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (Беларусь).

Бурьянов Сергей Анатольевич, доцент кафедры международного права и прав человека Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук (Россия).

Бутенко Сергей Викторович, преподаватель Волгоградского техникума водного транспорта имени адмирала флота Н. Д. Сергеева (Россия).

Бэдилян Марина, старший научный сотрудник Национального института экономических исследований имени К. Кирицеску Румынской академии; доктор экономических наук (Румыния).

Вайнхардт Йолита, доцент Университета Витовта Великого; доктор философии (Литва).

Вансович Ирина Эдуардовна, магистрант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Варини Гермес, научный сотрудник кафедры философии науки профессора Джулиано ди Бернардо Университета Тренто; доктор философии (Италия).

Васильева Ирина Львовна, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Василькова Валерия Валентиновна, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Васюков Владимир Леонидович, заведующий кафедрой истории и философии науки Института философии РАН; доктор философских наук (Россия).

Ватыль Виктор Николаевич, заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; доктор политических наук, профессор (Беларусь).

Великий Петр Панфилович, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН; доктор философских наук, профессор (Россия).

Верёвкин Андрей Борисович, доцент кафедры прикладной математики Ульяновского государственного университета; кандидат физико-математических наук, доцент (Россия).

Веренич Мария Ивановна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (Беларусь).

Верещако Алексей Иванович, аспирант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Вержибок Галина Владиславовна, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета; кандидат психологических наук, доцент (Беларусь).

Веряскина Валентина Петровна, старший научный сотрудник Института философии РАН; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Виксне Роберт, преподаватель факультета социальных наук Латвийского университета (Латвия).

Вишневский Михаил Иванович, заведующий кафедрой философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Владимиров Александр Анатольевич, профессор кафедры философии и социально-правовых наук Волжского государственного университета водного транспорта; доктор философских наук, профессор (Россия).

Водопьянов Павел Александрович, профессор кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета; доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси (Беларусь).

Возмитель Ирина Георгиевна, старший преподаватель кафедры экономической информатики Белорусского государственного университета (Беларусь).

Вознякевич Екатерина Евгеньевна, доцент кафедры философии и социальных наук Обнинского института атомной энергетики Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»; кандидат философских наук (Россия).

Воленьский Ян, профессор Университета информационных технологий и менеджмента; доктор философских наук, профессор (Польша).

Волнистая Ксения Сергеевна, магистрант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Волнистая Марина Георгиевна, заведующая кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы; кандидат социологических наук, доцент (Беларусь).

Вольф Марина Николаевна, директор Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор кафедры гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Воробьева Светлана Викторовна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Воронкова Валентина Григорьевна, заведующая кафедрой менеджмента организаций и управления проектами Запорожской государственной инженерной академии; доктор философских наук, профессор (Украина).

Ворошухо Любовь Олеговна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института пограничной службы Республики Беларусь; кандидат философских наук (Беларусь).

Гавриков Андрей Валерьевич, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (Беларусь).

Гаврилова Юлия Викторовна, доцент кафедры философии Забайкальского государственного университета; кандидат философских наук (Россия).

Газнюк Лидия Михайловна, заведующая кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры; доктор философских наук, профессор (Украина).

Ганчев Петко, председатель Геополитического центра «Евразия», профессор Международной высшей школы бизнеса; доктор философских наук, профессор (Болгария).

Гареева Элеонора Юнировна, студент Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия).

Гафарова Юлия Юрьевна, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Гаффарова Гулчехра Гуламжановна, ведущий научный сотрудник Научного центра философии Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека; кандидат философских наук, доцент (Узбекистан).

Гезалов Ариз Авяз оглы, заместитель вице-президента Российского философского общества по международным делам; доктор философии (Азербайджан).

Гекисс Раймонд, аспирант Латвийского университета (Латвия).

Герасимов Олег Викторович, доцент кафедры «Философия» Самарского государственного технического университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Гигин Вадим Францевич, декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Глазырина Лариса Дмитриевна, профессор кафедры общей и дошкольной педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; доктор педагогических наук, профессор (Беларусь).

Гойхман Оскар Яковлевич, заведующий кафедрой сервиса и бизнес-коммуникаций Российского нового университета; доктор педагогических наук, профессор (Россия).

Головко Никита Владимирович, профессор кафедры гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Голуб Ольга Юрьевна, заведующая кафедрой социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; доктор социологических наук, профессор (Россия).

Голубев Иван Сергеевич, студент Белорусского государственного университета (Беларусь).

Голубев Сергей Викторович, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; доктор философских наук, доцент (Беларусь).

Гонгало Елена Францевна, преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Беларусь).

Гончаренко Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры философии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова; доктор философии (Украина).

Гончарова Любовь Марковна, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; кандидат филологических наук, доцент (Россия).

Гончарова Наталья Ивановна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Одесского государственного университета внутренних дел; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Гончарова Ольга Евгеньевна, доцент кафедры автомобильного транспорта Одесского национального политехнического университета; кандидат технических наук, доцент (Украина).

Горбатюк Марина Валерьевна, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Молдова).

Горбачев Алексей Евгеньевич, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (Россия).

Гордиенко Алексей Аркадьевич, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; доктор философских наук (Россия).

Горохова Людмила Викторовна, доцент кафедры философии Житомирского государственного университета имени И. Франко; кандидат философских наук (Украина).

Горьков Игорь Александрович, ассистент кафедры философии Балтийского федерального университета имени И. Канта (Россия).

Гребень Наталия Федоровна, старший преподаватель кафедры психологии образования Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (Беларусь).

Грибанов Николай Иванович, заведующий кафедрой «Философия и история науки» Самарского государственного университета путей сообщения; доктор философских наук, профессор (Россия).

Гриневич Егор Анатольевич, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат педагогических наук, доцент (Беларусь).

Гусева Нина Васильевна, руководитель Международного центра методологических исследований и инновационных программ при Восточном отделении Казахстанского философского конгресса; доктор философских наук (Казахстан).

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, научный руководитель Института философии РАН; доктор философских наук, профессор, академик РАН (Россия).

Гуськова Светлана Владимировна, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; кандидат филологических наук, доцент (Россия).

Давлатова Елена Валентиновна, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Давыдик Ольга Игоревна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Данилевич Сергей Александрович, старший преподаватель кафедры философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Беларусь).

Данилов Александр Николаевич, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета; доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси (Беларусь).

Деделко Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Беларусь).

Дедюлина Марина Анатольевна, доцент кафедры философии Южного федерального университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Демидова Мария Александровна, студент Витебского государственного технологического университета.

Демиров Виталий Викторович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Денисенко Ирина Дмитриевна, декан факультета психологии и социологии Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды; доктор философских наук, профессор (Украина).

Денисенко Оксана Александровна, преподаватель кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук.

Дерюгин Александр Алефтинович, магистрант Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (Беларусь).

Дидикин Антон Борисович, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; кандидат юридических наук (Россия).

Дик Пётр Францевич, профессор кафедры социальных наук и менеджмента Костанайского инженерно-экономического университета имени М. Дулатова; кандидат философских наук, доцент (Казахстан).

Дмитренко Нина Андреевна, директор лингвистического центра, профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики; кандидат педагогических наук, доцент (Россия).

Дмитриева Нина Анатольевна, научный директор Академии Кантиана, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта, профессор Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Добrorодный Данила Григорьевич, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Довыденко Лидия Владимировна, доцент кафедры экономических наук Калининградского института экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики; кандидат философских наук (Россия).

Дождикова Раиса Нуриевна, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Донникова Ирина Анатольевна, профессор кафедры философии Национального университета «Одесская морская академия»; доктор философских наук, доцент (Украина).

Донцев Сергей Павлович, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета; кандидат политических наук (Россия).

Дорошевич Энгельс Константинович, профессор кафедры этнологии и фольклора Белорусского государственного университета культуры и искусств; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Дубравина Александра Михайловна, аспирант Гродненского государственного университета имени Я. Купалы (Беларусь).

Дудинская Виктория Александровна, заведующая сектором информирования пользователей Национальной библиотеки Беларуси (Беларусь).

Дудинская Дина Иосиф-Тадеушевна, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси; кандидат филологических наук (Беларусь).

Дудко Елена Андреевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Дудчик Андрей Юрьевич, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук (Беларусь).

Дыдышко Иосиф Иосифович, директор Одесского колледжа транспортных технологий; кандидат философских наук (Украина).

Дьяконова Лариса Геннадьевна, магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия).

Еворовский Валерий Борисович, заведующий Центром историко-философских и компаративных исследований Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Екадумов Андрей Иванович, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Екадумова Ирина Ивановна, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета; кандидат политических наук, доцент (Беларусь).

Елхова Оксана Игоревна, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Ерохина Елена Анатольевна, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления; доктор философских наук, доцент (Россия).

Еськевич Константин Романович, старший преподаватель кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Беларусь).

Жданов Ренад Ибрагимович, главный научный сотрудник Института перспективных исследований при Московском педагогическом государственном университете; доктор химических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (Россия).

Ждановский Александр Павлович, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Жирар Эдуар, аспирант, лектор Университета Париж I Пантеон–Сорбонна (Франция).

Жмакина Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры иноязычной коммуникации Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Беларусь).

Жук Виктор Степанович, заместитель директора Института политических и юридических наук Академии наук Молдовы; доктор юридических наук, профессор (Молдова).

Жук Екатерина Ивановна, аспирант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Жукова Наталия Анатольевна, заведующая отделом этнокультурологии и культурной антропологии Института культурологии Национальной академии искусств Украины; доктор культурологии, доцент (Украина).

Жукова Светлана Петровна, старший преподаватель кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (Беларусь).

Жукоцкая Зинаида Романовна, профессор кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин ЧУО «БИП – Институт правоведения»; доктор культурологии, профессор (Беларусь).

Журавлёв Валерий Александрович, доцент кафедры экономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат экономических наук, доцент (Беларусь).

Завадский Михаил Борисович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Заец Ольга Николаевна, доцент кафедры философии Украинского государственного химико-технологического университета; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Зазулина Мария Рудольфовна, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; кандидат философских наук (Россия).

Зайковская Татьяна Владимировна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Зайцев Дмитрий Михайлович, профессор кафедры гуманитарных наук Белорусской государственной академии связи; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Заславская Мария Игоревна, профессор кафедры прикладной социологии Ереванского государственного университета; доктор социологических наук, профессор (Армения).

Захарова Елена Юрьевна, заведующая кафедрой философии Забайкальского государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Захарова Наталия Евгеньевна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Зеленков Анатолий Изотович, заведующий кафедрой философии и методологии науки Белорусского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Зеленов Лев Александрович, профессор кафедры философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Золотых Елена Борисовна, администратор Российского философского общества; кандидат геолого-минералогических наук (Россия).

Ивлева Владлена Игоревна, аспирант Башкирского государственного университета (Россия).

Игнатов Владимир Константинович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Иззетова Эмине Мустафаевна, и. о. профессора Ташкентского государственного института востоковедения; доктор философских наук, доцент (Узбекистан).

Иликчиева Екатерина Ивановна, доцент кафедры криминального права и процесса Киевского национального экономического университета имени В. Гетьмана; кандидат юридических наук (Украина).

Ильин Алексей Алексеевич, старший преподаватель кафедры логики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия).

Ильин Михаил Васильевич, доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кандидат технических наук, доцент (Беларусь).

Ильина Елена Михайловна, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета; кандидат политических наук, доцент (Беларусь).

Ильюшенко Надежда Сергеевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Иноземцев Владислав Леонидович, директор Центра исследований постиндустриального общества; доктор экономических наук, профессор (Россия).

Иняшкин Станислав Геннадьевич, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; кандидат филологических наук, доцент (Брест).

Исмаилов Виляят Исмаил оглы, директор Колледжа пищевой промышленности, профессор Университета Одлар Юрду; доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор (Азербайджан).

Истомина Ольга Борисовна, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Кабелка Гинтарас, научный сотрудник Отдела истории философии Института исследований культуры Литвы; доктор философии (Литва).

Кавецкий Святослав Тихонович, заведующий социологической учебно-методической лабораторией, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Кадеева Оксана Евгеньевна, стажер кафедры философии Московского педагогического государственного университета (Россия).

Калачева Ирина Ивановна, профессор кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета; доктор исторических наук, доцент (Беларусь).

Каленчук Элеонора Николаевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета (Беларусь).

Калинин Эдуард Юрьевич, старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии Национального исследовательского университета «МЭИ» (Россия).

Калмыков Владимир Николаевич, профессор кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Канделинский Сергей Львович, старший научный сотрудник Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси (Беларусь).

Каравкин Валерий Иосифович, доцент кафедры педагогики, психологии и частных методик Витебского областного института развития образования; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Карако Петр Семенович, профессор кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Каранфилова Елена Владимировна, доцент кафедры философии, психологии, политологии и права Одесской государственной академии строительства и архитектуры; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Карасевич Антон Олегович, аспирант Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Карпец Любовь Анатольевна, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Харьковской государственной академии физической культуры; доктор философских наук, доцент (Украина).

Карпиевич Виктор Александрович, доцент кафедры гуманитарных наук Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Касперович Галина Ивановна, доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Качеев Денис Анатольевич, доцент кафедры философии Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова; кандидат философских наук (Казахстан).

Кикель Павел Васильевич, профессор кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Кирвель Чеслав Станиславович, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Кириченко Елена Геннадьевна, заведующая кафедрой философии, истории и политологии Белорусского государственного университета транспорта; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Кирпич Сергей Васильевич, доцент кафедры инновационного менеджмента Белорусского государственного университета; кандидат технических наук, доцент (Беларусь).

Киселева Марина Сергеевна, главный научный сотрудник Института философии РАН; доктор философских наук, профессор (Россия).

Кисель Наталья Константиновна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Кленов Семен Иванович, студент Белорусской государственной академии искусств (Беларусь).

Клименко Валерий Адамович, консультант Исполнительного комитета СНГ; доктор социологических наук, профессор (Беларусь).

Кнэрт Наталья Петровна, доцент кафедры философии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Князев Виктор Николаевич, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Ковалевич Мария Степановна, доцент кафедры педагогики Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат педагогических наук, доцент (Беларусь).

Кожевникова Магдалена, научный сотрудник Института философии РАН; кандидат философских наук (Россия).

Кожемякина Оксана Николаевна, доцент кафедры философских и политических наук Черкасского государственного технологического университета; кандидат философских наук (Украина).

Козинцева Татьяна Александровна, доцент кафедры философии Сумского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Козлова Оксана Николаевна, директор, заведующая кафедрой философии культуры Щецинского университета; доктор социологических наук, профессор (Польша).

Козловец Николай Адамович, заведующий кафедрой философии Житомирского государственного университета имени И. Франко; доктор философских наук, профессор (Украина).

Колдыбаев Сафар Абдугалиевич, профессор кафедры философии Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова; доктор философских наук, профессор (Казахстан).

Колесников Андрей Витальевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Колесникова Галина Ивановна, профессор Таганрогского института управления и экономики; доктор философских наук, профессор (Россия).

Колесниченко Юлия Викторовна, заведующая кафедрой философии Института деловых коммуникаций, г. Москва; кандидат философских наук (Россия).

Колик Алексей Валентинович, старший преподаватель кафедры технологий коммуникации Белорусского государственного университета (Беларусь).

Колинько Марина Вадимовна, докторант кафедры философии Донецкого национального университета имени В. Стуса; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Колчигин Сергей Юрьевич, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; доктор философских наук, профессор (Казахстан).

Колядко Илья Николаевич, аспирант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Комаровская Анастасия Сергеевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Кондакова Наталья Сергеевна, доцент кафедры философии Забайкальского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Кондратюк Любовь Романовна, доцент кафедры философии и экономической теории Тернопольского национального педагогического университета имени В. Гнатюка; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Кондрашова Виктория Олеговна, заместитель декана факультета профессионального развития специалистов образования Академии последипломного образования (Беларусь).

Коневец Светлана Николаевна, доцент кафедры социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; кандидат филологических наук, доцент (Россия).

Коноваленко Наталья Васильевна, доцент кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Кононова Анна Владимировна, доцент кафедры рисунка, живописи, скульптуры Белорусской государственной академии искусств; кандидат искусствоведения (Беларусь).

Кораблёва Валерия Николаевна, приглашенный исследователь Карлова Университета, г. Прага; доктор философских наук, доцент (Украина).

Королёв Андрей Дмитриевич, старший научный сотрудник Института философии РАН, главный ученый секретарь Российского философского общества; кандидат философских наук (Россия).

Король Андрей Дмитриевич, ректор Белорусского государственного университета; доктор педагогических наук, профессор (Беларусь).

Корытнікова Надежда Владимировна, доцент кафедры методов социологических исследований, доцент кафедры медиакоммуникаций Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; кандидат социологических наук, доцент (Украина).

Костенич Владимир Анатольевич, доцент кафедры философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Костригин Артем Андреевич, аспирант Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского, преподаватель кафедры психологии Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технология. Дизайн. Искусство), старший научный сотрудник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына (Россия).

Костюкевич Светлана Викторовна, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси; кандидат социологических наук (Беларусь).

Кофанов Кирилл Игоревич, студент Белорусского государственного университета (Беларусь).

Кравченко Виктория Владимировна, профессор Московского авиационного института; доктор философских наук, профессор (Россия).

Криволап Алексей Дмитриевич, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета; кандидат культурологии, доцент (Беларусь).

Крусь Павел Павлович, заведующий кафедрой философии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Крымец Людмила Владимировна, ведущий научный сотрудник кафедры общественных наук Национального университета обороны Украины имени И. Черняховского; доктор философских наук, старший научный сотрудник (Украина).

Кудрякова Инесса Олеговна, научный сотрудник Института философии РАН (Россия).

Кудряшев Александр Федорович, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Кузина Елена Борисовна, доцент кафедры логики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Кузнецов Анатолий Владимирович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Кузнецов Виталий Владимирович, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (Беларусь).

Куиш Александр Леонтьевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Кулик Святослав Павлович, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Кунец Екатерина Владимировна, студент ЧУО «БИП – Институт правоведения» (Беларусь).

Купчинова Татьяна Владимировна, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета; кандидат социологических наук, доцент (Беларусь).

Курбачёва Ольга Владиславовна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук (Беларусь).

Курохтина Софья Руслановна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (Россия).

Лазаревич Анатолий Аркадьевич, директор Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Лазаревич Наталья Александровна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета; доктор философских наук (Россия).

Лань Гоцяо, профессор факультета литературы и медиа Линнаньского педагогического университета; доктор философии, профессор (Китай).

Лапина Светлана Валентиновна, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь; доктор социологических наук, профессор (Беларусь).

Лаптёнок Александр Сергеевич, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Латышева Виктория Александровна, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета; кандидат исторических наук (Беларусь).

Ле Торривеллек Ксавье, атташе по университетскому сотрудничеству Посольства Французской Республики в Республике Беларусь, со-директор Франко-белорусского центра европейских исследований; доктор исторических наук (Франция).

Лебедев Сергей Викторович, заведующий кафедрой философии Высшей школы народных искусств (института); доктор философских наук, профессор (Россия).

Лебедева Галина Николаевна, доцент кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Лебедева Елена Николаевна, доцент кафедры «Экономическая теория и маркетинг» Витебского государственного технологического университета; кандидат экономических наук, доцент (Беларусь).

Левко Анатолий Игнатьевич, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор социологических наук, профессор (Беларусь).

Левко Ольга Александровна, методист Центра творчества детей и молодежи Минского района (Беларусь).

Легчилин Анатолий Александрович, заведующий кафедрой философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Лемец Илья Юрьевич, магистрант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Лешкевич Татьяна Геннадьевна, профессор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Лещинская Ирина Ивановна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Лисанюк Елена Николаевна, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук (Россия).

Лисеев Игорь Константинович, институт философии РАН; доктор философских наук, профессор (Россия).

Лисовский Петр Николаевич, доцент кафедры международных отношений и международной информации Межрегиональной академии управления персоналом; доктор философских наук, доцент (Украина).

Литвякова Кира Вячеславовна, магистрант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Лойко Александр Иванович, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Лойко Лариса Егоровна, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Лойко Ольга Тимофеевна, профессор кафедры истории и философии науки и техники Национального исследовательского Томского политехнического университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Лопата-Загорский Александр Николаевич, научный сотрудник Института литературоведения имени Я. Купалы НАН Беларуси (Беларусь).

Лопатик Татьяна Андреевна, заведующий кафедрой педагогики и менеджмента образования Академии последиplomного образования; доктор педагогических наук, профессор (Беларусь).

Лосик Георгий Васильевич, главный научный сотрудник Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси; доктор психологических наук, профессор (Беларусь).

Лукашевич Владимир Константинович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Лукманова Раушания Хусаиновна, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Лученкова Елена Степановна, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Лю Синьяо, профессор факультета права и политики Линнаньского педагогического университета; доктор философии, профессор (Китай).

Лян Иминь, профессор факультета права и политики Линнаньского педагогического университета; доктор философии, профессор (Китай).

Ляшев Константин Константинович, президент Украинского гуманитарного фонда; доктор философии (Украина).

Майборода Дмитрий Владимирович, доцент кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Макаревич Галина Андреевна, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Белорусско-Российского университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Максимович Валерий Александрович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор филологических наук, профессор (Беларусь).

Малахов Данила Владимирович, доцент кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат философских наук (Беларусь).

Малинецкий Георгий Геннадьевич, заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН; доктор физико-математических наук, профессор (Россия).

Малмыгин Артём Сергеевич, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (Беларусь).

Малыхина Галина Ивановна, заведующая кафедрой философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Мальченко Владимир Викторович, соискатель Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского (Украина).

Мамедзаде Ильхам Рамиз оглы, директор Института философии НАН Азербайджана; доктор философских наук, профессор (Азербайджан).

Мамедов Агамали Куламович, заведующий кафедрой социологии и коммуникативных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; доктор социологических наук, профессор (Россия).

Мамыкин Игорь Петрович, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Марсеев Сергей Николаевич, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Московской международной высшей школы бизнеса; доктор философских наук профессор (Россия).

Марсеева Елена Валентиновна, профессор кафедры социально-философских наук Московского государственного института культуры; доктор философских наук профессор (Россия).

Марков Сергей Михайлович, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Мартынов Михаил Юрьевич, докторант Института языкознания РАН; кандидат философских наук (Россия).

Марчук Михаил Георгиевич, профессор кафедры философии Черновицкого национального университета имени Ю. Федьковича; доктор философских наук, профессор (Украина).

Маслов Юрий Всеволодович, доцент кафедры иностранных языков Военной академии Республики Беларусь; кандидат педагогических наук (Беларусь).

Маслова Анастасия Владиленовна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Московского государственного лингвистического университета; кандидат философских наук (Россия).

Масько Сергей Геннадьевич, доцент кафедры философии и гуманитарных проблем образования Минского городского института развития образования; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Матусевич Ольга Александровна, доцент кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета; кандидат исторических наук (Беларусь).

Матюшкова Тамара Ивановна, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Махмудова Гули Тилабовна, главный научный сотрудник Научного центра философии Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека; доктор философских наук, профессор (Узбекистан).

Машкина Ольга Анатольевна, и. о. начальника управления академическими вопросами Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, доцент кафедры образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; кандидат педагогических наук, доцент (Россия).

Машницкий Игорь Вадимович, магистрант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Мдивани Татьяна Герасимовна, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы НАН Беларуси; доктор искусствоведения, профессор (Беларусь).

Медведев Борис Абрамович, доцент кафедры общей физики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; кандидат физико-математических наук (Россия).

Медведев Николай Владимирович, заведующий кафедрой философии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; доктор философских наук, профессор (Россия).

Медведок Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (Беларусь).

Мелик-Гайказян Ирина Вигеновна, заведующая кафедрой истории и философии науки Томского государственного педагогического университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Мелкумян Юлиана Гагиковна, доцент кафедры социальной работы и социальных технологий Ереванского государственного университета; кандидат социологических наук (Армения).

Мельник Владимир Андреевич, профессор кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь; доктор политических наук, профессор (Беларусь).

Мельник Ольга Александровна, заведующая аспирантурой Академии последипломного образования (Беларусь).

Мельников Адам Петрович, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Мельников Альберт Андреевич, магистрант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Мельничук Виктория Викторовна, старший преподаватель кафедры общественных наук Житомирского национального агроэкологического университета; кандидат философских наук (Украина).

Мизякина Светлана Николаевна, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Микк Елена Юрьевна, преподаватель кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы.

Миницкий Николай Иосифович, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; доктор исторических наук, профессор (Беларусь).

Мирзазаде Лилия Фридуновна, ведущий научный сотрудник Института кавказоведения НАН Азербайджана; доктор философии, доцент (Азербайджан).

Миськевич Владимир Иосифович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат философских наук (Беларусь).

Михайловский Вадим Сергеевич, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета; кандидат политических наук (Беларусь).

Михеева Ирина Борисовна, эксперт ООО «Brillant Partner Sp.z o.o.»; кандидат философских наук, доцент (Польша).

Мицкевич Анастасия Ивановна, преподаватель Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Беларусь).

Мишаткина Татьяна Викторовна, профессор кафедры философии, социологии и экономики Международного государственного экологического института имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Мишук Сергей Сергеевич, доцент кафедры философии, социологии и экономики Международного государственного экологического института имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Мищенко Валерий Иванович, профессор кафедры философии Московского технологического университета; кандидат философских наук, профессор (Россия).

Можейко Марина Александровна, заведующая кафедрой философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Морару Виктор Степанович, координатор Отделения социальных и экономических наук Академии наук Молдовы; доктор политических наук, профессор (Молдова).

Мореханова Марина Юрьевна, заведующая лабораторией Института аграрных проблем РАН; кандидат социологических наук (Россия).

Морозов Максим Юрьевич, аспирант Московского педагогического государственного университета (Россия).

Мушинский Николай Иосифович, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Мядель Александр Павлович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Мякчило Степан Антонович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Мясоедов Александр Михайлович, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (Беларусь).

Надыбская Оксана Ярославовна, заведующая кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Одесского государственного университета внутренних дел; доктор философских наук, профессор (Украина).

Назаров Александр Александрович, инженер-программист Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси (Беларусь).

Наливайко Инна Михайловна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук (Беларусь).

Науменко Олег Александрович, и. о. доцента кафедры философии и логики Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека; кандидат философских наук (Узбекистан).

Наумов Дмитрий Иванович, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета; кандидат социологических наук, доцент (Беларусь).

Наумова Елена Георгиевна, начальник учебно-методического отдела Института подготовки научных кадров НАН Беларуси (Беларусь).

Нафикова Алиса Ильдаровна, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Невелёв Михаил Юрьевич, адвокат Адвокатской палаты Московской области, аспирант Московского государственного института культуры (Россия).

Нестеров Александр Юрьевич, заведующий кафедрой философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева; доктор философских наук, доцент (Россия).

Нестерова Марья Александровна, заведующая лабораторией социальных измерений когнитивистики Научно-исследовательского центра когнитивистики Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова; доктор философских наук (Украина).

Нестерович Юрий Владимирович, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси; кандидат исторических наук (Беларусь).

Нестерук Алексей Всеволодович, старший научный сотрудник Университета Портсмута; кандидат физико-математических наук (Великобритания).

Нечаева Ирина Владимировна, старший научный сотрудник Института аграрных проблем РАН; кандидат социологических наук (Россия).

Никитенко Виталина Александровна, доцент кафедры иностранных языков и лингвистических коммуникаций Запорожской государственной инженерной академии; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Никитенко Элина Константиновна, студент Херсонского государственного университета (Украина).

Никитина Ирина Юрьевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Никитина Юлия Федоровна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Никулина Юлия Владимировна, доцент кафедры государственного строительства и управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Новиков Владимир Тимофеевич, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Новиков Денис Сергеевич, ассистент кафедры общей гигиены и экологии Волгоградского государственного медицинского университета (Россия).

Новиков Сергей Геннадьевич, профессор кафедры педагогики Волгоградского государственного социально-педагогического университета; доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, доцент (Россия).

Новикова Ольга Владимировна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Олейник Инесса Витальевна, сотрудник кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Беларусь).

Онуфрийчук Роман Васильевич, ассистент кафедры философии Черновицкого национального университета имени Ю. Федьковича; кандидат философских наук (Украина).

Орлов Сергей Владимирович, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; доктор философских наук, профессор (Россия).

Осинский Иван Иосифович, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Ошакбаева Жазира Бейбитовна, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; кандидат философских наук (Казахстан).

Павлов Валерий Лукьянович, доцент кафедры философии Национального университета пищевых технологий; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Павлова Алевтина Тимофеевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Павловская Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Павлюкевич Вадим Иосифович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Палицын Василий Александрович, профессор кафедры экономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат экономических наук, доцент (Беларусь).

Парфенюк Ксения Александровна, студент Белорусского государственного экономического университета (Беларусь).

Перепелица Елена Васильевна, доцент кафедры экономического и финансового права ЧУО «БИП – Институт правоведения»; кандидат юридических наук (Беларусь).

Перов Вадим Юрьевич, заведующий кафедрой этики Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Петров Владимир Валерьевич, доцент кафедры гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; кандидат философских наук (Россия).

Петрунин Владимир Владимирович, доцент кафедры религиоведения и теологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Петрушак Валентин Львович, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; кандидат философских наук (Беларусь).

Печенко Михаил Федорович, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств; кандидат философских наук (Беларусь).

Подгайская Людмила Ивановна, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета; кандидат социологических наук, доцент (Беларусь).

Подкопаев Владимир Викторович, начальник Управления международного сотрудничества аппарата НАН Беларуси; кандидат политических наук, доцент (Беларусь).

Подолинская Елена Олеговна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Подпорин Игорь Геннадьевич, доцент кафедры бизнес-коммуникаций Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Поздьева Светлана Михайловна, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Позняков Валерий Владимирович, профессор кафедры молодежной политики и социокультурных коммуникаций Республиканского института высшей школы; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Покровская Светлана Евгеньевна, доцент кафедры психологии образования Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; кандидат психологических наук, доцент (Беларусь).

Полянский Дмитрий Викторович, доцент кафедры философии Балтийского федерального университета имени И. Канта; кандидат философских наук (Россия).

Попков Юрий Владимирович, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Попова Варвара Сергеевна, доцент кафедры философии Балтийского федерального университета имени И. Канта; кандидат философских наук (Россия).

Попова Ольга Ивановна, доцент кафедры управления персоналом Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кандидат социологических наук, доцент (Россия).

Працкевич Татьяна Анатольевна, аспирант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Пронин Михаил Анатольевич, старший научный сотрудник, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» Института философии РАН; кандидат медицинских наук (Россия).

Прохода Владимир Анатольевич, старший научный сотрудник кафедры философии образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; кандидат социологических наук (Россия).

Прохоров Михаил Михайлович, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Пружинин Борис Исаевич, главный редактор журнала «Вопросы философии»; доктор философских наук, профессор (Россия).

Пунченко Наталья Олеговна, доцент кафедры компьютерных и информационно-измерительных технологий Одесской государственной академии технического регулирования и качества; кандидат технических наук (Украина).

Пунченко Олег Петрович, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова; доктор философских наук, профессор (Украина).

Пшеницына Лидия Александровна, преподаватель Минского городского педагогического колледжа (Беларусь).

Рагуля Алексей Владимирович, профессор кафедры этнологии и фольклора Белорусского государственного университета культуры и искусств; кандидат филологических наук (Беларусь).

Радевич Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Беларусь).

Радкевич Марианна Иосифовна, методист Центра методического обеспечения учебно-воспитательного процесса в высшей школе Республиканского института высшей школы (Беларусь).

Расулев Эркин Хасанович, доцент кафедры философии Ташкентского финансового института; кандидат философских наук, доцент (Узбекистан).

Ратникова Ирина Михайловна, преподаватель кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Беларусь).

Рогожа Мария Михайловна, профессор кафедры этики, эстетики и культурологии Киевского национального университета имени Т. Шевченко; доктор философских наук, профессор (Украина).

Розумович Олеся Андреевна, доцент кафедры философии и экономической теории Тернопольского национального педагогического университета имени В. Гнатюка; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Романенко Любовь Евдокимовна, профессор кафедры управления и экономики образования Минского городского института развития образования; кандидат педагогических наук, доцент (Беларусь).

Романов Олег Александрович, профессор кафедры философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; доктор философских наук, доцент (Беларусь).

Роса Рышард, профессор Естественно-гуманитарного университета; хабилитированный доктор, профессор (Польша).

Рубанов Анатолий Владимирович, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; доктор социологических наук, профессор (Беларусь).

Руденко Ольга Анатольевна, аспирант Белорусского государственного университета (Беларусь).

Рудко Елена Антоновна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Рузимуродов Сирож Мадатович, преподаватель кафедры философии Самаркандского государственного университета (Узбекистан).

Румянцева Татьяна Герардовна, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Русанду Иван Константинович, старший научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; доктор философии, доцент (Молдова).

Русу Лилиана, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Молдова).

Рыбка Дина Петровна, главный специалист Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований; кандидат философских наук (Беларусь).

Рыбка Наталия Николаевна, доцент кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Савелова Ирина Борисовна, старший преподаватель кафедры педагогики Минского городского института развития образования (Беларусь).

Савельева Марина Юрьевна, профессор Центра гуманитарного образования НАН Украины; доктор философских наук, профессор (Украина).

Савенко Александр Юрьевич, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Савина Светлана Григорьевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Савинцев Вячеслав Игоревич, доцент кафедры философии Балтийского федерального университета имени И. Канта; кандидат философских наук (Россия).

Савченко Владимир Кириллович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси (Беларусь).

Сагдуллаева Дилбар, доцент кафедры гуманитарных наук Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада аль-Хорезми; кандидат философских наук, доцент (Узбекистан).

Сагикызы Аяжан, заведующая Отделом философии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; доктор философских наук, доцент (Казахстан).

Сайганова Вероника Святославовна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Саковский Евгений Петрович, аспирант Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Салеев Вадим Алексеевич, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела Белорусской государственной академии искусств; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Салеева Марианна Вячеславовна, доцент кафедры романского языкознания Белорусского государственного университета; кандидат философских наук (Беларусь).

Самсонов Всеволод Владимирович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; кандидат философских наук (Россия).

Санфирова Ольга Владиславовна, доцент кафедры экономической теории Томского государственного педагогического университета; кандидат педагогических наук, доцент (Россия).

Санько Сергей Иванович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Сарна Александр Янисович, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Сартаева Раушан Султановна, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; кандидат философских наук (Казахстан).

Севальников Андрей Юрьевич, заведующий сектором философских проблем естествознания Института философии РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Северин Алексей Викторович, старший преподаватель кафедры психологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (Беларусь).

Севостьянова Надежда Григорьевна, доцент кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Сейтахметова Наталья Львовна, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Республики Казахстан (Казахстан).

Семенова Юлия Анатольевна, декан факультета физического воспитания и здоровья человека Харьковской государственной академии физической культуры; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Семерник Снежана Здиславовна, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Семьянов Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Беларусь).

Сеницкая Людмила Викторовна, профессор кафедры социально-философских наук Московского государственного института культуры; кандидат химических наук, доцент (Россия).

Сергеева Елена Викторовна, доцент кафедры социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; кандидат политических наук, доцент (Россия).

Сидоренко Ирина Николаевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Сидорцов Владимир Никифорович, профессор кафедры источниковедения Белорусского государственного университета; доктор исторических наук, профессор (Беларусь).

Симанов Александр Леонидович, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, главный редактор журнала «Философия науки»; доктор философских наук, профессор (Россия).

Симу Мона, аспирант Исследовательского института качества жизни Румынской академии (Румыния).

Сергеев Всеволод Николаевич, доцент кафедры гуманитарных наук Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Сиренко Светлана Николаевна, доцент кафедры педагогики и проблем развития образования Белорусского государственного университета; кандидат педагогических наук (Беларусь).

Сироткина Людмила Сергеевна, доцент кафедры философии Балтийского федерального университета имени И. Канта; кандидат философских наук (Россия).

Скрещцова Катерина Викторовна, ученый секретарь Национального научного центра медико-биотехнических проблем НАН Украины (Украина).

Скурлягин Андрей Александрович, научный сотрудник Института прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН; кандидат технических наук (Россия).

Слемнёв Михаил Александрович, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Слюсарев Владимир Владимирович, аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Россия).

Смирнов Андрей Вадимович, директор Института философии РАН; доктор философских наук, профессор, академик РАН (Россия).

Смирнов Николай Алексеевич, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Смирнова Тамара Михайловна, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; доктор исторических наук, профессор (Россия).

Смоликова Татьяна Михайловна, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кандидат культурологии (Беларусь).

Смоляков Дмитрий Анатольевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Снежкова Ирина Анатольевна, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; кандидат исторических наук (Россия).

Соколова Анастасия Андреевна, курсант Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь (Беларусь).

Соколова Анастасия Сергеевна, соискатель Башкирского государственного университета (Россия).

Соколова Галина Николаевна, заведующая отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Соколова Светлана Николаевна, профессор кафедры управления защитой от чрезвычайных ситуаций Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь; доктор философских наук (Беларусь).

Соколовская Ирина Эдуардовна, заведующая кафедрой психологических и педагогических наук Международного независимого эколого-политологического университета, докторант Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; доктор психологических наук (Россия).

Сокольчик Валерия Николаевна, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Белорусской медицинской академии последиplomного образования; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Соловей Алеся Петровна, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (Беларусь).

Соловей Юлия Васильевна, ассистент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь).

Соловьева Любовь Сергеевна, старший преподаватель кафедры философии Волгоградского государственного университета; кандидат философских наук (Россия).

Соловьева Светлана Владимировна, проректор Самарского государственного института культуры; доктор философских наук, доцент (Россия).

Солодухо Натан Моисеевич, заведующий кафедрой философии Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева; доктор философских наук, профессор (Россия).

Солодухо Максим Натанович, старший преподаватель кафедры философии Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева (Россия).

Солодухо Маргарита Натановна, старший преподаватель кафедры философии Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева; кандидат философских наук (Россия).

Сонгаль Мария Анатольевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; кандидат философских наук (Беларусь).

Сороко Эдуард Максимович, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, доцент (Беларусь).

Соснин Александр Васильевич, профессор кафедры открытых образовательных систем и информационно-коммуникационных технологий Университета менеджмента образования Национальной академии педагогических наук Украины; доктор политических наук, профессор (Украина).

Сосновский Леонид Адамович, директор ООО «НПО Трибофатика»; доктор технических наук, профессор (Беларусь).

Спасков Александр Николаевич, заведующий Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Спектор Анна Артуровна, редактор ООО «Интеджер» (Беларусь).

Спирина Марина Юрьевна, проректор по научной работе Межрегионального института экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС; кандидат исторических наук (Россия).

Стамова Рахат Дуйшембуевна, ведущий научный сотрудник Института философии и политико-правовых проблем НАН Кыргызской Республики; доктор философских наук, профессор (Кыргызстан).

Станеску Симона Мария, старший научный сотрудник Исследовательского института качества жизни Румынской академии; доктор философии (Румыния).

Старжинский Валерий Павлович, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Старикова Оксана Михайловна, заведующая кафедрой философии и гуманитарных проблем образования Минского городского института развития образования; кандидат педагогических наук, доцент (Беларусь).

Старостенко Виктор Владимирович, проректор по научной работе Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Степаненко Наталья Ананьевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Стёпин Вячеслав Семёнович, почетный директор Института философии РАН, Президент Российского философского общества; доктор философских наук, профессор, академик РАН (Россия).

Столетов Анатолий Игоревич, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Столяров Дмитрий Владимирович, аспирант Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Сторожук Анна Юрьевна, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; доктор философских наук (Россия).

Стрельцов Алексей Михайлович, ректор Богословской семинарии Централизованной религиозной организации Сибирская евангелическо-лютеранская церковь (Россия).

Стризов Александр Леонидович, заведующий кафедрой социологии Волгоградского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Субботина Надежда Дмитриевна, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Сулайман Рафик, профессор университета Мардина Артуклу; доктор философии, профессор (Турция).

Сулейков Андрей Александрович, студент Белорусского государственного университета (Беларусь).

Султанова Линера Байраковна, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Сунь Янь, заместитель декана факультета русского языка Хэйлунцзянского института иностранных языков; доцент (Китай).

Сухарев Дмитрий Викторович, аспирант Забайкальского государственного университета (Россия).

Сыздыкова Жибек Сапарбековна, заведующая кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; доктор исторических наук, профессор (Россия).

Сыкало Александр Иванович, доцент кафедры общей и клинической психологии Белорусского государственного университета; кандидат медицинских наук, доцент (Беларусь).

Таранова Елена Сергеевна, аспирант Белорусского государственного университета транспорта (Беларусь).

Тарасов Борис Николаевич, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института имени А. М. Горького; доктор филологических наук, профессор (Россия).

Таркан Иван Иванович, доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Твердынин Николай Михайлович, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета; доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор (Россия).

Телебаев Газиз Турысбекович, ведущий научный сотрудник Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан; доктор философских наук, профессор (Казахстан).

Тереня Светлана Леонидовна, ассистент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь).

Терехович Владислав Эрикович, старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат философских наук (Россия).

Терещенко Мария Сергеевна, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (Беларусь).

Терещенко Ольга Викентовна, профессор кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета; кандидат социологических наук (Беларусь).

Тимохин Александр Михайлович, доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Тимченко Виталий Николаевич, преподаватель Киевского института банковского дела; кандидат философских наук (Украина).

Тиркашева Мукаддас Бахромовна, доцент кафедры «Экологическая безопасность автотранспорта» Джизакского политехнического института; кандидат биологических наук, доцент (Узбекистан).

Титаренко Лариса Григорьевна, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; доктор социологических наук, профессор (Беларусь).

Титов Андрей Валентинович, доцент кафедры «Менеджмент качества» Российского университета транспорта; кандидат технических наук, доцент (Россия).

Титовец Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка; кандидат педагогических наук, доцент (Беларусь).

Тихомирова Елена Александровна, доцент кафедры русского языка Белорусского государственного университета; кандидат филологических наук, доцент (Беларусь).

Тихонова Валерия Александровна, заведующая кафедрой социально-философских наук Московского государственного института культуры; доктор философских наук, профессор (Россия).

Тищенко Павел Дмитриевич, главный научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН; доктор философских наук (Россия).

Ткаченко Александр Анатольевич, доцент кафедры философии имени В. Г. Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени И. Франко; кандидат философских наук, доцент (Украина).

Ткаченко Вадим Викторович, заведующий лабораторией компьютерной графики Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси; кандидат технических наук (Беларусь).

Тогузова Людмила Изатбековна, доцент кафедры философии Московского технологического университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Токтаров Ермек Бауржанович, научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; доктор философии (Казахстан).

Тонков Евгений Никандрович, преподаватель Института правовых исследований, адвокатуры и медиации; кандидат юридических наук (Россия).

Трофимович Дмитрий Николаевич, старший преподаватель кафедры философии и политологии ЧУО «БИП – Институт правоведения» (Беларусь).

Тузова Тамара Михайловна, заведующая кафедрой философии и политологии ЧУО «БИП – Институт правоведения»; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Тукаева Роза Абдулхаевна, доцент кафедры этики, культурологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета; кандидат философских наук (Россия).

Туленова Карима Жандаровна, заведующая кафедрой общественно-экономических наук Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами; доктор философских наук, профессор (Узбекистан).

Тулубеков Асыл Серикович, докторант Университет Йювяскюля, ассистент-профессор Международного университета информационных технологий; кандидат философских наук (Казахстан).

Туркина Оксана Анатольевна, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей Белорусского государственного университета (Беларусь).

Тюгашев Евгений Александрович, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Урсул Аркадий Дмитриевич, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета, профессор кафедры глобалистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; доктор философских наук, профессор, академик АН Молдовы (Россия).

Урсул Татьяна Альбертовна, заведующая кафедрой философии Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»; доктор философских наук, профессор (Россия).

Усмонов Фаррух Насирдинович, старший преподаватель кафедры «Гуманитарных и социальных наук» Самаркандского филиала Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада аль-Хорезми Узбекистан).

Усовская Элина Аркадьевна, заведующая кафедрой культурологии Белорусского государственного университета; кандидат культурологии, доцент (Беларусь).

Уоский Владимир Николаевич, профессор кафедры экономических наук Минского государственного лингвистического университета; доктор экономических наук, профессор (Беларусь).

Успенский Кирилл Олегович, старший преподаватель кафедры музыкально-педагогического образования Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (Беларусь).

Уткевич Владимир Анатольевич, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Уткевич Ольга Ивановна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета; кандидат филологических наук, доцент (Беларусь).

Фалько Владимир Иванович, доцент Мытищинского филиала Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Федоренко Владимир Леонидович, магистрант Донецкой академии управления и государственной службы (Украина).

Фомина Марина Николаевна, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Хабибуллина Зияя Наилевна, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета; доктор философских наук, доцент (Россия).

Хаблова Елизавета Сергеевна, лаборант-исследователь Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Хайдар Гузель Маратовна, аспирант Башкирского государственного университета (Россия).

Ханжи Владимир Борисович, заведующий кафедрой философии и биоэтики Одесского национального медицинского университета; доктор философских наук, доцент (Украина).

Хаялеева Аделя Камилевна, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия).

Хоменко Ирина Викторовна, заведующая кафедрой логики Киевского национального университета имени Т. Шевченко; доктор философских наук, профессор (Украина).

Хомич Елена Викторовна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Хохлова Марина Геннадьевна, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН; кандидат исторических наук (Россия).

Христофорова Ольга Витальевна, директор социологических программ Украинского гуманитарного фонда; кандидат социологических наук (Украина).

Худжиев Содик Олтиевич, проректор по научной работе Навоийского государственного педагогического института; кандидат биологических наук, доцент (Узбекистан).

Хусяинов Тимур Маратович, аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Россия).

Хутыз Заурбеч Асланбиевич, профессор кафедры информационной безопасности и прикладной информатики Майкопского государственного технологического университета; доктор экономических наук, профессор (Россия).

Цацарин Вячеслав Владимирович, старший преподаватель кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь).

Цепкало Валерий Вильямович, кандидат юридических наук (Беларусь).

Цибизова Лилия Александровна, доцент кафедры истории и философии Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Цмыг Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Цуй Вэйхан, заместитель директора Института философии Китайской академии общественных наук; доктор философии, профессор (Китай).

Цыра Александра Васильевна, преподаватель кафедры сетей связи Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова; кандидат философских наук (Украина).

Чащин Николай Алексеевич, директор Национального научного центра медико-биотехнических проблем НАН Украины; кандидат биологических наук, профессор (Украина).

Червинская Ирина Александровна, научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси (Беларусь).

Червинский Александр Сергеевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук (Беларусь).

Черникова Ирина Васильевна, заведующая кафедрой философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета; доктор философских наук (Россия).

Чернова Яна Сергеевна, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; кандидат философских наук (Россия).

Черновицкая Юлия Вячеславовна, научный сотрудник Института философии РАН; кандидат философских наук (Россия).

Черняев Анатолий Владимирович, заместитель директора Института философии РАН по научной работе; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Черняк Дмитрий Львович, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Чешев Владислав Васильевич, профессор кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета; доктор философских наук профессор (Россия).

Чжоу Дань, научный сотрудник Института философии Китайской академии общественных наук; доктор философии (Китай).

Чушов Виктор Иванович, заведующий кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Чумак Светлана Петровна, старший научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; доктор экономики, доцент (Молдова).

Чумаков Александр Николаевич, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор Московского государственного университета имени

М. В. Ломоносова, Первый вице-президент Российского философского общества; доктор философских наук, профессор (Россия).

Чэнь Юэхань, профессор Линнаньского педагогического университета; доктор философии (Китай).

Шаладонов Игорь Михайлович, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси; кандидат филологических наук (Беларусь).

Шаладонова Жанна Сергеевна, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси; кандидат филологических наук (Беларусь).

Шаповал Владимир Николаевич, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел; доктор философских наук, профессор (Украина).

Шаповал Надежда Владимировна, аспирант Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина).

Шашкова Людмила Алексеевна, заведующая кафедрой теоретической и практической философии Киевского национального университета имени Т. Шевченко; доктор философских наук, профессор (Украина).

Шевченко Александр Анатольевич, профессор кафедры логики и методологии науки Новосибирского национального исследовательского государственного университета; доктор философских наук (Россия).

Шендик Татьяна Александровна, начальник отдела организационно-кадровой работы Республиканского совета РОО «Белая Русь» (Беларусь).

Шергенг Наталия Алексеевна, профессор Башкирского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Россия).

Шершнёва Ольга Александровна, преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Беларусь).

Широканов Дмитрий Иванович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси (Беларусь).

Шкор Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры экономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; доктор философии (Беларусь).

Шохов Александр Сергеевич, соискатель Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Украина).

Шпилькин Юрий Иванович, доцент кафедры социальных дисциплин Южно-Казахстанского государственного педагогического института; кандидат философских наук, доцент (Казахстан).

Штайер Агнешка, аспирант Католического университета Люблина (Польша).

Шульга Елена Николаевна, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; доктор философских наук (Россия).

Шуман Андрей Николаевич, заведующий кафедрой философии и когнитивистики Высшей школы информатики и управления в Жешуве; кандидат философских наук, доцент (Польша).

Шумский Константин Анатольевич, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии авиации; кандидат исторических наук, доцент (Беларусь).

Шухно Евгений Валерьевич, младший научный сотрудник, аспирант Института социологии НАН Беларуси (Беларусь).

Щедрина Татьяна Геннадьевна, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, редактор журнала «Вопросы философии»; доктор философских наук, профессор (Россия).

Щёкин Николай Сергеевич, руководитель Центра политической и экономической социологии Института социологии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

Щербаков Сергей Сергеевич, Заместитель Председателя Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь; доктор физико-математических наук, профессор (Беларусь).

Щербин Вячеслав Константинович, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; кандидат филологических наук (Беларусь).

Щербич Людмила Ивановна, редактор «Военно-медицинского журнала», директор АНО «Многопрофильный научный просветительско-консультативный центр “Прагматика”»; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Щербич Сергей Владимирович, редактор «Военно-медицинского журнала» (Россия).

Шукин Александр Валерьевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат юридических наук (Беларусь).

Эйнгорн Нонна Константиновна, доцент департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; кандидат философских наук, доцент (Россия).

Эркабоева Нигора, декан педагогического факультета Кокандского государственного педагогического института; доктор педагогических наук (Узбекистан).

Юдкин-Рипун Игорь Николаевич, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М. Т. Рылского НАН Украины; доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной академии искусств Украины (Украина).

Юлдашева Фарида Хужамкуловна, заведующая кафедрой «Социальные науки» Андижанского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (Узбекистан).

Юстинская Гюльнара Мансуровна, начальник управления дистанционных образовательных услуг Национального института образования (Беларусь).

Яковлев Никита Николаевич, аспирант Забайкальского государственного университета (Россия).

Ян Хунюань, научный сотрудник Института философии Китайской академии общественных наук; доктор философии (Китай).

Яскевич Ядвига Станиславовна, заведующая кафедрой социальной коммуникации Белорусского государственного университета; доктор философских наук, профессор (Беларусь).

Ясна Илами Николаевна, аспирант Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины (Украина).

Яхно Валентина Николаевна, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого; кандидат философских наук, доцент (Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.....	3
Раздел 1	
Философское знание в науке и культуре: традиции, парадигмы, горизонты развития	
1.1. Философская традиция и культура Беларуси в контексте глобальных процессов ...	6
<i>Е. М. Бабосов.</i> Человек и Солнце – два неразрывных полюса в универсуме Франциска Скорины.....	6
<i>І. М. Бабкоў.</i> Гісторыя беларускай думкі: вынаходніцтва, інтэрпрэтацыя, канструяванне канону	7
<i>А. С. Баранова.</i> Взаимовлияние философских взглядов русских и белорусских просветителей.....	8
<i>А. И. Бархатков.</i> Соломон Маймон и неокантианство.....	9
<i>І. А. Бортнік.</i> Канцэпцыя дзяржаўна-палітычнага ўладкавання ў творах Андрэя Волана.....	10
<i>Р. Н. Дождикова.</i> Белорусские просветители о проблеме единения и дружбы народов....	11
<i>А. Ю. Дудчик.</i> Процессы трансфера зарубежных идей в белорусской философии второй половины XX века.....	13
<i>В. К. Игнатов.</i> Философская мысль Беларуси в XVII веке.....	14
<i>Г. И. Касперович.</i> Проблема культурной самоидентификации в белорусской философской традиции.....	15
<i>М. С. Киселева.</i> Симеон Полоцкий: интеллектуальная традиция Запада и книжная культура русского барокко.....	16
<i>А. А. Лазаревич.</i> Национальная философия: белорусский контекст	17
<i>О. Т. Лойко.</i> Память как икона: Кирилл Туровский.....	19
<i>А. А. Лягчылін.</i> Нацыя і яе філасофія.....	20
<i>В. А. Максимович.</i> Экзистенциально-онтологический дискурс в художественном сознании XX века	21
<i>В. И. Миськевич, Г. И. Малыхина.</i> Философия как ценность национального самосознания	22
<i>А. А. Падалінская.</i> Інтэлектуальныя феномены эпохі Рэнесансу ў Беларусі.....	23
<i>К. А. Парфенюк.</i> Постаці філосафаў у беларускіх школьных падручніках 1920–1960-х гадоў... ..	24
<i>А. У. Рагуля.</i> Дыялектыка філасофскага пошуку. Да выхаду ў свет збору твораў М. Крукоўскага.....	25
<i>В. А. Салееў.</i> Эсэтэтыка на Беларусі X–XIX стст.: стагоддзі, імёны, ідэі	26
<i>Я. П. Сакоўскі.</i> Філасофскія аспекты станаўлення ідэалогіі народніцтва ў Беларусі.....	28
<i>С. І. Санько.</i> Этнафіласофія і нацыянальная філасофія: сустрэча непазбежная.....	30
<i>Agnieszka Sztajer.</i> Sakrat Janovic: internal and external aspects of Janovic’s philosophy of identity.....	31
<i>Т. Г. Щедрина.</i> Владимир Ивановский как методолог гуманитарной науки (минский период).....	32

<i>А. В. Шукин. Философско-правовая мысль Беларуси в постсоветский период</i>	33
<i>Т. П. Барысюк. Нацыянальная паэтычная філасофія ў творчасці сучасных беларускіх і рускіх аўтараў (Р. Барадулін, А. Разанаў, А. Кушнер, Г. Айгі)</i>	34
<i>А. В. Кононова. Белорусская станковая живопись конца XX – начала XXI века: светосность и анония</i>	34
<i>А. М. Лапата-Загорскі. Філасофія як элемент пісьменніцкай палітры Івана Навуменкі</i> ...	35
<i>Ж. С. Шаладонова. Феномен «іншага» ў мастацка-культурным дыялогу</i>	36
<i>І. М. Шаладонаў. Экзістэнцыяльны вобраз партызана ў аповесцях беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя</i>	37
1.2. Философия: национальное и общечеловеческое	39
<i>Амери Сяяхуи Мохаммад Амин Абдолхамид Ра. Время-цикл в учении Платона</i>	39
<i>А. А. Азизкулов, С. М. Рузимуродов. Философское наследие Ибн Сины в трактовке зарубежных ученых</i>	40
<i>В. В. Балановский. Философские основания аналитической психологии К. Г. Юнга: русские интеллектуальные связи, влияние, критика</i>	41
<i>В. А. Бойко. Актуальность Ницше</i>	42
<i>В. К. Борецкая. Персоналистические тенденции в философии религии С. Здыбикой</i>	44
<i>Е. В. Борисевич. Традиция особого отношения к интерпретации внешней формы языкового знака в еврейской культуре</i>	45
<i>Hermes Varini. The Overhuman as an Actual Dialectical Reality and its Evidence in the Myth</i>	46
<i>Петко Ганчев. Национальная философия как выражение духа национальной культуры</i> ...	47
<i>Н. В. Гусева. Развитие философии в цивилизационном пространстве как проблема</i>	48
<i>Н. А. Дмитриева. О национальном и универсальном в философии в эпоху глобализации</i>	49
<i>Edouard Girard. L'Ellipse de l'Histoire: N. A. Berdiaev et L. I. Chestov Face à la Révolution</i> ...	50
<i>Н. С. Ильюшенко. Женский голос в истории философии Средних веков</i>	51
<i>Gintaras Kabelka. Historiography of Philosophy as the Philosophical Discipline in Lithuania</i> ...	52
<i>Т. А. Козинцева. Идиоматичность национальной философии</i>	53
<i>С. А. Колдыбаев. Влияние субъективного аспекта глобализации на будущее национальной философии</i>	54
<i>А. А. Костригин. К истории российской неэкспериментальной психологии в первой половине XX века: «на Родине» и «в эмиграции»</i>	55
<i>А. Ф. Кудряшев, О. И. Елхова. Новизна в области философского знания</i>	56
<i>С. Р. Курохтина. Понятие трансгрессии в философии Ж. Батая и М. Бланшо</i>	58
<i>Г. Н. Лебедева, С. В. Лебедев. Национальная философия в постнациональном мире</i>	59
<i>Xavier Le Torrivellec. La Philosophie Française dans un «Nouveau Monde»</i>	60
<i>И. Р. Мамедзаде. Об актуальности философии</i>	60
<i>Г. Т. Махмудова. Личность Заратуштры: миф или реальность</i>	61
<i>В. С. Михайловский. Деконструкция ценностных оснований марксистской мысли: от «раннего» марксизма до «позднего» неомарксизма</i>	62
<i>М. А. Можейко. Трансформации субъективности в культуре XX–XXI вв. и философия пост-постмодернизма: новейшие тенденции</i>	63
<i>О. А. Науменко. Философия и философование: национальное и общечеловеческое</i>	64
<i>Ж. Б. Ошакбаева. История формирования и развития казахской философии</i>	65
<i>М. Ф. Печенко. Философия как ценность национальной культуры</i>	66
<i>В. В. Позняков. Исследовательские программы философии: предметная форма культуры</i>	67
<i>В. С. Попова. Актуальность логико-методологического опыта Н. О. Лосского</i>	69
<i>Ю. В. Попков, А. Е. Тюгаев. Учение о философских менталитетах Питирима Сорокина</i>	70
<i>Т. Г. Румянцева. Классическая и неклассическая философия в их отношении к традиции</i>	71

<i>В. И. Савинцев.</i> Тема времени в «конкретном идеализме» С. Н. Трубецкого.....	72
<i>М. В. Салеева.</i> Актуальность философско-эстетической доктрины Б. Кроче в современном мире	73
<i>Н. Г. Севостьянова.</i> Философия русского зарубежья в контексте мировой интеллектуальной культуры.....	74
<i>Н. Л. Сейтахметова, М. К. Бектенова.</i> Национальная философия как маркер культурной идентичности.....	76
<i>Л. С. Соловьёва.</i> «Свобода есть нерв философствования»	77
<i>М. А. Сонгаль.</i> Особенности становления и развития советской философии.....	78
<i>М. Ю. Спирина.</i> Традиционная культура и народная философия.....	79
<i>А. М. Стрельцов.</i> И. Г. Гаман и философская реабилитация Реформации в контексте Просвещения.....	81
<i>Г. Т. Телебаев.</i> Идея «вечного народа» в тюркской философской традиции	82
<i>А. С. Тулеубеков.</i> Study of Intellect in the Al-Farabi's cosmology	83
<i>Е. А. Тюгашев.</i> Философия как социокультурный феномен.....	84
<i>Е. С. Хаблова.</i> Классика и постмодерн: история философии у М. Фуко.....	85
<i>О. Б. Христофорова, К. К. Ляшев.</i> Традиции эмпирических исследований изобразительного искусства в Украине: взгляд на стыке философии и социологии искусства.....	86
<i>崔唯航 Цуй Вэйхан.</i> 当代中国哲学的现状、问题和使命. Состояние и задачи исследования философии в современном Китае	88
<i>Я. С. Чернова.</i> П. Рикер: герменевтика, перевод и межкультурный диалог.....	88
<i>А. В. Черняев.</i> К вопросу об универсализме русской философии	89
<i>杨洪源 Ян Хунюань.</i> 中国马克思主义文本学研究对马克思思想的新理解. Новое понимание творческого наследия К. Маркса в русле марксистской текстологии в Китае.....	90
1.3. Роль философского знания в динамике научной картины мира: трансдисциплинарный синтез	91
<i>М. Н. Абдуллаева, Г. Г. Гаффарова.</i> Философские проблемы обратной связи	91
<i>Е. А. Алексеева.</i> Философия как герменевтика бытия.....	92
<i>М. В. Анцытовіч.</i> Динаміка філософських і наукових стержатьпаў.....	93
<i>В. В. Афанасьева.</i> Постнеклассическая онтология: время, пространство, развитие.....	94
<i>Mohammad Seddiq Afghan.</i> Philosophical Mathematics as a New Science.....	95
<i>А. В. Барковская.</i> Постклассические перипетии «Prima Philosophia».....	96
<i>Е. А. Безлепкин.</i> Основания и способы унификации физических теорий.....	97
<i>Л. Н. Богатая.</i> Гуманитарная сложность – новый парадигмальный конструкт	98
<i>И. Л. Васильева.</i> Проектирование как ресурс инновационной методологии	99
<i>А. Б. Верёвкин.</i> Парадоксы бесконечности от древности до наших дней	100
<i>Е. Е. Вознякевич.</i> Трансдисциплинарность и феномен неявного знания	101
<i>А. Е. Горбачев.</i> Роль герменевтики в постнеклассической философии науки	103
<i>Э. К. Дарашэвіч.</i> Новая метафізіка	104
<i>Ю. В. Дедолко.</i> Эвристический потенциал синтеза социогуманитарных и естественных наук в рамках философского осмысления феномена социального капитала	104
<i>И. А. Донникова.</i> Самоорганизационный потенциал антропологической сложности	105
<i>Е. А. Дудко.</i> Квазиэмпирическая концепция математики И. Лакатоса	106
<i>В. Б. Еворовский.</i> Время постфилософии	108
<i>Н. А. Жукова.</i> Интерпретация проблем фундаментальной онтологии в современном искусстве (на материале романа К. Альвтеген «Стыд»)	109
<i>Е. Б. Золотых.</i> Уникальные объекты геологического знания в постнеклассической парадигме	110

Э. М. Иззетова. Междисциплинарные исследования: реалии, тенденции	111
А. О. Карасевич. Антропный принцип и теория деятельности.....	112
Д. А. Качеев. Философия в условиях кризиса гуманитарного знания: in spe	113
В. А. Костенич. Тотальная пограничность философской ментальности.....	114
А. Ф. Кудряшев. Онтологические предпосылки эволюционных концепций	116
В. К. Лукашевич. Модусы трансдисциплинарных исследований в праксеологическом измерении.....	117
Р. Х. Лукманова. От множественности истин к гармоничной многомерности истины.....	118
Г. Г. Малинецкий. Проектирование будущего. Философские основания и междисциплинарный вызов	119
И. П. Мамыкин. На пути к миксеологии	120
С. Н. Мареев. Проблема перехода от эмпирического к теоретическому в современной философии науки	121
Б. А. Медведев. Парадигма образов микро- и макромира в структуре сознания	122
Н. И. Милицкий. Архитектоника форм репрезентаций гуманитарного знания (когнитивно-инструментальные ресурсы).....	123
Ю. В. Нестерович. Концепт информации в ракурсе корреляции базисных схем онтологии и информологии	124
А. В. Нестерук. Экзистенциально-феноменологическая экспликация некоторых фундаментальных философских проблем в современной космологии	125
И. В. Олейник. Парадигмальная прививка и трансдисциплинарность в современной философии.....	126
Р. В. Онуфрийчик. Проблема структуры физической реальности в современной философии науки	127
А. Ю. Севальников. Квантовая механика: опытная метафизика?	128
А. Л. Симанов. Метафизика, математика, физика.....	129
А. А. Скурлягин. Апокалипсис в философском и естественнонаучном контексте	130
А. П. Соловей. Методология женских исследований («women's studies»).....	131
Н. М. Солодухо. Размерность философии небытия.....	132
Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков. Диалектический анализ и синтез в трибофатике и механотермодинамике.....	133
Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич. К построению теории эволюции неорганических и органических систем	134
А. А. Спектор. Современное состояние фундаментальной науки: трансдисциплинарный потенциал естествознания и философии	135
В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. Трансдисциплинарность как новация постнеклассической науки.....	136
Л. Б. Султанова. Неявное знание в современной общенаучной картине мира.....	137
С. Л. Тереня. Релятивизм в современном социогуманитарном познании: грани относительности.....	139
А. В. Титов. О логике развития математики и ее месте в научном познании.....	140
Т. М. Тузова. Специфика построения предметности в философии и социально-гуманитарных науках.....	141
А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. Темпоральный подход в научном исследовании	142
Д. Л. Черняк. Элементы феноменологически фундированной метафизики: к характеристике сущего как сообщества монад.....	143
Н. А. Шергенг. Классическая трансцендентальная традиция и перспективы ее развития	144
В. К. Щербин. Постановка предельных проблем как основа для синтеза конкретно-научных и философских знаний.....	145
И. Н. Юдкин-Рипун. Морфология культуры как эвристический метод интерпретации текстов	147

1.4. Актуальные философские программы изучения мышления и познавательной деятельности человека	148
<i>Л. Г. Антипенко.</i> К вопросу о формировании комплементарной логики	148
<i>А. I. Бабко.</i> Проблема ўзаемадачынненняў тэорыі і досведу ў кантэксте станаўлення навукі сучаснага тыпу	149
<i>Н. Г. Баранец.</i> Эвристический потенциал концепта «методологическое сознание».....	150
<i>О. В. Бельдий.</i> Религиоведческий аспект когнитивистской метадигмы познания цвета....	151
<i>М. А. Беляев.</i> Аргумент от молчания в дискуссиях о результатах мысленного эксперимента....	153
<i>Н. С. Беляков.</i> Иррациональное, нерациональное и рациональное в познании	154
<i>И. В. Берестов.</i> Разрешим ли парадокс Менона для Аристотеля?	155
<i>И. М. Бойко, А. В. Северин, Г. В. Лосик.</i> Гносеологическая роль перцептивного действия как «демона Максвелла»	156
<i>И. Э. Вансович.</i> Проблема индивидуальной идентичности в ракурсе исследовательской программы конструктивизма	157
<i>Jan Woleński.</i> How to define logic?	158
<i>М. Н. Вольф.</i> Античное учение о логосе как интертекстуальный аргумент	159
<i>С. В. Воробьёва.</i> Логико-когнитивный анализ языка как формы присутствия сознания в культуре.....	161
<i>Н. В. Головки.</i> Структурный реализм и модальность	162
<i>Е. С. Гончаренко.</i> Спекулятивные реалисты как PR-агенты и носители «тайного знания».....	163
<i>Yimin Liang.</i> «Foster Problem» of Davidson’s Program – In View of Davidson’s Plans for Solving the Problem	164
<i>А. А. Ильин.</i> Трактовка категорических высказываний с пустыми субъектами в различных системах силлогистики	164
<i>Э. Н. Каленчук.</i> Функции понимания	166
<i>С. Л. Канделинский.</i> Принцип экономии мышления Маха и искусственный интеллект ...	167
<i>Н. П. Кнэшт.</i> Проблема контингентности в теории познания, АСТ и новый реализм.....	168
<i>В. Н. Князев, О. Н. Кадеева.</i> Об эпистемологическом статусе концепта «пространство–время»	169
<i>А. В. Колесников.</i> Когнитивное компьютерное моделирование как метод философского познания	170
<i>С. Ю. Колчигин.</i> Человек чувствующий и его статус в гуманитарной науке	172
<i>Е. Б. Кузина.</i> Проблема понимания и скрытые смыслы речевого сообщения.....	173
<i>Lan Guo-Qiao.</i> Wang Kuo-Wei’s ontology of artistic conception and Kantian theory.....	174
<i>Т. К. Лешкевич.</i> Проникновение «в глубь сознания»: проблемы и инструменты.....	174
<i>Е. Н. Лисанюк.</i> Логические аспекты нормативных отношений в концепции Л. Петражицкого.....	175
<i>А. И. Лойко.</i> Когнитивная философия и философия техники	177
<i>Г. В. Лосик, А. А. Дерюгин, И. А. Байдаков.</i> Отличия в познании объектов техногенной и естественной природы.....	177
<i>Е. В. Мареева.</i> Проблема идеального: философская классика vs неклассическое философствование	179
<i>С. М. Марков.</i> Символический стиль логики Кэрролла: онтология парадоксов	180
<i>М. Г. Марчук.</i> Антропологические константы научного знания.....	181
<i>А. В. Маслова.</i> Научное познание в современном антропологическом пространстве	182
<i>И. В. Мелик-Гайказян.</i> Социокультурная вариативность восприятия времени как основание для моделирования процессов дивергенции и конвергенции	183
<i>М. Ю. Морозов.</i> Специфика философско-методологических принципов в синергетическом моделировании мыслительной деятельности	184
<i>М. А. Нестерова.</i> Трансдисциплинарные стратегии когнитивистики.....	185

<i>В. И. Павлюкевич.</i> Эпистемологическая ценность логической культуры мышления.....	186
<i>И. Г. Подпорин.</i> Эпистемологические предпосылки неавторитарного мышления.....	188
<i>М. М. Прохоров.</i> От антологии и гносеологии к онтогносеологии.....	189
<i>Н. М. Солодухо, М. Н. Солодухо.</i> Ситуационный подход в познании: единство ситуативности и системности.....	190
<i>А. Н. Спаськов.</i> Психологическое единство субстанциональной деятельности интеллектуальных субъектов.....	191
<i>А. Ю. Сторожук.</i> Теоретическая нагруженность наблюдений на этапе поиска единой теории.....	192
<i>А. С. Тулеубеков.</i> Онтическая и эгологическая пустота.....	193
<i>О. А. Туркина.</i> Тематический анализ и когнитивное картирование как методы эффективного анализа содержания текста.....	194
<i>В. А. Уткевич.</i> К вопросу о соотношении веры и разума в философии.....	196
<i>Г. М. Хайдар.</i> Информационная концепция сознания.....	197
<i>И. В. Хоменко.</i> Tiers of Argumentation.....	198
<i>В. Б. Ханжи.</i> Антропное время: этический контекст.....	199
<i>Chen Yuehan.</i> On Fodor's Language of Thought Hypothesis and Anti-learning Argument.....	200
<i>А. А. Шевченко.</i> Эпистемология и интеллектуальные добродетели.....	201
<i>Д. И. Широканов.</i> Диалектическая сущность философских категорий.....	202
<i>А. С. Шохов.</i> Роль коммуникации в наблюдении сложности.....	203
<i>Е. В. Шухно.</i> Ограничения психоаналитического метода при изучении художественного творчества.....	204
1.5. Научная и техническая рациональность в перспективе информационной цивилизации.....	206
<i>О. А. Аламтиев.</i> Интернет и социальная дифференциация.....	206
<i>Д. А. Аникин.</i> Социальная память в условиях сетевого общества.....	207
<i>А. М. Аблажей.</i> Неолиберальная трансформация постсоветской науки.....	208
<i>С. П. Барматова.</i> Человек и медиасреда: консенсус (не)возможен.....	209
<i>Т. А. Бигашиев.</i> Философский аспект внутренней динамики сетевых сообществ.....	210
<i>С. Н. Бордак.</i> Причины и мотивации обращения пользователей к сети Интернет.....	211
<i>В. В. Василькова.</i> Сетевая коммуникация: сеть как парадигмальная метафора «текущей современности».....	212
<i>В. Н. Ватиль.</i> Интернет-технологии в глобальном коммуникационном пространстве: политико-философские контексты и концепты.....	213
<i>А. И. Верещако.</i> Основные исследовательские стратегии в философии техники.....	215
<i>В. Г. Воронкова, А. В. Соснин.</i> Философские аспекты формирования информационно-коммуникационной парадигмы общества.....	216
<i>И. С. Голубев.</i> Роль философии в условиях информационного общества в Республике Беларусь.....	217
<i>М. А. Дедюлина.</i> Будущее философии в информационном обществе.....	218
<i>Д. Г. Добродородний.</i> Интернет как предмет философского осмысления: перспективы исследования.....	219
<i>О. И. Елхова.</i> Триединство виртуального мира.....	220
<i>Е. М. Ильина, М. В. Ильин.</i> Политика цифровой трансформации в условиях Industry 4.0.....	222
<i>О. Б. Истомина.</i> Современные дискурсивные практики: свойства и формы.....	223
<i>Э. Ю. Калинин.</i> Философско-методологический анализ специфики функционирования высших внутринаучных уровней регуляции и интеграции научного познания.....	224
<i>Е. Г. Кириченко.</i> Мифологизация сознания в условиях становления информационного общества.....	225

<i>Н. К. Кисель.</i> Постакадемический тренд в науке XXI века	226
<i>В. А. Клименко.</i> Наука и инновации как приоритетные направления взаимодействия государств – участников СНГ	228
<i>Л. В. Крымец.</i> Микрософия как новое направление философии в контексте виртуализации социальной реальности	229
<i>А. В. Кузнецов.</i> Феномен социальных и научных революций как сущностная характеристика техногенного общества	230
<i>Г. Г. Малинецкий, А. В. Колесников, С. Н. Сиренко.</i> Роботы, компьютеры, социальные сети как инструменты исследования человека	231
<i>В. И. Мищенко.</i> Система ценностей современного информационно-технологического общества	232
<i>С. С. Мишук.</i> Информационно-коммуникационное пространство как фактор трансформации языкового мышления	233
<i>А. Ю. Нестеров.</i> Техника как семиозис: концепция Ф. Дессауэра в контексте общей семиотики	234
<i>С. В. Орлов, Н. А. Дмитренко.</i> Концепция информационного общества и философия марксизма	235
<i>Е. В. Радевич.</i> Интернет и глобальное информационное пространство современности	236
<i>А. В. Рубанов.</i> Интернет и новые формы коммуникации	237
<i>Е. А. Рудко.</i> К вопросу о неоднозначности перспектив информационного общества	238
<i>Аяжан Сагикызы.</i> Научный гуманизм как мировоззрение	239
<i>В. С. Сайганова.</i> Парадигмальная трансформация норм научной рациональности в современной философии и методологии науки	240
<i>Р. С. Сартаева.</i> Феномен информации на современном этапе цивилизационного развития: конституирующие особенности и фундаментальная сущность	241
<i>Г. Н. Соколова.</i> Научная рациональность как ценность в формировании научно-технического прогресса	242
<i>Ю. В. Соловей.</i> Общество «копипаста»	243
<i>Р. Д. Стамова.</i> Глобализация и информационное общество	245
<i>И. И. Таркан.</i> Феномен медиа: философский дискурс	246
<i>Н. М. Твердынин.</i> Этапы внедрения информационных технологий как коррелятор развития современного общества	247
<i>А. В. Титов.</i> Методологические проблемы формального моделирования задач прогнозирования и управления развитием сложных систем	248
<i>В. В. Ткаченко, А. А. Назаров, И. В. Байдаков, С. И. Кленов.</i> Психология человека и философский аспект информационных технологий	249
<i>К. Ж. Туленова, Э. Х. Расулев.</i> Роль научной школы в подготовке кадров науки	250
<i>Ф. Н. Усмонов.</i> Рациональность и традиция в развитии науки	251
<i>А. В. Цыра.</i> Методологические новации в развитии постнеклассической рациональности	253
<i>И. В. Черникова.</i> Исторические типы научной рациональности и методологические трансформации	254
<i>В. В. Чешев.</i> Социальная среда, культура и технический прогресс	255
<i>Г. М. Юстинская.</i> От медиазнания к медиаторчеству: проблемы формирования социально активной медиасреды	256
<i>Я. С. Яскевич.</i> «Жизнь в сети» и коммуникационные барьеры сетевого человека в условиях виртуальной реальности	257
1.6. Проблемы государственного управления, права и политики в системе приоритетов философского знания	259
<i>毕芙蓉 Би Фужун.</i> 马克思主义政治哲学在中国的兴起. Возникновение марксистской политической философии в Китае	259

<i>В. А. Божанов.</i> Человек и его права: проблема реализации	259
<i>А. А. Бородуля.</i> Философия и законотворчество: перспективы развития	260
<i>А. В. Гавриков.</i> Политические партии Беларуси как социальный институт (причины слабости)	262
<i>А. Б. Дидикин.</i> Ценностные и нормативные суждения в философии права Ганса Кельзена	263
<i>Д. И.-Т. Дудинская.</i> Пространство демократии: утопия и формат тоталитарности.....	264
<i>А. П. Ждановский.</i> Сетевые сообщества и представительная демократия	265
<i>Т. В. Жмакина.</i> Диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции в аргументативном политическом дискурсе	266
<i>З. Р. Жукоцкая, Е. В. Кунец.</i> Правовая культура как предмет философской рефлексии	267
<i>Е. И. Иликчиева.</i> Морально-этические основы деятельности адвокатуры.....	268
<i>А. С. Комаровская.</i> Проблемное поле и основные категориальные структуры современной аналитической философии права	269
<i>Н. В. Коноваленко.</i> Философская проблема социальной справедливости в современном государственном управлении	271
<i>В. А. Мельник.</i> Исторические и правовые аспекты легитимации белорусской национально-государственной символики	272
<i>А. И. Мицкевич.</i> Политическая медиаметрия: новая прикладная дисциплина или метод исследования?	273
<i>Victor Moraru.</i> Resursele Democrației Participative	275
<i>Ю. В. Никулина.</i> Переосмысление места и роли государства в контексте философии нового государственного менеджмента	276
<i>В. Т. Новиков.</i> Хронополитика: философские основания и практические проекции в постсовременном мире	277
<i>В. Л. Павлов.</i> Диалектика достоинства и справедливости.....	278
<i>Е. В. Перепелица.</i> Методологические средства умножения (право)познания.....	279
<i>Д. П. Рыбка.</i> Ценностные ориентации как важнейшая составляющая в формировании кадрового потенциала управления	280
<i>М. Ю. Савельева.</i> Соотношение мифологического и рационального в понятии «достоинство».....	281
<i>Rafiq Sulaiman.</i> The Federalism – between Benefits and Disadvantages	282
<i>Е. Н. Тонков.</i> Философские аспекты социалистического правового реализма	283
<i>Д. Н. Трофимович.</i> Гносеологические аспекты разработки событийного анализа политических процессов.....	284
<i>В. Л. Федоренко.</i> Синергия элементов структуры и когерентность замкнутых систем государственного управления и местного самоуправления	286
<i>В. И. Чуешов.</i> Проблемное поле белорусской философии государственного управления	287
<i>Т. А. Шендик.</i> Стратегии взаимоотношения государства и общественно-политических организаций	288
<i>А. Н. Шуман.</i> О системе электронного адвоката.....	289

Раздел 2

ФИЛОСОФИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

2.1. Философия в публичном пространстве социума	292
<i>А. Л. Айзенштадт.</i> Проблема смысла жизни в современной философии	292
<i>А. М. Багаутдинов.</i> Амбивалентность духовности человека и общества	293
<i>Е. В. Беляева.</i> Конфликт и диалог моральных дискурсов в современной культуре.....	294
<i>П. П. Великий.</i> Роль парадоксов в восприятии и разрешении противоречий репродукции социальных процессов	295

<i>Г. В. Вержибок.</i> Феноменология рисков современного общества	296
<i>А. А. Владимиров, Л. А. Зеленов.</i> Мироззрение и мироосвоение: сравнительный анализ.....	298
<i>М. Г. Волнистая.</i> Методология системного подхода и бщая теория систем в социальном познании	299
<i>Jolita Vveinhardt, Regina Andriukaitiene.</i> Christian Culture in Lithuania: Do Moral's Ideological Grounding Really Lingered?.....	300
<i>О. В. Герасимов.</i> Амбивалентность исторической памяти и реинституциализация исторического знания	302
<i>В. Ф. Гигин.</i> Революция 1917 г. как объект изучения: методологические подходы	303
<i>А. А. Гусейнов.</i> На каком языке говорит философия?	304
<i>А. Н. Данилов.</i> К новому идеалу цивилизационного развития.....	307
<i>В. В. Демиров.</i> Социогуманитарные технологии в контексте развития национальной философии.....	309
<i>И. Д. Денисенко.</i> Процесс индивидуализации личности: содержание, структура, направления исследования.....	310
<i>П. Ф. Дик.</i> Потенциал терапеологии в гармонизации этнорелигиозного феномена	311
<i>Л. В. Довыденко.</i> Духовное оформление человечества как проблема постсовременности	312
<i>Л. Г. Дьяконова.</i> Роль этики и эстетики в мироззрении человека в контексте философии Аристотеля	314
<i>М. Б. Завадский.</i> Практическая философия: понятие, интерпретации, контексты	315
<i>А. И. Зеленков.</i> Философия как атрибут классического университета: социокультурные транскрипции опыта Белорусского государственного университета.....	316
<i>В. Л. Иноземцев.</i> Конфликт гуманитарного знания и социальных технологий в обществах XXI века	317
<i>В. И. Каравкин.</i> Отношение духовного к душевно-сердечному.....	319
<i>О. Н. Кожемякина.</i> Культура доверия как ценностно-нормативный ресурс современного общества	320
<i>Н. А. Козловец, П. Н. Лисовский.</i> Мудрость как духовный способ осуществления жизнедеятельности современного общества.....	321
<i>Г. И. Колесникова.</i> Формула счастья: социально-философский анализ.....	322
<i>И. Н. Колядко.</i> Кризис как феномен культуры: социально-философский анализ	323
<i>В. О. Кондрашова.</i> Межпоколенный диалог как ресурс ценностного потенциала личности... ..	325
<i>Valeria Korablyova.</i> Ideological Transgressions after «The End of History».....	326
<i>П. П. Крусь.</i> Актуальные проблемы развития философского сообщества на современном этапе	327
<i>А. Л. Куши.</i> Базовые ценности личности	328
<i>А. С. Лаптёнок.</i> Этика добродетелей в современном социуме	330
<i>В. А. Латышева.</i> Ценностные категории в современной культуре	331
<i>И. И. Лецинская.</i> Роль философского знания в формировании культурно-исторической памяти.....	332
<i>Д. В. Майборода.</i> Диалогизм – это гуманизм?.....	333
<i>Г. А. Макарович.</i> Законы индивидуального развития: социально-философский аспект....	334
<i>Д. В. Малахов.</i> Проблема определения субстанциального основания ценностного действия в современной аксиологии.....	335
<i>А. К. Мамедов.</i> Новая миссия университета: храм науки или корпорация	337
<i>С. Г. Масько.</i> Генезис нравственности и современность	338
<i>А. П. Мельников.</i> К вопросу об особенностях становления общества постмодерна.....	339
<i>Е. Ю. Мик.</i> Проблема свободы совести как глобальный вызов современного общества....	340
<i>И. Ю. Никитина.</i> Ценности как ресурс социальной динамики	342
<i>А. Т. Павлова.</i> Социальное здоровье личности – основа здоровья нации	343

<i>О. А. Павловская.</i> Моральный фактор в историческом развитии социума	344
<i>М. А. Пронин.</i> Философия как экспертиза: к постановке проблемы.....	346
<i>Б. И. Пружинин.</i> Интегрирующая роль философского журнала на постсоветском пространстве: опыт «Вопросов философии».....	347
<i>Н. Н. Рыбка.</i> Политико-идеологическая конъюнктура и статус философии в обществе...	348
<i>В. А. Салеев.</i> Неоаксиология: сфера ценностей и оценок	349
<i>А. В. Смирнов.</i> Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня.....	350
<i>В. С. Стёпин.</i> Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей	352
<i>А. Л. Стризов.</i> Риски цивилизации как фактор трансформации философского знания	354
<i>Л. Б. Султанова.</i> Пассионарность в контексте глобализации	355
<i>Л. И. Тогузова.</i> Дружба как ценность в глобальной этике	356
<i>А. А. Ткаченко.</i> Философия в контексте вызовов современного общества	357
<i>В. Н. Усский.</i> Семья как духовно-нравственный и экономический феномен	358
<i>О. И. Уткевич.</i> Патриотическая социализация и становление совместного сознания	359
<i>З. Н. Хабибуллина.</i> Общество знания: за и против	360
<i>А. Н. Чумаков.</i> Основное противоречие современной эпохи: сущность и подходы к преодолению	361
<i>Л. А. Шашкова.</i> Доверие и разногласия: неклассический подход социальной эпистемологии	363
<i>Ю. И. Шпилькин.</i> Когнитивный диссонанс распада СССР	364
<i>Н. С. Щёкин.</i> Диалог церкви и государства в контексте цивилизационно-культурного кода Беларуси	365
<i>Н. К. Эйнгорн.</i> Моралепатия достоинства и чести.....	366
<i>Ф. Х. Юлдашева.</i> Духовное обновление в условиях глобализации	367
<i>И. Н. Ясна.</i> «Публичный поворот» и становление публичной гуманитаристики (на примере Украины)	368
2.2. Устойчивое развитие и высокие технологии как актуальные приоритеты социодинамики	370
<i>О. Е. Баксанский.</i> Конвергентные и природоподобные технологии.....	370
<i>Х. А. Барлыбаев.</i> Об уровнях взаимодействия природы, человека и общества	371
<i>В. П. Барышков.</i> Безопасность инновационной трансформации: социально-философский анализ	372
<i>М. В. Бейлин.</i> Технологические возможности и социальные вызовы новой промышленной революции	373
<i>А. Б. Богданович, В. Н. Сергеев.</i> Философские аспекты формирования культуры безопасности жизнедеятельности	374
<i>Е. В. Бочарова.</i> Изменение пространства жизнедеятельности человека под влиянием экологических угроз	375
<i>П. М. Бурак.</i> Методологические проблемы коэволюционной стратегии в контексте идей ноосферной безопасности	376
<i>П. А. Водопьянов, Р. Роса.</i> Вызовы и риски в условиях глобальной нестабильности	378
<i>К. С. Волнистая.</i> Симбиоз философии и технических наук на примере «зеленой химии»...	379
<i>Л. О. Ворошуха.</i> Динамика стандартов потребления в контексте глобальной экологической проблемы	380
<i>М. В. Горбатюк.</i> Экологический терроризм как социальный феномен.....	381
<i>А. А. Гордиенко.</i> Духовные основания «человекостояния» и НБИКС-технологии	382
<i>Р. И. Жданов.</i> Философия здоровья: трансдисциплинарный подход	383
<i>Н. Е. Захарова.</i> Интердисциплинарность методологии экологического сознания: социальность, рациональность, психологизм.....	384

<i>В. Н. Калмыков.</i> Философия как способ понимания устойчиво-динамического преобразования социума.....	385
<i>П. С. Карако.</i> Автотрофная цивилизация: миф или реальность.....	387
<i>В. А. Карпиевич.</i> Чрезвычайные ситуации в свете глобальных проблем современности ..	388
<i>О. Н. Козлова.</i> Устойчивое развитие и пути выхода из социокультурного кризиса	389
<i>А. Д. Королёв.</i> Глобальные тенденции XXI века: философский взгляд в будущее	390
<i>Н. А. Лазаревич.</i> Направления эволюции человека и техносферы: конвергентные технологии	391
<i>С. В. Лапина.</i> Метагендерный подход как актуальная методология научного обоснования стратегий устойчивого развития	392
<i>И. К. Лисеев.</i> Роль экологических факторов в становлении глобализирующегося мира ...	393
<i>В. В. Мельничук.</i> Религиозное осмысление современной экологической этики.....	394
<i>Н. И. Мушинский.</i> Этические вызовы научно-технического развития постсовременности и проблема справедливости.....	395
<i>В. А. Никитенко, Э. К. Никитенко.</i> Концепция ноосферного мировоззрения как основа устойчивого развития современной цивилизации	397
<i>Д. С. Новиков.</i> Формирование готовности человека к деятельности по укреплению здоровья: миссия педагога XXI в.	398
<i>В. В. Подкопаев.</i> Высокие технологии для проекта «Экономического пояса Шелкового пути»: развитие экспортоориентированного сотрудничества Национальной академии наук Беларуси.....	399
<i>И. К. Русанду.</i> Устойчивое развитие как модель цивилизационной динамики	401
<i>В. К. Савченко.</i> Геном и будущее человека: конвергенция технологий и этические риски их применения.....	402
<i>Ю. А. Семёнова.</i> Природосоциальные технологии как инструмент управления здоровьем человека.....	403
<i>В. В. Слюсарев.</i> Концепция коэволюции и перспективы соразмерного развития	404
<i>С. Н. Соколова, А. А. Соколова.</i> Ценности безопасности человека и общества	405
<i>С. Н. Соколова.</i> Сфера безопасности социума и гибридные войны	406
<i>Н. М. Солодуха, М. Н. Солодуха.</i> Космическая экология как раздел глобальной экологии	407
<i>Л. А. Сосновский, А. А. Лазаревич, С. С. Щербаков, Е. С. Таранова.</i> Качество жизни: много статистики и немного философии.....	408
<i>А. И. Сыкало.</i> Атрибутивная теория и императивная этика устойчивого развития	410
<i>М. Б. Тиркашева.</i> Устойчивое развитие: социально-экологические контексты.....	411
<i>П. Д. Тищенко.</i> Социотехнические мнимости и их роль в формировании будущего NBIC-технологий	412
<i>В. И. Фалько.</i> Гуманитарная составляющая конвергентных технологий.....	413
<i>Е. В. Хомич.</i> Переход от Homo Economicus к Homo Ecologicus как вектор ценностной трансформации современной культуры	414
<i>А. С. Червинский.</i> Роль философии в формировании социоэкологических концепций	415
<i>С. П. Чумак.</i> Промышленное природопользование как объект научного исследования ...	416
<i>В. Н. Шаповал.</i> Гармония в умах людей – гармония в социуме – гармония человека с природой.....	417
<i>К. А. Шумскі.</i> Этнаэкалагічны падыход да традыцыйнай культуры ў кантэксте ўстойлівага развіцця	418
2.3. Современные общества на путях модернизации: проблемы и перспективы.....	420
<i>А. Г. Анастасьев.</i> Влияние глобализации на изменение социальной идентичности	420
<i>В. В. Анохина.</i> Модернизация как стратегический тренд поздней современности	421
<i>Т. Т. Ахмедова.</i> Проблемы социокультурной трансформации в обществах постсоветского пространства	422

<i>Marina Vadileanu. Principiile Economice ale Proceselor de Integrare în Europa</i>	423
<i>Н. Р. Барабанова. Этический аспект корпоративной политики</i>	424
<i>И. А. Барсук. Теоретико-методологические проблемы экономической науки: история и современность</i>	425
<i>В. А. Белокрылова. Аксиологическое наследие марксизма в идеологии и практике социального проектирования</i>	426
<i>О. В. Беркова. Тенденции общественного развития в аспекте трансформации социально-экономических систем</i>	427
<i>А. М. Бобр, В. Т. Новиков. Власть как фактор риска социодинамики: философско-психологические аспекты</i>	429
<i>В. П. Веряскина. Современный российский капитализм и персональная модернизация</i>	430
<i>В. Г. Воронкова. Идеология ноосферного развития как конструктивно-мобилизующая сила современного общества в условиях кризиса</i>	431
<i>Е. Ф. Гонгало. Модель виртуализации общества как проект новой теории общественных изменений</i>	432
<i>О. А. Денисенко. Проблема формирования гражданской культуры в ценностно-нормативной системе общества</i>	433
<i>С. П. Донцев. Ценностные основания процессов современной секуляризации</i>	435
<i>А. М. Дубравина. Социальные иллюзии как философская проблема</i>	436
<i>В. С. Жук. Глобализационная динамика как объект научного анализа</i>	437
<i>О. Н. Заец. Коррупция как проблема социальной онтологии</i>	438
<i>М. Р. Зазулина. Становление института местного самоуправления в развивающихся обществах</i>	439
<i>О. Б. Истомина, Т. Б. Анишукова. Социальное самочувствие пенсионеров на современном этапе российского общества</i>	440
<i>Ч. С. Кирвель. Глобальный капитализм как источник угроз и рисков современного социума</i>	441
<i>И. О. Кудрякова. Проблема генезиса социального в интерпретации П. А. Кропоткина</i>	442
<i>В. В. Кузнецов. Леворадикальное направление христианства об альтернативах общественного развития</i>	443
<i>А. И. Левко. Диалектика социального развития в концепциях «закрытого» и «открытого» общества</i>	445
<i>О. А. Левко. Социальное время как категория социальной философии</i>	446
<i>Л. Е. Лойко. Историческая память в условиях трансформации информационного общества</i>	447
<i>Liu Xin-Miao, Lan Guo-Qiao. On the Modernity of the Philosophical Connotation of Public Spirit</i>	447
<i>А. С. Малмыгин. Социально-событийная динамика: философский анализ</i>	448
<i>М. Ю. Мартынов. Особенности концептуализации социального пространства в анархизме</i>	449
<i>Т. В. Медведев. Потенциал исторической иронии в социально-культурной динамике</i>	450
<i>А. П. Мядель. Проблема определения приоритетных направлений модернизации белорусского социума</i>	451
<i>С. А. Мякчило. Статус и методологический потенциал марксистской философии в практике социальной модернизации</i>	452
<i>Д. И. Наумов. Проблема конструирования социальной памяти и молодежная солидарность</i>	454
<i>И. В. Нечаева. Ценностно-мировоззренческие установки в современном российском сельском социуме</i>	455
<i>Ю. Ф. Никитина. Человеческий капитал в условиях становления инновационной экономики в Республике Беларусь</i>	456
<i>О. В. Новикова. Публичное пространство в динамике современного города: социально-философский взгляд</i>	458

<i>В. В. Петрунин.</i> Секуляризм, постсекулярность и этические вызовы современности.....	459
<i>С. М. Поздьяева.</i> Модернизация России как социально-философский проект	460
<i>О. П. Пунченко.</i> «Шелковый путь-2»: инновационное измерение образовательной политики Китая.....	461
<i>М. И. Радкевич.</i> Понятие «идеологическое поле» как исследовательский инструмент	462
<i>О. А. Романов.</i> Перспективы развития восточнославянской цивилизации в глобальном социальном пространстве	464
<i>А. Ю. Савенко.</i> Феномен «отчуждения революции» в контексте глобальной социодинамики	465
<i>Дилбар Сагдуллаева.</i> Процессы либерализации общественной жизни в современном Узбекистане.....	466
<i>В. В. Самсонов.</i> Системообразующие элементы сельских сообществ России и их динамика.....	467
<i>О. В. Санфирова.</i> Предпринимательское мышление в ракурсе социально-философского анализа.....	468
<i>С. С. Семьянов.</i> Социально-философские методы изучения регионализации	469
<i>Simona Maria Stănescu.</i> Comparative Analysis of Unemployment Benefits Provided in Member States of the European Union.....	470
<i>Б. Н. Тарасов.</i> Актуальное значение русской историософской мысли в эпоху глобализации	471
<i>В. А. Тихонова.</i> Глобализация и цивилизационная модернизация	471
<i>周丹 陈若丹.</i> 现代性问题与中国经验—从马克思主义哲学中国化的视角看. Китайский опыт модернизации марксистской философии в Китае.....	473
<i>М. Н. Фомина, Д. В. Сухарев.</i> Китайский регионализм в контексте глобализации	473
<i>И. А. Червинская.</i> Стратегия и практика защиты белорусского экспортёра в условиях либерализации внешнеэкономической деятельности: теоретико-методологический контекст	474
<i>Н. Н. Яковлев.</i> Актуальные экспликации теории социального конфликта Р. Дарендорфа ...	475
2.4. Многообразие и диалог культур в ракурсе философского анализа	477
<i>М. А. Абрамова.</i> Социокультурный подход к анализу мультикультурализма: проблемы и перспективы.....	477
<i>Ю. В. Аленкова.</i> Формирование антропологической модели культуры в эпоху глобализации	478
<i>У. Л. Аляксандраў.</i> Данііл Андрэеў пра міжрэлігійны дыялог у глабальным свеце	479
<i>Л. В. Анжиганова.</i> Мир женщин в эпических сказаниях хакасов: основные архетипы.....	480
<i>А. В. Бабук.</i> Феноменология религии в творчестве Ч. Диккенса: от христианского оптимизма к кризисному скептицизму.....	481
<i>В. Н. Бадмаев, З. А. Хутыз.</i> Культурное многообразие и вызовы глобального мира	482
<i>Е. У. Байдаров.</i> Джадидизм и казахское просвещение в евразийском социокультурном пространстве.....	483
<i>Ю. Л. Баньковская.</i> Межкультурное взаимодействие конфликтующих структур: особенности и тенденции.....	484
<i>Т. В. Бернюкевич, Е. Ю. Захарова.</i> К вопросу о механизмах взаимодействия культур в глобализирующихся обществах	486
<i>М. И. Билалов.</i> Методологические императивы осмысления евразийского социокультурного пространства	487
<i>С. И. Бойко.</i> Философия мультикультурализма: дискурс о политической амбивалентности самоидентификации в Союзном государстве Беларуси и России.....	489

<i>О. А. Борисенко.</i> Диалог в контексте глобальных проблем современности	490
<i>В. Л. Васюков.</i> Стратегии толерантности	491
<i>М. И. Веренич.</i> Культурный капитал в контексте современных социально-экономических трансформаций	492
<i>Ю. В. Гаврилова.</i> Синкретизм религий и проблема стабильности трансграничных регионов	493
<i>Ю. Ю. Гафарова.</i> Проблема оснований межкультурной коммуникации в концепции коммуникативной рациональности Карла-Отто Апеля	494
<i>А. А. Гезалов.</i> Культура на службе толерантности сосуществования народов и государств	495
<i>Е. В. Давлатова.</i> Межкультурные коммуникации в современном полиэтническом обществе	496
<i>В. А. Дудинская.</i> Репрезентативные гештальты базовых национальных ценностей в культурных практиках современной эпохи	497
<i>А. И. Екадумов.</i> Лояльность и моральное самосознание в кросскультурной коммуникации	498
<i>Е. А. Ерохина.</i> Этническое многообразие и проблема неравенства в современном мире ...	499
<i>К. Р. Еськевич.</i> Проблематика белорусской национальной идентичности в современном социально-гуманитарном дискурсе	500
<i>З. Р. Жукоцкая.</i> Философия и культура: парадигмальные аспекты гуманистического дискурса	502
<i>Т. В. Зайковская.</i> Консолидирующий потенциал христианства	503
<i>Д. М. Зайцев.</i> Паломничество как путь к себе	504
<i>В. И. Ивлева.</i> Формирование религиозной идентичности в условиях информационного общества	505
<i>В. И. Исмаилов.</i> Международный полилог в условиях глобализации	506
<i>И. И. Калачёва.</i> Межкультурный диалог как условие эффективной социальной коммуникации белорусских и иностранных студентов	507
<i>Ю. В. Колесниченко.</i> Концепция «симфонической личности» в философии классического евразийства	508
<i>М. В. Коляшко.</i> Дом и граница – точки отсчета культурного бытия	510
<i>Н. С. Кондакова.</i> Провинциальный человек в глобальной культуре	511
<i>К. И. Кофанов, А. А. Сулейков.</i> Философия и гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений	512
<i>В. В. Кравченко.</i> Культура как макрокосмический виртуальный мир	513
<i>О. В. Курбачёва.</i> Эскалация этнокультурной напряженности в период глобальных вызовов	514
<i>Г. А. Макаревич.</i> Проблема сакрального в современном обществе	515
<i>В. В. Мальченко.</i> Проблема культурной границы в парадигме сложности	516
<i>Yuri Maslov, Thomas Beavitt.</i> Transcultural communication online: song translation	517
<i>Т. И. Матюшкова.</i> Цивилизации Востока и Запада: диалог и перспективы	518
<i>Т. Г. Мдивани.</i> Специфика музыкальной сущности в эпоху постмодернизма (на примере авангардной композиторской практики)	519
<i>Н. В. Медведев.</i> Проблема понимания иных культур: методологический аспект	520
<i>О. А. Мельник.</i> Социокультурный механизм гармонизации межэтнических отношений в поликультурном обществе	521
<i>Л. Ф. Мирзазаде.</i> Мультикультурализм: «отторжение» или «взаимодействие»?	523
<i>И. Б. Михеева.</i> Взаимодействие органов государственной власти и организаций белорусской диаспоры в Республике Польша: законодательный и институциональный аспекты	524
<i>И. М. Наливайко.</i> Межкультурная коммуникация в пространстве повседневности	525
<i>М. Ю. Невелёв.</i> Религиозное сознание как объект психологического моделирования	526

<i>И. И. Осинский.</i> Евразийство как философская проблема.....	528
<i>В. Л. Петрушак.</i> Циклы Восток–Запад в глобальной социодинамике	529
<i>Т. А. Працкевич.</i> Космополитическое мировоззрение как основа межкультурного диалога в XXI в.	530
<i>Е. В. Радевич.</i> Глобализация культуры как предмет философской рефлексии.....	531
<i>И. М. Ратникова.</i> Признание как нормативная основа межличностной коммуникации и кросскультурного диалога в современном мире	532
<i>Э. И. Рудковский.</i> Трансграничное сотрудничество и идеология.....	533
<i>С. Г. Савина.</i> Общее и особенное в культуре славянских народов	535
<i>Л. В. Сенницкая.</i> Культура как «экологическая ниша» человека.....	535
<i>Mona Simi.</i> The Discourse of Pop-Rock / Folk Songs in Romania Today, with an Accent on «Him and Her»: Values and Life Dilemmas Concerning the Young Generation.....	536
<i>М. А. Слемнёв.</i> Антропологическое измерение культурного пограничья	537
<i>Н. А. Смирнов.</i> Религия в современном белорусском обществе: социокультурный статус поликонфессиональности.....	538
<i>Т. М. Смирнова.</i> Белорусы в советском довоенном Ленинграде: национальная идентификация в контексте советизации	540
<i>И. Э. Соколовская.</i> Духовно-нравственный потенциал и проблемы религиозной идентичности человека в межконфессиональном общении	541
<i>С. В. Соловьёва.</i> Современный «гастрономический мультикультурализм» и мир привычного	541
<i>В. В. Старостенко.</i> Актуальные проблемы современного религиоведения в Беларуси....	542
<i>Н. Д. Субботина.</i> Негативная и позитивная роль суггестии в отношениях между этносами и религиозными группами	544
<i>Сунь Янь.</i> Взаимодействие китайской и русской культур в Северо-Восточном Китае в начале XX в.	545
<i>Ж. С. Сыздыкова.</i> Влияние медикоммуникации на поиски новой идентичности в условиях глобализации	546
<i>А. М. Тимохин.</i> Религиозный экстремизм в контексте классической доктрины толерантности	547
<i>Е. Б. Токтаров.</i> Нация в условиях информатизации жизни общества: кризис идентичности	549
<i>Р. А. Тукаева.</i> Культурное сознание и символы.....	550
<i>Э. А. Усовская.</i> Постмодернизм как тип культуры	551
<i>К. О. Успенский.</i> Религиозный мистицизм как феномен духовной культуры.....	551
<i>М. Н. Фомина.</i> Онтологичность диалога культур.....	553
<i>А. К. Хаялева, Э. Ю. Гареева.</i> Практики культурной идентификации и язык философии	554
<i>Л. А. Цибизова.</i> Киноискусство и специфика его восприятия в современной культуре	555
<i>А. С. Цмыг.</i> Влияние религиозного фактора на формы социального поведения в среде верующих-старообрядцев	556
<i>О. А. Шершинева.</i> Социокультурный статус Беларуси как пограничья	557
2.5. Философия образования и социальные инновации	559
<i>Г. А. Абрахматова.</i> Реформы в образовании и формирование современной личности	559
<i>С. Д. Базарова.</i> Пути оптимизации учебного процесса в непрерывной подготовке.....	560
<i>Е. С. Баразгова.</i> Риск межсистемной коммуникации высшего образования и рынка профессий и занятости	561
<i>В. Ф. Берков.</i> Логика и диалектика как фундамент практико-ориентированного философского образования.....	562
<i>И. А. Бирич.</i> Вклад философии русского космизма в идеи ноосферного образования	563

<i>А. М. Бобр.</i> Философское образование в Республике Беларусь в эпоху его интернационализации	564
<i>А. И. Бойко.</i> Роль образования в обществе знаний	565
<i>Liuba Botezatu.</i> The Evidence Theory and Methodology of Axiological Completions in the Context of Philological Training.....	566
<i>Т. В. Ботиров, С. О. Худжиев.</i> Новые педагогические технологии – повышение активной роли обучаемых в профессиональных колледжах.....	567
<i>С. А. Бурьянов.</i> Роль науки и образования в поиске ответов на глобальные вызовы и риски	568
<i>С. В. Бутенко.</i> Роль государства в становлении исторической идентичности (философско-образовательный аспект)	569
<i>М. И. Вишневецкий.</i> Контуры искомого мировоззренческого синтеза.....	570
<i>Л. Д. Глазырина.</i> Этические дилеммы в деятельности будущих специалистов педагогического профиля	571
<i>С. В. Голубев.</i> Философия и государственный суверенитет.....	572
<i>И. А. Горьков.</i> Определение философии как проблема философии образования.....	573
<i>Н. Ф. Гребень.</i> Национальное воспитание и проблема сохранения и укрепления идентичности белорусов.....	575
<i>С. А. Данилевич.</i> Философско-мировоззренческий диалог и современное образование....	576
<i>И. И. Дыдышко.</i> Техническое знание в структуре ноосферно-информационной парадигмы образования	577
<i>В. А. Журавлёв.</i> Развитие интеллекта и креативных способностей у студентов и учащихся – важная задача системы образования	578
<i>М. И. Заславская.</i> О проблеме сохранения национальной идентичности в условиях интеграционных процессов в системе высшего образования.....	579
<i>Е. В. Каранфилова.</i> Философия диалога как методологическая база образования.....	580
<i>Л. А. Карпец.</i> Кризис духовности в технологизированной образовательной среде	582
<i>П. В. Кикель.</i> Математизация образования как объективная закономерность его развития	583
<i>С. В. Кирпич.</i> Система образования как интегратор современного социально-экономического развития	584
<i>М. С. Ковалевич.</i> Философско-методологические основания и принципы профориентационной деятельности	585
<i>Л. Р. Кондратюк, О. А. Розумович.</i> Педагогическое мышление в контексте образовательной евроинтеграции: новые контуры и проблемы.....	586
<i>А. Д. Король.</i> «Логос» и «Дао» образования: Куда идет педагогическая наука (Философско-методологический аспект)	587
<i>С. В. Костюкевич.</i> Сфера образования: глобальные тренды.....	589
<i>С. П. Кулик.</i> Образование перед лицом глобальных вызовов постписьменной культуры	590
<i>Т. А. Лопатик.</i> Гуманитаризация как современная образовательная тенденция	591
<i>С. Г. Масько, О. М. Старикова.</i> Компетентностный подход в современном белорусском образовании	592
<i>О. А. Матусевич.</i> О пользе когнитивных наук для историографии	593
<i>О. А. Машкина.</i> Образование в Российской Федерации и Китайской народной Республике: факторы влияния и перспективы развития.....	594
<i>Ю. Г. Мелкумян.</i> Философские проблемы инклюзивного образования.....	595
<i>Е. Г. Наумова.</i> Вызовы корпоративного образования: социально-философский анализ ...	596
<i>С. Г. Новиков.</i> Формирование «Номо Creator»: образование перед лицом вызовов XXI в.	597
<i>В. В. Петров.</i> Высшая школа в условиях формирования общества знания в России: реформы и последствия.....	598

<i>С. Е. Покровская.</i> Профессиональное самоопределение учащейся молодежи.....	599
<i>О. И. Попова.</i> Требования и риски гуманитарного образования: социологический аспект.....	600
<i>В. А. Прохода.</i> Особенности восприятия учебного процесса студентами-философами в России	601
<i>Н. О. Пунченко.</i> Интеллектуальный потенциал ноосферно-информационной парадигмы образования.....	602
<i>Л. А. Пшеницына.</i> Проблема формирования гуманистических ценностей у современной молодежи	603
<i>Л. Е. Романенко.</i> Роль и статус искусства в современном образовании	605
<i>И. Б. Савелова.</i> Философские аспекты развития поликультурности в области образования.....	606
<i>В. Н. Сидорцов.</i> Качества личности профессионала социально-гуманитарных дисциплин.....	607
<i>Л. С. Сироткина.</i> Актуальные проблемы современного логического образования в России....	608
<i>А. С. Соколова.</i> Условия формирования сетевого образовательного сообщества в информационном обществе	609
<i>Э. М. Сороко.</i> Пути совершенствования образования в условиях XXI века	610
<i>В. Э. Терехович.</i> Квантовые эксперименты как иллюстрация к курсу «Философия науки»....	612
<i>Л. Г. Титаренко.</i> Цивилизационные вызовы современности и модернизация системы высшего образования: методологическая роль философии образования	613
<i>Т. Е. Титовец.</i> Философия и эволюция образования как системы	614
<i>М. Г. Хохлова.</i> Национальные системы образования в глобальном мире.....	615
<i>В. В. Цацарин.</i> Историческое познание: наука или искусство?	616
<i>О. Н. Шкор.</i> Блокчейн в образовании	617
<i>Нигора Эркабоева.</i> Национальные особенности образования в Узбекистане.....	618
<i>В. Н. Яхно.</i> Информационные технологии как фактор динамики университетского образования.....	619
2.6. Человек в рискогенном обществе: этические и социально-коммуникативные контексты.....	621
<i>Т. И. Адуло.</i> Современный человек в естественнонаучном, философско-антропологическом и социально-философском измерениях	621
<i>Е. К. Агеевкова.</i> Специфика социальной коммуникации в пропаганде группировки «Исламское государство»	622
<i>О. В. Акмаева, Н. И. Грибанов.</i> Культурологические аспекты взаимодействия армии и женщины	623
<i>А. В. Баранова.</i> Особенности личности спортсменов в маскулинных видах спорта	624
<i>О. А. Беленкова.</i> Национальная идеология в контексте социально-коммуникативного пространства современного рискогенного общества.....	625
<i>Е. В. Беляева.</i> Моральная субъектность человека как контекст его конструирования.....	627
<i>В. Ф. Берков.</i> Социальная коммуникация и аргументация.....	628
<i>Л. М. Богатова.</i> Онтология гендерного казуса постмодерна	629
<i>В. В. Богаченко.</i> Человек как машина «мемов» в условиях глобализации.....	630
<i>В. В. Бурсевич.</i> Метаморфозы биомедицинской этики в эпоху информационных технологий	631
<i>В. П. Верякина.</i> Трансформация человеческого потенциала под влиянием биомедицинских технологий	633
<i>Hermes Varini.</i> The Human Condition of Power: an Ontological and Anthropological Perspective	633
<i>Roberts Viksne.</i> Influencers on Social Media – Trust, Trends, and Business.....	634
<i>А. А. Владимиров.</i> Человек как объект философского исследования	635

<i>И. Г. Возмитель.</i> Защита человека в условиях переформатирования этических императивов современной культуры	636
<i>Л. М. Газнюк.</i> Флэш-имидж как телесно-чувственный аналог личности.....	637
<i>Ю. Ю. Гафарова.</i> «Третье пространство» как место коммуникации.....	638
<i>Raimonds Gekišs.</i> Latvian Sport Journalism.....	640
<i>О. Я. Гойхман.</i> Социальная коммуникация в Интернете: взаимодействие с реальностью ...	640
<i>О. Ю. Голуб.</i> Использование Интернета как вид социальной практики	641
<i>Л. М. Гончарова.</i> Рискогенные аспекты коммуникации в современном социуме.....	643
<i>Н. И. Гончарова.</i> Глобализация виктимности как один из цивилизационных рисков современности	644
<i>О. Е. Гончарова.</i> Проблема безопасности сложной макросистемы «водитель–автомобиль–среда» в контексте постнеклассики и теории сложностей.....	645
<i>Л. В. Горохова.</i> Страх как экзистенциал современного человека	647
<i>С. В. Гуськова.</i> Полемика аудитории социальной сети «Одноклассники» вокруг публикаций в региональных массмедиа (на примере Тамбовской области)	647
<i>Е. А. Гриневич.</i> Паноптизм электронного дневника	649
<i>О. И. Давыдик.</i> Перспективы гендерных штудий в академическом пространстве Республики Беларусь.....	650
<i>И. И. Екадумова.</i> Рискогенные аспекты развития Интернета вещей	651
<i>Е. И. Жук.</i> «Нетелефонный разговор»: технические средства коммуникации и проблема понимания	652
<i>С. П. Жукова.</i> Прикладная этика в перспективе трансдисциплинарности.....	653
<i>С. Г. Иняшкин.</i> Научная фантастика А. Азимова: Эволюция человека через роботизацию.....	654
<i>С. Т. Кавецкий.</i> Некоторые особенности Интернет-пространства через призму аддиктивного поведения.....	655
<i>М. Кожевникова.</i> «Animal Enhancement» и «Disenhancement» в контексте этической интерпретации.....	657
<i>А. В. Колик.</i> Роль социального маркетинга в коммуникационной стратегии бренда	658
<i>С. Н. Коневец.</i> Проектирующее воздействие: социальные установки и стандарты как специальный набор социального влияния и давления	659
<i>Н. В. Корытникова.</i> Социальные риски при использовании дополнительных функций и программ для безопасной работы в Интернете	660
<i>А. Д. Кривалап.</i> Канцэпцыя нарматыўнай віртуальнасці пад час сацыяльнай камунікацыі ў Інтэрнэце	661
<i>И. О. Кудрякова.</i> Социальная коммуникация и границы анархизма.....	662
<i>Т. В. Купчинова.</i> Этический аспект рискованной коммуникации	663
<i>Ч. К. Ламажаа.</i> О необходимости гуманитарной экспертизы традиционных технологий конструирования человека.....	664
<i>Е. Н. Лебедева, М. А. Демидова.</i> Опыт организации системы социальных коммуникаций в системе ротации кадров японского менеджмента и возможности его использования в условиях белорусской экономики	665
<i>И. Ю. Лемец.</i> Деньги как универсальный инструмент социальной коммуникации в экономике и культуре	666
<i>К. В. Литвякова, И. В. Машницкий.</i> Зависимость от онлайн-игр как с оциальный риск....	668
<i>Е. С. Лученкова.</i> Профессиональная социализация женщины через кризис гендерной идентичности: проблема исследования	669
<i>А. А. Мельников.</i> Концептуальные подходы к рассмотрению процесса социального конструирования телесности.....	670
<i>С. Н. Мизякина.</i> Эмпатическая и манипулятивная коммуникация: точки пересечения....	671
<i>Т. В. Мишаткина.</i> «Открытые» коммуникативные проблемы глобальной биоэтики	672

<i>М. Ю. Мореханова.</i> Информационная компетентность как фактор детерминации альтернативных решений	673
<i>А. М. Мясоедов.</i> Система ценностей в медицинской среде на современном этапе.....	674
<i>О. Я. Надьбыская.</i> Гендерное равенство в общественном сознании постсоветского пространства	675
<i>А. И. Нафикова.</i> Человек и общество в концепции трансгуманизма.....	676
<i>Ю. В. Никулина.</i> Электронные коммуникации в системе государственного управления ...	677
<i>В. А. Палицын.</i> Эффект межличностной коммуникации в команде	678
<i>В. Ю. Перов.</i> Нейроэтика и нравственные конфликты	680
<i>Л. И. Подгайская.</i> Социокультурный феномен модификаций тела.....	681
<i>Д. В. Полянский.</i> Проблема численности и классификации гендеров.....	682
<i>М. М. Рогожа.</i> Принципы биоэтики в ценностных измерениях общества риска	682
<i>О. А. Руденко.</i> Процесс коммуникации «политик-избиратель»: социологический аспект модели «рационального» и «зависимого» избирателя	683
<i>Liliana Rusu.</i> New Means of Forming Public Opinion	685
<i>А. Я. Сарна.</i> Проблема инклюзивности в сетевом (со)обществе.....	686
<i>С. З. Семерник.</i> Антропологические вызовы современности в контексте смены технологических укладов	687
<i>Е. В. Сергеева.</i> Особенности коммуникации риска в современном социуме.....	688
<i>И. Н. Сидоренко.</i> Социальное насилие: сущность и основные подходы исследования	689
<i>Т. М. Смоликова.</i> Чат-бот как высокотехнологичное средство интегрированных коммуникаций.....	690
<i>И. А. Снежкова.</i> Образ власти и народа в России, Украине и Беларуси в представлениях российской молодежи	692
<i>В. Н. Соколыч.</i> Современная биоэтика как междисциплинарная коммуникативная «площадка» XXI века	693
<i>А. П. Соловей.</i> Виртуальная реальность как пространство социальной коммуникации....	695
<i>Н. А. Степаненко.</i> Биоэтика в контексте социальной динамики	696
<i>А. И. Столетов.</i> Этика в эпоху научно-технической революции.....	697
<i>Д. В. Столяров.</i> Особенности реализации проекта гендерного равенства в социальном пространстве современной Беларуси	698
<i>М. С. Терещенко.</i> Информация как фактор риска в принятии управленческих решений	699
<i>О. В. Терещенко.</i> Рискогенность Интернет-пространства	700
<i>В. Н. Тимченко.</i> «Не повторяешься, значит не существуешь»	701
<i>Е. А. Тихомирова.</i> Речевое воздействие в текстах френд-ленты Facebook'a как разновидность социальных рисков в коммуникативном пространстве	702
<i>Т. М. Хусяинов.</i> Информатизация трудовых отношений и формирование новых ценностей.....	703
<i>Н. А. Чащин, К. В. Скребцова.</i> Современная персонализированная медицина: этические аспекты	704
<i>Ю. В. Черновицкая.</i> Агрессивность человека и изменение понятия ответственности	705
<i>Н. В. Шаповал.</i> Насилие как момент власти: pro et contra.....	706
<i>Е. Н. Шульга.</i> Концептуальное многообразие проблематики социальной коммуникации	707
<i>Л. И. Щербич, С. В. Щербич.</i> Феномен чайлдфри как порождение общества потребления: гендерное измерение.....	709
Сведения об авторах	711

Научное издание

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

**Тезисы Первого белорусского философского конгресса
(Минск, 18–20 октября 2017 года)**

Редактор *А. В. Волченко*
Художественный редактор *И. Т. Мохнач*
Технический редактор *О. А. Толстая*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 10.10.2017. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 62,24. Уч.-изд. л. 49,7. Тираж 400 экз. Заказ 198.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.